

Эүгзү
Ёсикава

ЦЕСТЬ САМУРАЯ

Роман классика японской литературы посвящен реальным историческим событиям XVI века, когда в Японии шла жестокая борьба за власть между разрозненными самурайскими кланами. В центре романа – жизнь легендарного воина Тоётоми Хидэёси, прошедшего путь от сына простого крестьянина до военного правителя Японии. Сам император пожаловал ему высший придворный титул – тайко. Хидэёси, став самураем, провел лучшие годы жизни в бесконечных сражениях, совершенствуя военное мастерство, и в конце концов объединил отдельные княжества и укрепил свое владычество над страной. Его щедрое покровительство наукам и искусствам на закате дней привело к возникновению феномена, названного впоследствии японским Возрождением.

Роман Э. Ёсикавы полностью вписывается в традиции японской литературы.

- [Эйдзи Ёсикава.](#)
 -
 - [Книга первая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [«Обезьяна! Обезьяна!»](#)
 - [Разбойник Тэндзо](#)
 - [Ружье Короку](#)
 - [Гора Золотого цветка](#)
 - [У нового хозяина](#)
 - [Глупый князь](#)
 - [Книга вторая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Красивый мужчина](#)
 - [Стены Киёсу](#)
 - [Заложник князя Ёсимото](#)
 - [Князь с чернёными зубами](#)
 - [Посредник](#)
 - [Книга третья.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Крепость на воде](#)
 - [Западня для тигра](#)
 - [Хозяин горы Курихара](#)
 - [«Живи по-соседски»](#)
 - [Странствующий сёгун](#)
 - [Книга четвертая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Враг Будды](#)
 - [Длинноногий Сингэн](#)
 - [Врата без ворот](#)
 - [Похороны живущих](#)
 - [Три княжны](#)
 - [Книга пятая.](#)

- [Персонажи и места действия](#)
 - [Закат Каи](#)
 - [Башни Адзути](#)
 - [Обезьяна идет на запад](#)
 - [Предательство Мурасигэ](#)
 - [Книга шестая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Долг вассала](#)
 - [Завещание Хамбэя](#)
 - [Люди божьи](#)
 - [Падение клана Такэда](#)
 - [Книга седьмая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Крепость в Озере](#)
 - [«Лысая голова!»](#)
 - [Храм Бога огня](#)
 - [«Пятьдесят лет под небом»](#)
 - [Книга восьмая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Вестник беды](#)
 - [Кровавые поминки](#)
 - [Пара ворот](#)
 - [Словесная война](#)
 - [Полночное предупреждение](#)
 - [Книга девятая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Снега Этидзэна](#)
 - [Чашка чаю](#)
 - [Военная хитрость Гэмбы](#)
 - [Верный друг](#)
 - [Книга десятая.](#)
 - [Персонажи и места действия](#)
 - [Грехи отцов](#)
 - [Монах-воин](#)
 - [Сокрушительный удар](#)
 - [Тайко](#)
 - [Эпилог](#)
-

**Эйди Ёсикава.
Честь самурая**

Книга первая.

Пятый год Тэммон.

1536

Персонажи и места действия

Хиёси – детское имя Тоётоми Хидэёси, тайко

Офуку – приемный сын Сутэдзиро

Онака – мать Хиёси

Оцуми – сестра Хиёси

Киносита Яэмон – отец Хиёси

Тикуами – отчим Хиёси

Като Дандзё – дядя Хиёси

Ватанабэ Тэндзо – глава разбойничьей банды самураев

Сутэдзиро – торговец гончарными изделиями

Хатидзука Короку – глава клана Хатидзука

Сайто Досан – князь провинции Мино

Сайто Ёситацу – сын Досана

Акэти Мицухидэ – вассал клана Сайто

Мацусита Кахэй – вассал клана Имагава

Ода Нобунага – князь провинции Овари

Киносита Токитиро – имя Хиёси, полученное при поступлении на самурайскую службу

Сибата Кацуиэ – глава клана Сибата, вассал князя Нобунаги

Хаяси Садо – один из самых влиятельных вассалов князя Нобунаги

Овари – место рождения Тоётоми Хидэёси, провинция, принадлежащая клану Ода

Киёсу – главный город провинции Овари

Мино – провинция, принадлежащая клану Сайто

Инабаяма – главный город провинции Мино

Суруга – провинция, принадлежащая клану Имагава

– Это моя пчела!

– Нет, моя!

– Врешь!

Ватага из семи-восьми мальчишек вихрем мчалась по полю, сшибая палками желтые метелки горчицы и белые цветы редьки. Они гонялись за медоносными пчелами, которых называли корейскими. Хиёси, сыну Яэмона, было шесть лет от роду, но его сморщенное личико походило на сливу-падалицу. Он не выдался ростом, однако почти никто во всей деревне не мог превзойти его в драках и иных шалостях.

– Дурак! – крикнул Хиёси, когда мальчишка покрупней в схватке из-за пчелы сшиб его с ног. Хиёси сделал подножку другому приятелю, когда тот нечаянно наступил ему на ногу. – Пчела достанется тому, кто поймает ее. Поймаешь, значит, твоя, – сказал он, проворно вскочив на ноги и схватив пчелу на лету. – Моя!

С пчелой, зажатой в руке, Хиёси отбежал шагов на десять. Он оторвал ей голову и крылышки, а остальное засунул себе в рот. Тельце пчелы наполнял мед. Для здешних детей, не знавших вкуса сахара, подобное лакомство было необыкновенным чудом. Косясь на мальчишек, Хиёси проглотил мед и облизнулся. Остальные глазели на него, истекая слюной.

– Обезьяна! – крикнул рослый мальчик по кличке Нио, единственный, с кем Хиёси не осмеливался тягаться. Почувствовав силу на своей стороне, к насмешкам присоединились и другие.

– Макака!

– Обезьяна!

– Обезьяна! Обезьяна! Обезьяна!

Теперь они кричали хором, даже Офуку, самый крохотный среди всех. Говорили, что ему восемь, но он не слишком перерос шестилетнего Хиёси. Лицом, правда, он удался куда краше: светлокожий, с правильными чертами. Сын состоятельного родителя, Офуку единственный из всех носил шелковое кимоно. На самом деле его звали не то Фукутаро, не то Фукумацу, но его имя было сокращено и, как это принято у сыновей в богатых семьях, начиналось с почтительного «О».

– И ты туда же! – воскликнул Хиёси, гневно взглянув на Офуку. Ему было наплевать, что другие называют его обезьяной, – все, но только не Офуку. – Или забыл, что я всегда заступаюсь за тебя, медуза ты бесхребетная?

Пристыженный Офуку промолчал. Он смутился и принялся грызть ногти. Он и был еще ребенком, но обвинение в неблагодарности ранило его куда больнее, чем сравнение с медузой. А другие мальчишки уже отвернулись: забыв о пчелах, они разглядывали облако желтой пыли, поднимающееся далеко в поле.

– Глядите-ка, войско! – закричал один из ребят.

– Самураи, – поправил другой. – Возвращаются с битвы.

Мальчишки замахали руками и завопили, приветствуя воинов.

Ода Нобухидэ, правитель Овари, и его сосед, Имагава Ёсимото, были заклятыми врагами, что постоянно приводило к стычкам на границе двух княжеств. Однажды войска Имагавы перешли границу, сожгли деревни и уничтожили посевы. В ответ войска Оды вышли из крепостей Нагоя и Киёсу и разгромили противника, истребив всех до последнего. На следующую зиму у крестьян не было ни еды, ни крыши над головой, но своего князя они не упрекали. Когда им выпадало голодать, они голодали; когда приходилось мерзнуть – мерзли.

Вопреки расчетам Ёсимото лишения только усиливали их враждебность к правителю соседнего княжества.

Здесь дети видели и слышали все это с самого рождения, поэтому они встречали войско своего князя с великой радостью. Радость при виде вооруженных людей они всосали с молоком матери.

– Бежим навстречу!

Они дружно бросились туда, где показалось войско, лишь Офуку и Хиёси по-прежнему стояли не спуская друг с друга глаз. Малодушный Офуку хотел было присоединиться к остальным, но взгляд Хиёси пригвоздил его к месту.

– Извини. – Офуку нерешительно подошел к Хиёси и положил ему руку на плечо. – Извини, ладно?

Покрасневший от гнева Хиёси дернул плечом, но, поняв, что Офуку вот-вот расплечется, несколько смягчился.

– Это все потому, что ты дразнил меня вместе с другими, – упрекнул он. – А они ведь и тебя дразнят. И китайчком называют, и по-всякому. Разве я когда-нибудь над тобой потешался?

– Нет.

– Даже китайчонок, если мы его приняли в свою шайку, становится таким же, как все. Я всегда так говорю, верно?

– Точно. – Офуку отер глаза грязной рукой, размазав по щекам темные разводы.

– Дурачок! А все из-за того, что ты хнычешь, когда тебя обзывают китайчком. Пошли-ка на воинов посмотрим. Быстрее, а то уедут! – Взяв Офуку за руку, Хиёси помчался вдогонку за остальными.

Из клубов пыли показались боевые кони и знамена. В войске было примерно двадцать конных самураев и две сотни пеших воинов. Следом шла пестрая толпа оруженосцев, несших длинные пики, копья и колчаны со стрелами. Свернув с дороги Ацута, они пересекли долину Инаба и начали подниматься на берег реки Сёнаи. Дети, успев опередить самураев, уже взобрались на высокий берег. Хиёси, Офуку, Нио и остальные сопливые сорванцы принялись рвать дикие фиалки и розы и бросать их в воздух.

– Хатиман! Хатиман! – кричали они во весь голос, взывая к богу войны. – Слава нашим победоносным воинам! – Встречая воинов в деревне или в чистом поле, дети неизменно приветствовали их таким образом.

И командир войска, и конные самураи, и пешие воины шествовали в полном молчании, их мужественные лица застыли, как маски. Они не остерегали детей, чтобы те не попались под копыта коням, и не отвечали на их восторженные возгласы хотя бы улыбкой. Этот отряд, похоже, был частью армии, отступавшей из-под Микавы, и с первого взгляда было ясно, что их там хорошо потрепали. И люди, и кони выглядели смертельно изнуренными. Раненые, залитые кровью, опирались на плечи товарищей. Запекшаяся кровь черным лаком блестела на остриях и на древках копий. Пыль так покрыла потные лица, что виднелись одни лишь глаза.

– Напоить лошадей! – приказал командир.

Конные самураи громким криком передали приказ по цепочке. Самураи спешили, остальные воины остановились как вкопанные. С тихими вздохами облегчения они повалились на траву.

Крепость Киёсу за рекой казалась отсюда совсем маленькой. Среди самураев был Ёсабуру, младший брат Оды Нобухидэ. Окруженный полудюжиной молчаливых соратников, он уселся на раскладной походный стул и уставился в небо.

Воины принялись перевязывать раны. Судя по их бледности и унынию, они потерпели

страшное поражение, но для мальчишек это не имело значения. Видя чужую кровь, они воображали себя омытыми кровью героями. Копья и пики, наконечники которых сверкали на солнце, убеждали в том, что враг истреблен. Гордость и восторг переполняли детские сердца.

– Хатиман! Хатиман! Победа!

Лошади напились, и мальчишки начали бросать им цветы, приветствуя их, как и людей.

Один из самураев, держа коня за поводья, обратился к Хиёси:

– Эй, сын Яэмона! Как поживает твоя мать?

– Вы это мне?

Хиёси подошел к самураю и посмотрел ему прямо в лицо, поражавшее суровостью. Кивнув, самурай положил руку на потную голову Хиёси. Лет ему было не больше двадцати. Ощувив тяжесть руки в кольчужной перчатке, принадлежащей воину, который только что возвратился с поля боя, Хиёси преисполнился великой гордостью.

«Неужели наше семейство водит знакомство с такими самураями?» – удивился он. Друзья, выстроившиеся рядом поблизости, видели, как счастлив Хиёси.

– Тебя ведь звать Хиёси, верно?

– Да.

– Хорошее имя. Правда очень хорошее имя.

Молодой самурай потрепал Хиёси по затылку. Воин расслабил пояс на кожаных доспехах и выпрямился, не сводя глаз с лица Хиёси. Внезапно какая-то мысль рассмешила самурая.

Хиёси умел быстро обзаводиться друзьями, даже среди взрослых. А сейчас – оттого, что к его голове прикоснулся незнакомец, да к тому же воин, – его большие глаза вспыхнули светом гордости. Он мгновенно обрел свое обычное красноречие:

– Но меня, знаете ли, никто не называет Хиёси, только мать и отец.

– Наверно, из-за твоего сходства кое с кем.

– С обезьяной?

– Хорошо, что ты это понимаешь.

– Именно так меня все и зовут.

– Ха-ха-ха!

У самурая был зычный голос, и хохотал он громко. Тут же засмеялись и другие самураи, а Хиёси с деланным равнодушием достал из-за пазухи стебельки проса и принялся их жевать. Сок с привкусом свежей зелени был сладок на вкус. Хиёси равнодушно выплюнул жвачку.

– Сколько тебе лет?

– Шесть.

– Вот как?

– Господин, а вы откуда?

– Я хорошо знаю твою мать.

– Неужели?

– Младшая сестра твоей матери часто заходит ко мне. Когда вернешься домой, передай матери мой поклон, скажи, что Като Дандзё желает ей доброго здоровья.

Краткий привал закончился. Конные и пешие выстроились в цепочку и пошли вброд через Сёнаи. Еще раз глянув на Хиёси, Дандзё торопливо сел на коня. С мечом и в доспехах он, казалось, лучился мощью и благородством.

– Скажи ей, что, когда все закончится, я заеду к Яэмону.

Дандзё гикнул, пришпорил коня и пустился вперекат догонять своих. Мутная вода заплясала вокруг копыт.

Хиёси, ощущая во рту вкус сочной травы, глядел ему вслед.

Каждый раз, когда мать Хиёси навевывалась в кладовую, она впадала в глубокое отчаяние. Зачем бы она ни шла – за соленьями, за зерном или за дровами, – что-нибудь непременно оказывалось на исходе. При мыслях о будущем ком подкатывал к горлу. У нее было только двое детей – шестилетний Хиёси и девятилетняя дочь Оцуми, – и оба, понятно, еще не могли по-настоящему ей помочь. Муж, искалеченный в бою, все время неподвижно сидел у очага и глядел в одну точку под висющим чайником, даже летом, когда в очаге не разводили огня.

«И эти вещи... Хоть бы они сгорели», – думала она.

В сарае у стены стояло копье с черным дубовым древком, над ним висели шлем пешего воина и нечто, похожее на часть старых доспехов. В дни, когда ее мужу доводилось воевать, это снаряжение было самым ценным его достоянием. А сейчас оно было покрыто пылью и ни на что не годно, подобно своему хозяину. Она каждый раз при виде оружия и доспехов содрогалась от отвращения. Мысли о войне леденили ей душу.

«Что бы ни твердил муж, мой Хиёси никогда не станет самураем», – решила она для себя.

В пору сватовства Киноситы Яэмона она считала, что самурай – самый достойный жених. Небольшой дом в Гокисо, в котором она родилась и выросла, принадлежал самурайскому роду, и хотя Яэмон был всего лишь пешим воином, он входил в число соратников Оды Нобухидэ. Когда они стали мужем и женой, дав обет «нажить тысячу коку риса», оружие и доспехи служили символом их надежд, более важным, чем домашняя утварь, которой ей хотелось обзавестись. Ныне эти бессмысленные предметы, без сомнения, будили воспоминания о счастливой поре их супружества. Как далеки юношеские мечты от действительности. Суровая участь подтачивала мать Хиёси под самый корень. Ее муж стал калекой, не успев прославиться в бою. Поэтому он вынужден был уйти со службы у князя. Первые полгода они едва смогли прокормиться, и в конце концов Яэмону пришлось заняться крестьянским трудом. Сейчас он уже не способен даже на работу в поле.

Пришлось женщине взяться за дело. Прихватив с собой обоих детей, жена Яэмона собирала листья шелковника, пахала, молотила просо, ежедневно борясь с нищетой. Но что же дальше? Много ли сил осталось в ее тонких руках? При мысли об этом на сердце становилось холодно, как в пустом амбаре... Она с трудом собрала еды на ужин – просо, немного сушеной редьки. Ей не исполнилось еще и тридцати, но тяжелые роды Хиёси придали ее коже цвет неспелого персика.

– Хиёси, я тут.

Хиёси помчался на голос матери и ухватил ее за руку, в которой была бамбуковая корзинка с едой.

– Сегодня я встретил на берегу одного твоего знакомого!

– Кого же?

– Самурай! Като, а дальше забыл. Он сказал, что знает тебя, и передал тебе поклон. Он положил руку мне на голову! Он долго со мной говорил!

– Это, верно, Като Дандзё.

– Он был с целым войском! Они возвращались после сражения. И конь у него отменный! Кто он?

– Дандзё живет неподалеку от храма Комёдзи.

– Правда?

– Он помолвлен с моей младшей сестрой.

– Как это – помолвлен?

– Что ты пристаешь?

– Я просто спрашиваю.

– Они собираются пожениться.

– Значит, он станет мужем твоей сестры? – Хиёси необычайно обрадовался этой новости и рассмеялся.

Мать, глядя на его хищную ухмыляющуюся мордочку, поневоле сравнила сына с беспокойным зверенышем.

– Мама, у нас в амбаре лежит такой большой меч, да?

– Ну меч. На что он тебе?

– А можно я возьму его? Он такой старьёй! Папе он все равно не нужен.

– Опять играть в войну?

– А что в этом плохого? Можно?

– Нет! Ни в коем случае!

– Но почему?

– Сам подумай, что скажут, если сын крестьянина начнет расхаживать с мечом.

– Но ведь когда-нибудь я стану самураем! – Хиёси топнул ногой, как ребенок, которому не дали игрушку. Он понял, что просить бесполезно.

Мать поглядела на него, и слезы навернулись ей на глаза.

– Глупенький! – обругала она его и, неловко стерев слезы, потащила за руку. – Хоть немножко помощи сестре, воды принеси!

– Нет! Нет! – сопротивлялся Хиёси, упираясь пятками в землю. – Нет! Ненавижу тебя! Дура! Ни за что!

Мать настойчиво тянула его за руку, но в этот миг из окна, занавешенного бамбуковой циновкой, послышался кашель и потянуло дымком из очага. Услышав голос отца, Хиёси сразу же понурился и примолк. Яэмону было под сорок, но, обреченный прожить остаток дней калекой, он обладал резким, хриплым голосом мужчины за пятьдесят.

– Вот пожалуй отцу, что с тобой нет сладу! – Пальцы матери разжались.

Хиёси закрыл лицо руками и тихонько заплакал.

Глядя на маленького мальчика, дерзкого не по годам, мать сокрушенно думала о том, что из него вырастет.

– Онака! Почему ты опять кричишь на Хиёси? Зачем воевать с собственным сыном да еще и плакать? – спросил Яэмон из-за окна болезненно-раздраженным тоном.

– Тогда сам накажи его! – укоризненно возразила Онака.

– За что же? – рассмеялся Яэмон. – За то, что он хочет поиграть с моим старым мечом?

– Да.

– Он ведь только хотел поиграть.

– Ему нельзя.

– Он ведь мальчик, к тому же мой сын. Что в этом дурного? Ну-ка, дай ему меч!

Онака изумленно поглядела в сторону окна и обиженно закусил губу.

«Я победил!» Хиёси возликовал, упиваясь своей победой, но через мгновение, увидев, как по изможденному лицу матери катятся слезы, он забыл о радости.

– Ой, пожалуйста, не плачь! Не нужен мне никакой меч. Лучше помогу сестренке. – Он понесся в кухню, где сестра через бамбуковую трубку раздувала огонь в глиняной печке.

Хиёси влетел в кухню с вопросом:

– Воды принести?

– Нет, спасибо, – ответила Оцуми, удивившись его порыву. Она недоуменно покачала головой.

Хиёси приподнял крышку бадейки для воды.

– Полное. Может, принести бобовую пасту?

– Нет, не приставай!

– Это я-то пристаю? Просто хочу тебе помочь. Что мне сделать для тебя? Может, соленья принести из амбара?

– Мама, кажется, собиралась принести.

– Ну, так что прикажешь мне делать?

– Веди себя хорошо. И мама будет довольна.

– А что, я разве плохо себя веду? Огонь есть? Давай я разведу! Ну-ка, подвинься!

– Сама справлюсь!

– Если ты только подвинешься...

– Погляди, что наделал! Все погасло!

– Врешь! Это у тебя все погасло!

– Неправда!

– Заткнись! – Хиёси, разозлившись на дрова, которые не хотели загораться, ударил сестру по щеке.

Оцуми, громко заплакав, позвала на помощь отца. Кухня и жилая комната располагались по соседству, поэтому голос отца тут же загрохотал в ушах у Хиёси.

– Не смей бить сестру! Мужчине недостойно поднимать руку на женщину. Хиёси, пооди сюда! – послышался приказ из-за тонкой перегородки.

Хиёси молча, с укоризной посмотрел на Оцуми. Мать вошла и застыла на пороге в отчаянии от того, что в доме, как всегда, ссорились.

Яэмон был строгим отцом, самым грозным на свете. Хиёси поплелся в соседнюю комнату. Он сел на татами, выпрямился и посмотрел на отца.

Киносита Яэмон сидел перед очагом. Под рукой у него был посох, без которого он уже не мог передвигаться. Его локоть покоился на деревянном ящичке с инструментами для вязания и плетения пеньки. Этим занятиям он, впрочем, предавался лишь под настроение. Таким образом он вносил скудную лепту калеки в доход семьи.

– Хиёси!

– Слушаю, отец.

– Не огорчай мать.

– Хорошо.

– И не ссорься с сестрой. Подумай о своем поведении. Как ты будешь вести себя, став взрослым, как будешь обращаться с женщинами, которые нуждаются в заботе?

– Но я... но я же не...

– Помолчи! Я пока не оглох! Я все о тебе знаю и о твоих проделках, хотя никогда не выхожу из этой комнаты.

Хиёси задрожал. Он свято верил каждому слову отца. Яэмон не мог скрыть любовь, которую он питал к единственному сыну. Рука и нога изувечены, но благодаря сыну он, как казалось ему, будет жить вечно. Взглянув на сына, Яэмон сменил гнев на милость. Отец должен быть лучшим судьей своему ребенку. Яэмон даже в самом благодушном настроении не мог вообразить, что этот невзрачный соплиивый мальчишка со временем способен превзойти родителей и возродить славу семьи. И все же Хиёси был его единственным сыном, и Яэмон лелеял в душе несбыточные надежды.

– Этот меч в сарае... Хочешь получить его?

– Ну... – Хиёси покачал головой.

– Отвечай вразумительно.

– Хочу, но...

– Так и говори!

– А мама не разрешает.

– Все потому, что женщины ненавидят оружие. Жди здесь!

Взяв посох, Яэмон нетвердо побрел в соседнюю комнату. В отличие от обычного жилища бедного крестьянина, в их доме было несколько комнат. Когда-то дом принадлежал родственникам Онаки. У Яэмона почти не было родичей, зато у его жены в округе жило великое множество родни.

Хиёси не наказали, но он по-прежнему чувствовал себя неуверенно. Яэмон вернулся с коротким мечом, завернутым в холстину. Он принес не тот клинок, что ржавел в амбаре.

– Хиёси, этот меч – твой! Носи его!

– Правда?

– Я бы не хотел, чтобы ты щеголял с ним на людях. Ты еще мал, и тебя просто засмеют. Расти побыстрее, чтобы никто не посмел издеваться над тобой. Обещаешь? Этот меч выковали для твоего деда... – Яэмон надолго замолчал, а потом продолжил, медленно выговаривая слова и не сводя с сына тяжелого взгляда: – Твой дед был крестьянином. Когда он решил искать лучшей доли и выбиться в люди, он попросил кузнеца выковать этот меч. У нашего рода Киносита когда-то имелись семейные хроники, но они сгорели в пожаре. В бурные времена многим семействам выпала такая же участь.

Лампа горела в соседней комнате, а та, в которой находились они, была озарена пламенем очага. Слушая отца, Хиёси не отрывал глаз от огненных языков. Яэмон не знал, понимал ли его Хиёси, но чувствовал, что не смог бы говорить об этом с женой или дочерью.

– Если бы семейные хроники уцелели, я бы поведал тебе о наших предках. Существует, однако, живое фамильное древо, и ты – его наследник. Вот оно. – Яэмон погладил вену у себя на запястье. – Это кровь рода Киносита.

Таков был отцовский урок. Хиёси кивнул и стиснул свое запястье. И в его теле текла такая же кровь. Вот оно, самое живое фамильное древо!

– Мне неизвестны наши предки до твоего деда, но я убежден, что среди них были и великие люди. Возможно, самураи или ученые, но кровь их жива, и я передал ее тебе.

– Да, – кивнул Хиёси.

– Из меня, увы, не вышло великого человека. Я – жалкий калека, поэтому ты, Хиёси, должен стать великим человеком!

– Отец, – произнес Хиёси, широко раскрыв глаза, – что я должен сделать для этого?

– Нет предела тому, чего ты можешь достичь. Я умру спокойно, если ты станешь бесстрашным воином и сбережешь меч своего деда.

Хиёси промолчал. Он выглядел растерянным. Он не был уверен в себе и тщательно избегал отцовского взгляда.

«Что ж, естественно, он ведь еще дитя», – подумал Яэмон, заметив смятение сына. Пожалуй, дело не столько в крови, которая течет в жилах, а в окружении, где живет человек. От этой мысли сердце его наполнилось горечью.

Онака тем временем приготовила ужин и молча сидела в углу, ожидая, пока муж закончит говорить. Их мечты о будущем сына не совпадали. Ей была ненавистна сама мысль о том, что муж сделает из Хиёси самурая. Она в душе молилась о счастье сына. Какое безрассудство обращаться с подобной речью к малому ребенку! «Хиёси, отец говорит все это из ожесточения! – хотелось воскликнуть ей. – Ты совершишь страшную ошибку, последовав по его стопам. Уродился дурачком, так оставайся им, но, пожалуйста, стань крестьянином, пусть даже у тебя лишь клочок земли». Вслух же она сказала:

– Ладно, давайте ужинать. Хиёси, Оцуми, садитесь поближе к очагу.

Она раздала всем миски и палочки для еды. Ужин ничем не отличался от любого другого в их доме и состоял из одного жидкого просяного супа. Яэмон, как обычно, почувствовал обиду и

стыд, потому что был главой семейства, неспособным прокормить жену и детей. Хиёси и Оцуми, жадно схватив миски, покрасневшись, уплетали скудную еду. По их аппетиту нельзя было заподозрить детей в том, что трапеза казалась им нищенской, ведь они и не знали других кушаний.

– Хозяин лавки подарил мне бобовую пасту. У нас еще остались сушеные овощи и каштаны в амбаре, так что Оцуми и Хиёси должны есть как следует, – сказала Онака, пытаясь подбодрить мужа. Сама она не притронулась к пище, пока дети не наелись досыта и отец не отодвинул от себя миску. Сразу после ужина все отправились спать, как было принято в деревне. После заката никто не зажигал света в Накамуре.

С наступлением тьмы отзвуки постоянных сражений – человеческие шаги по дорогам и полям – становились слышны издалека. И беженцы, и гонцы с тайными поручениями предпочитали передвигаться ночью.

Хиёси часто снились страшные сны. Были они отголоском этой тайной ночной жизни или образы сражений за власть на этой земле заполняли его сознание? Этой ночью он во сне лягнул Оцуми, лежавшую рядом на циновке, а когда сестра вскрикнула от неожиданности, завопил:

– Хатиман! Хатиман! Хатиман!

Вскочив с постели, он насторожился, как перед дракой. Мать успокоила его, но Хиёси еще долго ворочался без сна.

– Прижги ему шею моксой, – распорядился Яэмон.

– Зря ты показал ему меч и рассказал о предках, – отозвалась жена.

На следующий год в доме случились большие перемены: от тяжелого недуга умер Яэмон. Глядя в лицо покойного отца, Хиёси не плакал. На похоронах он баловался и дурачился.

Осенью, когда Хиёси пошел восьмой год, к ним в дом понаехала многочисленная родня. Весь вечер они готовили рисовые колобки, пили сакэ и распевали песни. Один из родичей объяснил Хиёси:

– У тебя будет новый отец. Он был другом Яэмона и тоже состоял на службе у князей Ода. Его зовут Тикуами. Ты должен стать ему почтительным сыном.

Набив рот колобком, Хиёси заглянул в глубь дома. Мать накрутила лицо и выглядела необычно привлекательной. Рядом с нею был пожилой незнакомец, и она не смела поднять на него глаза. Картина эта привела Хиёси в восторг.

– Хатиман! Хатиман! Цветы для новобрачных! – закричал он. Этой ночью мальчик веселился больше всех гостей.

И вновь наступило лето. Высоко поднялись колосья в поле. Каждый день Хиёси вместе с остальными деревенскими ребятами гольшом купался в реке, ловил и ел маленьких красных лягушек в поле. Мясо полевых лягушек было даже вкуснее меда корейских пчел. Онака научила Хиёси есть лягушек. Она сказала, что это лучше любого лекарства для детей, – и сразу же лягушки стали его любимым лакомством.

Отчим разыскивал Хиёси каждый раз, когда пасынок играл со сверстниками.

– Обезьяна! Обезьяна! – издали кричал Тикуами.

Отчим оказался неутомимым тружеником. Не прошло и года, как он поправил дела семейства настолько, что о голоде забыли. Хиёси нагружали мелкой работой по хозяйству, и трудиться ему надлежало с утра до ночи. Если он отлынивал или шалил, тяжелая рука Тикуами повсюду настигала его. Хиёси возненавидел новые порядки в семье. Работа его не страшилась, но ему хотелось хотя бы на мгновение ускользнуть от пристального взгляда отчима. Каждый день, невзирая на множество дел, Тикуами позволял себе короткий послеобеденный отдых, а Хиёси тут же исчезал из дому. Счастье длилось недолго – издалека выросла фигура Тикуами и слышался его голос:

– Обезьяна! Куда подевалась наша обезьяна?

Хиёси мгновенно прятался в высоких зарослях проса. Иногда Тикуами надоедало искать мальчика и он поворачивал назад. Хиёси выскакивал из укрытия с победным кличем, каждый раз забывая, что вечером не получит ужина и будет наказан. Он забывал обо всем на свете, увлекшись играми.

Сегодня Тикуами раздраженно рыскал по полям:

– Куда запропастился этот дьяволенок?

Хиёси взобрался на высокий берег реки.

Тикуами, поднявшись на берег, обнаружил там Офуку, стоящего в полном одиночестве. Офуку, единственный из мальчишек, носил одежду и летом. Он никогда не купался и не ел красных лягушек.

– Ты из посудной лавки? Не видел, куда спряталась наша обезьяна? – спросил Тикуами.

– Не знаю, – ответил Офуку.

– Если ты соврал, я пойду к твоему отцу и пожалуюсь, – припугнул его Тикуами.

Трусливый Офуку побледнел.

– Он вон там прячется. – Он указал на маленькое суденышко у берега.

Увидев приближающегося отчима, Хиёси выскочил из лодки, как крошечный водяной.

Тикуами рывком сшиб мальчика с ног. Хиёси разбил губы о камень, изо рта хлынула кровь.

– Ай, больно!

– Поделом тебе!

– Извините меня!

Залепив Хиёси оплеух, Тикуами схватил его за руку и поволок домой. Тикуами называл пасынка не иначе как обезьяной, но относился к нему неплохо. Желая поскорее выбраться из нищеты, он держался с домашними строго и надеялся вдобавок исправить характер Хиёси даже силой, если понадобится.

– Тебе уже девять лет, а ты бездельник непутевый! – прикрикнул Тикуами.

Дома он еще несколько раз ударил мальчика кулаком. Мать Хиёси попыталась было защитить сына.

– Нечего с ним нежничать! – огрызнулся Тикуами.

Он ударил Хиёси еще раз, когда Онака заплакала.

– Чего слезы льешь? Я бью эту дрянную обезьяну, желая ей добра. Одни неприятности от него!

Поначалу Хиёси, когда отчим занимался рукоприкладством, закрывал лицо руками и просил прощения. Теперь он плакал в три ручья, как полоумный в истерике, и выкрикивал бранные слова:

– За что? Скажи! Неизвестно откуда взялся и прикидываешься тут отцом! Задираешь нас, а вот мой настоящий отец...

– Как ты смеешь? – Мать бледнела, вздыхала и подносила руку к губам.

– Сопляк! Нашелся умник! – гремел Тикуами, впадая в неистовый гнев.

Он запирал Хиёси в амбаре и запрещал жене кормить его. До самой темноты вопли Хиёси оглашали дом.

– Выпусти меня! Дурак! Болван! Ты что, оглох? Дождешься, что я сожгу здесь все дотла!

Он выл по-собачьи, но к полуночи засыпал. Однажды Хиёси услышал чей-то голос у самого уха:

– Хиёси! Хиёси!

Ему снился покойный отец. Спросонья он воскликнул: «Отец!» Потом различил во мраке фигуру матери. Онака тайком принесла немного еды:

– Поешь и успокойся. А утром я попрошу у отца прощения за тебя.

Он покачал головой и ухватился за материнский рукав:

– Ложь! Он мне не отец. Мой отец умер!

– Почему ты постоянно твердишь такие глупости? Почему не хочешь вести себя хорошо?

Сколько я умоляла тебя слушаться отца! – Каждый разговор с сыном был для Онаки как острый нож, но Хиёси не понимал, почему мать вдруг начинала судорожно рыдать.

На следующее утро, едва встало солнце, Тикуами обрушился на жену с попреками:

– Ты обманула меня и отнесла ему ночью еду, верно? Его никак не исправить из-за твоих потачек. И пусть Оцуми тоже не подходит к амбару!

Ссора длилась полдня, пока Онака опять в слезах не ушла куда-то одна. Под вечер она вернулась с монахом из храма Комёдзи. Тикуами не спросил, где она пропадала. Он сидел перед домом вместе с Оцуми и плел циновку. Увидев жену, он лишь нахмурился.

– Тикуами, – сказал монах, – твоя жена просит нас взять в послушники твоего сына. Ты согласен?

Тикуами молча посмотрел на Онаку, которая стояла у задних ворот и тихо всхлипывала.

– Ну что ж... По-моему, это совсем неплохо. Но ведь нужен поручитель.

– К счастью, жена Като Дандзё согласилась. Они живут у подножия горы Ябуяма. И она, насколько мне известно, сестра твоей жены.

– Вот как! Она и у Като побывала?

Тикуами помрачнел, хотя и не возражал против отправки Хиёси в храм, но разговаривал с монахом односложно.

Дав какое-то распоряжение Оцуми, он пошел приводить в порядок инструменты и проработал до конца дня с угрюмым видом.

Хиёси, выпущенный из амбара, выслушал еще одно материнское наставление. Ночью его искушали комары, и лицо у него распухло. Узнав, что его решили отправить в храм, он разрыдался, но быстро утешился:

– Там мне будет лучше.

Монах засветло собрал все, что могло понадобиться Хиёси, и, когда наступила пора прощаться, даже Тикуами выглядел опечаленным.

– Послушай, Обезьяна, в храме тебе придется вести себя иначе. Таких озорников там держат в строгости. Научись читать и писать, и мы скоро увидим тебя настоящим послушником.

Хиёси, пробормотав что-то в ответ, поклонился. Из-за ограды он несколько раз обернулся на мать, провожавшую его взглядом.

Маленький храм стоял на вершине горы Ябуяма, неподалеку от деревни. Это был буддийский храм секты Нитирэн. Настоятель преклонных лет не вставал с постели. Два молодых монаха следили за храмом и хозяйством.

Деревня пришла в упадок из-за многолетних междуусобиц, и прихожан в храме осталось немного. Хиёси, быстро приспособившись к новым условиям, работал прилежно, словно переродившись. Он был сообразительным и трудолюбивым. Монахи относились к нему с добротой и обещали научить всему, что знали сами. Каждый вечер они занимались с Хиёси каллиграфией и другими науками. У послушника оказалась блестящая память.

– Вчера я встретил твою мать, рассказал ей о твоих успехах, – однажды сообщил ему один из монахов.

Хиёси толком не понимал, чем именно он расстраивал мать, но радости у них всегда были общими.

Осенью, когда Хиёси исполнилось десять, пребывание в храме начало тяготить его. Молодые монахи разошлись по окрестным деревням за подаянием. Предоставленный самому

себе, Хиёси достал припрятанные деревянный меч и дротик и отправился на вершину холма.

– Эй вы, презренные враги! А ну, нападайте на меня откуда хотите! – обратился он к деревенским мальчишкам, всегда готовым поиграть в войну.

В неурочный час внезапно ударил большой колокол храма. Люди внизу растерянно озирались. Сверху полетели камни, обломки черепицы. Один из них поранил девочку, работавшую в огороде.

– Это тот мальчишка из храма. Собрал наших ребят, и опять играют в войну.

Четверо взрослых поднялись на гору и подошли к главному храму. Ворота широко распахнуты, а все внутри покрыто пеплом. И молельня, и святилище разгромлены, курильницы сломаны, знамена выглядели как тряпки, золотой парчовый занавес разорван, а ключья разбросаны вокруг, барабан продырявлен.

– Сёбо! Ёсаку! – Родители скликали своих детей. Хиёси нигде не было видно, все остальные тоже куда-то внезапно исчезли.

Стоило взрослым спуститься с горы, в храме вновь начался переполох. Слышался треск раздираемой материи, летели камни, опять ударил колокол. Солнце село, и мальчишки в синяках и кровоподтеках едва приковыляли домой.

Молодые монахи, возвращавшиеся из странствий, ежевечерне выслушивали жалобы крестьян на безобразия в храме, но они застыли в ужасе, увидев учиненный погром. Курильница перед алтарем была разбита пополам. Эту драгоценную вещь пожертвовал храму Сутэдзиро, богатый торговец посудой из Синкавы, остававшийся одним из немногих верных прихожан.

– Огонь в этом драгоценном сосуде возжег мой господин, покойный Городаю. Я хранил его как драгоценную реликвию. Он изукрасил курильницу на свой вкус, отдав предпочтение синему цвету. Жертвуя ее храму, я надеюсь, что с нею будут здесь обращаться как с истинным сокровищем, – сказал Сутэдзиро четыре года назад.

Эту курильницу, как правило, держали в особом ящике, но неделю назад в храм наведалься жена Сутэдзиро. Курильницу извлекли из ящика и воскурили в ней благовония, а потом забыли положить на место.

Оба монаха смертельно побледнели. Настоятель мог окончательно слечь после доклада о случившемся.

– Наверняка Обезьяна, – сказал один из монахов.

– Не иначе, – согласился второй. – Никто больше не способен на подобное злодейство.

– Как нам быть?

Они привели Хиёси и ткнули его носом в осколки курильницы. Хиёси не помнил, что сломал ее, однако сказал:

– Извините!

Это слово привело монахов в неистовство, потому что мальчик держался спокойно и не проявлял признаков раскаяния.

– Варвар! – сказали они и, скрутив руки ему за спиной, привязали к большой колонне внутри храма. – Оставим тебя здесь на день-другой. Может, крысы сожрут тебя.

Хиёси наказывали так уже не раз. «Завтра придут друзья, – с горечью думал он, – а я не смогу с ними играть». И они действительно пришли, но, увидев, что Хиёси наказан, убежали.

– Развяжите меня! – заорал он им вслед. – Или я изобью вас!

Пожилые паломники и крестьянки, заходившие в храм, потешались над ним:

– Настоящая обезьяна!

Хиёси сумел совладать с собой и поклялся: «Я вам еще покажу!» Его хилое тело, привязанное к колонне, вдруг налилось силой, но он никому не сказал о пережитом чуде и, осознав знак свыше, лишь насупился, проклиная свои невзгоды.

На какое-то время он провалился в сон и пробудился от собственного похрапывания. День тянулся невероятно долго. Изнывая от скуки, он устался на разбитую курильницу. По днищу сосуда мелкими буквами шла надпись: «Неизменно служи Добру. Городаю».

Городаю был гончаром. Ближайшая деревня Сэто, собственно говоря, и вся округа славились своими гончарами. Раньше Хиёси не было дела до этого ремесла, но сейчас, разглядывая расписные черепки сосуда, он размечтался.

Любопытно, где все это находится? Высокие горы и каменные мосты, башни и люди, одежда и лодки, каких он никогда не видел в родных местах, были нарисованы синим на белом фарфоре. «Что это за страна?» – задумался он. Разве можно оставить без ответа такой вопрос. Он был смысленным и любознательным мальчиком, и ему не терпелось раскрыть секрет рисунка. Незнание должно восполниться фантазией.

Неужели и правда где-то есть такая страна?

И пока он терялся в догадках, что-то мелькнуло у него в голове – нечто такое, о чем он читал или слышал, но уже позабыл. Хиёси сосредоточенно думал.

Китай! Вот что! Это же Китай!

Он обрадовался, что память не подвела его. Глядя на расписной фарфор, он мысленно перенесся в Китай.

Долгий день подошел к концу. Монахи вернулись с пожертвованиями. Они полагали, что найдут Хиёси заплаканным, но он радостно ухмылялся.

– Любые наказания ему нипочем. Нам не справиться с этим сорванцом. Лучше отослать его назад к родителям.

Тем же вечером один монах, покормив мальчика, повел его в долину к дому Като Дандзё. Хозяин лежал на татами, а рядом горел светильник. Он был самураем и привык сражаться с утра до ночи. В редкие дни отдыха он не находил себе места от пустого времяпрепровождения. Успокоение и расслабленность крайне опасны – к ним очень легко пристраститься.

– Оэцу!

– Да? – донесся из кухни голос жены.

– Посмотри, кто к нам стучится!

– Может, опять ежи топают?

– Нет, кто-то в ворота стучит.

Вытерев руки, Оэцу вышла и тут же вернулась.

– Монах из Комёдзи. Он привел Хиёси. – Тень недовольства пробежала по ее молодому лицу.

– Ага, – сказал Дандзё, ожидавший чего-то в этом роде, и рассмеялся. – Похоже, Обезьяну выгнали вназад.

Дандзё выслушал подробный рассказ монаха о случившемся. Дандзё платил за обучение Хиёси, поэтому ему пришлось извиниться и взять на себя ответственность за мальчика.

– Коли из него не получится монаха, ничего не поделаешь. Отправим его домой в Накамуру. Вы не обязаны держать его в храме. Сожалею, что он доставил всем столько хлопот.

– Пожалуйста, сообщите всю правду его родителям, – попросил монах.

В обратный путь он зашагал веселее, словно сбросил с плеч тяжелую ношу. Хиёси остался один. Он с любопытством огляделся по сторонам, гадая, в чей дом попал. По дороге в храм он не заходил к Дандзё, да ему и не сказали, что его родственники живут по соседству.

– Ну что, парень, ты уже ужинал? – с улыбкой спросил Дандзё.

Хиёси покачал головой.

– Вот рисовые колобки. Угощайся!

Набив рот, Хиёси осмотрелся и заметил копье, висевшее над входом, и кожаные доспехи, а

затем изучающе уставился на Дандзё.

А тот тем временем размышлял: «Неужели Хиёси и впрямь ни на что не годен?» Ему мальчик не показался глупым. Он прямо посмотрел в глаза гостя, но тот не отвернулся и не потупился. Ничто в нем не говорило о недостатке ума. И он дружелюбно улыбался Дандзё.

Наконец Дандзё, выиграв игру в гляделки, расхохотался:

– А ты подрос! Помнишь меня, Хиёси?

В памяти Хиёси всплыл туманный образ самурая, который четыре года назад положил ему руку на голову.

Дандзё, как это было заведено у самураев, ночевал обычно в замке Киёсу или на ратном поле. Изредка ему удавалось побыть дома с женой. Вчера он неожиданно приехал домой, а уже завтра ему предстоял путь в Киёсу. Оэцу не знала, сколько месяцев ей придется ждать новой встречи с мужем.

«Злополучный ребенок», – подумала Оэцу. Прибытие Хиёси оказалось весьма некстати. Она в растерянности глядела на мальчика. О чем только думают ее родные? И неужели это действительно ее племянник?

Она услышала пронзительный голос Хиёси из комнаты мужа:

– Это ты был тогда на берегу реки! С отрядом самураев! На коне!

– А, вспомнил?

– Конечно! – И он продолжил уже смелее: – Выходит, мы с тобой родственники. Ты помолвлен с младшей сестрой моей матери.

Оэцу со служанкой отправились за подносами. Оэцу раздраженно прислушивалась к речи племянника, говорящего по-деревенски громко. Раздвинув фусума, она позвала мужа:

– Обед готов.

Дандзё и мальчик в тот момент мерились силой на руках. Лицо Хиёси налилось краской, тело напряглось. Дандзё тоже был увлечен поединком, как ребенок.

– Обед? – рассеянно переспросил он.

– Стынет ведь.

– Ну, так поешь сама. Этот мальчуган – крепьш. Мы славно забавляемся. Ха-ха-ха! Да, чудный мальчик!

Дандзё, покоренный непосредственностью Хиёси, с головой ушел в игру. Хиёси, умевший подружиться с кем угодно, разве что не таскал дядюшку за нос. От состязания на руках они перешли к фигурам на пальцах, потом стали передразнивать друг друга. Детские шалости продолжались, пока Дандзё не нахохотался до слез.

На следующий день, перед отъездом в замок, Дандзё, к явному неудовольствию жены, предложил:

– Слушай, если его родители не против, может, оставим Хиёси у нас? Не думаю, что от него будет прок, но он забавнее домашней обезьянки.

Оэцу решила отговорить его. У садовых ворот она сказала мужу:

– Нет. Зачем докучать твоей матери. Пустая затея.

– Ну, как знаешь.

Оэцу понимала, что стоит мужу уехать из дому, как все его мысли сразу же поглощаются службой и бесконечными битвами. «Вернется ли он живым? – подумала она. – Почему для мужчины так важно прославиться?» Оэцу провожала его взглядом, грустно представляя долгие месяцы одиночества. Закончив дела по дому, она повела Хиёси в Накамуру.

– Доброе утро, госпожа, – приветствовал Оэцу встретившийся по дороге путник.

Он походил на купца, владеющего большим делом. На нем была накидка из дорогой ткани,

кожаные таби с узором из цветков вишни, за поясом короткий меч. Добродушный на вид человек, лет сорока.

– Вы жена господина Като, верно? Куда держите путь?

– К сестре, в Накамуру. Веду домой этого мальчика. – На всякий случай она покрепче сжала руку Хиёси.

– Ах, этого молодого господина! Это его выгнали из Комёдзи?

– А вы уже знаете?

– Ну разумеется. Я, собственно говоря, как раз из храма возвращаюсь.

Хиёси тревожно огляделся по сторонам. Его никогда не называли молодым господином. От стыда за выходки в храме он покраснел.

– Неужели вы ходили в храм из-за него?

– Да. Монахи сами явились ко мне с извинениями за то, что курильница, которую я пожертвовал храму, разбита.

– И конечно, разбил ее этот дьяволенок!

– Ну что вы, не стоит так говорить. С любимым может случиться.

– Говорят, что это редкая и прекрасная вещь.

– Самое обидное, что это творение рук Городаю, которого я сопровождал в путешествии в страну Мин.

– Кажется, его еще называли Сёндзуй.

– Да. Несколько лет назад он скончался от болезни. После его смерти было изготовлено много всевозможной утвари из сине-белого фарфора с печатью «Сделано Сёндзуюем Городаю», но все это подделки, жалкие подражания. Единственный мастер, побывавший в стране Мин и освоивший искусство тамошних гончаров, обретает, увы, в ином мире.

– Я слышала, что вы усыновили его сына Офуку.

– Верно. Дети дразнят его китайчонком. В последнее время он вовсе не выходит на улицу.

Купец внимательно посмотрел на Хиёси. А тот, неожиданно услышав имя Офуку, гадал, что у важного господина на уме.

– Знаете ли, – продолжил купец, – Хиёси, оказывается, единственный, кто всегда защищал Офуку, поэтому, услышав о печальном происшествии в храме, он попросил меня вмешаться. Выяснилось, однако, что мальчик натворил и много других шалостей. Монахи рассказали о его дурном поведении и отказались принять его обратно, несмотря на мои уговоры. – Грудь купца заходила ходуном от зычного хохота. – Решать, конечно, его родителям, но если они надумают отдать его еще куда-нибудь, я с радостью помогу, если мой дом и мое дело покажутся им подходящими, он, по крайней мере, подает надежды.

Вежливо попрощавшись, купец пошел своей дорогой. Ухватившись за рукав Оэцу, Хиёси несколько раз посмотрел ему вслед:

– Скажите мне, тетушка, кто этот человек?

– Его зовут Сутэдзиро. Он владеет гончарными мастерскими в нескольких княжествах.

Некоторое время они шли молча.

– А страна Мин, это где? – внезапно спросил Хиёси, продолжая размышлять над услышанным.

– Это Китай.

– А где он? Большая это страна? Есть там крепости и самураи, как у нас? Бывают ли битвы?

– Не говори глупостей! И вообще, лучше помолчи, ладно?

Теперь уже Оэцу попыталась освободить руку из цепких пальцев племянника, но Хиёси даже не обратил внимания на ее усилия. Задрав голову, он пристально смотрел на лазурный небосвод. Небо изумляло его, казалось истинным чудом. Почему оно такое необыкновенно

синее? Почему люди не могут оторваться от земли? Если бы люди могли летать, как птицы, он слетал бы в страну Мин. И в самом деле, птицы, нарисованные на курильнице, были точно такими как здесь, в Овари. Одежда людей отличалась, он хорошо запомнил это, другими были корабли, но птицы привычные. Значит, у птиц нет стран; небо и земля целиком принадлежат им.

«Хорошо бы побывать в других странах», – подумал он.

Хиёси никогда прежде не замечал, как убог его родной дом. Когда они с Оэцу вошли внутрь, он впервые увидел, что даже днем в нем темно. Тикуами дома не оказалось, он, вероятно, ушел по своим делам.

– Одно горе с ним, – вздохнула Онака, выслушав рассказ о случившемся в храме.

Мальчик держался невозмутимо. Глядя на сына, Онака не испытывала гнева. Она изумлялась, как он вырос за два года. Хиёси искоса уставился на младенца, которого мать кормила грудью. Выходит, в их семействе прибавление. Не говори ни слова, он вдруг взял дитя за голову, отнял от материнской груди и стал внимательно рассматривать ребенка.

– Когда родился этот ребенок? – спросил Хиёси.

Не отвечая на вопрос, Онака произнесла:

– Ты теперь старший брат и должен быть примером братику.

– Как его зовут?

– Котику.

– Странное имя, – взволнованно произнес Хиёси, испытывая неведомое чувство власти над младенцем, превосходство старшего брата, который подчинит своей воле младшего.

– С завтрашнего дня, Котику, – пообещал он, – будешь кататься у меня на спине.

Обращался он с младенцем неловко, и тот заплакал.

Отчим вернулся домой, когда Оэцу собралась домой. Онака успела поведать сестре, что Тикуами надоело надрываться в поле, чтобы выбраться из нищеты, и он пристрастился к сакэ. И сейчас лицо его было подозрительно красным от возлияний.

Обнаружив Хиёси, он завопил:

– Ах ты, негодяй! Тебя вышвырнули из храма и ты посмел явиться мне на глаза? – завопил он, увидев пасынка.

Хиёси прожил дома больше года. Ему исполнилось одиннадцать. Стоило Тикуами на миг потерять мальчика из виду, как он принимался искать его и неистово браниться:

– Обезьяна! Хворост собрал? Нет? Почему бросил его в поле?

Едва Хиёси пытался возразить, тяжелая рука отчима с глухим стуком обрушивалась ему на голову. В такие минуты мать, за плечами у которой был привязан младенец, молча отворачивалась. Лицо ее приобретало болезненное и обиженное выражение, словно наказывали не сына, а ее саму.

– Одиннадцатилетний парень обязан помогать старшим. Будешь снова отлынивать от дел да играть, все кости тебе перелломаю!

Брань Тикуами обижала Хиёси, однако после изгнания из храма он старался по мере сил помогать по хозяйству. Мать порой по неразумению пыталась заступиться за него, и тяжелая рука и угрюмый голос Тикуами становились особенно жестокими. Она решила, что лучше обращать внимания на сына. Теперь Тикуами нечасто работал в поле, зато его часто видели далеко от дома. Он уходил в город, напивался там, а дома обрушивался на жену и детей с проклятиями.

– Как бы я ни надрывался, из нищеты не вырваться! – причитал он. – Слишком много нахлебников, а подати растут с каждым днем. Коли не эта мелюзга, я бы стал вольным самураем – ронином! И пил бы самое отменное сакэ, но я скован по рукам и ногам!

После пьяных сетований он часто приказывал жене сосчитать, сколько у них осталось денег, и посылал Оцуми или Хиёси купить сакэ. Порой дети бегали в лавку глубокой ночью.

Хиёси изредка давал волю своим чувствам, если отчима не было поблизости. Он плакал, Онака обнимала и утешала его.

– Мама, я хочу уйти из дому и начать работать, – сказал он однажды.

– Пожалуйста, останься с нами. Если бы не ты... – Ее речь заглушили рыдания, но она тут же тщательно стирала со щеки каждую слезинку.

Хиёси не мог спорить с плачущей матерью. Ему хотелось сбежать, но он понимал, что нужно остаться и терпеть бесконечные несчастья и унижения. Он жалел мать, но естественные для его возраста желания играть, есть досыта, учиться, убежать на волю не давали покоя его душе. Злобный норов и тяжелые кулаки Тикуами лишили Хиёси всех радостей детства.

– Поешь дерьма! – пробормотал он, и ярость объяла пламенем его тщедушное тельце.

Раздор между пасынком и отчимом в конце концов стал непереносимым.

– Отдай меня в работники, – сказал Хиёси. – Лучше жить у чужих людей, чем оставаться в этом доме.

Тикуами не возражал:

– Ладно. Иди куда хочешь и объедай кого-нибудь другого. Но в следующий раз, когда тебя вышвырнут за ворота, не смей сюда возвращаться.

Он говорил совершенно серьезно, хотя Хиёси было всего одиннадцать лет. Они спорили на равных, как взрослые, что еще больше повергало Тикуами в бешенство.

Хиёси нанялся в работники в деревенскому красильщику.

– Только болтает, а работать не хочет. Полеживает себе на солнышке и пузо чешет, – сказал один из мастеровых.

Вскоре все начали в один голос твердить:

– Из этого парня не выйдет толку.

Хиёси вернулся в отчий дом.

Тикуами мрачно посмотрел на него:

– Ну что, Обезьяна? Нашел дурака, который будет задаром кормить лентяя? Дошло до тебя теперь, почему следует почитать родителей?

Хиёси хотелось воскликнуть: «Я не таков, как обо мне говорят!» – но вслух он заявил:

– Главный бездельник в доме – ты. В поле не работаешь, играешь в кости и пьешь сакэ на лошадином рынке. Все в округе жалеют мою мать.

– Как ты смеешь говорить с отцом в таком тоне?!

От громового голоса отчима мальчик вздрогнул, но Тикуами уже начал по-иному смотреть на пасынка. «Потихоньку, – подумал он, – мальчишка растет». Хиёси с каждым днем становился крепче. Взгляд его на родителей и их жилище был не по-детски серьезным. Глаза Хиёси раздражали, пугали и тревожили непутевого отчима.

– Нечего прохлаждаться! Отправляйся искать работу! – приказал он.

На следующий день Хиёси отправился к деревенскому бондарю. Оттуда его выгнали через месяц.

– Он просто невыносим, – жаловалась жена хозяина.

Мать Хиёси не могла взять в толк, почему ее сын нигде не приживается. Хиёси нанимался и в другие места: в лавку циновщика, в трактир на лошадином рынке, к кузнецу. Но нигде не задерживался больше полугода. Слухи о его нерадивости разошлись по округе, и никто уже не решался ни взять его в услужение, ни порекомендовать знакомому.

– А, это никудышный парень из дома Тикуами! Ни на что не годен, к тому же грубиян и забияка.

Мать Хиёси чувствовала себя неловко. Она стыдилась сына, а в ответ на дурные отзывы о нем сама жаловалась на никчемность Хиёси.

– Ума не приложу, что с ним делать, – сокрушалась она. – Работу в поле ненавидит и по дому делать ничего не желает.

Весной, когда Хиёси пошел четырнадцатый год, Онака сказала ему:

– На этот раз ты должен исправно трудиться, иначе моя сестра не посмеет взглянуть в глаза мужу, господину Като. Все станут смеяться и говорить: «Вот, опять!» Если тебя еще раз выставят за дверь, не жди моего прощения.

На следующий день тетя повела его в Синкаву. Большой красивый дом, в который они пришли, принадлежал Сутэдзиро, богатому гончару и купцу. Офуку вырос в бледного шестнадцатилетнего юношу; помогая приемному отцу, он и сам мало-помалу освоил гончарное дело.

В лавке у гончара строго соблюдались различия между хозяином и работниками. Во время разговора Хиёси смиренно стоял на коленях на деревянной галерее, а Офуку находился в доме, ел рисовые колбки и весело болтал с родителями.

– Ага, явилась обезьянка бедного Яэмона! Отец твой умер, а Тикуами стал тебе отчимом. Ты, значит, хочешь поступить ко мне на службу. У нас все работают в поте лица.

Тирада была произнесена столь назидательным тоном, что оставалось лишь изумляться рассудительности юного Офуку.

– Да, мой господин, – ответил Хиёси.

Его отвели в помещение для работников, где слышны были смех и голоса хозяев, находившихся в гостинной. Былой приятель не выказывал ни малейших признаков дружелюбия, поэтому Хиёси совсем затосковал.

– Эй, Обезьяна! – все с той же суровостью произнес Офуку. – Завтра с утра пораньше отправишься в Киёсу. Поскольку товар предназначен для важной особы, доставишь его на ручной тележке. На обратном пути заглянешь к перевозчику и выяснишь, не прибыл ли наш

груз из провинции Дзэн. Заезаешься в дороге или опоздаешь, как на днях случилось, тебя не пустят в дом.

Хиёси отвечал не просто «Да» или «Да, мой господин», а так, как говорили старшие работники:

– Воля ваша, мой господин, с величайшей охотой выполню ваше поручение.

Хиёси часто посылали по делам в Киёсу или в Нагою. В этот раз он загляделся на белые стены и высокие каменные башни крепости Киёсу. «Интересно, какие люди живут там, – подумал он. – Вот бы мне тоже попасть туда». Он почувствовал себя жалким и ничтожным червяком. Бредя по городу с тяжелой тележкой, груженной гончарной утварью, он услышал ставшие привычными его уху слова:

– Вот и Обезьяна к нам пожаловал!

– Обезьяна тележку везет!

Куртизанки в вуалях, изысканно одетые горожанки, красивые молодые женщины из приличных семей шептались, когда он проходил мимо, глазели и показывали на него пальцем. Ему тоже нравилось разглядывать самых хорошеньких из них, тем обидней было то, что все воспринимали его как уродца.

Замком Киёсу владел Сиба Ёсимунэ, а одним из его главных приближенных состоял Ода Нобутомо. Вид с места, где крепостной ров сходиллся с рекой Годзё, хранил следы былого величия рода Асикага. Благополучие, сохранившееся здесь вопреки бесконечным усобицам в стране, снискало Киёсу славу самого процветающего города во всей Японии.

«Хочешь сакэ – пожалуй в винную лавку, хорошего чаю – в чайный домик. Желаете развлечься с изысканной женщиной – отправляйтесь в веселый квартал Сугагути в городе Киёсу», – гласила поговорка.

В квартале Сугагути вдоль улиц тянулись и публичные дома. Днем обитательницы заведений играли на улице в пятнашки и распевали песни. Хиёси, погруженный в мечтания, проталкивался среди них с тележкой. Как стать великим? Ничего в голову не приходило, и он мучительно думал о будущем. Когда-нибудь... Да, со временем... Одна картина сменялась другой. В городе полно заманчивых вещей, недоступных Хиёси: вкусная еда, богатые дома, дорогое оружие и конская сбруя, роскошные наряды и драгоценности.

Представляя бедную, худенькую сестренку, оставшуюся в Накамуре, он глядел на пар, поднимающийся над чайниками в лавках сладостей, и мечтал закупить ей побольше вкусной еды. У старинной аптеки он завороченно всматривался в мешочки с целебными травами и мысленно говорил: «Мама, сумею я раздобыть такие лекарства, ты давно бы поправилась». Хиёси даже во сне часто грезил о том, как вызволяет из нищеты мать и сестру. О Тикуами он никогда не думал.

Сегодня Хиёси вошел в город и побрел по улице, охваченный привычными размышлениями и мечтами. Когда-нибудь... В будущем... Но когда? Каким образом?..

– Дурень!

Он неожиданно очутился в середине шумной толпы на перекрестке двух торговых улиц и задел тележкой коня, на котором восседал знатный самурай. Десять оруженосцев шли следом с длинными копьями, ведя запасного коня. Переложенные соломой горшки и плошки вывалились на мостовую и разбились вдребезги. Хиёси в растерянности застыл над черепками.

– Ты что, ослеп?

– Дуралей!

Оруженосцы накинулись на Хиёси, топча осколки разбитой посуды. Никто из прохожих не пытался ему помочь. Хиёси, собрав черепки, сложил их на тележку и продолжил путь. Лицо его пылало от оскорбления, нанесенного ему на глазах у всех. И впервые в его детских мечтах

возник вопрос: сумеет ли он, став взрослым, подчинить себе тех, кто сейчас прилюдно унизил его?

Вскоре он вспомнил и о том, какое наказание ждет его в доме у гончара; он представил суровое лицо молодого Офуку. Прекрасные мечты, парившие в небе как птица феникс, поглотила пучина тревоги.

Опустились сумерки. Хиёси спрятал тележку в кустах и вымыл ноги в реке у дамбы. Хозяйство Сутэдзиро, именовавшееся Гончарной усадьбой, не уступало имению знатного воинского рода. Огромный главный дом был окружен множеством пристроек. Мастерские тянулись рядами.

– Обезьянка! Эй, обезьянка!

Офуку подошел поближе, и Хиёси поднялся на ноги:

– Чего?

Офуку стегнул Хиёси по плечу бамбуковой тросточкой, которую всегда имел при себе, когда заходил в жилища наемных работников или отдавал распоряжения по работе. Он бил Хиёси не в первый раз. Хиёси споткнулся, перепачкавшись грязью.

– Кто это говорит «Чего?», обращаясь к хозяину? Сколько ни учи тебя хорошим манерам, все без толку! Тебе здесь не крестьянский двор!

Хиёси промолчал.

– Почему не отвечаешь? Не понял? Скажи: «Слушаюсь, мой господин!»

– Слушаюсь, мой господин, – повторил Хиёси, опасаясь второго удара.

– Когда ты вернулся из Киёсу?

– Только что.

– Врешь! Я спросил на кухне, мне сказали, что ты уже поел.

– Голова закружилась. Я испугался, что упаду в обморок.

– С какой стати?

– От голода. Я ведь весь день был в дороге.

– От голода! А почему сразу же не пошел к хозяину с докладом?

– Я собирался, только решил сперва помыть ноги.

– Отговорки, пустые отговорки! На кухне мне рассказали, будто большую часть товара ты умудрился разбить. Это правда?

– Да.

– Вот я и думаю, что ты нарочно не пошел ко мне с извинениями. Решил придумать какую-нибудь историю, обратить все дело в шутку или попросить поваров не выдавать тебя. На этот раз я тебя проучу. – Офуку схватил Хиёси за ухо и дернул изо всех сил. – Ну давай, выкладывай!

– Прошу прощения.

– Совсем разболтался. Пора разобраться с тобой как следует. Пошли к отцу.

– Прости меня, пожалуйста. – Сейчас голос Хиёси действительно походил на жалобный крик обезьяны.

Офуку, все еще крепко держа его за ухо, повел Хиёси к дому. Тропа, ведущая от склада к воротам в сад, терялась в зарослях бамбука.

Хиёси внезапно остановился.

– Послушай-ка! – сказал он, стряхнув с себя руку Офуку и глядя ему прямо в глаза. – Хочу кое-что тебе сказать.

– Что еще такое? Я здесь хозяин, не забывай! – дрожащим голосом отозвался Офуку, побледнев.

– Поэтому я выполняю твои приказания. Офуку, неужели ты забыл о прежних годах? Мы ведь с тобой дружили в детстве.

– Что было, то прошло.

– Положим, но тебе не следует забывать об этом. Помнишь, как тебя обижали и дразнили китэйчонком? Кто тогда заступался за тебя?

– Помню.

– Тебе не кажется, что ты мне кое-чем обязан?

Хиёси говорил сурово. Он был гораздо ниже ростом, чем Офуку, но выглядел не по годам серьезным.

– Другие работники тоже жалуются, – добавил он. – Все говорят, что хозяин очень хороший, а вот у молодого нет ни жалости, ни стыда. Тебе, никогда не знавшему ни нужды, ни тяжелой работы, следовало бы послужить в чужом доме. Только посмей еще раз накинуться на меня или кого другого! Держись тогда! Не забывай, что я – родственник ронина из Микурии! В его в войске больше тысячи человек. Он может стереть с лица земли ваш дом за одну ночь!

Нелепые угрозы, лившиеся потоком из уст Хиёси, и огонь, горевший в его в глазах, привели трусливого Офуку в ужас.

– Господин Офуку!

– Господин Офуку! Где вы, господин Офуку!

Слуги повсюду разыскивали молодого хозяина, но он не решался откликнуться, замороженный пристальным взглядом Хиёси.

– Тебя зовут, – сказал Хиёси и добавил повелительным тоном: – Можешь идти, но не забывай моих слов.

Хиёси повернулся к Офуку спиной и не спеша направился к черному ходу в дом. Потом он с волнением ждал, накажут ли его, но ничего не произошло. Все сделали вид, будто ничего не случилось.

Приближался конец года. Пятнадцатилетние юноши в деревнях и городах в это время обычно праздновали совершеннолетие. Никто и не подумал вручить подарок Хиёси, не говоря уж о том, чтобы устроить ему праздник. Но время было новогоднее, поэтому он уселся в углу с остальными работниками и накинулся на угощение.

«Есть ли новогодние рисовые колобки у матери и Оцуми?» – горько размышлял он. Их семья сеяла рис и просо, но он помнил несколько новогодних праздников, когда у них не было положенных блюд на столе. Его сотрапезники между тем ворчали:

– Вечером к хозяину пожалуют гости, придется нам опять сидеть не шелохнувшись и выслушивать в сотый раз его рассказы.

– Я скажу, что у меня разболелся живот, и отпрошусь спать.

– Невыносимая скука. Особенно на Новый год!

Два-три раза в год Сутэдзиро созывал к себе множество гостей – гончаров из Сэто, важных заказчиков из Нагойи и Киёсу вместе с семьями и непременно самураев, родственников, знакомых и даже знакомых своей родни. Под вечер в доме начинался переполох.

Сегодня Сутэдзиро пребывал в необычайно приподнятом настроении. Он встречал каждого гостя низким поклоном и извинялся за то, что в минувшем году не уделил ему должного внимания. В чайной комнате, украшенной изысканным цветком, красавица жена Сутэдзиро подносила гостям чай. Посуда поражала редким изяществом.

В конце прошлого столетия князь Асикага Усимаса превратил чаепитие в ритуал, совершенный, как искусство. Чайная церемония постепенно проникла в среду простых людей, и вскоре чай стал душой жизни народа. В небольшой чайной комнате, украшенной одним цветком и единственной чашкой чаю, полагалось отринути превратности жизни и человеческие страдания. В мире, погрязшем в скверне, чайная церемония настраивала людей на возвышенные

мысли и чувства.

– Позволительно ли мне обратиться к хозяйке дома? – произнес огромного роста воин, пришедший вместе с другими гостями. – Меня зовут Ватанабэ Тэндзо, я друг вашего родича Ситиробэя. Он пригласил меня с собой, но, к глубочайшему сожалению, заболел, так что я оказался незванным гостем.

Тэндзо вежливо поклонился. Несмотря на хорошие манеры, грубоватые черты лица выдавали в нем деревенского самурая. Жена Сутэдзиро подала ему чай в желтой чашке работы гончаров из Сэто.

– Я не знаю этикета чайной церемонии, – сказал Тэндзо, оглядываясь по сторонам. – В доме столь достославного и богатого господина посуда несравненного качества. Простите за дерзость, но не принадлежит ли чашка, которую вы держите в руках, работе мастеров из школы Акаэ?

– Как любезно, что вы обратили на нее внимание!

– Хороша! – Тэндзо поглядывал вокруг, блаженно потягивая чай. – Попади она к купцам из Сакаи, бьюсь об заклад, они запросили бы за нее не меньше тысячи золотых монет. Дело, конечно, не в цене, куда удивительнее красота этой вещи.

Так они и обменивались любезностями, пока гостей не позвали во внутренние покои на ужин. Хозяйка вошла в гостиную вместе с Тэндзо. Подушки для сидения разложили кругом. Сутэдзиро восседал в центре, поочередно приветствуя каждого гостя. Когда его жена со служанками закончили обносить всех сакэ, он занял место за одним из столиков. Поднимая чашечку сакэ, хозяин рассказывал истории о стране Мин, где прожил долгие годы. Он, казалось, мог бесконечно рассказывать о своих приключениях в Китае, который для большинства японцев оставался диковинной страной. Сутэдзиро, похоже, приглашал и угощал гостей столь щедро с единственной целью – предаться дорогим воспоминаниям о былом.

– Да, пир на славу, – сказал один из гостей. – А какие удивительные истории!

– Напился и наелся до отвала. Поздно уже, пора домой, – сказал другой.

– Я тоже.

Гости принялись откланиваться, застолье подходило к концу.

– Вот и хорошо, – пробормотал слуга. – Гостям истории о Китае, может, и забавны, да мы-то слушаем их круглый год.

Полусонные слуги и работники – и среди них Хиёси – лениво взялись за уборку. Наконец погасли лампы в главной кухне, в гостиной и в комнатах Сутэдзиро и Офуку. А ворота в глинобитной стене вокруг дома надежно закрыты на засов. Жилища зажиточных самураев и купцов обычно окружались глинобитной стеной или рвом с водой, за которым возвышалось несколько укреплений наподобие небольших бастионов. Ночами и горожане, и жители сельской местности не чувствовали себя в безопасности. Дома стали укреплять со времени больших смут прошлого века, и все уже привыкли к защитным стенам и рвам.

Спать ложились с заходом солнца. Работники, единственной отрадой для которых был сон, спали безмятежно, как котята. Хиёси лежал в комнате для работников в углу, под тонкой соломенной циновкой, голова его покоилась на деревянном изголовье. Он выслушал сегодня рассказы хозяина о великой стране Мин, но, в отличие от других работников, получил огромное удовольствие. Он так разволновался, что ворочался без сна, словно в горячке.

«Что это?» – насторожился он вдруг. Хиёси напряг слух. Ему показалось, что во дворе хрустнула ветка на дереве, а мгновением раньше прозвучали приглушенные человеческие шаги. Хиёси встал и, пройдя через кухню, вышел из дому. Стояла ясная и холодная ночь, вода в большом чане замерзла, и длинные сосульки свисали с деревянных решеток на окнах. Оглядевшись, Хиёси увидел, что по большому дереву во дворе карабкается человек. Значит,

ветка, треск которой он слышал, сломалась под ногой незнакомца. Хиёси наблюдал за странным поведением ночного гостя. У него был фонарик, крохотный, как светлячок. «Запальный шнур?» – подумал Хиёси. Язычок пламени то разгорался, то гас, разбрасывая искры. Похоже, незнакомец подавал сигналы кому-то за стеной.

«Спускается», – подумал Хиёси и притаился, как ласка, в густой тени. Мужчина, спрыгнув с дерева, широким шагом направился в глубь двора. Хиёси крадучись двинулся следом.

– Ага! Так ведь он был сегодня в гостях! – пробормотал Хиёси, не веря собственным глазам. Этот гость представился хозяевам как Ватанабэ Тэндзо; хозяйка сама подала ему чай, и он до глубокой ночи увлеченно слушал рассказы Сутэдзиро. Все гости давно разошлись, а где же прятался Тэндзо? Зачем? Теперь он был одет не так, как на торжестве. На нем были соломенные сандалии, штанины хакама подвернуты, на поясе большой тяжелый меч. Тэндзо по-ястребиному хищно озирался по сторонам. Ясно, что он собирается кого-то убить.

Не успел Тэндзо подойти к воротам, как люди, поджидавшие его снаружи, навалились на створки.

– Подождите! Сейчас отопру! Тише!

«Неужели разбойничий налет? Предводитель банды сигналил фонариком сообщникам. Сейчас они налетят на дом, как саранча», – думал Хиёси, затаившись в глубокой тени. Разбойники! Кровь его вскипела, и, сам того не осознавая, он был готов пожертвовать жизнью, лишь бы спасти хозяина и его добро. Последующие его поступки были совершенно безрассудными.

– Эй, ты! – окликнул Хиёси разбойника, отчаянно шагнув из тени.

Он оказался за спиной у Тэндзо в тот момент, когда тот почти открыл ворота. Тэндзо вздрогнул, не предполагая, что имеет дело с пятнадцатилетним разносчиком из гончарной лавки. Обернувшись, он испытал не страх, а изумление при виде мальчишки со странным выражением на обезьяньем лице. Тэндзо окинул его тяжелым взглядом.

– Ты кто такой? – недоуменно спросил он.

Хиёси начисто забыл о грозившей ему опасности. Он строго и смело смотрел на незваного гостя.

– Скажи-ка лучше, как ты сам здесь оказался!

– Что?

Тэндзо растерялся. «Может, мальчишка – полоумный», – подумал он. Ярость и презрение взрослого, зрелого мужа, написанные на мальчишеском лице Хиёси, окончательно его смутили. Разбойник невольно отвел взгляд.

– Мы – ронины, вольные самураи из Микурии. Поднимешь шум, и я прикончу тебя на месте, хотя мы здесь не для того, чтобы убивать детей. Убирайся! Марш в амбар! – Он недвусмысленно прикоснулся к рукоятке длинного меча.

Но Хиёси лишь ухмыльнулся, сверкнув всеми своими белыми зубами.

– Выходит, ты разбойник? Придется тебе обратиться ко всем чертям!

– Рехнулся! Пошел вон!

– Я-то уйду, но если ты откроешь ворота, ни один из вас не останется в живых.

– О чем это ты?

– Не знаешь! Никто не знает! Только я знаю!

– Слушай, ты соображаешь, что ты не в своем уме?

– Вот именно. Это у тебя с головой не в порядке, раз ты решился напасть на этот дом.

Люди Тэндзо нетерпеливо забарабанили по воротам.

– Эй! Что случилось?

– Погодите-ка минутку! – отозвался Тэндзо и вновь обратился к Хиёси: – Говоришь, нас

всех убьют, если мы войдем в дом. С какой стати я должен тебе верить?

– Это суцая правда.

– Если ты меня дурачишь, я отрублю тебе голову. Выкладывай, что у тебя на уме!

– Задаром не выложу. Придется дать мне кое-что взамен.

– Вот как?

Тэндзо сердился на себя за малодушие, но что-то настораживало его в словах мальчика. Небо посветлело, но усадьба гончара, обнесенная стеной, была погружена во тьму.

– Чего же ты хочешь? – раздраженно спросил Тэндзо.

– Хочу стать членом вашей шайки.

– Хочешь к нам?

– Именно так.

– А сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– Почему ты хочешь стать вором?

– Хозяин издевается надо мной. Все бранят меня и обзывают Обезьяной, проходу не дают. Лучше стать разбойником, чтобы за все с ними рассчитаться.

– Хорошо, согласен, но прежде докажи, что говоришь правду. Ну а теперь растолкуй свои угрозы.

– Что вас всех убьют?

– Да.

– Пожалуйста. Твой замысел сорвался. Вечером ты проник в дом под видом гостя.

– Ну и что?

– Тебя узнали.

– Не выдумывай!

– Как знаешь, но хозяин знал о тебе всю правду. Поздно вечером по его приказу я отправился в дом Като на Ябуяму и сообщил ему, что нынешней ночью на нас могут напасть, и попросил помощи.

– Като с горы Ябуяма... Это, должно быть, соратник Оды по имени Като Дандзё.

– Като и мой хозяин – родичи, поэтому Като собрал дюжину соседних самураев, и все они под видом гостей пришли на праздник. Сейчас они в доме и ждут твоего налета. Честное слово!

По бледности, залившей лицо Тэндзо, Хиёси понял, что разбойник поверил ему.

– Вот как? – произнес Тэндзо. – Где они сейчас, что делают?

– Сперва сидели за столом, пили сакэ и ждали, потом, решив, что для налета уже слишком поздно, улеглись спать. А меня в такую стужу оставили дожидаться твоего появления.

Тэндзо набросился на Хиёси.

– Убью, если пикнешь! – зашипел он, зажав рот Хиёси огромной ладонью.

Хиёси удалось на мгновение высвободиться и произнести:

– Господин, ты только что обещал мне совсем другое! Кричать я не буду. Убери руку! – Хиёси вцепился ногтями в жесткую ладонь Тэндзо.

Тэндзо покачал головой:

– Ничего не поделаешь. Я действительно Ватанабэ Тэндзо из Микурии. По-твоему, в доме ждут моего налета, но я все равно не могу уйти отсюда с пустыми руками. Мои люди не простят мне этого.

– Но послушай...

– Что еще?

– Я могу вынести из дома все, что прикажешь.

– Ты?

– Только так и надо поступить. Ты получишь свое, не убивая людей и не рискуя самому расстаться с жизнью.

– Ты серьезно? – Пальцы Тэндзо сомкнулись на горле Хиёси.

Разбойники, встревоженные и испуганные, громким шепотом призывали своего вожака и скреблись в створки ворот.

– Эй, Тэндзо, ты там живой?

– Что вам?

– Почему не отпираешь?

Тэндзо, приподняв засов, прошептал в щель:

– Кое-что не заладилось, немного потерпите. Не стойте всей оравой, разойдитесь и спрячьтесь!

Выслушав, чем желал завладеть Тэндзо, Хиёси прокрался в дом с черного хода. Только он заметил, что в комнате Сутэдзиро горит светильник.

– Хозяин! – позвал Хиёси, подойдя к его комнате со стороны веранды.

Ответа не последовало, но он чувствовал, что и гончар, и его жена не спят.

– Хозяйка!

– Кто там? – отозвалась госпожа Сутэдзиро дрожащим голосом.

Они только что проснулись, разбуженные шумом и голосами у ворот. Оба оцепенели от страха. Хиёси отодвинул сёдзи и на коленях проскользнул в комнату. Сутэдзиро и его жена уставились на него широко раскрытыми глазами.

– Разбойники! И их тьма-тьмуца за воротами, – произнес Хиёси.

Сутэдзиро с женой тяжело вздохнули, словно утратив дар речи.

– Беда, если они сюда ворвутся. Они свяжут вас обоих, убьют или искалечат много народу.

Я кое-что придумал, их вожак ждет вашего ответа.

Хиёси пересказал им разговор с разбойником.

– Хозяин, лучше отдайте им все, что они хотят. Я передам вещи Тэндзо, и он уберется прочь.

– Хиёси, что ему нужно? – спросил гончар, помолчав немного.

– Чайник работы Акаэ.

– Что?

– Сказал, что уйдет, если получит чайник. Пустяк ведь! Отдайте его! Я все сам придумал, – гордо добавил Хиёси. – Я притворюсь, будто сам украл его для разбойника.

Отчаяние и страх исказили лица Сутэдзиро и его жены, и мальчик принялся их уговаривать:

– Тот самый, что достали вчера для чайной церемонии из шкафа? Этот, верно? Разбойник спятил, раз приказал мне принести такую ерунду!

Хиёси упивался собственной изобретательностью.

Госпожа Сутэдзиро сидела, словно окаменев. С тяжелым вздохом ее муж произнес:

– Какое несчастье! – и умолк, предавшись невеселым мыслям.

– Хозяин, стоит ли так расстраиваться? Чайник как чайник, зато никакого кровопролития!

– Это не простой чайник. Даже в стране Мин есть всего несколько вещей вроде этой. Мне стоило немалых трудов вывезти его из Китая. Это ведь и память о моем учителе Сёндзуе.

– В гончарных лавках Сакаи, – добавила хозяйка, – за него дадут больше тысячи золотых.

Налет, однако, страшил их. Если не отдать чайник, начнется резня, потом спалят дотла и дом, и мастерские. И не такое случалось в эти страшные времена!

Размышлять было некогда. Сутэдзиро, казалось, не в силах расстаться с драгоценной вещью, но благоразумие взяло верх, и он произнес:

– Придется покориться судьбе. – Он вынул из лаковой шкатулки ключи от кладовой и швырнул их под ноги Хиёси: – Отнеси ему! – Потрясенный случившимся, Сутэдзиро не мог выдавить из себя благодарности Хиёси, оценив изобретательность пятнадцатилетнего мальчика.

Хиёси принес из кладовой деревянный ящичек с чайником. Положив ключи в ладонь хозяина, он сказал:

– Вам, наверное, лучше погасить светильник и лечь спать. Будьте спокойны!

Получив чайник, разбойник Тэндзо словно не верил своим глазам. Открыв ящичек, он тщательно осмотрел добычу.

– Тот самый, – произнес он, и суровое выражение на его лице смягчилось.

– А теперь поскорее уводи отсюда своих людей! Пока я искал эту штуку в стенном шкафу, мне пришлось зажечь свечу. Като и его самураи наверняка проснулись и вот-вот пойдут дозором по саду.

Тэндзо рванулся к воротам.

– В любое время разыщешь меня в Микурии. Я беру тебя! – С этими словами он растворился во тьме.

Ужасная ночь миновала.

Наступил полдень следующего дня. Шла первая неделя Нового года, и гости бесконечной вереницей тянулись в главный дом. В усадьбе гончара царило непривычное уныние. Сутэдзиро был мрачен и немногословен, а его приветливая жена вовсе не показывалась.

Офуку сел у изголовья матери. Она не оправилась от недавнего кошмара и лежала в постели. Лицо ее было смертельно бледным.

– Мама, я только что говорил с отцом. Надеюсь, все уладится.

– Правда? А что он сказал?

– Сначала он сомневался, но когда я рассказал ему о том, как Хиёси напал на меня на заднем дворе, грозя позвать на подмогу разбойников из Микурии, отец задумался.

– Он его выгонит?

– Нет. Сказал, что Обезьяна подает серьезные надежды. Я поинтересовался, уж не хочет ли отец вырастить подручного с большой дороги.

– Мне никогда не нравилось, как Хиёси смотрит на тебя.

– Я и об этом сказал отцу. В конце концов он порешил, что Обезьяну придется уволить, если с ним никто не уживается. Сделать это непросто, потому что он отвечает перед Като с Ябуямы за этого негодника. Он рассудил, что лучше всего выгнать его, воспользовавшись безобидным поводом.

– Хорошо. Противно, что этот мальчишка с обезьяньим лицом у нас работает. Чем он сейчас занимается?

– Укладывает товар в лавке. Позвать его к тебе?

– Пожалуйста, не надо. Отвратительно смотреть на него. Теперь, когда твой отец дал согласие на увольнение, может, прямо сейчас объявишь ему хозяйскую волю и отправишь его восвояси?

– Хорошо, – неуверенно сказал Офуку. – А его жалованье?

– Мы заранее не уговаривались о деньгах. Работник он никудышный, но мы кормили и одевали его, хотя он не заслужил и этого. Ну ладно, оставь ему одежду, которая сейчас на нем, и выдай две мерки соли.

Офуку боялся с глазу на глаз объявлять Хиёси такое решение, поэтому взял с собой одного из приказчиков. Придя в лавку, он застал Хиёси одного. Облепленный соломой с головы до ног, он упаковывал товар.

– Ну? Зачем явился? – бодро произнес Хиёси.

Он решил особенно не распространяться о ночном происшествии, но чрезвычайно гордился собой, втайне рассчитывая на хозяйскую похвалу.

Офуку, пришедший в сопровождении того самого крепкого приказчика, который особенно зло издевался над Хиёси, неожиданно заявил:

– Собирайся, Обезьяна!

– Куда? – Удивленный Хиёси даже не понял, о чем идет речь.

– Домой. У тебя ведь есть свой дом, верно?

– Верно, но...

– Ты уволен с сегодняшнего дня. Одежду можешь оставить себе.

– Поблагодари хозяйку за доброту! – Приказчик протянул Хиёси две мерки соли и узелок с одеждой. – Прощаться с господами тебе не обязательно, можешь немедленно убираться.

Потрясенный Хиёси почувствовал, как краска заливает ему лицо. Гнев, вспыхнувший в его взоре, испугал Офуку. Он отступил на шаг, принял из рук приказчика соль и одежду и, опустив их наземь, быстро пошел прочь. Ярость во взгляде Хиёси не оставляла сомнений в том, что он мог броситься вдогонку за молодым господином. На самом деле сейчас Хиёси не видел ничего – глаза его застилала слезы. Ему вспомнилось заплаканное лицо матери, когда она предупреждала его, что не посмеет взглянуть никому в глаза, если сына еще раз откуда-нибудь выгонят, что он навлечет позор на голову мужа своей тетки. Представив себе ее лицо и изнуренную нищетою фигуру, Хиёси проглотил слезы. Какое-то время он простоял неподвижно, не зная, что теперь делать. Ярость бушевала у него в груди.

– Обезьяна! – окликнул его один из работников. – Что случилось? Опять поругались, что ли? Он тебя выгнал? Тебе всего пятнадцать – тебя повсюду хотя бы накормят. Не хлюпай носом и веди себя как мужчина.

Не отрываясь от дела, работники принялись потешаться над Хиёси. Их смех и подначки звенели у него в ушах, но он твердо решил, что не расплачется на глазах у всех.

– Кто это распускает нюни? Просто мне опротивела эта жалкая лавчонка. Теперь я поступлю на службу к самураю!

Забросив узелок за спину, Хиёси привязал к бамбуковой палке мешок с солью и перекинул ее через плечо. Вид у него был бравый.

– Идет на службу к самураю! – потешались работники. – Хорошее дело!

Никто из них не питал особой злобы к Хиёси, но и жалеть его они не собирались. Хиёси, едва очутившись по другую сторону глиняной стены, почувствовал, как душа его наполняется синевой небосвода. Он ощутил себя отпущенным на волю.

Осенью прошлого года Като Дандзё участвовал в битве при Адзукидзаке. Сгорая от нетерпения отличиться, он в одиночку врезался в гущу воинов Имагавы и был тяжело ранен. Ему пришлось отправиться домой на поправку. В последнее время он только отсыпался в Ябуяме. К зиме похолодало, и колотая рана в животе начала нестерпимо болеть. Он стонал день и ночь напролет.

Оэцу заботливо ухаживала за мужем. Сейчас она стирала его испачканное гноем исподнее в ручье рядом с домом. Она услышала, как кто-то вдалеке беззаботно распевает веселую песню.

Она встревоженно огляделась по сторонам. Дом их располагался на полпути к вершине горы Комёдзи, но из-за глинобитной стены виднелась дорога, вьющаяся у подножия горы, а за ней – поля Накамуры, река Сёнаи и широкая долина Овари.

Было очень холодно. Новогоднее солнце клонилось к закату, возвещая об окончании еще одного зимнего дня. Громкий и веселый голос, похоже, принадлежал человеку, которому еще не

выпало испытать ни превратностей судьбы, ни человеческого страдания. Путник пел песню, популярную в конце прошлого века, но здесь, в Овари, молодые крестьянки обычно напевали ее за прялкой.

«Да уж не Хиёси ли?» – подумала Оэцу, когда путник подошел к подножию холма. Узелок с одеждой болтался у него за спиной, а с перекинутой через плечо бамбуковой палки свисал какой-то мешок. Она изумилась, как возмужал племянник, но, пожалуй, еще больше ее удивила его прежняя мальчишеская беззаботность.

– Тетушка! Что вы тут делаете?

Хиёси кивком поприветствовал Оэцу. Песня его совпадала с ритмом шагов, а безыскусный голос обратил приветствие в шутку. Оэцу не улыбнулась, она, казалось, совсем забыла, что такое смех.

– Как ты тут оказался? Несешь весточку монахам Комёдзи?

Хиёси почесал в затылке:

– Гончар меня уволил. Я подумал, что следует известить об этом дядюшку.

– Как, опять? – Оэцу нахмурилась. – Тебя выгнали, и ты посмел явиться к нам?

Хиёси хотел было рассказать тетке всю правду, но решил попусту не тратить слов. Он спросил дружелюбным тоном:

– А дядюшка дома? Не позволишь ли мне побеседовать с ним?

– Ни в коем случае! Его ранили в бою. Мы не знаем, доживет ли он до завтра или даже до сегодняшнего вечера. Не смей приближаться к нему! – Она говорила решительно. – Мне очень жаль сестру, что у нее такой сын.

Печальная новость расстроила Хиёси.

– Я только хотел попросить дядюшку об одной услуге, но сейчас, похоже, не стоит, а?

– Что еще?

– Я подумал, не поможет ли он мне поступить на службу к какому-нибудь самураю.

– Ну и ну! Да сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– Пятнадцать, а все как дитя малое!

– Потому мне и скучно работать у ремесленников. Надоело! Тетушка, а ты не слышала, нет ли у кого-нибудь места?

– Да откуда ж мне знать об этом? – Оэцу укоризненно сверкнула на него глазами. – На службу к самураю не берут людей, нарушающих семейные традиции. Да и какая польза от сорванца и пройдохи вроде тебя?

В это мгновение к ним подбежала служанка Оэцу:

– Госпожа, скорее! Вашему мужу опять плохо!

Не сказав ни слова, Оэцу бросилась домой. Хиёси принялся разглядывать темные тучи над Овари и Мино. Вскоре он прошел через ворота во двор и направился в сторону кухни. Больше всего на свете ему хотелось отправиться домой, в Накамуру, и повидаться с матерью, но его удерживала мысль об отчине, который внушил пасынку, что забор вокруг их дома порос колючками. Хиёси решил, что прежде всего он обязан найти работу. Он пришел сюда, собираясь гордо поведать своему благодетелю всю правду, но теперь, когда Като Дандзё оказался в таком тяжелом состоянии, Хиёси не знал, что предпринять. Его вдобавок мучил голод. Он размышлял, где найти ночлег, и вдруг почувствовал, как что-то мягкое прикикло к его ноге. Это был котенок. Хиёси взял его на руки и уселся у входа в кухню. Закатное солнце освещало их холодными лучами.

– Ты ведь тоже голоден? – спросил он у котенка.

Тот дрожал, и Хиёси прижал его к груди. Ощувив живое тепло, котенок благодарно лизнул

щеку Хиёси.

– Кис-кис, – пробормотал он и отвернулся.

Хиёси недолго любил кошек, но котенок был единственным живым существом, которое сегодня обратило на него внимание.

Хиёси внезапно насторожился, зрачки котенка расширились от испуга. Из комнаты, прилегавшей к веранде, донесся отчаянный крик мужчины, терзаемого болью. В кухню прошла Оэцу со слезами на глазах. Она вытирала их рукавом, готовя на очаге какое-то блюдо.

– Тетушка, – вкрадчиво произнес Хиёси, поглаживая котенка, – малыш голоден и очень замерз. Он умрет, если вы не покормите его.

О своем пустом желудке он промолчал, но разжалобить Оэцу не удалось.

– Ты все еще здесь? Скоро ночь, и я не позволю тебе остаться у нас в доме.

Она закрыла лицо рукавом, чтобы племянник не видел ее слез. Молодая жена самурая, красивая и счастливая года три назад, поникла, как цветок под дождем. Хиёси, держа котенка в руках, думал об ужине и постели, близких и недостижимых. И, внимательно посмотрев на Оэцу, Хиёси заметил в ее внешности странную перемену.

– Тетушка! У вас живот! Вы ждете ребенка?

Оэцу резко вскинула голову, словно ее хлестнули по щеке. Неожиданный вопрос смутил ее.

– Неразумное дитя! Неприлично задавать такие вопросы! Какой ты невежа! Живо ступай домой, пока совсем не стемнело! В Накамуру или куда хочешь! Мне нет дела до тебя. – Задыхнувшись от гнева, Оэцу скрылась в глубине дома.

– Что ж, и пойду, – пробормотал Хиёси, готовый уйти, но котенку не хотелось покидать насиженное местечко.

Служанка принесла немного холодного супа и рис, показала миску котенку и поманила его в кухню. Котенок, мгновенно спрыгнув с рук Хиёси, устремился к еде. Хиёси почувствовал, как рот наполняется голодной слюной, но его кормить здесь не намеревались.

Хиёси решил идти домой. У ворот его окликнули.

– Кто там? – раздался голос из комнаты, где лежал больной.

Хиёси поспешил ответить Дандзё и сразу выложил, что его выгнали из гончарной лавки.

– Оэцу, открой дверь!

Оэцу возражала, говоря, что муж непременно простудится на сквозняке и тогда раны его зануют еще сильнее. Она не подпускала Хиёси к комнате Дандзё, пока тот не впал в ярость.

– Дура! – закричал он. – Какая разница, проживу я десять дней или двадцать? Сказано, отпирай!

Заплавав, Оэцу выполнила приказ мужа.

– Ты его только расстроишь. Поздоровайся и ступай прочь, – сказала она Хиёси.

Хиёси просунул голову в комнату больного и поклонился. Дандзё полулежал в постели.

– Хиёси, тебя и оттуда выгнали?

– Да, господин.

– М-да. Вот и хорошо!

– Что? – Хиёси озадаченно взглянул на Дандзё.

– Нет позора в том, что тебя выгнали, если только ты сам не предал хозяина или не проявил неблагодарность.

– Понятно.

– Вы ведь и сами были раньше самураями. Слышишь, Хиёси, самураями!

– Да, господин.

– Самурай не служит за мерку риса, он не раб своего желудка. Он живет во имя своего призвания, во имя служения долгу. Пища – лишь дополнительное благо, ниспосланное Небом.

Не становись одним из тех, кто готов на все за жалкую чашку риса.

Время близилось к полуночи.

Котику уродился хворым, плохо спал и без умолку плакал. Он лежал на соломенном матрасе и то и дело криком звал мать.

– Не выходи на улицу, там очень холодно, – сказала Оцуми матери. – Ложись спать.

– Отец ведь еще не вернулся.

Онака вместе с Оцуми устроилась у очага, взявшись за рукоделие.

– Куда он запропастился? Верно, опять не придет ночевать!

– Что ж, сегодня Новый год.

– Никто в нашем доме не отпраздновал его хотя бы кусочком просяной лепешки. И стужа невыносимая. Трудимся не покладая рук, а жизнь беспросветная.

– У мужчин свои радости.

– Мы называем его хозяином, а он что? Знай себе пьет сакэ, потом еще и тебя попрекает. С ума сойти можно.

Оцуми ступила в тот возраст, когда пора подумывать о замужестве, но она не могла оставить мать. Задавленная нищетой, девушка не смела мечтать о румянах и белилах, не говоря уже о новогоднем наряде.

– Пожалуйста, не осуждай его, – расплакавшись, сказала Онака. – Отец твой неудачник, зато Хиёси когда-нибудь выбьется в люди. Мы удачно выдадим тебя замуж, будешь счастлива, не то что я.

– Нет, мама, я не хочу замуж. Я всегда буду с тобой.

– Женщина не должна влачить жалкое существование, как мы с тобой. Я скрыла от Тикуами, что мы припрятали связку монет из той суммы, которую выплатил Яэмону его господин за увечье. Эти деньги пойдут тебе на свадьбу. Я прикопила достаточно шелка, чтобы сшить тебе кимоно.

– Мама, кажется, кто-то идет.

– Отец? – Онака выглянула в окно.

– Нет.

– Кто тогда?

– Не знаю. Не волнуйся! – сказала Оцуми, не выдав тревоги.

– Мама, ты дома? – позвал Хиёси из темноты.

Он вошел в прихожую, но не торопился в комнату с очагом.

– Хиёси?

– Он самый.

– Так поздно!

– Меня выгнали.

– Выгнали?

– Прости, мама. Пожалуйста, прости. – Он едва сдерживал слезы.

Онака и Оцуми бросились его обнимать.

– Ничего не поделаешь, – сказала Онака. – Проходи!

– Мне надо идти. Остаюсь я в этом доме хотя бы на ночь, еще труднее будет расставаться с вами.

Онаке не хотелось, чтобы сын жил в их убогом доме, но ее терзала мысль о том, что он уйдет в глухую ночь.

– Куда ты собрался?

– Не знаю пока. Теперь я поступлю на службу к самураю и позабочусь о вас.

– К самураю? – прошептала Онака.

– Ты всегда возражала против того, чтобы я стал самураем, но я мечтаю стать им. И дядя Дандзё согласен. Он говорит, что мне уже пора подумать о будущем.

– Тебе придется посоветоваться с отчимом.

– Не желаю видеть его, – покачал головой Хиёси. – На ближайшие десять лет забудь обо мне. Сестренка, жаль, что тебе придется подождать с замужеством, но наберись терпения. Ладно? Я стану великим человеком и разодену нашу мать в шелка, а тебе куплю на свадьбу атласный пояс с узорами.

Женщины расплакались, поняв, что Хиёси уже рассуждает, как взрослый. Их чувства изливались в бурном потоке слез, способном, казалось, поглотить их и унести в пучину моря.

– Мама, вот две мерки соли, их дал мне гончар. Это все, что я заработал за два года. Сестренка, отнеси мешок на кухню.

– Спасибо, – сказала Онака с поклоном. – Соль – твой первый заработок.

Хиёси радовался, видя счастливое лицо матери. Он поклялся, что в будущем сделает ее еще счастливее. Так тому и быть! «Это – соль моей семьи, – подумал Хиёси. – Нет, не только моей семьи. Соль всей деревни. Или нет – всей Поднебесной».

– Я теперь, верно, не скоро вернусь, – сказал Хиёси, отступая к двери и не сводя глаз с Онаки и Оцуми.

– Подожди, Хиёси! Подожди! – Оцуми кинулась к брату. Затем она обратилась к матери: – Ты говорила о связке монет. Мне не нужны эти деньги. Я не собираюсь замуж. Пожалуйста, отдай их Хиёси.

Утерев слезы рукавом, Онака достала из укромного места связку монет и протянула ее сыну. Хиёси поглядел на деньги.

– Они не нужны мне. Оставьте их себе, – сказал он.

Оцуми, исполненная сострадания к младшему брату, спросила:

– Как же ты сможешь обойтись вдали от дома без денег?

– Мне не надо денег. Мама, не дашь ли ты мне отцовский меч? Тот, который выковал себе дедушка?

Онака покачнулась, словно от удара в грудь.

– Деньги помогут тебе остаться в живых. Умоляю, не проси меч! – воскликнула она.

– Ты ведь по-прежнему хранишь его?

– Ах нет... – Онаке пришлось признаться, что Тиквами давным-давно пропил фамильный меч.

– Ладно. У нас есть еще ржавый меч в амбаре, верно? Он цел?

– Ну... Если он пригодится тебе...

– Можно я возьму его?

Хиёси щадил материнские чувства, но должен был настоять на своем. Он вспомнил, как страстно ему хотелось заполучить эту ржавую железку в шестилетнем возрасте, как тогда плакала и негодовала мать. Теперь она вынуждена смириться с мыслью о том, что сын станет самураем, хотя она всегда молилась, чтобы эта участь миновала Хиёси.

– Возьми. Хиёси, прошу, никогда не вступай в поединок с другими людьми. Никогда не доставай его из ножен. Оцуми, пожалуйста, принеси меч.

– Я сам принесу.

Хиёси кинулся в амбар. Он снял меч с балки, на которой тот висел. Укрепив оружие на боку, он вновь вспомнил, как рыдал шестилетним ребенком, требуя у матери меч. В это мгновение он впервые ощутил, что стал взрослым.

– Хиёси, мать зовет, – сказала Оцуми, заглядывая в амбар.

Она зажала свечу перед домашним алтарем, положила на деревянное блюдо несколько просяных зерен и щепотку соли, из той, что принес Хиёси, и принялась молиться. Хиёси вернулся, и мать, велев ему присесть, достала из алтаря острое лезвие.

– Зачем это? – удивленно спросил Хиёси.

– Устраиваю тебе церемонию совершеннолетия. Мы не можем соблюсти ритуал, как положено, но все же отпразднуем это событие.

Она выбрила сыну волосы надо лбом, затем размягчила в воде несколько соломинок и завязала волосы в пучок на затылке. Хиёси навсегда запомнил эту церемонию. Он с печалью ощущал на лице прикосновение огрубевших ладоней матери, но им владело и радостное чувство. «Наконец-то, – думал он, – я стал таким, как все. Взрослым».

Он услышал вдалеке лай бродячей собаки. Хиёси вышел во двор.

– Ну, я пошел. – Он был не в силах произнести ничего другого, даже пожелать счастья матери и сестре, слова застревали в горле.

Мать склонилась перед алтарем. Оцуми, подхватив на руки расплакавшегося Котику, выбежала во двор вдогонку за братом.

– Прощай! – сказал Хиёси и пошел не оглядываясь.

Его фигура становилась все меньше и меньше и наконец исчезла вдали. Ночь выдалась на редкость светлая, видимо из-за мороза.

Неподалеку от Киёсу, менее чем в десяти ри к западу от Нагои, была деревня под названием Хатидзука. С любого края деревни виднелся холм, похожий на шапку. В жаркий летний полдень здесь стрекотали цикады, ночами громадные летучие мыши заслоняли лик луны.

– Эй!

– Эй! – как эхо, донеслось из рощи.

Ров, наполненный водой из реки Каниэ, огибал крупные камни и высокие деревья на склоне холма. На первый взгляд можно было и не заметить, что вода в нем заросла темными синезелеными водорослями. Водоросли цеплялись за источенные камни стен и за глинобитные изгороди, многие столетия защищавшие эту землю и потомков здешней знати, их власть и богатство.

Издали невозможно угадать, сколько тысяч, а то и десятков тысяч тё помещичьей земли находится на холме. Усадьба принадлежала могущественному роду из деревни Хатидзука, а здешних князей уже на протяжении нескольких поколений звали уменьшительным именем Короку. Нынешний глава рода носил имя Хатидзука Короку.

– Эй, там! Откройте ворота! – донеслись из-за ручья голоса нескольких мужчин. Короку был среди них.

Ни Короку, ни его предки на самом деле не обладали той родовитостью, которой они хвастались, да и не имели официальных прав на землю в округе и на управление ею. Они были выходцами из влиятельного провинциального клана, не более. Короку величали князем, а его людей – вассалами, хотя держались последние бесцеремонно и даже грубо. Другие князья тоже общались со своими воинами почти на равных, но отношения Короку и его людей походили на отношения атамана с разбойниками.

– Спит, что ли? – пробормотал Короку.

– Эй, страж, чего ждем? – крикнул один из воинов Короку.

– Эй!

Наконец стражник услышал их, и деревянные ворота со скрипом открылись.

– Кто здесь?

Около ворот стояли люди с железными лампами в форме колоколов на длинных шестах, с какими выходят на поле боя или под проливной дождь.

– Это я, Короку! – ответил он, ослепленный светом.

– Добро пожаловать домой.

Проходя через ворота, каждый из спутников Короку называл свое имя.

– Инада Оиноскэ.

– Аояма Синсити.

– Нагаи Ханнодзё.

– Мацубара Такуми.

Они с топотом зашагали по широкому темному коридору в глубь дома. Из дверей выглядывали слуги, служанки, жены и дети – многочисленные домочадцы Короку. Обитатели дома дружно приветствовали своего повелителя, вернувшегося домой. Короку здоровался с каждым хотя бы взглядом и, добравшись до главного зала, тяжело опустился на круглую соломенную циновку. Пламя маленького светильника четко обрисовало черты его лица. «Почему он в дурном расположении духа?» – тревожились женщины, которые принесли ему воду, чай и пирожки из черных бобов.

– Оиноскэ! – окликнул Короку воина, севшего поодаль от хозяина. – Как мы опозорились

сегодня вечером, верно?

– Оплошали, – подтвердил Оиноскэ.

Четверо воинов выглядели мрачно. Короку, казалось, искал, на ком бы выместить дурное настроение.

– Такуми, Ханнодзё! А вы что скажете?

– О чем?

– О сегодняшнем дельце! На славное имя рода Хатидзука ведь пало пятно позора?

Вассалы впали в глубокое молчание. Ночь была душной, ни ветерка. Дым от курильницы с травами от комаров ел глаза.

Утром того же дня Короку получил приглашение от одного вассала клана Ода на чайную церемонию. Он никогда не был любителем таких посиделок, но на этот раз должны были собраться влиятельные люди из всей Овари, поэтому предоставился случай поговорить с ними. Отвергнуть приглашение – значит стать посмешищем. «Подумаешь, важничает, надувается, как лягушка. Да кто он такой? Вожак шайки ронинов. Видно, испугался выказать невежество на чайной церемонии».

Короку и четверо его спутников степенно отправились в дорогу, но на церемонии внимание одного из гостей привлек чайник работы Акаэ.

– Чудеса! Уверен, я видел этот чайник в доме у Сутэдзиро. У гончара Сутэдзиро. Не тот ли это знаменитый чайник, который похитили разбойники? – воскликнул незадачливый гость.

Хозяин, гордившийся чайником, естественно, растерялся.

– Глупости какие! Я на днях купил его в лавке в Сакаи, выложил за него почти тысячу золотых. – Он даже предъявил бестактному гостю счет хозяина лавки.

– Можно допустить, что воры продали чайник торговцу в Сакаи, и по цепочке вещь оказалась в вашем почтенном доме. Разбойника, похитившего чайник у гончара, зовут Ватанабэ Тэндзо из Микурии. Никаких сомнений!

Все гости невольно вздрогнули. Словоохотливый человек, верно, не был осведомлен о родословной другого гостя – Хатидзуки Короку, но хозяин дома и многие гости знали, что Ватанабэ Тэндзо приходится родным племянником Короку, что у них с дядей немало общих делишек. Короку торжественно поклялся хозяину дома расследовать странную историю с чайником, но чувствовал себя опозоренным. Он вернулся домой злым и угрюмым. Никто из ближайших соратников не мог дать ему толковый совет. Коснись дело кого-либо из собственных друзей и близких, они бы быстро разобрались что к чему. Под подозрением оказался Тэндзо, а он приходился Короку родным племянником – семья Тэндзо в Микурии была побочной ветвью здешнего рода, – и в поместье у него всегда было два-три десятка ронинов.

Короку выходил из себя именно потому, что Тэндзо доводился ему племянником.

– Безобразие! – ворчал он, сознавая ответственность за бесчинства Тэндзо. – Каким же дураком я был, постоянно прощая его! Он завел себе дорогие наряды и дюжину наложниц. Обесчестил нашу семью, опозорил имя! Необходимо от него избавиться, иначе весь род Хатидзука прослышет шайкой воров и бандой бесстыдных разбойников. Позор для добропорядочного семейства, которое считается одним из самых именитых в провинции. Даже мне, Хатидзуке Короку, приходится слышать на людях, будто я – разбойничий атаман!

Ханнодзё и Оиноскэ смущенно потупились при виде слез своего господина.

– Послушайте! – Короку посмотрел приближенным прямо в глаза. – Черепица на крыше моего дома украшена знаком счастья «мандзи», хотя сейчас она заросла мхом. Он передавался из поколения в поколение от моего далекого предка князя Минамото Ёримасы, а ему его пожаловал принц Такакура в благодарность за помощь войсками. Наша семья когда-то служила сёгунам, но со времен Хатидзуки Таро мы утратили былое влияние, превратившись в обычный

провинциальный род. Мы никогда не смирились с этим и не намерены прозябать в глуши до конца своих дней. Нет! Я, Хатидзука Короку, говорю – настало время! Я долго ждал часа, когда смогу восстановить фамильную честь и доказать всему миру, чего мы стоим.

– Ты всегда так говорил.

– Я говорил вам о том, что нужно прежде подумать, а потом действовать, что нужно защищать слабых. Мой племянник неисправим. Глухой ночью он вломился в дом к купцу и обокрал его. – Короку помолчал. – Оиноскэ, Синсити! Вы сегодня же вечером отправитесь в Микурую, привезете сюда Тэндзо, ничего ему не объясняя. У него под началом немало вооруженных людей, и сам он не из тех, кого можно связать веревкой.

Настал рассвет, и птицы защебетали на лесистых склонах холма. В одном из домов поместья утро встретили рано.

– Мацу! Мацу!

Мацунами, жена Короку, вошла в спальню. Муж лежал на боку под пологом от комаров.

– Не вернулись люди, посланные в Микурую?

– Нет.

– Г-м-м...

Короку выглядел озабоченным. Племянник был сущим мерзавцем, не делавшим ничего, кроме зла, но обладал проницательным умом. Может, он почуял опасность и скрылся?

«Что-то мои воины подзадержались», – вновь подумал Короку.

Госпожа Короку подняла полог. Их двухлетний сын Камэйти играл у постели.

– Иди-ка сюда! – Короку обнял дитя и поднял его на вытянутой руке. Пухлый, как младенцы на китайских гравюрах, ребенок был тяжеловат даже для отцовских рук. – Что случилось? Веки у тебя красные и опухшие.

Короку чмокнул сына в глаза. Ребенок в ответ царапнул щеку отца.

– Комары, верно, покусали, – сказала Мацунами.

– Тогда не о чем волноваться.

– Он очень беспокойный, даже во сне. Все норовит из-под полога выползти.

– Как бы во сне не простудился!

– Не тревожься.

– Как бы корью не заболел.

– Не произноси этого слова.

– Сынок – наш первенец. Так сказать, трофеей первой битвы.

Короку был молод и упрям. Как ни прекрасны минуты покоя, он порывисто выбежал из спальни, как человек, которого ждут великие дела. Он не засиживался за завтраком. Приведя себя в порядок, он вышел в сад и широко зашагал на поляне, которую недавно очистили от огромных деревьев.

По одну сторону узкой тропы, на месте недавно срубленных могучих деревьев, размещались небольшие кузницы. Здесь, в гуще леса, топор дровосека не касался деревьев со времен предков Короку.

Оружейник Куниёси, которого Короку тайком переманил из города Сакаи, и его подмастерья были заняты работой.

– Как дела? – спросил Короку.

Оружейник и подмастерья простерлись ниц на земляном полу.

– Безуспешно? Не удастся скопировать огнестрельное оружие, которое вам дали для образца?

– Мы пробовали и так и этак... Забыли о еде и о сне, но...

Короку кивнул.

– Господин, посланцы только что прибыли из Микурии, – сообщил прибежавший из главного дома молодой воин.

– Вернулись?

– Да, господин.

– Тэндзо привели?

– Да, господин.

– Хорошо. – Короку одобрительно кивнул. – Пусть подождет.

– В доме?

– Да. Я скоро вернусь.

Короку был умелым стратегом, и клан безраздельно полагался на него, но у него имелась не подобающая главе рода черта – склонность к мягкосердечию. Сурового Короку порой трогали чужие слезы, особенно когда дело касалось кого-нибудь из ближайших родственников. Сегодня он твердо решил, что пора серьезно разобраться с племянником, но все равно медлил и не покидал кузницу, наблюдая за работой Куниёси.

– Неудачи естественны, – заметил он. – Огнестрельное оружие попало к нам всего лет восемь назад. С тех пор все самурайские кланы соперничают друг с другом, стремясь научиться изготавливать ружья или покупая их на кораблях у европейских варваров. В Овари в этом смысле мы имеем преимущество. Большинство сельских самураев на Севере и на Востоке в глаза не видывали ружей. Тебе тоже прежде не доводилось изготавливать подобного оружия. Старайся не за страх, а за совесть. Если удастся сделать хоть одно ружье, потом можно изготовить целую сотню. Ружья, поверь, нам пригодятся!

– Господин! Они ждут тебя. – Гонец прибежал еще раз и опустился на колени на траву, влажную от росы.

– Скоро вернусь. Передай, чтобы подождали немного.

Короку, решивший принести собственного племянника в жертву справедливости, разрывался между родственными чувствами и требованиями чести. Он направился было к дому, но вновь обратился к Куниёси:

– За год ты ведь сумеешь изготовить десяток-другой добротных ружей?

– Да, – серьезно ответил кузнец. Он признавал возложенную на него ответственность. – Стоит сделать одно, безукоризненное, так не составит труда изготовить и сорок, а то и целую сотню.

– Трудности, значит, только с первым ружьем?

– Вы тратите много на мое содержание.

– Тебя это не должно тревожить.

– Благодарю, мой господин.

– Не думаю, что война закончится в этом году, или в следующем, или в ближайшие годы...

Постарайся по возможности побыстрее добиться успеха.

– Буду стараться.

– И помни, дело это секретное.

– Слушаюсь, господин.

– Стук молота разносится по всей округе. Нельзя ли работать так, чтобы не было слышно по ту сторону рва?

– Постараюсь, мой господин.

Уже собравшись выйти из кузницы, Короку заметил у стены ружье.

– А это что? – спросил он. – Образец или твоя работа?

– Только что сделано.

– Давай его опробуем.

– Боюсь, мой господин, оно еще не совсем готово для испытания.

– Ничего! У меня есть хорошая мишень! А оно выстрелит?

– Пуля вылетит, но механизм пока не работает, как в образце. Буду работать еще упорнее.

– Испытание – тоже важное дело. Дай-ка сюда!

Взяв ружье из рук у Куниёси, Короку положил ствол на локоть, словно целясь. В этот миг в дверях кузницы показался Инада Оиноскэ:

– Вы еще не закончили!

– В чем дело? – Короку повернулся к Оиноскэ с ружьем наперевес.

– Думаю, вам следует поторопиться. Мы уговорили Тэндзо пойти с нами, но он встревожился. Неверный шаг, и он превратится, как говорят, в тигра, вырвавшегося из клетки.

– Хорошо, сейчас приду.

Передав ружье Оиноскэ, Короку быстро зашагал по лесной тропе.

Ваганабэ Тэндзо сидел у входа в кабинет хозяина, размышляя, что произошло. Какая срочность в спешном приезде сюда? Аояма Синсити, Нагаи Ханнодзё, Мацубара Такуми и Инада Оиноскэ – верные воины клана Хатидзука – сидели вокруг, не спуская глаз с гостя. Тэндзо заволновался, едва переступив ворота усадьбы. Он уже хотел под каким-нибудь предлогом удалиться, когда увидел в саду Короку.

– Ах, дядюшка! – Тэндзо улыбнулся вымученной улыбкой.

Короку безучастно поглядел на племянника. Оиноскэ опустил приклад ружья на землю.

– Тэндзо, выйди в сад.

Короку выглядел как обычно, и Тэндзо немного успокоился.

– Мне передали, чтобы я немедленно прибыл к тебе. Верно?

– Именно так.

– А в чем дело?

– Иди сюда!

Тэндзо обулся в соломенные сандалии и спустился в сад. Ханнодзё и Такуми следовали за ним.

– Встань вон там! – приказал Короку, усевшись на большой камень, и поднял ружье.

Тэндзо понял, что дядя целится в него, но сделать ничего не мог. Воины неподвижно стояли вокруг. Атамана разбойников из Микурии заманили в ловушку. Лицо его побледнело. Волны гнева словно исходили от Короку. Тэндзо понял, что слова бесполезны.

– Тэндзо!

– Да?

– Ты, конечно, не забыл, что я неоднократно говорил тебе?

– Я все запомнил.

– Наш мир – хаос, и ты пришел в него человеком. Самое позорное в жизни – излишества в нарядах, чревоугодие, издевательства над простыми людьми. Именно этим отличаются так называемые крупные провинциальные кланы. Под стать им и ронины. Род Хатидзука Короку – не чета остальным, и, по-моему, я давным-давно объяснил тебе это.

– Да.

– Наш род дал обет хранить высокие стремления и исполнять их. Мы поклялись не угнетать земледельцев и не разбойничать, поклялись позаботиться о том, чтобы плоды процветания достались всем, если власть над провинцией окажется в наших руках.

– Истинная правда.

– Кто же нарушил нашу клятву? – спросил Короку.

Тэндзо промолчал.

– Ты, Тэндзо! Ты злоупотребил властью над вооруженными людьми, которую я тебе

доверил. Ты использовал ее во зло, предпочтя жизнь ночного вора. Это ты вломился в дом гончара в Синкаве и украл чайник Акаэ? Ты? Отвечай!

Тэндзо оглядывался по сторонам, прикидывая, куда лучше бежать.

Короку встал с камня:

– Скотина! Стоять! Или удрать надумал?

– Я... я не собираюсь бежать... – Голос Тэндзо задрожал. Он опустился на траву.

– Свяжите его! – приказал Короку.

Мацубара Такуми и Аояма Синсити мгновенно накинулись на Тэндзо. Заломив ему руки за спину, они скрутили его перевязью от его же меча. Тэндзо осознал, что преступление раскрыто и ему грозит опасность. На его бледном лице появилось решительное и дерзкое выражение.

– Д-д-дядюшка, что ты собираешься со мной сделать? Ты мой родной дядя, но твое поведение кажется мне диким.

– Замолчи!

– Клянусь, я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Молчать!

– Кто наплел небылиц про меня?

– Закрой рот!

– Дядюшка... ты ведь мой кровный родственник! Зачем доверять слухам, не лучше ли спросить у меня?

– Не хочу слушать твои трусливые отговорки!

– Главе большого клана нельзя принимать решения на основании сплетен. Он сначала расследует дело...

Короку было мерзко слушать это нытье. Он поднял ружье и положил его на сгиб локтя.

– Негодяй! Ты мне не племянник, а живая мишень. Испытаю на тебе новое ружье, которое сделал для меня Куниёси. Отведите его подальше и привяжите к дереву.

Синсити и Такуми пинками подняли Тэндзо с земли и за шиворот поволокли по саду. Они потащили его в дальний конец сада, на расстояние, которое не преодолела бы стрела опытного лучника.

– Дядюшка! Выслушай меня! Умоляю, позволь мне сказать!

Голос Тэндзо дрожал от отчаяния, но Короку не внял крикам племянника. Короку взял фитиль из рук Оиноскэ, зарядил мушкет и прицелился в истошно вопящего Тэндзо.

– Признаюсь в воровстве! Выслушай меня!

Приближенные Короку невозмутимо наблюдали за происходящим, скрестив руки на груди. Через несколько минут умолк и Тэндзо. Голова его поникла. Он, вероятно, уже примирился с собственной смертью или просто пал духом.

– Не работает, – пробормотал Короку, отведя взгляд от живой мишени. – Жму на курок, а оно не стреляет. Синоскэ, сбегай-ка в кузницу и приведи сюда Куниёси.

Когда пришел кузнец, Короку протянул ему ружье:

– Попробовал выстрелить, но ружье не сработало. Почини его!

– Мой господин, это не так-то просто, – сказал Куниёси, осмотрев мушкет.

– Сколько времени потребуется?

– Может, к вечеру управлюсь.

– А побыстрее нельзя? Живая мишень, на которой мне хочется опробовать ружье, уже готова.

Кузнец только сейчас сообразил, какая участь уготована Тэндзо.

– Это... ваш племянник? – с трудом выговорил он.

Короку промолчал.

– Ты оружейник. Твое дело – побыстрее исправить неполадки в ружье. Тэндзо – дурной человек, но он мой родственник. Он не умрет, как бродячий пес, а поможет в испытании нового оружия. Так что пошевеливайся!

– Слушаюсь, господин!

– Чего еще ждешь? – Глаза Короку вспыхнули, как сигнальные огни.

Куниёси кожей почувствовал, как его обожгло жаром. Он торопливо пошел в кузницу.

– Такуми, принеси попить нашей живой мишени, – распорядился Короку. – Выставьте стражу из трех человек, пока не починят ружье.

С этими словами он удалился в дом, чтобы позавтракать.

Такуми, Оиноскэ и Синсити тоже покинули сад. Нагаи Ханнодзэ собирался сегодня съездить домой, и он вскоре сообщил, что отправляется в путь. Вскоре отбыл с поручением и Мацубара Такуми, так что в доме на холме остались только Инада Оиноскэ и Аояма Синсити.

Солнце поднималось, становилось все жарче. Пели цикады, и только муравьи не замечали зноя. Из кузницы доносился яростный стук молота. Что чувствовал в эти минуты привязанный к дереву Тэндзо?

– Ружье еще не готово? – выкрикивал Короку из внутренних покоев, и Аояма Синсити, обливаясь потом, мчался в кузницу.

– Еще немного придется подождать! – докладывал он, сообщая, как продвигается дело.

Короку задремал. Синсити тоже заснул, устав после треволнений минувшего дня.

Их разбудил громкий голос одного из стражников:

– Он сбежал, господин Синсити, сбежал! Быстрее сюда!

Синсити босиком помчался в сад.

– Племянник хозяина убил двух стражей и скрылся!

Лицо стражника было землисто-серым. Синсити побежал со стражником, крикнув на бегу в сторону дома:

– Тэндзо убил двух стражников и сбежал!

– Что? – воскликнул Короку, очнувшись ото сна.

В саду все так же пели цикады. Резким движением Короку вскочил на ноги и обнажил меч, который постоянно держал у изголовья во время сна. Обогнув веранду, он натолкнулся на Синсити и уцелевшего стражника.

Они подбежали к дереву, но Тэндзо там, конечно, не оказалось. Под деревом валялась развязанная веревка. Шагах в десяти ничком лежал убитый. Тело второго стражника они нашли у глинобитной стены; его голова была расколота надвое, как спелый гранат. Оба стражника были с ног до головы залиты кровью. Кровь на траве в такой зной быстро запеклась и почернела. Тучи мух слетелись не ее запах.

– Стражник!

– Да, мой господин! – Стражник простерся перед Короку.

– Руки Тэндзо были скручены перевязью меча, а сам он привязан к дереву пеньковой веревкой. Как ему удалось освободиться? Веревка не разрезана.

– Да... верно... это мы развязали ее.

– Кто?

– Один из убитых.

– Почему? Кто позволил?

– Сперва мы и слушать его не хотели, но ваш племянник сказал, что ему нужно по нужде, и мы...

– Болван! – заорал Короку, едва сдерживая желание втоптать стражника в землю. – Поддаться на такой старый трюк! Безмозглые скоты!

– Господин, пожалуйста, простите меня. Ваш племянник сказал, что вы человек с добрым сердцем. Он внушил нам, что родной дядя никогда не убьет племянника. Сказал, что его наказывают для острастки, что вы назначили расследование, которое закончится к вечеру, и тогда его освободят. Твердил, что нас строго накажут, если мы обойдемся с ним жестоко. В конце концов один из нас развязал его. Два стражника повели его вон под то дерево, чтобы племянник ваш справил нужду.

– Дальше?

– А потом я услышал крик. Он убил стражников, а я бросился к дому, чтобы доложить вам о происшествии.

– В какую сторону он побежал?

– Я видел, как он перелез через стену. И потом вроде бы слышал плеск в ручье.

– Синсити, надо догнать его! Вышли людей на дорогу, ведущую в деревню. Быстро!

Короку решительно устремился к главным воротам, чувствуя холодок страха в душе.

Истекающий потом Куниёси не ведал о случившемся, потеряв счет времени. Для него сейчас не существовало ничего, кроме ружья, которое надо исправить. Искры с наковальни обжигали его. Наконец он изготовил недостающую деталь. Удовлетворенный результатом своих трудов, он ласкал мушкет, как младенца. Полной уверенности в том, что оружие на сей раз не подведет, у него не было. Он прицелился в стену незаряженным ружьем и спустил курок. Щелчок прозвучал весьма угрожающе.

«Вроде бы в порядке», – подумал он. Какой позор, если он торжественно вручит ружье Короку, а в нем окажется изъян. Куниёси засыпал порох в ружье и вложил пулю в ствол. Он выстрелил в пол. Грянул гром, и в земле образовалась маленькая воронка.

– Получилось!

Перезарядив ружье, Куниёси пошел по лесной тропе в хозяйский сад.

– Эй, ты! – окликнули его из-за дерева.

Куниёси остановился, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Кто там? – спросил он.

– Я.

– Кто?

– Ватанабэ Тэндзо.

– Племянник хозяина?

– Не удивляйся! Утром я был привязан к дереву, и на мне собирались опробовать твое ружье. А теперь я здесь.

– Что случилось?

– Не твое дело. Наши семейные дела. Дядя преподавал мне хороший урок.

– Вот как?

– Послушай-ка! Сейчас в деревне, у запруды, идет битва. Там и крестьяне, и самураи. Дядя, Оиноскэ, Синсити и все остальные там. Мне велено отправляться следом. Ты починил ружье?

– Да.

– Давай сюда!

– Это приказ князя Короку?

– Да. Поживее! Если враг побежит с поля боя, мы не успеем опробовать оружие.

Тэндзо выхватил у Куниёси ружье и скрылся в чаще.

– Чудеса, – пробормотал кузнец.

Он пошел следом за Тэндзо, который пробирался к внешней стене поместья. Кузнец увидел, как тот перелез через ограду и оказался во рву.

Погрузившись по грудь в стоячую воду, Тэндзо стремительно рванулся вперед, как дикий

зверь.

Куниёси взобрался на стену следом за ним.

– Эй, люди! Держите вора! Помогите! Сюда! – закричал он, поняв, что его обманули.

Тэндзо выкарабкался из воды, серый от грязи, как крыса. Услышав крики Куниёси, он обернулся, прицелился и выстрелил из мушкета.

Ружье издало страшный грохот. Тело Куниёси рухнуло с ограды. Тэндзо мчался по полю, как дикий зверь, уходящий от охотников.

«Всем прибыть немедленно».

Под приказом стояла подпись главы клана Хатидзуки Короку. К вечеру усадьба и ее окрестности наполнилась самураями, явившимися по зову князя.

– Война?

– С кем? – спрашивали воины друг друга, возбужденные предстоящей битвой.

Значительную часть жизни они возделывали поля, разводили лошадей, торговали шелковичными червями и на рынке ничем не отличались от обыкновенных крестьян и торговцев, но в глубине души вассалы были иными людьми. Они похвалялись предками, принявшими мученическую смерть, и роптали на свою судьбу. Они без колебаний брались за оружие, при малейшей угрозе их сюзерену. Подобные люди служили истинной опорой клану на протяжении столетий.

Оиноскэ и Синсити отдавали воинам распоряжения у ворот.

– Проходите в сад!

– Не шумите!

– Идите к главному входу!

Прибывшие были вооружены длинными боевыми мечами, но, являясь членами провинциального клана, они не носили полных доспехов, а только боевые перчатки и ноговицы.

– Отправляемся на битву, – предположил один из воинов.

У владений рода Хатидзука не было четко установленной границы. Собравшиеся люди не жили в крепостях и не присягали никому на верность. Они не имели ни постоянных союзников, ни врагов, но время от времени они уходили на войну – когда кто-то вторгался во владения клана, или в составе объединенного войска с другими князьями, или отправлялись наемниками в дальние провинции. Некоторые князья за деньги оказывали помощь своими войсками, но Короку никогда не гнался за выгодой. Соседние кланы Ода, Токугава из Микавы, Имагава из Суруги уважали Короку. Хатидзука был одним из нескольких могущественных провинциальных кланов, но достаточно влиятельным для того, чтобы не опасаться посягательств на его земли.

Получив приказ князя, все члены клана немедленно явились в усадьбу. Они с надеждой и тревогой смотрели на своего повелителя. Он стоял на возвышении, неподвижный, как статуя. Смеркалось, в небе появилась луна. Короку был в доспехах из черной кожи, на боку висел длинный меч. Снаряжение выглядело легким, но никто не сомневался, что Короку – полководец и истинный глава воинского рода.

Короку перед лицом двухсот своих соратников торжественно объявил, что отныне Ватанабэ Тэндзо больше не является членом клана. Подробно рассказав о случившемся, он повинился в своей ошибке:

– В результате моего недосмотра возникли серьезные трудности. Тэндзо должен заплатить головой за побег. Мы обшарим всю землю, перевернем каждый камень, проверим каждую травинку, но он от нас не уйдет. Если он не умрет, род Хатидзука на долгие века прославится как шайка воров. Это дело нашей чести. Нашей с вами, наших предков и наших потомков. Мы обязаны поймать Тэндзо. Забудьте, что он мой племянник. Он – предатель!

Едва Короку закончил речь, как появился запыхавшийся юный гонец:

– Тэндзо со своими людьми в Микурии! Они ждут нападения и укрепляют подходы к деревне.

Соратники Короку опешили, узнав, что врагом оказался на этот раз Ватанабэ Тэндзо, однако честь клана была превыше всего. Они дружно отправились в арсенал, в котором имелось большое количество разнообразного оружия. В прошлом оружие и доспехи часто бросали на поле брани. Теперь, когда усобицы не утихали ни на день и Япония погрузилась во мрак и смуту, оружие стало едва ли не самым ценным достоянием. Оружие хранилось чуть ли не в каждом крестьянском доме. Меч или копье были самым ходовым товаром на рынке, уступая лишь продовольствию.

Много оружия хранилось в здешнем арсенале с первых дней возникновения клана, но в правление Короку запас пополнялся особенно быстро. В нем не было только огнестрельного оружия. Тэндзо сбежал, прихватив их единственное ружье, что привело Короку в такой гнев, который могли умерить лишь стремительными боевыми действиями. Он считал племянника диким зверем, полагая, что чрезмерно милосердно разорвать его на куски. Короку торжественно поклялся, что не снимет доспехов, пока Тэндзо не будет убит.

Короку во главе своего войска выступил на Микурию.

У деревни колонна остановилась и выслали лазутчика. Вскоре он доложил, что Тэндзо и его подручные жгут дома и грабят крестьян. Отряд двинулся вперед и столкнулся с беженцами, которые тащили на себе детей и стариков, котомки, гнали скот. Войско Хатидзуки еще больше напугало их.

Аояма Синсити обратился к ним со словами утешения:

– Мы пришли не грабить, а наказать Ватанабэ Тэндзо и его разбойников.

Крестьяне, немного успокоившись, стали наперебой жаловаться на бесчинства Тэндзо. Список его злодеяний не исчерпывался кражей в доме гончара Сутэдзиро. Помимо ежегодной дани в пользу властителя края, Тэндзо взимал мзду в свой карман, которую называл «платой за охрану полей». Захватив дамбы на реках и озерах, он ввел «подать за воду». Если кто-нибудь осмеливался воспротивиться, Тэндзо присылал воинов, и те разоряли надел бунтаря. Угрожая вырезать семью каждого, кто посмеет пожаловаться князю, он ухитрился держать свои темные дела в секрете. Сам князь был слишком занят постоянными войнами, чтобы обращать внимание на мелочи вроде закона и порядка.

Тэндзо с сообщниками вели себя нагло: играли в кости, на храмовом дворе забивали и поедали крестьянский скот и домашнюю птицу, крали женщин, устроили в храме склад оружия.

– Ну а что сегодня случилось? – спросил Синсити.

Крестьяне заговорили в один голос. Беспорядки начались с того, что из арсенала раздали мечи и копья. Разбойники пили сакэ и вопили о решимости сражаться до последней капли крови и внезапно начали грабить и жечь дома. В конце концов банда взяла с собой оружие, еду и все ценное, награбленное в деревне, и бежала. Громкими разговорами о смертном бое они, похоже, хотели отпугнуть возможных преследователей.

«Может, они меня перехитрили?» – размышлял Короку, спешиваясь. Он велел крестьянам идти домой, а затем с помощью своих воинов потушил пожар, бушевавший в деревне. Короку спас оскверненный разбойниками сельский храм. На заре он предался молитве.

– Тэндзо – один из многих побегов на древе нашей семьи, но тень его злодеяний падает на весь род Хатидзука. Прошу прощения за содеянное им и клянусь, что Тэндзо ждет смертная казнь. Обещаю облегчить жизнь здешним крестьянам и преподнести щедрые дары храму.

Верные воины окружали своего сюзерена.

– Неужто это – вожак разбойников? – перешептывались крестьяне.

Их недоумение и подозрительность не были напрасными. Именно именем Хатидзуки Тэндзо подкреплял права на бесчисленные преступления и поборы. Он приходился племянником Короку и считал его своим повелителем, поэтому крестьяне не верили и Короку. Короку понимал, что поражение неизбежно, если не заручиться поддержкой богов и местных жителей.

Наконец вернулись лазутчики, посланные по следу Тэндзо.

– В его отряде человек семьдесят, – доложили они. – Судя по следам, разбойники ушли в горы у Хигаси Касугаи и бегут к дороге Мино.

– Половина воинов возвращается домой для охраны владений клана Хатидзука. Часть остается здесь, чтобы помочь крестьянам. Ближайшие мои соратники отправляются в погоню, – распорядился Короку.

Короку оставил при себе полсотни человек. Миновав Комаки и Кубосики, они столкнулись с частью шайки. Тэндзо выставил дозоры на нескольких дорогах и, обнаружив погоню, избрал круговой путь. Пришли вести, что его люди спускаются с вершины горы Сэто в деревню Асукэ.

В полдень на четвертый день после того, как спалили Микурую, стояла жара. Дорога взбиралась в гору, а люди Тэндзо несли на себе оружие и доспехи. Шайка выбилась из сил. Они уходили все дальше, бросая по пути лошадей и поклажу, чтобы не мешкать, и вошли в ущелье реки Додзуки изнуренными, голодными, промокшими от пота. На привале маленький отряд Тэндзо был атакован с двух сторон воинами Короку, которые спустились по стенам ущелья. Валуны и люди обрушились на беглецов, и вскоре вода в реке окрасилась кровью. Одних закололи, других забили до смерти камнями, третьи утонули. Никто не думал о том, что врагов связывали родственные узы. В бою сошлись дядья и племянники, двоюродные братья. Клан занимался самоуничтожением, но оно было необходимым. Род считал себя единым целым, и если в его теле появлялась опухоль, надлежало избавиться от нее любой ценой.

Бесстрашный воин Короку был залит кровью сородичей. Он громко вызывал Тэндзо на поединок, но племянника не было видно. Девять человек из отряда Короку погибло, зато уничтожили почти всех разбойников. Среди убитых Тэндзо не оказалось. Он, вероятно, бежал с поля боя и петлял теперь по горным тропам.

«Собака! – Короку заскрежетал зубами. – Он направляется в Каи».

Короку с вершины холма осматривал окрестности. Внезапно откуда-то донесся ружейный выстрел – эхо его прокатилось по горам, словно насмехаясь над Короку. Слезы ярости навернулись ему на глаза. Ведь он с племянником, оказавшимся негодяем, люди одной крови. Плакал он и от сознания своего бессилия. Короку сознавал, что безвозвратно минуло то время, когда он мог возвыситься из главы рода до правителя всей провинции. «Если я не в состоянии управиться даже с родней... – горько подумал он. – Одной воинской силы мало, надо уметь властвовать людьми и хотя бы поддерживать порядок в собственном доме».

Короку невольно улыбнулся сквозь слезы. «И все же мерзавец Тэндзо кое-чему научил меня», – подумал он и приказал прекратить погоню.

Его отряд, уменьшившийся до тридцати с лишним человек, двинулся из ущелья Додзуки в Коромо. Они встали на привал в окрестностях города и на следующее утро выслали гонца в крепость Окадзаки за разрешением проследовать через нее. К Окадзаки отряд подошел в полночь. По главным дорогам, ведущим к дому Короку, располагалось множество крепостей и укрепленных застав. Через некоторые заставы не пропускали вооруженных людей. Поход по суше длился бы долго, поэтому Короку решил плыть на лодках по реке Яхаги, а потом следовать от Охамы до Ханды. Из Токонамэ им предстояло проплыть морем до устья реки Каниэ, а затем вверх до Хатидзуки.

К реке Яхаги отряд вышел в полночь. Лодок поблизости не оказалось. Река была широкой и быстрой. Огорченный Короку и его спутники расположились под деревьями.

– Если не найдем лодок, чтобы спуститься по реке, надо нанять паром и отправиться по другому берегу.

– Уже поздно. Дождемся рассвета.

Короку беспокоила необходимость испрашивать в крепости Окадзаки разрешение на ночлег.

– Поищем паром, – распорядился он. – Если нам повезет вскоре переправиться через реку, то к рассвету мы проделаем тот же путь, что и на лодках.

– Парома не видно.

– Хотя бы один паром обязательно должен быть. Как, по-твоему, днем люди переправляются на тот берег? Река очень широкая! В прибрежном тростнике наверняка припрятаны лодки на всякий случай. Поищите лучше!

Воины разбились на два отряда. Один отправился вверх по течению, другой – вниз.

– Нашел! – раздался голос.

На подмытом участке берега росло несколько ив. Их корни торчали из земли, а ветки склонялись к воде. Река в этом месте, спокойная и темная, походила на глубокое озеро. Под деревьями была привязана лодка.

– Для переправы годится!

Нашедший лодку спрыгнул с обрыва, чтобы спустить ее вниз по течению, и потянулся к веревке. Воин внезапно отдернул руку и посмотрел на днище лодки. Обычная плоскодонка для перевозки небольших грузов. Она уже отслужила свое. Лодка была с трещиной в бортах, на дне полно ила, но переправиться через реку на ней все же можно. Воин смутил не убогий вид посуды, а человек в ней, который спал под драной циновкой, издавая оглушительный храп. На спящем была странная одежда – кимоно с короткими не по росту рукавами, грязные штаны и рукавицы, на босых ногах соломенные сандалии. Непонятно было, подросток это или взрослый мужчина. Он лежал на спине под открытым небом, и ночная роса сверкала на его бровях и ресницах. Незнакомец спал безмятежным сном.

– Эй, ты! – Воин безуспешно пытался разбудить его. Он окликал спящего снова и снова и наконец легонько ткнул древком копья в грудь. – Просыпайся, слышишь!

Хиёси открыл глаза, вскрикнул и ухватился за копьё, уставившись на воина. Вода вокруг лодки текла так же тихо, как теперешняя жизнь Хиёси. В начале прошлого года, когда морозной ночью он простился с матерью и сестрой, он поклялся вернуться домой, став великим человеком. У Хиёси пропало желание скитаться по чужим домам, нанимаясь в услужение то к купцу, то к ремесленнику. Он мечтал поступить на службу к самураю. Уродливая внешность и жалкая одежда отталкивали людей, к тому же у него не было документа о рождении, не говоря уже о низком происхождении.

Хиёси побывал в Киёсу, Нагое, Сумпу, Одаваре. Набравшись смелости, он подходил к воротам самурайского дома, но его просьба неизменно вызывала хохот и насмешки. Однажды его даже прогнали метлой. Деньги кончились, и он теперь согласился с тетушкой из Ябуямы, которая твердила ему о жестокости мира. Он не расставался с мечтой и верил в ее исполнение. Хиёси делился своими планами с каждым встречным. Он ночевал в чистом поле, в траве или, как сегодня, в разохшейся лодке, но постоянно думал, как осчастливить мать, которая всю жизнь влачила жалкое существование. Беспокоился он и о печальной участи сестры, которая из-за нищеты не могла выйти замуж.

Были у Хиёси и свои собственные тревоги. Он постоянно ощущал голод, сколько бы ни съел. Он с завистью смотрел на красивые и большие дома, на изысканную одежду самураев,

стыдясь своих лохмотьев. Заглядывался на красивых женщин, упиваясь исходившим от них ароматом. Хиёси ни на минуту не забывал о главном – сделать счастливой мать. Собственные желания могут подождать. Он бездельничал и скитался, не замечая постоянную пустоту в желудке. Хиёси делал множество открытий, узнавая, как устроен мир, наблюдая человеческие страсти, обычаи разных краев. Он пытался разобраться в происходящем в стране, приглядывался к боевой мощи разных провинций, сравнивал жизнь в городе и в деревне.

В конце прошлого столетия с началом смуты многие мужчины занялись изучением бусидо. Военский кодекс обрекал человека на жизнь, полную тягот и испытаний. Полтора года Хиёси следовал Пути Воина, но ему ни разу не довелось пустить в дело свой длинный меч. На оставшиеся деньги он купил у купца большой запас иголок и стал бродячим торговцем. Со своим товаром он забрел даже в Каи и Хокуэцу. Коробейник из него получился ловкий.

– Кому иголки? Швейные иголки из Киото! Подходите. Шьют шелк и хлопок. Швейные иголки из Киото!

Заработков едва хватало на пропитание. Хиёси не заболел купеческой страстью к наживе.

В Одаваре правил клан Ходзё, в Каи – Такэда, в Суруге – Имагава. Побывав в больших укрепленных городах на севере, Хиёси почувствовал, что грядут великие перемены. Ему казалось, что назревающие события уже не будут беспорядочными стычками, которые до сих пор не давали покоя людям во всей Японии. Разразится великая война, и в ее пламени страна исцелится от многолетних хворей. «И тогда, – думал он, шагая по деревням с коробом иголок, – даже я сумею...» Страна устала от бесчинств сёгунов Асикага. Вокруг царит хаос, и время призывает молодых.

Из северных провинций Хиёси перебрался в Киото и Оми. Из Овари он добрался до Окадзаки, прослышав, что в этом городе-крепости живет его родственник по отцу. Хиёси не собиравшись просить милостыню у родственников, но этим летом он заболел, отравившись несвежей пищей. Ему захотелось немного отдохнуть и узнать новости из дома. Два дня он безуспешно искал в городе своего родственника. Стояла сильная жара, и Хиёси выпил воды из пруда. Вскоре он почувствовал резь в желудке. Вечером он доплелся до берега Яхаги и набрел на лодку под ивами. Его знобило. Рот пересох, словно набитый сухими колючками. И в эти минуты он думал о матери, а когда задремал, она явилась ему во сне. Потом Хиёси провалился в глубокий сон, и мать, сестра, боль в желудке, звездное небо куда-то исчезли. Забытьё длилось до тех пор, пока воин из отряда Короку не постучал ему по груди древком копья.

Хиёси истошно завопил и ухватился за древко копья. В те стародавние дни считали, что душа обитает в груди, как в храме, таящемся в глубине человеческого тела.

– Живо просыпайся! – Воин дергал копьё из рук Хиёси, но юноша не отпускал его.

– Я уже проснулся! – сказал он, садясь в лодке.

– Прочь из лодки! – сердито закричал воин, дивясь силе тщедушного юноши.

– Как это?

– Немедленно! Нам нужна эта лодка, ясно?

– А что, если я не захочу? – насупился Хиёси.

– Что-что?

– Если я не захочу уйти?

– Что?!

– Почему я должен подчиняться тебе?

– Поговори у меня, ублюдок!

– О ком это ты? Разбудил меня, ударив копьем, а теперь гонишь? Кто же из нас ублюдок?

– Придержи-ка язык. Не видишь, с кем разговариваешь?

– С каким-то мужчиной.

– Ничего себе ответ!

– Каков вопрос, таков и ответ.

– Слишком ты говорлив, юнец! Сейчас язык у тебя отсохнет. Мы – воины клана Хатидзука Короку. Мы только что прибыли сюда, и нам необходима лодка, чтобы переправиться на тот берег.

– Лодку увидел, а человека в ней проглядел. Это моя лодка.

– Я ведь разбудил тебя. Хватит болтать!

– А ты грубиян. Знаешь?

– Что ты сказал? Ну-ка повтори еще раз!

– Я не уйду. Это моя лодка.

Воин резко дернул копьё на себя, решив выкинуть Хиёси из лодки. Юноша внезапно отпустил древко. Оно взметнулось вверх, застряв в ветвях ивы, а воин опрокинулся на спину. Перевернув копьё, он наставил острие на Хиёси. В ответ из лодки полетели гнилые деревяшки, черпак, тростниковая циновка.

– Ну и дурачина, – рассмеялся Хиёси.

В это время к ним подбежали другие воины Короку.

– Прекратите! Что случилось? – спросил один из них.

– А это кто? – поинтересовался второй.

Они толпились на берегу, громко крича, и тут к ним подоспел Короку со своими приближенными.

– Ну что, нашли лодку? – спросил он.

– Найти-то нашли, но...

Короку неторопливо подошел к воде. Хиёси, сразу распознав в нем главного, выпрямил спину и в упор посмотрел на Короку. Тот выдержал его взгляд. Они не произнесли ни слова. Не странный вид юноши поразил Короку, а его глаза, смотревшие на него в упор. «Сразу видно, что он отчаянный парень», – подумал Короку. Глаза Хиёси, сверкавшие во тьме, напоминали ему глаза полуночного хищника. Наконец Короку не выдержал и отвел взгляд.

– Мальчишка, – невозмутимо произнес Короку, прерывая молчаливое соревнование.

Хиёси не ответил. Его зрачки, как две стрелы, по-прежнему целились в лицо Короку.

– Это мальчишка, – повторил Короку.

– Это вы обо мне? – угрюмо поинтересовался Хиёси.

– Разумеется. Или в лодке еще кто-то есть?

Хиёси пожал плечами:

– Никакой я не мальчишка. Я принял обряд совершеннолетия.

– Вот как? – Короку расхохотался. – В таком случае обойдусь с тобой как со взрослым.

– Ну конечно. Вон вас сколько против одного. Что вы собираетесь со мной сделать? По-моему, вы разбойники. Ронины.

– Шутить изволишь!

– Ничуть. Я спал, никого не трогал. У меня болит живот. Впрочем, какая мне разница, кто вы такие. Я никуда не уйду отсюда.

– Вот как? Живот у тебя, значит, болит. А почему?

– Отравился. Или из-за жары.

– Откуда ты родом?

– Из Накамуры в Овари.

– Из Накамуры? Хорошо. А как зовут твоего отца?

– Его имени я не скажу, а меня зовут Хиёси. Но, позвольте, скверные у вас манеры – разбудили человека и спрашиваете, как зовут его отца? А вы сами откуда? Из какой вы семьи?

– Я твой земляк из Овари. Живу в имении Хатидзука в Кайто. Меня зовут Хатидзука Короку. Я и не знал, какие люди живут по соседству. Чем ты занимаешься?

Не отвечая на вопрос, Хиёси в свою очередь поинтересовался:

– Так вы из Кайто? – и продолжал: – Это совсем недалеко от нашего села. – Юноша мгновенно настроился на дружелюбный лад, подумав, что сможет узнать новости из Накамуры. – Раз мы земляки, я готов услужить. Забирайте лодку!

Он взял узелок с пожитками, который служил ему подушкой, перекинул его через плечо и выбрался на берег. Короку молча следил за ним. Он заметил и повадку бродячего торговца, и дерзкие речи юноши, давным-давно предоставленного самому себе. Хиёси тяжело вздохнул и собрался было продолжить путь.

– Подожди, Хиёси. Куда ты направляешься?

– Лодку я вам отдал, так что спать мне негде. Если я лягу в траву, то простужусь, и живот разболится еще сильнее. Ничего не поделаешь, пойду, пока не взойдет солнце.

– Пойдем со мной, если хочешь.

– Куда?

– В Хатидзуку. Поживешь у нас. Позаботимся о тебе, пока ты не поправишься.

– Благодарю вас. – Хиёси робко поклонился. Глядя в землю, он размышлял над предложением. – Означает ли это, что вы зовете меня к себе на службу?

– Мне нравится, как ты разговариваешь. Ты подаешь надежды. Если хочешь служить мне, считай, что я тебя принял.

– Нет! – твердо сказал Хиёси, высоко подняв голову. – Моя цель состоит в том, чтобы служить самураю, и я странствую по свету и приглядываюсь к самураям и князьям из различных провинций. Если уж служить самураю, так только настоящему.

– Ха-ха-ха! Забавный ты парень! Выходит, я, Короку, недостаточно хорош для тебя?

– Я не смогу понять этого, пока не поступлю к вам на службу. В нашей деревне клан Хатидзука пользуется недоброй славой. И дом человека, у которого я служил раньше, ограбил разбойник, причисляющий себя к роду Хатидзука. Моя мать умрет от горя, узнав, что я поступил на службу к вору, поэтому я не могу принять ваше предложение.

– Ты, значит, служил у гончара Сутэдзиро.

– Откуда вы знаете?

– Ватанабэ Тэндзо был членом клана Хатидзука, однако я сам изгнал этого негодяя. Он сбежал от расправы, но мы разгромили его банду и возвращаемся домой. Неужели дурная молва о роде Хатидзука разошлась так далеко?

– Г-м-м... Вы на того разбойника вроде бы не похожи, – искренне произнес Хиёси, глядя Короку прямо в глаза. Затем, словно внезапно о чем-то вспомнив, он продолжил: – Я готов следовать с вами до Хатидзуки, не беря на себя никаких обязательств. Мне хочется погостить у родичей в Футацудэре.

– Футацудэра совсем рядом с Хатидзукой. А кто у тебя там?

– Бондарь Синдзаэмон, родственник по материнской линии.

– Синдзаэмон – выходец из самурайского рода, стало быть, твоя мать из самураев.

– Теперь я бродяга, но и отец мой был самураем.

Воины сели в лодку и ждали Короку. Он обнял Хиёси за плечи, и в лодку они сели вдвоем.

– Хиёси, решай сам, где тебе остаться – в Футацудэре или Хатидзуке.

Неудавшийся ростом Хиёси затерялся среди дюжих мужчин и их копий, как в лесу. Лодка направилась к другому берегу, но из-за сильного течения переправа заняла немало времени. Хиёси заскучал. Он вдруг заметил, что на плечо одному из воинов сел светлячок. Хиёси поймал его и, держа в ладони, залюбовался мерцающим крошечным огоньком.

Гора Золотого цветка

После возвращения в Хатидзуку Короку не оставил мысли о наказании Тэндзо. Он отправил убийц по следу племянника и разослал князьям из отдаленных провинций послания с просьбой сообщить о местонахождении Тэндзо. Наступила осень, а его так и не нашли. Прошел слух, будто Тэндзо нашел прибежище у клана Такэда в Каи. Он подарил тамошним властителям украденное ружье и поступил к ним на службу в качестве одного из многочисленных лазутчиков и подстрекателей, которых клан рассылал по всей стране.

– Ну, раз он добрался до Каи... – угрюмо пробормотал Короку, вынужденный смириться с выжиданием удобного случая для мести.

Вскоре после этого к Короку прибыл гонец из клана Ода с приглашением на чайную церемонию. Гонец привез и чайник работы Акаэ.

– Нам известно, что этот предмет доставил вашему семейству много неприятностей. Мы приобрели его добропорядочным образом, но мы считаем невозможным держать его в доме. Мы уверены, что честь вашего имени будет восстановлена, если вы возвратите украденное гончару.

Короку, приняв чайник, пообещал прибыть на церемонию. В конце концов он все же туда не поехал, но отправил гонца с дарами – дорогим седлом и золотыми украшениями, цена которых вдвое превышала стоимость чайника. В тот день он призвал к себе Мацубару Такуми и велел ему готовиться к небольшому путешествию.

– Обезьяна! – позвал Короку, выйдя на веранду.

Хиёси выскочил из-за деревьев и опустился на колени перед своим господином. Он проведаль родню в Футацудэре, но затем вернулся в Хатидзуку и окунулся здесь в новую жизнь. Он оказался на редкость смьшленным и расторопным. Люди по-прежнему подшучивали над ним, но он не обижался. Он был разговорчив и простодушен. Короку велел ему работать в саду. Хиёси был простым слугой, но он не только подметал дорожки. Благодаря этой службе он денно и ночью находился на глазах у Короку, а после заката превращался в стражника. На такой пост, разумеется, назначают только того, кому всецело доверяют.

– Отправишься вместе с Такуми и покажешь ему дорогу в лавку гончара в Синкаве.

– В Синкаве?

– А почему у тебя такая кислая физиономия?

– Но...

– По-моему, тебе не хочется ехать, но Такуми должен вернуть украденный чайник законному владельцу. И почему бы тебе не навестить гончара?

Хиёси простерся ниц и коснулся лбом земли.

Они прибыли к дому Сутэдзиро, и Хиёси остался ждать у ворот, хотя и был полноправным гонцом. Собрались старые знакомые из мастерской. Хиёси, казалось, совсем забыл, что прежде многие из них издевались над ним и поколачивали его. Приветливо улыбаясь всем, он нежился на солнышке в ожидании Такуми. Наконец Такуми вышел из дома Сутэдзиро.

Сутэдзиро и его жена не могли поверить своим глазам. Они услужливо помогли гостю обуться в прихожей, открыли перед ним ворота и на прощанье склонились в глубоком поклоне. С родителями был и Офуку, который взирал на Хиёси с недоумением.

– Мы постараемся лично прибыть в Хатидзуку, чтобы засвидетельствовать свое почтение вашему господину, – сказал Сутэдзиро. – Пожалуйста, передайте ему нашу глубочайшую признательность. И еще раз поблагодарите за то, что он нашел столь изысканный способ разрешить наши затруднения.

Муж, жена, Офуку и все работники и слуги замерли в низком поклоне. Хиёси помахал на

прощанье рукой.

Когда они миновали холмы Комё, Хиёси с грустью подумал о тетушке в Ябуяме. Как дядюшка? Может, его уже нет в живых? Они с Такуми находились неподалеку от Накамуры, и все мысли Хиёси были о матери с сестрой. Ему хотелось помчаться в родной дом и обнять их, но клятва, данная морозной ночью, останавливала его. Он ведь не совершил ничего для счастья матери. С горечью в душе он повернул в сторону от Накамуры и столкнулся с мужчиной в доспехах пешего воина.

– Ты, случаем, не сын Яэмона?

– А вы, позвольте спросить, кто будете?

– Ведь ты Хиёси, верно?

– Да, Хиёси.

– Ну и здоровенный ты вымахал! Меня зовут Отовака. Мы дружили с твоим отцом и служили в одном отряде под началом Оды Нобухидэ.

– Да, я припоминаю! Я и вправду так вырос?

– Еще бы! Видел бы тебя покойный отец!

Слезы навернулись на глаза Хиёси.

– А матушку мою в последнее время вы не видели?

– В дом к вам я не заходил, но в Накамуре бываю часто. Слышал, что она, как всегда, трудится не щадя себя.

– Здорова ли она?

– А почему бы тебе не проведать ее?

– Я не могу вернуться домой, пока не стану великим человеком.

– Загляни на минутку, поздоровайся. Ты же ей сын родной.

Хиёси едва не зарыдал в голос. Он отвернулся, а когда совладал с собой, Отовака уже неторопливо удалялся от него в противоположном направлении. Такуми ушел далеко вперед.

Изнурительная летняя жара постепенно спадала, утром и вечером становилось по-осеннему прохладно.

– Ров не осушали лет пять, – бормотал себе под нос Хиёси. – Мы учимся верховой езде и мечем дротики, а под ногами непролазная грязь! Так дело не пойдет. – По дороге от рубщика бамбука Хиёси осматривал старый ров, опоясывающий хозяйские владения. – И вообще, зачем он? Надо поговорить с господином.

Хиёси бамбуковой палкой замерил глубину рва. Вода в заброшенном рву зацвела, листья и тина, копившиеся здесь годами, сделали ров мелким. Замерив глубину в двух-трех местах, Хиёси отшвырнул палку и ступил было на мостик, ведущий к боковым воротам, как кто-то окликнул его:

– Эй ты, плюгавый!

Это слово не содержало намека на его рост. Подобным образом, по обыкновению, обращались к домашним слугам в любом провинциальном клане.

– Ты кто такой? – спросил Хиёси у незнакомца, который сидел под дубом, растирая колени.

Он был одет в грязно-серое кимоно, из-за пояса торчала бамбуковая флейта. Взгляд его был голодным.

– Подойди-ка сюда. – Незнакомец поманил его к себе.

Это был комусо – странствующий монах и флейтист, какие время от времени забредали в деревню. Он, как и его собратья, был неопрятным и небритым, а бамбуковую флейту во время странствий носил в тростниковой циновке, перекинутой через плечо. Подобно дзэнским монахам, комусо бесцельно бродил по стране, привлекая к себе внимание звоном колокольчика.

– Подашь что-нибудь монаху? Или ты занят мыслями о близком обеде?

– Нет!

Хиёси едва не посмеялся над ним, но, вспомнив о тяжелой участи странника, сказал, что принесет монаху еды, а если нужно, то и снадобий.

Покачав головой, монах осмотрел Хиёси с ног до головы и расхохотался:

– Почему бы тебе не присесть?

– Благодарю, я лучше постою. Так чего ты хочешь?

– Ты здесь на службе?

– Не то чтобы... Меня здесь кормят, но официально на службе я не значусь.

– Вот как! Во дворе или в доме служишь?

– Подметаю в саду.

– Страж внутренних владений, верно? Значит, один из любимчиков господина Короку.

– Не знаю.

– Он сейчас дома?

– Нет.

– Какая жалость! – воскликнул монах. – Сегодня вернется?

Поведение этого человека показалось Хиёси подозрительным, и он решил, что нужно быть осторожнее с ответами.

– Так он сегодня вернется? – повторил монах.

– Готов побиться об заклад, что вы самурай, – сказал Хиёси. – А если и монах, то простой послушник.

– С чего ты взял? – Незнакомец пристально посмотрел на Хиёси.

– С первого взгляда ясно. Кожа у тебя загорелая, но подушечки пальцев совсем белые. И уши чистые. Сидишь на циновке как самурай, скрестив ноги, словно на тебе доспехи. Нищий или монах сидели бы согнув спину и подавшись вперед, – ответил Хиёси с невозмутимым видом.

– Г-м-м... Впрочем, ты прав. – Мужчина встал, не сводя с Хиёси взгляда. – Уж больно ты глазастый. Я миновал множество постов и застав на вражеской территории, но никто меня ни в чем не заподозрил.

– В мире немало мудрецов, но и глупцов предостаточно. Выкладывай, что тебе нужно от моего господина!

– По правде говоря, я пришел из Мино, – тихо произнес мужчина.

– Из Мино?

– Если ты назовешь имя Намбы Наики, соратника Сайто Досана, господин Короку поймет, о ком идет речь. Я хотел тайно повидаться с ним и поскорее удалиться, но раз его нет дома, я погуляю по деревне до сумерек, а вечером зайду еще раз. Если он возвратится раньше меня, передай ему с глазу на глаз то, что я тебе сказал.

Наики собрался в путь, но Хиёси остановил его:

– Я солгал тебе.

– Вот как?

– Солгал, что его нет дома. Я ведь не знал, кто ты. Господин занимается верховой ездой.

– Значит, он дома.

– Да. Я отведу тебя к нему.

– А ты умный парень.

– В доме воина необходима предусмотрительность. Или у вас в Мино дело иначе поставлено?

– Так же, – заверил Наики.

По кромке рва они миновали огород и вышли на тропу, которая огибала лес и выводила на поле для верховой езды.

От жары пыль на поле стояла столбом. Воины Хатидзуки не щадили себя в учении. Сейчас они не просто упражнялись в верховой езде, а, разбившись на два отряда, обменивались на скаку палочными ударами, готовясь к предстоящим сражениям.

– Подожди здесь, – сказал Хиёси своему спутнику.

Короку, устав от полевых учений, поехал передохнуть в хижину. Пот градом катился у него со лба.

– Горячей воды, господин?

Хиёси налил в чашку кипятка и добавил немного холодной воды. Он на коленях протянул чашку Короку, сидевшему на походном стуле.

– Прибыл тайный посланец из Мино. Привести его сюда или вы сами к нему выйдете? – прошептал Хиёси.

– Из Мино? – Короку резко вскочил со стула. – Веди меня, Обезьяна. Где ты его оставил?

– По ту сторону леса.

Между родом Сайто из Мино и кланом Хатидзука не существовало гласного договора о союзничестве, но на протяжении многих лет они оказывали друг другу тайную помощь во всякого рода срочных делах. Чаще всего помощь исходила от воинов Короку. Взамен клан Хатидзука ежегодно получал из Мино солидное денежное вознаграждение.

Короку окружали многочисленные соседи – клан Ода в Овари, Токугава в Микаве, Имагава в Суруге, – но он никогда не вступал в союз ни с кем из них. Независимостью он был обязан зоркому оку князя Сайто Досана, владельца крепости Инабаяма. Владения их находились на значительном удалении друг от друга, поэтому корни этого союза оставались неясными.

Рассказывали, будто Масатоси, предок Короку, когда-то спас человека, умиравшего недалеко от дома Хатидзуки. Это был странствующий воин, постигавший суровые правила бусидо. Масатоси взял его в дом и выходил. Воин поправился, и Масатоси дал ему денег на дорогу.

– Я никогда не забуду вашей доброты, – поклялся спасенный.

На прощанье он сказал Масатоси:

– Когда ко мне придет удача, я непременно вознагражу вас за участие в моей судьбе.

Назвался он Мацунами Сокуро.

Несколько лет спустя прибыло письмо от князя Сайто Досана. Все в усадьбе удивились, узнав, что князь – это человек, знакомый им под именем Сокуро. Так возник союз, верность которому передавалась из поколения в поколение. Неудивительно, что Короку поспешил на встречу с вестником от Сайто Досана.

Под сенью дубравы двое мужей обменялись приветствиями, а затем, поглядев друг другу в глаза, приложили к груди ладонь.

– Я – Хатидзука Короку.

– Я – Намба Наики из Инабаямы.

В молодости Досан постигал буддизм в храме Мёкакудзи, поэтому теперь среди своих пользовался тайными буддийскими символами и знаками.

Завершив с формальностями, Короку и Наики завели разговор начистоту. Короку велел Хиёси встать на стражу и никого не подпускать, и двое собеседников углубились в лесную чащу. Предмет их беседы, равно как и тайные документы, которые, возможно, передал Короку посланец Досана, остались секретом для Хиёси, да он и предпочитал ничего не знать. Он честно нес стражу на опушке. Хиёси всегда выполнял любое задание беспрекословно: надо подмести в саду – он подметал; надо стоять на страже – он стоял на страже. Хиёси умел найти удовольствие

в любой работе не только потому, что вырос в нищете. Любое задание казалось ему ступенькой на пути к более важному делу. Он верил в то, что упорство и исполнительность помогут ему добиться поставленной цели в жизни.

Что делать, чтобы не затеряться в огромном мире? Этот вопрос непрестанно преследовал его. Хиёси не мог похвастаться ни богатой родословной, ни высоким происхождением. У него не было ни денег, ни связей. Как же добиться успеха? Вопрос этот терзал Хиёси, потому что он не удался ни ростом, ни силой. Образования он тоже не получил. Свои умственные способности он расценивал как посредственные. Чем же ему заручиться? Преданность – вот то единственное, что он мог предложить своему господину. Он не хотел проявлять это качество в зависимости от ситуации. Он вынужденно уповал на верность, потому что иного у него не было.

Все или ничего! Так решил для себя Хиёси. Любое поручение он будет исполнять в совершенстве, словно урок задали ему сами боги. Подметая сад, неся господские сандалии, чистя конюшню, он всей душой отдавался делу. Он не имел права лениться. Отлынивать от работы сегодня – значит похоронить свое завтра.

Над головой Хиёси щебетали птицы. На деревьях не было видно плодов, которыми они могли бы полакомиться. Наконец Короку вышел из чащи. Он был в приподнятом настроении, глаза его сияли. Лицо Короку, обычно сосредоточенное в трудные минуты, сейчас покраснелось от возбуждения. Новости оказались важными.

– А где монах? – спросил Хиёси.

– Пошел в другую сторону по тропе. Держи язык за зубами! – строго произнес Короку.

– Ясное дело, господин.

– Кстати, Намба Наики от тебя в восторге.

– Правда?

– Недалек день, когда я дам тебе пост повыше. Надеюсь, ты останешься у меня на службе?

Настала ночь, и главные соратники Короку собрались в господском доме. Тайный совет длился до зари. Хиёси доверили ответственную роль стража.

Содержание послания от Сайто Досана по-прежнему оставалось в строжайшей тайне, которую доверяли узкому кругу преданных помощников Короку. Вскоре после ночного совета соратники Короку один за другим начали исчезать из Хатидзуки. Это были самые смелые и самые смекалистые. Они уезжали переодетыми. В деревне шептались, что отправляются они в Инабаяму.

Ситинаи, младший брат Короку, тоже тайно уехал в Инабаяму. Хиёси велено было сопровождать его.

– Мы отправляемся в разведку или в бой? – любопытно спросил Хиёси.

– Не твое дело, – последовал быстрый ответ. – Помалкивай и держись рядом!

Ситинаи больше ничего не объяснил ему. Младшие члены клана и даже простые работники за глаза называли его Чумой. Никто не любил его. Он пьянствовал, устраивал скандалы и не обладал и малой долей добросердечия, присущего его старшему брату. Хиёси считал Ситинаи человеком неприятным, но не жаловался на задание, зная, что его избрали, потому что Короку ему доверял. Хиёси пока не предлагали вступить в клан, но он уже обязался неукоснительно исполнять приказы. Он был исполнен решимости и желания служить Ситинаи, пусть даже его называют господином Чумой, и, если понадобится, отдать за него жизнь.

В день отъезда Ситинаи изменил свою внешность до неузнаваемости, не пожалев даже косицы. Он собрался путешествовать под чужим именем, выдавая себя за торговца маслом из Киёсу. Хиёси вновь облачился в лохмотья, в которых бродяжничал прошлым летом. Ситинаи и Хиёси выдавали себя за путников, случайно повстречавшихся по дороге в Мино.

– Обезьяна, заставу лучше миновать порознь.

– Хорошо.

– Ты – болтун, но тут придется держать язык за зубами. О чем бы тебя ни спросили, не распевайся.

– Хорошо, господин.

– Если попадешься, я сделаю вид, что прежде в глаза тебя не видел, и оставлю тебя разбираться со стражниками.

По дороге было немало застав. Тесные узы родства между кланами Ода и Сайто должны были бы служить залогом дружбы, но в действительности все было иначе. Оба клана тщательно стерегли общую границу. Путники уже вошли в Мино, но атмосфера подозрительности не рассеялась. Хиёси спросил у Ситинаи, почему так происходит.

– Вечно ты задаешь глупые вопросы! Князь Сайто Досан и его сын Ёситацу уже долгие годы не в ладах.

Ситинаи, казалось, не удивляла подобная вражда. Хиёси невольно призадумался, умен ли его нынешний господин. Конечно, в кругу самураев с незапамятных времен имелось множество примеров вражды между отцом и сыном. Порой они даже брались за оружие, но каждый раз на то имелись серьезные причины.

– А почему князь Досан и князь Ёситацу поссорились? – любопытно спросил Хиёси.

– Не приставай! Спроси кого-нибудь другого.

Ситинаи не произнес больше ни слова, как язык проглотил. По дороге в Мино Хиёси подумал, что ему, возможно, придется исполнять нелепые приказы.

Инабаяма оказалась живописным укрепленным городом, окруженным невысокими холмами. Осенняя листва на горе Инабаяма затуманилась мелким дождем, но сквозь облака лился солнечный свет. Стояла осень, и горой можно было любоваться с утра до ночи. Ее склоны, казалось, покрыты золотой парчой, поэтому Инабаяма получила свое второе название – гора Золотого Цветка. У подножия горы текла река Нагара, украшавшая город и окрестные поля. У Хиёси перехватило дыхание, когда на самой вершине он разглядел белые стены крепости. Она казалась совсем крошечной на таком расстоянии и походила на одинокую белую птицу.

Из города в крепость вилась крутая тропа. Крепость надежно снабжалась водой, что произвело большое впечатление на Хиёси. Такие твердыни сложно атаковать и практически невозможно взять штурмом. Хиёси подумал, что провинция держится не только на крепостях.

Ситинаи снял комнату в купеческом квартале в богатой части города. Дав Хиёси немного денег, он велел ему устроиться на дешевом постоялом дворе в переулке.

– Через некоторое время я дам тебе распоряжения, а пока изволь каждый день торговать своими иголками. Люди с подозрением относятся к бездельникам.

Хиёси почтительно поклонился, взял деньги и поступил, как ему было велено. На постоялом дворе было, конечно, грязно, зато теперь он был сам себе хозяин. Он по-прежнему не мог вообразить, какое поручение ему предстоит выполнить. На постоялом дворе находили приют люди всяких сортов: бродячие актеры, полировщики зеркал, лесорубы. Запах ночлежки был хорошо знаком юноше, равно как и блохи со вшами, делившие жилье с постояльцами.

Хиёси торговал иголками, а вечером на обратном пути покупал соленые овощи и рис. В ночлежке каждый готовил еду сам. Пользоваться очагом дозволялось лишь тем, кто отдельно платил за дрова.

Прошло семь дней, и никаких вестей от Ситинаи. Он что, тоже слоняется без дела? Хиёси казалось, что о нем забыли.

И вот однажды, когда Хиёси прохаживался со своим товаром по богатой части города, он увидел человека с кожаным колчаном и с парой старых луков на плече. Человек этот был куда лучшим зазывалой, чем Хиёси.

– Починяю старые луки! Починяю старые луки! – зычным голосом кричал он.

Подойдя поближе, ремесленник остановился в изумлении:

– Обезьяна, ты ли это? Как ты сюда попал? С кем ты тут?

Хиёси тоже удивился, узнав Нитту Хикодзю, который состоял на службе у Короку.

– Господин Хикодзю, вы чините луки в Инабаяме?

– Я тут не один, наших человек тридцать, если не сорок. Тебя я здесь не ожидал встретить.

– Я прибыл семь дней назад вместе с господином Ситинаи, но он ничего не объяснил мне.

Велел просто торговать иголками на улице. Что это значит?

– А ты ничего не знаешь?

– Он ничего не рассказал мне. Неприятное дело не знать, что происходит.

– Могу себе представить.

– А вы наверняка все знаете.

– Иначе не расхаживал бы здесь, починяя луки.

– Пожалуйста, расскажите мне.

– Г-м-м... Ситинаи – порядочная свинья. Ты даже не представляешь, что рискуешь здесь жизнью и почему. Нельзя обсуждать это на улице.

– Нашей жизни грозит опасность?

– Если тебя схватят, наш замысел окажется под угрозой. Ты ведь все разболтаешь. Ради нашего общего блага я, пожалуй, тебе объясню кое-что, чтобы ты имел кое-какое представление о происходящем.

– Буду вам очень признателен.

– Посреди улицы мы бросаемся в глаза, навлекая на себя подозрение.

– Вон там храм. Зайдем за него и спокойно поговорим.

– Там и перекусим.

Хиёси побрел следом за Хикодзю. В храмовом парке было тихо. Они достали еду, завернутую в бамбуковые листья. Солнечные зайчики играли на листьях деревьев. Сквозь завесу ярко-желтой листвы виднелась огненно-красная вершина горы Золотого Цветка. Крепость, гордость клана Сайто и символ его могущества, взмывала в синее небо.

– Вот наша цель! – Палочками для еды с прилипшими крупинками риса Хикодзю указал на крепость Инабаяма.

Хиёси разинул рот, уставившись на палочки.

– Мы что, должны взять эту крепость штурмом?

– Не говори глупостей! – Хикодзю сломал палочки и швырнул на землю. – Ёситацу, сын князя Досана, удерживая крепость, контролирует всю округу, а также дороги на Киото и на восток. Он муштрует своих воинов и пополняет боевой арсенал. Ни Ода, ни Имагава, ни Ходзё с ним не потягаться. Неужели он под силу клану Хатидзука? Я собирался посвятить тебя в наши намерения, но, право, не уверен теперь, стоит ли.

– Простите. Я больше ни о чем спрашивать не буду. – Хиёси пристыженно замолчал.

– Нас тут никто не подслушивает? – Хикодзю огляделся по сторонам и облизнул губы. – Ты, верно, кое-что слышал о союзе нашего клана с князем Досаном? – Хиёси кивнул. – Сын с отцом враждуют уже долгие годы.

Хикодзю поведал Хиёси о распре и последовавшей за ней смуте, охватившей весь край Мино.

– Досан некогда странствовал под чужими именами, одним из которых было Мацунами Сокуро. Мастер на все руки, он торговал маслом, был наемным воином и даже послушником в монастыре. В конце концов ему удалось возвыситься – власть над Мино он захватил чуть ли не голыми руками. Для достижения цели он сначала убил своего князя и господина Токи Масаёри

и изгнал его наследника Ёринари. Он взял к себе одну из наложниц убитого Токи. Ходило великое множество историй о его зверской жестокости и бесчисленных злодеяниях, но мудрости и отваги ему было не занимать. Достаточно сказать, что с тех пор, как Досан стал правителем Мино, никто не отвоевал у него ни клочка земли.

Судьба превыше человеческого разума. Небеса карают за несправедливые деяния. Досан усыновил Ёситацу, сына наложницы Токи, но постоянно сомневался, не сын ли это убитого князя. Ёситацу подрастал, и сомнения Досана все сильнее терзали его сердце.

Ёситацу вырос в могучего мужчину. Его сделали хозяином Инабаямы, а отец перебрался в крепость Сагияма на другой берег Нагары. Боги распорядились судьбами сына и отца, поселившихся на разных берегах реки. Ёситацу, находившийся сейчас в расцвете сил, презирал человека, который считался его отцом. Стареющий Досан, одержимый подозрениями, проклял Ёситацу и лишил его наследства. Он намеревался передать всю власть над Мино своему второму сыну – Магосиро. Ёситацу, однако, разгадал этот замысел.

Ёситацу заболел проказой и получил прозвище Прокаженный князь. Он был человеком переменчивым и вспыльчивым, но отличался смелостью и находчивостью. Ёситацу укрепил оборону своих владений на случай нападения из Сагиямы и никогда не уклонялся от стычек. Желая избавиться от презренного Прокаженного князя, Досан решился на кровопролитие. – Хикодзю перевел дух. – Приверженцев Досана здесь все знают в лицо, поэтому нас попросили устроить пожар в городе.

– Сжечь весь город?

– Не просто поджечь. Прежде необходимо распусть все слухи, а когда Ёситацу со своим войском забеспокоится, выбрать ветреную ночь и предать город огню. Досан со своими воинами переправится на этот берег и пойдет на штурм.

– Понятно. – Хиёси сдержанно кивнул, как подобает мужчине. Он не выказал ни восторга, ни осуждения. – Значит, мы здесь, чтобы распространить тревожные слухи и совершить поджог?

– Именно так.

– Мы всего лишь подстрекатели, верно?

– Да, можно и так сказать.

– Разве подстрекательство – не самое низкое дело?

– Ничего не поделаешь. Наш клан Хатидзука с давних пор зависит от князя Досана.

Хикодзю просто смотрел на вещи. Хиёси смерил его взглядом. «Что ж, ронин всегда остается ронином», – с горечью подумал юноша. Он высоко ценил свою жизнь и не собирался растрачивать ее бездумно, хотя и кормился за счет ронина.

– А почему господин Ситинаи прибыл сюда?

– Присматривает за нами. Когда сюда поодиночке проникло человек сорок наших, необходим начальник.

– Понятно.

– Понял теперь, что нам предстоит?

– Пожалуй. Не возьму в толк, зачем здесь я?

– А действительно, зачем?

– Что, по-твоему, поручат мне? Я до сих пор не получал никаких распоряжений от господина Ситинаи.

– Ты маленький и ловкий, может, ты и запалишь город.

– Понятно. Роль поджигателя.

– Мы в этом городе с секретными заданиями, поэтому надо соблюдать осторожность. Прикидываясь мастерами-лучниками и продавцами иголок, мы должны вести себя

осмотрительно и не болтать языком.

– Один неверный шаг – и нас схватят.

– Конечно. Стоит самураям Ёситацу пронюхать о наших планах, так начнется резня.

Страшно вообразить, что будет с нами, если кто-то из нас окажется в их руках.

Хикодзю считал, что опасно для общего дела держать Хиёси в неведении, но теперь он волновался, что Обезьяна может проговориться. Хиёси прочел эти сомнения в его глазах.

– Не беспокойся. Я привык ко всему в своих странствиях.

– Не проболтаешься? – недоверчиво произнес Хикодзю. – Не забывай, мы находимся в стане врага.

– Будь уверен во мне.

– Ладно, засиделись мы с тобой.

У Хикодзю затекла поясница, и, встав, он несколько раз похлопал себя по спине.

– Обезьяна, а где ты остановился?

– На боковой улочке, неподалеку от гостиницы, где живет господин Ситинаи.

– Вот как? Загляну к тебе как-нибудь вечером. Не распускай язык с соседями! – Перекинув луки через плечо, Нитта Хикодзю зашагал в центр города.

Хиёси посмотрел на высокие белые стены далекой крепости, парившие над верхушками деревьев. Теперь, когда он узнал о раздоре в семействе Сайто, ни могучие стены, ни мощные бастионы уже не казались ему надежными и крепкими. В этой семье правило зло. «Кто станет следующим владельцем крепости? – невольно подумал он. – Досан добром не кончит, это ясно. Рано или поздно ему придет конец. Может ли быть могущественной страна, властелин которой враждует со своими подданными? Как могут люди доверять друг другу и правителям, если обличенные властью отец и сын ослеплены взаимной ненавистью и готовы в любой миг пролить родную кровь?»

Провинция Мино – благодатный край, окруженный горами, была перекрестком дорог, ведущих в столицу из разных уголков Японии. Природа благословила эти места, земледелие и ремесло достигли расцвета, воды в Мино были чисты, а женщины – прекрасны. Но все здесь прогнило! Хиёси было недосуг размышлять, какой червь источил души здешних людей. Его больше занимали предположения о том, кто станет следующим князем Мино.

Хиёси тревожила роль, которую в этой истории играл Хатидзука Короку. У ронинов всегда была дурная репутация, но, служа Короку, Хиёси понял, что его господин – не обыкновенный разбойник. Короку имел открытый характер, довольно древнюю родословную, и никто не посмел бы назвать его высокомерным выскочкой. До сих пор Хиёси не считал зазорным служить такому господину и выполнять его повеления, но сейчас он поневоле призадумался.

Досан давно поддерживал клан Хатидзука деньгами, и дружба их была крепкой. Невозможно представить, что Короку не ведал о злодейской натуре Досана и совершенных им предательствах и убийствах. И тем не менее он, однако, в споре между отцом и сыном принял сторону первого. Хиёси ломал голову над путаницей событий и отношений, но не мог решиться на участие в коварных замыслах. На свете тысячи слепцов, может, и Короку – один из них? От негодования Хиёси готов был сбежать из города.

Однажды утром в конце октября Хиёси вышел с постоялого двора и отправился со своим товаром на улицу. На перекрестке на окраине он внезапно столкнулся с Хикодзю. У того от ветра покраснели щеки и нос. Хикодзю вплотную приблизился к юноше и сунул записку ему в руку.

– Прочтешь, так немедленно разжуй и выплюни в реку! – велел он.

Хикодзю с равнодушным видом резко повернул направо, а Хиёси пошел налево. Юноша понял, что это послание от Ситинаи. Сердце его отчаянно забилося.

«Надо расстаться с этими людьми», – твердо сказал он себе. Хиёси не раз уговаривал себя на этот шаг, но просто сбежать еще опасней, чем оставаться в городе. На его постоялом дворе никого другого из Хатидзуки не было, но Хиёси предполагал, что за ним денно и ночью следят. Наверняка и за теми, кто приглядывал за ним, тоже шпионили. Все лазутчики из клана Короку были связаны друг с другом в неразрывную цепь. Теперь, похоже, настал решительный час. Хиёси впал в полное уныние. Его отвращение к этой истории, вероятно, проистекало из нерешительности, но он не мог вообразить, как станет подстрекать людей к беспорядкам, сеять страх и беду и в конце концов превратит город в пепелище.

Он потерял уважение к Короку, ему не хотелось служить Досану и тем более связываться с Ёситацу. Если бы он и выбрал чью-то сторону, то присоединился бы к горожанам. Он всем сердцем сочувствовал им, особенно детям, матерям, отцам. Простые семьи становятся первыми жертвами любой войны. Хиёси от волнения не мог даже прочесть записку.

– Иголки! Иголки! Столичные иголки! – закричал он и двинулся по безлюдному переулку. Вскоре он остановился у небольшого ручья. – Ах черт, и не перебраться! – воскликнул он нарочито громко.

Хиёси огляделся по сторонам, никого вокруг не было. Удача сопутствовала ему, однако он на всякий случай встал лицом к ручью и, справив малую нужду, осмотрел другой берег. Затем вынул записку и прочитал:

«Сегодня ночью, в час Собаки, приди в рощу за храмом Дзёдзайдзи, если ветер будет южный или западный, при северном или безветрии оставайся дома».

Он порвал записку в клочья, скатал их в комок, сунул в рот и принялся жевать.

– Продавец иголок!

От неожиданности Хиёси чуть не проглотил бумагу. Он достал ее изо рта и зажал в кулаке.

– Эй, продавец!

– Где вы?

– Да здесь, рядом! Нам нужны иголки.

Вокруг никого не было видно, и Хиёси не мог определить, откуда доносится голос.

– Эй, продавец, поди сюда!

Противоположный берег был повыше, и на нем виднелась двойная глинобитная ограда с маленькими воротцами. В распахнутых створках показался слуга. Хиёси тяжело вздохнул. За такой оградой мог жить только самурай. А любой самурай в здешних местах должен быть сторонником Сайто, вот только которого из них – отца или сына? Будь обитатель дома на стороне отца, Хиёси можно не беспокоиться, но в противном случае ему несдобровать.

– Нам понадобились иголки.

Беспокойство Хиёси усилилось, но выбора у него не было.

– С превеликим удовольствием, – сказал Хиёси, пытаясь не выдать волнения.

Вслед за слугой Хиёси прошел сквозь воротца и обогнул насыпной холм, являвшийся частью сада. Усадьба, должно быть, принадлежала важному человеку. У главного дома было множество пристроек. Замедлив шаг, Хиёси невольно залюбовался великолепием постройки, изяществом рукотворных ручьев и свезенных в сад каменных глыб. Кому нужны иголки в этом богатом доме? Судя по словам слуги, заказ исходил от его господина или от кого-то из членов семейства, но это явная бессмыслица. Хозяйке усадьбы или ее дочери иголки ни к чему, для них шьют служанки. В любом случае нелепо зазывать уличного торговца и тащить его в дом с

черного хода.

– Подожди здесь! – сказал слуга, оставив Хиёси в саду.

Юноша обратил внимание на двухэтажный дом с грубыми глинобитными стенами, стоящий на значительном удалении от главной постройки. На первом этаже, похоже, располагался кабинет, на втором – библиотека. Туда и отправился слуга, крикнув из сада:

– Господин Мицухидэ, я привел его!

Мицухидэ показался в квадратном окне, больше напоминающем бойницу. Это был молодой человек лет двадцати пяти, хорошо сложенный, с пронизательным острым взглядом. Он держал в руках какой-то свиток.

– Сейчас спущусь. Проводи его на веранду! – сказал он и исчез в глубине дома.

Хиёси поглядел вверх и понял, что из библиотеки видно было, как он читал записку у ручья. Мицухидэ, значит, заметил его и хочет допросить. Хиёси соображал, какую небылицу придумать, чтобы не попасть в беду.

Слуга подозвал его со словами:

– Племянник господина сейчас спустится. Подожди у веранды. И не забывай о том, что нужно прилично себя вести в этом доме.

Хиёси опустил на колени в нескольких шагах от веранды и устремил взгляд в землю. Никто не появился, и он поднял голову. Множество свитков в доме поразило его. Они лежали повсюду: на столике для письма и вокруг него, на полках в кабинете и во всех уголках первого и второго этажей. Сам господин или его племянник наверняка был ученым. Книжки редко попадались на глаза Хиёси. Внимательно вглядываясь в обстановку дома, он заметил подвешенное тонкое копьё меж потолочных балок и мушкет около ниши-токонома.

Наконец Мицухидэ появился в комнате и присел за столик. Подперев голову рукой, он пристально посмотрел на Хиёси.

– Ну, здравствуй, – произнес он.

– Я торгую иголками, – сказал Хиёси. – Вы хотели купить их у меня, господин?

Мицухидэ кивнул:

– Да, хочу, но прежде ответь мне на один вопрос. Ты тут иголки продаешь или шпионишь?

– Иголки продаю!

– А как ты оказался у этого дома?

– Заблудился.

– Лжешь. – Мицухидэ полуобернулся к нему. – С первого взгляда ясно, что ты бродяжка и уличный торговец с немалым опытом. Такой никогда не забредет туда, где нет покупателей.

– А я кое-что продал, немного, правда.

– Могу себе представить.

– Кое-что заработал.

– Ладно, оставим иголки в покое. Что ты читал в глухом месте у ручья?

– Читал? Я?

– Ты достал какую-то записку, полагая, что тебя никто не видит, но всюду есть люди, а у них глаза. Чего только не увидишь и не услышишь на свете! Итак, что ты читал?

– Письмо.

– Секретное?

– Письмо от моей матушки! – Хиёси постарался ответить предельно искренне.

– Вот как! Письмо от твоей матушки? – Мицухидэ испытующе посмотрел на него.

– Да.

– В таком случае разреши мне взглянуть на него. По законам нашего города, любую подозрительную личность следует задержать и доставить в крепость. Позволь мне убедиться,

что письмо действительно от твоей матушки, иначе придется передать тебя властям.

– Но я съел его!

– Что?

– К сожалению, господин, я его съел по прочтении.

– Неужели?

– Именно так, – серьезно произнес Хиёси. – Покуда я жив, моя матушка для меня превыше богов и Будды. И поэтому...

Мицухидэ внезапно сорвался на яростный крик:

– Не морочь мне голову! Ты проглотил его, потому что это было секретное сообщение. Не отпирайся!

– Нет! Нет! Вы ошиблись! – Хиёси всплеснул руками. – Подумайте сами! Я не смею использовать письмо от дражайшей матушки для того, чтобы вытереть нос, бросить на дорогу, где его затопчут в грязь. Это непочтительно со стороны сына, потому я и съел его. Я всегда съедаю матушкины письма. Я не лгу! Я так люблю мать и тоскую по ней, что даже письма ее съедаю. Не могу просто так расстаться с весточкой из дома.

Мицухидэ не сомневался в том, что юноша лжет, но лгал он весьма искусно. Невольно он проникся симпатией к незнакомцу, тем более что и сам жил в разлуке с матерью.

«Ложь, но не подлая», – подумал Мицухидэ. Глупо утверждать, что съедено письмо от матери, но и у этого невзрачного юноши с обезьяньим лицом наверняка есть родители. Мицухидэ пожалел неотесанного и невежественного оборванца. Глупый и неопытный юноша, став игрушкой в руках подстрекателей, может навредить больше, чем дикое животное. Он не из тех, кого немедленно следует препроводить в замок, но и убивать его на месте стыдно. Мицухидэ подумал было, не отпустить ли юношу на все четыре стороны, но потом стал сверлить его взглядом, пытаясь решить, как ему все-таки следует поступить.

– Матайти! – позвал он. – Мицухару дома?

– Полагаю, что дома, господин.

– Передай ему: я прошу его заглянуть ко мне ненадолго.

– Слушаюсь, господин. – Матайти помчался исполнять поручение.

Вскоре из дома широким шагом вышел Мицухару. Он был моложе Мицухидэ. На вид ему было лет девятнадцать. Он был сыном и наследником хозяина дома, Акэти Мицуясу, покинувшего монашескую обитель, и двоюродным братом Мицухидэ. Мицухидэ носил родовое имя Акэти и жил у дяди, почти не выходя из своего кабинета. Он переехал сюда не по бедности, родной дом Мицухидэ находился в захолустной Эне, оторванной от культурных и политических центров страны. Дядя часто ставил племянника в пример сыну: «Возьми пример с Мицухидэ и займись наукой».

Мицухидэ преуспел в постижении наук. До прибытия в Инабаяму он немало поездил по стране, от столицы до западных провинций. Он познакомился со странствующими воинами, стремился разобраться в происходящем в стране, учился преодолевать жизненные трудности и лишения. Решив изучить огнестрельное оружие, Мицухидэ посетил вольный город Сакаи и сумел внести большую лепту в оборону и организацию военного дела в Мино. Дядя и все округа почитали его знатоком новомодных знаний.

– Нужна моя помощь, Мицухидэ?

– Ничего серьезного, – произнес он с напускным безразличием.

– Ну а все-таки?

– Сделай мне одолжение, если сочтешь дело справедливым.

Оба вышли в сад и в нескольких шагах от Хиёси обсуждали, как с ним поступить. Выслушав рассказ двоюродного брата, Мицухару воскликнул:

– Ты про это ничтожество говоришь? – Он презрительно взглянул на Хиёси. – Если он кажется тебе подозрительным, отдай его Матаити. Немного пыток – скажем, отхлестать негодника сломанным луком, и он непременно заговорит. Только и всего!

– Нет. – Мицухидэ внимательно посмотрел на Хиёси. – Он не таков. Пытками его не сломишь. И вообще, мне его жаль.

– Если он так тебя разжалобил, так ты не добьешься от него признания. Дай-ка его мне дней на пять. Запру его в амбаре без еды. От голода он разговорится как миленький.

– Извини, что обременяю тебя своей просьбой, – сказал Мицухидэ.

– Связать его? – спросил Матаити, выкручивая Хиёси руку.

– Подождите! – крикнул Хиёси, пытаясь вывернуться. Он поглядел снизу вверх на братьев. – Вы только что сказали, что я не заговорю и под пыткой. Просто задайте мне вопрос. Впрочем, я сам все расскажу. Сидения в темном амбаре я не вынесу.

– Ты готов говорить?

– Да.

– Хорошо. Я буду допрашивать, – сказал Мицухару.

– Начинай.

– Что ты скажешь о...

Выдержка Хиёси заставила его умолкнуть на полуслове, и Мицухару пробормотал:

– Он какой-то чудной. Может, просто дурковат от природы, а может, дурачит нас.

Хиёси зло усмехнулся, но Мицухидэ оставался серьезным, обеспокоенно поглядывая на юношу. Мицухидэ и Мицухару снова принялись расспрашивать его.

– Ладно, – ответил Хиёси. – Я расскажу о том, что задумано. Сам я в заговоре не участвую и не имею с разбойниками ничего общего, поэтому обещайте сохранить мне жизнь!

– Договорились, тем более что цена ее невелика.

– Сегодня ночью вспыхнет большой пожар, если ветер будет подходящий.

– Где?

– Точно не знаю, но ронины, остановившиеся на постоялом дворе, тайком обсуждали это. При южном или западном ветре они соберутся в роще за храмом Дзёдзайдзи, потом разобьются на группы и подожгут город.

– Что?

Мицухару разинул рот. Мицухидэ сглотнул комок, подкативший к горлу.

Хиёси, не обращая внимания на их смятение, поклялся, что больше ничего не знает, а все сказанное случайно подслушал из разговора соседей по ночлежке. Он заверил, что хочет поскорее распродать свой товар и немедленно вернуться домой, в Накамуру, к любимой матушке. Мицухидэ и Мицухару понемногу пришли в себя.

– Мы тебя отпустим, но не раньше ночи. Матаити, заberi его и покорми, – распорядился Мицухидэ.

Ветер начал усиливаться, он дул с юго-запада.

– Мицухидэ, что, по-твоему, они предпримут? Ветер западный.

Мицухару озабоченно смотрел на проносящиеся по небу тучи. Мицухидэ молча сел на веранде у входа в библиотеку. Уставившись в пустоту, он погрузился в размышления.

– Мицухару, – произнес он, – в последние дни не говорил ли дядя чего-нибудь необычного? Может быть, даже странного?

– Нет.

– Ты уверен?

– Ну, сейчас, когда ты задал такой вопрос... Сегодня утром, отправляясь в крепость Сагияма, он сказал, что нас ждут большие неприятности, поскольку отношения между князем

Досаном и князем Ёситацу резко ухудшились. Сказал, что на случай непредвиденных событий следует, по обыкновению, держать наготове людей, лошадей и оружие.

– Он сказал это сегодня утром?

– Да.

– Вот оно что! – Мицухидэ хлопнул себя по колену. – Он намекнул тебе на то, что ночью будет сражение. В заговорах даже ближайших родственников держат в неведении. Он, вероятно, участвует в этих кознях.

– Ночью будет битва?

– Люди, собирающиеся в полночь за храмом Дзёдзайдзи, – вражеские лазутчики, посланные князем Досаном. Скорей всего, они из клана Хатидзука.

– Князь Досан, похоже, решил изгнать князя Ёситацу из крепости.

– Да.

Мицухидэ самодовольно кивнул, но тут же мрачно закусил губу:

– Мне кажется, что план князя Досана провалится. Князь Ёситацу готов к любым неожиданностям. Кровопролитие между отцом и сыном – великий грех. Их покарают боги! Не важно, кто из них победит, в любом случае прольется родная кровь, а владения клана Сайто не увеличатся. Соседи выжидают подходящий момент для вторжения в наши пределы. Смута охватит всю провинцию. – Он тяжело вздохнул.

Мицухару, не говоря ни слова, мрачно следил за облаками. Ничего не поделаешь, когда у тебя двое господ и они вступают в поединок. Мицуюсу, отец Мицухару – преданный сторонник Досана, следовательно, он в первых рядах пойдет на штурм крепости, в которой засел Ёситацу.

– Мы должны предотвратить зверскую резню! В этом состоит долг верноподданных. Мицухару, немедленно отправляйся в Сагияму и разыщи там отца. Вы с отцом должны отговорить князя Досана от его замыслов.

– Хорошо.

– А я вечером отправлюсь к храму Дзёдзайдзи и попытаюсь расстроить планы лазутчиков. Остановлю их любой ценой.

Три больших очага стояли в ряд на кухне. Над ними высились огромные котлы, каждый вмещал несколько мешков риса. Стоило приподнять крышки, как из-под них вырывались облака пара. Хиёси прикинул, что в доме обитает не менее ста человек. «Здесь столько риса, а матушка и сестра, наверно, голодают», – подумал он. Еда напомнила ему о родном доме.

– Ветер нынче разгулялся! – сказал старый повар, входя на кухню. Обращаясь к поварятам, он добавил: – Ветер не стихнет и после захода солнца. Поосторожней с огнем! – Он с любопытством посмотрел на Хиёси.

– А это что за обезьяна? У нас вроде не было таких? – спросил он у слуги.

– Его поймал господин Мицухидэ. Матаити сторожит его.

Старый повар взглянул на Матаити, пристроившегося в теплом уголке.

– Славное занятие! – сказал он, не понимая, что происходит. – Он что, надерзил господам?

– Нет. Я и сам не знаю, что случилось. Выполняю приказ господина Мицухидэ.

Матаити было велено держать язык за зубами.

– Господин Мицухидэ не по годам мудр и проникателен. – Повар почитал Мицухидэ и не упускал случая выразить свое восхищение им. – Редкий человек! Господин Мицухидэ не из тех, кто презирает учение, похваляется тяжестью своего меча и меткостью копья или количеством убитых на поле боя. Как ни заглянешь в библиотеку, он все читает и читает, а ведь и воин отменный! Он много добьется в жизни, уверяю вас.

Матаити, польщенный тем, что так расхваливают его хозяина, добавил:

– Ты прав. Я состою при нем с тех пор, когда он был еще мальчиком. Никогда не встречал

такого доброго господина. Он – почитательный сын, любит мать, никогда не забывает ей написать.

– Случается, что годам к двадцати пяти смельчак становится хвастуном, а благородный человек – хлыщом, – заметил старик. – И ведет себя так, словно появился на свет в стойле. Забывает родителей, живет только ради себя...

– Кстати, несмотря на благородство, – заметил Матаити, – господин мой – человек буйного нрава, хотя с виду и не скажешь. Ярость редко находит на него, но в гневе нет страшнее господина Мицухидэ.

– Значит, хотя с виду он хладнокровный, но если вдруг рассердится...

– Точно. Вот, например, как сегодня.

– Как сегодня?

– В затруднительном положении, когда ему предстоит решить, кто прав, а кто виноват, он тщательно все взвешивает. Но приняв решение, действует с напором, как мощный поток, прорывающий дамбу. Отдает распоряжения своему двоюродному брату Мицухару.

– Быть ему полководцем, он прирожденный военачальник.

– Господин Мицухару во всем полагается на двоюродного брата и выполняет любые его поручения. Сегодня он помчался в крепость Сагияма.

– Что-то случилось там?

– Не знаю.

– Приготовьте побольше рису и сделайте колобки для воинов. Ночью может произойти битва. Так сказал господин Мицухару перед отъездом.

– Предосторожность, верно?

– Хорошо бы дело ограничилось одной предосторожностью. Начнись война между Инабаямой и Сагиямой, на какой стороне нам прикажешь сражаться? В любом случае придется стрелять из лука в друзей и родственников.

– Ну, может, до этого дело и не дойдет. Господин Мицухидэ предпримет все для предотвращения битвы. Я молюсь за его успех. Вот коли соседи на нас нападут, я готов с ними сразиться!

Настала ночь. Небо было черным-черно. Порывы ветра проникали и в кухню, раздувая пламя в очагах. Хиёси, сидевший около очага, почувствовал запах пригоревшего риса.

– Эй, рис пригорел! Слышите!

– Не лезь не в свое дело! – закричали слуги.

И, пригасив огонь в очагах, один из слуг подставил лестницу к чану и начал переключивать рис из больших чанов. Свободные от работы начали лепить рисовые колобки. Хиёси работал наравне со всеми. Он отправил себе в рот несколько пригоршней риса, но никто не обратил на это внимания. Все сосредоточенно готовили колобок за колобком, оживленно болтая.

– Видать, сразимся, а?

– Неужели не договорятся?

Готовя припасы на случай боевых действий, каждый надеялся на мирный исход.

В час Собаки Мицухидэ прислал человека за Матаити. Тот вышел, но сразу же вернулся и закричал с порога:

– Продавец иголок! Где тут продавец иголок?!

Хиёси вскочил с места, на ходу слизывая крупинки риса с пальцев. Он вышел из дома, и пронзительный ветер чуть не сшиб его с ног.

– Пошли! Господин Мицухидэ ждет. Поторапливайся!

Хиёси поспешил за Матаити. Слуга был в легких доспехах, словно приготовился к битве. Хиёси не знал, куда они направляются. Они оказались у главных ворот, и он понял, что его

привели с заднего двора в сад перед домом. Их поджидал какой-то всадник. Это был Мицухидэ в той же одежде, что и днем. В руках он сжимал поводья, а под мышкой держал копье.

– Матаити?

– Да, господин.

– Продавец иголок с тобой?

– Да.

– Оба идите вперед.

– Пошли, парень! – скомандовал Матаити, повернувшись к Хиёси.

Они побрели в непроглядную ночь. Мицухидэ ехал следом, приноравливая лошадь к их шагу. На перекрестках Мицухидэ приказывал повернуть то налево, то направо. Наконец Хиёси увидел, что они добрались до ворот храма Дзёдзайдзи, где был назначен сбор лазутчиков из клана Хатидзука. Мицухидэ молча спешил.

– Матаити, стой здесь и держи коня, – сказал он, передавая слуге поводья. – Мицухару через час должен прибыть сюда из крепости Сагияма. Если он не появится в назначенный срок, мы все отменим. Наш город стал прибежищем демонов разрушения. Может ли простой человек ведать, что предвещает ему грядущий день, – мрачно заметил Мицухидэ. – Продавец, показывай дорогу.

– Куда? – Хиёси съежился от порыва ветра.

– В рощу, где собираются люди Хатидзуки.

– Да, но я ведь не знаю этих мест.

– Они, по крайней мере, узнают тебя в лицо.

– А?

– Не прикидывайся дурачком!

«Плохо дело, – подумал Хиёси. – Не удалось обвести его вокруг пальца».

Мицухидэ разгадал хитрость юноши.

В роще стояла непроглядная тьма. Ветер сгибал макушки деревьев, и тяжелые ветви бились о крышу храма, подобно морским валам, захлестывающим в бурю корабельную палубу. Роща напоминала разбушевавшийся океан.

– Продавец!

– Да, господин.

– Твои дружки уже тут?

– Откуда мне знать?

Мицухидэ присел на низкий каменный фонарь у задней стены храма.

– Близится половина часа Собаки. Если ты – единственный посланный ими лазутчик, они забеспокоятся о тебе.

Под мощным порывом ветра копье Мицухидэ уткнулось острием под ноги Хиёси.

– Иди покажись им!

Хиёси понял, что Мицухидэ разгадал его замысел.

– Скажи им, что Акэти Мицухидэ хочет поговорить с предводителем людей Хатидзуки.

– Слушаюсь, господин. – Хиёси поклонился, но не двинулся с места. – Можно объявить это вслух?

– Да.

– Для этого вы привели меня сюда?

– Да. Ступай.

– Хочу вам кое-что сказать на тот случай, если нам больше не доведется встретиться.

– Слушаю.

– Позорно уйти, не объяснившись с вами. По-вашему, я – всего лишь лазутчик Хатидзуки.

– Верно.

– Вы очень умны, но взгляд ваш слишком острый – он пронзает цель насквозь, не успев разглядеть ее. Забивая гвоздь, человек не вгоняет в стену шляпку. Это было бы так же неосмотрительно, как забить его лишь наполовину. Ваша проникательность похожа на гвоздь. Я сознаюсь, что прибыл в Инабаяму с людьми Хатидзуки. Но душой я совсем не с ними. Я родился в крестьянской семье в Накамуре и пробавляюсь пустяками вроде торговли иголками, но стремлюсь к иному. Я не намерен всю жизнь есть холодные объедки со стола разбойников или за ничтожную плату заниматься подстрекательством. Если судьба сведет нас еще раз, я докажу вам, что ваша проникательность не всегда полезна. Сейчас я пойду к Хатидзуке Ситинаи, передам ему ваши слова и немедленно исчезну. Удачи вам! Берегите себя и учитесь прилежно!

Мицухидэ молча выслушал отповедь странного юноши. Хиёси скрылся во тьме, когда Мицухидэ крикнул ему вслед:

– Продавец! Вернись!

Хиёси в реве бури уже не мог расслышать его оклик. Он мчался под черными деревьями, пока не очутился на маленькой поляне, защищенной от ветра. Он увидел людей, похожих на табун диких лошадей на водопое. Одни стояли, другие сидели, третьи переминались с ноги на ногу.

– Кто там?

– Я!

– Хиёси?

– Да.

– Куда ты запропастился? Последним пришел. Все беспокоятся, – заворчал один из воинов.

– Извините за опоздание, – сказал Хиёси. Он дрожал. – А где господин Ситинаи?

– Где-то здесь. Поди и извинись перед ним. Он очень сердится.

Ситинаи стоял в окружении пятерых соратников.

– Обезьяна явилась? – спросил он, оглядываясь по сторонам.

Хиёси пробормотал невнятные извинения.

– Где тебя черти носили?

– Я весь день просидел под арестом у сторонника клана Сайто, – признался Хиёси.

– Что?

Все гневно уставились на юношу, страшась того, что их план может сорваться.

– Болван! – Ситинаи грубо схватил Хиёси за ворот и выволок его на середину круга. – Кто и где держал тебя под арестом? Не проболтался ли ты?

– Я все им рассказал.

– Что?!

– Иначе меня бы убили, и я не смог бы прийти к вам.

– Ах ты, ублюдок! – Ситинаи грубо встряхнул Хиёси. – Мерзавец! Заговорил, чтобы спасти собственную шкуру! Придется тебе стать первой жертвой в сегодняшней битве.

Ситинаи отпустил Хиёси и размахнулся, чтобы ударить его, но юноша успел отскочить. Двое воинов схватили Хиёси и заломили ему руки за спину.

– Не сходите с ума! Сначала выслушайте меня! Я проболтался, но выслушайте! Я был у приверженцев князя Досана!

Новость немного успокоила людей, но не рассеяла их сомнений.

– Выкладывай, кто они такие.

– Дом Акэти Мицуясу. Поймал меня не сам господин Акэти, а его племянник Мицухидэ.

– А, он живет у дяди, – пробормотал один из воинов.

Хиёси обвел взглядом весь отряд:

– Господин Мицухидэ хочет встретиться с нашим предводителем. Он пришел вместе со мной и ждет у храма. Господин Ситинаи, не соизволите ли побеседовать с ним?

– Племянник Акэти Мицуюсу пришел с тобой?

– Да.

– И ты обо всем рассказал Мицухидэ?

– Он и сам догадался бы. Он – истинный гений.

– Зачем он пришел?

– Не знаю. Он велел мне привести его в храм.

– И ты выполнил его приказ?

– А что мне оставалось?

Воины ловили каждое слово Хиёси и Ситинаи, затаив дыхание. Ситинаи возвестил о завершении разговора, громко щелкнув языком.

– Так где этот Акэти Мицухидэ? – спросил он.

Все заговорили наперебой, обсуждая предстоящую встречу. Идти в одиночку слишком опасно, кто-то должен сопровождать Ситинаи, а может, следует тайком окружить место встречи.

– Люди клана Хатидзука! Я сам пришел к вам и хочу поговорить с господином Ситинаи! – послышался незнакомый голос.

Все ошеломленно обернулись на голос. Мицухидэ, неслышно подкравшись к отряду, хладнокровно разглядывал воинов.

Ситинаи смутился, но с важным видом шагнул навстречу пришельцу.

– Вы Хатидзука Ситинаи? – спросил Мицухидэ.

– Он самый. – Ситинаи гордо поднял голову.

Он находился под защитой сообщников, к тому же не в обычае разбойников робеть перед самураем, состоящим на службе у князя или у более могущественной особы.

У Мицухидэ было копье, но он смиренно поклонился и вежливо заговорил:

– Весьма польщен встречей с вами. Много слышал о вас, равно как и о достопочтенном господине Короку. Я – Акэти Мицухидэ, сторонник князя Сайто Досана.

Учтивость удивила Ситинаи.

– Что вам угодно? – спросил он.

– План действий на сегодняшнюю ночь.

– Какой еще план? – с наигранным простодушием осведомился Ситинаи.

– Речь идет о подробностях того, что я выведал у продавца иголок. Сегодняшний мятеж, – вероятно, правильней назвать его выступлением, – так вот, ваше выступление с военной точки зрения подготовлено скверно. Не могу поверить, что князь Досан разработал подобную операцию. Прошу вас немедленно отказаться от этой затеи.

– Ни за что! – надменно воскликнул Ситинаи. – Все затевается не по моему приказу. Это распоряжение господина Короку, а действует он по просьбе князя Досана.

– Нечто похожее я, увы, и предполагал, – спокойно возразил Мицухидэ. – Разумеется, вы не будете отвечать за отмену вылазки. Мой двоюродный брат Мицухару отправился в Сагияму, чтобы получить согласие князя Досана. Мицухару приедет сюда. Прошу ничего не предпринимать до его прибытия.

Мицухидэ всегда и со всеми держался вежливо, что не умаляло ни его решительности, ни отваги. Подобная учтивость по-разному действует на людей, порой лишь раздражает собеседника или придает ему чрезмерную уверенность в собственных силах.

«Вот еще! Жалкий юнец! Понахвтался учености, а у самого молоко на губах не обсохло.

Бормочет какие-то извинения», – думал Ситинаи. А вслух он произнес вот что:

– Мы никого не собираемся ждать! Господин Мицухидэ, не лезьте в чужие дела. Вы – всего лишь приживал в дядюшкином доме.

– Я не намерен обсуждать мое положение с вами. Я действую в интересах моего сюзерена.

– В таком случае вы запаслись бы оружием и продовольствием, как мы, и с факелом в руках пошли бы в первых рядах на штурм Инабаямы.

– Я бы так не поступил. Верность князю состоит в другом.

– Любопытно!

– Князь Ёситацу – наследник князя Досана. Верно? Князь Досан – наш господин, следовательно, и князь Ёситацу тоже наш господин.

– Но они враждуют друг с другом.

– Весьма прискорбно. Неужели отец и сын вправе идти друг на друга войной? Ни у птиц, ни у зверей такого не заведено. Люди не должны нарушать законы природы.

– Не морочьте нам голову! Возвращайтесь домой, а мы уж как-нибудь справимся с грязной работой.

– Не могу.

– Почему?

– Я не уйду, не дождавшись Мицухару.

Ситинаи вдруг почувствовал решимость и силу в голосе молодого человека. Он посмотрел на острие копья, которое держал Мицухидэ.

– Мицухидэ, ты здесь? – задыхаясь, спросил Мицухару.

– Да. Какие вести из крепости?

– Ничего утешительного. – Мицухару взял двоюродного брата за руку. – Князь Досан и слышать не хочет об отмене выступления. Мой отец поддержал его. Отец считает, что мы, младшие члены семьи, не должны быть в стороне от дела.

– Неужели дядюшка не послушал тебя?

– Он в ярости. Я готов пожертвовать жизнью, лишь бы остановить его от неверного шага. Положение отчаянное. Войска готовы к выступлению из Сагиямы. Я опасался, что город уже подожгли, поэтому мчался сюда сломя голову. Мицухидэ, что будем делать?

– Значит, князь Досан намерен сжечь Инабаяму?

– Ничего не поделаешь. Нам, кажется, остается исполнить свой долг и сложить голову за нашего повелителя.

– Нет! Будь он трижды нашим господином и князем! Недостойно умирать за столь презренное дело. Воистину собачья смерть!

– Но как нам поступить?

– Если город не подожгут, войско вряд ли выступит из Сагиямы. Надо остановить поджигателей! – Мицухидэ преобразился. От учтивости не осталось и следа. Он обернулся к Ситинаи, держа копьё наизготове.

Люди Хатидзуки зажали братьев в кольцо.

– Что ты надумал? – заорал Ситинаи на Мицухидэ. – Метишь в меня копьем! Сдурел, что ли? Копье у тебя никудышное!

– Вы не ошиблись! – Голос Мицухидэ звучал твердо. – Ни один из вас отсюда не уйдет. Подумай немного и сам согласишься, что лучше отказаться от поджога по собственной воле. Тогда вы сможете вернуться в Хатидзуку. Мы оставим вас в живых, и я щедро награжу тебя за послушание. Согласен?

– Шутишь?

– Положение тяжелое. Дело может обернуться крушением клана Сайто. Я хочу

предотвратить события, которые способны погубить обе крепости – и Инабаяму, и Сагияму.

– Дурень! – злобно выкрикнул Ситинаи. – Молоко на губах не обсохло! И ты надеешься остановить нас? Одна попытка, и ты мертв!

– Смерть меня не страшит. – Брови Мицухидэ изогнулись дугой, как у злого демона. – Мицухару, грядет смертный бой. Готов ли ты умереть со мной?

– Конечно! Не беспокойся за меня!

Мицухару обнажил длинный меч, и они с Мицухидэ встали спиной к спине, готовясь отразить нападение. Не теряя надежды на торжество здравого смысла, Мицухидэ обратился к Ситинаи:

– Если ты боишься позора вернуться с пустыми руками в Хатидзуку, возьми меня в заложники! Я кое-чего стою! Я докажу господину Короку свою правоту, и он одобрит нас за то, что мы сумели избежать кровопролития.

Слова, исполненные терпения и рассудительности, показались заговорщикам жалкой отговоркой.

– Заткнись! Не слушайте его! Торопитесь! Условленное время истекает!

Разбойники издали воинственный клич, и в мгновение ока братьев словно окружила волчья стая. На них обрушились мечи, алебарды и копья. Вопли и лязг оружия смешались с воем ветра.

Обломки мечей разлетались во все стороны, мелькали окровавленные копья. Хиёси поспешно вскарабкался на дерево. Он прежде видел, как мужчины обнажают мечи, но впервые наблюдал настоящее сражение. Неужели Инабаяма погибнет в огне? Разгорится ли война между Досаном и Ёситацу? При виде смертельного боя Хиёси почувствовал небывалое волнение.

Трое заговорщиков рухнули наземь, и люди Хатидзуки обратились в бегство.

«Ага, удирают!» – подумал Хиёси. На всякий случай он не слезал с дерева. Это был, верно, каштан, потому что руки и шея у Хиёси оказались исколотыми. Орехи и ветви с треском падали на землю от бури. Хиёси презирал разбойников, хвастунов и трусов, банду которых с легкостью рассеяли двое смельчаков. В воздухе потянуло гарью. Хиёси раздвинул ветви. Люди Хатидзуки, убегая, поджигали все вокруг. Роща кое-где пылала, огнем было охвачено несколько домов за храмом Дзёдзайдзи.

Хиёси, спрыгнув с дерева, помчался прочь, боясь, что заживо сторит в роще. Из горящего леса он попал в горящий город. Языки пламени взмывали высоко в небо. Сейчас в багровых отсветах белые стены крепости Инабаяма казались ближе, чем днем. Красные тучи войны клубились над ними.

– Война! – кричал Хиёси, мчась по улицам. – Война! Конец всему! Погибнут и Сагияма, и Инабаяма! На пепелище вырастет свежая трава. Никто не посмеет спалить молодую поросль!

Он с разбегу врзался в толпы людей, высыпающих на улицу. Мимо промчалась лошадь без седока.

На перекрестках толпились горожане, охваченные ужасом. В небывалом волнении Хиёси неслся вперед, выкрикивая мрачные пророчества. Куда ему бежать? В Хатидзуку возвращаться нельзя. Он без сожаления прощался с тем, что казалось ему самым ненавистным, – со злыми людьми, с коварным князем, со смутой, со всем злом, которое обрушилось на провинцию Мино.

Зиму он продрожал в тонком хлопковом кимоно, продавая иголки под холодным небом и бредя туда, куда несли ноги. На следующий, двадцать второй год правления Тэммон, когда повсюду зацвели персики, он все еще странствовал, крича: «Иголки! Иголки из столицы! Швейные иголки из столицы!»

На окраине города Хамамацу он оказался в обычном для себя беззаботном настроении.

Мацусита Кахэй был сыном сельского самурая из провинции Энсю. Став сторонником клана Имагава в Суруге, он получал ежегодное жалованье в три тысячи канов. Он являлся комендантом крепости Дзудаяма и распорядителем станции у моста Магомэ. В те времена река Тэнрю распадалась на два рукава – Большую и Малую Тэнрю. Дом Мацуситы находился на берегу Большой Тэнрю, в нескольких сотнях дзё к востоку от Дзудаямы.

Кахэй возвращался из соседнего замка Хикума, в котором встречались приверженцы Имагавы. Влиятельные люди провинции постоянно проводили такие встречи, чтобы укрепить власть и предотвратить вторжение соседних кланов Токугава, Ода и Такэда.

Кахэй на скаку обернулся.

– Нохатиرو! – окликнул он одного из своих спутников.

Тага Нохатиро, бородатый воин с длинным копьем, поспешил к господину. Они проезжали по дороге между Хикуманаватой и переправой Магомэ. Вдоль дороги тянулась аллея деревьев, а за ними простирались рисовые поля.

– Не крестьянин, и на паломника не похож, – пробормотал Кахэй.

Нохатиро, посмотрев в ту же сторону, что и его хозяин, увидел ярко-желтые цветы горчицы, зеленые всходы ячменя, затопленные водой рисовые поля. Но человека не заметил.

– Что-нибудь подозрительное?

– На тропе, возле рисового поля, какой-то человек идет, шагает, как цапля. Интересно, куда он направляется?

Нохатиро разглядел путника, бредущего вдоль рисового поля.

– Выясни, кто такой.

Нохатиро поскакал по узкой тропе. В провинции существовал неписанный закон: не оставлять без внимания ничего, что казалось подозрительным. Живя в постоянном страхе за безопасность своих границ, местные правители особенно остерегались людей со стороны.

– Утверждает, что он продавец иголок из Овари. Одет в белое хлопковое тряпье, порядочно перепачканное. Вот почему вам показалось, будто он похож на цаплю. Роста маленького, а лицом – вылитая обезьяна! – доложил Нохатиро.

– Ха-ха-ха! Значит, не цапля и не ворона, а обезьяна!

– И говорящая к тому же! Кого угодно заболтает. Я его допрашивал, а он все пытался вывернуть разговор наизнанку. Выспрашивал меня, кому я служу, а когда я назвал ваше имя, так он нагло поглядел в вашу сторону. Говорит, что остановился на постоялом дворе в Магомэ, а сейчас идет к пруду, собирать ракушек на ужин.

Кахэй заметил, что Хиёси не пошел к пруду, а направился по дороге, обогнув остановившихся всадников.

– Не показался он тебе подозрительным?

– Вроде бы нет.

Кахэй тронул поводья.

– Не следует винить бедняков за дурные манеры. Поехали! – кивнул он своим спутникам.

Они быстро нагнали Хиёси. Поравнявшись с ним, Кахэй испытующе посмотрел на юношу. Хиёси, уступив им дорогу, вежливо опустил на колени в тени деревьев. Их взгляды встретились.

– Стойте! – Кахэй сдержал коня и, обернувшись к спутникам, приказал: – Приведите его сюда! – и вполголоса, обращаясь к самому себе, добавил: – Какой-то он чудной... ничего подобного прежде не видел.

Нохатино, расценив приказ как очередную причуду господина, подъехал к юноше:

– Эй! Продавец иголок! Мой господин хочет поговорить с тобой. Следуй за мной!

Кахэй сверху вниз посмотрел на Хиёси. Он не мог понять, что привлекает его в низкорослом неопрятном парне в грязных лохмотьях. Не сходство же с обезьяной. Он долго вглядывался в лицо Хиёси, но так и не сумел определить свои ощущения. Нечто расплывчатое, завораживающее взгляд. Ну конечно, глаза! Недаром их называют зеркалом души. В этом невзрачном человечке не было ничего примечательного, но взгляд его искрился смехом, непосредственностью и таил в себе... Что? Несокрушимую волю или знание чего-то неведомого?

«Он по-своему обаятелен», – подумал Кахэй, чувствуя, что чудаковатый на вид юноша ему нравится. Кахэй не заметил под дорожной грязью красные, как петушиный гребень, уши Хиёси. Не сумел он проникнуть и в то, что в морщинах на лбу юноши, придававших ему старческий облик, залегли знаки великих свершений, которые предстояло Хиёси осуществить в грядущем. Кахэй не был столь проницательным, он просто ощутил симпатию к Хиёси и неясное предчувствие незаурядности юноши.

Не сказав ни слова Хиёси, Кахэй повернулся к Нохатино.

– Приведи его к нам! – распорядился он и, тронув поводья, помчался вперед.

Главные ворота, обращенные к реке, были открыты, и несколько соратников дожидались Кахэя. Неподалеку от ворот паслась стреноженная лошадь, видимо, прибыл какой-то важный гость.

– Кто приехал? – спросил Кахэй, спешившись.

– Посол из Сумпу.

Кахэй прошел в сад. Сумпу был столицей владений клана Имагава, поэтому гонцы часто навещали к Кахэю. Погруженный в размышления о встрече в крепости, Кахэй забыл о Хиёси.

– Куда это ты собрался? – окликнул Хиёси привратник, когда тот хотел войти вслед за спутниками Кахэя.

Хиёси с головы до пят был покрыт грязью. Грязь покрывала и его лицо, раздражая кожу. В ответ на грозный окрик Хиёси поскреб щеки, и привратник воспринял его жест как намеренную издевку. Он рванулся вперед, чтобы схватить нахала за шиворот.

– Я продавец иголок, – пояснил Хиёси, отпрянув в сторону.

– Бродячих торговцев сюда не пускают. Кто тебя звал? А ну, проваливай!

– Сначала справься у своего хозяина.

– Зачем?

– Я здесь по его приказу. Меня привел самурай, который только что вошел в ворота.

– Мой господин никогда не привел бы оборванца вроде тебя.

В это мгновение Нохатино, вспомнив о Хиёси, вернулся к воротам.

– Он с нами, – сказал он привратнику.

– Воля ваша.

– Пошли, Обезьяна!

Привратник и служивый люд у ворот разразились хохотом.

– Откуда он взялся? В белом тряпье и с коробом, обмотанном соломой! Не Будда ли послал нам эту обезьяну?

Насмешки обожгли слух Хиёси, но к семнадцати годам он притерпелся к издевательствам. Досаждали они ему или он привык к ним? Он неизменно краснел, слыша нелестные отзывы о своей внешности, а уши у него становились пунцовыми. Они-то и выдавали обиду, но внешне Хиёси не давал волю чувствам. Он оставался невозмутимым, словно при нем оскорбляли

лошадь. Именно в такие минуты он выглядел обескураживающе обаятельным. Его сердце походило на цветок, стебель которого обвился вокруг ствола бамбука, поэтому никакая буря его не страшила. Хиёси не выказывал ни высокомерия, ни подобострастия в те минуты, когда его высмеивали.

– Эй, Обезьяна, тут есть пустое стойло, обожди в нем, чтобы людей не пугать, – сказал Нохатино и тут же удалился.

Вечером из кухни потянуло запахом ужина. Из-за деревьев выглянула луна. Переговоры с посланцем из Сумпу завершились, в ярко освещенном доме готовили пир для гостя, слышались звуки барабана и флейты, собирались даже дать спектакль театра Но.

Клан Имагава из Суруги был влиятельным и могущественным семейством, известным и просвещенностью. Имагава тонко чувствовали поэзию, музыку и танцы, любили столичную роскошь – украшенные драгоценными камнями мечи для самураев и узорные нижние кимоно для женщин. Кахэй был человеком грубоватым и неприхотливым, но его дом выделялся богатством среди убогих жилищ самураев в Киёсу.

«Театральное представление так себе», – думал Хиёси, лежа на соломе в углу пустого стойла. Он любил музыку, хотя и не понимал ее, но его увлекал призрачный мир сновидений, который она пробуждала в его душе. Он забывал обо всем, слушая музыку, но сейчас его мучил голод. «Раздобыть бы горшок да разжиться огнем», – тоскливо думал он.

Засунув пожитки под мышку, Хиёси вышел из стойла и направился в кухню.

– Прошу прощения, но не одолжите ли мне горшок и жаровню? Есть хочется.

Повара изумленно уставились на него.

– Ты откуда взялся?

– Князь привел меня сегодня с собой. Мне нужно сварить ракушки, которые я собрал в канаве на рисовом поле.

– Из канавы?

– Говорят, они очень полезны для желудка, поэтому я каждый день ем их. Живот никогда не болит.

– Их едят с бобовой пастой. У тебя есть?

– Да.

– А рис?

– И рис есть, спасибо.

– Горшок и жаровню найдешь там, где едят работники. Стряпай там.

Хиёси сварил рис, ракушки и после ужина отправился спать. Комната, где спали работники, оказалась уютней пустого стойла, поэтому Хиёси задержался здесь до полуночи, пока не вернулись после трудов ее постоянные обитатели.

– Ты, свинья! Кто разрешил тебе разлечься здесь?

Хиёси разбудили и, изрядно помяв, вышвырнули во двор. В стойле он обнаружил лошадь гостя из Сумпу. Лошадь не обрадовалась его появлению.

Барабаны умолкли, луна начала бледнеть. Хиёси теперь уже не хотел спать. Он готов был работать или забавляться, только бы не сидеть без дела.

«Почищу-ка стойло, а там, глядишь, и солнышко взойдет», – решил он и принялся чистить стойло, сгребать сухие листья и солому.

– Кто здесь?

Хиёси отставил метлу и огляделся по сторонам.

– Ты, продавец иголок?

Хиёси сообразил, что голос доносится из уборной на углу веранды главного дома. В окошечке он разглядел лицо Кахэя.

– Это вы, мой господин.

Гость из Сумпу оказался большим охотником до сакэ, и Кахэй поневоле перебрал лишнего, но сейчас он почти протрезвел.

– Рассвет скоро? – спросил он устало.

Кахэй исчез из окошечка, открыл ставни от дождя и посмотрел на бледнеющую луну.

– Петух еще не кричал, так что придется немного подождать рассвета.

– Послушай, торговец... Нет, лучше называть тебя Обезьяной... Почему ты подметаешь среди ночи?

– От нечего делать.

– Не лучше ли поспать?

– Я выспался. Не могу без дела.

– Сандалий здесь нет?

Хиёси быстро отыскал пару новых соломенных сандалий и ловко поставил их так, чтобы Кахэю оставалось лишь вставить в них ноги.

– Вот они, мой господин.

– Когда же ты успел выспаться и при этом узнать, где что лежит?

– Простите меня, господин.

– За что?

– Ваши подозрения напрасны. Я даже во сне слышу всякие звуки в любом доме и могу догадаться, где находятся разные вещи, представить размер помещений, предположить, где оросительные каналы, где горит огонь.

– Хм. Понятно.

– Я еще с вечера заметил, где стоит обувь. Я подумал, что она может кому-нибудь понадобиться.

– А я о тебе совсем забыл. Извини!

Хиёси рассмеялся в ответ. Он был юнцом, но не питал к Кахэю особого почтения. Кахэй поинтересовался, чей он сын, откуда родом, не собирается ли поступить к кому-нибудь на службу. Хиёси поспешил уверить его в том, что мечтает о службе. Он возлагает большие надежды на будущее и с пятнадцати лет скитается по Японии.

– Два года ты странствуешь, желая поступить на службу к самураю?

– Да.

– Так почему же ты до сих пор торгуешь иглками? – Подозрения вновь шевельнулись в душе Кахэя. – Два года не можешь найти себе господина! Ты, верно, вздорного нрава.

– Как и у любого, у меня есть достоинства и недостатки. Сначала я думал, что смогу служить любому самураю, пусть даже захудалому, но, пожив среди людей, я начал смотреть на мир иначе.

– Иначе? Как это?

– Я присматривался к разным воинам – к хорошим, плохим, к правителям огромных провинций, к хозяевам крошечных имений – и понял, что необходимо правильно выбрать себе господина. А до той поры я решил торговать иглками, не успел оглянуться, как пролетело два года.

Кахэй понял, что юноша не глуп, хотя и странноват. В словах Хиёси была истина, но звучали они вызывающе. Не вызывала сомнений лишь явная незаурядность юноши. Кахэй решил взять любой ценой его на службу.

– А ко мне на службу пойдешь?

– Благодарю вас, мой господин. Я попробую. – В голосе Хиёси не прозвучало ни радости, ни признательности.

Кахэй был разочарован равнодушным ответом, потому что ему и в голову не приходило, что он мог показаться недостаточно внушительной и важной особой для убогого странника в жалких лохмотьях.

Подобно самураям из других кланов, воины Мацуситы постоянно упражнялись в верховой езде. Рано утром они с мечами и копьями отправлялись в чистое поле, по одну сторону которого стояли рисовые амбары.

– Пошел!

Копье ударилось о копье, меч о меч. Рано поутру все, включая худородных самураев, ведавших кухней, и простых стражников, бросив дела, мчались в поле, а возвращались оттуда раскрасневшимися от изнурительных упражнений. Вскоре все узнали, что Хиёси взят на службу, но даже конюхи смотрели на него свысока.

– Эй, Обезьяна! Каждое утро, когда мы выгоняем лошадей на выпас, будешь чистить стойла. Навоз собирай в бамбуковую корзину.

Хиёси убрал в конюшне навоз и тут же получил распоряжение: наполнить чаны водой. Потом его заставили рубить дрова.

Пока он занимался дровами, кто-то из старших придумывал очередное задание. Словом, он стал слугой у слуг.

Поначалу он всех забавлял.

– Веселого нрава парень! Что ни скажи, никогда не обидится.

Особенно он понравился молодым самураям, которые играли с ним, как дети с новой игрушкой, и порой делали ему небольшие подарки. Вскоре начались и первые попреки.

– Вечно всем перечит.

– Он стелется перед хозяином.

– Обезьяна держит нас всех за дураков.

Молодые самураи, как правило, вздорны и вспыльчивы, поэтому их жалобы на Хиёси, случалось, доходили до его господина.

– Посмотрим, что будет, – неизменно отвечал Кахэй.

Молодых самураев сердило то, что жена и дети Кахэя тоже любили Обезьяну. Хиёси решил, что ему завидуют, потому что он, в отличие ото всех, работал по-настоящему.

В тесном мирке слуг с их мелкими обидами и склоками Хиёси научился еще пронизательней видеть характеры людей. Живя в усадьбе Мацуситы, он разобрался в силе и слабости больших кланов, обосновавшихся вдоль приморского тракта. Ему нравилось служить здесь. Хиёси стал лучше понимать обстановку в стране, в которую недосуг вникнуть во время скитаний. Обычному работнику, пекущемуся лишь о сытости желудка, нет дела до остального мира, но Хиёси пытливо всматривался в жизнь. Ему казалось, будто он следит за игрой в го, разгадывая замыслы игроков по их ходам.

Гонцы от Имагавы из Суруги прибывали так же часто, как и посланцы из соседних провинций Микава и Каи. Хиёси постепенно вник в очередность и смысл их посещений и пришел к выводу, что Имагава Ёсимото, князь Суруги, хочет захватить власть над всем краем. Судя по всему, до достижения желанной цели было далеко, однако он уже преуспел в проникновении в столицу страны Киото под видом того, что печется об интересах сёгуна. В действительности Имагава мечтал править от его имени.

На востоке, в Одаваре, располагался могущественный род Ходзё; на севере, в Каи, – Такэда; а дорогу к столице преграждал клан Токугава в Микаве. Первой задачей Ёсимото было овладение Микавой. Токугава Киёясу, князь Микавы, покорился Ёсимото, признав себя его вассалом. Хиротада, сын Киёясу, ненадолго пережил отца, а внук Иёясу жил заложником в Сумпу.

Ёсимото назначил одного из своих приближенных комендантом крепости Окадзаки и поручил ему управлять Микавой и собирать подати. Приверженцев Токугавы едва ли не силой заставили служить Имагаве, а все доходы и воинское снаряжение провинции, за исключением самого необходимого, повелели отправлять в крепость Ёсимото в Суруге. Хиёси будущее Микавы казалось мрачным. Странствуя бродячим торговцем, он понял, что люди в Микаве упрямы и горды, чтобы навсегда смириться с притеснением.

С особым интересом Хиёси наблюдал за кланом Ода в Овари, ведь там он родился и там жила его мать. Из дома Мацуситы родная провинция казалась ему маленькой и нищей, особенно в сравнении с процветающими владениями клана Имагава. Родная Накамура была нищей деревней, жалким был и дом Хиёси. Что станет в будущем с Овари? Он надеялся, что когда-нибудь на этой скудной почве взойдет что-нибудь достойное. Хиёси раздражали изысканные манеры знати и вежливость простолюдинов в Имагаве. И те и другие по-обезьяньи подражали столичным манерам, что казалось ему опасным.

В последнее время гонцы особенно зачастили к его хозяину. Хиёси понял, что обсуждается заключение союза между Суругой, Каи и Сагами. Опорой его должен стать клан Имагава, который и навязывал этот союз своим сторонникам. Прежде чем войти в столицу во главе большой армии, Имагаве Ёсимото необходимо заручиться поддержкой Ходзё и Такэды. Ёсимото с этой целью решил выдать свою дочь за старшего сына Такэды Сингэна, а одну из дочерей Сингэна отправить невесткой в дом Ходзё. Тонкая и дальновидная политика Ёсимото превратила клан Имагава в силу, с которой приходилось считаться всему Восточному побережью. Отсвет могущества ложился и на приверженцев Имагавы. Мацусита Кахэй был не четой ближайшим сподвижником Ёсимото, но он был куда богаче самураев из Киёсу, Нагои и Окадзаки, в домах которых Хиёси побывал в прежние времена. Усадьба Кахэя всегда была полна гостей, и даже слуги ни в чем не нуждались.

– Обезьяна! – Нохатиرو вышел в сад в поисках Хиёси.

– Я здесь.

Нохатиرو поднял голову. Хиёси сидел на крыше.

– Ты что там делаешь?

– Чиню крышу.

– В такую жару, – удивился Нохатиру. – Зачем?

– Погода сейчас прекрасная, но скоро зарядят дожди. А в сезон дождей звать кровельщиков поздно, вот я и заменяю поврежденную черепицу.

– Вот потому тебя здесь и не любят! Все отдыхают в тени.

– Если бы я работал там, где они спят, я потревожил бы их покой. А здесь я никому не мешаю.

– Врешь! Готов побиться об заклад, что ты забрался на крышу, чтобы разведать окрестности.

– Господин Нохатиру, вы всегда меня в чем-то подозреваете. Не позаботишься заранее, так беда врасплох застанет.

– Умник нашелся! Господин рассердился бы, услышав твои наставления. Немедленно слезай!

– Слушаюсь. У вас поручение для меня?

– Вечером придут гости.

– Опять?

– Что значит «опять»?

– А кто приедет?

– Человек, который путешествует по стране, изучая воинские искусства.

– И сколько народу с ним?

Хиёси спустился на землю. Нохатино развернул свиток:

– Мы ожидаем господина Хитту Сёхаку, родного племянника князя Камиидзуми из Ого. Его сопровождают двенадцать человек. И кроме того, еще один всадник с тремя вьючными конями и прислугой.

– Уйма!

– Эти люди посвятили себя овладению воинским искусством. У них огромная поклажа, множество лошадей, так что убери комнаты для работников, мы их слуг там поселим. Управься до вечера, пока гости не приехали.

– Слушаюсь, господин. А долго ли они здесь пробудут?

– Месяцев шесть. – Нохатино устало смахнул пот со лба.

Вечером Сёхаку и его свита подъехали к главным воротам. Путники осадили коней и стряхнули пыль с одежд. Старшие и младшие члены клана высыпали наружу, вежливо приветствуя гостей. Хозяева произносили длинные речи, на которые столь же учтиво и пространно отвечал Сёхаку, человек лет тридцати. Церемония приветствий закончилась, и слуги занялись лошадьми и поклажей, а гости во главе с Сёхаку вошли в дом.

Хиёси понравилась встреча, проведенная в соответствии с правилами этикета. Ее торжественность свидетельствовала о почете, которым окружены воины, что, несомненно, связано с их серьезной ролью в судьбах страны. В последнее время выражения Путь Воина, Искусство Меча, Искусство Копья были у всех на устах. Имена знаменитых мастеров ратного дела Камиидзуми из Ого или Цукахары из Хитати упоминались в каждой беседе. Их странствия по Японии почитались более, чем паломничества известных буддийских монахов. Цукахара путешествовал в сопровождении семидесяти человек, включая сокольничих. Разъезжали они с великой пышностью.

Численность свиты Сёхаку не удивила Хиёси. Хиёси предчувствовал, что его теперь загоняют со всевозможными поручениями. Через несколько дней многочисленные гости начали обращаться с Хиёси как с собственным слугой.

– Эй, Обезьяна! Постирай мне белье!

– Обезьяна князя Мацуситы! Сбегай к лекарю, купи притираний!

Летние ночи были коротки, и у Хиёси почти не оставалось времени на сон, и однажды в полдень он едва не уснул под сенью павлонии. Он стоял, обхватив дерево руками, низко свесив голову. По пересохшей земле ползла цепочка муравьев.

В это время с поля для верховой езды возвращались двое молодых самураев, недолюбливавших Хиёси.

– Смотри, Обезьяна!

– Заснул на ходу!

– Второго такого бездельника не найти! Как он сумел стать любимчиком у господина и госпожи? Застань они его сейчас, им бы не понравилась его лень.

– Давай его разбудим и проучим.

– Как?

– Он единственный из слуг, кто ни разу не упражнялся в военном деле, верно?

– Его все не любят, поэтому он боится, что ему крепко достанется на занятиях.

– Упражнения в военном деле – святая обязанность каждого, кто живет в доме воина. Служба не за страх, а за совесть – таков неписанный закон в самурайском доме.

– Я все это знаю, ты это лучше Обезьяне растолкуй.

– Разбудим его и отведем на поле для верховой езды.

– Вот смеху будет!

Один из них коснулся плеча Хиёси кончиком копья:

– Эй, проснись!

Глаза Хиёси оставались закрытыми.

– Проснись, тебе говорят!

Молодой самурай копьем подцепил ноги Хиёси, и он мгновенно проснулся.

– Ты что? – удивился Хиёси.

– А ты? Спишь среди бела дня у всех на виду.

– Кто это спит?

– Ты, конечно. Или скажешь, что не спал?

– Ну, может, нечаянно задремал.

– Ах ты, ленивый бездельник! Говорят, ты никогда не упражнялся в военном деле.

– Я не гожусь для военной службы.

– Почему ты так решил? Ты простой слуга, но по правилам самурайского дома военным делом должны заниматься все. С сегодняшнего дня мы возьмемся за тебя.

– Нет уж, увольте от ваших забот.

– Отказываешься подчиняться самурайским правилам?

– Нет, но...

– Хватит болтать, пошли!

Молодые самураи силой поволокли Хиёси за амбары с рисом. Они вознамерились преподать ему хороший урок, чтобы впредь он не смел нарушать законы.

На поле приезжие мастера боевых искусств и воины Мацуситы упражнялись в полную силу, несмотря на зной.

Один из самураев, приволокших Хиёси, сильным ударом в спину вытолкнул его вперед:

– Бери деревянный меч или копье – и в бой!

Хиёси подался вперед, едва устояв на ногах, но потешного оружия в руки не взял.

– Чего ты ждешь?

Один из воинов сильно ткнул его в грудь копьем:

– Мы собираемся поучить тебя, так что бери оружие!

Хиёси, закусив губу, еще раз качнулся на ногах, но сражаться по-прежнему не намеревался.

Двое воинов Сёхаку, Дзинго Горокуро и Сакаки Итаинодзё, в ответ на вызов людей Мацуситы мерились силой на боевых копьях. Горокуро насаживал на копье тяжелые мешки с рисом и подбрасывал их в воздух, демонстрируя богатырскую силу.

– С такой силищей да сноровкой он и врага, как песчинку, подбросит. Могучий воин! – произнес кто-то из зрителей.

– Вы ошибаетесь, – возразил Горокуро, – если думаете, что мастерство заключается в силе. Если вкладывать в этот прием только силу, древко сломается, а руки быстро устанут. – Горокуро отложил копье и продолжил: – Между мечом и копьем, по сути, нет разницы. Секрет всех боевых искусств заключается в особой энергии «ти», исходящей вот из этого места, пониже пупка. Это сила без силы. Необходимо обладать духовной мощью, чтобы направлять поток «ти» и избавиться от потребности в физической силе.

Слушатели с благоговением внимали рассказу. Внезапно откуда-то сзади раздался шум.

– Ах ты, упрямая Обезьяна! – Молодой самурай ударил Хиёси тупой стороной копья.

Хиёси отчаянно завопил. Удар, пришедшийся по бедру, был нестерпимым. Лицо Хиёси исказилось от боли, он согнулся пополам, растирая ушибленное место.

Люди, слушавшие Горокуро, обступили Хиёси.

– Скотина ленивая! – кричал самурай, избивавший Хиёси. – Притворяется, что не годен к

военным занятиям.

Со всех сторон на Хиёси посыпались упреки, насмешки и оскорбления.

– Будет вам, – сказал незаметно подошедший Сёхаку. – Он ведет себя как сосунок, хотя вступил в тот возраст, когда надо уметь постоять за себя. Не дело жить в доме у воина и пренебрегать военной подготовкой. Я сам поговорю с ним. Юноша, – обратился он к Хиёси.

– Да. – Хиёси взглянул Сёхаку прямо в глаза. С одного взгляда он понял, что Сёхаку – человек, с которым можно говорить свободно.

– Похоже, ты не хочешь заниматься воинским делом, хотя состоишь на службе у воина. Верно?

– Нет. – Хиёси покачал головой.

– Почему ты не хочешь принять любезное приглашение молодых самураев и поупражняться с ними?

– Если постигать искусство владения копьем и мечом, потребуется вся жизнь стать подлинным мастером.

– Ты должен стремиться к этому.

– Дело не в том, что мне не нравятся меч и копье. Раз уж мне суждено прожить одну жизнь, то, наверно, можно ограничиться постижением лишь внутренней сути боевого искусства. Я мечтаю изучить многое другое.

– Что именно?

– Науку.

– Какую же?

– О том, как устроен наш мир.

– А что ты хочешь совершить?

Хиёси улыбнулся:

– Не хотелось бы говорить.

– Почему?

– Я мечтаю о таких деяниях, разговор о которых сейчас покажется глупым бахвальством.

Вы поднимете меня на смех, едва я раскрою рот.

Сёхаку пристально смотрел на Хиёси, размышляя о незаурядном поведении юноши:

– Мне кажется, я отчасти понял тебя, но ты заблуждаешься относительно военного дела. Оно – не грубая сила и простое умение, как ты считаешь.

– А что же?

– Человек, овладев одним искусством, овладевает всеми искусствами. Военное искусство – вовсе не тупая сила и простая сноровка, а определенное состояние духа. Если в совершенстве развить дух, то сумеешь постигнуть все, включая науку и искусство правления, науку постижения мира и законы, по которым надлежит вершить суд над людьми.

– По-моему, ваши молодцы почитают высшим искусством умение бить и дырявить копьем своих противников. Простому воину или рядовому самураю больше и не надо, но настоящему полководцу, который...

– Ну-ка, заткнись! – заорал один из самураев и ударил Хиёси по щеке.

– Ай! – Хиёси стиснул лицо ладонями, словно ему сломали челюсть.

– Подобные оскорбления нельзя оставлять без ответа, иначе этот наглец совершенно забудется. Пожалуйста, господин Сёхаку, отойдите, мы сами с ним разберемся.

Слова Хиёси озлобили всех воинов.

– Он оскорбил нас!

– Издевательство над правилами!

– Надо как следует проучить выскочку!

– Прикончить на месте! Господин не упрекнет нас!

Воины готовы были привести угрозу в исполнение – оттащить Хиёси в кусты и снести ему голову. Сёхаку с трудом отбил юношу, чтобы не допустить смертоубийства.

В тот же вечер Нохатиро пришел в комнату, где жили слуги, и негромко окликнул Хиёси, который в одиночестве сидел в углу с таким видом, словно у него разболелись зубы.

– Да, слушаю вас!

Лицо у него распухло.

– Больно?

– Не очень, – соврал Хиёси, прижимая к лицу мокрое полотенце.

– Господин хочет поговорить с тобой. Пройди с черного хода, чтобы тебя не заметили.

– Вот как? Господин? Он, верно, узнал о том, что произошло днем.

– Твои бесстыдные речи довели до его сведения. Он только что повидался с господином Хиттой, так что наверняка знает обо всем. Он сам назначит тебе наказание.

– Вы уверены?

– В доме Мацуситы существует правило, обязывающее слуг и работников заниматься военным делом. Теперь господину придется особо поддерживать уважение к этому правилу. Можешь считать, что ты пропал.

– Тогда я убегу отсюда. Не хочу умереть из-за такой ерунды.

– Не говори глупости! – Нохатиро цепко схватил Хиёси за запястье. – Если ты сбежишь, мне придется совершить сэппуку. Мне приказано немедленно доставить тебя.

– Значит, я не могу даже сбежать? – простодушно спросил Хиёси.

– Слишком много ты болтаешь. Подумай, прежде чем рот разинуть. Услышав, что ты наговорил сегодня, и я назову тебя хвастливой обезьяной.

Нохатиро велел Хиёси идти вперед, а сам двинулся следом, держа руку на рукояти меча. В густеющих сумерках порхали мотыльки. Свет из библиотеки падал на веранду, пол которой еще не просох от мытья.

– Я привел Обезьяну! – Нохатиро опустился на колени.

Кахэй вышел на веранду:

– Ну и где он?

Услышав над головой голос господина, Хиёси поклонился так низко, что уткнулся лбом в мох.

– Обезьяна!

– Слушаю, мой господин!

– До меня дошло известие, что в Овари делают новый вид брони. Его называют домару. Поезжай туда и купи ее! Ты ведь родом оттуда, так что, по-моему, тебе это не составит труда.

– Мой господин!

– Отправишься сегодня!

– Куда?

– Туда, где ты сможешь раздобыть домару.

Кахэй, достав из шкатулки немного денег, завернул их и протянул Хиёси. Тот, не веря своим глазам, смотрел то на деньги, то на хозяина. На глазах у него навернулись слезы, они покатались по щекам и закапали на руки.

– Ты должен незамедлительно уйти, но назад можешь не торопиться. Ищи хорошенько, даже если несколько лет потребует. Доставь мне самую лучшую броню. Выпусти его из задних ворот и проследи, чтобы все было спокойно. Он должен уйти до рассвета, – обратился Кахэй к Нохатиро.

Невероятный поворот событий! Хиёси почувствовал, что дрожит. Он только что ждал

казни, а сейчас... он дрожал от благодарности за сочувствие, проявленное Кахэем.

– Благодарю вас, мой господин.

Кахэй не выдал своих намерений, но Хиёси прекрасно понял хозяина.

«Его не любят за его острый ум, – думал Кахэй. – Неудивительно, что Хиёси вызывает злобу и ревность».

– За что, собственно, ты благодаришь меня? – произнес он с горькой улыбкой.

– За то, что вы меня отпускаете.

– Верно, но, Обезьяна...

– Да, мой господин?

– Ты никогда не добьешься успеха, если не научишься скрывать свой ум.

– Знаю.

– Почему тогда не сумел сдержаться сегодня на поле? Зачем восстановил всех против себя?

– По глупости. Я потом даже поколотил себя.

– Хватит наставлений. Ты очень умен, и я хочу помочь тебе. Люди, которые на тебя злились или завидовали тебе, обвиняли тебя в кражах. Стоило запропаститься булавке или пузырьку с пилюлями, недоброжелатели говорили, что это дело рук Обезьяны. Пересудам не было конца, ты возбуждаешь в людях злобу. Не забывай об этом!

– Да, мой господин.

– Я мог бы сегодня и не защищать тебя. На этот раз обвинения справедливы, но господин Сёхаку заранее рассказал мне о случившемся, поэтому сделаем вид, будто я, ничего не зная, отправил тебя с важным поручением. Понял?

– Нет слов выразить мою признательность, господин. – Хиёси кланялся Кахэю, не сводя с него взгляда.

Этой же ночью он покинул дом Мацуситы.

Бросив на усадьбу последний взгляд, он поклялся, что никогда не забудет великодушия Кахэя.

Потрясенный добротой бывшего господина, Хиёси раздумывал, как воздать должное Мацусите. Лишь тот, кто вечно подвергается издевательствам и побоям, способен оценить человеческую доброту.

Когда-нибудь... да, в будущем... Каждый раз, переживая удивление или ужас, Хиёси повторял эти слова, как паломник молитву.

Он вновь отправился в странствия, как бродячий пес, не зная, куда и зачем. Тэнрю широко разлилась, и, оказавшись вдали от человеческого жилья, Хиёси едва не расплакался от одиночества и страха перед неведомой судьбой. Но природа – ни звездное небо, ни глубокая река – не послала ему никакого знамения.

– Прошу прощения! – Голос прозвучал дважды.

Отовака, получивший сегодня выходной, отсыпался в помещении для отдыха воинов. Он глянул наружу и огляделся по сторонам:

– Кто там?

– Это я! – Голос доносился из-за живой изгороди, где усики вьюнка обвивали листья и колючки китайского апельсина.

С веранды Отовака мог разглядеть только то, что кто-то стоит по ту сторону изгороди. Он вышел на веранду:

– Кто это? Если у тебя дело, так ступай через главные ворота.

– Они закрыты.

Отовака взглянул пристальней и радостно воскликнул:

– Обезьяна! Сын Яэмона, точно?

– Да.

– Почему ты не назвал своего имени? Скулишь, как собака.

– Главные ворота закрыты, а когда я подошел сюда, то увидел, что ты спишь. Ты заворочался, и я решил еще раз окликнуть тебя.

– Нечего было церемониться. Жена, наверно, заперла ворота. Она пошла в лавку. Сейчас отопру.

Хиёси помыл ноги и вошел в дом, и Отовака пристально уставился на него:

– Где ты пропадал? Мы встретились с тобой на дороге два года назад. Никто не знает, жив ли ты. Твоя мать исстрадалась. Ты дал ей знать о себе?

– Нет еще.

– А дома был?

– Заглянул ненадолго, прежде чем сюда направиться.

– И не показался матери на глаза, а?

– Я вообще-то украдкой пробрался домой прошлой ночью. Мать и сестра спали. Я только взглянул на них и поспешил сюда.

– Чудной ты все же! Это ведь твой родной дом! Почему не сообщил близким, что жив и здоров? Как они бы обрадовались!

– Я очень хотел повидать их, но, уходя из дома, я поклялся, что не вернусь, пока не добьюсь чего-то в жизни. Ничего путного из меня не вышло, и я не хочу попадаться на глаза отчиму.

Отовака взглянул Хиёси с головы до ног. Белая хлопковая одежда на нем почернела от пыли, дождя и росы. Грязные волосы и темные от загара впалые щеки дополняли картину крайней нужды и изнурения.

– А чем зарабатываешь на жизнь?

– Продаю иголки.

– Ни у кого не служишь?

– Служил у нескольких самураев, не самых высокородных, но...

– Ну, понятно. Тебе, по обыкновению, все быстро надоело. А сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Уродился дурачком, так ничего не попишешь, только не переигрывай, изображая простака. Всему есть предел. У дураков и терпение дурацкое, они все вынесут, но ты не таков, да и проделки у тебя иного свойства. Нечего удивляться, что мать горюет, а отчим сердится. Обезьяна! Чем же ты намерен заняться в этой жизни?

Отовака бранил Хиёси за легкомыслие, но в душе жалел юношу. Он был близким другом покойного Яэмона и хорошо знал, как жестоко относится Тикуами к пасынку и к падчерице. Отовака молился, чтобы Хиёси совсем не пропал, оскорбив память несчастного отца.

Вскоре вернулась жена Отоваки. Она заступилась за Хиёси:

– Он – сын Онаки, а не твой. Зачем ты его ругаешь? Время попусту теряешь. Мне жаль мальчика. – Она достала арбуз, охлажденный в колодце, и угостила Хиёси. – Ему только семнадцать. Совсем несмышленьш! Вспомни себя в этом возрасте. Тебе уже за сорок, а ты по-прежнему пеший воин. Не самый подходящий пример для подражания.

– Уймись, – обиделся Отовака. – Я не хочу, чтобы молодые люди прожили, как я, вот я и учу их уму-разуму. После церемонии совершеннолетия они только на словах считаются взрослыми, но в семнадцать пора быть настоящим мужчиной. Вот, к примеру, наш господин, князь Нобунага, да простит он мою неучтивость. Сколько ему лет, по-вашему?

Отовака начал рассказывать о князе, но быстро сменил тему разговора, боясь, видимо, поругаться с женой.

– Ах да! Завтра утром мы отправимся на охоту с князем. На обратном пути переправимся через реку Сёнаи – кто верхом, кто вплавь. Так что приготовь шнур к доспехам и соломенные сандалии.

Хиёси, до сих пор сидевший с поникшей головой, посмотрел на воина:

– Прости меня, мой господин.

– Что за церемонии в моем доме?

– Князь Нобунага занят только плаванием да охотой?

– Да простят меня Небеса, но он на редкость никчемный человек.

– И злобного нрава?

– Да, хотя порой бывает учтивым.

– По всей стране о нем идет дурная молва.

– Вот как? Полагаю, врагам не за что любить нашего господина. Они боятся его.

– Простите, что побеспокоил в выходной день, – сказал Хиёси, внезапно поднявшись на ноги.

– Куда это ты заторопился? Переночуй у нас! Или я тебя обидел?

– Нет.

– Не стану задерживать тебя, если такая срочность. Почему бы тебе не зайти к матери?

– Обязательно. Прямоком отправлюсь в Накамуру.

– Вот и хорошо.

Отовака проводил Хиёси до ворот и посмотрел, куда тот направился. Сердцем он чувствовал что-то неладное.

Хиёси не пошел в Накамуру. Где же он нашел ночлег? Возможно, улегся у дороги или под деревьями возле храма. Деньги, полученные от Мацуситы Кахэя, он прошлой ночью подсунул матери и сестре. Летние ночи коротки, и он недолго ждал рассвета.

С утра пораньше он вышел из деревни Касугаи и двинулся по направлению к Бивадзиме. Шел он медленно, перекусывая на ходу. У него было в запасе несколько рисовых колобков, завернутых в листья лотоса. Что он будет есть потом, не имея денег?

Вообще-то еду можно раздобыть повсюду. Не зря она считается даром, ниспосланным нам Небесами. Хиёси, во всяком случае, верил в это. Благословение небесное нисходит на животных и птиц, а человеку предопределено зарабатывать пропитание в поте лица. Кто не работает, тот не ест. Человек, живущий ради насыщения желудка, существует понапрасну. Работай – и дары Небес придут сами собой. Словом, Хиёси ставил труд выше еды.

Решив поступить на службу, Хиёси останавливался перед первым попавшимся домом и

предлагал свои услуги плотникам или каменщикам. Видя, как человек тянет тяжелую тележку, он непременно подталкивал ее. Видя невыметенную дорожку, он спрашивал метлу и подметал. Он принимался за работу, когда его и не просили о помощи. Работал он добросовестно, поэтому ему всегда предлагали еду или давали мелочь. Такая жизнь не тяготила его, потому что он сам избрал ее. Он работал чистосердечно на пользу людям и верил, что Небеса вознаградят его.

В это утро он проходил в Касугаи мимо кузницы, где засветло принялись за работу. Жена кузнеца хлопотала с малыми детьми. Хиёси убрал в кузнице, выгнал двух коров на выпас и наполнил ведра водой, за что был вознагражден завтраком и рисовыми колобками на обед.

«День будет жарким», – подумал Хиёси, взглянув на утреннее небо. Еда подкрепила еще на один день его существо, хрупкое, как росинка. Мысли его были далеки от мирских забот. В такую погоду князь Нобунага непременно отправится на реку, и Отовака сказал, что будет там.

Вдалеке показалась река Сёнаи. Хиёси поднялся с росистой травы и пошел к берегу, любуясь красотой утренних вод.

С начала весны и до глубокой осени князь Нобунага упорно тренировался в форсировании реки. «Интересно, где он занимается? Надо было спросить у Отоваки», – подумал Хиёси. Камни на берегу высохли под жарким солнцем. Его лучи озаряли траву, и кусты, и лохмотья на Хиёси. «Подожду здесь», – решил Хиёси, усевшись на землю около кустарника. Князь Нобунага... Князь Ода Нобунага... Какой он человек? Недавно во сне и сейчас наяву имя Нобунаги сверлило мозг Хиёси, неизвестно что суля ему.

Хиёси хотелось встретиться с князем, поэтому он и пришел на берег с утра пораньше. Нобунага являлся законным наследником Оды Нобухидэ, но было неясно, долго ли он усидит на княжеском престоле со своим буйным нравом. Молва гласила, что он глупый и очень вспыльчивый.

Долгие годы Хиёси верил этим слухам, сожалея, что его родимый край не только беден, но и попал во власть к недостойному правителю. Понаблюдав жизнь в других провинциях, он начал думать иначе. Нельзя судить о людях поверхностно. И войны выигрываются не на полях сражений. У каждого края свой уклад и свои обычаи, под которыми таились неведомые стороннему глубины. Беззащитная на первый взгляд провинция могла обладать потаенной мощью. А внешне процветающие края, например Мино и Суруга, давным-давно прогнили изнутри.

Владения Оды и Токугавы казались маленькими и бедными в окружении больших и могущественных провинций. Оба этих края обладали внутренней силой, которой недоставало их влиятельным соседям, иначе они бы не уцелели.

Если Нобунага действительно так глуп, как о нем рассказывали, то как ему удастся удерживать крепость Нагоя? Нобунаге всего девятнадцать, отец его умер три года назад. И за это время юный жестокий, неумный военачальник не только удержал доставшееся по наследству, но и прибрал к рукам всю провинцию. Как это ему удалось? Кое-кто утверждал, что дело не в Нобунаге, а в его многоопытных приверженцах, попечению которых несчастный отец поручил судьбу безумного сына. Их звали Хиратэ Накацукаса, Хаяси Садо, Аояма Ёсаэмон и Найто Кацускэ. Четыре столпа поддерживали могущество клана Ода, а юный князь представал в молве марионеткой. Пока живы верные слуги, порядок в доме обеспечен, но стоит обрушиться хотя бы одной колонне, и клан неизбежно падет. С особым нетерпением выжидали этот момент Сайто Досан из Мино и Имагава Ёсимото из Суруги. Их отношение к Нобунаге не было ни для кого секретом.

Услышав боевой клич, Хиёси взглянул в ту сторону, откуда он доносился. Вдалеке над берегом реки клубилась желтая пыль. Хиёси встал и прислушался. «Похоже, что-то затевается», – взволнованно подумал он. Битва, что ли? Хиёси сломя голову помчался по траве и

вскоре увидел, что происходит. Отряд воинов Оды, который он ждал с утра, прибыв на место, начал боевые учения.

Князя и предводители кланов иносказательно величали эти учения «рыбалкой», «соколиной охотой» и «уроком плавания». Пренебрежение боевой подготовкой равносильно самоубийству.

Сидя в высокой траве, Хиёси невольно вздохнул. На другом берегу разбили лагерь между крутым побережьем и пологой равниной. Знамена с изображением родового герба Оды трепетали на ветру между шатрами для отдыха. Там и тут мелькали воины, но самого Нобунаги не было видно. И на этом берегу, впрочем, разбили точно такой же лагерь. Лошади ржали и топтались на месте, а от возбужденных голосов воинов вода в реке зарыбила. В воде неожиданно оказалась лошадь без всадника. Она нервно фыркала, пока не выбралась на отмель чуть ниже по течению.

«Это называется у них „уроком плавания“, – изумленно подумал Хиёси.

Молва, шедшая по всей стране, была по большей части ошибочной. Нобунагу называли слабоумным и жестоким, но никто не имел доказательств того и другого. Люди видели только, что Нобунага почти полгода каждый день отправляется на «плавание» или «рыбалку». Теперь Хиёси понял, что дело не в забавах или купанье изнеженного князя. На реке происходили настоящие боевые учения.

Сначала самураи в обычной одежде скакали небольшими группами. По сигналу барабанов они разбились на два отряда и въехали в реку. Следом в воду устремились и пешие воины. Вода вскипела, и в белой пене началась подлинная битва: самураи бились с самураями, пешие воины – с пешими. Бамбуковые копья и дротики тучей взметнулись в воздух. Копьеносцы в основном кололи остриями. Дротики, не попавшие в цель, падали в воду, поднимая брызги. Восемь военачальников в одеждах, цвета которых означали принадлежность к тому или иному лагерю, участвовали в сражении с копьями наперевес.

– Дайскэ, я здесь! – воскликнул молодой самурай на коне, врезавшийся в гущу противника.

На нем поверх белого кимоно были латы, а в руке он держал роскошный ярко-красный меч. Он вплотную подъехал к сидящему на коне Дайскэ Итикаве, командиру лучников и копьеносцев, и без предупреждения ударил его в бок бамбуковым копьем.

– Ах ты, негодяй! – закричал от боли Дайскэ. Ухватившись за копье, он преодолел напор самурая и ударил его в грудь. Молодой соперник был хрупкого сложения. Покраснев от натуги, он одной рукой ухватился за копье Дайскэ, а другой занес драгоценный меч над головой противника. Дайскэ оказался сильнее, и молодой самурай свалился с лошади в реку.

– Нобунага! – невольно воскликнул Хиёси.

Дозволительно ли вассалам позволять такое отношение к своему господину? Не был ли вассал сейчас более жестоким, чем князь, снискавший нелестную молву?

Так думал Хиёси, хотя со своего места он не мог утверждать, что поверженным был Нобунага. Захваченный зрелищем, Хиёси привстал на цыпочки. Потешный бой на реке продолжался. Если с лошади упал Нобунага, то его соратники должны поспешить на помощь, но никто не обратил внимания на исход скоротечного поединка.

Вскоре один из воинов вскарабкался на противоположный берег. Это был тот самый самурай, которого вышибли из седла. Издали он походил на Нобунагу. Отряхиваясь, как мокрая крыса, он топал ногой и орал:

– Никто со мной не совладеет!

– Вон командир восточного войска! Окружите его и возьмите живым! – приказал Дайскэ соратникам.

Поднимая тучи брызг, пешие воины устремились к Нобунаге. Бамбуковым копьем он

свалил одного из противников ударом по шлему, затем бросился с копьем на следующего врага.

– Не подпускай их к себе!

Несколько соратников поспешили на выручку своему князю.

– Подайте мне лук! – скомандовал Нобунага с высокого берега.

Двое оруженосцев выбежали из шатра с луками в руках.

– Не дайте им пересечь реку!

Отдавая приказ, Нобунага прицелился, выстрелил из лука и вновь натянул тетиву. Стрелы были учебными, без боевых наконечников, но, падая в голову с малого расстояния, стрела валила «врага» с ног. Нобунага стрелял с необыкновенной скоростью. Трудно было поверить, что он стреляет в одиночку. У него дважды рвалась тетива, ему приходилось брать другой лук, но смена оружия отрывала его от стрельбы лишь на мгновение. Воины рядом с командиром сражались самоотверженно, но выше по течению реки оборону восточного войска прорвали. Западное войско, овладев противоположным берегом, с победными кличами окружило шатры Нобунаги.

– Мы проиграли!

Нобунага отшвырнул лук и разразился хохотом. Повернувшись к торжествующим победителям, он с улыбкой внимал их победной песне.

Дайскэ и его стратег Хирата Самми побежали навстречу Нобунаге.

– Князь, вы не поранились?

– Со мной ничего не может произойти в воде.

В душе Нобунага чувствовал себя униженным.

– Завтра верх возьму я, – сказал он Дайскэ. – Готовься, тебе придется нелегко, – он приподнял бровь.

В разговор вступил Самми:

– Мой князь, когда мы вернемся в крепость, не позволите ли вы мне объяснить просчеты в ваших сегодняшних действиях?

Нобунага его уже не слышал. Скинув доспехи, он нырнул в воду, чтобы освежиться.

Правильные черты лица, изящная фигура Нобунаги свидетельствовали о красоте его предков. Нобунага поражал всех ярким блеском немигающих глаз. Зная это, он обычно маскировал этот свет искорками беззаботного смеха, а его собеседник чувствовал себя одураченным. Двенадцать братьев и семь сестер Нобунаги отличались такими же утонченными манерами и благородной внешностью, которые передавались из поколения в поколение истинно княжеского рода.

– Тебе это может досаждать, но денно и нощно, как молитву, ты не должен забывать о своем происхождении. Клан Ода основал священник из храма Цуруги. В далеком прошлом один из твоих предков принадлежал к роду Тайра, восходящему к самому императору Камму. В твоих жилах течет императорская кровь.

Нобунага постоянно выслушивал это наставление от Хиратэ Накацукасы, одного из четырех мудрецов, на попечение которым оставил его отец, переезжая из родной Фуруватари в Нагойский замок. Накацукаса был воистину преданным соратником, но нагонял тоску и скуку на Нобунагу.

– Ну, ясно. Я понял, – бормотал обычно в ответ Нобунага и отворачивался от старика.

Старец, не обращая внимания на недовольство князя, причитал:

– Вспомни о своем достославном отце. Защищая Овари, он утром бился на северной границе, а вечером отражал вторжение с востока. Можно было по пальцам одной руки пересчитать дни, когда ему удавалось снять доспехи и побыть дома с детьми. Несмотря на

непрерывные войны, он оставался верным слугой императора и однажды послал меня в столицу, чтобы укрепить стену вокруг императорского дворца. Он к тому же послал ко двору четыре тысячи канов. И нашел время для возведения большого храма в Исэ. Таков был твой отец! А среди твоих предков...

– Хватит! Я много раз слышал твои рассказы!

Когда Нобунага сердился, его изящные уши багровели. Он с самого детства впадал в гнев, выслушивая эти истории, и Накацукаса прекрасно знал это. Он понимал, что в споре с Нобунагой лучше взывать к чувствам, а не к здравому смыслу. Когда его подопечный готов был выйти из себя, Накацукаса менял тему разговора:

– А не подышать ли нам воздухом?

– Может, верхом покататься?

– Если хочешь.

– Ты, старик, тоже поедешь.

Верховая езда была излюбленным занятием Нобунаги. Площадки для верховой езды были тесными для него. Он уезжал на три-четыре ри от крепости, а потом во весь опор мчался обратно.

В тринадцать лет Нобунага впервые принял участие в битве, а в пятнадцать лишился отца. С годами он стал держаться все более вызывающе. В день похорон отца он оделся самым неподобающим образом.

Все изумленно смотрели на него, не веря собственным глазам. Нобунага подошел к алтарю, взял горсть благовоний и развеял их над телом отца. Затем, ко всеобщему изумлению, вернулся к себе в крепость.

– Позор! Неужели это наследник!

– Безумец!

– До чего мы дожили!

Таковы были первые впечатления тех, кто привык к сиюминутным выводам. Люди, склонные к размышлениям, проливали горькие слезы, оплакивая судьбу клана Ода.

– У Кандзюро, младшего брата Нобунаги, превосходные манеры, и он достойно вел себя на похоронах, – заметил один из приближенных покойного князя.

Он, как и многие, жалел о том, что наследником стал не Кандзюро, а Нобунага. Монах, сидевший в дальнем конце комнаты, спокойно возразил:

– Нет-нет... Нобунага – человек с большим будущим. Он внушает ужас.

Эти слова потом передали старшим членам клана, но никто не воспринял их всерьез.

Незадолго до смерти сорокашестилетний Нобухидэ, следуя доброму совету Накацукасы, настоял на помолвке старшего сына с дочерью Сайто Досана из Мино. Долгие годы Мино и Овари враждовали, так что предстоящий брак имел политическое значение. Подобных союзов было много в охваченной раздорами Японии.

Досан охотно воспользовался предложением, хотя ему пришлось отдать любимую дочь наследнику клана Ода, которого все – от ближайших соседей до самой столицы – считали слабоумным. Досана не смутило это, потому что он давно с завистью поглядывал на Овари.

Глупость, жестокость и безобразия Нобунаги день ото дня становились все очевидней. Такое поведение соответствовало его тайным намерениям. На четвертый месяц двадцать второго года правления Тэммон Нобунаге исполнилось девятнадцать.

Стремясь поскорее повидаться с будущим зятем, Сайто Досан назначил первую встречу в храме Сётокудзи в Тонде, на границе между их провинциями. В Тонде обитала буддийская секта Икко. Храм находился неподалеку от деревни в семьсот дворов.

Во главе внушительного отряда Нобунага выехал из крепости Нагоя, пересек реки Кисо и

Хида и прибыл в Тонду. Пятьсот человек из его воинства были вооружены большими луками или мушкетами, еще четыреста были с красными пиками в восемнадцать сяку длиной. Процессию замыкали триста пеших воинов. Путь они проделали в глубоком молчании. Нобунага ехал в середине войска, в окружении конной свиты. Они подготовились к любым неожиданностям.

Стояли первые дни лета. Ячменные колосья наливались нежной желтизной. Легкий ветерок с Хиды освежал воинов. Из-за заборов свешивались ветви деревьев. Дома в Тонде были ладными, у многих имелись свои рисовые амбары.

– Вот они!

Сайто выставил дозор из двух самураев низкого ранга на краю деревни. В аллее шелковичных деревьев, тянущейся через деревню, мирно щебетали ласточки. Дозорный опустил на колени перед маленькой хижинкой и произнес:

– Процессия уже показалась. Скоро придут.

Темные, закопченные стены хижины с земляным полом скрывали мужчин в богатых кимоно с дорогими мечами.

– Хорошо. Вы, двое, спрячьтесь в кустарнике за шатром, – приказал князь Досан своим приближенным.

Сам он стоял у стены, внимательно наблюдая за происходящим.

О Нобунаге рассказывали немало историй. «Каков же он в жизни? – думал Досан. – Что он за человек?» Ему хотелось посмотреть на будущего зятя до торжественной встречи. Предусмотрительность никогда не изменяла Досану, вот почему и сейчас он скрывался в придорожной хижине.

– Мой господин! Люди из Овари прибыли.

Досан со вздохом посмотрел через окошко на дорогу. Его приближенные сгрудились у входа, пригнувшись к щелкам в деревянной двери. Наступила мертвая тишина.

Затихли и птицы на деревьях. Шорох крыльев, когда они внезапно срывались с насиженной ветки, нарушал настороженное молчание. Все отчетливее слышалась мерная поступь пеших воинов. Стрелки с отполированным до блеска оружием шагали по десятку в ряд, отрядами по сорок человек. Пики копьеносцев показались людям из Мино лесом красных деревьев. Досан с затаенным дыханием вглядывался в лица воинов, запоминая при этом способ их построения. Вскоре послышался стук подков и громкие голоса. Досан завороченно смотрел на текущий мимо поток воинов.

Лошадь всадника в центре группы выделялась благородством породы, грива ее пламенела на солнце. В инкрустированном перламутром седле гордо восседал Нобунага, сжимая в руке красные поводья, перевитые белой нитью. Он весело перекликался со своими спутниками.

– Что это? – вырвалось у Досана.

Нобунага выглядел ослепительно. Досан слышал о том, что глава клана Ода одевается с чрезмерной роскошью, но вид Нобунаги изумил его.

Нобунага ловко сидел на породистом скакуне. Узел волос на затылке перевязан бледно-зеленой лентой. Одежда играла буйством красок. И большой, и малый меч были увиты жгутами освященной рисовой соломы. На поясе висели мешочки с трупом, фляга из тыквы-горлянки, склянка с целебным снадобьем, складной веер, деревянная фигурка лошади и несколько драгоценных камней. Поверх кимоно из златотканой парчи была накидка из тигровой и леопардовой шкур.

– Дайскэ, мы приехали? Это Тонда? – спросил Нобунага.

Он говорил так громко, что Досан отчетливо слышал каждое его слово.

Дайскэ, возглавлявший свиту, подскакал к князю:

– Да, это Тонда, и храм Сётокудзи вон там. Нам надо предстать перед будущим тестем в лучшем виде.

– Храм принадлежит секте Икко, верно? Г-м-м... Здесь очень тихо. Похоже, никто не воюет в этих краях.

Нобунага посмотрел вверх шелковичных деревьев, возможно разыскивая в синем небе своих соколов. Мечи у него на поясе тихо постукивали друг о друга.

Приверженцы Досана едва удерживались от смеха.

– Это вся процессия? – спросил Досан.

– Вся.

– Вы его внимательно разглядели?

– Насколько возможно с такого расстояния.

– Его внешность не противоречит тем слухам, которые до нас доходили. Лицом он хорош и фигурой ладен, но тут у него явно чего-то не хватает! – Досан постучал себя пальцем по лбу.

Несколько соратников Досана вбежали в хижину через черный ход.

– Пожалуйста, поторопитесь, господин! Не беда, если насторожится Нобунага, но беда, если неладное почувствуют его приверженцы. Вам следовало бы первым прибыть в храм.

Они вышли из хижины и поспешили по неприметной тропе к храму. В ту минуту, когда первые всадники из Овари подъехали к главным воротам, Досан и его спутники проскользнули на территорию храма через боковую калитку. Быстро переодевшись, они подошли изнутри к главным воротам, где уже собралось множество народу. Встреча должна была состояться в храмовом парке, поэтому все люди Мино стояли у ворот. Храм с огромным залом и просторными помещениями для гостей опустел, и по его анфиладам гулял ветер.

Касуга Тангэ, один из главных советников Досана, спросил у своего господина, когда тот собирается выйти к гостям.

– Я к ним вообще не выйду, – покачал головой Досан.

Высокомерие было у него в крови. Нобунага всего лишь его будущий зять.

Дело заключалось, однако, в другом. Нобунага, как и Досан, был и князем, и правителем провинции, поэтому его приверженцам казалось, что на встрече должен быть соблюден одинаково высокий уровень сторон. Досан обладал преимуществом как тесть Нобунаги, но не лучше ли при первой встрече руководствоваться не родственными узами, а положением обоих князей? Размышляя так, Тангэ решил повторить свой вопрос. Досан упрямо утверждал, что можно обойтись без его выхода.

– В таком случае мне выйти к нему без свиты?

– Нет, не нужно. Достаточно будет приветствий Хотты Доку.

– Как вам угодно.

– Ты будешь наблюдать за встречами. Проследи, чтобы семьсот человек в коридоре, ведущем в зал, выстроились как подобает.

– Они, верно, уже там.

– Держи опытных воинов наготове и прикажи им хорошенько прочистить глотку, когда мой зять пойдет мимо них. Построй лучников и стрелков в саду. Всем остальным прикажи держаться высокомерно.

– Все ясно. Едва ли нам представится лучшая возможность, чтобы продемонстрировать могущество Мино и сокрушить гордыню вашего зятя. Мы готовы.

– Так называемый зять еще глупее, чем я предполагал. Съедят все, что ни подадим, на этикет можно внимания не обращать. Я подожду пока здесь. – Досан с трудом сдерживал зевок и явно намеревался прилечь.

Тангэ направился в коридор осмотреть стражу, затем, подзвав подчиненного, шепнул ему

что-то на ухо.

Нобунага поднимался по ступеням главного входа, где собралось не менее сотни приверженцев Сайто – от старейшин рода до молодых, еще не посвященных в самураи. Они простерлись ниц, приветствуя важного гостя.

Нобунага внезапно прервал неторопливое восхождение по ступеням.

– Где бы мне передохнуть? – Голос его звучал непринужденно, почти нагло.

По толпе пробежал недоуменный шепот.

– Разумеется, господин!

Опущенные в пыль лица мгновенно оторвались от земли. Хотта Доку прополз вперед и простерся у ног князя из Овари:

– Извольте сюда! Пожалуйста, отдохните, мой господин!

Встав на ноги, но продолжая непрерывно кланяться, он показал Нобунаге дверь справа от основного входа и повел его по восходящему вверх коридору.

Нобунага осмотрелся по сторонам.

– Недурно устроились, – произнес он. – Хороший храм! Глицинии в полном цвету. Чудесный аромат!

Не обращая ни на кого внимания, он вошел в комнату, за ним проследовали оруженосцы. Отдохнув около часа, он выглянул из-за ширмы:

– Эй, кто-нибудь! Показывайте дорогу. Полагаю, тесть хочет со мной побеседовать. Верно? Где князь Мино?

Нобунага изменил прическу и вплел в волосы другую ленту. Сбросив накидку из шкур тигра и леопарда, он переоделся в белое кимоно, на котором золотом был вышит фамильный герб клана Ода. Поверх он надел безрукавную накидку с изображением павлонии на пурпурном фоне. Малый меч он заткнул за пояс, а большой нес в руке. Он походил на изящного юного придворного.

Люди Мино не узнали преобразившегося князя. Приверженцы Нобунаги, привыкшие к его роскошно-вычурным одеждам, тоже поразились. Нобунага в одиночестве решительно зашагал по коридору. Он шел, глядя по сторонам, и громогласно восклицал:

– К чему эскорт! Хочу поговорить с тестем с глазу на глаз!

Доку призвал на помощь Касугу Тангэ. Встав по обе стороны входа в главный зал, они поспешно представились князю.

– Меня зовут Хотта Доку, я старший советник князя Сайто Досана.

– Я также старший советник, Касуга Тангэ. Вы совершили утомительное путешествие, и я счастлив, что оно обошлось благополучно. Можно лишь пожалеть о скоротечности нашей встречи.

Пока советники расточали любезности, Нобунага быстро прошел мимо них и вступил из коридора в зал с отполированным до зеркального блеска полом. В зале вдоль стен стояло множество народу. Нобунага словно не заметил собравшихся.

– Здесь недурно! – воскликнул он.

На доблестных воинов он смотрел как на придорожную траву.

Подойдя к входу в покои, в которых расположился Сайто, он обернулся к Доку и Тангэ:

– Здесь?

– Да, мой господин, – ответил Доку, запыхавшийся от беготни следом за гостем.

Нобунага, важно кивнув, бесцеремонно прошел в указанную комнату. Войдя в нее, он непринужденно уселся в углу, откинувшись спиной к колонне, и уставился вверх, якобы любуясь росписью на потолке. Глаза его были холодны, а лицо непроницаемо. Он отличался изяществом, которое нечасто встретишь даже при императорском дворе. Человек,

залюбовавшийся им, упустил бы из виду дерзость его взгляда. Из другого угла комнаты послышался легкий шорох, словно кто-то лежавший поднимался на ноги. Из глубокой тени появился Досан. Он прошел на середину комнаты и величаво сел, всем своим видом демонстрируя превосходство.

Нобунага притворился, будто не заметил этого. Он с равнодушным видом обмахивался веером. Досан отвел глаза. Не существовало определенного этикета, предписывающего, как должно тестю говорить с зятем, поэтому он предпочел не нарушать молчание. Атмосфера в комнате накалялась. Досан нервно подергивал бровью. Доку, не выдержавший напряжения, приблизился к Нобунаге и простерся перед ним на татами.

– Господин, позвольте представить – князь Сайто Досан. Не соизволите ли, мой господин, обратиться к нему с приветствием?

– Вот как? – произнес Нобунага, выпрямившись. – Я – Ода Нобунага. Рад встретиться с вами, – он слегка поклонился.

Настала очередь Сайто выказывать уважение.

– Я давно ждал этой встречи. Счастлив, что настал день, когда мое желание сбылось.

– Мое сердце преисполнено радости и гордости. Мой тесть в преклонном возрасте, но пребывает, по-моему, в добром здравии.

– Что значит – преклонный возраст? Мне недавно исполнилось шестьдесят, и я не чувствую себя стариком. А ты рядом со мной – цыпленок, едва вылупившийся из скорлупы. Ха-ха-ха! В шестьдесят начинается лучшая мужская пора!

– Счастлив, что у меня есть тесть, на которого можно положиться.

– В любом случае сегодня знаменательный день. Надеюсь, при нашей следующей встрече ты порадуешь меня внуком.

– С превеликим удовольствием.

– Мой зять – человек прямодушный. Тангэ!

– Да, мой господин!

– Настал час трапезы. – Произнося эти слова, Досан одновременно отдал взглядом и другое распоряжение.

– Понятно.

Тангэ не был уверен, что правильно истолковал приказ во взоре повелителя, но понял, что настроение его переменялось к лучшему. Тангэ решил, что старик попытается очаровать зятя, и приказал заменить простые блюда на более изысканные.

Досан одобрил старания Тангэ. Он даже вздохнул с облегчением. Тесть и зять обменялись здравицами, и застольная беседа приняла неофициальный характер.

– Ах да, вспомнил! – внезапно вырвалось у Нобунаги. – Князь Досан, мой дорогой тесть, на пути сюда я встретил чрезвычайно потешного человечка.

– Вот как! И кто же он?

– Уморительный старичок вроде вас, даже лицом на вас похожий. Он подглядывал за тем, как мы ехали сюда, спрятавшись у окна в жалкой хижине. У меня сегодня первая встреча с вами, но когда я увидел вас... Не стану скрывать – вы точная копия того человека. Правда забавно? – Весело расхохотавшись, Нобунага прикрыл рот веером.

Досан сидел с таким видом, словно проглотил горькую пилюлю. Холодный пот прошиб Хотту Доку и Касугу Тангэ. Трапеза закончилась, и Нобунага поднялся со своего места:

– Я злоупотребляю вашим гостеприимством. Пора! Нам надо успеть переправиться через Хиду и встать на привал до заката. Позвольте откланяться.

– Неужели вы нас покидаете? – Досан тоже поднялся с места. – Жаль отпускать вас, но я вас провожу.

Ему тоже надо было вернуться в крепость до заката.

Лес из пик взметнулся ввысь и двинулся на восток; закатное солнце светило воинам в спину. По сравнению с воинством Нобунаги копьеносцы Мино казались карликами, и они явно уступали в боевом духе.

– Зачем я дожид до этого дня! Настанет время, и моим детям придется вымалывать жизнь у этого ненормального. Такова судьба! – сетовал Досан, покачиваясь в паланкине.

В чистом поле ударили барабаны и гулко запели раковины. Некоторые воины Нобунаги купались в Сёнаи, другие упражнялись в верховой езде и метали бамбуковые копья. Услышав сигнал раковины, все мгновенно выстроились перед шатром, ожидая, пока их предводитель усядется на коня.

– Пора возвращаться в крепость.

Нобунага плавал в реке больше часа, понежился на солнышке, потом вновь бросился в реку, резвясь, как водяной. Наконец он сказал, что пора в обратный путь, и тут же направился к шатру. Скинув белую набедренную повязку, в которой купался в реке, он вытерся и облачился в охотничий костюм и легкие доспехи.

– Коня! – нетерпеливо бросил Нобунага.

Его приказы исполнялись мгновенно и беспрекословно, но порой ставили в тупик приверженцев Нобунаги. Случалось, они ошибочно истолковывали смысл его очередного приказа и попадали впросак из-за непредсказуемости молодого князя. Положение спасал Итикава Дайскэ. Когда невнятные речи Нобунаги приводили его воинов в замешательство, Дайскэ произносил одно слово, и ряды пеших и конных выстраивались, как колосья на рисовом поле.

Нобунага был явно в хорошем настроении. Он развернул войско и двинулся в сторону крепости Нагоя. Нобунага, как всегда, находился в середине процессии. Сегодняшние учения длились около четырех часов. Нещадно палило летнее солнце. Взмыленные лошади и потные пешие воины выступили в поход. Зеленые кузнечики с пронзительным стрекотом прятались в придорожной траве. Бледные лица воинов заливал пот, Нобунага вытирал лоб рукавом. Он передохнул и вернулся в привычное состояние вспыльчивости.

– А это что за пугало бежит?

Ничего не ускользало от взора Нобунаги. Несколько пеших воинов, заметивших Хиёси раньше предводителя, кинулись к нему по высокой, по плечи, траве. Хиёси просидел в зарослях весь день в надежде встретиться с молодым князем. Он следил за тем, что происходило утром на реке. Его заметили и прогнали дозорные, поэтому он, решив подстеречь Нобунагу на обратном пути в крепость, притаился в высокой придорожной траве.

«Сейчас или никогда», – думал Хиёси. Он словно не чувствовал себя, сосредоточившись на князе Овари. Хиёси надрывно закричал, сам не понимая вылетающих из его глотки слов. Он знал, что рискует собственной жизнью. Хиёси могли заколоть длинной пикой, прежде чем он успел бы приблизиться к своему кумиру, но он не испытывал страха. Или он сделает шаг к великой цели, или расстанется с жизнью.

Вскочив на ноги, он увидел Нобунагу и с закрытыми глазами бросился навстречу ему:

– Умоляю! Пожалуйста, возьмите меня к себе на службу! Я мечтаю служить вам и отдать за вас жизнь!

Хиёси хотел произнести эти слова, но когда стражи преградили ему дорогу скрещенными пиками, от волнения голос его сорвался, и речь превратилась в бессмысленный лепет.

Он выглядел ничтожнее самого последнего оборванца. Грязные волосы были в пыли и колючках. Пот и грязь размазались по лицу коричневато-серыми пятнами. Живыми на этом

лице оставались только глаза, но и они не разглядели скрещенные пики. Один из воинов зацепил Хиёси за ноги древком копья, но юноша все же прорвался на расстояние в десять шагов от того места, где восседал на лошади Нобунага.

– Прошу вас, мой господин! – закричал Хиёси, ухватившись за конскую сбрую.

– Ну и свинья! – грозно произнес Нобунага.

Воин, стоявший за спиной у Хиёси, сгреб его за ворот и швырнул наземь. Он было занес над ним пику, но внезапно Нобунага воскликнул:

– Не трогай!

Настойчивая мольба жалкого заморыша заинтересовала князя. Он, возможно, почувствовал и отчаянную надежду, горевшую в душе странного создания.

– Говори!

Хиёси мгновенно забыл о боли, причиненной стражем.

– Мой отец служил у вашего отца пешим воином. Его звали Киносита Яэмон. Я его сын, Хиёси. После смерти отца я жил с матерью в Накамуре. Я хотел поступить к вам на службу и долго искал человека, который за меня поручился бы, но понял, что мне суждено обратиться прямо к вам. Ради этого я рискую собственной жизнью. Меня можно убить прямо на месте. Я без колебаний отдам жизнь за вас, служа вам. Соизвольте распорядиться моей жизнью. Сбудется наша мечта – отца, покоящегося под листьями и травой, и сына, рожденного в этой провинции.

Он говорил быстро и сбивчиво, как в бреду, но его бесхитростная откровенность тронула Нобунагу. Сильнее слов об искренности Хиёси свидетельствовала одержимость его поведения и речей.

Нобунага усмехнулся.

– Забавный парень, – сказал он одному из приближенных и обратился к Хиёси: – Значит, ты хочешь служить мне?

– Да, мой господин.

– А что ты умеешь делать?

– Ничего, мой господин.

– Ничего не умеешь и просишься ко мне на службу.

– У меня нет ничего, кроме желания умереть за вас.

Нобунага пристально вглядывался в юношу.

– Ты несколько раз назвал меня своим господином, хотя тебе не дано право быть моим подданным. Почему ты называешь меня так?

– Родившись в Овари, я всегда считал, что если я поступлю на службу, то моим господином непременно окажетесь вы. Наверно, поэтому я и называю вас «мой господин».

Нобунага одобритительно кивнул.

– Забавный, – сказал он, обращаясь к Дайскэ.

– Действительно. – Дайскэ выдавил из себя улыбку.

– Хорошо, беру тебя. С сегодняшнего дня ты у меня на службе.

Хиёси не сдержал слез радости. Многие из свиты Нобунаги удивились такому решению, но подумали, что их господин, по обыкновению, поддался капризу. Хиёси, ликуя, ворвался в ряды воинов, но его встретили хмурые взгляды.

– Не сюда! Ступай в самый конец войска и держись за хвост лошади, грузенной поклажей.

– Да, да, конечно!

Переживая неземное блаженство, Хиёси послушно побежал в последние ряды колонны.

Войско приближалось к Нагое, и дорога перед ним пустела, словно ее выметали громадной метлой. Мужчины и женщины падали ниц и на обочине, и на пороге собственного дома.

Нобунага не утруждал себя приличиями даже при народе. Он одновременно шумно прочищал глотку, беседовал с подчиненными и смеялся. Мог есть дыню в седле, выплевывая семечки на дорогу.

Хиёси впервые шагал не по обочине, а по середине этой дороги. Не спуская глаз со своего нового повелителя, он думал: «Вот она, дорога! Значит, я ступил на мой единственный Путь».

Перед ними выросла крепость Нагоя. Вода во рву была болотного цвета. Миновав мост Карабаси, процессия проследовала через площадь и скрылась за воротами крепости. Хиёси много раз доведется ходить по этому мосту и входить в крепостные ворота, но сегодня он впервые приблизился к замку.

Наступила осень.

Поглядывая на жнецов в рисовом поле, невысокий самурай быстрым шагом шел по направлению к Накамуре. Дойдя до дома Тикуами, он остановился и громко закричал:

– Матушка!

– Неужели! Это же Хиёси!

Онака родила еще одного ребенка. Сидя посреди разложенных на просушку красных пеленок, она баюкала дитя на руках, подставляя его бледное тельце последним лучам еще жаркого солнца. Увидев, как изменился ее старший сын, Онака разволновалась. Радовалась она или горевала? Губы у нее задрожали, а на глазах выступили слезы.

– Это я, матушка! Как вы поживаете?

Одним прыжком Хиёси оказался на соломенной циновке рядом с Онакой. Мать обняла его так же ласково, как баюкала младенца. От нее исходил запах материнского молока.

– Что случилось? – спросила она.

– У меня выходной. Сегодня я в первый раз покинул крепость с тех пор, как там очутился.

– Какое счастье! Твой внезапный приход испугал меня. Подумала, что у тебя новые неприятности.

Она облегченно вздохнула и улыбнулась. Теперь Онака внимательно оглядела повзрослевшего сына. Она рассматривала его чистую шелковую одежду, прическу, два меча за поясом. К удивлению Хиёси, мать разрыдалась.

– Матушка, надо радоваться! Я ведь состою на службе князя Нобунаги. Порой мне приходится выполнять черную работу, но я правда зачислен на самурайскую службу.

– Ты давно мечтал о ней. Ты немалого добился в жизни. – Онака закрыла лицо руками.

Хиёси обнял мать:

– Я специально переделался в чистое и причесался, чтобы вас порадовать. Но дело не в этом! Я докажу вам, на что способен, и сделаю вас счастливой. Матушка, вы проживете долго-долго!

– Когда я услышала о том, что случилось летом... Я уже и не чаяла с тобой свидеться!

– Отовака вам рассказал?

– Да, зашел к нам и сказал, что ты подкараулил князя, и он взял работником к себе в крепость. Я едва не умерла от счастья.

– Если такой пустяк так обрадовал вас, то представляете, как счастливы вы будете потом? Мне разрешили теперь носить родовую фамилию.

– И какую ты взял?

– Киносита, как у отца. Изменили и мое собственное имя. Теперь меня зовут Токитиро.

– Киносита Токитиро.

– Да. Красиво, правда? Вам придется пожить в бедности еще какое-то время в этом жалком доме, но наберитесь терпения! Вы – мать Киноситы Токитиро!

– Впервые в жизни я такая счастливая! – повторила Онака, и слезы катились у нее из глаз.

Хиёси радовался от всей души. Кто, кроме матери, заплачет от счастья, видя успех сына.

Хиёси подумал, что годы скитаний, голода и унижений не пропали даром, воспоминания о них делали нынешнюю встречу еще отраднее.

– А как поживает Оцуми?

– Она в поле убирает урожай.

– Она здорова?

– Она такая же, как всегда, – ответила Онака, вспомнив о безрадостной юности дочери.

– Расскажите ей, пожалуйста, что скоро ее невзгодам придет конец. Недалек тот день, когда у нее будет и узорчатый шелк, и накидка с золотым гербом, и все приданое для свадьбы. Ха-ха-ха! Вы, конечно, считаете, что я, как всегда, мечтаю о невозможном?

– Ты скоро уходишь?

– Дисциплина в крепости строгая. Да, вот еще что, матушка, – тихо сказал он. – Люди плетут небылицы о моем господине, но поверьте, князь Нобунага на людях и в крепости Нагоя – два разных человека.

– Похоже на правду.

– Его положение незавидное. У него мало подлинных союзников. Многие его приверженцы и даже родственники настроены против него. Ему девятнадцать, и он совершенно одинок. Вы ошибаетесь, думая, что на свете нет горше страданий голодных крестьян. Поверьте мне, нужно еще немного потерпеть. Мы не должны сдаваться из-за наших слабостей. Мы оба – мой господин и я – на дороге к счастью.

– Пожалуйста, не торопи события. Как бы высоко ты ни поднялся в этой жизни, самую большую радость я чувствую сейчас.

– Поберегите себя. Не надрывайтесь на работе.

– А ты не мог бы еще немного задержаться?

– Пора в крепость.

Он встал и молча положил немного денег на соломенную циновку, на которой сидела мать. Окинул взглядом маленький сад – хурму и хризантемы у ограды, – остановил взгляд на амбаре.

В этом году он больше не появлялся дома, но в канун Нового года в Накамуру заглянул Отовака. Он передал матери Хиёси немного денег, лекарства и шелк на кимоно.

– Он по-прежнему слуга, – рассказал Отовака. – Когда ему исполнится восемнадцать, он получит прибавку к жалованью, и собирается купить в городе дом, чтобы жить в нем вместе с вами. Он странный немного, но умеет нравиться людям. Считаю, он чудом избежал неминуемой смерти на реке Сёнаи. Видать, везучий, дьяволенок!

Новый год Оцуми встречала в новом кимоно.

– Мне прислал его мой младший брат Токитиро, который служит в крепости!

Она рассказывала об этом всем и всюду. Оцуми буквально через слово упоминала имя младшего брата.

Буйный нрав Нобунаги время от времени сменялся приступами тоски и уныния. Многие считали, что князь специально дает передышку своему норову.

– Приведите Удзуки! – заорал он однажды и помчался на поле для верховой езды.

Его отец Нобухидэ всю жизнь провоевал, и у него никогда не оставалось времени на отдых в своей крепости. По многу месяцев он воевал то на западе, то на востоке. По утрам он успевал отслужить поминальную службу по предкам, выслушать прошения вассалов, послушать лекцию о старинных трактатах. До вечера он упражнялся в военном деле и занимался делами провинции. Завершив повседневные дела, он изучал труды по воинскому искусству или держал совет с избранными приближенными. Порой он вспоминал о своем большом семействе. Стоило Нобунаге занять место отца, и привычный распорядок рухнул. Ему была отвратительна мысль о заранее определенном расписании. Нобунага был человеком настроения, а его ум – переменчив,

как вечерние облака. Он внезапно хватался за дело и так же бросал его. Казалось, и тело его, и душа противятся любым правилам.

Характер князя обременял жизнь его чиновников и соратников. Сегодня он сначала посидел за книгой, потом смиренно проследовал в буддийский храм, чтобы помолиться предкам. Внезапное громогласное требование подать коня прозвучало в тиши храма как гром среди ясного неба. Оруженосцы не сразу сообразили, откуда исходит странный приказ. Они вывели коня из стойла и подвели к князю. Нобунага промолчал, но на лице его было недовольство их нерасторопностью.

Белый конь Удзуки был любимцем князя. Он притерпелся к хозяйской жестокости и не замечал ударов плетки. Нобунага часто водил Удзуки под уздцы, жалуясь каждому на его медлительность. Иногда он велел силком поить коня. Конюх с трудом разжимал Удзуки челюсти и вливал воду в глотку. Нобунага ухватывал коня за язык, мучая его.

– Удзуки, у тебя злой язык, поэтому ты едва ноги переставляешь, – сказал князь.

– Он немного простудился.

– Может, возраст сказывается?

– Он был здесь еще при старом князе.

– Что ж! Уздуки не единственный, кто состарился и одряхлел в этой крепости. Со времен первого сёгуна сменилось десять поколений, и мир закоснел в церемониях и обмане. Все вокруг старые и жалкие!

Нобунага разговаривал с самим собой, словно сетуя на судьбу. Он вскочил в седло и сделал первый круг по полю для верховой езды. Он был прирожденным наездником. Его учителем в этом искусстве был Итикава Дайскэ, но чаще всего князь ездил в одиночестве.

Внезапно Нобунагу обогнал темный рысак, несшийся с бешеной скоростью. Отстав от него, Нобунага впал в ярость.

– Городза! – заорал он, устремляясь вдогонку.

Городза, отважный молодой человек лет двадцати четырех, старший сын Хиратэ Накацукасы, служил командиром стрелков. Его полное имя было Городзаэмон, и у него было двое братьев – Кэммоцу и Дзиндзаэмон. Нобунага гневался. Его обошли, заставили дышать пылью из-под копыт чужой лошади! Он хлестал Удзуки плеткой, тот рванулся вперед. Удзуки летел с такой скоростью, что копыта едва касались земли, а серебряная грива разметалась по ветру. Нобунага нагонял соперника.

– Поберегись, мой господин! Как бы не треснули копыта! – крикнул Городза.

– Сдаешься? – бросил в ответ Нобунага.

Разозлившись, Городза прищпорил своего рысака. Коня Нобунаги везде, даже среди врагов, называли «конем клана Ода», рысак Городзы уступал ему и статью и норовом, но он был моложе, а Городза превосходил князя в верховой езде. Нобунага вырвался вперед, но потом расстояние между всадниками сократилось до двадцати корпусов, затем до десяти, и вскоре они поравнялись. Нобунага не хотел уступить сопернику, но у него перехватило дыхание. Городза обогнал его, обдав своего господина облаком пыли. Взбешенный Нобунага спрыгнул на землю.

– Крепкий коняга! – пробормотал он.

Нобунага не мог признать собственное поражение. Приближенные должны считать, что их господин добровольно отказался от состязания.

– Вряд ли он радуется тому, что его обогнал Городза, – заметил один из оруженосцев.

Они смущенно обступили князя, предчувствуя бурю хозяйского гнева. Один из оруженосцев опустился на колени перед Нобунагой и предложил ему черный кубок.

– Не угодно ли воды, мой господин?

Это был Токитиро, получивший повышение в должности. Он носил за князем его обувь.

Должность невысокая, но то обстоятельство, что Токитиро из простых слуг перевели в личную свиту князя, свидетельствовало о небывалой благосклонности господина. За короткое время Токитиро изрядно продвинулся по службе. Он вкладывал душу в любое поручение.

Сейчас Нобунага не заметил и самого преданного слугу. Он не удостоил Токитиро ни взглядом, ни словом, но кубок взял и осушил его залпом.

– Позовите Городзу! – приказал князь.

Городза привязал коня к иве на краю поля. Весть о приказе Нобунаги мгновенно донеслась до него.

– А я и сам собирался к нему, – сказал командир стрелков.

Он отер пот с лица, поправил одежду и прическу.

– Мой господин, я, к сожалению, проявил сегодня неучтивость, – собравшись с духом, произнес он.

Голос его прозвучал бесстрастно.

Нобунага, однако же, подобрел.

– Ловко ты меня сегодня обошел! Откуда у тебя этот рысак? Как его зовут? – миролюбиво отозвался князь.

Оруженосцы успокоились.

Городза, стоя на коленях, поднял глаза на Нобунагу:

– Хорош, верно? Моя радость и гордость! Барышник с севера вел его в столицу, чтобы продать при дворе. Он заломил такую цену, что пришлось продать семейную реликвию – драгоценный чайник, подаренный мне отцом. Чайник носил имя Новакэ, поэтому и скакуна я назвал Новакэ.

– Он стоит любых денег. Конь превосходный! Я заберу его у тебя.

– Но, мой господин!

– Назови цену!

– К сожалению, я не могу принять ваше предложение.

– Повтори, что ты сказал!

– Я вынужден отказаться.

– Почему? Ты купишь другого коня.

– Хорошего коня найти труднее, чем хорошего друга.

– Именно поэтому ты должен уступить его мне. Мне необходим быстрый и выносливый конь.

– Я вынужден отказать. Конь дорог мне не только из гордости и тщеславия, а потому что на поле брани он позволит мне достойно послужить моему господину, а в этом и заключается смысл жизни самурая. Мой господин изволил приобрести коня, но для самурая это не повод отказываться от такого сокровища.

Даже Нобунага смутился, столкнувшись со столь откровенным и весомым проявлением самурайской гордости. Чувств, однако, он скрыть не мог.

– Городза, ты решительно отказываешь в моей просьбе?

– Вынужден отказать, мой господин.

– По-моему, конь не соответствует той скромной должности, которую ты занимаешь. Будь ты могущественным человеком, как, например, твой отец, ты по праву владел бы Новакэ. Ты слишком молод для такого скакуна.

– При всем глубочайшем уважении к вам не могу не возразить. Неужели этот конь рожден для того, чтобы на нем разъезжали по окрестностям с дыней или хурмой в руках? Призвание Новакэ – принадлежать мне, воину.

Как ни сдерживался Городза, но он высказал все, что накопилось у него на душе. И эти

хлесткие слова он произнес не в защиту любимого коня, а от гнева, который вызывал в нем его господин.

Хиратэ Накацукаса наглухо запер ворота и уединился в своем доме почти на месяц. Более сорока лет он верой и правдой служил клану Ода. С той поры, как Нобухидэ на смертном одре доверил ему судьбу своего сына, он опекал Нобунагу, оберегая его, и управлял всей провинцией от его имени.

Однажды вечером, взглянув в зеркало, он поразился тому, как поседел за эти годы. Причин было немало. Накацукасе шел седьмой десяток, но он прежде не задумывался о старости. Он занавесил зеркало.

– Кагэю, гонец уже отбыл? – спросил он у своего слуги Амэмию Кагэю.

– Да.

– Как ты думаешь, они придут?

– Полагаю, что все приедут.

– Сакэ готово?

– Да, господин. Угощения тоже.

Был конец зимы. Зима выдалась суровой, и толстый слой льда все еще сковывал озеро. Гостями, которых Накацукаса ждал сегодня, были его трое сыновей, живших своими домами. По обычаю, и старшему сыну, и особенно младшим надлежало жить с отцом, но Накацукаса распорядился иначе. Он предпочел одиночество, сославшись на то, что забота о сыновьях и внуках может помешать его государственным делам. Он заботился о Нобунаге как о родном сыне, но в последнее время тот относился к нему холодно, выказывая раздражение. Накацукаса расспросил оруженосцев Нобунаги о происшествии на поле для верховой езды. Именно с того дня он почувствовал отчужденность князя.

Городза, навлекший на себя гнев Нобунаги, не появлялся в крепости и вел уединенный образ жизни. Сибата Кацуиэ и Хаяси Мимасака, вассалы клана Ода и вечно на пару интриговавшие против Накацукасы, почувствовали, что наступал их час. Они вкрадчиво льстили молодому князю и постоянно клеветали на его опекуна, углубляя их разлад. Сила интриганов заключалась в их сравнительно молодом возрасте, позволявшем укреплять их власть.

За месяц, проведенный в добровольном заточении, Накацукаса осознал, насколько он стар. Чувствуя непомерную усталость, он не находил в себе сил для борьбы с недругами. Он знал, что у князя великое множество врагов, и тревожился за судьбу клана. Накануне он составил важный и обстоятельный документ, а сегодня переписал его набело.

От холода вода в тушечнице застывала.

– Городзаэмон и Кэммоцу прибыли, – доложил Кагэю.

Они сидели в ожидании отца, не зная, зачем их позвали.

– Так неожиданно! Я испугался, подумав, не заболел ли отец, – сказал Кэммоцу.

– По-моему, он узнал о том, что у меня произошло с князем. Сейчас он меня отчитает.

– Он бы вызвал тебя раньше. Нет, дело в чем-то другом.

Братья по-прежнему побаивались отца. Третий брат, Дзиндзаэмон, был в отъезде.

– Холодно! – С этими словами отец вошел в комнату.

Сыновья с горечью смотрели на его седину и изнуренное лицо.

– Ты здоров?

– Конечно. Просто захотел повидаться с вами. Возраст дает о себе знать, порой я чувствую себя одиноким.

– Так, значит, ничего не случилось?

– Нет, нет. Давно мы с вами не ужинали вместе, засиживаясь до утра в застольных беседах.

Садитесь поудобнее.

Он вел себя как всегда. На дворе бушевала непогода, по карнизам что-то стучало, может, град. В доме становилось холодно, но общение с отцом заставило сыновей забыть об этом. Отец был в таком добром расположении духа, что Городзаэмон никак не мог улучшить подходящую минуту, чтобы извиниться за непочтительность. После ужина Накацукаса распорядился подать зеленый чай, который он очень любил.

И невзначай, словно потому, что в руках у него оказался чайник, Накацукаса сказал:

– Городза, я слышал, что ты отдал Новакэ в чужие руки. Это правда?

Городза не стал лукавить.

– Да. Я знаю, что этот чайник – фамильная реликвия, но я увидел замечательного скакуна и продал твой подарок, чтобы купить его.

– Вот как? Хорошо! Если ты так ревностно относишься к жеребцам, я не сомневаюсь, что ты достойно послужишь князю и после моего ухода. – Тон его резко переменялся. – Продать чайник ради боевого коня – замечательный поступок. Правильно ли мне доложили, что на этом коне ты обогнал Удзуки, а когда князь потребовал твоего рысака, ты отказал?

– Поэтому я впал в немилость. К сожалению, мой поступок скажется, возможно, и на тебе, отец.

– Дело не во мне сейчас. Как ты посмел отказаться? Это неблагородно!

Городзаэмон растерялся:

– Я огорчил тебя. Мне очень стыдно.

– Почему ты не отдал князю Нобунаге коня?

– Я состою на службе у князя и готов пожертвовать за него жизнью. Скупым меня не назовешь. Коня я купил не для собственной утехи, а для того, чтобы послужить моему господину на поле брани.

– Понимаю.

– Уступи я Новакэ, князь не прогневался бы на меня. Мне отвратительно его себялюбие. Увидев коня получше Удзуки, он тут же потребовал его. Разве это справедливо? Я не единственный, кто опасается за будущее клана. Ты, отец, знаешь это лучше меня. Порой молодой князь проявляет выдающиеся качества и способности, но его тщеславие и вспыльчивость в столь юном возрасте вызывают сожаление, даже если он таким уродился. Он постоянно досаждаёт нам своим высокомерием. Потакать его вздорному нраву – значит притворяться преданным своему господину. Вот я и решил настоять на своем.

– Ты ошибся.

– Неужели?

– Ты хотел урезонить его, а в результате разгневал. Когда он был маленьким, я носил его на руках чаще, чем вас. Я знаю, каков он в гневе. Незаурядные способности у него есть, но и недостатков предостаточно. Ты оскорбил его, князь тебе этого не простит.

– Вероятно. Боюсь задеть тебя за живое, но Кэммоцу и мне, как и большинству служивых людей Нобунаги, противно подчиняться такому самураю. Людишки вроде Сибаты Кацуиэ и Хаяси Мимасаки в восторге от своенравного господина.

– Ты заблуждаешься. Я не верю молве. Вы обязаны служить князю и, если понадобится, сложить за него головы, плох он или хорош. И это ваш долг, независимо от того, жив ваш отец или умер.

– Не беспокойся. Я не изменю самурайской чести даже попав в опалу.

– Приятно слышать. Я скоро умру, как старое дерево. А вы, молодая поросль, замените меня.

Позже, обдумывая эту беседу, Городзаэмон и Кэммоцу поняли, что отец давал им намеки,

но этим вечером по дороге домой они еще не осознали, что Накацукаса решил умереть.

Труп Хиратэ Накацукасы обнаружили на следующее утро. Он покончил с собой, сделав сэппуку. Сыновья не увидели на смертном лице отца следов горечи или раскаяния. Он не оставил ни завещания, ни письма сыновьям, а лишь пространное послание Нобунаге. Каждое слово в нем свидетельствовало о верности и глубочайшем почтении покойного к князю.

Весть о смерти наставника повергла Нобунагу в ужас. Grimаса исказила его лицо. Своим уходом из жизни старый Накацукаса пристыдил молодого князя. Ему были известны и выдающиеся способности, и чудовищные черты в характере Нобунаги, и сейчас, читая предсмертное письмо, князь не сдержал слез. Грудь ему полоснула нестерпимая боль, словно от удара хлыста.

– Прости меня, старик! Прости меня, – шептал Нобунага.

Он жестоко обидел Накацукасу, который был ему не только верным союзником, но и человеком более близким, чем родной отец. После происшествия с конем Городзы он рассердился и на опекуна.

– Позовите Городзу!

Командир стрелков прибыл к князю и простерся перед ним ниц. Нобунага сел и посмотрел ему прямо в глаза:

– Послание твоего отца разорвало мне сердце. Я никогда его не забуду. Других извинений у меня нет.

Нобунага готов был пасть ниц перед Городзой, но молодой воин почтительно взял князя за руки. Они обнялись и заплакали.

В тот же год князь Ода выстроил в городе храм в память о своем опекуне. Городской голова спросил у него:

– Как будет называться храм? Вы должны сообщить настоятелю свои пожелания.

– Старик захотел бы, чтобы я дал название храму, – сказал Нобунага. Взяв кисть, он написал: «Храм Сэйсю».

Впоследствии он не раз внезапно срывался с места и приезжал в этот храм, но редко заказывал поминальную службу или читал сутры вместе со служителями.

– Старик! Старик! – бормотал он себе под нос, расхаживая по храму, а потом столь же стремительно возвращался в крепость.

Странные поездки в храм многим казались очередной блажью безумца.

Однажды на соколиной охоте Нобунага вдруг разорвал небольшую птицу и подбросил ее растерзанное тельце в воздух.

– Старик! Держи мою добычу! – воскликнул он.

В другой раз, на рыбалке, он вдруг ринулся в воду и заорал:

– Старик! Стань Буддой!

Исступленность в глазах и голосе князя напугала оруженосцев.

Нобунаге в первый год Кодзи исполнился двадцать один год. В мае, придравшись к какому-то пустяку, он объявил войну Оде Хикогоро, который формально возглавлял клан Ода. Он осадил его крепость в Киёсу, а после взятия ее переехал туда из Нагои.

Токитиро с радостью следил за успехами своего господина. В своем собственном доме Нобунага был в окружении ненавидящих его родственников. Среди них были его дядья и родные братья. Князю важнее было устранить их с дороги, чем победить внешних врагов.

– За ним нужно присматривать! – предупреждал Хикогоро.

Притесняя Нобунагу, он замышлял расправу с ним. Сиба Ёсимунэ, комендант крепости

Киёсу, и его сын Ёсиканэ были тайными сторонниками Нобунаги. Обнаружив измену, Хикогоро гневно заговорил о черной неблагодарности, а затем велел казнить Ёсимунэ. Ёсиканэ бежал в Нагою под покровительство Нобунаги. В тот же день Нобунага во главе своего войска выступил на Киёсу, воодушевляя воинов призывом отомстить за казненного коменданта крепости.

Пойдя войной на главу клана, Нобунага воевал за правое дело, но попутно он использовал случай, чтобы устранить некоторые препятствия со своего пути. Комендантом крепости Нагоя он назначил своего дядю Нобумицу, но тот скоро пал жертвой наемного убийцы.

– Настал твой черед, Садо. Ты единственный, кому я могу доверить крепость.

Когда Хаяси Садо получил новую должность, некоторые приверженцы Нобунаги горестно вздохнули:

– И все-таки князь – глупец! Проблеск ума мгновенно оборачивается глупостью! Доверился Хаяси!

Сомнения в преданности Хаяси Садо не были безосновательными. При жизни отца Нобунаги Хаяси был едва ли самым верным человеком клана, именно поэтому Нобухидэ и назначил его и Хиратэ Накацукасу опекунами сына. Из-за строптивости Нобунаги Хаяси отошел от него. Он втайне сговорился с Нобуюки, младшим братом Нобунаги, и с его матерью, жившими в крепости Суэмори, свергнуть Нобунагу.

– Князь Нобунага не подозревает о предательстве Хаяси.

Эти слухи не раз доходили до Токитиро. Утверждали это самые преданные люди Нобунаги.

– Знай он об измене, так не назначил бы Хаяси.

Токитиро спокойно отнесся к этим разговорам. Он верил, что его господин справится с этой задачей. В Киёсу, казалось, было лишь два воистину счастливых человека – Нобунага и Токитиро.

Значительная часть приближенных, включая Хаяси Садо, его младшего брата Мимасаку и Сибату Кацуиэ, по-прежнему считала своего повелителя безнадежным глупцом.

– Согласен, что на первой встрече с тестем Нобунага вел весьма прилично. Как говорят, дураку счастье привалило. А во время официальной церемонии он держался так бесстыдно, что оскорбил Сайто Досана. Дураком родился, дураком и умрешь! Нет оправданий его наглому поведению.

Сибата Кацуиэ, произнесший эти слова, и люди, разделявшие его мнение, решили, что нельзя ждать ничего хорошего от князя. Когда Хаяси перебрался в Нагою, Сибата Кацуиэ зачастил к нему, и вскоре в крепости начали плести заговор против Нобунаги.

– Какой приятный дождик!

– Да, он делает нашу беседу более приятной.

Садо и Кацуиэ сидели лицом к лицу в маленьком чайном домике на краю небольшой роцци за пределами крепости. Сезон дождей закончился, но короткие дожди все еще выпадали. Зеленые сливы срывались с ветвей.

– Утром будет ясное небо, – пробормотал Мимасака, брат Садо, который прятался от непогоды под сливовым деревом.

Он вышел в сад, чтобы зажечь фонарь. Засветив огонь, он внимательно огляделся по сторонам.

– Ничего подозрительного. Вокруг ни души, так что можно спокойно разговаривать, – доложил он, вернувшись в чайный домик.

Кацуиэ кивнул:

– Перейдем к делу. Вчера я тайно посетил крепость Суэмори. Я обсудил наши намерения с матерью князя Нобунаги и князем Нобуюки. Они поручили дело нам.

– А что сказала его мать?

– У нее нет возражений. Нобуюки ей дороже Нобунаги.

– Хорошо. А Нобуюки?

– Сказал, что если Хаяси Садо и Сибата Кацуиэ восстанут против Нобунаги, то он непременно присоединится к ним во благо всего клана.

– Пришлось их уговаривать, вероятно?

– Мать безраздельно на нашей стороне, а Нобуюки – юноша слабовольный. Не надави я на них, так они, пожалуй, остались бы в стороне.

– У нас есть веские причины для свержения Нобунаги, тем более мы заручились согласием матери и брата. Его глупость и судьба клана тревожат не одних нас.

– «За Овари и вечное правление клана Ода!» – таков наш боевой клич. Готовы ли мы в военном отношении?

– Сейчас удача на нашей стороне. Я могу выступить из Нагои по первому сигналу барабанов.

– Прекрасно! Что ж, тогда... – И Кацуиэ подался вперед с заговорщическим видом.

В это мгновение что-то с шумом упало в сад. Это были всего лишь неспелые сливы. Послышался еще какой-то звук, но его поглотили дождь и ветер. Из-под приподнятого на столбах пола чайного домика на четвереньках выполз человек. Мгновение назад сливы упали не сами по себе – их бросил неизвестный в черной одежде, который подглядывал и подслушивал из подполья. Заговорщики в чайном домике насторожились, услышав шум, и он, воспользовавшись их минутным замешательством, растворился во тьме.

Ниндзя были глазами и ушами хозяина замка. Ни один из князей, живших в крепостях и правивших оттуда провинциями, не обходились без тайных соглядатаев. Нобунага нанял лучшего невидимку, но даже самые верные приближенные князя не знали его имени.

В свите у Нобунаги три человека носили за ним обувь – Матаскэ, Гаммаку и Токитиро. Они были простыми слугами, но каждый жил в отдельной комнате и нес дозорную службу в саду.

– Ты что это, Гаммаку?

Токитиро и Гаммаку подружились. Гаммаку забрался под одеяло. Больше всего на свете он любил поспать и предавался этому занятию при первой возможности.

– Живот болит, – пробормотал Гаммаку из-под одеяла.

– Не ври! Вставай! Я по дороге из города купил кое-что вкусное, – сказал Токитиро, подойдя к другу.

– А что? – Гаммаку выглянул из-под одеяла, но, сообразив, что попался на крючок, вновь укрылся с головой. – Дурачина! Не дразни больного! Уходи!

– Вставай! Матаскэ куда-то запропастился, а мне нужно спросить у тебя кое-что.

Гаммаку неохотно выбрался из-под одеяла.

– Стоит человеку уснуть... – Ворча, он поднялся и побрел в сад ополоснуться у ручья.

Токитиро пошел следом.

Их домик стоял в глубине сада, откуда открывался прекрасный вид на крепостной город, и юноши с замиранием сердца могли воображать себя полководцами перед битвой.

– В чем дело? О чем хотел спросить?

– О прошлой ночи.

– Ночь как ночь.

– Можешь прикидываться сколько влезет, но я все знаю. Мне кажется, ты прошлой ночью ходил в Нагою.

– Неужели?

– По-моему, ты подслушал в крепости тайные переговоры между комендантом и Сибатой Кацуиэ.

– Т-с-с, Обезьяна! Попридержи язык!

– Нечего таиться. Не держи секрета от друга. Я давно прознал об этом, но никому не сказал, а только следил за тобой. Ты ведь ниндзя при князе Нобунаге, верно?

– Токитиро, тебя не проведешь! Как ты догадался?

– Мы живем в одном доме, так? И князь Нобунага дорог мне ничуть не меньше, чем тебе.

Люди вроде меня за него тревожатся, хотя предпочитают помалкивать о своих переживаниях.

– Ты об этом хотел меня спросить?

– Гаммаку, клянусь, что я ничего никому не скажу!

Гаммаку с важным видом поглядел на Токитиро:

– Ладно уж. Нас непременно подслушают днем. Потерпи немного.

Позже Гаммаку поведал о делах, творящихся в клане Ода. Токитиро, который любил своего господина и понимал искусно разыгрываемую князем роль, в душе поклялся служить ему еще усерднее. Он не сомневался, что молодой князь Нобунага, несмотря на козни противников, победит всех. В клан Ода проникло предательство, и даже верные князю люди заколебались, но Токитиро всецело доверял ему.

«Интересно, как он на этот раз выпутается», – подумал Токитиро. Простой слуга мог только издали наблюдать за тонкими ходами своего господина.

В конце месяца Нобунага, обыкновенно пускавшийся в дорогу с несколькими соратниками, внезапно потребовал коня и умчался из крепости. Расстояние между Киёсу и Мориямой составляло всего три ри, и князь обычно успевал съездить туда и обратно перед завтраком. На этот раз Нобунага внезапно поскакал к востоку от Мориямы.

– Мой господин!

– Куда это он?

Шестеро всадников из свиты князя в недоумении поскакали за ним следом. Пеших воинов и слуг, разумеется, не стали дожидаться, оставив далеко позади. Лишь Гаммаку и Токитиро бросились вдогонку, стараясь не потерять из виду своего господина.

– Нас ждет какая-то беда, помяни мое слово, – вздохнул Токитиро.

Они с Гаммаку переглянулись, понимая, что нужно держать язык за зубами, ибо Нобунага помчался в крепость Нагоя, которая, по словам Гаммаку, была центром заговора, замышлявшего свергнуть молодого князя и привести к власти его младшего брата.

Нобунага, как всегда непредсказуемый, мчался прямо туда, где его поджидали опасность и неизвестность. Он пошел на самый рискованный шаг, и Гаммаку с Токитиро трепетали от страха за своего господина.

Внезапное появление князя потрясло Хаяси Садо и его младшего брата. Один из воинов в смятении ворвался к коменданту, крича:

– Мой господин! Мой господин! Скорее! К нам прибыл князь Нобунага!

– Что? Не может быть!

Не веря собственным ушам, Хаяси не стронулся с места.

– Князь Нобунага здесь в сопровождении шестерых спутников. Они вихрем промчались через главные ворота. Князь громко смеялся, на скаку переговариваясь с приближенными.

– Правда?

– Клянусь!

– Князь Нобунага здесь? Что бы это значило?

Садо потерял самообладание, лицо его побелело.

– Мимасака, как ты думаешь, зачем он явился?

– В любом случае нам лучше выйти к нему.

– Да, конечно! Скорее!

Заговорщики мчались по коридору, слыша уверенную поступь Нобунаги у главного входа.

Братья простерлись ниц перед князем.

– Садо и Мимасака! Как поживаете? Я собрался было съездить в Морияму, а потом решил сначала попить чаю в Нагое. Оставьте ваши поклоны и церемонии. Они ни к чему. Подайте чаю, да поживее! – бросил Нобунага через плечо.

Он прошел в главный зал крепости и уселся на возвышении, а затем обратился к приближенным, тяжело дышавшим после бешеной скачки.

– А здесь жарко! Невыносимая духота! – Князь принялся обмахиваться веером.

Принесли чай, потом сладости и в последнюю очередь подушки для сидения. От полнейшего замешательства все делалось наоборот. Братья, пробормотав что-то о преданности князю, поспешно удалились.

– После скачки он, верно, проголодался и потребует полный обед. Распорядитесь, чтобы в кухне все приготовили.

Пока Садо давал указания слугам, к нему подошел Мимасака и, потерев за рукав, прошептал:

– Кацуиэ зовет тебя.

Хаяси кивнул:

– Скоро приду. Ступай к нему.

Сибата Кацуиэ прибыл в крепость Нагоя тремя часами раньше. Он собирался домой после тайного совещания, но внезапное появление Нобунаги вынудило его отложить отъезд. Попав в западную, он сидел в потайной комнате и трясся от страха. Братья пришли к нему, и все трое облегченно вздохнули.

– Как снег на голову, – пробормотал Садо.

– Это похоже на него, – сказал Мимасака. – Голову сломаешь, соображая, что он придумает. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующую минуту. Причуды дурака!

Невольно скосив глаза в сторону главного зала, где находился Нобунага, Сибата Кацуиэ изрек:

– Поэтому ему и удалось перехитрить старого лиса, Сайто Досана.

– Да, – отозвался Садо.

– Послушай, Садо. – На лице у Мимасаки заиграла зловещая усмешка. – Не использовать ли нам эту возможность?

– О чем ты?

– С ним всего шестеро приближенных. По-моему, этот благоприятный случай ниспослали нам боги.

– Расправиться с ним?

– Вот именно. Пока он обедает, соберем надежных воинов. Потом я выйду прислуживать ему и по моему сигналу убьем его.

– А если не получится? – спросил Садо.

– Как это не получится? Расставим людей и в коридоре, и по всему саду. Возможны какие-то потери у нас, но если мы обрушимся на него всей мощью...

– Что скажешь, Садо? – взволнованно произнес Мимасака.

Хаяси Садо сидел потупив взгляд, а Кацуиэ и Мимасака пристально смотрели на него.

– Хорошо. Возможно, это и есть самый подходящий случай.

– Договорились?

Глядя друг другу в глаза, трое заговорщиков поднялись на ноги, но в это мгновение по

коридору прокатился гул тяжелых шагов и черная дверь в потайную комнату распахнулась.

– Так вот вы где! Хаяси! Мимасака! Я выпил чаю и поел сладостей. Сейчас возвращаюсь в Киёсу!

У заговорщиков поджилки задрожали от страха. Нобунага заметил Сибату Кацуиэ:

– И Кацуиэ здесь! Ты ли это?

Кацуиэ простерся ниц, а Нобунага с усмешкой взглянул на него с высоты своего роста:

– В крепости я увидел рысака, весьма похожего на твоего. Выходит, конь твой?

– Да... Я ненароком заехал сюда сегодня. Как видите, я в повседневной одежде, поэтому решил, что неучтиво показаться вам на глаза в таком виде, и я, мой господин, решил спрятаться здесь.

– Насмешил ты меня! Посмотри, какие обноски на мне!

– Пожалуйста, простите меня, мой господин.

Нобунага веером пощекотал затылок Кацуиэ.

– Князь и преданные ему люди не должны обращать внимание на внешний вид друг друга и служить глупым формальностям. Учтивость – удел столичных придворных. Мы, члены клана Ода, – сельские самураи!

– Да, мой господин.

– В чем дело, Кацуиэ? Почему ты дрожишь?

– От сознания, что я вас оскорбил, мой господин.

– Ха-ха-ха! Я тебя прощаю. Вставай! Нет, подожди. У меня развязались шнурки. Кацуиэ, раз ты внизу у моих ног, не завяжешь ли?

– Слушаюсь, мой господин.

– Садо!

– Да, мой господин?

– Я не помешал тебе?

– Нет, мой господин.

– А ведь средь бела дня в крепость могу прорваться не только я. Ты и вторжение из вражеской провинции проморгаешь! Бди, ты ведь комендант!

– Я с утра до ночи начеку.

– Вот и прекрасно. Рад, что у меня такие достойные соратники. Дело не только во мне. Одна твоя ошибка – и под угрозой жизнь твоих подчиненных. Кацуиэ, готово?

– Я завязал шнурки, мой господин.

– Большое спасибо.

Нобунага вышел из комнаты, оставив заговорщиков простертыми в поклоне, прошел кружным путем по главному коридору к воротам и уехал. У бледных Кацуиэ, Садо и Мимасаки круги поплыли перед глазами. Опомнившись, они помчались к главным воротам и еще раз пали ниц у самого входа. Нобунаги там не было. Стук лошадиных копыт удалялся. Спутники Нобунаги, обычно ехавшие на некотором удалении от князя, теперь держались вплотную к нему, чтобы не отстать, как утром. Гаммаку и Токитиро, выбиваясь из сил, все-таки старались не отстать.

– Послушай, Гаммаку!

– Да?

– Удачно все обошлось!

– Да.

Они бежали за своим господином, любуясь им издали. Гаммаку и Токитиро сговорились в случае опасности послать с пожарной вышки дымовой сигнал в Киёсу и при необходимости убить часовых.

Крепость Надзука была ключевым пунктом в системе обороны, разработанной Нобунагой, а комендантом в ней состоял один из его родственников – Сакума Дайгаку. Ранней осенью в предрассветной тьме обитателей крепости разбудило неожиданное прибытие какого-то войска. Враги? Воины мгновенно взялись за оружие... Оказалось, что прибыли союзники.

В тумане со сторожевой башни донесся голос:

– В Нагое мятеж! У Сибаты Кацуиэ тысяча воинов, у Хаяси Мимасаки – более семисот!

Гарнизон крепости Надзука был небольшим. Гонцы исчезли в тумане, чтобы оповестить Киёсу. Нобунага еще спал. Услышав донесение, он вмиг облачился в доспехи, схватил копье и выбежал во двор. Оруженосцы не поспевали за ним. У ворот Карабаси его уже поджидал какой-то воин, который держал под уздцы княжеского коня.

– Ваш конь, мой господин, – сказал он, передавая Нобунаге поводья.

Нобунага удивленно взглянул на воина, словно изумляясь, что кто-то сумел его опередить.

– Ты кто? – спросил Нобунага.

Воин снял шлем и хотел было опуститься на колени. Нобунага был уже в седле.

– Обойдемся без церемоний. Кто ты?

– Токитиро, слуга из вашей свиты.

– Обезьяна?

Нобунага поразился. Почему простой слуга, который обязан носить за князем обувь и работать в саду, первым оказался готовым к предстоящему сражению? Его снаряжение было незатейливым, но все ладно прилажено на положенных местах. Нобунагу позабавил и подбодрил вид юноши.

– Ты готов сражаться?

– Позвольте мне следовать за вами, мой господин.

– Хорошо!

Нобунага и Токитиро удалились от крепости примерно на триста дзё, и в редющем утреннем тумане до них донесся стук подков. Двадцать... тридцать... пятьдесят всадников, а за ними чернели фигуры около пятисот пеших воинов. Люди в Надзуке сражались отчаянно. Нобунага в одиночку врзался в пеший строй на своем скакуне.

– Ну, кто осмелится поднять руку на своего князя? Я перед вами. Садо, Мимасака, Кацуиэ, где вы? Сколько воинов вы привели? Почему восстали? Пусть один из вас выйдет вперед, и сразимся в открытом поединке!

Грозный голос Нобунаги заставил мятежников притихнуть.

– Предатели! Я жестоко покараю вас! И тех, кто попрятался по углам!

Мимасака с перепугу обратился в бегство. Голос Нобунаги катился вдогонку, как раскаты грома. Повстанцы, на которых рассчитывал Мимасака, знали, что Нобунага законный князь по праву рождения. Увидев князя, услышав его речи, они не нашли в себе сил обратить против него свои копья.

– Стой! Предатель!

Нобунага, догнав Мимасаку, пронзил его копьем. Отряхнув с острия кровь, он повернулся к воинам Мимасаки и гордо произнес:

– Изменнику, который поднял руку на своего князя, никогда не стать правителем провинции. Не надоело вам быть марионетками и бесчестить себя, позорить своих детей и внуков? Просите прощения! Кайтесь!

Узнав, что левый фланг сдался без боя, а Мимасака убит, Кацуиэ помчался в крепость Суэмори под защиту матери и младшего брата Нобунаги.

Мать Нобунаги разразилась рыданиями, узнав о поражении мятежников. Нобуюки

затрепетал от страха.

– Мне лучше покинуть этот мир, – произнес Кацуиэ, поверженный командир их воинства.

Он выбрил голову, снял доспехи и облачился в одеяние буддийского монаха. На следующий день вместе с Хаяси Садо, Нобуюки и его матерью он явился в Киёсу просить прощения за свои грехи.

Мать Нобунаги страстно молила о снисхождении. Она просила прощения за всех, кто предстал сейчас перед князем. Нобунага, вопреки всеобщим ожиданиям, не выказал гнева.

– Я прощаю их, – коротко сказал он матери и повернулся к Кацуиэ, которого прошиб холодный пот. – Монах, зачем ты выбрил голову? Ничтожный ты человек! – Нобунага заставил себя улыбнуться и обратился к Садо: – И ты с ними! В твои года это неприлично! После смерти Хиратэ Накацукасы я полагал, что ты станешь моей главной опорой. Как я сожалею о том, что стал причиной смерти Накацукасы! – Слезы подступили к его глазам. Нобунага умолк. – Причина в моих прегрешениях. Из-за них ушел из жизни Накацукаса, из-за них ты ступил на тропу предательства. С сегодняшнего дня я буду ответственно относиться ко всему на свете, а вы будете верно служить мне. Иначе какой смысл становиться воином? Что лучше для истинного самурая – служить своему князю или скитаться вольным разбойником-ронином?

Хаяси Садо впервые увидел подлинную суть Нобунаги и осознал его выдающиеся способности. Он дал клятву впредь верой и правдой служить Нобунаге и удалился, так и не посмев поднять голову.

Нобуюки так и не понял того, что открыл в Нобунаге Хаяси Садо. Младший брат по-своему истолковал великодушие старшего. «Этот убийца ничего со мной не сделает, потому что рядом наша мать», – подумал он.

Ослепленный ненавистью к брату и пользуясь защитой любящей матери, Нобуюки продолжал плести интриги против князя.

– Я бы с радостью простил Нобуюки его неблагодарность, но дело не только в нем. Он способен вынудить многих моих соратников пренебречь самурайской честью. Он мне родной брат, но благополучие клана требует его смерти, – сказал Нобунага, узнав о вероломстве Нобуюки.

Под каким-то предлогом Нобунага взял Нобуюки под арест и приговорил его к смертной казни.

Никто уже не считал Нобунагу дураком, теперь все трепетали перед его пронизательностью и отвагой.

– Снадобье оказалось слишком сильным, – порой повторял Нобунага, и жестокая усмешка играла на его лице.

Он долго, и вовсе не по своей воле, разыгрывал из себя глупца. Ему не хотелось морочить голову родственникам и соратникам, но после смерти отца он столкнулся со множеством врагов, посягавших на его провинцию. Он начал прикидываться дурачком, чтобы никто не ждал от него неприятностей. Он убедил в собственной глупости родных и приближенных, чтобы обмануть недругов и их лазутчиков. Разыгрывая спектакль безумия, Нобунага досконально изучил человеческую натуру и порядки, которые правят в мире. Он был совсем молодым, и враги устранили бы его, прояви юный князь свои таланты.

Фудзи Матаэмон, старший над челядью, вбежал в хижину, где отдыхал Токитиро.

– Обезьяна, скорее! – крикнул он.

– Что стряслось?

– А ты как думаешь?

– Откуда мне знать?

– Наш господин вдруг приказал тебя привести. Ты что-нибудь натворил?

– Нет.

– Ладно, разберемся.

Фудзи повел Токитиро не в сторону главного дома. Что-то осенило Нобунагу, когда он сегодня осматривал склады, кухни и штабеля дров.

– Я привел его, господин. – Фудзи простерся перед князем.

– Привел, говоришь? – Нобунага подошел поближе. – Обезьяна, иди сюда!

– Слушаюсь!

– С сегодняшнего дня я перевожу тебя в повара.

– Благодарю, мой господин.

– Конечно, кухня – это тебе не поле брани, где можно помахать копьем. С точки зрения толкового военачальника кухня играет важную роль в боеспособности воинов. Знаю, тебя не нужно заставлять работать, но будь прилежным.

Это было повышение по службе. Увеличилось и его жалованье. Став поваром, он уже не считался слугой, но перевод на кухню считался постыдным для самурая и воспринимался как печальный итог неудавшейся службы. «И в конце концов его спровадили на кухню», – говорили в подобных случаях. Истинные воины относились к стряпне как к занятию для бестолковых людей, а челядь и слуги самураев оскорбились бы, получив назначение на кухню, а для молодого самурая это означало прощание с надеждами на продвижение по военной стезе. Матаэмон утешал Токитиро:

– Послушай, Обезьяна, тебя обидели, переведя на кухню. Правда, жалованье тебе прибавили, так что можешь считать, что тебя повысили, так ведь? В личной свите князя, хотя и на низкой должности, ты иногда попадался на глаза нашему господину, поэтому у тебя была надежда на продвижение по службе. С другой стороны, ты рисковал жизнью. А на кухне не о чем беспокоиться! И корову продашь, как у нас говорят, и без молочка не останешься.

Токитиро смиренно кивнул в ответ. В глубине души он не чувствовал досады. Он был даже польщен тем, что получил неожиданное повышение от самого Нобунаги. Кухня поразила Токитиро мраком, чадом и грязью. Кухонные работники забыли, как выглядит солнце в полдень, а старик, главный повар, и вовсе провел всю жизнь среди запахов перебродивших бобов.

«Никуда не годится, – угрюмо размышлял Токитиро. Мрачная кухня угнетала его. „Надо прорезать в стене большое окно“. На кухне царили свои порядки, и главный повар по старости лет не любил перемен. Токитиро дотошно проверил, сколько сгнило сушеной рыбы, и не принимал товар у поставщиков, тщательно не осмотрев его. С появлением Токитиро на кухне заметно улучшилось качество продуктов, из которых готовили в крепости.

– Когда с тобой вежливо обходятся, так и товар хочется привезти получше, и цену сбросить, – сказал как-то Токитиро один из поставщиков.

– Вы, господин Киносита, любого купца за пояс заткнете. И все цены знаете – и на овощи, и на рыбу, и на рис! И глаз у вас острый. Нас радует, когда вы выбираете самый лучший товар, поэтому мы и уступаем вам его подешевле, – заметил другой.

Токитиро, засмеявшись, ответил:

– Глупости! Я не купец и не умею торговаться. Мне с этого прибыли нет, но из ваших продуктов готовят еду для воинов моего господина, вот я и стараюсь. Как поешь, так и службу выполнишь. Как видите, мощь нашей крепости зависит от качества ваших продуктов. Мы обязаны хорошо кормить наших воинов.

Он нередко угощал торговцев чаем и душевно беседовал с ними.

– Вы торговцы, поэтому каждый раз, привозя товар в крепость, волей-неволей думаете о барыше. Понятно, в убытке оставаться не хочется. Представьте себе, что крепость попала под власть наших врагов. На долгие годы вы окажетесь без покупателей и, может быть, без товара.

Торговцы, прибывшие в неприятельском обозе, перехватят ваши дела. Если мы хотим быть цветущими ветвями, то стволом нашего дерева мы должны почитать господствующий клан. Вот с какой меркой следует подходить к барышам, тогда и выяснится, что выгода от нечестной торговли сиюминутна.

Токитиро обращался к главному повару с величайшим почтением. Он советовался со стариком по любому пустяку. Он подчинялся его приказам, даже нелепым. Среди кухонных работников нашлись и злые языки, распускавшие о юноше всякие слухи, чтобы поскорее от него избавиться.

–хлопотун!

–И всюду сует свой нос.

–Обезьяна, которая воображает, что занята важным делом.

Не желая усугублять раздор на кухне, Токитиро старался равнодушно относиться к недоброжелателям. Главный повар одобрил его план усовершенствования кухни. Получили разрешение и самого Нобунаги. Плотники сделали отверстие в потолке и большое окно в стене. Затем переделали сток для слива воды. С утра до вечера солнце заливало кухню крепости Киёсу, в которой долгие десятилетия повара даже в полдень стряпали при свечах. Исчезли чад и духота. Начались, конечно, и жалобы.

–Еда быстро портится на свету.

–Пыль повсюду!

Токитиро не обращал внимания на попреки. В конце концов кухня засверкала чистотой. Пыль мгновенно стирали. Через год после появления Токитиро на кухне она радовала глаз обилием света и свежего воздуха. В кухне царило веселье, под стать беспечной натуре Токитиро.

Этой зимой Мураи Нагато, ведавший складами дров и угля, был отстранен от должности, и на нее заступил Токитиро. Почему уволили Нагато? Почему именно Токитиро назначили на его место? Токитиро после недолгих раздумий разгадал замысел князя. Нобунага решил рачительно расходовать запасы дров и угля в крепости. Год назад он дал распоряжения Мураи Нагато, но тот не выполнил поручения князя.

Новые обязанности заставили Токитиро досконально изучить всю крепость. Он обошел все места, где топили, а следовательно, расходовали уголь и дрова: конторы, жилые помещения для слуг и воинов, внутренние покои и внешние пристройки. В комнатах для слуг и в жилищах молодых самураев уголь лежал чуть ли не до потолка, свидетельствуя о чрезмерном расходовании топлива.

–Где господин Киносита? Не видели его?

–Какой еще Киносита?

–Киносита Токитиро, новый надзирающий за дровяными и угольными складами. Он совершает обход и явно рассержен.

–А, Обезьяна!

–Надо срочно вычистить очаг от золы!

Молодые самураи, услышав о приближении Токитиро, присыпали золой пламенеющие угли в очаге, вытряхнули из него сажу, решив, что обхитрят Обезьяну.

–Вот вы где! – Токитиро направился напрямиком к очагу и погрел над ним руки. – Меня, столь недостойного человека, назначили присматривать за расходом угля и дров. Буду вам признателен за помощь.

Молодые самураи встревоженно переглянулись. Токитиро взял в руки большие железные щипцы для очага.

–Холодная зима! Присыпая уголь таким количеством золы, вы замерзнете. – Он извлек из

очага несколько пламенеющих углей. – Стоит ли так экономить? Я понимаю, что до сих пор существовало строгое предписание о ежедневном расходовании угля, но лучше не жадничать, иначе замерзнете. Пожалуйста, грейтесь вволю! Когда уголь закончится, приходите на склад и берите сколько вам нужно.

И в казармах пеших воинов, и в помещениях, где жили оруженосцы самураев, он приказывал всем, не скупясь, тратить топливо.

– Что-то он расщедрился на этой должности! Может, неожиданное повышение господину Обезьяне в голову ударило? Не стоит буквально выполнять его распоряжения, а то как бы потом не пришлось отвечать за транжирство.

Вопреки расточительным приказаниям Токитиро, каждый экономно расходовал дрова и уголь.

В крепости Киёсу за год сжигали топлива на сумму, которая равнялась стоимости тысячи коку риса. Огромное количество деревьев превращалось в золу. За два года, пока складами заведовал Мураи Нагато, расходы увеличились. Тщетные призывы Мураи к бережливости только раздражали людей. Токитиро избавил их от наставлений.

– Зимой молодые самураи, пешие воины и челядь подолгу находятся в помещении. Они объедаются, пьют сакэ да языки чешут. Прежде чем приступить к экономии дров и угля, осмелюсь посоветовать моему господину предпринять меры для искоренения этих вредных привычек, – сказал Токитиро князю, явившись к нему с докладом.

Нобунага отдал распоряжения старшим советникам. Призвали к себе старшего над челядью и командира пеших воинов, они обсудили новый распорядок дня в крепости в мирное время. Служивым людям вменялись в обязанности починка доспехов, лекции, изучение дзэн-буддизма, учебные и инспекционные походы по провинции, учебные стрельбы и метание дротиков, усовершенствование укреплений в крепости. Слуги в свободное время должны были подковывать лошадей. Цель нововведений состояла в том, чтобы люди не бездельничали. Военачальнику подчиненные самураи дороги, как родные дети. Узы, связующие князя с вассалами, вручившими ему свои жизни, прочны, как кровные.

В день сражения многим выпадал жребий погибнуть на глазах у своего господина. Если военачальник не заботился о воинах, как о собственных детях, он рисковал потерять привязанность подчиненных. В мирное время князя, как правило, не скупилась на содержание воинов, готовя их к будущим сражениям.

Нобунага изменил привычный распорядок жизни, не оставив своим людям свободного времени. Он ввел учебные занятия для служанок и стряпух, чтобы подготовить их к возможной осаде крепости. У самого князя тоже не было свободной минуты.

– Обезьяна, как дела? – постоянно подшучивал молодой князь над Токитиро.

– Хорошо! Ваши распоряжения неукоснительно выполняются, но многое предстоит сделать.

– По-твоему, этого недостаточно?

– Это только начало преобразований.

– Чего же нам недостает?

– Порядки, введенные вами в крепости, следовало бы перенести на весь город.

– Понятно.

Нобунага прислушивался к дельным советам Токитиро. Приближенные князя, понятно, злились. Редко случалось, чтобы человек в возрасте Токитиро за короткий срок проходил путь от низкого слуги до советчика князя. Все недоумевали, что Токитиро свободно разговаривал с князем, а тот следовал его советам. К середине зимы расход угля и дров значительно уменьшился.

Ни у кого в крепости теперь не было свободного времени, чтобы празднично греться у очагов. Тела, уставшие от физических усилий, но и согретые ими, не требовали дополнительного обогрева, так что теперь дрова и уголь расходовали в крепости лишь на приготовление горячей пищи. Прежнего месячного запаса угля хватало теперь на три месяца.

Токитиро, однако, не считал, что целиком выполнил поручение князя. Подряды на годовую поставку угля и дров были заключены летом. Токитиро решил подготовить годовой отчет, который прежде делался весьма небрежно. До сих пор его составитель узнавал у поставщиков, много ли дубов осталось на окрестных горах. Токитиро решил осмотреть все собственными глазами. И не только осматривал, но и подмечал и запоминал многое. Он считал, что превосходно изучил и городскую жизнь, и деревенскую. Теперь он понял, что не в состоянии определить, сколько дров и древесного угля можно заготовить в том или ином лесу.

Не зная тонкостей дела, Токитиро вынужден был время от времени изрекать что-нибудь в ответ на замечания сопровождавших его поставщиков.

По неписаному закону день завершился пиром, который устроили поставщики княжескому чиновнику в доме у богатого купца. За столом говорили о пустяках.

– Извините, что утомили вас тяжелой работой.

– Мы не богаты, так что не обессудьте за скромное угощение.

– Надеемся на вашу милость и в будущем.

Купцы наперебой льстили Токитиро. Сакэ, как принято, подавали молодые красавицы. Они ухаживали за Токитиро, споласкивали чашечку и вновь наполняли ее сакэ, предлагали яства одно изысканнее другого. Любое его желание мгновенно выполнялось.

– Вкусное сакэ, – сказал Токитиро.

Он был в веселом настроении. Присутствие прелестных девушек волновало его.

– Какие красавицы! – заметил он. – Глаза разбегаются!

– Вы неравнодушны к прекрасному полу, – сказал один из купцов, словно бы поддев важного гостя.

– Я люблю и женщин, и сакэ. Все сущее на земле прекрасно. Правда, и красота может быть опасной, – совершенно серьезно ответил Токитиро.

– Наслаждайтесь добрым сакэ да и прелестными цветами не пренебрегайте!

– С удовольствием. Вам неловко сейчас говорить о делах, так что позвольте мне приступить к главному. Не покажете ли вы мне план лесов на той горе, где мы побывали сегодня?

План незамедлительно принесли.

– Замечательно сделан! – сказал Токитиро, взглянув на план. – И все деревья точно сосчитаны?

– По нашему разумению ошибок нет.

– Здесь указано, что в крепость поставлено восемьсот коку. Можно ли заготовить столько дров и угля на небольшой горе?

– Расход меньше прошлогоднего, но все количество поставлено с той горы, которую вы сегодня осматривали.

На следующее утро, когда купцы прощались с хозяином дома, им сообщили, что Токитиро еще до рассвета выехал в горы. Они помчались следом. Застали они его за странным занятием – Токитиро стоял в кругу пеших воинов, крестьян и лесников, каждый из которых держал в руках связку коротких веревок. Вертвики нужно было привязать к каждому дереву и таким образом подсчитать их количество в лесу. Сравнив результат с показаниями на плане, Токитиро обнаружил существенную приписку.

– Позовите поставщиков! – распорядился он, сев на пень.

Торговцы пали ниц перед ним. Сердца их отчаянно бились в предчувствии наказания.

Никто из смотрителей складов топлива в крепости не подсчитывал количество деревьев в лесу, поэтому торговцы смело подсовывали чиновникам любые планы. Впервые они столкнулись с человеком, которого не удалось обмануть.

– Видите разницу между количеством деревьев и вашими данными?

– Да... – неопределенно отозвались торговцы.

– Что «да»? Вы, верно, забыли, сколько лет пользуетесь благосклонностью князя. Теперь изобличены ваши неблагодарность, нечестность, лживость и безмерная алчность. Похоже, у вас и в конторских книгах полно приписок. Жадность обуяла вас.

– Не слишком ли вы суровы, господин Киносита.

– Но цифры не сходятся! Почему? Не более семидесяти коку из каждой сотни в действительности поставлены в крепость. Следовательно, вы обманули князя на треть количества.

– Ну, если так считать...

– Молчать! Нет прощения людям, занимающимся бессовестным обманом. Если мои подозрения подтвердятся, значит, вы виновны в хищении и в нанесении ущерба казне нашей провинции.

– Уж не знаем, что и ответить...

– За подлог вас можно осудить и конфисковать в казну все ваше имущество. Вина лежит и на моих предшественниках, которые недобросовестно выполняли свои обязанности. На этот раз я вас прощу, но только при условии, что вы честно сосчитаете все деревья. Конторские книги должны отражать правду. Ясно?

– Да, господин Киносита.

– И еще одно условие.

– Слушаем, господин Киносита.

– Старинная пословица гласит: «Срубишь одно дерево – посади десять». Я вижу, что вы много лет вырубаете лес в здешних горах, а новые деревья не сажаете. Недалек тот день, когда с гор пойдут оползни и лавины, которые погубят поля в предгорьях. Наша провинция ослабеет, и вам худо придется. Если хотите хороших барышей, благополучия своим семьям и счастья потомкам, вы в первую очередь должны позаботиться о процветании провинции.

– Верно, – согласились поставщики.

– Вашу жадность и нечестность искупите тем, что, начиная с сегодняшнего дня, вы, вырубив тысячу деревьев, обязаны посадить пять тысяч. Я буду следить за выполнением приказа. Согласны?

– Чрезвычайно признательны за вашу милость. Торжественно клянемся сажать деревья.

– В таком случае я могу повысить вам плату на пять процентов.

В тот же день Токитиро сообщил крестьянам, помогавшим ему в подсчете деревьев, о новых насаждениях. Плату за каждую сотню посаженных саженцев он обещал установить позднее, но заверил крестьян в том, что расходы возьмет на себя крепость.

– Пора возвращаться! – сказал Токитиро.

Поставщики радовались, что беда миновала, Токитиро внушал им ужас.

– С таким начальником держи ухо востро!

– Умен не по летам.

– Денег из воздуха больше не сделаешь. В проигрыше мы все равно не останемся, барыш обеспечен, небольшой, но верный, – переговаривались торговцы, спускаясь с горы.

У подножия горы они собрались было разойтись по домам, но Токитиро решил отблагодарить торговцев за вчерашнее угощение.

– С делами мы разобрались, так что давайте вволю повеселимся.

Он на славу угостил их на постоялом дворе.

Токитиро был счастлив, несмотря на одиночество.

– Обезьяна! – порой Нобунага еще называл его так. – С кухней ты сотворил чудеса, с дровами тоже. Тебя ждут другие дела. Назначаю тебя конюшим.

Эта должность означала, кроме всего прочего, жалованье в тридцать канов и собственный дом в городе, в квартале, где жили самураи. Токитиро не сдержал ликующей улыбки. Первым делом он навестил Гаммаку.

– Ты сейчас не занят? – осведомился Токитиро у приятеля.

– А что?

– Я хочу угостить тебя чашечкой сакэ в городе.

– Не знаю, право...

– Почему?

– Ты ведь теперь чиновник, а я по-прежнему простой слуга. Тебе не следует пить со мной на людях.

– Глупости! Конечно, даже работа на кухне – честь для меня, но сегодня меня назначили конюшим с жалованьем в тридцать канов.

– Ну и дела!

– Я пришел к тебе, потому что ты честный и преданный слуга князя. Хочу, чтобы ты порадовался вместе со мной.

– Поздравляю от всей души! Токитиро, мне стыдно перед тобой. Ты очень честный, а я...

– О чем ты?

– Ты ничего от меня не скрываешь, а я постоянно кое-что от тебя утаиваю. Честно говоря, я выполняю особые задания, помнишь, ты меня однажды заметил. Я получаю отдельное вознаграждение из рук князя. Я отсылаю эти деньги домой.

– У тебя есть семья?

– В Цугэмуре, в провинции Оми, у меня есть дом, семья и человек двадцать прислуги.

– Правда?

– Мне неудобно угощаться за твой счет. Если нам суждено чего-то добиться в этой жизни, мы оба сможем и угощать, и принимать угощение. Все в наших руках.

– Ты прав.

– Нас с тобой ждет счастливое будущее.

Токитиро ощутил прилив сил. Мир казался ему необыкновенно ярким и радостным.

Токитиро был счастлив не из-за того, что получал теперь тридцать канов. Новый пост означал и награду за два года безупречной службы. Расход дров и угля снизился более чем наполовину. Но больше всего Токитиро радовала похвала князя. «Тебя ждут другие дела. Назначаю тебя конюшим», – звучали у него в ушах слова Нобунаги. Прирожденный военачальник, Нобунага знал, как разговаривать со своими воинами. Неожиданный взлет вскружил голову Токитиро. Он походил на дурачка, когда в полном одиночестве с блуждающей улыбкой на лице бродил по улицам Киёсу. Впрочем, он всегда любил гулять по городу.

В день, когда Токитиро объявили о новом назначении, ему предоставили пятидневный отпуск... Ему нужно было устроиться в новом доме, обзавестись всем необходимым, нанять управляющего и слугу. Правда, дом, отведенный ему, располагался на задней улочке. На воротах его не было таблички с именем хозяина, глинобитная стена оказалась невысокой и непрочной, как обыкновенная изгородь. Дом состоял из пяти комнат. В любом случае это был его дом, и он впервые в жизни чувствовал себя хозяином. Он рассмотрел дом со всех сторон. По соседству жили только конюшие. Токитиро направился засвидетельствовать почтение главному

конюшему. Хозяина не оказалось дома, и Токитиро поговорил с его женой.

– А вы не женаты? – поинтересовалась она.

Токитиро кивнул в ответ.

– Это доставит вам некоторые неудобства. У меня есть слуги и лишняя мебель. Пожалуйста, берите все, что вам необходимо.

– Вы очень добры, – сказал Токитиро.

Жена главного конюшего проводила его до ворот и кликнула двух своих слуг:

– Это господин Киносита Токитиро, новый конюший. Он скоро поселится в доме под павлонией. Помогите ему привести там все в порядок.

В сопровождении слуг Токитиро осмотрел свое жилище. Внутри дом оказался просторнее, чем ему показалось снаружи.

– Замечательный дом, – пробормотал Токитиро.

Токитиро узнал, что последним обитателем дома был некто Комори Сикибу. Дом долгое время простоял в запустении, но Токитиро он казался дворцом.

– Павлония на заднем дворе – вещей знак, ведь с древнейших времен на гербе рода Киносита изображено именно это дерево, – сказал Хиёси слуге.

Он сомневался в истинности своих слов, но прозвучали они внушительно. Он вроде бы видел похожий герб на старых доспехах или на ножнах отцовского меча.

Радость переполняла сердце Токитиро, и ему хотелось поделиться ею со всем миром, но его ждали великие свершения, поэтому он воспитывал в себе выдержку. Токитиро уже корил себя за то, что проговорился о павлонии, но не из каких-то опасений, а потому, что не придавал значения гербам. Он не хотел прослыть хвастуном. В душе он признавался себе, что любит прихвастнуть. В конце концов, завистливые и недоброжелательные люди, превратно толкующие каждое его слово, не будут его союзниками и помощниками на пути к блистательному будущему.

Позже люди видели, как Токитиро покупал мебель. В лавке ношеной одежды он присмотрел себе накидку с вышитой на спине белой павлонией. Такие накидки носили поверх доспехов. Она оказалась недорогой. Токитиро сразу же облачился в обновку. Синяя накидка из тонкого хлопка трепетала на ветру. Ворота украшала золотая парча. Токитиро гадал, кем был прежний владелец накидки, повелевший вышить белую павлонию.

«Вот бы показаться матушке», – радостно думал Токитиро.

Здесь, в богатой части города, его охватили горькие воспоминания. Он мысленно вернулся в гончарную лавку в Синкаве. Он вспомнил, какое жалкое зрелище являл собой. Босой мальчонка, толкающий тяжелую тележку с гончарной утварью. Загадочные и высокомерные обитатели города смотрели на него с презрением. Какими красивыми ему казались горожане. Он остановился у мануфактурной лавки, заваленной отменными товарами из Киото.

– Пожалуйста, доставьте все немедленно, – распорядился Токитиро, расплачиваясь за покупки.

Оказавшись на улице, он с грустью подметил, что стоит полдня походить по лавкам, и кошелек пустеет.

«Горячие пышки» – было выведено перламутровыми иероглифами на изящной вывеске у перекрестка. Пышки славились далеко за пределами Киёсу.

– Добро пожаловать! – поклонилась служанка в красном переднике. – Здесь хотите полакомиться или домой возьмете?

Токитиро уселся на высокий стул и важно произнес:

– Сначала я съем одну пышку здесь, а потом попрошу отправить корзину побольше ко мне домой, в Накамуру. Спроси у возчика, когда он собирается в ту сторону. Я заплачу за его

усердие.

Человек, стоявший спиной к Токитиро, пек пышки с завидным старанием. Это был владелец лавочки.

– Огромное вам спасибо, господин, за вашу щедрость.

– Я рад, что у вас неплохо идут дела. Я попросил доставить пышки в мой дом.

– Непременно, господин.

– Спешки нет, но я надеюсь, вы выполните мою просьбу. Вложите в корзину вот это письмо. – Он протянул лавочнику письмо, на котором значилось: «Матушке от Токитиро».

Лавочник, взяв письмо, спросил, действительно ли дело не очень срочное.

– Как вам удобно будет. Твои пышки всегда придутся матушке по вкусу. – С этими словами Токитиро откусил от пышки.

Ее вкус пробудил в нем грустные воспоминания. Мать очень любила эти пышки. Он вспомнил дни нищего детства, когда, проходя мимо лавочки, мечтал купить пышки для нее и хотя бы одну для себя. Увы, в те дни ему оставалось лишь безропотно толкать перед собой тяжелую тележку.

Самурай, сидевший в лавочке, поглядывал на Токитиро.

– Вы не господин Киносита? – спросил он, доев пышки.

Самурай был с молодой девушкой.

Токитиро низко поклонился. Это был лучник Асано Матаэмон. Он по-доброму относился к Токитиро еще с тех пор, когда тот был простым слугой. Юноша выказывал лучнику особое уважение. Лавочка находилась далеко от крепости. Матаэмон пребывал в хорошем настроении.

– Ты здесь один?

– Да.

– Садись с нами. Я с дочерью.

– Так это ваша дочь!

Токитиро взглянул туда, где девушка лет семнадцати нарочито повернулась к нему спиной. Он видел только белую шею. Вокруг шумели посетители. Девушка была хороша собой, и не только на взгляд Токитиро, в котором рано проснулся вкус к прекрасному. Красота девушки бросалась в глаза всем.

Токитиро по приглашению Матаэмона пересел к ним.

– Нэнэ, – представил Матаэмон дочь.

Красивое имя шло девушке. Взгляд ее был не возрасту пронизательным, а черты лица безупречны.

– А это Киносита Токитиро, его на днях произвели в конюшие. Знакомьтесь!

– Я... – Нэнэ залилась краской. – Мы с господином Киноситой знакомы.

– Как это знакомы? Где и когда вы успели познакомиться?

– Господин Токитиро шлет мне письма и подарки.

– Неужели! А ты отвечаешь на его письма? – спросил потрясенный отец.

– Ни разу.

– Непростительно утаивать такие письма от отца.

– Я всегда говорила матушке, и она возвращала подарки, кроме тех, что приходили по праздникам, как положено.

Матаэмон перевел взгляд на Токитиро:

– Я всегда опасался чего-нибудь подобного. И все же недоглядел. Невероятно! Я слышал, что Обезьяна очень ловкий, но не ведал, что он подбирается к моей дочери.

Токитиро почесал в затылке. Он побагровел от стыда. Наконец Матаэмон засмеялся, и Токитиро с облегчением вздохнул, хотя щеки у него пылали. Он влюбился в Нэнэ, не ведая о ее

чувствах.

Книга вторая.
Второй год Кодзи.
1556

Персонажи и места действия

Асано Матаэмон – вассал клана Ода

Нэнэ – дочь Матаэмона

Окои – жена Матаэмона

Маэда Инутиё – оруженосец Оды Нобунаги

Ямабути Укон – вассал клана Ода

Токугава Иэясу – князь Микавы

Сэссай – буддийский монах и военный советник клана Имагава

Имагава Ёсимото – князь Суруги

Имагава Удзидзанэ – старший сын Ёсимото

Ёситэру – тринадцатый сёгун династии Асикага

Нагоя – двоюродный брат Оды Нобунаги

Икэда Сёню – вассал клана Ода и друг Токитиро

Такигава Кадзумасу – один из самых влиятельных вассалов Нобунаги

Сумпу – главный город провинции Суруга

Окадзаки – главный город провинции Микава

Киото – императорская столица Японии

Красивый мужчина

– Окои! – крикнул Матаэмон с порога собственного дома.

Жена поспешила навстречу.

– Приготовь сакэ. Я привел гостя.

– Кого же?

– Друга нашей дочери.

Следом за хозяином в дом вошел Токитиро.

– Господин Киносита?

– Окои, ты меня обманывала все это время. Подобное поведение непροститительно для жены самурая. Оказывается, господин Киносита и наша Нэнэ давно знакомы, а ты об этом знала, а мне ничего не говорила. Почему?

– Твои упреки справедливы. Прости меня!

– Ну ладно! Вообрази, каким скверным отцом считает меня Токитиро!

– Дочь получала письма, но никогда не скрывала их от меня.

– Надеюсь.

– Нэнэ ведь умная девочка. Я уверена, она ничего предосудительного не сделала. Вот мне и казалось, что не обязательно тревожить тебя из-за каждого письма, которое она получает.

– Захвалила нашу дочь! Впрочем, я совсем не понимаю современную молодежь!

Матаэмон повернулся к Токитиро, который чесал в затылке, недоуменно поглядывая на хозяев. Матаэмон расхохотался, поняв, что невольно преградил гостю дорогу в дом.

У Токитиро замирало сердце от счастья, что его пригласили в гости к возлюбленной, причем ее родной отец.

– Что же мы на пороге топчемся!

Матаэмон провел Токитиро в гостиную.

Дома лучников были не лучше жилища Токитиро. Все вассалы клана Ода, независимо от ранга, жили довольно скромно. И здесь единственной роскошью были дорогие доспехи хозяина.

– А где Нэнэ?

– Пошла к себе.

Окои предложила гостю воды.

– А почему она не ухаживает за гостем? Вечно убегает и прячется.

– Она, должно быть, приводит себя в порядок.

– Глупости какие! Скажи, чтобы быстро пришла и помогла накрыть на стол. Угостим Токитиро простой домашней едой.

– Что ты говоришь! – смутилась Окои.

Токитиро чувствовал себя скованно. В компании грубых обитателей крепости он слыл остряком и весельчаком, но здесь оказался застенчивым юношей.

Наконец появилась Нэнэ и учтиво поприветствовала гостя. Девушка немного подкрасилась.

– Извините за скромный прием, но почувствуйте себя, как дома, – сказала Нэнэ, ставя на стол поднос с закусками и кувшинчиком сакэ.

Матаэмон расспрашивал Токитиро о жизни, а тот отвечал как во сне, замороженно глядя на красивую девушку. «Прелестный профиль», – думал он, но его пленяло ее безыскусное обаяние. В Нэнэ не было жеманства, присущего многим женщинам, которые пренебрегают мужчинами или притворяются, будто они равнодушны к ним. Кому-то она показалась бы худой, но это была хрупкость полевого цветка, залитого светом луны. Токитиро не сводил с Нэнэ восхищенного взгляда.

- Еще сакэ? – предложил Матаэмон.
- Спасибо.
- Ты ведь сказал, что сакэ понравилось тебе.
- Правда очень вкусное.
- Чувствуешь себя хорошо? Голова не кружится?
- Нет.

Оперевшись локтем на край стола, Токитиро не отрываясь смотрел на личико Нэнэ, казавшееся при свете лампы болезненно бледным. Она взглянула в его сторону, и юноша смутился.

– Я, похоже, сегодня слегка переусердствовал, – сказал он, закрыв глаза ладонью, и покраснел, поняв, что выдал свои чувства Нэнэ.

Токитиро подумал, что когда-нибудь и ему придет пора жениться. Невеста его непременно должна быть красавицей. Он невольно задался вопросом: смогла бы Нэнэ справиться с нищетой и невзгодами и родить ему здоровых детей? В его положении женитьба повлекла бы за собой серьезные денежные затруднения, однако он твердо знал, что и в будущем его не ждут несметные богатства, а неприятностей и тревог окажется в избытке.

Приглядывая невесту, мужчина обычно судит о ней по внешности и добродетели. Токитиро считал, что не менее важно найти такую жену, которая искренне любила бы его мать, простую крестьянку, и воодушевляла и вдохновляла мужа на великие свершения. Вдобавок ко всем достоинствам избранница Токитиро должна смириться с бедностью. «Не такова ли Нэнэ...» – думал он.

Токитиро серьезно заинтересовался Нэнэ не сегодня. Он давно поглядывал на дочку Матаэмона, думая, что такая девушка достойна его. Он заметил ее, не зная, чья она дочь, и начал втайне посылать ей письма и подарки. Сегодня вечером он осознал глубину своих чувств.

– Нэнэ, я хочу потолковать с Токитиро с глазу на глаз, пожалуйста, оставь нас ненадолго.

Слушая Матаэмона, Токитиро представил, будто уже доводится ему зятем, и вновь залился краской.

Нэнэ вышла из комнаты, а Матаэмон, выпрямив спину, заговорил:

- Киносита, я буду говорить без обиняков. Я знаю, ты честный человек.
- Слушаю вас.

Токитиро польстила откровенность Матаэмона, о чем бы ни зашел разговор. Он тоже выпрямился, готовый выполнить любую просьбу Матаэмона.

- Видишь ли... Ну ладно... Нэнэ в том возрасте, когда пора замуж.
- Да, возраст подходящий...

В горле у Токитиро пересохло, и он почему-то испугался. Зачем он сделал это замечание? Достаточно было промолчать или кивнуть в ответ. Впрочем, Токитиро имел обыкновение вступать в разговор там, где следовало бы помалкивать.

– Дело в том, что к ней уже сватаются несколько человек. Предложения очень лестные. Женихи занимают высокое положение в обществе. Как отец, я должен сделать выбор.

- Это, верно, непросто.
- И все-таки...
- Да?
- Тот, кто нравится отцу, не обязательно придется по душе дочери.
- Понятное дело. Счастье женщины зависит от удачного замужества.
- У нашего господина есть молодой оруженосец Маэда Инутиё. Ты его, конечно, знаешь.
- Господина Маэду? – Токитиро часто заморгал.
- Господин Инутиё из хорошей семьи. Он упорно домогается руки и сердца Нэнэ.

Токитиро не смог ничего сказать в ответ, лишь горестно вздохнул от внезапного появления опасного соперника. Изящное лицо, красивый голос, безупречные манеры Инутиё, которыми он обзавелся на службе у Нобунаги, вызывали у Токитиро дикую ревность. Его собственная внешность, мягко говоря, удручала его. Все в крепости по-прежнему обзывали его Обезьяной. Слова «красивый мужчина» повергли его в дрожь. Красота Инутиё была очевидной и предвзятому глазу.

– Вы собираетесь выдать за него Нэнэ?

Собеседники становились все откровеннее друг с другом.

– Что? А, нет! – Матаэмон покачал головой. Он поднес к губам чашечку с сакэ с таким видом, словно вопрос Токитиро вывел его из глубочайших раздумий. – Я, как отец, был бы счастлив видеть своим зятем столь благородного господина, как Инутиё, и, честно говоря, уже дал ему согласие. Моя дочь и слышать не хочет отцовского совета. Правда, это единственный пример ее непослушания.

– Вы хотите сказать, что ей неприятен разговор об Инутиё?

– Она молчит, но и радости не выказывает. Можно сказать, что она не в восторге от жениха.

– Понятно.

– Разговоры о замужестве порой скучны, – сказал Матаэмон, но лицо у самурая оставалось озабоченным.

В конце концов, замужество дочери – дело чести отца. Матаэмон восхищался Инутиё, считая его молодым человеком с блестящим будущим. Инутиё попросил руки его дочери, и Матаэмон радостно согласился, не посчитав нужным посоветоваться с Нэнэ. Он горделиво объявил дочери о предстоящем замужестве, превознеся достоинства Инутиё, но она восприняла эту весть без радости. Нэнэ разволновалась, но больше от гнева. Отца и дочь связывают кровные узы, но Матаэмон понял, что их взгляды на идеального мужа не совпадают. Теперь Матаэмон не знал, что делать. Ему было стыдно перед Инутиё и как отцу, и как самураю.

Инутиё, заручившись согласием Матаэмона, объявил друзьям о предстоящей женитьбе на дочери Асано и позвал их на свадьбу.

Матаэмон поведал Токитиро о возникших затруднениях, а день помолвки неотвратимо приближался. Пока ему удавалось откладывать свадьбу, ссылаясь на то, что «мать Нэнэ нездорова» или, «что, по словам жены, этот год для замужества неудачен». Но запас отговорок иссяк, и Матаэмон совершенно растерялся.

– Ты парень сообразительный, придумай что-нибудь!

Токитиро не менялся в лице, если и напивался. До разговора с Матаэмоном он дал волю мечтам, но сейчас, выслушав откровения отца Нэнэ, посерьезнел.

«Трудный у меня соперник», – подумал он. Инутиё был из тех красавцев, которых ненавидел Токитиро. Безупречным человеком молодого самурая назвать было нельзя. Выросший в охваченной раздорами стране, он был храбр, но упрям и подвержен припадкам неистового гнева.

Инутиё впервые воевал под водительством Нобунаги в тринадцатилетнем возрасте. Он оказался удачливым и смелым для того, чтобы вернуться с битвы с вражеской головой. Когда приверженцы Нобуюки подняли мятеж, Инутиё отважно бился на стороне старшего брата. Противник поразил его стрелой в правый глаз, но Инутиё, спрыгнув с коня, отрубил лучнику голову и протянул ее Нобунаге. Проделал он это со стрелой в глазу.

Он был самоотверженным воином и красивым мужчиной, хотя правый глаз у него теперь превратился в узкую щелку, словно бы зашитую ниткой. Его вспыльчивый нрав не мог укротить даже Нобунага.

– Как быть с Инутиё? – переспросил Матаэмон.

Обоих охватило отчаяние. Токитиро, отличавшийся изворотливостью ума, не знал, что посоветовать.

– Ладно, не печальтесь. Я что-нибудь придумаю, – сказал он после долгого молчания.

Токитиро вернулся в крепость. Забыв о собственных делах, он размышлял над задачей, которую предстояло решить Матаэмону. Токитиро воспринял как большую честь то, что отец возлюбленной доверился ему, хотя хлопоты сулили юноше затруднения.

Теперь Токитиро понял, как велика его любовь к Нэнэ.

«Это и есть любовь?» – вопрошал он себя, ощущая загадочный трепет сердца. Произнесенное вслух слово «любовь» вызывало у него неприятное чувство. Ему не нравилось, что оно было у всех на устах. Разве еще в ранней юности он не отказался от надежды на любовь? Его внешность и повадки, которые помогали ему выстоять в борьбе с невзгодами жизни, вызывали у красивых женщин лишь презрение и насмешку. Токитиро в душе волновала красота, ему были не чужды возвышенные чувства. Он воспитал в себе такое терпение, что легкомысленные красавицы и высокомерные красавцы не могли соперничать с ним в жизненной стойкости.

Судьба награждала Токитиро одними пинками, но он не отступался от задуманного. «Когда-нибудь я им всем покажу!» – поклялся он самому себе. Женщинам еще предстоит перессориться и передрасться, добиваясь благосклонности уродливого коротышки. Эта мысль согревала его в любых испытаниях. Токитиро смотрел на женщин словно бы из своего блистательного будущего. Он презирал мужчин, боготворящих женскую красоту. Презирал он и тех, кто превращает любовь в игру воображения и в сокровенную тайну, тех, кто почитает ее высшим благом, дарованным человеку Небесами, тех, кто черпает наслаждение в неутолимой печали от любви.

Чувство к Нэнэ поколебало сложившиеся представления Токитиро о женщинах и любви. Любовь и ненависть овладевают человеком помимо его воли, Токитиро смирился с тем, что полюбил девушку. Погружаясь в сон, он видел изящный профиль Нэнэ.

Следующий день у Токитиро был свободным от службы. Новый дом под павлонией нуждался в ремонте, кроме того, надо было расставить мебель. Токитиро тем не менее остался в крепости, надеясь как-то подступиться к Инутиё, который всегда держался около Нобунаги. Поднявшись на высокий деревянный помост вместе с князем, Инутиё взирал на остальных вассалов едва ли не важнее, чем его господин. Когда люди вроде Токитиро приходили с делом к Нобунаге, Инутиё выслушивал их с ухмылкой, от которой на щеках у него появлялись ямочки.

«Обезьяна! Опять глаза мозолит!» Инутиё молчал, но его вид был красноречивее слов. Единственный глаз словно пронзал людей насквозь. Токитиро, считая Инутиё вздорным, и прежде держался от него подальше.

Пока Токитиро разговаривал со стражем у главных ворот, кто-то прошел мимо, бросив на ходу:

– Господин Токитиро, у вас сегодня свободный день?

Обернувшись, Токитиро увидел Инутиё. Он нагнал княжеского оруженосца и сказал:

– Господин Инутиё, у меня к вам деликатное дело.

– Государственное или личное? – с обычным высокомерием спросил тот.

– Я уже сказал, деликатное, то есть личное.

– В таком случае оно может обождать. Я вернулся в крепость, выполнив поручение князя, и у меня нет времени на пустую болтовню. Прощайте! – Резко оборвав разговор, он поспешил прочь.

«Неприятный человек, но в служебном рвении ему не откажешь», – подумал Токитиро. Он

равнодушно посмотрел вслед Инутиё, затем быстрым шагом направился в город. Подойдя к своему дому, Токитиро увидел, что ему красят ворота и втаскивают в дом какие-то вещи.

«Может, я ошибся домом?» – подумал Токитиро, оглядываясь по сторонам.

– Эй! Господин Киносита! Идите сюда! – окликнули его из кухни.

– Ах, это вы!

– Что это значит? Где же вы были? За вас другие делают вашу работу! – Это был один из его прежних напарников по кухне. – Ну да ладно! Вы и так, похоже, времени зря не теряете!

Токитиро вошел, и ему показалось, что он гость в чужом доме. Здесь были и лакированный комод с ящичками, и полки. Все это принесли его друзья, узнав о неожиданном повышении Токитиро. Не обнаружив счастливого дома, они занялись уборкой, расстановкой мебели и даже решили покрасить ворота.

– Спасибо! Вы так добры!

Токитиро принялся помогать незванным помощникам, но ему оставалось только разлить сакэ по кувшинчикам и расставить их по подносам.

– Господин Киносита, – заговорил один из поставщиков, считавший себя должником Токитиро с тех пор, как тот ведал дровами и углем в крепости, – вот девушка из нашей деревни. У вас теперь много дел по дому. Может, возьмете ее в служанки? – Он указал на круглолицую девушку, ловко хлопотавшую в кухне.

– Мне нужен еще слуга и мальчик-рассыльный, так что я буду весьма признателен, если вы кого-нибудь присоветуете.

Вскоре все уселись в кружок и началось застолье по случаю новоселья.

«Хорошо, что я вернулся сегодня. Какой был бы стыд, если бы меня, хозяина, не оказалось дома». Токитиро стыдился своей забывчивости. Прежде ему не доводилось принимать гостей, но пора осваивать правила хорошего тона.

Гости пили и беседовали, а соседские жены по очереди заходили в дом, чтобы поздравить юношу с повышением по службе.

– Господин Киносита! Хозяин дома! – обратился к нему один из гостей.

– В чем дело?

– Что за вопрос? А вы уже обошли соседей, чтобы засвидетельствовать им свое почтение?

– Нет.

– Неужели? Разве вы из тех, кто поет и пляшет, дожидаясь, пока к нему сами придут? Оденьтесь в парадную одежду и немедленно отправляйтесь по соседям. Представьте, сообщите, что вы здесь поселились, и о своем новом назначении.

Через несколько дней у Токитиро появился слуга. Он был из той же деревни, что и служанка. И затем Токитиро нанял еще одного человека. Несмотря на скромное жалованье, он обзавелся и домом, и челядью. Теперь, когда Токитиро в синем плаще с белой павлонией на спине выходил из дому, его провожали служанка и двое слуг.

Однажды утром, размышляя о том, что для полноты счастья ему нужно жениться на Нэнэ, Токитиро миновал мост через ров перед крепостью. Замечтавшись, он не заметил человека, с ухмылкой шедшего ему навстречу. Думал о Нэнэ? Нет, теперь он думал об обороне крепости в случае возможной осады. Это ведь не ров, а одно название. Он такой мелкий, что после десяти дней жары в нем оголяется дно. При штурме хватит и тысячи мешков с песком, чтобы завалить его. К тому же в крепости скудный запас питьевой воды. Следовательно, вода оказывается уязвимой точкой обороны. На долгую осаду ее не хватит... Бормоча себе под нос что-то непонятное для чужого уха, Токитиро не обратил внимания на человека гигантского роста, шагавшего ему навстречу.

– Господин Обезьяна! Уже приступили к службе? – Встречный похлопал Токитиро по

плечу.

Токитиро, подняв глаза, взглянул в лицо говорящему. В это мгновение в голове мелькнул ответ на мучивший его вопрос:

– Нет, пока развлекаюсь.

Человеком, прервавшим раздумья Токитиро, был, разумеется, Маэда Инутиё. С тех пор как он грубо оборвал их беседу, они не встречались. Неожиданное столкновение вне стен крепости показалось юноше добрым знаком. Разговор начал сам Инутиё:

– Господин Обезьяна, тогда в крепости вы мне что-то говорили о деликатном деле. Я сейчас не на службе, поэтому готов вас выслушать.

– Да, конечно... Но то, что я хочу сказать... – Токитиро огляделся по сторонам и стряхнул пыль с камня на краю рва. – Не хотелось бы говорить на ходу. Может, присядем?

– О чем разговор?

Токитиро заговорил, не сумев скрыть волнения:

– Господин Инутиё, вы любите Нэнэ?

– Какую еще Нэнэ?

– Дочь господина Асано.

– Ну да, ее так зовут.

– Так любите или нет?

– А вам-то что?

– Хотел бы вас предостеречь. Вы, похоже, не понимаете положения, в котором оказались, получив согласие ее отца на женитьбу.

– А что в этом дурного?

– Есть некоторые обстоятельства...

– Что именно?

– Дело в том, что мы с Нэнэ давно любим друг друга.

Инутиё уставился на Токитиро и затрясся от неудержимого хохота. Красавец не воспринимал Токитиро всерьез.

– Повода для смеха нет. Нэнэ не такая девушка, чтобы предать меня и согласиться на брак с другим.

– Вот как?

– Мы дали клятву верности.

– Что ж, я не возражаю.

– Возражения есть у отца Нэнэ. Если вы не отступитесь от ваших требований, господину Асано придется совершить ритуальное самоубийство.

– Сэппуку?

– Господин Асано не знал о нашем уговоре, поэтому принял ваше предложение. Нэнэ оказалась в затруднительном положении.

– Чьей женой она хочет быть?

– Моей! – Токитиро решительно ударил себя в грудь.

Инутиё вновь расхохотался, на этот раз не так оглушительно.

– Хватит шуток, господин Обезьяна. Вы когда-нибудь в зеркало на себя смотрели?

– Хотите назвать меня лжецом?

– Зачем Нэнэ муж-страшила?

– А если это правда?

– Тогда примите мои поздравления.

– Значит, вы не станете противиться нашей свадьбе?

– Послушайте, господин Обезьяна...

– Да?

– Все животы надорвут со смеху.

– Истинную любовь не оскорбить издевками. Пусть смеются, нам безразлично.

– Вы не шутите?

– Совершенно серьезно. Когда женщине не нравится мужчина, она уклоняется от него, как ива под порывами ветра. Если вам и удастся настоять на своем, пеняйте потом на себя, когда окажетесь в дураках. И пожалуйста, не упрекайте господина Асано, если мы с Нэнэ поженимся.

– Об этом вы хотели поговорить со мной?

– Да. Признателен вам за вашу мудрость. Прошу вас, не забудьте об обещании, которое вы мне дали.

Токитиро склонился в поклоне, а когда выпрямился, Инутиё уже не было рядом.

Через несколько дней Токитиро зашел к Матаэмону.

– Я по поводу того, о чем мы недавно беседовали, – деловито начал Токитиро. – Я поговорил с господином Инутиё, растолковав ему затруднительность вашего положения. Инутиё заявил, что не будет настаивать на женитьбе, если ваша дочь не желает выходить за него замуж, и проявляет благосклонность ко мне. По-моему, он смирился с судьбой.

Токитиро произнес это как нечто само собой разумеющееся. Матаэмон растерялся от неожиданности. Токитиро продолжил свою речь:

– Господин Инутиё, разумеется, сожалеет, что ваша дочь выйдет замуж за другого. Он не будет чинить препятствий нашему браку с Нэнэ и как истинный мужчина поздравил меня. Он будет недоволен, если вы отдадите Нэнэ не за меня, а за кого-нибудь еще.

– Погоди, Киносита. Если я правильно тебя понял, господин Инутиё согласен на то, чтобы Нэнэ вышла только за тебя?

– Совершенно верно.

– Невероятно! Кто пообещал Нэнэ тебе в жены? Когда это произошло?

– Вынужден признать, что никто не давал мне таких обещаний.

– В чем же дело? Я не просил тебя плести господину Инутиё всякие небылицы.

– Нет...

– Зачем же ты глупостей ему наговорил? Придумал, будто вы с Нэнэ помолвлены. Сущй вздор. – Сдержанный и прекрасно воспитанный Матаэмон вышел из себя. – Все решат, что это шутка. Но даже и шутка способна навредить незамужней девушке. Ты находишь это забавным?

– Разумеется, нет. – Токитиро понурил голову. – Я виноват, просто не сообразил, к чему это может привести. Прошу прощения. Мне очень жаль.

Матаэмон с отвращением посмотрел на него:

– Не сочиняй, что тебе жаль. Печалиться следует мне. Я сам виноват, потому что посоветовался с тобой. Мне казалось, что в твоей голове есть крупица здравого смысла.

– Видите ли...

– Ступай прочь! Чего ты дожидаешься? И не появляйся в моем доме.

– Я никому ничего не скажу до тех пор, пока мы не назначим день свадьбы.

– Дурак!

Терпение Матаэмона истощилось, он кричал на Токитиро:

– Да кто тебе сказал, что я отдам Нэнэ за человека вроде тебя? Она и сама ни за что не согласится!

– В том-то и дело, верно?

– О чем ты?

– Нет ничего таинственнее любви. Нэнэ скрывает чувства, но она выйдет замуж только за

меня. Боюсь показаться вам невежливым, но я не просил у вас руки вашей дочери. Я просил Нэнэ стать моей женой. Она ждет не дождется, когда я попрошу вашего согласия на наш брак.

Матаэмон остолбенел. Он в жизни не видывал такого наглеца. Сейчас не время с ним разбираться, достаточно замолчать и надуться, и Токитиро уберется восвояси.

Токитиро, однако, и не думал уходить.

– Я не лгу. Спросите у дочери, кто ей по сердцу, – невозмутимо сказал он.

Матаэмон уже не мог больше сдерживаться. Не отвечая Токитиро, он повернулся к нему спиной и закричал:

– Окои! Окои!

Окои встревоженно выглянула из своей комнаты, но на зов мужа не поспешила.

– Окои! Приведи сюда Нэнэ!

– Но ведь... – Окои попыталась успокоить мужа, но он ее не слышал.

– Нэнэ! Нэнэ!

Нэнэ опасно выглянула из-за спины матери и робко поклонилась.

– Иди-ка сюда! – Вид у Матаэмона был угрожающий. – Скажи, ты что-нибудь обещала господину Киносите втайне от родителей?

Нэнэ побледнела. Широко распахнув глаза, она недоуменно смотрела то на отца, то на Токитиро. Токитиро сидел с низко опущенной головой.

– Так что ж, Нэнэ? Честь нашей семьи висит на волоске, как и твоя. Изволь выразаться со всей определенностью. Подтверди, что ничего подобного не было.

Нэнэ, немного помолчав, заговорила ясно, отчетливо и скромно:

– Конечно не было, отец.

– Так я и думал.

Со вздохом облегчения Матаэмон победоносно постучал себя по груди.

– Но, отец...

– Что еще?

– Мне хотелось бы поведать и тебе, и матушке...

– Говори!

– Прошу вас, если господин Киносита хочет взять в жены такую недостойную особу, как я, пожалуйста, не отказывайте ему.

– Что? Что такое?

Матаэмону показалось, что он лишился рассудка.

– Очень прошу.

– Ты, случаем, не лишилась разума?

– Не говори так о важном деле. Я и сама чувствую неловкость. Мне и самой трудно, но я не могу промолчать или покривить душой.

Матаэмон горестно вскрикнул.

«Невероятно», – подумал Токитиро, воодушевленный решительным заявлением Нэнэ. Душа его ликовала. Он и сам не понимал, почему благополучная, лишенная лукавства девушка решила вдруг отдать ему свое сердце.

Настал вечер. Токитиро задумчиво брел куда-то. Он не заметил, как от Матаэмона отправился в новый дом под павлонией.

Нэнэ сказала, что с согласия родителей готова стать женой господина Киноситы. Машинально переставляя ноги, Токитиро не верил собственному счастью. Конечно, Нэнэ сказала это совершенно серьезно, но он сомневался в ее чувствах. Действительно ли она любила его? «Если она меня любит, почему не сказала об этом раньше?» – недоумевал Токитиро. Он втайне посылал ей письма и подарки, но Нэнэ не прислала ему ни единой весточки, которую он

мог бы истолковать как знак взаимности. Он, разумеется, сделал вывод, что не нравится девушке. А вся история, которую он придумал и разыграл с Инутиё и Матаэмоном, была прихотью его причудливой натуры. Рискуя всем, он уповал на свою дерзкую и, конечно, несбыточную мечту, не интересуясь тем, как к нему относится Нэнэ. Теперь он на ней женится, придется стать ее мужем.

Нэнэ проявила невиданную смелость, сказав отцу и матери да в присутствии самого Токитиро, что она хочет выйти за него замуж. Ее признание ошеломило Токитиро сильнее, чем Матаэмона.

Пока Токитиро не покинул дом Асано, его хозяин сидел с мрачным и обиженным лицом, не отвечая на просьбу дочери. Конечно, он гневался, сердясь на дочь и жалея ее за неудачный выбор. «У нее нет вкуса», – раздраженно думал Матаэмон.

Токитиро, прощаясь, тоже чувствовал себя неловко.

– Я приду завтра за окончательным ответом, – сказал робко Токитиро, прощаясь.

– Я подумаю, – строго ответил Матаэмон. Слова его прозвучали как вежливый отказ.

Токитиро уловил в них и слабый лучик надежды. В конце концов, до сих пор он не знал, как к нему относится Нэнэ. Если ее благосклонность искренна, то Матаэмона он сумеет переубедить. «Я подумаю» – это ведь не категорическое «нет». Токитиро уже вообразил себя мужем Нэнэ.

Токитиро, как во сне, вернулся домой и уселся в большой комнате. Он думал о своей смелости, о чувствах Нэнэ и предстоящей женитьбе.

– Вам письмо из Накамуры! – Слуга подал Токитиро письмо и сверток с домашними гостинцами.

Сердце подсказало юноше, что это весточка от матери.

«Нет слов, чтобы выразить благодарность за твои дары – сласти и платья для Оцуми. Мы плачем, но это слезы радости».

Токитиро уже несколько раз писал матери о новом доме и просил ее поселиться вместе с ним. Жалованья в тридцать канов едва ли хватило бы на то, чтобы должным образом выказать Онаке сыновние чувства, но нужды в еде и одежде она не знала бы. В доме были слуги, поэтому натруженные за годы тяжелых хлопот по дому и в поле руки матери могли бы наконец отдохнуть. Он и мужа подыскал бы для Оцуми. Купил бы вкусного сакэ отчиму. Токитиро теперь и сам любил посидеть за чашечкой сакэ. Хорошо бы вся семья жила у него в городе. Вечером они вспоминали бы о прежней бедности, а сакэ веселило бы их.

Далее Онака писала:

«Мы были бы счастливы жить у тебя, но это помешало бы твоей службе. Я понимаю, что священный долг самурая состоит в том, чтобы в любой миг быть готовым к сражению и гибели. Рано еще заботиться о моем счастье. Вспоминая былые времена, радуясь твоим успехам, я благодарю богов, Будду и князя Оду. Не беспокойся обо мне, пожалуйста. Посвяти себя службе. Иной мечты у меня нет. Я помню то, что ты сказал мне когда-то у ворот морозной ночью».

Токитиро со слезами на глазах перечитывал письмо. Хозяину дома, конечно, не пристало появляться перед слугами плачущим. Самурайский закон запрещает воинам плакать на людях. Токитиро сейчас забыл о правилах приличия. Он рыдал так громко, что слуги перепугались.

– Как я ошибался! Матушка права, она такая мудрая! Мне рано думать о своем благополучии и обзаводиться семьей! – произнес он вслух, бережно складывая письмо. Токитиро плакал, вытирая слезы рукавом, как ребенок.

«Все правильно, – думал он. – Провинция какое-то время прожила в мире, но никто не знает, когда и откуда в город вломится враг. В Накамуре они живут в безопасности. Нет, матушка написала не об этом. Она намекнула, что нельзя думать лишь о самом себе. Служба князю – превыше всего». Почтительно подняв письмо на уровень глаз, Токитиро заговорил, словно мать находилась рядом с ним:

– Я понял, что ты хотела мне сказать, и покоряюсь твоему решению. Когда мое положение упрочится и я завоюю доверие князя и его приближенных, я приеду в родную деревню и заберу тебя в город. – Он протянул сверток с просеянной мукой слуге. – Отнеси в кухню! Что уставился на меня? Нет ничего дурного в слезах, если есть серьезная причина. Мать прислала мне гостинец из дома. Передай служанке, пусть напечет пышек. Я их с детства люблю, и матушка помнит об этом.

За ужином он думал о матери, совсем забыв о Нэнэ. «Интересно, что матушка ест? Я посылаю ей деньги, но она, верно, покупает на них сласти мальшу и сакэ мужу, а сама перебивается сушеными овощами. Если матушка в ближайшие годы умрет, я не перенесу ее смерти».

Засыпая, Токитиро вострепнулся от прилива новых сомнений. «Как мне жениться, если я не могу жить вместе с матушкой? Все так неожиданно! Лучше бы повременить с Нэнэ».

Каждую осень на Овари налетали сильные бури, но сейчас здесь бушевала более опасная стихия. Вести, долетавшие с запада, из Мино, где правил Сайто, с юга, из Микавы, находившейся под властью Токугавы, и востока, из Суруги, где княжил Имагава Ёсимото, свидетельствовали об угрозе Овари.

Бури в этом году повредили более двухсот кэнов внешней крепостной стены. Для восстановления укреплений собрали множество плотников, кровельщиков, каменщиков и подсобных рабочих. Камни и бревна доставляли в крепость через ворота Карабаси. Строительные материалы, уложенные штабелями или сваленные как попало, мешали передвижению в крепости и в ее окрестностях.

– Шагу не ступить! – ворчали люди, служившие в крепости.

– Вряд ли с ремонтом управятся вовремя. Новую бурю эти стены не выдержат.

Вскоре на загроможденном материалами участке поставили вывеску: «Ведутся восстановительные работы. Посторонним вход воспрещен». Ремонт под руководством Ямабути Укона, приближенного Нобунаги, скорее походил на военную операцию. Людей, которым надо было здесь пройти, пропускали по одному со строгими мерами предосторожности.

Работы шли уже двадцать дней, но явных результатов пока не было, однако никто не жаловался. Все понимали, что восстановление двухсот кэнов крепостной стены – дело трудоемкое.

– Кто это там? – Укон подозвал подчиненного.

– По-моему, господин Киносита, конюший.

– Что? Киносита? Ах да! Его все зовут Обезьяной. Приведи его ко мне, когда он еще раз появится, – распорядился Укон.

Подчиненный понимал причину гнева начальника. Каждый день Токитиро проходил в крепость не здороваясь с Уконом. Он перепрыгивал через бревна – другого пути не было, потому что бревна и камни загораживали проход повсюду. Токитиро словно бы не замечал, что это строительные материалы, и не просил разрешения у ответственного лица пройти по площадке, как полагалась.

– Невежа, – заметил подчиненный Укона. – Ничего удивительного, его на днях произвели из простых слуг в самураи и предоставили собственный дом в городе. Молодой еще.

– Дело в другом. Нет ничего отвратительнее высокомерия выскочки, так и норовит оскорбить. Надо бы проучить его.

Подчиненный Укона высматривал Токитиро. Он показался вечером, в тот час, когда заканчивается повседневная самурайская служба. На Токитиро был синий плащ, с которым он не расставался. Конюший работает на свежем воздухе, поэтому плащ был необходим, но Токитиро уже имел возможность хорошо одеваться. Однако он, по обыкновению, не хотел тратить деньги на себя.

– Идет!

Люди Укона перемигнулись. Токитиро шел не торопясь, павлония красовалась у него на плаще.

– Подождите! Господин Киносита!

– Вы меня звали? – Токитиро обернулся. – Чем могу служить?

Его попросили немного подождать и пошли за Уконом. Каменщикам и грузчикам объявили об окончании работ, и они большими группами потянулись домой. Укон обсуждал с десятниками план на завтра.

– Обезьяна? Вы его задержали? Тащите сюда! Надо немедленно отучить его от дурных привычек, – приказал Укон.

Токитиро подвели к Укону. Юноша не поздоровался, не поклонился. «Вы меня звали, так не тратьте попусту время!» – словно бы говорил он надменным видом.

Укон разгневался. По праву происхождения он был несравнимо выше этого юнца. Отцом Укона был Ямабути Саманоскэ, комендант крепости Наруми и один из старших советников клана Ода. Выскачка в синем плаще вообще неизвестно какого рода.

– Как ты себя ведешь? – Лицо Укона налилось кровью. – Обезьяна! Эй, Обезьяна! – произнес Укон, но Токитиро на сей раз не ответил.

Все – от Нобунаги и до друзей Токитиро – называли его Обезьяной. Прозвище, казалось, не задевало его.

– Обезьяна! Оглох?

– Какая глупость!

– О чем ты?

– Глупо останавливать человека, чтобы оскорблять его. Какая еще обезьяна?

– Я назвал тебя так, как и все. Я подолгу бываю в крепости Наруми, поэтому забыл твое имя. Неужели я тебя обидел?

– Да, не всем позволительно называть меня так.

– Значит, я из тех, кому это непозволительно?

– Вот именно!

– Помолчи, сейчас мы разберемся в твоём проступке. Почему ты каждый день топчешь наши строительные материалы? Почему не здороваешься как полагается?

– Это преступление?

– Тебя, похоже, не учили этикету. Я говорю об этом, потому что со временем ты можешь стать самураем. Воин должен иметь хорошие манеры. Каждое утро ты брезгливо оглядываешь наши работы и что-то злобно бормочешь себе под нос. Восстановительные работы осуществляются по тому же воинскому уставу, что и сражения с врагом. Глупец ты несчастный! Запомни, еще одного проступка я тебе не прощу. Я понимаю, простой слуга из свиты князя, получив должность самурая, от восторга теряет голову.

Укон расхохотался, окинул самодовольным взглядом подчиненных и десятников и повернулся спиной к Токитиро, подчеркивая собственное превосходство.

Десятники, решив, что выяснение отношений закончилось, вновь обступили Укона и заговорили о завтрашних работах. Токитиро, глядя в сторону Укона, не собирался уходить.

– С тобой все, Киносита! – бросил ему один из подчиненных Укона.

– Запомни этот урок! – добавил другой.

– А сейчас ступай своей дорогой! – сказал третий.

Они хотели побыстрее спровадить Токитиро, но юноша не обращал на них внимания. Он молча сверлил взглядом спину самурая. Гордость, переполнив душу Токитиро, выплеснулась наружу неудержимым хохотом.

Десятники и подчиненные Укона недоуменно уставились на конюшего.

– Над чем смеешься? – обернулся к нему Укон.

– Ты мне смешон, – давась от смеха, ответил Токитиро.

– Негодяй! Стоило простить этого уroda, так он нос задрал! Невиданная дерзость! Строительные работы подчинены воинскому уставу. Слышишь, замухрышка? Поди сюда! – Укон положил ладонь на рукоять большого меча. Противник его по-прежнему неподвижно стоял на месте. – Схватите его! Сейчас я с ним расправлюсь!

Подчиненные Укона мгновенно окружили Токитиро, но он молча глядел на них,

посмеиваясь. Все считали его чудачком, но его поведение в минуту опасности настолько поразило людей, что никто не осмеливался дотронуться до юноши хотя бы пальцем.

– Господин Укон, вы великий мастер словесной брани. Жаль, что в других делах вы не так сильны.

– Что? Что ты сказал?

– Почему, по-вашему, на восстановительных работах действует воинский устав? Вы сами объявили об этом, но, бьюсь об заклад, совсем не понимаете причины. Вы – никудышный начальник, а еще удивляетесь моему смеху.

– Невероятная наглость! Да еще по отношению к должностному лицу моего ранга! Ах ты, урод!

– Слушайте все! – Токитиро выпятил грудь. – У нас сейчас война или мир? Тот, кто не понимает этого, – безнадежный глупец. Крепость Киёсу в кольце врагов: Имагава Ёсимото и Такэда Сингэн на востоке, Асакура Ёсикагэ и Сайто Ёситацу на севере, Сасаки и Асаи на западе и Токугава из Микавы на юге!

Речь Токитиро увлекла слушателей. Его голос звучал самоуверенно, а ведь он говорил не о собственных обидах, а о том, что касалось жизни всех присутствующих. Они жадно слушали Токитиро, повинувшись магическому воздействию его страстного голоса.

– Вассалы уповают на неприступность стен Киёсу, но что это за крепость, если ее стены рушатся даже от ветра! Восстановление крепостной стены отняло три недели, а конца работам не видно! Значит, работами руководит бездарный человек. А если враг, воспользовавшись случаем, сегодня ночью пойдет на штурм?

Крепостные укрепления должны возводиться по трем правилам. Во-первых, строить быстро и скрытно. Во-вторых, не расплять сил при строительстве, то есть всякие украшения хороши лишь в мирное время. И в-третьих, необходимо поддерживать постоянную готовность к отражению внезапного нападения, несмотря на трудности, связанные с проведением работ. Наиболее слабое и уязвимое место в любых укреплениях состоит в возможности пролома в стене. Судьба всей провинции может оказаться плачевной из-за единственной трещины в стене.

Укон пытался что-то вставить, но красноречие Токитиро подавляло его, и у старшего самурая бессильно дрожали губы. Десятники слушали Токитиро разинув рты. И каждое его слово было верным, поэтому никто не смел перебить его или силой оборвать его речь. Люди уже не понимали, кто здесь истинный начальник.

– Зададим неучтивый вопрос. Как господин Укон справляется с поставленной задачей? Как соблюдает указанные правила? Где быстрота? Где скрытность работ? Где постоянная готовность отразить удар? Минул почти месяц, а ни одного кэна стены не восстановлено. Конечно, требуется время, но утверждать, что на восстановительных работах действует тот же воинский устав, что и на поле боя, и руководить так, как господин Укон, – пустое бахвальство. Будь я лазутчиком из вражеской провинции, я бы сообразил, что атаковать нужно сейчас и здесь, в слабой точке укреплений. Безответственно и глупо надеяться, что ничего подобного не случится! И тратить время на искусную отделку, словно удалившийся на покой аристократ возводит у себя в саду чайный домик!

Подобная нерадивость ставит всех, несущих службу в крепости, в опасное положение. Чем сторожить проходы, не лучше ли обсудить возможность ускорения работ? Понимаете? Это общее дело, а не только начальника. – Токитиро весело рассмеялся. – Ладно, простите меня. Я нагрубил, но на душе накипело, вот я и высказался начистоту. Мы все должны денно и нощно заботиться о неприступности крепости. Стемнело уже. Если не возражаете, я пойду.

Укон с подчиненными еще не пришли в себя, а Токитиро быстрым шагом удалился.

На следующий день Токитиро работал в конюшне. Здесь он никому не уступал в усердии.

– Никто не любит лошадей так, как Обезьяна, – говорили конюшие.

С неумолимостью, удивлявшей тех, кто давно служил здесь, он без устали расчесывал лошадям гривы, чистил их, убирал в денниках.

– Киносита, тебя зовут, – сказал старший конюший.

– Кто? – Токитиро неохотно оторвался от дел.

Конь по кличке Сангэцу поранил ногу, и Токитиро парил ее в горячей воде.

– Князь Нобунага. Поторопись!

Старший конюший прокричал в ту сторону, где отдыхали самураи:

– Эй, кто-нибудь! Подмените Киноситу и отведите Сангэцу на место!

– Я сам.

Токитиро промыл рану на ноге Сангэцу, смазал ее мазью, наложил повязку, потрепав коня по холке, и отвел его в денник.

– А где князь Нобунага?

– В саду. Поторопись, не навлекай на себя гнев князя.

Токитиро забежал в комнату для конюших и надел синий плащ с павлонией. Нобунага находился в саду с несколькими приближенными. Среди них были Сибата Кацуиэ и Маэда Инутиё.

Токитиро остановился на положенном расстоянии от князя и простерся ниц.

– Обезьяна, поди сюда! – приказал Нобунага.

Инутиё приготовил для него сиденье.

– Ближе!

– Слушаюсь, господин!

– Обезьяна! Мне донесли, что вчера вечером ты произнес речь у внешней стены.

– Да, мой господин.

Нобунага натянуто улыбнулся. По чину Токитиро не полагалось разглагольствовать о том, что не относилось к его служебным обязанностям. Сейчас он кланялся, чувствуя за собой вину.

– Пора знать свое место! – сурово произнес Нобунага. – Сегодня утром Ямабути Укон явился с жалобой на твое дурное поведение. Пришлось охладить его пыл только потому, что, судя по другим отзывам, твоя болтовня имела какой-то смысл.

– Простите меня.

– Ступай и извинись перед Уконом.

– Перед Уконом, мой господин?

– Разумеется.

– Если это ваш приказ, я извинюсь.

– Ты недоволен?

– Неловко говорить, но разве следует потворствовать его глупости? Я ни словом не покривил против правды. Деятельность господина Ямабути с точки зрения беззаветного служения своему повелителю едва ли можно признать добросовестной. Немногое, что удалось ему сделать, отняло двадцать дней, а в дальнейшем...

– Обезьяна! Ты что, сегодня решил передо мной выступить? Мне обо всем доложили.

– По-моему, я сказал очевидные вещи. В них есть смысл.

– Допустим. За сколько дней, по-твоему, можно управиться с ремонтом?

– Знаете ли... – Токитиро на миг запнулся, чтобы подобрать слова поточнее. – Знаете ли, поскольку работа как-никак начата, мне кажется, я сумел бы закончить ее в три дня.

– В три дня! – вырвалось у Нобунаги.

Сибата Кацуиэ хмыкнул, поражаясь тому, что Нобунага способен на мгновение поверить болтовне Токитиро. Инутиё, однако, не сомневался, что юноша сдержит слово.

Нобунага тут же назначил Токитиро начальником работ. За три дня Токитиро должен был восстановить двести кэнов крепостной стены.

Токитиро, с благодарностью приняв новое назначение, собрался было уйти, но Нобунага задержал его.

– А ты совершенно уверен, что справишься? – В голосе Нобунаги звучала жалость. Он хотел, чтобы Токитиро сдержал обещание, иначе юноше пришлось бы совершить сэппуку.

– Я выполню обещанное вам, – уверенно произнес Токитиро.

– Обезьяна, длинный язык любого погубит. Не торопись обещать того, что не сможешь сделать, – ответил Нобунага, давая юноше возможность не горячиться.

– Через три дня я приглашу вас на осмотр восстановленных стен. – С этими словами Токитиро ушел.

В этот день он вернулся домой раньше обычного.

– Гондзо! Гондзо! – позвал он.

Молодой слуга застал Токитиро раздетым догола. Он сидел, скрестив ноги.

– Слушаю, господин.

– У меня поручение к тебе! У тебя есть деньги?

– Деньги?

– Вот именно!

– Видите ли...

– То, что я дал тебе на покупки?

– Они давно истрачены.

– А на еду?

– На еду вы давно не давали. Я напомнил вам об этом месяца два назад, а вы ответили, что придется как-нибудь выкрутиться. Вот с тех пор и изворачиваемся.

– У нас совсем нет денег?

– Откуда им взяться!

– Так что же мне делать?

– А вам деньги понадобились?

– Я хотел сегодня вечером пригласить гостей.

– Ну, если речь только о закусках и сакэ, не беда. Выпрошу в долг в соседних лавках.

– Гондзо, я на тебя полагаюсь! – сказал Токитиро, хлопнув себя по колену.

Дул осенний ветер. С павлонии опадала листва. В дом налетели комары. Токитиро отгонял их веером.

– А кто к нам придет?

– Десятники из крепости.

Токитиро купался в ушате, поставленном в саду. Кто-то окликнул его у ворот.

– Кто там? – спросила служанка.

– Маэда Инутиё, – представился гость.

Хозяин маленького дома вылез из ушата, надел легкое кимоно и поспешил к главному входу.

– Ах, это вы, господин Инутиё! А я гадал, кто бы мог пожаловать. Пожалуйста, проходите и располагайтесь поудобнее.

Токитиро говорил учтиво. Он даже сам подал гостю подушку для сидения.

– Я неожиданно побеспокоил вас.

– Что-нибудь срочное?

– Нет, просто я беспокоюсь о вас.

– Вот как?

– Вы держитесь так, словно вам безразлична собственная жизнь. Вы взялись за невыполнимое задание. Вы сами выбрали эту участь, следовательно, уверены в успехе.

– А, вы о крепостной стене?

– Разумеется! Вы опрометчиво пообещали невозможное. Сам князь Нобунага пытался предотвратить исход, при котором вам останется только совершить сэппуку.

– Я ведь попросил три дня.

– Вы надеетесь успеть?

– Ничуть!

– Как?!

– Я ничего не смыслю в фортификации.

– Как же вы намерены действовать?

– Если я заставлю как следует работать всех, кто занят на строительстве, то, полагаю, уложусь в назначенный срок.

– В этом и состоит трудность, – тихо произнес Инутиё.

Странными они были соперниками. Оба любили одну девушку, но незаметно для себя подружились. Их привязанность не проявлялась внешне ни в словах, ни в поступках, но Токитиро и Инутиё, узнав друг друга поближе, прониклись взаимным уважением. Сегодня Инутиё пришел, искренне переживая за юношу.

– Представляете, что испытывает сейчас Ямабути Укон? – спросил Инутиё.

– Гневается на меня.

– Ну хорошо, а вам известно, что он предпринимает?

– Да.

– Вот как? – Инутиё счел дальнейший разговор бессмысленным. – Раз вы столь проницательны, не буду и я беспокоиться.

Токитиро молча посмотрел на Инутиё и затем низко поклонился.

– Как вы умны, господин Инутиё!!

– Это вы у нас главный умник. Вы же обошли Ямабути Укона.

– Прощу, ни слова больше! – Токитиро поднес ладонь к губам, а Инутиё расхохотался.

– Остальное предоставим воображению. Пусть между нами сохранится некое умолчание. –

Инутиё имел в виду Нэнэ.

Вернулся Гондзо с изрядным количеством сакэ и закусок. Инутиё хотел уйти, но Токитиро остановил его:

– Выпейте сакэ на дорогу.

– Если вы настаиваете.

Инутиё выпил, и не одну чашечку. Званные гости, которым предназначалось угощение, не появлялись.

– Надо же, не идут, – произнес наконец Токитиро. – Гондзо, как ты думаешь, почему?

– Господин Токитиро, вы пригласили десятников? – осведомился Инутиё.

– Да. Нужно поговорить с ними. Необходимо поднять в людях боевой дух, чтобы управиться в три дня.

– Выходит, я переоценил ваши умственные способности.

– Как это?

– Я полагал, что у вас ума на двоих, а вы оказались единственным, кто ничего не понял.

Токитиро удивленно посмотрел на смеющегося Инутиё.

– Подумайте! Ваш противник – человек малодушный, с весьма ограниченными способностями даже на фоне ему подобных. Ямабути Укон не допустит того, чтобы вы взяли верх над ним.

– Разумеется, но...

– Неужели вы полагаете, что он будет сидеть сложа руки?

– Понятно.

– Он обязательно подстроит каверзу, чтобы у вас ничего не вышло. Вряд ли приглашенные вами десятники придут к вам в гости. И простые рабочие, и десятники считают Ямабути Укона более важной персоной, чем вы.

– Ясно. – Токитиро печально склонил голову. – Значит, все сакэ выпьем вдвоем. Не приступит ли нам к этому занятию, положившись на волю Небес?

– Прекрасная мысль, но вы обещали князю управиться за три дня.

– Давайте пить, а там посмотрим, что получится.

– Будь по-вашему.

Они не столько пили, как говорили. Инутиё был превосходным рассказчиком, и Токитиро смирился с ролью слушателя. В отличие от гостя, Токитиро не получил хорошего образования. В детстве у него не было времени сидеть над книгами и обучаться этикету, как это принято у сыновей самураев. Он совсем не страдал от невежества. Сталкиваясь с образованными людьми, он, правда, осознавал, что отсутствие знаний препятствует его продвижению вверх. Внимая образованным людям, он жадно запоминал каждое их слово.

– Токитиро, по-моему, я выпил лишнего. Пора спать, вам завтра рано вставать. Я верю в ваш успех, – попрощался Инутиё.

После его ухода Токитиро лег у столика, подложив руку под голову, и крепко заснул. Он не почувствовал, как служанка подложила ему под голову подушку.

Токитиро не знал, что такое бессонница. Стоило ему заснуть, он словно растворялся между небом и землей. Открыв глаза ранним утром, он мгновенно возвращался к действительности.

– Гондзо! Гондзо!

– Уже проснулись, господин?

– Приведи коня!

– Что, господин?

– Коня!

– Зачем он вам?

– Я сейчас уеду и вернусь не раньше послезавтра.

– К величайшему сожалению, господин, у нас нет ни коня, ни конюшни.

– Не болтай! Одолжи у кого-нибудь из соседей! Я не на прогулку собираюсь. Конь нужен для дела. Нечего вздыхать! Иди и поскорее найди коня.

– Неудобно людей будить. Еще не рассвело.

– Если спят, постучи в ворота. Это не моя прихоть, а дело чрезвычайной важности, так что не церемонься.

Гондзо накинул плащ, растерянно вышел из дому и вскоре вернулся, ведя под уздцы коня. Неопытный наездник умчался прочь, даже не поинтересовавшись, чей это конь. Токитиро объехал дома, в которых жили десятники. Они получали жалованье от клана и входили в цех ремесленников. Дома у них были зажиточные, в них жили служанки и наложницы, по сравнению с жилищем Токитиро эти дома выглядели дворцами.

Токитиро громко барабанил в ворота:

– Все на сходку! Все на сходку! Все работающие на крепостной стене должны прибыть на место в час Тигра. Опоздавших уволят! Таково распоряжение князя Нобунаги!

Он мчался с этим призывом из дома в дом. Лошадь его была в мыле. Когда Токитиро доехал до крепостного рва, на востоке забрезжил свет. Он привязал коня у входа, перевел дыхание и встал у ворот Карабаси, загородив проход. В руке он сжимал большой меч, глаза его пылали.

Десятники, разбуженные до зари, один за другим подходили вместе со своими работниками, гадая, что стряслось в крепости.

– Стойте! – окриком останавливал их у ворот Токитиро.

Он пропускал людей лишь после того, как каждый десятник называл ему имя, место работы на стене и число ремесленников и грузчиков. Он наказывал всем не начинать работу, а дожидаться его на своем рабочем месте. Насколько Токитиро мог судить, явились почти все. Работники стояли на указанных им местах, тревожно перешептываясь.

Токитиро предстал перед ними, сжимая в руке обнаженный меч.

– Тихо! – Кажется, он отдает приказания не голосом, а острием меча. – Построиться!

Работники подчинились, не скрывая презрительных ухмылок. Их поведение показывало, что они относятся к Токитиро как к глупому новичку и откровенно потешаются над тщедушным человеком, который дает распоряжения выпятив грудь. Его меч не пугал их, а только смешил и раздражал, доказывая, что Токитиро не совладать с ними.

– Приказываю всем следующее, – начал Токитиро громким и бесстрастным голосом. – Волей князя Нобунаги с сегодняшнего дня я, недостойный, стал начальником строительства. На этом посту я сменил Ямабути Укона. – Произнося речь, Токитиро скользил взглядом по строю. – Совсем недавно я был простым слугой. Милостью князя меня перевели на кухню, а потом в конюшье. Я недавно живу в крепости и ничего не смыслю в строительных работах, но если речь идет о служении господину, я стремлюсь превзойти всех. Понимаю, что многим из вас не хочется работать под руководством такого человека. Вы мастера своего дела, а нрав у мастеров, как известно, крутой. Если кому-то неприятно работать со мной, заявите об этом открыто и честно. Я немедленно рассчитаю всех желающих и отпущу с миром.

Люди слушали молча. Десятники, в глубине души презиравшие Токитиро, и те держали язык за зубами.

– Кто уходит? Все согласны работать под моим началом? В таком случае приступаем к делу немедленно. Как я уже говорил, в военное время непростительно тратить двадцать дней на такую работу. Я намерен ее закончить ровно через три дня, на рассвете. Понятно?

Десятники переглянулись. Опытные мастера, постигавшие свое дело с самого детства, они понимали несерьезность слов Токитиро. Токитиро заметил, что про себя они смеются над незадачливым начальником, но предпочел делать вид, будто не замечает их отношения к себе.

– Десятники, каменщики, плотники и кровельщики! Шаг вперед!

Люди повиновались приказу, но на их лицах было написано откровенное презрение. Токитиро внезапно плашмя ударил мечом десятника кровельщиков.

– Что за наглость! Стоишь перед начальником скрестив руки. Пошел вон!

Решив, что его ранили, десятник с криком повалился наземь. Остальные побледнели и почувствовали слабость в коленях.

Токитиро продолжил в том же жестком тоне:

– Узнаете, что такое долг. Я покажу каждому его настоящее место. Всем слушать внимательно!

Никто уже не притворялся, что слушает Токитиро вполуха. Люди притихли, но не покорились. Они и не намеревались помогать новому начальнику, хотя и были напуганы.

– Я разбил весь участок на пятьдесят отрезков. Каждой десятке поручаю отвечать за четыре кэна. В десятку входят три плотника, два кровельщика и пять каменщиков. Десятники будут надзирать за пятью группами рабочих, отвечая за качество работ. Запрещаю переходить из одной десятки в другую. Как только освободится хотя бы один человек, немедленно отправляйте его ко мне. Работать будем не теряя ни минуты.

Люди неохотно кивали. Им не нравились ни преподанный урок, ни работа по новым

правилам.

– Чуть не забыл! – громко произнес Токитиро. – Каждой десятке я придаю восемь грузчиков и двух подсобных рабочих. Как я видел, мастерские свободно покидали рабочее место, отлынивая от своего дела. Таскали бревна, например. Рабочий на своем месте – тот же воин в строю и не имеет права отлучаться со своего поста. Он не должен разбрасывать свои инструменты. Плотник, кровельщик, каменщик обязаны бережно относиться к ним. Это все равно что воину бросить меч или копье на поле боя.

Токитиро разбил людей на десятки и оглушительно закричал, словно поднимая воинов в атаку:

– За работу!

Токитиро нашел занятие и двум своим помощникам. Он приказал одному из них бить в барабан в ритме войскового марша – один удар через каждые шесть шагов, и это означало: приступить к работе. Двойной удар барабана означал перерыв.

– Всем отдыхать! – Токитиро отдавал распоряжения, стоя на огромном валуне. Он тщательно следил за выполнением каждого приказа.

Непочтительность и непослушание как рукой сняло. На стройке кипела яростная работа, похожая на боевые действия. Люди обливались потом, но это был пот вдохновения. Токитиро, молча наблюдавший за ними, никого не хвалил. «Рано еще», – думал он.

Закаленные многолетним трудом, строители берегли силы. Со стороны казалось, что они работают на пределе возможностей, но впечатление было обманчивым. Действовали они вполсилы. Соппротивление новому руководителю приобрело замаскированную форму. Всю недолгую жизнь Токитиро привык на работе надрываться, он знал подлинную цену настоящего труда.

Ошибочно считать, что работа требует лишь физических усилий. Не будь она исполнена духа, не различался бы пот, проливаемый человеком, и тот, что покрывает бока волов и лошадей. Стиснув зубы, Токитиро размышлял об истинной природе труда и трудового пота. Эти люди работают только для того, чтобы есть или кормить родителей, жен и детей. Работают ради пищи, чревоугодия, не возвышаясь над собой. Грош цена такой работе. Их желания ограничены и жалки, так что Токитиро в глубине души испытывал к ним жалость. «Я тоже был таким, – думал он. – Разумно ли ждать великих дел от людей, погрязших в жалких мечтах? Если не внушить им более высокие помыслы, то они будут работать по старинке».

Токитиро не заметил, как пролетело полдня, шестая часть отпущенного ему времени. Осматривая со своего командного пункта панораму работ, он с грустью убеждался в том, что за полдня почти ничего не сделано. Повсюду сновали люди, но результат их суеты оказался плачевным, следовательно, через два с половиной дня Токитиро ожидает сокрушительное поражение.

– Полдень. Бейте в барабан! – распорядился Токитиро.

Шум и гам мгновенно смолкли. Работники достали свертки с едой. Токитиро вложил меч в ножны и удалился со стройки.

Послеполуденные труды ничем не отличались от утренних, но порядок заметно ослаб и приметы скрытого непослушания стали заметнее. Сейчас они работали как под началом Ямабути Укона, если не хуже. Все получили приказ работать без отдыха и сна. Они знали, что целых три дня и три ночи их не отпустят из крепости. Работа требовала непривычных усилий, значит, они все бессовестней отлынивали от дела.

– Прекратить работу! Всем вымыть руки и собраться на площадке!

Было еще светло, поэтому приказ прозвучал неожиданно. Забил барабан.

– Что случилось? – растерянно спрашивали строители у десятников, но в ответ получали

лишь тумачи. Люди вышли на площадку, заваленную бревнами. Их взору предстали горы съестного, бочонки сакэ.

Токитиро велел всем сесть на соломенные циновки, камни и бревна. Сам он сел на камень в центре круга. Он поднял чашечку с сакэ.

– Похвалиться нам нечем, но в запасе у нас два дня. Один пролетел, но я верю, вы сделаете невозможное. Ешьте, пейте и веселитесь.

Он держался не так, как утром, и первым осушил свою чашечку.

– Не стесняйтесь! А кто не любит сакэ, принимайтесь за еду!

Люди застыли от изумления, их охватило беспокойство за судьбу работ.

– Эй! У нас полно сакэ! Не важно, сколько мы его выпьем. Мы в крепости, а значит, оно не иссякнет! Потом попоем, попляшем или завалимся спать. Проспим до сигнала барабана, – заплетающимся языком проговорил Токитиро.

Работники почувствовали расположение к новому начальнику. Их отпустили до срока, вволю напоили и накормили. Приятно, что начальник не гнушался угощаться вместе с ними.

– Молодой, а кое-что смыслит в жизни!

Сакэ ударило в головы, и работники начали балагурить. Десятники мрачно и недоверчиво смотрели на Токитиро.

– Ничего не скажешь, парень ловок, но понятно, почему он так старается, – говорили они, пылая ненавистью к Токитиро.

Они не притронулись к угощению, всем видом показывая, что строительная площадка не самое подходящее место для возлияний.

– Как настроение, господа десятники? – Токитиро с чашечкой сакэ в руке подсел к ним, не обращая внимания на их злобные взгляды. – Почему не пьете? Полагаете, верно, что на десятниках лежит больше ответственности, чем на военачальниках? Но вы не правы. Сами посудите: выше головы не прыгнуть, море рукавом не вычерпать. Если я ошибся и нам не управиться за три дня, дело закончится моим самоубийством.

Токитиро наполнил свою чашечку и заставил выпить ее одного из десятников, того, который сидел с перекошенным от злобы лицом.

– Коли мы заговорили о важных делах, скажу откровенно: меня тревожит не разрушенный участок стены и не страшит собственная смерть. Душа болит за судьбу нашей провинции. Если ремонт стены занимает более двадцати дней, это свидетельствует о слабости боевого духа, которая обрекает провинцию на бесславную гибель.

Он говорил убежденно и страстно, так что слушавшие его поневоле люди обратились в слух. Токитиро взглянул на звезды в вечернем небе и горестно вздохнул:

– Всем вам доводилось наблюдать расцвет и упадок провинций. Вы знаете, как тяжело живут люди в провинциях, подпавших под власть врагов. Такому горю ничем не помочь. Князь, его приближенные и все мы, вплоть до самурая самого низкого ранга, помним о необходимости оборонять провинцию от неприятельского нашествия.

Благополучие или гибель провинции определяется не мощью крепостных стен, а стойкостью наших душ. Люди, населяющие провинцию, и есть ее стены и рвы. Работая в крепости, вы можете считать, что просто укрепляете стены чужого дома. По существу, вы крепите собственную оборону. Представьте, что однажды нашу крепость сожгут дотла. Город превратится в пепелище, а всю провинцию предадут разорению. Детей вырвут из рук родителей, старики останутся без сыновей и дочерей, над девушками надругаются, хворых и немощных сожгут живьем. Ах, если провинции и впрямь суждено погибнуть, то это означает конец всему. А ведь у всех нас есть родители, жены, дети, больные родственники. Помните об этом!

Десятники перестали хмыкать. У них были семьи и достаток, поэтому слова Токитиро

затрагивали каждого.

– Почему у нас в провинции царят мир и покой? Прежде всего благодаря заботам князя, но и вы, люди, живущие здесь, защищаете нас, служащих в крепости, расположенной в центре Японии. Какой смысл в отваге и ответственности самураев, если сердце народа не забьется вместе с нашими... – В глазах Токитиро стояли непритворные слезы. Он вкладывал душу в каждое свое слово.

Люди мгновенно протрезвели от страстной речи Токитиро. Некоторые плакали, утирая слезы рукавом. В голос зарыдал и десятник плотников – старейший и самый уважаемый среди всех. До сих пор он неприкрыто выступал против Токитиро. Слезы текли по изрытым оспой щекам. Люди изумленно уставились на него. Десятник вдруг вскочил с места и, растолкав людей, бросился наземь перед Токитиро.

– Мне нет прощения. Сознаю глупость и вероломство моего поведения. Повесьте меня в назидание остальным, а затем поторопитесь с ремонтом во благо родной провинции!

Токитиро молча смотрел на него.

– Вот как? Тебя ведь подучил Ямабути Укон, верно? – заговорил он после затянувшейся паузы.

– Вы знали об этом, господин Киносита.

– Разумеется. Укон не позволил всем вам принять мое приглашение.

– Да.

– И велел работать помедленнее и не повиноваться моим приказам.

– Да...

– Ничего странного. За преднамеренный срыв работ и вам бы не поздоровилось. Ладно, хватит болтать. Прощаю тебя, потому что ты осознал свою вину.

– Я не все еще сказал! Ямабути Укон пообещал нам много денег, если мы вообще ничего не сделаем за три дня. Теперь я осознал, что козни господина Ямабути Укона приведут к нашему самоуничтожению. Меня как главного зачинщика и смутьяна необходимо покарать и немедленно приступить к работе.

Токитиро улыбнулся, поняв, что сильный враг превратился в надежного союзника. Он протянул десятнику чашечку сакэ:

– Ты не виноват. Поняв заблуждения, ты стал самым верноподданным жителем провинции. Выпьем! А потом, немного отдохнув, приступим к работе.

Десятник, взяв чашечку, низко поклонился Токитиро, но пить не стал.

– Эй! Слушайте меня! – закричал он. – Мы выполним все указания господина Киноситы. Выпьем по последней – и за дело. Удивительно, что нас еще не покарала Небеса. До сих пор я бездумно ел свой рис, но с этой минуты буду добывать его в поте лица. Отныне я буду трудиться во имя общего блага. А что скажете вы?

Не успел он закончить свою речь, как все мастерские разом поднялись на ноги.

– За работу!

– Успеем вовремя!

Поднял чашечку и Токитиро:

– Благодарю всех! Я не стану пить сейчас. Отпразднуем, когда закончим дело. Тогда и выпьем от души. Не знаю, сколько денег вам посулил Ямабути Укон, но я, если смогу, заплачу вам столько же.

– Нам ничего не нужно!

Мастерские залпом осушили свои чашечки. И подобно идущим в атаку войскам, ринулись на рабочие места.

Токитиро облегченно вздохнул.

– Удалось! – невольно вырвалось у него.

Вместе с простыми рабочими он трудился как одержимый три ночи и два дня.

– Обезьяна! Обезьяна!

Токитиро обернулся и увидел необычайно взволнованного Инутиё.

– Инутиё!

– Прощай!

– Что случилось?

– Меня изгнали.

– За что?

– Я зарубил человека, и князь Нобунага наказал меня. Мне остается стать вольным самураем-ронином.

– Кого ты зарубил?

– Ямабути Укона. Ты поймешь меня, как никто другой.

– Какая горячность!

– Молодая кровь разыграла. Я раскаялся, едва нанес удар, но было уже поздно. Я поддался порыву. Ну что ж...

– Ты сейчас уезжаешь?

– Обезьяна, позаботься о Нэнэ! По воле судьбы мы с ней расстаемся. Береги ее!

В это же время одинокий всадник промчался во тьме из Киёсу по направлению к Наруми. Тяжелораненый Ямабути Укон крепко держался в седле. Расстояние от Киёсу до Наруми составляло около девяти ри.

Никто не заметил его в темноте. Днем все бы видели, что следы от копыт его коня закапаны кровью. Рана Укона была глубокой, но не смертельной. Вцепившись в конскую гриву, он не был уверен, сумеет ли умчаться от смерти.

«Только бы добраться до Наруми!» – молил он, вспоминая, как Маэда Инутиё ударил его мечом, воскликнув: «Предатель!»

Обвинение Инутиё пронзало Укона сильнее, чем рана в теле. Он постепенно приходил в себя под порывами ночного ветра. Отъехав от Киёсу на безопасное расстояние, он задумался о том, каким образом Инутиё узнал о его предательстве? И, мысленно представив последствия своего вероломства, которые скажутся на его отце и всем клане, Укон затрепетал от ужаса, и кровь сильнее заструилась из раны.

Крепость Наруми принадлежала отпрыскам клана Ода. Саманоскэ, отец Укона, был назначен комендантом Наруми по воле Нобухидэ. Нобухидэ умер, когда Нобунаге исполнилось пятнадцать, о нем уже шла дурная молва. В это время Саманоскэ предал наследника и заключил тайный союз с Имагавой Ёсимото.

Нобунага понял, что в Наруми сложился заговор против него и дважды штурмовал крепость, но взять ее не сумел, ведь могущественный Имагава поддерживал Наруми с тыла и оружием и деньгами. Усилия Нобунаги были безуспешными. Он решил на несколько лет оставить мятежную крепость в покое.

Теперь в верности Саманоскэ начал сомневаться Имагава. Наруми находилась под подозрением у враждующих сторон и могла полагаться лишь на счастливый случай. Волей-неволей Саманоскэ пришлось пасть к ногам Нобунаги и покаяться во всех грехах, тягчайшим из которых было многолетнее отступничество и вероломство. Он молил князя о разрешении вернуться под его покровительство.

– Ветвям не перерасти ствола. Надеюсь, ты наконец прозрел и впредь будешь хранить мне верность. – Этими словами Нобунага даровал Саманоскэ прощение.

С того дня и отец и сын совершили немало важных дел на благо клана, и об их предательстве почти забыли. То, что тщательно скрывалось от постороннего взгляда, разгадали двое молодых людей – Маэда Инутиё и Киносита Токитиро. Их пронизательность тревожила Укона, а затем события приняли непредвиденный оборот. Токитиро лишил его должности начальника на строительных работах, а Инутиё тяжело ранил. Разоблаченный, истекающий кровью, Укон бежал из Киёсу в Наруми.

Уже светало, когда вдали показались крепостные ворота Наруми. Укон впал в беспамятство, не выпав, однако, из седла. Лошадь донесла его до ворот, где его приняли на руки стражники. Укон пришел в себя, и все повеселели.

О случившемся немедленно доложили Саманоскэ.

– Где молодой господин? Как он себя чувствует? – волновались приближенные коменданта.

Рана привела всех в ужас. Глядя, как стражники в саду хлопочут вокруг раненого сына, Саманоскэ не находил себе места от волнения.

– Рана глубокая?

– Отец... Прости... – Укон лишился чувств.

– Скорее несите его в дом!

Лицо Саманоскэ исказило горе, он понимал трагичность случившегося. Он всегда тревожился о том, каково Укону служить Нобунаге, потому что в глубине души не покорился и не считал себя истинным сторонником клана Ода. Получив известие о назначении Укона на должность начальника строительных работ, он понял, что настало его время, и незамедлительно отправил тайное послание Имагаве:

«Пришел долгожданный час, чтобы нанести удар клану Ода. Если вы обрушитесь на крепость Киёсу с востока с войском в пять тысяч воинов, я выступлю одновременно с вами. Мой сын, находящийся в Киёсу, нанесет удар изнутри, предав крепость огню».

Саманоскэ хотел вынудить Имагаву к немедленному выступлению. Тот, однако, не верил в успех скоропалительного штурма. В любом случае отец и сын Ямабути давно и не без преданности служили клану Ода. Их намерения внушали Имагаве немалые подозрения. Ни первый, ни второй гонец Саманоскэ не получили от Имагавы ответа. Подождав два дня, Саманоскэ послал третьего с коротким посланием: «Сейчас или никогда!»

Укон получил внезапное ранение, и ему пришлось спасаться бегством. Похоже, произошла не личная ссора. Разоблаченным оказался их заговор. Саманоскэ в отчаянии созвал на совет всех своих сторонников.

– Мы не можем целиком положиться на Имагаву, поэтому должны собрать все силы в кулак и подготовиться к нападению на Оду. Когда весть о нашем восстании дойдет до Имагавы, он вынужден будет присоединиться к нам. Заветный замысел сокрушить клан Ода одним ударом осуществится.

Изгнав Инутиё, князь Нобунага замкнулся в себе. Боясь его гнева, никто не заговаривал о судьбе изгнанника. Наконец Нобунага решил объясниться с подданными.

– Если два вассала вступают между собой в поединок или же обнажают мечи в самой крепости, наказание должно быть мгновенным и строгим, невзирая на смягчающие вину обстоятельства. Инутиё – хороший воин, но слишком вспыльчив. Он не впервые ранил моего вассала. Изгнание – легчайшая кара из тех, что предписывает закон.

Тем же вечером Нобунага посетовал одному из своих старших советников:

– Уж этот мне Инутиё! Куда он теперь денется? Отрешение от клана – дело серьезное. Говорят, правда, что пребывание в ронинах совершенствует душу. Быть может, лишения и пойдут ему на пользу.

Нобунага вспомнил о том, что настал вечер третьего дня из отпущенных Токитиро. Если к рассвету Киносита не управится, ему придется совершить сэппуку. «Он – неисправимый упрямец, – вздохнул князь. – Зачем наговорил столько глупостей при всем народе!»

Инутиё и Токитиро были молоды, поэтому состояли на низших должностях, но Нобунага понимал, что среди вассалов старшего поколения, перешедших к нему от покойного отца, немного даровитых людей. «Они вообще большая редкость, – горько подумал он. – И не только в моем маленьком клане, но и во всем мире». Какая горькая потеря! Князь не имел права проявлять чувства и тщательно скрывал переживания от оруженосцев и советников.

Этой ночью он рано лег спать. Не успел он заснуть, как перед ним предстал один из приближенных:

– Мой господин! Срочное дело! Ямабути из Наруми восстали и собирают войско.

– Ямабути?

Нобунага отодвинул москитную сетку и в белом шелковом кимоно прошел в соседнюю комнату.

– Гэмба!

– Да, мой господин.

– Войди!

Сакума Гэмба простерся ниц на пороге. Нобунага сидел, обмахиваясь веером. Вечерами уже чувствовалась прохлада ранней осени, но в крепости с ее могучими деревьями по-прежнему было полно комаров.

– Что ж, этого следовало ожидать, – сказал Нобунага после недолгого молчания. Он произнес это признание нехотя. – Если Ямабути подняли мятеж, значит, нарыв, вроде уже проходивший, вновь загноился. Подождем, пока он лопнет сам по себе.

– Вы возглавите войско, мой господин?

– Не вижу необходимости.

– А как же войско?

– Едва ли оно понадобится. – Рассмеявшись, Нобунага продолжил: – Пусть занимаются приготовлениями, но думаю, они не осмелятся напасть на Киёсу. Саманоскэ потерял голову, узнав о ранении сына. Понаблюдаем за ними со стороны.

Нобунага вернулся в спальню и спокойно заснул. Утром он встал раньше обычного. Неизвестно, что в глубине души тревожило его: судьба Токитиро или мятеж в Наруми. Нобунага с несколькими оруженосцами направился на крепостную стену.

Ласково светило утреннее солнце. На месте вчерашней строительной свалки не было ни бревна, ни камня, ни комка глины, ни пылинки. Все вокруг было тщательно выметено. К рассвету строительная площадка перестала существовать. Нобунага застыл от изумления. Его трудно было удивить, а если он чему-то поражался, то внешне не выдавал своих чувств. Токитиро не только восстановил стену за три дня, но и, готовясь к проверке князя, убрал мусор и оставшиеся материалы.

Нобунага не произнес ни слова, но в глубине души ликовал. Не выдержав, он обратился к оруженосцам:

– Сумел все-таки! Ай да Обезьяна!

Нобунага повелел немедленно разыскать Токитиро.

– Кажется, он идет сюда по мосту Карабаси, – сказал один из оруженосцев.

По мосту, который находился перед князем, мчался Токитиро.

Строительные леса были разобраны и уложены штабелями за рвом. Там же были аккуратно сложены бревна и камни, соломенные циновки и инструменты мастеровых. Строители, проработавшие без отдыха три дня и три ночи, спали тут же, укутавшись в циновки, как бабочки в коконы. Десятники, трудившиеся наравне с простыми рабочими, свалились наземь и заснули, едва работы были завершены.

Нобунага издали наблюдал за ними. Он думал, как недооценивал прежде способности Токитиро. Ловкая обезьяна! Умеет заставить людей работать. Если он расшевелил этих людей так, что они потрудились до полного изнеможения, то, возможно, стоит поставить его во главе войска. Из него получится настоящий командир. Сотнями тремя воинов он вполне сумеет командовать. Даже в час сражения. Нобунага вспомнил наставление Сунь-Цзы из «Искусства войны»:

Главное условие
Победоносного исхода –
Заставить своих воинов
Погибать, ликуя.

Нобунага повторял эти строки, невольно сомневаясь в том, что сам обладает подобными качествами, которые не связаны ни со стратегией, ни с тактикой, ни с авторитетом военачальника.

– Вы рано сегодня встали, мой господин. Посмотрите, что у нас получилось!..

Нобунага потупил взор. Токитиро стоял перед ним на коленях.

– Обезьяна! – Нобунага разразился хохотом.

Лицо Токитиро после трех бессонных ночей выглядело так, словно его залепили полусохшей глиной. Глаза Токитиро были красными, а одежда в грязи.

Нобунага усмехнулся, но, спохватившись, пожалел своего верноподданного:

– Ты славно потрудился. Верно, с ног валишься от усталости? Иди-ка спать! Проспишь целый день!

– Благодарю вас.

Приказ спать весь день в тот период, когда провинция не имела ни минуты покоя, было наивысшей похвалой. От этой мысли у Токитиро навернулись слезы. Обласканный милостью князя, он осмелился сказать:

– Позвольте обратиться с просьбой, мой господин.

– О чем?

– Пожалуйте денег.

– Много?

– Нет.

– Деньги нужны тебе?

– Нет. – Токитиро указал на людей, спящих за рвом. – Я не один все это сделал. Мне нужна сумма, которой хватило бы на всех, кто трудился не щадя себя.

– Пойди к казначею и возьми сколько нужно. Я тоже должен вознаградить тебя. Каково твоё жалованье?

– Тридцать канов.

– Всего?

– Это намного больше того, что я заслуживаю, мой господин.

– Я повышаю его до ста канов, перевожу тебя в полк копьеносцев и ставлю командиром над

тридцатью пешими воинами.

Токитиро промолчал. В должностной иерархии посты управляющего складом дров и угля и начальника строительства предназначались для высокопоставленных самураев. На протяжении нескольких лет он, конечно, надеялся на перевод в войско, в отряд лучников или стрелков. Командование тридцатью пешими воинами было нижней ступенью в командирских должностях, однако она радовала Токитиро больше работы в конюшне или на кухне.

Забыв от счастья о всегдашней своей учтивости, Токитиро непринужденно заговорил о накипевшем в душе:

– Работая на крепостной стене, я о многом размышлял. У нас очень плохо налажено обеспечение водой в крепости. В случае осады запас питьевой воды быстро иссякнет, а ров пересохнет. Придется совершать тайные вылазки за укрепление. Если на нас нападет войско, не рассчитывающее на победу в открытом бою...

Нарочито отвернувшись от Токитиро, Нобунага показал, что не желает его слушать, но молодой человек уже не мог остановиться:

– По-моему, гора Комаки надежнее Киёсу, как в смысле обеспечения водой, так и с точки зрения нападения и обороны. Смеею попросить вас, мой господин, перебраться из Киёсу на гору Комаки.

Услышав безумное предложение, Нобунага, посмотрев на Токитиро в упор, заорал:

– Ну, хватит, Обезьяна! Надоел твой вздор. Ступай домой и проспись!

– Слушаюсь, мой господин.

Токитиро испуганно отпрянул в сторону. «Вот мне урок! – подумал он. – Чем выигрышной положение, тем проще проиграть. Человеку нужно постоянно контролировать свои слова. А я по неопытности говорю все, что думаю. Позволил в минуту торжества разоткровенничаться и забылся».

Получив деньги и разделив их между работниками, он не пошел домой спать, а отправился в одиночестве вокруг крепости. Он думал о Нэнэ, которую давно не видел.

Чем она сейчас занимается? Мысли о Нэнэ навеяли воспоминания о самоотверженном друге Инутиё, который покинул провинцию и предоставил Нэнэ заботам Токитиро. Токитиро тревожился за друга. С тех пор как Токитиро поступил на службу клану Ода, Инутиё был единственным, с кем он по-настоящему подружился.

Наверняка Инутиё попрощался с девушкой. Став отверженным ронином, он и гадать не смел о новой встрече с ней. На прощанье Инутиё что-нибудь сказал Нэнэ.

Токитиро, честно говоря, сейчас нуждался не в любви и пище, а в хорошем отдыхе. Мысли об Инутиё, его преданности и смелости не давали покоя Токитиро.

Человек с истинной душой даже в толпе узнает равного себе. Почему Нобунага не оценил по достоинству Инутиё? Предательство Ямабути Укона давно не было тайной, во всяком случае, Токитиро и Инутиё знали о нем. Токитиро недоумевал, почему Нобунага ни о чем не догадывался и даже покарал Инутиё за его справедливый поступок.

«Положим, – размышлял он, – что изгнание Инутиё может быть своеобразным выражением расположения князя к своему оруженосцу. И я со своим зазнайством заслуживаю наказания. Действительно, прилюдные речи о плохом водообеспечении Киёсу, о переселении на гору Комаки крайне неучтивы», – думал он, бродя по городу. Токитиро порой впадал в такое состояние, словно у него из-под ног уходила земля. Сейчас, когда его терзала неожиданная бессонница, ему казалось, что осеннее солнце светит ослепительно.

Завидев издалека дом Матаэмона, он стряхнул с себя усталость, рассмеялся и ускорил шаг.

– Нэнэ! Нэнэ! – невольно воскликнул он.

Здесь находились скромные жилища лучников, а не дворцы и особняки знати с живыми

изгородями и ухоженными садами перед фасадом зданий. Токитиро, всегда говоривший громко, прокричал имя Нэнэ так, что переполошил жителей соседних домов. На бледном личике Нэнэ появилось удивленное выражение.

Любовь положено держать в тайне, но когда твое имя выкрикивают на все улицу, молодая девушка, конечно, смущается. Нэнэ стояла у ворот, рассеянно глядя в осеннее небо. Услышав голос Токитиро, она залилась краской и спряталась в саду.

– Нэнэ! Это я, Токитиро! – Он кричал еще громче. – Прости, что давно не заходил к вам! Служба не позволяла.

Нэнэ не вышла из своего укрытия и поклонилась учтиво, но сдержанно.

– Берегите себя, – сказала она.

– Господин Асано дома?

– Нет. – Не приглашая Токитиро войти, Нэнэ сделала шаг назад, в глубь сада.

– Раз господина Матаэмона нет дома... – Токитиро наконец сообразил, насколько нелеп его неожиданный приход. – Я, пожалуй, пойду.

Нэнэ кивнула в ответ.

– Я хотел только узнать, не заходил ли к вам Инутиё.

– Нет. – Нэнэ покачала головой, но ее щеки запылали.

– Ты уверена?

– Да.

– Правда?

Заглядевшись на порхающих в воздухе стрекоз, Токитиро на миг сбился с мысли.

– Он вообще у вас не объявлялся?

Нэнэ опустила голову, и на ресницах у нее задрожали слезы.

– Инутиё впал в немилость у князя и вынужденно покинул Овари. Слышала?

– Да.

– Отец рассказал?

– Нет.

– Как же ты узнала? Не надо лукавить. Мы с Инутиё поклялись в вечной дружбе. Можешь не рассказывать о вашей прощальной встрече. Он заходил к вам, верно?

– Нет. Я только что обо всем узнала. Из письма.

– Из какого?

– Кто-то подбросил письмо через забор около моей комнаты. Оно от господина Инутиё. – Голос ее задрожал.

Нэнэ заплакала и отвернулась от Токитиро. Он воображал ее умной и образованной, но она оказалась чувствительной девушкой.

Слезы и смущение Нэнэ тронули сердце Токитиро.

– Не покажешь ли мне это письмо? Или в нем есть кое-что не для постороннего глаза?

Нэнэ, достав из рукава кимоно письмо, кротко протянула его Токитиро.

Юноша медленно раскрыл его. Почерк, вне всякого сомнения, принадлежал Инутиё. Содержание письма было простым. Но Токитиро многое прочел между строк.

«Я поразил мечом влиятельного человека, вследствие чего по приказу князя Нобунаги должен немедленно покинуть нашу благословенную провинцию. Когда-то я хотел посвятить свою жизнь любви, но после честного мужского разговора с Киноситой мы решили, что ты должна стать его женой. Он намного достойнее меня. Я уезжаю, вверяя тебя его заботам. Прошу, покажи это письмо господину Матаэмону, и

умоляю, живи в мире с собой. Не знаю, удастся ли нам когда-нибудь свидеться».

Иероглифы кое-где расплылись от слез. Кто пролил их – Нэнэ или Инутиё? «Нет, – понял Токитиро, – это мои слезы».

В Наруми готовились к войне, следя за положением в замке Киёсу. Год подходил к концу, а Нобунага и не думал атаковать мятежную крепость.

Сомнения и подозрения охватили отца и сына Ямабути. Их отчаяние усугублялось тем, что, подняв мятеж против Нобунаги, они столкнулись с враждебностью бывшего союзника – клана Имагава из Суруги.

По Наруми пронесся слух о том, что князь из соседней крепости Касадэра, заключив союз с Нобунагой, намеревался атаковать Наруми с тыла.

Касадэра принадлежала родственникам клана Имагава, поэтому нападение по приказу клана или в результате сговора с Нобунагой было весьма вероятным.

Слухи разрастались с каждым днем, и Ямабути и их приближенных охватила паника. По мнению большинства, единственным выходом было внезапное нападение на Касадэру. Отец и сын, долгое время проведенные в добровольном заточении, решились наконец на открытые действия. Выступив с войском ночью, они на рассвете атаковали Касадэру.

Слухи о возможном нападении Ямабути будоражили и Касадэру. Гарнизон крепости пребывал в боевой готовности.

Войско Ямабути пошло на приступ, и Касадэра оказалась в тяжелом положении. Не продержавшись до подхода подкреплений из Суруги, воины подожгли собственную крепость и в ожесточенном бою отступили сквозь пламя, а затем обратились в бегство.

Подкрепление из Наруми, неся большие потери, ворвалось в крепость, когда в ней не оставалось и половины защитников. Победа опьянила воинов Ямабути, и они пустились в пляс среди дымящихся развалин, потрясая в воздухе копьями, мечами и мушкетами.

Повсюду раздавались победные кличи. Неожиданно в Касадэре появились пешие и конные воины Ямабути, оставленные в Наруми. Они пришли не строем, а прибежали беспорядочной толпой.

– В чем дело? – спросил потрясенный Саманоскэ.

– Внезапно подошло войско Нобунаги. Узнав о штурме Касадэры, он нагрянул на нас с войском в тысячу человек. Атака была быстрой и дерзкой. С нашими малочисленными силами не оставалось ни малейшей возможности обороны.

Раненый воин с трудом закончил донесение рассказом о том, что крепость взята, а Укон, сын Саманоскэ, не вполне оправившийся после нападения Инутиё, обезглавлен по приказу Нобунаги.

Саманоскэ, только что праздновавший победу, застыл в глубоком отчаянии. Захваченные им Касадэра и ее окрестности лежали перед ним в пепелище.

– Такова воля Небес! – воскликнул он и, вынув меч из ножен, вонзил его себе в живот. Странно, что он усмотрел волю свыше в обстоятельствах, которые создал собственными руками.

Нобунага в один день подчинил себе крепости Наруми и Касадэра. Токитиро, который после восстановления стены долгое время нигде не показывался, услышав, что обе крепости подчинились власти Овари, объявился в Киёсу. Держался он неприметно.

– Не ты ли сеял слухи и смуту в Наруми и Касадэре?

В ответ на расспросы Токитиро лишь молча качал головой.

Заложник князя Ёсимото

Жители провинции Суруга не называли свой главный город Сумпу – для них он был просто Столицей, а крепость в центре Столицы именовали Дворцом. Все обитатели города, начиная с князя Ёсимото и его ближайших сподвижников и заканчивая простыми обывателями, считали Сумпу столицей величайшей и могущественнейшей провинции в Восточной Японии. В городе действительно ощущался столичный блеск, и даже простолюдины старались не отставать от мод и обычаев императорского Киото.

Человеку из Киёсу, приехавшему в Сумпу, казалось, будто он попал в другой мир. Атмосфера, манеры горожан, неторопливость, с которой здешние люди прохаживались по улицам, и даже взгляды, которые они бросали друг на друга, слова, которыми они обменивались на ходу, поражали приезжего. Обитатели Сумпу, уверенные в собственных силах и в могуществе князя Ёсимото, держались непринужденно. О высоком положении многих горожан можно было судить по роскоши их нарядов. На улице знатные особы беспрестанно обмахивались веерами. В Сумпу процветали музыка, танцы и поэзия. Уверенность, читавшаяся на лице у каждого горожанина, была присуща жителям Столицы с незапамятных времен. Сумпу был благословенным городом. В ясную погоду из него можно было увидеть величавую Фудзияму, а в тумане за сосновой рощей возле храма Киёмидэра простиралось спокойное море. Воины Имагавы были сильны, а соседняя Микава, где правил клан Токугава, находилась в вассальной зависимости от Суруги. «В моих жилах течет кровь клана Токугава, и все же я здесь. Соратникам в Окадзаки с трудом удастся удерживать мою крепость, провинция Микава существует, но князь и его сторонники насильно разлучены», – втайне вздыхал Токугава.

Он сочувствовал своим вассалам, но, размышляя над положением, в котором находился сам, благодарил судьбу за то, что до сих пор жив.

Иэясу было всего семнадцать лет, но он уже успел стать отцом. Два года назад, сразу же после церемонии совершеннолетия, князь Имагава Ёсимото приказал женить юношу на дочери одного из своих родственников. Первенец Иэясу родился прошлой весной, сейчас ему было шесть месяцев, и юный отец, сидя в кабинете, часто слышал младенческий плач. Жена еще не оправилась от тяжелых родов, и ее держали под наблюдением врачей.

Плач сына означал для семнадцатилетнего отца голос собственной крови, но он редко заходил взглянуть на малютку. Он не чувствовал в душе той нежности к детям, о которой твердили вокруг. Иэясу признавался себе в том, что подобное чувство ему чуждо. Понимая, что из него не получилось отца и мужа, он испытывал жалость к жене и сыну. Сердце у него болело не столько за семью, сколько за своих бессильных и униженных сторонников в Окадзаки.

Мысли о сыне повергали Иэясу в уныние. Скоро малыш пустится в плавание по океану жизни, где его ждут лишения и надругательства, выпавшие на долю отца.

В пятилетнем возрасте Иэясу отдали заложником в клан Ода. Печаль и страдания, неизменные спутники человеческой жизни, не обойдут и его сына. Со стороны могло показаться, что семья Иэясу живет не хуже князя Имагавы.

Услышав шум в саду, Иэясу вышел на веранду. Взобравшись на дерево, кто-то пытался с улицы перелезть через стену, окружавшую дом и сад. Ветки дрожали и трещали под тяжестью невидимого человека.

– Кто там? – окликнул Иэясу.

Будь это вор, он непременно бросился бы в бегство, однако топота ног не послышалось. Надев сандалии, Иэясу через боковые ворота вышел на улицу. У ворот простерся ниц какой-то мужчина. Рядом с ним стояла большая корзина и лежал посох странника.

– Дзинсити?

– Сколько воды утекло, мой господин!

Четыре года назад с позволения Ёсимото Иэясу посетил в Окадзаки могилы предков. По дороге исчез один из его приближенных, Удоно Дзинсити.

– Ты теперь странствующий монах? – дрогнувшим голосом спросил Иэясу.

– Да, это лучшая маскировка для путешествий по всей стране, – ответил Дзинсити.

– Когда ты прибыл сюда?

– Только что. Решил тайно повидаться с вами.

– Прошло четыре года. Поначалу я получал от тебя подробные отчеты, но с тех пор, как ты отправился в Мино, связь с тобой оборвалась. Я подозревал самое худшее.

– В Мино я угодил в разгар войны. Проверка на границах и заставах была чрезвычайно строгой, и я не мог сообщить о себе.

– Значит, ты побывал в Мино? Долго ты там пропадал.

– Год войны я провел в Инабаяме. Как вам известно, крепость Сайто Досана разрушена, а Ёситацу стал правителем Мино. Когда там все успокоилось, я перебрался в Киото, потом в Этидзэн, обошел северные провинции и двинулся в Овари.

– А в Киёсу удалось побывать?

– Да.

– Расскажи поподробнее. Находясь в Сумпу, я могу представить события в Мино, но положение клана Ода мне неизвестно.

– Составить к вечеру письменный отчет?

– Нет, писать не нужно.

Иэясу отвернулся от Дзинсити, задумавшись о чем-то.

Дзинсити был его глазами и ушами во внешнем мире. С пятилетнего возраста Иэясу жил у Оды, потом у Имагавы на правах не то изгнанника, не то заложника. Он и сейчас пребывал в таком положении. Иэясу с малолетства не знал жизни на свободе. Заложник постепенно привыкает безразлично относиться к окружающему миру. Невольник может полагаться только на себя. Несмотря на подневольную жизнь, а может, из-за постоянного тревожного ожидания, в котором он находился с малых лет, Иэясу строил великие планы на будущее.

Четыре года назад он послал Дзинсити в другие провинции, чтобы разведать о происходящем в Японии, и этот поступок свидетельствовал о том, что в Иэясу просыпается честолюбие.

– В саду нас могут заметить, – произнес он, – а в доме что-нибудь заподозрят слуги. Пойдем-ка сюда. – Иэясу широким шагом пошел в сторону от дома.

Усадьба Иэясу находилась в самом тихом квартале Сумпу. Отойдя от стены, собеседники вышли на берег реки Абэ. Когда Иэясу был маленьким, слуги носили его на спине сюда на прогулку. Река текла здесь сотни лет, а на берегу ничего не менялось.

– Дзинсити, отвяжи! – сказал Иэясу, усаживаясь в небольшую лодку.

Дзинсити оттолкнул лодку шестом, и она поплыла по течению, как бамбуковый лист. Господин и его подданный могли теперь говорить, зная, что их никто не подслушает. За час Дзинсити изложил Иэясу все сведения, собранные им за четыре года скитаний. Но куда важнее всех этих сведений явилась разгадка смысла той смутной тревоги, которая давно бередила его душу.

– Если Ода не нападают на соседей, как в былые времена, при Нобухидэ, значит, они наводят порядок в собственном доме, – сказал Иэясу.

– Нобунага – человек целеустремленный, не ведающий сомнений и снисхождения ни к родным, ни к вассалам. Он убивает тех, кого надо убрать с пути, и обращает в бегство тех, кого

надо победить. В Киёсу у него не осталось ни одного врага.

– В клане Имагава всегда потешались над Нобунагой и считали его самодовольным и невоспитанным глупцом.

– Глупым его не назовешь, – заметил Дзинсити.

– По-моему, о князе распускают злонамеренные сплетни. Князь Ёсимото верит сплетне, не видя в нем серьезного противника.

– Боевой дух в Овари сейчас как никогда высок.

– А кто входит в ближайшее окружение Нобунаги?

– Хиратэ Накацукаса умер, но у Нобунаги есть несколько толковых советников. Это Сибата Кацуизэ, Хаяси Садо, Икэда Сёню, Сакума Дайгаку и Мори Ёсинари. Недавно он обзавелся человеком, обладающим исключительными способностями. Его зовут Киносита Токитиро. Он не занимает высокий пост, но его имя сейчас у всех на устах в Овари.

– А как люди относятся к своему князю?

– Невероятное дело! Правитель провинции, как правило, поглощен заботами управления, а народ повинуется ему. В Овари все по-другому.

– И как же?

Дзинсити помолчал, собираясь с мыслями:

– Как бы поточнее выразиться? Нобунага внешне ничего особенного не делает, но люди живут с надеждой, прекрасно зная, что Овари – маленькая и бедная провинция, что у их князя нет ни гроша! Они ведут себя так, словно живут в могущественном государстве, которому не страшна ни война, ни любая другая напасть.

– Вот как? В чем же причина?

– Вероятно, в самом Нобунаге. Он ничего не скрывает от людей, намечает цели, во исполнение которых все усердно трудятся.

Помимо воли, Дзинсити в глубине души сравнивал двадцатипятилетнего Нобунагу с семнадцатилетним Иэясу. Иэясу казался ему более зрелым человеком, во всяком случае, в нем не осталось ничего детского. Оба выросли в трудных обстоятельствах, но были совершенно разными. Иэясу попал в руки врагов в пятилетнем возрасте, и суровость жизни ожесточила его душу.

Лодка вынесла Иэясу и Дзинсити на середину реки. Время за тайной беседой пролетело незаметно. Дзинсити повернул лодку к берегу.

Выйдя на берег, он торопливо подхватили корзину и взял посох. Прощаясь с Иэясу, он произнес:

– Я передам ваши слова вашим соратникам. Хотите сказать еще что-нибудь, мой господин?

Иэясу, оказавшись на берегу, опасался, что его увидят.

– Нет. Уходи побыстрее! – Кивнув Дзинсити на прощанье, Иэясу внезапно добавил: – Передай, что я чувствую себя хорошо.

Иэясу в одиночестве поспешил домой.

Слуги жены Иэясу разыскивали его повсюду. Один из них, увидев господина, идущего с реки, бросился ему навстречу:

– Госпожа с нетерпением ждет вашего возвращения и уже несколько раз посылала нас на поиски. Она очень волнуется, мой господин.

– Неужели? Успокой ее и скажи, что я скоро приду к ней.

Пошел он не к жене, а в свою комнату, где его ждал еще один вассал, Сакакибара Хэйсити.

– Вы были на реке?

– Да, прогулялся. В чем дело?

– Приезжал гонец.

– От кого?

Хэйсити молча протянул ему свиток. Послание было от Сэссая, и Иэясу почтительно прикоснулся к нему лбом. Сэссай был монахом из секты Дзэн и советником по военным делам в клане Имагава. Для Иэясу он был учителем, под началом которого юный князь постиг и книжную, и воинскую премудрость.

«Сегодня вечером князю и его гостям зададут обычный урок. Жду вас у северо-западных ворот Дворца», – гласило послание.

Слово «обычный» было ключевым, и Иэясу прекрасно знал его смысл. Оно означало встречу Ёсимото и его военачальников для обсуждения похода на столицу.

– А где гонец?

– Уехал. Вы пойдете во Дворец, господин?

– Да.

– По-моему, со дня на день можно ожидать указа князя Ёсимото о выступлении.

Хэйсити не раз краем уха слышал разговоры важных военных советников о походе. Он молча вглядывался в лицо Иэясу. Князь что-то пробормотал, притворившись, будто новость ему безразлична.

Представления о военной мощи Овари, сложившиеся в клане Имагава, не имели ничего общего с тем, что сегодня рассказал юному князю Дзинсити. Нобунагу здесь всерьез не принимали. Ёсимото решил напасть на Киото, выступив во главе большой армии, включающей войска из Суруги, Тотоми и Микавы. В Овари они могли натолкнуться на сопротивление.

«Нобунага сдастся без боя, если армия будет достаточно велика», – так полагало большинство членов военного совета клана. Ёсимото и некоторые его советники, включая Сэссая, не имели склонности к излишней самонадеянности, но никто из них не воспринимал Нобунагу столь серьезно, как Иэясу. Иэясу однажды попытался предостеречь Имагаву, но его подняли на смех. Он ведь был заложником, к тому же юнцом, и его не слушали на военном совете.

«Стоит ли мне доверяться им? Положим, я буду настаивать...» – Иэясу глубоко задумался, сжимая письмо Сэссая в руке.

Его размышления прервала прислужница жены. Она сообщила, что госпожа пребывает в дурном расположении духа и просит прибыть к ней всего лишь на минуту.

Жену Иэясу не интересовало ничего, кроме собственной персоны. Ей были безразличны и государственные дела, и положение, в котором находился ее супруг. Ее волновали только повседневные мелочи и любовь мужа. Старая служанка это прекрасно понимала и, видя, что он беседует с Хэйсити, молча ждала, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Иэясу продолжил разговор с Хэйсити, но тут прибежала еще одна служанка и принялась что-то шептать на ухо томившейся в ожидании старушке. Последней пришлось проявить неучтивость.

– Извините, господин... Простите великодушно, но госпожа ужасно раздражена. – И, низко поклонившись, просила поспешить.

Иэясу понимал, как тяжело выносить норы его жены ее слугам и служанкам.

– Хорошо, – произнес он, поднимаясь с места. Обращаясь к Хэйсити, Иэясу сказал: – Позаботься обо всем необходимом, а когда настанет час, приди за мной.

Иэясу направился к жене, женщины семенили следом с таким видом, будто князь Иэясу спас их от неминуемой гибели.

Покои жены Иэясу находились в отдалении, в глубине дома. Миновав цепь коридоров, он наконец оказался в комнате супруги.

В день их свадьбы скромное одеяние жениха-заложника из Микавы выглядело жалким рядом с ослепительным нарядом и драгоценностями княжны Цукиямы, приемной дочери

Имагавы Ёсимото.

Иэясу, известный здесь под прозвищем Человек из Микавы, служил объектом насмешек со стороны кровных родственников Ёсимото. Воспитанная в роскоши и гордыне, Цукияма глубоко презирала вассалов из Микавы, хотя и питала к мужу слепую, страстную и ненасытную любовь. Она была старше мужа. Низведенная этим браком на более низкую ступень в обществе, Цукияма считала супруга юношей в услужении, мальчишкой, живущим из милости Имагавы.

Родив сына, она стала еще более себялюбивой и вздорной. Каждый день она изводила мужа новыми капризами.

– Сегодня чувствуешь себя получше? – Иэясу хотел было раздвинуть сёдзи. Ему казалось, что настроение жены улучшится, если она полюбуется красотой осеннего дня и синего неба.

Госпожа Цукияма сидела в своей гостиной. На ее бледном лице промелькнул испуг.

– Не открывай! – сказала она, вздернув брови.

Лицо ее нельзя было назвать красивым, но, как и все женщины, выросшие в благородных семействах, она была изящно сложена. Лицо и руки ее удивляли прозрачной белизной, вероятно, из-за болезни, последовавшей за родами. Она сидела, покойно сложив руки на коленях.

– Садись, мой господин. Хочу кое о чем спросить тебя.

И слова ее, и тон были холодны, как остывшая зола. Иэясу держался совсем не по-юношески. Кротость и снисходительность его поведения подобали зрелому мужу. У него, возможно, сложился свой взгляд на женщин, и он беспристрастно смотрел на ту, которой ему полагалось дорожить превыше всего на свете.

– В чем дело? – спросил он, усаживаясь напротив жены.

Покорность мужа раздражала жену.

– Ты недавно выходил из дома? Один, без оруженосцев?

На глазах у нее выступили слезы, краска залила лицо, все еще не пополневшее после родов. Иэясу понимал ее состояние, знал ее вспыльчивый нрав, поэтому поспешно улыбнулся, словно утешая больного ребенка.

– Что? Ах да, устав от чтения, я решил погулять у реки. Тебе следовало бы выйти на свежий воздух. Осенняя листва, стрекот цикад умиротворяют душу.

Госпожа Цукияма не слушала его. Она пристально вглядывалась в лицо супруга, мысленно проклиная его за ложь. Она сидела прямо, с безразличным видом.

– Весьма странно. Ты пошел на берег насладиться осенними красками и послушать цикад, но зачем-то сел в лодку и забрался на середину реки, прячась от постороннего взгляда. Что ты там делал?

– Тебе уже успели доложить.

– Я сижу в четырех стенах, но знаю обо всем.

– Неужели? – Иэясу выдавил из себя улыбку, но не сказал о встрече с Дзинсити.

Иэясу до сих пор не верилось, что эта женщина доводится ему женой. Когда вассалы или родственники ее приемного отца навещали ее, она посвящала их во все домашние тайны. Она постоянно переписывалась с людьми из дома Ёсимото. Мнимой беззаботности и наигранного равнодушия собственной жены Иэясу опасался больше, чем зоркого глаза лазутчиков Ёсимото.

– Да я и сам не заметил, как оказался в лодке. Потом захотел посмотреть, куда ее понесет течение. Я думал, что управлюсь с лодкой, но река оказалась своенравной. – Он засмеялся. – А ты обижаешься, как малое дитя. А ты откуда меня увидела?

– Лжешь! Ты был не один!

– Позже прибежал слуга.

– Нет! Что за вздор уединяться в лодке для тайного разговора с собственным слугой!

– Кто же наговорил тебе небылиц?

– У меня есть верные люди, которые обо всем докладывают мне. Ты где-то прячешь женщину, верно? А если ее нет, значит, я тебе надоела, и ты замыслишь сбежать в Микаву. Говорят, у тебя есть в Окадзаки другая женщина, которую ты называешь женой. Почему ты скрываешь это от меня? Я прекрасно понимаю, что ты на мне женился только из страха перед кланом Имагава.

В эту минуту, когда ее нудный голос, проникнутый болезненной подозрительностью, готов был сорваться в истерику, в комнате появился Сакакибара Хэйсити:

– Мой господин, лошадь подана. Пора ехать.

– Ты уезжаешь? – Не давая Иэясу возможность ответить, она продолжила: – В последнее время ты отсутствуешь вечерами. Интересно, куда это ты собрался?

– Во Дворец, – спокойно ответил Иэясу, вставая.

Жену не удовлетворило краткое объяснение. «Почему вдруг понадобилось ехать во Дворец так поздно? Не затянется ли дело до полуночи, как не раз случалось? Кто с ним там будет?» – Она засыпала Иэясу вопросами.

Хэйсити ждал своего господина в коридоре, проявляя нетерпение из-за медлительности князя. Иэясу, как умел, успокоил жену и только потом покинул ее. Госпожа Цукияма проводила мужа до галереи, не обращая внимания на его кроткие предостережения о том, что она может простудиться.

– Возвращайся поскорее! – произнесла она, вложив в эти слова любовь и верность, на которые была способна.

Иэясу молча проследовал к главным воротам. Он вдохнул свежего воздуха, увидел звездное небо, потрепал гриву своего коня, и его настроение мгновенно улучшилось. Молодая кровь горячо заструилась по жилам.

– Хэйсити, мы опаздываем?

– Нет, мой господин. Точное время не обусловлено, так что успеем.

– Дело не в этом. Несмотря на преклонный возраст, Сэссай никогда не опаздывает. Не пристало мне, молодому человеку, к тому же заложнику, прибывать на встречу после старших советников и Сэссая. Поторопимся! – И Иэясу прищпорил коня.

Он ехал в сопровождении Хэйсити, конюшего и трех слуг. Глядя на своего господина, Хэйсити почувствовал, как слезы застилают ему глаза – настолько его тронули терпение и выдержка, проявленные князем в обращении с женой, его преданность Дворцу, иными словами, Имагаве Ёсимото, который должен был вызывать у заложника гнев и страх.

Хэйсити считал своим долгом вассала освободить своего господина из заточения. Он поклялся выволить своего повелителя из униженного положения, в которое тот попал не по своей воле, и вернуть ему законный титул князя Микавы. По мнению Хэйсити, день, не послуживший достижению этой цели, был днем предательства.

Хэйсити мчался закусив губу, а в глазах у него блестели слезы.

Они подъехали к крепостному рву. За мостом не было ни лавок, ни домов простых горожан. В окружении сосен здесь высились белые стены и величавые ворота дворца Имагавы, или Дворца, как его называли.

– Князь Микава? Господин Иэясу! – окликнул Сэссай, притаившийся в тени деревьев.

В сосновой роще вокруг крепости в военное время собиралось войско, а в мирное широкие просеки служили для верховой езды.

Иэясу мгновенно спешился и почтительно поклонился Сэссаю:

– Благодарю вас, учитель, что вы пришли сюда.

– Послания в духе моего застают врасплох. Оно, должно быть, причинило тебе немало

беспокойства.

– Нет, учитель.

Сэссай был один. Он был в старых соломенных сандалиях, размер которых соответствовал его мощной фигуре. Иэясу шел в знак уважения к учителю на шаг сзади, а поводья передал Хэйсити.

Внимая Сэссаю, Иэясу ощутил прилив благодарности к своему наставнику. Жизнь заложника во враждебной провинции – горький удел, но Иэясу понимал, что судьба послала ему и крупицу везения. Она заключалась в том, что в неволе он получил образование у Сэссая.

Хорошего учителя найти трудно. Останься он в Микаве, он никогда бы не стал учеником Сэссая и не получил бы подготовки ни к жизни ученого, ни к ратному делу. Не изучил бы дзэн-буддизма, занятие которым Иэясу почитал главной ценностью в уроках Сэссая.

В других провинциях удивлялись тому, что буддийский монах Сэссай пошел на службу к князю Имагаве и стал его военным советником. Люди шутливо называли его то «воинствующим монахом», то «монашествующим воином», но, заглянув в родословную, они узнали бы, что Сэссай доводился родственником Ёсимото. Ёсимото был всего лишь князем Суруги, Тотоми и Микавы, а слава Сэссая гремела на всю страну.

Сэссай отдавал свои выдающиеся способности клану Имагава. Заметив первые признаки поражения Имагавы в войне против Ходзё, монах помог Суруге заключить мир на условиях, совсем невыгодных для Ёсимото. Поженив Ходзё Удзимасу и дочь Такэды Сингэна, князя Каи, могущественной провинции на их северной границе, и выдав дочь Ёсимото за сына Сингэна, Сэссай проявил политическую дальновидность, связав три провинции в один семейный узел.

Он был монахом, но не из тех, кто бродит по свету в одиночестве с посохом и в драной шляпе. Он не был обыкновенным монахом секты Дзэн. Его можно было назвать и «политиканствующим монахом», и «воинствующим монахом» и даже «мирским монахом», но, как бы его ни называли, ничто не способно умалить его величия.

Сэссай был скуп на слова, но одно из его речений запало Иэясу в душу. Разговор состоялся на галерее храма Риндзай. Учитель тогда сказал: «Можно затаиться в пещере, можно в одиночестве скитаться по свету, как туча по небу, а волна – по реке, но истинным монахом от этого не станешь. Время меняет предназначение монаха. Заботиться сейчас о собственном просветлении, жить „в покое гор и полей“, презирая бренный мир, – значит исповедовать себялюбие в дзэн-буддизме».

Миновав Китайский мост, они вошли во Дворец через северо-западные ворота. С трудом верилось, что они находятся в крепости. Она слишком походила на дворец сёгуна. Вдали над Атаго и Киёмидзу темной громадой высилась величавая Фудзияма. Вечерело. Огни горели в нишах вдоль бесконечного коридора. Женщины, прекрасные, как придворные дамы, проходили мимо них, неся подносы с яствами и графинчиками с сакэ.

– Кто это там, в саду? – Имагава Ёсимото поднес веер в форме листа гинкго к покрасневшему лицу.

Он перешел через горбатый красный мостик в саду. Юные оруженосцы, сопровождавшие его, были в изящных нарядах, при мечях.

Один из них вернулся по мостику в сад и услышал чей-то плач. Похоже, женщина. Ёсимото замедлил шаг.

– Где оруженосец? – спросил Ёсимото через несколько минут. – Пошел посмотреть, кто плачет в саду, и не вернулся. Иё, сходи теперь ты!

Иё побежал в сад. Это место называли садом, но заросли деревьев, казалось, тянутся до подножия Фудзиямы. Опершись о столб крытой галереи, отходившей в сторону от главной

дорожки, Ёсимото что-то напевал себе под нос, отбивая ритм веером.

У него была такая светлая кожа, что его можно было принять за женщину. Лицо князя было слегка подкрашено. Ему было сорок лет – самый расцвет мужской силы. Ёсимото наслаждался жизнью и своим могуществом. Прическа у него была на аристократический манер, зубы покрыты черным лаком, а над губой темнели усики. В последние годы он раздобыл телом и теперь с длинным туловищем и короткими ногами выглядел уродливо. Позолоченный меч и наряды из золотой парчи делали его величавым. Послышались шаги, и Ёсимото прервал пение:

– Иё?

– Нет, это я, Удзидзанэ.

Удзидзанэ, сын и наследник Ёсимото, имел вид благополучного человека, не знавшего трудностей жизни.

– Почему ты в саду в такой час?

– Я колотил Тидзу, а когда достал меч, она убежала.

– Тидзу? А кто это?

– Девчонка, которая присматривает за моими птицами.

– Служанка?

– Да.

– Чем она так провинилась, раз ты захотел наказать ее собственной рукой?

– Мерзавка! Кормила диковинную птицу, которую мне прислали из Киото, и упустила ее.

Удзидзанэ не шутил. Он страстно любил певчих птиц. Местная знать, желая порадовать наследника, дарила юноше редких птиц, и Удзидзанэ обзавелся коллекцией диковинных птиц и дорогих клеток. Из-за птицы он едва не лишил служанку жизни. Удзидзанэ негодовал так, словно речь шла о важном государственном деле.

Ёсимото, горячо любивший сына, пробормотал что-то в ответ на вспышку сына, который недостойно вел себя на глазах подданных. Удзидзанэ был законным наследником, но его глупые выходки едва ли вызывали у вассалов почтение.

– Глупенький! – В голосе Ёсимото смешались нотки обожания и гнева. – Удзидзанэ, сколько тебе лет? Ты уже не мальчик. Ты наследник клана Имагава, а интересуешься только птичками. Не лучше ли заняться медитацией или почитать трактат по полководческому искусству?

Услышав замечание отца, который обычно никогда не бранил его, Удзидзанэ побледнел и замолчал. Он привык к снисходительности отца. Он был в том возрасте, когда к поведению взрослых, даже к отцовскому, можно относиться критически. Не вступая в спор с отцом, Удзидзанэ сердито надулся. Ёсимото чувствовал, что сын знает, как играть на чувствах отца, который любил Удзидзанэ, но своим поведением не мог служить сыну достойным примером.

– Ну ладно. Хватит злиться! Слышишь, Удзидзанэ?

– Да.

– А почему глаза такие сердитые?

– Нет.

– Хорошо, ступай домой. Сейчас не время развлекаться с птичками.

– Ладно, но...

– Что еще?

– А время ли сейчас пить сакэ с девицами из Киото, танцевать и бить в барабан весь вечер?

– Замолчи, всезнайка!

– Но ты...

– Помолчи, я сказал! – Ёсимото швырнул веер в лицо Удзидзанэ. – Не смей осуждать отца! Как мне назвать тебя наследником перед всем народом, если тебе безразличны военные,

государственные, хозяйственные дела? Я в молодости изучил премудрости дзэн-буддизма, претерпел множество тягот и воевал в бесчисленных битвах. Теперь я – властелин этой маленькой провинции, но когда-нибудь стану верховным правителем всей страны. Почему же мой сын лишен смелости и честолюбия? Я не жалею о судьбе, но собственный сын приносит мне глубочайшие разочарования.

Ёсимото произносил гневную речь, не заметив, что вокруг собралось много его вассалов, которые не смели поднять глаза. Даже строптивый Удзидзанэ молча уставился на отцовский веер, упавший к его ногам.

– Господин Сэссай, князь Иэясу и старшие советники ждут вас, господин, в Мандариновом павильоне, – доложил князю самурай.

Павильон находился на склоне холма, поросшего мандариновыми и апельсиновыми деревьями. Ёсимото пригласил туда Сэссая и старших советников якобы на чайную церемонию.

– Все уже собрались? Я не имею права опаздывать.

Появление самурая пришлось как нельзя кстати, благодаря ему Ёсимото прервал неприятную сцену с сыном. Князь пошел по аллее в сторону павильона.

Чайная церемония служила предлогом для тайной встречи. Как всегда на вечерних чайных церемониях, горели фонарики, пели цикады. Стоило Ёсимото войти в павильон, как стража встала на караул, тщательно следя за тем, чтобы и мышь не проскользнула незамеченной.

– Князь Имагава Ёсимото! – Приближенный объявил о приходе своего господина так торжественно, как будто речь шла об императоре.

В просторной комнате мерцали фонарики. Сэссай и старшие советники сидели в ряду, на дальнем конце которого нашлось место и Токугаве Иэясу. Все поклонились своему князю.

В тишине слышался лишь шелест шелкового одеяния Ёсимото. Он сел в удалении от всех. Два оруженосца расположились в трех шагах за спиной князя.

– Прошу прощения за опоздание, – ответил Ёсимото на общий поклон. – Меня беспокоит здоровье почтенного Сэссая, – продолжил Ёсимото.

Ёсимото при каждой встрече с монахом справлялся о его самочувствии. Последние шесть лет Сэссай хворал, и все видели, как он постарел.

Сэссай учил, защищал и наставлял Ёсимото с самого детства. Князь понимал, что своим нынешним величием во многом обязан уму и хитрости «воинствующего монаха». Нездоровье Сэссая переживал как свое собственное. Со временем Ёсимото убедился в том, что сила клана Имагава не убывает, несмотря на старость и немощь Сэссая. Ёсимото даже уверовал в то, что своими успехами обязан лишь собственным способностям и талантам.

– Я стал зрелым мужем, – сказал он Сэссаю, – и вам больше нет нужды заботиться о воинской мощи нашей провинции. Посвятите остаток дней в радостных трудах, сосредоточившись на постижении Закона Будды.

Ёсимото явно решил отстранить Сэссая от дел, внешне сохранив прежнее почтение к учителю.

Сэссай считал Ёсимото взбалмошным и своенравным ребенком, поэтому тревожился за его судьбу. Он относился к Ёсимото так, как сам Ёсимото к своему легкомысленному сыну. Сэссай чувствовал, что Ёсимото, тяготясь его присутствием, старается под предлогом болезни удалить от дел своего наставника. Монах по-прежнему хотел помочь князю в военных и государственных заботах. С весны этого года он не пропустил ни одного из десяти советов, состоявшихся в Мандариновом павильоне. Он участвовал в них больным.

Выступить ли сейчас или на некоторое время отложить задуманное? Этот вопрос предстояло обсудить сегодня, и от этого решения зависело величие или падение клана Имагава.

Совет, которому суждено было изменить порядок управления всей страной, проходил под

пение цикад в обстановке глубокой секретности. А когда цикады на мгновение умолкали, снаружи доносилась неторопливая поступь стражей.

– Ты расследовал то, о чем мы говорили на последнем совете? – спросил Ёсимото у одного из военачальников.

Тот, разложив на полу бумаги, начал подробно излагать их содержание. Это был доклад о военной и хозяйственной мощи клана Ода.

– Его клан считается маленьким, однако в последнее время заметно окреп. – Он показал Ёсимото рисунки и схемы. – Овари считается единой провинцией, но на ее восточной и южной границах есть крепости, подобные Ивакуре, которые заключили союз с вами, мой господин. Есть там и люди, являющиеся вассалами Оды, но не безраздельно преданные интересам клана. Следовательно, под властью Оды сейчас находится не больше половины территории Овари.

– Понятно, – сказал Ёсимото. – Мелкий клан, что с него взять! Сколько воинов они могут выставить?

– Если принять владения клана Ода за две пятых всей провинции Овари, то с такой площади можно собрать до ста семидесяти тысяч коку риса. Десять тысяч коку кормят двести пятьдесят человек, значит, войско Оды не превышает четырех тысяч воинов. Если вычесть гарнизоны, которые всегда остаются в крепостях, то получится три тысячи человек.

Ёсимото неожиданно рассмеялся, колыхаясь полным телом и прикрывая рот веером:

– Три или четыре тысячи? Этого едва ли хватит на то, чтобы удержать целую провинцию. Сэссай утверждает, что главный враг на пути к столице – клан Ода, и вы мне только и твердите о его опасности. Каким образом три-четыре тысячи воинов могут противостоять моей армии? Не составит труда раздавить их единственным ударом.

Сэссай ничего не ответил, промолчали и остальные. Все поняли, что Ёсимото остался при своем мнении. Замысел готовился в течение нескольких лет, и целью военных приготовлений клана Имагава был поход на столицу и захват власти над всей Японией. Время настало, и Ёсимото горел желанием осуществить задуманное.

На нескольких предыдущих советах, на которых говорили о наступательных действиях, конечная цель отчетливо не упоминалась. Умолчание означало, что в узком кругу лиц, имеющих влияние и власть, кто-то считал преждевременным поход в столицу. Этим человеком был Сэссай. Не ограничиваясь разговорами о несвоевременности выступления, он вмешивался в вопросы управления провинцией. Он открыто не осуждал намерения Ёсимото объединить всю страну под своей властью, но и не высказывался в поддержку этого плана.

– Имагава сейчас – самый процветающий и могущественный клан, – однажды сказал монах Ёсимото. – Если когда-нибудь род сёгунов Асикага пресечется, новым сёгуном станет человек из клана Имагава. Тебе, Ёсимото, следует с сегодняшнего дня готовить себя к великому призванию.

Именно Сэссай научил Ёсимото мыслить масштабно: не сидеть в своем замке, а стать правителем провинции, потом – правителем десяти провинций и в конечном итоге – правителем всей страны.

Самураи растили сыновей, внушая им мысль о великой миссии клана. Все видели в этом единственную надежду на спасение. Войско Ёсимото крепло с той поры, как Сэссай вошел в военный совет. Шаг за шагом Ёсимото поднимался по лестнице, ведущей к верховной власти. Сейчас Сэссай переживал противоречие между двумя ролями – наставника в великих делах и советника в конкретных обстоятельствах, – и намерение Ёсимото объединить всю страну под своим началом тревожило его.

«Он не из тех, кто способен с этим справиться, – думал Сэссай. Наблюдая, как с годами Ёсимото становится самоувереннее, Сэссай все недоверчивее и осторожнее относился к нему. –

Ёсимото достиг уже своей вершины. Он не способен на большее. Необходимо отговорить его от завоевательного похода». Сэссай не надеялся, что Ёсимото, возгордившийся неизменными успехами, откажется от заветной мечты. Наставления и возражения Сэссая князь мгновенно отвергал, воспринимая как проявление старческой немощи. Ёсимото не сомневался, что страна готова упасть к его ногам.

«Следует немедленно положить конец глупым фантазиям Ёсимото», – решил Сэссай. Он разочаровался в своем питомце. На военных советах он едва сдерживался, чтобы не выразить негодования.

– Какое же сопротивление ожидает меня, когда я выступлю на Киото с объединенными силами Суруги, Тотоми и Микавы? – переспросил Ёсимото.

Он рассчитывал на легкий поход без кровопролития, исходя из бедственного положения провинций, которые лежали на пути в столицу, и уповая на успех в сложной политической игре с их правителями. Если и быть сражению, то первое произойдет со слабыми войсками провинций Мино и Оми. Главное же сражение предстоит, вероятно, в Овари с кланом Ода. Ода не внушали опасений, но их клан нельзя склонить на свою сторону или подкупить.

Ода, скорее всего, окажутся врагами, и даже серьезными. Клан Ода и Имагава уже сорок лет враждуют друг с другом. Стоило одной стороне взять вражескую крепость, как вторая тут же овладевала крепостью соперника. Один клан сжигал дотла город, второй в ответ предавал огню десять деревень. Со времен Нобухидэ, отца Нобунаги, и деда Ёсимото враждующим кланам суждено было хоронить своих мертвецов в приграничной полосе.

Когда слухи о намерениях Имагавы достигли Киёсу, в замке начали срочные приготовления к тяжелой обороне. Ёсимото отвел клану Ода роль показательной жертвы для всеобщего устрашения, и он продолжал подготовку к молниеносному и сокрушительному разгрому давних соперников.

Сегодня состоялся последний военный совет. Сэссай, Иэясу и оруженосцы покинули Дворец. Стояла глубокая ночь, и во всем Сумпу не горело ни огонька.

– Остается лишь уповать на богов и Будду, чтобы они ниспослали князю удачу, – обреченно пробормотал Сэссай. – Холодно, – пожаловался монах, хотя ночь была теплой.

Позже люди говорили, что здоровье старого монаха резко ухудшилось после того ночного совета. Вскоре он оставил этот мир. Сэссай тихо умер в одиночестве, глубокой осенью. Смерть его осталась незамеченной.

В середине зимы стычки на границе поутихли. В эту пору, как правило, серьезные боевые действия не ведутся. Время летит быстро, и на полях уже высоко поднялся озимый ячмень. Облетел вишневый цвет, и запах свежей листвы напоил воздух.

В начале лета Ёсимото отдал приказ своему войску выступить в поход на столицу. Люди застывали в изумлении при виде многочисленной и великолепно оснащенной армии Имагавы. Жители маленьких и слабых провинций затрепетали от страха. Приказ был кратким: «Препятствующие продвижению войска подлежат уничтожению. Содействующие продвижению войска будут вознаграждены».

Удзидзанэ, наследник Ёсимото, после праздника мальчиков был назначен правителем Сумпу, и на двенадцатый день пятого месяца главная армия под радостные крики толпы выступила из города. Великолепные воины, блеском снаряжения затмевавшие солнечный свет, двинулись на столицу. Штандарты, знамена, флаги, оружие, доспехи выглядели живописно. Войско насчитывало около двадцати шести тысяч человек, но Ёсимото распустил слухи о том, что в строю у него сорок тысяч воинов.

Передовые войска Имагавы пятнадцатого числа взяли пограничный город Тирю, через два

дня вошли в Наруми, обратив в пепелище большинство деревень в этой части Овари. Погода стояла ясная и теплая. Посевы ячменя и цветы на лугах были вытоптаны. В синее небо вздымались столбы черного дыма. Со стороны Оды не раздалось ни единого выстрела. Крестьянам заранее велели перебраться во внутренние районы провинции, захватив с собой все имущество.

– Похоже, и крепость Киёсу окажется пустой!

Пешим воинам Имагавы – и рядовым, и командирам – нелегко было идти с тяжелым вооружением по брошенной равнине под жарким солнцем.

В этот вечер вокруг зажженных фонарей крепости Киёсу царила тишина. Их зажгли в ожидании яростной ночной бури. Горожане не получили распоряжений из крепости. Они не знали, спастись ли бегством или готовиться к осаде. К ним никто не обратился даже с простым словом ободрения. Купцы, как обычно, открыли лавки. Ремесленники занялись своим ремеслом, крестьяне вышли в поле, хотя движение по здешним дорогам прекратилось несколько дней назад.

Люди в городе чувствовали себя покинутыми, и вместо новостей поползли слухи.

– Говорят, что Имагава Ёсимото идет на запад с войском в сорок тысяч.

– Как князь Нобунага собирается защищать город?

– Это невозможно. Воинов у нас вдесятеро меньше.

С особым интересом жители наблюдали за военачальниками, проезжающими один за другим по городу. Одни вроде бы покидали крепость, отправляясь туда, где им предстояло держать оборону. Другие зачем-то въезжали в крепость.

– Верно, спорят, сдаться или принять бой, поставив под угрозу судьбу клана.

Простые люди, не зная планов своего князя, не ошибались. Действительно, жаркие споры продолжались в крепости несколько дней. Участники каждого совета делились на два лагеря.

Сторонники «безопасного решения вопроса», заявляя, что «судьба клана превыше всего», настаивали на сдаче на милость Имагавы. Князь Нобунага принял свое решение.

Он созвал военный совет только для того, чтобы объявить свою волю, а не для выслушивания пререканий сторонников отчаянной обороны и спасителей Овари любой ценой. Услышав приказ Нобунаги, многие из его подчиненных с облегчением разъехались по своим крепостям.

Киёсу после совета оставался тем же мирным городом, и количество воинов на его улицах не увеличилось. Нобунага, однако, нынешней ночью не раз поднимался из постели, чтобы выслушать донесения гонцов.

На следующий вечер, сразу после ужина, Нобунага прошел в главный зал на очередной военный совет. В нем участвовали военачальники, которые все еще оставались при нем. Сподвижники Нобунаги не спали, и их осунувшиеся лица были полны решимости. Вассалы, не приглашенные на совет, собрались в двух соседних с залом комнатах. Вассалы высокого ранга находились в непосредственной близости к главному залу. Люди вроде Токитиро пристроились на дальних подступах к залу. Третью ночь они сидели на своих местах в тревожном молчании. Глядя на горящие повсюду фонари, некоторые невольно вздыхали, думая, что сидят на похоронах.

Время от времени по анфиладе комнат проносился гулкой смех. Смеялся только Нобунага. Сидящие в дальних комнатах не знали причины веселого настроения князя, но смех повторялся, подбадривая всех.

Внезапно из коридора донеслись торопливые шаги очередного гонца. Сибата Кацуиэ, который должен был зачитать донесение князю, побелел как мел.

– Мой господин! – с трудом выговорил он.

– В чем дело?

– Поступило четвертое донесение из крепости Марунэ.

– И что же?

– Имагава, похоже, сегодня вечером выйдет к Куцукакэ.

– Вот как? – Нобунага отсутствующим взглядом блуждал по резным деревянным балкам.

Он, вероятно, и сам не знал, что делать. Люди, привыкшие во всем полагаться на него, растерялись. И Куцукакэ, и Марунэ принадлежали клану Ода. Если небольшие, но стратегически важные крепости не устоят, то ключи к долине Овари окажутся в руках у противника, который совершит быстрый бросок на крепость Киёсу.

– Каковы ваши планы? – Кацуиэ не выдержал затянувшегося молчания. – Нам доносили, что в войске Имагавы около сорока тысяч воинов, у нас не наберется и четырех тысяч. В крепости Марунэ семьсот человек. Стоит подступить к крепости одному передовому отряду под командованием Токугавы Иэясу, в котором две с половиной тысячи человек, Марунэ пойдет ко дну, как утлое суденышко в бурю.

– Кацуиэ, Кацуиэ!

– Нам не удержать до рассвета Марунэ и Васидзу.

– Кацуиэ, ты оглох? О чем ты рассуждаешь? Бессмысленно говорить о том, что всем очевидно.

– Но ведь... – Кацуиэ едва открыл рот, но тут раздался топот ног.

Прибыл очередной гонец. Запыхавшийся посланец заговорил с порога соседней комнаты:

– Срочные известия из крепостей Накадзима и Дзэнсэджи!

Донесения с боевых позиций, обреченных на поражение, звучали примерно одинаково. Воины Оды готовились героически умереть, защищая свои крепости. Донесения начинались словами: «Возможно, это последнее донесение, которое мы отправляем в крепость Киёсу...»

Донесения подтверждали полученные раньше сведения о продвижении войск Имагавы. В обеих крепостях ждали приступа на следующее утро.

– Прочти еще раз о расположении частей, – приказал Нобунага, облокотившись на подлокотник.

Кацуиэ зачитал указанный князем параграф донесения:

– «Враг вышел к крепости Марунэ отрядом в две с половиной тысячи воинов. К крепости Васидзу подошел отряд в две тысячи воинов. Через некоторое время подошло подкрепление в три тысячи воинов. По направлению к Киёсу идет отряд в шесть тысяч человек. Войско самого Имагавы насчитывает пять тысяч воинов».

Кацуиэ попутно заметил, что по долине рассеялись небольшие вражеские отряды, численность которых пока не установлена. Закончив чтение, Кацуиэ протянул свиток Нобунаге. В зале царил молчание.

Решение принято, воины Оды будут стоять насмерть. Обсуждать больше нечего. Сидеть в зале, ничего не предпринимая, было мучительной пыткой. Крепости Васидзу, Марунэ, Дзэнсэджи находились недалеко от Киёсу. Мысленному взору собравшихся в зале представилось сорокатысячное воинство Имагавы, заполняющее Овари, как морской прилив. В ушах даже звучал его рокот.

Какой-то старик, удрученный горем, заговорил из угла:

– Высочайшее решение принято, но не следует считать славную смерть в бою единственным призванием самурая. Пусть меня назовут трусом, но, по-моему, время для переговоров еще не упущено, следует подумать о спасении всего клана.

Говорил Хаяси Садо – человек, прослуживший клану дольше любого из присутствующих. Наряду с Хиратэ Накацукасой, который ужаснул и восхитил Нобунагу самоубийством, Садо был

одним из трех главных советников, назначенных умирающим Нобухидэ в опекуны сына. В живых остался один Садо. Слова Хаяси вызвали отклик в сердцах у людей. Все про себя молились о том, чтобы Нобунага прислушался к совету мудрого старца.

– Который час? – спросил Нобунага, резко сменив тему разговора.

– Час Крысы, – послышался ответ из соседней комнаты.

Значит, наступила ночь.

Хаяси простерся перед князем и заговорил, не поднимая седую голову:

– Князь, подумайте еще раз! Разумно вступить в переговоры. Умоляю! На рассвете наши войска будут смяты армией Имагавы, все крепости взяты. Нас ждет неминуемое и сокрушительное поражение. Не лучше ли начать переговоры, пока есть время, предотвратить тем самым гибель нашего клана...

Нобунага взглянул на старика:

– Хаяси!

– Слушаю, мой господин?

– Ты стар, и тебе утомительно находиться в этом зале без сна и отдыха. Спор закончен, а час поздний. Отправляйся спать!

– Князь, послушайте меня... – Хаяси заплакал от предчувствия, что он присутствует при последних минутах существования клана. Обида жгла сердце, ведь ему откровенно дали понять, что он теперь никчемный старик. – Если ваше решение непреклонно, я не произнесу ни слова.

– Вот и помолчи!

– Вы тверды в своих решениях, князь. Намерены выйти из крепости и вступить в открытый бой?

– Именно так.

– Наше войско мало. Один против десятерых, а в открытом бою на одного нашего воина придется тысяча. Только запершись в крепости, мы можем надеяться на относительный успех.

– Каким образом?

– Если мы продержимся хотя бы две недели или месяц, мы сможем послать гонцов в Мино или в Каи и просить подмоги. Можно придумать и что-нибудь другое, ведь под вашим началом немало умных людей, которые знают, как перехитрить врага.

Нобунага расхохотался. Эхо прокатилось по всем комнатам.

– Хаяси, эти хитрости хороши для обыкновенных случаев. По-твоему, ничего особенного не случилось?

– Вы правы, мой господин.

– Если нам удалось бы продлить остаток наших дней на неделю-другую, то обреченная крепость все равно падет. Не зря мудрость гласит о неисповедимости судьбы. Сейчас нам кажется, что мы на самом дне несчастья. Несчастье – вещь загадочная. Наш враг могуч, но, быть может, в эти мгновения высшей точки достигла не только моя судьба? Запереться в слабой крепости с надеждой на спасение жизни ценой позора? Люди рождаются, чтобы когда-нибудь умереть. Вручите свои жизни в мои руки, доверьтесь вашему князю! Все вместе мы выйдем в чистое поле и под синим небом примем свою погибель, как подобает истинным воинам. – Закончив эту речь, Нобунага заговорил обыденным тоном: – Все вот-вот заснут. – Он заставил себя улыбнуться. – Всем спать! Хаяси, и ты отдохни. Надеюсь, среди нас не найдется никого, кто не сомкнет глаз от страха. Смелые воины сейчас будут спать.

После таких слов не заснуть было бы позором. Нобунага, в отличие от подданных, не только удалялся на покой ночами, но и позволял себе вздремнуть днем.

Поняв, что его мольбы напрасны, Хаяси низко поклонился князю и всем вассалам и ушел.

Один за другим потянулись к выходу приближенные. Вскоре Нобунага остался один в

большом зале. И сейчас он выглядел спокойным. В углу он увидел двух спящих юных оруженосцев. Одному из них, Тохатиру, было всего тринадцать. Он был младшим братом Маэды Инутиё.

– Тохатиру! – окликнул его Нобунага.

– Слушаю, мой господин! – Тохатиру сел, протирая глаза.

– Крепко спишь.

– Простите меня!

– Я тебя не браню. Наоборот, это лучшая похвала. Я тоже собираюсь поспать. Дай мне что-нибудь под голову.

– Вы не пойдете в спальню?

– Нет. В эту пору рано светает, зато ночью хорошо спится. Подай вон ту лаковую коробку, она сойдет за изголовье.

Нобунага опустил на циновку и лежал, подложив под голову руку, в ожидании, когда Тохатиру подаст ему коробку. Нобунаге казалось, будто тело его плывет по волнам. На лаковой крышке коробки золотой краской были нарисованы сосна, бамбук и слива – символы удачи.

– Мне приснятся счастливые сны, – сказал Нобунага, подложив коробку под голову. Он закрыл глаза. Пока юный оруженосец гасил бесчисленные светильники в зале, вялая улыбка сошла с уст Нобунаги, как стаявший снег. Он глубоко заснул, похрапывая.

Тохатиру вышел к самураям, стоявшим на страже у входа в зал. Они пребывали в мрачном расположении духа, предвидя скорое поражение. Все в крепости уже смирились с неминуемой гибелью.

– Смерть не страшна, вопрос в том, как суждено умереть.

– Как бы князь не простудился, – сказала Саи, служанка Нобунаги, укрывая его одеялом.

Нобунага проспал еще два часа.

В лампах не осталось масла, догорающие огоньки слабо потрескивали.

– Саи! Саи! Есть здесь кто-нибудь? – закричал внезапно проснувшийся князь.

Князь с чернёными зубами

Кедровая перегородка-фусума бесшумно отодвинулась. Саи почтительно поклонилась Нобунаге:

- Проснулись, мой господин?
- Который час?
- Час Быка.
- Хорошо.
- Что прикажете?
- Принеси мои доспехи и вели седлать коня. Приготовь что-нибудь на завтрак.

Саи была исполнительницей и преданной служанкой, и Нобунага полагался на нее. Она понимала, что предстоит сегодня, но не выдавала своих чувств. Она разбудила оруженосца в соседней комнате, передала стражам приказ оседлать коня и занялась приготовлением завтрака для своего господина.

Нобунага взял в руки палочки для еды:

– С рассветом настанет девятнадцатый день пятого месяца.

– Да, мой господин.

– Никто в стране, верно, не завтракает сегодня так рано. Очень вкусно. Принеси мне еще. А еще что-нибудь есть?

– Морская капуста с орехами.

– Ты меня балуешь. – Нобунага доел одно блюдо и принялся за другое. – Настоящий пир!

Саи, подай мне ручной барабан.

Свой барабан Нобунага берег как зеницу ока и любовно называл Нарумигата. Он положил его на плечо и несколько раз ударил в него.

– Превосходный звук! Это потому, что еще так рано. Звучит чище обычного. Саи, сыграй-ка мне, а я станцую.

Саи послушно приняла барабан из рук Нобунаги. Мелодичный звук из-под маленьких женских пальчиков разнесся по крепости, словно призывая спящих: «Вставайте! Вставайте!»

Нобунага запел:

Человеку суждено

Жить под небом лишь полвека.

Он встал и двинулся в танце, подпевая в ритм:

Наш бранный мир – лишь сон,

Напрасный и обманный.

Нам жизнь дана всего лишь раз,

Весь мир подвластен смерти.

Он пел громко, словно наступили последние минуты его жизни.

По коридору стремительно промчался самурай. Он преклонил колени перед князем, и его доспехи звучно ударили о деревянный пол.

– Ваш конь оседлан. Мы ждем ваших распоряжений, мой господин.

Нобунага застыл на месте.

– Ты ведь Ивамуру Нагато? – спросил он, взглянув на самурая.

– Да, мой господин.

Ивамуру Нагато был в полных доспехах. Нобунага не спешил облачиться в доспехи. Он продолжал танцевать под маленький барабан. Нагато недоуменно поглядывал на князя. Юный оруженосец, верно, что-то перепутал. Нагато поспешно оделся и предполагал найти Нобунагу в полной готовности. Стоило Нобунаге крикнуть: «Коня!» – и он сам опережал всех во дворе.

– Войди, не стесняйся! – сказал Нобунага, сложив руки в очередной фигуре танца. – Ты счастливчик, Нагато. Ты единственный видишь мой танец прощания с жизнью. Достойное зрелище!

Нагато, осознав смысл происходящего, устыдился своих сомнений и почтительно застыл в углу зала.

– Это слишком великая честь для такого недостойного человека, как я. Позвольте и мне спеть последнюю песню.

– А ты умеешь? Прекрасно! Саи, играй!

Служанка стояла понуриив голову.

Человеку суждено

Жить под небом лишь полвека.

Наш бранный мир – лишь сон,

Напрасный и обманный.

Нам жизнь дана всего лишь раз,

Весь мир подвластен смерти.

Нагато пел, а перед его мысленным взором проносились долгие годы службы с той поры, когда Нобунага был еще юношей. Души певца и танцора слились воедино. В полумраке на бледном лице Саи заблестели слезы. Искусница Саи на этот раз играла на барабанах прекрасно.

Нобунага швырнул на пол веер, воскликнув:

– Вот она, смерть! – Облачившись в доспехи, он обратился к верной служанке: – Саи, как только услышишь, что меня убили, немедленно поджигай крепость!

Отложив в сторону барабан, она склонилась в поклоне.

– Слушаюсь, мой господин, – ответила она, не посмев взглянуть ему в глаза.

– Нагато! Труби выступление!

Нобунага бросил взгляд в глубину дома, где жили его любимые дочери, посмотрел на поминальные таблички с именами покойных предков.

– Прощайте! – произнес он с глубоким волнением. Надев шлем, Нобунага выбежал из дома.

Трубный голос раковины прозвучал в предрассветной тьме. Из-за туч проглядывали яркие звезды.

– Князь Нобунага выступает в военный поход!

Самураи поспешили за своим господином.

Работники кухни и те, кто был слишком стар для сражения в поле, оставались охранять крепость. Они выбежали к воротам, чтобы проводить войско. Сейчас было видно, что в крепости не более полусотни мужчин. Да и войско Нобунаги было невелико.

Коня, на котором в это утро ехал Нобунага, звали Цукинова. В темноте у ворот шуршали листья, которые гнал сильный ветер, мелькали огоньки фонарей. Нобунага вскочил в украшенное перламутром седло и помчался к главным воротам. Доспехи и большой меч позвякивали на скаку.

Оставшиеся в крепости пали перед князем. Нобунага коротко попрощался с теми, кто долгие годы служил ему. Он жалел старых воинов, своих дочерей. Всем предстояли сиротство и лишения. Нобунага невольно прослезился.

Слезы у Нобунаги просохли, потому что Цукинова уже нес его навстречу рассвету.

– Наш господин!

– Остановитесь!

– Подождите!

Шестеро всадников – Нобунага и оруженосцы, – по обыкновению, скакали впереди. Нобунага не оборачивался на крики приближенных, которые пытались не отстать от князя. Враг был на востоке, там же находились и те, к кому он спешил на выручку. Когда они доберутся до места, где им предстоит умереть, солнце высоко поднимется в небе. Нобунага в какой-то миг подумал, что смерть его ничего не изменит в мире. Он родился на этой земле, здесь же и уйдет из жизни.

– Князь! Нобунага! – внезапно окликнули Нобунагу на городском перекрестке.

– Ёсинари! – удивился он.

– Я, мой господин.

– И Кацуиэ?

– Слушаюсь, мой господин!

– Быстро вы домчались! – похвалил Нобунага и, привстав в стременах, спросил: – Сколько вас?

– Двести. Сто двадцать всадников под началом Мори Ёсинари и восемьдесят воинов Сибаты Кацуиэ. Мы дожидались вас здесь.

Среди лучников, которыми командовал Ёсинари, были и Матаэмон и Токитиро с отрядом из тридцати пеших воинов.

Нобунага сразу заметил его. «А вот и Обезьяна», – подумал он. Нобунага обозрел свое воинство. Две сотни воинов, исполненных решимости сразиться и умереть. «Отваги им не занимать», – подумал Нобунага, и глаза у него загорелись. Конечно, такой отряд против армии в сорок тысяч человек – все равно что пригоршня песку против ветра. Нобунага сомневался, что воины Ёсимото обладают подобным мужеством и отвагой. Боевой дух соратников укрепил его волю. Пусть им суждено погибнуть, но их смерть не будет напрасной. Добровольно пойдя на смерть, они останутся жить в людской памяти.

– Светает. Вперед! – скомандовал Нобунага.

Он поскакал по дороге Ацута на восток. Воины следовали за ним в утреннем тумане, поглотившем придорожные дома. Воины катились валом, не соблюдая строя. По обычаю, когда князь отправляется на войну, все его подданные высыпают на улицу, провожая войско бодрыми криками. Войско идет под развернутыми знаменами. Военачальник едет во главе, блистая могуществом. Воины шагают под непрерывный барабанный бой. Нобунага был равнодушен к показному великолепию. Его отряд передвигался с такой быстротой, что невозможно было соблюсти строй.

Им предстояло сразиться насмерть. Нобунага скакал впереди, уверенный и решительный. Никто не отставал, не прятался под покровом тумана. По пути к отряду присоединялись новые воины. Сигнал к выступлению прозвучал внезапно, поэтому многие, не успев к построению, нагоняли отряд на улицах города.

Шум разбудил и тех, кто спокойно спал в этот ранний час. Заспанные крестьяне, торговцы и ремесленники отпирали ворота и кричали:

– Война! Война!

Они догадывались, что всадником, скачущим впереди, был их князь Нобунага.

– Нагато! Нагато!

Нобунага повернулся к Нагато, но того не оказалось рядом. Он скакал, отстав на пятьдесят кэнов, в толпе воинов. Вслед за князем мчались бок о бок Кацуиэ и Ёсинари. У въезда в Ацуту к ним присоединилась еще одна группа воинов.

– Кацуиэ! – прокричал на скаку Нобунага. – Мы приближаемся к воротам храма! Надо остановить все войско. Я хочу помолиться напоследок.

У храмовых ворот он спешил. Верховный жрец и его свита поспешили навстречу князю.

– Благодарю за встречу. Я приехал вознести молитву перед сражением.

На подступах к храму, между двумя рядами деревьев, висел туман. Верховный жрец подошел к священному ручью для совершения обряда очищения. Нобунага омыл руки из черпака и сполоснул рот. Затем зачерпнул воду ладонью и выпил одним глотком.

– Доброе предзнаменование! – громко, чтобы его услышали воины, произнес Нобунага, глядя в небо.

Туман рассеялся. Ветви старого дерева атели в лучах восходящего солнца. Над головами воинов летела стая птиц.

– Священные вороны!

Верховный жрец, облачившись в воинские доспехи, прошел в алтарь. Нобунага сел на циновку. Жрец принес кувшинчик сакэ на маленьком деревянном подносе и налил его в чашечку из неглазурованной глины. Нобунага, выпив ритуальное сакэ, хлопнул в ладоши и начал молиться. Воины, низко склонив головы и закрыв глаза, тоже молились, чтобы их души превратились в зеркала, отражающие лики богов.

Когда Нобунага вышел из храма, его ждала добрая тысяча воинов. Он сел на коня у южных ворот. Нобунага примчался сюда галопом, но из храма выезжал медленно, плавно раскачиваясь в седле. Он сидел на коне в непривычной для мужчины позе, свесив обе ноги на одну сторону, – так ездят наездницы в юбках в специально придуманном для них женском седле.

Наступило утро, все жители Ацуты стояли у своих домов и на перекрестках, наблюдая за тем, как армия отправляется на сражение.

Увидев во главе войска Нобунагу, они изумленно перешептывались.

– Значит, и вправду едут на бой!

– Не может быть!

– С его-то войском против Имагавы!

Нобунага добрался от Киёсу до Ацуты одним броском, поэтому, устав от галопа, ехал сидя «по-женски» в седле, что-то напевая себе под нос.

Выйдя на развилку дорог за городом, войско внезапно остановилось. Черный дым двумя столбами вздымался в небо с той стороны, где находились крепости Марунэ и Васидзу. Нобунага помрачнел. Обе крепости, вероятно, пали. Он глубоко вздохнул, а затем обратился к воинам:

– Мы не поедем по прибрежной дороге. Сейчас время прилива, поэтому пробраться там будет трудно. Двинемся по горной дороге к крепости Тангэ. Приведи всех старост Ацуты, – приказал Нобунага одному из самураев.

На поиски старост отправили воинов. Вскоре двоих привели к Нобунаге. Он обратился к ним громко, чтобы слышали люди, стоявшие вдоль дороги:

– Вам часто доводилось видеть меня, так что я для вас не в диковинку. Сегодня обещаю показать вам нечто необычайное: голову с вычерненными лаком зубами, голову князя Суруги. Это зрелище доступно только тем, кто рожден в моей провинции Овари. Поднимитесь на холмы и следите за ходом сражения!

Обойдите весь город и прикажите людям поднять над головами праздничные флажки, как

боевые знамена. Украсьте алыми и белыми лентами ветки каждого дерева, особенно на холмах, запустите в небо побольше воздушных змеев. Пусть враг думает, что нас много. Понятно?

Отъехав от Ацуты на половину ри, Нобунага обернулся и увидел над городом множество знамен и воздушных змеев. Казалось, что в город вошла большая армия из Киёсу.

Стояла жара, необычная для начала лета. Старики потом рассказывали, что такой погоды они не помнили на своем веку. Солнце стояло высоко, копыта лошадей топтали землю, десять дней не получавшую ни капли дождя. Войско Нобунаги продвигалось вперед в клубах пыли.

«Жизнь или смерть!» – сжав поводья, Нобунага мчался вперед. Воинам он мог сейчас казаться ослепительным Всадником Смерти или Вестником Надежды на спасение. Вера в князя была настолько сильна в войске, не ведающем исхода сражения, что все следовали за предводителем без ропота и колебаний.

«Шаг за шагом на смерть», – беспрестанно повторял про себя Токитиро. Захотелось бы ему сейчас сбежать, он не смог бы этого сделать: воины двигались мощной волной, поэтому на мгновение сбившегося с шага человека затоптали бы. Должность его невелика, но он все же командовал тридцатью пешими воинами и не мог уклониться от общей участи, пусть самой трагической.

«На смерть! На смерть!» – твердил Токитиро.

Скудного жалованья пеших воинов хватало лишь на то, чтобы их семьи не умерли от голода. Отчаянное урчание их постоянно несытых желудков отдавалось и в животе у Токитиро. Неужели люди готовы пожертвовать жизнью? Токитиро вдруг осенило, что он служит безумцу. Он безраздельно верил Нобунаге, когда поступил к нему на службу. И вот, кто казался ему мудрым и могущественным, посылает своих воинов и Токитиро на верную смерть. Токитиро вспомнил все, что мечтал совершить в жизни, взгрустнул о матери, дожидаящейся его в Накамуре.

Предаваться грусти было некогда. Поступь тысячи ног, лязг и ослепительный блеск боевых доспехов внушали единственную мысль: «Умереть! Умереть!»

Потные лица воинов лоснились на солнце, покрываясь пылью. Беспечный нрав не изменил Токитиро в отчаянном положении, но думал он, как и все в этот час, что надо стоять и биться насмерть.

Воины шли, чтобы безропотно проститься с жизнью. Спускаясь с одного холма и взбираясь на другой, они приближались к тем местам, откуда в небо восходил черный дым.

На вершине очередного холма передовой отряд увидел раненого. Залитый кровью человек, еле передвигающий ноги, бормотал что-то невнятное.

Это был Дайгаку, вассал Сакумы, бежавший из Марунэ. Его привели к Нобунаге, и страдающий от тяжелых ран беглец рассказал следующее:

– Князь Сакума героически пал в огне пожара, князь Иио погиб самоотверженно, сражаясь в Васидзу. Мне стыдно, что я единственный остался в живых. Я бежал из крепости по приказу князя Сакумы, чтобы сообщить вам о случившемся. Далеко от захваченной крепости я слышал победные кличи врагов. Марунэ и Васидзу теперь в руках Имагавы.

Выслушав доклад Дайгаку, Нобунага призвал к себе Тохати́ро. Маэда Тохати́ро, совсем мальчишка, затерялся в гуще воинов. Услышав зов князя, он немедленно предстал перед Нобунагой, готовый выполнить любой приказ.

– Слушаю, мой господин!

– Тохати́ро, подай мне четки.

Тохати́ро берег княжеские четки как зеницу ока. Завернув их в тряпицу, он спрятал их у себя на груди, под доспехами. Он быстро достал сверток и, развернув его, подал Нобунаге. Князь надел четки на грудь. Они были из крупных серебристых жемчужин, которые казались

еще великолепно на фоне светло-зеленого кимоно.

– Какое горе! И Сакума, и Иио отошли в мир иной. Жаль, что они не дожили до часа моей победы. – Нобунага выпрямился в седле и молитвенно сложил руки.

Черный дым над Васидзу и Марунэ походил на погребальный костер. Воины молча смотрели кто на дым, кто на Нобунагу. Князь устремил взгляд вдаль. Помолчав немного, он резко повернулся лицом к воинам и закричал чуть не в исступлении:

– Сегодня девятнадцатый день пятого месяца. Этот день войдет в историю как дата моей смерти. И вашей тоже. Я скудно платил вам, и вы погибнете, так и не познав удачу. Таков удел всех, кто служит мне. Воины, которые вместе со мной сделают еще один шаг вперед, неминуемо погибнут. Я отпускаю всех, кому дорога жизнь. Отпускаю без упрека и гнева.

– Нет! Мы умрем вместе с нашим господином! – грянул в ответ дружный хор, в котором слились голоса командиров и рядовых воинов.

– И вам не жаль умирать за такого глупца?

– Мы с тобой до конца! – ответил за всех один из командиров.

– Тогда вперед! Имагава ждет нас! – хлестнул коня Нобунага.

Он первым рванулся вперед, но облако пыли мгновенно поглотило его. В смутности очертаний всадника и его коня людям чудилось нечто божественное.

Дорога шла вниз по склону и далее по низине. На границе провинции местность вновь стала холмистой.

– Тангэ! Крепость Тангэ! – перекликались, едва отдышавшись, воины.

Крепости Марунэ и Васидзу уже пали, поэтому всех страшила участь Тангэ. Теперь в глазах воинов вспыхнул радостный свет. Крепость Тангэ была неразрушенной, а ее защитники живы.

Нобунага подъехал к крепости и произнес, обращаясь к ее коменданту:

– Оборона маленькой крепости бессмысленна, поэтому сдадим ее без боя врагу. Поищем удачи в другом месте.

Гарнизон Тангэ влился в общее войско, и без привала оно поспешило к крепости Дзэнсэджи. Узнав о приближении Нобунаги, люди в Дзэнсэджи подняли громкий крик, но не ликующий, а напоминающий жалобный стон.

– Он подходит!

– Князь с войском!

Нобунага был правителем их провинции, но не все знали, какой из него выйдет военачальник. Никто и подумать не смел, что сам Нобунага внезапно прибудет в их заброшенную, удаленную от остальных крепость, защитники которой уже смирились с неминуемой гибелью. Сейчас, воспрянув духом, они готовы были умереть, но умереть, сражаясь под знаменами клана. В то же время из Хосидзаки подоспел заранее посланный туда Сасса Наримаса, а с ним триста всадников.

Нобунага приказал воинам рассчитаться по порядку. Сегодня утром, когда он выезжал из Киэсу, его сопровождали семеро спутников. Сейчас воинов стало почти три тысячи. Для поднятия боевого духа войску было торжественно объявлено, что собралось пять тысяч бойцов. Нобунага понимал, что это вся сила, которую можно собрать на подвластных ему землях, составляющих половину территории Овари.

Улыбка заиграла на устах у князя. Сорок тысяч воинов Имагавы находились на расстоянии слышимости крика. Воины Оды, спрятав боевые знамена, наблюдали за неприятелем с вершины холма.

Лучники Асано Матаэмона расположились на северном склоне холма, в стороне от основных сил. Привычным для них оружием были луки, но сегодня предстояла рукопашная,

поэтому в руках у воинов были и копья. Здесь же находились тридцать пеших воинов, которыми командовал Токитиро. Раздался приказ о коротком привале.

Воины повалились в густую траву.

Токитиро вытер вспотевшее лицо грязным полотенцем:

– Эй, кто-нибудь! Подержите мое копье!

Один из его воинов поднялся с земли и взял копье Токитиро. Токитиро пошел куда-то, за ним зашагал и его невольный оруженосец.

– А тебе идти не обязательно.

– Куда вы, мой господин?

– Туда, где помощь не понадобится. Я собираюсь облегчиться, и вряд ли тебе понравится запах. – Засмеявшись, Токитиро свернул в сторону с узкой тропинки. Решив, что командир пошутил, воин некоторое время потоптался на тропе, озабоченно глядя в том направлении, куда ушел Токитиро.

Токитиро спустился на несколько шагов по южному склону, подыскивая местечко поукромней. Наконец он нашел его, развязал пояс и присел. На рассвете войско выступило в такой спешке, что Токитиро едва успел надеть доспехи, не то что облегчиться. На протяжении всего марша из Киёсу в Ацуту и Тангэ воинам давали лишь минутные передышки, и Токитиро думал только о том, как бы справиться нужду. Теперь он с наслаждением присел в тени под безоблачным небом.

По закону военного времени даже здесь нельзя зевать. Вражеские лазутчики проникали в глубокий тыл противника. Застав неприятеля за этим безобидным занятием, подстреливали его из лука, чаще всего для потехи. Токитиро, глядя в синее небо, не благодумствовал. Река у подножия горы изгибалась, неся воды к полуострову Тита, к морю. Видел он и единственную в здешних местах дорогу, которая белой змейкой вилась по восточному берегу реки.

Васидзу, крепость в горах к северу от дороги, должно быть, сгорела дотла. На полях и в деревнях он видел множество людей, пеших и конных, которые отсюда казались муравьями.

Токитиро служил в войске маленькой провинции, поэтому выражение «несметное множество» пришло ему в голову, когда он увидел, как велико вражеское воинство. Подумав о том, что отсюда видна лишь часть армии Имагавы, Токитиро понял, почему князь Нобунага готовился сегодня умереть.

«Люди – странные существа. Доживу ли я до рассвета?» – думал Токитиро. Он услышал чьи-то шаги в зарослях внизу.

Враг? Токитиро подждал вражеского лазутчика, который, верно, пробивался в расположение войска Нобунаги. Токитиро распрямылся, завязал пояс, и внезапно взгляд его встретился с глазами человека, поднимавшегося по тропинке.

– Токитиро!

– Инутиё!

– Как ты здесь оказался?

– А ты?

– Узнав, что Нобунага готовится принять смерть, я поспешил, чтобы умереть вместе с ним.

– Хорошо, что ты пришел! – У Токитиро застрял комок в горле.

Он протянул руки старому другу. Они без слов поняли друг друга. Инутиё был в прекрасных доспехах. На спине Инутиё был герб в виде цветка сливы.

– Великолепно выглядишь!

Токитиро невольно залюбовался другом и неожиданно для себя вспомнил о Нэнэ, оставшейся дома, в Киёсу.

– А где ты был до сих пор?

– Ждал подходящего часа.

– Когда князь Нобунага изгнал тебя, ты не хотел поступить на службу в другой клан?

– Я могу быть верным лишь одному человеку. Я быстро понял, что изгнание прибавит мне опыта. Я благодарен князю Нобунаге за мудрый урок.

Слезы навернулись на глаза Токитиро. Инутиё понимал, что сегодняшнее сражение закончится героической гибелью всего клана Ода, и Токитиро гордился тем, что его друг не оставил бывшего господина в минуту смертельной опасности.

– Сейчас, первый раз за весь день, князь Нобунага позволил себе короткий отдых. Самое подходящее время. Пошли!

– Не спеши, Токитиро. Я не хочу попадаться на глаза князю.

– Почему?

– Я не хочу вымаливать прощения, тем более что сейчас он, наверное, готов простить каждого. И не хочу, чтобы другие именно так расценили мое появление.

– О чем ты? Мы все сегодня погибнем! Ведь и ты пришел сюда, чтобы умереть под знаменами нашего господина?

– Конечно.

– Тогда не о чем беспокоиться. Оставим сплетни тем, кто останется в живых.

– Нет, я предпочту погибнуть незаметно от князя. Простит меня князь или нет, это не имеет значения. Послушай, Токитиро!

– Да?

– Разрешешь мне тайком присоединиться к твоему отряду?

– Пожалуйста, но у меня всего тридцать пеших воинов, так что в твоих роскошных доспехах в нем не спрятаться.

– А так?

Инутиё прикрыл блестящий шлем чем-то вроде конской попоны и отправился в отряд Токитиро. Встав на цыпочки, он мог разглядеть самого Нобунагу. Голос князя, подхваченный ветром, был слышен каждому воину.

Одиноким всадник, подобно низко летящей птице, мчался по направлению к Нобунаге с той стороны, откуда никто не должен был появиться. Нобунага, первым увидев его, молча ждал. Всадник подъехал к князю.

– Какие новости?

– Основная часть армии Имагавы, войска под командованием Ёсимото и его помощников только что изменили маршрут и следуют на Окэахадзаму!

– Что? – Глаза Нобунаги заблестели. – Выходит, Ёсимото не заходил в Одаку?

Не успел князь пояснить свою мысль, как послышался крик:

– Смотрите! Еще один!

Прискакал второй всадник, потом еще два – возвращались лазутчики Нобунаги.

– Основные силы Имагавы направились на Окэахадзаму, но, не дойдя до нее, рассредоточились около Дэнгакухадзамы, к югу от Окэахадзамы. Они разбили лагерь. Шатер князя Ёсимото поставили в центре лагеря.

Нобунага молчал, взор его был острым, как лезвие меча. Смерть! Он думал только о смерти, страстно, самозабвенно и отчаянно. Он жаждал умереть, но умереть достойно, как подобает воину. С рассвета до полудня он бешено мчался навстречу смерти. Внезапно, как солнечный луч, пробившийся сквозь толщу облаков, в его мозгу вспыхнула мысль о том, что не все еще потеряно. У него появилась надежда на победу.

Если, конечно, судьба будет благосклонной к нему.

До этого мгновения Нобунага не верил в возможность победы, в то единственное, за что

должен сражаться истинный воин.

Мысль человека подобна пузырькам на воде, а жизнь его – краткий миг. Мысли и поступки человека до последнего вдоха зависят от случая, сама по себе мысль способна уничтожить человека.

В повседневной жизни у человека есть время для размышлений, но миг, предопределяющий судьбу, внезапен и краток. Куда свернуть в минуту опасности – направо или налево? Нобунага стоял сейчас на роковом распутье и бессознательно сделал правильный шаг.

Характер, подготовка Нобунаги, конечно, сыграли роль в критический момент и удержали его от ошибочных действий. Он крепко сжал губы, хотя горел от нетерпения высказать нечто важное.

К нему неожиданно обратился один из вассалов:

– Мой господин, сейчас самое время! Ёсимото, взяв Васидзу и Марунэ, считает, что выявил нашу слабость, и празднует победу. Он упивается торжеством и его боевой дух низок, как никогда. Настало наше время! Если мы внезапно атакуем его лагерь, победа будет за нами.

– Согласен! Мне нужна голова Ёсимото. Вперед на восток, к Дэнгакухадзаме! – произнес Нобунага.

Командиры, не уверенные в успехе стихийного наступления, пытались отговорить князя от поспешности, но он не захотел их слушать.

– Перестраховщики! Не ворчите, следуйте за мной! Попаду я в огонь, и вы окажетесь в нем. Попаду я в воду, и вам придется последовать за мной. Не нравится – наблюдайте со стороны.

Презрительно усмехнувшись, Нобунага решительно хлестнул коня и помчался впереди войска.

Полдень. В настороженно замерших горах не слышно даже птичьего посвиста. Ветер утих, и палящее солнце словно испепелило все живое. Листья прижались к ветвям или скрутились, как сухой табак.

– Эй!

Несколько воинов во главе с командиром побежали по травянистому склону.

– Осторожней развешивайте!

Одни расчищали землю граблями, другие цепляли за ветви деревьев широкие полотнища. Они огораживали большое пространство, в котором намеревался разместить свою ставку Ёсимото.

– Ну и жара!

– Местные говорят, что не помнят такого пекла.

– Пот глаза заливает, доспехи – как железо на наковальне у кузнеца.

– Снять бы их да немного освежиться. Да вот с минуты на минуту подойдет господа.

– Передохнем чуть-чуть.

На холме росло несколько деревьев, и воины устроились под одним из них, в живительной тени.

Гора Дэнгакухадзама на фоне горной цепи, окружавшей долину, казалась всего лишь маленьким холмиком. Время от времени росшие на нем деревья вздрагивали от свежего ветерка с вершины Тайсигадакэ.

Один из воинов мазал лекарством натертую ступню и, случайно взглянув вверх, присвистнул.

– Что там? – спросил его сидевший рядом воин.

– Сам посмотри.

– Куда?

– Тучи набегают, к вечеру дождь, пожалуй, соберется.

– Дождь сейчас был бы очень кстати, но для тех из нас, кто починаят дороги и таскает поклажу, ливень может оказаться похуже любой схватки с врагом.

Ветер трепал развешенные полотнища.

Подошел командир и, оглядев подчиненных, скомандовал:

– Пора заканчивать. Князь остановится на ночлег в крепости Одака. Он намеренно ввел врага в заблуждение, изобразив, что направляется в Одаку через Куцукакэ. Срезав дорогу через Окэахадзаму, он прибудет сегодня вечером. Надо опередить его и позаботиться о мостах и опасных участках дороги. Пошевеливайтесь!

Люди ушли, и горы погрузились в привычный покой, только цикады стрекотали в траве. Вскоре тишину нарушил конский топот. Не было ни барабанного боя, ни сигналов раковин. Отряд продвигался вперед, стараясь не шуметь. Усилия оказались тщетными – ни пыли, поднимаемой множеством лошадей, ни стука копыт не утаить. Цокот подков по камню и по утоптанной глинистой тропе загудел в воздухе, а холм Дэнгакухадзама и его окрестности усеяли всадники, пешие воины, знамена и шатры громадной армии Имагавы Ёсимото.

Ёсимото исходил потом. От спокойной жизни он к сорока годам безобразно располнел. Все видели, как мучителен для него этот поход. Его несуразно длинное и толстое туловище было облачено в алую парчовую накидку с белой нагрудной пластиной. Огромный шлем с пятью нашейными пластинами венчали восемь драконов. На поясе были большой меч по имени Мацукураго, которым род Имагава владел несколько поколений, и малый меч, сделанный руками искусного оружейника. Доспехи дополняли железные перчатки, наплечные латы и тяжелые сапоги. Снаряжение непомерным грузом давило на измученное жарой и усталостью тело князя.

Распаренный Ёсимото скакал под палящим солнцем, кожаные части его доспехов и черное перо на шлеме чуть ли не дымились от зноя. Наконец он добрался до Дэнгакухадзамы.

– Как называется это место? – спросил Ёсимото, усевшись в наспех воздвигнутом шатре.

Его окружали люди, заботившиеся о благополучии своего повелителя: оруженосцы, командиры, старшие советники, лекари.

– Мы находимся на холме Дэнгакухадзама, – ответил один из командиров. – До Окэахадзамы меньше одного ри.

Ёсимото кивнул и передал шлем оруженосцу. Слуги расстегнули на нем доспехи, и он с облегчением освободился от промокшей нижней одежды и переделся в белое кимоно. Дул ветерок. Ёсимото облегченно вздохнул.

Походный стул князя поставили на середине холма, подстелив леопардовую шкуру. Слуги распаковывали затейливую походную утварь, которую Ёсимото повсюду возил за собой.

– Что за грохот? – воскликнул Ёсимото, едва не захлебнувшись чаем.

Отдаленный звук походил на выстрел из сотни мушкетов.

Оруженосцы насторожились. Один из них, приподняв полог шатра, выглянул наружу и поразился зрелищу, представшему его взору. Огнедышащий солнечный диск, проглядывавший сквозь водоворот черных туч, завораживал игрой света и тени.

– Это гром. Вдалеке грохочет, – доложил оруженосец.

– Гром? – Ёсимото натянуто улыбнулся, хлопнув себя ладонью по колену.

Оруженосцы подметили, что князь чем-то недоволен, но не осмелились задавать вопросы. Сегодня утром, при выезде из крепости Куцукакэ, Ёсимото упал с лошади. Расспросы о самочувствии прогневали бы князя.

Послышался шум, и одновременно множество пеших и конных появилось у подножия холма, устремляясь туда, где можно было преградить выход из долины.

– Что это значит? – негодуяще спросил Ёсимото у одного из оруженосцев.

Не дожидаясь распоряжений князя, несколько вассалов выскочили из шатра. Шум не был отдаленным громом. Топот конских копыт и тяжелая поступь пеших воинов отчетливо слышались на вершине холма. Это был отряд сотен из двух воинов, нагнавший князя по пути из Наруми. Воины несли отрубленные головы защитников крепости.

Головы подданных Оды сложили к ногам Ёсимото.

– Вот что осталось от самураев Оды из Наруми! Полюбуемся! – Ёсимото сразу же повеселел. – Подайте мне стул!

Обмахиваясь веером, он внимательно осмотрел более семидесяти отрубленных голов. Когда унесли последнюю голову, Ёсимото воскликнул:

– Кровавая бойня! – и отвернулся, приказав закрыть полог шатра. Черные тучи бежали по полуденному небу. – Прекрасно. Ветер все свежее. Скоро полдень, верно?

– Нет, мой господин, уже настал час Лошади.

– Не зря я проголодался. Подать мне обед и накормить воинов!

Оруженосец вышел из шатра, чтобы передать распоряжение князя. В самом шатре забегали командиры, повара и слуги, но беспорядка не возникло. Из соседних храмов и деревень потянулись посланцы с дарами. Они приносили сакэ и кушанья, которыми славились эти края.

Ёсимото не допускал посторонних до себя, однако же распорядился:

– Передайте, что мы вознаградим их, когда вернемся из победоносного похода на столицу.

Посланцы ушли, и Ёсимото, удобно устроившись на леопардовой шкуре, велел подать сакэ. Командиры один за другим докладывали из-за полога о своих успехах, и каждый поздравлял князя с победой над Наруми, одержанной вслед за взятием крепостей Марунэ и Васидзу.

– Вам, должно быть, стыдно – слишком слабое сопротивление нам оказывают, – с улыбкой произнес Ёсимото, угощая самураев и оруженосцев сакэ.

– Хвала вашей стратегической мудрости. Но, как вы изволили заметить, если и дальше нам предстоит иметь дело со слабым врагом, то наши воины начнут роптать на то, что, мол, напрасно они мучились на учениях.

– Потерпите немного. Завтра вечером мы возьмем крепость Киёсу. Какими жалкими вояками ни оказались люди клана Ода, но мне кажется, за свою главную крепость они постараются постоять. Каждый из вас сможет проявить себя и получить заслуженную награду.

– Хорошо бы задержаться в Киёсу дня на три, чтобы отдохнуть и поразвлечься.

Солнце скрылось за тучами, но после обильных возлияний никто не заметил, что небо грозно нахмурилось. Порывом ветра приподняло полог шатра, пошел дождь, и загрохотал дальний гром. Ёсимото с приближенными весело беседовали, спорили, кто завтра первым ворвется в Киёсу, и злословили о Нобунаге.

Пока Ёсимото в шатре на холме потешался над своим незадачливым противником, Нобунага с трудом продвигался по диким склонам Тайсигадакэ. С каждой минутой он все ближе подходил к войску Ёсимото.

Тайсигадакэ – гора невысокая и пологая, но густо поросшая дубами, шелковицей и другими деревьями. Сюда обычно заходили только дровосеки. Для быстрого продвижения воины Нобунаги валили деревья, выравнивали почву. Они перебирались через валуны и переправлялись через ручьи.

Нобунага кричал воинам:

– Если лошадь подвернула ногу, бросай ее! Если знамя запуталось в ветвях, оставьте его там. Быстрее! Быстрее! Главное – поскорее овладеть лагерем Ёсимото и получить его голову. Лучше идти налегке. Стремительно врежемся во вражеские ряды! Не тратьте время на отрубание голов. Убил одного, сразу берись за следующего, пока самого не обезглавили. Не

нужно совершать подвигов. Удаль напоказ – сегодня не для нас! Бейтесь самозабвенно, и докажете истинную преданность клану Ода!

Воины внимали его словам, как раскатам дальнего грома перед бурей. Полуденное небо быстро темнело, словно его заливало огромное пятно туши. Ветер дул отовсюду – с неба, из ущелья, из зарослей, даже из-под корней деревьев. В воздухе сгустилась тьма.

– Мы близки к цели! Дэнгакухадзама за той горой, остался всего один переход. Готовы ли вы умереть? Отставший от войска навсегда покроет позором себя и своих потомков.

Войско Нобунаги по-прежнему шло беспорядочно. Часть воинов отстала, другая брела гурьбой. Голос князя объединял разрозненное войско.

Нобунага кричал все громче и одержимее, и его воины с трудом понимали смысл его слов. Впрочем, слова были лишними. Достаточно того, что Нобунага рядом, что он возглавляет их отчаянный бросок. Начался дождь, первые капли засверкали, как острия копий. Крупные капли больно били по лицам воинов. Порывы ветра срывали с деревьев листья, бросая их охапками в глаза воинов.

Удар грома едва не расколол гору. На мгновение небо и земля слились воедино. Дождь низвергался дымно-белесыми потоками, увлекаая водопады грязи и камней со склона на узкую тропу.

– Вот они! – воскликнул Токитиро, показывая на лагерь Имагавы своим пешим воинам.

Сквозь стену дождя промокшие шатры врага казались бесчисленными. Воины Токитиро разглядели, что передовые отряды Нобунаги почти у цели. Воины приготовили мечи, копья, алебарды.

Прокладывая дорогу через густой лес, взбираясь по травянистым склонам, воины подошли вплотную к лагерю Имагавы. В небе вспыхивали сине-зеленые молнии. Ливень и ветер погружали мир во мрак.

Токитиро во главе отряда карабкался вверх по склону. Люди соскальзывали вниз и падали, но старались не отставать. Они стремились не к победе, просто большая битва, как песчинку, увлекла за собой маленький отряд Токитиро.

В шатрах Ёсимото каждый раскат грома встречали взрывами хохота. Ветер усиливался, но шатры стояли крепко.

– Скоро, пожалуй, замерзнем, – смеялись воины, наполняя чашечки сакэ.

Вечером им предстоял бросок на Одаку и штурм крепости, поэтому люди не напивались.

Тем временем приготовили обед и в шатер Ёсимото принесли котлы с рисом и миски с супом. Капли дождя закапали на котлы, циновки, доспехи.

Не надеясь на улучшение погоды, воины начали искать места посуше. Шатер Ёсимото установили так, что в центре его оказалось огромное дерево толщиной в три обхвата. Князю, сидевшему под деревом, ливень был не страшен. Приближенные поспешили к дереву со своими циновками и мисками.

Ветви могучего дерева трещали под ветром, желтые и зеленые листья слетали с него, налипая на доспехи. Дым чахнувших под дождем костров, разложенных поварами, стелился по земле и заползал в шатер, слепя глаза Ёсимото и его военачальникам и вызывая у них удушье.

– Ничего не поделаешь. Надо развесить дополнительные навесы, чтобы дождь не докучал нам, – приказал воинам один из командиров, но его никто не услышал.

Стена дождя, вой ветра и скрип деревьев поглотили его голос. Слышался только треск дров, переходящий в шипение, – повара упорно жгли костры, чадящие белым дымом.

– Позовите командующего над пешими воинами!

Один из командиров выбежал наружу, и в шатер ворвался странный шум. Казалось, это стенала сама земля. Смятение прокралось в душу Ёсимото, заставив его забыть о буре.

– Что это? – спросил он, прислушиваясь к звукам, похожим на глухой лязг оружия. – Измена? Или наши воины бьются друг с другом?

Не понимая, что происходит, приближенные Ёсимото встали вокруг князя.

– Что случилось? – кричали они.

Воины Оды как приливная волна захлестнули вражеский лагерь, сражаясь совсем рядом с шатром Ёсимото.

– Враг?!

– Ода!

Звенели копыта, в панике кричали захваченные врасплох воины. Ёсимото, стоявший под могучим деревом в центре шатра, словно утратил дар речи. Он закусил губу вычерненными зубами, не веря тому, что видел собственными глазами. Вассалы, обступившие его, растерянно переминались с ноги на ногу.

– Мятеж в войске?

Призывы о помощи неслись со всех сторон, но военачальники все еще не верили в то, что их лагерь атаковали враги. Воины клана Ода мелькали здесь и там, боевые кличи на наречии Овари резали слух вассалам Ёсимото. Несколько воинов Оды бросились к Ёсимото.

– Князь Суруги!

Только теперь, увидев воинов Оды, которые как одержимые кричат, мчатся по грязи и рвутся к ним с мечами и алебардами, люди в шатре Имагавы наконец осознали, что происходит в их лагере.

– Ода!

– Внезапное нападение!

Ночная атака вызвала бы меньший переполох. Ёсимото недооценил Нобунагу. Был обеденный час, бушевала непогода, что позволило неприятелю незаметно ворваться в лагерь. Повинными в случившемся были воины Ёсимото с передовой заставы, которую выставили на расстоянии в один ри от холма.

Нобунага тщательно избегал столкновений с передовыми заставами Ёсимото. Пройдя по склонам Тайсигадакэ и выйдя к Дэнгакухадзаме, Нобунага первым бросился в бой с копьем против воинов Ёсимото. Те даже не успели сообразить, кто был их противник. Тяжело ранив на скаку нескольких воинов, Нобунага мчался к шатру Ёсимото.

– Вон тот шатер! – закричал Нобунага, увидев, что его воины направляются в другую сторону. – Не дайте князю Суруги сбежать!

Окинув беглым взглядом вражеский лагерь, Нобунага безошибочно определил шатер Ёсимото.

– Мой господин!

В суматохе сражения Нобунага едва не раздавил одного из своих воинов, опустившегося перед ним на колени с окровавленным копьем в руке.

– Кто ты?

– Маэда Инутиё, мой господин!

– Инутиё! Ну так в бой! За торжество нашего клана!

Дождь хлестал по раскисшей земле, дико завывал ветер. Сломанные ветви деревьев с треском падали наземь. А с кроны дерева, под которым стоял Ёсимото, ему на шлем текли струи воды.

– Сюда, сюда, господин! – Несколько приближенных Ёсимото, взяв его в живое кольцо, повели князя в другой шатер, надеясь спасти его.

– Где князь Суруги?

Стоило Ёсимото покинуть шатер, как в то же мгновение в него ворвался один из воинов

Нобунаги. Он наставил копьё на одного из оставшихся там воинов.

– Иди-ка сюда! Сейчас я тебе покажу! – закричал тот, отражая своим копьём удар.

– Я Маэда Инутиё, вассал князя Нобунаги! – назвал свое имя тяжело дышавший воин.

Назвал имя и титул и противник. Он первым нанес удар, но Инутиё успел отпрыгнуть, и копьё пронзило пустоту.

Инутиё, не теряя времени, ударил противника по голове тяжелым древком длинного копьё. Шлем издал звук, похожий на удар гонга. Оглушенный самурай упал и на четвереньках выполз из шатра. В это мгновение еще двое воинов Ёсимото выкрикнули свои имена. Инутиё принял боевую стойку, и кто-то обрушился на него сзади. Инутиё поскользнулся и упал на лежащее на земле мертвое тело.

– Киносита Токитиро!

Где-то неподалеку, вступая в поединок, выкрикнул свое имя его давний друг. Инутиё усмехнулся. Ветер и дождь хлестали его по щекам, грязь залепила глаза. Повсюду лилась кровь. Упав, Инутиё подумал, что сейчас нет ни друзей, ни врагов. Трупы валялись на трупы, а дождь плясал на спинах мертвецов. Пробиваясь сквозь нагромождение трупов, он увидел, что и сандалии его залиты кровью. Где же князь с черными зубами? Инутиё пришел сюда за его головой.

Завывал ветер, шумел дождь.

Не один Инутиё устремился на поиски Ёсимото. Кувабара Дзиннай, ронин из Каи, потрясая окровавленным копьём, рыскал вокруг камфарного дерева, крича нечеловеческим голосом:

– Я пришел за головой князя Суруги! Где великий Ёсимото?

Ветер распахнул полог шатра, и в блеске молнии Дзиннай разглядел человека в алой накидке поверх доспехов и в шлеме, украшенном восемью драконами.

Властный голос, отдающий приказы вассалам, мог принадлежать Ёсимото.

– Не беспокойтесь обо мне! Мне не нужно столько защитников! Сражайтесь с врагом, который пришел сюда, чтобы отдать вам свою голову! Убейте Нобунагу! Не тратьте время на мою защиту!

Ёсимото прежде всего командовал всей армией и лучше всех понимал суть происходящего. Он гневался на своих беспомощных командиров и растерявшихся воинов, мечущихся вокруг него с бессмысленными возгласами.

Преследуемые неприятелем, несколько воинов Ёсимото бежали по скользкой земле. Дзиннай вышел из своего укрытия и острием копьё приподнял мокрый полог шатра.

Ёсимото там уже не было. Котлы с рисом опрокинулись, белые крупинки плавали в воде и крови.

Дзиннай заметил, что Ёсимото бежал в сопровождении небольшой группы вассалов, поэтому он пустился вдогонку, заглядывая в каждый шатер. Большинство пологов было сорвано, и они валялись на земле, истоптанные и окровавленные.

Ёсимото решил спастись бегством, и, разумеется, не пешком. Значит, он торопится туда, где привязаны лошади. В огромном лагере в пылу сражения непросто определить, где противник держит коней. Испуганные проливным дождем, лязгом мечей, потоками крови, животные, сорвавшись с привязи, мчались по лагерю.

Дзиннай, опершись о копьё, раскрыл рот, подставив его освежающим дождевым струям. И вдруг на глазах у Дзиннай воин, не распознавший в нем врага, принялся ловить переполошенного коня.

Красная сбруя и седло, инкрустированное перламутром. Красно-белые поводья, украшенные серебром. Конь явно принадлежал князю.

Дзиннай видел, как коня повели к высокой сосне, под которой был шатер, почти

разметанный бурей.

Подкравшись, Дзиннай поднял завесу. Перед ним стоял Ёсимото. Ему только что доложили, что конь подан.

– Князь Суруги! Меня зовут Кувабара Дзиннай. Я сражаюсь за клан Ода и пришел за твоей головой. Приготовься умереть!

С этими словами Дзиннай ударил копьем в спину Ёсимото. Железо лязгнуло по латам, но в мгновение ока Ёсимото обернулся и ударом меча разрубил древко. Дзиннай с криком отпрянул, держа в руках обрубок копья.

Дзиннай, отшвырнув его, закричал:

– Трус! Ты посмел стоять спиной к противнику, который уже назвал тебе свое имя!

Выхватив меч, Дзиннай рванулся в сторону Ёсимото, но один из вассалов схватил его сзади. Дзиннай легко стряхнул противника, но тут же подвергся нападению сбоку. Он попытался увернуться, но поверженный наземь противник ухватил его за ногу. Напавший сбоку вассал рассек тело Дзинная чуть ли не пополам.

– Мой господин! Прошу вас, немедленно уезжайте! Наши люди в смятении и не смогут отразить атаку. Отступление неизбежно, но оно будет временным, – говорил воин с окровавленным лицом.

– Пожалуйста! Медлить нельзя! – умолял второй воин, с трудом поднимаясь из грязи.

И внезапно раздался голос:

– Я пришел взглянуть на великого военачальника Ёсимото. Меня зовут Хаттори Кохэита, я – вассал князя Нобунаги.

Перед беглецами предстал огромного роста воин в железном шлеме с черным пером. Ёсимото отпрянул, когда красное древко большого копья сверкнуло в воздухе.

Один из приближенных Ёсимото, приняв удар на себя, рухнул наземь, пронзенный насквозь. Второй тут же рванулся на место убитого и через мгновение рухнул на тело друга, поверженный Кохэитой.

– Стой! Куда же ты!

Копье, стремительное, как молния, метнулось в Ёсимото, спрятавшегося за ствол сосны.

– Я здесь!

Обнажив меч, Ёсимото пристально смотрел на Кохэиту. Копье ударило князя в бок, но доспехи Ёсимото спасли его от серьезного ранения. Ёсимото даже не упал.

– Негодяй! – воскликнул князь и срубил наконечник копья.

Кохэита не сдавался. Отбросив обрубок, он рванулся вперед, но Ёсимото, упав на колени, ударил его мечом по бедру. Прекрасный меч Ёсимото высек искры, разрубая латы, и нога Кохэиты треснула, как переспевший плод граната. Кость блеснула в открытой ране, и Кохэита повалился на спину, а Ёсимото рухнул ничком, ударившись шлемом о землю. Едва он поднял голову, как раздался новый клич:

– Меня зовут Мори Синскэ!

Мори сзади схватил Ёсимото за голову, и противники покатались по земле. Нагрудная пластина Ёсимото слетела, и кровь заструилась из раны, нанесенной Кохэитой. Подмятый Ёсимото откусил Мори указательный палец на правой руке. Когда Ёсимото обезглавили, белый палец Мори торчал у него из красных губ, стиснутый искусно вычерненными зубами.

«Победили мы или проиграли?» – недоумевал Токитиро, тяжело дыша.

– Эй! Где мы? – спросил он у одного из воинов, но никто не мог ответить на этот вопрос.

В отряде Токитиро не осталось и половины, но уцелевшие находились словно в дурмане.

Дождь кончился, ветер утих. Тучи рассеялись, солнце сияло. Буря улеглась, и ад, в который

превратились склоны Дэнгакухадзама, исчез. Молнии отсверкали, и как ни в чем не бывало запели цикады.

– Стройся! – приказал Токитиро.

Токитиро пересчитал своих воинов, из тридцати осталось семнадцать человек, причем четверо были из другого отряда.

– Кто ваш командир? – спросил он у них.

– Тояма Дзинтаро, господин. Мы сражались на западном склоне холма, я оступился и потерял свой отряд. Увидев, как ваши воины гонят врага по склону, я присоединился к ним.

– Ясно. А ты?

– Мне казалось, что я сражаюсь со своим отрядом, а потом вдруг вижу вокруг ваших воинов.

Токитиро не стал расспрашивать остальных. Не только отдельные воины в пылу сражения потеряли командиров, отряд Токитиро отделился или отстал от всего войска и полка лучников Матаэмона, которому был придан, так что юноша не представлял, где находится сейчас.

– Похоже, сражение закончилось, – пробормотал Токитиро, ведя воинов в обратном направлении по дороге, по которой они недавно сюда пришли.

Мутные потоки с гор заливали дорогу. Увидев груды мертвецов на склоне холма, Токитиро удивился тому, что остался в живых.

– Должно быть, победа за нами! Смотрите! Вокруг трупы самураев из клана Имагава!

По направлению цепочки тел можно было судить о том, куда бежал неприятель.

Воины Токитиро, оглушенные шумом сражения и слишком уставшие, не имели сил затянуть победную песню.

Маленький отряд заблудился. На поле сражения внезапно воцарилась полная тишина, а ведь это могло означать и то, что воины Нобунаги перебиты до последнего человека. В любое мгновение можно оказаться в окружении и погибнуть.

Наконец они услышали победные кличи с холма, от которых содрогнулись земля и небо. Звучали они на родном наречии Овари.

– Победа! Победа!

Токитиро побежал туда, откуда раздавались крики. Его воины, только что падавшие с ног от усталости и отчаяния, мгновенно приободрились. Не желая отставать, они заковыляли за Токитиро.

Пологая гора, высившаяся за холмом Дэнгакухадзама, называлась Магомэяма. Черная толпа воинов в крови и грязи заполняла пространство от холма до деревни. Битва закончилась, и люди разбрелись кто куда. Над толпой промокших насквозь воинов поднимался густой белый пар.

– Где полк господина Асано?

Токитиро с трудом пробился к полку, которому принадлежал его отряд. На каждом шагу он невольно задевал чьи-то окровавленные доспехи. И хотя перед битвой он поклялся сражаться не жалея жизни, сейчас Токитиро чувствовал себя пристыженным. Он не совершил ничего, что заслуживало бы уважения соратников.

Только оказавшись в своем полку, Токитиро понял, что клан Ода победил. Оглядывая окрестности с вершины холма, он удивился тому, что нигде не было видно отступающего врага.

Нобунага, грязный и окровавленный, стоял на вершине, крепко сжав кулаки. В нескольких шагах от него воины рыли большую яму. Каждую отрубленную голову врага выставляли напоказ, а потом бросали в яму.

Никто не молился за упокой душ, но ритуал соблюдался. Воины хоронили своих врагов. И головы, сброшенные в яму, должны были служить уроком тем, кто остался в живых с надеждой отомстить.

Постоянно сталкиваясь с загадкой жизни и смерти, самурай не может не задумываться над тем, что значит быть воином. Никто не молился вслух, но руки у всех были молитвенно сложены. Когда над ямой, заполненной доверху отрубленными головами, насыпали курган, в небе вспыхнула яркая радуга.

Пока воины любовались прекрасным зрелищем, в лагерь вернулись разведчики из окрестностей Одаки.

Передовым отрядом войск Ёсимото в Одаке командовал Токугава Иэясу. Помня, сколь искусно Иэясу взял штурмом крепости Васидзу и Марунэ, Нобунага настороженно относился к нему.

– Весть о гибели Ёсимото повергла войско Токугавы в панику. Разослав лазутчиков во все стороны для выяснения действительного положения дел, Токугава вскоре взял себя в руки. Сейчас они готовятся к ночному отступлению в Микаву и, похоже, не собираются навязывать нам бой.

Нобунага выслушал донесения лазутчиков.

– Прекрасно! Мы тоже отправимся домой, – торжественно объявил как всегда непредсказуемый князь.

Солнце не село, и чуть поблекшая радуга стояла в небе. К седлу Нобунаги была приторочена одна отрубленная голова. Разумеется, она принадлежала великому Имагаве Ёсимото.

Войско Оды подъехало к воротам храма Ацута. Нобунага спешил и вошел в святилище, а его военачальники и рядовые воины, как один, простерлись ниц перед главными воротами. Фонари в храмовой роще наполняли ее алым свечением.

Нобунага, подарив храмовой конюшне священного коня, поспешил в путь. Доспехи казались ему невероятно тяжелыми, но, пришпоривая коня на залитой лунным светом тропе, он ликовал так, словно тело его обременяли не доспехи, а ласкал тончайший шелк летнего кимоно.

В Киёсу было настоящее столпотворение. Каждый дом украшали фонарики, на перекрестках пускали шутихи. Старики, дети и даже юные девушки высыпали на вечерние улицы, восторженно встречая победоносных воинов.

По обочинам дороги стояли толпы зевак. Женщины выискивали в торжественной процессии к воротам крепости мужей. Старики окликали сыновей, а девушки ждали встречи с возлюбленными. Толпа неистово приветствовала своего князя, силуэт которого величаво темнел на фоне вечернего неба.

– Князь Нобунага!

Нобунага был каждому дорожке собственных детей, мужей и возлюбленных.

– Полюбуйтесь головой великого князя Имагавы! – крикнул Нобунага, сидя в седле. – Этот подарок я привез всем вам. Конец неприятностям на наших границах. Спокойно занимайтесь своими делами. Хорошо работайте и весело отдыхайте!

В крепости Нобунага сразу же кликнул старую служанку:

– Саи! Саи! Поскорее мыться! И поесть приготовить!

Нобунага вскоре объявил о награждении ста двадцати воинов. Дела и подвиги каждого из них, вплоть до самых низкостоящих, не ускользнули от его всепроникающего взора.

– Инутиё дарую прощение и право вернуться к нам на службу, – объявил он.

Войско уже находилось в крепости, и только Инутиё в ожидании княжеского решения стоял за воротами. Ему немедленно передали волю Нобунаги.

Токитиро не получил ни похвалы, ни награды, он, правда, ни на что и не рассчитывал. Он обрел в этот день нечто более ценное, чем жалованье в тысячу канов. Впервые в жизни он лицом к лицу увидел смерть, он сражался, он выстоял и, издав наблюдая за князем, убедился, что

Нобунага прирожденный воитель.

«Я получил хороший урок, – думал Токитиро. – Второй счастливец после князя Нобунаги это я!» С этого дня Токитиро стал относиться к князю Нобунаге не только как к властелину провинции и своему повелителю. Он, почитая князя своим негласным наставником, пытался перенять лучшие стороны его натуры.

Последнюю неделю Токитиро томился от скуки. Вскоре ему предстояло сопровождать Нобунагу в тайной поездке в одну из отдаленных провинций, а пока надлежало, сидя взаперти, готовиться к этому путешествию. Они должны были отбыть через десять дней, и Токитиро оставалось лишь ждать назначенного срока.

Он гадал, почему так много тайн вокруг предстоящей поездки. Куда, интересно, они отправятся?

Глядя на солнечные зайчики, прыгающие по забору, Токитиро вспомнил о Нэнэ. Ему приказали без крайней необходимости не покидать дом, но, когда подул вечерний ветерок, Токитиро оказался перед домом Матаэмона. Он почему-то избегал визитов сюда, а при встрече на улице с родителями Нэнэ те притворялись, будто не знают его. И сейчас он просто прошел мимо, как случайный прохожий, и отправился к себе.

Солнечные блики играли и на ограде дома Нэнэ. Накануне вечером Токитиро подсмотрел, как она зажигает лампу у себя в комнате, и вернулся домой с радостью на сердце. Сейчас он вдруг подумал, что личико Нэнэ белее цветов, обвивающих ограду.

Из кухни потянуло дымком. Токитиро искупался, переоделся в легкое кимоно и вышел на улицу через садовую калитку. Тут его и встретил молодой гонец с приказом. Токитиро поспешно вернулся домой, вновь надел официальную одежду и стремглав помчался в дом Хаяси Садо, где получил распоряжение следующего содержания: «Прибыть в усадьбу крестьянина Докэ Сэйдзуро на дороге к западу от Киёсу к часу Кролика».

Значит, Нобунага собирался путешествовать инкогнито, а Токитиро должен стать одним из его спутников. Токитиро казалось, будто он разгадал намерения Нобунаги, хотя на самом деле он ничего не знал о них.

Он понимал, что ему предстоит долгая разлука с Нэнэ, и в его груди бушевало желание полюбоваться ею при свете летней луны. По природе своей он никогда не отказывался от задуманного. Жажда немедленно увидеть девушку привела его к ее дому. И здесь, как озорной мальчишка, Токитиро прильнул к забору, вглядываясь в окошко Нэнэ.

Матаэмон жил в квартале лучников, где все хорошо знали друг друга. Услышав чьи-то шаги, Токитиро испугался. Трусливое поведение, конечно, постыдно, и Токитиро презирал бы любого, кто растерялся бы в подобном положении. Сейчас, однако, ему было не до собственной репутации.

Он был бы счастлив от единственного взгляда на Нэнэ. «Наверняка она вымылась, а сейчас подкрашивается, – подумал он. – А может, ужинает с родителями?»

Он три раза прошел мимо дома Нэнэ с независимым видом. Наступил вечер, и на улице было пустынно. Позор, если кто-нибудь окликнул бы Токитиро в то время, когда он подглядывает из-за забора. Он бы потерял всякую надежду когда-нибудь жениться на Нэнэ. Его соперник Инутиё по доброй воле отказался от нее, и с тех пор Матаэмон серьезнее относился к Токитиро. Токитиро положился на судьбу. И Нэнэ, и ее мать, похоже, благоволили ему, но Матаэмон пока не сказал своего слова.

Потянуло курениями от комаров. Из кухни донесся звон посуды. Верно, за ужин еще не сели. «Ей придется много работать», – подумал Токитиро. В тусклом свете кухонной лампы Токитиро наконец увидел ту, которой предстояло стать его женой. «Женщина, такая как Нэнэ, наверняка будет содержать дом в порядке», – решил он.

Мать окликнула Нэнэ, и голос невесты колокольчиком зазвенел в ушах у Токитиро, неуклюже скорчившегося у ограды. В это мгновение он резко отпрянул в сторону – кто-то шел

по улице.

«Она, бедняжка, такая милая, такая старательная. Матушке будет хорошо с ней, ведь Нэнэ не станет вести себя неучтиво только потому, что матушка – простая крестьянка. – Мысли взволнованного Токитиро коснулись и повседневных забот. – Нам не страшна и бедность, будем жить скромно. Нэнэ поможет мне во всех делах, она будет ласково глядеть на меня и прощать все мои грехи».

Она казалась Токитиро воплощением всех женских добродетелей. Никакой другой женщине не суждено стать его женой. Эта мысль приводила его в трепет. Сейчас, поглядев ввысь, на звездное небо, он глубоко вздохнул. Очнувшись от восторженных мечтаний, он обнаружил, что, еще раз обойдя весь квартал, вновь оказался у ворот дома Матаэмона. Вдруг совсем рядом он услышал голос Нэнэ – и перед ним проплыло ее бледное лицо.

И воду носит, бедняжка, совсем как служанка. Нежными ручками, умеющими играть на кото! Токитиро надеялся убедить свою матушку в том, что именно такая невестка ей нужна. Он не мог наглядеться на Нэнэ. Он слышал, как ведро наполняется водой. И вдруг Нэнэ повернулась к нему. «Неужели заметила!» – вздрогнул Токитиро. Нэнэ отошла от колодца и направилась к задней калитке. У Токитиро словно костер запылал в груди.

Когда Нэнэ, отворив калитку, выглянула на улицу, Токитиро бежал сломя голову. Обернулся он только на перекрестке. Нэнэ задумчиво стояла у ворот. Токитиро подумал, уж не обиделась ли она на него, но тут вдруг вспомнил, что завтра надолго уедет. Он попал в тайную свиту князя Нобунаги и не имел права рассказывать о предстоящей поездке даже Нэнэ. Бросив прощальный взгляд на девушку, он поспешил домой. Этой ночью он спал без сновидений.

Гондзо разбудил хозяина раньше обычного. Токитиро позавтракал и завершил последние приготовления к путешествию.

– Уезжаю! – заявил он слуге, не сообщив, куда направляется.

В дом Докэ Сэйдзюро он прибыл чуть раньше назначенного времени.

– Эй, Обезьяна! И ты в путь собрался? – спросил у него сельский самурай, стороживший ворота дома Сэйдзюро.

– Инутиё! – Токитиро изумленно уставился на друга. Его поразило не появление здесь Инутиё, а его внешний вид: Инутиё был одет как ронин, только что выскочивший из лесной чащи. – Ты что это так нарядился? – спросил Токитиро.

– Все уже собрались. Поторапливайся.

– А ты?

– Я пока постою на страже, а позже присоединюсь к вам.

За воротами начинался сад. На мгновение Токитиро замешкался, не зная, по какой тропке пойти. Жилище Докэ Сэйдзюро не походило на обычные деревенские усадьбы. Это был очень старый дом. Его, видимо, построили в те времена, когда несколько поколений семьи еще жили под одной крышей. Просторный дом со множеством комнат, несколько пристроек, внешние и внутренние ворота, разбегающиеся во все стороны тропинки.

– Обезьяна! Сюда!

Еще один сельский самурай устремился к нему из ворот, ведущих в сад. Токитиро узнал Икэду Сёню. В саду было десятка два вассалов Нобунаги, одетых как сельские самураи. Токитиро, предупрежденный о костюме, тоже выглядел деревенщиной.

Около семнадцати или восемнадцати горных отшельников расположились на заднем дворе. Это были переодетые самураи из клана Ода. Нобунага находился в небольшой пристройке на заднем дворе и тоже переодетый.

Токитиро и его будущие попутчики отдыхали перед долгой дорогой. Никто не задавал никаких вопросов, хотя все имели смутное представление о предстоящем путешествии.

– Князь будет выдавать себя за сына сельского самурая в сопровождении нескольких спутников. Путь предстоит, судя по всему, далекий, но никому не ведомо, куда мы отправимся.

– В доме у Хаяси Садо я краем уха слышал что-то о столице.

– Киото?

У всех перехватило дыхание.

Путешествие в столицу было делом рискованным, и если Нобунага намеревался предпринять его, значит, разработал хитроумный план. Токитиро потихоньку вышел в огород.

Через два дня сельские самураи, сопровождающие Нобунагу, и небольшая группа отшельников, которая держалась на некотором удалении от князя, но готова была в любую минуту прийти на помощь своему господину, отправились в столицу.

Люди, нарядившиеся деревенскими самураями из восточных провинций, изображали, будто пустились в увеселительное путешествие в Киото. Они шли не торопясь, погасив огонь, горевший в их глазах во время сражения на склонах Окэахадзамы. Их грубый облик и речи соответствовали маскировке.

Жилье им подготовил Докэ Сэйдзуро в доме на окраине столицы. Бывая в центре Киото, Нобунага надвигал шляпу на глаза и одевался как простой провинциал. Он ходил по столице в сопровождении не более пятерых вассалов. Выследи его враги, и он оказался бы легкой добычей.

Иногда он с утра до вечера бродил по шумным улицам Киото, порой по вечерам он неожиданно уходил в гости к какому-либо придворному для тайных переговоров.

Молодые самураи не сознавали ни цели путешествия, ни дерзости, с которой Нобунага оставил провинцию без князя в те дни, когда страну охватила усобица. Токитиро тоже пребывал в полном неведении, но времени не терял, внимательно присматриваясь ко всему вокруг. По мнению Токитиро, столица сильно изменилась. С тех пор как он начал странствия, торгуя иглами, ему не раз доводилось закупать в Киото товар. Сосчитав для верности на пальцах, он выяснил, что с тех пор минуло всего семь лет, но положение императорского двора существенно изменилось.

Сёгунат продолжал существовать, но Асикага Ёситэру, тринадцатый военный правитель, не имел подлинной власти. Приходили в упадок культура и нравственность. Всем казалось, будто близится конец целой эпохи. Власть перешла к помощнику наместника Миёси Нагаёси, но и он уступил ее одному из своих вассалов, которого звали Мацунага Хисахидэ. Самоустранение высокопоставленных лиц от дел привело к путанице, вылившейся в беспомощное, тираническое правление. Простолюдины перешептывались, что и Мацунаге недолго осталось властвовать.

Никто не знал, что произойдет завтра. Каждый вечер город светился яркими огнями, но народ пребывал в глубочайшей тьме. «Завтра тоже солнце взойдет», – думали люди, влача привычное существование, словно бы подчинившись мутному потоку времени, уносящему их куда-то вдаль.

Если Миёси и Мацунага слыли никчемными деятелями, то что можно сказать о наместниках провинций, назначенных сёгуном? Акамацу, Токи, Кёгоку, Хосокава, Уэсуги, Сибя и другие феодалы сталкивались в своих провинциях с беспомощными наместниками.

Именно в этот период Нобунага предпринял тайную поездку в столицу, на что не решился бы ни один из местных князей в стране, охваченной межклановой войной. Имагава Ёсимото, правда, намеревался предпринять поход на столицу, выступив во главе большой армии. Он хотел получить от императора полномочия на власть, подчинив себе и сёгуна, и всю страну. Его попытка была пресечена на начальном этапе, однако его пример мог оказаться заразительным. Любой владыка могущественных провинций вдохновился бы замыслом Имагавы. Один лишь Нобунага осмелился отправиться в Киото.

Нобунага после нескольких встреч с Миёси Нагаёси договорился о приеме у сёгуна Ёситэру. Прибыв во дворец к Миёси в неприметной одежде, Нобунага переоделся в официальный костюм и отправился во дворец сёгуна.

Дворец сёгуна ослеплял когда-то великолепием, но эти времена давно миновали. Сокровища, которые копили тринадцать поколений сёгунов, сейчас казались промелькнувшим сном. Дворец пришел в запустение. В нем остались лишь высокомерные и алчные чиновники и вельможи.

– Итак, ты Нобунага, сын Нобухидэ? – тихим голосом спросил Ёситэру.

Манеры его были изящными, но он казался Нобунаге безжизненной куклой.

Нобунага собственными глазами убедился в том, что у сёгуна не осталось сил на правление страной. Простершись ниц, он попросил покровительства у Ёситэру. Чувствовалось, однако, что у просителя намного больше могущества, чем у военного правителя Японии.

– Я прибыл в Киото под чужим именем. Сомневаюсь, чтобы скромные дары моего родного Овари удивили бы избалованных роскошью жителей столицы. – С этими словами он вручил Ёситэру список даров и хотел было удалиться.

– Может быть, поужинаешь со мной? – предложил Ёситэру.

Подали сакэ. Из зала приемов открывался вид на прекрасный сад. В вечерних сумерках росистый мох поблескивал в свете фонариков.

Своенравный Нобунага не следовал жестким требованиям этикета и часто действовал опрометчиво. Его не волновал ни ранг собеседника, ни официальность встречи. И сейчас он держался непринужденно, хотя и сакэ, и кушанья подавали строго по правилам, освященным веками.

Ёситэру, глядя на гостя, невольно удивлялся тому, как много и с каким наслаждением тот ест и пьет. Пресытившийся роскошью, сёгун гордился тем, что каждое из кушаний, подаваемых у него во дворце, слыло верхом изысканности в столице.

– Нобунага, нравится ли тебе столичная кухня?

– Она превосходна!

– Находишь ли ты ее ароматной?

– Эти ароматы слишком тонки для меня, а легкая пища непривычна для моего желудка.

– Вот как? Следуешь ли ты Пути чая?

– Я пью чай с детства, как воду, но тонкости чайной церемонии мне не знакомы.

– Видишь сад?

– Да.

– Что скажешь?

– Пожалуй, маловат.

– Маловат?

– Он, конечно, красив, но вид, который открывается у меня с холмов Киёсу...

– Ты действительно ничего не понимаешь! – расхохотался сёгун. – Лучше быть невеждой, чем полузнайкой. Ты хоть в чем-нибудь разбираешься?

– Люблю стрельбу из лука, пожалуй, других дарований у меня нет. Если вы пожелаете услышать нечто любопытное, я поведаю вам, что прибыл сюда из Овари за три дня, миновав вражеские провинции по дороге из Мино в Оми. Сейчас, когда страна повержена в усобицу, неприятности могут случиться рядом с вашим дворцом. Буду вам признателен, если в трудном положении вы вспомните обо мне, – с улыбкой закончил Нобунага.

Беспорядками в стране, по существу, воспользовался не кто иной, как Нобунага. Он сверг назначенного сёгуном наместника, который из Сибы должен был управлять всей провинцией Овари. Дело рассмотрел императорский суд, вынося нелестную оценку, но приговор был сугубо

условный. Наместники теперь редко навевывались в Киото, и сёгун чувствовал себя покинутым. Он скучал, поэтому просьба Нобунаги об аудиенции развлекла его, и он с удовольствием беседовал с мятежным князем.

Ёситэру полагал, что Нобунага попросит об официальном утверждении в должности или о каком-либо титуле, но так и не дождался этого. Нобунага сердечно попрощался с сёгуном.

– Отправляемся домой, – сказал Нобунага после тридцатидневного пребывания в столице. – Завтра же, – поспешно добавил он.

Его свита, переодетая в сельских самураев и горных отшельников, собралась уже в обратный путь, как из Овари прибыл гонец с важным донесением.

«За время вашего отсутствия по Киёсу распространились разные слухи. Проявляйте предельную осторожность на обратном пути и будьте готовы к злоключениям».

Любой путь на родину проходил через несколько враждебных провинций. Какая дорога самая безопасная? Не стоит ли вернуться морем?

Спутники Нобунаги провели бессонную ночь в спорах, но так и не пришли к единому выводу. Неожиданно со стороны комнат, в которых расположился Нобунага, вышел Икэда Сёню.

- Почему вы до сих пор не спите? – недовольным тоном произнес он.
- Обсуждаем важный вопрос, – ответил один из собеседников.
- Не думал попасть на военный совет. Что же вы обсуждаете?
- Вы слишком беспечны для советника князя! Вам неизвестно о сегодняшнем донесении?
- Знаю.
- Нужно благополучно вернуться домой. Мы размышляем, какую дорогу избрать.
- Напрасные волнения. Князь уже принял решение.
- Неужели? Какова его воля?
- Мы прибыли в столицу многочисленным отрядом, обратив на себя внимание, хотя и переоделись для маскировки. Князь отправится в обратный путь с четырьмя-пятью спутниками. Остальные доберутся сами по любой дороге.

Нобунага покинул столицу еще до рассвета. Как и сказал Сёню, все горные отшельники и большая часть сельских самураев были предоставлены судьбе. Нобунага взял с собой четырех вассалов. Одним из них был Сёню. Самым счастливым чувствовал себя Токитиро, удостоенный чести сопровождать князя.

– Охраны мало! Сумеет ли он добраться? – Вассалы тревожились за своего князя. Решив на всякий случай следовать за ним, они добрались до Оцу, но здесь Нобунага и его спутники сели на лошадей и помчались на восток через мост около Сэты. Они легко преодолели множество застав. У Нобунаги была охранная грамота от Миёси, в которой указывалось, что он путешествует под покровительством помощника наместника. На каждой заставе он предъявлял грамоту, и отряд незамедлительно пропускали.

Чайная церемония распространялась по всей Японии. В мире, охваченном насилием и залитом кровью, люди искали покоя там, где их не мог настигнуть хаос, в тех местах, куда не проникал шум повседневной жизни. Чайная церемония изящно сочетала в себе действие и созерцательность, именно поэтому самыми страстными ее поклонниками стали самураи, жизнь которых в любую минуту могла обернуться кровопролитием.

Нэнэ изучила искусство чайной церемонии. Отец, которого она нежно любила, тоже ценил чай, так что ей было для кого стараться, ведь игрой на кото она могла усладить слух только

случайных прохожих.

Нэнэ любила готовить чай в утренней тишине, ловя счастливую улыбку Матаэмона. Эта чайная церемония вошла в ее жизнь.

– Какая сегодня обильная роса в саду! А хризантемы еще не распустились!

Матаэмон с веранды любовался своим крошечным садиком. Нэнэ, хлопотавшая с чайником у очага, ничего не ответила. Кипяток из большого чайника, как из родника, ударил в заварной, обдав живительным паром небольшую комнату. Нэнэ с улыбкой взглянула в окно:

– Три хризантемы расцвели.

– Правда? А я и не заметил, хотя и подметал утром в саду. Жаль, что такие прекрасные цветы оказались в саду жалкого воина!

Тихо шелестела бамбуковая метелочка, которой Нэнэ взбивала чай. Нэнэ растрогали слова отца, но Матаэмон этого не заметил. Приняв чашку из рук дочери, он благоговейно выпил чай. На лице его было написано наслаждение утренним покоем. Внезапно он с огорчением подумал, что не сможет вкушать благородный напиток, если дочь выйдет замуж.

– Извини за беспокойство! – послышался голос из-за перегородок-фусума.

– Окои?

Жена вошла в комнату.

– Нэнэ, угости матушку чаем.

– Спасибо, я потом выпью.

Окои держала в руках шкатулку с посланием, которое привез гонец, ждавший на улице. Матаэмон, положив шкатулку на колени, открыл крышку. Письмо явно удивило его.

– От двоюродного брата господина Нобунаги, от князя Нагои. В чем дело?

Матаэмон поднялся на ноги, вымыл руки и почтительно взял письмо. Это был всего лишь свиток бумаги, но исходил он от родственника его господина, и Матаэмон держался так, словно перед ним был сам князь.

– Гонец ждет?

– Он сказал, что достаточно и устного ответа.

– Это было бы неучтиво. Принеси тушечницу!

Матаэмон написал ответ. Окои волновалась, ведь послание от двоюродного брата Нобунаги вассалу столь низкого ранга было делом необычайным.

– О чем письмо? – спросила Окои.

Матаэмон не знал, что ответить, потому что оно содержало только любезности. Самурай не уразумел потаенный смысл неожиданного послания.

«Сегодняшний день я проведу в своем поместье в Хорикавадзои. Я опечален тем, что мне не с кем полюбоваться чудесными хризантемами, которые расцвели в моем саду. Не угодно ли вам посетить меня в моем уединении, если у вас нет более серьезных дел?»

За этими словами, вероятно, таилось нечто большее. Будь Матаэмон истинным знатоком чайной церемонии, ученым или человеком, обладающим чувством прекрасного, приглашение было бы естественным. Он даже не заметил, как хризантемы расцвели в его собственном саду. Он сдувал каждую пылинку со своего лука, но мог бы без особенных сожалений растоптать прекрасный цветок.

– В любом случае надо идти. Окои, подай мой лучший наряд!

Стоял солнечный осенний день. Выйдя на улицу, Матаэмон обернулся и оглядел свои скромные владения. Нэнэ и Окои проводили его до ворот. На душе у него было непривычно

покойно: даже в мире неурядиц выдаются радостные минуты. Он усмехнулся собственным мыслям и заметил, что жена и дочь тоже улыбаются. Матаэмон решительно пошел по улице. По пути он отвечал на приветствия соседей. Дома лучников были неказисты. Бедные семьи, как правило, многодетны и здесь, и почти за каждым забором сушились пеленки.

«Скоро и мы, верно, будем развешивать пеленки нашего внука», – невольно подумал Матаэмон не без грусти. Ему не хотелось становиться дедом, ведь прежде ему необходимо снискать славу и почет в воинской службе. В битве при Дэнгакухадзаме он сражался не щадя жизни и все еще надеялся получить награду за грядущие сражения. Матаэмон, погруженный в мечты, подошел к богатой усадьбе князя Нагои. Здесь раньше был небольшой храм, но князь перестроил его под свой дом.

Князь Нагоя встретил гостя, не скрывая радости:

– Благодарю, что нашел время прийти. В этом году на нас свалилось столько бед, не говоря уже о войне, но мне все же удалось посадить хризантемы. Посмотрим их чуть позже с твоего позволения.

Матаэмона встретили чрезвычайно учтиво, но, поскольку он был в доме близкого родственника самого Нобунаги, командир лучников низко поклонился хозяину и сел на почтительном расстоянии от него. «Зачем он позвал меня?» – тревожился Матаэмон.

– Матаэмон, располагайся поудобнее. Возьми подушку. Ты и отсюда сможешь полюбоваться моими хризантемами. Глядя на хризантему, видишь не просто цветок, а труды рук человеческих. Предлагать вниманию людей выращенные тобою хризантемы – вовсе не хвастовство, а желание разделить с другим чувство прекрасного. Князь Нобунага тоже любит неуловимый аромат хризантем, согретых солнцем.

– Воистину, мой господин.

– Следует благодарить судьбу за то, что она одарила нас столь мудрым правителем. Думаю, никто из нас не забудет мужество, с которым князь Нобунага сражался в Окэхадзаме.

– Мой господин кажется мне не простым смертным. Он для меня – живое воплощение бога войны, Хатимана.

– Мы и сами не сплеховали, так ведь? Ты состоишь в полку лучников, но в тот памятный день сражался вместе с копьеносцами, верно?

– Да, мой господин.

– Ты участвовал в штурме шатра Имагавы?

– Когда мы взобрались на холм, там творилась такая неразбериха, что нельзя было разобрать, где враг, а где свой. В разгар сражения я услышал победный клич Мори Синскэ, который обезглавил князя Суруги.

– А воин по имени Киносита Токитиро был с вами?

– Так точно, мой господин.

– А Маэда Инутиё?

– Он навлек на себя немилость князя Нобунаги, но получил его разрешение на участие в бою вместе с нами. Я не встречал его с того дня, как мы вернулись из Окэхадзамы, но разве его не восстановили в прежней должности?

– Да. Ты, верно, не знаешь, но он только что сопровождал твоего князя в Киото. Они вернулись в Киёсу, и Инутиё по-прежнему состоит на службе у князя.

– В Киото! Почему мой господин поехал в столицу?

– Сейчас это уже не тайна. Он отправился туда со свитой человек в тридцать или сорок переодетых воинов под видом сельского самурая, совершающего паломничество. Нобунага отсутствовал сорок дней, а его вассалы делали вид, будто он в замке. Не пора ли взглянуть на хризантемы?

Матаэмон послушно, как слуга, следовал за хозяином в сад. Нагоя рассуждал о том, с каким тщанием следует выращивать хризантемы и лелеять их, как детей.

– Я слышал, у тебя есть дочь. Ее зовут Нэнэ, не так ли? Хочу помочь тебе подыскать ей хорошего жениха.

– Благодарю, мой господин! – Матаэмон склонился в глубоком поклоне. Он смутился. Упоминание о дочери напомнило ему о недавнем конфузе.

Нагоя, не обращая внимания на замешательство гостя, продолжил:

– Я знаю кое-кого, кто станет ей превосходным мужем. Положись на меня. Я все устрою.

– Моя семья воистину недостойна такой чести, мой господин.

– Тебе следует посоветоваться с женой. Человек, которого я считаю прекрасным женихом для твоей дочери, – Киносита Токитиро. По-моему, вы с ним хорошо знакомы.

– Да, мой господин, – произнес Матаэмон, мысленно упрекая себя в том, что не скрыл изумления, проявив тем самым неучтивость.

– Подумай.

– Да... Конечно... – Матаэмон раскланялся с хозяином усадьбы.

Ему не терпелось подробнее расспросить о причинах неожиданного сватовства, но он не смел проявить настойчивость перед близким родственником Нобунаги. Дома он обо всем рассказал жене, и она, казалось, огорчилась тем, что он сразу не дал положительного ответа.

– Следовало сразу же согласиться. Воистину добрая новость. Токитиро давно уже ухаживает за Нэнэ, значит, они связаны с предыдущего рождения. Токитиро – смелый человек, коли осмелился обратиться к двоюродному брату князя Нобунаги. Пожалуйста, завтра же отправься к князю Нагое и скажи, что ты согласен.

– Не кажется ли тебе, что прежде надо поговорить с Нэнэ?

– По-моему, она давно уже согласилась.

– Надо бы удостовериться.

– Нэнэ скрытная натура, но уж раз она на что-то решится, так будет стоять на своем.

Жена ушла, а Матаэмон с тревогой думал о будущем. Ему не нравилось, что все решили без него. Он думал, что дочь забыла Токитиро, не смеявшего показаться у них в доме, но вдруг юноша вновь овладел мыслями всей семьи.

На следующий день Матаэмон поспешил к князю Нагое.

– Новости весьма неожиданные, – сообщил он жене, вернувшись домой.

Окои, едва взглянув на мужа, сразу же догадалась, что произошло нечто необычное. Он пересказал жене разговор с князем, и свет, озаривший судьбу Нэнэ, радостными улыбками осветил лица супругов.

– Сегодня я осмелился спросить у князя Нагои, почему он взял на себя роль посредника. Сама понимаешь, задавать такой вопрос близкому родственнику князя Нобунаги не так-то просто. Только я завел этот разговор, как он сам объяснил, что с этой просьбой обратился к нему Инутиё.

– Инутиё попросил князя Нагою отдать Нэнэ за Токитиро? – изумилась Окои.

– Разговор состоялся в то время, когда князь ездил в Киото. И кажется, наш господин тоже слышал эту беседу.

– Не может быть!

– Вот я и говорю, что дело необычное. Во время поездки Токитиро и Инутиё, похоже, долгими часами говорили о Нэнэ, причем в присутствии князя.

– И господин Инутиё согласился?

– Он обратился к князю Нагое с просьбой похлопотать перед нами за Токитиро. Нам не о чем больше беспокоиться.

– Надеюсь, ты дал князю Нагое положительный ответ?

– Да, я поручился за благополучный исход дела! – Матаэмон встал и потянулся, словно бы стяхивая с себя ношу, безмерно тяготившую его.

Прошел год, и чудесным осенним днем в доме у Асано Матаэмона отпраздновали свадьбу.

Токитиро пребывал в волнении и растерянности. Его дом опустел, потому что Гондзо и служанка отправились помогать Асано, а Токитиро оставалось лишь бесцельно бродить по комнатам. «Сегодня третий день восьмого месяца», – твердил он постоянно, словно не полагаясь на память. Он то отворял дверцы шкафа с одеждой, то ложился отдохнуть, но на месте ему не сиделось. «Я женюсь на Нэнэ и войду в ее семейство, – напоминал он себе. – Это случится сегодня вечером, но что-то на душе неспокойно».

После объявления о свадьбе Токитиро впал в несвойственную ему робость. Соседи и сослуживцы, узнав новость, стали навещать его с подарками, а Токитиро краснел, сбивчиво благодарил и повторял, словно оправдываясь:

– Это всего лишь семейное маленькое торжество. Строго говоря, мне рановато жениться, но в семье считают, что свадьбу нужно сыграть поскорее.

Никто не подозревал, что мечта Токитиро осуществилась благодаря заботам его друга Маэды Инутиё, который не только уступил невесту Токитиро, но и уговорил князя Нагою поучаствовать в сватовстве.

– Говорят, за него поручился князь Нагоя, да и Асано Матаэмон согласился, так что Обезьяна действительно человек с будущим, – говорили сослуживцы Токитиро, а затем и жители города знатного и низкого сословий. Свадьба Токитиро прибавила ему достоинства, а недобрые сплетники прикусили языки.

Токитиро не интересовала молва – ни хорошая, ни дурная. Ему важнее всего было известить о предстоящем событии матушку в Накамура. Ему не терпелось самому поехать к ней и рассказать о Нэнэ, о ее красоте и тихом нраве, излить душу. Он помнил, что матушка наказала ему верно служить князю и не забирать ее из Накамуры, дабы заботы о ней не отвлекли сына от дел, которые ему предстояло совершить в жизни.

Поддав желание отправиться на родину, он сообщил о свадьбе в письме. Он часто писал матушке, и она всегда отвечала на его письма. Токитиро радовалось, что все в Накамура знали о его успехах: и о недавнем повышении по службе, и о предстоящей женитьбе на дочери самурая, и о посредничестве двоюродного брата самого Нобунаги в сватовстве. Он понимал, что теперь в деревне будут с уважением относиться и к матери, и к сестре.

– Позвольте причесать вас, господин. – Гондзо с набором гребней опустился на колени возле своего хозяина.

– Что такое? Я ведь не женщина!

– У вас сегодня свадьба, и поэтому нужно привести волосы в порядок.

Тщательно причесанный, Токитиро вышел в сад.

В небе, из-за ветвей павлонии, уже проглядывали бледные звезды. Жених пребывал в возвышенном настроении, его словно захлестнула волна счастья. В такие минуты Токитиро всегда вспоминал о матери. И сегодняшняя его радость была отмечена печалью. Человеческие желания воистину безграничны. В конце концов, утешил он себя, сколько на свете людей, у которых матери покинули этот мир.

Токитиро вымылся, как следует потеряв шею, переделся в легкое хлопчатое кимоно. Войдя в дом, он растерялся, увидев множество людей, занятых непонятными хлопотами. Он обошел весь дом, заглянул в кухню и устроился в уголке, где гудели комары. Он рассеянно наблюдал за тем, как старательно работают незваные гости.

– Вещи жениха сложить в шкаф!

– Готово! Веер и коробочка с лекарствами там же! – громко перекликались они.

«Откуда они взялись, кто они? Чья это жена? А чей муж вон там?» Они не были ни близкими родственниками, ни добрыми знакомыми жениха, но дружно готовились к свадьбе.

Постепенно жених, притаившийся в углу, начал узнавать лица, и сердце его наполнилось великой радостью. В одной из комнат шумный старик припоминал старинные свадебные обычаи.

– Сандалии жениха не новые? Нехорошо! В дом к невесте надо войти в новых сандалиях. И нынче ночью отец невесты уснет, держа сандалии зятя в руках, чтобы тот никогда не покидал его дома.

– Понадобятся и бумажные фонарики. В дом к невесте нельзя входить с факелами. Фонарики надо отдать родителям невесты, а они оставят их в домашнем алтаре на три дня и три ночи, – заботливо добавила какая-то старушка, словно жених был ее сыном.

В это время явился гонец, доставивший первое официальное письмо невесты к жениху. Одна из женщин, взяв у него лакированную шкатулку, отправилась на поиски жениха, неуверенно пробираясь в сутолоке.

– Я здесь! – откликнулся Токитиро с веранды.

– Вот вам первое письмо от невесты, – сказала женщина. – Жених, согласно обычаю, должен ответить на него.

– А что надо писать?

Женщина захихикала, но ничего объяснить не стала. Токитиро подали тушь и кисть.

Он в задумчивости потеревил кисть. Он всегда писал без затруднений. Он научился грамоте в храме Комёдзи, и много писал, когда работал у гончара. Он был выше обычного уровня в каллиграфии, так что не стеснялся писать на глазах у посторонних. Беда в том, что он не знал, о чем следует сейчас написать Нэнэ. В конце концов он вывел единственную строку: «Чудесной ночью жених придет потолковать».

Токитиро показал сочинение женщине, принесшей тушечницу.

– Правильно?

– Сойдет и так.

– Вы ведь получали такое письмо от жениха в день свадьбы? Помните, что он написал?

– Нет.

Токитиро расхохотался:

– Значит, это не так уж важно!

Вскоре жениха переодели в праздничное кимоно и вручили ему веер.

Луна сияла в осеннем небе, и ярко горели факелы у входа в дом. Процессию возглавляли два копыеносца, ведя под уздцы лошадь. За ними следовали три факельщика, далее жених, разумеется, в новых сандалиях.

Они не несли дорогих свадебных подарков – инкрустированных ларцов, раздвижных ширм, китайской мебели, зато у них был короб с доспехами и с одеждой. В те времена для самурая, под началом у которого состояло всего тридцать пеших воинов, это было незазорно. Токитиро был даже по-своему горд, ведь никто из помогавших в его доме и провожавших его к дому будущего тестя не доводился Токитиро родственниками, но нанимать людей ему не пришлось. Они по доброте пришли порадоваться вместе с ним, как на свой праздник.

Этим вечером в квартале лучников яркие огни плясали у ворот каждого дома, и все ворота были распахнуты настежь. В воздухе вспыхивали шутихи. Люди с бумажными фонариками поджидали вместе с хозяевами появления жениха. Матери с детьми радостно махали руками, с улыбками на лицах, озаренных светом факелов и фонариков.

С ближайшего перекрестка прибежала стайка мальчишек. Они закричали:

– Идет! Идет! Жених идет!

Луна заливала улицу бледным сиянием. Люди замерли в ожидании.

Из-за угла показались двое факельщиков. За ними шествовал жених. На лошадях были попоны с бубенцами, которые позванивали в такт шагам, напоминая пение цикад. Пятеро товарищей жениха несли короб с доспехами и два копья.

Жених Токитиро выглядел прекрасно. Он был маленького роста, но в его осанке чувствовалась значительность, даже когда на нем была простая одежда. Красивым его можно было назвать только в шутку, но человек наблюдательный увидел бы по его лицу, что он не так глуп, как может показаться с первого взгляда. Любой из зевак, столпившихся у ворот, сказал бы, что Токитиро ничем не выделяется среди обитателей квартала и будет подходящем мужем Нэнэ.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать!

– Просим жениха в дом!

– Поздравляем! – приветствовали жениха ближайшие родственники Матаэмона, встречавшие Токитиро у ворот. Мерцающий свет озарял их лица.

– Пожалуйста!

Жениха провели в отдельную комнату, и Токитиро остался один. Дом был небольшим, комнат в восемь. Кухня находилась по другую сторону маленького сада, и Токитиро слышал, как там моют посуду, чувствовал запах кушаний.

По дороге сюда Токитиро не очень волновался, но сейчас сердце бешено колотилось в груди, во рту пересохло. Он чувствовал себя покинутым. Ему подобало следовать предписанной роли, поэтому он взял себя в руки, словно был на глазах у всех гостей.

К счастью, Токитиро редко скучал, да и разве до уныния жениху, которому вскоре предстояла встреча с невестой. В какое-то мгновение он, забыв о свадьбе, погрузился в размышления о судьбе крепости Окадзаки. Что там сейчас происходит? Эта мысль волновала томящегося в одиночестве Токитиро. Любой жених на его месте думал бы, какими словами встретит его завтра утром молодая жена, как она будет выглядеть.

Примут ли самураи из Окадзаки сторону Имагавы или заключат союз с кланом Ода? Перед его мысленным взором вновь предстала очередная развилка судьбы. В прошлом году, после страшного поражения, которое клан Имагава потерпел у Окэхадзамы, клану Токугава предоставился тройственный выбор. Продолжать ли им поддерживать могущественных Имагава? Сделать ли смелую ставку на самостоятельность, отказавшись от союза с Имагавой и Одой? Или вступить в союз с кланом Ода? Выбор неизбежен. Долгие годы клан Токугава существовал как вьюнок, участь которого зависела от могучего дерева Имагавы.

В сражении у Окэхадзамы ствол этого дерева был поражен и чуть ли не выкорчеван. Собственная мощь Токугавы была недостаточной, но после гибели Имагавы Ёсимото они не могли полагаться на помощь его наследника Удзидзанэ. Токитиро слышал об этом из разговоров старших советников клана или из городской молвы. Отрывочные сведения не давали покоя его голове.

«Теперь, – думал он, – можно будет выяснить, что собой представляет Токугава Иэясу». Токитиро, в отличие от других, много размышлял о юном князе из крепости Окадзаки. Токитиро понимал, что Иэясу – князь и властелин провинции по праву рождения – пережил гораздо больше испытаний и лишений, чем он, простой деревенский мальчишка. Рассказы о судьбе Иэясу вызывали у Токитиро симпатию к юному князю, которому в этом году исполнилось девятнадцать. В последней войне он командовал передовыми частями войска Ёсимото, проявив храбрость при взятии крепостей Васидзу и Марунэ. Достоин похвалы и его решение отступить в Микаву после поражения и гибели Ёсимото. Об Иэясу хорошо отзывались

и в войске Оды, и потом в самом Киёсу. Токитиро размышлял, какой выбор сделает Иэясу.

– Господин жених! Вы здесь? – Раздвижная перегородка отворилась, и Токитиро вернулся к действительности, вспомнив, что у него сегодня свадьба.

В комнату вошел вассал князя Нагои Нива Хёдзо с супругой. Им предстояло посредничать в ходе церемонии.

– Пожалуйста, подождите еще немного. Мы готовимся к церемонии токуроараваси, – сказал Хёдзо.

– Токороара – что? – растерянно спросил Токитиро.

– Это древняя церемония, во время которой родители невесты и их ближайшие родственники впервые знакомятся с женихом.

– Садитесь, пожалуйста, – произнесла жена Нивы и, отворив раздвижную перегородку, пригласила людей, дожидавшихся в соседней комнате.

Первыми с поздравлениями вошли родители невесты. Все были давно знакомы друг с другом, но обряд знакомства выполнялся серьезно и обстоятельно. Увидев лица будущего тестя и тещи, Токитиро почувствовал облегчение и пошевелил рукой, словно решил почесать в затылке.

Вслед за четой Асано в комнате появилась прелестная девушка лет шестнадцати. Она поклонилась и скромно сказала:

– Я – сестра Нэнэ. Меня зовут Ояя.

Токитиро изумился. Девушка была еще краше, чем его невеста. До сих пор он даже не знал, что у Нэнэ есть младшая сестра. В какой же потайной комнате своего маленького дома прятал Асано этот чудесный цветок?

– Вот и прекрасно. Благодарю вас за то, что пришли. Меня зовут Киносита Токитиро. Сама судьба привела меня сюда. Рад познакомиться.

Удивляясь пристальному вниманию со стороны жениха, которого ей впредь предстояло именовать старшим братом, Ояя кокетливо взглянула на Токитиро, но за спиной у нее толпились другие родственники, с нетерпением дожидавшиеся своей очереди. Они по очереди входили в комнату и знакомились с Токитиро. Вскоре он уже не соображал, кто кому доводится внучатой племянницей, а кто двоюродным дядей, и только удивлялся несметному количеству родственников Нэнэ.

С такой родней потом хлопот не оберешься, но сейчас внезапное знакомство с красавицей сестрой и учтивость, проявленная родственниками Асано, улучшили настроение Токитиро. У него почти не было родственников, но шумная веселая жизнь огромного семейства всегда привлекала его, хотя и казалась недостижимой.

– Господин жених, извольте сесть! – Супруги Нива пригласили его в маленькую комнату, не рассчитанную на такое количество народа, и усадили на почетное место.

Стоял осенний вечер, но в доме было жарко и душно. С карнизов еще не убрали летние щиты от солнца. Слышался стрекот насекомых. Порывы осеннего ветерка колыхали пламя фонариков. В скромной, чисто убранной комнате царил полумрак.

Ни малый размер комнаты для обряда, ни пустота ее не создавали ощущения грусти. Пол был устлан тростниковыми циновками. В углу комнаты был алтарь богам творения, Идзанаги и Идзанами, а перед ним выставлены угощения и сакэ, горела свеча и лежала ветвь священного дерева.

У Токитиро замерло сердце. Начиная с этого вечера...

После завершения церемонии на него лягут все обязанности супруга, он вступит в новую жизнь, неразрывно связанную с судьбой семейства Асано. Токитиро представил себя в новой роли. Самым сильным чувством, которое он сейчас испытывал, была, конечно, любовь к Нэнэ.

Не прояви он такого упорства, она давно бы вышла замуж за другого, но с сегодняшнего вечера их судьбы связаны нерасторжимыми узами.

«Я должен сделать ее счастливой», – подумал он, когда наконец уселся на положенное жениху место. Токитиро жалел свою будущую супругу, потому что женщина держала нити судьбы в своих руках не так уверенно, как мужчина.

Началась главная церемония. Пожилые женщины ввели в комнату Нэнэ и усадили ее рядом с женихом.

Длинные волосы Нэнэ были переплетены алыми и белыми лентами. Верхнее кимоно было из белого шелка с золотым узором. Второе было тоже белое, а нижнее – алого шелка. У Нэнэ не было украшений из золота или серебра. Белила и румяна не коснулись ее лица. Облик невесты соответствовал безыскусности комнаты, в которой она находилась. Красота обряда заключалась не в роскоши нарядов.

– Да будет ваш брак долгим и счастливым! Вечно храните верность друг другу! – обратилась к жениху и невесте пожилая женщина.

Чашечку Токитиро наполнили сакэ, и он осушил ее. Потом налили сакэ невесте и она отпила глоток.

Токитиро очень волновался, сердце колотилось в груди, кровь прилила к голове, а Нэнэ держалась удивительно спокойно. Она вступала в желанный союз, пообещав себе никогда ни в чем не упрекать ни родителей, ни богов, как бы ни сложилась ее супружеская жизнь. Она с трогательной грацией поднесла чашечку к губам и отпила глоток сакэ.

И тогда Нива Хёдзо запел заздравную песнь. Голос его огрубел в многолетних походах и сражениях. Он не успел закончить и первой строфы, как кто-то с улицы принялся подпевать.

С того мгновения, как Хёдзо запел, гости почтительно замолчали. Неучтивость певца повергла всех в изумление, а Хёдзо умолк. Токитиро выглянул в окно.

– Кто там? – спросил слуга у незваного гостя за воротами.

Тот в ответ запел речитативом, подражая актерам театра Но, и неторопливо пошел в сторону веранды. Забыв о торжественной церемонии, Токитиро вскочил со своего места и выбежал на веранду.

– Это ты, Инутиё?

– Господин жених! – Маэда Инутиё откинул капюшон, скрывавший лицо. – Мы пришли совершить обряд омовения. Можно войти?

– Как я рад! Заходи поскорее! – Токитиро захлопал в ладоши.

– Я с друзьями. Ты не против?

– Конечно! Официальная церемония окончена, я вошел в эту семью.

– Что ж, хозяева дома не ошиблись в выборе. Можно попросить у господина Матаэмона чашку? – Инутиё направился в глубь сада. – Нам позволено совершить обряд омовения!

На призыв Инутиё в сад вбежали несколько человек, наполнив его шумом голосов. Здесь были Икэда Сёню, Маэда Тохатиро, Като Ясабуро и Гаммаку, старый друг Токитиро. И даже рябой десятник плотников.

По древнему обряду омовения верных друзей жениха сердечно встречают в доме отца невесты, хотя их не приглашают на свадьбу. Потом друзья берут жениха на руки, выносят в сад и обливают водой.

Сегодня этот обряд оказался не совсем к месту, потому что его, как правило, совершают через полгода или даже через год после свадьбы.

Семейство Матаэмона и Нива Хёдзо возмутились, но жених радостно встретил старых друзей.

– Как? И ты здесь? – улыбался он то одному, то другому приятелю, большинство из

которых он давно не видел.

– Жена! – обратился Токитиро к Нэнэ. – Быстро принеси сюда еду! И сакэ! Да побольше!

– Сейчас!

Нэнэ вела себя так, словно заранее знала о приходе незваных гостей. Согласившись стать женой Токитиро, она понимала, что ее ждут всякие неожиданности, поэтому ничуть не рассердилась. Она переоделась в одежду, в которой занималась домашними делами, и принялась выполнять приказ мужа.

– Разве это свадьба! – в негодовании воскликнул один из приглашенных.

Матаэмон с женой успокаивали огорченных гостей, сам Матаэмон был спокоен. Услышав о приходе незваных гостей во главе с Инутиё, он сначала встревожился, но Инутиё смеялся и шутил с Токитиро, поэтому Матаэмон успокоился.

– Нэнэ! – сказал Матаэмон. – Если вдруг не хватит сакэ, пошли кого-нибудь в лавку. Пусть друзья Токитиро вволю напьются. – Обратившись к жене, он добавил: – Окои, что стоишь без дела? Сакэ подано, а чашечек нет. Невелико наше имущество, но неси сюда все, чем богаты. Я счастлив, Инутиё пожаловал к нам с друзьями.

Окои принесла чашечки, и Матаэмон сам угостил Инутиё. Он любил этого молодого человека, который мог бы стать ему зятем, но судьба распорядилась иначе. Мужская дружба двух самураев от этого не пострадала. Чувства бушевали в груди у Матаэмона, но он, как истинный самурай, не мог дать им волю.

– Я тоже счастлив. У вас такой замечательный зять! Поздравляю всех вас! – сказал Инутиё. – Неловко, что я нарушил торжество. Не сочтите это за непочтительность!

– Мы рады гостям! Будем пить и гулять всю ночь!

Инутиё оглушительно расхохотался:

– Если засидимся до утра, не прогневаешься ли на нас новобрачная?

– Почему? Она не такая! – вмешался в разговор Токитиро. – Нэнэ покорная и благовоспитанная девушка.

Инутиё, подсев поближе к Токитиро, начал поддразнивать его:

– Расскажи-ка поподробнее, что тебе об этом известно? Дело ведь деликатное.

– Прости! Я и так уж наболтал лишнего.

– Я от тебя так легко не отстану! Вот тебе большая чаша.

– Обойдусь и маленькой.

– Какой же ты жених? Где твоя гордость?

Они поддразнивали друг друга, как дети. Токитиро никогда не позволял себе напиваться. С детства он имел перед глазами печальный пример того, до чего доводит человека безудержное пьянство. Сейчас, когда ему силком навязывали большую чашу, он вспомнил лицо пьяного отчима, а потом печальный образ матери, вынесшей столько горя. Он был осмотрительным не по годам.

– Дай мне, пожалуйста, обычную чашечку. А я тебе спою.

– Что?

Токитиро забарабанил ладонями по коленям и запел:

Человеку суждено

Жить под небом лишь полвека...

– Прекрати! – Инутиё ладонью зажал ему рот. – Тебе этого петь не стоит. Эту песню замечательно поет наш господин.

– Я у него и научился. Это ведь не запрещенная песня, что плохого, если я спою ее?

– Не нужно!

– Почему?

– Она неуместна на свадьбе.

– Но князь танцевал под нее в то утро, когда войско выступило на Окэхадзаму. А сегодня вечером мы вдвоем, нищий супруг и его молодая жена, вступаем в большой мир. Все прилично.

– Поход на поле брани – одно дело, а свадебная церемония – другое. Истинные воины надеются со своими женами дожить до глубокой старости.

Токитиро хлопнул себя по колену:

– Верно! Честно говоря, я тоже надеюсь. Если случится война, тогда неизвестно, но я не намерен умирать понапрасну. Полвека супружества мне мало. Хочу целый век счастливо прожить с Нэнэ в любви и верности.

– Хвастун! Станцуй лучше! Не стесняйся!

Призыв Инутиё подхватили и остальные друзья Токитиро.

– Потерпите немного!

Токитиро повернулся в сторону кухни, хлопнул в ладоши и крикнул:

– Нэнэ! Сакэ кончилось!

– Минутку! – ответила Нэнэ.

Она не стеснялась гостей и каждого обнесла сакэ. Никто не удивился, кроме ее родителей и ближайших родственников, которые привыкли относиться к Нэнэ как к малому ребенку. Нэнэ всей душой была предана своему супругу, и Токитиро совсем не робел перед новобрачной. Инутиё, как и следовало ожидать, покраснел, когда Нэнэ подала ему сакэ.

– Нэнэ, с сегодняшнего вечера ты жена господина Токитиро. Позволь еще раз поздравить тебя, – сказал он, принимая из ее рук чашечку с сакэ. – Есть нечто известное всем моим друзьям, потому я и не хочу скрывать это от других. Согласен, Токитиро?

– О чем ты?

– Позволь на минуту одолжить твою жену.

– Пожалуйста! – засмеялся Токитиро.

– Нэнэ, еще недавно говорили, что я влюблен в тебя. Суцая правда. С тех пор ничего не изменилось. Я искренне люблю тебя.

Инутиё говорил все серьезнее. В душе Нэнэ бушевали иные чувства, ведь она только что вышла замуж. Закончилась ее свободная девичья жизнь. Забыть своих чувств к Инутиё она не могла.

– Нэнэ, говорят, что юные особы безрассудны, но ты поступила мудро, выбрав не меня, а Токитиро. Я отказался от тебя, хотя и не перестал любить. Любовная страсть – загадочное чувство, но признаюсь, что я на самом деле люблю Токитиро гораздо сильнее, чем тебя. Я отдал тебя другу в знак любви к нему. Я обошелся с тобой как с вещью, но таковы по природе все мужчины. Правда, Токитиро?

– Я догадывался об истинных мотивах твоего поступка, потому и принял твой дар.

– Попробовал бы не принять его! Тогда бы ты не просто обидел меня, а стал глупцом в моих глазах! Ты получил в жены девушку, которая выше тебя во всех отношениях.

– Не говори глупости!

– Ха-ха-ха! Все равно я счастлив. Послушай, Токитиро. Мы дружим много лет, но мог ли ты представить, что нас ждет такая счастливая ночь?

– Нет.

– Нэнэ, где тут у вас барабан? Я сыграю, а гости пусть станцуют. Киносита человек невоспитанный и бесчувственный, он, я думаю, и танцевать не умеет.

– Я станцую для гостей, хотя и не очень ловка в этом, – внезапно сказала Нэнэ.

Инутиё, Икэда Сёню и остальные гости изумленно уставились на молодую жену. Нэнэ раскрыла веер и под барабан, на котором заиграл Инутиё, двинулась в танце.

– Прекрасно! – Токитиро хлопал в ладоши и был так счастлив, словно сам кружился в танце. Все изрядно выпили, и никто не чувствовал усталости. Кто-то предложил отправиться на прогулку в Сугагути, самое живописное место Киёсу. Во всей компании не нашлось трезвого человека, который отговорил бы гостей от этой затеи.

– Пошли!

Токитиро, первым выскочив на улицу, возглавил шествие. Родителей и родственников Нэнэ особенно возмутило то, что веселая ватага друзей, без приглашения явившаяся в дом для совершения обряда омовения, в суматохе забыла о том, за чем пришла, и вывалилась на улицу в обнимку с женихом.

– Бедная, бедная невеста... – Родня жалела Нэнэ, которую гуляки оставили дома.

Оглядевшись по сторонам, ее не нашли. Ведь только что она здесь танцевала! Оказывается, Нэнэ выскользнула через боковую дверь на улицу. Она крикнула мужу, окруженному пьяными друзьями:

– Хорошенько повеселитесь! – и кинула Токитиро собственный кошелек.

Молодые люди из крепости часто навещали питейное заведение «Нунокава». Расположенное в старинном квартале Сугагути, оно, говорят, возникло на месте винной лавки, которую держали купцы, поселившиеся здесь задолго до того, как к власти в Овари пришел Сиба, а потом Ода. Старинный дом издали бросался в глаза.

Токитиро был частым гостем здесь. Стоило ему не прийти, и его друзья, и трактирщики чувствовали, что веселью чего-то не хватает. Свадьба Токитиро послужила завсегдаям поводом для того, чтобы как следует выпить.

– Почтенные гости, добрые хозяева! Извольте поприветствовать нового гостя! Мы привели жениха, равного которому не сыщешь на земле! Догадайтесь, кто он? Самурай по имени Киносита Токитиро! Пейте и веселитесь! Здесь мы и совершим обряд омовения!

Ноги у гуляк заплетались, языки тоже. Едва держался на ногах и Токитиро.

Хозяин переглянулся со слугами, но, сообразив наконец, в чем дело, разразился громким хохотом и с восторгом выслушал историю о том, как жениха похитили в разгар свадьбы.

– Это не обряд омовения, а похищение жениха! – сказал трактирщик.

В ответ грянул смех. Токитиро, которого под руки втащили в трактир, оглядывался, словно прикидывал, в какую сторону бежать, но верные друзья окружили его, громогласно заявив, что он будет их пленником до рассвета. Все потребовали сакэ.

Никто не знает, сколько они выпили. Вскоре песни и танцы смешались в оглушительный шум.

В конце концов все рухнули на пол и тут же заснули: кто широко раскинув руки и ноги, кто подложив ладони под голову. В трактире гулял осенний холодок.

Инутиё внезапно поднял голову и прислушался. Проснулся и Токитиро. Открыл глаза Икэда Сёню. Они тревожно осматривались по сторонам. Их разбудил стук копыт на улице.

– Что это?

– Отряд, и не маленький! – Инутиё хлопнул себя по колену, словно вспомнив о чем-то. – Должно быть, возвращается Такигава Кадзумасу. Его посылали на переговоры с Токугавой Иэясу в Микаву. Верно, он.

– Конечно. Везет из Микавы ответ, заключит ли клан Токугава союз с Одой или будет по-прежнему уповать на Имагаву?

Гуляки один за другим нехотя поднимались, но трое друзей торопливо вышли из

«Нунокавы». Они помчались к главным воротам крепости на звук конских копыт и человеческих голосов.

Кадзумасу, после прошлогодней битвы под Окэхадзамой, несколько раз ездил на переговоры в Микаву. Весь Киёсу знал, что Такигаве князь поручил добиться союза Токугавы Иэясу с кланом Ода.

До недавнего времени Микава была слабой провинцией, зависевшей от Имагавы. Овари, которая тоже числилась в отсталых провинциях, нанесла сокрушительной удар могущественным Имагава, поэтому многие князья поверили в то, что среди возможных правителей всей страны первое место занимает теперь князь Ода Нобунага. И воинская мощь, и боевой дух клана Ода окрепли, желанный союз провинций пока скромно именовался содружеством, и сложная игра велась во имя того, чтобы клан Ода получил ведущую роль в новом объединении.

Чем меньше провинция, тем решительней должен быть ее князь. Микаву можно завоевать молниеносным штурмом. После гибели Ёсимото его провинция оказалась на роковом распутье. Подчиниться ли клану Имагава во главе с Удзидзанэ или перейти под покровительство Оды?

Токугава колебались, поскольку имели множество доводов как в пользу так и против союза с Одой. Старшие вассалы держали советы, принимали и отправляли послов на переговоры. А в это время шла война на границе Суруги и Микавы. Не прекращались и частые стычки между окраинными крепостями Микавы и Оды. Никто не мог предположить, как повернется судьба той или иной провинции, когда начнется очередное кровопролитие. Помимо Оды и Токугавы, существовало множество других кланов, которые ожидали начала войны, – Сайто из Мино, Китабатакэ из Исэ, Такэда из Каи и Имагава из Суруги. Ни один из кланов не мог похвастаться решающим преимуществом. Токугава Иэясу не стремился начать войну, а Нобунага прекрасно понимал, что победа над кланом Токугава не стоит крови его воинов. Иными словами, Нобунага не хотел первым вступать в войну, но скрывал истинные устремления, чтобы клан не сочли слабым. Нобунага, зная упорство и долготерпение рода Токугава, ловко играл на этих качествах.

Мидзуно Нобутомо был комендантом крепости Огава. Он считался вассалом Оды, но доводился родным дядей Токугаве Иэясу. Нобунага попросил его о посредничестве в переговорах. Нобутомо встретился с Ирясу и его старшими советниками, чтобы склонить их на сторону Оды. Теснимый со всех сторон клан Токугава, кажется, пришел к определенному решению, и вскоре должен был поступить ответ от Иэясу. За ним и послали Такигаву Кадзумасу в Микаву. Принял ли Иэясу предложение Нобунаги о военном союзе? Кадзумасу, невзирая на поздний час, немедленно поспешил в крепость. Он был одним из самых опытных военачальников клана и превосходным знатоком оружейного дела и лучником.

Нобунага ценил его ум выше, чем меткость в стрельбе. Такигава был немногословен, каждое слово было взвешенно и убедительно. Он отличался живым и здравым умом, поэтому Нобунага счел его лучшим посредником на важной стадии переговоров.

Было далеко за полночь, но Нобунага не спал, поджидая Кадзумасу в зале для приемов. Кадзумасу, не успевший даже переодеться с дороги, низко склонился в поклоне перед князем. В такие моменты человеку, облеченному ответственной миссией, не до того, чтобы смыть пыль и пот, переодеться и причесаться с дороги. Да и Нобунага первым бы не удержался от издевки:

– Вырядился, чтобы цветочками полюбоваться?

Кадзумасу не раз был свидетелем того, как распекали в таком положении других, поэтому он, не переведя дух, в одежде, пропахшей конским потом, поспешил к князю. Нобунага редко заставлял своих подданных подолгу ждать себя.

Нобунага горел нетерпением узнать ответ Иэясу.

Ответ оказался кратким. Среди вассалов Нобунаги были такие, кто запинаясь, заводил

разговор на посторонние темы или распространялся о мелочах. Вразумительный отчет у таких получить было трудно. Нобунага злился, слушая этих болтунов, мрачней на глазах.

– Ближе к делу! – обрывал он заговорившегося вассала.

Кадзумасу хорошо это знал. Он заговорил без промедления:

– Мой господин, я привез хорошие новости. Соглашение с князем Иэясу достигнуто, причем принято большинство ваших условий.

– Удалось, значит...

– Да, мой господин.

Лицо Нобунаги оставалось бесстрастным, но в глубине души он почувствовал облегчение.

– Мы договорились обсудить дальнейшие шаги на встрече с Исикавой Кадзумасой из клана Токугава, которая состоится в крепости Наруми.

– Князь Микавы согласен действовать вместе с нами?

– Под вашим началом.

– Молодец!

Нобунага в первый раз позволил себе похвалить вассала. Затем тот перешел к подробному отчету.

Встреча князя с посланцем закончилась на рассвете. Рано утром слух о союзе Оды с князем Микавы уже передавался из уст в уста.

Секретные сведения о предстоящей встрече представителей двух кланов в крепости Наруми для подписания договора и о приезде Иэясу в Киёсу на первую встречу с Нобунагой на Новый год были тайной для вассалов Оды.

Инутиё, Сёню, Токитиро и другие молодые самураи, очнувшиеся от хмельного сна в трактире в Сугагути, сразу поняли, что за всадник пронесся по улицам, и поспешили за ним в крепость. Они с нетерпением ждали известия о войне или мире с Микавой.

– Радостная весть! – сообщил друзьям Тохатиру, юный оруженосец князя.

– Союз заключен?

Они и ждали такого решения, но, услышав подтверждение, обратились мыслями в будущее.

– Теперь мы сможем начать войну, – сказал один из самураев.

Вассалы Нобунаги радовались союзу с Микавой вовсе не потому, что удалось избежать войны. Заключив союз с провинцией, которая угрожала им с тыла, они готовы были встретить могущественного врага.

– Наш князь получил доброе известие.

– Да и Микаве повезло.

– Теперь можно спокойно поспать. У меня глаза слипаются, – сказал один из друзей Токитиро.

– А мне совсем не хочется спать! У меня был счастливый вечер и утро прекрасное! Стоит вернуться в Сугагути и выпить еще сакэ! – весело отозвался Токитиро.

– Не придумывай! По правде, тебе хочется отправиться к Нэнэ. Да и то сказать – тебе разве не интересно, как молодая жена провела первую брачную ночь? Господин Токитиро! Не хочешь ли ты опозориться? Следовало бы отпроситься со службы на целый день и отправиться домой. Тебя там с нетерпением ждут, – отшутился Сёню.

– Действительно!

Токитиро сорвался с места под оглушительный хохот друзей. В крепости ударили в большой барабан, и все поспешили на свои места.

– А вот и я!

Ворота в доме Асано Матаэмона были невысокими, но Токитиро они показались

грамаднымі. Голос яго звучал звонка, а радасць была неподдільнай.

– Ой!

Оя, младшая сестренка Нэнэ, игравшая в мяч на лестнице, вытаращила глаза на Токитиро. Ей показалось, что к ним пришел гость, но, увидев мужа сестры, она захихикала и скрылась в глубине дома.

Токитиро тоже рассмеялся. Он был в непривычно веселом настроении. Он ушел развлекаться с друзьями, потом из трактира отправился в крепость и вернулся домой только к вечеру через сутки после начала свадебной церемонии. Сегодня фонарики не горели у входа, но, по обычаю, для ближайших родственников свадебные торжества должны длиться три дня. У порога Токитиро увидел много чужих сандалий.

– Вот я и дома! – воскликнул молодой муж.

Никто не вышел встретить его, значит, хозяйева хлопочут в кухне или сидят с гостями в гостиной, подумал Токитиро. Со вчерашнего дня он стал своим в этом доме. И значит, вместе с тестем и тещей – полноправным хозяином. Может, ему и входить не следовало, пока они не выйдут встречать его.

– Нэнэ! Я пришел!

Со стороны кухни послышался удивленный возглас. Матаэмон, его жена, Оя, родственники и слуги вышли в прихожую и с недоумением уставились на него, словно не понимая, зачем он явился. Наконец появилась и Нэнэ. Она быстро сняла передник и опустилась на колени.

– Добро пожаловать! С возвращением!

Все остальные вслед за Нэнэ выказывали Токитиро почтение, выстроившись в ряд и поклонившись. Только родители Нэнэ держались так, будто просто вышли посмотреть, кто пришел.

Токитиро взглянул на Нэнэ, перевел взгляд на гостей и поклонился всем сразу. Затем решительно направился к тестю, учтиво поклонился ему и начал рассказывать о том, что произошло сегодня в крепости.

Со вчерашнего дня Матаэмон пребывал в гневе. Ему хотелось поставить зятя на место, упрекнуть в непочтительности к новым родственникам и неподобающем поведении с Нэнэ. Токитиро вернулся как ни в чем не бывало, и Матаэмон решил не откладывать объяснения, невзирая на присутствие посторонних. Но Токитиро держался так спокойно и уверенно, что Матаэмон попросту забыл о своем намерении. Токитиро прямо с порога принялся докладывать ему новости из крепости, о настроении князя Нобунаги. Матаэмон невольно смягчился и миролюбиво произнес:

– Похоже, у тебя выдался нелегкий денек.

В результате он похвалил Токитиро, вместо того чтобы обругать.

Токитиро до позднего вечера оставался с гостями, забавляя их рассказами. Большинство гостей разошлись по домам, но несколько родственников заночевали у Матаэмона, потому что они жили слишком далеко. Нэнэ все время хлопотала на кухне, и слуги едва не падали от усталости.

И даже теперь, когда Токитиро вернулся, у молодоженов не было времени обменяться хотя бы улыбками, не говоря уж о том, чтобы остаться вдвоем. Глубокой ночью Нэнэ отнесла в кухню посуду, распорядилась о завтраке, убедилась, что оставшиеся гости удобно устроились, и только после этого распустила шнурки на рукавах кимоно. Она пошла искать того, кто стал ее мужем.

В комнате, отведенной им под спальню, расположились родственники с детьми. В гостиной все еще сидели родители Нэнэ, беседовавшие с близкой родней.

«Где же он?» – подумала Нэнэ. Она вышла на веранду, и тут из боковой комнаты для слуг донесся голос мужа:

– Нэнэ?

Нэнэ хотела ответить, но голос вдруг отказал ей. Сердце бешено забилося. Она не могла поднять глаза на Токитиро.

– Иди сюда! – позвал Токитиро.

Нэнэ слышала голоса родителей. Она стояла, не зная, что ей делать, и тут увидела благовонную палочку, которая дымилась на веранде, отгоняя комаров. Нэнэ взяла ее и робко пошла в боковую комнату.

– Ты здесь собираешься спать? Сколько комаров!

Токитиро улегся на голом полу и посмотрел на свои босые ступни.

– А, комары...

– Ты, верно, очень устал.

– Ты тоже. Родственники возражали, но я же не мог допустить, чтобы старики спали в комнате для слуг.

– Но в таком месте... На голом полу...

Нэнэ хотела встать, но Токитиро удержал ее.

– Мне приходилось спать и на земле. Тело мое закалено нищетой. – Он сел. – Нэнэ, подойди поближе.

– Хорошо... – неуверенно сказала Нэнэ.

– Молодая жена – как новый бочонок для сакэ. Если его долго не использовать, он высыхает, а со временем и обручи лопаются. Не следует и супругу забывать о своих обязанностях. Мы собираемся прожить вместе долгую жизнь и поклялись друг другу в верности до старости, но судьба у нас будет нелегкой. Пока мы полны теми чувствами, которые испытываем сейчас, нам надо кое-что пообещать друг другу.

– Я согласна. Я сдержу свое обещание, что бы ни случилось, – твердо произнесла Нэнэ.

Токитиро был очень серьезен, почти мрачен, но Нэнэ радовалась и тому, что на лице у него наконец появилось торжественное выражение.

– Во-первых, как супругу, мне хотелось бы сказать, что я жду от тебя.

– Изволь.

– Моя матушка – бедная женщина, живущая в деревне. Она даже не приехала к нам на свадьбу, но она больше всех на свете обрадовалась моей женитьбе.

– Понятно.

– Когда-нибудь матушка будет жить вместе с нами. Твои заботы о супруге должны отойти на второе место. Я мечтаю, чтобы ты всецело посвятила себя моей матушке и принесла ей счастье.

– Хорошо.

– Матушка родом из самурайской семьи, но задолго до моего появления на свет она обеднела. Ей пришлось растить нескольких детей в великой нищете, а ведь в таких обстоятельствах и одного ребенка поставить на ноги равносильно подвигу. У нее никогда не было никакой радости, даже нового хлопчатого кимоно на зиму или на лето. Она не получила образования, говорит по-деревенски и не знает этикета. Способна ли ты отнестись к такой женщине с искренней любовью? Будешь ли ты уважать ее и заботиться о ней?

– Да. Если твоя мать будет счастлива, значит, и ты будешь счастлив. По-моему, это естественно.

– Твои родители находятся в добром здравии. И я собираюсь обходиться с ними так же почтительно и заботливо, как ты с моей матушкой.

– Спасибо тебе.

– Хочу попросить тебя еще кое о чем. Родители воспитали тебя добродетельной девушкой, обучив всем правилам хорошего тона. Я вовсе не прихотлив. Мне достаточно полагаться на тебя только в одном.

– Я слушаю.

– Мне хочется, чтобы ты чувствовала себя счастливой от сознания того, что твой муж состоит на службе у князя, что он занят своим делом. Только и всего. Звучит просто, не правда ли? Легкой жизни у тебя не будет. Посмотри на мужей и жен, проживших вместе долгие годы! Есть жены, не представляющие, чем занимаются их мужья. Такие мужья – несчастные люди, даже если они отдают все силы, служа стране. В собственном доме они выглядят жалкими и слабыми, вызывая сожаление. Только муж, жена которого разделяет его служебные заботы, может бесстрашно идти на бой. По-моему, это главное призвание жены самурая.

– Понимаю.

– Вот и хорошо. А теперь давай послушаем, какие надежды ты возлагаешь на меня. Говори честно, обещаю все исполнить.

Нэнэ упорно молчала.

– Если ты не хочешь назвать свои желания, позволь я сам их перечислю.

Нэнэ улыбнулась и тут же потупила взгляд.

– Супружеская любовь?

– Нет...

– Верная любовь?

– Да...

– Рождение здорового сына?

Нэнэ задрожала. Если бы здесь горела лампа, то Токитиро заметил бы, что она стала пунцовой, как мак.

На следующее утро после завершения трехдневного свадебного торжества Токитиро и его жена облачилась в самые дорогие кимоно для участия еще в одной церемонии. Они должны были нанести визит князю Нагое, выступившему посредником в их бракосочетании, и посетить еще несколько домов. Молодым казалось, что весь Киёсу смотрит на них.

– Зайдем к господину Отоваке, – предложил Токитиро.

– А, Обезьяна! – воскликнул Отовака, но тут же осекся. – Токитиро!

– Я хочу познакомить тебя с женой.

– Что? А, ну да, конечно же! Почтенная дочь лучника, господина Асано. Счастливчик, ничего не скажешь!

Всего семь лет назад Токитиро вошел на эту веранду невзрачным продавцом иголок в грязных лохмотьях, голодный. Когда его угостили, он жадно набросился на еду.

– Тебе так везет, что дух захватывает, – сказал Отовака. – Ладно, заходи. В доме, правда, не убрано.

Отовака окликнул жену и сам проводил гостей. В этот миг с улицы раздался громкий крик. Это был глашатай, спешивший от одного дома к другому.

– Немедленно прибыть к месту службы! Приказ князя Нобунаги!

– Приказ? – переспросил Отовака. – Значит, с оружием.

– Господин Отовака, – сказал Токитиро, – я быстро переоденусь и сразу же приду в отряд.

До сегодняшнего дня ничто не предвещало приближения серьезных событий. Токитиро не заметил ничего настораживающего в гостях у князя Нагои. Зачем их собирают? Врожденная сообразительность Токитиро сейчас была бессильна. Стоило при нем произнести слова «война»

или «битва», он сразу же догадывался, кто противник и куда направится войско. Но женитьба отвлекла его на время от текущих дел. Он задумчиво шел по самурайскому кварталу, обитатели которого с оружием выскакивали на улицу и мчались на место сбора.

Из крепости галопом вылетело несколько всадников. Токитиро предположил, что войску предстоит далекий поход.

Нэнэ, опередив мужа, поспешила домой.

– Киносита! Киносита! – услышал Токитиро в квартале лучников.

Обернувшись, он увидел Инутиё. Самурай сидел на коне в тех же доспехах, в которых сражался при Окэахадзаме, за спиной у него на бамбуковом шесте трепетал стяг с изображением цветка сливы.

– Я только что прибыл по приказу господина Матаэмона. Бери оружие и поскорее в отряд.

– Выступаем? – спросил Токитиро.

Инутиё спешил.

– Как дела?.. В последнее время?..

– О чем ты?

– Не притворяйся. Я хотел спросить, стали ли вы по-настоящему мужем и женой.

– Не беспокойся.

Инутиё громко рассмеялся:

– В любом случае мы отправляемся на войну. Опоздаешь, так тебя поднимут на смех, мол, ясное дело – молодожен.

– Я не обижусь.

– Нам предстоит выйти к реке Кисо. Две тысячи пеших воинов и всадников.

– Значит, поход на Мино.

– Поступило секретное сообщение, будто Сайто Ёситацу из Инабаямы внезапно заболел и умер. Идем туда, чтобы выяснить, есть ли доля истины в этой истории.

– Посмотрим. Летом, помнишь, такие же слухи ходили, и сколько волнений тогда пережили.

– На этот раз, похоже, все верно. С точки зрения фамильных интересов дело выглядит так: Ёситацу убил князя Досана, а тот доводился тестем князю Нобунаге. По совести, Ёситацу нам враг, и мы не можем жить с ним под одним небом. Если нашему клану суждено стать главным, так мы обязаны вторгнуться в Мино.

– И этот день близок!

– Выступаем сегодня вечером!

– Нет. Не думаю, что наш князь пойдет на откровенное вторжение.

– Войско возглавят князья Кацуиэ и Нобумори. Нашего господина с нами не будет.

– Если Ёситацу мертв, а его сын Тацуоки – совершенный глупец, остается троица из Мино – Андо, Иё и Удзииэ. Они-то живы. К тому же есть еще и Такэнака Хамбэй, который, по слухам, уединился в Курихаре. Положение сложное.

– Такэнака Хамбэй? – переспросил Инутиё. – Тройка известна далеко за пределами Мино, но неужели Такэнака представляет угрозу?

– Несомненно. Я – единственный его почитатель во всей Овари, – ответил Токитиро.

– Откуда ты узнал о нем?

– Я провел долгое время в Мино. – Токитиро запнулся на полуслове. Он никогда не рассказывал Инутиё о своих скитаниях, о времени, проведенном у Короку в Хатидзуке, о тайной миссии в Инабаяме. – Ладно, нечего время терять.

Инутиё вскочил на коня:

– Увидимся на месте сбора.

– До встречи!

Друзья разошлись в разные стороны.

– Вот и я! – по обыкновению громко возвестил Токитиро, давая знать всем в доме – от кухонного слуги до хозяев, что молодой хозяин вернулся. Сегодня Токитиро не ждал, когда кто-нибудь выйдет его встретить.

Войдя к себе в комнату, Токитиро не поверил собственным глазам. На новой циновке были разложены его оружие и доспехи. Нэнэ не забыла о коробочке с лекарствами, об амулете и провизии, словом, обо всем, что может понадобится воину, собирающемуся в поход.

– Я все собрала.

– Замечательно! Спасибо тебе!

Он бездумно похвалил, но вдруг его осенило, что, восхищаясь женой, до сих пор недооценивал ее. Она превзошла все его ожидания.

Токитиро облачился в доспехи, и Нэнэ попросила его не беспокоиться о ней. Она наполнила священным сакэ глиняную чашечку.

– Береги себя.

– Хорошо.

– У меня нет времени попрощаться с твоим отцом. Передай ему поклон от меня.

– Матушка и Ояя отправились в храм Цусима, а отцу приказано оставаться в крепости, и он прислал записку, что не придет ночевать.

– Ты остаешься одна?

Нэнэ отвернулась, но не заплакала.

С его тяжелым шлемом в руках она напоминала цветок, склонившийся под порывом ветра. Токитиро надел шлем, и в воздухе поплыл аромат алоэ. Он ласково улыбнулся жене и туго завязал пропитанные благовонием шнуры.

Книга третья.

Пятый год Эйроку.

1562

Персонажи и места действия

Сайто Тацуоки – князь Мино

Ояя – сестра Нэнэ

Сакума Нобумори – старший вассал князя Нобунаги

Экэй – буддийский монах из западных провинций

Осава Дзиродзаэмон – комендант крепости Унума, старший вассал Сайто

Хикоэмон – имя, данное Хатидзукэ Короку, когда он стал стражником Хидэёси

Такэнака Хамбэй – комендант крепости на горе Бодай, старший вассал Сайто

Ою – сестра Хамбэя

Кокума – слуга Хамбэя

Хорио Москэ – оруженосец Хидэёси

Хосокава Фудзитака – вассал сёгуна

Ёсиаки – четырнадцатый сёгун из династии Асикага

Асакура Кагэюки – военачальник из клана Асакура

Инабаяма – главный город провинции Мино

Гора Курихара – горное убежище Такэнаки Хамбэя

Суномата – крепость, возведенная Хидэёси

Гифу – название, данное Нобунагой городу Инабаяма

Итидзёгадани – ключевая крепость клана Асакура

Крепость на воде

В те дни на улицах города-крепости Киёсу дети распевали шуточную песенку о приближенных Нобунаги:

Хлопковый Токи,
Рисовый Городза,
Скрытный Кацуиэ,
Озябший Нобумори.

Хлопковый Токи – Киносита Токитиро – выступил в поход во главе небольшого войска. От его воинов требовалась полная боевая готовность, но их воинский дух был низок, а дисциплина оставляла желать лучшего. Сибата Кацуиэ и Сакума Нобумори двинулись на Суномату под барабанный бой и с развевающимися знаменами. Токитиро же выглядел скорее чиновником в инспекционной поездке или командиром запасного отряда.

В двух ри от Киёсу отряд Токитиро нагнал одинокий всадник. Он распорядился остановить войско.

– Это же господин Маэда Инутиё! – воскликнул старший в обозе и послал с этой вестью человека к Токитиро.

Приказ остановиться был передан по цепочке, хотя воины еще не успели устать. Командиры и рядовые воины насторожились, потому что не верили в свою способность победить. На лицах всех независимо от чина и должности не было желания вступать в бой.

Инутиё, спешившись, пошел в голову колонны, прислушиваясь к разговорам воинов.

– Вот и привал!

– Так рано?

– Отдохнуть никогда не вредно.

– Инутиё? – Издали завидев друга, Токитиро спешил и бросился ему навстречу.

– Предстоящее вам сражение станет поворотным пунктом в судьбе клана Ода, – неожиданно произнес Инутиё. – Я всецело доверяюсь тебе и полагаюсь на твои силы, но весь этот поход не нравится вассалам, и в городе становится все беспокойнее. Я приехал попрощаться. Токитиро, командовать целым войском – это совсем не то, чем ты занимался раньше. Признайся, ты действительно уверен в своих силах?

– Не беспокойся, – уверенно кивнул Токитиро и добавил: – Я кое-что придумал.

Выслушав затею во всех подробностях, Инутиё нахмурился:

– Я слышал о том, что, едва получив распоряжение князя, ты послал Гондзо гонцом к Хатидзуке.

– Уже слышал? Это ведь страшная тайна!

– Мне сказала об этом Нэнэ.

– Женщины болтливы без меры! И Нэнэ тоже.

– Не беспокойся и не упрекай ее. Я подошел к вашему дому, чтобы поздравить тебя с новым назначением, и нечаянно подслушал разговор Нэнэ с Гондзо. Она только что вернулась из храма Ацута, где молилась за твой успех.

– В таком случае ты, верно, уже сообразил, что я задумал.

– Неужели ты надеешься, что эти разбойники, которых ты просишь о помощи, окажутся надежными союзниками? А вдруг ты не сможешь с ними поладить?

– Смогу.

– Ну, допустим, хотя я и не понимаю, что ты им посулил. Согласился ли их главарь принять твоё предложение?

– Не хочу говорить об этом вслух.

– Тайна?

– Взгляни!

Токитиро извлек из-под доспехов письмо и молча протянул его Инутиё. Это был ответ Хатидзуки Короку, доставленный Гондзо накануне вечером. Инутиё, прочитав его, не произнес ни слова, но, возвращая письмо Токитиро, с удивлением посмотрел на друга. Он смешался, не зная, что сказать.

– Надеюсь, теперь ясно?

– Токитиро, это явный отказ! Хатидзука пишет, что несколько поколений его клана находятся в тесных отношениях с кланом Сайто и что бесчестно порвать с ним сейчас и переметнуться на сторону Оды. Недвусмысленный отказ. Или ты углядел что-то между строк?

– То же, что и ты. – Токитиро понурился. – Горько уклончиво говорить с тобой после того, как ты доказал свою верность, примчавшись сюда ради прощания со мной. Умоляю, вернись в крепость и спокойно служи, пока я в походе.

– Значит, ты уверен в себе. Что ж, тебе виднее.

– Не тревожься.

Токитиро велел ехавшему рядом самураю привести коня Инутиё.

– Не трать время попусту, поезжай!

Токитиро вскочил в седло как раз в тот момент, когда привели коня Инутиё.

– Что ж, до встречи! – Махнув другу рукой, Токитиро поскакал вперед.

Инутиё вдруг показалось, что перед глазами у него мелькнули красные знамена без опознавательных знаков. Оглянувшись, Токитиро с улыбкой наблюдал за другом. Огромные красные стрекозы беззаботно порхали в воздухе. Инутиё молча помчался в крепость Киёсу.

Мох в саду был удивительно густым и мягким. Сад усадьбы Хатидзуки походил на храмовый сад, куда не допускают посторонних. Заросли бамбука зеленели под сенью скал. Солнце клонилось к вечеру, вокруг царил тишина.

«Сад многое пережил», – подумал вдруг Хатидзука Короку, войдя в ворота. Этот сад связывал его со многими поколениями предков, в давние времена поселившихся в Хатидзуке. «Неужели и мне суждено сгинуть, не основав славного рода. С другой стороны, – утешал себя Короку, – в таких испытаниях и предки повели бы себя так же». Что-то в глубине его души не поддавалось на подобные уговоры.

В спокойные дни, как сегодня, старый дом выглядел обыкновенным замком, окруженным густой зеленью, и невозможно было представить, что его хозяин – предводитель шайки ронинов в несколько тысяч человек, которые волками рыскали по глухим тропам охваченной злосчастиями страны. Используя тайных сторонников в Мино и в Овари, Короку обрел достаточную силу и влияние, чтобы не покориться воле Нобунаги.

Проходя по саду, Короку крикнул в сторону главного здания:

– Камэити! Иди сюда, да не забудь оружие!

Камэити, старшему сыну Короку, было одиннадцать лет. Услышав отцовский приказ, он взял два учебных копья и спустился в сад.

– Чем ты занимался?

– Читал.

– Пристрастишься к книгам, так забудешь о Пути Воина. Понял?

Камэити поступился. Мальчик отличался от могучего кряжистого отца и внешне, и по

складу характера. Его тянуло к умным беседам и изящным манерам. Всем казалось, что Короку повезло с наследником, но судьба сына не давала покоя отцу. Две с лишним тысячи его воинов были людьми грубыми и невежественными, обыкновенными сельскими самураями. Не удастся главе клана удержать их в руках, так о Хатидзуке вскоре никто и не вспомнит. В мире зверей слабый становится добычей сильного.

Каждый раз Короку, глядя на сына, испытывал страх, что пришел конец их фамильному древу. В душе он бранил Камэити за благородство и страсть к учению. В свободную минуту он учил мальчика боевым искусствам, пытаясь вдохнуть в него хотя бы искорку воинственного духа, которым обладал сам.

– Возьми копье!

– Слушаюсь!

– Прими правильную стойку и нанеси мне удар. Забудь, что перед тобой отец.

Короку с копьем напал на сына, словно имел дело со взрослым соперником.

От громopodobного голоса отца Камэити зажмурился и отступил на шаг назад. Безжалостное копье Короку больно ударило мальчика по плечу. Камэити, вскрикнув, без чувств упал на землю.

Мацунами, жена Короку, уже примчалась в сад, пылая от гнева.

– Куда он тебя ударил? Камэити! Сынок! – запричитала она.

Не скрывая от мужа раздражения, Мацунами распорядилась принести в сад воду и притирания.

Слуги старались держаться подальше от своего господина. Короку имел свирепый вид.

– Глупая ты женщина! – обрушился он на жену. – Нечего плакать и утешать его! Камэити по твоей вине такой слабак. Не умрет! Ступай прочь отсюда!

Мацунами отерла слезы и тем же полотенцем вытерла кровь с разбитой губы Камэити. Она крепко обняла сына. Губу он или прикусил, или разбил о камень при падении.

– Ему ведь больно! Соображать надо, ребенок же перед тобой!

Мацунами никогда не вступала с мужем в спор. Как у всех женщин тех времен, ее единственным оружием были слезы.

Камэити наконец очнулся.

– Все хорошо, матушка. Пустяки, – промолвил он.

Затем взял копье и поднялся на ноги, скрежеща зубами от боли, но, пожалуй, впервые выказав силу воли, которая могла бы порадовать его отца.

– Я готов к бою, – сказал он.

– Вот и ударь меня как следует, пока ты такой решительный, – ухмыльнулся Короку.

В это время в саду появился один из его подданных. Он сообщил Короку, что к главным воротам прибыл какой-то всадник, назвавшийся посланцем от князя Нобунаги. Он привязал лошадь у ворот и заявил, что ему необходимо поговорить с Короку наедине.

– И вообще он какой-то странный, – добавил подданный. – Без спросу прошел через главные ворота, один, без свиты, словно у себя дома. Говорил при этом какую-то ерунду, мол, тут все, как и прежде. Голуби и те гуляют, как всегда. Заметил, что павлония очень подросла... Что-то не похож он на посланца клана Ода.

Короку задумался.

– Как его зовут? – спросил он.

– Киносита Токитиро.

– Ясно!

Сомнения Короку мгновенно растаяли.

– Должно быть, это тот же человек который писал мне раньше. Разговаривать мне с ним не

о чем. отошлите его прочь!

Подданный отправился исполнять приказ.

– Прошу тебя, – сказала Мацунами, – пожалуйста, избавь Камэити от тренировок хотя бы сегодня. Смотри, какой он бледный. И губа распухла.

– Г-м-м... Ладно, заberi его.

Короку оставил и сына, и копыа заботам жены.

– Не балуй его. И не давай ему много книг. С годами он тебя за это не поблагодарит!

Короку направился к дому. Он было уже снял сандалии, когда перед ним вырос все тот же подданный.

– Господин, приезжий ведет себя странно. Отказывается уходить. Он через боковые ворота прошел на конюшню и разговаривает с конюхом и садовником, словно они старинные его знакомые.

– Я приказал вышвырнуть его! Нечего церемониться с людьми Оды!

– Да я и не выказывал вежливость, но когда люди подступились к нему, грозя перекинуть его через стену, он попросил меня еще раз сходить к вам. Он просил передать, что он тот самый Хиёси, который повстречался вам десять лет назад на реке Яхаги. Держался при этом с таким видом, будто его и пальцем нельзя тронуть.

– Река Яхаги? – недоуменно произнес Короку.

– Вы его не помните?

– Нет.

– Выходит, он и впрямь чудаковат. Побить его, посадить на лошадь, да и погнать до самого Киёсу? – спросил подданный, которому надоело бегать взад-вперед. С лицом, не предвещавшим ничего хорошего для Токитиро, он побежал к воротам. Короку, стоя уже на веранде, внезапно остановил его:

– Стой!

– Слушаюсь!

– А это, случаем, не Обезьяна?

– Вам знакомо это прозвище? Он сказал, что, если вы не вспомните Хиёси, то непременно припомните Обезьяну.

– Обезьяна!

– Вы с ним знакомы?

– Смьшленный был парнишка, крутился тут какое-то время. В саду подметал и Камэити нянчил.

– Не странно ли, что он прибыл от самого Нобунаги?

– Занятно! Как он выглядит?

– Очень важно.

– Да ну?

– В короткой накидке поверх доспехов и, похоже, проделал приличный путь. Конь в пыли и в грязи, а к седлу привьючен короб со съестными припасами и другими походными пожитками.

– Впусти его в дом.

– В дом?

– Надо посмотреть, о ком идет речь.

Короку уселся на веранде.

Хатидзука находилась недалеко от крепости Киёсу. Деревня была частью провинции, которой правил клан Ода, но Короку не признавал Нобунагу и не состоял у Оды на службе. Его отец и Сайто из Мино постоянно поддерживали друг друга, а разбойники-ронины умеют хранить преданность. В эти тревожные времена они могли бы не хвастаясь сказать, что держат

свои обещания вернее, чем истинно самурайские семьи. Жили они в дикости, разбойничали на дорогах, но шайки ронинов представляли собой семьи, в которых предводитель и его сподручные питают друг к другу родственные чувства. Предательство и бесчестье в таких семьях не допускались. Короку был отцом своим помощникам и устанавливал строгий поводок в шайке.

После убийства Досана и смерти Ёситацу в провинции Мино возникли серьезные беспорядки. На судьбе Короку это отразилось не лучшим образом. Жалованье, которое он получал при жизни Досана, перестали платить с тех пор, как Ода выставил заставы на всех дорогах из Овари в Мино. Но и теперь Короку не хотел отступаться от своих давних обязательств. Враждебность его к клану Ода усиливалась с каждым днем. В последние годы он тайно поддерживал перебежчиков из лагеря Нобунаги и постоянно подстрекал к бунту в провинции Овари.

– Я привел его, господин, – произнес подданный, приближаясь к дому.

Шестеро ронинов на всякий случай окружили вошедшего в сад Токитиро.

Короку мрачно посмотрел на него.

– Подойди! – властно сказал он.

Человек, представший перед Короку, выглядел просто, кратким было и его приветствие:

– Сколько воды утекло с тех пор!

Короку пристально посмотрел на него:

– Нет сомнений, Обезьяна! Ты не очень изменился за эти годы.

Короку имел в виду не лицо Токитиро, а его облик в целом. Он отчетливо вспомнил ту ночь на реке Яхаги десять лет назад, когда Токитиро в грязных обносках, измазанный глиной спал в лодке. Когда мальчика разбудили, он удивил всех напыщенной речью и боевым духом. Потом при свете фонарей увидели, что перед ними странного вида подросток.

Токитиро заговорил почтительно, не желая подчеркивать, как изменилось его положение с тех пор, как он расстался с Короку.

– Боюсь, что в последние годы я не уделял вам должного внимания. Отрадно видеть вас, как обычно, в добром здравии. И господин Камэйти, верно, совсем большой... Супруга ваша, надеюсь, здорова? Такое ощущение, будто десятилетней разлуки как не бывало.

Оглядывая деревья в лесу и дом, Токитиро взволнованно начал вспоминать о том, как набирал воду из каменного колодца, как хозяин бранил его, как он носил на спине маленького Камэйти и ловил для него цикад.

Короку, однако, не пускался в воспоминания о былом, а только не сводил глаз с Токитиро, и когда наконец заговорил, тон его был резким.

– Обезьяна, – намеренно обратился он к гостю с презрительной кличкой, – стал ли ты самураем?

Вопрос был лишним, достаточно было одного взгляда на одежду Токитиро. Тот, однако, не смутился:

– Да. Вам, должно быть, ясно, что я получаю скудное жалованье, но самураем вот-вот стану. Надеюсь, вы рады. Я проделал утомительное путешествие из лагеря в Суномате отчасти и потому, что хотел порадовать вас своим новым положением.

Короку натянуто улыбнулся:

– Хорошие времена настали, не так ли? Нашлись люди, подобранные на самурайскую службу даже такого, как ты. Кто твой господин?

– Князь Ода Нобунага.

– Этот невежа?

– Честно говоря... – Токитиро изменил тон. – Я слишком увлекся описанием своей жизни,

но сегодня меня зовут Киносита Токитиро и прибыл я к вам по приказу князя Нобунаги.

– Значит, ты гонец?

– А что это мы на пороге? Простите, но я войду в дом!

Не дожидаясь хозяйского приглашения, Токитиро снял сандалии, поднялся на веранду, где сидел Короку, и опустился на почетное место.

Короку, громко хмыкнув, не тронулся с места. Он нехотя повернулся к гостю и произнес:

– Обезьяна?

Токитиро прежде откликнулся на это имя, но сейчас предпочел промолчать. Он молча устался на Короку, который неожиданно начал осыпать его насмешками:

– Ну, Обезьяна, что примолк? До сих пор ты разговаривал как простой человек. Ждешь почета как гонец Нобунаги?

– Непременно.

– Тогда убирайся прочь! Слышишь, Обезьяна! Пошел вон!

Короку спустился в сад. Голос его звучал грозно, а в глазах горел опасный огонек.

– Твой князь Нобунага может считать Хатидзуку своей вассальной областью, но почти вся земля Кайто находится в моей власти. Не стану напоминать, что ни я и ни один из моих предшественников не брали у Нобунаги ни зернышка риса. Не ему держаться со мной как со своим подданным. Глупость какая! Уходи, Обезьяна! Осмелишься еще раз нагрубить мне, так я тебя убью! – Пристально посмотрев на Токитиро, он продолжил: – Доложи Нобунаге: что мы с ним равны. Если у него есть дело ко мне, пусть приезжает сам. Понял, Обезьяна?

– Нет.

– Что?

– Стыдно слушать вас. Вы – лишь вожак шайки неотесанных разбойников!

– Что? Да как ты смеешь!

Короку подошел к Токитиро, угрожающе опустив руку на рукоять меча.

– Повтори, Обезьяна!

– Сядьте.

– Заткнись!

– Прошу вас, сядьте. Мне нужно кое-что сказать вам.

– Я приказал тебе замолчать!

– Хочу доказать вам, насколько вы грубы, и научить кое-чему. Садитесь.

– Ты...

– погоди-ка, Короку. Если ты хочешь убить меня, то лучше места не найти, но стоит ли торопиться? Тебе никто не помешает. Если ты убьешь меня сию минуту, кто преподаст тебе урок?

– Ты... Ты совсем сошел с ума!

– Сядь! Не упрямься! Не важничай. Я хочу сказать тебе не только о князе Нобунаге и о его отношениях с кланом Хатидзука. Начнем с того, что вы оба живете в одной стране – в Японии. Ты утверждаешь, что князь Нобунага не является владыкой всей провинции. Разумные слова, я с тобой согласен, но ошибаешься ты в другом, считая Хатидзуку наследственным владением. Глубокое заблуждение!

– Что ты сказал?

– Каждый клочок земли, будь это Хатидзука или Овари, любой залив и пролив, земля, находящаяся в личном владении, является частью Империи – это главное. Согласен, Короку?

– Допустим.

– Утверждать, что земля принадлежит тебе и обнажать меч в ответ на мои слова, – значит проявлять крайнее непочтение к императору! Простой крестьянин не повел бы себя подобным

образом, а ты как-никак предводитель трех тысяч ронинов! Сядь и выслушай меня!

Эти слова Токитиро произнес отнюдь не из желания приструнить Короку, они вырвались наружу произвольно, словно под воздействием какого-то мощного импульса.

– Господин Короку, сядьте! Извольте поступить, как вам сказано!

«Кто это?» – изумленно подумал Короку, повернувшись на крик. Токитиро в недоумении огляделся по сторонам. В зеленоватом свете, который падал из сада, в коридоре у выхода на веранду стоял человек в одежде священника.

– Ах, это вы, господин Экэй, – наконец разглядел человека Короку.

– Совершенно верно. Неучтиво кричать на вас со стороны, но меня заинтересовал ваш спор. – На лице Экэя играла легкая улыбка.

– Мы помешали вам. Пожалуйста, простите меня. Я немедленно вышвырну этого грубияна, – хладнокровно ответил Короку.

– Не торопитесь, господин Короку! – Экэй вышел на веранду. – Это вы грубите.

Экэй, гостивший в доме, был странствующим монахом лет сорока. Крепким телосложением он походил на потомственного воина. Достопримечательностью его внешности служил огромный рот. Смекнув, что монах поддержит Токитиро, Короку растерялся.

– Как это я грублю?

– Глупо с порога отвергать все, что говорит посланец. Господин Токитиро просто напомнил, что ни эта деревня, ни вся провинция Овари не принадлежат ни Нобунаге, ни клану Хатидзука. Они являются собственностью императора Японии. Можете ли вы это оспаривать? Нет. Высказывание каких-либо сомнений по этому поводу означает государственную измену и заговор против императора – вот о чем напомнил вам посланец, и он прав. Так что спокойно сядьте и внимательно выслушайте то, что должен передать посланец. А уж потом решайте, принимать или отвергнуть его предложение. Таково мнение смиренного монаха.

Короку, при внешней грубости, вовсе не был невежественным и глупым разбойником. Он знал толк в литературе и обычаях своей страны. Гордился он и своей родословной.

– Прошу прощения! Не важно, какая персона держит речь, в любом случае нужно выслушать говорящего. Такова традиция, поэтому я готов слушать господина Токитиро.

Экэй обрадовался, что Короку утихомирился.

– С моей стороны неучтиво присутствовать при вашем разговоре, поэтому я удаляюсь. Господин Короку, прежде чем вы дадите гостю окончательный ответ, зайдите, пожалуйста, ко мне. Я хочу кое-что сказать вам. – С этими словами Экэй ушел.

Короку кивнул в ответ и повернулся к Токитиро, чтобы извиниться:

– Обезьяна!.. Вернее, достопочтенный посланец князя Оды, какое дело привело вас сюда? Пожалуйста, изложите его покороче.

Токитиро облизнул пересохшие губы. Он понял, что настало решающее мгновение. Сумеет ли он, используя все свое красноречие и хладнокровие, убедить этого человека? Сооружение крепости в Суномате, дальнейшая судьба Токитиро, возвышение или падение клана Ода – все зависело от согласия или отказа Короку на предложение, которое он сейчас выслушает. Токитиро волновался.

– Собственно говоря, ничего нового у меня нет. Речь идет о том предложении, которое я сделал ранее через моего слугу Гондзо.

– Я решительно отказался, о чем известил в письме. Читал мое послание?

– Да.

Видя непреклонность собеседника, Токитиро приуныл:

– Гондзо привез вам мое письмо, а сегодня я передаю вам просьбу князя Нобунаги.

– Не имею ни малейшего желания поддерживать клан Ода, независимо от того, кто меня

попросит. Я не хочу дважды писать одно и то же.

– Вы, значит, решили погубить доверившихся вам людей и весь родной край?

– Что-о-о?

– Не сердитесь! Вы дали мне стол и кров десять лет назад. Глубокое сожаление вызывает то обстоятельство, что вы, незаурядный человек, вынуждены прозябать в такой глуши, не находя достойного применения своим способностям. С точки зрения благополучия страны я считаю прискорбным решение, которое обрекает клан Хатидзука на бесславное самоуничтожение. Я предпринял последнюю попытку обратиться к вам, чтобы поблагодарить за доброту, которой вы одарили когда-то деревенского оборванца.

– Послушай, Токитиро.

– Да?

– Ты слишком молод. Ты не можешь достойно представлять своего господина. Ты недостаточно красноречив. Ты не убеждаешь, а сердишь собеседника, а мне, право, не хотелось бы всерьез рассердиться на тебя. Не лучше ли тебе покинуть мой дом, пока ты не зашел непрослительно далеко в своих рассуждениях?

– Я не уйду, пока не выскажу всего, что думаю.

– Твое рвение понятно, смотри только, чтобы голова твоя уцелела.

– Благодарю за предупреждение. Слывущее дурацким рвение присуще тем, кто стремится к великой цели и умеет добиться ее. Истинный мудрец не всегда избирает тропу мудрости. Мне кажется, что вы считаете себя умнее, чем я. А на самом деле вы похожи на чудака, который забрался на крышу, чтобы получше рассмотреть пожар в собственном доме. И ни шагу с крыши, хотя пламя бушует со всех сторон. А силы у вас – всего три тысячи ронинов!

– Обезьяна! Побереги голову и придержи язык!

– Разве речь идет о моей голове? Ошибаетесь, о вашей! Если вы сохраните верность клану Сайто, задумайтесь, с кем вы связались! Сайто способны на любое зверство, на подлость и предательство. Или вы считаете, что и в других провинциях человеческие добродетели попираются с такой же жестокостью, как и в Мино? Неужели вам не страшно за своего сына? Разве у вас нет семьи? Последуйте примеру Микавы! Князь Иэясу заключил с кланом Ода договор о нерасторжимом союзе. Клан Сайто рухнет, и вас, приверженцев Имагавы, растопчет клан Токугава. Если вы попытаетесь вступить в союз с Исэ, вас окружит клан Ода. Безразлично, чьего покровительства или союза вы станете искать, никто, даже вы сами не сможете защитить собственную семью. Вам останется одно: вынужденная изоляция и самоуничтожение. Согласны?

Короку молчал, словно онемел, поддавшись красноречию Токитиро. Токитиро говорил с убежденностью в своей правоте, не пытаясь гипнотизировать собеседника пристальным взглядом или подавлять высокомерием. Уверенность в себе, помноженная на вдохновение, прибавляет убедительности речам.

– Еще раз предлагаю вам все тщательно обдумать. Ни один умный человек без негодования не может взирать на безнравственность и произвол, царящие в Мино. Вступая в союз с вероломной провинцией, вы обрекаете себя на уничтожение. Пройдя по этой дорожке до естественного конца, вправе ли вы надеяться, что вашу неизбежную смерть кто-нибудь назовет героической и скажет, что вы достойно прошли Путь Воина? Вам следует разорвать позорный для вас союз и встретиться с моим господином, князем Нобунагой. Справедливо говорят, что Япония кишит воинами, но никто не сравнится с князем Нобунагой и не превзойдет его в полководческом искусстве. Или вы полагаете, что все останется без перемен? Вероятно, не стоит говорить об этом, но сёгунат Асикага изжил себя. Никто не подчиняется сёгуну, а его чиновники давным-давно доказали неспособность управлять страной. Каждая провинция,

замкнувшись в себе, окапывается на своей земле, кормит и поит своих воинов, пополняет запасы оружия, правдами и неправдами добывая ружья. Единственный способ выжить сегодня заключается в том, чтобы вовремя распознать, кто из соперничающих князей способен взять власть в стране и навести в ней порядок.

Впервые за всю беседу Короку неохотно кивнул в знак согласия.

Токитиро, почувствовав перемену в его настроении, продолжил:

– Такой человек есть, и он обладает даром предвидения. Только слепец не заметит этого. Храня верность клану Сайто, вы пренебрегаете высшей верностью ради низменной, что прискорбно и для вас, и для князя Нобунаги. Отвлекитесь от повседневных мелочей, окиньте мысленным взором всю Японию. Мне, недостойному, поручено возведение крепости в Суномате, после чего я должен во главе передового отряда войск Нобунаги вторгнуться в Мино. У клана Ода достаточно умных и отважных боевых командиров, и если князь Нобунага не погнушался ввести в их круг меня, в недавнем прошлом ничтожество, значит, он воистину не чета обыкновенным правителям. По распоряжению князя Нобунаги комендантом крепости Суномата станет тот, кто ее построит. Скажите, был ли прежде более подходящий случай, чтобы возвыситься таким, как мы с вами? Я не лукавлю и не хвастаюсь. Я не для того пустился в пространные объяснения. Я решил воспользоваться этой редкой возможностью и поставил свою жизнь на карту, приехав сюда с желанием вас убедить. Если я ошибся, то готов умереть. Я прибыл к вам не с пустыми руками, а с обозом из трех лошадей, груженных золотом и серебром на военные издержки и жалованье вашим людям. Буду весьма признателен, если вы сочтете возможным принять скромный дар.

Едва Токитиро закончил речь, как кто-то окликнул Короку из глубины сада.

– Дядюшка! – произнес самурай, простершийся в поклоне.

– Кто осмелился назвать меня дядюшкой? – спросил Короку, пристально поглядев на воина.

– Сколько лет прошло! – сказал тот, поднимая голову.

– Тэндзо! – воскликнул потрясенный Короку.

– Да, это я, недостойный.

– Как ты здесь оказался?

– Не думал, что придется свидеться с вами, но благодаря доброте господина Токитиро я получил возможность сопровождать его в этой поездке.

– Что? Вы прибыли вместе?

– После того как я восстал против вас и бежал из Хатидзуки, я несколько лет провел на службе у клана Такэда в Каи. Я был там лазутчиком-ниндзя. Года три назад мне приказали отправиться лазутчиком в Киёсу. Люди князя Нобунаги меня разоблачили и бросили в темницу. Меня освободили лишь благодаря заступничеству господина Токитиро.

– И ты теперь оруженосец этого господина?

– Нет. Теперь я служу тайным лазутчиком клану Ода. Когда господина Токитиро назначили в Суномату, я попросил разрешения сопровождать его.

– Вот как? – Короку, не веря собственным глазам, смотрел на племянника.

Изменилась не только его внешность, но и его характер. Тэндзо, буян и разбойник, вспыльчивый и самовольный даже по меркам Хатидзуки, переменялся до неузнаваемости. Он был кроток и раскаивался в былых прегрешениях, не стыдясь просить прощения. Десять лет назад Короку конечно же разорвал бы его на куски.

Взбешенный злодеяниями Тэндзо, он тогда гнался за племянником до границы с Каи, чтобы покарать его. Сейчас Короку встретился взглядом с кроткими глазами Тэндзо, и былой гнев исчез. Причина была не только в кровном родстве, Короку видел перед собой нового Тэндзо.

– Не будем сейчас говорить об этом, по-моему, ваш семейный разговор лучше отложить на

потом, – сказал Токитиро, – но я бы на вашем месте простил племянника. Тэндзо теперь верно служит клану Ода. Он покался в былых злодеяниях и не раз говорил мне о том, что ему хочется извиниться лично перед вами. Понятный нам всем стыд помешал ему прибыть сюда раньше. У меня появились в Хатидзуке дела, и я подумал, что Тэндзо судьба посылает случай исполнить давнее желание. Восстановите родственные отношения, и вас обоих ждет светлое будущее.

Проникновенные слова Токитиро не позволили Короку вспоминать былые прегрешения племянника и покарать его. Почувствовав, что Короку поддается на уговоры, Токитиро поспешил воспользоваться удобным моментом.

– Тэндзо, ты доставил золото и серебро? – строго спросил Токитиро.

– Да, господин.

– Осмотрим привезенное вместе с теми, кому оно предназначено. Тэндзо, вели слуге нести все сюда!

– Слушаюсь, господин.

Тэндзо уже сорвался с места, но тут заговорил Короку:

– Не спеши, Тэндзо. Я не могу принять таких даров. Стоит мне прикоснуться к ним, и это будет означать, что я поступаю на службу к Оде. Я должен подумать. – Короку покраснел. Он резко поднялся и пошел в глубь дома.

Экэй писал путевые заметки в своей комнате, но как раз в этот момент он решил отвлечься от своего занятия.

– Господин Короку? – произнес Экэй, входя в покои хозяина, но того там не оказалось. Монах заглянул в комнату с домашним алтарем. Короку сидел, сложив руки на груди, перед поминальными табличками с именами предков.

– Вы уже дали ответ посланцу князя Нобунаги?

– Он еще не уехал. Чем сильнее он уговаривал меня, тем больше опасностей я находил в его предложениях, поэтому я решил просто удалиться.

– Вы удалились, но едва ли он уедет ни с чем.

Короку промолчал.

– Господин Короку?

– Да?

– Говорят, этот посланец когда-то служил в вашем доме простым работником.

– Я называл его Обезьяной и понятия не имел, откуда он родом. Я случайно встретил его на берегу Яхаги и дал ему работу.

– Это и плохо.

– Что именно?

– Вы помните его простым слугой, что мешает вам увидеть в нем теперешнего человека.

– Вы считаете, что он заслуживает внимания?

– Я никогда так не удивлялся, как сегодня.

– Правда?

– Начнем с его необычного лица. Когда я сужу о характере человека по его лицу, то, как правило, держу свои выводы при себе. Сегодня я просто испугался. Этому человеку суждено совершить нечто выдающееся.

– Обезьяне?

– Именно. Допускаю, что со временем он станет правителем всей страны. В другой стране, где нет наследственной императорской власти, он стал бы императором.

– Подумайте, что вы говорите!

– Мне показалось, что вы недостаточно серьезно отнеслись к его предложению, поэтому и вмешался, прежде чем вы дали окончательный ответ. Оставьте предубеждения! Разглядите

человека не глазами, а сердцем. Если посланец уедет, получив ваш отказ, вы будете горько и долго раскаиваться в содеянном.

– Как вы можете уверенно судить о человеке, которого видите впервые?

– Я делаю выводы не только по его лицу. Меня поразили его рассуждения о порядке и справедливости, то, что он не ответил на явную вашу неприязнь и презрение, а продолжал вежливо и уверенно убеждать вас. Он, несомненно, человек справедливый, откровенный, порывистый, но умеющий обуздывать себя. Он непременно станет великим человеком!

Короку пал ниц перед монахом:

– Покоряюсь вашей мудрости. Признаюсь, во многом в характере я уступаю этому человеку. Отбросив ложное самолюбие, я немедленно дам ему положительный ответ. Благодарю вас за то, что вы открыли мне глаза на истину.

Короку торопливо вышел из комнаты, глаза у него горели, словно он в эти мгновения прозрел начало новых времен.

Ночью через несколько часов после прибытия Токитиро в Хатидзуку двое всадников помчались в сторону Киёсу. Никто не догадался бы, что это Короку и Токитиро. Той же ночью Нобунага принял их в одной из комнат в крепости и имел с ними продолжительный разговор. Немногие посвященные, в том числе и Тэндзо, знали или догадывались, что означает эта тайная встреча.

На следующий день Короку созвал военный совет. Все, кто откликнулся на его призыв, были, разумеется, ронинами. На протяжении многих лет они признавали Короку своим вожаком, во всем полагаясь на него и повинуюсь ему, как князя могущественных провинций следовали указам сёгуна. Каждый член совета был вожаком отряда ронинов в своей деревне. Обычно они отсиживались по домам, ожидая, когда предводителю понадобятся их услуги. Ронины изумились, увидев на совете Ватанабэ Тэндзо из Микурии, который десять лет назад восстал против Короку, своего родного дяди.

Все расселись по местам, и Короку объявил о решении разорвать союз с кланом Сайто и встать на сторону Оды. Он объяснил собравшимся, почему возвратился и получил прощение его племянник. В заключение речи Короку сказал:

– Понимаю, некоторые из вас в душе не согласны со мною, а кого-то связывают с кланом Сайто неразрывные узы. Я не намерен никому навязывать свою волю. Можете без малейших колебаний расстаться со мной, я никогда не упрекну тех, кто встанет на сторону Мино.

Никто не спешил воспользоваться предложенным выбором. С разрешения Короку заговорил Токитиро:

– Князь Нобунага поручил мне воздвигнуть крепость в Суномате. До сих пор каждый из вас жил вольно, в свое удовольствие. Доводилось ли кому-нибудь из вас служить в крепости? Времена меняются. Горы и долины, дававшие вам приют прежде, теперь уже небезопасны. Такова воля истории. Вы могли оставаться ронинами потому, что сёгун обладает лишь видимостью власти. Неужели вы думаете, что сёгунату суждены долгие дни? Меняется наш народ, наступает новое время. Мы должны жить не ради себя, а во имя наших детей и внуков. Вам предоставляется возможность стать законными хозяевами в этом мире, стать истинными самураями, исповедующими подлинный Путь Воина. Не упустите эту возможность!

Члены совета ответили на страстную речь Токитиро глубоким молчанием, но не выказали и недовольства. Люди, привыкшие жить без заботы о завтрашнем дне, мучительно вдумывались в непривычные для них слова.

– Я согласен, – наконец подал голос один из ронинов.

И вскоре голоса участников совета слились в дружный хор. Они понимали, что, вступая в союз с Одой, рискуют жизнью, но глаза их горели решимостью.

Удары топора... и дерево шумно рушится в воду реки Кисо. Поваленные деревья связывают в плоты и пускают вниз по течению, туда, где Кисо сливается с реками Иби и Ябу, текущими с севера и запада, потом бревно выносит на широкую песчаную полосу в Суномате. Суномата – ключевой пункт на границе провинций Мино и Овари. Здесь не впервые пытались возвести крепость, но усилия Сакумы Нобумори, Сибаты Кацуиэ и Оды Кагэю оказались тщетными.

– Пустая трата времени. С таким же успехом можно построить каменный корабль и пуститься на нем по морю!

Воины Сайто с противоположного берега смотрели на начало работ, подшучивая над Одой.

– Четвертая попытка!

– Повторение собственных ошибок – признак безнадежной глупости.

– Кто же начальствует над живыми мертвецами? Жаль его, хотя он и враг. Как его зовут?

– Вроде бы Киносита Токитиро. Не слышал этого имени прежде.

– Киносита... Это тот, кого кличут Обезьяной. Мелкий чиновник, младший командир. Ему, верно, платят не больше пятидесяти канов, от силы – шестьдесят!

– Такое ничтожество на должности полководца? Они, похоже, от нечего делать дурачатся.

– А уж не военная ли это хитрость?

– Кто их знает? Отвлекают наше внимание, а сами затевают переправу через реку в другом месте.

Воины Мино веселились, следя за строительством крепости на другом берегу реки. Незаметно прошел месяц с того дня, как Токитиро привел на стройку две тысячи ронинов из Хатидзуки. Раза три проносились сильные ливни, помогая сплавливать лес. Однажды ночью река затопила прибрежную песчаную полосу, но люди спокойно вышли на работу. Успеют ли построить внешний вал до наступления сезона дождей? Кто победит – природа или человек?

Ронины трудились, забыв об отдыхе и сне. Постепенно количество строителей увеличилось до пяти тысяч.

Токитиро не понукал людей. Они честно старались, и работа продвигалась быстро. Крепость росла на глазах.

Ронины оказались людьми бывалыми. Они привыкли странствовать по горам и равнинам, прекрасно разбирались в течениях рек и в земляных работах.

Они старались, потому что возводили крепость для себя. Они прощались с прежней буйной жизнью, радуясь тому, что наконец занялись настоящим делом.

– Эта дамба выдержит, даже если все три реки разольются сразу, – гордо заявил один из ронинов.

Меньше чем за месяц строители выровняли участок земли, который оказался даже больше, чем нужно, и насыпали вал, соединяющий находящуюся на отмели крепость с берегом.

Люди из Мино с любопытством следили за строительством.

– Похоже, у них получается, правда?

– Каменных стен они пока не возвели, так что о крепости говорить рано, но с земляными работами они действительно справились.

– Не видно ни плотников, ни штукатуров.

– Готов побиться об заклад, что они понадобятся месяца через три.

Воины Мино глазели на другой берег от скуки. Река в этом месте была широкой. В солнечные дни над водой клубился легкий туман. Не просто было рассмотреть все подробности строительства на другом берегу. Порой ветер дул со стороны Овари, и воины Мино слышали грохот камней и голоса работников.

– Не напасть ли на них прямо в разгар работ?

– Нельзя, таков строжайший приказ военачальника Фувы.

– Какой еще приказ?

– Ни единого выстрела. Пусть работают.

– Выходит, нам велено дожидаться, пока они построят крепость?

– Сначала намеревались атаковать их, как только начнутся работы. Потом решили дождаться, пока крепость возведут наполовину, чтобы разрушить ее до основания. Теперь вот приказано сидеть сложа руки, пока не достроят.

– А потом?

– Понятное дело, захватить крепость!

– Пусть враг поработает, а мы отнимем готовую крепость.

– Точно!

– Хитро придумано! Прежде на строительстве командовали опытные и искусные военачальники, а этот новый, как его там, Киносита – жалкий пеший воин.

Один из воинов оборвал болтуна строгим взглядом.

В шатер, запыхавшись, вбежал еще один стражник. Только что к берегу Мино причалила лодка, приплывшая из верховьев. Военачальник с пышными бакенбардами сошел на берег в сопровождении нескольких оруженосцев, следом свели на берег его коня.

– Тигр! – сказал один из воинов.

– Тигр Унумы прибыл к нам! – зашептались стражники, опасливо переглядываясь. Это был князь из крепости Унума, расположенной в верховьях реки. Он был один из самых яростных и честолюбивых полководцев во всем Мино, а звали его Осава Дзиродзаэмон. Он был так крут нравом, что матери в Инабаяме пугали им детей, говоря: «Вот придет за тобой Тигр!» И вот сам Осава шагнул в шатер.

– Здесь ли военачальник Фува? – спросил Осава.

– Да, господин. Он в лагере.

– Не стал бы тащить его оттуда, но разговаривать здесь удобнее. Немедленно позовите его сюда.

– Слушаюсь, господин! – Воин бросился исполнять поручение.

Вскоре Фува Хэйсино в сопровождении нескольких командиров явился на берег.

– Тигр! Интересно, что ему нужно? – бормотал на ходу Фува, и его торопливая поступь показывала, что он ожидает напряженного разговора.

– Благодарю вас за то, что вы пришли на берег.

– Не стоит благодарности! Чем я могу быть вам полезен? – спросил Фува.

– Не чем, а где. – Осава указал рукой в сторону противоположного берега.

– Во вражеской Суномате?

– Вот именно. Не сомневаюсь, что вы наблюдаете за нею денно и ночью.

– Разумеется! Вам не стоит волноваться, мы постоянно начеку.

– Хорошо! Вверенная мне крепость расположена в верховьях реки, но я решил не ограничиваться обороной одной Унумы.

– Прекрасно!

– Время от времени я спускаюсь по реке на лодке или еду верхом по берегу, чтобы посмотреть, как у вас обстоят дела, а сегодня я поражен. Мне кажется, я уже опоздал, а у вас в лагере тишина и покой. Что вы намерены теперь предпринять?

– Что вы имеете в виду, говоря, что опоздали?

– Я имею в виду то, что возведение вражеской крепости зашло непозволительно далеко. Насколько я вижу с такого расстояния, уже готов второй ряд береговых укреплений, крепостное пространство огорожено и почти наполовину обнесено каменной стеной.

Фува обиженно хмыкнул.

– И может, – продолжил Осава, – плотники уже тешут бревна для построек где-нибудь в горах за Суноматой? Откуда нам знать, не завершают ли в крепости внутреннюю планировку, начиная с подъемного моста и кончая тайными ходами? Вот что я имею в виду!

– Г-м-м... понятно.

– По ночам противник отдыхает и едва ли выставляет дозор. Мастеровые будут только мешать в бою, поэтому мы предпримем сейчас мощную атаку, переправившись через реку под покровом тьмы, и обрушимся на них сразу с трех сторон. Мы вырвем это древо зла вместе с корнем. Иначе однажды утром проснемся и обнаружим, что на том берегу стоит неприступная крепость. Нельзя терять бдительность!

– Вот именно.

– Значит, вы согласны?

Фува расхохотался:

– Воистину, господин Осава! Неужели вы действительно проделали весь путь к нам лишь потому, что недостроенная крепость внушает вам такое беспокойство?

– Я засомневался в вашей проницательности, поэтому и решил растолковать вам истинное положение дел непосредственно на берегу реки.

– Вы, по-моему, позволяете себе лишнего! Для мудрого военачальника вы чересчур близоруки. На этот раз я позволяю нашему врагу возвести такую крепость, какую ему хочется. Разве вы не видите?

– Это-то я вижу! Предполагаю, что ваш замысел заключается в том, чтобы позволить клану Ода завершить строительство крепости, затем штурмом выбить из нее врага и превратить Суномату в опорный пункт нашей провинции.

– Совершенно верно.

– Допускаю, что именно такие указания вы получили, но подобная стратегия весьма опасна, когда не знаешь мощи соперника. Я не могу равнодушно смотреть на разложение и гибель нашего войска.

– Какое еще разложение? О чем это вы?

– Промойте уши и прислушайтесь к шуму с того берега, тогда поймете, как продвинулось строительство. По-моему, там работают не только мастеровые, но и воины. Все не так, как во времена Нобумори и Кацуиэ. Судя по всему, у них завелся настоящий начальник. Прирожденный командир, хотя и из презренного клана Ода.

Фува расхохотался, держась за живот. Он откровенно потешался над Осавой, который переоценивал военачальника из клана Ода. Осава и Фува служили в одной армии и боролись против общего врага, но согласия между ними не было. Осава презрительно поджал губы:

– Ничего не поделаешь. Что ж, смейтесь. Увидите скоро, чем дело кончится!

Он велел привести коня и в гневе удалился.

И в Мино были люди, обладавшие даром предвидения. Не прошло и десяти дней, как пророчество Осава сбылось. Три дня и три ночи строительство крепости в Суномате велось с головокружительной скоростью.

Утром четвертого дня стражник, выйдя из шатра, увидел, что крепость построена.

– Вот теперь-то мы их оттуда и вытесним! – приговаривал Фува, потирая руки.

Его войско было специально обучено ночному бою с переправой через реку. По обыкновению, войско переправилось на неприятельский берег под покровом тьмы, надеясь застигнуть врагов врасплох, но их явно ждали. Токитиро и его ронины приготовились к ночному сражению. В новую крепость они вложили не только силы, но и душу, поэтому люди Сайто напрасно надеялись на то, что ее сдадут без боя. К тому же ронины действовали не так, как

регулярные войска, которыми прежде командовали Нобумори и Кацуиэ. Ронины дрались, как волки. В пылу сражения они не забыли поджечь челны, на которых переправилось через реку войско Мино. Поняв, что внезапная атака провалилась, Фува подал сигнал к отступлению, но было уже поздно.

Теснимые от каменных стен крепости к берегу, воины Мино потерпели страшное поражение, потеряв около тысячи человек. Многие из тех, чьи челны сгорели, бежали вверх или вниз по берегу, но воины Хатидзуки неумолимо преследовали и уничтожали их. Могли ли воины Мино устоять перед ронинами, которые чувствовали себя как дома на этой холмистой местности?

Фува, однако, не думал сдаваться. Через два дня он предпринял еще одну ночную атаку, в два раза увеличив численность войска. И воды реки, и прибрежный песок покраснели от крови, но когда взошло солнце, крепостной гарнизон распевал победную песнь.

– Пора и позавтракать!

Фува, придя в полное отчаяние, дождался ненастной ночи и двинулся на штурм в третий раз. Он созвал на подмогу отряды из крепостей, расположенных в нижнем и верхнем течении реки. Все отряды, за исключением гарнизона крепости Унума, которым командовал Осава Дзиродзаэмон, участвовали в общем наступлении. Бой был жестоким, и многие ронины приняли смерть той ночью в мутных водах бурной реки, но в конце концов князь Мино признали полное поражение.

Западня для тигра

Год закончился без новых атак со стороны Мино. Воспользовавшись передышкой, Токитиро завершил возведение крепости Суномата. В начале нового года он в сопровождении Короку навестил Нобунагу, чтобы поздравить с праздником и доложить о проделанной работе.

В Киёсу произошли большие перемены. Крепость Киёсу, испытывавшая трудности с водоснабжением, как и предполагал когда-то Токитиро, была оставлена, и князь перенес свою резиденцию на гору Комаки. Жители города решили переехать вслед за князем, и сейчас вокруг крепости на Комаки шло оживленное строительство.

– Я обещал и сдержу свое слово. Назначаю тебя комендантом крепости Суномата с жалованьем до пятисот канов, – сказал Нобунага.

В конце встречи в знак наивысшего благоволения Нобунага дал своему верному вассалу новое имя – Киносита Хидэёси.

– Сумеешь выстроить крепость, она станет твоей, – обещал Нобунага, когда отправлял Токитиро в Суномату. Выслушав доклад о завершении строительства, Нобунага назначил Хидэёси комендантом, ни слова не сказав о том, что молодой человек будет не только управлять, но и владеть крепостью. Разница невелика, но Хидэёси воспринял это как намек на то, что до князя он еще не дослужился. Короку, ставший вассалом клана Ода благодаря покровительству Хидэёси, получил должность начальника стражи в Суномате. Хидэёси ни в открытую, ни в душе не упрекнул Нобунагу.

– Мой господин! Вместо жалованья в пятьсот канов, позвольте мне завоевать в Мино столько земли, чтобы я смог собирать с нее такую же сумму, – смиренно произнес Хидэёси.

Получив согласие Нобунаги, он на седьмой день нового года вернулся в Суномату:

– Мы выстроили эту крепость, не обременив заботами ни одного из вассалов нашего князя. Не свалили ни единого дерева в его лесах, не взяли ни камня в горах Нобунаги. Не стоит ли теперь отвоевать все, необходимое нам, у врага? Что скажешь, Хикоэмон?

Короку, отказавшись от своего старинного имени, с нового года принял имя Хикоэмон.

– Заманчивый план, – ответил он.

Хикоэмон стал преданным сторонником Хидэёси и держался с ним как вассал, забыв о былых отношениях.

Хидэёси при первой возможности начал нападать с небольшими отрядами на соседние деревни, входившие в Мино. С земли, выделенной ему Нобунагой, можно было собрать оброк в пятьсот канов, а с завоеванных Хидэёси – больше тысячи.

Узнав об этом, Нобунага с натянутой улыбкой сказал:

– Обезьяна способен завоевать всю провинцию Мино. Бывают же стойкие люди, которые все делают своими руками и никогда не жалуется на жизнь.

Суномата окрепла. Нобунаге казалось, что он уже завладел всей провинцией Мино, но отвоеваны были земли на окраинах Мино, а основная часть провинции, подвластная клану Сайто, отделенная от Овари рекой Кисо, оставалась неприступной.

Нобунага дважды предпринимал безуспешные попытки к наступлению с опорой на крепость в Суномате, но его войско словно билось лбом в железную стену. Хидэёси и Хикоэмон не падали духом, ведь теперь провинции поменялись ролями, и люди из Мино сражались за выживание своего клана. Небольшое войско из Овари не могло покорить Мино привычными методами.

После завершения строительства крепости противник, забыв о былом презрении, начал присматриваться к Хидэёси с особенным вниманием. Этот человек с обезьяньим лицом вышел

из низов, и хотя нельзя было сказать, что его способностям в клане Ода нашли достойное применение, Хидэёси, безусловно, доказал всем, что он – искусный и удачливый военачальник, умеющий воодушевлять своих воинов. В стане врагов к нему относились намного уважительнее, чем среди вассалов Оды. Командиры Сайто крепили оборону с удвоенным рвением, понимая, что времена высмеивания противника миновали.

Потерпев два поражения подряд, Нобунага отступил и обосновался на горе Комаки. Он решил дожидаться нового года, но Хидэёси был нетерпелив. Из его крепости в Суномате открывался вид на широкую долину Мино. Сложив руки на груди, он озирает просторы, размышляя, что же делать с Мино? Огромная армия, необходимая для завоевания этой провинции, существовала не в Суномате и не в Комаки, а только в воображении Хидэёси. Спустившись с наблюдательной башни, Хидэёси позвал Хикоэмона, и тот немедленно явился.

– Чем могу быть полезен?

Он теперь признавал молодого военачальника своим повелителем.

– Подойди поближе!

– С вашего позволения.

– А вы все выйдите и ждите, пока я вас не позову! – приказал Хидэёси собравшимся вокруг него самураям. – Хочу с тобой кое-что обсудить, Хикоэмон.

– Слушаю.

– Во-первых, – сказал Хидэёси, понизив голос, – ты лучше меня знаешь жизнь в Мино. В чем, по-твоему, коренится главная мощь Мино? Что мешает нам спокойно спать в Суномате?

– Сила, на мой взгляд, в способностях их предводителей.

– Ты говоришь не о Сайто Тацуоки?

– Трое из Мино присягнули на верность деду и отцу Тацуоки.

– Кто они?

– Я думал, вы их знаете. Андо Норитоси, владетель крепости Кагамидзима.

Хидэёси кивнул и, положив руку на колено, загнул один палец.

– Иё Мититомо, владетель крепости Сонэ.

– Хорошо. – Хидэёси загнул второй палец.

– И третий – Удзииэ Хитатиноскэ, владетель крепости Огаки.

– Все?

– Да как сказать... – Хикоэмон задумался.

– Есть еще Такэнака Хамбэй, но он давно уже перестал служить клану Сайто и живет в уединении на горе Курихара. Не думаю, что его следует принимать в расчет.

– Можно сказать, что опора Мино – эта тройка. Так?

– Вероятно.

– Не можем ли мы каким-то образом лишить Мино их поддержки?

– Не думаю. Человек чести всегда дорожит своими обязательствами. Ни богатство, ни слава его не манят. Вот если бы вам, например, предложили выдрать три здоровых зуба, вы бы отказались, верно?

– Сложное положение, но есть же какой-нибудь способ... Враг несколько раз штурмовал нашу крепость, но ведь тебе известно, что один из военачальников Мино не пожелал принять в этом участия.

– Кто же?

– Осава из крепости Унума.

– А! Осава Дзиродзаэмон! Его называют Тигром Унумы.

– Он самый... Тигр... Нельзя ли найти к нему подход через какого-нибудь родственника?

– У Осавы есть младший брат, – сказал Хикоэмон. – Его зовут Мондо. Мы несколько лет с

ним дружим. Мой брат Матадзуро тоже в хороших отношениях с ним.

– Хорошая новость! – Хидэёси захлопал в ладоши. – А где живет этот Мондо?

– По-моему, он состоит на службе у Инабаямы.

– Немедленно пошли туда брата, пусть разыщет Мондо.

– Если нужно, я и сам поеду. Что нужно сделать?

– С помощью Мондо отлучить Осаву от клана Сайто, а затем через Осаву одного за другим убраться тройку. Вот так и выдернем три зуба!

– Не уверен, что вам удастся это. Правда, Мондо, в отличие от старшего брата, никогда не упустит своей выгоды.

– Одного Мондо нам будет мало для того, чтобы поймать Тигра из Унумы. Понадобится еще один помощник. По-моему, на эту роль сгодится Тэндзо.

– Прекрасно! Как вы намерены использовать их?

– А вот так, Хикоэмон... – Хидэёси подсел к нему поближе и зашептал на ухо.

Хикоэмон удивленно уставился на Хидэёси. Откуда же берутся в человеческой голове гениальные озарения? Хикоэмон печально подумал, что сам никогда бы не додумался до такого.

– Пусть Матадзуро и Тэндзо немедленно принимаются за дело, – сказал Хидэёси.

– Они отправляются к врагам, поэтому им нужно дожидаться ночи, чтобы переправиться через реку.

– Подробно объясни им наш план и дай все распоряжения.

– Непременно, мой господин.

Хикоэмон вышел из комнаты Хидэёси. Теперь большую часть гарнизона крепости составляли бывшие ронины из Хатидзуки. Они остепенились и стали самураями.

Матадзуро, младший брат Хикоэмона, и его племянник Тэндзо, получив указания, переоделись бродячими торговцами и той же ночью покинули крепость. Они направлялись в Инабаяму – сердце вражеской провинции. Оба прекрасно подходили для предназначенной им роли. Через месяц они возвратились в Суномату.

А за рекой, на берегу, принадлежащем Мино, поползли тревожные слухи.

– Подозрительно ведет себя Тигр из Унумы.

– Осава Дзиродзаэмон много лет поддерживает тайную связь с людьми из Овари.

– Поэтому и не подчинился распоряжениям Фувы о совместном выступлении, когда враг заканчивал строительство крепости в Суномате. Войско Осавы тогда не тронулось с места.

Слухи множились с невероятной быстротой.

– Князь Тацуоки в скором времени вызовет Осаву в Инабаяму и возложит на него вину за наше поражение в Суномате.

– Крепость Унума у него отберут, как только он отправится в Инабаяму.

Люди во всей провинции Мино верили молве. Исходили слухи от Ватанабэ Тэндзо, за спиной которого был Хидэёси, не покидавший своей крепости в Суномате.

– По-моему, настало подходящее время. Отправляйся в Унуму, – приказал Хидэёси Хикоэмону. – Вручишь мое письмо Осаве.

– Слушаюсь, мой господин.

– Главная задача – переманить его на нашу сторону. Нужно выбрать удобное место для встречи.

Хикоэмон тайно прибыл в Унуму.

Услышав о прибытии посланца из Суноматы, Осава крайне удивился. Тигр Унумы пребывал в растерянности и в дурном настроении. Сказавшись больным, он не появлялся на людях. Дело в том, что недавно Осава получил приказ явиться в Инабаяму, что вызвало тревогу у родственников и подданных Осавы. Тогда он и объявил, что занемог и не может никуда ехать.

Грозные слухи дошли и до Унумы, и Осава понимал их опасность для себя. Свой гнев он изливал на подданных. Он клял безобразия, чинимые старшими советниками клана Сайто, и глупость князя Тацуоки, но не мог ничего предпринять и уже видел тот день, когда ему придется совершить сэппуку... В этот момент к нему прибыл тайный посланец из Суноматы. Осава решил действовать без промедления.

– Я встречу с ним, – сказал он.

Прочитав послание Хидэёси, он немедленно сжег письмо и согласился на встречу.

– Через несколько дней я сообщу вам о дне и месте. Надеюсь, господин Хидэёси сможет прибыть.

Спустя недели две в Суномату было доставлено послание из Унумы. Хидэёси со свитой в десять человек, в их числе и Хикоэмон, отправился к месту встречи – в небольшой дом, расположенный на полпути между Унумой и Суноматой. Сопровождающие обоих военачальников оставались на берегу реки, следя за тем, чтобы сюда случайно не забрел кто-нибудь посторонний. Хидэёси и Осава вдвоем на маленькой лодке отправились по течению реки. Никто не знал, о чем они говорят на середине широкой реки, упершись колено к колену. Лодку, как лист, несло течением, и на какое-то время военачальники оказались в полном одиночестве, вдали от чужих ушей и глаз. Они сумели договориться.

В Суномате Хидэёси сказал Хикоэмону, что Осава, вероятно, через неделю приедет. Действительно, в обстановке строжайшей секретности Осава вскоре прибыл в Суномату. Хидэёси принял его крайне учтиво и, прежде чем в крепости догадались о прибытии столь важного гостя, отправился с ним на гору Комаки. Перед тем как представить Осаву Нобунаге, Хидэёси с глазу на глаз поговорил с князем.

– Со мною приехал Осава Дзиродзаэмон, Тигр Унумы. Выслушав меня, он выразил готовность порвать отношения с кланом Сайто и присоединиться к войску Оды. Если вы примете его с радушием и снисхождением, у вас появится еще один отважный военачальник, а клану Ода без единого выстрела отойдет крепость Унума.

Нобунага, откровенно удивясь речам Хидэёси, казалось, обдумывал каждое его слово. Хидэёси удивился, а в душе и обиделся, увидев, что его покровитель не выказывает признаков радости. Дело ведь не в признании личных заслуг Хидэёси, а в неслыханной удаче – переманить на свою сторону Тигра Унумы! Вырвать самый острый клык из пасти врага! А уж то, что Хидэёси сумел привести его к Нобунаге, следовало бы воспринимать как дорогой подарок.

Он надеялся, что Нобунагу обрадует неожиданный поворот событий. Позже, размышляя над случившимся, Хидэёси вдруг вспомнил, что на этот раз забыл спросить разрешения у князя, и действовал на свой страх и риск. Возможно, здесь и таилась разгадка поведения Нобунаги. Старинная пословица гласит, что гвоздь, который торчит наружу, забивают по самую шляпку. Хидэёси прекрасно понимал это правило и старался по возможности не выделяться, но по характеру не мог сидеть сложа руки и не предпринимать того, что, по его мнению, пойдет на благо провинции.

Наконец Нобунага снизошел до того, чтобы высказать нечто похожее на вялое одобрение. Хидэёси привел к нему Осаву.

– Вы очень возмужали, мой господин, – сердечно произнес гость. – Вы полагаете, что мы встречаемся впервые, но я имею честь видеть вас во второй раз. Дело было пятнадцать лет назад, в храме Сётоку в Тонде, когда вы встречались с моим прежним господином, князем Сайто Досаном.

– Вот как? – коротко отозвался Нобунага, который, вероятно, пытался понять, что за человек предстал перед ним.

Осава не льстил князю, но и недоброжелательности в его речах не было.

– Мы с вами враги, но ваша деятельность вызывает у меня глубокое уважение. В храме Сётоку вы показали мне капризным молодым человеком. Судя по процветанию в подвластной вам провинции, о вас недаром идет добрая слава за пределами Овари.

Осава говорил с князем как равный. «Он не только храбрец, но и благожелательный человек», – подумал Хидэёси.

– Давайте встретимся в другой день и обстоятельно поговорим обо всем. Меня ждут неотложные дела. – Нобунага поднялся с места.

Чуть позже он вызвал Хидэёси для разговора наедине. Неизвестно, о чем шла речь, но Хидэёси, похоже, получил хороший нагоняй. Он ничего не сказал Осаве и продолжал вести себя с ним как радушный хозяин, развлекая гостя уже в крепости Комаки.

– По возвращении в Суномату я извещу вас о решении князя, – сказал Хидэёси Осаве.

Как только они вернулись в крепость Хидсэёси и остались одни, Хидэёси сказал:

– Господин Осава, я поставил вас в неловкое положение. Я могу искупить свою вину только ценой собственной жизни. Не испросив позволения князя Нобунаги и будучи уверен, что он обрадуется, я самовольно предложил вам союз и был счастлив, получив ваше согласие. Но князь Нобунага не разделяет моего мнения. – Хидэёси вздохнул и печально потупил взор.

Осава уже догадывался о том, что Нобунага не расположен к нему.

– Вы очень расстроены, но, право, нет повода для огорчений. Поверьте, я прекрасно проживу и без жалованья от князя Нобунаги.

– Хорошо бы недоразумение ограничилось только этим.

Хидэёси чувствовал неловкость от разговора, но внезапно он выпрямился, словно приняв важное решение:

– Лучше я поведаю вам все начистоту, господин Осава. Перед нашим отъездом князь Нобунага жестоко бранил меня за то, что я не владею искусством двойной игры. С какой стати, сказал он мне, Осава Дзиродзаэмон, человек чести, имеющий доброе имя во всем Мино, поддастся на мои уговоры и станет нашим союзником? Упрек князя застал меня врасплох.

– Представляю.

– Нобунага сказал, что мы имеем дело с тем самым Осавой, который известен, как яростный защитник Мино, недаром его зовут Тигром, с человеком, который на протяжении многих лет терзает жителей Овари. Он даже предположил, что я сам угодил в вашу западную, обманутый хитрыми речами и уловками. Князь, как видите, терзается сомнениями.

– Понятно.

– Князь считает, что если вы задержитесь на горе Комаки, то изучите устройство наших укреплений, поэтому он приказал немедленно сопроводить вас в Суномату и... – У Хидэёси слова застряли в горле.

Осава насторожился, но смотрел собеседнику прямо в глаза, подбадривая его выговориться до конца.

– Мне трудно говорить, но это приказ князя Нобунаги. Он приказал убить вас в Суномате, считая, что нельзя упускать удобный случай.

Растерянно оглядевшись по сторонам, Осава вспомнил, что находится во вражеской крепости, где нет ни единого человека, который помог бы ему. Он был бесстрашным воином, но по спине у него пробежал холодок.

Хидэёси продолжил:

– Выполнив приказ князя, я нарушу данное вам обещание, а значит, потеряю честь как самурай. На такой шаг я не пойду. Не подчинившись приказу, я нарушу долг вассала. Это камень преткновения в моих рассуждениях, вот почему на обратном пути в Суномату я пребывал в растерянности и печали. Вы, конечно, заметили мое состояние и, возможно, сочли

его подозрительным. Прошу вас, оставьте сомнения! Мне удалось найти верный выход из положения.

– Что вы намерены предпринять?

– Я совершу сэппуку и таким образом освобожусь от обязательств и перед князем Нобунагой, и перед вами. Иного пути у меня нет. Господин Осава, поднимем прощальную чашечку, а после нее я отправлюсь в иной мир. Я позаботился о том, чтобы в крепости вас никто и пальцем не тронул. Вы спокойно можете удалиться под покровом ночи. Обо мне не печальтесь, пожалуйста!

Осава молча выслушал Хидэёси, и слезы навернулись у него на глаза. Он был жесток в бою, за что и получил свое прозвище, но сейчас он плакал искренне, потому что по натуре был человеком с обостренным чувством справедливости.

– Я перед вами в великом долгу, – сказал Осава, вытерев слезы, – неужто плакал испытанный воин, прошедший сквозь столько сражений?! – Господин Хидэёси, с вашей стороны было бы непростительной ошибкой уйти из жизни.

– Иначе мне не искупить вины ни перед князем, ни перед вами.

– Что бы вы сейчас ни говорили, несправедливо лишать себя жизни ради спасения моей. Я тоже самурай, и моя честь не позволяет мне принять вашу жертву.

– Ведь это я пригласил вас в Суномату и устроил встречу с князем. Я неправильно рассчитал, как отнесется к моему предложению князь Нобунага. Снискать прощение у моего покровителя и у вас я могу лишь покончив с собой. Прошу вас, не отговаривайте и не пытайтесь меня остановить.

– Как ни тяжела совершенная вами ошибка, но я и себя упрекаю. Ваш поступок не заслуживает самоубийства. Позвольте в знак признательности за вашу верность предложить вам свою жизнь. Отвезите мою голову на гору Комаки. – Осава медленно потянул из ножен короткий меч.

– Что вы делаете? – Потрясенный Хидэёси схватил его за руку.

– Прошу вас, господин Хидэёси...

– Нет! Вы оскорбите меня, совершив обряд сэппуку.

– Я понимаю вас, поэтому и предлагаю вам свою голову. Если бы вы решили одолеть меня, прибегнув к низкой хитрости, я бы постоял за себя и спасся, оставив гору трупов у себя за спиной. Я глубоко тронут тем, что вы повели себя как истинный самурай.

– Не торопитесь, давайте подумаем! Как странно, что мы соперничаем друг с другом за право умереть. Господин Осава, если вы действительно мне доверяете, я изложу вам замысел, который позволит нам обоим остаться в живых, не уронив самурайской чести. Скажите, вы по-прежнему готовы доказать свою верность клану Ода? Вы готовы совершить поступок?

– Какой поступок?

– Сомнения Нобунаги вызваны только тем, что он чрезвычайно высоко ценит вас. Наша судьба зависит от того, решитесь ли вы на деяние, безусловно доказывающее верность клану Ода.

Этой же ночью Осава отбыл из крепости Суномата в неизвестном направлении. Что за спасительный план придумал Хидэёси? Никто не знал об этом, но, как выяснилось позже, замысел оказался простым. Трое из Мино – Иё, Андо и Удзииэ – получили убедительные предложения перейти на сторону Оды. И человеком, добившимся их согласия, был не кто иной, как Осава Дзиродзаэмон.

Хидэёси, разумеется, не совершил сэппуку. Осава добился своего, и Нобунага, не покидая своей крепости, получил в союзники четырех прославленных военачальников. Было ли это проявление природного ума Нобунаги или исключительного дара Хидэёси? Князь и его

подданный вели окутанные тайной переговоры, в которых нельзя было определить, кому принадлежит главенствующая роль.

Нобунага проявлял нетерпение. Ценой больших жертв он воздвиг крепость в Суномате, а теперь заскучал.

– Надо обрушиться на этот бесчестный клан, чтобы отомстить за моего покойного тестя и освободить народ, страдающий от дурных правителей, – провозгласил Нобунага, замаскировав свои воинственные планы.

Со временем этот возвышенный призыв постепенно утратил привлекательность. Токугава из Микавы сомневался в полководческом искусстве Нобунаги, и последний чувствовал серьезного соперника у себя за спиной.

Клан Ода не мог претендовать на военное преимущество, а вероятность союза между Одой и Токугавой оставалась весьма неопределенной. Нобунага, однако, рвался в бой. Он заручился поддержкой Осава и троицы из Мино, но это еще не гарантировало ему победы.

Он хотел сокрушить Мино одним ударом. Нобунага, казалось, со времени битвы под Окэахадзамой уверовал в тактику «одного удара». Приближенные, включая Хидэёси, изредка осмеливались высказывать несогласие с мнением князя.

На летнем военном совете, где обсуждался план завоевания Мино, Хидэёси, сидя в последнем ряду, угрюмо молчал. Когда спросили о его мнении, он ответил:

– По-моему, пока еще рано.

Ответ рассердил Нобунагу:

– Не ты ли утверждал, что в случае если Тигр Унумы склонит троицу из Мино на нашу сторону, то вражеская мощь рухнет сама по себе, и нам не придется даже покидать свои крепости?

– С вашего позволения напомню, что и воинской мощью, и богатством Мино раз в десять раз превосходит нашу Овари, – возразил Хидэёси на гневные упреки князя.

– Недавно ты утверждал, что дело решают одаренные и отважные люди, а теперь испугался их могущества. Выходит, нам следует вообще отказаться от мысли о нападении на Мино.

Нобунагу уже больше не интересовало мнение Хидэёси, а военный совет продолжался. Было решено, что нынешним летом большое войско выступит из крепости Комаки и войдет на земли Мино, используя Суномату как перевалочный лагерь.

Битва на переправе через реку затянулась на месяц, в течение которого из войска Оды многочисленных раненых отправляли в глубинные районы Овари. Заметных побед войско не одержало. В конце концов измотанное и обескровленное войско Оды отступило. И военачальники, и простые воины пали духом.

На расспросы о сражениях они опускали глаза и горестно вздыхали. Нобунага пребывал в мрачном настроении. Он осознал, хотя и поздно, что не всякую битву можно выиграть, повторив внезапную атаку, которая принесла успех у Окэахазамы. Крепость Суномата погрузилась в тишину, нарушаемую лишь порывами осеннего ветра с реки.

Хидэёси вызвал Хикоэмона:

– Помнится, среди твоих бывших ронинов немало уроженцев из разных провинций.

– Верно.

– Нет ли кого-нибудь из Фувы?

– Разузнаю.

– Хорошо. Пришли его ко мне.

Вскоре Хикоэмон привел к Хидэёси человека по имени Сая Кувадзю, могучего воина лет тридцати. Хидэёси дожидался его в саду.

– Ты Сая?

– Да, мой господин.

– И ты родом из Фувы в Мино?

– Из деревни Таруи.

– И хорошо знаешь тамошние места?

– Я прожил на родине до двадцати лет.

– Родственники остались там?

– Младшая сестра.

– С кем живет?

– Замужем за крестьянином, и дети, наверное, у нее есть.

– Не хочешь прямо сейчас вернуться туда?

– Никогда не думал об этом. Если я вернусь в родную деревню, у сестры будут неприятности и в семье и с односельчанами.

– Ты ведь уже не ронин, а воин гарнизона крепости Суномата и настоящий самурай. В чем же тебя упрекать?

– Фува – очень важный район на западе Мино. Что мне делать у врага?

Хидэёси кивал, словно обдумывая какое-то решение.

– Мне бы хотелось отправиться туда вместе с тобой. Оденемся так, чтобы не бросаться в глаза. Жди меня у садовых ворот, когда стемнеет.

– Куда вы так внезапно собрались? – встревожился Хикоэмон.

– На гору Курихара, – шепнул ему на ухо Хидэёси.

Хикоэмон онемел от изумления. Он, конечно, догадывался о том, что Хидэёси что-то замышляет, но чтобы идти на Курихару! Несмотря на свою сдержанность, Хикоэмон не смог скрыть удивления. На той горе жил Такэнака Хамбэй, бывший вассал клана Сайто, некогда слывший великим стратегом. Теперь он, удалившись от дел, вел уединенную жизнь. Хидэёси навел сведения о характере этого человека и его отношениях с кланом Сайто.

«Вдруг удастся провести этого норовистого жеребца в те же ворота, которые уже миновали Тигр Унумы и троица из Мино...» – думал Хидэёси, но попытка самому проникнуть на гору Курихара была очень рискованной.

– Вы серьезно собираетесь туда? – не веря собственным ушам, переспросил Хикоэмон.

– Да.

– Вы хорошо подумали?

– Почему ты так разволновался? – Хидэёси, казалось, не видел опасности в задуманном путешествии. – Никто, кроме тебя, не посвящен в мой замысел. Оставляю тебя старшим в крепости.

– Неужели вы в одиночку?

– Нет, с Саю.

– Это все равно что ехать безоружным. Вы полагаете, что уговорите Хамбэя вступить в союз с нами?

– Непросто, конечно, – вполголоса произнес Хидэёси, словно разговаривая с самим собой. – Все же попробую. Если я прибуду к нему с открытым сердцем, прочность уз, связующих его с кланом Сайто, не сыграет существенной роли.

Хикоэмон вспомнил страстные речи Хидэёси в его родной Хатидзуке, однако он не мог поверить в то, что Хидэёси вынудит Такэнаку Хамбэя спуститься с Курихары. При неудачном повороте событий Хамбэй оставил бы уединение, но только для того, чтобы присоединиться к клану Сайто.

Говорили, что Такэнака Хамбэй на горе Курихара ведет тихую жизнь удалившегося от

мирских забот отшельника, но, если его прежним повелителям из клана Сайто будет грозить смертельная опасность, он непременно вернется, чтобы возглавить войско. Во время недавней войны с Одой он не принял участия в боях и со своей вершины наблюдал за тем, как сгущаются грозовые тучи. Время от времени он передавал с гонцом советы полководцам Сайто, исполненные неугасшей стратегической мудрости. Хидээси знал, что ему предстоит сложное дело. Хикоэмон, охваченный страхом за своего благодетеля, не удержался от горестного стога.

– Непростую задачу вы на себя взвалили! – В словах Хикоэмона страх был смешан с восхищением.

– Ну что ж... – Хидээси улыбнулся. – В самом деле нет повода для беспокойства. Кажущееся на первый взгляд неодолимым может оказаться совсем простым, а незатейливое дело способно повлечь за собой неожиданные осложнения. По-моему, главная трудность заключается в том, чтобы убедить Хамбэя в моей искренности. Такого серьезного соперника заурядной хитростью не возьмешь и в ловушку не заманишь.

Хидээси начал готовиться к тайной поездке. Хикоэмон, переживавший за судьбу Хидээси, не мог помешать ему. Его вера в способности и великодушие Хидээси возрастала, и теперь день ото дня он чувствовал себя простым подчиненным.

Стемнело, и Сая подошел к садовым воротам. Хидээси выглядел так же неприметно, как и его спутник.

– Хикоэмон, полагаюсь на тебя, – сказал Хидээси и спокойно пошел, словно на прогулку вокруг крепости.

Путь предстоял недалний, до Курихары было всего десять ри. В хорошую погоду днем из Суноматы виднелись расплывчатые очертания вершины. Цепь гор была главной защитой Мино от вражеского вторжения. Хидээси, выбрав кружной путь, вошел в Фуву, обойдя горы стороной.

Хидээси с любопытством вглядывался в местность, чтобы понять, как здесь живут люди, чем они занимаются. Фува располагалась у подножия гор в западной части Мино, защищая дорогу в столицу.

Осенью Сэкигахара выглядела очень живописно. Бесчисленные реки и ручьи пересекали ее, как кровяные жилки. Древняя история и предания освящали уклад сельской жизни, но кровавая память о прошлом тоже передавалась из поколения в поколение. Горы Ёро с вершиной Ибуки, постоянно окутанной тучами, служили границей с провинцией Каи.

Такэнака Хамбэй родился в этих местах в четвертый год Тэммон. Рассказывали, правда, что он из Инабаямы, но детство провел у подножия Ибуки. Сейчас ему было всего двадцать восемь – слишком молодой для истинного полководца. Он был на год моложе Нобунаги и на год старше Хидээси, но многое успел совершить в беспокойном мире и, устав от забот, удалился на гору Курихара. Он наслаждался красотой природы, читал старинные книги и писал стихи, не допуская к себе посетителей, часто стучавшихся к нему в дверь. Обрел ли он истинный покой или же притворялся, имея тайные умыслы? Такое тоже о нем говорили, но в Мино к нему относились с почтением, и слава его достигла Овари.

«Надо непременно его посетить и составить о нем собственное мнение», – с ходу решил Хидээси. Было бы непростительной глупостью разминуться с таким выдающимся человеком, раз им обоим суждено было родиться в одном и том же мире. Если Хамбэй встанет на вражескую сторону, Хидээси вынужден будет убить его. Он надеялся, что такого не случится, потому что убийство столь незаурядного человека омрачило бы всю жизнь Хидээси. «Непременно добыю встречи с ним!» – решил Хидээси.

Хозяин горы Курихара

Курихара, расположенная по соседству с горой Нангу, невысока и похожа на ребенка, приткнувшегося к материнскому подолу.

Но как она прекрасна! Хидэёси, лишенный поэтического воображения, пришел в восторг, поднявшись на вершину. Его поразила нежная красота закатного солнца, медленно уходящего за горизонт. Мысли его мгновенно вернулись к главной заботе – как заставить Хамбэя стать союзником Оды? «Нет, попытка переиграть великого стратега с помощью стратегии обречена на провал. Нужно полностью перед ним открыться. Буду говорить с ним просто, призвав все красноречие, на которое я способен», – подбадривал себя Хидэёси, даже не зная, где на этой горе искать уединенный приют Хамбэя. Хидэёси не торопился. Стемнеет, и где-нибудь обязательно зажгут огонь. Хидэёси решил не плутать в сумерках и расположился на отдых. Сгустилась тьма, и они вдалеке разглядели слабый свет фонаря по другую сторону заболоченной низины. По узкой петляющей тропе Хидэёси и Сая добрались до цели своего путешествия.

Они оказались на небольшой и ровной площадке, лежащей на полпути к вершине. Вокруг росли могучие криптомерии. Они ожидали увидеть скромный деревенский дом под соломенной кровлей, окруженный покосившимся забором, но перед ними высилась глинобитная стена, опоясывавшая просторный участок земли. В саду горело несколько фонарей. Вместо ворот проход в сад прикрывала раскачивающаяся на ветру бамбуковая калитка.

«Большой дом», – подумал Хидэёси, молча минуя калитку. За ней стоял густой лес. Узкая тропа, усыпанная осыпавшимися иголками, вела к дому. Пройдя шагов пятьдесят, Хидэёси и Сая вышли к дому. Из хлева по соседству доносилось мычание. Они слышали потрескивание дров на ветру, в воздухе стлался дым. Хидэёси остановился, чтобы протереть глаза. Порывом ветра с гор облако дыма сдуло, и Хидэёси увидел в кухонной пристройке ребенка, который подкладывал дрова в огонь.

– Вы кто? – насторожился мальчик.

– А ты здесь слуга? – отозвался Хидэёси.

– Да.

– А я вассал клана Ода. Меня зовут Киносита Хидэёси. Не передашь ли послание?

– Кому?

– Своему господину.

– Его здесь нет.

– Он уехал?

– Говорю вам, его нет. Уходите!

Отвернувшись, мальчик принялся перемешивать угли. Ночной туман пробирался под одежду, и Хидэёси подошел поближе к очагу:

– Позволь мне немного погреться.

Мальчик промолчал, бросив на него хмурый взгляд исподлобья.

– Холодная ночь, верно?

– В горах всегда так, – ответил мальчик.

– Послушай, служка!

– Никакой я не служка! Это не храм! Я – ученик господина Хамбэя!

– Ха-ха-ха!

– Ничего смешного!

– Извини.

– Ступайте прочь! Если хозяин узнает, что здесь были посторонние, он меня накажет.

– Не бойся! Все будет хорошо. Я извинюсь за тебя перед твоим господином.

– Вы действительно хотите повидаться с ним?

– Обязательно. Или ты думаешь, что, забравшись так высоко, я уйду ни с чем?

– В Овари все грубияны. Вы ведь из Овари, так?

– Ну и что в этом плохого?

– Мой господин ненавидит людей из Овари. И я тоже. Овари – вражеская провинция, правильно?

– Да.

– Вы проникли в Мино тайно? Значит, что-то здесь разнюхиваете. Если вы просто путник, уходите немедленно! Вы рискуете жизнью.

– Никуда я не пойду. Мне нужен твой господин.

– Зачем?

– Я пришел просить его о встрече.

– О встрече? Хотите стать его учеником? Учеником вроде меня?

– Ну да... в некотором смысле. Нам надо с тобой подружиться. Доложи обо мне господину, а я пока пригляжу за очагом. Не беспокойся, у меня получится.

– Никуда я не пойду.

– Не сердись. А кто это в доме кашляет? Не твой ли хозяин?

– У него всегда кашель по ночам. Здоровье слабое.

– Выходит, он дома. Значит, ты меня обманул.

– Какая вам разница, дома он или нет. Он все равно вас не примет. Он вообще никого не принимает, из какой бы провинции к нему ни пришли.

– Буду ждать своего часа.

– Потом как-нибудь придете.

– Мне хорошо здесь и тепло. Побуду у очага, пока мне не надоест.

– Шутите! Немедленно уходите!

Мальчик вскочил на ноги, готовый наброситься на врага, но, поглядев в улыбчивое лицо Хидэёси, освещенное багровым пламенем очага, он против воли перестал сердиться. Он смотрел на незваного пришельца с возрастающей симпатией.

– Кокума! Кокума! – послышалось из глубины дома.

Мальчик опрометью бросился на зов. Из котла на очаге потянуло подгоревшим рисом. Забыв, что еда предназначалась не ему, Хидэёси снял крышку и ловко принялся помешивать бурю рисовую кашу, смешанную с каштанами и сушеными овощами. Другой бы погнушался нищенской трапезой, но Хидэёси вырос в бедной крестьянской семье, и каждая рисинка напоминала ему материнские слезы.

– Эй, чуть не сгорело, Кокума!

Хидэёси, обернув руки полотенцем, снял котел с очага.

– Спасибо! Откуда вам известно мое имя?

– Тебя только что окликнул господин Хамбэй. Ты сказал хозяину обо мне?!

– Он позвал меня по другому делу. Мой господин запрещает говорить о разных пустяках. Он внушает мне, что нужно говорить только о важном. Вот я ему ничего и не сказал.

– Ладно. Ты строго выполняешь все наказания своего учителя, да? Приятно видеть усердного ученика.

– А вы просто выказываете свое тщеславие. Пустое занятие.

– Ошибаешься. Я и сам человек нетерпеливый, но будь я твоим учителем, так непременно похвалил бы тебя. Поверь мне, я говорю искренне.

В это мгновение кто-то вышел из кухни с бумажным фонариком в руке. Женский голос несколько раз окликнул Кокуму, и Хидэёси, обернувшись, увидел в неярком свете девушку лет семнадцати. Ее кимоно украшал узор, изображавший цветы горной вишни, окутанные туманом. Пояс-оби был персикового цвета. Лица ее Хидэёси рассмотреть не мог.

– Слушаю, госпожа Ою. – Кокума подошел к ней.

Девушка, сказав что-то мальчику, удалилась, фонарик растаял во тьме.

– Кто это? – спросил Хидэёси.

– Сестра моего учителя, – произнес Кокума с таким благоговением, как будто говорил о диковинном цветке, расцветшем в хозяйском саду.

– Прошу тебя, сходи, пожалуйста, к учителю и попроси его принять меня. Если он откажет, я уйду.

– Правда?

– Обещаю.

– Попробую. – Кокума нехотя пошел в дом и вернулся очень быстро.

– Хозяин наотрез отказался, сказав, что терпеть не может посетителей. И строго отчитал меня вдобавок. Пожалуйста, уходите. Мне пора подавать ужин господину.

– Хорошо, я уйду, но найду как-нибудь в другой раз. – Хидэёси безропотно встал и собрался уходить.

– Вряд ли вам стоит сюда возвращаться, – сказал Кокума.

Хидэёси молча ушел. Он спустился в темноте с горы и лег спать.

На следующее утро он вновь отправился на Курихару. К дому Хамбэя он, как и накануне, добрался только на закате. Вчера он потратил слишком много времени на разговоры с мальчишкой, поэтому на этот раз решил зайти с той стороны, где, по его представлению, находился главный вход. Стоило ему постучать и подать голос, как перед ним предстал все тот же Кокума:

– Как! Это вы?

– Хочу узнать, не согласится ли твой господин принять меня сегодня. Сделай милость, осведомись о его настроении.

Кокума ушел в глубь дома и вскоре вернулся с тем же неутешительным ответом. Неизвестно, говорил ли он с хозяином или нет.

– Придется попробовать еще раз. Вдруг я когда-нибудь застаю его в благоприятном расположении духа, – не теряя самообладания, произнес Хидэёси и распрощался с мальчиком.

Через два дня он еще раз поднялся на гору.

– А как сегодня?

Кокума, по обыкновению, заглянул в дом и вернулся с очередным отказом.

– Господин сказал, что ваши визиты докучают ему.

Хидэёси молча спустился с горы, но потом пришел снова. Дело дошло до того, что Кокума начинал смеяться, едва завидев Хидэёси.

– Вы действительно терпеливый человек, но бесполезно ходить сюда. Учитель, когда я докладываю ему о вашем очередном приходе, уже не сердится, а смеется.

Мальчики легко сходятся со взрослыми, и у Кокумы с Хидэёси сложились почти приятельские отношения.

На следующий день Хидэёси опять взобрался на Курихару. Поджидавший его у подножия Сая не представлял, что на уме у его господина, и начал терять терпение:

– Какой заносчивый этот Такэнака Хамбэй! Надо бы мне пойти с господином и проучить гордеца за неучтивость!

В тот день, когда Хидэёси собрался на гору в десятый раз, было дождливо и ветрено, и Сая с

крестьянами, в доме которых они поселились, отговаривал хозяина от бесполезной затеи, но тот упрямо стоял на своем. В соломенной накидке и широкополой шляпе он пошел на Курихару. Как всегда под вечер, он стоял перед главным входом.

– Кто там? – услышал он в ответ на свой стук.

Впервые навстречу ему вышел не Кокума, а Ою, которая, по словам мальчика, доводилась Хамбэю родной сестрой.

– Я понимаю, что беспокою господина Хамбэя своими визитами. Мне очень неприятно быть назойливым, но я прибыл к вам посланцем от своего господина и не могу вернуться домой, не поговорив с господином Хамбэем. Вручение посланий своего господина – одна из важнейших обязанностей самурая, поэтому я вынужден докучать господину Хамбэю до тех пор, пока он не согласится принять меня, пусть даже через два года. Если господин Хамбэй не удостоит меня чести выслушать послание, я сделаю сэппуку. Таков воинский долг, и господин Хамбэй это прекрасно знает. Пожалуйста... похлопочите перед ним за меня, хотя бы одно словечко скажите.

Под проливным дождем Хидээси опустил на колени. Впечатлительная девушка растрогалась.

– Пожалуйста, подождите, – приветливо произнесла она и скрылась в глубине дома.

Вскоре она вернулась и, не скрывая сочувствия, сообщила, что Хамбэй не намерен менять своего решения.

– Мне жаль, что мой старший брат такой упрямый, но, по-моему, вам лучше уйти. Он сказал, что никогда не примет вас. Он вообще избегает встреч с посторонними.

– Вот как? – Огорченный Хидээси потупился, но упорствовать не стал. Дождь барабанил ему по спине. – Что ж, подожду, пока господин Хамбэй передумает.

Нахлобучив шляпу, он ушел во тьму. Обойдя, как обычно, усадьбу по лесной тропе, Хидээси был сейчас по другую сторону стены.

– Постой! Он примет тебя! Слышишь! Он велел вернуть тебя! – закричал подбежавший Кокума.

– Неужели!

Хидээси с Кокумой быстро зашагали к усадьбе. У входа в дом их поджидала только Ою.

– Ваше упорство настолько поразило моего брата, что он сказал, было бы грехом не принять вас, но только не сегодня. Он уже в постели из-за сырой погоды, но просит вас прибыть, когда он сам вас известит.

Хидээси понял, что девушка, сжалившись над ним, после его ухода поговорила с братом.

– Я прибуду немедленно, как только вы за мной пришлете.

– Где вы остановились?

– В деревне Нангу, у подножия горы, у крестьянина Моэмона. Его дом под высокой шелковицей.

– Подождем хорошей погоды.

– Буду с нетерпением ждать вестей от вас.

– Холодно, а вы промокли. Посушите одежду у очага и поешьте перед уходом.

– Благодарю вас, в другой раз. Я немедленно уйду. – Широким шагом Хидээси пошел вниз.

Дождь лил и весь следующий день. А еще через день дождя не было, но вершина Курихары скрылась за облаками, и известия от Хамбэя не пришло. Наконец установилась хорошая погода, и гора, омытая ливнями, засияла яркими красками. Стояла ранняя осень, и листья на деревьях покрылись багрянцем.

В это утро у ворот Моэмона показался Кокума. Он вел на веревке корову.

– А вот и я! – сказал мальчик. – Тебе приглашение! Учитель приказал мне проводить тебя до дома и прислал скакуна для дорогого гостя. – Кокума протянул Хидэёси записку.

«Странно, что вы проявляете повышенный интерес к усталому и больному человеку, удалившемуся от мирских дел. Ваша просьба затруднительна для меня, но все же, пожалуйста, зайдите ко мне на несколько минут», – гласило послание Хамбэя.

Тон его был высокомерным. Хидэёси знал, что разговаривать с Хамбэем будет крайне трудно. Хидэёси взгромоздился на корову и сказал Кокуме:

– Прокатимся на вашем жеребце!

Кокума без промедления двинулся в обратный путь. Осеннее небо над горами Курихара и Нангу прояснилось, и впервые Хидэёси отчетливо увидел горы.

У главных ворот усадьбы их дожидалась красавица. Это была Ою, принарядившаяся к приезду гостя.

– Не стоило так утруждать себя! – воскликнул Хидэёси, ловко спрыгнув с коровы.

Они вошли в дом, и Хидэёси ненадолго оставили одного. Где-то капала вода, в окно стучал бамбук. Хидэёси огляделся по сторонам. В нише-токонома в грубой глинобитной стене висел свиток, на котором рукой буддийского монаха был начертан иероглиф «видение».

«Неужели ему здесь не скучно?» – вопрошал себя Хидэёси, стараясь понять, что могло заставить Хамбэя избрать уединение в таком месте. Он бы не выдержал и трех дней в таком заточении. Пробыв несколько минут в этой строгой комнате наедине с самим собой, он уже изнывал от скуки. Слух его услаждали пение птиц и шелест ветвей, но мыслями он был в Суномате и на горе Комаки. Дитя своего времени, Хидэёси чувствовал себя чужим в горной обители.

– Извините, что заставил вас ждать, – прозвучал за спиной звонкий голос Хамбэя.

Хидэёси знал, что человек, встречи с которым он так настойчиво добивался, еще молод, но голос отшельника поразил его. Хозяин усадил гостя на почетное место.

Хидэёси без промедления приступил к делу, представившись Хамбэю:

– Я вассал клана Ода. Меня зовут Киносита Хидэёси.

Хамбэй вежливо прервал его:

– Давайте отбросим излишние формальности. Приглашая вас сегодня, я рассчитывал на другое.

Хидэёси понял, что эти слова дали хозяину преимущество. Ход, к которому он привычно прибегал в этих ситуациях, обернулся против него.

– Такэнака Хамбэй, владелец этого горного приюта. Вы оказали мне честь, удостоив своим посещением.

– Я проявил непочтительную настойчивость, обременив вас ненужными хлопотами.

Хамбэй рассмеялся:

– Признаться, вы мне изрядно надоели, но сейчас вынужден признать, что изредка принимать гостей даже приятно. Пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Поведайте, почтенный гость, с какой целью вы нарушили мое уединение? Пословица утверждает, что в горах не найдешь ничего, кроме птичьего щебета.

Хамбэй намеренно сел ниже, чем гость, однако в его глазах играла насмешливая улыбка, и он явно потешался над человеком, внезапно свалившимся сюда, словно с луны. Хидэёси пригляделся к нему повнимательней. Он действительно не отличался крепким телосложением, но был красив. Красные губы ярко выделялись на прозрачном бледном лице.

Манеры Хамбэя свидетельствовали о прекрасном воспитании. Он был внимателен к собеседнику, говорил учтиво. Хидэёси сомневался, не скрывается ли под внешней приветливостью нечто иное, как в здешних горах, которые сегодня манили путника своей

красотой, а вчера здесь неистовствовала буря.

– Я пришел повидаться с вами по распоряжению князя Нобунаги. Не хотите ли вы спуститься с этой горы? Человек ваших способностей не должен в столь молодом возрасте уединяться в горном приюте. Рано или поздно вам придется исполнить долг самурая. Кому же вам служить как не князю Нобунаге? Вот я и прибыл сюда с предложением служить клану Ода. Вы чувствуете, что над нами сгущаются грозные тучи войны?

Хамбэй слушал с загадочной улыбкой. Хидэёси понимал, что его красноречие не принесет успеха, когда собеседник молчит. Хамбэй напоминал ему гибкую иву под ветром. Трудно было сказать, слушает ли он Хидэёси. Киносита умолк в ожидании ответа Хамбэя, но тот промолчал. Хидэёси исчерпал доводы, а отшельник ничем не выдал своих мыслей.

Легкий ветерок веял от веера Хамбэя, которым он поддерживал ровное пламя в очаге, не поднимая в воздух золу. Вода в чайнике закипела. Хамбэй вытер салфеткой, используемой в чайной церемонии, маленькие чашечки себе и гостю. Он, похоже, по бульканью воды определял, готов ли кипяток. Этот учтивый человек, любезно улыбающийся гостю, был неподступен.

Хидэёси почувствовал, что у него затекли ноги. Он никак не мог продолжить разговор. Все сказанное им в мгновение ока обернулось пустым звуком.

– Хотелось бы понять, как вы относитесь к предложению Нобунаги. Я убежден, что бесполезно сулить вам богатства, перечислять ожидающие вас должности и награды. Овари, конечно, маленькая провинция, но в будущем ей суждено играть ведущую роль в Японии, потому что никто из князей не обладает способностями князя Нобунаги. Ваше добровольное заточение в горах вдали от смятенного мира бессмысленно. Вам следует спуститься к людям ради их спасения.

Хамбэй внезапно повернулся к гостю, и Хидэёси затаил дыхание, но хозяин лишь протянул ему чашку.

– Пожалуйста, попробуйте мой чай, – сказал он.

Хамбэй отпил несколько глотков из своей чашки, словно его не интересовало ничто, кроме вкуса чая.

– Почтенный гость!

– Слушаю вас!

– Вы любите орхидеи? Они изумительны весной, но и осенние по-своему прелестны.

– Орхидеи? Это что такое?

– Цветы. Если углубиться в горы еще на четыре, увидите на утесах и валунах орхидеи, прячущие в себе росу давних времен. Я велел своему слуге Кокуме сорвать одну и посадить в горшок. Не угодно ли полюбоваться?

– Да нет... – Хидэёси замялся. – Какой мне смысл разглядывать цветы?

– Вот как?

– Может быть, со временем, но сейчас я даже во сне думаю только о сражениях. Молод еще, вероятно. Я целиком отдаюсь служению клану Ода, и мне не понять чувства воина, удалившегося на покой.

– В вашей службе есть смысл, но не кажется ли вам, что вы понапрасну теряете время, рьяно предаваясь поискам славы и богатства? Отшельникам не понять мирской суеты. А почему бы вам, бросив Суномату, не выстроить хижину на склоне горы?

«Не равнозначны ли честность и глупость? Не означает ли глупость отсутствие стратегии? Одной лишь уверенности в своих силах и в словах, вероятно, недостаточно для того, чтобы достучаться до человеческого сердца», – горестно размышлял Хидэёси, спускаясь по горному склону. Все усилия оказались тщетны. Оскорбленный, униженный неудачей, Хидэёси

оглянулся. Он чувствовал не раскаяние, лишь глубокое сожаление. Сегодня его выдворили с изящной учтивостью. «Возможно, мы никогда с ним больше не увидимся, – подумал Хидэёси. – Нет! В следующий раз на поле брани его голову положат перед моим походным стулом». Он твердо поклялся себе, что так все и будет. Сколько раз он, понунив голову, шагал по этой дороге, запрятав в глубине души стыд. Выяснилось, что дорога унижения ведет в никуда.

– Жалкий червяк! – в бессильном гневе воскликнул Хидэёси.

Возможно, он вспомнил бледное лицо и немощное тело Хамбэя. Он ускорил шаг. Перед поворотом, где дорога огибала скалу, Хидэёси вспомнил о желании, которое подавлял с момента ухода из дома Хамбэя. Поднявшись на утес, он помочился на простирающуюся внизу долину. Струя изгибалась дугой, рассыпаясь на мелкие брызги.

– Хватит ныть! – одернул себя Хидэёси и поспешил в долину.

– Сая, загостились мы с тобой. Завтра утром отправимся домой, – бодрым тоном сообщил он слуге, вернувшись в дом Моэмона.

Сая решил, что встреча с Хамбэем прошла успешно, и в душе порадовался за своего господина. Хидэёси и Сая провели вечер с хозяевами дома и рано легли спать. Ночью Хидэёси преспокойно храпел. Сая время от времени просыпался от храпа и таращился во тьму. Сая решил, что ежедневные прогулки на Курихару, видно, утомили Хидэёси.

«Чтобы добиться хоть небольшого успеха, придется много трудиться», – подумал он, не подозревая о том, что его господин потерпел жестокое поражение. Еще до рассвета Хидэёси закончил все приготовления к отъезду. На заре они покинули спящую деревню.

– Подожди, Сая! – Хидэёси внезапно замер на месте, глядя на восходящее солнце.

Гора Курихара темнела, выступая из утреннего тумана. За горой облака переливались всеми красками зари.

– Я ошибся, – пробормотал Хидэёси. – Поставил перед собой нелегкую задачу, поэтому трудности были неизбежны. Возможно, я переоценил свои возможности. Малодушным великие деяния не суждены!

И вот он уже повернулся в противоположную сторону.

– Сая, я еще раз поднимусь на Курихару. А ты ступай домой! – внезапно сказал Хидэёси, исчезая в утреннем тумане. Вскоре он одолел половину пути. Дойдя до заболоченной низины неподалеку от дома Хамбэя, он услышал, как его окликнула Ою.

С ней был Кокума. Она ехала на корове, держа на локте корзину с травами.

– Какая неожиданность! Странный вы человек! Учитель сказал, что вы, получив сполна, вряд ли появитесь у нас, – сказал Кокума.

Спустившись на землю, Ою учтиво поклонилась Хидэёси, но Кокума не унимался:

– Сегодня не тревожьте учителя! Ночью он почувствовал себя нехорошо и сказал, что это результат затянувшейся беседы с вами. Он и сегодня утром в дурном настроении. И мне опять из-за вас досталось.

– Не груби! – одернула Ою мальчика, но тоже вежливо дала понять Хидэёси, что его сегодня в гости не ждут. – Конечно, брат заболел не потому, что разговаривал с вами, он простудился, поэтому сейчас в постели. Я сообщу о вашем приходе, но, пожалуйста, не тревожьте его покой.

– Я так и предполагал, но все же осмелился прийти, и... – Хидэёси достал тушечницу и написал на листе бумаги:

Нет людям покоя в тревожном мире.

Зверям и птицам он ведом.

Неудержимы людские страсти,
Призрачны улицы города.
Горные тучи не знают соблазнов,
Вольны они плыть на свободе.
Но стоит ли уединяться
В тиши зеленых гор?

Он знал, что стихи получились нескладные, но они передавали его истинные чувства, поэтому он приписал еще две строки.

Куда уплывают тучи с вершины?
На запад ли? На восток?

– Я уверен, что господин Хамбэй посмеется надо мной и назовет назойливым, но я хочу дождаться ответа, поскольку докучаю ему в последний раз. Если я не смогу выполнить приказ моего князя, то совершу сэппуку здесь, на болоте. Пожалуйста, попросите за меня последний раз в моей жизни.

Не чувствуя презрения к бесцеремонному посетителю, Ою пожалела его и отправилась к больному брату со стихотворным посланием. Хамбэй прочитал его, но ничего не ответил. Полдня он пролежал с закрытыми глазами. Наступил вечер, следом лунная ночь.

– Кокума, приведи корову, – внезапно сказал Хамбэй.

Ою, поняв, что Хамбэй куда-то едет, встревожилась и одела брата потеплее. Кокума вел корову за веревку. Они спустились с горы до заболоченной низины. Хамбэй издали увидел одинокого путника, который сидел в позе буддийского монаха. Он наверняка целый день ничего не ел и не пил. Охотник сказал бы, что Хидзэси представляет собой превосходную мишень. Хамбэй подошел к нему и с поклоном опустился перед ним на колени.

– Уважаемый гость, сегодня я был неучтив с вами. Не знаю, какую пользу вы рассчитываете получить от меня, хворого, уединившегося в горах, но ваше упорство, право, взволновало меня до глубины души. Известно, что самурай готов пожертвовать жизнью ради близкого человека. Я не хочу, чтобы вы умерли понапрасну. Я прежде состоял на службе у клана Сайто и не намерен служить Нобунаге. Я готов служить вам, хотя сил у меня немного. Простите, что на протяжении стольких дней я был столь неучтив с вами.

Долгое время события развивались своим чередом, без военных конфликтов. Овари и Мино укрепляли боевую мощь. Негласное перемирие увеличило количество путников и торговцев, пересекающих границы обеих провинций. Наступил Новый год, и наконец зацвела слива. Жители Инабаямы думали, что невзгоды остались позади и хрупкий мир продлится еще лет сто.

Весеннее солнце играло на белых стенах Инабаямы, лишая крепость привычной суровости. В такие безмятежные дни горожане недоумевали, зачем замок воздвигли на непомерной высоте... Их жизнь целиком зависела от обстановки в крепости. Стоило там поселиться тревоге, как она сразу же сказывалась на повседневных заботах города. Когда в крепости было спокойно, жители тоже впадали в праздность. Любые предписания из крепости сейчас воспринимались в городе без должного внимания.

Был полдень. Журавли и утки резвились в пруду. Персиковые деревья пышно цвели. В саду за стенами крепости на вершине Инабаямы часто гулял ветер. Тацуоки, выпивший лишнего,

лежал в беседке в цветущем саду.

Старшие советники Сайто Куроэмон и Нагаи Хаято разыскивали князя Инабаямы. Число прелестниц, услаждавших Тацуоки, не сравнилось бы с «тремя тысячами наложниц» из китайской легенды, но их было достаточно. Красавиц, включая хороших служанок, было больше, чем персиковых деревьев в саду. Они томились в ожидании часа, когда их праздный повелитель соизволит проснуться.

– Где князь? – спросил Куроэмон.

– Господин устал и отдыхает в садовой беседке, – ответил один из оруженосцев.

– Хочешь сказать, он опять навеселе?

Куроэмон и Хаято поспешили к беседке. Тацуоки лежал в окружении красавиц. Под головой у него был маленький барабан.

– Не стоит беспокоить его, – сказал Куроэмон.

Они с Хаято хотели было удалиться, но Тацуоки оторвал голову от «подушки».

– Кто там? Я слышу мужские голоса! – Его лицо было багровым, глаза налились кровью. – Куроэмон? И ты, Хаято? Зачем явились? Мы любим цветы, а вам сакэ понадобилось?

Советники пришли по важному делу, но, увидев князя в таком состоянии, воздержались от доклада о новостях, которые только что получили из вражеской провинции.

– Оставим до ночи, – решили советники.

Ночью пиршество продолжилось.

– Подождем до завтра.

К полудню следующего дня веселье было в полном разгаре. Редкую неделю Тацуоки уделял хотя бы день государственным делам. Он препоручил все заботы старшим советникам. К счастью, многие его приближенные были мудрыми деятелями, которые служили клану Сайто уже в третьем поколении, и они поддерживали могущество клана в обстановке всеобщего упадка. Тацуоки предавался безудержным развлечениям, а они не знали ни минуты покоя.

Лазутчики Хаято доносили, что клан Ода извлек горький урок из прошлогодних поражений и осознал бесплодность попыток идти против судьбы.

– Нобунага, поняв, что, нападая на Мино, понапрасну теряет людей и деньги, похоже, решил отказаться от этой затеи, – решил Хаято.

Он был уверен, что Нобунага обречен на бездеятельность, потому что казна его истощилась.

Весной Нобунага пригласил в крепость мастера чайной церемонии и поэта и коротал время, совершенствуясь в искусствах. Со стороны казалось, что Нобунага, используя передышку, просто наслаждается всем, что дарит мирная жизнь.

В середине лета, после праздника Поминовения предков, гонцы со срочными предписаниями разъехали из крепости Комаки по всей Овари. Город бурлил. Ужесточилась проверка путников на заставах. Вассалы без конца приезжали в крепость, глубокими ночами в ней проходили совещания. У крестьян отобрали лошадей. Самураи торопили мастеров, которые чинили их доспехи.

– Как ведет себя Нобунага? – спрашивал Хаято своих лазутчиков.

Они отвечали, хотя и без большой уверенности:

– В крепости все по-прежнему. До утра горят фонари, а звуки флейт и барабанов слышны за крепостным рвом.

Важные новости стали поступать ранней осенью.

– Нобунага выступил на запад с войском в десять тысяч человек! Опорным пунктом избрана Суномата! В данный момент они переправляются через Кисо!

Тацуоки, взиравший на мирские дела с полным безразличием, впал в истерику, когда его заставили выслушать это донесение. Советники пришли в смятение, потому что поздно было предпринимать ответные меры.

– Сплетни! – утешал себя Тацуоки. – Клан Ода не может выставить войско в десять тысяч воинов.

Лазутчики уверили его в том, что в войске действительно десять тысяч человек, и Тацуоки был потрясен до глубины души. Он спешно собрал испытанных советников.

– Нобунага рискует всем, а что нам делать?

Вспомнив о тех, кто не раз спасал провинцию в тяжелую годину, Тацуоки послал за троицей из Мино, которых еще вчера презирал как вздорных и отживших свой век стариков и не допускал к себе.

– Мы их известили, но пока ни один не откликнулся, – сообщили Тацуоки вассалы.

– А как Тигр Унумы?

– Он сказался больным и не хочет выступать из своей крепости.

Тацуоки осенило, и он, дивясь глупости подданных, решил, что нашел выход из сложного положения.

– А на Курихару послали гонца? Срочно вызвать Хамбэя! Почему не выполняете моих приказов? Нечего тут передо мной расстилаться! Сию же минуту отправьте человека за ним!

– Не дожидаясь вашего приказа, мы несколько дней назад отправили к господину Хамбэю гонца. Мы известили его о делах и просили его о помощи. Но он...

– Не приехал? – Тацуоки впал в ярость. – Почему? Почему не прилетел, как на крыльях, чтобы возглавить нашу армию? Он всегда казался мне верным подданным.

Выражение «верный подданный» в устах Тацуоки означало человека прямого, открыто осуждающего его, но в решительную минуту готового примчаться первым, чтобы защитить своего господина.

– Пошлите к нему еще одного гонца! – распорядился Тацуоки.

Старшие советники выполнили бесполезный приказ. Гонец, четвертый по счету, вернулся с Курихары ни с чем.

– Я с трудом добился встречи с ним, но, прочитав ваше послание, господин Хамбэй ничего не ответил. Горестно вздохнул, вытер слезы и пробормотал что-то о несправедных правителях брэнного мира, – доложил гонец.

Тацуоки расценил поведение Хамбэя как насмешку над собой. Побагровев от гнева, он закричал на подданных:

– Какой толк от больного!

В Инабаяме происходила бесплодная суэта. Часть войска Нобунаги, переправившись через реку Кисо, навязывала бои разрозненным отрядам Сайто. Каждый час в столицу провинции Мино прибывали сведения о новых поражениях.

Тацуоки мучила бессонница, глаза его остекленели. В крепости воцарились уныние и смятение. Тацуоки велел сделать навес над персиковыми деревьями и мрачно восседал на походном стуле в окружении выставленных напоказ богатых доспехов встревоженных вассалов.

– Если собранного нами войска недостаточно, требуйте подкрепления изо всех крепостей. Хватает ли воинов в городе? Надеюсь, не придется просить помощи у клана Асаи? Что молчите? – Голос Тацуоки звучал резко и визгливо, выдавая страх и безнадежность.

Вассалы старались сделать все, чтобы уныние их повелителя не передалось воинам.

Ночью из крепости видно было пламя пожаров. Войско Оды наступало и днем и ночью, от Ацуми и долины Кано – на юге и по притокам реки Нагара, в направлении Гото и Кагамидзимы – на западе. Пожары перед наступающим войском казались огненной волной, достигающей

небосвода. На седьмой день месяца армия Оды подступила к Инабаяме, столице и главной крепости во вражеской провинции.

Нобунага впервые командовал большим войском, которое вселяло в него решимость любой ценой добиться победы. Ради нее в Овари призвали на воинскую службу почти всех мужчин. Поражение означало бы гибель и клана Ода, и провинции Овари.

У Инабаямы войско Нобунаги несколько дней вело ожесточенные бои. Созданные самой природой укрепления и опытные воины клана Сайто показали свою силу. Воины сражались за собственные дома и семьи. Превосходство врага в вооружении было наиболее неблагоприятным для клана Ода обстоятельством. Богатство казны Мино позволило клану Сайто запастись большим количеством огнестрельного оружия.

Стрелковый полк Сайто с горного склона обстреливал наступающих, отбивая любую атаку. Акэти Мицухидэ, сформировавший этот полк, давно покинул пределы Мино и стал ронином.

После нескольких дней тяжелых сражений в изнурительную жару воины Оды начали уставать. Призови клан Сайто помощь из Оми или Исэ, то десять тысяч отважных воинов Оды никогда не увидели бы родную Овари.

Удара в спину следовало ожидать оттуда, где на горизонте высились горы Курихара, Нангу и Бодай.

– За это направление можно не беспокоиться, – уверял Хидэёси своего князя, но Нобунага по-прежнему тревожился.

– Осада – не лучший способ в стратегии, но нетерпение приведет только к новым потерям. Не представляю, как вы будете брать Инабаяму.

Военный совет проходил каждый вечер, но ни у кого не было разумных предложений. В конце концов все согласилось с мнением Хидэёси, который вскоре исчез из передового отряда.

Хидэёси выехал ночью с отрядом из девяти надежных воинов. Обливаясь потом, они поднялись на гору Дзуйрюдзи, удаленную от Инабаямы на расстояние, исключаящее встречу с вражеским дозором. Среди спутников Хидэёси были Хикоэмон и его младший брат Матадзюро. Их проводником стал человек, искренне привязанный к Хидэёси и питающий к нему чувство глубокой благодарности – Осава Дзиродзаэмон, Тигр Унумы.

– Спустимся в долину вон у того утеса и переправимся через речушку.

Добравшись до конца тропы, Хидэёси и его спутники увидели скалу, увитую виноградной лозой. Обойдя утес, они нашли тайную тропинку в долину, которая вилась по зарослям низкорослого бамбука.

– Тропа ведет к тылу крепости, отсюда примерно два ри. По этой схеме вы найдете ручей, который течет по территории крепости. А теперь позвольте откланяться. – Осава в одиночестве отправился своей дорогой.

Сейчас он был предан Хидэёси и верил ему, но когда-то он поклялся в верности клану Сайто. Ему, человеку долга, нелегко было показать Хидэёси потайную тропу в крепость своих прежних господ. Хидэёси, понимая состояние Осавы, заранее решил отправить Тигра Унумы домой, как только он укажет им заветное место.

Два ри – небольшое расстояние, но тропы отряд Хидэёси не нашел. Они с трудом карабкались по скалам, и Хидэёси постоянно сверялся со схемой, но она совсем не соответствовала действительности.

Хидэёси так и не отыскал горную речку, которая должна была бы вывести их к крепости. Они заблудились, а день клонился к вечеру, и становилось прохладно. Хидэёси не предполагал, что они могут заблудиться. Мысленно он оставался с теми, кто осаждал Инабаяму. Если завтра на рассвете ему не повезет, то его неудача огорчит его соратников, оставшихся в лагере.

– Свет! – внезапно воскликнул один из воинов, и все застыли на месте. – Я вижу свет!

Откуда взяться свету на глухой горе, тем более около тайной тропы в крепость Инабаяма? Значит, они оказались в расположении одного из передовых постов.

Хидээси и его спутники поспешили в укрытие. Ронины одинаково легко шли и по равнинной дороге, и по горной тропе, но Хидээси едва поспевал за ними.

– Держитесь! – сказал Хикоэмон, протягивая ему древко копья.

Хидээси сжал древко руками, и они начали взбираться по крутому подъему – Хикоэмон первым, а Хидээси сзади, положившись на силы подчиненного. Наконец они выбрались на ровный участок. Ночь сгущалась, и все отчетливей был виден свет, горевший в горной расселине, к западу от того места, где они сейчас находились.

Если свет был на сторожевом посту, значит, тропа вела к крепости.

– Надо идти только вперед! – решительно заявили воины.

– Не спешите! – Хидээси охладил пыл своих спутников. – В сторожевом домике, вероятно, несколько часовых, они не могут помешать нам, но поднимут изрядный шум и взбудоражат крепость. Если это костер, то он разведен у самого домика. Надо поставить у костра двоих. Половина из вас зайдет за домик с другой стороны, чтобы не дать часовым вернуться в крепость.

Воины Хидээси, как лесные звери, расползлись по склону горы, пересекли впадину и вошли в долину, которая, к их удивлению, оказалась распаханной. Здесь росли конопля, просо и ямс.

Хидээси, склонив голову набок, пристально всматривался во тьму. Хижина посреди поля не походила на сторожевой домик.

– Стойте! Пойду посмотрю, что там такое.

Хидээси крадучись двинулся по зарослям конопли. Судя по всему, это был обыкновенный деревенский дом, нищий и сиротливый. Хидээси разглядел старуху, лежавшую на соломенной циновке, и молодого человека, должно быть, ее сына, который разминал спину матери.

На мгновение Хидээси, забыв, где находится, невольно залюбовался картиной мирной жизни. Женщина была совсем седой. Молодой человек отличался крепким телосложением, хотя на вид ему было лет семнадцать. Хидээси не воспринимал этих людей как чужих, а уж тем более как врагов. Ему казалось, что он видит свою мать и самого себя, превратившегося в юношу.

– Матушка, что-то случилось. – Молодой человек настороженно поднял голову.

– Что такое, Москэ? – Мать приподнялась на циновке.

– Цикады почему-то перестали стрекотать.

– Зверек шарит около амбара, наверное.

– Нет! Он не подошел бы так близко к дому, когда горит свет.

Молодой человек, прихватив меч, выскользнул во двор.

– Кто здесь?

Хидээси внезапно вышел из зарослей конопли.

Изумленный юноша уставился на него и не сразу смог заговорить.

– Что вы тут делаете? Я чувствовал, что тут кто-то есть. Вы – самурай из Касихары?

Хидээси, ничего не ответив, обернулся и махнул рукой притаившимся спутникам.

– Окружайте хижину! Никого не выпускать, а кто выйдет, сразу же убивайте!

Воины мгновенно взяли хижину в кольцо.

– Стоит ли устраивать такое представление? – с усмешкой сказал Москэ. – Нас двое: моя мать и я. Зачем окружать наш дом? Что вы задумали, господин самурай?

Москэ стоял на пороге, на лице его не было ни растерянности, ни страха. Он держался хладнокровно, и, судя по его виду, ему не было жаль неожиданных гостей.

Хидээси сел на крыльцо и сказал:

– Нам нужно соблюдать осторожность, но мы не собираемся пугать или обижать тебя и

твою матушку.

– Я вас не боюсь, а вот мать зря встревожили. Если вы хотите извиниться, то принесите извинения ей.

Юноша говорил смело и не походил на простого крестьянина. Хидэёси заглянул в хижину.

– Москэ, успокойся! Зачем ты грубишь самураю? – сказала старуха. Затем она обернулась к Хидэёси: – Не знаю, кто вы и почему пришли сюда, но мой сын далек от бурных мирских дел, он – деревенский парень и не умеет себя вести. Уж простите его, пожалуйста.

– А вы его мать?

– Да, господин.

– Вы говорите, что он простой деревенский парень, но по его речи и манерам трудно поверить в то, что вы обыкновенные крестьяне.

– Зимой мы промышляем охотой, а летом заготавливаем уголь и продаем его в деревне.

– Но с каких пор? Уверен, что вы происходите из старинного рода. Я не вассал клана Сайто, мы с моими спутниками просто заблудились в горах. Мы не намерены ничем досаждать вам. Не соизволите ли вы назвать ваши имена?

– Господин самурай, вы говорите на наречии Овари. Вы действительно из Овари? – спросил Москэ, севший рядом с матерью.

– Да. Я родом из Накамуры.

– Из Накамуры? Мы с вами соседи, мы из Гокисо.

– Земляки, значит.

– Если вы подданный клана Ода, я все расскажу вам. Моего отца звали Хорио Таномо. Он служил князю Оде Нобукиё в крепости Когуту.

– Странно! Если твой отец был вассалом князя Нобукиё, то и ты должен хранить верность князю Нобунаге!

«С этой встречей повезло», – обрадовался в душе Хидэёси.

Получив назначение на пост коменданта крепости Суномата, он повсюду искал одаренных людей, стремясь привлечь их на службу. Хидэёси не принимал опрометчивых решений, а внимательно присматривался к человеку, и если тот внушал ему доверие, то сразу же брал его на службу. А поручения давал ему лишь после того, как узнавал человека получше. Точно так же он действовал и выбирая себе жену. Хидэёси обладал даром отделять истинное от ложного.

– Неужели вы хотите, чтобы ваш сын потратил всю жизнь на охоту и торговлю углем? Доверьте Москэ мне. Понимаю, сын – единственное ваше богатство. Меня зовут Киносита Хидэёси. Мой ранг невысок, но я вассал князя Оды Нобунаги. Жалованье мое невелико – как говорят, с одним копьем против всего мира. Не хочешь ли ты поступить ко мне на службу, Москэ?

– Кто? Я? – Москэ широко раскрыл глаза.

Мать заплакала от радости.

– Если сын достоин служить клану Ода, то мой муж, павший на поле брани от руки презренного врага, был бы счастлив. Москэ! Соглашайся и восстанови честь отцовского имени.

Москэ без раздумий поклялся в верности клану Ода.

– Мы пытаемся проникнуть в крепость Инабаяма с тыла. У нас есть схема, но мы не нашли нужную тропу. Первое поручение не простое, но ты должен его выполнить. Я рассчитываю на тебя. – Хидэёси протянул Москэ карту.

Взглянув на нее, он вернул листок Хидэёси:

– Понятно. Вы не проголодались? Или у вас достаточно припасов?

Хидэёси и его спутники, не предполагая, что собьются с пути, взяли с собой немного еды.

– До крепости два с половиной ри, но лучше запастись едой побольше, чтобы на два раза

хватило.

Москэ быстро приготовил рис с просом и маринованные сливы на десятерых. Взвалив котомку с припасами на плечо, он прикрепил к поясу отцовский меч.

– Матушка, я ухожу, – сказал он. – Сражение – прекрасное начало для самурайской службы, но, может, мы прощаемся с тобой навсегда. Если мне суждено пасть в бою, пожалуйста, не плачь по мне.

Пора было в путь, но матери с сыном, конечно, трудно расставаться. У Хидээси заняло сердце при виде этого прощания. Он вышел из хижины и окинул взглядом крошечно-черные горы.

Москэ был уже во дворе, но тут мать окликнула его. Она протянула сыну флягу:

– Набери воды, путь долгий.

Хидээси одобрительно кивнул, воды у них было мало, а родники в скалах попадались редко. Чем выше они поднимались, тем меньше находили источников воды.

Отряд подошел к утесу. Москэ закинул веревку на дерево, зацепил ее возле корней и первым взобрался наверх. За ним последовали и остальные.

– Тропа отсюда круто уходит вверх, – предупредил Москэ. – Около сторожевого домика у пещеры Акагава нас могут заметить часовые.

Теперь Хидээси понял, почему Москэ едва скользнул взглядом по их карте. Он знал гораздо больше того, что сообщала она. В Москэ проглядывало что-то детское, но он был серьезным, что высоко ценил в людях Хидээси.

Воду из фляги поделили на десятерых, и разгоряченные тела воинов покрылись потом.

– Мы так устали, что вряд ли в состоянии достойно сражаться. Не поспать ли нам немного? – сказал Москэ, вытирая лоб.

– Неплохо бы, – согласился Хидээси и тут же спросил, далеко ли до крепости.

– Вот она, внизу. – Москэ указал рукой на открывшуюся перед ними долину.

Воины радостно зашумели, но Москэ утихомирил их взмахом руки:

– Тише! Ветер может донести голоса до крепости.

Хидээси окинул взглядом долину, которая в обрамлении темных деревьев казалась зеленым озером. Вглядевшись повнимательней, Хидээси различил очертания крепостных стен, сливающихся в единую оборонительную линию с утесами, бастионы и что-то вроде большого амбара за деревьями.

– Мы сели врагу прямо на голову. А теперь спать до рассвета!

Они улеглись на землю. Москэ обмотал полотенцем опустевшую флягу и положил ее под голову своему господину. На сон оставалось часа два, но Москэ бодрствовал на страже.

– Пора! – окликнул он Хидээси.

– Что случилось? – поднял тот голову.

– Светает. – Москэ указал на восток.

Ночное небо понемногу окрашивалось белым. Облака затянули горные вершины, а долина за крепостью Инабаяма тонула во мраке.

– За дело! – сказал один из воинов.

Они проверяли оружие и подгоняли доспехи.

– Не торопитесь! Сначала позавтракаем, – сказал Хидээси.

Когда солнце вышло из-за туч, они доедали приготовленную Москэ еду. Воды не было, но рис с просом в дубовых листьях был необыкновенно вкусным.

Туман в долине рассеялся, и воины увидели укрепления и подвесной мост через ров. Мост был увит виноградом, а крепостную стену покрывал густой зеленый мох.

– Где сигнальный факел? – спросил Хидээси. – Дайте его Москэ и научите управляться с

ним.

Хидэёси проверил, освоил ли Москэ факел, а затем сказал:

– Спустимся здесь, чтобы срезать дорогу. А ты оставайся тут. Как только услышишь крики, поджигай. Понял? Не зазевайся.

– Ясно.

Москэ встал рядом с факелом. Ему, конечно, не хотелось только наблюдать за тем, как его господин с отрядом спускается в долину. Хорошо бы с ними пойти. Небо затянули грозовые тучи, а туман в долине рассеялся. Сверху видны были просторы от Мино до Овари.

Стояла ранняя осень, но солнце припекало по-летнему. Москэ видел крепостной город Инабаяма, реку Нагара и даже перекрестки городских дорог. В городе не видно было ни души. Солнце поднималось все выше.

«Что случилось?» – тревожился Москэ, чувствуя, как бешено бьется сердце. И тут до него донеслись ружейные выстрелы. Он зажег факел, и дым высоко поднялся в голубое небо, словно заливая его тушью.

Хидэёси с отрядом крадучись вышел в тылы крепости. Они выбирали дорогу по лугу там, где трава была густой и высокой.

Часовые у пороховых и продовольственных складов Инабаямы приняли их за один из отрядов клана Сайто и спокойно продолжили завтрак. Осада длилась несколько дней, но крепость была труднодоступной для врага, а боевые действия происходили с другой стороны. Здесь, в тылу укреплений, созданных природой, царила такая тишина, что слышался щебет каждой пташки.

Когда стрельба шла перед крепостью, гул ее доносился и до воинов, несших службу на задворках. Никто не мог предположить, что вероятно сражение и здесь, у тылового входа в крепость.

– На передовой, видать, нелегко, – произнес один из часовых.

– Эти, похоже, отвоевались, – кивнул другой в сторону отряда Хидэёси.

Часовые завтракали, наблюдая за приближением неизвестных, которые начали казаться им подозрительными.

– Кто это, интересно?

– Да... Они как-то странно идут, верно? Куда? Зачем заглянули в брошенный сторожевой домик?

– Наверно, с передовой.

– Из какого отряда?

– В доспехах и не разберешь...

– Смотрите! Один вынес с кухни горящую головню! Зачем она ему понадобилась?

Пока часовые сидели разинув рты и с палочками для еды в руках, воин с головней забежал в дровяной склад и поджег штабель. Остальные разбрасывали факелы на крыши ближних строений.

– Враг! – закричали часовые в один голос.

Хидэёси и Хикоэмон, обернувшись на этот крик, засмеялись.

Почему неприступная твердыня так легко пала? Во-первых, в результате неожиданного нападения с тыла в крепости началась паника. Во-вторых, крики Хидэёси и его воинов перепугали защитников крепости, и они накинулись друг на друга, решив, что в их ряды закралась измена. Главной причиной поражения, как осознали со временем, послужил совет одного человека.

За несколько дней до решительного штурма тупоголовый Тацуоки приказал собрать в

крепости жен и детей своих воинов, живших в городе, и удерживать их как заложников, чтобы войско не сдалось на милость победителя.

Такой совет дал Иё, один из троицы из Мино, состоявший в тайном союзе с Хидэёси. Измена, воплощенная в злоумышленном совете. В крепости, переполненной женщинами и детьми, возникшая в результате нападения с тыла паника имела пагубные последствия, и воины Мино не смогли достойно противостоять атакующим. Нобунага, давно ждавший этого часа, направил Тацуоки следующее послание:

«Сегодня твой бесчестный клан предан карающему пламени божественного возмездия и уничтожен моими воинами. Народ провинции Мино с надеждой ждет дождя, который погасит это пламя, а из города уже несутся крики радости. Ты – племянник моей жены. Долгие годы я терпел твою трусость и глупость, не желая обнажать меч. И сейчас не хочу. Я готов даровать тебе жизнь и предоставить тебе определенное жалованье, но ты немедленно должен сдаться. По прочтении письма сразу же отправь ко мне гонца с извещением о сдаче крепости».

Тацуоки, без промедления признав свое поражение, приказал войску прекратить сопротивление и со своим семейством в сопровождении тридцати вассалов покинул крепость. Нобунага с отрядом своих воинов отправил Тацуоки в изгнание в Кайсэй, выделив, однако, его младшему брату Сингоро участок земли, чтобы клан Сайто не прекратил своего существования.

Объединив под своей властью Мино и Овари, Нобунага завладел землями, которые давали в один урожай миллион двести тысяч коку риса. Нобунага еще раз перенес свою резиденцию, теперь в Инабаяму, которую он переименовал в Гифу. Это название было дано в память о месте, из которого происходила китайская династия Чжоу.

Крепостной город Киёсу опустел. В нем почти не осталось ни лавок, ни самурайских домов, но это запустение не угнетало. Все живое на земле, породив новую жизнь, тихо доживает свои дни. Все в Киёсу радовались тому, что Нобунага не засиделся в родовом гнезде, хотя переезд князя обрекал крепость на забвение.

Судьбу города разделила одна женщина – мать Хидэёси, которой в этом году исполнилось пятьдесят. Она умиротворенно вступала в старость, поселившись с невесткой Нэнэ в самурайском квартале Киёсу. Года три назад она работала в поле, и с ее почерневших от земли рук еще не сошли мозоли. Она родила на свет четверых детей, потеряла зубы, но волосы не поседели.

Хидэёси часто писал ей. Вот одно из этих писем.

«Как твоя нога, матушка? Делаешь ли прижигания моксой? В родной деревне ты всегда твердила, что нечего расходовать пищу на себя, поэтому мне и сейчас кажется, что ты недоедаешь. Тебе надо жить долго. Прости, что не могу уделять тебе столько внимания, как мне хотелось бы, но я очень занят на службе. К счастью, здоровье меня не подводит. Я достиг больших успехов на военной службе, и князь Нобунага неизменно благосклонен ко мне».

Особенно часто письма приходили после завоевания Мино.

– Нэнэ, прочти! Я не разбираю его каракули.

Она показывала ей каждое письмо от сына, а та давала свекрови весточки от мужа.

– Вам он пишет с нежностью. Для меня у него только советы: «берегись огня», «будь примерной женой в отсутствие мужа» или «приглядывай за моей матушкой».

– Он умный, поэтому пишет сразу два письма: одно тебе, другое мне, одно ласковое, второе серьезное. Мы читаем их вместе, так что это как две половинки одного письма.

– Вы правы, матушка, – засмеялась Нэнэ.

Она сердечно заботилась о свекрови, словно о родной матери. Больше всего старую крестьянку радовали письма сына. И сейчас, когда они уже тревожились из-за его долгого молчания, пришло очередное письмо из Суноматы. Оно почему-то было адресовано только Нэнэ и не содержало даже приписки для матери.

Хидэёси иногда писал только матери, но в таких случаях обязательно приписывал в конце несколько слов жене. Нэнэ решила, что Хидэёси не хочет тревожить мать дурными новостями. В своей комнате Нэнэ распечатала письмо и увидела непривычно длинное послание.

«Я долго надеялся, что смогу жить в крепости вместе с тобой и с матушкой. Сейчас, когда князь наконец признал меня полновластным хозяином крепости и определил мне жалованье военачальника, я могу перевезти вас в Суномату. Мне кажется, что матушке мое предложение не понравится. Она всегда беспокоилась, чтобы своим присутствием не помешать мне исполнять долг перед князем. Она всегда повторяла, что ей, пожилой крестьянке, роскошная жизнь не нужна. Поэтому она наверняка найдет какой-нибудь повод для отказа, если я даже очень ее попрошу».

Нэнэ растерялась. Просьба, замаскированная в письме, была очень серьезной.

– Нэнэ! Подойди сюда! – донесся голос свекрови из глубины сада.

– Иду!

Онака, по обыкновению, рыхлила землю на грядках. В осенний полдень было жарко и от земли тянуло теплом. Руки свекрови блестели бисеринками пота.

– Зачем же вы в такую жару работаете! – сказала Нэнэ.

Онака постоянно отвечала на сетования невестки, что это привычное для нее занятие. Нэнэ, выросшая в городе и не знающая любви к крестьянскому труду, считала хлопоты свекрови утомительными и скучными. Со временем Нэнэ стала понимать, почему свекровь усердно работает.

Онака неизменно называла всходы «дарами земли». Подняв в нищете четверых детей и не умерев от голода, она знала цену каждого зернышка риса. Каждое утро она начинала с того, что молилась Небесам, как это было заведено ею в доме на родине. В Киёсу она ни на мгновение не забывала о былом житье в Накамуре.

Онака любила говорить, что если она пристрастится к богатым нарядам и сытной еде и забудет о милостях солнца и земли, то Небеса накажут ее тяжелым недугом.

– Погляди-ка, Нэнэ! – Свекровь отложила в сторону мотыгу. – Смотри, сколько баклажанов созрело! Хватит на всю зиму. Неси корзину, можно сейчас сорвать немного.

Нэнэ вернулась из дома с двумя корзинами, одну из которых подала свекрови. Собирая баклажаны, Нэнэ сказала:

– Вашими трудами у нас столько овощей, что и покупать не нужно.

– Лавочник мне спасибо не скажет!

– Слуги говорят, что вам нравится работа в огороде, что она полезна для вашего здоровья. К тому же мы и деньги сберегаем. Доброе дело вы делаете!

– Люди плохо подумают о Хидзэси, если сочтут нас скаредными. Надо что-нибудь купить в лавке.

– Хорошо. Матушка, извините, что я сразу не сказала, но два часа назад пришло письмо из Суноматы.

– От сына?

– Да... Но на этот раз он написал только мне.

– Все равно приятно. Все хорошо у него? Он давно нам не присылал весточки. Верно, хлопот много из-за переезда князя в Гифу.

– Правда. В письме он просит сообщить вам, что князь Нобунага назначил его полновластным правителем крепости и настало время жить всем вместе. Муж просит уговорить вас на переезд. Он надеется, что за два дня вы сможете собраться.

– Чудесные новости! Он теперь князь, даже не верится! Ему не следует взбираться слишком высоко, ведь выше головы не прыгнешь.

Слушая хорошие вести о сыне, мать уже тревожилась о том, как бы его счастье не оказалось мимолетным. Вскоре обе корзины наполнились блестящими баклажанами.

– Матушка, спина у вас не болит?

– Да что ты! Потихоньку работаю весь день и хорошо себя чувствую.

– И я у вас понемногу учусь. Теперь мне нравится на рассвете рвать зелень для супа, собирать огурцы и баклажаны. В Суномате тоже найдется клочок земли под огород. Вот уж там мы с вами вволю наработаемся.

Онака закашлялась, прикрыв рот рукой, испачканной в земле.

– Такая же умная, как Хидзэси. Решила переехать в Суномату прежде, чем я сообразила что

к чему.

– Матушка! – Нэнэ опустилась на землю в низком поклоне. – Пожалуйста, уважьте просьбу моего мужа!

– Поднимись, я ведь только ворчливая старуха! – Онака бросилась к невестке.

– Нет, вы не такая. Я знаю, почему вы переживаете.

– Пожалуйста, не сердись на меня за упрямство. Я не хочу переезжать в Суномату, заботясь о благе сына. Он не должен пренебрегать служебными обязанностями, тратя время на меня.

– Муж всегда помнит о долге перед князем.

– Верно, но Хидэёси окружают люди, которые завидуют его стремительным успехам.

Увидев, что старая крестьянка разводит огород в крепости, они начнут смеяться над ним и обзывать «обезьяной из Накамуры» или «крестьянским сыном». Подданные Хидэёси будут издеваться над ним.

– Напрасные страхи, матушка. Будь на месте Хидэёси какой-нибудь выскочка, который ловит каждое слово сплетни, ваши опасения были бы оправданны, но сердце моего мужа не подвластно людской молве. А его вассалы...

– Нет, Нэнэ. Мать с крестьянскими натруженными руками только повредит его репутации владельца крепости.

– Нет, у Хидэёси благородная душа. – Нэнэ говорила с пылом, подкупавшим сердце свекрови.

– Я говорю непозволительные вещи. Нэнэ, не обижайся на меня.

– Матушка, солнце садится. Пора заканчивать работу.

Нэнэ с двумя тяжелыми корзинами направилась в дом.

Нэнэ, взяв метлу, принялась подметать вместе со слугами в доме. Особенно тщательно она прибрала в комнате свекрови. Вскоре зажгли лампы и сели ужинать. Ужинали женщины вдвоем, но каждый день, утром и вечером, они ставили на стол миску для Хидэёси.

– Растереть вам ногу? – спросила Нэнэ.

Свекровь время от времени беспокоили боли в ноге. Особенно ранней осенью, когда вечером поднимался холодный ветер. И сейчас, пока Нэнэ поглаживала ей ногу, Онака, казалось, задремала, но на самом деле она глубоко задумалась.

– Нэнэ, дорогая моя, тебе хочется жить рядом с мужем, а мое упрямство мешает этому. Передай Хидэёси, что я согласна переехать в Суномату.

Накануне приезда Онаки к сыну в крепость нежданно прибыл гость, которого встретили с великой радостью. На нем была скромная одежда, шляпа, надвинутая на глаза. Его сопровождали два оруженосца, молодая женщина и мальчик.

– Увидев меня, господин Хидэёси сразу все поймет, – сказал гость стражнику, который отправился доложить о его прибытии Хидэёси.

Хидэёси торопливо шел к воротам встречать дорогих гостей: Такэнаку Хамбэя, Кокуму и Ою.

– У меня больше никого не осталось, – сказал Хамбэй. – Я имел много вассалов, пока я жил в своей крепости на горе Бодай, но, удалившись от мира, я прервал с ними связь. Думаю, что настало время для того, чтобы выполнить обещание, данное вам, князь, поэтому я оставил горное уединение и вернулся к людям. Не окажете ли вы милость троим странникам, приняв их на службу слугами самого низкого ранга?

Хидэёси низко поклонился Хамбэю:

– Вы слишком деликатны. Если бы вы сообщили о своем решении заранее, я непременно сам приехал бы за вами в горы.

– Неужели вы отправились бы в горы ради того, чтобы забрать оттуда жалкого ронина, который пожелал поступить к вам на службу?

– Добро пожаловать, дорогие гости!

Хидэёси проводил их в дом и хотел усадить Хамбэя на почетное место, но тот решительно отказался:

– Я хочу стать вам верным подданным.

– Ни в коем случае! Я не могу занять более почетное место рядом с вами. Вам не пристало быть моим вассалом. Я хочу представить вас князю Нобунаге, – горячо заговорил Хидэёси.

Хамбэй решительно отверг это предложение:

– Я сразу же заявил вам, что не имею желаний служить князю Нобунаге. Причина не в моей преданности клану Сайто. Я бы надолго не задержался на службе у Нобунаги. Несовершенства, присущие моей натуре, и молва о нраве князя наводят меня на мысль о том, что наши с ним отношения сложатся неблагоприятно. Мне больше подходит служба у вас. Я уверен, что вы сможете вытерпеть мое своеобразие. Меня устроит самая низкая должность в кругу ваших подданных.

– Не согласитесь ли вы давать уроки воинской стратегии мне и моим соратникам?

Хамбэй принял это предложение, и вечером за сакэ они, забыв о времени, вели оживленную беседу. На следующий день в Суномате ждали приезда госпожи Онаки. Хидэёси с оруженосцами выехал из крепости, чтобы встретить ее у деревни Масаки за ри до Суноматы.

Небо было ясным, в придорожных садах благоухали хризантемы, а на деревьях пели птицы.

– Паланкин вашей достопочтенной матушки уже виден, – сказал один из спутников Хидэёси.

Лицо Хидэёси озарилось радостью. Самураи, сопровождавшие мать и жену Хидэёси, при виде князя мгновенно спешили. Хатидзука Хикоэмон, возглавлявший процессию, сообщил пожилой госпоже, что Хидэёси едет навстречу.

Онака захотела выйти из паланкина. Паланкины опустили на землю, и воины опустились на колени на обочине дороги. Нэнэ помогла свекрови выйти из паланкина. Один из самураев поспешно обул госпожу Онаку в соломенные сандалии. Нэнэ увидела у ног свекрови Хидэёси. Глубоко тронутая его почтением к матери, она ласково улыбнулась мужу.

Онака с уважением прижала себе ко лбу руку сына и сказала:

– Вы проявляете к нашим скромным особам чрезмерную учтивость. Пожалуйста, не делайте этого на глазах у ваших подданных.

– Я счастлив, что ты здорова. Ты упрекаешь меня за повышенное внимание, но, матушка, сегодня я встречаю тебя не как самурай, а как сын. Пожалуйста, не беспокойся ни о чем!

Онака ступила на землю. Самураи простерлись перед ней в поклоне, и от этого зрелища у нее закружилась голова. Она не могла ступить ни шагу.

– Ты, верно, утомилась в пути, – сказал Хидэёси. – Отдохни немного. До крепости еще целый ри ехать.

Он за руку повел ее к придорожному дому, у которого стояла скамья. Онака села и посмотрела в высокое осеннее небо над пожелтевшими деревьями.

– Это сон! – прошептала она.

Слова матери вернули Хидэёси в прошлое. Нет, он не считал сегодняшний день сном. Он чувствовал, что сейчас переживает очень важный период в своей жизни.

Через месяц после приезда в Суномату Онаки и Нэнэ в крепость перебрались родная сестра Хидэёси Оцуми двадцати девяти лет и сводные: брат Котику двадцати трех лет и сестра, которой исполнилось двадцать лет.

Оцуми по-прежнему была не замужем. Хидэёси давно пообещал ей найти достойного

супруга, когда он прославится, а до тех пор велел сестре приглядывать за матерью. На следующий год Оцуми вышла замуж за родственника Нэнэ, свадьба состоялась в крепости.

– Вот все дети и выросли, матушка! – сказал Хидээси матери, которая сияла от радости.

Хидээси был счастлив благополучием семьи и хотел совершить много великих дел, чтобы прославить свой род.

Весна была на исходе. Лепестки вишни падали к изголовью дремлющего Нобунаги.

– Верно! – Нобунага, что-то вспомнив, написал несколько слов на листе бумаги и отправил гонца с посланием в Суномату.

Хидээси, став владельцем крепости, уже не был под рукой у Нобунаги, и князь скучал по своему верному вассалу.

Переправившись через широкую реку Кисо, гонец оказался у ворот крепости Суномата. Весенний пейзаж радовал глаз, цветы глицинии покачивались в тени холма, насыпанного в крепостном саду. За холмом, в глубине большого сада, были построены просторный зал для занятий воинскими искусствами и небольшой домик для Хамбэя и Ою.

С утра Такэнака Хамбэй преподавал классическую китайскую стратегию, а после полудня воины упражнялись в искусстве владения мечом и копьем. Затем Хамбэй до поздней ночи рассказывал о полководческом искусстве Сунь-Цзы. Хамбэй делал все для того, чтобы превратить былых разбойников из шайки Хатидзуки в истинных самураев.

Хидээси знал, что ему самому предстоит многому учиться, чтобы преодолеть свои недостатки. Он постоянно занимался самосовершенствованием и полагал, что его самураи должны следовать его примеру. Великие цели, которые он наметил для себя, требовали помощи образованных вассалов. Приняв Хамбэя в крепости в качестве подданного, Хидээси почитал его как учителя, доверив бывшему отшельнику обучение всех самураев в крепости, в том числе и свое.

Занятия воинскими искусствами приносили плоды. Когда Хамбэй заводил речь о Сунь-Цзы или о других китайских военачальниках, Хикоэмон и его прежние бандиты непременно оказывались среди слушателей. Слабое здоровье Хамбэя вынуждало его порой переносить или отменять занятия, что огорчало его учеников. Вот и сегодня, утомившись днем, он объявил, что вечерних занятий не будет.

Вечерний ветер с реки Кисо доставлял много неприятностей Хамбэю; даже теперь, когда наступили теплые дни, он часто простужался.

– Постель готова. Почему ты не ложишься? – спросила Ою брата.

Хамбэй в свободное время всегда читал.

– Я чувствую себя неплохо, а занятия отменил, потому что, как мне кажется, меня сегодня вызовет князь Хидээси. Приготовь, пожалуйста, одежду.

– Ночью будет совет?

– Нет. – Хамбэй отпил горячего снадобья, принесенного сестрой. – Ты ведь сказала, что из Гифу прибыла лодка с посольским флагом.

– Поэтому ты и ждешь вызова?

– Если доставили послание для князя Хидээси, то трудно предположить, о чем оно. Я все равно не усну, пусть даже меня и не позовут на совет.

– Господин Хидээси уважает тебя как своего учителя, а ты почитаешь его как своего князя. Не знаю, чьи чувства глубже. Ты действительно настолько предан ему?

Улыбнувшись, Хамбэй закрыл глаза и поднял лицо к потолку:

– Да. Страшно, когда господин так тебе доверяет. Я бы устоял перед женскими чарами, но здесь...

В эту минуту на пороге их домика появился гонец, сообщивший, что Хидээси просит Хамбэя немедленно прибыть к нему.

Вскоре юный оруженосец доложил Хидээси о прибытии Хамбэя. Хидээси поспешил навстречу гостю.

– Жаль, что мне пришлось позвать вас в столь поздний час. Как вы себя чувствуете? – спросил Хидээси, усадив Хамбэя.

Хамбэй исподлобья взглянул на Хидээси, который говорил с ним благоговейным тоном преданного ученика.

– Вы ставите меня в неловкое положение. Каким образом я могу выразить в словах свое почтение к вам! Почему бы просто не сказать: «А, вот и ты, Хамбэй!» Подобная манера уместна в общении с подданным.

– Вы полагаете, что моя учтивость вредит нашим отношениям?

– По-моему, вам не следует проявлять излишнее уважение к человеку моего ранга.

– Почему? – Хидээси расхохотался. – Я – неуч, а вы – образованный человек. Я родился в деревне, а вы княжеского рода, и ваш отец владел крепостью. Вы во всем меня превосходите.

– Значит, мне следует быть осторожнее в разговорах с вами.

– Ну ладно! – шутливо произнес Хидээси. – Будем постепенно превращаться в князя и его соратника. Мне еще многому нужно научиться.

Хидээси старался избегать надменности и без стыда говорил Хамбэю о своей необразованности.

– По какому делу вы меня вызвали, князь?

– Ах да! Я ведь получил послание от князя Нобунаги. Слушайте! «Гифу – прекрасное место, но праздность нагоняет на меня тоску. Ветер ласков, облака безмятежны, хочется часами смотреть на них. Увы, великолепие природы не для меня. Чем бы нам заняться в этом году?» Что я, по-вашему, должен ответить?

– Смысл письма ясен. Вы можете уложить ответ в единственную строку.

– Г-м-м... Понятно... Но что же написать?

– «Живите в мире с соседями, стройте планы на будущее». Так ведь?

– Прекрасно!

– Князь Нобунага, избрав резиденцией Гифу, по-моему, намерен в этом году усовершенствовать управление провинцией, дать войску передышку в ожидании благоприятного случая для дальнейших военных операций, – сказал Хамбэй.

– И я так думаю. Он не может прожить ни минуты без дел.

– По-моему, сейчас чрезвычайно важно не нарушать мира с соседями.

– Вот как?

– Таков мой взгляд, но судить вам, вы всем доказали свои незаурядные способности на многих поприщах. Ответьте кратко: «Живите в мире с соседями и стройте планы на будущее», а при первой возможности поезжайте в Гифу и лично доложите князю, что вы намереваетесь предпринять.

– Не стоит ли составить список провинций, с которыми, по нашему мнению, следовало бы вступить в союз клану Ода? А потом сравним наши точки зрения.

Первым взял кисть Хамбэй, потом Хидээси.

Выяснилось, что каждый написал «Такэда из Каи», и они рассмеялись, обрадованные совпадением мнений.

В комнате для гостей зажгли лампы. Гонца из Гифу усадили на почетное место, пришли и госпожа Онака с Нэнэ. От присутствия Хидээси казалось, что и лампы горели ярче и веселее.

Нэнэ подумала, что в последнее время муж пристрастился к сакэ, но она не укоряла его за

веселье на пиру. Он развлекал гостя, смешил мать, а главное – сам веселился от души. Хамбэи, никогда не употреблявший сакэ, сегодня пригубил чашечку, произнеся здравицу в честь Хидэёси.

Вскоре пришли другие самураи и шумный пир продолжился. Когда мать и Нэнэ ушли, Хидэёси отправился во двор, чтобы остудить хмельную голову. Вишня уже отцвела, и в ночи разливался лишь запах горных трав.

– Кто там под деревом прячется? – крикнул Хидэёси.

– Это я! – ответила женщина.

– Ою! Что ты тут делаешь?

– Брат загостился у вас, я тревожусь, он такой слабый.

– Какое счастье, когда брат и сестра нежно любят друг друга!

Хидэёси приблизился к девушке, она хотела упасть на колени для поклона, но он схватил ее за локти.

– Ою, пойдем в чайный домик. Я выпил лишнего, так что плохо держусь на ногах. Приготовь мне чаю.

– О Боже! Пожалуйста, отпустите меня!

– Что ты разволновалась?

– Вы... вы не должны так поступать.

– А что я плохого делаю?

– Прошу вас!

– Не кричи! Говори тише! Недотрога какая!

– Пожалуйста, отпустите меня!

В это мгновение во дворе показался Хамбэй, который собрался домой. Хидэёси сразу же выпустил Ою из объятий. Хамбэй недоуменно смотрел на него.

– Князь! Сколько же нужно выпить, чтобы так распустить руки?

Хидэёси шлепнул себя ладонью по лбу. Расхохотавшись над собственной глупостью и невоспитанностью, он громко сказал:

– Я не замышлял ничего дурного. Вот это и есть: «Живите в мире с соседями, стройте планы на будущее». Правильно? Не сердитесь на меня!

Наступила осень. Хикоэмон передал Хамбэю послание князя, в котором тот просил Ою прислуживать госпоже Онаке. Ою, съезжившись от страха, зарыдала.

Говорят, что чашка без изъяна не совершенна. Хидэёси тоже был не без греха. Приятно рассуждать об изяществе чайника или о свойствах человеческой природы, но молодой девушке подобный изъян может навредить. Хамбэй счел, что сестра имеет право отказаться от двусмысленного приглашения, и передал это князю через Хикоэмона.

В Гифу претворялся в жизнь совет «жить в мире с соседями и строить планы на будущее». Ода считал клан Такэда постоянным источником опасности с тыла. Решили выдать приемную дочь Нобунаги за Кацуёри, сына Такэды Сингэна. Тринадцатилетняя девочка славилась красотой. Сингэн обрадовался браку и рождению внука, которого назвали Таро.

Северная граница владений Оды оказалась в безопасности, но юная жена Кацуёри умерла, дав жизнь Таро. Нобунага решил сосватать своего старшего сына Нобутаду за шестую дочь Сингэна, чтобы укрепить ослабевший союз между Овари и Каи. Он направил предложение о брачных узах Токугаве Иэясу из Микавы. Военный союз между двумя кланами должен был подкрепиться родственными связями. Такэтиё, старшему сыну Иэясу, и дочери Нобунаги ко времени помолвки было по восемь лет. Таким же способом склонили на свою сторону и клан Сасаки из Оми. Два года подряд в крепости Гифу праздновали свадьбы.

Лицо высокого самурая скрывала камышовая широкополая шляпа. На вид ему было лет сорок. Судя по одежде и сандалиям, он был странствующим воином. С одного взгляда было ясно, что неожиданное нападение не застигнет его врасплох. После обеда он прохаживался по улицам Гифу, оглядываясь по сторонам. Он бормотал себе под нос, как неизменно все переменялось.

Из города видны были стены крепости. Самурай восхищенно любовался ею, запрокинув голову и придерживая за поля конусообразную шляпу.

Вдруг какая-то женщина, похожая на жену торговца, замерла на месте, уставившись на самурая. Она шепнула что-то приказчику, сопровождавшему ее, и нерешительно подошла к самураю:

– Простите, пожалуйста. Неучтиво обращаться посреди улицы подобным образом, но вы, случаем, не племянник господина Акэти?

Смешавшись от неожиданности, он бросил: «Нет!» – и резко двинулся вперед. Отойдя шагов на десять, обернулся и посмотрел на женщину, провожавшую его взглядом. «Это дочь оружейника Сюнся, – подумал он. – Верно, замужем давно».

Самурай продолжил кружной путь по улицам. Через два часа он, выйдя на берег Нагары, сел на траву и залюбовался рекой, которая завораживала взгляд. Тростник шелестел под нежарким осенним солнцем.

– Господин самурай? – Кто-то хлопнул его по плечу.

Мицухидэ увидел троих воинов, похожих на дозорных клана Ода.

– Что вы здесь делаете? – подозрительно поинтересовался один из них.

Выражение их лиц не сулило страннику ничего хорошего.

– Присел немного отдохнуть, – спокойно отозвался самурай. – Вы из вассалов клана Ода? – обратился Мицухидэ к воинам, поднимаясь на ноги и стряхивая травинки с одежды.

– Да, – ответил один из воинов. – Скажите, откуда вы пришли и куда следуете.

– Я из провинции Этидзэн. Здесь в крепости живет родственник, хотелось бы известить о моем прибытии.

– Он состоит на службе у князя?

– Нет.

– Вы же сами сказали, что он живет в крепости.

– Это женщина. Она прислуживает по хозяйству.

– Как ее зовут?

– Хотелось бы не называть ее имени.

– Значит, вы не желаете представиться?

– Верно.

– Следуйте с нами в караул!

Его, несомненно, приняли за лазутчика, и один из стражников кликнул подмогу. Впереди по дороге проходил отряд из десяти воинов во главе с конным самураем.

– На это я и рассчитывал. Ведите меня!

Самурай быстро пошел со стражниками.

В Гифу, как и в других провинциях, заставы на речных переправах, на входе в крепостной город и на границах были очень строгими. Нобунага, недавно перебравшись в Гифу, начал на свой лад налаживать систему управления. Новые правила увеличили обязанности городской стражи. Многие сетовали на чересчур суровые порядки в городе, но ведь здесь оставалось немало сторонников поверженного клана Сайто, а враги Оды постоянно засылали лазутчиков в Гифу.

Мори Ёсинари получил почетную должность начальника городской стражи, но ему, как всякому воину, хотелось отличиться на поле брани. Возвращаясь домой со службы, он, тяжело вздыхая, показывал жене, как устал от дел государственной важности.

– Вам письмо от Ранмару.

Ёсинари улыбнулся, ведь новости из крепости от сына были для него одной из немногих радостей. Сына еще ребенком отправили на службу в крепость. Особыми способностями он не обладал, но был красивым мальчиком. Нобунага сделал его одним из личных оруженосцев. Теперь Ранмару доверяли серьезные поручения.

– Что пишет? – спросила у Ёсинари жена.

– Все по-прежнему. Князь Нобунага пребывает в спокойном расположении духа.

– Здоров ли сын?

– Не волнуйся, жив и здоров.

– Наш мальчик очень добрый, не хочет огорчать родителей неприятностями.

– Верно, – сказал Ёсинари. – Он ведь еще ребенок, и ему нелегко служить князю.

– Представляю, как он соскучился по дому и родительской ласке.

Разговор прервал самурай, известивший Ёсинари о том, что вскоре после его ухода со службы произошло нечто важное, о чем хотят рассказать его подчиненные, невзирая на поздний час. У входа Ёсинари ожидали трое начальников дозора.

– В чем дело? – спросил Ёсинари.

Старший доложил ему:

– Под вечер один из наших дозоров задержал на берегу Нагары подозрительного самурая.

– И что?

– Он без сопротивления согласился пройти в караул, однако отказался назвать свое имя и провинцию, из которой он родом, заявив, что станет разговаривать только с господином Ёсинари. Потом сказал, что не является лазутчиком и что его родственница, имени которой он тоже не назвал, служит по хозяйству в клане Ода еще с тех пор, когда князь Нобунага жил в Киёсу. И замолчал, повторив, что будет разговаривать лишь с начальником стражи. Очень упрямый тип!

– А сколько ему лет?

– Около сорока.

– Как выглядит?

– Внешность благородная, трудно поверить, что он простой странствующий самурай.

Через несколько минут задержанного в сопровождении пожилого самурая привели в заднюю комнату и предложили подушку для сидения.

– Господин Ёсинари сейчас придет, – сказал самурай и удалился.

Комнату наполнял аромат благовоний. Самурай в запыленной одежде подумал, что нелепо расточать дорогие курения для человека с невзыскательным вкусом. Он терпеливо дожидался хозяина дома.

Мерцающая лампа освещала лицо самурая, слишком бледное для того, чтобы дозор признал в нем странствующего воина, кожа которых дубеет от солнца и ветра. Взгляд его был слишком спокоен и кроток для человека, ни на минуту не расстающегося с мечом.

Раздвижная перегородка открылась, и женщина, явно не служанка, вошла с чашкой чая. Молча поставив ее перед гостем, женщина вышла, задвинув створку. Обычному гостю не оказали бы подобных знаков внимания.

Вскоре в комнате появился и сам хозяин дома, Ёсинари. Приветствуя гостя, он извинился, что заставил себя ждать.

Самурай соскользнул с подушки и официально поклонился Ёсинари:

– Имею ли я честь говорить с господином Ёсинари? Я доставил вашим подчиненным много хлопот своей вынужденной осторожностью. Я прибыл с секретным поручением от клана Асакура из провинции Этидзэн. Меня зовут Акэти Мицухидэ.

– Господин Акэти! Надеюсь, вы простите моих стражников за грубость. Я удивился, услышав о вашем приезде.

– Я не представился стражам, так как же вы узнали меня?

– Вы упомянули о родственнице, о племяннице, как я понимаю, которая давно состоит на службе у князя. Я сразу догадался, кто вы. А ваша племянница – госпожа Хагидзи, которая служит у супруги князя Нобунаги еще с тех пор, как они жили в Мино.

– Действительно! Я поражен вашей проницательностью.

– Знать все я обязан по службе. Мы обязательно наводим справки о родословной и ближайших родственниках всех, кто служит в крепости.

– Полезные сведения.

– Мы основательно изучили родственников госпожи Хагидзи. Когда погиб князь Досан, один из братьев ее отца бежал из Мино. Она с неизменной грустью рассказывала князю о Мицухидэ из крепости Акэти. Стоило стражникам описать вашу внешность и сказать, что вы целый день бесцельно блуждали по городу, я решил, что к нам пожаловал господин Мицухидэ.

– Вы очень проницательны, – улыбнулся Мицухидэ.

Ёсинари был доволен, что произвел впечатление на гостя.

– Какое дело привело вас в наши края? Путь из провинции Этидзэн не близкий.

Мицухидэ огляделся по сторонам и пристально посмотрел на раздвижную перегородку.

– В соседней комнате кто-нибудь есть? – тихо спросил он.

– Не беспокойтесь. Слуг я отослал. На страже стоит мой самый надежный соратник. Еще один человек караулит в коридоре. Посторонних нет.

– Мне оказана честь вручить князю Нобунаге два послания. Первое от сёгуна Ёсиаки, а второе от князя Хосокавы Фудзитаки.

– От самого сёгуна!

– Послания приказано сохранить в тайне от клана Асакура, поэтому можете себе представить, с каким трудом я сюда добрался.

Годом раньше сёгун Ёситэру пал от рук военного наместника Миёси Нагаёси и его вассала Мацунаги Хисахидэ. Миёси таким образом захватил власть в стране. У Ёситэру было два брата. Старшего, настоятеля буддийского храма, убили мятежники. Младший, Ёсиаки, монах монастыря в Наре, боясь расправы, решил бежать с помощью князя Хосокавы Фудзитаки. Некоторое время Ёсиаки скрывался в Оми, где сложил с себя монашеский обет и в возрасте двадцати шести лет принял титул четырнадцатого сёгуна.

«Странствующий сёгун» обратился за поддержкой к Ваде, к Сасаки и ко множеству других кланов. Он с самого начала решил не жить милостью других. Его замысел заключался в том, чтобы отомстить за смерть братьев и восстановить власть своего рода. Он обращался за помощью и к самым отдаленным кланам.

Этот грандиозный план затрагивал интересы всей страны, потому что Миёси и Мацунага захватили власть в столице. С династической точки зрения Ёсиаки был законным сёгуном, но фактически оставался нищим изгнанником, не имеющим ни денег, ни собственного войска. Народ относился к нему без симпатии.

Мицухидэ рассказал о пребывании Ёсиаки в провинции Этидзэн в крепости Ёсикагэ, принадлежащей клану Асакура. В это время клану Асакура служил обиженный судьбой человек, которого лишили многих прав, положенных вассалу. Это был Акэти Мицухидэ. В Ёсикагэ он впервые встретился с Хосокавой Фудзитакой.

Мицухидэ продолжил свой рассказ:

– Я рассказываю очень подробно, но прошу вас выслушать меня до конца, чтобы потом так же подробно пересказать все князю Нобунаге. Письмо сёгуна я, разумеется, должен передать Нобунаге сам.

Мицухидэ рассказал о событиях, происшедших после того, как он покинул крепость Акэти и бежал в Этидзэн. Около десяти лет он переживал невзгоды. Не обладая склонностями к военной службе, он тянулся к книгам и знаниям, поэтому благодарил судьбу за лишения. Странствия и лишения затянулись. Крепость Акэти разрушили во время смуты в Мино, в Этидзэн удалось бежать только ему и его двоюродному брату Мицухару. Мицухидэ превратился в ронина и едва зарабатывал на жизнь, обучая грамоте деревенских детей.

Он мечтал поступить на службу к достойному князю. В поисках службы Мицухидэ глубоко изучил воинское искусство, устройство и типы крепостей в тех провинциях, где он побывал.

Мицухидэ посетил все провинции западной Японии. Он сознательно избрал для своих странствий эти края, потому что они первыми знакомились с заморскими диковинками. Мицухидэ интересовало огнестрельное оружие, что имело для него неприятные последствия. Кацура, вассал клана Мори, арестовал Мицухидэ в городе Ямагути, заподозрив в нем вражеского лазутчика. На допросе Мицухидэ честно рассказал о своем происхождении, затруднительном положении, в которое он попал, о своих надеждах на будущее и даже о наблюдениях, проведенных в соседних провинциях.

Кацура, пораженный глубиной его знаний, сообщил своему князю Мори Мотонари о ронине с незаурядными способностями, который может пригодиться клану.

Одаренные люди были тогда желанными повсюду. Самураи, покинувшие родные края и поступившие на службу другим кланам, рано или поздно становятся врагами своих прежних властителей. Мицухидэ вызвали в усадьбу к Мотонари для знакомства. На следующий день Кацура в беседе с глазу на глаз спросил у своего повелителя, какое впечатление произвел на него вчерашний гость.

– Ты прав, на редкость одаренный человек, надо дать ему денег и дорогую одежду и учтиво выпроводить из провинции.

– Неужели он не понравился вам?

– Я этого не говорил. Таланты бывают двух видов: одни наделены истинным величием, а вторые – злодеи. Ученый злодей способен погубить себя и князя, которому служит. В нем есть что-то скользкое. Его яркие и восторженные речи завораживают. Не отрицаю, человек он обаятельный, но я предпочитаю наших испытанных, пусть и туповатых воинов из западных провинций. Мицухидэ на службе в моем войске был бы как журавль среди петухов, поэтому я не хочу иметь с ним дела.

Мицухидэ отправился в Хидзэн и в Хиго. Он пересек Внутреннее море и попал на остров Сикоку, где изучил воинское искусство клана Тёсокабэ.

Вернувшись домой в Этидзэн, Мицухидэ узнал о смерти жены и переходе двоюродного брата Мицухару на службу к другому клану. Прошло шесть лет, а участь его не менялась к лучшему.

Мицухидэ в отчаянии отправился к Эне, настоятелю храма Сёнэн в провинции Этидзэн. Поселившись в домике по соседству с храмом, он стал учить грамоте местных детей, хотя никогда не считал учительство своим истинным призванием. Через два года Мицухидэ прекрасно знал все стороны жизни провинции.

В Этидзэне не раз происходили восстания монахов-воинов секты Икко. Зимой, когда войско клана Асакура разбило полевой лагерь для наступления на бунтовщиков, Мицухидэ сказал Эне:

– Я мог бы дать полезный стратегический совет военачальникам Асакуры. Как вы думаете, к кому мне стоит обратиться?

– К Асакуре Кагэюки, – не раздумывая ответил настоятель.

Мицухидэ, оставив школу на попечение Эны, отправился к Кагэюки. Не имея ни посредника, ни рекомендателя, он просто пошел в лагерь с листом бумаги, на котором изложил свой план. Его задержали, бумагу грубо отняли без обещаний передать ее Кагэюки, и Мицухидэ протомился под арестом два месяца. По перемещениям в лагере он понял, что Кагэюки точно следует его советам.

Сначала Кагэюки с недоверием относился к Мицухидэ, поэтому его и арестовали, но боевые действия зашли в тупик, и он рискнул воспользоваться планом узника. Наконец состоялась их встреча, и Кагэюки выразил Мицухидэ уважение как воину, глубоко познавшему науки и воинские искусства. Он освободил Мицухидэ из заточения и стал понемногу привлекать его к обсуждению важных вопросов, но, похоже, не собирался брать Мицухидэ на службу. Преодолев неловкость, ему самому пришлось заговорить о своей участи.

– Если вы дадите мне мушкет, я застрелю неприятельского военачальника в его же лагере.

– Бери, – ответил Кагэюки.

Не доверяя искренности Мицухидэ, он втайне послал одного из вассалов понаблюдать за ним.

В те времена одно-единственное ружье было бесценным даже для богатого клана Асакура. Поблагодарив за доверие, Мицухидэ с толпой воинов Асакуры отправился на передовую, а когда началось сражение, отправился во вражеский тыл.

Кагэюки упрекнул вассала за то, что тот не выстрелил в спину Мицухидэ.

– Он может быть вражеским лазутчиком.

Через два дня Кагэюки доложили, что предводитель противника застрелен неизвестным во время смотра боевых порядков. Внезапная гибель вызвала панику во вражеском стане.

Вскоре Мицухидэ вернулся в лагерь и сразу же спросил у Кагэюки:

– Почему вы сразу же не атаковали охваченного паникой врага? Как вы можете называть себя полководцем, если упускаете благоприятный случай?

Вернувшись в крепость Итидзёгадани, Асакура Кагэюки рассказал эту историю Асакуре Ёсикагэ. Тот взял Мицухидэ на службу. Однажды Ёсикагэ выставил мишень на крепостном дворе и предложил Мицухидэ продемонстрировать свое искусство. Не владея в совершенстве луком, он все же из ста стрел шестьдесят восемь метко послал в цель.

Мицухидэ определили жалованье в тысячу канов. Ему позволили жить в крепостном городе и поручили сотню юных сыновей вассалов клана, и он приступил к созданию отряда стрелков. Мицухидэ в знак признательности Ёсикагэ за участие в его судьбе несколько лет усердно и бескорыстно обучал воинов владению мушкетом.

Его увлеченность делом возбудила недовольство среди вассалов, которые обвиняли Мицухидэ в чрезмерном рвении и стремлении превзойти всех. В каждом его слове проявлялись блестящий ум и образованность.

– Выскочка! С нами держится надменно! – негодовали вассалы провинциального клана.

Упреки и жалобы доходили и до Ёсикагэ. Неприязнь вассалов наносила вред делу, которым занимался Мицухидэ. Сдержанный по натуре, он повсюду наталкивался на колючие взгляды. Ёсикагэ мог бы заступиться за него, но вассалы удерживали князя от покровительства над чужаком. Злобные суждения о Мицухидэ высказывали даже многочисленные наложницы Ёсикагэ. Мицухидэ был одинок, в крепости он нашел временное прибежище. Он понимал, что обречен на непонимание и ненависть со стороны завистников.

Мицухидэ понимал, что совершил ошибку, согласившись служить Ёсикагэ. Решившись на

побег, он не рассчитал все как следует и пристал не к тому берегу. Он коротал бессонные ночи в печальных мыслях о бесплодно прожитой жизни. От душевных страданий у Мицухидэ приключилась болезнь кожи, и он попросил князя отпустить его для лечения на целебные воды в Ямасиро.

Там он и услышал о волнениях в столице и о гибели сёгуна Ёситэру.

– Раз уж сёгуна убили, так и вся страна развалится! – с ужасом пророчествовали жители мирного городка в горах.

Мицухидэ решил немедленно вернуться в Итидзёгадани. Смута в Киото затрагивала интересы всех провинций, поэтому повсюду спешно готовились к возможным действиям.

«Можно уклониться от дел, сославшись на болезнь, но это позорно для воина в расцвете сил», – сказал себе Мицухидэ и отправился к Ёсикагэ.

Мицухидэ предстал перед князем отдохнувшим и здоровым, но тот встретил его холодно. Обескураженный поведением своего покровителя, Мицухидэ удалился. Его перестали звать на советы, а в его отсутствие полк стрелков передали другому вассалу. Ёсикагэ утратил былую привязанность к Мицухидэ, и он вновь стал жертвой всеобщей злобы и собственной тоски.

В эту пору приехал Хосокава Фудзитака, которого словно небеса послали к исстрадавшемуся человеку. Взволнованный Мицухидэ вышел навстречу дорогому гостю к воротам.

По натуре Фудзитака был схож с Мицухидэ. Он отличался благородством и глубокими познаниями в науках. Мицухидэ, давно жаждавший общения с истинно достойными людьми, искренне обрадовался неожиданному визиту Хосокавы, хотя в душе тревожился по поводу цели его приезда.

Фудзитака, происходивший из старинного знатного рода, ко времени тайного приезда к Мицухидэ был изгнанником. Свергнутый сёгун Ёсиаки, бежав из Киото, скитался по стране. Фудзитака обратился к Асакуре Ёсикагэ с просьбой поддержать сёгуна. Хосокава, объезжая одну провинцию за другой, призывал местных князей присягнуть на верность Ёсиаки.

– Клан Асакура примкнет к сёгуну. Если к нам присоединятся провинции Вакаса и Этидзэн, то и остальные провинции Севера поддержат справедливое дело Ёсиаки.

Ёсикагэ склонялся к отрицательному ответу. Страстные речи Фудзитаки о верности и преданности не могли подвигнуть Ёсикагэ на войну за свергнутого сёгуна. Дело заключалось не в ограниченности военной и хозяйственной мощи, просто Ёсикагэ устраивало теперешнее положение в стране.

Фудзитака, поняв, что нельзя рассчитывать на клан Асакура, погрязший в раздорах и распрях, прекратил переговоры, хотя Ёсиаки с немногочисленными вассалами уже держал путь в Этидзэн.

Клан Асакура не хотел брать на себя ответственность за судьбу изгнанника, но не мог не пустить законного сёгуна в свои земли. Ёсиаки временно предоставили под резиденцию один из храмов и обходились с ним, соблюдая официальный этикет, втайне надеясь на его скорый отъезд.

В это время Фудзитака нежданно приехал к Мицухидэ, который пока не догадывался о причине визита.

– Говорят, вы любитель поэзии. Я видел одно из ваших сочинений, когда вы находились в Мисиме, – начал разговор Фудзитака.

Он не походил на человека, обремененного заботами, смотрел на собеседника спокойно и кротко.

– Вы смущаете меня, – произнес Мицухидэ не от скромности, а от искреннего удивления.

В те времена Фудзитака слыл знаменитым поэтом. Они долго говорили о классической

японской литературе.

– Приятная беседа получилась у нас с вами, словно мы давние знакомые.

Фудзитака простился с хозяином.

После его ухода Мицухидэ забеспокоился еще больше. Уставившись на лампу, он глубоко задумался. Фудзитака заходил еще раза три, но разговоры касались только поэзии и тонкостей чайной церемонии. В ненастный день, когда шел проливной дождь и даже днем зажигали лампы, Фудзитака внезапно сказал Мицухидэ:

– Сегодня я хотел бы обсудить с вами секретное и очень важное дело.

– Я сохранию вашу тайну. Пожалуйста, доверьтесь мне, – ответил Мицухидэ, давно ожидавший серьезного разговора.

– Вы человек острого ума, конечно, давно догадались, что я посещаю вас не ради приятных бесед. Мы, ближайшие сподвижники сёгуна, прибыли сюда, полагаясь на князя Асакуру как на главу единственного провинциального клана, который мог бы стать нашим союзником. Мы неоднократно вели с ним переговоры, но он тянет с окончательным ответом, и его решение, скорее всего, окажется неблагоприятным для нас. Мы внимательно изучали методы управления провинцией, используемые князем Асакурой, и пришли к выводу, что он не захочет воевать за сёгуна. Опробочивое поведение с его стороны, однако же...

В Фудзитаке нельзя было узнать человека, который увлеченно рассуждал о поэзии.

– Но на кого еще из провинциальных князей, кроме Асакуры, можно положиться? Кто самый искусный военный предводитель в стране, если таковой вообще существует?

– Такой человек существует.

– Неужели? – Глаза Фудзитаки заблестели.

Мицухидэ молча начертал пальцем на полу имя Оды Нобунаги.

– Князь Гифу? – Фудзитака, переведя взгляд с пола на Мицухидэ, сидел не проронив ни слова.

Потом они долго говорили о Нобунаге. Мицухидэ когда-то был вассалом клана Сайто и на службе у князя Досана хорошо изучил характер и способности его зятя.

Спустя два дня после этого разговора Мицухидэ встретился с Фудзитакой в горах за храмом, в котором нашел приют сёгун. Фудзитака вручил Мицухидэ личное послание сёгуна, адресованное Нобунаге. Той же ночью Мицухидэ поспешно покинул Итидзёгдани, не рассчитывая возвращаться сюда. На следующее утро клан Асакура переполошился из-за тайного исчезновения Мицухидэ.

За беглецом снарядили погоню, но он успел пересечь границу провинции. Вскоре Асакура Ёсикагэ прослышал о том, что один из сторонников сёгуна, Хосокава Фудзитака, тайно встречался с Мицухидэ накануне его побега.

– Это он вовлек Мицухидэ в ваши дела и послал его гонцом в другую провинцию, – упрекнул Ёсикагэ сёгуна и вынудил его покинуть пределы Этидзэна.

Фудзитака, предвидя такой исход событий, даже обрадовался тому, что сёгуна со свитой вынудили покинуть Этидзэн. Фудзитака отправился в Оми и нашел прибежище у Асаи Нагамасы в крепости Одани, где и ждал добрых вестей от Мицухидэ.

Так Мицухидэ оказался в Гифу. Пряча на груди послание сёгуна, он не раз рисковал жизнью на долгом пути. Теперь он выполнил половину порученного ему дела. Он сумел попасть в дом начальника стражи и в тот же вечер встретиться с самим Мори Ёсинари. Мицухидэ, подробно изложив ему суть дела, попросил устроить аудиенцию у Нобунаги.

Был седьмой день десятого месяца девятого года Эйроку. Этот день без преувеличения можно назвать историческим. Мори походатайствовал за Мицухидэ, и все сведения были доложены Нобунаге. Мицухидэ прибыл в крепость Гифу и впервые увидел Нобунагу. Мицухидэ

было тридцать восемь лет, Нобунаге – тридцать два.

– Я внимательнейшим образом изучил послания сёгуна и князя Хосокавы, – сказал Нобунага, – и понял, что они рассчитывают на мою поддержку. Я не достоин чести помогать сёгуну, но все, чем я располагаю, с этой минуты переходит в его полное распоряжение.

Мицухидэ, низко поклонившись, ответил так:

– Я готов расстаться с моей ничтожной жизнью, выполнив поручение сёгуна и услышав ваш благосклонный ответ, – искренне произнес Мицухидэ.

Убежденность Мицухидэ в правоте своего дела поразила Нобунагу. Он оценил и манеры гостя, его красноречие и образованность. «Хорошо бы иметь его на службе в клане», – подумал он. Мицухидэ пожаловали удел в Мино, приносящий в год доход в четыре тысячи канов. Сёгун и его сторонники гостили у клана Асаи, и Нобунага отправил за ними большое войско во главе с Акэти Мицухидэ, чтобы сопроводить сёгуна до крепости Гифу. На границе провинции сам Нобунага торжественно приветствовал сёгуна, которому в других провинциях оказывали холодный прием.

У въезда в крепость Нобунага взял лошадь сёгуна под уздцы и ввел его в Гифу как самого высокого гостя. Так в руках Нобунаги оказались не только поводья, но и бразды правления всей Японией. Отныне, какую дорогу он ни выбирал бы, все ветры, бури и грозы страны сосредоточились в этой руке, крепко сжимавшей узду.

Странствующий сёгун

Сёгун со свитой, найдя прибежище у Нобунаги, жил в одном из храмов Гифу. Тщеславные приближенные сёгуна заботились лишь о своем благе и власти. Они не понимали перемен, происходящих вокруг, и, едва устроившись на новом месте, начали высокомерно попрекать вассалов Нобунаги за то, что они не создали условий, положенных им, высокопоставленным особам.

– Еда невкусная.

– Постель жесткая.

– Жалкий храм – временное пристанище, но оно унижает достоинство сёгуна.

– Пора подумать о сёгуне. Нужно немедленно подыскать хорошее место и начать строительство дворца для нашего покровителя.

Нобунага, услышав жалобы и требования, возмутился. Он распорядился срочно созвать приближенных Ёсиаки.

– Мне доложили, что вы настаиваете на возведении дворца для сёгуна.

– Непременно! Он прозябает в убогом пристанище.

– Понятно, – задумчиво произнес Нобунага. – Вы меня удивляете, господа. Или вы уже забыли недавнее прошлое? Сёгун обратился ко мне с просьбой помочь ему изгнать Миёси и Мацунагу из Киото, вернуть утраченные земли и насильственно отнятую власть.

– Верно.

– Я взял на себя эту великую ответственность и полагаю, что смогу осуществить надежды сёгуна в ближайшее время. Где же прикажете взять время на строительство дворца? Неужели вы распрощались с надеждой вернуться в Киото? Вас удовлетворит праздная жизнь в окрестностях Гифу на положении просящих милости у провинциального князя?

Приближенные Ёсиаки, выслушав отповедь Нобунаги, поспешно удалились. С тех пор они приумолкли. Нобунага не лукавил в разговоре с ними. В конце лета он приказал собрать всех воинов в Мино и в Овари. На пятый день девятого месяца в войске насчитывалось почти тридцать тысяч человек, а на седьмой день оно двинулось из Гифу на столицу.

В ночь накануне выступления в крепости устроили большой пир, на котором Нобунага обратился к воинам:

– Смута, затеянная в Японии соперничающими князьями, делает простых людей несчастными. Горе народа – горе императора. Со времен моего отца Нобухидэ и до нынешних дней клан Ода считает, что главный долг для каждого самурая – это защита Императорского дома. В поход на столицу вы идете не как воины под командованием князя Нобунаги, а прежде всего защитниками своего императора.

Армия Нобунаги от пеших воинов до полководцев с воодушевлением рвалась в бой.

Токугава Иэясу, заключивший военный союз с Нобунагой, прислал тысячу своих воинов. Вассалы Нобунаги негодовали, что помощь столь незначительна.

– Князь Микавы не слишком расщедрился. Хитрец!

Услышав такие речи, Нобунага со смехом пресек их:

– В Микаве сейчас заняты налаживанием управления и хозяйства, у них нет возможности отвлекаться на другие заботы. Иэясу не может выставить больше воинов без ущерба для себя. Он понимает, что на него обидятся наши воины. Иэясу – незаурядный полководец, и я уверен, что его воины будут сражаться достойно.

Ожидания Нобунаги оправдались. Тысяча воинов из Микавы под командованием Мацудайры Кансиро отличилась в битвах. Наступая в передовых частях, они прокладывали путь

многочисленному войску союзников, а доблесть их прославляла имя Иэясу.

Погода во время похода стояла прекрасная. Тридцать тысяч воинов шагали под ясным осенним небом. Колонна растянулась так, что головные отряды уже вошли в Касивабару, а тыловые проходили еще только через Таруи и Акасаку. В воздухе реяли знамена. Войско, миновав дорожную станцию Хирао, вошло в Такамию, и из передовых отрядов по цепочке закричали:

– Посланцы! Посланцы из столицы!

Три полководца поскакали навстречу гонцам.

Гонцы привезли послание от Миёси Нагаёси и Мацунаги Хисахидэ для Нобунаги.

Князь распорядился немедленно привести их.

Нобунага, прочитав письмо с призывом к примирению, воспринял его как уловку врагов.

– Сообщите, что я отвечу на послание, когда войду в столицу.

На рассвете одиннадцатого числа передовые части переправились через реку Аити. На следующее утро Нобунага подошел к Каннондзи и Мицукури, которые удерживал клан Сасаки. Сасаки Дзётэй находился в крепости Каннондзи, а его сын, Роккаку, готовился к осаде в крепости Мицукури. Клан Сасаки из Оми состоял в союзе с Миёси и Мацунагой, и, когда сёгун попытался найти у них прибежище, отец и сын Сасаки едва не убили его.

Оми являлась стратегически важной местностью у озера Бива по пути на юг. Здесь и поджидал вражеское войско Сасаки Дзётэй, похваляясь тем, что одним ударом уничтожит Нобунагу, как сам Нобунага когда-то разбил Имагаву Ёсимото. Роккаку привел свое войско в Каннондзи и расставил гарнизоны по всем восемнадцати крепостям Оми.

Нобунага, посмотрев вниз со взгорья, расхохотался:

– Прекрасная линия обороны! Как в классическом трактате!

Он приказал Сакуме Нобумори и Ниве Нагахидэ взять крепость Мицукури, бросив на штурм ударный отряд из Микавы.

– Перед выступлением я объяснил вам, что поход на столицу не вызван моей враждой к кому-либо. Каждый воин в нашем войске должен осознать, что на этот раз мы сражаемся за императора. Не убивайте бегущих с поля боя, не жгите деревень и, по возможности, не топчите поля, с которых не собран урожай.

Озеро Бива скрывалось в утреннем тумане. Сквозь пелену тумана двинулось тридцатитысячное войско. Нобунага, увидев сигнальный огонь, возвещающий о начале штурма крепости Мицукури, распорядился перенести ставку в крепость Вада, которая была одним из ключевых пунктов в оборонительной линии неприятеля. Приказ Нобунаги означал, что эту крепость нужно захватить штурмом, но произнес он это таким тоном, словно повелел войскам разбить лагерь в пустынной местности.

– Сам Нобунага идет на приступ! – воскликнул комендант крепости Вада, получив донесение от часовых со сторожевой вышки. – Небо ниспослало нам удачу! Каннондзи и Мицукури способны продержаться по крайней мере месяц, а за это время войска Миёси и Мацунаги и их союзников, сосредоточившихся севернее озера Бива, перекроют Нобунаге путь к отступлению. Нобунага, вздумав штурмовать нашу крепость, ускорит собственную гибель. Так не упустим счастливую возможность! Я жду, когда вы принесете мне голову Нобунаги!

Войско ответило радостным кличем. Защитники крепости верили, что клан Сасаки сможет целый месяц противостоять тридцатитысячному войску Нобунаги. Крепость Вада, однако, пала через четыре часа. Остававшиеся в живых бежали в горы или прятались по берегам озера Бива.

– Не трогать бегущих! – распорядился Нобунага, находившийся на вершине горы Вада, над которой развевались победные знамена. Воины, перепачканные кровью и грязью, свои полки

находили по знаменам, постепенно восстанавливая прежний порядок. Из окрестностей Мицукури приходило одно известие за другим. В это время ударный отряд Токугавы из Микавы отважно штурмовал крепость. С каждой минутой вести с поля сражения становились все радостнее.

Нобунага узнал о падении крепости Мицукури до заката солнца. Под вечер столбы черного дыма поднялись неподалеку от крепости Каннондзи. К ней приближалось войско под командованием Хидэёси, и был отдан приказ идти на штурм. Все силы клана Сасаки и их союзников сосредоточились в Каннондзи. Когда спустилась тьма, первые воины Оды ворвались в крепость.

В ночном осеннем небе горели звезды, воздух светился искрами. Один за другим отряды Оды с победными кличами входили в Каннондзи. Защитникам крепости голоса врагов казались злобным воем осеннего ветра. Никто не ожидал, что оборонительная линия рухнет в один день. Ни крепость на горе Вада, ни восемнадцать малых крепостей в стратегически важных точках не сдержали яростную волну наступления.

Клан Сасаки – от женщин и детей до самих Роккаку и Дзётэя – уже не сражался, а искал спасения во мраке, пустившись в бегство из охваченных пламенем крепостей по направлению к последней твердыне – неприступной крепости в Исибэ.

– Не преследуйте их, впереди нас ждут новые полчища врагов.

Нобунага даровал побежденным жизнь и даже не покушался на прихваченные беглецами несметные сокровища. Он никогда не отвлекался на второстепенные дела. Мыслями он был уже в Киото. Крепость Каннондзи сгорела дотла. Вступив на пепелище, Нобунага похвалил воинов и велел им как следует отдохнуть.

Сам он заснул, не снимая доспехов, а едва рассвело, собрал главных подданных на военный совет. Нобунага взял под свою власть захваченную провинцию и немедленно отправил Фуву Кавати в Гифу с предписанием перенести резиденцию Ёсиаки в Морияму.

Вчера Нобунага сражался во главе войска, сегодня решал вопросы правления, таков был его характер. Назначив четверых старших командиров ответственными за порядок в портовом городе Оцу, он через два дня переправился через озеро Бива. Занятый работой, он забывал о пище и о сне.

Взяв приступом крепости Каннондзи и Мицукури двенадцатого числа, войско Нобунаги отдыхало по двадцать пятое, а полководцы и командиры налаживали новые порядки в провинции. Только вперед, к заветной цели! Военные корабли, отплыв от восточного берега озера, взяли курс на Оми. Погрузка продовольствия и кормов требовала помощи местных жителей, которые безропотно покорились завоевателям, уstraшенные мощью Нобунаги. Простые люди из Оми поддержали нового правителя еще и потому, что изданные им указы и введенные порядки внушали им веру в стремление Нобунаги ко всеобщему благу.

Нобунага был единственным, кто сумел в разгар войны снискать расположение простолюдинов. Князь всегда обращался напрямую к народу. Он умел утешить и ободрить людей. Секрет успехов Нобунаги заключался в том, что он действовал быстро и решительно. В стране, охваченной усобицами, простым людям не нужен мудрый правитель. Бесконечные войны повергли Японию в хаос, и Нобунага, сумев навести в этой неразберихе подобие порядка, нашел поддержку у народа, который готов был смириться с лишениями ради будущей мирной жизни.

Прохладный ветер над озером напоминал об осени. Двадцать пятого числа челн с Ёсиаки пристал к берегу у храма Мии.

Здесь Нобунага ожидал атаки со стороны Миёси и Мацунаги, но все обошлось.

Нобунага приветствовал Ёсиаки у входа в храм:

– Считайте, что мы уже в столице.

Двадцать восьмого числа Нобунага двинулся на Киото. У Аватагути войско остановилось, и Хидэёси, находившийся в свите князя, тут же помчался вперед и встретил Акэти Мицухидэ из передового отряда.

– Что случилось?

– Гонцы от императора.

Удивленный Нобунага спешил и принял императорское послание. Низко поклонившись гонцам, Нобунага учтиво произнес:

– Я – простой провинциальный князь и не владею иным искусством, кроме воинского. С тех времен, когда был жив мой отец, мы оплакиваем бедственное положение Императорского дома. Сегодня я пришел в столицу, чтобы встать на защиту императора. Нет большей чести для самурая и радости для всего клана.

Тридцать тысяч воинов торжественно поклялись вместе с князем отдать жизнь за императора.

Нобунага разбил лагерь у храма Тофуку, и в тот же день в столице развесили воззвания. Первым делом организовали стражу для охраны порядка. Начальником дневного дозора был назначен Сугая Куэмон, ночного – Хидэёси.

Один из воинов Оды совершил неприглядный поступок. Он напился и наелся в харчевне и, выложив на стол несколько мелких монет, треть того, что с него причиталось, вышел на улицу.

Хозяин попытался остановить воина, но тот, оттолкнув его, с важным видом пошел прочь. Хидэёси, совершая обход, стал случайным свидетелем этого происшествия. Он распорядился немедленно арестовать виновного и доставить в ставку. Нобунага похвалил стражу, отобрал у провинившегося воина оружие и велел привязать его к дереву у входа в храм с соответствующей табличкой на груди. Он должен был простоять так семь дней, после чего его ждала казнь. Каждый день у храма собирались толпы людей – купцы, самураи, монахи, бродячие торговцы.

Все глазели на несчастного, убеждаясь как в справедливости Нобунаги, так и в жестокости его законов. Суровые указы Нобунаги висели во всех уголках столицы. Кража одной монеты каралась смертью. Никто не жаловался, потому что законы соблюдались даже по отношению к воинам Нобунаги.

Жители Киото с невольным почтением следили за действиями Нобунаги. Шел двадцать первый день со времени выступления из Гифу.

Наведя порядок в столице, Нобунага вернулся в Гифу и обнаружил, что соседняя Микава уже совершенно преобразилась.

В душе он восхищался искусством, с которым Иэясу вел свою провинцию к процветанию. Князь Микавы не желал быть лишь сторожевым псом на задворках Мино и Овари, пока его могущественный союзник Нобунага решает судьбу страны. В отсутствие Нобунаги он разбил войско Удзидзанэ, наследника Имагавы Ёсимото, и захватил провинции Суруга и Тотоми. Своими силами он бы не справился. Помимо военного союза с Одой, Иэясу договорился с Такэдой Сингэном из Каи поделить две провинции, остававшиеся во власти у клана Имагава. Удзидзанэ, имевший вздорный характер, дал кланам Токугава и Такэда немало поводов для нападений.

В стране хотя и царил хаос, но любой полководец знал, что для начала войны все же необходим какой-то предлог, иначе его неизбежно подстерегало поражение. Удзидзанэ завел такие порядки, которые оправдывали вторжение с нравственной точки зрения, и был не настолько умен, чтобы предвидеть последствия своих действий. Все понимали, что он оказался недостойным преемником Ёсимото.

Провинция Суруга отошла клану Такэда, а Тотоми попала под власть Токугавы. В первый день тринадцатого года Эйроку Иэясу перебрался в Хамамацу, в провинции Тотоми, оставив своего сына комендантом крепости в Окадзаки. Во втором месяце ему доставили поздравительное послание Нобунаги.

«В минувшем году мне удалось осуществить давние мечты и добиться некоторых успехов, однако мои дела не могут сравниться с присоединением к вашим владениям плодородных земель Тотоми. Вместе мы стали еще сильнее».

Ранней весной Иэясу и Нобунага поехали в Киото. Главной целью путешествия было знакомство с красотами весенней столицы и любование цветущей вишней, во всяком случае, так это выглядело со стороны. Люди, причастные к государственным делам, пристально наблюдали за поездкой двух князей, гадая об истинных намерениях.

Нобунага на сей раз действительно задумал развлечься в столице. С Иэясу они ездили на соколиную охоту, вечерами Нобунага задавал пиры, приглашая певцов и танцоров. Со стороны все выглядело безобидно. В день приезда Нобунаги и Иэясу в столицу Хидэёси, ставший военным комендантом Киото, выехал навстречу им в Оцу. Нобунага представил его Иэясу.

– Я давно его знаю. Впервые я увидел его в Киёсу на следующий год после битвы под Окэхадзамой. Немало воды утекло с тех пор. – Иэясу с улыбкой смотрел Хидэёси в глаза. А тот удивился превосходной памяти Иэясу. Иэясу исполнилось двадцать восемь лет, Нобунаге – тридцать шесть, а Хидэёси шел тридцать четвертый год. Со времени битвы под Окэхадзамой минуло десять лет.

В Киото Нобунага первым делом проверил, как восстанавливается императорский дворец.

– В следующем году закончим, – уверил его старший на строительстве.

– Не скупитесь на расходы! – распорядился Нобунага. – Императорский дворец пролежал в развалинах долгие годы.

– Я искренне завидую вам. Вы доказали верность императору не словом, а делом, – сказал Иэясу.

– Да, – не скромничая, ответил Нобунага и кивнул, словно благодаря себя за достойное поведение.

Нобунага не только восстанавливал императорский дворец, но и приводил в порядок казну. Снискал Нобунага и расположение горожан. Видя, что богатые живут спокойно, а простой люд пребывает в мире и согласии, Нобунага весь второй месяц празднично проводил время с Иэясу, отдыхая под цветущей вишней, в чайных домиках, посещая музыкальные представления.

Никто не догадывался о том, что в мирских радостях ум его устремлен в грядущие испытания. Нобунага денно и нощно обдумывал дальнейшие действия. На второй день четвертого месяца его полководцы получили приглашение на совет в резиденцию сёгуна.

– Речь пойдет о клане Асакура из провинции Этидзэн, – заговорил Нобунага о том, что волновало его последние два месяца. – Князь Асакура не обращает внимания на просьбы сёгуна и пока не предоставил ни единого камня на восстановление императорского дворца. Асакура получил назначение на должность правителя провинции от сёгуна и является вассалом императора, однако заботится только о богатстве собственного клана. По-моему, следует наказать его карательной операцией. Что скажете? – обратился он к переполненному залу.

Некоторые из членов совета находились в прямом подчинении у сёгуна, но поддерживали прочные связи с кланом Асакура – кто в открытую, кто втайне, однако сейчас никто не

осмелился возразить Нобунаге. У большинства предложение вызвало нескрываемую радость, огорченные предпочли промолчать.

Наступление на клан Асакура означало поход на север, на подготовку которого Нобунага дал немного времени. В день совета издали указ о сборе войска, и двадцатого числа того же месяца оно стояло лагерем в Сакамото. К воинам из Мино и из Овари присоединилось восьмидесяти тысячное войско из Микавы под командованием Токугавы Иэясу. На исходе весны по берегу Внутреннего моря двигалась армия численностью почти в сто тысяч человек.

Представ перед войском, Нобунага указал рукой на высящиеся на севере горы:

– Смотрите! Снег на вершинах растаял! Весна приветствует наш поход!

Хидэеси получил звание генерала и возглавил одно из крупных соединений.

– Значит, князь Нобунага не просто развлекался в столице, а дожидался, когда сойдет снег с перевалов, ведущих на север, – усмехнулся Хидэеси, восхитившись мудростью, проявленной его повелителем, пригласившим Иэясу в столицу.

Нобунага, продемонстрировав Иэясу свою силу и успехи, вселил в него желание участвовать в походе. Нобунага оказался ловким политиком! Хидэеси считал предстоящий поход справедливым и прекрасно понимал его пользу.

Выступив из Такасимы, армия переправилась через реку Кумагава в Вакасе и направилась на Цуругу, находящуюся в провинции Этидзэн. Она шла, сжигая вражеские крепости и заставы, покоряя одну горную вершину за другой, и через месяц стояла под стенами Цуруги.

Князя Асакура, вовремя недооценившие Нобунагу, растерялись от внезапного наступления его войска. Совсем недавно Нобунага любовался цветами вишни в столице! Князьям Асакура и в страшном сне не приснились бы знамена Нобунаги в своей провинции.

Древний клан Асакура, происходивший из императорского рода, возвысился благодаря тому, что поддержал еще первого сёгуна. За эти заслуги ему пожаловали всю провинцию Этидзэн.

Асакура был самым могущественным кланом в северных провинциях. Его влияние, богатство, военную мощь признавали во всей империи.

Узнав, что Нобунага уже в Цуруге, Ёсикагэ не поверил своим ушам.

– Не сходи с ума! Бессмыслицу какую-то плетешь! – засмеялся он над гонцом.

Захватив Цуругу, войско Оды стало лагерем, а отдельные отряды отправились на штурм крепостей Канэгасаки и Тэдзуцугаминэ.

– Где Мицухидэ? – осведомился Нобунага.

– Он возглавляет передовые отряды, – ответил один из вассалов.

– Немедленно отозвать! – распорядился Нобунага.

– Чем я провинился, мой господин? – спросил Мицухидэ, представ перед полководцем.

– Ты долгое время прожил в Этидзэне и прекрасно ориентируешься в здешних местах. Зачем попусту тратить время и силы, добиваясь мелких успехов вместо того, чтобы разработать стратегию захвата главной цели – крепости в Итидзёгадани.

– Простите меня. – Мицухидэ поклонился так низко, будто слова Нобунаги клинком пронзили его. – Позвольте я нарисую вам карту, чтобы не тратить лишних слов на объяснения.

– Самое подходящее дело для тебя! Наши карты неточны. Поправь их, где нужно, и передай мне.

Мицухидэ составил подробнейшие карты, с которыми прежние не имели ничего общего, и вручил их Нобунаге.

– Отныне будешь состоять у меня при ставке, – сказал Нобунага.

Мицухидэ стал, по сути дела, начальником ставки.

Крепость Тэдзуцугаминэ, комендантом которой был Хитта Укон, вскоре пала, но крепость

Канэгасаки под командованием двадцатилетнего Асакуры Кагэцунэ не сдавалась. В юности Кагэцунэ хотел стать монахом, но все вокруг твердили, что человеку его богатырского сложения и отваги грешно не быть воином. Он вернулся в мир и вскоре был назначен комендантом крепости, выделяясь способностями даже на фоне выдающихся представителей клана Асакура. Окруженный в своей крепости сорокатысячным вражеским войском во главе со знаменитыми полководцами Сакумой Нобумори, Икэдой Сёню и Мори Ёсинари, Мицухидэ хладнокровно взирал на неприятеля со сторожевой башни.

– Ну и полчище! – усмехался он.

Ёсинари, Нобумори и Сёню бросили войско на штурм, обагрив кровью стены крепости, по которым, как муравьи, карабкались их воины. В конце дня подсчет потерь оказался безрадостным: враг потерял триста человек, а войско Нобунаги свыше восьмисот. Непрístupная крепость гордо высилась под громадной летней луной.

– Эту крепость не одолеть, а если и повезет, то победа не принесет нам славы, – сказал вечером Хидэёси Нобунаге.

Нобунага выказывал признаки нетерпения.

– Почему ты так решил? – раздраженно спросил Нобунага, который, попав в затруднительное положение, становился подозрительным и сварливым.

– Овладение этой крепостью не означает победу в войне и не увеличивает нашу мощь.

– Как прикажешь идти вперед, не взяв Канэгасаки? – гневно оборвал Хидэёси князь.

Хидэёси внезапно посмотрел в сторону и увидел Иэясу, который, войдя в комнату, застыл, прислушиваясь к их спору. Хидэёси, отвесив поклон, поспешно удалился. Он принес подушку для сидения и предложил князю Микавы занять место рядом со своим господином.

– Я не помешал? – спросил Иэясу, опускаясь на подушку.

Он не подал виду, что узнал Хидэёси.

– Вы о чем-то горячо спорили.

– Нет.

Нобунага, немного успокоившись, изложил Иэясу суть разговора.

Иэясу был на восемь лет моложе Нобунаги, но по манере держаться и говорить трудно было предположить, что Иэясу нет и тридцати.

– Я согласен с Хидэёси. Эта крепость не стоит ни времени, ни больших потерь.

– По-вашему, следует собрать силы в один кулак и обрушиться на главные вражеские твердыни?

– Послушаем Хидэёси. Он, похоже, что-то придумал.

– Хидэёси!

– Да, мой господин!

– Расскажи, что ты надумал.

– Ничего.

– Как? – изумился Нобунага.

Иэясу вопросительно взглянул на Хидэёси.

– В крепости три тысячи воинов, с учетом толщины стен и боевого духа защитников их силы равны десятитысячному войску. Крепость не велика, но взять ее непросто. Думаю, что нам не удалось бы захватить ее даже хитростью. Ее защищают люди, которые знают и чувство долга, и уверенность в своих силах.

– Опять ты за свое! – воскликнул Нобунага, не желавший выслушивать разглагольствования Хидэёси.

Другое дело Иэясу, который был его самым могущественным союзником, поэтому относиться к нему следовало учтиво, но и он в конце концов был всего лишь властителем двух

небольших провинций и не входил в узкий круг приближенных Оды. Нобунага давно понимал Хидэёси с полуслова.

– Прекрасно! – сказал Нобунага. – Поручаю тебе выполнить то, что ты считаешь нужным. Действуй!

– Благодарю, мой господин!

Хидэёси невозмутимо вышел из комнаты. Той же ночью он один проник во вражескую крепость и встретился с ее комендантом. В разговоре с Асакурой Кагэцунэ он, не прибегая к уловкам, откровенно выложил свои мысли:

– Вы из самурайского рода, значит, предвидите исход сражения. Дальнейшее сопротивление приведет лишь к напрасным жертвам. Я не хочу, чтобы вы погибли бессмысленно. Не лучше ли вам покинуть с вашим отрядом крепость и соединиться с основными силами князя Ёсикагэ, чтобы сойтись с нами в бою позднее? Я лично поручусь за безопасность женщин и детей, сохранность денег и оружия, а затем отправлю их к вам.

– Заманчиво встретиться с вами на другом поле боя, – ответил Кагэцунэ и начал приготовления к отходу.

Хидэёси с истинно самурайской верностью своему слову выпустил вражеское войско из крепости, не чиня ему препятствий, и сопровождал его, пока Кагэцунэ не отвел отряд на расстояние в один ри.

За полтора дня Хидэёси разобрался с крепостью Канэгасаки, но, доложив Нобунаге о результате, услышал в ответ лишь восклицание: «Вот как?» Князь не удостоил его похвалой. Выражение лица у Нобунаги было такое, словно он подумал: «Ты поступил чересчур благородно». К Хидэёси можно было относиться по-разному, но отрицать его заслуг никто не мог.

Превознеси Нобунага его до небес, так военачальники Сёню, Нобумори и Ёсинари от стыда не показались бы на глаза своему князю. Штурмуя крепость, они потеряли восемьсот воинов и не сумели ничего добиться при подавляющем численном превосходстве. Хидэёси, стараясь не задеть самолюбия полководцев, не упомянул в докладе о том, что замысел принадлежит ему, а сказал, что следовал указаниям Нобунаги.

– Я старался точно выполнить приказ. Надеюсь, вы простите мои ошибки, а также внезапность и таинственность происшедшего. – Пробормотав это извинение, он откланялся.

В это время у Нобунаги среди военачальников находился и Иэясу. Хидэёси удалился, и князь Микавы что-то тихо произнес себе под нос. Он впервые осознал, что рядом с ним находится выдающийся человек, по возрасту ненамного старше его самого.

Оставив Канэгасаки, Асакура Кагэцунэ спешил соединиться с основным войском клана в Итидзёгадани, чтобы сразиться с армией Нобунаги. По пути он встретил двадцатитысячное войско, посланное Ёсикагэ на выручку Канэгасаки.

– С подкреплением я бы выстоял! – горестно воскликнул Кагэцунэ, сокрушаясь, что последовал вражескому совету.

– Как ты посмел сдать крепость без боя?! – закричал взбешенный Ёсикагэ, но теперь оставалось только вернуться в Итидзёгадани.

Войско Нобунаги дошло до перевала Киномэ, откуда, если удастся прорваться, он вышел бы в самое сердце владений клана Асакура. Дальнейшее продвижение войск Оды остановило срочное известие.

Донесение сообщало, что Асаи Нагамаса из Оми, клан которого на протяжении нескольких поколений был дружественным соседом Асакуры, привел войско на северный берег озера Бива, отрезав Нобунаге путь к возможному отступлению. Сасаки Роккаку, испытавший горечь поражения в битвах с Нобунагой, собрав свежие силы горной местности Кога, начал

согласованные действия с Нагамасой. Оба войска приближались, готовясь нанести удар Нобунаге во фланг.

Враг поджидал теперь и впереди, и в тылу, именно поэтому в войске самого Ёсикагэ воины воспряли духом и готовы были к яростному наступлению.

– Мы на волосок от смерти, – сказал Нобунага, поняв, что им грозит гибель на чужой земле. Он страшился даже не ударов Роккаку и Нагамасы в тыл и во фланг, а монахов-воинов из Хонгандзи, которые могут напасть на армию, вторгшуюся в Этидзэн. Войско Нобунаги оказалось в положении челнока в бушующем море.

Где отыскать дорогу, чтобы отвести с позиций десятки тысяч воинов? Стратегия учит, что наступать легко, а отступать трудно. Военачальник, неосмотрительно заведший армию в глубокий тыл врага, рискует потерять свое войско.

– Позвольте мне возглавить тыловые части. Тогда вы, мой господин, без громоздкого войска сможете срезать дорогу через Кутикидани и под покровом ночи выскользнуть из этих погубительных мест. На рассвете оставшаяся часть войска отступит на столицу, – предложил Хидэёси.

Опасность нарастала с каждым мгновением. В тот же вечер Нобунага в сопровождении нескольких вассалов и трехсот воинов отправился в путь по бездорожью и ночь напролет скакал по направлению к Кутикидани. Не раз на отряд нападали монахи-воины из секты Икко и местные разбойники. Двое суток Нобунага и его спутники были без пищи, воды и сна. К вечеру четвертого дня, когда они добрались до Киото, многие едва держались на ногах. Печальнее была участь тех, кто после отхода основных сил армии остался в крепости Канэгасаки.

Военачальники, которые прежде завидовали успехам Хидэёси и за глаза называли его «хвастуном и выскочкой», на прощанье выражали ему глубочайшую признательность, величая его «столпом клана Ода» и «истинным воином». Уходя, они оставили ему все свои запасы – ружья, порох и провизию. Дары эти напоминали цветы и поминальные подношения к свежей могиле.

На следующий день после ночного бегства Нобунаги начали отступать девять тысяч воинов под командованием Кацуиэ, Нобумори и Сёню. Маневр провели безупречно. Армия Асакуры пустилась было в погоню, но Хидэёси нанес ей фланговый удар и создал угрозу с тыла. Отступающие части Нобунаги оказались в безопасности, и Хидэёси со своими воинами укрылся в крепости Канэгасаки, где они поклялись стоять до последнего.

Наглухо заперев крепостные ворота, воины Хидэёси доедали оставленные запасы, отсыпались, пока была возможность, и готовились расстаться с этим миром. Войском Асакуры, осадившим крепость, командовал храбрый военачальник Кэя Ситидзаэмон. Избегая больших потерь при штурме, он спокойно дожидался, когда у затворников кончатся припасы.

– Ночная вылазка! – прозвучала команда на вторую ночь осады, и без боя приступили к исполнению заранее подготовленного плана. Войско Кэи мгновенно встало навстречу движущемуся во тьме врагу, загнав отряд Хидэёси обратно в крепость.

– Враг сам рвется к смерти! На заре крепость должна пасть! – распорядился Кэя.

Его отряды на плотках переправились через крепостной ров, и в мгновение ока тысячи воинов овладели крепостными стенами.

Ситидзаэмон не хвалился понапрасну – на рассвете крепость Канэгасаки была взята. Но что победители нашли за ее стенами? В крепости не было ни одного воина Хидэёси. На башнях реяли знамена, курился дымок, паслись кони на траве, и ни единой человеческой души. Ночной маневр Хидэёси оказался хитростью.

Притворившись, будто отряд возвращается в крепость, Хидэёси устремился на поиск спасения от неминуемой гибели. К рассвету они добрались до подножия гор на границе между

двумя провинциями.

Кэя Ситидзаэмон не смирился с сомнительной победой.

– В погоню! – скомандовал он.

Войско Хидэёси стремительно шло тайными тропами, не делая привалов.

– Мы пока не вырвались из лап тигра, – предупреждал Хидэёси. – Будьте начеку, не останавливайтесь. Забудьте о голоде и жажде. Думайте о спасении собственной жизни!

Военачальник Кэя настигал беглецов. Услышав боевые кличи врагов, Хидэёси объявил короткий привал и обратился к своим воинам:

– Нам нечего страшиться. Наши враги глупы. Воинственно вопя, они собираются карабкаться в горы, а мы уже наверху. Мы устали, но враг в ярости преследует нас, выбиваясь из сил. Как только они покажутся внизу, мы забросаем их камнями, копыя тоже пригодятся!

Спокойная речь командира вдохнула в воинов новые силы.

– Лезьте побыстрее и попробуйте взять нас! – кричали они, осыпая насмешками наступающих. Вскоре на врага посыпались камни и копыя. Ситидзаэмон потерпел жестокое поражение, усеяв склон бездыханными телами воинов Асакуры.

– Отступаем! – огласили долину хриплые голоса командиров, передававших по цепочке приказ Кэи.

– Самое время отходить!

Повторяя в зеркальном отражении действия врага, воины Хидэёси начали спешно спускаться с горного гребня на юг в безопасную долину. Кэя, с трудом остановив бегущих с поля боя уцелевших воинов, предпринял еще одну попытку преследования Хидэёси. Воинов Асакуры нельзя было при всем желании назвать боеспособным отрядом, и только монахи-воины из Хонгандзи пытались преградить Хидэёси спуск в долину Оми, обрушив на его отряд камни и стрелы под крики:

– Не уйдете!

Даже Хидэёси на миг показалось, что теперь гибель неизбежна, но именно в такие минуты в человеке вспыхивает воля к жизни, подавляя трусливое смирение со смертью.

– Положимся на волю Небес! Прорываемся сквозь чащи, по горным рекам, впадающим в озеро Бива. Горные потоки стремительны, но нам нужно обогнать их. Единственное спасение – в скорости отступления!

Хидэёси, умевший воодушевить людей на подвиг, уже не велел им сражаться. Он не мог заставить измученных и голодных воинов, не отдохнувших ни разу за двое суток отступления, вступить в смертельную схватку с монахами, внезапно выраставшими из-под земли на пути Хидэёси. Он мечтал только о том, чтобы довести до столицы побольше воинов, изнуренных в походе. Единственным залогом успеха была воля к жизни.

В их отчаянном броске не было ни плана, ни самопожертвования. Монахи-воины вылетали из лесной чащи, как рой пчел. Отряд прорывался вперед, сквозь вражеские порядки. Неожиданный маневр Хидэёси внес смятение в ряды противника, сделав бесполезными заранее подготовленные засады. Во всеобщей сумятице воины Хидэёси уходили на юг, следуя вдоль горных потоков.

– Озеро Бива!

– Мы спасены!

Воины плакали от счастья.

На следующий день они вошли в Киото.

– По воле Небес вы вернулись живыми. Слава и хвала вам, уподобившимся богам! – приветствовал Нобунага своих воинов.

Книга четвертая.
Первый год Гэнки.
1570

Персонажи и места действия

Асаи Нагамаса – князь Оми и сводный брат Нобунаги

Асакура Ёсикагэ – князь Этидзэна

Амакасу Сампэй – ниндзя клана Такэда

Такэда Сингэн – князь Каи

Кайсэн – буддийский монах и советник Сингэна

Сакума Нобумори – старший вассал клана Ода

Такэи Сэкиан – старший вассал клана Ода

Мори Ранмару – оруженосец Нобунаги

Фудзикагэ Микава – старший вассал клана Асаи

Оити – жена Нагамасы и сестра Нобунаги

Тятя – старшая дочь Нагамасы и Оити

Хонгандзи – опорный пункт монахов-воинов секты Икко

Гора Хиэй – гора к востоку от Киото, оплот секты Тэндай

Каи – провинция, находящаяся под управлением клана Такэда

Хамамацу – крепость Токугавы Иэясу

Нидзё – дворец сёгуна в Киото

Оми – провинция, находящаяся под управлением клана Асаи

Одани – главная крепость клана Асаи

Этидзэн – провинция, находящаяся под управлением клана Асакура

В первую ночь после возвращения в Киото командиры и рядовые воины арьергарда, чудом избежавшие гибели, могли думать только об одном: как бы поскорее заснуть.

Сделав доклад Нобунаге, Хидэёси поспешил удалиться. Он засыпал на ходу.

Спать. Спать.

На следующее утро он лишь на мгновение открыл глаза и сразу же снова провалился в забытие. К полудню, разбуженный слугой, он встал и поел рисовой каши, в полусне не разбирая, что ест. Но пища пришлась ему по вкусу.

– Еще будете спать? – удивленно спросил слуга.

Хидэёси окончательно проснулся лишь на третьи сутки к вечеру, совершенно не соображая, где находится.

– Которое сегодня число?

– Второе, – ответил страж из-за дверей.

«Второе», – мысленно повторил Хидэёси, с трудом поднявшись и выйдя из комнаты. Раз второе, значит, князь Нобунага тоже успел отдохнуть.

Нобунага восстановил императорский дворец и выстроил новую резиденцию для сёгуна, но сам домом в столице не обзавелся. Приезжая в Киото, он всегда останавливался в храме, а его вассалы располагались по соседству в храмовых пристройках.

Хидэёси вышел из храма, в котором его поселили, и впервые за несколько дней поглядел на звездное небо. «Скоро лето», – подумал он. Но тут же его посетила другая, куда более насущная мысль: «Я жив!» Он ощутил сильный прилив энергии. Хотя на дворе была уже ночь, он испросил аудиенцию у Нобунаги. Его тут же приняли, как будто князь только того и дожидался.

– О, ты, должно быть, чему-то страшно рад, – сказал Нобунага. – Ты просто сияешь.

– Ну а как же мне не радоваться? До сих пор я просто не осознавал, какая замечательная штука – жизнь. Но, ускользнув от неминуемой гибели, я понял, что на свете нет ничего более ценного. Только потому, что я вижу вон ту лампу и ваше лицо, мой господин, я вправе осознать себя живым, а это значит, что мне выпала большая милость, нежели я заслуживаю. А как вы себя чувствуете, мой господин?

– Я очень разочарован, и только об этом и думаю. Впервые мне пришлось ощутить горечь и позор поражения.

– А разве кому-нибудь, не имеющему горького опыта поражений, удавалось в этом мире совершить великие дела?

– Да, чувствую, что ты научился читать мои мысли. Коня следует хорошенько хлестнуть только раз – и он полетит стрелой. Хидэёси, готовься, нам предстоит поездка.

– Поездка?

– Мы возвращаемся в Гифу.

Стоило Хидэёси поздравить себя с тем, что ему удалось превзойти Нобунагу, как тот вновь взял на себя ведущую роль. У него имелось немало причин для того, чтобы возвратиться в Гифу как можно быстрее.

Ходила молва, будто Нобунага живет в мире фантазий, но многие знали, что на самом деле он человек действия, целеустремленный и решительный. Той же ночью Нобунага, Хидэёси и отряд примерно в триста воинов внезапно, как порыв ветра, покинули столицу. Но как они ни спешили, отъезд не удалось сохранить в тайне.

Еще до исхода короткой ночи они прибыли в Оцу. Со стороны гор, взрывая тишину предрассветной тьмы, прогремел ружейный выстрел. Испуганные кони попятнулись. Вассалы,

тревожась за Нобунагу, помчались вперед, чтобы найти и обезвредить стрелка.

А Нобунага словно бы ничего не заметил. Он проехал дальше на пятьдесят кэнгов и, оборотясь, крикнул своим спутникам:

– Пускай себе стреляет!

Так как Нобунага не остановился, а стрелок остался сзади, спутники князя предпочли оставить поиск убийцы и нагнать своего господина. Когда Хидзэси и другие военачальники поравнялись с князем и спросили, не ранен ли он, Нобунага придержал на мгновение коня и показал спутникам край рукава с дыркой от пули.

– На все воля Небес, – только и сказал он.

Позднее выяснилось, что покушение на Нобунагу совершил монах-воин, о меткости которого слагали легенды.

«На все воля Небес», – сказал Нобунага, но это вовсе не означало, что он намерен безропотно ждать небесной милости.

Он хорошо знал, как сильно завидуют ему другие воинственные князья, главы кланов, властители провинций. Можно было сквозь пальцы глядеть на то, как Нобунага, начав с двух захолустных округов, распространил свою власть сначала на всю Овари, а затем и на Мино, но сейчас, когда он превратился едва ли не в главу всего государства и начал отдавать распоряжения из Киото, терпение могущественных провинциальных родов иссякло. Кланов, с которыми у него до сих пор не возникало никаких споров, – Отомо и Симадзу на Кюсю, Мори на западе, Тёсокабэ на Сикоку и даже Уэсуги и Датэ на далеком севере, – все взирали сейчас на его успехи с нарастающей враждебностью.

Однако главная опасность исходила от родни. Было ясно, что на Такэду Сингэна из Каи больше нельзя положиться, не вызывал особого доверия и Ходзэ, а Асаи Нагамаса из Одани, женившийся на сестре Нобунаги Оити, являл собою живой пример слабости брачных политических союзов. Когда Нобунага со своим войском вторгся на север, не кто иной, как Асаи Нагамаса внезапно заключил союз с Асакурой, попытался помешать его отступлению и стал его первым недругом. Тем самым он лишним раз доказал, что мужского честолюбия не удержать в силках из женских волос.

Теперь отовсюду куда ни глянь грозили враги. Остатки кланов Миёси и Мацунага пока затаились, но были готовы в любую минуту ударить в спину, монахи-воины из Хонгандзи раздували пламя восстания по всей стране. Казалось, стоило Нобунаге взять власть – и вся страна немедленно поднялась бы против него, так что возвращение в Гифу стало делом первоочередной важности. Пробудь он в Киото еще месяц – и уже, возможно, не осталось бы ни единой крепости, куда он мог бы вернуться, ни одного клана, готового встать под его знамена. Пока же ему удалось добраться до крепости Гифу, не натолкнувшись в пути на какие бы то ни было серьезные препятствия.

– Стража! Стража!

Короткая ночь еще не кончилась, а Нобунага уже подал голос из своей спальни. Нобунага не раз просыпался именно в этот ранний час, когда по всей Инабаяме кричат кукушки, и начинал отдавать самые неожиданные распоряжения. Ночная стража привыкла к этому, подметив, что стоит на миг расслабиться, и Нобунага непременно застанет врасплох.

– Да, мой господин?

На этот раз стражник не заставил себя долго ждать.

– Созвать военный совет! Передать Нобумори, чтобы явились все старшие военачальники!

Нобунага уже выходил из спальни.

Оруженосцы и помощники бросились за ним следом. Они еще толком не успели проснуться и не понимали, ночь или день на дворе. Но нет, конечно же было еще темно, и в

ночном небе горели яркие звезды.

– Сейчас зажгу светильники, – сказал слуга. – Пожалуйста, мой господин, подождите.

Но Нобунага уже разделся и шагнул в фуру.

За стенами царила еще большая суматоха. Нобумори, Тадацугу, Хидэёси находились в замке, но многие другие военачальники ночевали в городе. За ними срочно отправили гонцов, а тем временем прибрались в зале и зажгли свет.

В конце концов все военачальники прибыли на военный совет. Лампы ярко освещали лицо Нобунаги. Он принял решение выступить на заре против Асаи Нагамасы в Одани. И хотя эта встреча называлась военным советом, никаких споров или хотя бы обмена мнениями на ней не предполагалось. Нобунага ждал предложений исключительно тактического свойства – как наилучшим образом провести уже объявленную кампанию.

Когда стал ясен решительный настрой Нобунаги, собравшиеся онемели, словно пораженные в сердце. Все знали: отношения между Нобунагой и Нагамасой куда теснее, чем это бывает в обычных политических союзах. Нобунага искренне любил мужа своей сестры; он пригласил его в Киото и сам показал ему достопримечательности столицы.

О своей предстоящей войне с Асакурой Нобунага не сказал Нагамасе только потому, что знал о тесных связях кланов Асаи и Асакура, куда более давних, чем с Одой. Понимая, что свояк попадает в довольно щекотливое положение, он постарался оставить его вне игры.

Но, как только Нагамаса узнал о том, что войско Нобунаги глубоко вторглось в земли клана Асакура, он предал Нобунагу, отрезал ему путь назад и обрек на поражение.

Нобунага замышлял расправу над Нагамасой с тех пор, как вернулся в Киото. Под покровом ночи ему передали тайное донесение. В нем сообщалось, что Сасаки Роккаку при поддержке храма Каннондзи и монахов-воинов поднял крестьянское восстание. Воспользовавшись наступившей неразберихой и действуя согласованно с кланом Асаи, Роккаку намеревался уничтожить Нобунагу одним ударом.

По окончании военного совета Нобунага прошел со своими военачальниками в сад и указал им на светлеющие вдали небеса, окрашенные пожарами восстания.

На следующий день, двадцатого, Нобунага с войском вступил в провинцию Оми. Он разметал монахов-воинов и прорвал оборонительные линии Асаи Нагамасы и Сасаки Роккаку. Войско Нобунаги наступало стремительно, как буря, рвущая облака, внезапно, как молния.

Двадцать первого войско клана Ода подошло к главной крепости клана Асаи, расположенной в Одани. Еще одна цитадель клана, крепость Ёкояма, уже попала в осаду. Это было полное поражение. У противника не осталось времени на подготовку, оборона развалилась, не оставив возможности отступить на новые рубежи.

Река Анэ была хотя и широкой, но достаточно мелкой, чтобы перейти ее вброд. Правда, в чистой ледяной воде, сбегаящей с вершин восточной Асаи, ноги сводило даже летом.

Стоял предрассветный час. Нобунага переправлялся через реку во главе своего двадцатитрехтысячного войска, усиленного шестью тысячами воинов Токугавы.

Начиная с полуночи объединенные силы кланов Асаи и Асакура общей численностью примерно в восемнадцать тысяч человек постепенно подходили к реке со стороны горы Оёсэ. Прячась за домами на западном берегу, они дожидались подходящей минуты, чтобы неожиданно обрушиться на неприятеля. Еще стояла ночь, и во тьме звучал непрерывно плеск воды: это шли вброд воины.

– Ясумаса, – призвал Иэясу одного из своих командиров, – враг подходит к берегу быстро и в большом количестве.

– В таком тумане ничего не разглядишь, но вроде бы издали доносится стук копыт.

– Какие-нибудь вести с низовьев реки?

– Пока ничего нового.

– Интересно, чью сторону примут нынче Небеса? Через несколько часов узнаем.

– Через несколько часов? Не думаю, что это настолько затянется.

– Не следует недооценивать противника, – сказал Иэясу и углубился в прибрежные заросли.

Здесь, затаившись, стояло его собственное войско – цвет армии Нобунаги. Съежившись за кустами, в линию вытянулись стрелки. Копьеносцы сжимали свое оружие и вглядывались в противоположный берег, но там пока было тихо.

Что сулит новый день: жизнь или смерть?

Глаза воинов сверкали. Что бы ни готовил им предстоящий бой, они с радостью предвкушали его, хотя никто не мог бы сейчас поручиться, что доживет до вечера.

В сопровождении Ясумасы Иэясу прошел вдоль всей линии, слегка шелестя одеждой. Света не было, лишь тлели запальные фитили мушкетов. Кто-то чихнул – то ли простуженный, то ли потревоженный едким дымом, и атмосфера напряженного ожидания еще больше сгустилась от этого внезапного звука.

Поверхность воды стала светлеть, на фоне порозовевших облаков зачернели ветви деревьев на горе Ибуки.

– Враг! – воскликнул кто-то.

Командиры, окружавшие Иэясу, немедленно приказали стрелкам ни в коем случае не стрелять. На другом берегу, чуть ниже по течению, появился отряд конных самураев и пеших воинов, общей численностью в тысячу двести или тысячу триста человек. Они пошли вброд через реку наискосок, забирая все выше. Казалось, будто сильный ветер гонит по реке белую пену.

Мощный авангард Асаи уклонился от столкновения с передовыми отрядами Оды, сумел обойти и вторую, и даже третью оборонительные линии, намереваясь нанести удар в самый центр войска.

– Исоно Тамба!

– Полк Тамбы! – переговаривались воины Иэясу хриплыми голосами.

Прославленный Исоно Тамба, гордость клана Асаи, был достойным противником. В пене и брызгах над рекой реяли знамена его полка.

Грянул ружейный огонь!

Был ли это залп со стороны неприятеля или же стрельбу открыли свои? Выстрелы прозвучали с обоих берегов одновременно, оглушительно раскатываясь над рекой. Облака рассеялись, показалось чистое летнее небо. И тут вторая линия Оды под командованием Сакаи Тадацугу, а за ней и третья под командованием Икэды Сёню внезапно устремились в реку.

– Не позволяйте врагу выбраться на наш берег! Не дайте ему вернуться на свой! Они должны умереть в реке!

Так распоряжались командиры.

Полк Сакаи ударил во фланг неприятелю. И сразу же прямо в воде завязалась рукопашная. Копье о копье, меч о меч! Пешие стаскивали всадников с коней, всадники рубили пеших, река окрасилась кровью.

Ударный отряд Тамбы отбросил воинов Оды под командованием Сакаи. С криком «Позор!», который слышали на обоих берегах, сын Сакаи, юноша по имени Кюдзо, врезался в гущу сражающихся и погиб смертью храбрых с более чем сотней собственных воинов.

По-прежнему неудержимые, воины Тамбы прорвали и третью линию Оды. Копьеносцы Икэды попытались сдержать вражеский натиск, но у них ничего не вышло.

Хидэёси не мог скрыть беспокойства. Обратясь к Хамбэю, он пробормотал:

– Видел когда-нибудь столь неукротимое воинство?

Даже сам Хамбэй не мог ничего противопоставить такой атаке. Но поражение Хидэёси имело и другую причину. Ему под начало отдали множество тех, кто ранее защищал вражеские крепости и только после их падения перешел на сторону Оды. Эти новые «союзники» конечно же не могли забыть о том, что еще недавно получали жалованье из рук Асаи и Асакуры. Поэтому сражались они с явной неохотой, а скорее – путались под ногами у воинов клана Оды.

Так Хидэёси потерпел поражение. Пятая и шестая оборонительные линии Оды также оказались смяты. Всего же Тамба сокрушил одиннадцать из тринадцати боевых порядков Оды. Тем временем войско Токугавы переправилось через реку выше по течению, разгромило врага на другом берегу и начало с боем продвигаться вниз. Но, оглянувшись назад, воины Токугавы увидели, что полк Тамбы уже подошел вплотную к ставке Нобунаги.

Нацелившись во фланг врагу, отряд Токугавы бросился назад в реку. Воинам Тамбы показалось, что это подходит подмога с западного берега. В таком убеждении они пребывали до последней минуты. И вот самураи Токугавы под началом Кадзумасы врезались в ряды Тамбы.

Внезапно осознав, что в тыл ударил неприятель, Тамба закричал хриплым голосом, приказывая своим развернуться. Воин Токугавы, взметнув мокрое копье, ударил его в бок. Тамба свалился в воду. Ухватившись за древко впившегося ему в бок копья, он попробовал было встать, но самураем Токугавы не дал ему такой возможности. В воздухе мелькнул меч, обрушился на железный шлем Тамбы и разлетелся в обломки. Тамба все же поднялся на ноги, вокруг него растекалось кровавое пятно. Трое воинов Токугавы окружили его и изрубили на куски.

– Бей врага! – закричали соратники, окружавшие Нобунагу.

Они оставили князя и с копьями наперевес помчались на берег.

Такэнака Кюсаку, младший брат Хамбэя, служил под началом у Хидэёси, но в суматохе боя потерял свой полк. Сейчас, преследуя неприятеля, он оказался возле ставки Нобунаги.

«Как, – в недоумении думал он, – неужели враг уже здесь?» Озираясь по сторонам, он заметил самурая в богатых доспехах, подбирающегося сзади к шатру. Тот приподнял полог и воровато заглянул внутрь.

Кюсаку метнулся к самураю и схватил его за ногу. Она была покрыта кольчугой и броней. Незнакомец мог, однако же, оказаться кем-нибудь из клана Ода, а Кюсаку вовсе не хотелось убивать своего. Поэтому он дал противнику возможность обернуться, желая рассмотреть его получше. Судя по всему, это был командир из войска Асаи.

– Друг или враг? – выкликнул Кюсаку.

– Конечно враг!

Самураем переложил копье из одной руки в другую, примеряясь ударить.

– Как тебя зовут? Или тебе стыдно произнести свое имя?

– Меня зовут Маэнами Симпатиро, я из клана Асаи. Я пришел сюда за головой князя Нобунаги! А ты, жалкий трус! Кто ты такой?

– Меня зовут Такэнака Кюсаку, я соратник Киноситы Хидэёси. Померимся силой и выясним, кто из нас трус!

– Ага, хорошо! Младший братец Такэнаки Хамбэя!

– Верно!

С этими словами Кюсаку вырвал копье из рук противника и метнул ему в грудь. Кюсаку хотел выхватить меч, но Симпатиро схватил его, и они свалились наземь. Кюсаку очутился внизу, а Симпатиро сверху. Кюсаку удалось вырваться, но враг снова подмял его под себя. Тут Кюсаку укусил Симпатиро за палец, и тот на мгновение ослабил хватку.

Не упустить момент! Кюсаку отпихнул Симпатиро и сумел освободиться. Тут же пальцы нащупали рукоять малого меча – и вот он уже сделал выпад, метя противнику в горло. Удар

пришелся чуть выше: лезвие рассекло лицо Симпатиро от подбородка к носу, а острие вонзилось в глаз.

– Враг моего друга! – послышалось сзади.

У Кюсаку не было времени обезглавить поверженного Симпатиро. Встав во весь рост, он принялся обмениваться ударами с новым противником.

Кюсаку знал, что на этом направлении Асаи бросил в бой самых отчаянных воинов. Однако новый противник неожиданно прервал поединок и пустился в бегство. Преследуя беглеца, Кюсаку рубанул ему мечом под колено.

Сев на раненого и прижав его к земле, Кюсаку закричал:

– Есть у тебя имя или нет? Или оно недостойно упоминания?

– Меня зовут Кобаяси Хасюкэн. Мне нечего больше сказать, сожалею только, что попал в руки такого худародного самурая, как ты, не успев добраться до князя Нобунаги.

– А где Эндо Кидзаэмон, самый отважный воин Асаи? Ты из Асаи, ты должен знать.

– Понятия не имею!

– Говори! Говори! Я заставлю тебя сказать!

– Понятия не имею!

– Значит, мне нет от тебя никакого толку!

Кюсаку отрубил ему голову и с горящим взором помчался прочь. Он решил во что бы то ни стало сразить Кидзаэмона, пока тот не пал от чьей-либо еще руки. Перед боем Кюсаку хвастал, что добудет голову Кидзаэмона. Теперь он бежал к берегу, где на траве и на гальке лежали бесчисленные мертвые тела – воистину Берег Смерти.

Здесь среди прочих лежало тело воина с окровавленным лицом, скрытым рассыпавшимися волосами. У самой земли вились жирные мухи. Кюсаку нечаянно наступил на ногу мертвеца, и у него возникло какое-то странное чувство. Кюсаку подозрительно огляделся. В то же мгновение мертвец ожил, вскочил на ноги и помчался по направлению к лагерю Нобунаги.

– Берегите князя Нобунагу! Враг приближается! – закричал Кюсаку.

Увидев Нобунагу, стоящего на пригорке, вражеский воин решил броситься на него с разбегу, но наступил на развязавшуюся тесемку сандалии и поскользнулся. Кюсаку накинулся сзади и скрутил его, а затем поволок поверженного к Нобунаге. Тот отчаянно кричал:

– Обезглавь меня! Быстрее обезглавь! Не навлекай бесчестье на воина!

Тут другой пленник, услышав это, воскликнул:

– Господин Кидзаэмон! И вас они взяли живым?

Этот странный человек, прикинувшийся мертвым и схваченный Кюсаку, и был тот самый отважный воин клана Асаи Эндо Кидзаэмон, встречи с которым Кюсаку так жаждал.

Ода был на грани поражения, но, когда войско под началом Иэясу ударило противнику во фланг, клин, которым наступал Асаи, нарушился. Однако вслед за авангардом в бой пошли вторые и третьи боевые порядки. То наступая, то отступая в водах реки, войска Асаи и Оды смешали строй, растеряли множество мечей и копий. В царящем хаосе никто не взялся бы сказать, на чью сторону склоняется удача.

– Не отвлекайтесь! Наша цель – ставка Нобунаги!

С самого начала именно такая задача стояла перед второй атакующей линией войска Асаи. Но в пылу боя эти отряды продвинулись слишком далеко вверх по реке и вышли в тылы войска Оды. А отряд Токугавы прорвался на противоположный берег и с громким кличем «Не уступим воинам Оды!» устремился к лагерю Асакуры Кагэтакэ.

В конце концов войско Токугавы далеко оторвалось от союзников и попало в окружение. Битва пришла в полный беспорядок. Как рыба не видит реки, в которой плывет, так и люди сейчас не могли осознать положения, в котором оказались, – полнота картины пропала начисто.

Каждый воин лишь сражался за свою жизнь и, едва расправившись с одним противником, вступал в схватку со следующим.

Сверху было похоже, что два войска в водах реки и по обеим ее берегам закружил могучий смерч. Именно так это виделось Нобунаге. Хидэёси тоже следил за ходом всего сражения. Он понимал, что именно сейчас, в эти мгновения, решается исход битвы. Переломный момент крайне зыбок, и уловить его очень трудно.

Нобунага бил посохом в землю и кричал:

– Воины Токугавы ворвались в неприятельский лагерь. Нельзя оставлять их там без поддержки! Эй, кто-нибудь, поспешите на выручку князю Иэясу!

Но у воинов и справа, и слева уже не осталось на это сил, и Нобунага взывал к ним тщетно. Вдруг из прибрежных зарослей вырвался отряд и бросился в реку, взметнув тучи брызг.

Хидэёси, хоть и не слышал слов Нобунаги, оценил положение точно так же. Нобунага увидел знамя полка под командованием Хидэёси и с облегчением подумал: «Вот хорошо! Хидэёси меня услышал!»

Стерев перчаткой пот со лба, Нобунага сказал оруженосцам:

– Настало решающее мгновение. Идите на реку и делайте все, что в ваших силах.

Ранмару и остальные – включая самых юных – помчались навстречу врагу, торопясь опередить один другого. Окруженное противником войско Токугавы попало в безнадежное положение, но в этих кровавых шахматах упрямый Иэясу оказался фигурой, попавшей на жизненно важную клетку.

«Нобунага не позволит себе потерять эту фигуру», – уверял себя Иэясу. Вслед за полком Хидэёси на помощь Иэясу выступил полк Иттэцу. Наконец собрались с силами и люди Икэды Сёню. Внезапно в ходе битвы наступил перелом, и войска Оды начали побеждать почти повсюду. Войско Асакуры Кагэтакэ отступило более чем на три ри, а войско Асаи Нагамасы спешно укрылось в крепости Одани.

С этого часа бой превратился в преследование. Войску Асакуры пришлось подняться на гору Оёсэ, а войско Асаи не смело высунуться из крепости Одани. Нобунага добивал поверженного противника на протяжении двух дней, а на третий увел свои полки в Гифу. Он пронесся по стране стремительно, подобно кукушке, какие летают ночами над рекой Анэ, омывающей ныне тела воинов, павших на ее берегах.

Великими людьми становятся не только в силу природной одаренности. Этого мало. Необходимо стечение обстоятельств, которое позволило бы способностям раскрыться. Иногда эту роль играют тяжкие условия жизни, настолько тяжкие, что кого-нибудь другого они бы непременно извели. И когда враждебные обстоятельства принимают все мыслимые и немыслимые формы, то проявляясь, то становясь невидимыми, и объединяются, чтобы причинить все возможные неприятности, тогда-то и проходит человек истинное испытание на величие.

После битвы на реке Анэ Нобунага возвратился домой так быстро, что командиры его полков с тревогой спрашивали друг у друга, уж не стряслось ли что-нибудь в Гифу. Оно и понятно: ведь полевые командиры редко бывают искушены в стратегических тонкостях. По всему войску прошел слух, будто Хидэёси отчаянно настаивал на немедленном штурме крепости Одани, главной цитадели клана Асаи, с тем, чтобы покончить с ним раз и навсегда. Однако князь Нобунага на это не пошел и в ответ на все настояния назначил Хидэёси комендантом второй по значению вражеской крепости Ёкояма, оставленной неприятелем без боя, а сам вернулся в Гифу.

Но не только простые воины и их командиры не понимали подоплеку неожиданного

решения Нобунаги немедленно возвратиться в Гифу. Подлинные намерения князя оставались загадкой даже для его ближайшего окружения. Кое о чем догадывался лишь Иэясу, никогда не сводивший с Нобунаги бесстрастного взгляда, – он смотрел на старшего друга не пристально, но и не отстраненно, не взволнованно, но и не равнодушно.

В тот день, когда Нобунага вернулся в Гифу, Иэясу отправился к себе в Хамамацу. На обратном пути он сказал своим приближенным:

– Сбросив окровавленные доспехи, Нобунага тотчас переоденется в столичное платье и во весь опор помчится в Киото. Его дух подобен неукротимому молодому скакуну.

И впрямь, все произошло именно так. К тому времени, как Иэясу прибыл в Хамамацу, Нобунага был уже на пути в Киото. Не то чтобы в столице за время его отсутствия что-то стряслось. Нобунага опасался незримых, неосязаемых напастей.

Наконец Нобунага посвятил Хидэёси в свои замыслы:

– Как тебе кажется, чего я сейчас больше всего опасаясь? Не удивлюсь, если ты уже догадался.

Хидэёси, склонив голову набок, ответил:

– Что ж, ладно. Это не клан Такэда из Каи, который только и ждет удобного мгновения, чтобы ударить нам в спину. И это не кланы Асаи и Асакура. Можно было бы опасаться князя Иэясу, но он умный человек, а значит, не предпримет ничего безрассудного, и опасаться его, выходит, не стоит. Мацунага и Миёси склонны, подобно мухам, охотиться за мертвечиной, а в стране полно гнили, способной привлечь их внимание. Единственным врагом, которого стоит опасаться, остаются монахи-воины из Хонгандзи, но они вряд ли способны причинить моему господину серьезные беспокойства. Исключив все эти возможности, оставляем одну-единственную. А вернее, одного-единственного человека.

– Кого же? Назови его имя!

– Он не друг и не враг. Вам необходимо выказывать ему свое уважение, но если вы переусердствуете в этом занятии, то попадете в ловушку. Он двуличный призрак. Небо, я впал в неподобающую дерзость! Так что ж, мой господин, разве мы говорим не о сёгуне?

– Верно. Но никому об этом ни слова.

Нобунага и впрямь изрядно опасался человека, который не был ему ни врагом, ни другом: сёгуна Ёсиаки.

Ёсиаки пролил слезы благодарности в ответ на все деяния, совершенные в его интересах Нобунагой, и даже назвал его своим вторым отцом. Так почему же его следовало опасаться? Потому что двуличие коренится именно там, где его менее всего ожидаешь найти. Ёсиаки и Нобунага были разительно непохожи друг на друга складом характера, они получили разное образование и почитали едва ли не прямо противоположные ценности. Пока Нобунага играл роль спасителя Ёсиаки, тот почитал его своим благодетелем. Но стоило сёгуну упрочиться на своем месте, как на смену благодарности пришло недоброжелательство.

– Эта деревенщина мне просто противна.

Такие слова применительно к Нобунаге позволял себе нынче Ёсиаки. Он стал избегать встреч с Нобунагой и завидовать его власти и влиянию, которые, как казалось сёгуну, превосходили его собственные. Однако ему не хватало отваги бросить Нобунаге вызов и вступить с ним в схватку. Ёсиаки вообще не умел действовать в открытую, предпочитая закулисные козни и интриги. В этом отношении он являл собой полную противоположность Нобунаге. И добром такое противостояние кончиться, конечно, не могло.

В потаенной комнате в глубине дворца Нидзё сёгун принял посланца от монахов-воинов из Хонгандзи.

– Настоятелю Кэннё тоже не по душе беспримерное своеволие и жестокость Нобунаги? Что

ж, в том нет ничего удивительного.

Прежде чем удалиться, посланец предостерег:

– Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы содержание нашей беседы осталось в полной тайне. Наряду с этим, возможно, стоило бы послать секретные сообщения в Каи, а также кланам Асаи и Асакура, чтобы решающий час они встретили во всеоружии.

В тот же самый день в другой части дворца Нобунага ждал Ёсиаки, чтобы известить его о своем прибытии в столицу. Ёсиаки собрался с духом, напустил на себя невинный вид и вышел в зал приветствовать Нобунагу.

– Я слышал, что сражение на реке Анэ закончилось вашей блистательной победой. Вы еще раз доказали свое полководческое искусство. Мои поздравления! Это и впрямь счастливый час для нас всех.

В ответ на явную лесть Нобунага, горько усмехаясь, возразил не без сарказма:

– Нет-нет! Лишь благодаря помощи и поддержке вашего превосходительства мы смогли сражаться так стойко. Мы ведь понимали, к каким страшным последствиям может привести наше поражение.

Ёсиаки зарделся, как женщина:

– Вам не стоило так беспокоиться. Порядок в столице мы, как видите, поддержать сумели. Или вам донесли о чем-то ином? Почему после достославной победы вы прибыли столь поспешно?

– Все в порядке. Я прибыл сюда всего лишь для того, чтобы принести свои поздравления в связи с завершением восстановительных работ в императорском дворце, присмотреть за государственными делами и, разумеется, осведомиться о здоровье вашего превосходительства.

– Вот как? – Ёсиаки несколько повеселел. – Что ж, можете сами убедиться в том, что я здоров, государственные дела – в полном порядке, и вообще – все прекрасно. Вам совершенно незачем тревожиться и обременять себя столь частыми наездами в столицу. А теперь позвольте мне задать пир в вашу честь и принести вам свои поздравления по случаю великолепной победы в подобающей ей торжественной обстановке.

– Мне придется отказаться от этого, ваше превосходительство. Я ведь до сих пор не поблагодарил своих командиров и воинов. Поэтому я просто не имею права присутствовать на пиру, заданном исключительно в мою честь. Давайте, ваше превосходительство, отложим это до тех пор, когда я снова прибуду сюда и отдам себя в ваше полное распоряжение.

С этими словами он простился с сёгуном и ушел. Воротясь к себе, он обнаружил, что его уже дожидается с донесением Акэти Мицухидэ.

– Сегодня заметили, как из дворца вышел монах, судя по всему, посланец от настоятеля Кэннэ из Хонгандзи. Эти встречи между монахами и сёгуном наводят на серьезные подозрения, не правда ли?

Нобунага назначил Мицухидэ начальником гарнизона Киото. В этом качестве тот получил возможность следить за всеми посетителями императорского дворца. Вот и сейчас, не ограничившись устным сообщением, Мицухидэ протянул князю подробный письменный отчет.

Быстро проглядев его, Нобунага пробормотал: «Вот и отлично!» Ему было противно, что сёгун оказался таким подлецом, но, с другой стороны, его коварное поведение было для самого Нобунаги настоящим подарком. Той же ночью он созвал руководителей восстановительных работ во дворце, выслушал их отчеты об успехах, и на душе у него несколько полегчало.

На следующее утро он встал пораньше и лично осмотрел уже почти завершенное строительство. Затем, засвидетельствовав свое почтение императору в старом дворце, возвратился в свои покои, позавтракал и объявил о том, что покидает столицу.

В столицу Нобунага приехал одетый в кимоно, однако в обратный путь облачился в

доспехи, потому что отправился вовсе не в Гифу. Нобунага еще раз прибыл на реку Анэ, к месту недавнего сражения, повидался с Хидэёси в крепости Ёкояма, проехал по разбросанным по всей провинции полкам, отдал распоряжения, а затем осадил крепость Саваяма.

Очистив край от неприятеля, Нобунага вернулся в Гифу, но ни у него, ни у ближайших приверженцев еще не было возможности празднично предаться отдыху в летний зной.

В Гифу Нобунагу ждали два срочных письма – одно от Хосокавы Фудзитаки, который находился сейчас в крепости Наканосима в Сэтцу, а другое – от Акэти Мицухидэ из Киото. В письмах сообщалось, что клан Миёси силами примерно в тысячу человек возводит укрепления в Ноде, Фукусиме и Наканосиме. На помощь к Миёси пришли монахи-воины из Хонгандзи и их последователи. И Мицухидэ, и Фудзитака подчеркивали, что медлить больше нельзя, и требовали у Нобунаги срочных распоряжений.

Главный храм в Хонгандзи воздвигли во времена междуусобных войн и всеобщей смуты. Поэтому он был надежно защищен от всех превратностей мира: каменные стены, глубокий ров, укрепленный мост. Служить здесь – означало быть воином, и монахов-воинов в этом храме находилось не меньше, чем в Наре или на горе Хиэй. Наверно, во всей крепости не было монаха, который не питал бы в душе ненависти к наглому выскочке Нобунаге. Обитатели этой древней цитадели буддизма нарекли его врагом Будды, осквернителем традиции, разрушителем культуры и безумным бесом – одним словом, сущим зверем в человеческом образе. Нобунага зашел слишком далеко, когда, вместо того чтобы завязать с монахами переговоры, он не только вступил с ними в схватку, но и ухитрился отнять часть принадлежащей им земли. Твердыня буддизма была проникнута спесью и высокомерием, а привилегии, дарованные ей и ее обитателям, освящены веками. Сообщения с запада свидетельствовали о том, что Хонгандзи готовится к решительной схватке. В обители имелось две тысячи мушкетов, число монахов-воинов за последнее время выросло в несколько раз, а за стенами храма копали новые рвы.

Нобунага предвидел, что монахи заключат союз с кланом Миёси и совместными усилиями им удастся склонить слабохарактерного сёгуна на свою сторону. Он также ожидал распространения о себе злокозненных слухов с тем, чтобы возбудить всенародное восстание против его власти.

Получив срочные донесения из Киото и Осаки, Нобунага не слишком удивился их содержанию. Скорее, его обрадовала возможность наконец-то разрубить весь узел, и он решил лично отправиться в Сэтцу, сделав по дороге остановку в Киото.

– Смиренно прошу ваше превосходительство следовать с моим войском, – заявил он сёгуну. – Присутствие сёгуна воодушевит воинов и ускорит достижение полной победы.

Ёсиаки это, конечно, не понравилось, но отказаться он не решился, да и не мог. И хотя могло показаться, будто в приглашении Ёсиаки нет никакой пользы, оно принесло Нобунаге выгоду: имя сёгуна, неожиданно связанное с его собственным, внесло сумятицу в ряды врагов.

Пространство между реками Кандзаки и Накацу в провинции Нанива представляло собой обширную пустошь с редкими участками возделанной земли. Эта местность звалась Накадзима и подразделялась на северную и южную части. Крепостью на севере владел клан Миёси, а маленькую крепость на юге удерживал Хосокава Фудзитака. Боевые действия сосредоточились в этой местности и протекали с большим ожесточением с начала до середины девятого месяца. Верх попеременно брала то та, то другая сторона. Это была открытая война, в которой широко применялись новые виды огнестрельного оружия больших и малых калибров.

В середине девятого месяца Асаи и Асакура, которые отсиживались в своих горных крепостях, переживая поражение и дожидаясь часа, когда Нобунага допустит какую-нибудь серьезную ошибку, взяли наконец за оружие, переправились через озеро Бива и разбили

лагерь на берегу неподалеку от Оцу и Карасаки. Одно из боевых соединений было направлено в буддийскую цитадель на горе Хиэй. Впервые за все время монахи-воины из разных сект сумели объединиться, заключив союз против Нобунаги.

– Нобунага нагло отнял наши земли, погряз нашу честь и осквернил нашу гору, неприкосновенную со времен преподобного Дэнгё! – говорили они.

Тесные узы связывали монахов с горы Хиэй и кланы Асаи и Асакура. Заключив тройственный союз, они решили отрезать Нобунаге путь к отступлению. Войско Асакуры спустилось с гор к северу от озера, тогда как войско Асаи переправилось через озеро на другой берег. Расположение войск свидетельствовало о том, что союзники задумали, соединившись у Оцу, пойти походом на Киото, а захватив столицу и выйдя затем к реке Ёдо, соединиться с монахами из Хонгандзи и сокрушить Нобунагу одним ударом.

Нобунага на протяжении нескольких дней вел ожесточенные бои с монахами-воинами и с большим войском Миёси в крепости в Накадземе между реками Кандзаки и Накацу. Двадцать второго числа он получил тревожное и неясное сообщение о некоей угрозе, надвигающейся с тыла.

Подробности были неизвестны, но Нобунага догадывался, что в них нет ничего утешительного. Он скрежетал зубами, ломая голову над тем, о какой угрозе идет речь. Призвав к себе Кацуиэ, он приказал ему взять на себя командование арьергардом. И добавил:

– Немедленно сокрушу всех – и Асаи, и Асакуру, и монахов.

– А не лучше ли дожидаться более подробного сообщения? – сказал Кацуиэ, пытаясь удержать его.

– С какой стати? Именно сейчас пришло время изменить весь мир самым решительным образом!

Эти слова означали, что Нобунагу не остановить ничем. Он помчался в Киото, не раз и не два меняя в пути загнанных лошадей.

– Мой господин!

– Что за несчастье стряслось?

Горько плача, несколько вассалов обступили Нобунагу, еще не успевшего слезть с коня.

– Ваш младший брат, князь Нобухару, и Мори Ёсинари пали смертью храбрых в бою под Удзи. Жестокая битва шла два дня и две ночи и закончилась страшным поражением.

Слезы душили несчастного, и рассказ продолжил другой вассал:

– Асаи, Асакура и их союзники – монахи собрали двадцатитысячное войско, против которого невозможно устоять.

Внешне ничем не выказав смятения, Нобунага ответил:

– Что толку оплакивать покойников, которые навсегда покинули наш мир. Доложите мне о том, как обстоят дела сейчас. Как далеко сумел продвинуться враг? Где проходит линия фронта? Кажется мне, что никто из вас этого не знает. А где Мицухидэ? Если он на передовой, то немедленно отзовите его сюда. Приведите сюда Мицухидэ!

Лес знамен вырос вокруг храма Мии, где разместилась ставка Асаи и Асакуры. Сутки назад на всеобщее обозрение была выставлена отрубленная голова Нобухару, младшего брата князя Нобунаги. Ее, как и головы других достославных воинов клана Ода, военачальники разглядывали долго, одну за другой, пока не наскучило.

– Это достойное возмездие за наше поражение на реке Анэ. Теперь я чувствую себя куда как лучше, – промолвил один.

– А я не успокоюсь, пока здесь не окажется и голова самого Нобунаги, – ответил другой.

Но тут у них за спиной громко рассмеялся третий, а потом заговорил на наречии,

выдававшем уроженца севера:

– Можно считать, что она уже здесь. Перед Нобунагой сейчас Хонгандзи и Миёси, а за спиной у него – мы. Куда ему деться? Он как рыба, угодившая в сеть!

Весь день они осматривали отрубленные головы, пока не стало тошно от запаха крови. Ночью в ставку доставили кувшины с сакэ, чтобы еще более поднять боевой дух победителей. Когда все уже порядочно захмелели, разговор зашел о стратегии.

– Следует ли нам занять Киото или лучше крепко держать Оцу, мимо которого ему все равно не пройти, и постепенно сужать пространство, как будто стягивая большую рыбу сетью? – спросил один из сотрапезников.

– Нам непременно нужно войти в столицу, дать бой Нобунаге и уничтожить его на реке Ёдо и в полях Кавати! – откликнулся другой.

– Это не получится.

Стоило одному предложить определенный порядок действий, как другой сразу же опровергал его доводы. Ибо, хотя кланы Асаи и Асакура и объединяла сейчас общая цель, представители каждого стремились доказать свое превосходство в деле высокой военной стратегии. В итоге они так и не смогли прийти к единому мнению.

Пресытившись бесплодными спорами, один из военачальников Асаи вышел на свежий воздух. Взглянув вверх, он пробормотал:

– Что-то небо нынче чересчур покраснелось.

– Наши воины жгут крестьянские дома по всей местности от Ямасины до Дайго, – пояснил стражник.

– Зачем? Какой смысл выжигать эту местность?

– Не совсем так. Необходимо устрашить врага, – вмешался в разговор другой военачальник Асакуры, который и отдал соответствующий приказ. – Гарнизон Киото под командованием Акэти Мицухидэ полон решимости стоять насмерть. Что ж, и нам надо показать, что мы шутить не собираемся.

Начало светать. Оцу стоял на слиянии всех важнейших дорог, ведущих в столицу, но сейчас здесь не было видно ни одного путника и ни единой повозки. Внезапно промчался всадник, за ним, на некотором расстоянии, еще двое или трое. Это были гонцы с поля боя, и мчались они со стороны Киото к храму Мии так, словно за ними гналась сама смерть.

– Нобунага уже в Кэагэ. Войско Акэти Мицухидэ сражается на передовой линии и сметает все на своем пути.

Полководцы не поверили собственным ушам.

– Наверняка самого Нобунаги там нет! Он никак не мог поспеть туда из Нанивы с такой скоростью.

– Мы уже потеряли двести или триста воинов под Ямасиной. Враг наступает, и Нобунага, как всегда, руководит лично. Он примчался стремительно, как крылатый демон или бог, и поспел точно вовремя куда ему было надо!

Асаи Нагамаса и Асакура Кагэтакэ побледнели. Особенно скверно пришлось Нагамасе: Нобунага приходился его жене родным братом и всегда держался с ним весьма дружественно и доброжелательно. Тем сильнее сейчас должен был оказаться его гнев.

– Отступаем! Назад, на гору Хиэй! – прорычал Нагамаса.

Асакура Кагэтакэ был испуган ненамного меньше.

– Назад, на гору Хиэй! – согласился он. И тут же принялся отдавать приказы: – Поджигать все крестьянские усадьбы по дороге! Нет! Подождать, пока не пройдет авангард, а потом поджигать! Жечь все подряд!

Жаркий ветер опалил чело Нобунаги. Искры падали на гриву коня и седло. От Ямасины до Оцу пылали крестьянские усадьбы, в воздухе носились огненные вихри, но ничто не могло сейчас сбить Нобунагу с избранного пути. Он сам был подобен пламенеющему факелу, а войско его казалось морем огня.

– Нынешнее сражение мы посвятим памяти князя Нобухару.

Такова была реакция соратников Нобунаги.

– Неужели они надеются на то, что мы не отомстим за наших павших товарищей?

Но когда их войска достигли, наконец, храма Мии, там уже не было ни единого вражеского воина. Неприятель в большой спешке скрылся на горе Хиэй.

Оглядев горы, воины Оды увидели, что огромное вражеское войско, насчитывающее двадцать тысяч воинов и несметное множество монахов-воинов, расположилось на холмах до Судзугаминэ, Аоямадакэ и Цубогасадани. Бесчисленные знамена, реявшие на вершинах, казалось, гласили: «Мы не собираемся спастись бегством». Диспозиция предстоящего сражения стала совершенно ясна.

Поглядев на суровые горы, Нобунага подумал: «Вот здесь все и решится. Не гора мой враг, мой враг – привилегии, издавна дарованные горе». Так понимал Нобунага свою миссию. Исстари, от одного царствования к другому, особые привилегии, дарованные по традиции обитателям гор, приносили великий вред и правителям, и населению страны. Неужели и впрямь здесь, в горах, присутствие Будды столь сильно, чтобы оправдать это?

Когда учение Тэндай проникло в Японию из Китая, преподобный Дэнгё, основавший первый храм секты на горе Хиэй, провозгласил:

– Да одарит милосердный Будда сваи сии светом божественного покровительства.

Неужели и впрямь свет Учения столь ярко сиял на этой священной вершине, чтобы здешним монахам было дозволено навязывать свои требования самому императору в Киото? Потому ли могли они диктовать волю правительству и добиваться особых прав? Потому ли дозволено было им вступать в союзы с воинственными князьками, плести интриги с мирянами и свергать в беспорядок страну? Так ли ярко сиял здесь свет Учения Будды, чтобы защищать его при оружии и в доспехах, превратив гору в склад копий, мушкетов и боевых знамен?

Глаза Нобунаги затуманились от гнева. Он понимал, все это – святотатство. Гора Хиэй была призвана стать цитаделью, способной защитить всю страну, – вот почему ее обитателям даровали особые привилегии. Но выполняла ли она сейчас роль, изначально ей предназначенную? Главный храм, семь пагод, монастыри на восточном и западном склонах превратились в обители бесов войны в монашеском одеянии.

Ну погодите же! Нобунага до крови закусил губу. «Пусть называют меня предводителем дьяволов, изничтожающим буддизм! Красота здешних гор – это только красота, а вовсе не признак присутствия божества. А эти вооруженные монахи – самые обыкновенные глупцы. Я сожгу их в огне войны, и пусть истинный Будда восстанет из этого пепла!»

В тот же самый день он отдал приказ оцепить гору, перекрыв все дороги и тропы. Чтобы переправиться через озеро, пройти меж гор и воссоединиться с ним, у главного войска ушло несколько дней.

– Кровь моего брата и Мори Ёсинари еще не отомщена! Так дадим же душам этих верных воинов спокойно уснуть. Да обратится их кровь в пламя, которое озарит весь мир!

Нобунага встал на колени и молитвенно сложил руки. Священная гора стала его врагом, и он велел окружить ее. Опустившись на сырую землю, он молился и плакал и вдруг заметил, что рядом с ним опустился на колени и заплакал молодой оруженосец. Это был Ранмару, потерявший отца, Мори Ёсинари.

– Ранмару, ты плачешь?

– Пожалуйста, простите меня, мой господин.

– Я прощаю тебя. Но прекрати плакать, иначе дух твоего отца станет смеяться над тобой.

Но и у самого Нобунаги глаза покраснели от слез. Приказав перенести свой походный стул на вершину холма, он уселся и осмотрел расположение осадившего гору войска. У подножия горы Хиэй повсюду, сколько хватало глаз, реяли знамена клана Ода.

Прошло две недели. Осада горы – необычная для Нобунаги тактика – продолжалась. Перекрыв дороги, он лишил врага продовольственных поставок и дожидался, когда в неприятельском стане начнется голод. Этот замысел уже начал приходить в исполнение. Продовольственные склады монастырей были явно не рассчитаны на прокорм двадцатитысячной армии. Они быстро пустели. Вражеские воины уже начали есть древесную кору.

Понемногу наступала зима, и холодные ветры с вершины доставляли осажденным немало беспокойства.

– Сейчас самое время, по-моему. А вы как думаете? – сказал Нобунаге Хидзёси.

Нобунага призвал к себе вассала по имени Иттэцу. Получив указания от князя, Иттэцу с несколькими сопровождающими поднялся на гору Хиэй и встретился с преподобным Сонрином, настоятелем храма на западном склоне. Они встретились в главном храме, где разместилась ставка монахов-воинов.

Сонрин и Иттэцу были хорошо знакомы, и в знак прежней дружбы Иттэцу прибыл к настоятелю, чтобы уговорить того сдаться.

– Не знаю, каковы истинные намерения, заставившие вас прибыть сюда, но, будучи вам другом, настоятельно рекомендую не заводить эту шутку чересчур далеко. – Преподобный Сонрин затрясся от хохота. – Я согласился на эту встречу лишь потому, что ждал от вас просьбы принять вашу капитуляцию. А вы предлагаете сдаться нам! Какое невежество! Разве вы не видите, что мы преисполнены решимости стоять до конца? Нелепо рассчитывать на нашу глупость, как и демонстрировать собственную!

Монахи-воины обступили Иттэцу. Их взоры пылали.

Позволив настоятелю произнести свою речь, Иттэцу раздумчиво заговорил:

– Преподобный Дэнгё воздвиг этот храм во имя мира и упрочения Императорского дома, во имя процветания всего народа. Мне кажется, для любого монаха не самым богоугодным делом является ношение оружия, упражнения в воинском искусстве, участие в политических дрязгах, поддержка мятежных войск и причинение новых волнений империи. Монахам надлежит быть монахами! Изгнать с горы воинов Асаи и Асакуры, сложить оружие и предаться своему истинному призванию – служению Будде!

Он говорил горячо и быстро, не давая настоятелю и монахам вставить ни единого слова.

– Более того, – продолжил он, – если вы не последуете этим указаниям, князь Нобунага намерен сжечь главный храм, семь пагод и монастыри и убить каждого, кого повстречает в горах. Пожалуйста, хорошо подумайте и оставьте гордыню. Неужели вы хотите, чтобы на этой горе воцарился ад? Неужели не понимаете, что надо изгнать отсюда бесов и сохранить свет Будды на священной земле?

Тут монахи, окружающие Сонрина, закричали наперебой:

– Это бессмысленно!

– Он напрасно отнимает у нас время!

– Замолчите, – зловеще усмехнувшись, приказал им Сонрин. – Это была чрезвычайно скучная, на редкость убогая проповедь, но я намерен воспринять ее со всей вежливостью. Гора Хиэй суверенна, здесь есть свои правила. Ваше волнение представляется мне излишним. Господин Иттэцу, уже темнеет. Извольте покинуть гору немедленно.

– Сонрин, вы изгоняете меня, руководствуясь лишь собственной властью? Почему бы нам не встретиться с мудрецами и со старейшинами, чтобы обсудить наш вопрос с большей тщательностью?

– Гора едина. У нее одна душа и одно тело. Я говорю от лица всех храмов горы Хиэй.

– Но ведь все равно...

– Замолчите же, глупец! Мы дадим отпор вторжению, не останавливаясь ни перед чем. Мы защитим нашу свободу и наши традиции своей кровью! Убирайтесь отсюда!

– Что ж, если вам так угодно, – произнес Иттэцу, не двинувшись с места. – Но какой позор! Как надеетесь вы защитить бесконечный свет Будды своей кровью? И какую свободу вы желаете защитить? Какие такие традиции? Эти традиции не что иное как обман, творимый для вящего процветания храмов. Но сегодня народ уже не поддается на ваши уловки. Хорошенько задумайтесь над тем, в какое время вы живете. Исполненные алчности люди, отвернувшись от мира и не желающие видеть его перемен, за свою самонадеянность неизбежно сгорят вместе с опавшей листвой!

С этими словами Иттэцу покинул монастырь и возвратился в лагерь Нобунаги.

Холодный зимний ветер носил по склонам горы сухую листву. Ночью и по утрам стоял мороз. Время от времени ветер сменялся снегопадом. Как раз в эту пору на горе начались пожары. Однажды ночью загорелся дровяной склад поместья Дайдзё, а за ночь перед тем – Такимидо. И нынешним вечером, хотя стоял еще ранний час, пламя занялось в монашеских кельях в главном храме; отчаянно зазвонил колокол. Поскольку вокруг было множество строений, монахи рьяно взялись за дело, стремясь не допустить распространения огня.

Глубокие ущелья у подножия горы Хиэй погрузились во мрак под светлым красным небом.

– Вот так незадача! – сказал один из воинов Оды и расхохотался.

– Такое случается каждую ночь, – добавил другой. – Им там просто некогда спать.

Холодный зимний ветер колыхал ветви деревьев, люди зябко потирали руки. За чашкой риса они любовались ночными пожарами. Ходили разговоры о том, что поджоги задумал Хидзёси, а совершают их бывшие разбойники из клана Хатидзука.

Ночами монахи трудились, гася пожары, а днем до изнеможения крепили свои оборонительные линии. И пища, и дрова были на исходе, и тем сильнее досаждали им наступившие холода.

Наконец настала настоящая зима с обильными и частыми снегопадами. Двадцать тысяч осажденных воинов и несколько тысяч монахов-воинов увядали, как померзшие растения.

Наступила середина двенадцатого месяца. В лагерь к Нобунаге прибыл посланец с горы. Он был безоружен и одет не в доспехи, а в монашескую рясу.

– Мне хотелось бы поговорить с князем Нобунагой, – сказал посланец.

Явившись, Нобунага увидел, что перед ним настоятель Сонрин, ранее уже встречавшийся с Иттэцу. В доставленном им сообщении говорилось, что ввиду перемены обстоятельств и связанной с этим перемены настроений руководства обители монахи просят мира.

Нобунага, однако же, отказался.

– Как вы встретили посланца, которого я направлял к вам? Вы оскорбили нас!

Нобунага обнажил меч.

– Это неслыханно! – вскричал настоятель.

Он вскочил на ноги. Меч Нобунаги сверкнул в воздухе. Тело повалилось на бок.

– Забирайте его голову и убирайтесь. Вот мой ответ.

Монахи в смятении бежали в свое горное укрытие. Сильный ветер со снегом, дувший в этот день над озером, не щадил и людей в лагере Нобунаги. Нобунага недвусмысленно дал понять обитателям горы Хиэй, что у него на уме, а меж тем ему предстояло решить и другую трудную

задачу. Враг, противостоявший ему, был всего лишь светом пламени на стене. Поливая стену, не погасишь огонь, а он тем временем вовсю разгорится за спиной. Таково общее правило военной стратегии, но Нобунага не мог загасить пламя, хотя и понимал, где находится его источник. Всего лишь сутки назад ему доставили срочное донесение из Гифу, в котором говорилось, что Такэда Сингэн из Каи собирает войско, намереваясь воспользоваться отсутствием Нобунаги и перейти в решительное наступление. Более того: десятки тысяч сторонников Хонгандзи восстали в Нагасиме, в его родной Овари, причем один из родичей Нобунаги, Нобуоки, был убит, а его крепость захвачена. Среди людей распространялись всевозможные вредные слухи, порочащие Нобунагу.

Причины выступления Такэды Сингэна были ясны. Заключив наконец мир со своим старинным врагом, кланом Уэсуги из Этиго, Сингэн обратил свой взор на запад.

– Хидэёси! Хидэёси! – позвал Нобунага.

– Я здесь!

– Найди Мицухидэ и вместе с ним немедленно доставьте в Киото это письмо.

– Сёгуну?

– Именно. В письме я прошу сёгуна о посредничестве в мирных переговорах, но лучше будет, если вы и на словах объясните ему суть дела.

– Но тогда почему же вы только что обезглавили посланца с горы Хиэй?

– Неужели не ясно? Иначе дело не дошло бы до настоящих переговоров о мире. Даже если бы монахи подписали договор, они тут же нарушили бы его и ударили нам в спину.

– Вы правы, мой господин. Теперь я понял.

– Где бы ни гуляли языки пламени – источник у них один, и это, несомненно, двуличный сёгун, которому так нравится играть с огнем. Нам крайне необходимо заставить сёгуна выступить посредником на переговорах, а самим уйти отсюда как можно скорее.

Переговоры начались. Ёсиаки прибыл в храм Мии и предпринял попытку смягчить гнев Нобунаги и договориться о мире. Удовлетворенные таким поворотом событий, войска Асаи и Асакуры в тот же день начали отход в свои провинции.

Шестнадцатого числа все войско Нобунаги двинулось в обратный путь и, переправившись у Сэты, вернулось в Гифу.

Хотя Амакасу Сампэй приходился родственником одному из военачальников Каи, последние десять лет он провел на весьма незначительной должности. А все из-за своего редкого дара: он обладал способностью бегать на большие расстояния с огромной скоростью.

Сампэй служил начальником ниндзя клана Такэда. В обязанности ниндзя входили разведка во вражеской местности, вербовка предателей и злонамеренное распространение ложных слухов.

Сампэй с юности поражал своих друзей умением быстро бегать и ходить. Он мог взобраться на любую гору и пройти от двадцати до тридцати ри в день. Но все же путь продолжительностью в несколько дней утомлял, и поэтому, исполнив очередное деликатное поручение, на обратном пути он по возможности ехал верхом. Правда, когда дорога шла круто в гору, ему вновь приходилось полагаться на свои крепкие и быстрые ноги. Лошадей он держал на всех своих привычных маршрутах, оставляя их, как правило, у лесников и охотников.

– Эй, угольщик! Старик, ты дома? – позвал Сампэй, спешившись перед хижинкой.

Он вспотел, в мыле была и его лошадь.

Стояло начало лета. Листья на деревьях в горах были еще бледно-зелеными, а в низинах уже всюду пели цикады.

«Его нет дома», – подумал Сампэй. Он толкнул дверь со сломанным замком – и та сразу же распахнулась. Сампэй ввел в хижинку лошадь, которую намеревался оставить здесь, привязал ее, прошел на кухню, поел риса и овощей, выпил чаю.

Позавтракав, он нашел тушечницу и кисточку, написал записку на клочке бумаги и оставил ее в корзине с рисом.

«Тут не лисы и ящерицы поработали. Это я, Сампэй, все съел. Я оставляю здесь лошадь, пригляди за ней до моего возвращения. Хорошо корми ее и заботься о ней как следует».

Когда Сампэй собрался уходить, лошадь принялась колотить копытами по стене, сердясь на своего хозяина. Но он даже не обернулся, а просто закрыл за собой дверь и равнодушно удалился под стук копыт.

Было бы преувеличением сказать, будто Сампэй летел, как на крыльях, и все же скорость, с которой он устремился в горную провинцию Каи, свидетельствовала о том, что ему надлежало доставить донесение чрезвычайной срочности. Пунктом его назначения была столица Каи, крепостной город Кофу.

На следующее утро он уже миновал несколько горных перевалов и любовался водами реки Фудзи, текущей глубоко внизу справа от него. В глубине ущелья виднелись крыши домов деревни Кадзикадзава.

Он хотел прибыть в Кофу к вечеру, но, пройдя изрядное расстояние на хорошей скорости, решил немного передохнуть, любясь рассветом в долине Каи. «Как ни трудна и опасна жизнь в горах, нет ничего краше родного дома», – так размышлял он, сидя на корточках, когда вдруг заметил поднимающийся в гору караван лошадей, груженных ведерками с лаком. «Интересно, куда это они?» – подумал Сампэй.

Амакасу Сампэй встал и пошел вниз по склону. Примерно на полдороге он повстречался с караваном, насчитывавшим по меньшей мере сто лошадей.

– Ии-эй!

Всадник, возглавлявший караван, оказался старинным знакомцем Сампэя. Скороход сразу

же спросил у него:

– Кому понадобилось такое количество лака? Куда ты его везешь?

– В Гифу, – ответил всадник и, поскольку Сампэя этот ответ явно не удовлетворил, поспешил добавить: – Мы наконец приготовили столько лака, сколько было заказано кланом Ода в прошлом году, вот я и везу его в Гифу.

– Вот как? Значит, это для Оды? – Нахмурившись, Сампэй даже не смог выдавить из себя улыбки, не говоря уж о том, чтобы пожелать доброго пути. – Так будь осторожен. На дорогах сейчас очень опасно.

– Я слышал, что монахи-воины опять взялись за свое. Интересно, как на это посмотрят воины Оды?

– Ничего не могу сказать, пока не доложу обо всем его светлости.

– Да ладно тебе! Ты ведь как раз оттуда и возвращаешься, верно? А впрочем, нечего болтать! Пора в путь!

И караван потянулся на запад.

Сампэй глядел ему вслед, размышляя о том, какова жизнь в горных провинциях. Новости со всего света доходят сюда со значительным опозданием, и хотя здешнее войско сильно, а военачальники умны, одно только это ничего не решает. Что ж, тем тяжелей ноша ответственности, которую он взвалил на себя. Сампэй ускорил шаг и вскоре, оседлав вновь своего скакуна, и впрямь полетел чуть ли не с быстротой ласточки. В Кадзикадзаве его ждала другая лошадь, и, хлестнув ее плетью, он помчался в Кофу.

В жаркой и влажной долине Каи высилась надежно укрепленная крепость Такэды Сингэна. Важные люди, наведывавшиеся сюда только в дни тяжких забот и военных советов, один за другим входили сейчас в крепостные ворота, так что даже стражникам стало ясно: происходит нечто важное. В крепости, посреди уже совсем зеленых деревьев, было очень тихо, разве что кое-где стрекотали цикады.

С утра ни один из прибывших военачальников еще не покинул крепость. Вот к воротам стрелой подлетел Сампэй. Спешившись по ту сторону рва, он побежал по мосту, таща лошадь за поводья.

– Кто идет?

Сверкнули глаза и острия копий. Сампэй привязал лошадь к дереву.

– Это я, – ответил он.

Стражники его знали, и он беспрепятственно проследовал в крепость. Так много раз уже доводилось Сампэю быстро пробегать через крепостные ворота в ту или иную сторону, что даже те, кто не знал о его особой роли, а тем более его имени, пригляделись к нему и пропускали спокойно. В крепости не было ни единого воина, не знавшего Сампэя хотя бы в лицо.

Во внутреннем дворе крепости стоял буддийский храм, носивший имя бога-хранителя Севера – Бисямондо, и здесь Сингэн то предавался медитации, то решал важные государственные дела, то проводил военные советы. Сейчас Сингэн стоял на веранде храма, подставив лицо прохладному ветерку, веющему от скал и ручьев в саду. Поверх доспехов он надел красную мантию священника, словно сотканную из огненных пеонов.

Сингэн был среднего роста, крепко сложен и мускулист. Люди, не знавшие лично этого незаурядного человека, поговаривали о неукротимости его нрава, хотя на самом деле договориться с ним было не слишком трудно. Напротив, он был по природе добр, во всяком случае, благожелателен. С первого взгляда становилось ясно, что человек он значительный и уверенный в себе, а густая жесткая борода подчеркивала решительность его нрава. Впрочем, примерно так выглядели и многие другие мужчины в горной провинции Каи.

Один за другим военачальники вставали со своих мест и уходили, говоря при этом все

подобающие слова, и кланялись своему князю. Военный совет начался еще утром. Сингэн намеренно оделся на него, как перед сражением, – в мантию священника поверх доспехов. Кажется, его слегка утомили жара и продолжительные споры. Поэтому, едва совет завершился, Сингэн вышел на веранду. Военачальники ушли, оруженосцев он не призвал, и сейчас во всем Бисямондо никого не было – только Сингэн, только отблески света на позолоте стен и мирный стрекот цикад в саду.

«Этим летом, не так ли?» Сингэн задумался. Со стороны могло показаться, будто он пристально всматривается в громады гор, со всех сторон окружающих его провинцию. С того времени, как он впервые принял участие в битве, – а было ему тогда всего пятнадцать, – всю его жизнь определяли события, происходившие летом или осенью. В горной провинции зимой можно лишь запереться в четырех стенах и копить силы к лету. Но с приходом весны и особенно лета у Сингэна закипала кровь, и он обращал взоры во внешний мир, говоря: «Что ж, пора повоевать!» Так жил не только Сингэн, но и другие самураи в Каи. Даже крестьяне и горожане приветствовали приход лета как пору желанных перемен.

В этом году Сингэну стукнет пятьдесят, и он был исполнен разочарования – жизнь не принесла и малой доли того, на что он некогда уповал. «Я слишком много воевал только ради того, чтобы воевать», – думал он. Ему казалось, что Уэсуги Кэнсин в Этиго предается сейчас сходным размышлениям.

Задумавшись о своем многолетнем и достойном сопернике, Сингэн поневоле горько усмехнулся. Разве не насмешки достойны все эти прожитые им годы? Вот-вот исполнится пятьдесят, и долго ли еще останется жить?

Четыре месяца в году провинция Каи стояла занесенная снегом. Можно было утешаться мыслью о том, что центр мира – далеко и что доставка сюда современного оружия крайне затруднена, и все же Сингэн раскаивался, что понапрасну растратил свои лучшие годы в бессмысленных борениях с Кэнсином из Этиго.

Сильно пекло, и тени под деревьями становились все резче и резче.

Многие годы Сингэн считал себя лучшим полководцем во всей восточной Японии. И впрямь, боеспособность его войска, процветание его провинции и умелое управление ею служили примером для многих.

Но теперь Каи больше не могла оставаться в стороне от всеобщей смуты. Начиная примерно с прошлого года, когда Нобунага поехал в Киото, Сингэн стал задумываться о новой роли, возможной теперь для его провинции. Заглянув к себе в душу, он увидел, что ее переполняют новые надежды. До сих пор клан Такэда оценивал себя чересчур низко.

Сингэну не хотелось коротать остаток дней, отщипывая по кусочку от соседних провинций. Когда Нобунага и Иэясу еще мочили пеленки, Сингэн уже задумывался над тем, как было бы хорошо объединить всю страну, взяв ее в свои твердые руки. Он считал, что горная провинция служит ему не более чем временным пристанищем, а в мечтах видел себя правителем страны и порой даже не умел скрыть этого от посланцев из столицы. Разумеется, нескончаемые стычки с соседней Этиго служили не более чем прелюдией к настоящим войнам. Но как бы то ни было воевал он главным образом с Уэсуги Кэнсином, эти войны отняли уйму времени и изрядно истощили силы провинции.

Сингэн осознал все это, когда клан Такэда остался уже далеко за спиной у вырвавшихся вперед Нобунаги и Иэясу. Но он все равно продолжал называть Нобунагу «ублюдком из Овари», а Иэясу – «сосунком из Окадзаки».

«Хорошо подумав, я вынужден признать, что совершил великую ошибку», – горько размышлял Сингэн. Если бы речь шла лишь о невыигранных сражениях, он бы так не сетовал и ни о чем не жалел, но сейчас, задним числом оценивая свои неудачи на политическом поприще,

он понимал, что главные просчеты допустил именно здесь. Почему, например, не устремился он на юго-восток, когда был уничтожен клан Имагава? Удерживая у себя в заложниках представителя клана Токугава, почему, не шевельнув и пальцем, молча наблюдал за тем, как Иэясу распространяет свою власть на Суругу и Тотоми?

Но еще большей ошибкой стало заключение родственных уз с Нобунагой через женитьбу по совету князя Оды. В результате Нобунага, воевавший с соседями на западе и на юге, одним ходом угодил в самую середину шахматной доски. Тем временем заложник из клана Токугава, воспользовавшись случаем, ухитрился бежать, а Иэясу и Нобунага заключили между собой союз. Сейчас, оглядываясь назад, трудно было не дивиться их дипломатическому искусству.

«Но теперь им придется принимать меня в расчет. Я научу их уважать Такэду Сингэна из Каи. Заложник бежал. Что ж, тем лучше – вот и прервалась последняя ниточка, связующая меня с Иэясу. В каком еще оправдании задуманному я нуждаюсь?»

Нечто в этом роде он и произнес сегодня на военном совете. Услышав о том, что Нобунага стоит лагерем в Нагасиме и, судя по всему, глубоко увяз в тамошней войне, упрямый и честолюбивый князь увидел в этом благоприятную возможность для собственного возвышения.

Амакасу Сампэй попросил одного из близких людей Сингэна доложить о своем прибытии. Когда его не поспешили призвать к князю, он повторил свою просьбу.

– Доложили ли его светлости о моем прибытии? Пожалуйста, напомните ему об этом.

– Только что закончился военный совет, и его светлость, кажется, несколько устал. Вам придется подождать, – повторил приближенный Сингэна.

Сампэй, однако, не унимался.

– Мое дело не только крайне срочное, но и напрямую связано с тем, о чем должны были говорить на совете. Прошу прощения, но я требую, чтобы ему незамедлительно доложили о моем прибытии.

Судя по всему, на этот раз известие передали Сингэну, и Сампэя пригласили войти. Один из стражников проводил его до центральных ворот Бисямондо. Здесь его препоручили заботам стража внутренней цитадели и повели к Сингэну.

Сингэн находился на веранде Бисямондо. Он сидел на походном стуле. Свежая листва молодого тополя мирно шелестела у него над головой.

– Какие новости, Сампэй?

– Прежде всего необходимо доложить, что сообщение, присланное мною ранее, полностью устарело. Поэтому во избежание нежелательных последствий я и помчался сюда сломя голову.

– Как? Положение дел в Нагасиме изменилось? Ну и каково же оно сейчас?

– Войско Оды на время оставило Гифу и, похоже, попыталось обрушиться на Нагасиму двумя встречными колоннами. Но как только Нобунага прибыл на поле сражения, он приказал немедленно отступить. Это отступление дорого обошлось его войску, но, так или иначе, оно отступило.

– Отступило. И что же?

– Это отступление было неожиданным даже для его вассалов. Воины Оды ворчали, что просто не могут понять, какая блажь взбрела в голову их предводителю, а многие выражали свое недовольство в открытую.

«Этот человек непредсказуем! – подумал Сингэн, щелкнул языком и принялся жевать губу. – Я собирался сразиться с Иэясу в чистом поле и сокрушить его, пока Нобунага со своим войском оставался скован монахами-воинами в Нагасиме. Но теперь, когда этот план сорвался, нужна предельная осторожность!»

– Нобуфуса! Нобуфуса! – позвал Сингэн, обернувшись к боковому входу в храм.

Сингэн сразу же отдал распоряжение уведомить своих военачальников о том, что решение

отправиться в поход, принятое на только что закончившемся военном совете, откладывается на неопределенное время.

У Бабы Нобуфусы, его старшего соратника, не было времени выяснять причины такой перемены. Разъехавшиеся по своим полкам военачальники возмутятся, полагая, что более удачную возможность для уничтожения клана Токугава, чем сейчас, найти трудно. Но Сингэн осознал, что и на этот раз упустил свой шанс и что от прежнего замысла теперь придется отказаться. Вместо этого ему придется перестраиваться, дожидаясь следующего благоприятного случая.

Сняв доспехи, он вновь встретился с Сампэем. Отослав приверженцев, Сингэн внимательно выслушал подробный отчет о положении дел в Гифу, Исэ, Окадзаки и Хамамацу. Потом Сампэй поделился с Сингэном возникшим у него сомнением.

– На пути сюда мне повстречался караван с большим количеством лака для клана Ода, являющегося союзником Токугавы. Зачем вы посылаете лак Оде?

– Обещание есть обещание. Кроме того, это избавит Оду от излишних подозрений, а поскольку каравану придется пройти землей, принадлежащей Токугаве, то это хороший предлог для разведки дорог в тамошней местности, хотя сейчас все это, разумеется, стало бесполезно. Хотя нет, не бесполезно. То, что не произошло сегодня, может случиться завтра.

Испытывая едва ли не презрение к самому себе, Сингэн удалился и погрузился в одинокие размышления.

Выступление могущественного и хорошо обученного войска Каи было на неопределенное время отложено, и на протяжении всего лета воины томились бездельем. Но с началом осени по западным горам и восточным холмам вновь прокатилась волна слухов.

Ясным осенним днем Сингэн вышел на берег реки Фуэфуки. Его сопровождали всего несколько приближенных. Он пребывал в превосходном настроении и, казалось, испытывал гордость за безупречное положение дел в провинции. Он не хуже других понимал, что наступают новые времена. «Приходит мой час!» – думал он.

На табличке у входа в храм значилось: «Кэнтоткудзан». В этом храме жил Кайсэн, наставник Сингэна в секретах дзэн-буддизма. Сингэн, отвечая на приветствия монахов, прошел в глубь сада. Намереваясь заглянуть сюда как бы невзначай, он сознательно миновал главное помещение.

Неподалеку стоял маленький чайный домик всего на две комнаты. Рядом бежал ручей, желтые листья с деревьев падали в воду. Вода от ручья текла в чайный домик по желобу среди нежного мха и камней.

– Ваше преподобие, я пришел проститься.

Кайсэн в ответ кивнул:

– Значит, вы все-таки решились?

– Я долго дожидался благоприятной возможности – и вот нынешней осенью мне показалось, что судьба наконец-то на моей стороне.

– Я слышал, что Ода намерен предпринять поход на запад, – сказал Кайсэн. – Нобунаге, кажется, удалось собрать войско даже больше прошлогоднего. Он намерен взять гору Хиэй.

– Все приходит к тому, кто умеет ждать, – возразил Сингэн. – Я ведь получил несколько писем от сёгуна, в которых сказано, что, если я обрушусь на Оду сзади, то одновременно со мной поднимутся Асаи и Асакура, и нам всем помогут монахи с горы Хиэй и из Нагасимы. И тогда, разбив одного Иэясу, я смогу незамедлительно достичь столицы. Но что бы я ни предпринял, Гифу останется источником опасности. Я не хочу разделить судьбу Имагавы Ёсимото, поэтому я дожидался благоприятной возможности. Я намерен застигнуть Гифу врасплох,

свалившись им на голову как гром среди ясного неба со стороны Микавы, Тотоми, Овари и Мино, а затем выйти на столицу. Если мне это удастся, то новый год я встречу в Киото. Надеюсь, ваше преподобие будет в мое отсутствие пребывать в добром здравии.

– Если так будет угодно Небу, – угрюмо ответил Кайсэн.

Сингэн советовался с Кайсэном по всем вопросам, включая военные и политические, и привык всецело полагаться на него. Угрюмость наставника не ускользнула сейчас от его внимания.

– Ваше преподобие, кажется, вам в моем замысле что-то не нравится.

Кайсэн посмотрел на него в упор:

– Серьезной причины для сомнения у меня нет. В конце концов, вы стремились к этому всю жизнь. А беспокоят меня козни, которые строит сёгун Ёсиаки. Ведь секретные письма, призывающие к походу на столицу, наверняка отправлены не вам одному. В частности, я слышал, что подобное послание получил и князь Кэнсин. Судя по некоторым данным, получил такое письмо и князь Мори Мотонари, хотя он с тех пор успел умереть.

– Я ничего этого не знал. Но, невзирая ни на что, мне нужно отправиться в Киото и исполнить наконец дело всей моей жизни.

– Увы, даже мне трудно смириться с тем, что человеку ваших способностей приходится сиднем сидеть в Каи, – сказал Кайсэн. – Мне кажется, на пути вас ждет немало испытаний, но ведь войско под вашим началом еще ни разу не испытало горечи поражения. Помните только, что ваше тело – единственная в этом мире вещь, которая действительно принадлежит только вам, и действуйте мудро, исходя из вашего природного предназначения.

В это мгновение монах, отправившийся к ручью за водой, бросил ведро и, крича что-то невнятное, бросился в сень деревьев. По саду пронесся шум, как будто пробежал олень. Монах вернулся и поднялся по ступеням чайного домика.

– Быстро пошлите людей! Тут был какой-то подозрительный чужак, и ему удалось убежать.

Ни у кого не могло быть причины тайком пробираться в этот храм. Когда Кайсэн расспросил монаха, выяснилось следующее.

– Я не докладывал вашему преподобию, но прошлой ночью в ворота постучался странник в одежде монаха, и мы пустили его переночевать. Будь он совершенным незнакомцем, мы бы, понятно, этого не сделали. Но это был Ватанабэ Тэндзо, ранее служивший ниндзя у его светлости и не раз посещавший храм вместе с другими вассалами его светлости. Поэтому мы разрешили ему здесь остаться.

– Погоди-ка, – сказал Кайсэн. – Это и впрямь весьма подозрительно. Наш ниндзя исчезает во вражеской провинции на много лет, и мы о нем ничего не знаем. И вдруг он стучится в ворота глубокой ночью – как ты говоришь, в монашеском одеянии? – и просится переночевать. Почему ты не расспросил его как следует?

– Разумеется, мой господин, это наша вина. Но он поведал нам, что его схватили, когда он работал на нас лазутчиком в клане Ода. Он утверждал, что провел в темнице несколько лет и что ему удалось бежать и переодетым добраться до Каи. Нам показалось, что он говорит правду. А сегодня с утра он объявил, будто отправляется в Кофу повидаться с Амакасу Сампэем, начальником ниндзя, и мы ему опять поверили. И вдруг, набирая воду у ручья, я заметил, что этот негодяй, затаившись, как ящерица, подслушивает у окна в чайном домике.

– Что? Он подслушал мой разговор с его светлостью?

– Услышав мои шаги, он испуганно обернулся. Затем быстро пошел в глубь сада. Я окликнул его и велел остановиться. Но он в ответ только ускорил шаг. И когда я крикнул вслед ему: «Лазутчик!» – он обернулся и пронзил меня взглядом.

– И бросился прочь?

– Я закричал во весь голос, но вассалы его светлости в это время как раз обедали. К несчастью, я не смог ни до кого докричаться, не смог и догнать его сам.

Сингэн молча выслушал, не удостоив монаха и взглядом, а затем, посмотрев на Кайсэна, спокойно произнес:

– Сегодня сюда прибыл Амакасу Сампэй. Пусть он догонит этого человека и расправится с ним. Призовите его сюда.

Сампэй простерся ниц перед князем, который все еще находился в чайном домике, и, подняв глаза, спросил, какое поручение его ждет.

– Много лет назад у тебя под началом был один человек. Его звали, если я не ошибаюсь, Ватанабэ Тэндзо.

Сампэй на мгновение задумался, а затем сказал:

– Да, припоминаю. Он родом из Хатидзуки, это деревня в Овари. Его дядя Короку изготовил ружье, но Тэндзо украл его и бежал сюда. Он подарил вам ружье, а вы дали ему жалованье на несколько лет.

– Я припоминаю эту историю с ружьем. Что ж, видать по всему, выходец из Овари так и останется выходцем из Овари. Сейчас он конечно же служит клану Ода. Догони этого человека и отруби ему голову.

– Догнать?

– Узнай все подробности вот у этого монаха. Тебе следует поторапливаться, чтобы он не успел улизнуть.

К западу от Нирасаки вдоль подножия гор вьется узкая тропа, огибая Комагатакэ и Сэндзё и пересекая реку Такато в Ине.

– Ии-ей!

Человеческий голос в здешних краях слышишь редко. Одинокое бредущий своей дорогой монах остановился и огляделся, но вокруг разносилось только эхо – и он опять тронулся в путь.

– Ии-ей! Эй, монах!

Во второй раз голос прозвучал уже ближе. Поскольку на этот раз окликнули именно его, монах вновь остановился и принялся осматриваться, поднеся руку к полам своей шляпы. Прошло немного времени, и его догнал, карабкаясь следом, какой-то мужчина. Он запыхался. Приблизившись к монаху, мужчина недобро усмехнулся:

– Вот так встреча, Тэндзо! Давно ли ты прибыл в Каи?

Монах явно изумился, но быстро совладал со своими чувствами. Выражение его лица скрывали широкие поля шляпы.

– Сампэй! А я-то гадаю, кто бы это мог быть. Что ж, давненько мы с тобой не виделись. Ты, похоже, как всегда, в добром здравии.

На насмешку монах ответил насмешкой. Оба привыкли по долгу службы ходить лазутчиками в тыл врага. Самообладание и выдержка, а при случае и лицедейство были необходимы в их работе.

– Доброе слово и кошке приятно.

Сампэй тоже, казалось, был спокоен. Поднимать шум из-за того, что в твоём краю появился вражеский лазутчик, подобает недалекому простолыдину. Но, будучи и сам таким, как Тэндзо, Сампэй ничему не удивлялся или, во всяком случае, ничем не выдал своего волнения.

– Пару дней назад ты заночевал в храме Эйрин, а вчера подслушал секретный разговор между настоятелем Кайсэном и князем Сингэном. Когда один из монахов застиг тебя на месте, ты бросился бежать – и тебе это удалось. Верно, Тэндзо?

– А что, ты тоже там был?

– К глубокому сожалению.

– Это я, увы, упустил из виду.

– Да, ничего не скажешь, не повезло тебе.

Тэндзо говорил с деланным безразличием, как будто все происходящее его совершенно не касалось.

– Я был уверен, что Амакасу Сампэй, глава ниндзя клана Такэда, по-прежнему рыщет где-нибудь в Исэ или в Гифу, строя козни против клана Ода, а ты уже тут как тут! Что ж, Сампэй, тебе следует отдать должное – ты всегда был быстрее всех.

– Не трать понапрасну слов. Можешь льстить мне сколько угодно, но теперь, нагнав тебя, я просто не вправе позволить тебе вернуться на родину. Ты ведь собираешься пересечь границу живым?

– Честно говоря, у меня нет ни малейшего желания умирать. Но, Сампэй, это на твоём лице лежит тень смерти. Не за тем же ты за мной гнался, чтобы погибнуть от моей руки.

– Я пришел за твоей головой по приказу моего князя. И, жизнью клянусь, я ее добуду.

– За чьей головой?

– За твоей!

Сампэй выхватил из ножен свой большой меч, а Ватанабэ Тэндзо уже повернулся лицом к нему, держа наперевес монашеский посох. Их разделяло несколько шагов. Замерев, учащенно дыша, они пристально вглядывались друг другу в глаза, их лица залила бледность, какая появляется в минуту смертельной опасности. Затем что-то, очевидно, пришло на ум Сампэю, потому что он неожиданно убрал меч в ножны.

– Тэндзо, брось свой посох!

– Вот как? Испугался?

– Нет, не испугался. Но разве не правда, что мы с тобой несем одну и ту же службу? Любой из нас всегда может погибнуть при выполнении задания, но какой смысл убивать друг друга? Почему бы тебе не снять монашеский халат и не отдать его мне? Тогда я смогу, вернувшись, сказать, что убил тебя.

У ниндзя существовал собственный кодекс чести, не свойственный другим воинам. Основой этого кодекса был особый взгляд на жизнь, определявшийся тем, что задания им всегда доводилось выполнять в одиночку. Для обычного самурая не существовало более высокой чести, нежели смерть за своего князя. Ниндзя же подходили к этому совершенно иначе. Они дорожили жизнью. Им надлежало вернуться живыми, независимо ни от каких испытаний или унижений. Потому что никакие ценные сведения, собранные в глубоком тылу врага, не имеют смысла, если не принести их домой. Погибнуть на вражеской земле считалось у ниндзя величайшим позором, и даже гибель в героическом бою с превосходящими силами не спасала от бесчестия. В этом смысле кодекс чести ниндзя, как бы причудлив он ни был, не противоречил заповедям Пути Воина: если смерть ничем не помогает господину, она позорна. Поэтому, хотя ниндзя могли бы многим показаться безнравственными людьми и никакими не самураями, в основе их поведения лежало глубокое представление о самурайском долге.

Оба противника придерживались этого взгляда на жизнь. Поэтому, когда Сампэй объяснил Тэндзо, что убивать друг друга им не стоит, тот тоже опамятовался и поспешил, в свою очередь, убраться оружием:

– Да, мне не по душе вступать с тобой в поединок и рисковать при этом своей головой. Если ты готов удовольствоваться моим халатом, то мне его для тебя не жаль.

Тэндзо оторвал от своего халата изрядный кусок ткани и бросил Сампэю. Сампэй подобрал его с земли:

– Этого куска хватит. Если я принесу его в доказательство тому, что расправился с Ватанабэ Тэндзо, мне поверят, и на том дело и кончится. Его светлость наверняка не потребует,

чтобы я предъявил ему голову какого-то жалкого ниндзя.

– Что ж, это пойдет на пользу нам обоим. Ладно, Сампэй, я пошел. Хотелось бы мне сказать тебе «до свидания», но придется, наоборот, молиться за то, чтобы мы с тобой никогда больше не виделись, потому что следующая встреча наверняка окажется последней.

Произнеся это на прощанье, Ватанабэ Тэндзо стремительно зашагал прочь, как будто испугался, что его быstroногий противник все-таки передумает и пустится за ним вдогонку. Он понесся, словно спасаясь от верной смерти.

Когда Тэндзо начал спускаться по склону холма, Сампэй подобрал из травы заранее припрятанные там ружье и мешочек с боеприпасами и тайком последовал за ним.

Гулкое эхо ружейного выстрела разнеслось по горным склонам. Сампэй сразу же бросил ружье в траву и пустился вниз по склону, намереваясь нанести поверженному противнику последний удар.

Ватанабэ Тэндзо рухнул навзничь в придорожные кусты. Но в то самое мгновение, когда Сампэй с мечом в руке склонился над ним, чтобы отрубить голову, Тэндзо схватил его за ноги и, рванув изо всех сил, повалил наземь.

Теперь в Тэндзо проснулся прежний неукротимый и яростный разбойник. Оглушив Сампэя, он огляделся по сторонам, нашел большой камень, взял его обеими руками и с размаху обрушил ему на голову. Звук был такой, как будто лопнул плод граната.

Затем Тэндзо пошел прочь.

Хидэёси, ставший теперь комендантом крепости Ёкояма, провел все лето в холодных горах северного Оми. Воины говорят, что праздная жизнь изнуряет в большей степени, чем любое сражение. Главное при этом – ни на день не ослабить дисциплину. А войско Хидэёси томилось без дела уже больше трех месяцев.

В начале девятого месяца поступил приказ выступить на войну. Ворота крепости Ёкояма широко распахнулись. Но с тех пор, как они вышли в поход и до прибытия на берег озера Бива, воины не имели ни малейшего представления о том, с кем им предстоит сразиться.

В озерной гавани их ожидали три больших корабля. Построенные после нового года, они еще пахли свежей смолой. И только когда воины взошли на борт и подняли лошадей, им объявили, что одним предстоит идти на Хонгандзи, а другим – на гору Хиэй.

Переправившись через воды осеннего озера и высадившись в Сакамото на противоположном берегу, воины Хидэёси с изумлением обнаружили поджидавшую их армию под началом Нобунаги и его военачальников. В предгорьях Хиэй, сколько хватало глаз, реяли знамена клана Ода.

После того как Нобунага прошлой зимой снял осаду горы Хиэй и возвратился в Гифу, он распорядился о закладке больших боевых кораблей, способных пересечь озеро в любое мгновение, когда это может понадобиться. Теперь воины поняли, к чему он стремился и что имел в виду, объявляя об окончании штурма Нагасимы и о возвращении в Гифу.

Огненные языки мятежей, то здесь, то там вспыхивавшие по всей стране, являлись на самом деле лишь отблесками подлинного пожара, источником которого – и корнем всего зла – была гора Хиэй. Нобунага опять собрал большое войско и вновь осадил гору. Преисполненный новой решимостью, он говорил так громко, что его слова из командного шатра разносились по всему лагерю, словно обращенные к самому неприятелю.

– Что? Вы не хотите использовать огонь, потому что пламя, дескать, не пощадит монастыри? Интересно, что такое, по-вашему, война? А если не знаете, то какие вы после этого военачальники? Как вам удалось дослужиться до таких чинов?

Примерно такие речи, произносимые в шатре, бывали слышны снаружи. Нобунага восседал

на походном стуле, окруженный бывальыми полководцами, в унынии понурившими головы. Нобунага казался строгим родителем, отчитывающим своих сыновей. И хотя никто не сомневался в праве князя на первенство, он все же несколько злоупотреблял этим правом. По крайней мере, судя по угрюмому выражению лиц, именно об этом думали военачальники. Время от времени то один, то другой поднимал голову и смотрел Нобунаге в глаза.

За что же они сражаются на этот раз? Но сама подобная мысль или хотя бы тень сомнения несли опасность для высокого положения военачальников, потому что у Нобунаги было легко впасть в немилость.

– Вы бессердечны, мой господин! Дело не в том, что нам непонятны ваши замыслы, но, когда вы даете нам такой возмутительный приказ – выжечь гору Хиэй, место, освященное многовековой традицией как средоточие покоя и мира всей страны, когда вы отдаете такой приказ, мы как ваши вассалы – именно как ваши вассалы – просто не можем подчиниться, – наконец осмелился возразить Сакума Нобумори.

Лицо Нобумори выражало готовность добиться своего или умереть. Не будь он готов немедленно поплатиться жизнью за дерзкие слова, он ни за что не сказал бы этого Нобунаге. Особенно если учесть настроение, в котором тот сейчас пребывал. Военачальникам клана Ода всегда было не просто перечить своему предводителю, но сегодня как никогда: Нобунага напоминал демона, размахивающего огненным мечом.

– Ни слова! Более ни слова! – обрушился князь на Такэи Сэкиана и Акэти Мицухидэ, вознамерившихся было поддержать Нобумори. – Неужели вас не охватывает гнев, когда вы видите все эти бесчинства, когда задумываетесь над тем, в какое расстройство пришли государственные дела? Монахи попирают Закон Будды, они подбивают людей на беспорядки, они крадут деньги и оружие, они распускают зловредные слухи! Выдавая себя за людей веры, они на самом деле являются не чем иным, как злостными подстрекателями, причем подстрекают народ из собственной корысти!

– Мы не против того, чтобы покарать их за эти преступления. Но нельзя же в один день преобразовать веру, которую ревностно чтит весь народ и которая освящена особым авторитетом, – сказал Нобумори.

– Что толку в здравом смысле! – взорвался Нобунага. – Здравый смысл, которого мы придерживаемся уже восемьсот лет, не дает изменить положение вещей, хотя все кругом не устают жаловаться, что духовенство погрязло в скверне и в корысти. Даже его величество император Сиракава некогда заявил, что на свете есть всего три не подвластные ему вещи, – игральные кости, воды реки Камо и монахи-воины с горы Хиэй. Вы говорите о покое и мире, но разве покой и мир исходили отсюда, с горы Хиэй, во все годы смуты? Или, может, здешние монахи призывали народ к порядку и разуму? – Нобунага резко взмахнул правой рукой. – На протяжении столетий, едва страну постигало какое-нибудь несчастье, монахи только и спешили сохранить или приумножить свои привилегии. На деньги, жертвованные простыми людьми на дела веры, они воздвигали каменные стены и железные ворота, подобающие не храму, а крепости, они покупали мушкетеры и копья. Монахи попирали свои собственные заветы, принимая в пищу мясо и предаваясь плотским утехам. Не буду уж упоминать о вырождении буддийской учености. Так велик ли грех сжечь источник этой заразы дотла?

Нобумори ответил:

– Все, что вы говорите, мой господин, совершенно справедливо, и все-таки нам придется отговорить вас от задуманного. Мы не намерены покидать этого места, пока не добьемся своего, даже ценою жизни.

Вслед за тем три военачальника простерлись ниц перед князем, ожидая его приговора.

Гора Хиэй представляла собой оплот секты Тэндай, в Хонгандзи укрепились приверженцы

секты Икко. Друг друга они презрительно называли «другою сектой», и только ненависть к Нобунаге заставила их сейчас объединиться. Главным источником неприятностей для Нобунаги были облаченные в монашеские одеяния обитатели горы Хиэй. Они плели нити заговоров с участием кланов Асаи и Асакура и самого сёгуна, поддерживали и возвращали к политической жизни уже поверженных противников Нобунаги, рассылали секретные послания с предложениями военных союзов или с просьбами о поддержке до самых провинций Этиго и Каи и даже раздували крестьянские волнения в самой Овари.

Три военачальника понимали, что, не разрушив слывущую неприступной буддийскую твердыню, войско Оды будет встречать ожесточенное сопротивление на каждом шагу и Нобунаге не удастся привести в исполнение свои грандиозные планы.

Едва встав лагерем у подножия горы, они получили от Нобунаги неслыханный приказ:

– Гору взять приступом, сжигая все на своем пути, начиная с храмов и пагод, сжечь главный храм, сжечь монастыри, сжечь все сутры и священные реликвии!

Одного этого было бы более чем достаточно, но Нобунага пошел и дальше:

– Не оставлять в живых и не давать уйти никому в монашеской одежде. Не делить их на мудрецов и глупцов, на знатных и рядовых монахов. Не щадить ни женщин, ни детей. И даже людей в мирском платье, нашедших на горе прибежище от пожара, следует рассматривать как разносчиков той же заразы. Сжечь здесь все и уничтожить всех, чтобы и в развалинах не осталось ни единой живой души!

Даже ракаса – кровожадные демоны-людоеды из буддийского ада – не додумались бы совершить такое. Военачальники, услышав приказ, впали в глубокое уныние.

– Не сошел ли он с ума? – пробормотал Такэи Сэкиан себе под нос, но так, что его слышали другие военачальники.

Только Сакума Нобумори, Такэи Сэкиан и Акэти Мицухидэ осмелились выразить несогласие самому Нобунаге.

Прежде чем предстать перед князем, они сетовали:

– Возможно, нам всем придется совершить сэппуку, поскольку мы выступаем против высокого распоряжения, но нельзя допустить, чтобы он предпринял этот ужасный огненный штурм.

Нобунага мог просто осадить и взять гору Хиэй. Но разве нужно готовить такую резню и огненную гибель всем ее обитателям? Тогда народ по всей стране отвернется от клана Ода. А врагам Нобунаги только того и надо. Они воспользуются этим несомненным злодеянием в своих целях, черня имя князя при каждой возможности. Он навлечет на себя дурную славу, какой не было ни у кого на протяжении многих столетий.

– Мы не собираемся участвовать в сражении, которое в конечном счете приведет к вашей гибели, – сказали Нобунаге три военачальника от имени всех собравшихся.

Остальные выразили им поддержку унылым молчанием.

Преисполненный решимостью Нобунага, однако же, даже не сделал вида, будто еще раз все хорошенько продумает и взвесит после отповеди военачальников. Наоборот, он, казалось, нашел в их словах новое подтверждение своим мыслям.

– Вы все вправе удалиться на покой. И не говорите мне больше ничего, – сказал он им. – Если вы отвергаете мой приказ, я найду того, кто сумеет его выполнить. А если и другие военачальники и простые воины тоже не согласятся помочь мне, я совершу задуманное в одиночку!

– Но для чего проявлять столь беспримерную жестокость? Мне кажется, искусный военачальник способен взять гору Хиэй не пролив ни единой капли крови, – все же возразил Нобумори.

– Хватит с меня вашего здравомыслия! Восемьсот лет пресловутого здравого смысла! Вот что в вас заговорило! Если мы не выжжем самые корни зла, оно даст новые побеги. Вас заботит эта гора, но мои помыслы простираются дальше. Выжечь ее – означает спасти истинную веру во всей стране. Если, истребив всех мужчин, женщин и детей на горе Хиэй, мне удастся открыть глаза заблудшим из других провинций, я буду считать свою задачу выполненной. Самый жаркий и самый глубинный ад меня не страшит, я о нем знать ничего не знаю и знать не хочу. Кто, кроме меня, сможет совершить благое дело? Сами Небеса поручили мне это.

Три военачальника, в полной мере признававшие исключительные способности Нобунаги и его непревзойденный полководческий талант, были поражены и оскорблены такими речами. Уж не бес ли вселился в их предводителя?

Такэи Сэкиан в свой черед взял слово:

– Нет, мой господин. Независимо от вашей воли, мы как ваши вассалы просто не имеем права отказаться от попытки разубедить вас. Вы не посмеете сжечь древние святыни.

– Достаточно! Заткнись! В сердце моем уже созрел императорский указ выжечь это место дотла. Я приказываю вам истребить здесь всех и вся, потому что так, по своей милости, повелевает мне сам преподобный Дэнгё. Неужели вы этого не понимаете?

– Нет, мой господин.

– Если не понимаете, то подите прочь! Только не путайтесь под ногами!

– Я не перестану возражать вам, пока вы не умертвите меня собственноручно.

– Ты уже проклят! Поди прочь!

– С какой стати? Вместо того чтобы издалека наблюдать за тем, как мой господин, впав в безумие, губит себя и весь наш клан, я попытаюсь воспрепятствовать этому собственной смертью. Вспомните только о множестве уроков, преподанных нам нашими предками. Никто из тех, кто сжигал буддийские храмы и пагоды, истреблял жрецов и монахов, добром не кончил.

– Я не таков, как они. Я вступаю в бой не ради собственной выгоды. В этом сражении я стремлюсь разрушить многовековое зло и создать новый мир. Не знаю, чьему зову я следую – богам, народа или самого времени, – но прекрасно осознаю, что действую во исполнение высшей воли. Вы все люди ограниченные – и в той же мере ограничено и ваше мировоззрение. Ваши вопли негодования свидетельствуют лишь о малодушии. Успехи и неудачи, о которых вы толкуете, это мои личные успехи и неудачи. Если же мне удастся, превратив гору Хиэй в огненный ад, защитить тем самым множество провинций и спасти бесчисленные человеческие жизни, это все равно сочтут героическим деянием.

Но Сэкиан не сдавался:

– Это сочтут демоническим злодеянием. Люди ждут от вас милосердия. Проявите чрезмерную жестокость – и люди от вас отвернутся, даже если вами движет столь великая любовь к ним.

– Если мы начнем задумываться о том, как отнесутся к нашим действиям, то вообще не сможем ничего предпринять. Герои древности боялись народного мнения и не покончили поэтому со злом, передав его последующим поколениям. Но я покажу вам, как можно покончить со злом раз и навсегда. Решившись на это, я должен, однако, пройти по избранному пути до конца, не останавливаясь ни перед чем. Без такой решимости нечего вообще братья за оружие и стремиться в бой.

Даже в бурю между огромными волнами случаются промежутки. Голос Нобунаги несколько смягчился. Но трое его приближенных сидели повесив головы в смертельной усталости от собственных бессильных протестов.

Хидэёси только что прибыл в лагерь, высадившись на берег около полудня. Когда он приблизился к княжескому шатру, спор был в самом разгаре, и он решил дождаться его

окончания снаружи шатра. А сейчас он наконец откинул полог и вошел, извиняясь за вторжение.

Все резко повернулись в его сторону. Во взгляде Нобунаги еще трепетала огненная ярость, тогда как лица трех военачальников, приготовившихся умереть, были смертельно белыми и ледяными.

– Я только что прибыл на корабле, – весьма кстати начал Хидэёси. – Озеро Бива осенью изумительно прекрасно, маленькие островки, как Тикубу, сплошь одеты красной листвой. Мне даже почудилось, будто я не спешу на войну, а совершаю увеселительную поездку, я даже стишки сочинил на борту. Жалкие, конечно. Но, может быть, после битвы я вам их прочту.

Войдя в шатер, Хидэёси принялся болтать на всякие отвлеченные темы. На его лице не наблюдалось и тени мрачного упорства, которое только что переполняло князя Нобунагу и троих его вассалов. Казалось, он пребывал в самом беззаботном настроении.

– А что здесь происходит? – осведомился Хидэёси, переводя взгляд с князя на военачальников; они же словно онемели.

Слова Хидэёси в таком положении казались дуновением свежего ветерка.

– Ах да, на подходе к шатру я слышал невольно обрывки вашего разговора. Поэтому вы так и примолкли? Целиком и полностью посвятившие себя заботам о князе, его вассалы решили умереть, лишь бы не подчиниться его приказу, а любящий своих вассалов милосердный князь вовсе не собирается их казнить. Да, мне понятно, в чем тут загвоздка. Можно сказать, что у обеих сторон есть сильные доводы как за, так и против.

Нобунага бросил на него быстрый взгляд:

– Хидэёси, ты прибыл как раз вовремя. Если ты слышал столь многое, значит, ты понял, что у меня на душе и о чем толкуют мне эти трое.

– Я понял это, мой господин.

– А ты подчинишься моему приказу? Тебе он не кажется ошибочным?

– Я еще над этим не задумывался. Хотя нет, погодите-ка. Этот приказ основан на письменном донесении, составленном мною и врученном вам некоторое время назад. Так мне кажется.

– Что такое? Когда это ты дал мне такой совет?

– Вы, должно быть, запомнили, мой господин. Кажется, это было весной. – И, повернувшись к военачальникам, Хидэёси продолжил: – Поверьте, я чуть не расплакался, стоя снаружи и слушая ваши искренние возражения. Вы истинные вассалы нашего князя, ничего не скажешь. И все же главной причиной, вызывающей у вас беспокойство, является, на мой взгляд, то обстоятельство, что если мы пройдем по горе Хиэй огнем и мечом, то вся страна наверняка ополчится против его светлости.

– Истинно так! Если мы совершим подобное злодеяние, – сказал Сэкиан, – и самураи, и простой народ отвернутся от нас. Наши враги воспользуются этим, а имя его светлости навсегда покроет позор.

– Но ведь это я посоветовал взять гору Хиэй и истребить на ней все живое, эта мысль принадлежит мне, а вовсе не князю. А раз так, значит, на меня и падет все проклятие и позор.

– Что за вздор! – воскликнул Нобумори. – Кому взбредет в голову обвинять вас? Что бы ни предприняло войско Оды, ответ за это будет держать главнокомандующий.

– Разумеется. Но разве вы все не состоите мне помочь? Разве мы вчетвером не можем объявить всему миру, что это мы в чрезмерном рвении зашли слишком далеко? Не зря же говорится, что истинная преданность заключается в том, чтобы принести славу своему господину, даже если самому придется ради этого умереть. Но я бы добавил: одной только смерти во имя господина недостаточно для истинно преданного вассала. Надо взять на себя все

бесчестье, кощунство, кару и многое другое, чтобы отвести это от головы нашего князя. Разве вы не согласны?

Нобунага молча выслушал его речь, не выказав ни согласия, ни возражения.

На слова Хидэёси первым отозвался Сэкиан:

– Хидэёси, я с вами совершенно согласен.

Он поглядел на Мицухидэ и Нобумори; у тех тоже не нашлось никаких возражений. И военачальники поклялись предать гору Хиэй огню и мечу, а позднее объявить о том, что они превысили полномочия, данные им Нобунагой.

– Замечательный замысел!

В голосе Сэкиана, принесшего свои поздравления Хидэёси, слышалось искреннее восхищение, но Нобунага отнюдь не казался обрадованным. Напротив, хмурым видом и молчанием он ясно дал понять, что не считает, будто Хидэёси заслуживает столь высокой похвалы.

Явное недовольство читалось и на лице Мицухидэ. Нет, он не мог в душе не признать всех достоинств предложения, сделанного Хидэёси, но вместе с тем чувствовал, что его преданность князю, продемонстрированная с такой беспримерной самоотверженностью, посрамлена этим выскочкой. Он взревновал. Умный человек, он, однако же, быстро устыдился своего тщеславия. Он поспешил осадить себя мыслью о том, что тому, кто готов пойти на смерть во имя князя, не подобают низкие чувства. Не подобают ни на мгновение.

Трех военачальников вполне удовлетворил план, предложенный Хидэёси, но Нобунага повел себя так, словно это предложение его не устроило. Одного за другим принялся он призывать в свой шатер полевых командиров.

– Нынешней ночью по звуку раковины мы пойдем на приступ. Это будет решительная атака, это будет бой до победного конца!

Он сам объявлял полевым командирам те же жесточайшие условия предстоящей битвы, о которых накануне поведал трем военачальникам. Как выяснилось, немало командиров придерживались того же мнения, что и Сэкиан, Мицухидэ и Нобумори, но поскольку те уже согласились с приказом, их подчиненные беспрекословно последовали их примеру.

Гонцы из ставки мчались на позиции передовых отрядов и передавали приказ полкам, разбившим лагерь у самого подножия горы.

Заходящее солнце озарило вечерние облака над Симэйгатакэ. Свет играл на поверхности озера радужными дорожками. Разгулялись волны.

– Поглядите-ка! – Поднявшись на вершину холма, Нобунага указал окружавшим его приближенным на тучи за горой Хиэй. – Нас благословляет само Небо! Начинается сильный ветер. Не может быть лучшей погоды для огненной атаки!

При этих словах сильный порыв холодного вечернего ветра прошелестел в одеждах собравшихся. Ветер усиливался. На холме с Нобунагой было всего пятеро или шестеро приближенных. В это время какой-то человек приблизился к полководческому шатру и заглянул внутрь.

Сэкиан прикрикнул на него:

– Чего тебе нужно? Его светлость вон там, на холме.

Самурай быстро вошел в шатер и опустился на колени.

– Мне не нужно докладывать его светлости. Здесь ли Хидэёси? – спросил он.

Когда Хидэёси, покинув группу военачальников, подошел к нему, самурай доложил:

– В лагерь только что прибыл человек, переодетый монахом. Он говорит, что он ваш вассал, что его зовут Ватанабэ Тэндзо и что он только что вернулся из Каи. Судя по всему, у него очень срочное донесение, потому я и поспешил сюда.

Хотя Нобунага находился на порядочном расстоянии, он внезапно повернулся в сторону Хидэёси:

– Хидэёси, человек, только что прибывший из Каи, твой вассал?

– Вы его, ваша светлость, по-моему, тоже знаете. Это Ватанабэ Тэндзо, племянник Хикоэмона.

– Тэндзо? Что ж, давай послушаем, нет ли у него каких-нибудь новостей. Позови его сюда, мне тоже хочется выслушать его донесение.

Тэндзо опустился на колени перед Хидэёси и Нобунагой и поведал им о разговоре, подслушанном в храме Эйрин.

Нобунага невесело хмыкнул. Известие говорило о серьезной угрозе с тыла. Складывалась ситуация не менее опасная, чем год назад, во время тогдашней попытки занять гору Хиэй. Более того, и взаимоотношения Нобунаги с кланом Такэда, и сопутствующие обстоятельства вокруг Нагасимы заметно ухудшились. Правда, в прошлом году большие армии Асаи и Асакуры объединились и отступили на гору Хиэй, а на этот раз он не дал им такой возможности, поэтому Нобунаге противостояло сейчас не столь многочисленное войско. Но удара в спину следует опасаться всегда.

– Мне представляется, что клан Такэда уже отправил послания на гору Хиэй, и здешние монахи, следовательно, рассчитывают на то, что мы и на этот раз уберемся несолоно хлебавши, – сказал Нобунага, отпуская Тэндзо. А вслед за этим радостно рассмеялся: – Эту помощь послало нам само Небо. Сейчас начнется бег наперегонки. Ухитрится ли войско Такэды перейти через горы и нажать на Овари и Мино, прежде чем войско Оды вернется домой после взятия горы и расправы над ее обитателями? Да еще занять по дороге столицу и Сэтцу? Нас поставили в отчаянное положение, но тем самым придали нам новые силы. А сейчас извольте все разойтись по своим местам.

Нобунага исчез в глубине шатра. Повсюду у подножия горы Хиэй в небо поднимались дымки – это готовили пищу в полевых кухнях. Вечером ветер заметно усилился. Колокол, обычно бивший в эти часы в храме Мии, на сей раз безмолвствовал.

С вершины холма донесся звук раковины, возвестивший о начале штурма, и воины встретили этот звук боевыми кличами. Начавшаяся вечером битва продлилась до рассвета. Воины Оды брали один за другим оборонительные рубежи монахов, представлявшие собой завалы на дорогах и тропах, ведущих к главному храму.

Черный дым стлался по низине, всю гору обьяло пламя. Снизу было хорошо видно, что повсюду по склонам в небо вздымаются огненные столбы. Даже воды озера казались багровыми. А самый неистовый из пожаров указывал место, где пламя охватило уже и главный храм. Горели семь пагод, большая школа, колокольня, книгохранилище, монастыри, амбары и все малые храмы. К утру на всей горе не осталось ни единого строения, которое пощадил бы огонь.

Военачальники Оды, осознавая, что они являются виновниками этого ужасного зрелища, подбадривали друг друга, вспоминая слова Нобунаги о том, что приказ продиктовали ему сами Небеса и разрушения благословил сам преподобный Дэнгё. Это придавало им уверенность, которая, в свою очередь, передавалась войску. Прокладывая себе дорогу в огне и в дыму, воины в точности выполняли предписанное Нобунагой. Восемь тысяч монахов-воинов нашли смерть в этом ужасающем земном воплощении буддийского ада. Многие монахи пытались спастись бегством, они спускались в долину, прятались в пещерах, взбирались на деревья, но их находили и убивали. Их истребляли, как зловредных насекомых на рисовом поле.

Ближе к полуночи сам Нобунага отправился на гору воочию убедиться в том, что его железная воля исполнена. Монахи с горы Хиэй жестоко просчитались. Попав в осаду, они продолжали оказывать сопротивление и проявлять твердое упорство, рассчитывая тем самым

внушить противнику, будто они обладают большей мощью, чем на самом деле. Они надеялись дожидаться, когда войско Оды и на этот раз снимет осаду, чтобы затем обрушиться на него сзади. Они не испытывали особого страха за свою судьбу, потому что постоянно получали обнадеживающие письма из находящегося совсем неподалеку Киото – от самого сёгуна.

Для монахов-воинов и их последователей во всех уголках страны гора Хиэй олицетворяла силы, противостоящие Нобунаге. Но истинным зачинщиком смуты, беспрестанно отправлявшим обозы продовольствия и оружия на гору Хиэй и подстрекавшим монахов к новым выступлениям, был, разумеется, сёгун Ёсиаки.

– Сингэн выступает!

Такое донесение из Каи сильно порадовало сёгуна. Он твердо поверил обещанию и, в свою очередь, передал его на гору Хиэй.

Поэтому монахи-воины ждали, что войско Сингэна ударит Нобунаге в спину. И, как только это произойдет, Нобунага, точь-в-точь как год назад, будет вынужден отступить. Но, живя в отрыве от внешнего мира на протяжении восьми столетий, обитатели горы Хиэй не могли в полной мере осознать, какие серьезные перемены произошли в стране за последние годы.

Итак, не прошло и ночи, как гора превратилась в огненный ад. С роковым запозданием, уже около полуночи, когда пламя бушевало повсюду, представители монашеского руководства, охваченные страхом и отчаянием, направили в ставку Нобунаги депутацию с просьбой о мире.

– Мы заплатим любую контрибуцию и согласимся на все условия, которые ему вздумается выставить.

Нобунага, однако же, только усмехнулся и сказал соратникам, словно спуская соколов на дичь:

– Нет никакой нужды давать им ответ. Просто убейте их на месте.

И все же монахи еще раз отправили к нему посланцев, и те сумели со своими мольбами пробиться к самому Нобунаге. Но он отвернулся и велел их казнить.

Настало утро. Гора Хиэй покрылась дымом и пеплом, деревья обуглились, повсюду лежали закоченевшие трупы в позах, в которых их настигла смерть.

«А ведь нынче ночью наверняка погибло множество ученых мужей, мудрецов и талантливых юношей», – подумал Мицухидэ, бившийся с противником в первых рядах. Он был мрачен этим дымным утром, то и дело подносил руку ко лбу, в груди горестно щемило.

И в это же утро он получил от Нобунаги новое высокое назначение.

– Я назначаю тебя наместником Сиги. Отныне тебе надлежит жить в крепости Сакамото у подножия горы.

Через два дня Нобунага покинул гору и вступил в Киото. А над горой по-прежнему стоял черный дым. Очевидно, какой-то части монахов-воинов удалось бежать и найти пристанище в Киото, и они говорили сейчас о князе как о существе воплощении самого Зла.

– Он предводитель демонов!

– Он исчадие ада!

– Безжалостный разрушитель!

Жителям столицы во всех ужасных подробностях расписали происшедшее той роковой ночью и плачевное зрелище, которое теперь являет собой гора Хиэй. И, услышав о том, что Нобунага намерен спуститься с горы и вступить в столицу, жители Киото оцепенели от страха. Сразу же пошли всевозможные разговоры и слухи:

– Теперь настал черед Киото!

– Дворцу сёгуна не выдержать огня.

Люди даже днем запирали дома на все засовы, собирали вещи, готовясь при первой опасности пуститься в бегство. Однако Нобунага велел войску разбить лагерь на берегу реки

Камо и запретил воином появляться в столице. Этот приказ отдал тот же самый человек, нет, демон, который перед тем предал огню и мечу священную гору Хиэй! В сопровождении небольшой свиты он отправился в храм. Сняв доспехи и пообедав, он облачился в изысканное кимоно, какие носили при императорском дворе, надел шляпу и вышел на улицу.

По городу Нобунага ехал на породистой лошади, сидя в убранном драгоценными камнями седле. Его свита, состоящая из военачальников, однако же, оставалась при оружии и в доспехах. Человек пятнадцать или шестнадцать, они как ни в чем не бывало ехали по столичным улицам. Предводитель демонов явно пребывал в превосходном настроении и улыбался встречным. Жители города при его появлении падали ниц на обочине. Ничего ужасающего не происходило. Понемногу стали звучать приветственные возгласы, и вскоре по всему городу мощной волной прокатилось ликование.

И вдруг из приветствующей князя Оду толпы грянул ружейный выстрел. Пуля оцарапала Нобунагу, однако он и виду не подал, будто разгневан или напуган, а только посмотрел в ту сторону, откуда стреляли. Приближенные, конечно, сразу же спешили и бросились в толпу ловить злоумышленника. Но гнев горожан оказался даже сильнее гнева военных. «Держи его!» – в ярости кричали жители Киото. Злодей, явно надеявшийся на поддержку горожан, просчитался, и сейчас ему некуда было скрыться. Это был монах-воин, по слухам, один из самых отважных, и, даже представ перед Нобунагой, он не утратил самообладания и твердости духа:

– Ты враг Будды! Ты предводитель демонов!

Но и Нобунага проявил редкую выдержку. Он, как и намечал заранее, приехал во дворец, спешился, помыл руки, спокойно вошел внутрь и опустился на колени.

– Должно быть, ваше величество потрясены тем чудовищным пламенем, которое бушевало на горе Хиэй две ночи назад. Надеюсь, вы простите меня за доставленное волнение.

Он стоял на коленях так долго, что могло показаться, будто он и впрямь сокрушается о происшедшем. Наконец он поднял взор на новые ворота и стены дворца и удовлетворенно оглядел окружавших его военачальников.

Приказ князя Оды Нобунаги,

Главнокомандующего

1. Запрещается произвольная перемена места жительства.
2. Распространение ложных слухов и ошибочных сведений карается смертью на месте.
3. В остальном все остается как было.

Издав этот указ и распорядившись о том, чтобы он был доведен до сведения каждого жителя столицы, Нобунага вернулся в Гифу. Перед отъездом он не попрощался с сёгуном, который в последнее время всецело озабочен закупкой оружия, углублением рвов и подготовкой к отражению огненного штурма. Сёгун и его приближенные с облегчением узнали об отъезде Нобунаги, и все же тревога не покидала их.

Врата без ворот

Пламя войны бушевало не только над горой Хиэй, но ширилось, как лесной пожар, едва ли не по всей стране. Поднявшись на западных окраинах Микавы, оно охватило селения вдоль реки Тэнрю до самой границы с Мино. Войско Такэды Сингэна перешло горы Каи и устремилось на юг.

Члены клана Токугава, прозвавшие своего врага Длинноногим Сингэном, поклялись не допустить его в столицу. И дело было не в их союзе с кланом Ода. Каи граничила с провинциями Микава и Тотоми, и если бы силам Такэды удалось прорваться, это повлекло бы уничтожение клана Токугава.

Иэясу был тридцать один год – начальная пора расцвета мужской зрелости. За последние двадцать лет на долю его приверженцев выпало немало трудностей и лишений. Но с тех пор как Иэясу стал зрелым мужем, он вступил в союз с кланом Ода и начал мало-помалу расширять собственные владения.

Среди населения подвластной Иэясу провинции царило столь сильное стремление к процветанию и дальнейшим захватам, что предстоящие нелегкие испытания воодушевляли даже достигших уже преклонного возраста вассалов, самураев, земледельцев и горожан.

Микава едва ли могла сравниться с Каи численностью войска и качеством оружия, но не чувствовала себя при этом обреченной на поражение. Воины Токугавы не зря прозвали Сингэна Длинноногим. Эту кличку впервые употребил Нобунага в письме к Иэясу, а тот пустил ее гулять среди своих сторонников. Намек был весьма уместен, потому что если вчера Сингэн сражался на северной границе Каи с войсками клана Уэсуги, то уже сегодня он оказывался, например, в Кодзукэ или Сагами, угрожая оттуда клану Ходзё. Или же, внезапно изменив направление удара, разжигал пламя войны в Микаве и в Мино.

Более того, он спешил лично принять участие в каждом сражении. Поговаривали даже, что на поле боя вместо него появляются двойники; истина, однако же, заключалась в том, что победа не доставляла ему никакой радости, если он не мог внести в нее свою лепту наравне с простыми воинами. Но если Сингэна можно было назвать Длинноногим, то Нобунаге более подходило определение «крылатый».

Нобунага написал Иэясу:

«В настоящее время лучше воздержаться от решительного сражения с войском Каи. Даже если обстоятельства вынудят вас временно перебраться из Хамамацу в Окадзаки, надеюсь, вы сохраните выдержку. Нужно дожидаться, пока не пробьет наш час, и этот час, поверьте, уже не за горами».

Нобунага отправил это послание Иэясу еще до того, как взял приступом гору Хиэй. Но Иэясу в присутствии гонца Оды обратился к своим приближенным со следующими словами:

– Прежде чем покинуть крепость Хамамацу, нам всем следовало бы сломать наши луки и выйти из самурайского сословия!

Для Нобунаги провинция, находившаяся под властью Иэясу, была всего лишь одним из оборонительных рубежей, но для князя Микавы она была родиной. Именно здесь, а не где-то еще намеревался Иэясу умереть и обрести могилу. Услышав от гонца, как воспринял его совет Иэясу, Нобунага пробормотал что-то насчет чрезмерной гордости и, едва управившись с монахами-воинами, поспешил вернуться в Гифу. Подобная стремительность могла бы

обескуражить и самого Сингэна, который столько времени дожидался благоприятной возможности для выступления.

Сингэн всегда утверждал, что опоздание на день может обернуться потерей целого года, а сейчас ему и впрямь следовало поторапливаться, чтобы во исполнение своего давнишнего желания взять столицу. Именно с этой целью он предпринял в последнее время все свои дипломатические ходы. Но хотя дружба с кланом Ходзё казалась отныне нерушимой, переговоры с кланом Уэсуги по-прежнему не принесли мало-мальски удовлетворительных результатов. Поэтому он был вынужден оставаться в Каи до начала десятого месяца.

Скоро снег завалит все проходы в горах на границах с Этиго, а значит, отпадет опасность внезапного удара со стороны Уэсуги Кэнсина. Войско Сингэна насчитывало примерно тридцать тысяч человек из всех подвластных ему земель, в число которых входили Каи, Синано, Суруга, северная часть Тотоми, восточная Микава, западный Кодзукэ, часть Хиды и южная часть Эттю. В общей сложности со всей этой земли можно было собрать миллион триста тысяч коку риса.

– Лучше нам придерживаться сугубо оборонительной тактики, – сказал один из военачальников Иэясу.

– По крайней мере, пока господин Нобунага не пришлет подкреплений.

Многие из обитателей крепости Хамамацу высказывались в пользу подобного образа действий или, вернее, бездействия. Совокупная мощь клана Токугава – даже если бы удалось поставить в строй всех самураев провинции – составляла всего четырнадцать тысяч человек – менее половины того, что было у клана Такэда. И все же Иэясу распорядился привести войско в полную боевую готовность.

– Вот еще! С какой стати нам дожидаться помощи от князя Нобунаги!

Большинство его вассалов были убеждены в том, что войско Оды, причем большое войско, непременно придет не сегодня-завтра на подмогу из естественного чувства долга или хотя бы из благодарности за помощь, оказанную кланом Токугава в сражении на реке Анэ. Иэясу, однако же, вел себя так, словно никаких подкреплений ждать не следовало. Сейчас, полагал он, именно сейчас ему и надлежало выяснить на деле, способны ли его воины стоять насмерть, не уповая ни на что, кроме собственных сил.

– Если и отступление и наступление означают гибель нашего клана, то не лучше ли вступить в отчаянную схватку с врагом, стяжать воинскую славу и погибнуть смертью героев?

Именно с таким вопросом Иэясу хладнокровно обратился к своим вассалам.

Еще юношей Иэясу испытал всевозможные опасности и лишения, и сейчас, в зрелости, его не могли устрашить никакие испытания. В эти дни, когда враг стоял на пороге Микавы, крепость Хамамацу напоминала котел, в котором кипела ярость, но сам Иэясу, ратуя за отчаянное сопротивление, оставался все так же сдержан и рассудителен, как всегда. Это еще больше сбивало с толку его приверженцев, ощущавших разительное противоречие между его словами и своими тревогами. Иэясу же стремился вступить в решительное сражение с Сингэном тем настойчивей, чем неутешительней становились донесения из разных точек провинции.

Сингэн одерживал победы одну за другой, словно один за другим выламывая зубья из гребня. Вот он вошел в Тотоми. Положение сложилось так, что защитникам крепостей Тадаки и Иида оставалось лишь сдаться. Деревни Фукурои, Какэгава и Кихара были буквально растоптаны наступающим войском Каи. Хуже того, трехтысячному передовому войску Токугавы под началом у Хонды, Окубо и Найто пришлось вступить в схватку с Сингэном неподалеку от реки Тэнрю. Воинов Токугавы изрядно потрепали и заставили отступить в Хамамацу.

Последнее известие было особенно обескураживающим. На лицах защитников крепости проступила чуть ли не смертельная бледность. Но Иэясу продолжал готовиться к решительному

сражению. С особым вниманием отнесся он к укреплению застав и защите крепостей на развилках дорог, обеспечивая оборону всей местности вокруг Хамамацу. Этим он занимался до конца десятого месяца. А в крепость Футамата на реке Тэнрю он отправил подкрепления и обоз с вооружением и провиантом.

Войско выступило из крепости Хамамацу, дошло до деревни Каммаси на берегу Тэнрю, и здесь Иэясу обнаружил лагерь Каи, в котором все позиции были связаны со ставкой Сингэна, как спицы со ступицей колеса.

– Все в точности так, как мы и ожидали.

Когда Иэясу поднялся на вершину холма и, сложив руки на груди, осмотрелся вокруг, даже ему не удалось сдержать восхищенного вздоха. И на таком удалении можно было разглядеть знамена, реющие над ставкой Сингэна. С более близкого расстояния читались начертанные на них иероглифы. Это были строки знаменитого Сунь-Цзы, хорошо известные и своим, и чужим.

Быстрый, как ветер,
Тихий, как лес,
Жгучий, как пламя,
Недвижимый, как горы.

Недвижимые, как горы, ни Сингэн, ни Иэясу ничего не предпринимали на протяжении нескольких дней. Враждующие войска разделяла сейчас только река Тэнрю. Настал одиннадцатый месяц, и с ним пришла зима.

Высок Иэясу,
Но есть две вещи выше –
Его рогатый шлем
И Хонда Хэйхатино.

Кто-то из воинов Такэды вывесил лоскут с этими строками на вершине холма Хитокотодзака. Здесь войско Иэясу потерпело поражение и понесло серьезные потери – по крайней мере, так полагали военачальники Такэды, опьяненные своей победой. Но из этого стихотворения следовало, что в клане Токугава есть достойные воины, и Хонда Хэйхатино, организовавший отступление, заслужил восхищение даже у неприятеля.

Воины Такэды понимали, что Иэясу является достойным противником. В предстоящем сражении вся мощь клана Такэда столкнется со всей мощью клана Токугава, и исход этого сражения предопределит исход всей войны.

Ожидание решающей схватки только поднимало боевой дух войска Каи – так уж были устроены эти люди. Сингэн перенес ставку в Эдаидзиму и велел своему сыну Кацуёри и военачальнику Анаяме Байсэцу осадить крепость Футамата, не слишком затягивая с ее штурмом.

В ответ Иэясу незамедлительно направил туда подкрепления, объявив своим соратникам:

– Крепость Футамата – важный оборонительный рубеж. Если враг захватит ее, у него появится удобный плацдарм для решительного наступления.

Иэясу лично проследил за тем, чтобы все его распоряжения были выполнены, однако чуткое к любым переменам в диспозиции войско Такэды еще раз перестроило боевые порядки и принялось давить со всех сторон. Уже казалось, что Иэясу, покинув свою крепость, предпринял

ошибочный шаг и его вот-вот отрежут от нее окончательно.

Врагу удалось перекрыть водоснабжение крепости Футамата, являвшееся наиболее слабым звеном в ее обороне. Одна из стен крепости выходила на реку Тэнрю, и необходимую воду черпали оттуда ведром, которое спускали на веревке с башни. Чтобы положить этому конец, Такэда пригнал плоты к подножию башни и осадил ее со стороны реки. С этого дня защитники крепости были обречены на жажду, хотя вода текла у них прямо под боком.

К вечеру девятнадцатого числа гарнизон крепости капитулировал. Услышав об этом, Сингэн отдал быстрые и точные распоряжения:

– Нобумори входит в крепость. Сано, Тоёда и Ивата захватывают дороги и отрезают врагу путь к отступлению.

Подобно мастеру игры в го, Сингэн постоянно заново продумывал расположение фигур на доске. Под торжествующий бой барабанов двадцатисемитысячное войско Каи продвигалось неторопливо, но уверенно, как катятся по небу черные тучи. В очередной раз перестроившись, главные силы войска под началом Сингэна пересекли долину Иидани и начали вторжение в восточную Микаву.

В полдень двадцать первого числа мороз кусал нос и уши. Багровая пыль поднималась в небо над Микатагахарой, словно смеясь над бессильным зимним солнцем. Уже несколько дней не было ни дождя, ни снега, установилась очень сухая погода.

– Вперед, на Иидани!

Таков был приказ. Но у военачальников Такэды он вызвал споры.

– Если мы идем на Иидани, значит, Сингэн решил взять в осаду крепость Хамамацу. Но разве это верное решение?

Похоже, что в Хамамацу прибывало подкрепление от клана Ода, но никто толком не знал, насколько многочисленное. Такие донесения разведки поступали с самого утра. Действительно, можно было теснить врага сколько угодно, так и не выяснив, какова же на самом деле его сила. Лазутчики докладывали одно и то же: должно быть, в слухах, гуляющих по придорожным деревьям, есть какая-то доля истины и большое войско Оды в самом деле двигалось на помощь Иэасу. Хотя и трудно было проверить, не запущены ли эти слухи врагом.

Военачальники Сингэна обменивались мнениями по поводу возможного развития событий. Делились они своими опасениями и с князем.

– Вам, мой господин, следует быть заранее готовым к тому, что Нобунага с большим войском подойдет к Хамамацу на поддержку тамошнего гарнизона.

– Если осада крепости Хамамацу продлится до нового года, то нашему войску придется зазимовать в открытом поле. Враг примется внезапными атаками уничтожать обозы с провиантом, наши собственные припасы скоро кончатся, в лагере начнется голод. В этом случае воинам придется очень тяжело.

– Не исключено также, что враг сумеет отрезать нам дорогу к отступлению.

– А если к уже прибывшим войскам Оды подоспеют новые подкрепления, то мы окажемся в ловушке на узкой полоске вражеской земли – и выбраться отсюда будет крайне непросто. Если дело обернется так, мечты вашей светлости о победоносном марше на Киото не сбудутся, а нам придется с великими потерями пробиваться к себе на родину. Поскольку сейчас наше войско в полном порядке, не лучше ли осуществить ваш изначальный замысел и сразу пойти на столицу, вместо того чтобы осаждать и брать приступом Хамамацу?

Сингэн восседал на походном стуле, окруженный своими военачальниками. Его глаза сузились в щелки. В ответ на каждое высказанное мнение он только кивал, а потом, выслушав всех, положил конец дальнейшим спорам:

– Все ваши доводы в высшей степени исполнены здравого смысла. Но я уверен, что

подкрепление Оды не превышает трех-четырёх тысяч воинов. Если Ода осмелится послать сюда большую армию, то Асаи и Асакура, связь с которыми я постоянно поддерживаю, немедленно ударят по ним с тыла. Более того, сам сёгун обратится к монахам-воинам и их сторонникам с призывом выступить против Нобунаги. Так что нам нечего бояться Оды. – На мгновение он умолк, а затем продолжил свою речь: – Взятие Киото всегда являлось моим заветным желанием. Но если мы сейчас, не трогая Иэясу, пройдем мимо и обрушимся на Гифу, то он, связанный союзом и клятвой с Нобунагой, непременно нападет на нас сзади. Так не лучше ли сначала сокрушить Иэясу в крепости Хамамацу, не дожидаясь, пока Ода сможет прислать ему на выручку достаточные силы?

Военачальникам оставалось лишь смириться с этим решением не только потому, что Сингэн был их князем, но и потому, что они верили в его превосходство в искусстве военной стратегии.

И вот они разъехались по своим полкам. Один из них, Ямагата Масакагэ, любясь холодным бледным зимним солнцем, поневоле думал: «Конечно, Сингэн – прирожденный воин и непревзойденный полководец, но на этот раз...»

Ночью с двадцать первого на двадцать второе в крепость Хамамацу пришло донесение о внезапном изменении маршрута армии Каи. Лишь три тысячи воинов под командованием Такигавы Кадзумасу и Сакумы Нобумори прибыли к этому времени в крепость от Нобунаги.

– Курам на смех такое войско, – сказал один из соратников Токугавы с явным разочарованием, хотя Иэясу, напротив, ничуть не казался обескураженным.

Начался военный совет. По мере поступления все новых и новых донесений многие военачальники Токугавы и командиры Оды все настойчивее предлагали временно отступить в Окадзаки.

Только Иэясу непреклонно стремился к тому, на что уже решился, – к битве.

– Враг вторгся на нашу землю, попрам ее, а мы безропотно отступим, не выпустив в него ни единой стрелы? Ни за что!

К северу от Хамамацу располагалось высокое плато длиной в три ри и шириной в два. Оно называлось Микатагахара.

На рассвете двадцать второго войско Иэясу вышло из Хамамацу и заняло позиции в северной части плато. Армия Токугавы и Оды ждали появления войска Такэды.

Взошло солнце, но небо сразу же покрылось облаками. Над сухой каменистой возвышенностью мирно пролетела одинокая птица. А внизу, словно тени птиц, то и дело сновали в сухой траве лазутчики из обеих войск. Этим утром войско Сингэна переправилось через Тэнрю и поднялось на плато. Чуть за полдень оно дошло до Саигадани.

По всему войску прокатился приказ остановиться. Оямада Нобусигэ и другие военачальники подъехали к Сингэну, чтобы вместе с ним тщательно изучить расположение вражеской армии, с которой им уже вскоре предстояло столкнуться лоб в лоб. После недолгого размышления Сингэн оставил один полк про запас в Саигадани, а остальное войско продолжило, как и было задумано, движение по Микатагахаре.

По пути находилась деревня Иваибэ. Передовой отряд войска уже вошел в нее. Более чем двадцатитысячное войско растянулось такой длинной колонной, что из головы ее нельзя было увидеть хвоста, даже привстав на стременах.

Сингэн, однако же, оглянулся и сказал окружавшим его соратникам:

– Что-то происходит у нас в арьергарде!

Все принялись вглядываться в даль, застланную желтой пылью. Судя по всему, арьергард подвергся вражеской атаке.

– Наших, должно быть, окружили!

– А их там всего две или три тысячи! В окружении их всех уничтожат!

Лошади, пригнув головы, стремились подальше от того места, откуда доносился тревожный шум. Но военачальники не могли не волноваться за своих соратников. Крепко вцепившись в поводья, они беспокойно переглядывались. Сингэн молчал. Произошло то, чего они и опасались, их товарищей окружили и убивали одного за другим, в сущности, у них на глазах, только вдали от них, за густой завесой пыли.

Наверняка у многих оставались в арьергарде сыновья, отцы или братья. И не только у вассалов и военачальников, окружавших Сингэна. Продолжая марш, все воины, до последнего пехотинца, постоянно оглядывались назад, туда, где происходила битва.

Проскакав вдоль колонны, к Сингэну подъехал Оямада Нобусигэ. Голос его звучал крайне возбужденно и был слышен многим. Он говорил не слезая с коня:

– Мой господин. Никогда нам больше не предоставится такого случая – вырезать сразу десять тысяч вражеских воинов. Я только что говорил с лазутчиками, которым удалось сосчитать войско, обрушившееся на наш арьергард. Их отряды выстроены перевернутым клином. На первый взгляд огромная армия, но уже во втором ряду воинов намного меньше, а в третьем – еще меньше, а центр у Иэясу и вовсе состоит из нескольких десятков человек. Вдобавок ко всему в отрядах нет никакого порядка, и ясно, что воинам Оды неохота воевать за Токугаву. Если, мой господин, вы воспользуетесь этим случаем и обрушитесь на них, победа наверняка останется за нами.

Выслушав это, Сингэн еще раз посмотрел назад, а затем приказал нескольким лазутчикам проверить донесение Нобусигэ.

По его голосу Нобусигэ понял, что отъезжать от князя теперь не стоит, и придержал коня.

Лазутчики ринулись исполнять приказ. Было известно, что вражеское войско куда малочисленней, чем у Такэды, и хотя Нобусигэ не мог не оценить осторожности Сингэна, не решившегося развернуть армию без подтверждения полученных сведений, ему самому не терпелось ввязаться в схватку – как и его коню, не понимающему, почему это вдруг его вынудили остановиться.

Удача на войне молниеносно приходит и исчезает столь же молниеносно.

Лазутчики вернулись с докладом.

– Наши наблюдения полностью совпадают со всем, что доложил Оямада Нобусигэ. Такую благоприятную возможность послало нам само Небо!

И вот загредел голос Сингэна. Он раздавал команды направо и налево, белое перо на его шлеме колыхалось. Запела сигнальная раковина. Двадцать тысяч воинов внимали ее звуку, покотившемуся от первых до последних рядов. Земля задрожала, когда воинский строй начал разворачиваться в обратном направлении. На какое-то время войско будто бы пришло в полный беспорядок, но вот оно уже перестроилось «рыбой» и под барабанный бой устремилось навстречу войску Токугавы.

Иэясу с невольным восторгом наблюдал, как стремительно движется войско Сингэна и как точно оно выполняет приказы своего полководца.

– Если мне суждено дожить до его лет, – сказал он, – хотел бы я хоть раз получить под начало такое большое войско и распорядиться им с тем же искусством. Я не могу желать смерти такому прекрасному военачальнику, и даже предложи кто-нибудь сию минуту отравить его, мне бы это было не в радость.

Полководческое искусство Сингэна воистину потрясло его противников. Сражения служили подмостками, на которых проявлялся его редкостный дар. Его многоопытные военачальники и отважные воины украшали своих коней, оружие и знамена, чтобы с честью перейти в иной мир. Сингэн словно разом спустил с руки стаю в десятки тысяч охотничьих

СОКОЛОВ.

Не останавливаясь ни на мгновение, армия Такэды сблизилась с противником настолько, что уже можно было разглядеть лица вражеских воинов. Войско Токугавы развернулось, как огромное колесо, и встало перед неприятелем живой человеческой стеной.

Пыль, которую подняли оба войска, застила небеса. Только острия копий блестели в наступившей мгле под лучами закатного солнца. Полки копьеносцев из Каи и из Микавы вышли на передовую и встали лицом друг к другу. Стоило одному полку разразиться боевым кличем, как противник эхом вторил ему. Когда тучи пыли осели, воины смогли наконец разглядеть друг друга, но расстояние между противниками оставалось еще значительным. Никто не выходил из строя, ощерившегося рядами копий.

В такие мгновения даже самые отважные воины не могут не испытывать страха. Человек не лишается воли: дрожь бьет его лишь потому, что он прощается с обычной жизнью и начинает жить по законам битвы. Но этих секунд хватает, чтобы волосы встали дыбом.

Для провинции в состоянии войны жизнь воина ничем не ценнее жизни крестьянина или мастера: в случае поражения погибают все. И те, кто существуют сами по себе, не заботясь о судьбах родины, ничтожны, как грязь, которая прилипает к телу, их гибель для страны ничуть не больше, чем для человека утрата одной-единственной ресницы.

Но встреча с врагом лицом к лицу всегда ужасна. Небо и земля темнеют даже в полдень, ты не видишь того, что разворачивается прямо перед глазами, не можешь ни рвануться вперед, ни податься назад, ты словно бы зачарован сплошной линией еще неокровавленных наконечников копий.

И тому, у кого хватало мужества в такие мгновения первым выйти из строя соратников, присваивали звание Первого Копья. Удостоенный звания Первого Копья вызывал восхищение у тысяч воинов из обоих лагерей. Но сделать этот первый шаг было невероятно тяжело.

И вот один из воинов решился шагнуть вперед.

– Като Куродзи из клана Токугава – Первое Копье! – выкрикнул кто-то из самураев.

Облаченный в простые доспехи, Като был самый обыкновенный самурай из клана Токугава, до сих пор никому не известный.

Из рядов Токугавы выступил второй самурай.

– Младший брат Куродзи, Гэндзиро – Второе Копье!

А старший уже ввязался в схватку и скрылся в гуще боя.

– Я Второе Копье! Я младший брат Като Куродзи! Эй вы, презренные насекомые, берегитесь!

Гэндзиро несколько раз ударил копьем в живую стену вражеского войска.

Воин из клана Такэда вышел навстречу ему, осыпал его оскорблениями и ударил копьем. Гэндзиро упал, но успел ухватиться за вражеское копье, скользнувшее по нагрудному панцирю, и с проклятиями вскочил на ноги.

К этому времени и другие воины Токугавы поспешили ему на помощь, но и копьеносцы Такэды в свою очередь ринулись в бой – словно схлестнулись две волны, несущие в белой пене кровь, оружие и доспехи. Поверженный наземь, затоптанный своими же товарищами и конскими копытами, Гэндзиро воззвал к брату. Не переставая кричать, он поднялся на четвереньки, ухитрился схватить какого-то воина Такэды за ноги и повалить его рядом с собой. Мгновенно оседлав противника, он отрубил ему голову и отшвырнул ее прочь. После этого его уже никто не видел.

Началась сумятица рукопашной. И только правый фланг Токугавы и левый фланг Такэды, сражаясь друг против друга, еще поддерживали какое-то подобие воинского строя.

Битва шла по довольно широкому фронту. Пыль тучами вздымалась к небу, отовсюду

слышались барабанный бой и пение раковины. Войско Сингэна, по всей видимости, находилось в арьергарде. Ни одна из сторон не имела возможности ввести в бой стрелков, поэтому Сингэн послал на переднюю линию «мидзумата» – легковооруженных самураев с пращами. Пущенные ими камни градом посыпались на голову противника. Пращникам противостоял полк под началом Сакаи Тадацугу, а у него за спиной стояли воины из клана Ода. Тадацугу, сидя верхом, сердито щелкал языком.

Камни, обрушившиеся на полк со стороны Такэды, задели коня Тадацугу, и тот шарахнулся в сторону. Вслед за ним кони других всадников, дожидавшихся своего часа за спиной у копьеносцев, пришли в неистовство и смешали строй.

Копьеносцы ждали от Тадацугу приказа наступать, он же сдерживал их, крича хриплым голосом:

– Не пора! Еще не пора! Ждите моей команды!

Пращники Такэды расчищали путь для генерального наступления. Убойная сила камней «мидзумата» была не слишком велика, но им в спину дышали тяжеловооруженные воины, дожидаясь своей минуты. Здесь реяли знамена полков Ямагаты, Найто и Оямады, выделявшихся своей доблестью даже в бесстрашных рядах войска Каи.

«Кажется, они хотят принудить нас к непродуманным действиям этой „щекоткой“, – подумал о пращниках Тадацугу. Но хотя он разгадал вражеский замысел, левый фланг Токугавы уже ввязался в рукопашную, оголив вторую линию, составленную из воинов Оды. Тадацугу к тому же не знал, как оценивает происходящее Иэясу со своей позиции в центре войска.

– Вперед! – закричал Тадацугу, разинув рот так, что едва не порвал завязки шлема.

Он прекрасно осознавал, что, скорее всего, попадается во вражескую ловушку, но с самого начала сражения не имел возможности навязать свою инициативу. В это мгновение и предопределилось поражение Токугавы и его союзников.

Град камней мгновенно стих. И сразу же семьсот или восемьсот пращников кинулись в стороны и залегли наземь.

– Мы пропали! – вырвалось у Тадацугу.

К тому времени, как он разглядел вторую линию врага, предпринимать что-нибудь было уже слишком поздно. За пращниками и кавалерией Такэды обнаружилась главная угроза: стрелки. Они лежали в высокой траве, держа наготове свое смертоносное оружие.

Сотни ружейных выстрелов слились в мощный залп, и над травой поплыло низкое облако дыма. Огонь вели с низкой позиции, поэтому многие из наступающих воинов Сакаи получили ранения в ноги. Испуганные кони вставали на дыбы, и пули попадали им в брюхо. Командиры спешили соскочить с коней, пока те не рухнули наземь, и вместе с рядовыми воинами бестолково металась над трупами павших соратников.

– Назад! – скомандовал командир стрелков Такэды.

Те немедленно отпрянули. Остаться на месте – означало пасть под напором набегających копьеносцев Оды. Соблюдая строгий строй, кавалерия Ямагаты, гордость всего войска Каи, торжественно и неторопливо поскакала на врага. Вслед пошло пешее войско Обаты. За несколько минут полк Сакаи Тадацугу был разбит.

Победные кличи огласили стан Такэды. А тут еще остававшийся до сих пор в засаде полк Оямады внезапно зашел во фланг силам Оды и обрушился на них. В мгновение ока большая армия Такэды словно сковала железным обручем войско Токугавы.

Иэясу с холма наблюдал за тем, что творилось на поле брани.

«Мы погибли, – признался он самому себе. – Мы погибли, теперь это неизбежно».

Предусмотрительный Тории Тадахиро, один из именитых военачальников Токугавы, предостерегал своего князя от наступления и советовал ему ограничиться ночными налетами на

вражеские биваки. Но Сингэн, воистину искусный полководец, сознательно оставил для Токугавы приманку в виде малочисленного арьергарда, и Иэясу попался в эту ловушку.

– Нам нельзя оставаться здесь. Необходимо вернуться в Хамамацу, и сейчас же, – поспешил посоветовать Тадахиро. – Чем скорее это произойдет, тем лучше.

Иэясу на это ничего не ответил.

– Мой господин! Я прошу вас, мой господин! – Тадахиро не унимался.

Но Иэясу даже не глядел на него. Солнце уже садилось, и белый вечерний туман постепенно сменялся крошечной тьмой на всем пространстве Микатагахары. Подгоняемые холодным зимним ветром, один за другим прибывали гонцы, но все донесения были неутешительны.

– Сакума Нобумори из клана Ода разбит. Такигава Кадзумасу обратился в бегство, Хиратэ Нагамаса убит. Держится только Сакаи Тадацугу.

– Такэда Кацуёри при поддержке полка Ямагаты окружил наш левый фланг. Исикава Кадзумаса ранен, Наканэ Масатэру и Аоки Хироцугу убиты.

– Мацудайра Ясудзumi ворвался в гущу врага и пал смертью храбрых.

– Отряды под началом Хонды Тадамасы и Нарусэ Масаёси глубоко вторглись в расположение противника, но были окружены превосходящими силами и уничтожены. Никто не вернулся оттуда живым.

Вдруг Тадахиро крепко схватил Иэясу за руку и с помощью других военачальников заставил его сесть на лошадь.

– Пошла! – крикнул он, шлепнув животное по крупу.

Когда лошадь понесла Иэясу прочь от поля сражения, Тадахиро и другие вассалы тоже сели на коней и помчались вдогонку за князем.

Пошел снег. Может, он только и дожидался заката. Сильный ветер разносил тяжелые хлопья, которые покрывали знамена, воинов и лошадей разгромленного войска, затрудняя путь к отступлению.

Воины в недоумении спрашивали друг друга:

– А его светлость? Где же его светлость?

– Где сейчас наша ставка?

– Куда подевался мой полк?

Стрелки Такэды расстреливали убегающих, целясь в черные фигурки среди белых хлопьев снега.

– Отступление! – закричал один из воинов Токугавы. – Я слышал сигнал к отступлению!

– Ставку уже, наверно, давно перенесли, – поддержали его другие.

Разбитое воинство черной волной покатило на север, сбившись с дороги, повернуло на запад, неся по пути новые потери. Наконец, собравшись в толпу, все побрели на юг.

Спасшийся бегством по принуждению Тадахиро, Иэясу, увидев это жалкое зрелище у себя за спиной, внезапно сдержал коня и застыл на месте.

– Поднять знамена! Поднять знамена и собрать войско! – приказал он.

Ночь наступала быстро, а снег валил все сильнее. Протрубили в раковину, и соратники Иэясу начали собираться вокруг князя. Командиры, размахивая знаменами, созывали воинов. Постепенно подошли едва ли не все, кто остался в живых. Каждый был в крови – в собственной или вражеской.

Полки войска Каи под началом Бабы Нобуфусы и Обаты Кадзусы достаточно быстро выяснили, где собираются остатки разбитой армии. В Иэясу и его сторонников с двух сторон полетели стрелы и пули. Судя по всему, Такэда решили отрезать войску Иэясу путь к отступлению.

– Здесь оставаться опасно, мой господин, – сказал Мидзуно Сакон. – Вам лучше как можно скорее уехать.

Затем, обернувшись к вассалам, он воззвал:

– Защитим его светлость! Я намерен собрать небольшой отряд и атаковать неприятеля. Каждый, кто готов пожертвовать жизнью за его светлость, следуй за мной!

Не дожидаясь, когда кто-нибудь последует призыву, Сакон помчался в сторону, откуда слышались выстрелы. Человек тридцать – сорок поспешили за ним. Они шли на верную смерть. И сразу же из снежного мрака сквозь вой ветра донесся лязг мечей и копий, послышались крики и стоны. Казалось, что по заснеженному полю пронесся внезапный смерч.

– Сакона надо спасти! – закричал Иэясу.

Он утратил обычное хладнокровие. Тщетно пытались приближенные остановить его, удержав за поводья лошадь, – он отшвырнул их так, что они повалились наземь, а когда вновь сумели подняться на ноги, Иэясу, как истинный демон войны, уже несся туда, где свирепствовал черно-белый смерч.

– Князь! Князь! – кричали соратники ему вслед.

Когда Нацумэ Дзиродзаэмон, временно назначенный комендантом крепости Хамамацу, узнал о поражении своих соратников, он выехал в сопровождении тридцати всадников, чтобы обеспечить личную безопасность Иэясу. Прибыв на место и найдя своего князя в гуще отчаянного сражения, он спешил и, держа в левой руке копье, бросился в бой.

– Что это? Вам не пристало, мой господин! Возвращайтесь в Хамамацу! Назад, мой господин!

Держа коня под уздцы, он с трудом пробивался к Иэясу.

– Дзиродзаэмон? Оставь меня! Или ты настолько глуп, чтобы мешать мне биться с врагом?

– Если я и глуп, мой господин, то вы глупее меня! Если вы погибнете в этой переделке, чего стоят тогда все наше мужество и упорство? О вас будут вспоминать как о бездарном военачальнике. Если вам угодно отличиться, то отложите это до лучших времен! До того дня, когда вы и впрямь сумеете принести пользу стране и народу!

Со слезами на глазах Дзиродзаэмон кричал на Иэясу во все горло, не забывая при этом понукать копьем лошадь князя в сторону из гущи схватки. Немногие из командиров и оруженосцев Иэясу остались к этому времени в живых: в сражении пало не менее трех сотен самураев из ближнего круга, и никто не знал, сколько еще было ранено.

В горечи беспощадного разгрома, словно отвратительные самим себе, люди бежали в заснеженную крепость. Бегство началось вечером и затянулось за полночь.

Небо окрасилось багрянцем, возможно от костров, которые нынче ночью жгли у всех ворот крепости. Но снег заалел по другой причине: кровь текла с воинов, возвращавшихся с боя, который не принес им славы.

– Что с его светлостью? – не сдерживая слез, спрашивали друг друга воины и горожане.

Воины, группами или поодиночке возвращавшиеся в крепость, полагали, что Иэясу уже давно здесь, но стражники говорили им, что от него ни слуху ни духу. Сражается ли он по-прежнему, окруженный превосходящими силами противника, или же пал смертью героя? Как бы то ни было, они пустились в бегство прежде, чем отступил их господин, и это было такое страшное бесчестье, что воины отказывались войти в крепость. Они просто стояли у ворот, переминаясь от холода с ноги на ногу.

Но мало того – со стороны западных ворот внезапно послышалась ружейная пальба. Это был враг! Смерть подошла вплотную. И если уж Такэда оказался здесь, значит, на спасение Иэясу не оставалось никакой надежды.

Решив, что клану Токугава пришел конец, самураи с громкими криками бросились туда, откуда доносились ружейные выстрелы. Надежды на спасение уже не оставалось, но смерть они решили принять в бою. Подбежав к воротам, они едва не столкнулись с несколькими всадниками, на полном скаку въезжающими в крепость.

Вопреки ожиданиям, этими всадниками оказались их собственные командиры, возвращавшиеся с битвы. Жалкие воинственные кличи, которые только что издавали спешащие на верную и отчаянную смерть воины, сменились возгласами ликования. Самураи принялись приветственно потрясать мечами и копьями. Всадники въезжали в крепость один за другим, и восьмым ехал князь Иэясу. Наплечные латы слетели в бою, а тело было покрыто кровью и снегом.

– Это князь Иэясу! Князь Иэясу!

Как только новость о чудесном избавлении князя пронеслась по рядам самураев, они сразу же забыли о собственной жалкой участи и принялись плясать от радости.

Войдя в покои, Иэясу закричал:

– Хисано! Хисано!

Голос его звучал так громко, словно он все еще оставался в пыли сражения.

Служанка поспешила навстречу своему господину и простерлась перед ним ниц. Пламя маленькой лампы в ее руке трепетало, бросая зыбкий свет на лицо Иэясу. На щеке у него была кровь, а волосы – в диком беспорядке.

– Принеси гребень, – сказал он, опускаясь на пол и тяжело дыша.

Пока Хисано причесывала его, он распорядился:

– Принеси мне поесть. Я голоден.

Когда принесли еду, он немедленно взялся за палочки, но прежде чем начать утолять голод, сказал:

– Открой все выходы на веранду.

Хотя лампы и горели, от снега в комнате стало светлее. На веранде расположились на отдых группы самураев. Управившись с едой, Иэясу вышел из комнаты и отправился осматривать укрепления. Он приказал Аmano Ясукагэ и Уэмуре Масакацу командовать внешней стражей и велел им быть начеку на случай возможной атаки, а также определил посты для других командиров, расставив их от главных ворот до входа в собственную опочивальню.

– Даже если Такэда обрушится на нас всей мощью своего войска, мы сумеем постоять за себя. Ни пяди здешней земли мы им не отдадим, – бахвалились командиры.

Они старались говорить как можно громче, чтобы их мог слышать Иэясу, потому что похвалялись они лишь для того, чтобы подбодрить своего князя.

Иэясу, понимая это, кивнул, но тут же на минуту созвал уже расставленных по постам командиров и предупредил их:

– Не запирайте ни одной двери во всей крепости! Начиная от главных ворот и кончая дверями моей опочивальни держите их все открытыми. Вы меня поняли?

– Что такое? Что вы говорите, мой господин?

Командиры заскребли затылки. Приказ князя противоречил главному закону обороны. Окованные железом ворота надлежало держать на запоре – враг уже надвигался на крепостной город, готовясь уничтожить его. Так что же означает этот приказ? Кто открывает шлюзы, когда идет приливная волна?

Тадахио сказал:

– Нет, мне не кажется, что положение оправдывает такие меры. По мере того как будут возвращаться наши соратники, мы сможем отворять ворота и впускать их. Наверняка нам не стоит ради них держать ворота крепости раскрытыми настежь!

Иэясу, посмеявшись, удивился его недогадливости:

– Мы поступим так вовсе не ради наших опоздавших воинов. Это ловушка для войска Такэды, которое прибудет сюда, ликуя, и вольется в распахнутые ворота, убежденное в своей победе. Мы не только раскроем все ворота, я распоряджусь ярко осветить главный вход пламенем нескольких костров. И вам, внутри крепости, также следует развести костры. При этом сохраняйте постоянную боеготовность. Ведите себя тихо и, не смыкая глаз, следите за дорогой: вот-вот на ней должен показаться враг.

Что за отчаянный замысел созрел в его голове? Так или иначе, все без колебаний выполнили распоряжения Иэясу.

Согласно его требованию, крепостные ворота распахнули настежь, и пламя костров, отражаясь на снегу, озарило все пространство от крепостного рва и до главного входа. Полюбовавшись какое-то время этим зрелищем, Иэясу удалился в глубь крепости.

Ближайшие сподвижники Иэясу, судя по всему, поняли и оценили его замысел, а простые воины объясняли подобную беспечность совсем иначе. Согласно слухам, по воле Иэясу и запущенным, и Сингэн, и его наиболее опытные помощники пали в бою, и, следовательно, войск Такэды бояться больше не следовало.

– Я устал, Хисано. Сейчас самое время выпить немного сакэ. Налей-ка мне чашечку.

Иэясу вернулся в главное здание крепости и, выпив сакэ, лег. Хисано укрыла его одеялом, он уснул и захрапел.

Немного позже войско под началом Бабы Нобуфусы и Ямагаты Масакагэ в темноте подошло к крепостному рву и изготовилось к ночному штурму.

– Что это? Погодите-ка!

Оказавшись перед воротами, Нобуфуса и Масакагэ придержали коней и велели всему войску не торопиться со штурмом.

– Военачальник Баба, что вы об этом думаете? – спросил Ямагата, подъехав к соратнику.

Он пребывал в полном недоумении. Баба тоже не знал, что и думать. Оба обескураженно уставились на раскрытые настежь крепостные ворота. Они увидели костры, разложенные у входа в крепость и в глубине ее. Все железные двери тоже были широко распахнуты. Ворота были, но ворот не было. Во всем этом таилась какая-то тревожная загадка.

Чернела вода во рву, белел снег. Из крепости не доносилось ни звука. Хорошенько прислушавшись, можно было расслышать лишь треск хвороста в кострах. При полном напряжении слуха, возможно, удалось бы расслышать и храп Иэясу – побежденного полководца, который безмятежно спал в глубине своей последней крепости, широко отворив все ворота навстречу вражескому вторжению.

– Мне кажется, что враг пришел в великое смятение от нашего стремительного натиска и просто-напросто не успел запереть ворота. Крепость беззащитна, и ее надо немедленно взять приступом, – сказал Ямагата.

– Нет, погодите, – возразил Баба.

Он слыл одним из самых искусных военачальников в войске Сингэна. Но на всякого мудреца довольно простоты. Баба объяснил Ямагате, почему его замысел представляется ошибочным.

– Наглухо запереться в крепости было бы естественно для того, кто изведаль горький вкус поражения в открытом бою. Но если ворота распахнуты и к тому же нашлось время разложить костры – это, несомненно, доказывает бесстрашие и самообладание нашего противника. Подумайте только: ведь он наверняка ждет от нас немедленной атаки. Значит, он сосредоточил в крепости все свои силы и уверенно рассчитывает на победу. Этот полководец, конечно, молод, но его имя Токугава Иэясу, и славу он стяжал уже немалую. Нам не следует безрассудно идти у

него на поводу: это погубит честь клана Такэда и превратит нас в посмешище.

Так, подступив к самым воротам крепости, оба военачальника в конце концов не решились войти в нее и приказали войску повернуть обратно.

Когда, прервав сон Иэясу, ему доложили о случившемся, он мгновенно вскочил на ноги, воскликнул: «Я спасен!» – и принялся плясать от радости. И сразу же выслал летучие отряды преследовать отступающего неприятеля. Как и следовало ожидать, это не застало Такэду врасплох, его войско вступило в жестокий арьергардный бой, подожгло несколько деревень в окрестностях Нагури и, предприняв несколько искусных маневров, ушло от преследования.

Токугава потерпел тяжкое поражение, но все же сумел доказать, что представляет собой достаточно крепкий орешек. Более того, его упорство заставило Сингэна в очередной раз отказаться от похода на столицу, и ему осталось лишь убраться восвояси. На этой недолгой войне потери клана Такэда составили четыре сотни воинов, тогда как клан Токугава потерял убитыми и тяжелоранеными тысячу сто восемьдесят человек.

Похороны живущих

Красные и белые лепестки облетали в саду крепости Гифу, расположенной высоко в горах, и сыпались на крыши крепостного города, выросшего за эти годы в долине.

Из года в год все глубже становилась вера людей в своего князя, дававшего народу ощущение надежности. Закон был суров, но Нобунага ничего не говорил и не делал понапрасну. Обещая что-либо своим подданным, он рано или поздно осуществлял обещанное, и их благосостояние постоянно росло.

Человеку суждено
Жить под Небом лишь полвека.
Этот мир всего лишь сон...

Жители провинции знали о том, что Нобунага любил под хмельком распевать эту песню. Он задумывался над быстротечностью всего сущего. «Все подвержено распаду» – такова была его любимая строка, и каждый раз, дойдя до нее, он брал самую высокую ноту. Все его мировоззрение, казалось, укладывалось в эту единственную строку. Тому, кто обременяет себя постоянными размышлениями о смысле жизни, не суждено достичь многого. Нобунага знал о жизни одно: в конце концов всех ожидает смерть. Тридцатисемилетнему мужу наверняка оставалось жить уже не так долго. Но на оставшуюся часть отмеренного ему срока Нобунага еще возлагал большие, может быть, даже чрезмерно большие надежды. Цели, к которым он стремился, были воистину безграничны, но само приближение к этим целям – посильным или непосильным – полностью захватывало его. И конечно, он не мог не сожалеть о том, что человеку суждено жить на земле так недолго.

– Принеси барабан, Ранмару.

Сегодня ему опять захотелось сплясать. Ранее в тот же день он принял гонца из Исэ. И с тех пор пил не переставая.

Ранмару принес барабан из соседней комнаты. Но пляска не состоялась. Князю сообщили:

– Только что воротился господин Хидэёси.

Одно время казалось, будто Асаи и Асакура готовятся сделать свой ход после битвы на плато Микатагахара; об этом свидетельствовали постоянные вылазки и мелкие стычки. Но после того как Сингэн убрался восвояси, они затаились в собственных провинциях и принялись крепить оборону.

Предвидя грядущее заключение мира, Хидэёси втайне покинул крепость Ёкояма и предпринял поездку по местностям, прилегающим к Киото. Не только он, но и другие коменданты или тем более владельцы крепостей тоже не сидели сиднем в своих уделах, какая бы смута ни царила в мире. Иногда они объявляли о том, что уезжают, тогда как на самом деле оставались дома; иногда, напротив, предпринимали поездку, тщательно скрывая это от окружающих, не говоря уже о возможных противниках. Ибо таково искусство военной стратегии, заключающейся в правильном сочетании истины и обмана.

Разумеется, и Хидэёси предпринял свою поездку инкогнито, поэтому его появление в Гифу оказалось неожиданным.

– Хидэёси?

Некоторое время он ждал в отдельном помещении, затем Нобунага вошел и сел рядом. Он пребывал в превосходном настроении.

Хидэёси был одет крайне скромно и ничем не отличался от обычного путешественника. Он

простерся ниц перед князем, соблюдая ритуал, но тут же, расхохотавшись, вскочил на ноги:

– Бьюсь об заклад, вы удивлены.

Нобунага с наигранным недоумением посмотрел на него:

– Удивлен? Чем?

– Моим внезапным появлением.

– Что за вздор! Мне уже две недели известно, что ты уехал из Ёкоямы.

– Но сегодня-то вы меня не ждали.

Нобунага рассмеялся:

– Ты что же, слепцом меня считаешь? Тебе, должно быть, надоело забавляться со столичными девками, и ты поехал по дороге Оми до некоего богатого дома в Нагахаме, тайком повидался с Ою, ну а после свидания и меня решил проведать.

Хидээси пролепетал в ответ нечто невнятное.

– Так что на самом деле удивляться следует не мне, а тебе.

– Я и впрямь удивлен, мой господин. Все-то вы знаете.

– Здешняя гора достаточно высока, чтобы с ее вершины обозреть десять провинций сразу.

Но кое-кому о твоих проделках известно куда лучше, чем мне. Догадываешься, кто это?

– Вы выслали за мною ниндзя?

– Это твоя жена!

– Вы шутите! Мой господин, не кажется ли вам, что сегодня вы выпили несколько больше обычного?

– Может быть, я и пьян, но за свои слова ручаюсь. Конечно, твоя жена живет в Суномате, но не такая уж это глухомань. Во всяком случае, если ты думаешь, что она ничего не знает, то ты сильно ошибаешься.

– Ах, да что вы... Чувствую, я прибыл не вовремя. И сейчас, с вашего разрешения...

– Да брось ты. – Нобунага расхохотался. – Никто не попрекнет тебя тем, что ты гуляешь. Да и что дурного в том, чтобы время от времени полюбоваться цветущей сакурой? Но почему ты не возьмешь к себе Нэнэ, чтобы жить вместе?

– Да, верно.

– Ты ведь ее давненько не видел?

– Не докучала ли вам моя жена жалобами на меня? Письмами? Посещениями?

– Не беспокойся. Ничего подобного не было. Мне просто жаль ее. И не только ее. Женская доля такова, что приходится сидеть дома и дожидаться мужа, пока он воюет. И поэтому, как только у него появляется свободное время, он должен предпочесть пребывание с ней любым забавам. И доказать ей, что дожидалась она не зря.

– Как вам угодно, но...

– Ты что, не согласен?

– Не согласен. Уже несколько месяцев в стране царит мир, но я думаю только о войне – и о той, что закончилась, и о той, что еще предстоит.

– Ну, тебя, как всегда, не переспоришь! Опять пытаешься заморочить мне голову? Вот уж без этого можно было бы обойтись!

– Сдаюсь, мой господин. Слагаю свои знамена к вашим стопам.

Князь и его соратник рассмеялись. Через какое-то время они принялись за сакэ, а потом отослали Ранмару. И тут уже разговор перешел на тему настолько серьезную, что они невольно понизили голоса.

Нобунага настороженно спросил:

– Ну, и что происходит в столице? Конечно, мои гонцы постоянно ездят туда и сюда, но мне хотелось бы знать и твое впечатление.

Ответ, которого он добивался от Хидэёси, был напрямую связан с большими ожиданиями Нобунаги.

– Мы сидим слишком далеко друг от друга. Или вы, мой господин, придвиньтесь ко мне, или я к вам.

– Я придвинусь, – сказал Нобунага.

Он взял кувшинчик с сакэ и свою чашечку и пересел с почетного места.

– Задвинуть двери в соседние помещения, – распорядился князь.

Хидэёси, оказавшись теперь рядом с Нобунагой, начал:

– В столице все более или менее как обычно. За исключением того, что после отказа Сингэна от похода на Киото сёгун стал, кажется, еще более предприимчив. И его замыслы уже носят откровенно враждебный характер по отношению к вам, мой господин.

– Да уж, могу себе представить. Сингэн таки дошел до самой Микатагахары, а потом сёгуну пришлось узнать, что он повернул обратно.

– Сёгун Ёсиаки искусный политик. Он делает все для того, чтобы добиться народной любви, и вместе с тем не устает исподволь внушать людям страх перед вами. Конечно же он не упустил возможности обратить против вас предание огню и мечу горы Хиэй и подбивает на восстание другие секты.

– Незавидные у нас дела!

– Но особенно беспокоиться все же не о чем. Монахи-воины напуганы событиями на горе Хиэй и основательно подумают, прежде чем опять приняться за свое.

– Хосокава сейчас в столице. Ты с ним повидался?

– Князь Хосокава впал в немилость у императора и удалился в свое поместье.

– Ёсиаки принудил его к этому?

– Судя по всему, князь Хосокава полагает, что союз с вами принесет великую пользу сёгуну. Рискуя собственным положением, он несколько раз пытался убедить в этом Ёсиаки.

– Понятно, что Ёсиаки такого слушать не хочет.

– Более того. Он придерживается явно устаревшей веры в сёгунат и в незыблемость его могущества. В эпоху перемен великое потрясение создает пропасть между прошлым и будущим. Те, кто испытывает слепую и болезненную приверженность к прошлому и отказывается осознать, что мир меняется, почти все исчезают в ней без следа.

– А мы переживаем великое потрясение?

– На самом деле и впрямь произошло одно весьма многозначительное событие. Мне сообщили об этом, однако...

– Что еще за многозначительное событие? Выкладывай!

– Ну ладно. Об этом еще никто не знает, но, поскольку это собственными ушами слышал мой испытанный лазутчик Ватанабэ Тэндзо, мне кажется, надо отнестись к сообщению с определенным доверием.

– Что еще за новость?

– Это может показаться невероятным, но, судя по всему, путеводная звезда Каи окончательно закатилась.

– Как? Сингэн?

– Во втором месяце он пошел войной на Микаву, и однажды ночью, во время осады крепости Нода, его застрелили. Так, во всяком случае, слышал Тэндзо.

На мгновение Нобунага онемел и посмотрел на Хидэёси широко раскрытыми глазами. Если эта новость соответствовала действительности, стране и впрямь предстояли скорые и решительные перемены. Нобунага почувствовал себя так, словно внезапно исчез куда-то яростный тигр, до сих пор в любую минуту готовый наброситься на него сзади. Князю Оде

почему-то даже стало немного страшно. Ему хотелось и в то же время не хотелось поверить услышанному. Но в конце концов известие о смерти Сингэна принесло ему неслыханное облегчение, и душа его возликовала.

– Если это правда, значит, мир лишился одного из самых замечательных военачальников, – сказал Нобунага. – И с сего дня судьба страны зависит только от нас.

Лицо Хидэёси выражало более сложные чувства, чем лицо князя. Он выглядел так, будто ему только что подали главное блюдо обеда.

– Его застрелили, но я по-прежнему не знаю, умер ли он на месте или был тяжело ранен, а если ранен, то куда. Но мне донесли, что осаду с крепости Нода внезапно сняли и на обратном пути войско Каи не выказывало своего обычного боевого духа.

– Да уж, ясное дело. А впрочем, как бы ни были отважны самураи Такэды, без Сингэна они нам не страшны.

– Это известие я получил от Тэндзо по дороге сюда. И я незамедлительно послал его в Каи для сбора дальнейших данных.

– А в других провинциях об этом пока ничего неизвестно?

– Да вроде бы нет. Клан Такэда наверняка будет держать это в секрете и изображать дело так, будто Сингэн пребывает в добром здравии. Так что если они и теперь что-нибудь предпримут от имени Сингэна, можно с уверенностью девять против одного считать, что Сингэн мертв или по меньшей мере находится при смерти.

Нобунага глубокомысленно кивнул. Ему явно хотелось услышать подтверждение этой истории. Внезапно он поднял чашечку с сакэ и горестно вздохнул:

– Человеку суждено жить под небом лишь полвека...

Но плясать ему явно не хотелось. Больше чем мысль о чужой смерти, его взволновали накатывающие думы о неизбежности собственной.

– А когда Тэндзо вернется?

– Должен вернуться через три дня.

– В Ёкояму?

– Нет, я велел ему прибыть прямо сюда.

– Что ж, тогда дождись здесь его возвращения.

– Так я и хочу поступить. Но с вашего разрешения мне хотелось бы ожидать ваших дальнейших распоряжений в одном из постоянных дворов в крепостном городе.

– С какой стати?

– Без определенной причины.

– А почему бы тебе не пожить в крепости? И не позабавить меня немного?

– Да, знаете ли...

– Что это? Тебе неприятно мое общество?

– Нет, но дело в том, что...

– Дело в том, что?

– Я уже остановился на постоялом дворе. И остановился там не один. И поскольку подумал, что здесь больше не понадобится, то пообещал сегодня вечером туда вернуться.

– Ты там с женщиной?

Нобунага спустился с небес на землю. Мысли и чувства, вызванные у него известием о смерти Сингэна, разительно отличались от того, что сейчас волновало его соратника.

– Отправляйся нынче вечером в свою ночлежку, но с утра изволь прибыть в крепость. И спутницу свою тоже можешь прихватить.

С этими словами Нобунага покинул Хидэёси.

«Ничего не скажешь, умеет Нобунага задеть за живое», – думал Хидэёси, возвращаясь на

ночлег. Его, разумеется, задели насмешки князя, но, с другой стороны, он понимал, что тот не имел в виду ничего обидного. Нобунага словно бы вогнал ему в голову гвоздь, но так замаскировал, изукрасив шляпку, что боль ощущалась, а самого гвоздя было не разглядеть. На следующий день он появился в крепости вместе с Ою, но Нобунагу это, казалось, ничуть не удивило.

Сегодня князь встретил его в другой комнате и, в отличие от вчерашнего, от него не пахло сакэ. Сев напротив Хидэеси и Ою, он окинул парочку внимательным взглядом.

– Ты сестра Такэнаки Хамбэя? – спросил он.

Ою впервые видела Нобунагу. Она прикрыла лицо руками, словно желая от стыда провалиться сквозь землю, но ответила князю тихим, замечательно красивым голосом:

– Для меня великая честь предстать перед вами, мой господин. Вы возвысили и второго моего брата – его зовут Сигэхару.

Достойный ответ пришелся Нобунаге по вкусу. Ему хотелось поддразнить Хидэеси, но он устыдился этого порыва и решил поговорить на серьезные темы.

– Улучшилось ли здоровье Хамбэя?

– Я уже довольно долго не виделась с братом, мой господин. Он несет военную службу и очень занят. Но время от времени я получаю от него письма.

– А где ты сейчас живешь?

– В крепости Тётэйкэн в Фуве, там у меня дальние родственники.

– Интересно, не вернулся ли еще Ватанабэ Тэндзо? – сказал Хидэеси, пытаясь переменить тему разговора, но хитрого Нобунагу не так-то просто было увести в сторону.

– Что ты несешь? Ты, должно быть, рехнулся. Ты ведь сам уверял меня, что Ватанабэ надо ждать только через три дня.

Хидэеси густо покраснел. Нобунагу это, казалось, сильно обрадовало. Он хотел, чтобы его вассал утратил на время обычную самоуверенность и пришел в замешательство.

Нобунага пригласил Ою на вечернюю пирушку, добавив при этом:

– Ты ведь не видала, как я хорошо пляшу, а вот Хидэеси не раз любовался этим зрелищем.

Позже вечером, когда Ою попросила разрешения удалиться, Нобунага не стал упорствовать, но неожиданно приказал Хидэеси:

– Что ж, тогда и ты исчезни!

Парочка покинула крепость. Хидэеси, впрочем, скоро вернулся, что-то встревоженно бормоча себе под нос.

– Где князь Нобунага? – спросил он у молодого оруженосца.

– Только что удалился к себе в спальню.

Услышав об этом, Хидэеси, утратив обычную выдержку, бросился во внутренние покои и попросил караульного самурая передать князю срочное сообщение.

– Мне необходимо немедленно переговорить с его светлостью.

Нобунага еще не лег и, как только к нему провели Хидэеси, приказал всем покинуть помещение. Но даже когда стражники вышли из комнаты, Хидэеси по-прежнему оглядывался по сторонам с большим беспокойством.

– В чем дело, Хидэеси?

– Мне кажется, что в соседней комнате кто-то остался.

– Тебе не о чем беспокоиться. Это всего лишь Ранмару. Он нам не помешает.

– Нет, помешает. Я прошу у вас прощения, однако же...

– Ему тоже уйти?

– Да.

– Ранмару, оставь нас! – крикнул Нобунага в соседнюю комнату.

Ранмару молча поклонился, встал и вышел.

– Ну, теперь все в порядке. Так в чем же дело?

– Дело в том, что на обратном пути из крепости я случайно столкнулся с Ватанабэ Тэндзо.

– Как так? Тэндзо вернулся?

– Он сказал, что летел, как птица, туда и обратно, ни на мгновение не останавливаясь.

Известие о смерти Сингэна подтверждается.

– Вот как... что ж...

– Я не знаю всех подробностей, но ближний круг сторонников Такэды явно повержен в глубочайшее уныние, хотя внешне они пытаются делать вид, будто ничего не произошло.

– Да уж, если они и горюют, то горе свое наверняка стараются держать в секрете, это ясно.

– Разумеется.

– А в других провинциях по-прежнему ни о чем не догадываются?

– Насколько мне известно, нет.

– Значит, настало наше время. Я уверен, что ты запретил Тэндзо разговаривать об этом с кем бы то ни было.

– Да, на этот счет можете не беспокоиться.

– Но ведь среди ниндзя попадаются и предатели. Ты в нем совершенно уверен?

– Он племянник Хикоэмона, и он мне предан.

– И все же нам следует проявлять предельную осторожность. Одари его деньгами, но запрети здесь, в крепости. Лучше будет подержать его взаперти, пока дело не закончится.

– Нет, мой господин.

– Нет? Почему же?

– Потому что в следующий раз, когда нам понадобятся его услуги, ему уже не захочется рисковать жизнью, как только что. Если мы не доверяем человеку, а лишь платим ему, всегда существует опасность, что враг сумеет заплатить больше нашего.

– Ну хорошо, и на чем же ты с ним простился?

– К счастью, Ою как раз собиралась вернуться в Фуву, поэтому я приказал ему охранять в пути ее паланкин.

– Человек только что выполнил смертельно опасное задание, а ты тут же отправляешь его охранять твою возлюбленную. Тэндзо это не обидит?

– Он чрезвычайно обрадовался. Может, я и плохой господин, но он хорошо знает мои слабости.

– Твоя манера обращения со своими людьми несколько отличается от моей.

– Мы дважды застрахованы от неприятного поворота события. Ою, конечно, всего лишь женщина, но если выяснится, что Тэндзо захочет поделиться нашими тайнами с посторонним, она не остановится даже перед тем, чтобы убить его.

– Оставь свое самодовольство!

– Извините. Вы, конечно, правы.

– Дело не в этом, – сказал Нобунага. – Тигр Каи мертв, и значит, нам нельзя медлить. Мы должны выступить прежде, чем мир узнает о его гибели. Хидэёси, нынче же ночью изволь воротиться в Ёкояму.

– Я так я собирался поступить, мой господин. Поэтому и отправил Ою в Фуву.

– Не смыкай глаз. Я тоже нынче ночью не буду спать. К рассвету нам необходимо собрать войско.

И Нобунага, и Хидэёси думали сейчас об одном и том же, причем думали одинаково. Возможность, на которую они давно уповали, наконец-то представилась – возможность одним махом решить все накопившиеся за много лет вопросы. Речь, разумеется, шла об устранении

источника всех бед – сёгуна – и о ликвидации прежнего порядка.

Нечего и говорить о том, что Нобунага, будучи человеком новой эпохи, умел действовать быстро и решительно в соответствии с запросами времени. Двадцать второго числа третьего месяца его войско во всем блеске выступило из Гифу. Дойдя до озера Бива, оно разделилось на две части. Первой половиной войска командовал сам Нобунага. Он погрузил своих воинов на челны и переправился на западный берег. Вторая половина войска под началом Кацуиэ, Мицухидэ и Хатии пошла вдоль берега на юг.

Между Катадой и Исиямой войско Кацуиэ столкнулось с силами противников Нобунаги, сформированными из монахов-воинов, и разрушило укрепления, возведенные ими на дороге.

Советники сёгуна провели военный совет.

– Держать оборону?

– Просить мира?

Эти люди пребывали сейчас в большом затруднении: они еще не дали ясного ответа на меморандум из семнадцати пунктов, присланный Нобунагой сёгуну в первый день нового года. В меморандуме последовательно перечислялись все обвинения, которые князь Ода предъявил Ёсиаки.

– Какая наглость! Кто из нас в конце концов сёгун! – в гневе воскликнул Ёсиаки, начисто забыв, кто именно привел его к власти и возвратил во дворец Нидзё. – С какой стати мне слушаться этого ничтожного Нобунагу?

Нобунага посылал к сёгуну гонцов с предложениями о мире или хотя бы о начале мирных переговоров, но тот гнал их, не удостоив аудиенции. Вместо переговоров, сёгун распорядился об укреплении дорог, ведущих к столице.

Возможность, которой дожидались Нобунага и Хидэёси, заключалась в отрешении Ёсиаки от власти на основании семнадцати пунктов меморандума. Благодаря внезапной смерти Сингэна эта возможность предоставилась значительно скорее, чем они думали.

Человеку, обреченному на гибель, всегда до самого последнего мгновения кажется, будто погибнет не он, а противник. Ёсиаки не представлял исключения из общего правила.

Но Нобунага думал о сёгуне и так: «Он нам может еще пригодиться».

Для пользы дела он был готов забыть о постоянных унижениях, которым подвергал его сёгун.

В те времена жители потерявшей былое величие империи лишились жизненных ориентиров и всеми своими помыслами неизменно обращались к прошлому. Многим казалось, что тонкий налет культуры, покрывавший столичную жизнь, распространялся на всю Японию. Преданные умершей или умирающей традиции, они полагались на монахов-воинов Хонгандзи и на бесчисленных воинственных князьков, которые засели в своих крепостях и всей душой ненавидели Нобунагу.

Сёгун все еще не знал о смерти Сингэна. Поэтому он полагал, что может диктовать миру свои условия.

– Я сёгун, я опора всего самурайского сословия. Я – не чета монахам с горы Хиэй. Если Нобунага осмелится обратить свое оружие против дворца Нидзё, я объявлю его предателем.

Судя по его поведению, сёгун вовсе не стремился любой ценой избежать войны. Напротив, он проявлял готовность в нее ввязаться. Он конечно же созвал в столицу дружественные ему соседние кланы и послал гонцов к Асаи, Асакуре, Уэсуги и Такэде, намереваясь разгромить врага в назидание всему миру.

Услышав о приготовлениях сёгуна, Нобунага только расхохотался. Он тут же изменил маршрут своего войска и повел его на столицу, а для начала всего за один день взял Осаку. Это повергло в неопикуемый ужас монахов-воинов из Хонгандзи. Внезапно оказавшись лицом к

лицу с войском Нобунаги, они растерялись. Но Нобунага намеревался не сражаться с ними, а всего лишь развернуть свои боевые порядки.

– Расправиться с ними мы можем в любую минуту, как только этого пожелаем, – сказал он.

Меньше всего Нобунаге хотелось сейчас растрачивать мощь войска в ненужных стычках. Он по-прежнему продолжал посылать гонцов в Киото с требованием ответа на свой меморандум, который больше и больше походил на ультиматум. Но Ёсиаки относился к требованиям Нобунаги все так же высокомерно: он, дескать, сёгун, и не нуждается в соображениях провинциального князя по поводу того, как улучшить управление страной.

Два из семнадцати пунктов меморандума содержали особенно тяжелые обвинения в адрес Ёсиаки. В первом из них он обвинялся в измене императору, а во втором – в неподобающем поведении. Сёгун, призванный поддерживать порядок и мир в империи, на деле подстрекал провинции к мятежу.

– Все это бесполезно. Так его ни к чему не принудишь. Все эти послания и гонцы – он просто не обращает на них никакого внимания, – сказал Нобунаге Араки Мурасигэ.

Хосокава Фудзитака, также принявший участие в походе Нобунаги, добавил:

– Мне кажется, сёгун не прозреет никогда. Его надо не переубедить, а низвергнуть.

В ответ Нобунага кивнул. Это было ясно и ему самому. Но на сей раз он решил обойтись без чрезмерной жестокости, проявленной при взятии горы Хиэй; во-первых, в этом не было необходимости, а во-вторых, истинный полководец никогда не применяет одну и ту же тактику дважды.

– Идем на Киото! – провозгласил Нобунага на четвертый день четвертого месяца.

Но целью этого похода была не война, а демонстрация мощи княжеской армии.

– Поглядите-ка! Он сворачивает лагерь. Его опять, как и в прошлый раз, тревожит положение дел в Гифу! И опять, как и в прошлый раз, он прекратит наступление и уберется восвояси! – убеждая и себя, и других, воскликнул Ёсиаки.

Но по мере того как приходили дальнейшие донесения, румянец на его щеках бледнел и в конце концов сменился смертельной белизной. Ибо зря он радовался тому, что войско Оды прошло мимо Киото, – Нобунага уже развернулся и шел на столицу по дороге из Осаки. И вот уже без единого выстрела и боевого клича воины Нобунаги окружили резиденцию Ёсиаки. Произошло все быстро и тихо, как на учениях, а не при настоящих боевых действиях.

– Мы находимся в непосредственной близости от императорского дворца, и надо вести себя осторожно, чтобы не нанести оскорбления его императорскому величеству. Достаточно лишь покарать этого недостойного сёгуна за его злодеяния, – распорядился Нобунага.

Не слышалось ни единого выстрела, никто не натягивал и тетиву лука. Это выглядело неправдоподобно – и вместе с тем куда страшнее, чем мгновенный штурм здания.

– Ямато, что же нам теперь делать? И что, по-твоему, намеревается Нобунага сделать со мной? – спросил Ёсиаки у своего старшего советника, Мибути Ямато.

– Ему удалось застигнуть вас врасплох. Неужели вы до сих пор не понимаете, что у Нобунаги на уме? Совершенно ясно, что он собирается напасть на вас.

– Но... я ведь сёгун!

– Сейчас смутное время. Чем поможет вам этот титул? Мне представляется, что вам необходимо принять решение. Одно из двух: или вы вступаете в схватку, или просите мира.

Советник произнес это со слезами на глазах. Как и Хосокава Фудзитака, Мибути в свое время делил с сёгуном тяготы изгнания. «Я остаюсь подле него не для того, чтобы стяжать славу или исполнить долг чести, – сказал однажды Мибути Ямато. – И уж подавно не для самосохранения. Я прекрасно вижу, что нас всех ожидает. Но, сам не знаю почему, я просто не в силах оставить этого злосчастного сёгуна».

Конечно, он понимал, что Ёсиаки недостойн поддержки. Он понимал, что мир претерпевает перемены, но все же решил до конца оставаться во дворце Нидзё. Ему уже минуло пятьдесят, и как военачальник он давно прошел пору расцвета.

– Просить мира? С какой стати я, сёгун, должен просить мира у какого-то Нобунаги?

– Титул сёгуна настолько вскружил вам голову, что вы спешите в пропасть, сами того не замечая.

– А разве мы не сможем одержать над ним победу в бою?

– Едва ли. Во всяком случае, смешно рассчитывать на победу, запершись в этом дворце.

– Объясни тогда, почему ты и прочие военачальники расхаживаете по дворцу в боевых доспехах?

– Нам кажется, что в конце концов нас ожидает прекрасная смерть. Пусть положение безнадежно и сопротивление бессмысленно, но наша борьба поставит последнюю точку в истории сёгуната, насчитывающей уже четырнадцать поколений. В этом состоит самурайский долг. Но все наше сопротивление – не более чем цветы на вашу могилу.

– погоди тогда! Не вступай в бой! погоди!

Ёсиаки исчез в глубине дворца. Он поспешил посоветоваться с Хино и Такаокой – двумя придворными, с которыми поддерживал самую тесную дружбу. Ближе к вечеру Хино тайно послал из дворца вестника. В ответ во дворец в качестве представителя Оды прибыл наместник Киото, а вечером появился и Ода Нобухиро, облеченный соответствующими полномочиями от самого Нобунаги.

– Отныне я обязуюсь следовать всем пунктам меморандума, – сказал посланцу Ёсиаки.

Вынуждаемый обстоятельствами, Ёсиаки произносил сейчас вовсе не то, что думал. Ему пришлось униженно просить мира. Нобунага отозвал войско и мирно вернулся в Гифу.

Ровно сто дней спустя войско Нобунаги вновь окружило дворец Нидзё. Произошло это, разумеется, из-за вероломства Ёсиаки, который и не думал выполнять своих обещаний.

Проливные дожди тяжело стучали в высокую крышу храма Мёкаку в Нидзё на протяжении всего седьмого месяца. Здесь, в храме, Нобунага расположил свою ставку. Сильный порывистый ветер и ливень застigli и его флот, пересекший озеро Бива. Но решимость, владевшая воинами Оды, становилась только тверже. Промокшие под дождем, тонущие в грязи воины окружили дворец сёгуна и заняли боевые позиции, ожидая только сигнала к штурму.

Никто не знал, казнят ли Ёсиаки или заточат в темницу, но его судьба теперь всецело зависела от клана Ода. Воины Нобунаги испытывали такое чувство, будто заглядывают в клетку с редкостно благородным и яростным зверем, которого предстоит умертвить.

Нобунага беседовал с Хидзёси, и слова их разносились по ветру.

– Как вы намерены поступить? – спросил Хидзёси.

– На этот раз у меня нет выбора, – ответил Нобунага. – Я просто не имею права спустить ему с рук и это.

– Но ведь он...

– Не произноси того, что ясно и без слов.

– И что же, нет повода проявить хоть какое-нибудь снисхождение?

– Нет! Ни малейшего!

В комнате во внутренних приделах храма было темно из-за бушевавшего снаружи дождя. Из-за долгой летней жары и затяжных дождей воздух так отсырел, что позолота на статуях Будды и рисунки тушью на раздвижных дверях казались подернутыми росой.

– Я не оспариваю вашего мнения, когда взываю к снисхождению, – начал Хидзёси. – Но неприкосновенность сёгуна гарантирована Императорским домом, поэтому у нас нет права так

легко относиться к этому вопросу. Все силы, поднявшиеся, как они говорят, на Нобунагу, получают повод воззвать к правосудию и обратить его против человека, который убил их истинного властелина – сёгуна.

– В этом ты прав, – откликнулся Нобунага.

– К счастью, Ёсиаки настолько слаб духом, что, оказавшись в безвыходном положении, он не покончит с собой и не решится на отчаянную схватку с нами в открытом поле. Вместо этого он запрется у себя во дворце, уповая на стены и на крепостной ров, вода в котором из-за дождей поднимается все выше и выше.

– Ну и что ты хочешь мне предложить?

– Мы намеренно ослабим окружение и дадим сёгуну возможность спастись бегством.

– Но ведь это крайне недальновидно! Какая-нибудь враждебная провинция может дать ему приют и усилить благодаря его присутствию свои притязания!

– Нет, – возразил Хидэёси. – Мне кажется, люди мало-помалу начинают осознавать, насколько он отвратителен. Я не удивлюсь, если они с радостью воспримут изгнание сёгуна из столицы и сочтут это справедливым наказанием, соразмерным его преступлениям.

Тем же вечером войско, осадившее дворец сёгуна, перегруппировалось и, как бы в силу нехватки воинов, оставило в оцеплении изрядную дыру. Однако же приближенные сёгуна во дворце заподозрили западню и до самой полуночи не предприняли попытки к бегству. Но вот наконец в ночном мраке и под проливным дождем группа всадников внезапно пронеслась по мосту над крепостным рвом и помчалась прочь из столицы.

Достоверно узнав о бегстве сёгуна, Нобунага обратился к своему воинству:

– Дворец опустел! Нет никакого смысла штурмовать его. Но сёгунат, правивший страной на протяжении четырнадцати поколений, рухнул! Поэтому ворвемся в этот пустой дворец с победными кличами! Да будет наш штурм заупокойной службой по недостойному правлению сёгунов из рода Асикага!

Дворец Нидзё разрушили в ходе одной атаки. Почти все, кто не пустился в бегство вместе с сёгуном, сдались на милость победителя. Даже двое представителей высшей знати, Хино и Такаока, смиренно просили прощения у Нобунаги. Лишь один человек – Мибути Ямато – и его военачальники общим числом чуть более шестидесяти бились насмерть. Никто из них не бежал и ни один не сдался: все пали в бою, умерев истинно самурайской смертью.

Покинув Киото, Ёсиаки нашел прибежище в Удзи. Слово подтверждая свою никчемность, он и здесь не сумел организовать мало-мальски серьезного сопротивления. К тому же у небольшого отряда сопровождавших его воинов отсутствовала воля к борьбе. Когда недолгое время спустя войско Нобунаги окружило храм Бёдоин, служивший Ёсиаки пристанищем, он сдался, так и не вступив в схватку с могучим противником.

– Всем покинуть помещение, – распорядился Нобунага.

Он сел чуть прямее и посмотрел Ёсиаки в глаза:

– Надеюсь, вы не забыли, как когда-то называли меня своим вторым отцом. Как хорош был тот день, когда вы пришли во дворец, восстановленный мною для вас.

Ёсиаки безмолвствовал.

– Припоминаете?

– Князь Нобунага, я ни о чем не забыл. Зачем вы сейчас вспоминаете об этом?

– Вы трусливы, мой господин. Я не намерен лишать вас жизни: даже сейчас, даже после всего, не намерен. Но почему вы все время лжете?

– Простите меня. Я заблуждался.

– Счастлив услышать это. Но вы попали в очень трудное положение. Даже если не забывать

о том, что вы – сёгун по праву рождения.

– Мне хочется умереть. Князь Нобунага... Я прошу вас... помочь мне совершить сэппуку.

– Вот уж нет! – Нобунага расхохотался. – Простите за грубость, но, мне кажется, вы и живот себе разрезать не сумеете. Мне так и не удалось возненавидеть вас по-настоящему. Беда в том, что вы все время играли с огнем, а искры разлетались по всем провинциям.

– Теперь мне это понятно.

– И поэтому мне хочется подыскать для вас какую-нибудь безвредную и безобидную форму отставки. Я оставлю у себя вашего сына и позабочусь о его воспитании, чтобы вам не пришлось тревожиться за его будущее.

Ёсиаки была дарована свобода – свобода удалиться в изгнание.

Под надзором Хидэёси сына Ёсиаки привезли в крепость Вакаэ. Воистину то был добрый жест в ответ на злодеяния, но подозрительный и обидчивый Ёсиаки решил, что его сына вежливо взяли в заложники. Комендантом крепости Вакаэ был Миёси Ёсицугу, которому пришлось позже предоставить приют и самому Ёсиаки.

Ёсицугу этому, однако же, не слишком обрадовался: заносчивый, хотя и низверженный сёгун изрядно докучал ему. И вот он пошел на хитрость, постоянно внушая Ёсиаки одно и то же:

– Мне кажется, здесь вы не можете чувствовать себя в полной безопасности. Нобунага способен, придравшись к любому пустяку, переменить свое решение и приказать обезглавить вас.

Ёсиаки спешно покинул Вакаэ и переехал в Кии, где попытался подбить монахов-воинов из Кумано и Сайги на восстание, обещая им неслыханные доселе привилегии в обмен на помощь в деле свержения Нобунаги. Однако же, именуя себя прежним титулом и вспоминая свое бывшее могущество, теперь он вызывал у людей только презрение и насмешки. Рассказывали, что и в Кии он задержался ненадолго, переправившись затем в Бидзэн и поступив на содержание клана Укита.

Началась новая эпоха. Свержение сёгуната было подобно внезапному появлению солнца на затянутом тучами небосводе. И вот уже кое-где показалась чистая синева. Ужасны времена, когда, не имея перед собой истинно высокой общегосударственной цели, страной правят бессильные и недалекие правители, не имеющие за душой ничего, кроме титула. Самураи, хозяйничавшие в провинциях, цепко держались за свои привилегии; духовенство копило богатство и усиливало свое и без того огромное влияние. Бессильна была придворная знать, вынужденная сегодня обращаться за помощью к самураям, завтра – к духовенству, а послезавтра – ища защиты от тех и от других у сёгуна. Жители империи были поделены на четыре народа – народ монахов, народ самураев, народ придворных и народ сёгуната, – и все они вели между собой бесконечные войны.

И вот теперь люди затаив дыхание, во все глаза следили за тем, как поведет себя Нобунага. Но хотя в небе уже появились просветы, говорить о полном исчезновении туч было еще рано. Никто не знал, какая беда может приключиться уже завтра. За последние два-три года страна лишилась нескольких человек, игравших ключевую роль. Два года назад умерли Мори Мотонари, князь самой могущественной провинции во всей западной Японии, и Ходзё Удзиясу, подлинный властелин восточной Японии. Но для дела Нобунаги эти события не были столь существенны, как гибель Такэды Сингэна и изгнание Ёсиаки. Особенно важной для Нобунаги стала смерть Сингэна, до тех пор постоянно угрожавшего ему с севера, она развязала руки князю Оде и позволила ему сосредоточить все силы на том направлении, с которого грозило дальнейшее нарастание смуты и распрей. Сейчас, после свержения сёгуната, не могло быть ни малейших сомнений в том, что воинственные кланы в каждой провинции развернут свои боевые

знамена и постараются доказать остальным свое первенство на поле брани.

– Нобунага пошел огнем и мечом на священную гору Хиэй и сверг сёгуна! Эти незаконные деяния заслуживают суровой кары!

Под таким девизом легко было решиться вступить в войну.

Нобунага осознавал, что ему необходимо взять инициативу в свои руки и разбить соперников, прежде чем они успеют договориться между собой.

– Хидэёси, отправляйся домой! Должно быть, я скоро проведу тебя в крепости Ёкояма.

– Буду с нетерпением ждать вас.

Хидэёси понимал суть происходящего и, завезя сына Ёсиаки в Вакаэ, поспешил вернуться в Ёкояму.

В конце седьмого месяца Нобунага вернулся в Гифу. В начале следующего месяца он получил из Ёкоямы послание, собственноручно написанное Хидэёси:

«Час пробил. Пора выступать.»

На восьмой месяц, когда удушливая жара пошла на убыль, войско Нобунаги вышло из Янагасэ и вступило в Этидзэн. В Итидзэгадани им противостояла армия Асакуры Ёсикагэ. На исходе седьмого месяца Ёсикагэ получил срочное послание из Одани от Асаи Хисамасы и его сына Нагамасы, своих союзников в северной Оми:

«Войско Оды идет на север. Не мешкайте с подкреплением. Если задержитесь с помощью, мы пропали».

На военном совете клана Асакура прозвучали определенные сомнения в серьезности нынешних намерений Нобунаги, однако клан Асаи был для Асакуры верным союзником, поэтому на помощь ему спешно выслали десятитысячное войско. Когда это войско, представлявшее собой только передовой отряд армии Асакуры, дошло до горы Тагами, выяснилось, что Ода и впрямь предприняли решительное наступление. Тогда вслед за авангардом Асакуры сразу же выступило войско более чем в двадцать тысяч воинов. Ввиду особой значимости происходящего Асакура Ёсикагэ решил лично возглавить армию. Любые боевые действия в северной Оми представляли для него серьезную опасность, потому что войско клана Асаи являлось по сути первой оборонительной линией самого клана Асакура.

Князя Асаи, и отец, и сын, находились в крепости Одани. Из крепости Ёкояма, расположенной в трех ри от Одани. Хидэёси внимательно следил за Асаи, готовый охотничьим соколом накинуться на них по сигналу своего князя.

Осенью Нобунага атаковал позиции клана Асаи. В ходе внезапной атаки на Киномото он разбил войско провинции Этидзэн: две тысячи восемьсот вражеских голов отрубили воины Оды в этом бою. Противник был вынужден покинуть Янагасэ; в ходе отступления он понес новые значительные потери; высохшие ранней осенью травы по горным склонам почернели от крови.

Воины провинции Этидзэн беспрестанно жаловались на слабость своего войска. Самые дерзкие полководцы поворачивали отступающие войска лицом к неприятелю, самые храбрые воины вступали в схватку с врагом, но терпели все новые и новые поражения. В чем заключалась причина слабости? Почему войско оказалось неспособно противостоять натиску

Оды? Упадок имеет множество причин, и хоть дорога к нему длинна, конец наступает мгновенно. И тогда внезапное и непоправимое падение застаёт врасплох обоих – того, кому суждено погибнуть, и того, кто наносит последний удар. Расцвет и упадок провинций предопределены естественными обстоятельствами и не таят в себе ничего загадочного. О причине слабости клана Асакура можно было догадаться, наблюдая за поведением его вождя и главнокомандующего Ёсикагэ. Столкнувшись с серьезными испытаниями, он утратил самообладание едва ли не раньше всех.

– Все кончено! Нам не спастись даже бегством! Я слишком устал, мой конь – тоже. В горы! – трусливо кричал он.

У Ёсикагэ не было сейчас ни плана контрнаступления, ни воли к борьбе. Думая только о себе, он слез с измученного коня и попытался спрятаться.

– Что вы делаете?

Со слезами ярости и презрения на глазах Такума Мимасака, старший соратник Ёсикагэ, потащил его к лошади и силком заставил сесть в седло, а затем отправил князя в Этидзэн. После чего, возглавив отряд в тысячу воинов, сражался с войском Оды до последнего, чтобы дать своему князю время спастись.

Стоит ли говорить о том, что Такума и все его воины пали в этом бою, истребленные до последнего человека. И вот, пока верные самураи геройски гибли за Ёсикагэ, сам он заперся в главной крепости Итидзёгадани. У него не оставалось воли даже на то, чтобы принять бой за землю своих предков.

Вскоре после возвращения в крепость он вместе с женой и детьми бежал в храм в местечке Оно. Он решил, что, дожидаясь в крепости вражеского штурма, не сумеет в решающую минуту скрыться, и поспешил сделать это заранее. После того как главнокомандующий проявил себя трусом, все его военачальники, командиры и простые воины поспешили разбежаться куда глаза глядят.

Стояла глубокая осень. Нобунага вернулся в лагерь на горе Торагодзэ, откуда и началась осада Одани. С самого прибытия он качал действовать чрезвычайно целеустремленно, как будто с минуты на минуту ожидал падения крепости. Разгромив войско провинции Этидзэн, он вернулся сюда, пока руины Итидзёгадани еще не успели остыть. И сразу же принялся отдавать новые распоряжения.

Маэнами Ёсицугу, сдавшийся Нобунаге военачальник из Этидзэна, был назначен комендантом крепости Тоёхара. В свою очередь Асакура Кагэаки получил должность коменданта крепости Ино, а Тода Ярокуро – коменданта крепости Футю. Таким образом Нобунага взял на службу многих вассалов клана Асакура, знавших толк в управлении этой провинцией. А присматривать за ними и осуществлять общее руководство он приказал Акэти Мицухидэ.

Трудно было бы найти кого-нибудь, кто лучше подходил бы для этой задачи. В годы изгнания и скитаний Мицухидэ стал приверженцем клана Асакура и жил в городе при крепости Итидзёгадани под неусыпным и недоверчивым наблюдением своих новых покровителей. Сейчас бывшее положение полностью изменилось, и его поставили надзирать за теми, кто некогда надзирал за ним.

Разумеется, Мицухидэ испытывал гордость и другие приятные чувства. Ум и способности Мицухидэ успели проявиться в полной мере, и он стал одним из ближайших и любимейших соратников Нобунаги. Мицухидэ умел лучше других разбираться в людях и, прослужив несколько лет клану Ода в военных и мирных делах, прекрасно изучил характер Нобунаги. Он научился понимать слова, жесты и взгляды Нобунаги так же хорошо, как свои собственные. И

даже находясь далеко от своего господина, не терял этой тайной связи.

По несколько раз в день Мицухидэ отправлял к Нобунаге гонцов из Этидзэна. Даже самого ничтожного решения он не принимал, не посоветовавшись заранее с князем. Получая письменные донесения Мицухидэ на горе Торагодзэ, Нобунага писал на них свои резолюции.

Горы пышным осенним цветом пылали на фоне безоблачного неба, а небо отражалось в синих водах озера. Птичье пение навевало сон.

Хидэёси быстро переправился через горы из Ёкоямы. По дороге он без устали шутил с людьми из своей свиты и весело смеялся, обнажая при этом зубы, сверкавшие на солнце белизной. Прибыв в лагерь Нобунаги, он приветствовал всех, кто попадался ему на дороге. Это был человек, воздвигший крепость в Суномате и позже назначенный комендантом крепости Ёкояма. Даже среди военачальников клана уже очень немногие могли бы сравниться с ним заслугами и влиянием, и все-таки он держался со всеми как равный.

Размышляя над тем, как непринужденно держится Хидэёси, и сравнивая его поведение с собственной нарочитой сдержанностью, одни военачальники осуждали Хидэёси, тогда как другие, напротив, относились с одобрением:

– Он достоин всего, чего добился. Но при этом остался таким же, каким был прежде, хотя жалованье его и многократно возросло. Сначала он был слугой, потом самураем, а затем внезапно стал комендантом крепости. И, судя по всему, сумеет пойти еще дальше.

Хидэёси походил по лагерю, затем отправился к Нобунаге, обменялся с ним парой слов, и вот уже они вдвоем пошли на прогулку в горы.

– Какая дерзость! – воскликнул Сибата Кацуиэ, выйдя вместе с Сакумой Нобумори из шатра на окраину лагеря.

– Вот почему его так не любят, хотя он этого, строго говоря, и не заслуживает. Что может быть противнее, чем внимать тому, кто кичится своим умом.

С откровенной злостью обмениваясь подобными фразами, два военачальника следили, как Хидэёси с Нобунагой удаляются в горы.

– Он ничего нам не сказал. И не спросил у нас совета.

– Прежде всего это крайне опасно. Хорошо, сейчас день, но враг может подкараулить в горах где-нибудь в укромном местечке. И как быть, если их сейчас обстреляют?

– Ничего не поделаешь. Его светлость ведет себя как ему заблагорассудится.

– Да нет, это Хидэёси всему виной. Даже когда его светлость выходит на прогулку в сопровождении большой свиты, он всегда вьется где-нибудь поблизости и норовит оттеснить других.

Подобное положение не устраивало и других военачальников. Большинство из них было уверено, что Хидэёси нарочно увел Нобунагу в горы, чтобы, пользуясь своим красноречием, навязать ему какие-то неведомые планы. Это их сильно разозлило.

– Он пренебрегает нами – высокопоставленными военачальниками, истинной опорой клана.

Неизвестно, упускал ли Хидэёси из виду подобные особенности человеческой природы или нарочно пренебрегал ими, но, так или иначе, он увлек Нобунагу в горы, оживленно беседуя с ним и громко смеясь, словно это не совет двух государственных мужей, а прогулка приятелей. Конечно, они отправились в горы не вдвоем, но свита не превышала двадцати или тридцати человек.

– Да, при восхождении на гору приходится изрядно попотеть. Не подать ли вам руку, мой господин?

– Это оскорбление!

– Нет, всего лишь учтивость.

– У меня еще полно сил! Нет ли тут где-нибудь гор повыше, чем эта?

– К сожалению, нет. В здешних краях, по крайней мере. Но ведь и эта достаточно высока!

Утирая пот с лица, Нобунага окинул взглядом расстилающуюся внизу долину. Стражники, пришедшие вместе с Хидэёси, затаились за деревьями.

– Пусть сопровождающие подождут нас здесь. Их присутствие помешало бы дальнейшему разговору.

Хидэёси и Нобунага оторвались от свиты и поднялись еще шагов на сорок вверх.

Здесь уже не росли деревья. Склон покрывала трава и нежный мох – эти места могли бы стать превосходным пастбищем. Вокруг цвели колокольчики. Львиный зев вытягивал свой язычок. Князь и его соратник молча шли вперед. Небо простиралось перед ними, как море.

– Остановимся здесь, мой господин.

– Прямо здесь?

– Сядем на траву.

Когда они опустились наземь на краю пропасти, крепость оказалась прямо под ними.

– Это Одани. – Хидэёси пальцем указал на крепость.

Нобунага кивнул, молча поглядев в том же направлении. Его глаза расширились, князя обуревали сильные чувства. И не только потому, что прямо под ними находилась главная вражеская твердыня. Там, в крепости, осажденной его собственным войском, жила его младшая сестра Оити, выданная когда-то замуж за хозяина крепости и уже подарившая ему четверых детей.

Князь и его вассал сидели в густой траве, доходившей им до плеч. Нобунага долго и неотрывно смотрел на крепость Одани, а затем повернулся к Хидэёси:

– Могу представить себе, как гневается на меня сестра. Ведь это я выдал ее замуж за представителя клана Асаи, даже не удосужившись поинтересоваться ее собственным мнением. Ей было сказано, что необходимо принести себя в жертву на пользу клана и что этот брак послужит укреплению нашей провинции. Хидэёси, мне кажется, все это до сих пор стоит у меня перед глазами.

– Я тоже прекрасно это помню. У нее было невиданное приданое и редкой красоты паланкин, богатая свита, и даже лошадей украсили драгоценными камнями. Великое торжество было в тот день, когда ее выдали замуж и отправили на север за озеро Бива.

– Ей тогда было всего четырнадцать лет.

– Но она уже была на диво хороша.

– Хидэёси!

– Да?

– Ты ведь понимаешь, верно? Как все это для меня мучительно!

– Мне самому крайне тяжело думать об этом, мой господин.

Нобунага мотнул подбородком в сторону крепости:

– Взять эту крепость не составляет никакого труда. Но как сделать так, чтобы при этом не пострадала Оити?

– Когда вы приказали мне произвести разведку в окрестностях крепости Одани, я догадался о том, что вы замышляете кампанию против Асакуры и Асаи. По-моему, вы напрасно не даете волю совершенно естественным чувствам. В этом, мой господин, причина вашего нынешнего уныния. Пусть это и прозвучит бесстыдной лестью, но самоотречение – одна из лучших ваших черт.

– Ты один меня понимаешь. – Нобунага щелкнул языком. – Кацуиэ, Нобумори и остальные смотрят на меня так, словно я уже целых десять дней понапрасну теряю время. На их лицах я читаю откровенное недоумение. Особенно Кацуиэ, судя по всему, исподтишка смеется надо

мною.

– И все это, мой господин, потому, что вы еще не решили, как поступить.

– Я в замешательстве. Если мы решим полностью истребить врага, несомненно, Асаи Нагамаса и его отец заставят Оити умереть вместе с ними.

– Так оно, скорее всего, и будет.

– Хидзэси, ты уверяешь меня в том, что тебя обуревают точно такие же чувства, но держись при этом с поразительным хладнокровием. Неужели тебе и на этот раз удалось что-то придумать?

– Да уж, не без того.

– Так что же ты не спешишь дать покой моей душе?

– Для пользы дела я бы воздержался сейчас от каких бы то ни было советов.

– Но почему же?

– Потому что у нас в ставке слишком много народу.

– Тебя что, тревожит ревность к твоим успехам? Что ж, это понятно. Но ведь все здесь решаю я. Так что давай выкладывай, что ты придумал.

– Смотрите, мой господин. – Хидзэси вновь указал на крепость Одани. – Особенность этой крепости в том, что в ней три отдельных огороженных участка. Князь Хисамаса живет в первом, а его сын Нагамаса и княгиня Оити с детьми – в третьем.

– Вон в том?

– Да, мой господин. Участок между первым и третьим и все примыкающее к нему пространство называется Кёгоку. Здесь живут старшие вассалы – Асаи Гэмба, Митамура Уэмон и Оноги Тоса. Так что при штурме Одани вовсе не обязательно вцепляться в голову или в хвост, мы можем обрушиться на туловище, на Кёгоку, и отрезать два других участка.

– Понятно. Ты хочешь предложить взять приступом Кёгоку.

– Нет. Если мы обрушимся на Кёгоку, из первого и из третьего участков выйдут подкрепления, нас атакуют с двух сторон и разгорится нешуточное сражение. И что нам тогда делать – пробиваться с боем вперед или отступать? В обоих случаях мы не сумеем обеспечить безопасность княгини Оити.

– Так как же нам поступить?

– Разумеется, лучше всего послать кого-нибудь на переговоры в крепость, изложить Асаи все преимущества и недостатки, вытекающие из сложившегося положения, и захватить и крепость, и Оити без единого выстрела.

– Тебе должно быть известно, что я уже дважды предпринимал подобные попытки. Мой посланец сообщил защитникам крепости, что если они сдадутся добровольно, то смогут сохранить за собой власть над округой. Я постарался довести до их сведения, что вся провинция Этидзэн выбрала такую участь. Однако ни Нагамаса, ни его отец не откликнулись на это. Они по-прежнему похваляются своей силой и убеждены, что нам с ними не совладать. А вся их так называемая «сила» заключается в том, что они удерживают Оити заложницей. Они уверены, что я ни за что не решусь на решительный штурм крепости, пока там остается моя сестра.

– Нет, дело не только в этом. За два года, проведенные в Ёкояме, я успел присмотреться к Нагамасе. Он человек властный, решительный и одаренный. Что ж, я заблаговременно продумал вопрос о том, как нам взять эту крепость, если возникнет такая необходимость. И уже захватил Кёгоку, не потеряв ни единого воина.

– Что такое? Что за чушь ты несешь? – Нобунага не поверил своим ушам.

– Да, главный бастион Кёгоку. Мои люди уже овладели им, так что, как я и сказал, вам не о чем тревожиться.

– Это правда?

– Разве я стал бы вам лгать, мой господин, да еще в таком важном деле?

– Но... я просто не могу поверить в это!

– Это как раз понятно. Но вы сможете услышать об этом сами от двоих людей, которые явятся по моему вызову. Вам угодно встретиться с ними?

– Кто они?

– Один – монах по имени Миябэ Дзэнсё. Другой – Оноги Тоса, командир бастиона.

Нобунага не мог скрыть крайнего изумления. Разумеется, он не мог не верить Хидэёси, но для него оставалось загадкой, каким образом тому удалось привлечь на свою сторону старшего вассала клана Асаи.

Хидэёси начал рассказ, словно говоря о совершенно заурядном деле:

– Вскоре после того, как вы, ваша светлость, даровали мне крепость Ёкояма...

Нобунага изумился еще больше. Он во все глаза глядел на рассказчика. Крепость Ёкояма располагалась на передовом оборонительном рубеже; отряд, приданный Хидэёси, должен был противостоять войску Асаи и Асакуры. Нобунага помнил, что назначил Хидэёси временным комендантом крепости, но не припоминал обещаний даровать ему ее во владение. Хидэёси же говорил о крепости как о своей собственности. Однако до поры Нобунага отодвинул эти мысли.

– Так это случилось сразу после штурма горы Хиэй, когда ты прибыл в Гифу поздравлять меня с Новым годом? – осведомился князь.

– Верно. А на обратном пути Такэнака Хамбэй заболел, и нам пришлось задержаться. В Ёкояму мы прибыли уже после наступления темноты.

– Я не в настроении выслушивать обстоятельные рассказы. Переходи прямо к делу.

– Врагу удалось узнать, что меня нет в крепости, и он предпринял ночное нападение. Нам, разумеется, удалось отбить атаку, и мы взяли в плен монаха Миябэ Дзэнсё.

– Взяли в плен? И оставили в живых?

– Да. Вместо того чтобы отрубить ему голову, мы отнесли к нему со всей учтивостью, а позже я наедине потолковал с ним о наступающих переменах и разъяснил, в чем состоит истинное призвание самурая. А он, в свою очередь, поговорил со своим бывшим господином и убедил его перейти на нашу сторону.

– Ты не шутишь?

– Когда идет война, не остается места для шуток.

Охваченный радостью, Нобунага не смог скрыть восхищения хитростью Хидэёси. «Когда идет война, не остается места для шуток!» Как и обещал Хидэёси, вскоре перед Нобунагой предстали Миябэ Дзэнсё и Оноги Тоса. Князь тщательно расспросил их, чтобы убедиться в правдивости рассказа Хидэёси.

Тоса отвечал ясно и четко:

– Сдача крепости – это не только мое единоличное решение. Еще два старших вассала, находящиеся в Кёгоку, пришли к выводу, что противостояние вашему войску не только бессмысленно, но и обрекает наш клан на гибель, а жителей провинции – на ненужные мучения.

Нагамасе не было еще тридцати лет, но двадцатитрехлетняя княгиня Оити уже успела подарить ему четверых детей. Он и его приближенные занимали третий участок в крепости Одани. В действительности эти участки представляли собой три отдельные крепости, окруженные общей стеной.

До вечера с южного склона горы слышалась ружейная пальба. Время от времени глухо била пушка, и каждый раз потолок в княжеских покоях начинал ходить ходуном, как будто готовый рухнуть.

Оити испуганно глядела вверх, крепко прижимая к груди младенца. Ветра не было, но

отовсюду несло гарью, и пламя лампы часто мигало.

– Мама! Мне страшно!

Хацу, младшая дочь, испуганно льнула к материнскому рукаву, а Тятя, старшая, молча обвивала руками колени Оити. Сын же, хотя еще и совсем маленький, не искал защиты у матери. Он играл, целясь из детского лука в служанку. Это был наследник Нагамасы, Мандзюмару.

– Дайте мне поглядеть! Дайте мне поглядеть, как сражаются! – без устали кричал маленький Мандзю, тыча в служанку концом тупой стрелы.

– Мандзю, – вмешалась мать, – за что ты ее бьешь? Твой отец на войне. Или ты забыл, что он велел тебе вести себя хорошо, пока он будет сражаться? Если вассалы будут смеяться над тобой, то из тебя никогда не получится хорошего военачальника.

Мандзю был не так уж мал и мог понять кое-что из того, о чем говорила мать. Какое-то время он внимательно вслушивался в ее слова, а затем неожиданно громко заплакал.

– Хочу поглядеть! Хочу поглядеть, как сражаются!

Домашний наставник малолетнего княжича тоже не знал, что предпринять, и в полной растерянности стоял рядом. Как раз в эти минуты в сражении наступило затишье, хотя кое-где и постреливали. Старшей дочери Тяте уже было семь лет, и она догадывалась, в какое трудное положение попал сейчас ее отец, почему так печальна мать и о чем думают защитники крепости.

Поэтому она решила вмешаться в разговор:

– Мандзю! Не сердь мамочку! Неужели ты не видишь, как ей трудно? Отец сражается с врагом. Ведь так, мамочка?

Услышав упрек, Мандзю сердито посмотрел на сестру и вдруг набросился на нее со стрелой в руке.

– Ах ты, дура!

Тятя закрыла лицо рукавом и спряталась за спиной у матери.

– Веди себя хорошо! – Оити отняла у мальчика стрелу и заговорила с ним, пытаясь успокоить.

И вдруг снаружи, у главного входа, послышались чьи-то тяжелые шаги.

– Что такое? Встать на сторону Оды? Да кто они такие? Простые деревенские самураи с задворков жалкой Овари! И вы считаете, что я сложу оружие и сдамся такому ничтожеству, как Нобунага? Клан Асаи куда могущественней!

Асаи Нагамаса вошел в комнату в сопровождении нескольких военачальников, отчаянно споря с ними.

Увидев, что его жена и дети пребывают в полной безопасности в укромном сумеречном помещении, он почувствовал облегчение.

– Что-то я немного устал, – сказал он, садясь и ослабляя тесемки на доспехах. А затем вновь обратился к своим военачальникам: – Судя по сегодняшней обстановке, враг может пойти на приступ к полуночи. Так что сейчас нам лучше отдохнуть.

Когда военачальники поднялись, собираясь уйти, Нагамаса радостно вздохнул. Даже в разгар сражения он не забывал о супружеских и отцовских чувствах.

– Тебя не напугала сегодняшняя пальба, дорогая? – спросил он у жены.

Окруженная детьми, Оити ответила:

– Нет, нам здесь было совсем не страшно.

– Может, Мандзю или Тятя боялись и плакали?

– Можешь гордиться ими. Они оба вели себя как взрослые.

– Вот как? – Нагамаса заставил себя улыбнуться. – Нам не о чем беспокоиться. Ода

предпринял отчаянную атаку, но мы сумели отбить ее. Даже если осада продлится еще двадцать, или даже тридцать, или сто дней, мы все равно не сдадимся. Мы – Асаи! Мы никогда не покоримся этому выскочке Нобунаге.

Стоило ему заговорить о клане Ода, и в его речи начинало сквозить глубокое презрение. Но сейчас он неожиданно замолчал.

Лампа светила сзади. Оити не отрываясь смотрела на младенца, сосавшего ее грудь. А ведь она приходилась Нобунаге родной сестрой! Нагамаса испытал прилив чувств. Даже внешне она была похожа на Нобунагу. Она походила на него и чертами, и нежным цветом лица.

– Ты плачешь?

– Ребенок иногда становится беспокоен и кусает меня за сосок, если нет молока.

– У тебя нет молока? Все потому, что тебя гложет тревога. Ты так похудела. Но ты мать, и здесь твое поле боя.

– Я это понимаю.

– Наверно, я кажусь тебе слишком строгим супругом.

Не выпуская младенца из рук, Оити под села поближе к мужу:

– Нет, не кажешься! Да и на что мне жаловаться? На все воля судьбы.

– Воля судьбы – не слишком большое утешение. Быть женой самурая куда тяжелее, чем ходить по раскаленным угольям. Если же чувства не прочны, тебе не обрести покоя души.

– Я пытаюсь возвыситься до таких мыслей, но единственное, о чем я сейчас думаю, это мои дети.

– Моя дорогая, в день нашей свадьбы я не думал, что ты останешься моею навеки. Отец никогда не согласился бы признать тебя достойной женой вождя клана Асаи.

– Что? О чем ты?

– В подобные минуты надо говорить всю правду. Это мгновение не повторится, потому сейчас я открою тебе душу. Когда Нобунага прислал тебя ко мне для женитьбы, это был всего лишь политический расчет. С самого начала я видел, что у него на уме – Нагамаса на мгновение запнулся. – Но, несмотря на это, между нами вспыхнула любовь, которой ничто было не в силах помешать. У нас родилось четверо детей. Ты больше не сестра Нобунаги. Ты моя жена и мать моих детей. Ты не должна проливать слезы по нашему общему врагу. Так почему же ты так похудела и почему у тебя не хватает молока для нашего ребенка?

Теперь Оити все стало ясно. Все, что она считала волею судьбы, на поверку обернулось голый политической игрой. Ее выдали замуж по расчету – и по расчету взяли в жены с самого начала Нагамаса считал, что за Нобунагой необходимо присматривать. Но ведь Нобунага когда-то искренне любил мужа своей младшей сестры!

Нобунага был убежден в том, что перед наследником клана Асаи открывается великое будущее, и вполне доверял ему. Но задуманный союз с самого начала омрачали более тесные связи между Асаи и Асакурой из провинции Этидзэн. Союз Асаи и Асакуры не был временным соглашением о военной взаимовыручке, он основывался на дружбе, любви и многолетней традиции. А Асакура и Ода враждовали давным-давно. Ведь когда Нобунага обрушился на Сайто в Гифу, Асакура помогал последнему чем только мог.

Нобунага тогда избежал столкновения с ним только благодаря тому, что направил Асакуре письменное обязательство не покушаться на земли, находящиеся у него во власти.

Вскоре после свадьбы отец Нагамасы и представители клана Асакура, которым он был столь многим обязан, принялись внушать молодожену, что ему ни в коем случае не стоит полностью доверять жене. А через некоторое время Асаи, Асакура, сёгун, Такэда Сингэн из Каи и монахи-воины с горы Хиэй заключили союз против Нобунаги.

На следующий год Нобунага вторгся в Этидзэн. И тут же последовал вероломный удар в

спину. Отрезав Нобунаге путь к отступлению и действуя согласованно с кланом Асакура, Нагамаса вознамерился не только победить Нобунагу, но и уничтожить его. В ту суровую пору Нагамаса ясно дал понять Нобунаге, что не станет руководствоваться родственными отношениями, хотя сам Нобунага так и не смог в это поверить. Силы клана Асаи, более чем удвоенные боевым духом человека, которого Нобунага считал родственником и другом, стали тяжелейшей угрозой для него и его дела, под ногами у князя Оды загорелась земля. Однако теперь, после падения провинции Этидзэн, крепость Одани уже ничем не грозила Нобунаге и ничем не могла ему помешать.

Тем не менее до самого последнего часа Нобунага питал надежду на то, что ему не придется убивать Нагамасу. Разумеется, он уважал его за воинскую доблесть, но, главное, ему не хотелось причинять горе Оити. Люди находили подобное великодушие странным, тем более что речь шла о человеке, огню и мечу подвергшем гору Хиэй и прозванном за это «царем демонов».

Осень вступала в свои права. На заре трава вокруг крепости покрывалась инеем.

– Мой господин, произошло ужасное!

Голос вассала Нагамасы Фудзикагэ Микавы выдавал полную растерянность. Сам Нагамаса провел эту ночь не снимая доспехов, рядом с ложем под москитной сеткой, на котором спали его жена и дети.

– В чем дело, Микава?

Учащенно дыша, он выбежал из спальни. Внезапная атака на рассвете? Эта мысль первой пришла ему в голову. Но весть, которую принес Микава, оказалась еще страшнее.

– Нынешней ночью войско Оды взяло Кёгоку.

– Что?

– Это истинная правда, мой господин. Можете убедиться сами.

– Не может быть!

Нагамаса быстро взобрался на сторожевую башню, спотыкаясь на темных ступенях. Хотя участок Кёгоку находился на порядочном расстоянии от башни, сейчас казалось, будто он лежит прямо под ногами. Над Кёгоку вилось множество знамен, но ни одно из них не принадлежало клану Асаи. А яркие иероглифы на стяге, гордо реявшем на ветру, свидетельствовали о том, что там обосновался Хидэёси.

– Нас предали! Что ж, хорошо! Я им всем покажу! Я покажу Нобунаге и всем самураям в нашей стране! – произнес Нагамаса с кривой усмешкой. – Я покажу им, как умирает Асаи Нагамаса!

По темной лестнице Нагамаса спустился со сторожевой башни. Вассалам, сопровождавшим князя, казалось, будто он спускается в преисподнюю.

– Что происходит? Что, в конце концов, происходит? – вопрошал по дороге вниз один из военачальников Асаи.

– Оноги Тоса, Асаи Гэмба и Митamura Уэмон перешли на сторону врага, – пояснил другой.

А третий горько добавил:

– Старшие соратники клана оказались самыми обыкновенными предателями.

– Это бесчеловечно!

Обернувшись к вассалам, Нагамаса произнес:

– Прекратите ныть!

Они оказались в просторном помещении с деревянным полом на первом этаже башни. Снаружи сюда просачивался слабый свет. Хорошо укрепленная комната походила не то на огромную клетку, не то на тюремную камеру. Сюда заносили раненых, и многие из них лежали

на циновках, стена и плача.

Когда Нагамаса проходил по комнате, некоторые пытались встать перед ним на колени.

– Их смерть не должна стать напрасной! Их смерть не должна стать напрасной!

На глазах у Нагамасы стояли слезы. Но он еще раз обернулся к своим военачальникам и вновь запретил им жаловаться:

– Нет смысла хулить предателей. Каждый из вас должен сделать собственный выбор – сдаться врагу или погибнуть вместе со мной. Обе стороны ведут войну ради высших целей. Нобунага сражается за объединение страны, я борюсь за честь и права сословия самураев. Если кто-то из вас предпочитает дело Нобунаги – что ж, я никого не неволю. И уж, конечно, никого не стану останавливать!

С этими словами Нагамаса вышел из башни, чтобы посмотреть, как обстоят дела с обороной крепости, но не успел он сделать и ста шагов, как ему донесли о событии еще более горестном, чем падение Кёгоку.

– Мой господин! Мой господин! Ужасное известие!

Один из его командиров, обливаясь кровью, бросился навстречу князю и рухнул перед ним на колени.

– В чем дело, Кютаро?

Нагамаса уже догадывался, что услышит нечто воистину страшное. Вакуи Кютаро не состоял на службе в третьем участке, он был в свите отца Нагамасы.

– Ваш достопочтенный отец, князь Хисамаса, только что совершил сэппуку. Я пробился через вражеские ряды, чтобы доставить вам это.

Кютаро, стоя на коленях и тяжело дыша, достал шелковое кимоно, в которое был завернут пучок волос Хисамасы, и протянул Нагамасе.

– О Небо! Значит, первый участок тоже пал?

– Перед рассветом отряд воинов прошел потайным ходом из Кёгоку под знаменем Оноги. Воины объявили, что военачальнику Оноги необходимо срочно увидеться с князем Хисамасой. Полагая, что тот по-прежнему предан князю, стража впустила отряд в здание. И тут воины Оноги обрушились на них и с боем проложили себе дорогу во внутренние покои.

– Это был враг?

– Большая часть из них – люди Хидэёси, но дорогу им показали, вне всякого сомнения, сторонники предателя Оноги.

– Ну и что же отец?

– Он героически сражался до последнего. Он поджег внутренние покои, прежде чем совершил сэппуку. Но врагу удалось погасить огонь и овладеть зданием.

– Вот как? Потому-то мы и не видели ни огня, ни дыма.

– Если бы пламя пробилось наружу, вы, конечно, прислали бы подкрепления. Или решили бы поджечь и это здание и уйти из жизни вместе с женой и детьми. Мне кажется, именно этого опасался враг, именно этого ему хотелось избежать.

И вдруг Кютаро впился ногтями в землю и застонал:

– Мой господин... Я умираю...

Его голова бессильно поникла, руки разъехались по земле. Он сражался и победил в схватке более жестокой, чем шла на поле боя.

– Еще одна душа отлетела, – вздохнул кто-то за спиной у Нагамасы, и тут же послышалась зауспокойная молитва.

Четки стучали в мертвой тишине. Обернувшись, Нагамаса увидел, что молится верховный священник Юдзан, один из многих изгнанников, укрывшихся здесь от войны.

– Известие о смерти князя Хисамасы чрезвычайно прискорбно, – сказал Юдзан.

– Ваше преподобие, у меня к вам просьба.

Голос Нагамасы был по-прежнему тверд. Речь его звучала хладнокровно, хотя вряд ли это спокойствие могло кого-нибудь обмануть.

– Настала моя очередь. Мне хочется собрать всех подданных и отслужить заупокойную службу, пока я еще считаю себя живым. В долине за Одани есть могильный камень, на котором вырезано посмертное буддийское имя, дарованное мне вами. Не соблаговолите ли вы внести этот камень в крепость? Вы священник, и враг наверняка вас пропустит.

– Разумеется.

Юдзан сразу же ушел. Едва он исчез, как примчался один из военачальников Нагамасы, едва не сшибив князя с ног:

– К воротам прибыл Фува Мицухару.

– Кто он такой?

– Вассал князя Нобунаги.

– Враг? – Нагамаса плюнул наземь. – Гоните его прочь! Мне не нужны вассалы Нобунаги.

А если не послушается, закидайте его камнями!

Один из самураев бросился выполнять приказ Нагамасы. Но почти сразу же появился другой командир:

– Вражеский посланец все еще стоит у ворот. Он ни за что не желает уходить. Он говорит, что надо уважать правила войны, а значит, отвечать на приглашение к переговорам. Он спрашивает, почему мы не относимся к нему с должной учтивостью как к посланцу из другой провинции.

Нагамаса не поддался на уговоры и возразил:

– Почему вы просите за человека, которого я велел прогнать?

Тут к нему подошел еще один командир:

– Мой господин, законы войны гласят, что вам необходимо встретиться с ним, хотя бы ненадолго. Мне не хотелось бы думать, будто князь Асаи пребывает в таком смятении чувств, что отказывается даже выслушать вражеского посланца.

– Ну хорошо, впустите его. В конце концов, я могу его и выслушать. Прямо здесь. – И Нагамаса указал на небольшую пристройку для стражи.

Большинство воинов Асаи, находящихся в крепости, надеялись на то, что прибытие посланца означает мир. И не потому, что были недостаточно преданы своему князю или тем более осуждали его. Дело в том, что «долг», как понимал и проповедовал его Нагамаса, а значит, и причины нынешней войны были нерасторжимо связаны с действиями провинции Этидзэн и клана Асакура, а также с завистью, которую Нагамаса испытывал к успехам замыслов Нобунаги. Воины слишком хорошо понимали это.

Но было и еще кое-что. Хотя крепость Одани до недавних пор оставалась неприступной, уже пали два бастиона. Много ли шансов на спасение, не говоря уж о победе, оставалось у них, запертых в оставшемся участке?

Поэтому появление посланца от Оды означало для них проблеск синевы в грозном небе. Чего-то в таком роде они и ждали. Фува прошел в крепость, в комнату, в которой дожидался его Нагамаса, и опустился перед ним на колени.

Присутствующие одарили военачальника Фува враждебными взглядами. Их волосы были всклокочены, на теле и руках запеклись свежие раны. Но коленопреклоненный Фува заговорил с почтением, не подобающим командиру такого высокого звания:

– Я имею честь быть посланцем князя Нобунаги.

– На поле боя можно обойтись без лишних церемоний. Переходите прямо к делу, – перебил его Нагамаса.

– Князь Нобунага уважает вашу верность союзническому долгу по отношению к клану Асакура, но сейчас этот клан уже сдался на милость победителя, а зачинщик всей смуты сёгун удался в изгнание. И давнишние обиды, и старинная дружба – все это сейчас оказалось далеко в прошлом, так чего же ради продолжают воевать друг с другом кланы Асаи и Ода? Мало того. Князь Нобунага – брат вашей жены, а вы – возлюбленный супруг его младшей сестры.

– Все это я уже слышал. Если вы предлагаете мир, я наотрез отказываюсь. Вам не следует злоупотреблять красноречием.

– При всем уважении к вам у вас сейчас нет иного выхода, кроме капитуляции. Вы проявили себя в этой войне безупречно. Так почему же не смириться с неизбежным, не сдать крепость и не начать трудиться во благо своего клана? Если вы изволите согласиться на это, князь Нобунага дарует вам всю провинцию Ямато.

Нагамаса презрительно рассмеялся. Но все же дал посланцу закончить свою речь.

– Пожалуйста, передайте князю Нобунаге, что меня хитрыми речами и обещаниями не обманешь. Единственное, что его волнует, – это судьба его сестры, а вовсе не моя.

– Это неподобающий взгляд на вещи.

– Думайте, что вам угодно, – прошипел Нагамаса, – но извольте вернуться к вашему князю и сообщить ему, что я не намерен выкупать себе жизнь благодаря родственным связям. И хорошо бы вам убедить его в том, что Оити – это моя жена, а вовсе не его сестра.

– Значит, вы собираетесь разделить судьбу этой крепости, как бы горька она ни оказалась?

– Это не только мой выбор, но и решение моей жены.

– Тогда мне больше не о чем говорить.

И Фува вернулся в лагерь Нобунаги.

После возвращения Фувы в крепости воцарилось ощущение безнадежности. Воины, надеявшиеся на успешный исход мирных переговоров, осознали только то, что они почему-то сорвались, и впали в уныние, потому что отныне были обречены.

Для скорби имелась и другая причина. В разгар битвы состоялись похороны отца Нагамасы, и голоса людей, распевających сутры, доносились из глубины здания до начала следующего дня.

Оити и четверо ее детей облачились в белые шелковые одежды и переплели волосы черными лентами. Казалось, на них уже снизошла чистота нездешнего мира. И даже тех вассалов, которые безропотно согласились разделить участь своего князя, охватила невыразимая горечь.

Юдзан уже вернулся к крепость в сопровождении нескольких работников, принесших камень. Перед рассветом в главном зале крепости разложили цветы и воскурили благовония – здесь готовилась заупокойная служба по еще живущим.

Юдзан обратился к приверженцам клана Асаи с такими словами:

– Блюдя самурайскую честь, хозяин этой крепости князь Асаи Нагамаса ушел от нас, как облетает прекрасный цветок. Вам, его соратникам, надлежит отдать ему последние почести.

Нагамаса сидел возле собственного надгробного камня и действительно казался уже мертвым. Поначалу присутствующие самураи не поняли, свидетелями какого зрелища они стали. Они спрашивали друг друга, что происходит, и недоумевали, зачем понадобился столь странный и скорбный ритуал.

Но Оити с детьми и родичи Нагамасы опустились на колени перед памятником и воскурили благовония.

Кто-то заплакал, и вот уже волнение охватило всех. Вооруженные люди в доспехах, заполнившие зал, стояли понурив головы и пряча друг от друга глаза. Никто не смел посмотреть в ту сторону, где восседал Нагамаса.

Когда церемония завершилась, несколько самураев во главе с Юдзаном взвалили камень на

плечи и вынесли из здания. Они прошли на берег озера Бива, сели в лодку, отплыли и утопили его на расстоянии в сотню кэнгов от острова Тикубу.

Перед лицом кончины Нагамаса обратился к вассалам с мужественной речью, ибо от его внимания не ускользнул упадок боевого духа у тех, кто возлагал надежды на успешный исход мирных переговоров. Его «похороны заживо» возымели действие, укрепив сердца защитников крепости. Если князь принял отважное решение умереть в бою, то и они разделят его участь. Настало время проститься с этим миром. Решимость Нагамасы вдохновила его соратников. Но хотя и был Нагамаса одаренным военачальником, истинным полководческим талантом он все же не обладал. Он мог заставить своих воинов умереть вместе с командиром, но не умел заставить их сделать это, ликуя. Воины обступили князя, ожидая окончательного решения.

Около полудня у крепостных ворот послышался крик:

– Начался штурм!

Стрелки на стене всполошились, выискивая цели. Но из всего вражеского воинства к крепости как ни в чем гб бывало подъехал один-единственный всадник. Недоумевая, защитники наблюдали за его приближением.

Когда он подъехал поближе, один из командиров сказал вооруженному мушкетером воину:

– Должно быть, какой-то вражеский военачальник. Но на посланца не похож. Это подозрительно. Стрельни-ка.

Командир хотел, чтобы дали один предупредительный выстрел, но выстрелили одновременно трое или четверо стрелков.

Услышав залп, всадник сдержал коня. Вид у него был весьма озадаченный. Затем он достал вымпел с алым солнцем на золотом фоне и, размахивая им над головой, закричал:

– Эй, воины! Погодите-ка! Или вам так не терпится застрелить человека по имени Киносита Хидэёси? Тогда подождите, пока я не переговорю с князем Нагамасой.

С этими словами он помчался прямо к воротам.

– Да, это Киносита Хидэёси из клана Ода. Все верно. Интересно, что ему тут понадобилось. Военачальник, произнесший эти слова, питал большие сомнения относительно причины появления Хидэёси, однако подстрелить его уже никто не пытался.

Хидэёси подъехал к самым воротам:

– Мне необходимо передать послание!

Что происходит? Голоса у ворот звучали все громче, а вскоре послышался и непринужденный смех. Военачальник в недоумении выглянул из-за парапета:

– Оставьте свои хлопоты. Полагаю, вы прибыли с очередным посланием от князя Нобунаги. Но вы понапрасну тратите время. Убирайтесь отсюда!

Теперь заорал во всю мочь Хидэёси.

– А ну-ка тихо! Или вы думаете, что простой служака вправе прогнать гостя, даже не испросив княжеского совета? Эта крепость, считайте, взята, и я не так глуп, чтобы терять время на бессмысленные переговоры с теми, кто и так обречен на гибель.

Речь Хидэёси никак нельзя было назвать учтивой.

– Я прибыл сюда по поручению князя Нобунаги, чтобы передать благовония на смертное ложе князя Нагамасы. Как нам стало известно, князь Нагамаса преисполнен решимости умереть и даже отслужил по себе заупокойную службу. Нобунага и Нагамаса были друзьями, так почему же князь Ода не вправе послать благовония на смертное ложе своего друга? Или вы настолько утратили понятие об учтивости, что вас оскорбляет подобное проявление искренней привязанности? Или же все не так – и князь Нагамаса с вассалами решили умереть, повинувшись лишь минутному порыву? А может быть это вообще обман или показное мужество труса?

Военачальник в растерянности отпрянул от края стены. Какое-то время не было никакого ответа, но вот крепостные ворота чуть приотворились.

– Господин Фудзикагэ Микава дал согласие обменяться с вами парой слов. – сказал воин, впустивший Хидэёси. И тут же добавил: – А князь Нагамаса отказывается вас видеть.

Хидэёси кивнул:

– Разумеется. Я и не собираюсь настаивать на встрече с покойником.

С этими словами он быстро шел вперед, не оглядываясь по сторонам. Все недоумевали: как осмеливается этот человек столь бесстрашно и даже беспечно разгуливать по вражеской

крепости.

Хидээси шел длинной наклонной тропой от первых ворот к главным, не обращая никакого внимания на сопровождавшего его человека. У входа в здание приветствовать гостя вышел военачальник Микава.

– Давненько мы не виделись, – бросил Хидээси, как будто случайно встретился с приятелем.

Они впрямь когда-то встречались, и Микава с улыбкой ответил:

– Да, давненько. Но нынешнее свидание – да еще в таких обстоятельствах – весьма неожиданно. Не правда ли, господин Хидээси?

Лица защитников крепости выражали замешательство, но старый военачальник сохранял самообладание и говорил спокойно.

– Господин Микава, мы с вами не виделись со дня свадьбы княгини Оити, не так ли? С тех пор и впрямь много воды утекло.

– Что верно, то верно.

– Прекрасный был день! И чрезвычайно удачный для обоих наших кланов.

– Кто мог подумать, что уготовит нам в дальнейшем судьба? Но когда размышляешь над тем, какие беды и смуты случались в истории, то нынешние обстоятельства уже не кажутся столь необычайными. Ну ладно, входите. Особо знатный прием я вам устроить не могу, но от чашки чаю вы, надеюсь, не откажетесь?

Микава провел Хидээси в чайный домик. Следуя за старым седовласым военачальником, Хидээси осознал, что тот уже переступил черту, отделяющую жизнь от смерти.

Маленький уединенный чайный домик находился на лужайке под деревьями. Хидээси уселся и почувствовал, что перенесся в другой мир. В тишине и покое чайного домика и гость, и хозяин отвлеклись от кровавых раздоров, бушевавших снаружи.

Осень подходила к концу. С трепещущих ветвей облетала листва, но на полу в домике не было ни соринки.

– Я слышал, что вассалы князя Нобунаги теперь тоже увлечены искусством чайной церемонии.

Затеяв светскую беседу, Микава поставил котелок с водой на огонь.

Хидээси отметил, с каким достоинством держится старик, и поспешил извиниться:

– Князь Нобунага и его вассалы и впрямь увлечены искусством чайной церемонии, но ко мне это не относится. Я по природе самый настоящий невежа, и в чае мне нравится только его вкус.

Микава заварил чай и разлил его по чашкам. Его движения были исполнены едва ли не женской грации. Руки и тело, привыкшие к тяжкому железу брони и оружия, выглядели отнюдь не жилистыми, но и вовсе не старческими. В чайном домике с его бесхитростным убранством доспехи, в которые был облачен старый воин, казались совсем не к месту.

«Хороший человек», – подумал Хидээси, наслаждаясь обществом военачальника больше, чем вкусом чая. Но как все-таки выманить Оити из крепости? Горе, обуявшее Нобунагу, было и его горем. И поскольку до сих пор события развивались согласно предложениям Хидээси, он чувствовал себя обязанным решить и эту задачу.

Крепость падет в тот день, когда им вздумается ее взять, но какой в этом смысл, если потом придется бесплодно рыться в остывшем пепле? Ведь Нагамаса заранее объявил и сторонникам, и врагам, что собирается умереть и что жена исполнена решимости разделить его участь.

Нобунага надеялся на невозможное: одержать победу в сражении и заполучить Оити, не причинив ей вреда.

– Пожалуйста, не утруждайте себя церемониями, – сказал Микава, протягивая гостю чашку

чаю.

Усевшись на колени по самурайскому обычаю, Хидзэси неуклюже взял чашку и осушил ее в три глотка.

– Ах, как вкусно! Даже не думал, что чай может быть так вкусен. Не считите за лесть.

– Так, может быть, еще чашечку?

– Нет, благодарю вас, я уже утолил жажду. Жажду тела, по крайней мере. Но я не знаю, как утолить жажду моей души. Господин Микава, вы, судя по всему, именно тот человек, с которым я могу поговорить начистоту. Вы соблаговолите меня выслушать?

– Я приверженец клана Асаи, а вы представитель клана Ода. С учетом этого различия я готов вас выслушать.

– Я хотел бы, чтобы вы помогли мне увидаться с князем Нагамасой.

– В этом вам было отказано, когда вы подъехали к воротам. Вас впустили только потому, что вы заявили, будто вовсе не добиваетесь свидания с князем Нагамасой. Зайти так далеко, а потом отказаться от своих слов было бы бесчестно. Я не могу обещать вам свою помощь в организации такой встречи.

– Нет-нет. Я говорю не о встрече с живым Нагамасой. От имени князя Нобунаги я хотел бы воздать последние почести душе князя.

– Оставьте эти лицемерные выверты. Да если бы я и передал ему вашу просьбу, нет никаких оснований надеяться на то, что он согласится. Мне хотелось проявить самурайскую учтивость самого высокого свойства, разделив с вами чашку чаю. Вы меня обманули. Поэтому, если у вас есть хоть малейшее чувство чести, немедленно покиньте меня. Не позорьтесь!

«Не вставать. Оставаться здесь во что бы то ни стало». Хидзэси решил добиться своего. Он сидел молча, не двигаясь, но никакие уловки, судя по всему, не могли обмануть старого воина.

– Что ж, пора вам восвояси, – произнес Микава.

Хидзэси, ничего не ответив, сердито отвернулся от него. А в это время хозяин приготовил себе еще чаю. Выпив его подчеркнуто торжественно и отстраненно, он начал убирать чайные принадлежности.

– Простите за дерзость, но, пожалуйста, позвольте мне побыть здесь еще немного, – сказал Хидзэси, по-прежнему не двигаясь с места, с таким выражением на лице, что рука не поднялась бы прогнать его силой.

– Можете оставаться сколько захотите, только вы все равно ничего не добьетесь.

– Почему же?

– Понимайте как вам угодно. Что вы собираетесь здесь делать?

– Слушать, как закипает вода в чайнике.

– Вода в чайнике? – рассмеялся военачальник. – А вы еще утверждаете, что не владеете искусством чайной церемонии!

– Да, я ничего не знаю о чае, но мне нравится этот звук. Может быть, потому, что за всю войну я не слышал ничего, кроме человеческих криков и конского ржания, шум воды чрезвычайно приятен. Пожалуйста, позвольте мне просто посидеть здесь и еще разок хорошенько подумать.

– Ваши размышления не принесут никакой пользы. Я все равно не позволю вам встретиться с князем Нагамасой. Более того, не подпущу вас к главному зданию ни на шаг.

Хидзэси оставалось только переменить тему разговора:

– Этот чайник и впрямь на диво приятно шумит!

Он подсел поближе к очагу и уставился на железный чайник, замерев в восхищении. Его внимание привлек орнамент, которым был украшен чайник. Нелепое существо, не то человек, не то обезьяна, сидело на дереве, держась руками и ногами за ветки, словно паря между небом и

землей.

«Оно похоже на меня!» – подумал Хидэёси, не в силах сдержать улыбку. Внезапно ему вспомнилось время, когда он состоял на службе у Мацуситы Кахэя и когда потом, покинув его, рыскал по горам и лесам в поисках пищи и пристанища.

Хидэёси не знал, вышел ли Микава из домика, чтобы сторожить его снаружи, или просто поспешил удалиться, разочаровавшись в собеседнике, но, так или иначе, его уже не было.

«Ага, это интересно. Это уже по-настоящему интересно», – подумал Хидэёси. Казалось, он разговаривает с чайником, бормоча что-то себе под нос. Хидэёси покачал головой. Он решил ни за что не уходить отсюда и использовать любые обстоятельства для достижения поставленной цели.

Из глубины сада до Хидэёси донеслись голоса двоих детей, изо всех сил старающихся сдержать смех, потому что веселье им было сейчас строго-настрого запрещено. Они уже подошли к чайному домику и устали на Хидэёси из-за ограды.

– Погляди! Он похож на обезьяну!

– Да. Просто вылитая обезьяна.

– Интересно, откуда он взялся?

– Наверно, посланец от Обезьяньего Бога.

Хидэёси обернулся и увидел прячущихся за оградой детей. Они уже давно наблюдали за ним, пока он сидел перед очагом, погружившись в размышления.

Он очень обрадовался. Он не сомневался в том, что перед ним двое из четверых детей Нагамасы, – мальчика звали Мандзю, а его старшую сестру – Тятя. Хидэёси улыбнулся детям.

– Гляди-ка! Он улыбается!

– Господин Обезьяна улыбается!

Дети принялись перешептываться. Хидэёси принял обиженный вид. Это произвело еще большее впечатление. Обнаружив, что господин Обезьяна с такой живостью отзывается на их поведение, они показали ему языки и стали строить рожицы.

Теперь они играли в гляделки, уставившись друг на друга и стараясь не мигать.

Хидэёси мигнул и расхохотался, признавая свое поражение.

Мандзю и Тятя весело рассмеялись. Почесав голову, Хидэёси махнул им, приглашая приблизиться, чтобы сыграть еще в какую-нибудь игру.

Дети как зачарованные потянулись к нему. Вот они уже открыли калитку и скользнули на лужайку у чайного домика.

– Откуда вы, господин?

Хидэёси спустился с веранды и принялся завязывать тесемки соломенных сандалий. Играя, Мандзю пощекотал ему затылок длинной травинкой. Хидэёси терпеливо продолжил управляться с сандалиями.

Но когда он выпрямился во весь рост, дети увидели выражение его лица, испугались и бросились наутек.

Неожиданное бегство застало Хидэёси врасплох. Как только мальчик рванулся с места, он схватил его одной рукой за шиворот, а второй попробовал поймать Тятю, но она завизжала во весь голос, вырвалась и скрылась. Мандзю же был так напуган, что сперва не издал ни звука. Но, упав на землю и поглядев снизу вверх на Хидэёси, лицо которого грозно темнело на фоне синего неба, он разразился плачем.

Фудзикагэ Микава, оставив Хидэёси в чайном домике, прогуливался в одиночестве по тропинкам сада. Он первым услышал вопли Тяти, а сразу же вслед за этим – плач Мандзю. В тревоге он бросился на крик.

– Что такое? Ах ты, негодяй! – воскликнул Микава, и рука его непроизвольно потянулась к

рукояти меча.

Стоя рядом с Мандзю, Хидэёси резким голосом приказал ему остановиться. Это был трудный момент. Микава собрался было поразить Хидэёси мечом, но в ужасе отпрянул, увидев, что тот намерен сделать. А Хидэёси, держа меч обеими руками, занес его над головой Мандзю, и на лице у него была написана твердая решимость немедленно расправиться с мальчиком.

У храброго и хладнокровного воина мурашки побежали по коже, его седые волосы встали дыбом.

– Ах ты, негодяй! Что ты собираешься сделать с мальчиком?

В голосе Микавы гнев слился с мольбой. Он чуть приблизился, дрожа всем телом от злости и горечи. Когда люди, прибежавшие на гневный голос военачальника, сообразили, что происходит, они подняли отчаянный крик и побежали оповещать всех вокруг.

Тем временем от ворот и из внутренних покоев сбежалась стража.

Набежавшие к чайному домику самураи плотным кольцом окружили злодея, занесшего меч над головой Мандзю. Но накинуться на Хидэёси они не решались. Возможно, их остановила решимость, сквозящая у него во взоре. Они не знали, что предпринять. Единственное, что оставалось, – это поднять общую тревогу.

– Господин Микава! – Хидэёси обращался только к одному из окруживших его воинов. – Я жду. Мне придется прибегнуть к насилию, но у меня нет другого выхода. Иначе я огорчу своего господина. Если вы не дадите ответа, я убью господина Мандзю! – Он обвел столпившихся вокруг самураев огненным взглядом и продолжил: – Господин Микава, уберите отсюда этих воинов! А потом поговорим. Или вы не видите, что происходит? Значит, вы просто медленно соображаете. Ведь вам не удастся убить меня, одновременно сохранив жизнь ребенку. Положение точь-в-точь как у моего господина, которому хочется взять эту крепость и вместе с тем сохранить жизнь Оити. Ну, и как вам удастся спасти мальчика? Даже если вы выпалите из мушкета, я успею нанести смертельный удар.

Какое-то время все слушали его как зачарованные, в мертвой тишине. Хидэёси стоял неподвижно, только язык двигался во рту. Но вот пришли в движение глаза: он оглядывал окруживших его врагов, в любое мгновение ожидая удара, всем телом готовый сразу же откликнуться на первый признак опасности.

Никто не был в силах что-нибудь предпринять. Микава, казалось, осознал, какую ужасную ошибку он совершил, пропустив Хидэёси в крепость, и сейчас внимательно прислушивался к его словам. Он уже вышел из оцепенения, к нему вернулось хладнокровие, как в чайном домике. Микава наконец смог пошевелиться: он махнул рукой, отгоняя воинов, окруживших Хидэёси.

– Отойдите от него. Предоставьте это мне. Юного князя надо выволить из опасности, даже если мне придется встать на его место. А вы все разойдитесь по своим постам. – И, повернувшись к Хидэёси, он продолжил: – Как вам и было угодно, воинов я убрал. Так не соблаговолите ли теперь передать в мои руки господина Мандзю?

– Нет! Ни за что! – Хидэёси яростно тряхнул головой, но затем несколько успокоился. – Я верну княжича, но верну его только в руки самому Нагамасе. Так что соблаговолите устроить мне аудиенцию у князя Нагамасы и княгини Оити!

Нагамаса уже успел побывать среди самураев, рассеявшихся по требованию Микавы. Услышав угрозы Хидэёси, он утратил самообладание. Страх за сына переполнил его сердце. С громким криком он бросился к Хидэёси:

– Что за бесчестная затея – захватить невинное дитя только для того, чтобы добиться встречи? Если вы действительно Киносита Хидэёси из клана Ода, вам следует стыдиться своего позорного поведения. Что ж, ладно! Если вы отдадите мне Мандзю, мы можем поговорить.

– А, князь Нагамаса уже здесь?

Хидэёси вежливо поклонился князю, не обращая внимания на обуревавшие того чувства. Нагамаса их и не скрывал. Но Хидэёси по-прежнему удерживал Мандзю и по-прежнему над головой у мальчика был занесен его меч.

Фудзикагэ Микава пробормотал сдавленным голосом:

– Князь Хидэёси! Пожалуйста, отпустите мальчика! Или вам недостаточно слова, которое дал мой господин? Пожалуйста, передайте мальчика в мои руки.

Хидэёси, однако же, не обратил никакого внимания на слова Микавы. Он, не спуская глаз, глядел на Нагамасу. И, только вдосталь налюбовавшись на него, издал горестный вздох:

– Вот оно как... Значит, вы тоже испытываете любовь к своим близким? И понимаете, как горько расставаться с тем, кого любишь? Вот уж не думал, что вам знакомы подобные чувства.

– Так вы передадите мне его или нет? Или вы собираетесь умертвить это невинное создание?

– Этого я как раз делать не собираюсь. Но вы, отец, именно вы проявляете чудовищное бессердечие.

– Не говорите глупостей! Все родители любят своих детей!

– Верно. Это чувство присуще даже зверям и птицам, – согласился Хидэёси. – Но тогда вы не вправе насмехаться над князем Нобунагой за то, что он не может уничтожить эту крепость, потому что не хочет причинить вреда Оити. Ну а что же вы? Вы ведь, в конце концов, ее муж. Разве вы не используете к своей выгоде слабость князя Нобунаги, намертво связывая судьбу собственной жены и детей с судьбой крепости? Это ведь не меньшее бесчестье, чем мой нынешний поступок. Угрозой жизни Мандзю я добился встречи с вами, но вы ведете себя точно так же! И прежде чем называть меня трусом и негодяем, хорошенько задумайтесь над тем, насколько трусливо и жестоко ваше собственное поведение!

С этими словами Хидэёси взял Мандзю на руки. Увидев, что лицо у Нагамасы несколько посветлело, он решительно шагнул к властелину Одани, передал ему ребенка, а сам поспешно простерся перед ним ниц:

– Я прошу милостивого прощения за свою дерзость и буйство, у меня с самого начала не лежала к этому душа. Я поступил так только для того, чтобы унять горе моего господина князя Нобунаги. Но, не скрою, мне было очень жаль и того, что вы, самурай, до самого конца державшийся с такой доблестью, можете в последние мгновения, утратив должную выдержку, принять неверное решение. Мой господин, примите во внимание, что я поступил так отчасти и из-за вас. Пожалуйста, даруйте свободу и жизнь княгине Оити и ее детям.

Казалось, он позабыл о том, что обращается к человеку, возглавляющему вражеское воинство. Хидэёси взывал к глубине души собеседника и говорил от всего сердца. Он явно не лукавил, стоя на коленях перед Нагамасой, словно в молитве.

Нагамаса, закрыв глаза, молча слушал Хидэёси. Он твердо стоял на ногах, спокойно скрестив на груди руки. Облаченный в доспехи, он казался застывшей статуей. Хидэёси словно обращался к сердцу Нагамасы, который, как объявил сам Хидэёси при входе в крепость, уже стал живым покойником.

Сердца двух воинов – одно, проникнутое мольбой, и другое, открывшееся навстречу смерти, – забились в лад. Преграда, разделявшая двух заклятых врагов, как бы исчезла, и все злобные чувства, которые питал Нагамаса к Нобунаге, смыло, как грязную воду.

– Микава, отведи куда-нибудь господина Хидэёси и позаботься, чтобы он не скучал. Мне нужно время, чтобы попрощаться.

– Прощаться?

– Я покидаю этот мир и хочу проститься с женой и детьми. Я уже смирился с собственной смертью и справил по себе заупокойную службу, но... разлука при жизни еще горше, чем

разлука в минуту смерти. Полагаю, посланец князя Нобунаги согласится с этим.

Не веря своим ушам, Хидээси поднял голову от земли и посмотрел на князя:

– Означает ли это, что вы отпускаете княгиню Оити и детей?

– Было бы неблагоприятно погубить жену и детей в своих объятиях и обречь их на смерть вместе с этой крепостью. Похоже, дурные страсти и предубеждения не оставили меня даже мертвого. Ваши слова заставили меня устыдиться. Я самым настоятельным образом прошу вас впредь заботиться об Оити, которая еще так молода, и о моих детях.

– Клянусь жизнью, мой господин.

Хидээси вновь простерся ниц, представляя себе, в какой восторг придет Нобунага.

– Что ж, увидимся позже, – произнес Нагамаса и, отвернувшись от Хидээси, широким шагом удалился в сторону главного здания.

Микава ввел Хидээси в покои для гостей, уже на правах посланца от Нобунаги.

На лице Хидээси было написано явное облегчение. Не удержавшись, он обратился к Микаве:

– Прошу прощения, но не изволите ли вы обождать минуту, чтобы я мог подать знак своим людям у стен крепости?

– Знак?

Разумеется, Микава насторожился.

Хидээси, однако же, как обычно, вел себя непринужденно.

– Именно знак. Я обещал это, когда отправился сюда по приказу князя Нобунаги. Если бы мне не удалось добиться своего, в знак отказа Нагамасы я должен был развести костер даже ценой собственной жизни. Вслед за тем князь Нобунага сразу же пошел бы на приступ. С другой стороны, если дело пойдет на лад и мне удастся договориться с князем Нагамасой, я должен поднять флаг. В любом случае мы договорились, что войско дождет моего сигнала.

Микава поневоле удивился предусмотрительности Хидээси. Но еще больше удивило его то, что тот ухитрился пронести сигнальную раковину и спрятал ее около очага в чайном домике.

Подняв флаг на башне и воротясь в покои для гостей, Хидээси оглушительно рассмеялся:

– Если бы я увидел, что дела идут плохо, то развел бы костер прямо в чайном домике. Вот это была бы настоящая чайная церемония!

На какое-то время Хидээси предоставили самому себе. Прошло уже около трех часов с тех пор, как Микава провел его в покои для гостей и попросил немного обождать.

«Да уж, не очень-то он торопится», – заскучав, подумал Хидээси. Вечерние тени уже поползли по потолку в пустом помещении. Сумрак сгустился настолько, что впору было зажигать лампы, и, выглянув в окно, Хидээси увидел, что заходящее солнце заливает окрестные горы кроваво-красным светом.

Перед Хидээси стояло блюдо, но на нем ничего не было. Наконец невдалеке послышались шаги. В комнату вошел мастер чайной церемонии.

– Поскольку крепость осаждена, я, к сожалению, могу предложить вам весьма небольшое, но его светлость распорядились подать вам ужин.

Мастер чайной церемонии зажег несколько ламп.

– Да ладно уж. В сложившихся обстоятельствах не стоит беспокоиться об ужине для меня. Честно говоря, мне больше хотелось бы поговорить с военачальником Микавой. Жаль беспокоить вас, но не соблаговолите ли вы позвать его?

Вскоре в комнате для гостей появился Микава. Прошло не больше четырех часов, но бравый военачальник, казалось, постарел за это время на десять лет: боевой задор исчез, а глаза покраснели от слез.

– Извините, – сказал Микава. – С вами конечно же обращаются чудовищно неучтиво.

– Сейчас не время рассуждать о правилах этикета, – возразил Хидэёси, – но хочу полюбопытствовать: чем занимается князь Нагамаса? Простился ли он с женой и детьми? Час уже поздний...

– Вы целиком и полностью правы. Но то, что князь Нагамаса поначалу сказал с таким мужеством... Теперь, когда ему приходится объяснить жене и детям, что он прощается с ними навеки... Полагаю, вы в состоянии представить, как это трудно. – Старый Микава, потупившись, отер слезы. – Госпожа Оити объявила, что не желает расставаться с мужем и возвращаться к брату. Она спорит с князем, и трудно сказать, чем и когда все это закончится.

– Понятно...

– Она даже со мной начала препираться. Она заявила, что, выходя замуж, поклялась, что эта крепость станет ей могилой. Даже маленькая Тятя, судя по всему, понимает, что происходит между ее отцом и матерью, и плачет поэтому не переставая. Тятя спрашивает, почему ей нужно расстаться с отцом и зачем он собирается умереть. Господин Хидэёси... простите мне еще раз эту неслыханную неучтивость.

Военачальник еще раз вытер слезы, прочистил горло, но тут же, не выдержав, разразился громким плачем.

Хидэёси испытывал сочувствие к старому воину, на долю которого выпали нынче такие испытания, и ему, разумеется, было вполне понятно горе Нагамасы и Оити. В отличие от большинства мужчин, Хидэёси всегда был готов расплакаться и по куда менее значительному поводу – вот и сейчас по его щекам покатались крупные слезы. Он несколько раз сильно втянул носом воздух и уставился на потолок. Но не забывал он и о своем задании – и поэтому немедленно упрекнул себя мысленно за то, что дал волю чувствам. Он отер слезы и заставил себя вернуться к делу:

– Я обещал подождать, но я не могу ждать вечно. Я вынужден потребовать, чтобы этому прощанию был положен какой-нибудь предел. Время можете назначить сами.

– Разумеется. Ну что ж... Я возьму на себя такую ответственность. Я прошу вас ждать до часа Свиньи. И могу поручиться, что мать с детьми покинут крепость к этому часу.

Хидэёси не возразил, хотя столько времени у него не было. В любом случае Нобунага намеревался взять Одани до захода солнца. Все войско с нетерпением ждало сигнала к штурму. Хотя Хидэёси и подал знак об успешном окончании переговоров с Нагамасой, с тех пор прошло уже несколько часов. Не существовало никакой возможности сообщить Нобунаге и его военачальникам о том, что сейчас происходит в крепости. Хидэёси живо представил себе, какое настроение царит сейчас в лагере Нобунаги, какие идут там споры и в каком сомнении пребывает сам Нобунага, прислушиваясь к противоречивым доводам.

– Ну что ж, это разумно, – в конце концов согласился Хидэёси. – Пусть так оно и будет. Пусть без всякой спешки прощаются друг с другом – но только до наступления часа Свиньи.

Несколько ободренный уступчивостью Хидэёси, Микава удалился в глубь здания. К этому времени во дворе стало уже совсем темно. Слуги под предводительством мастера чайной церемонии внесли в комнату изысканные яства и сакэ – устроить такой ужин в условиях осады было, наверное, не так-то просто.

Оставшись в одиночестве, Хидэёси выпил. И ему показалось, что вместе с сакэ в его тело вошло и сразу объяло душу дыхание осени. Таким холодным и горьковатым сакэ нельзя было напиться допьяна. Что ж, возможно, так оно лучше. Какая разница между теми, кто покидает этот мир, и теми, кто остается? «Эта разница существует всего мгновение, – подумалось Хидэёси, – одно мгновение в многотысячелетней истории человечества». Он заставил себя рассмеяться собственным мыслям. Но каждый раз, когда он делал новый глоток, сакэ холодило

ему сердце. Хидэёси стало казаться, что окружающая его тишина вот-вот разразится безудержными рыданиями.

Плачущая Оити, Нагамаса, невинные лица детей – он ясно представлял себе, что происходит в глубине здания. «А каково мне было бы сейчас оказаться на месте Асаи Нагамасы?» – пришло ему в голову. Подумав об этом, он поневоле отвлекся от происходящего и начал вспоминать о том, какие слова говорил на прощанье Нэнэ.

– Я самурай. На этот раз я и впрямь могу пасть в бою. Если меня убьют, ты должна вновь выйти замуж, пока тебе не исполнилось тридцать. После тридцати твоя красота начнет увядать – и вместе с ней постепенно уйдет возможность нового достойного брака. Ты скромна и готова к любым лишениям. Так и нужно относиться к жизни. Когда тебе исполнится тридцать, придется смириться и с увяданием. Нет, я не приказываю тебе вновь выйти замуж во что бы то ни стало. Если у нас родится ребенок, пусть он станет для тебя опорой в старости. Не предавайся женскому унынию. Веди себя, как подобает матери, и будь готова к любым превратностям на этом пути.

В какой-то миг Хидэёси забылся сном, хотя и не лег, а продолжал сидеть на месте. Со стороны могло показаться, что он предается медитации. Время от времени голова его падала. Спалось ему хорошо. Проведя юные годы в нужде и лишениях, Хидэёси научился засыпать при первой удобной возможности, засыпал, едва закрыв глаза, и спал крепко.

Хидэёси разбудили удары в ручной барабан. Поднос с яствами и сакэ унесли, пока он спал. И только лампа по-прежнему горела ярким и ровным светом. Его несильное опьянение прошло, а тело между тем хорошо отдохнуло. Хидэёси понял, что проспал довольно долго. Он ощущал прилив непонятной радости. Перед тем как Хидэёси заснул, в крепости царило мрачное и гнетущее настроение, теперь же атмосфера резко переменилась: отовсюду слышался бой барабанов, смех, и даже в этой комнате с высокими потолками странным образом разливалось какое-то тепло.

Хидэёси почудилось, будто его околдовали. Но он знал, что уже проснулся, что все происходит на самом деле. Он слышал барабан, кто-то пел. Издалека доносились неразборчивые голоса, но громкий смех нельзя было спутать ни с чем.

Хидэёси внезапно захотелось оказаться в толпе, и он вышел на веранду. Он увидел, что в саду зажгли множество фонарей, а возле главного здания прогуливается изрядное количество народу. Легкий ветер принес запах сакэ, а вскоре послышалась песня, которую, подыгрывая себе на барабане, пел один самурай:

Цветы красны,
Благоуханны сливы,
Деревья зелены,
И счастлив человек.
Люди среди людей –
Вот кто мы, самурай,
Цветы среди цветов –
Вот кто мы, самурай.
И скоро жизнь пройдет.
Ей радоваться нужно,
Пусть завтра и умрешь,
Но радуешься ей.

Нет – именно если завтра умрешь, так считал сам Хидэёси. Ненавидевший тьму и любивший свет, он нашел в этом мире нечто благословенное. Почти невольно рванулся он сейчас навстречу всеобщему веселью, словно притянутый звуками песни. Повсюду сновали слуги с тяжелыми подносами, уставленными едой и кувшинчиками сакэ.

В их движениях сквозило такое же неистовство, которое они, должно быть, проявили бы в сражении за крепость. Но нынешний пир менее всего походил на поминки: на лицах была написана радость. Все это привело Хидэёси в недоумение.

– Эй! А вот и князь Хидэёси к нам пожаловал!

– Ах, это вы, господин Микава.

– Я не обнаружил вас в покоях для гостей и с тех пор разыскиваю по всей крепости.

Микава уже не выглядел столь безутешным: на щеках у него играл румянец, свидетельствуя о том, что старик уже выпил порядочно сакэ.

– Что означает все это веселье? – осведомился Хидэёси.

– Не беспокойтесь. Как я и обещал вам, все закончится к часу Свиньи. Объявлено, что, поскольку всем предстоит погибнуть, смерть наша должна быть славной. Князь Нагамаса и все его приверженцы в превосходном настроении, поэтому он приказал опустошить винные погреба и назначил Великое Празднество Самураев. Каждому предстоит поднять прощальную чашу, прежде чем навсегда проститься с этим миром.

– А как происходит его прощание с женой и детьми?

– Позаботились и об этом.

Несмотря на всеобщее воодушевление, на глаза военачальника снова навернулись слезы. Великое Празднество Самураев было старинным обычаем, принятым во всех кланах. В ходе его стирались всяческие различия, и отношения князя и его вассалов становились непринужденнее, чем всегда; непременной гостьей на таком пиру становилась хмельная песня.

Нынешнее торжество имело двойкий смысл: Нагамаса прощался со своими приверженцами, которым предстояло погибнуть, и с женой и детьми, которым суждено было остаться в живых.

– Но мне скучно сидеть в одиночестве до самого часа Свиньи, – сказал Хидэёси. – С вашего разрешения я приму участие в пиршестве.

– Именно для этого я вас и разыскивал. Таково же пожелание его светлости.

– Вот как? Князь Нагамаса желает, чтобы я побывал на пиру?

– Он говорит, что препоручает судьбу жены и детей клану Ода, и именно вам надлежит отныне о них заботиться. Особенно о его детях.

– Ему не о чем беспокоиться! И мне хочется сказать ему об этом лично. Проведите меня, пожалуйста, к нему.

Следом за Микавой Хидэёси вошел в большой праздничный зал. Все взоры сразу же обратились в его сторону. В воздухе сильно пахло сакэ. Естественно, воины пировали, не снимая боевых доспехов, и каждый из присутствующих был исполнен решимости умереть. Они готовились погибнуть вместе, как цветы под могучим порывом ветра должны поникнуть одновременно. И тут в разгар предсмертного веселья перед ними внезапно предстал заклятый враг! Большинство собравшихся уставились на Хидэёси налившимися кровью глазами – такие взгляды способны нагнать страх на кого угодно.

– Простите меня, – произнес Хидэёси, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Он мелким шагом приблизился к Нагамасе и простерся ниц:

– Я пришел поблагодарить за вашу заботу о том, чтобы я не остался нынче трезвым. Относительно судьбы вашей супруги и детей, клянусь вам, что сумею защитить их даже ценой собственной жизни.

Хидэёси произнес это на одном дыхании. Стоило ему запнуться или хоть немного показать

свой страх, и самураи набросились бы на него, разогретые винными парами и смертельной ненавистью.

– Прошу вас об этом, господин Хидэёси. – Нагамаса поднял чашу и передал ее приверженцу клана Ода.

Хидэёси осушил ее залпом.

Нагамаса казался удовлетворенным. Хидэёси не осмелился произнести имена княгини Оити и Нобунаги. Отгородившись от нескромных взглядов серебряной ширмой, его красавица жена сидела чуть в стороне вместе с детьми. Они были похожи на стебли ириса, прильнувшие друг к другу на краю пруда. Хидэёси украдкой посмотрел на них, освещенных мерцанием серебряных ламп. Он почтительно вернул чашу Нагамасе.

– Давайте на время забудем нашу вражду, – сказал Хидэёси. – Испив сакэ у вас на пиру, я с вашего разрешения хотел бы сплясать для вас.

– Вы хотите сплясать?

Изумление, прозвучавшее в словах Нагамасы, овладело и всеми присутствующими. Этот недомерок и впрямь позволял себе такое, до чего бы не додумался никто другой.

Оити взяла детей на колени; она защищала их, как наседка своих цыплят.

– Не бойтесь. Ваша мамочка с вами, – прошептала она.

Получив разрешение Нагамасы, Хидэёси поднялся с места и вышел на середину зала. Он уже собрался пуститься в пляс, когда маленький Мандзю вдруг закричал:

– Это он!

Мандзю и Тятя еще плотней прильнули к матери. Они увидели человека, который так напугал их сегодня днем. Хидэёси принялся отбивать ритм ногой и одновременно раскрыл веер, на котором был изображен алый круг на золотом поле.

В свободное время
Я гляжу на ворота,
Увитые виноградом;
Дует ветер,
Лоза трепещет,
И это прекрасно.

Он громко запел и пустился в пляс, как будто и впрямь пришел сюда лишь затем, чтобы повеселиться. Но не успел он закончить пляску, как от крепостной стены донеслась ружейная пальба. Почти рядом прозвучал ответный залп. Похоже, защитники крепости и воины Оды принялись стрелять друг в друга в одно и то же мгновение.

– Ах, проклятье!

Выругавшись, Хидэёси швырнул веер наземь. Час Свиньи еще не настал. Но ведь воины Оды ничего не знали о сроке достигнутого им соглашения. Хидэёси не дал им второго знака. Надеясь на то, что они не пойдут на штурм вслепую, он чувствовал себя более или менее в безопасности. Но, судя по всему, у военачальников в ставке уже иссякло терпение, и они вынудили Нобунагу начать атаку.

Ах, проклятье! Веер Хидэёси упал к ногам военачальников Асаи, которые вскочили с мест и усталились на Хидэёси. До сего момента они не считали его врагом.

– Штурм! – воскликнул один из них.

– Подлец! Ты обманул нас!

Толпа самураев разбилась на две неравные части. Большая выплеснулась во двор, тогда как

остальные обступили Хидэёси, намереваясь разодрать его на куски.

– Остановитесь! Разве я приказал вам это? Его нельзя убивать! – внезапно воскликнул Нагамаса во весь голос.

Воины отшатнулись от Хидэёси и обратились к своему князю:

– Но ведь враг начал наступление!

Однако Нагамаса не внял их доводам.

– Огава Дэнсиро, Накадзима Сакон! – позвал он.

Это были наставники его детей. Когда они вышли вперед и простерлись перед князем, он призвал к себе Микаву:

– Вам троим надлежит защитить мою жену и детей и вывести Хидэёси из крепости. Немедленно отправляйтесь!

Затем он пристально посмотрел на Хидэёси и, стараясь говорить как можно спокойней, произнес:

– Ну хорошо, я препоручаю их вашим заботам.

Жена и дети бросились к ногам князя, но он отшвырнул их от себя, воскликнув:

– Прощайте!

И вот уже, вооружась боевым топором, Нагамаса рванулся в вечернюю тьму.

Часть здания уже была охвачена сильным пожаром. На бегу Нагамаса невольно прикрыл лицо рукой, защищаясь от огня. Горящие щепки, летучие посланцы пожара, обжигали ему щеки. Густой черный дым поднимался все выше и выше. Уже огласили свои имена первый и второй самураи Оды, ворвавшиеся в крепость. Пламя подбиралось к жилым комнатам в глубине главного здания и возносилось вверх по водостокам быстрее, чем когда-либо стекали по ним дождевые струи. Нагамаса заметил группу воинов в железных шлемах неподалеку от здания и рванулся к ним.

– Враг!

Его ближайшие сподвижники и сородичи, стоя плечом к плечу со своим князем, в дыму и огне отражали нападение. Отовсюду слышался лязг оружия: меч о меч, копье о копье. Вскоре земля покрылась телами убитых и раненых. Большая часть защитников крепости решила разделить судьбу князя: они бились до конца и умерли славной смертью. Лишь немногие сдались или попали в плен. Падение крепости Одани ничем не походило на трусливое поражение клана Асакура в Этидзэне или на бегство сёгуна из Киото. В конце концов, Набунага не очень ошибся, заключив когда-то родственный союз с Нагамасой.

Тревога, владевшая сейчас Хидэёси и Микавой, которые выводили из крепости княгиню Оити и ее детей, не была прямо связана с битвой. Отложи войско Оды атаку хотя бы на три часа, и можно было бы беспрепятственно уйти. Но всего через пару минут после того, как они покинули пиршественный зал, всю крепость охватило пламя и завязалось яростное сражение. С великим трудом удалось Хидэёси вывести Оити, особенно тяжело пришлось с детьми.

Фудзикагэ Микава нес младшую девочку на спине, ее старшую сестру Хацу нес Накадзима Сакон, а Мандзю восседал на плечах у своего наставника Огавы Дэнсиро.

– Взбирайся мне на плечи, – сказал Хидэёси Тяте, но малышка наотрез отказалась отпустить материнскую руку.

Оити прижимала девочку к себе, как будто та была не в силах идти сама.

Хидэёси пришлось развести их.

– Нельзя, чтобы вас задело. Я прошу вас подчиняться мне. О том же просил князь Нагамаса.

У Хидэёси не было времени церемониться с несчастной женщиной и ее детьми, и хотя он старался говорить учтиво, голос его звучал весьма угрожающе. Оити нехотя рассталась с Тятей и посадила ее Хидэёси на спину.

– Все готовы? Сиди спокойно. А вы, княгиня, извольте дать мне руку.

С Тятей на плечах, держа Оити за руку, Хидзэси пустился в путь.

Оити шла спотыкаясь, с трудом удерживаясь на ногах. Скоро она, однако, не произнесла ни слова, высвободила руку и побрела вслепую, ведомая материнским чувством, спасая своих детей среди обрушившегося несчастья.

Нобунага любовался пожаром в крепости Одани с такой близости, что едва не обжигал лицо. Горы и доли вокруг были озарены красным, а сама крепость, сгорая, исходила жаром, как исполинская наковальня.

Но вот наконец пламя превратилось в угли, а то, что оно пожирало, – в золу. Все кончилось. Нобунага заплакал, ничего не зная о том, спаслась ли его сестра. «Вот дурень!» – подумал он о Нагамасе.

Князь Ода безучастно наблюдал за тем, как по его приказу сожгли все храмы и монастыри на горе Хиэй и уничтожили всех монахов и мирных жителей. Теперь же он был не в силах сдержать слезы. Расправа над обитателями горы Хиэй не шла ни в какое сравнение с гибелью родной сестры.

Человек наделен разумом и чутьем, и они часто противоречат друг другу. Задумав уничтожение горы Хиэй и убийство ее жителей, Нобунага верил в справедливость и разумность своего решения, он знал, что, разорив одно-единственное проклятое гнездо, спасет жизни и дарует счастье бесчисленному множеству людей. Но смерть Нагамасы не имела для страны столь важного значения. Нагамаса сражался, одержимый лишь бесхитростными представлениями о долге и чести, и все же Нобунага был вынужден убить и его. Нобунага не раз упрашивал Нагамасу отказаться от своих устаревших идеалов с тем, чтобы разделить с князем Одой более широкое и глубокое понимание происходящего. До последнего он проявлял великодушие и выдержку по отношению к хозяину Одани. Но и у великодушия имелся предел. Он бы, возможно, и дальше терпел упрямство этого человека, но такому отношению решительно воспротивились бы его военачальники.

Хотя Такэда Сингэн умер, его военачальники и соратники пребывали в отменном здравии, а сын Сингэна, судя по всему, не уступал отцу дарованиями, если не превосходил его. Враги только и ждали часа, когда Нобунага проявит малейшую слабость. Поэтому глупо было надолго застревать в северном Оми, сокрушив Этидзэн одним ударом. На подобные соображения своих советников Нобунага не мог возражать только тем, что его тревожит судьба родной сестры. И вот Хидзэси испросил однодневную отсрочку, чтобы отправиться в Одани на переговоры от имени Нобунаги. Еще засветло он подал сигнал о том, что все складывается хорошо, но уже настал вечер, а потом и ночь, а от Хидзэси все не поступило никаких новых сообщений.

Военачальники Нобунаги пришли в ярость.

– Да он просто попал в ловушку!

– Его, должно быть, уже убили!

– Мы бездельничаем, а враг, несомненно, что-то задумал.

Нобунаге пришлось подчиниться всеобщему ропоту, и он отдал приказ о начале наступления. Но, принимая такое решение, он понимал, что, возможно, жертвует и жизнью Хидзэси, и им овладело невыносимое отчаяние.

И тут молодой самурай в украшенных черным шнуром доспехах подбежал к Нобунаге столь стремительно, что едва не задел его своим копьём.

– Мой господин! – выдохнул он.

– На колени! – приказал один из военачальников. – И убери копьё!

Молодой самурай тяжело опустился на колени под встревоженными и недоуменными взорами приверженцев Нобунаги.

– Только что воротился господин Хидэёси. Ему удалось выйти из крепости невредимым.

– Как! Хидэёси вернулся? – воскликнул Нобунага и поспешил добавить: – Он вернулся один?

Молодой самурай пояснил:

– Он вернулся с тремя защитниками крепости Одани. И еще он привел княгиню Оити и ее детей.

Нобунагу охватила дрожь.

– Ты уверен? Ты видел их собственными глазами?

– Как только им удалось выбраться из крепости, я с другими воинами встретил их и препроводил в наш лагерь. Крепость уже была объята огнем. Они страшно устали, поэтому мы отвели их в безопасное место и дали напиток. Господин Хидэёси велел мне отправиться к вам с докладом.

– Ты ведь соратник Хидэёси, – сказал Нобунага, – как тебя звать?

– Я его главный оруженосец Хорио Москэ.

– Благодарю тебя за добрую весть. А сейчас иди отдохни.

– Благодарю вас, мой господин, но битва еще не кончилась.

С этими словами Москэ поспешил прочь – в ту сторону, откуда по-прежнему доносился лязг оружия.

– Само Небо помогло нам, – пробормотал кто-то.

Это был Кацуиэ. Другие военачальники также поспешили принести князю свои поздравления.

– Это означает, что само Небо на нашей стороне. Счастье сопутствует вам.

Но приближенные Нобунаги испытывали не только радость. Все эти люди не могли не ревновать к успехам Хидэёси, да к тому же именно они настояли на незамедлительном начале общего наступления.

Так или иначе, Нобунага был счастлив, и это чувство передалось всему лагерю. Пока военачальники продолжали приносить Нобунаге поздравления, хитроумный Кацуиэ тихо сказал ему:

– Не пойти ли мне встретить его?

И, получив разрешение князя, устремился вместе с несколькими воинами по крутому склону в сторону крепости. Наконец в сопровождении Хидэёси Оити поднялась на возвышенность, где была расположена ставка Нобунаги. Оруженосцы шли впереди с факелами в руках. Хидэёси следовал за ними, Тятя снова сидела у него на плечах.

В глаза Нобунаге сразу бросился пот, блестящий в свете факелов на лбу Хидэёси. Затем он увидел старого Микаву и двух наставников; каждый нес на плечах по одному ребенку Оити. Нобунага молча уставился на детей. На его лице нельзя было прочесть никакого чувства. И вот, отстав от всей группы шагов на двадцать, издали появился Сибата Кацуиэ. Княгиня Оити опиралась белой рукой о его укрытое щитками плечо. Она настолько устала и измучилась, что шла сейчас как во сне.

– Княгиня Оити, – провозгласил Кацуиэ, – перед вами ваш брат. – И он быстро подвел Оити к Нобунаге.

Несколько придя в себя, она первым делом горестно разрыдалась. На какое-то мгновение истошный женский плач перекрыл все звуки, разносящиеся по лагерю. И даже мужественные воины оробели при виде этого горя. Нобунага, однако же, испытал иные чувства. Ведь это его возлюбленная сестра, к спасению которой он приложил столько усилий. Чью судьбу только что горестно оплакивал! Так почему же он не бросился к ней навстречу с криками радости? Что изменило и омрачило его настроение? Военачальники, глядя на князя, недоумевали. Даже

Хидэёси не понимал, что происходит. Хотя приближенные Нобунаги, конечно, давно привыкли к внезапным переменам в настроении своего господина, и теперь, видя признаки угрюмости на его лице, никто не пытался ничего предпринять; им оставалось только молча стоять вокруг, и даже самому Нобунаге было нелегко нарушить внезапно наступившее молчание.

Лишь немногие из ближайшего окружения Нобунаги умели читать его мысли и отличать сущность природы князя от переменчивых и порой причудливых состояний, в которые он то и дело впадал. Такой способностью обладали только Хидэёси и отсутствовавший в эти мгновения Акэти Мицухидэ.

Хидэёси, как и остальные, молча стоял какое-то время и, поскольку никто не мог ничего сделать, в конце концов обратился к Оити:

– Ну, полно вам, княгиня, полно. Подойдите к брату и поздоровайтесь с ним. Конечно, это у вас слезы радости – но и слез радости уже хватит. В чем же дело? Разве вы не брат и сестра?

Но Оити не послушалась его, она не хотела даже взглянуть на брата. Душой она оставалась с Нагамасой. В Нобунаге она видела только вражеского военачальника, убившего ее мужа и силой приведшего ее сюда жалкой пленницей.

Нобунага прекрасно понимал, какие чувства испытывает к нему родная сестра. Поэтому наряду с радостью за спасение Оити он ощущал невольное отвращение к глупой женщине, не умеющей по достоинству оценить великую братскую любовь.

– Хидэёси, не трать слов понапрасну. Пусть ведет себя как ей угодно.

Нобунага резко поднялся с походного стула и приподнял край полотна, ограждавшего ставку.

– Крепость Одани пала, – прошептал он, любуясь пламенем.

Меж тем и кличи воинов, и пламя постепенно стихали, ущербная луна озаряла бледным светом горы и доли, уже дожидаящиеся рассвета.

И вот отряд воинов во главе с командиром с победными кличами поднялся по склону холма. Они положили к ногам Нобунаги отрубленную голову Нагамасы и головы его ближайших соратников. Оити закричала, вслед за ней заплакали дети.

Тут уже Нобунага не сдержался:

– Прекратите этот вой! Кацуиэ! Убери отсюда детей! Я препоручаю их твоим заботам – и детей, и Оити. Убери их отсюда куда-нибудь! С глаз долой!

Затем, призвав к себе Хидэёси, он объявил ему:

– Назначаю тебя наместником всего края, до сих пор находившегося под властью клана Асаи.

Сам Нобунага решил немедленно возвратиться в Гифу.

Оити увели. Впоследствии сложилось так, что она вышла замуж за Кацуиэ. Но еще более удивительная судьба ожидала одну из дочерей Нагамасы: старшая из них, Тятя, стала позднее княгиней Ёдогими, возлюбленной Хидэёси.

В начале третьего месяца следующего года Нэнэ получила письмо от мужа и, как всегда, чрезвычайно обрадовалась.

«Хотя возведение крепости в Нагахаме еще не завершено, я уже изнываю от тоски по вам обeim. Пожалуйста, сообщи матушке, чтобы она начала готовиться к скорому переезду».

По такой немногословной записке трудно было в подробностях судить о планах Хидэёси, но уже с нового года супруги часто обменивались посланиями по поводу предстоящего переезда. У Хидэёси меж тем не было ни минуты покоя. На протяжении многих месяцев он

руководил военной экспедицией в горах северного Оми, ввязываясь в одно сражение за другим, и каждая передышка быстро заканчивалась выступлением на новые битвы.

Заслуги Хидэёси при взятии Одани и покорении северного Оми не остались незамеченными. Нобунага впервые не отдал в управление, а недвусмысленно подарил ему крепость и сто восемьдесят тысяч коку риса, собираемые в краях, ранее находившихся под властью клана Асаи. До сих пор князем его называли только из вежливости, потому что на деле он оставался всего лишь военачальником. Но сейчас одним прыжком он поднялся на уровень настоящего провинциального князя. Наряду с прочими наградами Нобунага даровал ему и новое имя: теперь его звали Хасиба.

Хасиба Хидэёси этой осенью упрочил свое влияние и теперь ни в каком отношении не уступал ни одному из прославленных воинов Оды. Тем не менее новая крепость в Одани пришлась ему не по вкусу: она годилась для ведения оборонительных действий и могла выдержать долгую осаду или принять под защиту отступающее войско, но начинать отсюда наступление было крайне неудобно. В трех ри к югу, на берегу озера Бива, Хидэёси нашел лучшее место для своей княжеской резиденции – деревню Нагахамы. Получив разрешение Нобунаги, он сразу же начал строить здесь крепость. К весне возведение белоснежного здания, каменных стен и железных ворот было завершено.

Хатидзукэ Хикозэму было поручено сопровождать жену и мать Хидэёси при переезде из Суноматы, и он прибыл туда из Нагахамы через несколько дней после того, как Нэнэ получила послание. Нэнэ и ее свекровь несли в черных лакированных паланкинах, их эскорт насчитывал свыше сотни воинов.

Мать Хидэёси попросила Нэнэ по дороге заехать в Гифу, чтобы испросить аудиенции у князя Нобунаги. Ей хотелось поблагодарить князя за многие милости, оказанные ее сыну и всему их семейству, и чтобы слова благодарности произнесла за нее Нэнэ. Нэнэ нашла эту миссию чрезвычайно ответственной, но тем сильнее пожелала исполнить ее безукоризненно. Хотя она и опасалась того, что, прибыв во дворец Гифу и оказавшись наедине с князем Нобунагой, она не сможет произнести что-нибудь осмысленное.

Так или иначе, этот день настал, и, оставив свекровь на постоялом дворе, Нэнэ отправилась в крепость с многочисленными дарами из Суноматы. Очутившись во дворце, она, казалось, забыла недавние тревоги. Впервые в жизни повстречавшись лицом к лицу с князем, она, вопреки собственным ожиданиям, обнаружила, что он ведет себя дружелюбно и без каких бы то ни было церемоний.

– Вам, должно быть, стоило немалых трудов одной на протяжении столь долгого времени поддерживать порядок в крепости и приглядывать за свекровью. К тому же вы, должно быть, страдали от одиночества, – произнес Нобунага так радушно, что Нэнэ сразу почувствовала: судьба ее семьи и судьба Нобунаги связаны какими-то незримыми нитями.

Нэнэ увидела, что может говорить с князем начистоту.

– Я жила в мире и в покое, пока другие сражались. Небеса покарали бы меня, если бы я не благодарил их за это, а жаловалась на скуку.

Нобунага, смеясь, прервал ее речь:

– Нет-нет. Женское сердце есть женское сердце. И нечего этого стыдиться. Но, должно быть, вынужденное одиночество дало вам время лишней раз оценить достоинства вашего супруга. Об этом есть даже стихотворение, оно звучит примерно так: «В дальней дороге муж вспоминает жену; постоялый двор заметен снегом». Могу себе представить, с каким нетерпением Хидэёси дожидается вашего прибытия. Да ведь и крепость он себе отстроил новехонькую. Конечно, разлука возлюбленных тяжела, и ее можно оправдать только войной, зато уж встретитесь вы теперь как молодожены.

Нэнэ покраснела до корней волос. Ей хорошо запомнился медовый месяц с Хидэёси. Поняв, о чем она сейчас думает, Нобунага усмехнулся.

Подали яства и сакэ в изящных кувшинчиках. Приняв чашечку из рук князя, Нэнэ деликатно отпила из нее.

– Нэнэ, – засмеявшись, позвал Нобунага.

Придя в себя и подняв взгляд, Нэнэ посмотрела в глаза князю в ожидании напутствия. Совет Нобунаги прозвучал неожиданно:

– Нэнэ, только одно: не вздумай ревновать!

– Да, мой господин, – ответила она, толком не понимая, о чем идет речь, но конечно же вновь залилась румянцем.

А впрочем, до нее доходили слухи о том, как Хидэёси навещался во дворец Гифу в сопровождении какой-то красавицы.

– Уж таков наш Хидэёси, ничего не попишешь. У него есть свои изъяны. Но, в конце концов, даже чайная чашка без изъянов лишена истинного очарования. Все мы грешны. Когда заурядный человек предается пороку, это только множит несчастья в мире, но редко кто обладает такими выдающимися достоинствами, как Хидэёси. Я часто задумывался над тем, какая женщина способна стать ему женой. Увидев вас сегодня, я осознал верность вашего выбора и лишней раз утвердился во мнении, что Хидэёси тоже вас любит. Но только не ревнуйте его. Живите в мире и в согласии.

Почему Нобунага умел читать женское сердце, как раскрытую книгу? Хотя он внушал невольный трепет, и ее муж, и она сама, вне всякого сомнения, могли положиться на него. И все же Нэнэ растерялась – обижаться ей или гордиться.

Она вернулась в город к свекрови, с нетерпением дожидавшейся ее возвращения. Но, рассказывая о встрече с князем, Нэнэ не обмолвилась о словах Нобунаги про ревность.

– Все трепещут при имени Набунаги, и мне было любопытно, что он за человек. Но в нашей стране, должно быть, весьма мало князей, таких же чутких и приветливых, как наш. Просто не могу себе представить, как столь деликатный человек способен в разгар сражения превращаться в сущего демона, о чем все с ужасом говорят. Он и о вас наслышан. Он сказал, что у вас прекрасный сын и что вы, должно быть, самая счастливая мать во всей Японии. Он сказал, что в стране совсем немного людей, равных своими достоинствами Хидэёси, и что я удачно выбрала мужа. Да что там, он даже мне всякие приятные слова говорил. Сказал, например, что у меня очень красивые глаза.

Свекровь и невестка мирно продолжали свое путешествие. Они проехали Фуву и наконец, выглянув из паланкина, увидели прямо перед собой вешние воды озера Бива.

Книга пятая.

Третий год Тэнсё.

1575

Персонажи и места действия

Такэда Кацуёри – сын Такэды Сингэна, князь Каи

Баба Нобуфуса – один из самых влиятельных вассалов клана Такэда

Ямагата Масакагэ – один из самых влиятельных вассалов клана Такэда

Куроода Камбэй – вассал клана Одэра

Сёдзюмару – сын Куроды Камбэя

Мёко – имя, принятое матерью Ранмару в монашестве

Уэсуги Кэнсин – князь Этиго

Яманака Сиканоскэ – один из самых влиятельных вассалов клана Амако

Мори Тэрумото – князь западных провинций

Киккава Мотохару – дядя Тэрумото

Кобаякава Такакагэ – дядя Тэрумото

Ода Нобутада – старший сын Оды Нобунаги

Укита Наоиэ – хозяин крепости Окаяма

Араки Мурасигэ – один из самых влиятельных вассалов клана Ода

Накагава Сэбэй – один из самых влиятельных вассалов клана Ода

Такаяма Укон – один из самых влиятельных вассалов клана Ода

Сакума Нобумори – один из самых влиятельных вассалов клана Ода

Нагахана – крепость Хидэёси

Кофу – столица Каи

Адзуту – новая крепость Нобунаги в окрестностях Киото

Химэдзи – опорный пункт Хидэёси при вторжении на запад

Западные провинции – земли под властью клана Мори

Итами – крепость Араки Мурасигэ

Такэда Кацуёри шел тридцать первый год. Ростом он был повыше, чем его покойный отец, Такэда Сингэн, шире в плечах и вообще слыл красивым мужчиной.

Шел третий год после смерти Сингэна, в четвертом месяце кончался период траура.

В своем предсмертном послании Сингэн повелел: «Отложите печаль по мне на три года». Однако ежегодно в день его памяти во всех храмах Каи зажигали лампы и проводили тайную заупокойную службу. А Кацуёри оставлял все неотложные дела, даже военные, и на три дня уединялся в храме Бисямон, где предавался медитации.

Вот и в этот раз лишь на третий день отворил Кацуёри ворота храма и проветрил помещения после службы с воскурением благовоний. Он еще не успел переодеться, когда к нему вошел один из его приближенных по имени Атобэ Оиноскэ.

– Мой господин, прочтите, пожалуйста, это письмо, – сказал он. – Дело не терпит отлагательства.

Кацуёри торопливо распечатал письмо.

– Ага... Из Окадзаки... – В голосе его звучало нетерпение.

Пробежав глазами листок, князь в задумчивости подошел к окну, постоял несколько минут, любуясь безоблачным небом, затем, видимо на что-то решившись, сказал Оиноскэ:

– Напиши ответ: я без промедления выступаю с войском. Нельзя упускать такую возможность. Ее посылает нам само Небо. Но имей в виду, передать послание нужно с надежным человеком.

– Не беспокойтесь, мой господин, я все сделаю как надо.

Не успел Оиноскэ выехать из храма, как Кацуёри призвал самураев к оружию. Всю ночь в крепости царило оживление. Туда-сюда сновали гонцы, по зову своего господина подходили все новые и новые отряды воинов. Едва забрезжил рассвет, а на поле перед крепостными воротами собралось уже тысяч четырнадцать, а то и пятнадцать человек. Однако это было еще не все войско, большинство самураев пока не успели подойти. Прежде чем взошло солнце, сигнальная раковина несколько раз пропела над мирно спящим Кофу, возвещая о выступлении войска Такэды в поход.

Кацуёри этой ночью глаз не сомкнул, но сейчас, одетый в боевые доспехи, выглядел бодрым и энергичным. Вряд ли кто-нибудь, взглянув на этого брызжущего молодым задором полководца, усомнился бы в его блестящем будущем.

За три года, миновавшие со дня смерти его отца, Кацуёри не знал ни дня покоя. Хотя принадлежащие его клану земли были надежно защищены непроходимыми горами и быстрыми реками, правители враждебных провинций, до которых, похоже, дошли слухи о смерти Сингэна, как бы тщательно приверженцы Такэды этого ни скрывали, решили воспользоваться подходящим случаем. Внезапно выступил клан Уэсуги, тут же забыл о добрососедстве клан Ходзё, в любую минуту готовы были нанести удар кланы Ода и Токугава.

Кацуёри с честью выходил из каждого поединка, и для многих стало загадкой – уж не сам ли Сингэн возглавляет войско? Однако помимо бесстрашия, чувства долга и полководческого искусства, унаследованного от великого родителя, природа наделила Такэду еще и дерзким тщеславием. Власти над одной провинцией ему показалось мало.

Войско уже было готово выступить в поход, когда к Кацуёри явился слуга и доложил:

– Мой господин, военачальники Баба и Ямагата просят аудиенции.

И Баба Нобуфуса, и Ямагата Масакагэ в дни правления Сингэна были одними из самых влиятельных вассалов. Услышав об их просьбе, Кацуёри помрачнел.

– А к выступлению они уже готовы? – спросил он с недовольством.

– Да, мой господин.

– Что ж, тогда проси.

Через минуту Баба и Ямагата стояли перед князем, уже догадавшимся, о чем пойдет речь.

– Мой господин, мы не мешкая поспешили в крепость, услышав об общем сборе, – начал разговор Баба. – Но вот что странно: сбор войска объявлен, а военного совета перед этим не провели. Мы лишь по слухам догадываемся, что за кампания предстоит. По нынешним временам опасно пускаться в авантюры.

Ямагата взволнованно подхватил:

– Ваш покойный отец, князь Сингэн, слишком часто осушал горькую чашу поражения, когда ему случалось направить войско на запад. Микава мала, но ее воины умеют постоять за себя ровно столько времени, сколько потребуется, чтобы на выручку к ним подоспели Ода. А у тех всегда хватает неприятных сюрпризов для нас. Успеем ли мы вовремя вернуться, если необдуманно углубимся во вражескую провинцию?

Сменяя друг друга, военачальники высказали свои возражения. Они были мудрейшими полководцами, познавшими немало и побед, и поражений, потому и усомнились в разумности решений Кацуёри. Более того, в предстоящем походе они видели великую опасность. Кацуёри, правда, уже давно замечал их постоянное недовольство, но на предостережения военачальников предпочитал не обращать внимания, тем более что собственные планы казались ему безупречными.

– Не думайте, будто я бросаюсь в этот поход очертя голову, – сказал он. – Можете осведомиться у Оиноскэ о подробностях предстоящей кампании. Я готов поручиться, что на этот раз мы возьмем и крепость Окадзаки, и крепость Хамамацу. Я намерен показать миру, что значит воплотить мечту в жизнь! Но наша стратегия должна остаться тайной, в этом залог успеха. Поэтому я решил не раскрывать войску цели похода до тех пор, пока мы не столкнемся с неприятелем лицом к лицу.

Оба военачальника не поверили своим ушам. Войско выступает в поход, а их мнение по этому поводу никого не интересует. За подробностями их, знаменитых полководцев, отсылают к какому-то выскочке Оиноскэ! Военачальники в недоумении переглянулись. Но и на этот раз их реакция осталась незамеченной.

Военачальник Баба рискнул воззвать к разуму Кацуёри:

– Мы, конечно, внимательно слушаем все, что позднее соизволит сообщить нам господин Оиноскэ, но неужели мы, опытные военачальники, готовые умереть за вас, недостойны вашего доверия? Может быть, вы хотя бы вкратце поведаете нам о вашем тайном замысле?

– Больше я вам сейчас ничего не скажу, – резко ответил Кацуёри и, пристально посмотрев на удрученных военачальников, мрачно добавил: – Мне понятна и отрадна ваша забота, но я полностью отдаю себе отчет в том, насколько серьезна война, в которую мы сейчас ввяжемся. Да и отступать уже поздно. Сегодня утром я принес торжественную клятву на Михате Татэнаси.

Услышав священное название, военачальники пали ниц и прочли молитву. Михата Татэнаси – так назывались реликвии, издревле почитаемые в клане Такэда. Поклявшийся на них был обязан сдержать слово во что бы то ни стало. А это означало, что дальнейшие возражения бессмысленны. Как раз в это мгновение затрубили в раковину, приказывая войскам перестроиться в походные порядки, и военачальникам волей-неволей пришлось удалиться. Но, охваченные беспокойством, они все же отправились разыскивать Оиноскэ.

Оиноскэ сначала убедился, что их никто не подслушивает, затем изложил план князя. Оказывается, в Окадзаки служит казначеем некий Ога Ясиро. Недавно Ога заключил тайный

союз с кланом Такэда. Он-то и дал знак князю, что пора действовать. Момент и вправду выбран удачно.

Нобунага, с начала года обосновавшись в столице, решил уничтожить монахов-воинов из Нагасимы. Иэясу подкреплений ему не прислал, и из-за этого отношения между двумя провинциями испортились. Так вот, как только войско Такэды стремительно обрушится на Микаву, Ога пообещал поднять мятеж в крепости Окадзаки, открыть крепостные ворота и впустить войско Каи. Тогда Кацуёри без помех убьет Нобуясу и захватит остальных членов семейства Токугава в заложники. Защитники в крепости Хамамацу само собой сдадутся, и ее гарнизон перейдет на сторону Такэды, а Иэясу не останется ничего другого, как бежать в Исэ или в Мино.

– Ну и что вы на это скажете? Разве это не милостивый дар, ниспосланный нам самим Небом? – спросил Оиноскэ, прямо-таки раздуваясь от гордости, точно весь этот замысел был его собственным.

Раздосадованные этой пустой бравадой военачальники, расставшись с Оиноскэ, поспешили к своим воинам, по пути обмениваясь мнениями.

– Знаете, Баба, пословица гласит: провинция может погибнуть, но горы и реки останутся навсегда. И все-таки мне не хотелось бы видеть, как высятся горы и бегут реки вокруг погубленной провинции, – не в силах совладать со своими чувствами, сказал Ямагата.

Баба лишь смиренно произнес:

– Конец наш близок. Нам остается лишь достойно умереть. А последовав за нашим покойным князем, мы покаемся перед ним в том, что оказались негодными соратниками.

Лето еще не успело иссушить зноем деревья в горах Каи, и они зеленели нежной сочной листвой, а воды реки Фуэфуки пели гимн вечной жизни. Доведется ли воинам Такэды увидеть эту красоту еще раз?

В войске уже не чувствовалось того высокого боевого духа, который владел им при жизни Сингэна. Жалобная нота слышалась в шелесте знамен на ветру, не отличался былой бодростью топот марширующих ног. Тем не менее пятнадцатитысячное войско под грохот боевых барабанов, с развернутыми знаменами пересекло границу своей провинции. Со стороны оно выглядело столь же величественно, как в те дни, когда его вел в сражение сам Сингэн.

Кацуёри держался как никогда уверенно, точно вражеская крепость Окадзаки им уже захвачена. Золотое забрало бросало отблески на белые щеки, и сам молодой полководец, и его будущее казались блистательными.

Выступив из Каи в первый день пятого месяца, войско Кацуёри прошло из Тотоми по горе Хира и, беспрепятственно войдя в Микаву, разбило к вечеру лагерь на берегу реки.

Некоторое время спустя с противоположного берега к ним вплавь переправились двое самураев. Дозорные Такэды немедленно схватили их и выяснили, что это воины из клана Токугава, изгнанные из родной провинции. Они попросили отвести их к Кацуёри.

– Что случилось? Почему они оказались здесь?

Впрочем, он и сам отлично знал почему. Причина могла быть только одна: Ога разоблачен.

Однако войско уже вторглось в Микаву. «Идти вперед или отступить?» – терзался сомнениями молодой князь. Отваги у него заметно поубавилось. Замысел сражения рушился, как песчаный замок. И все-таки они уже на вражеской территории. Неужели, ничего не предприняв, повернуть обратно? А что толку двигаться бездумно вперед? В смятении Кацуёри вдруг вспомнил предостережения своих верных военачальников, но и теперь упрямство взяло верх.

– Три тысячи воинов выступят на Нагасино, – решительно распорядился князь, прогнав сомнения прочь. – Сам я возглавлю атаку на крепость Ёсида.

Подняв войско еще до рассвета, Кацуёри двинулся в поход. По пути он велел спалить несколько деревень, дабы пробудить боевой дух своих самураев. Атаковать крепость, однако же, не осмелился: сплоченное войско Иэясу уже заняло на передовой оборонительный рубеж возле Хадзикамигахары.

В отличие от войска клана Такэда, бесцельно маневрировавшего на местности для того только, чтобы не стоять на месте, самураи клана Токугава были преисполнены отвагой и дали решительный отпор передовым отрядам противника.

Воинам клана Такэда пришлось отступить, и тогда по их рядам пронесся клич:

– На Нагасино! На Нагасино!

Войско быстро перестроилось и спешно удалилось, будто бы и впрямь получило срочное и чрезвычайно важное боевое задание.

Крепость Нагасино слыла неприступной в былые времена, у ее стен не раз лились реки крови. В начале века крепостью владел клан Имагава, позднее на нее стали притязать Такэда. Но затем, в первый год Тэнсё, цитадель захватил Иэясу. И сейчас крепостным гарнизоном численностью в пятьсот человек командовал Окудаира Садамаса из клана Токугава.

Возведенная в месте слияния двух рек, крепость Нагасино была предметом бесконечных интриг, заговоров, свар и стычек даже в мирное время.

Глубокий крепостной ров с одной стороны и горная гряда с другой с точки зрения стратегии делали ее идеальной. Вечером на восьмой день пятого месяца войско Каи осадило крепость с ее жалким гарнизоном.

Примерно с десятого числа Иэясу слал Нобунаге по несколько гонцов в день, подробно сообщая обо всем, что предпринимали Кацуёри и его воины в окрестностях Нагасино. Любая агрессия против клана Токугава грозила неприятностями и клану Ода, поэтому в крепости Гифу сейчас царило необычайное волнение.

Нобунага ничего не имел против союзничества, однако войско собирать не спешил. Военный совет в Гифу шел уже второй день.

– Шансов победить у нас нет, поэтому и собирать войско бессмысленно, – заявил Мори Кавати.

– Нет! Нельзя бросать союзника в беде, – категорично возразил кто-то из присутствующих.

Большинство же военачальников подобно Нобумори пытались найти компромисс.

– Как справедливо утверждает военачальник Мори, наши шансы одолеть самураев Каи невелики, но если мы не начнем собирать войско, Токугава обвинят нас в невыполнении обязательств и перевернутся на вражескую сторону. Вступив в союз с Такэдой, они пойдут войной на нас. Думаю, нам лучше все-таки собрать войско, но делать это не торопясь.

И вдруг, перекрывая гул голосов, кто-то громко воскликнул:

– Нет! Ни в коем случае!

Это был Хидэёси, поспешивший прибыть в Гифу из Нагахамы со своим войском.

– Мне кажется, сама по себе крепость Нагасино не имеет большого значения, – возбужденно заговорил он, – но если клан Такэда сумеет превратить ее в свой опорный пункт для вторжения в глубь наших земель, то все оборонительные рубежи клана Токугава уподобятся прорванной плотине, и они долго не продержатся. А сумеем ли тогда мы без боя защитить крепость Гифу, предоставив Каи подобное преимущество?

Хидэёси говорил громко, напористо, и вскоре все присутствующие слушали его как зачарованные.

– Никуда не годится, когда уже собранное войско не идет на войну, а дожидается у моря погоды. Не лучше ли нам выступить немедленно? Неужели мы хотим, чтобы клан Такэда восторжествовал над нами?

Все военачальники полагали, что после горячей речи Хидэёси Нобунага пошлет в Микаву шесть-семь, самое большее – десять тысяч воинов, но на следующий день князь клана Ода объявил о сборе огромной тридцатитысячной армии.

– Пусть наши противники считают, что мы идем на выручку союзникам, – заявил он, – на самом же деле сейчас решается судьба самого клана Ода.

Армия выступила из Гифу тринадцатого и на следующий день достигла Окадзаки. Дав войску однодневный отдых, утром шестнадцатого Нобунага приказал выдвинуться на передовые позиции.

Едва рассвело, как деревню, в которой стояло войско, огласило конское ржание. Ветер играл знаменами, призывно трубила раковина. Такой огромной армии, как та, что выступила нынче утром из Окадзаки, жители маленькой провинции еще никогда не видели, и впечатляющее зрелище повергло их в трепет. Знамена, полковые вымпелы и генеральскими штандарты во главе прекрасно вооруженных полков вызывали восхищение многочисленных зевак.

Воины клана Токугава с изрядной долей зависти наблюдали за собратьями по оружию. Еще бы: из тридцатитысячного войска клана Ода десять тысяч человек были стрелками. Вдобавок к этому армия везла с собой огромные пушки. Но самым удивительным было то, что почти у каждого пешего воина, не вооруженного мушкетом, лежали на плече жердь вроде тех, из которых городят забор, и моток веревки.

– Интересно, для чего воинам князя Оды понадобились эти жерди и веревки? – недоумевали зеваки.

Войско клана Токугава, также выступившее этим утром, насчитывало восемь тысяч человек, да и тех удалось собрать с трудом. Единственное, в чем не было недостатка у воинов клана, так это в храбрости и вере в победу, потому что им предстояло сражаться за землю своих предков, а значит, либо победить, либо умереть.

Отойдя на несколько ри от Окадзаки, воины Токугавы ускорили шаг и возле деревни Усикубо, покинув армию князя Нобунаги, повернули в сторону Сидарагахары.

Гора Гокуракудзи возвышалась возле самой долины Сидарагахара. На вершину, откуда отлично просматривались боевые позиции клана Такэда в Тобигасу, в Киёиде и Арумигахаре, Нобунага и перенес свою ставку, тогда как Иэясу расположился на вершине горы Дандзё. Сейчас тридцативосьмитысячная объединенная армия кланов Токугава и Ода завершала последние приготовления к предстоящему сражению.

Небо плотно затянули тучи, однако грозы пока ничто не предвещало, даже ветер стих.

В храме, расположенном на вершине Гокуракудзи собрались на военный совет военачальники союзных кланов. В самый разгар обсуждения Иэясу доложили о возвращении лазутчиков.

– Что ж, как раз вовремя, – сказал Нобунага и распорядился: – Приведите сюда их обоих, нам будет полезно узнать о передвижениях вражеского войска.

– Князь Кацуёри расположил свою ставку к западу от Арумигахары, – начал доклад первый лазутчик. – Его подданные и в особенности кавалеристы – их там тысячи четыре – выглядят весьма грозно.

– Обата Нобусада с ударным отрядом обосновался на невысоком холме к югу от Киёиды; перед ними как на ладони поле предстоящего сражения, – продолжил его напарник. – Мне удалось увидеть, как войско около трех тысяч человек под командованием Найто Сю заняло позиции от Киёиды до Асаи. На левом фланге вражеское войско, примерно такой же численности, подняло знамена Ямагаты Масакагэ и Оямады Нобусигэ. Правым флангом

командуют Анаяма Байсэцу и Баба Нобуфуса.

– А что слышно о войске, осадившем крепость Нагасино? – спросил Иэясу.

– Осаду ведут две тысячи человек. Помимо того, на холме к западу от крепости расположился запасный полк и еще примерно тысяча воинов, похоже, скрываются в крепостях вокруг Тобигасу.

Информация лазутчиков была, судя по всему, неполной, но сами за себя говорили имена прославленных военачальников клана Такэда. Все присутствующие на военном совете примолкли. Перед началом битвы порой и самых смелых воинов охватывает тревога. И вдруг заговорил Сакаи Тадацугу, да так громко, что все остальные недоуменно на него уставились.

– Диспозиция совершенно ясна, нечего и обсуждать. Столь немногочисленное войско врага не может всерьез угрожать такой великой армии, как наша.

– И в самом деле, – согласился Нобунага, хлопнув себя по колену, точно только и ждал этого предложения. – Тадацугу сказал сущую правду. Трусую и журавль в небе кажется вражеским знаменем, вот он и квакает от страха, как лягушка в болоте. – Нобунага расхохотался. – Сообщения лазутчиков доставили мне большую радость. Князь Иэясу, давайте-ка это отпразднуем!

Однако окрыленный похвалой Тадацугу не унимался.

– На мой взгляд, самое слабое место вражеских позиций – в Тобигасу, – продолжил он, подавшись вперед. – Если мы обойдем Тобигасу и пошлем отряд легковооруженных воинов ударить с тыла, то вражеское войско по всему фронту охватит паника, тогда как наше войско...

– Довольно, Тадацугу! – резко перебил его Нобунага. – Бессмысленно уповать в великом сражении на подобные мелочи! К тому же ты назойлив. Да и вообще, все свободны – мы закончили обсуждение!

Пристыженный Тадацугу удалился следом за остальными военачальниками.

Дождавшись, когда все выйдут, Нобунага обратился к Иэясу:

– Простите, что пришлось при всех распечь храбреца Тадацугу. Замысел его, на мой взгляд, безупречен, но я опасаясь, как бы о нем раньше времени не узнал неприятель. Постарайтесь ободрить беднягу, объясните ему все позже.

– Не стоит церемониться с Тадацугу, ему досталось поделом: опасно разглашать наши замыслы, даже в присутствии союзников. Пусть ваша строгость послужит ему уроком. Да и я кое-что усвоил.

– И все-таки призовите его к себе и дайте разрешение провести стремительный штурм Тобигасу.

– Да он только об этом и мечтает!

Тадацугу конечно же не пришлось долго уговаривать. Втайне ото всех он за несколько часов подготовил свой полк к походу.

– Я выступаю на закате, мой господин, – коротко доложил он Нобунаге.

Князь придал полку Тадацугу пятьсот своих стрелков, и теперь под началом у молодого военачальника оказалось три тысячи воинов. Ночью, в кромешной тьме, отряд Тадацугу покинул лагерь. Вскоре полил дождь, однако продрогшие до костей воины продолжали молча идти вперед.

Прежде чем начать подъем на гору Мацу, сделали привал на территории храма, расположенного у ее подножия. Воины оставили здесь лошадей и взвалили на плечи самое необходимое, что могли унести.

Крутой склон стал к тому же еще и скользким после прошедшего ливня. Опираясь на копья и подавая друг другу руки, воины одолели-таки сто двадцать дзё и оказались на вершине горы.

Светало, тучи мало-помалу рассеивались. И вот в море тумана сверкнули первые лучи

восходящего солнца.

Послышались восторженные возгласы: «Солнце!», «Само Небо благословляет нас!», «Лучшей погоды не пожелаешь!».

Все облачились в доспехи и по приказу командира разделились на два отряда. Первому предстояло совершить внезапный налет на вражескую крепость на горе, а второму – атаковать Тобигасу.

Воины клана Такэда, застигнутые врасплох, метались в панике. Там и тут запылали пожары, застилая небо клубами черного дыма. Дозорные Такэды в ужасе бросились бежать к Тобигасу, но к этому времени второй отряд Тадацугу уже прорвал оборону крепости.

Прошлой ночью, едва скрылся во тьме Тадацугу, Нобунага отдал приказ о выступлении всей своей армии. Под проливным дождем его воины подошли к подножию горы Тяусу. До рассвета они успели вбить в землю принесенные с собой жерди и связать их веревками. Получилось некое подобие забора, напоминающего шагающую сороконожку.

Ближе к рассвету дождь прекратился, и Нобунага отправился объезжать верхом только что воздвигнутые укрепления. Убедившись, что работа окончена, князь обернулся к сопровождающим его военачальникам из войска Токугавы и, заметив недоумение на их лицах, улыбнулся:

– Скоро все поймете! Дождитесь только наступления войска Каи и увидите, как мы поймем его, словно жаворонка, в силки.

Пока военачальники соображали, что это за хитрость, воины из Гифу уже вышли на поле боя. А гигантская ловушка осталась дожидаться свою жертву.

Успех задуманной Нобунагой операции зависел, однако, от того, удастся ли заманить в ловушку врагов. Для этого один из полков Сакумы Нобумори и стрелки Окубо Тадаё затаились на подступах к невиданному доселе сооружению.

И вдруг окрестности огласились воплями сторонников Такэды – они увидели черный дым, поднимающийся над Тобигасу. Смятение их уже граничило с паникой, поэтому Кацуёри отдал приказ наступать, воскликнув:

– Медлить больше нельзя! Любая проволочка дает преимущество противнику!

Князь знал: воины подчиняются ему безоговорочно. Так у них было заведено – не задавая лишних вопросов, полагаться на интуицию своего полководца и собственный боевой дух, позволявший им избегать поражений со времен Сингэна!

Однако развитие истории стремительно, как бег скакуна. Южные варвары – португальцы, – изобретя огнестрельное оружие, повергли в прах все былые традиции ведения войны. У Такэды Сингэна не хватило мудрости предвидеть подобный поворот событий. Провинция Каи, надежно защищенная горами, реками и пропастями от внешнего мира, оказалась отгороженной и от чужеземного влияния. Самураи Каи привыкли полагаться исключительно на собственное мужество и упорство, свойственное жителям горных провинций. Уверенные в своей неуязвимости, они считали ненужным изучать современные способы ведения боевых действий, по старинке полагаясь на кавалерию и лучников.

Вот и теперь войско, предводительствуемое Ямагатой, яростно набросилось на полки Сакумы Нобумори прямо возле заранее расставленного хитроумным неприятелем забора. Нобунага же, искушенный в военной стратегии, отлично знал современное оружие и новую тактику боя.

Дождь к тому времени закончился, но земля так размокла, что ноги утопали в грязи.

Левый фланг войска Каи – две тысячи воинов под началом Ямагаты – получил приказ не штурмовать непонятное сооружение. Пытаясь обойти забор стороной, они угодили в непролазную трясины. Даже предусмотрительный Ямагата, заранее изучивший поле сражения,

не мог предугадать, что из-за ночного ливня разольется ручей. Теперь же пешие воины проваливались по пояс, конные и вовсе не могли проехать.

Тем временем стрелки клана Ода под командой Окубо принялись в упор расстреливать воинов Такэды с фланга.

– Отступаем, – приказал Ямагата.

Получив приказ, увязавшее в грязи войско неуклюже развернулось и двинулось на стрелков Окубо. Ружейный огонь ряд за рядом косил воинов клана Такэда, и они, крича от отчаяния, падали в побуревшую от крови грязь. Обезумевшие лошади втаптывали их в топь. Началась паника.

И вот наконец войска сошлись.

Превосходно обученные воины Такэды врезались в ряды кланов Токугава и Ода, и союзники оказались перед ними беззащитны. Стрелков Окубо вырезали едва ли не до последнего человека. Располагая полки Окубо и Сакумы поблизости от забора, Нобунага рассчитывал с их помощью заманить врага в огороженное пространство. Выполнив свою задачу, они должны были отойти. Но, вступив в бой с войском Каи, воины кланов Токугава и Ода вдруг воспылали яростью, годами копившейся в их душах.

– Попробуйте справиться с нами! – подзадоривали они наступающих противников.

Да к тому же и оскорбительных выкриков воинов Каи они терпеть не собирались, поэтому незамедлительно ввязались в кровавую сечу, отстаивая честь и славу родной провинции.

Как только разгорелась эта безнадежная для воинов кланов Токугава и Ода схватка, Кацуёри вместе со своими военачальниками решил, что настало подходящее время для решительного наступления, – и главный ударный полк пятнадцатитысячного войска князя Каи двинулся вперед по центру гигантской тучей, наползая на противника. Постепенно строй воинов Кацуёри смешался, а сблизившись с противником, они уже напоминали стаю хищных птиц. Отряды ринулись в бой, оглашая воздух воинственными кличами.

С точки зрения Такэды, наспех поставленный забор не представлял собой серьезного препятствия. Его воины пройдут сквозь него, как нож сквозь масло, и, не снижая темпа, с ходу обрушатся на главные силы армии клана Ода.

Добравшись до забора, воины Такэды действовали по собственному усмотрению. Одни пытались перелезть через него, другие валили жерди дубинками и железными палками, третьи рубили мечами веревки, четвертые, предусмотрительно захватив с собой масло, пытались поджечь его.

До сих пор Нобунага безучастно наблюдал за происходящим, бросив, казалось, полки Сакумы и Окубо на произвол судьбы. Войско, стоящее на горе Тяусу, дожидалось своего часа. Наконец князь воскликнул:

– Пора!

Золотой веер Нобунаги сверкнул в воздухе, и командиры стрелковых полков принялись передавать друг другу по цепочке: «Огонь, огонь...»

Земля содрогнулась от грохота пальбы, казалось, вот-вот расколются горы. Низким облаком над сражающимися поплыл пороховой дым, накрывая огороженное пространство. Воины Каи – и пешие, и конные – заметались среди груд человеческих тел.

– Не отступать! Вперед! – кричали командиры.

Воины Каи отчаянно пытались преодолеть огороженное пространство, карабкаясь по телам сраженных товарищей, но противостоять обрушившемуся на них граду пуль были бессильны. Один за другим падали они бездыханными наземь.

Когда стало ясно, что сражение они проигрывают, прозвучала команда:

– Отступаем!

Четверо или пятеро не выбитых еще из седла командиров выкрикнули это слово чуть ли не одновременно: казалось, ужас поселился в их сердцах. Один из них тут же рухнул с коня, сраженный пулей, а под вторым пала лошадь.

Но, невзирая на поражение и многочисленные жертвы – в первой атаке полегла едва ли не треть воинов, – воинство Каи не утратило боевой дух. Едва передовой отряд повернул назад, как на смену ему по направлению к забору устремилась новая волна атакующих.

Увидев забор, обгащенный кровью своих соратников, воины Каи принялись подбадривать самих себя и друг друга яростными криками:

– Вперед, навстречу смерти!

– Да послужат наши тела щитом собратьям, идущим следом за нами!

Страшная тактика щита из человеческих тел считалась старинным и доблестным обычаем. Воины, наступающие в первых рядах, приносили себя в жертву, прокладывая дорогу идущим следом. Те в свою очередь прокладывали дорогу третьим. Так, шаг за шагом, войско продвигалось вперед.

Отваги воинам Каи было не занимать, но их ожесточенный натиск порождал лишь бесчисленные жертвы, ни на шаг не приближая к победе.

Кацуёри, наблюдая за сражением со стороны, всячески понуждал воинов продолжать атаку. Осознай его военачальники, что у них нет ни единого шанса победить, вряд ли решились бы требовать от войска бессмысленного самопожертвования. Они же с фанатичным упорством посылали в бой все новые и новые силы, восклицая:

– Эту преграду мы сокрушим!

Должно быть, и в самом деле верили, что это возможно. На перезарядку ружей требовалось немало времени, поэтому вслед за каждым залпом обычно наступали долгие минуты тишины. Этими перерывами и намеревались воспользоваться военачальники Каи, предполагая продвигаться вперед, укрывшись щитом из человеческих тел.

Нобунага, однако же, заранее учел основной недостаток огнестрельного оружия и разработал новую, беспроегрешную тактику: выстроил три тысячи своих стрелков в три линии. Отстрелявшись, первая тысяча стрелков отходила в сторону, давая возможность выстрелить второй тысяче, затем наступала очередь третьей. На протяжении всего сражения враг так и не получил желанного перерыва.

Ружейный огонь не прекращался ни на минуту, а быстро преодолеть линию заграждений воины Каи не могли. Не легче было и отступить, так как они немедленно подвергались внезапным атакам во фланг и преследованию. Соратникам Такэды, издавна и вполне справедливо гордившимся своим мужеством и боевым искусством, сейчас никак не удавалось продемонстрировать эти качества.

Полк Ямагаты уже отступил, понеся тяжелые потери. Только Баба Нобуфуса не дал заманить себя в западню.

Бабе противостоял Сакума Нобумори, но, поскольку у него была задача всего лишь заманить врага в ловушку, после недолгого сопротивления он отступил. Преследуя отступающих, воины Бабы захватили укрепления в Маруяме, но дальше не двинулись, поскольку военачальник велел здесь и остановиться.

– Почему мы не наступаем? – недоумевали подчиненные Бабы, ответа через вестовых требовал и Кацуёри из своей ставки.

Но Баба твердо стоял на своем:

– У меня есть причины остановиться здесь. Предпочитаю осмыслить происходящее и поглядеть, как будут развиваться события. Если кому-то не терпится – что ж, пусть наступают, желаю им овечьим своим имя бессмертной славой.

Однако все военачальники Такэды, пославшие своих людей на штурм ограждений, потерпели сокрушительное поражение. А тут еще летучие отряды Кацуиэ и Хидээси ударили в северном направлении, угрожая отрезать ставку Кацуёри от его главных сил.

Жаркое полуденное солнце пекло нестерпимо, возвещая об окончании сезона дождей. Судя по сегодняшнему утру, следовало ждать знойного лета.

Бой начался еще до рассвета, во вторую половину часа Тигра, поэтому к полудню полки Каи смертельно устали и изнемогали от жары. Кровь, пролитая утром, засохла на доспехах, на волосах, на коже воинов, а повсюду, куда ни бросишь взгляд, продолжала литься свежая.

В глубоком тылу неистовствовал Кацуёри. Он уже бросил в бой все силы, даже запасный полк, обычно оставляемый в резерве на крайний случай. Было еще не поздно выйти из безнадежного сражения, сохранив значительную часть войска. Но от отчаяния князь, казалось, утратил способность реально оценивать ситуацию и совершал одну ошибку за другой, приближая неминуемую катастрофу. Его надежды на высокий боевой дух и отвагу своих воинов не оправдались. Да и не могли оправдаться, ибо сегодняшнее сражение больше походило на охоту с ловушками и приманками.

Вот уже князю донесли, что Ямагата Масакагэ, доблестно сражавшийся на левом фланге с самого утра, пал смертью храбрых. Да и другие именитые военачальники, люди отважные и испытанные, гибли один за другим. Кацуёри потерял почти половину войска.

Тем временем к Набунаге, наблюдавшему за ходом боя, обратился военачальник Сасса Наримаса:

– Враг явно терпит поражение. Не пора ли нам ударить по-настоящему?

Нобунага немедленно передал через него приказ войску, затаившемуся по другую сторону изгороди: «Выйти и ударить по врагу! Уничтожить всех!»

Теперь сражение шло и вокруг ставки Кацуёри. Воины клана Токугава атаквали слева. Воины клана Ода прорвались сквозь передовые отряды Такэды и ударили в лоб его основному войску. И только полк Бабы Нобуфусы, остававшийся в Маруяме, не утратил боеспособности. Баба послал к Кацуёри гонца, предложив немедленно дать приказ об отступлении.

Кацуёри негодуяюще затопал ногами, но в этот момент основная часть его разгромленного и отступающего войска поравнялась со ставкой. Едва ли не каждый воин был ранен.

Уцелевшим военачальникам едва удалось уговорить Кацуёри отвести войска и самому покинуть ловушку, в которой он очутился. Их врагам было совершенно ясно: Такэда побежден, его войско беспорядочно отступает.

Проводив Кацуёри до ближайшего моста через горную реку, военачальники покинули его и, развернувшись, дали бой преследующему их войску противника. Они героически сражались и почти все погибли. Баба Нобуфуса сопровождал Кацуёри, уходившего с жалкими остатками войска, до Мияваки, затем старый военачальник повернул коня и поскакал на запад.

«Я прожил долгую жизнь, хотя ее можно назвать и короткой, – горестно думал он. – Но коротка жизнь или длинна, мгновение смерти – вечность. Даже вечная жизнь не сравнится с ним».

Послав коня навстречу огромному вражескому войску, военачальник поклялся себе: «В следующей жизни обязательно покаюсь перед князем Сингэном. Я оказался плохим советником его сыну и бездарным военачальником. Прощайте, горы и реки родной Каи!»

На мгновение обернувшись, он затуманенным слезами взором окинул родные места, а затем пришпорил коня и понесся в гущу вражеских воинов. Все ближайшие соратники военачальника последовали за ним и пали столь же славной смертью.

Из всех вассалов князя Каи, пожалуй, только Баба Нобуфуса со всей очевидностью понимал: после поражения клан Такэда неизбежно распадется и будет уничтожен. И тем не

менее он не сумел предотвратить его гибель. Даже самый проникательный человек не может противостоять великой силе перемен.

В сопровождении десяти всадников Кацуёри проехал по мосту над пропастью возле Комацугасэ, направляясь в крепость Бусэцу. Князь, человек непревзойденной отваги, сейчас пребывал в таком угнетенном состоянии, что не мог вымолвить ни слова.

Равнина Сидарагахары казалась кроваво-красной в лучах закатного солнца. Великая битва, длившаяся от темна до темна, осталась позади. На огромном поле не было ни единой лошади, ни одного живого воина.

Быстро темнело. Ночная роса выпала прежде, чем с поля убрали убитых. Только воинов клана Такэда, как рассказывали, погибло более десяти тысяч.

В столичную резиденцию Нобунаги, разместившуюся в Нидзё, во дворце, прежде принадлежавшем сёгуну, каждый день прибывали многочисленные гости: придворные, самураи, мастера чайных церемоний, поэты и купцы из близлежащих торговых городов Нанива и Сакаи.

Совсем недавно император даровал князю титул государственного советника, и теперь его называли управителем правой стороны. По этому поводу и устраивались нескончаемые пышные празднества.

Мицухидэ решил покинуть Нобунагу и возвратиться домой, в Тамбу. Еще засветло он пришел во дворец попрощаться с князем.

– Приветствую вас, Мицухидэ.

Оглянувшись, он увидел улыбающегося Хидэёси.

– О, Хидэёси! – рассмеялся Мицухидэ в ответ.

– Что привело вас сюда? – спросил Хидэёси, беря гостя под руку.

– Завтра мы расстаемся с его светлостью, я зашел проститься.

– И где же, как вы полагаете, мы вновь увидимся?

– Хидэёси, а вы, часом, не пьяны?

– Признаюсь, пока мы в столице, и дня не пропускаю, чтобы не выпить. Да и его светлость позволяют себе здесь куда больше, чем дома. Уверен, если вы сейчас увидите с ним, то он и вас напоит.

– Князь устраивает очередное пиршество? – осведомился Мицухидэ.

Нобунага в последнее время стал пить гораздо больше, чем прежде, и Мицухидэ, прослуживший князю долгие годы, сразу это заметил.

Хидэёси частенько участвовал в этих празднествах, причем приходилось ему нелегко. В отличие от более сухощавого здоровяка Нобунаги, способного поглотить изрядное количество выпивки, Хидэёси, хоть и выглядел этаким деревенским здоровяком, был человеком болезненным, слабым, а потому быстро пьянел.

Мать до сих пор пеняла ему, что он не следит за своим здоровьем.

– Конечно, всякому хочется поразвлечься, но следи, пожалуйста, за собой, – твердила она. – Ты родился совсем слабеньким, и, пока тебе не исполнилось пять лет, соседи говорили, что ты не жилец.

Хидэёси знал, почему был в детстве таким болезненным. Когда мать вынашивала его во чреве, их семья бедствовала, и порой все они сутками не держали крошки во рту, поэтому он родился слабеньким, а выжил и окреп только благодаря стараниям матери. Хидэёси вспоминал материнские предостережения каждый раз, когда подносил полную чашечку сакэ ко рту. Не забывал он и о том, как горько плакала мать, когда отчим возвращался домой пьяным.

Никто, однако же, не осмелился бы назвать Хидэёси пьяницей. О нем говорили: «Пьет он немного, хотя и любит покутить. Правда, едва начав, сразу же напивается».

Вот и сейчас, коль скоро речь зашла о выпивке, как раз Мицухидэ, повстречавшийся ему в одном из переходов дворца, был изрядно под хмельком. Тем не менее тот почему-то надулся. Похоже, продолжительное пьянство Нобунаги глубоко тревожит его вассалов.

Хидэёси, засмеявшись, поспешил успокоить Мицухидэ.

– Я пошутил, – признался он, мотая хмельной головой. – Всего лишь немного пошутил. Попойка закончилась, и главное тому доказательство – то, что я тут, с вами, хоть и достаточно пьян. Ах нет, шучу, шучу! – И он опять весело рассмеялся.

– Вы негодник, – мягко пожурил его Мицухидэ.

Он терпеливо сносил шутки и насмешки Хидэёси, потому что хорошо к нему относился. Да и со стороны Хидэёси встречал только самые добрые чувства. К тому же, выслушивая своего соратника, тот никогда не выходил за рамки приличий и проявлял почтение.

Кроме того, Мицухидэ считал полезным поддерживать дружеские отношения с Хидэёси, немного превзошедшим его на служебном поприще и на военном совете занимающим более почетное место. Так же, как и большинство представителей знати, Мицухидэ гордился своим происхождением и образованностью. Конечно, он не смел проявлять непочтительность по отношению к Хидэёси, но позволял себе время от времени подчеркивать свое духовное превосходство над более высокопоставленным приятелем, снисходительно бросая ему поощрительные реплики типа: «Симпатичный вы все-таки человек».

Впрочем, Хидэёси не обижало присущее Мицухидэ высокомерие, он находил совершенно естественным, что человек, настолько превосходящий его происхождением, ученостью и умом, посматривает чуть-чуть свысока, и охотно признавал первенство Мицухидэ.

– Ах да, чуть не забыл, – как бы невзначай произнес Хидэёси. – Вас следует поздравить. Думаю, провинция Тамба будет достойной наградой вам и вполне заслуженной. Надеюсь, что вас ждет еще более успешное будущее, и молюсь о вашем дальнейшем благоденствии и процветании.

– Нет, я не заслуживаю наград, которыми щедро одаривает меня князь Нобунага. – Мицухидэ всегда старался ответить на учтивость еще большей учтивостью, однако, не удержавшись, добавил: – Подарок, конечно, великолепный – целая провинция, но она когда-то принадлежала самому сёгуну, да и сейчас там немало могущественных местных кланов, которые, запершись у себя в крепостях, отказываются признать мою власть. Так что ваши поздравления несколько преждевременны.

– Нет-нет, вы чересчур скромничаете, – возразил Хидэёси. – Как только вы перебрались в Тамбу вместе с военачальником Хосокавой Фудзитакой и его сыном, клан Камэяма признал свое поражение. Я с интересом следил за тем, как вы управляетесь с Камэямой, и даже его светлость похвалил вас за виртуозное воинское искусство. Вам ведь удалось окружить врага и захватить крепость, не потеряв при этом ни единого воина.

– Камэяма это лишь начало. Главные трудности ждут меня впереди.

– Жизнь только тогда доставляет истинное удовольствие, когда приходится преодолевать трудности. Да и что может быть лучше, чем привнести мир и покой в пожалованную тебе твоим князем провинцию и управлять ею во благо своих подданных. Притом не забывайте: вы теперь сами становитесь князем и получаете право делать все, что вам заблагорассудится.

В этот момент собеседники осознали, что их случайная встреча чересчур затянулась.

– Что ж, до встречи, – сказал Мицухидэ.

– Погодите-ка минутку! – воскликнул Хидэёси, внезапно о чем-то вспомнив. – Вы ученый муж, а значит, сможете сказать мне, какие японские крепости имеют главную сторожевую башню?

– В принадлежащей Сатоми Ёсихиро крепости, расположенной в Татэяме, провинции Ава, возвышается трехэтажная башня, видимая даже с моря. А в Ямагути, провинция Суо, Оути Ёсиоко построил в своей главной крепости четырехэтажную башню, наверное, самую высокую в Японии.

– Выходит, их всего две?

– Насколько мне известно, две. Но почему вы об этом спрашиваете?

– Да, знаете ли, сегодня мы с его светлостью обсуждали всевозможные строительные проекты, и господин Мори принялся усердно растолковывать нам преимущества крепостей с главными сторожевыми башнями. Он прямо-таки настаивал, чтобы крепость, которую князь

Нобунага собирается строить в Адзути, имела как раз такую башню.

– Вот как? А кто такой этот господин Мори?

– Оруженосец его светлости, Ранмару.

Мицухидэ на мгновение нахмурился.

– Его рекомендация кажется вам сомнительной? – поинтересовался Хидэёси.

– Ну, не то чтобы сомнительной... – произнес Мицухидэ деланно безразличным тоном и, переменяв тему, немного поболтал о пустяках, но вскоре, извинившись, простился с Хидэёси и поспешил во внутренние покои дворца.

Людей в коридорах дворца Нидзё сновало предостаточно. Одни только еще пришли повидаться с князем Нобунагой, другие уже спешили прочь.

Едва Хидэёси расстался с Мицухидэ, как его кто-то окликнул. Оглянувшись, он увидел перед собой Асаяму Нитидзё, неряшливого монаха на редкость безобразной наружности. Тот заговорил чуть ли не шепотом, точно собирался поведать своему собеседнику нечто чрезвычайно важное и секретное.

– Как мне показалось, князь Хидэёси, вы только что доверительно беседовали с князем Мицухидэ.

– Доверительно беседовал? – рассмеялся Хидэёси. – Да разве здесь подходящее место для доверительных бесед?

– Поверьте, ваш столь продолжительный разговор может кое у кого вызвать ненужные подозрения.

– Ах, ваше преподобие, да вы, часом, не выпили лишнего?

– Выпил. И как вы справедливо заметили, немного больше, чем следовало. Однако вам все-таки советую быть поосторожнее.

– Вы имеете в виду – с кувшинчиком сакэ?

– Да полно вам! Вы же прекрасно понимаете, что я советую не выставлять напоказ дружбу с Мицухидэ.

– И почему же?

– А вы не находите, что он чересчур умен?

– Конечно же нет! Каждый может подтвердить: самый умный человек во всей Японии это вы!

– Я?.. Да нет, что вы, я тугодум, – угрюмо пробурчал монах.

– Напротив, ваше преподобие, за вами прочно закрепилась репутация превосходного знатока, имеющего понятие едва ли не обо всем на свете. Обычный самурай, несомненно, уступает в просвещенности аристократу или богатому купцу, но никто в клане Ода не сравнится с вами опытом и мудростью. Даже князь Кацуиэ придерживается такого мнения.

– И при всем этом я не могу похвастаться подвигами на поле брани.

– Зато ваши выдающиеся способности проявились при возведении императорского дворца, вы умело управляете столицей и решаете денежные вопросы.

– Не пойму, вы льстите мне или же надо мной смеетесь?

– Честно говоря, и то и другое. Вы очень влиятельный человек, однако воины не признают вас своим командиром, поэтому я одновременно и льщу вам, и смеюсь над вами.

– С таким острословом, как вы, не поспорить! – воскликнул Асаяма и подобострастно расхохотался. Будучи значительно старше Хидэёси, монах заискивал перед молодым князем, признавая его превосходство.

К Мицухидэ Асаяма относился куда более настороженно.

– Признаюсь, меня давно тревожит холодный рассудок Мицухидэ, но до сих пор мне казалось, что эти подозрения лишь игра моего воображения, – разоткровенничался монах, – но

сегодня мои доводы подтвердил человек, умеющий определять характер по внешности.

– О, физиономист! И что он выяснил относительно Мицухидэ?

– Это не просто физиономист, а настоятель Экэй – один из наиболее просвещенных мужей нашего времени. Он и рассказал мне обо всем, причем под страшным секретом.

– Так что же именно он вам сказал?

– По его мнению, у Мицухидэ внешность мудреца, способного увязнуть в собственной мудрости. И самое главное: этот человек может предать своего господина.

– Какая ерунда! Позвольте-ка и вам, Асяяма, дать совет.

– С готовностью его приму.

– Так вот учтите, вы вряд ли насладитесь заслуженным отдыхом в старости, если станете и впредь говорить подобные вещи. – Тон Хидэси был сейчас крайне резок. – Я слышал о пристрастии вашего преподобия к интриганству, но и помыслить не мог, что вы посмеете посягнуть на одного из наиболее преданных вассалов его светлости.

В просторной комнате молодые оруженосцы, разложив на полу подробную карту провинции Оми, разглядывали ее, вытянув шеи, как утята.

– Смотрите, вот заводи на озере Бива! – воскликнул один из них.

– А вот храм Сёдзицу! И храм Дзёраку! – поддержал другой.

Ранмару сидел особняком в сторонке от остальных. Ему не исполнилось еще и двадцати, однако, если бы молодому человеку побрили лоб, он выглядел бы настоящим самураем. Однако Нобунага хотел, чтобы Ранмару по-прежнему оставался его оруженосцем.

Молодой человек не уступал изяществом куда более юным оруженосцам, но его прическа и наряд были ему уже явно не по летам.

Нобунага пристально всматривался в карту.

– Хороша! – пробормотал он. – Куда лучше, чем любая из наших военных карт. Ранмару, как тебе удалось столь быстро раздобыть такую замечательную карту?

– Моя матушка – она недавно удалилась в монастырь – узнала о том, что карту эту прячут в одном из храмов.

Мать Ранмару, принявшая в монашестве имя Мёко, была вдовой Мори Ёсинари, и теперь пятеро ее сыновей служили Нобунаге. Двоих младших братьев Ранмару – Бомару и Рикимару – князь также взял к себе оруженосцами. Они оказались толковыми мальчиками, однако Ранмару значительно их превосходил. Так считал не только безгранично привязанный к юноше князь Нобунага, но и все, кто был знаком с Ранмару. Каждому бросались в глаза его ум и проницательность. Этот юноша в детском платье на равных беседовал с военачальниками и самыми влиятельными вассалами князя, причем никогда не вызывал у них снисходительной насмешки.

– Что? Эту карту вручила тебе Мёко? – удивился Нобунага и пристально посмотрел на Ранмару. – Коль скоро она теперь монахиня, то может свободно посещать всевозможные храмы, но ей следует опасаться лазутчиков из братства монахов-воинов, продолжающих строить мне козни. Улучи минуту и передай ей мое предостережение.

– Моя мать – мудрая женщина и всегда ведет себя очень осторожно. Даже осторожней, чем я, мой господин.

Нобунага одобрительно кивнул и вновь принялся изучать на карте окрестности Адзути. Именно здесь он собирался воздвигнуть крепость, чтобы расположить в ней свою резиденцию и правительство. Это решение князь принял совсем недавно, осознав, что расположение крепости Гифу не отвечает его дальнейшим замыслам.

Нобунага вынашивал план завладеть местностью вокруг Осаки, но препятствием служила крепость Хонгандзи – оплот его жесточайших врагов, монахов-воинов.

Памятуя о прежних трагических ошибках сёгунов, Нобунага даже и в мыслях не держал идеи разместить правительство в Киото, куда более подходящим местом считая Адзути. Отсюда он мог бы следить за развитием событий в провинциях запада, равно как и наблюдать за успехами Уэсуги Кэнсина на севере.

Размышления князя прервал вошедший в комнату самурай, стоявший на страже возле дверей, который доложил, что князь Мицухидэ просит разрешения войти, желая попрощаться перед отъездом.

– Мицухидэ? Проси! – распорядился Нобунага, вновь склоняясь над картой.

Войдя в комнату, Мицухидэ с облегчением вздохнул: запаха сакэ здесь не чувствовалось. «Ах, этот балагур, – подумал он, – опять обвел меня вокруг пальца!»

– Мицухидэ, подойди-ка сюда! – воскликнул Нобунага и, не обращая внимания на учтивый поклон вассала, жестом пригласил его приблизиться к карте.

– Мне говорили, будто вы, мой господин, замыслили возводить новую крепость.

– Ну и что ты об этом думаешь? Взгляни-ка вот сюда: горная местность, берег озера – само Небо велит воздвигнуть здесь крепость, – с горячностью заметил Нобунага, который, судя по всему, уже окончательно принял решение и мысленно составил проект новой крепости, ибо уверенно провел пальцем линию на карте и добавил: – Вот отсюда и досюда. А у подножия горы, вокруг крепости, мы выстроим город и разместим в нем лучший во всей Японии купеческий квартал. Я не пожалею на строительство этой крепости ни сил, ни средств, но создам такое внушительное сооружение, что провинциальные князья раз и навсегда поймут: им со мной не тягаться. Не сочти мои слова за бахвальство, но крепости, равной той, что я задумал, не будет во всей империи.

Мицухидэ молчал, в задумчивости глядя на карту. Столь сдержанное отношение к проекту рассердило Нобунагу, уже свыкшегося со всеобщими восторгами и горячей поддержкой своего грандиозного замысла, и он раздраженно спросил:

– Так ты считаешь, что у меня ничего не выйдет?

– Нет, я вовсе так не думаю.

– Тогда, быть может, тебе кажется несвоевременным строительство крепости?

– Да нет, почему же... – уклончиво ответил вассал.

– Прекрасно, Мицухидэ, – вновь оживился Нобунага, – ты, как мне известно, посвящен в науку возведения крепостей, поэтому предлагаю тебе возглавить строительство.

– Нет-нет, – энергично запротестовал его гость. – Моих познаний для этого недостаточно.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что возведение крепости – сродни командованию войском в большом сражении: нельзя жалеть ни людей, ни средств, а следовательно, вам надо назначить ответственным за строительство одного из испытанных военачальников.

– Ну и кто бы, по-твоему, подошел для этой должности?

– Пожалуй, князь Нива. К тому же он превосходно ладит с людьми.

– Нива? Да... он справится... – Об этом человеке подумывал и сам Нобунага, поэтому сейчас благосклонно кивнул. – Кстати, Ранмару предложил выстроить в этой крепости главную сторожевую башню. Как тебе эта идея?

Мицухидэ ответил не сразу, краешком глаза наблюдая за насторожившимся оруженосцем.

– Вы спрашиваете, мой господин, какие я усматриваю преимущества и недостатки многоэтажной башни?

– Да, именно об этом. Так построим или обойдемся без нее?

– Разумеется, башня не помешает, во всяком случае, крепость с ней будет выглядеть более величественной.

– Рад это слышать от тебя. Однако существуют разные башни. Посоветуй, какую предпочесть, ты ведь немало поездил по стране, изучая искусство возведения крепостей.

– Прошу простить меня, мой господин, но я не слишком хорошо разбираюсь в этом деле, – скромно заметил Мицухидэ. – Путешествуя в молодости по стране, я видел всего две или три крепости с многоэтажными башнями, причем все самой примитивной конструкции. А вот Ранмару, как мне кажется, все хорошенько продумал и изучил, поэтому ему и следует поручить выбрать наиболее подходящий тип башни.

Нобунага, и не думая щадить самолюбия одного из самых своих влиятельных вассалов, принялся развивать его мысль:

– Ранмару, ты обладаешь не меньшими знаниями, чем Мицухидэ, и, судя по всему, хорошо осведомлен о строительстве крепостей. Так выскажи нам свое мнение о том, какой должна быть главная башня.

Обескураженный оруженосец промолчал.

Однако Нобунага настаивал:

– Ну, так что же ты скажешь?

– Я слишком смущен вашими словами, мой господин, – пробормотал юноша и простерся ниц, спрятав лицо в ладонях. – Князь Мицухидэ смеется надо мною. Откуда мне знать что-либо о строительстве башен? Стыдно признаться, мой господин, но все, что я говорил вам... ну, будто Оути и Сатоми есть главные башни, как раз и поведал мне князь Мицухидэ, когда мы однажды были с ним в ночном дозоре.

– Значит, это вовсе и не твоя задумка?

– Нет, я просто хотел как бы невзначай навести вас на разговор о сторожевых башнях.

– Вот как? – рассмеялся Нобунага. – Ну ты и хитер!

– Но князь Мицухидэ, похоже, подумал, будто я украл у него эту мысль, – продолжил юноша, – рассердился на меня и, видимо, решил наказать. Потому-то он и предложил поручить сложное дело такому ничтожному человеку, как я. А ведь у него есть замечательные зарисовки башен Оути и Сатоми и даже кое-какие расчеты.

– Это правда, Мицухидэ? – спросил Нобунага.

Под пристальным взором князя вассалу изменило его обычное хладнокровие.

– Да, правда – пробормотал он.

Мицухидэ было жаль Ранмару, и он вовсе не собирался наказывать юношу, напротив, заговорил об учености молодого оруженосца только потому, что знал о привязанности к нему Нобунаги.

Конечно, Ранмару поступил глупо, выдав его рассказы за собственную идею, но если бы он, Мицухидэ, поставил на место и устыдил молодого оруженосца, то Нобунаге едва ли бы это пришлось по вкусу. И как знать, не досталось ли бы самому Мицухидэ от князя за то, что унижил его любимца. А потому он решил скрыть мелкий грешок Ранмару. Юноша же оказался весьма изворотлив.

Тем временем, подметив замешательство своего преданного вассала, Нобунага громко расхохотался:

– О, Мицухидэ, да ты, оказывается, тщеславен! Ну, так или иначе, а зарисовки-то эти по-прежнему у тебя?

– Их всего несколько, мой господин, и я сомневаюсь в том, что этого окажется достаточно.

– Посмотрим, одолжи-ка их мне ненадолго.

– Мой господин, я пришлю вам зарисовки и записи прямо сегодня, – пообещал Мицухидэ.

В душе он ругал себя за то, что покривил душой перед Нобунагой. Ссору удалось замять, однако неприятный осадок остался. Правда, когда они с князем перешли к обсуждению

устройства крепостей в различных провинциях, а затем принялись просто разговаривать о том о сем, Нобунага вновь обрел превосходное настроение. Они отобедали вместе, а затем Мицухидэ удалился, ничуть не чувствуя себя обиженным.

На следующее утро, воспользовавшись тем, что Нобунага уехал из дворца Нидзё, Ранмару отправился проведать мать.

– Матушка, – поспешил предупредить юноша, – младший брат и другие оруженосцы рассказали мне, будто князь Мицухидэ говорил его светлости, что ты, дескать, совершая поездки по храмам, можешь передать военные тайны монахам-воинам. Ну ничего, вчера в присутствии его светлости я сумел отомстить этому наветчику. Ты ведь знаешь, после смерти отца наше семейство оказалось в такой милости у князя, как никакое другое, и конечно же многие нам завидуют. Поэтому прошу тебя, будь, пожалуйста, осторожна и не доверяй никому.

Сразу же после новогоднего празднества на четвертый год Тэнсё началось строительство крепости в Адзути и одновременно был заложен город невиданных доселе размеров. Шелковичные роци исчезли буквально за ночь, уступив место тщательно спланированным городским улицам. Не успели люди опомниться, как на вершине горы появились контуры высокой главной башни. Цитадель, напоминающая мифическую гору Меру, имела четыре башни, сориентированные по четырем сторонам света, а в середине возвышался пятиэтажный сторожевой бастион. У его подножия стояло внушительных размеров каменное здание с многочисленными пристройками. В общей сложности в крепости имелось более ста сообщающихся друг с другом разноэтажных построек.

Мастеровой люд со своими орудиями, прихватив подручных, потянулся в Адзути со всех концов страны. Из столичного Киото и Осаки, из далеких западных провинций и даже восточных и северных шли кузнецы, каменщики, кровельщики, скобяных дел мастера, специалисты по изготовлению раздвижных ширм – одним словом, представители всех распространенных в Японии ремесел.

Прославленный Кано Эйтоку был приглашен расписывать двери, ширмы и потолки. Великий мастер на сей раз не придерживался исключительно принятых в его школе традиций, а взял все лучшее, что создали художники всевозможных творческих направлений, и, переосмыслив, создал блистательные работы, вдохнув новую жизнь в искусство, пришедшее в упадок за годы междуусобиц.

Художник, не ведая сна и отдыха, расписывал зал Сливого Дерева, зал Восьми Знаменитых Пейзажей, а также залы Фазана и Китайских Принцев. Мастера облицовки без устали надраивали, полируя до блеска, стены черного дерева. Привезенный из Китая художник по керамике также трудился не покладая рук. Дым над его печью для обжига клубился днем и ночью.

Одиноким странствующий монах с густыми бровями и крупным ртом осматривал крепость, что-то бормоча себе под нос.

– Да уж не Экэй ли это? – воскликнул Хидэёси. Покинув группу сопровождавших его военачальников, он подошел к монаху и слегка, чтобы не напугать, похлопал того по плечу.

– Ну как же! Князь Хидэёси! – обрадовался давнему знакомому монах.

– Вот уж не ожидал встретить вас здесь! – Притворно улыбаясь, Хидэёси вновь потрепал Экэя по плечу. – Давненько вас не видел, если не ошибаюсь, с той самой встречи в доме господина Короку в Хатидзуке.

– Совершенно верно. Но совсем недавно – кажется, в конце года – я слышал во дворце Нидзё от князя Мицухидэ, что вы в столице. Сам я прибыл тогда с послами от князя Мори

Тэрумото и некоторое время провел в Киото. А теперь вот решил осмотреть крепость, которую возводит князь Нобунага. Будет, скажу я вам, о чем рассказать тем, кто остался дома. Должен признаться, сооружение впечатляющее!

– Ваше преподобие и сами сейчас кое-что возводят, как мне известно, – многозначительно заметил Хидэёси.

Экэй изумленно замер, и молодой князь, засмеявшись, добавил:

– Да нет, конечно не крепость! Я слышал, будто вы строите монастырь под названием Анкокудзи.

– Ах, так вы о монастыре! – Лицо Экэя просветлело, и он с облегчением рассмеялся. – Анкокудзи уже построен. Надеюсь, вы навестите меня там. Впрочем, вам вряд ли удастся выкроить время, ведь у вас столько дел в крепости Нагахана. Да и на строительстве крепости Адзути вы, наверное, заняты. Я просто потрясен тем размахом, с каким ведется это строительство. А как пекутся о нем военачальники князя! Воистину Ода Набунага подобен восходящему солнцу.

– А строительство Анкокудзи оплатил князь Тэрумото из западных провинций, не так ли? Говорят, он богат и могущественен, да и по числу поистине одаренных людей, боюсь, клану Ода с ним не сравниться.

Поворот, который начала принимать беседа, явно не устраивал Экэя, и он вновь стал восхищаться башней, затем подивился красоте окрестностей новой крепости.

Наконец Хидэёси решил, что разговор слишком затянулся, и сказал:

– Нагахана стоит на берегу озера к северу отсюда. Мой челн всегда наготове. Так не хотите ли погостить у меня денек-другой? Я с удовольствием отправлюсь вместе с вами.

– Нет, благодарю вас. Возможно, как-нибудь в другой раз, – торопливо отказался монах. – Пожалуйста, засвидетельствуйте мое почтение господину Короку или, вернее, господину Хикоэмону, как его называют теперь, когда он стал одним из ваших вассалов. – И, быстро попрощавшись с Хидэёси, Экэй пошел прочь.

Хидэёси задумчиво смотрел ему вслед. Внезапно князь заметил двоих монахов, очевидно, учеников Экэя, поспешивших за ним вдогонку.

В этот момент его кто-то окликнул:

– Князь Хидэёси! Князь Хидэёси!

Оглядевшись по сторонам, Хидэёси увидел мчащегося к нему улыбающегося Ранмару.

– Добрый день, господин Ранмару. А где его светлость?

– Все утро он провел в башне, а сейчас – в храме Сёдзицу.

– Что ж, пойдёмте проведаем его.

– Скажите, пожалуйста, князь Хидэёси, а тот монах, с которым вы только что беседовали, – это ведь знаменитый физиономист Экэй, не так ли?

– Да, это действительно был Экэй. Я тоже слышал от кого-то о его удивительном даре, – ответил Хидэёси и как бы между прочим добавил: – Неужели физиономисты и в самом деле умеют определять характер и судьбу человека?

С Хидэёси Ранмару держался непринужденнее, чем с Мицухидэ. Юноша отнюдь не считал князя простаком, но ему было легко и забавно с этим шутником и балагуром. А потому он, не задумываясь, воскликнул:

– Физиономисты говорят сущую правду, князь! Моя матушка, например, уверена в этом, ведь незадолго перед тем, как погибнуть моему отцу, физиономист предсказал ему скорую кончину. Кстати, Экэй говорит нечто очень любопытное.

– Вы попросили его взглянуть в ваши черты? – поинтересовался Хидэёси.

– Нет-нет, речь вовсе не обо мне, – признался Ранмару, а затем, оглядевшись по сторонам и

понизив голос, пробормотал: – Речь идет о князе Мицухидэ.

– О князе Мицухидэ?

– Экэй обнаружил на его лице дурные знаки. По его мнению, Мицухидэ непременно предаст своего господина.

– Если ищешь предателя, то он мерещится на каждом шагу. Но князь Мицухидэ не из таких.

– А я, признаться, верю словам Экэя.

Хидэёси ухмыльнулся про себя: оруженосец слыл бесстыдным сплетником, хотя и говорил с подкупающей искренностью, а затем, посерьезнев, спросил:

– Интересно, откуда вам-то об этом стало известно?

Ранмару не счел необходимым слукавить.

– От Асаямы Нитидзё, – ответил он.

Хидэёси понимающе кивнул, словно знал ответ заранее.

– Но ведь сам Асаяма этого вам сказать не мог, верно? Вам кто-то передал его слова. Впрочем, хотите я угадаю, кто именно?

– И кто же, по-вашему?

– Да ваша матушка!

– О, как вы догадались?

Хидэёси только расхохотался в ответ.

– Князь, ну в самом деле, скажите, как вы об этом догадались?

– Мёко склонна верить подобным рассказам. Нет, правильней будет сказать: она их обожает. К тому же ваша матушка в приятельских отношениях с Асаямой. Как видите, догадаться не так уж трудно. Однако, если хотите знать мое мнение, то я скажу, что Экэй куда лучше разбирается в государственных делах, чем в человеческих душах. Он, конечно, физиономист, но, так сказать, политический. Вам бы следовало быть поосторожнее с людьми вроде него. С виду он обыкновенный монах, но служит князю Мори Тэрумото из западных провинций и получает от него жалованье... Так что вы теперь скажете, Ранмару? Кто лучший физиономист – Экэй или я? – И Хидэёси расхохотался.

Увлеченные беседой молодые люди и не заметили, как подошли к воротам храма Сёдзицу. Поднимаясь по каменным ступеням, собеседники продолжали весело смеяться.

Крепость строилась с ошеломляющей быстротой. В конце второго месяца того же года Нобунага уже покинул Гифу, вверив ее заботам своего старшего сына, девятнадцатилетнего Нобутады, и перебрался в Адзути.

Новая крепость Нобунаги была расположена на пересечении стратегически важных путей, поэтому ее появление обеспокоило очень многих и прежде всего монахов-воинов из Хонгандзи, Мори Тэрумото из западных провинций и Уэсуги Кэнсина из Этиго.

Замок Адзути высился на дороге из Этиго в Киото. Кэнсин, разумеется, тоже подумывал, как бы захватить столицу, и намеревался, дождавшись подходящего момента, пройти через горы, обогнуть с севера озеро Бива и молниеносным ударом завладеть Киото.

Низложенный сёгун Ёсиаки, некоторое время не дававший о себе знать, теперь засыпал письмами Кэнсина, призывая его незамедлительно действовать.

«К настоящему времени, – писал он, – на строительстве крепости Адзути завершены только внешние работы. Оборудование и обустройство внутренних помещений займет не менее двух с половиной лет. Пока еще не все потеряно, но как только строительство будет завершено, вам придется смириться с мыслью, что дороги из Этиго в Киото больше не существует. Сейчас самое время-нанести удар. Я готов проехать по провинциям и объединить

все противостоящие Нобунаге силы в единый союз. В него войдут князь Тэрумото из западных провинций, клан Ходзэ, клан Такэда и ваш собственный клан в Этиго. Однако вы с самого начала должны объявить о своем намерении возглавить этот союз, иначе я не ручаюсь за успех».

Кэнсин, улыбнувшись про себя, подумал: «Часом, не до ста ли лет намерен скакать по свету этот воробушек?» У Кэнсина хватило ума не ввязываться в столь сомнительное предприятие.

Однако сидеть сложа руки Кэнсин не собирался и к лету постепенно перевел свое войско в Кагу и Ното, начав грозить отсюда границам владений Оды. Но вскоре объединенное войско Такигавы, Хидэёси, Нивы, Сассы и Маэды под командованием Сибаты Кацуиэ заставило врага убраться восвояси и, преследуя его, сожгло все деревни, способные послужить ему убежищем, вплоть до самого Канацу.

Некоторое время спустя из лагеря Кэнсина в стан клана Ода прибыл гонец и громогласно заявил, что привезенное им послание должно быть прочитано лично Нобунагой.

«Наверняка его написал сам Кэнсин», – подумал Нобунага, собственноручно взламывая печать.

«Я наслышан о ваших достославных деяниях, – сообщал его соперник, – и весьма сожалею о том, что до сих пор не имел удовольствия познакомиться с вами лично, но сейчас для этого самая благоприятная ситуация. Если мы с вами упустим возможность встретиться в бою, то оба будем сожалеть об этом долгие годы. Я назначаю поединок на завтрашнее утро, на час Зайца. Буду ждать вас у реки Канацу. Сойдясь лицом к лицу, как подобает мужчинам, мы сумеем разрешить все наши споры».

Это был формальный вызов на поединок.

– А где гонец? – осведомился Нобунага.

– Только что уехал, – сообщил слуга.

Нобунага долго не мог совладать с нервной дрожью. Внезапно он объявил о том, что решил свернуть лагерь, и велел войскам отойти.

Услышав об этом, Кэнсин расхохотался:

– Нобунага поступил так, как я и ожидал. Остаься он на месте, завтра по его лагерю прошли бы копыта моего коня, а его самого я обезглавил бы на берегу реки – князь вполне достоин такой чести.

Тем временем Нобунага со свитой вернулся в Адзути. Вспоминая о старомодном вызове на поединок, полученном от Кэнсина, он не мог сдержать усмешки:

– Должно быть, именно так он завлек Сингэна в Каванакадзиму. Этот человек не знает страха и главная его реликвия – большой меч, выкованный Адзуки Нагамицу; признаться, не хотелось бы мне когда-нибудь увидеть его собственными глазами. Но Кэнсин, наверное, досадует, что не родился в благословенные прежние времена, когда полководцы носили кроваво-красные доспехи с золотыми нагрудными пластинами. Интересно, как он относится к крепости Адзути? Сдается мне, что Кэнсин так и не понял непреложной истины: новое вооружение и перемены в искусстве стратегии, произошедшие за последнее десятилетие, перенесли нас в совершенно иной мир, войны теперь ведут совсем по-другому. Он, я уверен, называет меня трусом, а мне кажется смешным его устаревшее мышление.

Вскоре Нобунаге доложили о том, что главнокомандующий Сибата Кацуиэ рассорился с Хидэёси, который не соглашался с его военной стратегией. В конце концов Хидэёси отозвал

свое войско и вернулся с ним в Нагахаму, а рассерженный Кацуиэ направил Нобунаге донесение:

«Хидэёси, игнорируя приказы вашей светлости, самовольно вернулся в свою крепость. Он ведет себя дерзко и заслуживает сурового наказания».

Хидэёси же не прислал ни слова в свое оправдание. Нобунага не сомневался, что у владельца Нагахамы найдется если не оправдание своего поступка, то отговорка, а потому решил отложить разбирательство до тех пор, пока не вернуться домой военачальники, участвующие в северной кампании. Однако многие сподвижники Нобунаги считали, что князь Хидэёси чересчур вспыльчив, к тому же для военачальника бесчестно увести свое войско в разгар военных действий.

Нобунаге не оставалось ничего иного, как принять к строптивцу какие-либо меры устрашения.

– Хидэёси действительно вернулся в Нагахаму? – спросил он у своих приближенных.

– Да, он в своей крепости, – ответил один из вассалов князя.

Поразмыслив, Нобунага послал Хидэёси гневное послание:

«Князь Хидэёси! Ты ведешь себя совершенно недопустимо. Я жду твоего раскаяния».

Когда гонец вернулся, Нобунага спросил у него:

– Ну, и как отреагировал Хидэёси на мое письмо?

– Он, ваша светлость, сказал, что намерен отдохнуть.

– Этот бесстыдник к тому же еще и лентяй! – возмутился Нобунага, но в душе он вовсе не был сердит на Хидэёси. Когда же возвратились Кацуиэ и остальные военачальники, принимавшие участие в войне, князю пришлось наказать нерадивого вассала, и он повелел Хидэёси оставаться под домашним арестом у себя в Нагахаме. Однако и в роли арестанта тот не выказывал ни малейших признаков раскаяния, а, напротив, каждый день устраивал веселые попойки. Все ожидали неминуемой строгой кары со стороны Нобунаги, но тот, казалось, забыл обо всей этой неприглядной истории и больше никогда о ней не упоминал.

В последнее время Хидэёси взял себе в привычку спать допоздна, и Нэнэ отправлялась будить супруга, когда солнце уже стояло в зените.

Мать Хидэёси, обеспокоенная поведением сына, то и дело твердила невестке: «Что-то наш парень сам на себя не похож!» Но Нэнэ не знала, чем утешить свекровь. Каждую ночь Хидэёси пьянствовал чуть ли не до самого утра. Сначала он напивался в одиночестве, багровея уже после четырех или пяти чашечек сакэ. Затем его рвало, однако он не унимался и приглашал к себе испытанных соратников. Компания пьянствовала до глубокой ночи, оглашая помещения крепости громкими разухабистыми восклицаниями. Обычно Хидэёси засыпал там же, где и пил, чаще всего в комнате у оруженосцев.

Однажды поздним вечером Нэнэ с несколькими служанками шла по коридору и вдруг увидела медленно бредущего ей навстречу мужчину. Нэнэ прикинулась, будто не узнала мужа, и воскликнула:

– Ой, да кто же это?

Смущенный, Хидэёси хотел было скрыться в одном из помещений, но ноги его заплетались, и он неуклюже топтался на месте.

– Я заблудился, – наконец признался он и, кое-как добредя до жены, повис у нее на плече, не в силах удержаться на ногах. – О, как я пьян! Нэнэ, отнеси меня! Сам я идти не могу!

Поняв, что Хидэёси еще в состоянии шутить, Нэнэ весело рассмеялась:

– Ну ладно уж, я тебя отнесу. Скажи только куда?

Хидэёси всей тяжестью навалился на жену и принялся пьяно хихикать:

– В твою комнату! Отнеси меня в твою комнату!

Нэнэ пригнулась, стараясь удержать мужа, и со смехом сказала служанкам:

– Послушайте-ка, посоветуйте, куда мне отнести этого грязного побродяжку, который встретился нам на дороге?

Служанки дружно рассмеялись и помогли хозяйке оттащить мужа в ее комнату, где все вместе и просидели до утра, потешаясь над ним.

В последнее время минуты веселья выдавались редко. По утрам Нэнэ беспокойно вглядывалась в опухшее лицо мужа. Что творится в его душе? Что за горе топит он в сакэ? Встревоженная женщина не находила ответа на эти вопросы. Они были женаты уже пятнадцать лет, – Нэнэ сейчас за тридцать, а ее мужу сорок один, – и ей не верилось, что ожесточение и угрюмость, которые она каждое утро видела у него на лице, – всего лишь следствие дурного настроения. Хотя Нэнэ и страшилась припадков его гнева, но в молитвах она просила только о том, чтобы ей удалось понять причину страданий мужа и разделить их с ним.

В эти мучительные моменты Нэнэ хотелось обладать такой же душевной стойкостью, как у ее свекрови. Однажды утром мать Хидэёси позвала невестку пойти с нею на огород.

– Нэнэ, – сказала она, – наш господин встанет еще не скоро. Давай нарвем для него баклажанов, принеси-ка корзину!

Старая госпожа принялась срывать овощи, а Нэнэ складывала их в корзину. Вскоре она наполнила ее до краев и отправилась в дом за другой.

– Эй, Нэнэ, послушай-ка! Куда это вы с матушкой обе подевались? – окликнул ее муж, поднявшийся вопреки обыкновению довольно рано.

– Я и не знала, что ты уже встал.

– Да вот не спится что-то, даже слуги удивились. – Хидэёси впервые за долгое время широко улыбался. – Такэнака Хамбэй доложил, что корабль с посольским флагом плывет сюда из Адзути, я встал и пошел в часовню, а потом мне захотелось извиниться за то, что я тобою пренебрегал.

– Ага! Но сначала ты извинился перед богами, – вмешалась его мать.

– Что верно, то верно. А потом решил извиниться перед матушкой и женой. – По всему было видно, что Хидэёси не шутит.

– И для этого ты пришел сюда?

– Обещаю вам впредь себя так больше не вести.

– Что ж, – одобительно улыбнулась его мать, – мой паренек всегда был смышленным.

К Хидэёси подошел оруженосец и доложил:

– Мой господин, Маэда и Нономура только что прибыли к крепостным воротам как официальные посланцы из Адзути. Господин Хикоэмон немедленно вышел к ним и проводил в покои для гостей.

Хидэёси отослал Москэ и принялся вместе с матерью рвать баклажаны.

– Богатый нынче урожай, верно? Ты сама удобряла грядки?

– Сынок, а разве тебе не следует поспешить к посланцам его светлости? – озабоченно поинтересовалась мать.

– Нет уж! Мне прекрасно известно, зачем они прибыли. Вместо того чтобы слушать их рассказы, пособираю-ка я лучше баклажаны. Хорошо бы, кстати, послать их князю Нобунаге. Пусть полюбуется их дивным цветом. Как хороши, особенно когда забрызганы росой!

– Уж не собираешься ли ты вручить баклажаны посланцам, чтобы они передали такой ничтожный дар его светлости?

– Нет-нет, я отвезу их сам.

– Что?..

Хидэёси не успел ответить.

– Мой господин! Так вы идете? – спросил примчавшийся на огород, чтобы поторопить Хидэёси, Хамбэй.

Вздыхнув, князь неохотно пошел за ним.

Хидэёси принял посланцев и попросил их сопроводить его обратно в Адзути. Когда приготовления к отплытию из Нагахамы были завершены, он вдруг воскликнул:

– Ах да! Я ведь кое о чем забыл! Где мой подарок для его светлости?

Хидэёси велел слуге принести корзину с баклажанами, уложенными среди ботвы. На листьях еще не просохли капельки росы. Взяв корзину, князь поднялся на судно.

Крепость Адзути была возведена год назад, но окружающий ее город был застроен уже более чем на треть и явно процветал. Попадающие сюда путники дивились царящему в городе оживлению, его улицам, до самых крепостных ворот посыпанных серебристым песком, каменным лестницам, сложенным из цельных плит, и облицованным керамикой стенам домов. Зрелище впечатляющее! Но никакому описанию не поддавалось величие царящей над крепостью и городом пятиэтажной главной сторожевой башни.

Не менее остальных был поражен и Хидэёси.

– Ага, вот и ты! – раздался голос Нобунаги из-за раздвижной двери.

Комната, в которую провели гостя, после золота, пурпура и изумруда Адзути удивляла скромностью: здесь не было иных украшений, кроме строгих росписей тушью.

Хидэёси простерся ниц, не дожидаясь, пока Нобунага выйдет к нему.

– Ты, должно быть, уже слышал, что я решил тебя не наказывать. Заходи.

Хидэёси поднялся и прошел в соседнее помещение, держа в руках корзину.

Нобунага недоуменно посмотрел на него:

– Что это такое?

– Надеюсь, мой господин, вам понравится. – Хидэёси, взяв корзину обеими руками, немного наклонил ее, демонстрируя содержимое. – Мои жена и мать нарвали эти баклажаны на крепостном огороде.

– Баклажаны?..

– Возможно, мой дар покажется вам ничтожным и глупым, но, поскольку я плыл сюда на быстроходном судне, мне подумалось, что вы успеете полюбоваться ими, пока на листьях еще не просохнет роса. Я сам сорвал их сегодня утром.

– Хидэёси, я убежден в том, что твои слова имеют двойной смысл. При чем тут баклажаны, при чем роса? Что именно ты хочешь мне сказать?

– Вы мудры, мой господин, и догадаетесь сами. Я, конечно, ваш недостойный слуга и веду себя крайне скверно, а ведь именно вы возвысили меня от простого крестьянина до князя, собирающего со своих угодий двести двадцать тысяч коку риса. И все же моя старая мать не брезгует работой в огороде, она сама ухаживает за овощами, удобряет их, собирает урожай. И своими поступками она внушает мне мысль: «Нет ничего более опасного, чем судьба крестьянина, сумевшего возвыситься. Он вызывает всеобщую зависть, и зависть эта побуждает людей винить его во все новых и новых грехах. Не забывай о своем голодном детстве в Накамуре и благодари своего господина за дарованные тебе милости».

Нобунага понимающе кивнул, и Хидэёси продолжил развивать свою мысль:

– Неужели вы, мой господин, полагаете, что я могу в ходе войны предпринять какие-либо действия, способные навредить вам, если твердо усвоил преподанный матушкой урок? Да, я повздорил с главнокомандующим, но вы не должны сомневаться в моей преданности.

В это мгновение еще один человек, находящийся в комнате, хлопнул себя по бедру и сказал:

– Эти баклажаны и впрямь славный подарок, мы их попозже как следует распробуем.

Только сейчас Хидэеси заметил, что они с Нобунагой не одни. Третьим в комнате был какой-то самурай на вид лет тридцати. Его крупный рот и волевой подбородок свидетельствовали о недюжинной силе духа, а судя по высокому лбу и широкой переносице, он либо был крестьянского происхождения, либо просто крепкого сложения. Горящий взор и яркий цвет лица незнакомца не оставляли сомнений, что у него отменное здоровье.

– Выходит, Камбэй, тебе приглянулись баклажаны из огорода матушки Хидэеси? Мне они тоже нравятся, – засмеявшись, произнес Нобунага. А затем, внезапно посерьезнев, познакомил Хидэеси со своим гостем. – Это Курода Камбэй, сын Куроды Мототаки, один из влиятельных вассалов Одэры Масамото в Хариме.

Хидэеси не смог скрыть своего удивления. Об этом человеке он слышал неоднократно. Более того, ему не раз попадались его письма.

– О Небо! Выходит, вы Курода Камбэй!

– А вы князь Хидэеси, о котором я тоже изрядно наслышан.

– Я видел ваши письма.

– Что ж, теперь пришла пора нам познакомиться.

– И надо же, в такой час, когда я униженно прошу моего господина о прощении! Боюсь, в душе вы презираете меня: вот, дескать, Хидэеси – человек, которого постоянно распекает его властелин. – Хидэеси оглушительно расхохотался, а вслед за ним и Нобунага. Остроумный вассал умел рассмешить своего господина.

Баклажаны, привезенные Хидэеси, быстро приготовили – и вот уже вскоре троица начала развеселую попойку. Камбэй был десятью годами моложе Хидэеси, но ничуть не уступал ему в прозорливости и не сомневался в том, кто именно в конце концов захватит верховную власть в стране. Как оказалось, он был всего лишь сыном одного из влиятельных вассалов могущественного клана в Хариме, но имел собственную, пусть и небольшую, крепость в Химэдзи и с юных лет вынашивал честолюбивые мечты. Из всех жителей западных провинций ему единственному удалось своевременно распознать веяния времени, и он поспешил к Нобунаге, чтобы тайно предложить ему немедленно захватить все западные провинции.

Наиболее могущественным на западе был клан Мори, влияние которого простиралось на двадцать провинций. Камбэй жил в самом сердце подвластных этому клану земель, но не испытывал перед ним робости. Осознав, что путь, на который уже вступила страна, пролегает совсем в другом направлении, он принялся искать встречи с Нобунагой.

Пословица гласит, что один великий человек издали узнает другого. После веселой попойки Хидэеси и Камбэй прониклись такой симпатией друг к другу, точно были знакомы уже добрую сотню лет.

Обезьяна идет на запад

На другой день после встречи с Куродой Камбэем Хидэёси вызвал к себе князь Нобунага.

– Тебя ждет особое поручение, – сообщил он. – Я предпочел бы рискнуть всем своим войском, отправив его в поход на запад, но нынешние обстоятельства не позволяют мне сделать этого. Поэтому я и решил назначить главнокомандующим тебя, человека, которому всецело доверяю. Ты возглавишь сводную армию, состоящую из трех войск, поведешь ее в западные провинции и заставишь клан Мори покориться мне. Я взваливаю на твои плечи великую ответственность. Согласен ли ты принять ее на себя?

Услышав решение Нобунаги, Хидэёси на мгновение оцепенел. Душу его переполняли гордость и глубочайшая благодарность за доверие.

– Я согласен, мой господин, – сказал он, наконец обретя дар речи.

Всего во второй раз Нобунага, создавая сводную армию из трех войск, назначил главнокомандующим одного из своих вассалов. В первый раз, когда они воевали в северных провинциях, войсками командовал Кацуиэ. Но предстоящая военная кампания на западе обещала быть куда больше сложной, чем на севере.

Хидэёси не только гордился оказанным ему доверием, но и ощущал тревогу: не окажется ли ноша неподъемной для него? Заметив беспокойство вассала, Нобунага задумался, уж не ошибся ли он, возложив на Хидэёси столь ответственную миссию. «Сможет ли Хидэёси справиться с этой задачей?» – мысленно спрашивал себя Нобунага.

– Хидэёси, ты поедешь в Нагахаму и соберешь войско там или же предпочитаешь выступить из Адзути? – спросил князь новоиспеченного главнокомандующего, поборов наконец сомнения.

– С вашего разрешения, мой господин, я выступлю из Адзути, причем немедленно.

– А тебе не жаль покидать Нагахаму?

– Нет, не жаль, ведь там останутся моя мать, жена и приемный сын.

Приемным сыном, о котором шла речь, был четвертый сын Нобунаги Цугимару, отданный Хидэёси на воспитание.

Нобунага, рассмеявшись, задал еще один вопрос:

– А если западная кампания затянется и власть в твоей собственной провинции перейдет к твоему приемному сыну, где ты потом захочешь обосноваться?

– Если я покорю запад, то попрошу отдать его мне, мой господин.

– А если я на это не соглашусь?

– Тогда, наверно, завоюю Кюсю и поселюсь там.

Князь и его вассалы дружно рассмеялись, и, попрощавшись, Хидэёси отправился к себе. Вызвав Хамбэя, он рассказал о полученном от Нобунаги приказе и распорядился немедленно послать гонца к Хикоэмону, оставшемуся в крепости Нагахамы за коменданта на время, пока отсутствовал хозяин. Хикоэмон этой же ночью выступил в Адзути во главе войска, которому предстояло влиться в сводную армию его господина. А тем временем приказ о новом назначении Хидэёси в спешном порядке был доставлен всем военачальникам, состоящим на службе у Нобунаги.

Когда на утро Хикоэмон пришел доложить своему господину, что войско прибыло, то увидел, как Хидэёси растирает тело.

– Хорошее дело перед началом похода, – заметил Хикоэмон.

– Ой, да у меня еще с детства на спине ожоги от этой мази, – ответил Хидэёси, скрежеща зубами от непереносимого жжения. – Терпеть ее не могу, но моя матушка очень огорчается,

если я не натираюсь этим снадобьем.

Наконец Хидэёси закончил приготовления к походу и вышел к войску. Выступавшее этим утром из Адзути войско способно было нагнать ужас на кого угодно. Нобунага с верхнего яруса главной башни следил за уходящим войском. «Обезьяна из Накамуры высоко взобралась», – подумал он, обуреваемый противоречивыми чувствами. Между тем расшитое золотом полководческое знамя Хидэёси уже исчезло вдали.

Провинция Харима представляла собой лакомую добычу, за которую шла непрекращающаяся борьба между Драконом запада и Тигром востока. Чью сторону она примет на этот раз? Присоединится ли к набирающему силу клану Ода или же предпочтет по привычке опереться на испытанную мощь клана Мори?

И большим, и малым кланам западных провинций, владеющим территориями между Харимой и Хоки, предстояло сделать весьма непростой выбор.

Одни утверждали, будто клан Мори их незыблемая опора. Другие, пусть поначалу и робко, но возражали, считая, что и клан Ода нельзя сбрасывать со счетов, так как его мощь растет год от года.

Стараясь сделать верный выбор, многие прибегали к хитроумным расчетам, сопоставляя площади земель, находящихся под властью каждого из вступивших в соперничество кланов, численность их войск и боеспособных мужчин, наличие и силы союзников. Но подобные подсчеты позволяли сделать только один вывод: оба противоборствующих клана могущественны, но ни один из них не обладает явным преимуществом. Так за кем же из них будущее?

А между тем к этим обуреваемым сомнениями западным провинциям уже двигалось войско под командованием Хидэёси, двадцать третьего числа десятого месяца выступившее из Адзути.

Хидэёси скакал под штандартом с золотой бахромой, и если бы кто-нибудь заглянул под его забрало, то увидел бы тень тревоги, омрачавшую лицо, и кривившую губы горькую усмешку.

Он, казалось, еще не до конца поверил, что и впрямь возглавляет армию, выступившую на запад. Перед отъездом из Адзути остальные военачальники Нобунаги пусть и не вполне чистосердечно, но поздравили его с высоким назначением.

– Его светлость наконец сменил гнев на милость и дал вам достойную должность, князь Хидэёси. Теперь вы высоко вознеслись, однако вам предстоит как подобает отплатить его светлости за доброту.

И только Сибата Кацуиэ открыто выражал недовольство:

– Что такое? Этого ничтожного выскочку назначают главнокомандующим и посылают на запад завоевывать западные территории? Да это просто смешно!

Его недовольство, а возможно, даже и обида были легко объяснимы. Кацуиэ был уже военачальником, когда Хидэёси, простой слуга, носил за господином сандалии, спал в стойле рядом с лошадьми. Более того, Кацуиэ женился на младшей сестре Нобунаги и управлял провинцией, с земель которой собирали свыше трехсот тысяч коку риса. И наконец, когда Кацуиэ командовал войсками, Хидэёси в открытую не подчинился ему и вернулся к себе в Нагахаму. И вот теперь ему, Кацуиэ, наиболее влиятельному вассалу клана, предпочли этого низкородного Хидэёси, самонадеянного и вспыльчивого, которому сошло с рук неподчинение главнокомандующему в ходе северной кампании.

А Хидэёси тем временем ехал впереди войска на запад.

Он почти всю дорогу молчал, придаваясь размышлениям. И вдруг громко расхохотался. Хамбэй, скакавший рядом с главнокомандующим, подумал, что пропустил какие-то слова своего господина мимо ушей, и на всякий случай поинтересовался:

– Вы что-то сказали, мой господин?

– Нет, ничего.

Армия Хидэёси одолела за тот день изрядный отрезок пути и уже подтягивалась к границам провинции Харима.

– Послушай, Хамбэй, – сказал Хидэёси, – когда мы вступим в Хариму, тебя ждет приятная неожиданность.

– Какая же, мой господин?

– Встреча с Куродой Камбэем. Не думаю, что ты с ним знаком.

– Нет, не знаком, но очень много о нем слышал.

– Мне кажется, вы подружитесь. Он сын влиятельного вассала клана Одэра, и ему немного за тридцать.

– Как мне известно, план этой кампании предложил господин Камбэй, не так ли?

– Что верно, то верно. Этот умный и дальновидный человек способен просчитывать поступки на много ходов вперед.

– А вы хорошо его знаете, мой господин?

– Прежде я читал его письма, а познакомился с Камбэем в Адзути всего несколько дней назад. Мы с ним полдня проговорили, и теперь я чувствую себя вполне уверенно. Такэнака Хамбэй справа, Курода Камбэй слева – лучшего штаба и пожелать невозможно.

В эту минуту в войске у них за спиной произошло какое-то замешательство, а затем раздался дружный хохот оруженосцев. Хикоэмон подозвал их командира Москэ и приказал разобраться. Тот в свою очередь строго одернул своих подчиненных:

– Тихо! Ведите себя достойно!

Хидэёси поинтересовался, что случилось, и Хикоэмон, стараясь придать своему лицу строгое выражение, объяснил:

– Мой господин, я разрешил оруженосцам ехать верхом. А они принялись возиться, подняли шум, даже Москэ не смог справиться с ними. Может быть, им следует вновь пойти в пешем строю?

Хидэёси, усмехнувшись, поглядел назад:

– Да что с них взять, они же так молоды! Ладно, пусть повеселятся. По крайней мере с лошади-то хоть никто из них не свалился?

– Вот именно что свалился. Самый младший, Сакити, еще не привык к верховой езде, так эти шутники потехи ради его и спихнули.

– Сакити свалился с лошади? – рассмеялся Хидэёси. – Что ж, он получил хороший урок.

Армия Хидэёси продолжила путь. В отличие от Сибаты Кацуиэ, требовавшего неукоснительно соблюдать порядок и устанавливающего жесткую дисциплину, и от Нобунаги, командовавшего полками с неукротимым рвением, командный стиль Хидэёси можно было определить одним словом. С какими бы трудностями ни сталкивалось его войско, в какое бы отчаянное положение порой ни попадало, воины никогда не впадали в отчаяние, изъявляли друг к другу дружелюбие и заботу, сознавая себя единой семьей. Поэтому-то Хидэёси и не обратил внимания на шалости юных оруженосцев, самому старшему из которых было шестнадцать, а самому младшему – всего одиннадцать.

Под вечер передовые отряды мирно вошли в Хариму, оказавшись как бы на небольшом островке дружелюбия среди бушующего моря вражды. Жители провинции радостно приветствовали армию Хидэёси, даже устроили фейерверк в ее честь.

Так началось вторжение в западные провинции. Войско двумя колоннами подошло к крепости Касуя. В тишине слышался только мерный топот многих тысяч ног. Первый полк составляли знаменосцы, второй – стрелки, третий – лучники, четвертый – копьеносцы, пятый –

воины, вооруженные мечами или боевыми топорами. В середине процессии, окруженный конными военачальниками и командирами, ехал Хидэеси. Вместе с барабанщиками, знаменосцами, охраной, лазутчиками и обозом в войске насчитывалось семь с половиной тысяч человек, и любой наблюдатель назвал бы его внушительным.

Куроода Камбэй встречал войско у ворот крепости. Увидев доброго знакомого, Хидэеси немедленно спешил и направился к нему, широко улыбаясь. Камбэй пошел навстречу, выкрикивая слова приветствия.

Тепло поздоровавшись, словно были дружны уже долгие годы, Камбэй и Хидэеси вошли в крепость. Хозяин представил князю его новых вассалов. Каждый из них назвал свое имя и принес Хидэеси клятву верности.

Внимание Хидэеси привлек мужчина, резко отличавшийся от других.

– Меня зовут Яманака Сиканоскэ, – представился он. – Я один из немногих оставшихся в живых вассалов клана Амако. До сих пор мы с вами сражались на одной стороне, хотя, если можно так выразиться, в разных полках, поэтому никогда и не встречались. Но, услышав, что вы отправляетесь в поход на запад, я упробил князя Камбэя замолвить за меня словечко.

Сиканоскэ стоял на коленях, низко склонив голову, однако Хидэеси смог по ширине плеч определить, что человек этот гораздо выше ростом и сильнее большинства его воинов. Когда он поднялся на ноги, росту в нем и впрямь оказалось больше шести сяку. Кожа этого мужчины, на вид лет тридцати, задубела от солнца и ветра, а взгляд был острым, как у сокола.

Слова Сиканоскэ вызвали у Хидэеси недоумение, и Камбэй поспешил объяснить:

– Такого преданного человека, как этот, редко встретишь в наши дни. Раньше он состоял на службе у князя Амако Ёсихисы, которого погубили Мори, так вот на протяжении последних десяти лет Сиканоскэ участвовал в одном сражении за другим, не давая покоя клану Мори и пытаясь вернуть своему господину утраченные владения.

– Да, мне доводилось слышать о преданности Яманаки Сиканоскэ. Но что значат ваши слова о том, будто мы сражаемся в разных полках? – поинтересовался Хидэеси.

– Во время недавней кампании против клана Мацунага я сражался в рядах войска князя Мицухидэ на горе Сиги.

– Вот как! Вы были на горе Сиги?

Камбэй вновь вмешался в беседу:

– Когда клан Мори окончательно разбил клан Амако, Сиканоскэ перешел на сторону князя Нобунаги и в сражении на горе Сиги отрубил голову неистовому Каваи Хидэтаке.

– Так это вы сразили Хидэтаку! – восторженно воскликнул Хидэеси. Его сомнения окончательно рассеялись, и он одарил могучего воина открытой улыбкой.

Вскоре Хидэеси доказал боеспособность своего войска, захватив крепости Саё и Кодзуки, и в том же месяце одержал победу над армией соседнего клана Укита, верного союзника Мори. Такэнака Хамбэй и Курода Камбэй неотлучно следовали за главнокомандующим.

Потерпев поражение, Укита Наоиз потребовал у клана Мори подкрепления, однако и сам не сидел сложа руки. Послав отряд в восемьсот человек под командованием самого храброго из своих воинов Макабэ Харуцугу, он отбил у врага крепость Кодзуки.

– Этот Хидэеси ничего из себя не представляет, – бахвалился Макабэ.

Обосновавшись в крепости Кодзуки, он пополнил запасы пороха и продовольствия, укрепил свежими силами гарнизон и готов был обороняться.

– Полагаю, нам нельзя спускать противнику захват Кодзуки, – сказал Хамбэй.

– Да уж, конечно, – нехотя согласился Хидэеси. Прибыв в Химэдзи, он прежде всего старался изучить общее положение дел в западных провинциях, поэтому незначительные

победы пока не слишком его интересовали. – Но кого мне туда послать? Битва предстоит далеко не шуточная.

– Сиканоскэ – больше некого.

– Сиканоскэ? А вы, Камбэй, что на это скажете? – спросил Хидзэси.

Камбэй горячо поддержал это предложение, и той же ночью отряд под командованием Сиканоскэ подошел к крепости Кодзуки. Был самый конец года, и стояли сильные холода.

Командиров и рядовых воинов Сиканоскэ обурежала та же страсть, что и их предводителя: давным-давно поклявшись известить клан Мори и восстановить положение главы клана Амако, они сражались с невиданной отвагой. Поэтому когда военачальникам клана Укита донесли о том, что крепость осадили воины Амако во главе с Сиканоскэ, их объял смертельный страх, сродни тому, какой, должно быть, испытывает крошечная птица, увидев тигра.

Выбрать более подходящего командира для штурма крепости, чем Сиканоскэ, было просто невозможно, ибо его беспримерная преданность делу и легендарная храбрость сеяли во вражеских рядах такое смятение и страх, точно их готовился покарать бог войны. Даже самый отчаянный из военачальников клана Укита, Макабэ Харуцугу, поспешил покинуть крепость Кодзуки, предпочитая избежать сражения, так как не сомневался, что бой с Сиканоскэ обернется для его войска огромными, причем бессмысленными потерями.

Сиканоскэ без боя захватил крепость и послал гонца известить об этом Хидзэси, а Макабэ тем временем уже просил подкрепления. Вскоре на помощь к нему подошел отряд его брата, и, создав объединенное войско в полторы тысячи человек, Макабэ решил предпринять контрнаступление. Приказав воинам занять позиции непосредственно перед крепостью, он остановился на небольшой возвышенности.

Сиканоскэ наблюдал за маневрами врага со сторожевой вышки.

– Уже две недели не было дождя. Давайте-ка проверим на них огонек, – со смехом сказал он своим командирам.

Два отряда его воинов той же ночью предприняли вылазку из крепости. Первый отряд, воспользовавшись тем, что ветер дул в сторону неприятеля, поджег сухую траву. Воинов клана Укита охватила паника, когда они заметили окружившую их стену огня. И в этот момент второй отряд Сиканоскэ нанес сокрушительный удар. Никому не известно, сколько вражеских воинов погибло в ходе этой резни, но среди павших оказались и сам Макабэ Харуцугу, и его брат.

– Думаю, мы надолго отбили у противника охоту сражаться с нами, – шутили окрыленные победой воины.

– Да нет, вскоре они опять наведаются, – попытался умерить их восторги командир.

Воины Сиканоскэ, затянув победную песнь, возвратились в Кодзуки. Но тут их уже дожидался гонец от Хидзэси с приказом немедленно оставить крепость и отступить в Химэдзи. Вздох разочарования вырвался у сторонников клана Амако. Все, от главы клана Амако Кацухисы до последнего воина, недоумевали: с какой стати им нужно оставлять крепость, имеющую стратегически важное значение?

– Ничего не поделаешь, таков приказ главнокомандующего, – произнес Сиканоскэ и приказал отряду идти в Химэдзи.

Однако по возвращении он немедленно потребовал встречи с Хидзэси.

– Мой господин, – запальчиво обратился к главнокомандующему Сиканоскэ, – мои командиры и воины возмущены приказом об отступлении, и я разделяю их чувства.

Хидзэси примирительно улыбнулся:

– Сейчас я открою вам причину такого приказа. Я намерен превратить крепость Кодзуки в ловушку для клана Укита. Раз мы оставили ее, то Укита наверняка поспешит доставить туда оружие, продовольствие и боеприпасы. И скорее всего, увеличит численность гарнизона. Тут-то

мы и ударим! – Подавшись к собеседнику, он понизил голос до шепота и указал своим генеральским веером в сторону провинции Бидзэн: – Без сомнения, Укита Наоиэ понимает, что если он войдет в крепость, то я вновь отдам приказ о ее штурме. А потому на этот раз пошлет туда большое войско, нет, даже не пошлет, а скорее всего, поведет сам... Тут-то мы его и перехитрим. Так что не сердитесь, Сиканоскэ.

Старый год закончился. Донесения лазутчиков в точности подтверждали предсказания Хидэёси: клан Укита уже доставил в крепость Кодзуки огромное количество боеприпасов и продовольствия, а новый комендант Укита Кагэтоси привел отборное войско.

Хидэёси решил, что пришла пора действовать, и осадил крепость, приказав Сиканоскэ с десяти тысячным войском расположиться в засаде на пустоши возле реки Кумами.

И в эти же самые дни Укита Наоиэ, вознамерившийся внезапно напасть на Хидэёси одновременно с двух сторон – из крепости и с тыла, – лично возглавил выступившее из провинции Бидзэн войско. Едва Наоиэ обрушился на Хидэёси, как в спину ему ударил Сиканоскэ. Воинам клана Укита была уготована страшная участь. Чудом удалось спастись даже самому Наоиэ. Разгромив противника, Сиканоскэ присоединился к Хидэёси для совместного штурма Кодзуки.

В ходе штурма крепость была сожжена. Свою смерть в огне нашло столько вражеских воинов, что позднее, на протяжении многих поколений, эту цитадель называли не иначе, как «Кодзуки – огненный ад».

– На этот раз я уже не попрошу вас оставить крепость врагу, – сказал Хидэёси князю Амако Кацухисе. – Восстановите ее и охраняйте как следует.

Закончив усмирение провинции Тадзима, Хидэёси с триумфом возвратился в Адзути. Здесь он провел всего несколько недель, и уже в начале второго месяца его войско вновь выступило в поход на запад.

Воспользовавшись короткой передышкой, которую позволил себе и своему войску Хидэёси, западные провинции начали усиленно готовиться к войне. Укита Наоиэ отправил срочное послание Мори:

«Положение крайне тяжелое. Враг не ограничится провинцией Харима. Амако Кацухиса вместе с Яманакой Сиканоскэ при поддержке Хидэёси захватили крепость Кодзуки. Этим фактом не следует пренебрегать. Не первый ли шаг сделал мстительный и дерзкий Амако, уже сокрушенный кланом Мори, к восстановлению своего бывшего господства над многими землями? Вам следует незамедлительно собрать большое войско и уничтожить захватчиков, пока они не продвинулись чересчур далеко. Воины клана Укита ударят первыми, таким образом мы хотим отблагодарить вас за многочисленные услуги, оказанные нашему клану в прошлом».

Самыми испытанными военачальниками князя Мори Тэрумото были сыновья его деда, великого Мори Мотонари, которых в народе называли «дядьями Мори». Оба они унаследовали от отца полководческий талант. Кобаякава Такакагэ отличался образованностью и умом, а Киккава Мотохару славился смелостью, выдержкой и слыл опытным стратегом.

Великий Мотонари когда-то внушал своим сыновьям, что несчастья ждут того, кто вознамерится захватить власть над всей страной, не обладая достаточными способностями управлять. Такой человек, пытаясь навести в империи собственный порядок, неизбежно принесет бедствия всему народу. Поэтому не стоит покидать пределов западных провинций, достаточно поддерживать такую боеспособность своего войска, чтобы при необходимости дать отпор любому противнику.

Потомки свято соблюдали заветы Мотонари, и клан Мори не проявлял излишнего властолюбия, присущего кланам Ода, Уэсуги, Такэда и Токугава. Поэтому, хотя Мори и предоставили приют низложенному сёгуну Ёсиаки, поддерживали отношения с монахами-воинами из Хонгандзи и даже заключили тайный союз с Уэсуги Кэнсином, предприняли они все это лишь для укрепления обороноспособности западных провинций.

Однако Нобунага прорвал первую линию обороны их собственных владений, захватив пограничные крепости подвластных клану Мори земель.

И сейчас угроза нападения нависла над самим западом. Стало очевидным, что теперь западным провинциям не удастся укрыться от опустошительных вихрей времени. Требовалось срочно принять меры, и Киккава Мотохару высказал свои предположения:

– Основная часть войск под командованием Тэрумото и Такакагэ обрушится на крепость Кодзуки. Я возглавлю объединенное войско Инабы, Хоки, Идзумо и Ивами, к которому позже присоединятся воины Тамбы и Тадзимы, захвачу Киото и, действуя согласованно с Хонгандзи, ударю по столице Нобунаги в Адзути.

Но смелую стратегию не поддержал ни Мори Тэрумото, ни Кобаякава Такакагэ. План показался им чересчур грандиозным, а потому нереальным. Было решено прежде всего атаковать крепость Кодзуки.

В третьем месяце тридцатипяти тысячное войско Мори выступило на север. Незадолго до этого Хидэёси перенес свою ставку в крепость Какогава в провинции Харима, но все его войско насчитывало семь с половиной тысяч человек, и даже при поддержке союзников из Харимы он не смог бы противостоять значительно превосходящему войску противника.

Хидэёси держался внешне спокойно, внушая своим соратникам, будто подкрепление, если оно и впрямь понадобится, незамедлительно подойдет на помощь. Однако и его собственных воинов, и воинов союзников заметно беспокоило наступление огромной армии Мори. Первые признаки паники не заставили себя долго ждать: Бэссё Нагахару, владелец крепости Мики и основной союзник Нобунаги в восточной Хариме, перешел на вражескую сторону, причем до поры он скрывал свою измену, посылая Хидэёси уверения в неукоснительном соблюдении союзнического долга, в то время как сам уже пригласил Мори в свою крепость.

В те дни Хидэёси узнал неожиданную новость: умер Уэсуги Кэнсин, князь Этиго. Кэнсин слыл горьким пьяницей и, как говорили, его хватил удар, но ходили слухи и о том, что князя Этиго убили. На следующую ночь после того, как пришло известие о смерти Кэнсина, Хидэёси поднялся на гору Сёся и, любуясь звездным небом, задумался о необычной судьбе и причудливом характере этого человека, затем мысли его обратились к предательству владельца крепости Мики. Крепость эта имела дочерние крепости в Ого, Хатае, Ногуте, Сикате и Канки, и сейчас по сигналу во всех этих крепостях было поднято знамя восстания. Теперь малочисленному войску Хидэёси угрожала серьезная опасность.

Сиканоскэ предложил Хидэёси сменить тактику.

– Конечно, мы можем сокрушить Мики, но, мне кажется, проще всего прежде удалить мелкие камешки – и тогда главная крепость клана Бэссё падет сама.

Воспользовавшись разумным советом, Хидэёси сначала взял приступом крепость Ногуте, затем заставил сдаться защитников крепостей Канки и Такасаго и сжег все окрестные деревни. Казалось, еще немного – и борьба с кланом Бэссё победоносно завершится, но пришло срочное донесение от Сиканоскэ из крепости Кодзуки.

«Крепость осадила огромная армия Мори. Войско Кобаякавы насчитывает двадцать тысяч человек, под началом у Киккавы – не меньше шестнадцати тысяч, а кроме того, с ними пятнадцатитысячное войско Укиты Наоизэ.

Наши противники вырыли в прилегающей к крепости долине глубокие рвы, возвели насыпи и поставили заграждения. У них также есть около семисот боевых челнов на озерах Харима и Сэтцу, и, судя по всему, они ожидают подхода свежих сил по суше. Мы находимся в отчаянном положении. Просим прислать подкрепление».

Получив это донесение, Хидэёси был вынужден отказаться от тактики, которой придерживался до сих пор. Предстояло безотлагательно решить тяжелейшую задачу, и хотя Хидэёси предвидел вероятность выступления большого войска Мори, ситуация принимала трагический оборот. Он уже заранее попросил у Нобунаги подкрепления, но до сих пор не получил никаких известий. Хидэёси терялся в догадках: находятся ли свежие войска уже на марше или только собираются выступить, а возможно, князь вовсе и не намерен их посылать.

А между тем крепость Кодзуки, героически обороняемая воинами под началом Амако Кацухисы и Сиканоскэ, хоть и была небольшой, но имела наиважнейшее стратегическое значение, так как высилась на стыке трех провинций: Бидзэна, Харимы и Мимасаки. Всякий, кто вздумал бы проникнуть в местность Санин, должен был сперва захватить Кодзуки, поэтому клан Мори и двинул сюда всю армию. Однако у Хидэёси не хватало сил, чтобы, перегруппировав свое войско, разбить его на два и направить одно из них в Кодзуки.

Нобунага обычно доверял своим военачальникам в важных вопросах стратегии, но окончательное решение всегда оставалось за ним. Таково было незыблемое правило, и Хидэёси отлично об этом знал. Несмотря на то что его назначили главнокомандующим, он ничего не предпринимал без предварительного одобрения Нобунаги, а потому то и дело слал гонцов в Адзути, испрашивая совета по любому поводу, не обращая внимания на то, что со стороны могло показаться, будто он просто робеет взять командование на себя. Гонцами к Нобунаге Хидэёси направлял только испытанных соратников, строго их предупреждая, чтобы князю был дан самый подробный отчет о происходящих событиях.

Получив от главнокомандующего войсками в западных провинциях донесение с просьбой о подкреплении, Нобунага собрался было отдать приказ всей своей армии готовиться к наступлению, но военачальники дружным хором принялись его отговаривать.

Харима с ее горными вершинами и перевалами была крайне труднопроходимой местностью, и по их мнению, князю не следовало выступать самому. Они предлагали сначала послать подкрепление и понаблюдать, как отреагирует противник. Кроме того, военачальники опасались, что, если кампания его светлости в западных провинциях закончится неудачей, Хонгандзи может напасть сзади, отрезав войску князя путь к отступлению как по суше, так и по воде.

Нобунага поддался на уговоры и отложил свой поход, а в поддержку Хидэёси отправил двадцатитысячное войско, возглавляемое Нобумори, Такигавой, Нивой и Мицухидэ. Позже Нобунага послал вдогонку своего сына Нобутаду.

Дождавшись подхода первых полков подкрепления под началом военачальника Араки Мурасигэ, Хидэёси повел войско на гору Такакура, расположенную к востоку от крепости Кодзуки. Обозрев с вершины горы позиции осаждающих и осажденных, он понял, что помочь попавшим в ловушку защитникам крепости будет крайне трудно.

Гору, на которой стояла крепость, омывала река Ити с многочисленными притоками. С северо-запада и юго-запада от крепости высились непроходимые утесы Оками и Тайхэй, так что попасть в крепость с этой стороны было совершенно невозможно. Оставалась одна-единственная дорога, но ее удерживали воины Мори. Они укрепились по берегам ее притоков, а также на всех близлежащих холмах. Если крепость и была удачно расположена с точки зрения обороны, то рельеф местности препятствовал подходу подкрепления.

– Мы ничего не можем сделать, – горестно вздохнул Хидэёси.

Когда стемнело, Хидэёси приказал воинам развести костры, да такие, чтобы ярко и высоко горели. Вскоре огромные языки пламени, взлетающие к небу на горе Такакура, можно было видеть не только с вершины Микадзуки, но и от ее подножия. Утром костры сменили бесчисленные знамена и флаги. Тем самым Хидэёси давал понять врагу, что прибыл на поле боя с большим войском и одновременно пытался подбодрить защитников крепости. И так продолжалось каждый день до начала пятого месяца, когда на помощь к Хидэёси пришло двадцатитысячное войско под командованием нескольких военачальников клана Ода.

Воины Хидэёси воспряли духом, однако беда была в том, что вместе собралось слишком много блистательных полководцев и ни один из них, разумеется, и сам Хидэёси не желал оказаться у кого-либо под началом. И Нива, и Нобумори были не только старше Хидэёси возрастом, но и выше рангом, а Мицухидэ и Такигава не уступали ему ни умом, ни славой.

Среди командования армии клана Ода начались бесконечные распри. Боевые приказы не должны различаться даже в мелочах, а тут военачальники принялись отдавать команды, порой чуть ли не взаимоисключающие. Противники воспользовались благоприятной ситуацией, и однажды ночью войско Кобаякавы, обойдя гору Такакура, внезапно атаковало лагерь клана Ода. В результате ловкой вылазки противника войско Хидэёси понесло ощутимые потери, однако этим дело не ограничилось. Киккава со своими воинами, зайдя в тыл войску клана Ода, нанес удар по обозу, сжег их суда и вызвал в лагере Хидэёси нешуточный переполох.

Однажды утром, поглядев в сторону Кодзуки, Хидэёси содрогнулся: сторожевая башня крепости за ночь была разрушена. Лазутчики, посланные выяснить причины печального события, по возвращении доложили, что у войска Мори, похоже, имеется артиллерия или, во всяком случае, одна пушка, купленная у южных варваров, и что башня, судя по всему, пострадала от прямого попадания большого ядра. Удрученный этим известием, Хидэёси спешно выехал в столицу.

Прибыв в Киото, Хидэёси сразу же, не стряхнув дорожную пыль и не умывшись, направился во дворец Нидзё.

– Хидэёси?.. – удивленно воскликнул Нобунага, пристально вглядываясь в его лицо, точно пытался удостовериться, в самом ли деле перед ним его преданный вассал. Этот усталый, пропыленный путник ничуть не походил на гордого главнокомандующего, выехавшего во главе своего войска; глаза у него были воспалены, взгляд затравленный, а лицо поросло редкой рыжеватой щетиной. – Зачем ты сюда явился? И что это у тебя за вид?

– Я спешил, не хотел терять ни минуты, мой господин!

– Ну, так и почему ты здесь?

– Прибыл выслушать ваши указания.

– Указания?.. Да что ты за военачальник такой, если только и делаешь, что спрашиваешь мои указания. Где тебе найти время на боевые действия? Я назначил тебя главнокомандующим, не так ли? А вместо того, чтобы действовать, ты стараешься подстраховаться.

– Ваше раздражение вполне понятно, мой господин, но вы ведь сами приказали мне обращаться к вам за советом по любому поводу.

– Вручив тебе жезл главнокомандующего, я вместе с ним передал в твои руки верховную власть над войском. С того момента твои распоряжения стали как бы моими. А ты все никак не можешь этого понять. Ну, так что тебя сейчас беспокоит?

– Положение очень серьезное, ваша светлость!

– Ты что же, хочешь сказать, будто мы терпим поражение?

– Мой господин, я не хочу вести войско на верную гибель, а поражение неизбежно, ибо мы сейчас уступаем клану Мори во всем: в численности войска, качестве оружия и положении на

местности.

– Прежде всего, – возразил Нобунага, – тебе надлежит помнить, что если главнокомандующий заранее допускает возможность поражения, то ему ни за что не одержать победу.

– Но если мы, уповая на победу, все-таки просчитаемся, то наше поражение будет еще сокрушительнее и ужаснее. А стоит нам потерпеть хотя бы одно поражение на западе, как наши враги повсюду, и в первую очередь в Хонгандзи, подумают, что князь Ода сдает позиции, и поспешат воспользоваться этим. Они ударят в барабаны и затрубят в раковины, и тогда против нас восстанут север и восток. Вот что меня больше всего беспокоит.

– Да, мне понятно твое беспокойство.

– Тогда почему же вы оставляете без ответа все мои просьбы и не прибываете в западные провинции лично? Несмотря на все мои попытки заставить врага ввязаться в открытый бой, военачальники Мори на это не идут. Но они собрали сейчас большую армию и осадили Кодзуки, используя крепость Мики как опорную базу. Неужели мы упустим эту возможность напасть на них? Я с удовольствием сыграю роль приманки, чтобы заставить их высунуться, но на победу можно рассчитывать только в том случае, мой господин, если вы лично поведете свои войска в бой.

Нобунага погрузился в долгие размышления. Поскольку обычно он бывал скор на решения, Хидэёси понял, что его просьбу не удовлетворят и на сей раз. Так и случилось. Нобунага сказал:

– Нет, сейчас не время для решающего удара. Сначала мне необходимо точно знать, насколько силен клан Мори.

Теперь уже Хидэёси пришлось призадуматься. А Нобунага продолжил с упреком:

– Не переоцениваешь ли ты силу Мори, если мысль о поражении страшит тебя еще до того, как ты ввязался в битву?

– Я сослужил бы вам плохую службу, мой господин, если бы вступил в бой, заранее зная о том, что он закончится нашим поражением.

– Неужели войско Мори действительно так сильно? И боевой дух подданных этого клана необыкновенно высок?

– Да, это так, ваша светлость. Они удерживаются в границах, которые проложил сам Мотонари. Внутренние дела у них в полном порядке, и богатством они обладают куда большим, чем даже Уэсуги из Этиго или Такэда из Каи.

– Глупо думать, будто богатая провинция непременно должна оказаться и могущественной.

– Если бы люди клана Мори предавались роскоши и удовлетворению собственных причуд, то их богатство ничего бы не стоило, но в том-то все и дело, что они умеют находить ему достойное применение. К тому же преданные Тэрумото военачальники Киккава и Кобаякава свято соблюдают традиции своего прежнего князя, а командиры и воины сражаются на редкость доблестно. Те немногие, кого нам удалось захватить в плен, поражают нестигаемой волей и настроены по отношению к нам крайне враждебно. Все эти наблюдения вызывают у меня глубочайшую тревогу.

– Погоди-ка, Хидэёси, – перебил его Нобунага с явным неудовольствием. – А что насчет крепости Мики? Ведь во главе осадившего ее войска стоит Нобутада.

– Я сомневаюсь, что ваш сын, невзирая на все присущие ему дарования, сумеет взять эту крепость.

– А что за человек Бэссё Нагахару, комендант крепости?

– О, у него недюжинный характер.

– Ты, знаешь ли, слишком уж расхваливаешь наших противников.

– Первое правило в любой войне гласит: как следует изучи своего противника. Мне и

самому не в радость расхваливать вражеское войско, но я говорю откровенно, чтобы у вас создалось верное впечатление обо всем.

– В этом ты прав, – с явной неохотой согласился Нобунага, вынужденный признать силу врага. Тем не менее его решимость одержать безоговорочную победу ничуть не поколебалась. Немного поразмыслив, князь спросил: – А нет ли у тебя другой причины для робости?

– О чем вы, мой господин?

– Быть главнокомандующим при таких многоопытных военачальниках, как Такигава, Нобумори, Нива и Мицухидэ, как мне кажется, совсем не просто. Не уклоняются ли они от исполнения твоих приказов, а, Хидэёси? Ну-ка, признавайся!

– Вы так проницательны, мой господин. – Хидэёси повесил голову, и его обветренное лицо налилось краской. – Наверное, не следовало назначать главнокомандующим того, кто уступает легендарным военачальникам и по возрасту, и по званию.

– Это уж позволь мне решать! А теперь слушай меня внимательно. Временно отойди от крепости Кодзуки. Присоединись к Нобутаде и вместе с ним захвати крепость Мики. Ну а потом посмотрим, что предпримет в ответ наш враг.

Выслушав своего господина, Хидэёси приуныл. Небольшой гарнизон воинов Амако, осажденный в Кодзуки, всецело зависел от поведения клана Ода. Отказать ему в помощи ради сиюминутной выгоды означало бы насторожить остальные западные кланы и заставить их вождей задуматься над тем, можно ли считать Нобунагу надежным союзником.

Не кто иной как Хидэёси послал Амако Кацухису и Сиканоскэ с их немногочисленным воинством в Кодзуки, и сейчас его сердце переполняло смешанное чувство вины, тревоги и непереносимой жалости. Он понимал, что, отойдя от крепости, обречет их на верную смерть. И тем не менее, получив недвусмысленный приказ Нобунаги, он заверил своего господина, что приказ будет исполнен, и незамедлительно распрощался.

В глубокой задумчивости возвратился Хидэёси к своему войску в западные провинции. «Избегай ввязываться в тяжелые сражения и принимай участие в тех, в которых легко добиться успеха – таково правило военной стратегии», – внушал он себе. Конечно, подобный расчет противоречил союзническому долгу, но слишком уж высоки были ставки в этой войне. Поэтому Хидэёси предстояло испытать нестерпимые муки совести.

Вернувшись в лагерь на горе Такакура, он созвал военачальников и в точности повторил им приказ Нобунаги, а затем распорядился немедленно выступить к крепости Мики, чтобы присоединиться к войску Нобутады. Полки под командованием Нивы и Такигавы остались в качестве арьергарда, основное же войско под началом Хидэёси и Араки Мурасигэ начало отступление.

– Сигэнори еще не вернулся? – то и дело спрашивал Хидэёси своих приближенных, прежде чем уйти с горы Такакура.

Вот и сейчас он спросил об этом Такэнаку Хамбэя. Прекрасно понимая причину беспокойства Хидэёси, тот с горечью поглядел на крепость Кодзуки.

Сигэнори, один из ближайших сподвижников Хидэёси, две ночи назад получил приказ в одиночку проникнуть в крепость. И сейчас Хидэёси тревожился о том, удалось ли гонцу пробраться через расположение вражеских войск. Куда он запропастился? Письмо Хидэёси, которое предстояло доставить в крепость, содержало известие о смене стратегии военных действий.

«Не хотите ли попытать счастья в смертельном бою и, ударив из крепости, воссоединиться с нашим войском? – предлагал Хидэёси окруженному гарнизону. – Мы будем ждать до завтра».

Миновал условленный день, и Хидэёси с горечью убедился в том, что союзники не

выступили из крепости, да и в диспозиции Мори не произошло ни малейшей перемены. Решив, что защитникам крепости уже ничем не поможешь, Хидэёси увел войско с горы Такакура.

А гарнизон крепости тем временем пребывал в глубоком отчаянии. Попытка удержаться в ее стенах сулила смерть, смерть сулило и выступление. Даже неустрашимый Сиканоскэ был сам не свой: он не знал, что теперь предпринять.

– В нашем бедственном положении, – сказал он Сигэнори, – мы вправе упрекать только Небо.

Посоветовавшись с Амако Кацухисой и другими соратниками, Сиканоскэ дал Сигэнори такой ответ:

– Мы благодарны князю Хидэёси за его великодушное предложение, но у нашего небольшого измотанного осадой отряда нет никаких шансов совершить успешную вылазку и воссоединиться с ним. Нам необходимо придумать что-то иное.

Отослав назад гонца, Сиканоскэ тайне написал письмо командиру осаждающей крепость войска Мори Тэрумото, обещая сдать Кодзуки. Отдельные письма с приглашением войти в крепость он написал также военачальникам Киккаве и Кобаякаве. Сделано это было, разумеется, для того, чтобы спасти жизнь князю Кацухисе и семистам защитникам крепости. Но ни Киккава, ни Кобаякава не вняли его настойчивым просьбам. Их устраивал только один исход.

– Открой крепостные ворота, – ответили они ему, – и выстави на них голову Кацухисы.

Тому, кто собирался сдаться, не приходилось рассчитывать на милосердие. Едва сдерживая слезы, Сиканоскэ простерся перед Кацухисой:

– Ваши вассалы больше не в силах что-либо сделать для вас. Какая жалость, мой господин, что гарнизоном крепости командует такой недостойный человек, как я, однако ничто уже не поправишь: вам следует готовиться к смерти.

– Не говори так, Сиканоскэ. – Кацухиса отвернулся от вассала, стараясь скрыть смятение. – Я не считаю своих людей недостойными, да и князя Нобунагу ни в чем не виню. А тебе я благодарен за то, что помог мне собраться с силами и еще раз попытаться восстановить честь клана. Я решил нанести удар нашим заклятым врагам, так стоит ли мне отчаиваться даже сейчас, когда мы потерпели поражение? По-моему, я сделал все, что надлежит воину, и сейчас вправе упокоиться с миром.

На заре третьего дня седьмого месяца Кацухиса совершил сэппуку. Вражда между кланами Мори и Амако длилась ровно пятьдесят шесть лет.

Но самое удивительное было впереди. Верный соратник Кацухисы Яманака Сиканоскэ, с таким мужеством боровшийся против клана Мори, не последовал за своим князем тропой смерти. Он сдался на милость победителя и поступил на службу к Киккаве Мотохару простым пешим воином. Обращались с Сиканоскэ чуть ли не как с пленным, а презирали предателя теперь в равной мере воины обоих враждующих станом. Его верность клану Амако считали всего лишь личиной, которую он поспешил сбросить в нужную для себя минуту.

А спустя еще несколько дней к Сиканоскэ вряд ли кто испытывал иное чувство, кроме отвращения, потому что он стал вассалом клана Мори и в залог своей будущей верности получил крепость в Суо.

Имя Яманаки Сиканоскэ стало символом предательства. На протяжении двадцати лет и друзья, и враги считали его воином отчаянно смелым и безупречно преданным своему господину. Теперь же многие стыдились прежнего знакомства с ним. Ненависть к Сиканоскэ стала отныне ничуть не меньше его былой славы.

В самые жаркие дни седьмого месяца Сиканоскэ, не обращавший, казалось, никакого внимания на презрительные насмешки и упреки в свой адрес, его жена и слуги перебрались в Суо. Сопровождал их отряд в несколько сот воинов клана Мори, официально считавшийся

эскортом, но на деле охранявший Сиканоскэ, ведь он уподобился угодившему в ловушку тигру и мог в любую минуту наброситься на удачливых, но беспечных охотников. До тех пор, пока его не посадили в предназначенную для него клетку и не приучили к кормежке, с ним предпочитали обращаться предельно осторожно.

После нескольких дней пути отряд вышел к переправе через реку Абэ у подножия горы Мацу. Сиканоскэ спешил и, усевшись на утесе, принялся рассматривать речной берег.

Аmano Кии из клана Мори тоже соскочил с лошади и подошел к Сиканоскэ.

– Женщины и дети устали в пути, – сказал он своему пленнику, – поэтому мы переправим через реку сначала их, а вы тут посидите пока и отдохните.

Сиканоскэ согласно кивнул в ответ. В последнее время он старался не разговаривать без крайней необходимости. Кии подошел к парому и что-то прокричал столпившимся на берегу людям. Через реку здесь переправлялись всего на двух небольших лодках. Жена Сиканоскэ с сыном и их слуги так перегрузили обе лодки, что те низко осели в воде. Но вот, наконец, лодки отчалили и устремились к противоположному берегу.

Наблюдая за их отплытием, Сиканоскэ обливался потом. Не выдержав, он попросил остававшегося с ним оруженосца намочить для него полотенце в ледяной речной воде. Его второй – и последний – оруженосец в это время поил лошадей чуть ниже по течению.

Крупные бабочки с желто-зелеными крыльями вились вокруг Сиканоскэ. Бледная луна восходила в предвечернем летнем небе. Под ветром по земле стлалась низкая трава.

– Синдза! Хикоэмон! Теперь самое время! – прошептал Мотоаки, старший сын Кии, двоим воинам, стоящим рядом с ним под сенью деревьев, к которым было привязано около десятка лошадей. Сиканоскэ не видел их. Лодка, уносящая вдаль его жену и сына, достигла уже середины реки.

Из-за ветра, долетавшего с реки, Сиканоскэ было трудно дышать, перед глазами плыли круги. «Какое горе!» – угрюмо думал он. Ему, отцу и мужу, бередила душу невыносимая мысль о том, что он обрек свою семью на скитания. Даже самые отважные воины не лишены человеческих чувств, а о Сиканоскэ говорили, что он куда чувствительней остальных.

Смелость и отчаяние горели в его взоре ярче, чем лучи закатного солнца. Он порвал с Нобунагой, отрекся от союза с Хидэёси, сдал крепость Кодзуки врагам и вручил отрубленную голову своего господина. А сам все еще не умер, все еще цеплялся за жизнь. На что он надеялся? Оставалось ли у него еще чувство чести? Оскорбления и насмешки задевали его, казалось, не больше, чем стрекот кузнечиков. И сейчас, отдыхая, подставив грудь прохладному ветру, он вроде бы ни о чем не жалел.

*Одна печаль,
Громоздясь на другую,
Испытывает мои силы.*

Это стихотворение он сложил много лет назад и сейчас, мысленно повторяя его, вспомнил о клятвах, принесенных им некогда матери, вдохновившей его вступить на Путь Воина, чтобы впредь служить князю и Небу. В памяти всплыла молитва, с которой Сиканоскэ обратился перед своей первой битвой к новорожденному месяцу в пустом небе: «Пошли мне все возможные испытания!»

Так, «громоздя одну печаль на другую», он сумел пройти все мыслимые и немыслимые испытания. Сиканоскэ полагал, что истинное счастье настоящего воина как раз в том и заключается, чтобы преодолевать невзгоды. Он только укрепился в своих убеждениях, услышав от гонца Хидэёси о том, что Нобунага не придет на помощь защитникам Кодзуки. Конечно, он

тогда слегка растерялся, но никого и ни в чем не подумал винить. Да и горевать тоже не стал. Ни разу в жизни он не испытывал такого отчаяния, которое заставило бы его смириться с неизбежным и подумать: «Все, теперь мне пришел конец». При любых обстоятельствах он на что-то надеялся. «Я все еще жив, – думал он в такие минуты, – раз дышу, значит, жив!» Вот и сейчас у него оставалась надежда. Рано или поздно он подкрадется к своему смертельному врагу Киккаве Мотохару настолько близко, чтобы прикончить его одним ударом, – а там пусть уж убивают и самого Сиканоскэ, не страшно! Покончив с врагом, он в следующей жизни не испытает стыда, когда повстречается со своим князем.

Хотя Сиканоскэ и сдался на милость победителя, однако Киккава оказался не настолько глуп, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Вместо этого он одарил его крепостью и отослал подальше. И теперь Сиканоскэ размышлял, когда же ему наконец представится возможность осуществить свой дерзкий замысел.

Лодка с женой и сыном уже причалила к противоположному берегу. Он загляделся, как они выходят на берег и растворяются в толпе слуг. И в это мгновение острое меча беззвучно вошло ему под лопатку. Другой меч высек искры из камня, на котором он сидел. Даже такого воина, как Сиканоскэ, оказывается, можно подстеречь и застигнуть врасплох. Но даже тяжелая рана не помешала Сиканоскэ вскочить на ноги и схватить напавшего за косицу.

– Трус! – закричал он.

Пока только один удар достиг цели, но на помощь вероломному убийце уже бежал напарник, размахивая мечом и во весь голос крича:

– Готовься к смерти! Таков приказ нашего господина!

– Ублюдок! – заорал в ответ Сиканоскэ.

Он швырнул первого нападавшего на его подоспевшего соратника с такой силой, что оба они свалились наземь, а сам, воспользовавшись замешательством, с разбегу бросился в реку, подняв фонтан брызг.

– Сбежал! Сбежал! – закричал один из военачальников Мори, устремляясь вдогонку.

С берега он метнул копье и угодил Сиканоскэ в спину. Раненый воин рухнул лицом вниз, и только копье торчало из окрашенной кровью воды, словно гарпун, поразивший кита.

Двое убийц бросились в воду, схватили потерявшего сознание Сиканоскэ за ноги, выволокли его на берег и обезглавили. Кровь хлынула на камни и потекла в ледяные воды реки Абэ.

– Мой господин!

– Господин Сиканоскэ!

Двое оруженосцев Сиканоскэ с криками бросились к тому месту, где распростерлось бездыханное тело, но молодых людей тут же окружили воины клана Мори. Поняв, что их господин уже мертв, оруженосцы бросились на убийц и вскоре разделили с Сиканоскэ его участь.

Человеческое тело тленно, но чувство чести и верность клятве непреходяще, оно навсегда остается в анналах истории. Воины грядущих веков, глядя на молодой месяц в темно-синем небе, будут вновь и вновь вспоминать о несокрушимом Яманакэ Сиканоскэ и думать о нем с благоговением. В их сердцах он останется жить вечно.

Меч Сиканоскэ и его коробок для чая, известный под названием «Великое море», доставили Киккаве Мотохару вместе с отрубленной головой поверженного врага.

– Если бы я не приказал тебя обезглавить, – обратился Киккава к мертвой голове Сиканоскэ, – то непременно настал бы день, когда ты обезглавил бы меня. Таков Путь Воина. Но подвиги, совершенные тобою в этой жизни, позволят тебе обрести покой в следующей.

Покинувшее окрестности Кодзуки войско Хидзэеси сначала направилось в сторону Тадзимы, но, внезапно развернувшись около Какогавы в провинции Харима, оно воссоединилось с тридцатитысячной армией Нобутады. К тому времени лето было уже на исходе.

Под натиском столь сильной армии крепости Канки и Сиката пали одна за другой. Захватить эти малые крепости первой линии обороны клана Мори оказалось сравнительно легко, однако войско Нобунаги понесло ощутимые потери, потому что противник сопротивлялся на редкость яростно.

Военная кампания затягивалась по той простой причине, что за последние годы появилось новое вооружение, да и тактика ведения боя претерпела коренные изменения. К тому же армии Нобунаги еще не доводилось воевать с таким могущественным противником.

В ходе западной кампании против войска клана Ода впервые была применена артиллерия, и порох, которым пользовались воины Мори, оказался куда эффективнее известного ранее. Хидзэеси, сообразив, что у теперешнего врага есть чему поучиться, заменил старые маломощные китайские пушки на новую, сделанную южными варварами. Орудие он приказал установить на наблюдательной башне. Увидев это, другие военачальники клана Ода тоже поспешили закупить новейшие орудия, благо проблем с приобретением оружия не было.

Услышав о том, что в западных провинциях идет война, туда понаехало множество торговцев из городов Хирадо и Хаката, что в провинции Кюсю. Рискуя жизнью, они умудрялись миновать принадлежащий клану Мори флот и бросали якоря в портах на побережье Харимы. Хидзэеси помог им получить немалую выгоду, убедив других военачальников не торговаться, когда речь заходит о приобретении нового вооружения.

Мощь новых пушек была впервые опробована в ходе штурма крепости Канки. Воины клана Ода насыпали прямо напротив крепости довольно высокий холм, а на его вершине, на наблюдательной вышке, поместили пушку. Эффект превзошел все ожидания: после первого же выстрела глинобитная стена и ворота крепости рухнули.

Однако и у защитников Канки имелась артиллерия, а также новейшие ружья и изрядный запас отменного пороха. Деревянную наблюдательную вышку несколько раз поджигали, сооружение сгорало дотла и его приходилось возводить заново, причем только для того, чтобы его вновь обстреляли и подожгли.

И все-таки в конце концов крепость пала, но военачальники клана Ода призадумались: если такие усилия потребовались, чтобы сломить сопротивление в небольшой крепости, то каким же сложным и кропотливым делом окажется штурм Мики?

На расстоянии около половины ри от крепости Мики находилась невысокая гора Хари. На ней Хидзэеси и расположил свою ставку. Его восьмитысячное войско стояло поблизости.

Вскоре на гору Хари прибыл Нобутада, и вдвоем с Хидзэеси они осмотрели вражеские позиции. К югу от крепости Мики горы и холмы примыкали к горной гряде западной Харимы. Севернее текла река, по имени которой крепость и получила название. С восточной стороны простирались заросли бамбука, а за ними – луга и пашня. Таким образом, крепость с трех сторон имела прекрасные естественные укрепления. В центре этого надежно защищенного пространства размещались главная цитадель, за ней – вторая цитадель, да вдобавок была еще и третья, внутренняя.

– Не представляю, как мы сможем взять эту крепость без долгой предварительной осады, – уныло заметил Нобутада, осматривая вражеские укрепления.

– Да, дело предстоит не из легких, – согласился Хидзэеси. – Зуб хоть и гнилой, но на очень уж здоровом корне.

– Гнилой зуб? – Сравнение Хидзэеси заставило Нобутаду улыбнуться. Уже несколько дней

молодого князя мучила нестерпимая зубная боль, даже щека у него порядком распухла. Вот и сейчас, рассмеявшись, он невольно схватился за щеку. – Да, действительно точь-в-точь как больной зуб! Чтобы вырвать его, надо запастись изрядным терпением.

– Болит-то всего один зуб, а отзывается во всем теле. Однако если мы сгоряча сразу же ринемся штурмовать крепость, рвать этот гнилой зуб, что не дает нам покоя, то может пострадать и челюсть, а то и сам больной помрет.

– Ну, так что же нам делать, Хидэёси?

– Зуб все равно придется вытаскивать, значит, нужно для начала расшатать его. Что, если мы возьмем крепость в глухую блокаду и станем покачивать этот зуб время от времени?

– Отец велел мне вернуться в Гифу, если быстро взять крепость не удастся. Так что я возвращаюсь, а вы тут поступайте, как сочтете нужным.

– Положитесь на меня, мой господин.

На следующий день Нобутада уехал, а вместе с ним – и все остальные военачальники. Хидэёси со своим восьмидесятысячным войском взял крепость в кольцо, приказав командирам полков воздвигнуть деревянные заграждения на всех до единого подходах к ней. На дорогах он расположил заставы и выслал конные дозоры. Самое ответственное задание выпало полку, охранявшему южную дорогу к крепости. Отсюда было всего четыре ри до берега, куда флот клана Мори часто подвозил оружие и продовольствие с тем, чтобы переправить их в крепость как раз по этой дороге.

– Восьмой месяц – это уже настоящая осень, – задумчиво произнес Хидэёси, любуясь луной, и позвал: – Итимацу! Эй, Итимацу!

Юные оруженосцы со всех ног бросились к своему господину, отталкивая друг друга локтями. Однако Итимацу среди них не оказалось, и Хидэёси пришлось отдать распоряжение подбежавшим юношам.

– Расстелите-ка циновку на горе Хираи, в том месте, откуда открывается самый лучший вид на крепость, – велел он. – Мы устроим нынче вечером попойку под луной.

– Слушаемся, князь! – хором воскликнули оруженосцы и поспешили выполнять поручение.

– Эй, Тароноскэ, постой!

– Да, мой господин.

– Попроси Хамбэя прийти ко мне, если он, конечно, хорошо себя чувствует.

Тем временем возвратились двое оруженосцев, объявив о том, что уже расстелили циновку неподалеку от вершины горы, на ровной площадке одного из утесов.

– Что ж, отсюда и впрямь превосходный вид, молодцы, – похвалил Хидэёси. И, вновь обратившись к оруженосцам, приказал: – И Камбэя пригласите тоже. Нельзя упускать возможность полюбоваться такой луной.

Юноши помчались выполнять приказание своего господина.

Под высокой раскидистой сосной на циновке были расставлены узкогорлые бутылки с сакэ и кипарисовые подносы с едой. Трапезу вряд ли можно было назвать роскошной, но для походных условий и она казалась хороша – особенно при таком замечательном лунном свете. Трое мужчин опустились на циновку: Хидэёси посередине, Хамбэй и Камбэй – по обе стороны от него.

Все трое сейчас любовались луной, и у каждого ее завораживающее сияние порождало разные мысли. Хидэёси вспоминал поля родной Накамуры, Хамбэй представлял себе гору Бодай при лунном свете, и только Камбэй с тревогой размышлял о том, что ждет их в ближайшие дни.

– Вы не озябли, Хамбэй? – заботливо спросил Камбэй у своего друга; озабоченно поглядел

на него и Хидэёси.

– Нет-нет, со мной все в порядке, – заверил Хамбэй, но лицо его было сейчас чуть ли не бледнее самой луны.

«Одаренный человек, но какой болезненный», – с грустью подумал Хидэёси. Слабое здоровье подчиненного беспокоило его куда больше, чем самого Хамбэя.

Однажды, когда Хамбэй катался верхом в Нагахаме, его вырвало кровью, и на протяжении северной кампании он тоже часто болел. Поэтому, отправляясь в поход на запад, Хидэёси попытался уговорить своего друга остаться дома, не рисковать здоровьем.

– О чем вы говорите, мой господин! Я ни за что не останусь! – беззаботно воскликнул Хамбэй и поехал вместе со всеми.

Конечно, Хидэёси радовало присутствие Хамбэя. Этот человек считался его вассалом, но в глубине души Хидэёси называл его не иначе как учителем. И особенно ценна была ему поддержка Хамбэя сейчас, когда предстояло подняться на одну из самых крутых вершин в своей жизни.

Но с тех пор, как они вошли в западные провинции, Хамбэй уже успел дважды захворать. Обеспокоенный Хидэёси велел своему соратнику, которым очень дорожил, немедленно ехать к лекарю в Киото. Тот, однако, войска не покинул, заявив:

– Я болею с младенчества и давно свыкся со своими хворями. Никакие снадобья мне не помогут, единственно подходящее лекарство для воина – поле боя.

Хамбэй продолжал трудиться в ставке с присущим ему усердием, не делая себе ни малейших поблажек. Но сила духа не способна восполнить такой природный недостаток, как слабое здоровье.

В довершение ко всему, выходя из Тадзимы, войско попало под ливень. Основательно вымокнув, Хамбэй почувствовал себя так плохо, что уже не смог скрывать недомогания, и после того, как они обосновались на горе Хираи, два дня не появлялся в шатре у Хидэёси, не желая огорчать князя своим болезненным состоянием. Но поскольку в последние дни Хамбэй как будто пошел на поправку, Хидэёси захотелось скоротать время за приятной беседой с близкими ему людьми, тем более вечер выдался такой погожий. Однако Хамбэй и сейчас, судя по всему, чувствовал себя неважно.

Заметив, что Хидэёси и Камбэй тревожатся за него, Хамбэй поспешил перевести разговор на другую тему:

– Знаете, Камбэй, вчера прибыл человек из моей родной провинции, так вот, он рассказал, что ваш сын Сёдзюмару здоров и понемногу начинает привыкать к новым местам, знакомиться с людьми. В общем, у него все хорошо.

– А я, Хамбэй, за него и не беспокоюсь. Он ведь в вашей провинции – а это все равно, что у вас в гостях. Признаться, я нечасто о нем и вспоминаю.

Хидэёси, у которого не было собственных детей, прислушивался к этому разговору не без тайной зависти. Сёдзюмару был наследником Камбэя, и тот, сделав ставку на союз с Нобунагой, в знак истинной преданности отправил к нему сына. Молодого заложника препоручили заботам Хамбэя. Он увез его в крепость Фува и стал воспитывать как родного сына. И хотя Хамбэй с Камбэем подружились благодаря Хидэёси, сейчас их связывали еще и другие узы: будучи военачальниками, они постоянно соперничали, однако без тени неприязни или зависти, опровергая пословицу, будто двум большим рыбам тесно в одном пруду.

Трое мужчин наслаждались минутами отдыха, любясь луной, попивали сакэ и неторопливо беседовали о великих мужах настоящего и прошлого, о расцвете, упадке и гибели провинций и кланов. Понемногу начало казаться, будто Хамбэй преодолел свою слабость.

Ненароком Камбэй свел разговор к тому, что его сейчас беспокоило:

– Выступая утром во главе большого войска, не знаешь, останешься ли в живых к вечеру. Но если питаешь большие надежды на будущее, то хочется жить долго, чтобы они успели сбыться. Конечно, множество отважных или ученых мужей успели прославиться и за совсем короткую жизнь, но как высоко они вознеслись бы, проживи до глубокой старости! Разрушить устаревшие устои общества, покарать зло – это полдела. Человек только тогда поистине велик, когда он сумеет возродить страну.

Хидэёси кивнул в знак согласия и сказал молчащему Хамбэю:

– Поэтому-то нам и необходимо печься о собственной жизни. А меня, признаюсь, Хамбэй, очень тревожит ваше здоровье.

– Согласен с вами, князь, – поддержал Камбэй. – Чем участвовать в сражениях, не лучше ли вам, Хамбэй, отправиться в Киото, найти хорошего лекаря и позаботиться о своем здоровье? Мы все, это я вам по-дружески говорю, расценили бы такой поступок как проявление вашей преданности, ведь тем самым вы избавили бы князя хотя бы от одной лишней заботы.

– Благодарю вас за заботу, – растроганно произнес Хамбэй. – Я последую вашему совету и ненадолго съезжу в Киото, но только не раньше, чем мы разработаем план всей кампании.

Хидэёси кивнул, подумав про себя, что до сих пор часто следовал советам Хамбэя, но особых успехов пока не добился.

– Вам по-прежнему не дает покоя, кого поддержит Акаси Кагэтика? – спросил он.

– Да, это очень меня беспокоит, – ответил Хамбэй. – Если вы позволите мне побыть здесь еще несколько дней, то я отправлюсь на гору Хатиман, попробую встретиться с ним и перетянуть на нашу сторону. Вы не возражаете?

– Нет, разумеется. Это союзничество было бы для нас очень полезным. Но, согласитесь, шансов попасть в беду у вас примерно восемьдесят из ста, а то и все девяносто. Если вам не повезет, что тогда?

– Тогда я умру, – спокойно, без какой-либо бравады ответил Хамбэй.

Хидэёси задумался. После покорения крепости Мики им предстояло вступить в схватку с Акаси Кагэтикой. Пока было вроде бы преждевременно заглядывать так далеко вперед, но полководец не мог сбрасывать со счетов тот факт, что целью кампании был не захват Мики, а покорение всего запада. Поэтому-то он и согласился с предложением Хамбэя попробовать перетянуть Акаси на сторону клана Ода, хотя душу его обуревали сомнения.

«Допустим даже, – размышлял он, – Хамбэю удастся избежать все опасности, подстерегающие на пути, и встретиться с Акаси. Но кто поручится, что тот в случае, если переговоры закончатся неудачей, выпустит его живым. Да и сам Хамбэй может не захотеть возвращаться с пустыми руками. Или он ищет смерти? Возможно зная, что обречен, Хамбэй не видит разницы от чего умереть – от собственных недугов или от руки врага».

И тут Камбэй высказал еще одно ценное предложение. У него немало добрых знакомых среди соратников Укиты Наоиэ, и пока Хамбэй будет вести переговоры с кланом Акаси, сам он попробует связаться с наиболее влиятельными вассалами клана Укита.

Хидэёси повеселел: перетянуть на свою сторону клан Укита ему представлялось более вероятным, ведь с самого начала западной кампании те выжидали, стараясь понять, кто же возьмет верх. Правда, Укита Наоиэ попросил у клана Мори помощи, но если его удастся убедить в том, что будущее принадлежит Нобунаге... К тому же союз Укиты с Мори может оказаться бессмысленным, если военной помощи он так и не получил – его войско, отбив у врага крепость Кодзуки, ушло обратно, – а потому вряд ли он слишком уж на кого-либо полагается.

– Если мы сумеем перетянуть клан Укита на свою сторону, то и Акаси придется пойти на союз с нами, – сказал Хидэёси. – А если нас поддержит Кагэтика, то Укита немедленно

попросят мира. Поэтому провести эти переговоры одновременно – и впрямь блестящая идея.

На следующий день в присутствии всех командиров Хамбэй официально попросил отпуск по болезни, объявив о том, что едет на лечение в Киото. Под этим предлогом он покинул лагерь на горе Хираи, сопровождаемый всего несколькими слугами. Через пару дней уехал и Камбэй.

Сначала Хамбэй отправился к младшему брату Кагэтики Акаси Кандзио. Они не были дружны, но все же несколько раз встречались в храме Нандзэн в Киото, где оба предавались медитации. Кандзио был страстным приверженцем дзэн-буддизма. Хамбэй решил, что, напомнив ему о Пути Будды, он сумеет быстро найти с ним общий язык. А уж затем можно будет начинать переговоры и со старшим братом.

Известие о прибытии Хамбэя повергло Акаси Кандзио и его старшего брата Кагэтику в смятение, ведь этот человек, как ни говори, известный военный стратег и учитель Хидэёси. Что он им предложит, насколько убедительными окажутся его доводы? Но, встретившись с Хамбэем, братья, к собственному изумлению, обнаружили, что говорит он просто и ясно, старательно избегая высокопарных и заведомо двусмысленных речей. Уверенностью и прямотошеством Хамбэй разительно отличался от посланцев других кланов, прибегавших при переговорах к всевозможным уловкам, и братья позволили ему себя уговорить. Они прервали отношения с кланом Укита.

Успешно выполнив свою миссию, Хамбэй и впрямь попросил Хидэёси о небольшом отпуске для лечения и теперь уже действительно собрался в Киото. Князь повидал его до отъезда, попросил посетить Нобунагу и сообщить ему, что Акаси Кагэтика вошел в союз, возглавляемый кланом Ода.

Услышав это известие, Нобунага пришел в восторг:

– Вот как? Вам удалось покорить гору Хатиман, не пролив ни единой капли крови? Это замечательно!

Войско клана Ода, уже захватившее провинцию Харима, теперь получило возможность войти и в Бидзэн. Конечно, это был только первый шаг – но шаг огромной важности.

– Но ты вроде бы еще похудел. Постарайся хорошенько подлечиться, – сказал Нобунага, искренне сочувствуя Хамбэю и поражаясь его мужеству.

Князь наградил отличившегося подданного двадцатью слитками серебра.

А Хидэёси он послал благодарственное письмо и сто слитков золота, затем издал указ о назначении его наместником провинции Харима. Если уж Нобунага радовался, то радовался без меры.

Тем временем осада крепости Мики продолжалась, но по-прежнему безуспешно. С переходом клана Акаси на сторону Нобунаги воины Хидэёси немного воспряли духом, хотя ситуация на горе Хираи и вокруг нее ничуть не изменилась. Как и следовало ожидать, осторожные приверженцы клана Укита оказались несговорчивыми, несмотря на усердие Камбэя, который, пытаясь убедить их, привел все мыслимые и немыслимые доводы. Удерживая власть над провинциями Бидзэн и Мимасака, Укита оказались между кланами Мори и Ода, как между молотом и наковальней, тем не менее будущее западных провинций во многом зависело от выбора, который они в конце концов сделают.

У князя Укиты Наоизэ было четверо наиболее влиятельных вассалов: Осафунэ Кии, Тогава Хиго, Ока Этидзэн и Ханабуса Сукэбэй. С Ханабусой Курода Камбэй был знаком, поэтому прежде всего к нему и обратился. Они проговорили всю ночь, обсуждая настоящее и будущее страны. Камбэй, призвав на помощь присущее ему красноречие, расписывал достоинства Нобунаги – и одарен, мол, князь на редкость, и замыслы имеет великие, превозносил замечательный характер Хидэёси и наконец склонил Ханабусу на свою сторону. Тот в свою очередь сумел уговорить Тогаву Хиго. Заручившись их поддержкой, Камбэй отправился на

встречу с самим Укитой Наоиэ.

Выслушав приведенные ему доводы, Наоиэ сказал:

– Нам следует считаться с создавшимся положением. Если князь Нобунага и князь Хидэёси пойдут на нас войной, то весь наш клан будет уничтожен во имя интересов клана Мори. Ради того, чтобы сохранить жизни тысячам воинов и облагодетельствовать весь народ, мне не жаль расстаться с тремя собственными сыновьями, отдав их в заложники Нобунаге. Я все решил, и давайте положим конец спорам.

Вскоре письменное согласие клана Укита вступить в союз с кланом Ода гонец доставил на гору Хираи. Таким образом Хидэёси удалось одержать двойную победу в собственном тылу без единого выстрела и малейшего кровопролития. Две провинции – Бидзэн и Мимасака – стали союзницами клана Ода.

Хидэёси хотелось как можно скорее сообщить своему князю о столь счастливом повороте событий, но доверять эту новость бумаге он счел чересчур опасным, ибо ее надлежало до поры держать в строжайшей тайне от клана Мори. Поэтому в Киото к Нобунаге отправился Камбэй.

Прибыв в столицу, он немедленно получил аудиенцию у Нобунаги.

Выслушав Камбэя, князь пришел в ярость. И это было тем удивительней, что ранее, приняв во дворце Нидзё Хамбэя, сообщившего о союзе с кланом Акаси, он очень обрадовался и горячо поблагодарил его. Теперь же Нобунага принялся отчитывать посланца Хидэёси.

– По чьему распоряжению заключен союз? Кто приказал Хидэёси? Да это же с его стороны настоящее предательство! Отправляйся и объяви ему об этом! – зло выкрикнул он, но, похоже, этих резких слов ему показалось недостаточно, и Нобунага поспешил добавить: – Хидэёси пишет о том, что через несколько дней приедет в Адзути вместе с Укитой Наоиэ. Так вот, передай ему, что я не хочу видеть Наоиэ. Да и самого Хидэёси тоже.

Озадаченный и встревоженный Камбэй поспешил в Хариму. Сгорая от стыда, он передал Хидэёси, столько сделавшему для победы своего князя, безосновательные упреки и обвинения Нобунаги. Единственное, что Камбэй себе позволил, так это немного смягчить выражения.

Однако, к удивлению Камбэя, Хидэёси вовсе не выглядел ни обескураженным, ни испуганным и даже попытался утешить своего совершенно подавленного соратника, который в тот момент с особой остротой осознал, что именно его замысел навлек на главнокомандующего княжеский гнев и тот волен сейчас распорядиться его жизнью и смертью.

– Ну, и как же вы поступите? Будете поддерживать союз с кланом Укита против воли самого Нобунаги? – осторожно осведомился Камбэй.

Хидэёси умел читать мысли Нобунаги, иначе ему не удалось бы столь успешно служить своему князю на протяжении двадцати лет. Поэтому он принялся разъяснять Камбэю ситуацию:

– Я отлично понимаю, почему князь рассердился на меня, скажу больше: мне с самого начала было известно, что он непременно рассердится. Когда Такэнака Хамбэй доложил о договоре с Акаси Кагэтикой, его светлость настолько обрадовался, что соизволил щедро одарить и Хамбэя, и меня. Он наверняка пришел к выводу, будто союз с Акаси позволит ему легко и быстро управиться с Укитой, а затем разделить их земли и раздать в награду своим преданным вассалам. А теперь, когда я перетянул Укиту на нашу сторону, ему будет не так-то просто заполнить эти земли.

– О, теперь я понимаю, почему так разгневался князь Нобунага. Но боюсь, вам будет непросто добиться даже встречи с ним. Он заявил, что не даст аудиенции ни Уките Наоиэ, ни даже вам, если вы вздумаете приехать в Адзути.

– Мне все равно необходимо с ним повидаться и не важно, гневается он на меня или нет. Это только повздорившим супругам полезно побыть врозь, чтобы не рассориться окончательно, а во взаимоотношениях между князем и его вассалом такая тактика исключена. Кстати, ничто

не смягчит его гнева, кроме моих верноподданных извинений. И тут уж не важно, наорет он на меня или поколотит, когда я с самым дурацким видом паду к его ногам.

У Хидэёси не было иного выхода, как отправиться в Адзути. Письменное предложение Укиты Наоиэ, находящееся у главнокомандующего, не имело законной силы до тех пор, пока его не одобрит Нобунага. Более того, этикет предписывал Уките Наоиэ лично отправиться к князю, объявить себя его вассалом и испросить у него дальнейших распоряжений.

В назначенный день Хидэёси и Наоиэ прибыли в Адзути, однако гнев Нобунаги еще не улегся. «Я их не приму», – таково было княжеское решение, переданное Хидэёси через оруженосца.

Хидэёси оказался в затруднительном положении, и ему не оставалось ничего другого, как ждать. Он вернулся в покои для гостей и поведал обо всем поджидавшему его Наоиэ.

– Его светлость сегодня в не особенно хорошем настроении. Не соблаговолите ли вы немного подождать аудиенции?

– Князь не в настроении? – удивленно воскликнул Наоиэ.

Решение заключить мир с кланом Ода он принял вовсе не потому, что обстоятельства не оставляли иного выхода. В конце концов, у него весьма недурное войско. Так в чем же дело? Что может означать столь холодный прием? Он, конечно, не позволил себе высказать возмущение вслух, но тем сильнее вознегодовал втайне.

Однако дальнейшие унижения он сносить вовсе не собирался и высказал Хидэёси свое намерение возвратиться в родную провинцию с тем, чтобы во всеоружии встретить врага, который единственно этого и заслуживает.

– Нет-нет, – стал отговаривать его Хидэёси. – Ну, сейчас нас не приняли, так что с того? Значит, примут позже. Давайте-ка съездим в город и развеемся!

Временно разместив Наоиэ в храме Сёдзицу, Хидэёси дождался, когда его гость переоденется в повседневное платье, и они отправились в город.

– Я уеду из Адзути нынче же вечером и проведу ночь в столице, – заявил обиженный Наоиэ. – А потом, я думаю, мне лучше вернуться в Бидзэн.

– Но зачем же вам так спешить? И почему бы еще раз не попробовать встретиться с Нобунагой?

– А у меня пропало желание с ним встречаться. – Впервые за несколько часов Наоиэ дал волю чувствам. – К тому же я нахожусь во вражеской провинции, и мне опасно здесь задерживаться. Пожалуй, следовало бы уехать прямо сейчас. Так лучше для нас обоих.

– Нет, что вы! Тогда я был бы опозорен.

– Мы с вами могли бы встретиться в другой раз, князь Хидэёси. Я благодарен вам за все, что вы сделали. Никогда не забуду вашу доброту.

– Пожалуйста, хотя бы переночуйте здесь. Мне невыносима мысль о том, что два клана, которые вроде бы удалось помирить, опять станут заклятыми врагами. Его светлость отказался принять вас сегодня, и у него имеются на то причины. Давайте проведем этот вечер вместе. За ужином я постараюсь вам все объяснить.

Наоиэ согласился остаться. Их с князем ужин удался на славу: мужчины шутили и смеялись, а по окончании трапезы Хидэёси как бы невзначай заметил:

– Ах да! Я ведь собирался рассказать вам, почему недоволен мною князь Нобунага.

Заинтригованный Наоиэ вынужден был отложить свой отъезд.

С безыскусной прямоотой Хидэёси принялся объяснять, почему принятое им самостоятельное решение так огорчило Нобунагу.

– Не считите мои слова невежливыми, но обе провинции – и Мимасака, и Бидзэн – рано или поздно достались бы клану Ода. Поэтому заключать с вами мирный договор именно сейчас

не было никакой необходимости. Более того: не сокрушив клан Укита, Нобунага лишается возможности раздать ваши земли своим военачальникам в награду за преданность. К тому же с моей стороны было непростительной дерзостью, не испросив разрешения его светлости, вести переговоры. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему он так сердится.

Наоиэ переполняли противоречивые чувства. Его лицо, покрасневшее было от выпитого саке, побледнело. Он теперь нисколько не сомневался, что Нобунага руководствуется именно теми доводами, которые ему привел Хидэёси.

– Поэтому-то князь в плохом настроении, – продолжил меж тем его собеседник. – Думаю, он не даст мне аудиенции и встретиться с вами тоже не захочет. Поверьте, я стораю со стыда и испытываю чудовищную вину, ведь подписанный вами договор не имеет силы, пока его светлость не скрепит документ своей печатью. Мне не остается ничего иного, как вернуть его вам. Вы вправе порвать эту бумагу и, отказавшись от союза с нами, завтра же утром отправиться в Бидзэн.

С этими словами Хидэёси достал договор и вернул его Наоиэ. Но тот задумчиво глядел на пламя, мерцающее в высоких светильниках, и не спешил прикоснуться к злополучной грамоте.

Хидэёси молча ждал, как его собеседник поведет себя дальше.

Наоиэ наконец нарушил молчание:

– Я намерен просить вас еще раз попытаться убедить князя Нобунагу заключить союз с моим кланом.

Сейчас он вел себя как человек, в глубине души уже признавший свое поражение, тогда как до сих пор считал, что идет на уступки, поддавшись на уговоры Куроды Камбэя.

– Хорошо, если вы действительно верите в могущество клана Ода, то я согласен попробовать убедить его светлость пересмотреть свое решение.

Наоиэ провел в храме Сёдзицу больше десяти дней, дожидаясь того или иного решения своего дела. А Хидэёси тем временем срочно послал гонца в Гифу в надежде заручиться поддержкой Нобутады, чтобы с его помощью повлиять на своего господина. К счастью, у молодого князя были дела в столице, и он немедленно выехал в Киото.

Хитроумный Хидэёси устроил встречу Наоиэ и Нобутады. А затем, в результате заступничества сына, смягчился и сам Нобунага. Вскоре княжеская печать скрепила злополучный договор, и клан Укита, окончательно порвав с Мори Тэрумото, связал свою дальнейшую судьбу с Одой Нобунагой.

Но всего неделю спустя после этих событий один из военачальников Нобунаги, Араки Мурасигэ, изменил своему князю и перешел на сторону врага, подняв знамя восстания в самом клане Ода.

Предательство Мурасигэ

Это ложь! Наверняка ложь!

Нобунага отказывался верить известию об измене Мурасигэ. Но вскоре новость подтвердилась: сначала сам Мурасигэ, а затем двое его самых влиятельных вассалов, Такаяма Укон из Такацуки и Накагава Сэбэй из Ибараги, повинувшись своему верноподданническому долгу, подняли знамя восстания.

Глубокая горестная морщина прорезала лоб Нобунаги. Как ни странно, при столь неожиданном, да к тому же грозящем серьезными неприятностями повороте событий он не выказал ни необузданного гнева, ни всегдашней своей горячности. Ошибался тот, кто считал, что на нрав Нобунаги из четырех стихий влияет только одна – огонь. Ярость пламени и остужающая прохлада воды счастливо уживались в его душе.

– Позовите Хидэёси, – спокойно распорядился князь.

– Князь Хидэёси сегодня утром уехал в Хариму, – взволнованно ответил Такигава.

– Как? Уже уехал?

– Должно быть, он не успел еще отъехать далеко. С вашего разрешения, я оседлаю коня и попытаюсь догнать его, – предложил оруженосец Ранмару.

Нобунага велел ему поторапливаться.

Однако к полудню Ранмару еще не вернулся. А тем временем стали приходить сообщения из тех краев, где высились крепости Итами и Такацуки. Одно из донесений заставило Нобунагу побледнеть.

«Сегодня утром, на заре, флот клана Мори пришел в Хёго. Воины сошли на берег и расположились в крепости Мурасигэ в Ханакуме».

Дорога по берегу от Хёго до Ханакумы была единственным путем из Адзути в Хариму.

– Хидэёси не удастся прорваться, – произнес князь и в тот же миг осознал пагубные последствия мятежа, вследствие которого он лишился единственного пути, связывающего экспедиционную армию с Адзути. Ему показалось, будто вражеские руки сходятся у него на горле.

– А Ранмару вернулся?

– Еще нет, мой господин.

Нобунага вновь погрузился в невеселые размышления. Клан Хатано, клан Бэссё и Араки Мурасигэ внезапно сбросили с себя маски и предстали союзниками враждебных сил – кланов Мори и Хонгандзи. Князь понял, что его окружают, потому что на востоке в последнее время сблизилась кланы Ходзё и Такэда.

Ранмару мчался, нахлестывая коня, по всей Оцу и в конце концов настиг Хидэёси неподалеку от храма Мии, где тот остановился передохнуть и задержался, услышав весть о восстании, поднятом Араки Мурасигэ. Князь послал Хорио Москэ с небольшим эскортом удостовериться, насколько правдива эта новость, и выяснить все подробности.

– Князь Нобунага послал меня вдогонку за вами, – спешившись сказал Ранмару. – Он велит вам возвратиться в Адзути как можно скорее.

Оставив своих людей у храма Мии, Хидэёси в сопровождении одного лишь Ранмару поскакал в Адзути, размышляя о том, почему князь приказал ему ехать обратно. Скорее всего, Нобунага взбешен известием о мятеже Мурасигэ, который стал служить князю клана Ода с тех пор, как тот осадил дворец Нидзё и изгнал оттуда сёгуна. Нобунага всегда благосклонно относился к людям, сумевшим оказать ему хотя бы малейшую услугу, а заслуги Мурасигэ он

ценил особенно высоко, да и вообще выделял военачальника. И надо же так случиться, что именно один из княжеских любимцев Мурасигэ предал своего господина!

Впрочем, Хидэёси корил самого себя ничуть не меньше, чем изменника Мурасигэ. Тот был вторым по должности в войске, которым командовал Хидэёси, и отношения между ними сложились достаточно близкие, но он даже не догадывался о том, что его ближайший соратник способен на предательство.

– Ранмару, ты уже слышал новости? – спросил Хидэёси княжеского оруженосца.

– Вы имеете в виду предательство князя Мурасигэ?

– Да, я говорю об этом. Что побудило его восстать против князя Нобунаги? Чего ему не хватало?

Путь им предстоял длинный, и, чтобы не загнать лошадей, Хидэёси перешел на рысь. Он обернулся к Ранмару, ехавшему в нескольких шагах позади него, и вопросительно посмотрел на юношу, ожидая ответа.

– Кое-какие слухи ходили и раньше, – сказал Ранмару. – Поговаривали, будто один из вассалов князя Мурасигэ продавал армейский рис монахам-воинам из Хонгандзи. В Осаке вечно не хватает риса. А теперь, когда дорога по суше во многих местах перекрыта, да и морские пути заблокированы нашим флотом, цена на рис резко подскочила, и продавец может в два счета разбогатеть. Так вот, недавно делишки вассала князя якобы выплыли наружу, и Мурасигэ, зная, что князь Нобунага с него сурово спросит, решил упредить удар и поднял знамя восстания.

– Сдается мне, – возмущенно воскликнул Хидэёси, – что все это наверняка ложь, злонамеренные измышления, нарочно распускаемые врагами!

– Мне тоже кажется, что это ложь. Насколько я могу судить, люди просто завидуют славе князя Мурасигэ. И я почти уверен: слух распущен нарочно, причем в интересах вполне определенной особы.

– И что же это за особа?

– Князь Мицухидэ. Как только пошли эти слухи, он ни единым добрым словечком не обмолвился о Мурасигэ, особенно в присутствии князя Нобунаги. Я ведь всегда нахожусь неподалеку от его светлости и прислушиваюсь ко всему, о чем толкуют. Смею вас уверить, вся эта история мне просто отвратительна. – Ранмару внезапно замолчал, сообразив, что и так уже сказал слишком много лишнего, и теперь сожалел об этом.

Но Хидэёси, казалось, вовсе и не прислушивается к его словам. Во всяком случае, внешне он оставался совершенно невозмутим.

– Я уже вижу Адзути. Давай-ка поторопимся! – воскликнул он, хлестнул коня и помчался вперед, больше не обращая внимания на своего спутника.

У главных ворот в крепость царило непривычное оживление. Княжеские вассалы, их оруженосцы, гонцы из окрестных мест и из соседних провинций – все, прослышав о восстании Мурасигэ, поспешили сюда. Хидэёси и Ранмару, с трудом миновав толпу, оказались во внутренней цитадели – и тут услышали о том, что проходит военный совет с участием Нобунаги. Ранмару проскользнул в зал совета, пошептался с князем и, возвратившись, доложил Хидэёси:

– Князь велит вам ждать его в Бамбуковом зале.

Молодой человек провел Хидэёси в трехэтажную башню, потому что Бамбуковый зал представлял собой часть жилых покоев самого Нобунаги. Хидэёси уселся у окна и стал глядеть на озеро. Вскоре появился Нобунага и без лишних церемоний сел рядом со своим вассалом, которому явно был рад. Хидэёси, вежливо поклонившись, не произнес ни слова. Некоторое время они сидели молча. Ни тому, ни другому не хотелось тратить слов попусту.

– Ну и что же ты, Хидэёси, обо всем этом думаешь? – наконец прервал молчание князь.

Судя по его словам, множество противоречивых мнений, высказанных на совете, еще не сложились в окончательное решение.

– Араки Мурасигэ, по-моему, на редкость честный и преданный человек. Его, пожалуй, можно назвать простаком, правда, я с трудом представляю себе, что он мог оказаться настолько прост.

– Нет. – Нобунага резко покачал головой. – Мне кажется, дело тут не в его простоте. Он отъявленный негодяй. Ему показалось мало того, что он получал от меня, и он решил вступить в союз с Мори, надеясь получить от них больше. Это поступок ограниченного человека, заигравшегося в прятки с самим собой.

– Нет, мой господин, все-таки Мурасигэ простака. Он был вами так обласкан, что большего и желать невозможно.

– Человек, собирающийся поднять восстание, непременно восстанет, какими милостями его ни осып.

Нобунага сейчас не вполне владел своими чувствами. Впервые Хидэёси довелось услышать, как князь называет человека негодяем. Похоже, он не знал, как поступить. Впрочем, спроси у самого Хидэёси, что теперь делать, он тоже не дал бы ответа. Нанести немедленный удар по крепости Итами?.. Попробовать образумить Мурасигэ, чтобы он добровольно отказался от мыслей о восстании?.. Ни один ответ не казался заведомо предпочтительным. Одиночную крепость Итами взять, конечно, нетрудно. Но ведь вторжение в западные провинции уже началось. Стоит сейчас отвлечь армию на второстепенную военную операцию – и, по всей вероятности, им придется пересматривать все дальнейшие планы.

– Почему бы мне не поехать к Мурасигэ и не поговорить с ним? – неуверенно предложил Хидэёси.

– Выходит, ты считаешь, что нам пока лучше не прибегать к силе?

– Да, я думаю не следует делать этого без крайней необходимости.

– Мицухидэ и еще несколько членов совета тоже предлагают не прибегать к силе. Теперь вот и ты к ним присоединился. Однако мне кажется, послом к Мурасигэ лучше отправиться не тебе.

– Но почему, мой господин? В конце концов, я частично несу ответственность за происшедшее, ведь Мурасигэ был моим подчиненным, даже более того: заместителем. И если он совершил такую глупость, то кому же...

– Нет! – Нобунага решительно потрянул головой. – Нельзя посылать к нему человека, с которым он состоит в приятельских отношениях. Я пошлю Мацуи, Мицухидэ и Маами, да и то всего лишь затем, чтобы подтвердить или опровергнуть слухи.

– Что ж, это верно, – покорно согласился Хидэёси, однако он чувствовал необходимость перевести разговор в несколько иное русло, причем, как ему подумалось, в интересах и Нобунаги, и Мурасигэ, поэтому он добавил: – Пословица гласит, что ложь в устах буддийского монаха – мудрость, а восстание в самурайском клане – политика. Вам не следует ввязываться в боевые действия, потому что тем самым вы сыграете на руку клану Мори.

– Неужели ты думаешь, что я этого не понимаю?

– Мне хотелось бы дождаться здесь результатов миссии, но меня тревожит положение дел в Хариме. Поэтому я, с вашего разрешения, вскоре уеду.

– Вот как? – Нобунага явно не хотелось расставаться с Хидэёси. – Но ты едва ли теперь сможешь проехать через Хёго.

– Не беспокойтесь, мой господин, я отправлюсь морем.

– Будь по-твоему. Чем бы дело ни кончилось, я немедленно дам тебе знать об этом. И ты постоянно сообщай мне обо всем, что у тебя происходит.

Хидэёси простился с князем. Несмотря на сильную усталость, он в тот же день выехал из Адзути, пересек озеро Бива, переночевал в храме Мии, а утром отправился в Киото. Послав вперед двух оруженосцев с наказом держать наготове корабль в Сакаи, сам он с несколькими вассалами поехал в храм Нандзэн. Хидэёси очень хотелось повидаться с Такэнакой Хамбэем, предававшимся в уединении размышлениям и медитации.

Монахи, разумеется, переполошились, увидев столь высокопоставленного гостя, но Хидэёси, отведа одного из них в сторонку, попросил на этот раз обойтись без подобающих его положению церемоний.

– У моих людей вдоволь съестных припасов, так что все, о чем мы вас попросим, это кипяток, чтобы заварить чай. И поскольку я заехал сюда лишь для того, чтобы навестить Такэнаку Хамбэя, то сразу к нему и отправлюсь. Но после беседы с ним я бы с удовольствием подкрепился.

Покончив с распоряжениями, Хидэёси спросил:

– А как Хамбэй себя чувствует? Надеюсь, лучше?

– Если и лучше, то совсем немного, мой господин, – уныло ответил монах.

– А снадобья свои он принимает?

– И утром, и вечером.

– И лекарь его регулярно осматривает?

– Да, к нему приезжает лекарь из Киото, и князь Нобунага постоянно присылает сюда своего личного врача.

– Он выходит из своих покоев?

– Уже дня три не выходил.

– А где он сейчас?

– Вы найдете его в уединенном домике в саду.

Едва Хидэёси вышел в сад, как к нему подбежал один из слуг Хамбэя:

– Мой господин только что переоделся и готов к встрече с вами.

– Ему не следовало бы вставать, – ответил Хидэёси и быстро пошел к уединенному домику.

Услышав о приезде Хидэёси, Хамбэй распорядился убрать постель и навести порядок в комнате, а сам тем временем переоделся. Затем, пройдя по деревянному настилу к ручью, текущему в саду около бамбуковых ворот, вымыл лицо и руки. И как раз в это мгновение кто-то похлопал его по плечу.

Хамбэй обернулся.

– Ах, я и не знал, что вы здесь, – произнес он, опускаясь на колени. – Прошу пожаловать сюда, в домик.

Для того чтобы войти, надо было наклонить голову. Хидэёси непринужденно опустился на циновку. В комнате отсутствовали какие-либо украшения, кроме гравюры на стене. Яркий наряд и доспехи Хидэёси, вполне уместные среди буйного великолепия красок, царившего в Адзути, здесь, в приюте отшельника, казались непозволительно роскошными.

Хамбэй прошел на веранду, поставил одну-единственную белую хризантему в вазу, сделанную из колена молодого бамбука, вернувшись в комнату, поместил вазу в альков и сел рядом со своим гостем.

Хидэёси догадался: хотя постель и была убрана, Хамбэй опасался, что запах лекарств и гнетущая атмосфера больничного помещения покажутся гостю неприятными, а потому и решил освежить воздух ароматом цветка.

– Здесь просто замечательно, и вам незачем утруждать себя. – Хидэёси с тревогой посмотрел на своего друга. – Хамбэй, а вам не вредно вставать с постели?

Хамбэй чуточку отодвинулся от него и опять низко поклонился. Но эти знаки почитания не

могли скрыть его радости от неожиданного появления Хидэёси.

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Последние несколько дней стояли холода, поэтому мне не хотелось никуда выходить. Но сегодня немного потеплело, и я так или иначе собирался отправиться на прогулку.

– Скоро в Киото придет зима, и, как утверждают, в это время года здесь холодно, особенно по утрам и по ночам. Не перебраться ли вам в более теплые края?

– Нет-нет. С каждым днем я чувствую себя все лучше и до наступления зимы надеюсь окончательно поправиться.

– Если вам действительно стало лучше, то тем более имеет смысл отдохнуть как следует. Ваше здоровье, учтите, заботит не только вас, да и не вам одному принадлежит. Вы нужны стране.

– О, вы мне льстите.

Хамбэй отпустил голову и потупил взор. Руки его соскользнули с колен и вместе с каплями слез коснулись пола, когда он почтительно поклонился Хидэёси. Какое-то время гость и хозяин молчали.

«Как же он похудел, – с грустью думал Хидэёси. – Запястья стали тонкими, как палочки для еды, щеки ввалились. Неужели Хамбэй и впрямь неизлечимо болен?» От таких размышлений у Хидэёси защемило в груди. Разве не он сам увлекал этого больного человека следом за собой в водоворот бесчисленных сражений? Сколько раз ему, несчастному, довелось мокнуть под дождем и стыть под ветром? И в мирные времена не кто иной как Хидэёси перегружал его заботами о внутренних и внешних делах провинции, не давая ни единого дня отдыха. Почитая Хамбэя как своего учителя поручения он ему давал как вассалу.

Хидэёси понимал, что пусть и отчасти, но все же способствовал усугублению болезни Хамбэя, и его захлестнуло острое ощущение вины. В конце концов, с сочувствием глядя на своего друга, он заплакал и сам. Прямо перед ним, расточая аромат и впитывая воду из вазы, стояла белая хризантема.

Хамбэй клял себя за то, что расстроил Хидэёси. Непростительный поступок вассала и постыдное малодушие воина – заставляя своего господина, на котором лежит тяжкое бремя ответственности, проливать слезы.

– Я подумал, что вы, должно быть, очень устали после всех этих сражений, а потому и срезал для вас хризантему, – сказал Хамбэй.

Хидэёси немного помолчал, не отводя глаз от цветка в вазе, а затем произнес:

– Какой чудесный аромат. На горе Хирай тоже растут хризантемы, но я никогда не обращал внимания на то, как они красивы и как замечательно пахнут. Должно быть, множество цветов втоптали мы в землю окровавленными сандалиями. – Хидэёси принудил себя рассмеяться, чтобы разогнать печаль и подбодрить Хамбэя.

Князь и его вассал были одинаково предупредительны по отношению друг к другу.

– Находясь здесь, я, как никогда, явственно ощущаю, до чего трудно заставить душу и тело действовать согласованно, как единое целое. Сражения отнимают у меня все время, и я чувствую, как день ото дня грубею. А здесь мне так спокойно и хорошо, я испытываю необычайное умиротворение.

– Что ж, людям необходим и отдых, и покой. Но только время от времени, ибо иначе жизнь покажется пустой. У вас же, мой господин, нет ни единой минуты покоя – одна напасть сменяет другую, поэтому часок-другой тихой беседы кажется вам лучшим лекарством. Что же касается меня...

Хамбэй, похоже, собирался еще раз попенять на собственную немощь и извиниться, но Хидэёси поспешил увести разговор от тягостной темы:

– Кстати говоря, вы уже слышали о том, что Араки Мурасигэ вздумал поднять восстание?

– Да, прошлым вечером мне рассказали об этом во всех подробностях.

Слова Хамбэя прозвучали столь безэмоционально, будто речь шла о совершеннейшем пустяке.

– Мне хотелось бы немного потолковать об этом с вами, – признался Хидэёси, подсаживаясь поближе к собеседнику. – Князь Нобунага более или менее твердо решил прислушаться к доводам Мурасигэ, если, конечно, таковые у него имеются, и попытаться восстановить с мятежником прежние отношения. Но я не уверен, что поступать так и в самом деле разумно, да и кто знает: а вдруг Мурасигэ восстал всерьез? Что нам в этом случае предпринять? Мне хотелось бы услышать ваше мнение, причем без малейшей утайки.

Хидэёси ожидал от Хамбэя какого-нибудь хитроумного плана, способного в корне изменить положение дел. Но тот ответил кратко:

– Мне кажется, что князь Нобунага предложил самый разумный подход к решению проблемы.

– По-вашему, посланцы из Адзути сумеют умиротворить Мурасигэ и восстановить порядок в крепости Итами без каких бы то ни было насильственных действий?

– Нет, конечно же нет, – покачал головой Хамбэй. – Мне кажется, что теперь, когда над крепостью Итами поднято знамя восстания, приверженцы Мурасигэ вряд ли с легкостью спустят его с башни и вновь подчинятся власти Адзути.

– Тогда стоит ли попусту тратить время, направляя посольство в Итами?

– Переговоры в любом случае не лишены смысла. Проявив человечность и указав приверженцу на его ошибку, князь Нобунага предстанет в выгодном свете в глазах всего мира. А Мурасигэ такой поворот событий наверняка повергнет в смятение, если не в панику, и стрела, выпущенная несправедливо, – заметьте, не во врага, а в господина, – утратит силу еще в полете.

– И все-таки, если схватки не избежать, как, на ваш взгляд, нам уместнее напасть на мятежника? И какое развитие событий в западных провинциях вы предвидите?

– Мне кажется, ни Мори, ни Хонгандзи не поторопятся сейчас ввязаться в драку. Мурасигэ уже восстал, деваться ему теперь некуда, и они предпочтут пока понаблюдать за кровавой схваткой со стороны. И только увидев, что наше войско в Хариме или в Адзути утратило боевой дух, нахлынут со всех сторон.

– Да, они наверняка постараются извлечь для себя выгоду из сотворенной Мурасигэ глупости. Не знаю, на что ему вздумалось обидеться или на какой крючок он попался, но Мори и Хонгандзи, конечно, используют его как щит, под прикрытием которого предпримут собственные действия. А когда надобность в щите отпадет, его можно будет просто-напросто отшвырнуть. По части воинских доблестей Мурасигэ нет равных, но в остальном он человек недалекий. Если у нас появится какая-нибудь возможность оставить его в живых, я ею с радостью воспользуюсь.

– Вы правы, такого человека лучше уберечь от смерти и вновь превратить в союзника.

– Но допустим, миссия из Адзути окажется безуспешной. Кто, на ваш взгляд, может повлиять на Мурасигэ?

– Попробуйте для начала послать Камбэя.

– А что, если этот упрямец откажется встретиться с Камбэем?

– Тогда клан Ода обратится к нему в последний раз.

– И чьими же устами?

– Вашими, мой господин.

– Моими? – Хидэёси на мгновение задумался. – Что ж, вполне возможно. Но тогда уже все равно будет слишком поздно.

– Попробуйте напомнить ему о долге и смягчите его сердце своей дружбой. Если он пренебрежет и этим жестом доброй воли, вам не останется ничего другого, как обрушиться на него и силой погасить пламя восстания. Однако и в этом случае не стоит брать крепость Итами с ходу, потому что Мурасигэ уповает не столько на неприступность этой крепости, сколько на поддержку своих ближайших сторонников.

– Вы имеете в виду Накагаву Сэбэя и Такаямю Укона?

– Да, эти двое – правая и левая рука Мурасигэ, без них он превратится в безрукого. Причем учтите, перетянув на нашу сторону хотя бы одного из них, вы без особого труда завербуете и другого.

Хамбэй сейчас, казалось, забыл о слабости и, приводя свои доводы, чуть ли не разругался от возбуждения.

– Но каким образом мне найти общий язык с Уконом?

Хамбэй, не раздумывая, ответил:

– Такаяма Укон яростный приверженец так называемого христианства. Предоставьте ему возможность проповедовать свою веру людям, и он, вне всякого сомнения, расстанется с Мурасигэ.

– Вот оно как! – воскликнул Хидэёси.

Он был очень благодарен другу за бесценные советы, но почувствовал, что расспросы пора прекращать. Хамбэй, судя по всему, уже устал. Хидэёси встал, собираясь распрощаться.

– Погодите-ка минутку, – сказал Хамбэй и вышел из комнаты на кухню.

Хидэёси только сейчас вспомнил о том, что голоден. Но прежде чем он решил, вернувшись в гостевые покои храма, попросить для себя миску риса, мальчик, прислуживающий Хамбэю, внес в комнату два подноса, на одном из которых стоял кувшинчик сакэ.

– А где же Хамбэй? Уж не почувствовал ли он усталость после долгой беседы?

– Нет, мой господин. Он собственноручно приготовил для вас эти овощи. А сейчас варит рис. И как только все будет готово, сразу же к вам вернется.

– Что такое? Хамбэй для меня стряпает?

– Да, мой господин.

Хидэёси принялся за еду – и слезы вновь навернулись ему на глаза. Вкус овощей жил сейчас, казалось, не только во рту, но растекался по всему телу. И ему подумалось, что вкус этот слишком хорош и изыскан для такого человека, как он. Хотя Хамбэй был вассалом Хидэёси, но именно он открыл ему все тайны древней китайской военной науки. Из каждой беседы с этим мудрым человеком Хидэёси извлекал все новые и новые уроки: о том, как управлять страной в мирное время, о необходимости самодисциплины и о многом-многом другом.

– Не следовало ему делать этого, – произнес Хидэёси.

Отставив миску, он встал и, повергнув в изумление мальчика, прошел на кухню, где Хамбэй варил рис.

– Хамбэй, это уж чересчур. Не лучше ли нам посидеть вместе и еще немного побеседовать?

Он провел Хамбэя в комнату и налил ему сакэ, но тот едва пригубил чашечку. Потом они вдвоем принялись за еду. Князю и его соратнику уже давно не доводилось вместе обедать.

– Извините, но мне пора, – со вздохом сожаления сказал через некоторое время князь. – Вы вернули мне боевой дух, Хамбэй, теперь я готов к бою. А вас очень прошу, следите, пожалуйста, за своим здоровьем.

Когда Хидэёси выехал из храма Нандзэн, день уже клонился к вечеру и небо над столицей было кроваво-красным.

В окрестностях военного лагеря на горе Хираи стояла удивительная тишина. Попади сюда

случайный человек, он ни за что не заметил бы, что оказался в зоне боевых действий. В недвижимом воздухе было слышно даже шуршание богомоллов в жухлой траве. В западных провинциях чувствовала себя полновластной хозяйкой осень. В последние два-три дня клены на горных вершинах оделись багрянцем, и Хидэёси наслаждался этим изумительным зрелищем.

Хидэёси уединился с Камбэем под сосной на холме – в том же самом месте, откуда они не так давно любовались луной. Наскоро обсудив неотложные дела, собеседники перешли к наиболее волновавшей их теме.

– Итак, вы готовы отправиться к Мурасигэ? – спросил главнокомандующий.

– Я счастлив взять на себя эту миссию. А окажется ли она успешной, знает только Небо, – задумчиво произнес его верный соратник.

– Я очень на вас рассчитываю, Камбэй.

– Сделаю все, что смогу. Так или иначе, моя поездка – это последний шанс уладить спор миром. Если она не увенчается успехом, страшно подумать, что вслед за этим произойдет.

– Не что иное как кровопролитие.

Мужчины, окончив разговор, поднялись. С запада слышались резкие птичьи крики. Повсюду адела осенняя листва. В молчании они спустились с холма и направились к лагерю. Горечь неизбежной разлуки переполняла сердца друзей. В этот мирный осенний день они, казалось, чувствовали ледяное дыхание призрака смерти у себя за спиной.

Шагая по узкой петляющей тропе, Хидэёси внезапно остановился и оглянулся. Мысль о том, что они с другом, возможно, расстанутся навсегда, бередила ему душу, и он решил, что тому, наверное, захочется что-нибудь еще сказать на прощанье.

– Камбэй! Вас что-нибудь еще беспокоит? – участливо поинтересовался он.

– Спасибо, ничего, – прозвучало в ответ.

– А нет ли известий из крепости Химэдзи?

– Пока никаких.

– Вы написали отцу?

– Нет. Сами объясните ему при случае смысл моей миссии.

– Хорошо, я это сделаю, – пообещал Хидэёси.

Туман рассеялся, и вражеская крепость Мики отчетливо предстала взору Хидэёси. Дорогу в крепость перекрыли еще летом, поэтому сейчас ее защитники изнемогали от голода и жажды, однако гарнизон – самые доблестные военачальники и воины Харимы – по-прежнему держался стойко, не теряя присутствия духа.

Оказавшийся в осаде враг то и дело устраивал вылазки из крепости, но Хидэёси строго-настрого запретил своим воинам ввязываться в стычки и в особенности, подчиняясь минутному порыву, преследовать отступающего неприятеля. Так же главнокомандующий принял особые меры предусмотрительности, чтобы в крепость не просочились известия об изменении общего положения дел в ходе войны. Ее защитники ни в коем случае не должны были узнать о том, что Араки Мурасигэ поднял мятеж, причем не просто расстроивший ближайшие планы Адзуты, но и поставивший под угрозу успех всей западной кампании. И свидетельств тому было немало. Например, Одэра Масамото, князь, владеющий крепостью Готяку, едва прослышав о восстании Мурасигэ, недвусмысленно заявил, что разрывает союз с Нобунагой, и даже рискнул однажды вечером наведаться в лагерь мятежного военачальника.

– Западные провинции нельзя без боя отдавать в руки захватчика, – заявил князь Одэра. – Нам всем нужно воссоединиться с кланом Мори, создать сводную армию и вышвырнуть чужаков из нашего края.

Араки Мурасигэ, надо отдать ему должное, был отчаянным смельчаком, но слыл и не

меньшим бахвалом. Достигнув сорокалетия, возраста, который Конфуций называл «свободным от заблуждений юности», то есть периода расцвета зрелости ума и душевной широты, Мурасигэ сохранил бесшабашный азарт молодости. Годы не наградили его ни острым умом, ни даром предвидения, столь необходимыми каждому правителю. Став князем и владельцем крепости, он, как и раньше, был не более чем свирепым воинственным самураем.

Назначив этого человека заместителем Хидэёси, Нобунага уповал лишь на то, что недюжинный ум главнокомандующего компенсирует глупость заместителя, который вполне удовольствуется почетным положением и не станет вмешиваться в дела. Но Мурасигэ оказался на редкость деятелен. Он без устали строил планы и давал советы.

Вскоре Мурасигэ невзлюбил Хидэёси, упорно игнорирующего его предложения, но до поры до времени умело скрывал свою неприязнь. И только время от времени в кругу близких соратников давал волю чувствам, позволяя себе даже насмехаться над Хидэёси. Есть люди, говорил Мурасигэ, которым плюнь в глаза, а им все будет божья роса, так вот Хидэёси один из них.

В начале штурма крепости Кодзуки Мурасигэ находился в первых рядах. Но когда бой принял серьезный оборот и Хидэёси отдал ему приказ наступать, Мурасигэ уселся, сложив руки на груди, и не пожелал сдвинуться с места.

– Почему вы не приняли участия в сражении? – с недоумением спросил его негодующий Хидэёси.

– А я никогда не участвую в битвах, исход которых мне безразличен, – не моргнув глазом заявил Мурасигэ.

Поскольку Хидэёси добродушно рассмеялся в ответ, Мурасигэ тоже выдал из себя улыбку. Делу не дали хода, но среди тех, кто знал о выходе военачальника, о нем пошла дурная слава. В ставке многие презирали Мурасигэ и с великим трудом выносили его общество. Тот в свою очередь терпеть не мог военачальников вроде Акэти Мицухидэ или Хосокавы Фудзитаки, людей высоко образованных и не желавших скрывать этого. Мурасигэ за глаза называл их «бабами», высмеивая пристрастие военачальников к поэзии и любовь к чайным церемониям, которые военачальники устраивали даже в военных походах.

Было, правда, единственное, за что Мурасигэ испытывал некоторую благодарность к Хидэёси: главнокомандующий не доложил о проступке своего заместителя ни Нобунаге, ни Нобутаде. Однако одновременно неблагодарный Мурасигэ презирал Хидэёси за мягкосердечие и по этой самой причине относился к нему не без опаски. Ключи к сердцу строптивого военачальника сумели подобрать только те, кому он непосредственно противостоял в ходе боевых действий, то есть Мори, сообразившие, что Мурасигэ, вечно недовольного своим положением в стане Нобунаги, не составит труда склонить на свою сторону.

Тайные посланцы кланов Мори и Хонгандзи зачастили в лагерь Мурасигэ и преспокойно проникали даже в его крепость Итами, пользуясь благосклонным отношением военачальника, тем самым дававшего понять врагу, что на него можно рассчитывать. Нынешние его действия выглядели и вовсе бессловесным предложением вечной дружбы.

Человек ограниченный и недальновидный, возомнив себя умником, играет с огнем. Соратники Мурасигэ не раз пытались убедить самовлюбленного упряма, что замысел его восстать против клана Ода безнадежен и крайне опасен, да где там...

– Не говорите глупостей! – резко обрывал их бесцеремонный Мурасигэ. – Зря, что ли, Мори прислали мне письменное заверение в поддержке?

Наивно уповая на священную силу документа о союзничестве, взбалмошный военачальник не замедлил продемонстрировать свою решимость и поднял мятеж. Но велика ли истинная цена письменного заверения клана Мори – вчерашних его заклятых врагов – в смутные времена,

когда даже испытанные вассалы с такой же легкостью отбрасывали прочь верность своему господину, как пару изношенных сандалий? Мурасигэ не дал себе труда над этим задуматься – да, кстати, умение здраво мыслить никогда и не было присуще этому человеку.

– Мурасигэ простак! Он честный человек, но простак. Сердиться на него бессмысленно, – сказал Хидэёси Нобунаге, успокаивая князя, и эти слова прозвучали и разумно, и уместно.

Но Нобунагу подобные соображения отнюдь не утешили.

– От его поведения слишком многое зависит, – посетовал князь.

Он имел в виду не столько могущество Мурасигэ, сколько то, как повлияет его восстание на других вассалов и союзников клана Ода. Поэтому Нобунага, смилив гордыню, согласился направить Акэти Мицухидэ с мирной миссией в Итами, лишь бы уладить дела с Мурасигэ.

Однако такое странное с точки зрения Мурасигэ поведение могущественного Нобунаги только усилило подозрения мятежного военачальника, и он с новым рвением принялся готовиться к войне, заявив:

– Я уже выказал враждебность к Нобунаге. Льстивые слова и посулы из Адзути – это ловушка. Стоит мне клюнуть на них, как меня тут же обезглавят, ну, в лучшем случае бросят в темницу.

Нобунага, придя в ярость, решил подавить мятеж силой оружия, и в девятый день одиннадцатого месяца лично повел войско в поход. Армия Адзути была разделена на три войска. Первое, составленное из отрядов Такигавы Кадзумасу, Акэти Мицухидэ и Нивы Нагахидэ, окружило крепость Ибараги; второе, под командованием военачальников Фуву, Маэды, Сассы и Канамори, осадило крепость Такацуки.

Ставку свою Нобунага разместил на горе Аmano, и пока собранная им армия разворачивалась, он по-прежнему не оставлял надежды на мирный исход событий. И поддерживало эту надежду только что доставленное из Харимы письмо Хидэёси.

Тот высказывал твердое убеждение, что людьми, обладающими столь замечательными воинскими способностями, как князь Мурасигэ, не следует жертвовать без особой нужды, и заклинал Нобунагу подождать еще немного, ибо у него появилась полезная идея.

На следующий день верный помощник Хидэёси Камбэй прибыл в крепость Готяку и встретился там с Одэрой Масамото.

– Распространился слух, будто вы поддержали восстание, поднятое князем Мурасигэ, и прервали всякие отношения с кланом Ода. Так ли это, мой господин? – Камбэй говорил без обиняков, пытаясь вызвать собеседника на откровенность.

Легкая улыбка покривила губы Масамото. По возрасту Камбэй годился ему в сыновья, да и по статусу он был всего лишь сыном одного из вассалов самого Масамото. Поэтому князь ответил прямо и резко:

– Камбэй, ты, кажется, человек серьезный. Задумайся-ка на минуту! Заключив союз с Нобунагой, много ли милостей мы от него дождались? Да ни единой!

– Нельзя же руководствоваться исключительно выгодой.

– А что же тогда прикажешь брать в расчет?

– По мне, главное – честь и преданность. Вы, предводитель прославленного клана, заключили союз с Одой. Стоит вам теперь пойти на попятную и поддержать этого мятежника – и ваше имя будет навсегда запятнано предательством.

Масамото воспринимал Камбэя как незадачливого хлопотуна, и чем с большим рвением ораторствовал сын его собственного вассала, тем холоднее держался с ним князь.

– Не понимаю, о какой преданности ты твердишь. Вам с твоим отцом кажется, что будущее нашей страны в руках у Нобунаги. Да, когда он захватил столицу, союз с ним и впрямь можно было считать уместным. Тогда ваши аргументы и мне показались обоснованными, я поддался на

ваши уговоры. Но ситуация изменилась, и отныне положение Нобунаги стало весьма шатким. Так почему я должен соблюдать ему верность? Возьмем вот такой пример. Когда ты с берега глядишь на плывущий по морю огромный корабль, он кажется тебе незыблемой твердыней и ты уверен, что, поднявшись на его борт, будешь в полной безопасности, как бы ни бушевали волны вокруг. Но вот ты и впрямь ступил на палубу. Отныне твоя судьба неразрывна с благополучием этого корабля, и ты вдруг явственно осознаешь, что места себе не находишь от волнения и страха. Каждый раз, когда накатывает большая волна, ты сжимаешься от ужаса: вдруг корабль пойдет ко дну и ты – вместе с ним. Такова уж человеческая природа, ничего не поделаешь!

Камбэй в сердцах хлопнул себя по колену:

– Но если уже взошел на борт, деваться-то все равно некуда! Не прыгать же с палубы в бурные воды!

– А почему бы и нет? Если ты осознал, что кораблю суждено пойти ко дну, то остается только, зажмурив глаза, броситься в волны и попробовать добраться до берега вплавь. Иначе или утонешь вместе с кораблем, или тебя убьет каким-нибудь его обломком во время крушения.

– Мой господин, давайте разоведем вашу мысль. Допустим, буря стихнет, и корабль, которому, казалось, грозила неминуемая гибель, поднимет паруса и устремится в гавань, тогда в дураках окажется именно тот, кто дрогнул в бурю, не поверил в надежность корабля, на борт которого добровольно взошел, кто в страхе бросился в морскую пучину. Даже если этот человек и выплывет, ему суждено стать всеобщим посмешищем.

– Где уж мне тягаться с тобой в красноречии, – рассмеялся Масамото. – Только слова твои пусты. Сперва ты убеждал меня в том, что Нобунага, отправившись в поход на запад, сметет все препятствия на своем пути. Но скажи-ка мне, сколько воинов он послал с Хидэёси? Тысяч пять-шесть, не больше. Ты можешь возразить, что при необходимости Нобунага не раз приходил ему на подмогу, но сейчас в столице неспокойно, и вряд ли армия пробудет здесь долго. Так что же получается? Хидэёси просто-напросто использовал мое войско как собственный передовой отряд, взял у меня воинов, лошадей и продовольствие. И чего в результате я добился? Да только того, что наш край стал барьером между кланом Ода и его врагами. А о том, какое незавидное будущее ждет клан Ода, можно судить хотя бы по тому, что даже Араки Мурасигэ, которому Нобунага дал высокую должность, вступил в союз с кланом Мори и тем самым с ног на голову перевернул положение, складывающееся в столице! Надеюсь, теперь ты понимаешь, каковы причины моего разрыва с кланом Ода.

– Ваши соображения заведомо ложны. Как бы вам не пришлось в них раскаяться!

– Мальчишка! Ты еще плохо разбираешься в таких делах.

– Мой господин, я прошу вас, одумайтесь!

– Мне нечего думать! Я уже объявил своим вассалам, что поддерживаю Мурасигэ и вступаю в союз с кланом Мори.

– И все-таки еще раз обдумайте все хорошенько.

– Не трать попусту силы, уговаривая меня. Лучше переговоры с Араки Мурасигэ. Если он передумает, то и я тоже изменю свое решение.

Камбэй почувствовал, что его отчитали, как ребенка. Зная, что уважаем в западных провинциях за ученость и передовые взгляды, он был не в силах противостоять в серьезном споре такому мудрецу, как Одэра Масамото, независимо от того, на чьей стороне сейчас была истина.

– Я все сказал, – поставил точку в споре Масамото. – Отправляйся в Итами, а потом возвращайся сюда и доложи мне, какой оборот примет дело. Прежде чем дать тебе окончательный ответ, мне необходимо знать соображения князя Мурасигэ.

Масамото написал Мурасигэ короткое послание, и Камбэй, спрятав записку в складках

кимоно, поспешил в Итами. Время поджимало, а от него сейчас зависело слишком многое. Подъезжая к Итами, он увидел, что воины Мурасигэ роют траншеи и ставят заграждения. Заметив чужака, они тотчас его окружили. Сделав вид, будто не обращает ни малейшего внимания на частокол нацеленных на него копий, Камбэй напористо произнес:

– Я Курода Камбэй из крепости Химэдзи. Я не союзник ни князю Нобунаге, ни князю Мурасигэ. Прибыл сюда без спутников и должен срочно поговорить с вашим господином.

Воины расступились, давая ему дорогу.

Камбэй миновал несколько надежно укрепленных ворот, попал, наконец, в крепость и сразу же был допущен к Мурасигэ. Судя по первому впечатлению, тот оказался настроен вовсе не так решительно, как можно было ожидать. Камбэй, заметив, что Мурасигэ явно недостает боевого духа и уверенности в себе, поневоле удивился, как этот человек решил выступить против могущественного Нобунаги.

– О, Камбэй, давненько мы не виделись! – довольно дружелюбно воскликнул князь.

Камбэй невольно подумал, что подобный прием, оказанный свирепым воином, означает, что воин этот не слишком-то уверен в собственных силах.

Камбэй, улыбаясь Мурасигэ, завел непринужденный разговор на отвлеченные темы. Его собеседник, человек прямодушный, не мог скрыть удивления и чувствовал себя довольно неловко. Лицо его постепенно наливалось кровью.

– Чего ради вы сюда приехали? – наконец нетерпеливо спросил он.

– До меня дошли кое-какие слухи.

– О том, что я собираю войско?

– Хорошенькую же, признаться, заваруху вы затеяли!

– И что говорят люди?

– Да так, разное.

– Понятно, что разное. Но пусть-ка лучше дождутся конца заварухи, прежде чем судить кто прав, кто виноват. Да и вообще: пока не умрешь, правды о тебе не скажут.

– А, так вы подумали и о том, что случится после вашей смерти?

– Ясное дело, подумал.

– Что ж, тогда вы наверняка понимаете, что последствия принятого вами решения непоправимы.

– С какой это стати?

– Дурная слава, которая пойдет о вас из-за того, что вы восстали против князя, оказавшего вам столько милостей, будет жить на протяжении многих поколений.

Мурасигэ промолчал. Жилки у него на висках отчаянно бились, не оставляя сомнений в том, что его переполняют чувства, но он не находил подходящих слов, чтобы достойно ответить на прозвучавший вызов.

– Вас ждет сакэ, – доложил вошедший слуга.

Мурасигэ явно с облегчением поднялся с места:

– Давайте-ка пойдем выпьем, Камбэй! Мы давненько не виделись, так ведь? А все остальное – побоку!

Мурасигэ показал себя радушным хозяином. Стол был накрыт в одном из залов главной цитадели. За выпивкой оба воина намеренно избегали говорить на серьезные темы, и Мурасигэ порядком расслабился. Тут-то Камбэй и вернулся к тому, из-за чего приехал:

– Послушайте, Мурасигэ, а почему бы вам не остановиться, пока дело не зашло слишком далеко?

– Какое дело? Что не зашло слишком далеко? – не сразу понял разомлевший от сакэ хозяин.

– Игра мускулами.

– Я принял трудное решение. И это вовсе не игра мускулами.

– Возможно, и так! Да только люди называют вас предателем. Как вам это? Не задевает?

– Пейте, пейте! – попытался уйти от ответа Мурасигэ.

– Благодарю, вы задали мне сегодня настоящий пир, но ваше сакэ, на мой вкус, горчит.

– Вас послал Хидэёси, – уныло произнес военачальник.

– Ну конечно. И знаете ли, князь Хидэёси чрезвычайно тревожится за вас. Мало сказать, тревожится. Он горой стоит за вас и, не слушая никаких возражений, утверждает, будто вы достойнейший человек и бесстрашный воин. Хидэёси пытается удержать князя Нобунагу от применения силы против вас.

Мурасигэ несколько протрезвел и, поддавшись внезапному порыву, произнес:

– Честно говоря, я получил от него несколько доброжелательных писем и тронут его дружбой. Только Акэти Муцухидэ и другие вассалы Оды приезжали сюда несколько раз от Нобунаги, и всем им я дал от ворот поворот. Так что пойти на попятную теперь уже не могу.

– По-моему, вы не правы. Позвольте дать вам совет: предоставьте уладить дело самому Хидэёси, он наверняка сумеет договориться с князем Нобунагой без малейшего ущерба для вас.

– Вряд ли, – мрачно произнес Мурасигэ. – Мне доложили, что Мицухидэ и Нобумори в ладоши захлопали от радости, прослышав, что я восстал. Мицухидэ и сюда заявился только для того, чтобы меня раздражить. Говорил он, ясное дело, учтиво, но кто знает, что он там, воротясь, наплел Нобунаге? Стоит мне отворить ворота перед Нобунагой, как он велит своими людям схватить меня за косицу и отрубить голову. Да и мои люди не хотят возвращаться на службу к Нобунаге. Все готовы сражаться до последнего. Так что решение я принимал не один. И все-таки, когда вернетесь в Хариму, передайте Хидэёси, чтобы он не держал на меня зла.

Судя по всему, переубедить Мурасигэ было не так-то просто. После еще нескольких чашечек сакэ Камбэй достал письмо Одэры Масамото и вручил его хозяину.

Камбэй, понятно, заранее проглядел это письмо. Весьма короткое, оно тем не менее было выдержано в довольно резких тонах по отношению к Мурасигэ. Тот, подойдя к лампе, вскрыл и прочел письмо и тут же, извинившись перед гостем, вышел из комнаты.

Едва он покинул помещение, как туда ворвался отряд вооруженных воинов в боевых доспехах. Они окружили Камбэя.

– Вставай! – закричали ему.

Камбэй неторопливо отставил от себя чашечку с сакэ и обвел взглядом злобные лица воинов.

– Ну хорошо, я встану – и что дальше?

– Тебя бросят в крепостную темницу. Таков приказ князя Мурасигэ, – ответил один из воинов.

– В темницу? – Камбэй громко рассмеялся. Он мгновенно подумал, что погиб, но тут же его рассмешила мысль о том, как глупо он выглядит, попавшись в ловушку, подстроенную Мурасигэ. Все еще смеясь, он поднялся с места: – Ладно, пойдёмте. Ничего не могу поделать, если представления князя Мурасигэ о гостеприимстве именно таковы.

Воины повели Камбэя по главному коридору, громко топоча сандалиями и лязгая доспехами. По темным лестницам и извилистым проходам они спускались все ниже и ниже, куда-то в подземелье. Наконец они оказались в крошечной тьме, и Камбэй подумал, что его сейчас убьют. Что ж, он заранее готовился к такому исходу своей миссии и жалел лишь о том, что она оказалась бесплодной. Несмотря на тягостные мысли, он невольно отметил, что темное подземелье, в которое его привели, представляет собой разветвленную систему потайных ходов и помещений под всей крепостью. Некоторое время спустя перед ним с грохотом открылась тяжелая раздвижная дверь.

– Иди внутрь! – скомандовали Камбэю конвоиры.

Пройдя шагов десять вперед, он оказался в темнице. Дверь за ним заперли. Но и на этот раз Камбэй громко рассмеялся – теперь уже в полной тьме. А затем, нащупав рукой стену, он прислонился к ней спиной и заговорил нараспев, как будто читал стихотворение, в строчках которого звучало лишь презрение к самому себе:

– Я ухитрился попасть в ловушку, подстроенную Мурасигэ. Что ж, что ж... В наше время повсюду дурные нравы.

Пленник догадывался, что находится неподалеку от оружейной палаты. Пол в темнице был застлан грубыми суковатыми досками. Камбэй прошел вдоль всех четырех стен, ощупывая их, и прикинул, что площадь комнаты примерно десять цуто.

«И все-таки Мурасигэ достоин сожаления, – подумал он. – Ну чего он добьется, заточив меня в подземелье?»

Камбэй, скрестив ноги, уселся посередине комнаты, прямо на голом полу. Вскоре он почувствовал, что начинает замерзать, но ни мебели, ни циновок в темнице не было.

Вдруг его осенило: да у него же забыли отобрать малый меч! И Камбэй возблагодарил судьбу за милость, ведь теперь в крайнем случае он окончит жизнь достойно.

Камбэй уже основательно продрог, но дух его оставался неукротимым. В юности он много и самоотверженно предавался медитации, был ярким приверженцем дзэн-буддизма и сейчас мог не без пользы провести время. «И все-таки хорошо, что сюда отправился именно я, – подумал Камбэй. – Если бы в плен угодил Хидэёси, нынешняя небольшая беда могла бы обернуться великим несчастьем».

В этот момент ему в лицо ударил луч света – в комнате приоткрыли окно. Когда его глаза немного привыкли, он разглядел, что через решетку за ним наблюдает какой-то мужчина.

– Ну что, Камбэй, замерз? – раздался голос Араки Мурасигэ.

Камбэй с наигранным равнодушием произнес:

– Да нет, меня еще согревает выпитое сакэ. Но к полуночи я, должно быть, и впрямь продрогну. Однако можете не сомневаться: если князь Хидэёси узнает о том, что Куроду Камбэя заморозили до смерти, то на заре непременно придет сюда и вскоре выставит вашу голову у ворот, на холодке. Мурасигэ, вы ведь не дурак! Чего вы добиваетесь, заточив меня здесь?

Мурасигэ не знал, что и ответить. Он понимал, насколько постыдно поступает, но не нашел ничего лучшего, как презрительно рассмеяться:

– Ну-ка, не скули, Камбэй! Говоришь, я дурак? Нет, братец, это ты как самый последний дурак угодил в ловушку.

– Ругательства вам не помогут. Попробуйте-ка лучше призадуматься над тем, что происходит.

Мурасигэ ничего не ответил, и Камбэй заговорил вновь:

– Вы, конечно, считаете, будто я послан сюда с коварным умыслом погубить вас, да только не в моих правилах прибегать к подобного рода трюкам. Мне никогда не доставляло удовольствия злоумышлять против тех, с кем я дружен. Поэтому, обеспокоившись положением, в которое попали вы и князь Хидэёси, я прибыл сюда, причем, заметьте, один, без сопровождения. Неужели вы не можете этого понять? Неужели способны пренебречь дружбой князя Хидэёси и самурайским долгом вассала?

Помолчав немного, Мурасигэ принялся запальчиво приводить новые доводы в свое оправдание:

– О дружбе и чести можно восторженно рассуждать только в мирное время. А сейчас война! Страна охвачена смутой, и теперь все не так, как прежде. Если сам не плетешь интриг, то

их непременно плетут против тебя, если не подличаешь, то с тобой обращаются подло. Мир так жесток, что убить или быть убитым сейчас проще, чем взять в руку палочки для еды. Вчерашний союзник сегодня становится врагом, и будь он прежде хоть трижды другом, его нужно схватить и бросить в темницу. Такова суровая правда жизни. Кстати, я еще не совсем истребил в себе жалость, потому и не убил тебя до сих пор.

– О, теперь я понимаю, как вы относитесь к жизни, войне и понятию чести. Вы так же слепы, как и многие в наши дни. Мне больше не о чем с вами говорить. Валяйте! Уничтожайте самого себя!

– Что такое? Ты смеешь утверждать, будто я слеп?

– Совершенно верно, однако я все равно еще не утратил прежней симпатии к вам. И хочу напоследок открыть вам кое-что.

– Что такое? У клана Ода есть тайные планы?

– Да нет, я совсем не то имел в виду. Вы глубоко несчастный человек, Мурасигэ. Хотя ваша смелость не вызывает сомнений, вам, к сожалению, неведомо, как жить – и как выжить – в наше время и в нашей стране. У вас нет ни малейшего желания попробовать хоть что-то изменить. Человеческого достоинства у вас куда меньше, чем у простого горожанина или земледельца. И вы еще называете себя самураем!

– Да как ты смеешь говорить такое! Выходит, я и не человек!

– Верно. Вы зверь в человеческом облике.

– Ну-ка, повтори!

– Давайте-давайте! Разозлитесь как следует! Все равно это обернется против вас же... Но послушайте, Мурасигэ, если люди, живущие в мире, утратят чувство чести и преданности, они станут зверями. Задумайтесь: мы сражаемся друг с другом, а пламя всеобщей ненависти никак не гаснет. И что же теперь, уповать только на силу, злость и коварство и позабыть о чести и сердечности? Поступив так, вы станете врагом не только Нобунаги, но и всего рода человеческого, проклятием всей земли. И поскольку я убежден в том, что вы именно таков, я буду рад отсечь вам голову.

Замолчав, Камбэй услышал за окном гул голосов. Оказывается, Мурасигэ окружили вассалы и оруженосцы и принялись кричать, перебивая друг друга:

– Убейте его!

– Нет, наш господин, позвольте мы убьем его сами!

– Такое оскорбление нельзя стерпеть!

– Спокойнее, самураи, спокойнее!

Судя по всему, приближенные Мурасигэ расходились во взглядах на грядущую судьбу Камбэя. Одни требовали убить его на месте, другие уверяли товарищей в том, что из этого ничего путного не выйдет, меж тем как сам Мурасигэ не мог ни на что решиться.

В конце концов возоблагодало мнение тех, кто считал, что спешить с убийством Камбэя нет никакой необходимости, и Мурасигэ удалился в окружении своих воинов.

Когда голоса и шаги стихли вдали, Камбэй задумался. Да, знамя восстания уже поднято, на сей счет не оставалось ни малейших сомнений, однако среди воинов нет полного согласия: одни прямо-таки рвутся в бой против вчерашних союзников, тогда как другие всерьез подумывают о том, что с кланом Ода лучше все-таки не ссориться. А войско, лишённое единства, не может представлять серьезной угрозы.

Но, как ни говори, а Мурасигэ прогнал послов князя Нобунаги и принялся усиленно готовиться к войне. А сейчас вот бросил в темницу и его, Камбэя. Значит, военачальник сделал окончательный выбор. «Какая жалость», – подумал Камбэй. Нет, не на свою судьбу он сейчас сетовал, а на невежество и тупость Мурасигэ. Уходя, тот захлопнул окошко, но Камбэй успел

заметить, что на пол его темницы упал какой-то клочок бумаги. Он на ощупь отыскал и подобрал его, но прочитать написанного, естественно, не смог: в помещении царила такая тьма, что собственных рук было не разглядеть.

Однако на следующее утро, когда через неплотно прикрытое окно просочился слабый свет, он вспомнил об этой записке и прочитал ее. Это оказалось письмо Одэры Масамото, адресованное Араки Мурасигэ.

«Тот самый наглец, о котором мы с вами недавно беседовали, приехал ко мне, чтобы уговорить отказаться от наших планов. Я ввел его в заблуждение, сказав, будто хочу вначале выслушать ваше мнение, так что он, вероятно, вскоре прибудет к вам в крепость. Человек этот очень опасен, не стоит оставлять его в живых. Надеюсь, что вы воспользуетесь подходящей возможностью и избавите мир от этой неприятной персоны».

Потрясенный Камбэй взглянул на дату под письмом. Да, оно и впрямь отправлено в тот же день, когда он вел переговоры с Масамото, а затем покинул крепость Готяку.

– Что ж, выходит, он отправил это письмо вдогонку за мной, – пробормотал Камбэй. – Какое вероломство! А все-таки интересная штука – жизнь! – Он говорил вслух, сам того не замечая. Звуки его голоса глухо, как в пещере, разносились по всей темнице. – Очень интересная штука!

Ему предстоит еще не раз столкнуться с истиной и ложью, испытать избыток чувств и душевную пустоту, пережить горе и радость и проникнуться верой и смятением. Это и означает жить на свете. Однако на несколько недель Камбэй оказался оторван от мира, а значит, и от жизни.

Войска, окружившие крепости Итами, Такацуки и Ибараги, были готовы в любое мгновение нанести удар. Тем не менее из ставки Нобунаги на горе Аmano такого приказа все не поступало. Воины и командиры уже начали терять терпение.

– По-прежнему ничего? – спрашивали они друг у друга.

Задал этот вопрос и Нобунага, причем уже во второй раз за день. Однако ожидал он прямо противоположного известия, чем его воины. Князя всерьез тревожило положение клана Ода, причем не только в западных и восточных провинциях, но и в столице. Нобунаге хотелось во что бы то ни стало избежать войны в своем родном краю.

Всякий раз, когда в душе у Нобунаги поселялось беспокойство, ему не терпелось повидаться с Хидэёси. Будь такая возможность, он бы вообще его от себя никуда не отпускал. Совсем недавно Хидэёси сообщил ему, что Камбэй отправился на переговоры к своему бывшему князю Масамото, а оттуда намеревался поехать в Итами и постараться убедить Мурасигэ отказаться от восстания, и просил Нобунагу еще на некоторое время отложить штурм мятежных крепостей.

– Не слишком ли он уверен в своих силах? – заметил по этому поводу Нобунага. – Впрочем, Хидэёси умеет добиваться своего.

Но, как ни взывал Нобунага к голосу собственного разума, нетерпение, царившее в его ставке, становилось все более и более томительным. Военачальники уже не скрывали раздражения и бранили Хидэёси за недомыслие:

– Почему Хидэёси послал именно этого человека! Да кто, в конце концов, такой этот Камбэй? По происхождению он вассал того самого Одэры Масамото, который вместе с Мурасигэ, предав нас, заключил союз с кланом Мори и поднял знамя восстания в западных провинциях. Как же можно было поручать такое важное дело Камбэю?

Некоторые не ограничивались обвинениями Хидэёси в недалёковидности и намекали, будто и сам он ищет союза с кланом Мори.

Меж тем постоянно поступающие донесения не приносили никаких обнадеживающих известий. Не поддавшийся на уговоры Камбэя Одэра Масамото держался по отношению к Нобунаге все более и более враждебно. Он во всеуслышание рассуждал о том, что в западных провинциях позиции клана Ода крайне слабы. Более того: в последние дни между ним и кланом Мори то и дело сновали гонцы.

Наконец терпение Нобунаги иссякло.

– Действия Камбэя – это заведомо ложная уловка, – заявил он. – Пока мы сидим сложа руки в ожидании вестей от этого недостойного человека, враг объединяет против нас силы и крепит оборону. Если так будет продолжаться, то к тому моменту, когда мы решимся на наступление, ситуация станет для нас безнадежной.

Тут-то и пришло известие от Хидэёси: Камбэй все еще не вернулся, и о его судьбе нельзя сказать ничего определенного. В письме Хидэёси сквозило отчаяние. Нобунага прицелкнул языком, а затем отшвырнул шкатулку с письмом в сторону.

– Только напрасно потеряли время, – горестно произнес князь и яростно взревел: – Эй, люди! Немедленно напишите Хидэёси! Приказываю ему явиться сюда безотлагательно! Ни мгновения на сборы!

Затем, отыскав взглядом Сакуму Нобумори, Нобунага спросил:

– Такэнака Хамбэй, я знаю, лечился в храме Нандзэн в Киото. Он все еще там?

– Полагаю, что да, – ответил вассал.

– Что ж, отправляйся туда, – резко бросил князь, – и передай Хамбэю мой приказ: Сёдзюмару, сына Куроды Камбэя, что находится у него в крепости в качестве заложника, незамедлительно обезглавить и голову послать отцу в крепость Итами.

Нобумори низко поклонился. Все присутствующие онемели от страха: безудержный гнев Нобунаги мог обрушиться на любого из них. Слишком долго сохранял Нобунага несвойственное ему терпение, и теперь его захлестнула волна ярости: уши его побагровели, а на лице застыло жестокое выражение.

– Мой господин, прошу вашего внимания, – нарушил тишину один из вассалов.

– В чем дело, Кадзумасу? Ты смеешь противиться мне?

– Как смею я противиться вам, мой господин? Хотел бы только спросить, почему вы, не задумавшись ни на мгновение, отдали приказ убить сына Куроды Камбэя? Почему не захотели взвесить все обстоятельства?

– Мне нечего взвешивать: Камбэй – изменник, это совершенно ясно. Он притворился, будто хочет убедить Одэру Масамото и Араки Мурасигэ, и тем самым вынудил меня воздерживаться от боевых действий на протяжении последних десяти дней. Да и сам Хидэёси понял, что Камбэй обвел его вокруг пальца.

– Но не следует ли все же истребовать у князя Хидэёси полный отчет, прежде чем казнить сына Камбэя?

– Сейчас идет война, и процедуры мирного времени не годятся. Я вызвал сюда Хидэёси, но вовсе не затем, чтобы выслушивать его мнение. Я потребую у него отчета о том, как и почему он дал себя провести, – отрезал Нобунага. – Поторопись с исполнением приказа, Нобумори.

– Да, мой господин. Я передам его Хамбэю, как вы велели.

Нобунага меж тем становился все мрачнее. Повернувшись к писцу, он нетерпеливо спросил:

– Ну что, готово письмо к Хидэёси?

– Да, мой господин. Угодно вам прочитать его?

Нобунага мельком взглянул на бумагу и тут же передал ее гонцу, приказав отправляться в Хариму.

Но прежде чем гонец успел удалиться, один из слуг объявил:

– Только что прибыл князь Хидэёси!

– Как? Хидэёси уже здесь? – Нобунага все еще гневался, но было видно, что эта новость его обрадовала.

И вот, уже издали, донесся голос Хидэёси, весело и беззаботно с кем-то переговаривавшегося на ходу. Нобунага тут же попытался напустить на себя прежний грозный вид, но гнев таял у него в груди, как лед под солнечными лучами, и тут уж он не мог ничего с собою поделать.

Хидэёси вошел в комнату, поздоровался с присутствующими военачальниками, учтиво опустил на колени перед Нобунагой, а затем взглянул князю прямо в глаза.

Нобунага безмолвствовал. Князь отчаянно боролся с собой, пытался показать, будто невероятно разгневан. Подобного обращения не выносили даже члены княжеского семейства. Такие прославленные военачальники, как Кацуиэ и Нобумори, покрывались смертельной белизной, а пожилые полководцы Нива и Такигава терялись и принимались бормотать какие-то жалкие оправдания. Не выдерживал княжеского взгляда мудрый Акэти Муцухидэ, и даже Ранмару, княжеский любимчик, трепетал от страха.

Хидэёси вел себя в таких случаях совершенно иначе: он оставался невозмутим, когда Нобунага гневался на него, кричал и топал ногами. Он держался непринужденно вовсе не потому, что не воспринимал князя всерьез, как раз напротив, он чтит Нобунагу, как никто другой. Но такой уж он был человек, и никому не приходило в голову подражать его манере общения с повелителем.

Рискни Кацуиэ или Мицухидэ повести себя, как Хидэёси, это лишь подлило бы масло в огонь, и ярость Нобунаги разрослась бы беспредельно. А сейчас князь и его приверженец играли в молчанку, и поражение, судя по всему, потерпел князь, потому что не выдержал и первым заговорил:

– Хидэёси, почему ты приехал?

– Я приехал выслушать ваши нарекания, мой господин, – почтительно произнес Хидэёси.

«Этот шельмец за словом в карман не лезет», – подумал Нобунага. Ему все трудней и трудней было сохранять грозный вид, и он говорил, цедя слова сквозь зубы, так, словно сама мысль о разговоре с Хидэёси внушает ему глубокое отвращение.

– А почему это ты полагаешь, будто дело может закончиться твоими всегдашними извинениями? Ты совершил тягчайшую ошибку и подвел не только меня, но и все наше войско.

– А вы уже прочитали мое письмо?

– Прочитал!

– Конечно, я вынужден признаться, что посредническая миссия Камбэя закончилась неудачей. И в этой связи...

– Это что, надо понимать, извинение?

– Мой господин, чтобы добиться вашего прощения я промчался по вражеской местности и привез замысел, который может превратить нашу неудачу в великую удачу. Но, прошу вас, велите всем удалиться – или давайте перейдем в другое помещение. А после того, как вы меня выслушаете, можете назначить мне любую кару, и я безропотно приму ее.

Нобунага на мгновение задумался, а затем сделал всем знак удалиться. Оскорбленные военачальники повиновались приказу, недовольно перешептываясь, что Хидэёси не только чувствует себя после тягчайшей ошибки как ни в чем не бывало, но даже стал еще наглее. Оставшись вдвоем, и князь и его вассал почувствовали себя свободнее.

– Ну, так что там у тебя за задумка, из-за которой ты примчался сюда из Харимы?

– Теперь нам не остается ничего другого, как нанести сокрушительный удар по Мурасигэ.

Так вот, я знаю способ взять крепость Итами.

– Подумаешь, какое открытие! Да сама по себе крепость эта ничего не стоит. Но если Хонгандзи и Мурасигэ объединятся с кланом Мори, то нам грозят серьезные неприятности.

– Мне кажется, что неприятности ждут нас только в том случае, если мы нанесем удар по Итами чересчур стремительно, потому что при этом серьезные потери неизбежны, а стоит нам потерпеть хоть малейшую неудачу, как цепочка политических союзов, выстроенная нами с таким трудом, распадется на бесполезные звенья.

– И что же ты предлагаешь?

– Да, собственно говоря, идея не моя, а Такэнаки Хамбэя, но очень привлекательная. – И Хидэёси изложил Нобунаге слово в слово то, о чем поведал ему Хамбэй.

Предложение отложить штурм крепости Итами на некоторое время и попытаться отсечь от Мурасигэ его соседей-союзников, подрезав тем самым крылья ему самому, показалось князю Оде заманчивым, и он без каких бы то ни было колебаний согласился его принять. А когда решение было принято, Нобунага начисто забыл о том, что собирался наказать Хидэёси.

– Мой господин, поскольку самые срочные дела мы уже обсудили, мне, возможно, имеет смысл без промедления вернуться в Хариму, – сказал Хидэёси, беспокойно поглядывая на улицу, где уже начинало смеркаться.

Нобунага, однако же, счел, что Хидэёси безопаснее будет вернуться морем. А поскольку корабль отправится только вечером, заметил он, то времени у них предостаточно, и князь не отпустит своего преданного вассала, не пропустив с ним чашечку-другую сакэ.

Хидэёси, приосанившись, осведомился:

– И вы отпустите меня, не наложив никакого наказания?

– Что ж с тобой поделаешь? – Нобунага едва сдержал улыбку.

– Мой господин, если вы простите меня, но не скажете мне об этом, ваше сакэ не придется мне по вкусу.

Тут уже Нобунага рассмеялся от души:

– Да ладно тебе, хитрец, ладно!

– В таком случае, – произнес решившийся воспользоваться подходящим моментом Хидэёси, – наказания не заслуживает и Камбэй. Верно? А ведь гонец с приказом отрубить голову его сыну уже в пути.

– Ну знаешь ли, ты не вправе ручаться за Камбэя! Почему это ты уверен, будто на нем нет никакой вины? Неизвестно, что у него на уме. Нет, я не собираюсь отменять приказ. Пусть голову его сына доставят в крепость Итами. Это дело чести, наконец, и твое заступничество неуместно.

Тем самым Нобунага отказал своему приближенному окончательно.

Той же ночью Хидэёси вернулся в Хариму, но перед отъездом отправил гонца с секретным посланием к Хамбэю. Конечно же речь в этом письме шла о снисхождении к сыну Куроды Камбэя, да и к нему самому.

Поспешил в Киото и гонец Нобунаги. На обратном пути он ненадолго остановился в христианской церкви и в ставку Нобунаги на горе Аmano приехал в сопровождении итальянского иезуита отца Гнеччи, уже на протяжении многих лет проповедовавшего веру Христову в Японии. В Сакаи, Адзути и Киото было немало и других христианских миссионеров, но Нобунага всем им предпочитал отца Гнеччи. Князь терпимо относился к христианам и христианству. Да и против буддизма он ничего не имел, хоть и воевал с буддийскими монахами, предавая огню их твердыни. Нобунага признавал ценность религии.

Не только отец Гнеччи, но и другие миссионеры-католики, время от времени прибывая по княжескому приглашению в Адзуги, прилагали великие усилия к тому, чтобы обратить Нобунагу в христианство, однако их попытки были равносильны стремлению зачерпнуть отражение луны из ведерка с водой.

Один из католических отцов подарил Нобунаге чернокожего раба, привезенного им с собою из-за океана, заметив, что князь поглядывает на него с любопытством. Отныне этот раб бессменно находился в свите Нобунаги, куда бы тот ни направлялся, даже в близлежащий Киото. Миссионеры начали уже было ревновать князя к его новой привязанности. То один, то другой спрашивал:

– Князь, почему вам так нравится ваш чернокожий раб? Что же такого замечательного вы в нем находите?

– Я ведь к вам ко всем хорошо отношусь, – смеясь, неизменно отвечал на это Нобунага, давая тем самым понять, что не видит разницы между рабом и миссионерами.

Однако к отцу Гнеччи он относился несколько по-иному. Впервые получив аудиенцию у Нобунаги, отец Гнеччи вручил ему заморские дары: десять ружей, восемь подзорных труб и больших луп, пятьдесят тигровых шкур, москитную сетку и сто палочек алоэ, а кроме того, такие редкие вещи, как часы, глобус и китайский шелк.

Нобунага разложил все подарки перед собой и, любуясь ими, радовался как дитя. Больше всего ему понравились глобус и ружья. Подолгу засиживаясь у глобуса вдвоем с отцом Гнеччи, он с интересом слушал рассказы монаха о его родной Италии, об огромных морях и океанах, разделяющих сушу, о различиях между северной и южной Европой, о долгих странствиях миссионера по Индии и южному Китаю. Зачастую компанию им составлял и Хидэёси, задававший куда больше вопросов, чем князь.

– Ах, как я рад, что вы прибыли! – сердечно приветствовал Нобунага отца Гнеччи у себя в ставке.

– В чем дело, мой господин? Что за необходимость возникла в моем безотлагательном приезде?

– Мы обо всем поговорим, садитесь, пожалуйста. – И князь указал гостю на кресло, в котором обычно сидели буддийские монахи.

– Что ж, благодарю вас.

Отец Гнеччи удобно расположился в кресле. Ему подумалось, что сейчас он уподобился пешке, стоящей на шахматной доске, и одному Богу известно, какую роль она сыграет в ходе партии.

– Святой отец, однажды вы подали мне прошение от имени всех находящихся в Японии миссионеров о строительстве христианского храма и о праве публично проповедовать вашу веру.

– Таково наше давнее и заветное желание. Но когда же настанет этот счастливый день?

– По-моему, он уже близок.

– Вот как? Вы удовлетворяете наше прошение?

– Да будет вам известно, святой отец, у самураев не принято давать кому бы то ни было особые привилегии до тех пор, пока этот человек не совершил достославных деяний.

– Нельзя ли выразиться определеннее, мой господин?

– Как мне известно, Такаяма Укон из Такацуки был обращен в христианство еще в четырнадцатилетнем возрасте и с тех пор остается ревностным католиком. Наверное, вы поддерживаете с ним самые тесные отношения?

– С Такоймой Уконом, мой господин? Да, это так.

– Значит, вам известно, что он поддержал мятеж, начатый Араки Мурасигэ, и отдал двоих

сыновей заложниками в крепость Итами.

– Досадная история, мой господин! И мы, его единоверцы, поверьте, очень этим расстроены. Одному Богу известно, сколько раз мы молились о том, чтобы этот человек образумился.

– Вот как? Что ж, отец Гнеччи, во времена, подобные нынешним, одних молитв, пусть и самых ревностных, недостаточно. Если вы и впрямь обеспокоены судьбой Укона, то согласитесь выполнить мою просьбу. А я прошу вас отправиться в крепость Такацуки и указать Укону на то, что он поступает против воли Божьей.

– Да я бы и сам непременно так поступил, но, насколько мне известно, его крепость уже окружена войском князя Нобутады, а также полками военачальников Фувы, Маэды, Сассы. Меня, скорей всего, не пропустят.

– Я распорядюсь придать вам эскорт и вручу охранную грамоту. Святой отец, склоните на нашу сторону Такаяму Укона и его сына. За такое достославное деяние я без промедления выдам вам разрешение на строительство церкви и предоставлю право публичной проповеди. Даю слово.

– О, мой господин!.. – воскликнул святой отец, собираясь было горячо поблагодарить князя.

– Погодите, – перебил его Нобунага. – Вам следует принять во внимание еще одно обстоятельство. Если не удастся переубедить Такаяму и они останутся нашими врагами, христиане Японии разделят участь их приверженцев. Я велю разрушить ваши часовни, во всей стране запрещу религию и уничтожу всех до единого миссионеров и их последователей. Мне хочется, чтобы вы ясно понимали, какая ответственность ложится на ваши плечи.

Отец Гнеччи смертельно побледнел и потупился. Люди, отправлявшиеся из Европы в далекие восточные края, конечно же не были трусами, но сейчас, слушая хладнокровные недвусмысленные рассуждения Нобунаги, отец Гнеччи почувствовал, что от страха его бьет дрожь. Ничто в облике Нобунаги не свидетельствовало о бесовстве; напротив, и внешность его, и манера говорить были весьма изящны, и все же отец Гнеччи невольно вспомнил о дьяволе. Ибо миссионеры давным-давно поняли: Нобунага – человек слова.

Совладав наконец с собой, миссионер пообещал:

– Я поеду. Встречусь с князем Уконом и постараюсь выполнить ваше поручение.

В сопровождении двенадцати всадников святой отец немедленно выехал в Такацуки. Распрощавшись с отцом Гнеччи, Нобунага довольно потирал руки: все идет в точности так, как задумано. Однако иезуит, которого князь, как ему казалось, сумел обвести вокруг пальца, оправившись от приступа страха, ликовал сейчас ничуть не меньше, чем Нобунага. Простой люд Киото давно догадался о том, что на земле найдется немного людей, столь же коварных и изощренных, как иезуиты. Прежде чем Нобунага сообразил призвать его к себе и дать поручение, отец Гнеччи уже успел несколько раз обменяться письмами с Такаямой Уконом, разъясняя тому, какие поступки угодны Богу, и старательно вбивая ему в голову, что человек должен в земных делах повиноваться своему господину. А господином Укона, да и Мурасигэ тоже, был не кто иной, как князь Нобунага.

Укон, отвечая иезуиту, не скрывал своих чувств.

«Я не знаю, как поступить, святой отец, – сетовал он. – По глупости я связался с мятежником Мурасигэ и отправил двоих сыновей заложниками в крепость Итами. Поэтому мои жена и мать противятся, чтобы я покорился князю Нобунаге».

Таким образом, для отца Гнеччи исход его миссии и последующее вознаграждение представлялись вопросом уже решенным. Он был убежден в том, что Укон в душе готов капитулировать перед Нобунагой.

Так и случилось. Вскоре Такаяма Укон объявил, что он не в силах равнодушно снести

гибель своей веры и единоверцев, даже если жена и дети возненавидят его за такое решение. Можно пожертвовать собственной крепостью и своей семьей, говорил он, но нельзя сойти с праведного пути. Однажды ночью, тайно покинув крепость, он бежал в церковь Вознесения. Его отец, Хида, немедленно укрылся у Мурасигэ в Итами, горько оплакивая случившееся.

– Меня предал родной сын! – горестно восклицал он.

Мурасигэ, узнав о случившемся, кипел от возмущения, однако ему не удалось настоять на казни заложников, потому что среди его сторонников было слишком много людей, связанных с кланом Такаяма родственными или дружескими узами.

В конце концов военачальник махнул рукой и смирился с поражением. Теперь двое малолетних сыновей Укона стали для него обузой, и он передал их на попечение деду. Прознав о благоприятном повороте событий, отец Гнеччи вместе с Уконом отправился на гору Аmano и попросил аудиенцию у Нобунаги.

– Вы хорошо потрудились, – похвалил святого отца князь, обрадованный удачным исходом дела.

Он одарил Укона уделом в провинции Харима, вручил ему шелковые кимоно и коня.

– Мне хотелось бы принять обет и посвятить мою жизнь Господу, – промолвил Укон.

Но Нобунага и слышать не хотел об этом:

– Ты, мужчина в расцвете лет, собираешься стать монахом? Да это просто смешно!

Итак, события складывались в соответствии с замыслами Нобунаги.

Размышляя о делах минувших, трудно сравнивать их с нынешними, потому что все меняется едва ли не ежеминутно. Не следует из последних сил цепляться за однажды избранную линию поведения, памятуя о том, что причин, по которым человек впадает в непомерное тщеславие, а в итоге прощается с жизнью, больше, чем грибов после дождя.

Уже подходил к концу одиннадцатый месяц, когда Накагава Сэбэй – человек, которого Мурасигэ считал своей правой рукой, – внезапно покинул его крепость и покорился Нобунаге. Князь, вопреки всем ожиданиям, заявил:

– Сейчас страна переживает воистину судьбоносное время, и нам не следует наказывать людей за небольшие провинности, – и не только покарал Сэбэя, но и одарил его тридцатью золотыми.

Золото и богатые наряды достались и трем приверженцам, бежавшим к Нобунаге вместе с Сэбэем, которого Укон убедил сдаться на милость Нобунаги.

Военачальники клана Ода роптали по поводу того, что перебежчиков принимают с непомерной добротой и щедростью. Нобунага прекрасно понимал их чувства, но не мог поступить иначе, желая добиться благоприятного перелома в ходе войны.

Его и самого раздражали бесконечные поиски примирения, дипломатические инициативы, терпимость и выдержка, и Нобунага отводил душу в яростных налетах на мятежные крепости. Неподчинившихся его воле князь карал с особой жестокостью. Взяв приступом крепость Ханакума в Хёго, он сжег все окрестные храмы и прилегающие деревни, наказывая без разбору стариков и юнцов, мужчин и женщин. Постепенно его тактика – предельная терпимость к одним и зловещая беспощадность к другим – начала приносить плоды.

Араки Мурасигэ оказался отрезанным от мира в крепости Итами – в твердыне, лишившейся сразу обеих фланговых опор.

– Если мы сейчас нанесем удар, он повалится наземь, как огородное пугало, – довольно заявил Нобунага.

Он не сомневался, что Итами его войско возьмет чуть ли не с первой атаки. Штурм объединенными силами был назначен на начало двенадцатого месяца. Однако сопротивление оказалось неожиданно яростным. В первый день штурм продолжался с утра до глубокой ночи.

На поле боя остались сотни убитых и раненых воинов. Во второй день потерям утратили счет, но ни одна пядь вражеской земли так и не была взята. Самураи Мурасигэ старались не отставать от своего господина, славившегося отчаянной смелостью. Более того, когда сам Мурасигэ собрался было спустить знамя восстания и покориться, его родственники и командиры воспротивились такому решению, утверждая, будто Нобунага непременно отрубит головы всем добровольно сдавшимся мятежникам.

Известие о начале кровопролития в Итами быстро разнеслось по всей Хариме и повергло в дрожь власти в Осаке. Последствия войны чувствовались даже в таких отдаленных местах, как Тамба и Санъин.

Хидээси в западных провинциях первым делом обрушился на крепость Мики, тогда как вспомогательные войска под командованием Нобумори и Цуцуи оттеснили армию Мори к границе Бидзэна. Хидээси опасался того, что в ответ на призывы из столицы клан Мори двинет свое войско на Киото. В Тамбе клан Хатано, решив воспользоваться благоприятным моментом, поднял восстание. Акэти Мицухидэ и Хосокава Фудзитака, назначенные наместниками здешних мест, устремились к ним на подмогу.

Хонгандзи и основные силы клана Мори поддерживали между собой постоянную связь морем, под их дудку плясали сейчас все, кто противостоял Нобунаге и Хидээси.

– Здесь мы вроде бы управились, – сказал Нобунага, глядя на крепость Итами. Взятие крепости он считал делом решенным.

Однако мятежная крепость, пусть и отрезанная от союзников, не сдавалась. И все-таки, по мнению князя, она была обречена. Оставив войско продолжать осаду и штурм, сам он возвратился в Адзути.

Через несколько дней кончался двенадцатый месяц, и Нобунага собирался отпраздновать наступление Нового года в Адзути. Прошедший год принес ему непредвиденные трудности и многочисленные сражения, но сейчас, глядя на улицы крепостного города, князь убеждался в том, что здесь зарождается и крепнет воистину новая культура. Полки больших и малых лавок ломились от товаров, удивляя посетителей изобилием. В чайных и на постоянных дворах было полным-полно приезжих, в порту на берегу озера высился лес мачт причаливших судов.

Близилось к концу строительство жилых кварталов для самураев, отделенных друг от друга узкими ровными улицами, и великолепных дворцов знати. Возводились храмы, а отец Гнеччи не мешкая принялся строить христианскую церковь.

Новый подъем переживала культура. В музыке, живописи, литературе, религии, чайных церемониях и архитектуре – да буквально во всем образе жизни – прежние традиции и стили уступали место новым. Совсем другими стали даже кимоно, которыми местные красавицы теперь стремились перещеголять одна другую.

«Нового года я ждал, и это воистину Новый год для всего народа. Что и говорить: строить куда приятнее, чем разрушать», – думал Нобунага, и ему верилось, что привносимые им в жизнь перемены нахлынут приливной волной на всю страну, охватив и восточные провинции, и столицу, и даже запад, и далекий остров Кюсю, не оставив нетронутой ни одной точки на карте.

Князь улыбнулся своим мыслям, и в это время в покои вошел Сакума Нобумори. Увидев своего вассала, Нобунага внезапно о чем-то вспомнил.

– Да, кстати, а как то дело, что я тебе поручил? – спросил он, передавая оруженосцу чашечку с сакэ, предназначенную для Нобумори.

Нобумори благоговейно коснулся чашечкой лба и уточнил:

– Какое дело?

– Я ведь давал тебе распоряжения относительно Сёдзюмару, не так ли? Ну, сына Камбэя, что находится заложником в доме Такэнаки Хамбэя.

– А, так вы об этом заложнике...

– Я велел тебе передать Хамбэю, чтобы он обезглавил Сёдзюмару и послал его голову в Итами. Мой приказ выполнен? Ты что-нибудь об этом слышал?

– Нет. – Нобумори покачал головой с таким видом, будто это дело интересует его ничуть не больше, чем прошлогодний снег. Он передал княжеское распоряжение, но Сёдзюмару находился в крепости Хамбэя в Мино, поэтому казнь едва ли могла произойти так быстро.

«Приказ его светлости будет выполнен, но для этого потребуется некоторое время», – сказал ему тогда Хамбэй, на что Нобумори ответил: «Что ж, я передал вам приказ князя».

Выполнив поручение своего господина, Нобумори сразу же о нем забыл и, естественно, не подумал проследить за его выполнением. К тому же он был уверен, что Хамбэй, казнив Сёдзюмару, непременно сообщит об этом князю.

– Выходит, вы ничего не слышали об этом ни от Хидзэси, ни от Хамбэя?

– Ни слова.

– Это довольно странно.

– А ты и в самом деле передал приказ Хамбэю?

– Не извольте сомневаться. Правда, он в последнее время стал довольно рассеян, – поспешил отвести от себя подозрение Нобумори, а затем добавил: – Если Хамбэй не выполнил приказания вашей светлости, то его непослушание не должно остаться безнаказанным. Возвращаясь на войну, я непременно заеду в Киото и потребую у него однозначного ответа.

– Ну ладно, ладно, – махнул рукой Нобунага, точно был не так уж и заинтересован во всей этой истории. Однако же он не приказал Нобумори выбросить эту историю из головы, не желая ронять авторитет могущественного и безжалостного правителя.

Меж тем Нобумори призадумался. Уж не заподозрил ли его Нобунага в нерадивости? На всякий случай он поспешил поскорее покончить с новогодними празднествами и уехать из крепости. По пути к стенам осажденной Итами он заехал в храм Нандзэн.

Встретившему его монаху Нобумори повелительно сказал:

– Мне известно, что князь Хамбэй болен и не выходит из дома, но мне надо повидаться с ним по поручению князя Нобунаги, и немедленно.

Монах ушел доложить, но вскоре воротился и пригласил Нобумори следовать за ним.

Раздвижные двери уединенного домика были закрыты, но непрерывный кашель, доносящийся изнутри, означал, должно быть, что Хамбэй, готовясь встретить гостя, встал с постели. Нобумори на мгновение замешкался у входа. Небо заволкли снеговые тучи, и хотя едва перевалило за полдень, в тени гор, окружающих храм, было весьма пасмурно.

– Входите, – пригласили его из глубины дома.

Слуга открыл раздвижную дверь и ввел Нобумори в маленькую приемную. Хозяин домика восседал на полу.

– Добро пожаловать, – произнес Хамбэй.

Нобумори приблизился к нему и заговорил без каких бы то ни было предисловий и церемоний:

– Оставив вам приказ его светлости, предписывающий казнить Куроду Сёдзюмару, я полагал, что вы незамедлительно исполните его. Однако до сих пор вы не доложили о том, сделано ли это. Его светлость недоумевает и ждет объяснений.

– Ну что ж... – Хамбэй наклонился, уперевшись руками в пол, причем Нобумори бросилось в глаза, что спина у хозяина домика худая, как щепка. – Неужели его светлость усомнился в моей преданности? Я немедленно исполню приказ князя, когда поправлюсь, а мне уже стало заметно лучше.

– Что? Что вы такое говорите?

Нобумори на миг утратил самообладание. Лицо его налилось кровью, и он даже онемел от ярости, услышав подобный ответ. Вздохнув, Хамбэй равнодушно воззрился на возмущенного гостя.

– Но послушайте! Это же... крайне странно!.. – наконец выдавил из себя Нобумори; взгляд его был по-прежнему прикован к бесстрастным глазам Хамбэя. – Так вы не послали его голову Камбэю в крепость Итами?

– Именно так.

– Именно так? Станный ответ! Выходит, вы намеренно проигнорировали приказ его светлости!

– Не говорите глупости!

– Но почему же вы до сих пор не убили мальчика?

– А к чему спешить? Я в любое мгновение могу распорядиться его жизнью как мне заблагорассудится.

– Вы позволяете себе пренебрегать приказом его светлости? Конечно, вы больны и находитесь на лечении, но всему есть границы. Понять не могу, как же это я так оплошал с выполнением приказа!

– Вам не в чем себя винить. Вы в точности выполнили поручение. Я своей волей отсрочил исполнение приговора, потому что на сей счет у меня имеются сомнения.

– Своей волей?

– Мне поручено непростое дело, а болезнь не позволила тотчас взяться за него.

– Но почему вы просто не послали гонца с соответствующим распоряжением?

– Нет, так не годится. Этот мальчик у нас уже давно, и люди, разумеется, привязались к нему. Как вы думаете, им просто взять и убить его? Я опасался того, что какой-нибудь вассал решится обмануть нас всех и казнит кого-нибудь другого, чтобы обзавестись отрубленной головой. Вот тогда уж я и в самом деле не сумею оправдаться перед его светлостью. Поэтому я счел необходимым обезглавить мальчика собственноручно. Надеюсь, я довольно скоро достаточно окрепну для этого.

Говорить Хамбэю удавалось с трудом, и в конце концов он закашлялся, поднося ко рту бумажное полотенце.

Вошел слуга и принялся растирать хозяину спину. Нобумори оставалось лишь дожидаться, пока Хамбэю не станет лучше. Наблюдать за человеком, которому никак не удавалось совладать с приступом кашля, было довольно мучительно.

– Думаю, вам лучше отправиться отдохнуть к себе в комнату. – В первый раз за все время визита Нобумори пробормотал нечто сочувственным тоном, однако во взоре у него не отражалось ни малейшего сочувствия. – И учтите, вам надлежит в ближайшие несколько дней исполнить приказ его светлости. Вы, Хамбэй, ведете себя безрассудно. Я вынужден написать в Адзути и доложить обо всем князю. Имейте в виду, любая проволочка еще более усилит гнев его светлости, и боюсь, ссылки на болезнь вам не помогут.

Не обращая внимания на заходящегося в приступе нестерпимого кашля Хамбэя, Нобумори поднялся, попрощался и вышел из домика. На веранде он столкнулся с женщиной, несшей поднос, на котором, судя по запаху, были склянки с какими-то лечебными снадобьями.

Женщина почтительно поклонилась гостю, поставив поднос на перила веранды. Нобумори окинул ее взглядом – от белых рук, прикоснувшихся к дощатому настилу, до красивой формы затылка – и наконец сказал:

– Кажется, я вас где-то видел. Ах да, вспомнил! Как-то князь Хидэёси пригласил меня в Нагахаму, и помнится, вы тогда тоже там были.

– Да. Я уехала оттуда, чтобы ухаживать за братом.

– Вот как! Значит, вы младшая сестра Хамбэя?

– Да. Меня зовут Ою.

– Ою, – пробормотал Нобумори. – И вы очень хорошенькая. – С этими словами он спустился по лесенке.

Ою на прощанье кивнула гостю. Слыша, как надсадно кашляет брат, она с нетерпением ждала, когда этот чужак наконец удалится. А тот внезапно обернулся и сказал:

– Да, кстати. Нет ли каких-нибудь новостей от князя Хидэёси из Харимы?

– Нет, – ответила девушка.

– Ваш брат сознательно уклонился от выполнения приказа его светлости. Полагаю, он поступил так вовсе не по совету князя Хидэёси, однако, боюсь, наш господин этому не поверит и разгневется на главнокомандующего. Поговорите с братом. Пусть немедленно распорядится казнить сына Куроды Камбэя, иначе ему не миновать беды.

С этими словами Нобумори поспешил удалиться. Повалил снег, в одно мгновение скрыв из виду и его фигуру, и огромную крышу храма Нандзэн.

– Госпожа! Госпожа!

Из-за раздвижных дверей больше не слышалось кашля, и голос слуги прозвучал неожиданно громко. Сердце в груди Ою бешено забилося. Резко открыв дверь, она заглянула в комнату. Хамбэй лежал, уткнувшись лицом в дощатый настил. Бумажное полотенце у его рта было пропитано кровью.

Книга шестая.

Седьмой год Тэнсё.

1579

Персонажи и места действия

Сёдзюмару – сын Куроды Камбэя
Куматаро – вассал Такэнаки Хамбэя
Бэссё Нагахару – хозяин дворца-крепости Мики
Гото Мотокуни – вассал Бэссё
Икэда Сёню – вассал Оды
Анаяма Байсэцу – вассал Такэды
Нисина Нобумори – брат Такэды Кацуёри
Сайто Тосимицу – вассал Акэти
Юсё – художник

Мики – дворец Бэссё Нагахару
Нирасаки – новая столица
Такато – дворец Нисины Нобумори

Князь Нобунага был недоволен тем, как в последнее время идут дела. Поход в западные провинции захлебнулся. Осада Итами приобрела затяжной характер, и только в Тамбе его армия вела боевые действия. Каждый день из всех трех стратегически важных пунктов неиссякаемым потоком поступали рапорты и донесения. В ставке их предварительно просматривали командиры и советники, отбирая для князя только самые важные.

Среди прочих бумаг в руки князю попало и послание от Сакумы Нобумори. Нобунага прочитал его и раздраженно отодвинул в сторону. Сидевший рядом оруженосец Ранмару, решив, что князя огорчило неисполнение какого-нибудь приказа, с особым вниманием прочитал это письмо, где говорилось:

«К моему изумлению, Ваша светлость, Хамбэй до сих пор не исполнил ваших указаний. Я заявил ему о недопустимости подобного поведения, заметив, что и на меня в свою очередь могут пасть обвинения в ослушании. Полагаю, что теперь исполнения вашего приказа ждать осталось уже недолго. Досадное происшествие стало для меня серьезным испытанием, и я взываю к милосердию Вашей светлости в данном деле».

По тону этого послания угадывалось, что Нобумори более всего беспокоит чувство собственной вины. Вероятно, из-за этого и было сочинено само письмо. Но почему же так резко отреагировал Нобунага, недоумевал Ранмару, почему посетовал, что Нобумори теперь уже совсем не тот, что прежде? Однако оруженосец ничуть не сомневался: огорчило Нобунагу явно не бездействие Хамбэя. По-видимому, он просто пока еще не принял какого-то определенного решения, не захотел возвращаться к этому вопросу.

Хамбэй, разумеется, не мог знать о подобной перемене в умонастроении князя, однако, не обращая внимания на беспокойство сестры и приближенных, считавших, что он должен что-нибудь предпринять, он по-прежнему пребывал в нерешительности.

Прошел месяц. У главных ворот храма Нандзэн и вокруг обители Хамбэя оделись кипенью цветов сливы. Солнце сияло с каждым днем все ярче. Постепенно вступала в свои права весна.

Хамбэй терпеть не мог грязи и беспорядка, поэтому его комнату ежедневно тщательно убирали, а сам он тем временем лежал на солнышке или сидел с книгой у себя на веранде.

По утрам сестра заваривала ему чай. Он любил наблюдать, как струйка пара, причудливо извиваясь, поднимается из чайника и тает в лучах утреннего солнца.

– Сегодня, братец, цвет лица у тебя куда лучше, чем обычно, – радостно улыбаясь, заметила Ою.

Хамбэй потер щеку исхудалой рукой:

– Кажется, и ко мне приходит весна. Как это замечательно! Последние два-три дня я чувствую себя гораздо лучше.

Действительно, в эти дни больной, похоже, стал поправляться, и Ою с удовольствием прислуживала ему нынешним утром. Да и само утро выдалось прекрасное – теплое, солнечное. Но внезапно девушка вспомнила слова лекаря: «Надежда на выздоровление вашего брата весьма слаба». Однако предаваться отчаянию она не спешила, ведь немало больных поправилось, несмотря на то, что врачи приговорили их к смерти. Она поклялась себе выходить Хамбэя, вернуть его к полноценной жизни. Ою улыбнулась, вспомнив о полученном накануне из

Харимы письме Хидээси, таком теплом и обнадеживающем.

– Если ты и дальше будешь поправляться так быстро, то сможешь встать на ноги еще до того, как зацветет вишня, – подбодрила она Хамбэя.

– Ты так добра, Ою, а я доставляю тебе слишком много хлопот.

– Какие глупости!

Хамбэй тихо засмеялся:

– Я прежде не говорил тебе слов благодарности, ведь мы как-никак брат и сестра, но нынешним утром мне так хочется сказать тебе что-нибудь приятное. Возможно, потому, что действительно чувствую себя куда лучше.

– Я счастлива от одной мысли, что ты поправляешься.

– Послушай, сестренка, а ведь уже десять лет, как мы покинули гору Бодай.

– Да, время летит быстро.

– И с тех пор ты не бросаешь меня – несчастного горного отшельника. Готовишь мне пищу, заботишься обо мне, даже составляешь для меня лекарства.

– Я рада тебе помочь. Помнишь, ты и раньше говорил, что неизлечимо болен, но, как только тебе становилось немного лучше, немедленно присоединялся к князю Хидээси. Ты сражался на реке Анэ, в Нагасино и Этидзэне. И чувствовал себя прекрасно, не правда ли?

– Кажется, ты права. Мое немощное тело оказалось кое на что способно.

– Вот видишь, если ты как следует о себе позаботишься, то непременно поправишься и на этот раз. Ах, как же мне хочется, чтобы ты вновь стал самим собой.

– Я ведь не ищу смерти, можешь мне поверить.

– Ты и не умрешь!

– Да, мне очень хочется жить. Я мечтаю увидеть воочию, как на смену насилию вновь придет мир и покой. Ах, если бы я был здоров! Тогда я по-настоящему помог бы моему господину. – Внезапно голос Хамбэя зазвучал глуше. – А сейчас какой от меня толк?

Уязвленная болью, звучащей в голосе брата, Ою заглянула ему в глаза, пытаясь понять, не скрывает ли он чего-нибудь.

Колокол храма Нандзэн возвестил полдень. В стране шла жестокая междуусобица, а люди любовались цветением сливы и заслушивались пением соловьев.

Весна выдалась погожей, но по вечерам было еще холодно. Когда стемнело и холодным светом замигали лампы, у Хамбэя возобновились приступы безудержного кашля. В течение ночи Ою несколько раз вставала с постели, чтобы помассировать ему спину. Конечно, это могли бы сделать и слуги, но Хамбэй не любил обременять их подобными поручениями.

– Эти люди вместе со мной штурмовали вражеские крепости, поэтому никуда не годится заставлять их растирать мне спину.

Кашель ночью по-прежнему мучил Хамбэя, и Ою направилась в кухню, чтобы приготовить брату снадобье. Внезапно она услышала снаружи какой-то шум, как будто из забора выгаскивали бамбуковые палки. Ою прислушалась. Теперь до нее явственно донесся шепот:

– Погоди-ка минуту, я вижу свет. Кто-то еще не спит.

Голоса раздавались все ближе и ближе. И вот кто-то легонько постучал по водосточному желобу.

– Кто там? – спросила Ою.

– Госпожа Ою, это Куматаро из Курихары. Я только что вернулся из Итами.

– Приехал Куматаро! – взволнованно крикнула она Хамбэю и открыла дверь.

Оглядев троих стоящих перед нею мужчин, Ою подала Куматаро ведро, и тот повел своих спутников к колодцу.

Пришедших с Куматаро людей Ою не знала, сам же он был воспитанником Хамбэя. Однако

те времена, когда его звали Кокумой, давно миновали, и сейчас он превратился в настоящего самурая, причем весьма привлекательной наружности. Зачерпнув воды из колодца, Куматаро и его спутники смыли дорожную грязь с лица и рук и кровь с рукавов.

Хамбэй велел Ою зажечь лампу в маленькой гостиной, развести огонь в очаге и подать гостям легкую закуску, попутно объяснив сестре, что один из прибывших вместе с Куматаро – Курода Камбэй. О Куроде ходили противоречивые слухи. Одни говорили, что его с прошлого года держат в заточении в крепости Итами, другие – будто он перешел на сторону противника и остается в крепости по собственной воле. Как правило, Хамбэй не обсуждал с приближенными государственные дела, и даже Ою до сегодняшнего дня не догадывалась о том, куда и зачем отправился Куматаро еще в конце прошлого года.

– Ою, пожалуйста, принеси мне плащ, – попросил Хамбэй.

Девушка не стала возражать, зная, что он непременно поднимется поприветствовать гостей, как бы скверно себя ни чувствовал, молча принесла плащ и набросила его брату на плечи.

Причесавшись и прополоскав рот, Хамбэй вышел в гостиную, где дожидались Куматаро и оба его спутника.

Хамбэй не мог сдержать волнения, приветствуя гостей.

– Наконец-то вы в безопасности! – воскликнул он, сжимая руку Камбэя. – Я так за вас беспокоился!

– Как видите, со мной все в порядке, – отозвался тот.

– Небесам было угодно, чтобы мы вновь встретились. Для меня это истинное счастье.

Третий гость – самый старший из всех – молчал, явно не желая мешать двоим друзьям порадоваться встрече, пока Камбэй не попросил его представиться хозяину.

– Мой господин, я тоже состою на службе у князя Хидэёси и с вами мы встречаемся уже не впервые, но вы, должно быть, меня не помните: нам, ниндзя, не пристало мелькать на виду. Меня зовут Ватанабэ Тэндзо, я племянник Хатидзуки Хикоэмона. Чрезвычайно рад познакомиться с вами.

Хамбэй ударил себя по колену:

– Так, значит, вы Ватанабэ Тэндзо! Я много слышал о вас.

Тут в разговор вмешался Куматаро:

– Мы с Тэндзо случайно столкнулись в крепости Итами. Вернее, у крепостной тюрьмы. У нас с ним было одинаковое задание – во что бы то ни стало туда проникнуть и освободить князя Камбэя.

– Само Небо пришло нам на помощь, ибо, действуй мы поодиночке, нас, скорее всего, обоих бы убили, – улыбаясь, добавил Тэндзо.

В крепость Итами его направил Хидэёси, когда исчерпал все способы уговорить Араки Мурасигэ отпустить Камбэя и решил устроить своему другу побег из темницы.

Тэндзо повезло. Едва он прокрался в крепость, как подвернулась прекрасная возможность вызволить Камбэя. В крепости устроили какое-то торжество. Все родственники и вассалы Араки Мурасигэ пировали в главном зале, а воинам выставили столько сакэ, сколько они могли выпить. К тому же ночь выдалась тихая и безлунная. Тэндзо, не теряя времени даром, отыскал крепостную тюрьму и собрался уже было туда проникнуть, как столкнулся с человеком, занимающимся тем же самым и явно не похожим ни на стражника, ни на защитника крепости. Они сошлись, и незнакомец назвал свое имя. Это был подданный Такэнаки Хамбэя Куматаро. Вдвоем мужчины взломали тюремное окно и освободили Камбэя. Под покровом тьмы князь и его спасители без особого труда выбрались из крепости.

Выслушав рассказ смельчаков, Хамбэй сказал Куматаро:

– Признаться, давая тебе это поручение, я расценивал твои шансы на успех как один, ну

самое большое два из десяти. Похоже, нам и в самом деле следует возблагодарить Небо. Но что случилось после того, как вам удалось бежать из крепости? И как вы сумели добраться сюда?

Куматаро почтительно опустил на колени. Если он и совершил нечто достойное, то явно не возгордился.

– Выбраться из крепости было сравнительно просто, мой господин. Труднее оказалось обойти расставленные повсюду гарнизоны Араки Мурасигэ. Мы не раз попадали в окружение, пока в конце концов пробились, но в одной из схваток князь Камбэй ранили в левую ногу. Некоторое время нам пришлось отсиживаться в каком-то сарае, а когда князь немного поправился, мы двинулись в путь. Шли, отсыпаясь днем, пока не добрались до Киото.

Камбэй решил вставить в рассказ свое слово:

– Если бы мы сразу направились в лагерь войска клана Ода, осаждающего крепость, то избежали бы многих опасностей. Но судя по тому, что я слышал в крепости – а слухи эти усиленно распространял Араки Мурасигэ, – князь Нобунага не вполне мне доверяет. Мурасигэ всем внушал, что я непременно перейду на его сторону, обидевшись на Нобунагу, но я только смеялся в ответ на эти слова. – Замолчав, Камбэй грустно улыбнулся, и Хамбэй понимающе кивнул ему.

За разговором они не заметили, как небо на востоке начало светлеть. Ою накормила утомленных мужчин завтраком, и они прилегли ненадолго, а проснувшись, вновь продолжили беседу.

– Возможно, мои слова станут для вас полной неожиданностью, – сказал Хамбэй, – но я намерен сегодня же выехать в свою родную провинцию Мино, а оттуда – в Адзути, чтобы повидаться с князем Нобунагой. И как только я расскажу вашу, Камбэй, историю его светлости, вам лучше всего сразу отправиться в Хариму.

– Разумеется. Я не собираюсь сидеть без дела ни единого дня, – откликнулся Камбэй. – Но вы, мой друг, больны. Как такая поездка скажется на вашем здоровье?

– Я все равно собирался сегодня уехать. Стоит поддаться хворям, как им и вправду не будет конца. К тому же вот уже несколько дней я чувствую себя значительно лучше, чем прежде.

– Тем более важно довести лечение до конца. Не знаю уж, что за неотложные дела требуют вашего отъезда, но не лучше ли вам все-таки с этим повременить?

– Я молился о том, чтобы в новом году мое здоровье пошло на поправку, но сейчас, когда мне больше не нужно беспокоиться за вас, все это не имеет никакого значения. Кроме того, я совершил преступление, и должен отправиться в Адзути, чтобы понести наказание.

– Что еще за преступление? – недоуменно спросил Камбэй.

И тут Хамбэй впервые поведал другу о том, как более года уклонялся от исполнения приказа Нобунаги.

Камбэй пришел в ужас. То, что Нобунага усомнился в его верности долгу, это одно дело. Но распорядиться обезглавить Сёдзюмару! Нет, такого Камбэй не мог даже вообразить.

Внезапно он ощутил глубочайшее разочарование в Нобунаге. Камбэй жизнью рисковал в интересах князя – проник во вражескую крепость, подвергся заточению, чудом избежал верной смерти, – и какова благодарность? И в то же время он не мог удержаться от слез, думая о милосердии, проявленном по отношению к нему Хидэеси, и о самоотверженной дружбе Хамбэя.

– Друг мой, если бы вы знали, как я вам признателен! Но не могу согласиться с тем, чтобы вы понесли несправедливое наказание из-за моего сына. Мне самому следует отправиться в Адзути и объясниться с князем.

– Нет, князя послушался я, мне и ответ держать, – решительно возразил Хамбэй. А вас я прошу только об одном: поезжайте к Хидэеси в Хариму, причем как можно скорее.

Хамбэй простерся ниц перед другом в знак покорнейшей просьбы. Камбэю не оставалось ничего иного, как со вздохом сожаления согласиться, ибо он знал: приняв решение, Хамбэй никогда не отступался от него.

В тот же день друзья, попрощавшись, разъехались в разные стороны: один – на восток, а другой – на запад. Камбэй в сопровождении Ватанабэ Тэндзо спешил в войско, сражающееся в Хариме. Хамбэй, взяв с собой только Куматаро, поехал в Мино.

Прощаясь с братом у ворот храма Нандзэн, Ою не скрывала слез: она предчувствовала, что никогда с ним более не увидится.

Внезапно, уже одолев порядочный отрезок пути, Хамбэй натянул поводья и придержал коня.

– Куматаро, я позабыл кое-что сказать сестре. Сейчас я напишу записку, а ты отправляйся обратно и передай ее Ою. – Достав листок бумаги, он черкнул на нем несколько строк и вручил Куматаро. – Я поеду медленно, чтобы ты смог меня догнать.

Куматаро взял письмо, почтительно поклонился господину и поскакал в сторону храма. «Я виноват, – подумал Хамбэй, грустно окидывая едва видимый вдали храм Нандзэн прощальным взглядом. – Нет, я не раскаиваюсь в том пути, который избрал, но что касается моей сестры...» Он пустил лошадь свободным шагом и, покачиваясь в седле, предавался размышлениям.

Самурайская стезя пряма, как стрела, и Хамбэй никогда не отклонялся от нее. Он не стал бы сожалеть об этом, даже если бы ему предстояло умереть прямо сейчас. Но его глубоко огорчало, что сестра Ою стала возлюбленной Хидэёси. Хамбэй во всем винил себя, ведь это из-за его болезни она оставалась с ним рядом в те годы, когда ей надлежало выбрать собственную дорогу в жизни. Ему не давала покоя мысль о том, как будет жить Ою долгие годы после теперь уже недалекой его смерти.

И вот сейчас, отправляясь в путешествие, из которого ему не суждено вернуться, Хамбэй чувствовал себя обязанным объяснить с Ою. Пока она с такой нежностью ухаживала за ним, у него не хватало сил завести с ней этот тягостный разговор, но может быть, теперь, в нескольких стихотворных строках, он объяснит ей свои чувства? И когда его уже не станет, столь естественная скорбь заставит сестру удалиться из сонма женщин, льнущих к Хидэёси, как ветви цветущей лозы.

Прибыв в свое родовое поместье в Мино, Хамбэй провел целый день в молитвах над могилами предков, а затем ненадолго поднялся на гору Бодай.

С восходом солнца он совершил омовение и причесался.

– Позовите Ито Ханэмона, – распорядился Хамбэй.

В ожидании он подошел к окну. Пение соловьев доносилось и с равнины, лежащей у подножия горы Бодай, и из зарослей кустарника в крепости.

– Я к вашим услугам, мой господин.

За спиной у Хамбэя из-за ширмы появился коренастый немолодой самурай и низко поклонился своему господину. Это был Ито, которому надлежало присматривать за Сёдзюмару.

– Это ты Ханэмон? Входи. Настал день, когда Сёдзюмару предстоит отправиться в Адзути. Мы с ним выезжаем сегодня же. Пожалуйста, дай знать слугам и прикажи приготовить все необходимое.

Ханэмон, внезапно побледнев, спросил:

– Мой господин, означает ли это, что жизнь Сёдзюмару...

Хамбэй видел, как глубоко переживает пожилой наставник, и поспешил его успокоить:

– Нет-нет, никто не собирается отрубить ему голову. Я намерен укротить гнев князя Нобунаги, даже если за это мне придется заплатить собственной головой. Отец Сёдзюмару, едва

его освободили из заточения в крепости Итами, поспешил вернуться в войско в Хариме – а это ли не лучшее доказательство его преданности? Единственное преступление, за которое мне придется ответить, так это мое собственное послушание.

Ханэмон молча поклонился и, покинув господские покои, поспешил к Сёдзюмару. Еще из-за двери в комнату мальчика он услышал его беззаботный смех. Клан Такэнака принимал Сёдзюмару с такой заботой и лаской, что едва ли кому-нибудь могло прийти в голову, будто сын Камбэя доставлен сюда в качестве заложника.

Его наставники, узнав о внезапном отъезде своего подопечного, не на шутку встревожились, и Ханэмону пришлось их успокоить:

– Бояться совершенно нечего. Хоть молодого господина Сёдзюмару и отправляют в Адзути, но князь Хамбэй уверен в безопасности мальчика.

Сёдзюмару продолжал беззаботно хохотать и бить в барабан, даже не подозревая, что тучи сгущаются над его головой. Находясь здесь в заложниках, он, с согласия собственного отца, уже начал суровую и трудную учебу самурая. Его никак нельзя было назвать изнеженным ребенком.

– Что сказал Ханэмон? – осведомился Сёдзюмару, отодвинув барабан в сторону.

Глядя на встревоженные лица своих опекунов, мальчик, похоже, начал понимать, что произошло что-то неладное, и приуныл.

– Нам надо подготовиться к немедленной поездке в Адзути, – ответил один из них.

– А кто поедет?

– Вы, молодой господин Сёдзюмару.

– Как, я тоже? В Адзути?

Мужчины поспешили отвернуться, чтобы мальчик не заметил слез, выступивших у них на глаза. А он принялся скакать и хлопать в ладоши.

– Ой, правда? Как чудесно! – Он рванул в соседнюю комнату. – Я еду в Адзути! Я отправляюсь в путешествие с князем Хамбэем! Хватит играть! Эй вы, все! Я еду! – Затем он остановился и спросил неожиданно взрослым тоном: – А что, одежда уже приготовлена?

В комнату вошел Ито:

– Его светлость напоминает, чтобы вы не забыли помыться и тщательно причесаться.

Опекуны повели Сёдзюмару в банное помещение, усадив в фуру, помыли и причесали. Но, начав одевать мальчика, обнаружили, что в дорогу ему приготовлены белое кимоно и белое нижнее белье – так одевают приговоренных к смертной казни.

Слуги Сёдзюмару конечно же сразу подумали, что Ито скрыл от них правду и мальчика отправляют в Адзути, чтобы отрубить ему голову на глазах у Нобунаги. Они не смогли сдержаться и принялись плакать и причитать, но Сёдзюмару, не обращая на это никакого внимания, надел белое кимоно, алый парчовый плащ с броней и китайскую шелковую юбку. Разодетый столь празднично, он в сопровождении двух слуг был приведен в покои к Хамбэю.

– Я готов! Едем же скорее! Едем! – торопил он князя.

Хамбэй поднялся с места и обратился к своим приближенным:

– Пожалуйста, хорошенько позаботьтесь обо всем, – сказал он и, немного помолчав, добавил: – Впоследствии.

Позже, вспоминая об этом прощании, они догадались, что главный смысл короткого напутствия Хамбэя заключался в одном-единственном слове: «Впоследствии».

Впервые Нобунага удостоил Хамбэя аудиенции после битвы на реке Анэ. Тогда он сказал: «Хидэёси признался мне, что считает тебя не только вассалом, но и своим учителем. Поверь, я тоже ценю твои достоинства и заслуги».

После этого князь относился к нему так, словно Хамбэй был вассалом не Хидэёси, а его

собственным.

И вот теперь Хамбэй поднимался в крепость Адзути, ведя с собой сына Камбэя Сёдзюмару. От слабости лицо Хамбэя побледнело, но, разодетый в свое лучшее платье, он неутомимо шаг за шагом поднимался по лестнице, ведущей в башню, где восседал Нобунага. Хамбэй заранее оповестил князя о своем прибытии, и тот уже его ждал.

– Я так редко вижу тебя, – с воодушевлением произнес Нобунага, встречая Хамбэя. – Очень рад, что ты прибыл. Подойди-ка поближе. Садись. Тебе не возбраняется сидеть в моем присутствии. Как ты себя чувствуешь? Теперь лучше? Думаю, тебя и духовно, и телесно утомила длительная кампания в Хариме. Мои врачи утверждают, что тебе нужно еще год-другой отдохнуть и ни в коем случае не участвовать в войне.

За последние два или три года вряд ли кто припомнил бы случай, чтобы Нобунага разговаривал с кем-нибудь из своих приверженцев с такой теплотой и заботой. Хамбэй даже растерялся от неожиданности.

– Я не заслуживаю таких слов, мой господин, потому что лишь больной человек, которому из-за собственной слабости не удалось послужить вам как следует, – смущенно промолвил он.

– Нет-нет! Если с тобой что-нибудь случится, я попаду в крайне затруднительное положение. Главное для нас сейчас – поддержать Хидэёси.

– Пожалуйста, не говорите такого, мой господин. Вы заставляете меня краснеть. Я приехал сюда и осмелился попросить об аудиенции, чтобы признаться в ослушании. Год назад Сакума Нобумори доставил мне ваш приказ казнить Сёдзюмару. Но до сих пор...

– Погоди-ка, – прервал его Нобунага. На мгновение забыв о Хамбэе, он посмотрел на мальчика, скромно стоящего возле того на коленях. – Это и есть Сёдзюмару?

– Да, мой господин.

– Что ж, понятно... Он похож на отца. Многообещающий молодой человек. Ты должен хорошенько заботиться о нем, Хамбэй.

– Но вы ведь приказали прислать вам его голову!

Замерев, Хамбэй пристально посмотрел на Нобунагу. Он твердо решил даже ценой собственной жизни спасти мальчика, если Нобунага будет настаивать на своем. Но с самого начала нынешней аудиенции, как только сейчас сообразил Хамбэй, на уме у его светлости было что-то другое.

И в самом деле Нобунага рассмеялся:

– Забудь об этом. Я ведь человек чрезвычайно подозрительный, вот и поторопился отдать приказ, да тут же и раскаялся. Конечно, вся эта история была страшным испытанием и для Хидэёси, и для Камбэя. Но мудрый Хамбэй ослушался моего приказа и не стал казнить ребенка. Честно говоря, услышав об этом, я испытал величайшее облегчение. Тебе не о чем беспокоиться, вся вина лежит на мне.

Нобунаге, похоже, хотелось поскорее переменить тему беседы. Хамбэй, однако же, отнюдь не собирался с такой легкостью принимать даруемого прощения. Нобунага велел ему забыть обо всем, предоставить этому происшествию и памяти о нем порости травой, но на лице у Хамбэя не было и тени радости.

– Ваша светлость, мое ослушание может принизить ваше величие в глазах людей. Если вы сообразите сохранить Сёдзюмару жизнь потому, что его отец Камбэй оказался доблестным и ни в чем не повинным человеком, то позвольте этому отроку доказать вам, что он достоин проявленного по отношению к нему милосердия. Высшей же милостью по отношению ко мне стало бы повеление совершить достойное деяние во искупление моей вины. Я ведь ослушался вашего приказа.

Хамбэй произнес эти слова с такой искренностью, словно был готов прямо сейчас

проститься с жизнью. А затем вновь простерся ниц в ожидании решения. Именно этого и хотелось Нобунаге с самого начала.

Еще раз получив прощение князя, Хамбэй шепнул Сёдзюмару, чтобы и тот в свою очередь произнес слова благодарности. А затем вновь обратился к Нобунаге:

– Сегодня, возможно, мы видимся с вами в этой жизни в последний раз. Я молю Небо ниспослать вам грандиозные победы на полях сражений.

– Как странно звучат твои слова! Неужели ты собираешься опять послушаться меня? Ну-ка объясни, что ты имеешь в виду?

– Мой господин, обратите внимание на то, как одето это дитя, – сказал Хамбэй, бросив взгляд на Сёдзюмару. – Ему предстоит отправиться в Хариму и сражаться там вместе с отцом; мальчик одержим решимостью отличиться в бою, препоручив свою судьбу воле Небес.

– Что?! Он хочет сражаться?

– Камбэй – прославленный воин, а Сёдзюмару – плоть от плоти его. Я просил бы вас благословить мальчика на первое сражение.

– А как насчет тебя самого?

– При моей болезни я едва ли принесу большую пользу нашему войску, но думаю, сейчас мне самое время отправиться в Хариму вместе с Сёдзюмару.

– А это тебе по силам? Подумай о своем здоровье!

– Я рожден самураем, и скончаться от болезни позор для меня. Я должен умереть только в бою!

– Что ж, благословляю тебя, Хамбэй, и желаю Сёдзюмару удачи в его первой войне.

Нобунага подозвал к себе мальчика и подарил ему малый меч, выкованный знаменитым кузнецом. А затем приказал подать сакэ, которое они с Хамбэем тут же и распили.

Завещание Хамбэя

Осада крепости Мики длилась уже три года, а последние шесть месяцев войско Хидэёси полностью блокировало крепость. Чем же питаются нынче Бэссё Нагахару и его сторонники? Как им удастся выжить? На эти вопросы никто не находил ответа. Уж не чудо ли это? Иногда воинам Хидэёси начинало казаться, будто в живучести вражеских воинов и впрямь есть нечто сверхъестественное. Схватку терпения и упорства войско Оды явно проигрывало. Казалось, что вражеские воины едва ли не бессмертны: обстрелы, атаки, штурмы и призывы сдать не производили на них никакого впечатления.

Гарнизон в три тысячи пятьсот воинов был отрезан от источников продовольствия и питьевой воды. Уже к середине первого месяца защитники крепости согласно всем расчетам должны были умереть голодной смертью. Однако месяц закончился, а крепость по-прежнему держалась. И так месяц за месяцем. Сейчас уже начался третий.

Хидэёси видел, как измотано его войско, но старался скрывать все возрастающую тревогу. Только всклокоченная борода и глубоко запавшие глаза главнокомандующего выдавали волнение и усталость, вызванные затянувшейся осадой.

«Я просчитался, – решил Хидэёси. – Знал, конечно, что они сумеют постоять за себя, но не предполагал, что их упорства хватит на столь продолжительное время. Похоже, исход сражения решают не только численное превосходство и логические выкладки!»

Наступил пятый месяц, принесся с собою сезон дождей. Горные дороги под дождевыми потоками превратились в бурные водопады, а пересохшие было рвы вновь доверху наполнились мутной водой. И теперь, когда люди передвигались по горам, утопая в грязи, осада, которая в последнее время вроде бы начала приносить кое-какие результаты, вновь зашла в тупик.

Куроода Камбэй, припадая на раненную во время побега из крепости Итами ногу, которую так и не залечил, то и дело поднимался на невысокий холм, чтобы осмотреть передовую линию осады. Он кривил рот в горькой усмешке, думая о том, что ему, возможно, суждено остаться хромым до конца своих дней.

Видя, с какой стойкостью преодолевает последствия ранения его друг, Хамбэй забыл о собственной немощи и преисполнился ничуть не меньшего рвения. Да, Хидэёси собрал под своим крылом незаурядных людей. И каждый раз, обращая взор на одного из этих героев, он не мог совладать со слезами волнения, застилавшими глаза. В ставке у него царило полное единство мнений. Только поэтому боевой дух войска еще не утонул в местной трясине. Конечно, они топчутся здесь уже полгода, зато в последнее время защитники крепости Мики начали выказывать первые признаки слабости. Хидэёси не раз выручала острота ума Камбэя, и он в шутку, хотя и с явным восхищением, называл своего помощника чертовым калекой, но в глубине души относился к нему с величайшим уважением.

Но вот уже закончился сезон дождей, миновало знойное лето, и в начале восьмого месяца дохнула прохладой осень. Хамбэю стало заметно хуже – похоже было, что бедняге уже никогда не доведется облачить свое немощное тело в боевые доспехи.

«Похоже, меня оставило само Небо, – сетовал Хидэёси. – Хамбэй, такой молодой и способный, умирает. Неужели судьба не отпустит ему еще хотя бы немного времени?» Он чуть ли не все время проводил с занемогшим другом в его хижине, однако нынешним вечером главнокомандующего отвлекли важные неотложные дела, а между тем состояние Хамбэя ухудшалось с каждым часом.

Над вражескими крепостями в Такано и на горе Хатиман сгустилась вечерняя мгла. Приближалась ночь, но с окрестных гор доносилось все более частая ружейная стрельба.

«Должно быть, этому чертовому калеке опять нейдет, – подумал Хидэёси. – Ему не следовало бы так глубоко врезаться во вражеские порядки».

Хидэёси беспокоился о Камбэе, который предпринял яростную атаку и до сих пор не возвратился в ставку. Вдруг на тропе послышались приближающиеся шаги, и через мгновение он увидел простершуюся перед ним фигуру.

– Сёдзюмару? – с удивлением воскликнул Хидэёси.

Прибыв в лагерь на горе Хираи, сын Камбэя уже успел принять участие в нескольких вылазках. В самое короткое время из беспечного ребенка он превратился даже не в подростка, а в маленького, но отважного воина. Примерно неделю назад, когда здоровье Хамбэя резко ухудшилось, Хидэёси велел Сёдзюмару за ним присматривать.

– Я уверен, что больному гораздо приятней будет видеть тебя у своей постели, чем кого бы то ни было другого, – сказал он мальчику. – Я бы и сам с радостью взял на себя этот труд, но боюсь, что он расстроится, решив, будто излишне обременяет меня, и почувствует себя еще хуже.

Для Сёдзюмару Хамбэй был и наставником, и вторым отцом. И он, не снимая боевых доспехов, сидел у постели больного день и ночь, готовя Хамбэю целительные снадобья и стараясь предупредить малейшие его желания. И вот сейчас Сёдзюмару подбежал к Хидэёси и с самым несчастным видом пал ниц. Сердце Хидэёси сжалось от недоброго предчувствия.

– Почему ты плачешь, Сёдзюмару?

– Пожалуйста, простите меня, – ответил Сёдзюмару, размазывая по лицу слезы. – Князь Хамбэй до того слаб, что не может говорить; возможно, он не доживет до полуночи. Не соблаговолите ли вы посетить его?

– Он при смерти?

– Боюсь, что да.

– И это подтвердил лекарь?

– Да. Князь Хамбэй на днях строжайше запретил мне докладывать вам о его состоянии, но лекарь и вассалы князя рассудили по-иному. Они уверены, что он вот-вот простится с этим миром, и я решил сообщить вам об этом.

Хидэёси мысленно уже смирился с неизбежным.

– Сёдзюмару, побудь здесь вместо меня, – распорядился он. – Скоро, как мне кажется, сюда должен возвратиться твой отец из боя в Такано.

– Мой отец сражается в Такано?

– Он руководит боем из паланкина.

– Так, может быть, мне лучше отправиться прямо туда? Принять у отца командование войском и попросить его прибыть к смертному одру господина Хамбэя?

– А ты рассуждаешь мудро. Так и поступи, если у тебя хватит мужества.

– Пока господин Хамбэй еще дышит, мой отец непременно захочет быть рядом с ним, – сказал Сёдзюмару. И, схватив копье, слишком большое для такого малыша, поспешно удалился в направлении темнеющей на горизонте гряды холмов.

Хидэёси, проводив мальчика взглядом, быстро пошел к хижине, в которой находился Такэнака Хамбэй. Как раз в это мгновение над ее кровлей взошла бледная луна. Возле постели больного дежурил лекарь, здесь же собрались и вассалы Хамбэя. Хижина представляла собой самую обыкновенную лачугу, но грубые циновки были застланы белыми покрывалами, а угол отгораживала раздвинутая ширма.

– Хамбэй, вы слышите меня? Это я, Хидэёси. Как вы себя чувствуете?

Хидэёси присел на краешек постели, глядя на покоящееся на подушке лицо друга. Может быть, такой эффект создавался из-за полумрака, но ему показалось, что лицо Хамбэя, подобно

драгоценному камню, источало сияние. От одного вида Хамбэя Хидэёси захотелось разрыдаться.

– Скажите-ка, лекарь, – спросил он, – как наш больной?

Лекарь промолчал в ответ, давая понять, что смерть Хамбэя – это вопрос времени. А Хидэёси так хотелось услышать хоть какие-нибудь обнадеживающие слова.

Больной шевельнул рукой, видимо узнав голос Хидэёси, и, открыв глаза, едва слышно задал какой-то вопрос одному из своих слуг. Тот поспешил ответить:

– Его светлость нашли время посетить вас... побыть с вами в этот час...

Хамбэй кивнул, а затем показал что-то жестом.

Слуга, не поняв, чего хочет хозяин, вопросительно взглянул на лекаря, но тот лишь недоуменно пожал плечами.

И только Хидэёси понял, о чем именно просил Хамбэй.

– Вы хотите сесть? Не лучше ли вам остаться лежать? – обратился он к другу, уговаривая его, точно капризное дитя.

Хамбэй отрицательно покачал головой и еще раз показал слуге, чтобы тот помог ему приподняться. Соратники бережно попытались усадить его, но Хамбэй отстранил их и медленно поднялся с постели.

Как зачарованные, затаив дыхание, следили за ним Хидэёси, лекарь, вассалы и слуги. С трудом сделав несколько шагов к середине комнаты, Хамбэй с достоинством опустился на тростниковую циновку. Заострившимися плечами, худыми коленями, тонкими руками он сейчас напоминал девочку. Сжав губы, он отвесил такой низкий поклон, что присутствующим почудилось, будто его позвоночник вот-вот переломится пополам.

– Нынешним вечером мне пришла пора проститься с вами. Хочу поблагодарить вас за все милости, за все великодушие, проявленное по отношению ко мне за долгие годы, – тихо заговорил Хамбэй. Затем он на мгновение замолчал, собираясь с силами, и продолжил: – Листья падают или зеленеют, живут или умирают... Если вдуматься, краски весны и осени наполняют собой всю вселенную. Мне был по душе этот мир. Мой господин, мы с вами связаны кармой, поэтому вы и были так добры ко мне. Оглядываясь в прошлое, я сожалею не о своем участии в ваших деяниях, а лишь о том, что сумел оказать вам слишком ничтожную помощь.

Его голос стал тоньше нити, но речь струилась непрерывно. Затаив дыхание, присутствующие внимали этому скорбному откровению. Хидэёси сидел прямо, понурился голову, положив руки на колени, и внимательно слушал, боясь пропустить хотя бы слово. Всем известно: прежде чем погаснуть, лампа разгорается особенно ярко. Так и перед Хамбэем в этот краткий миг жизнь вновь предстала во всем разноцветье красок. Он продолжил говорить, отчаянно стараясь донести до Хидэёси свои последние мысли.

– Все события... все события и перемены, которые доведется претерпеть миру впоследствии... Я благословляю все это. Япония сейчас на пороге великих перемен. Мне бы очень хотелось поглядеть на то, что станет с нашим народом, но отмеренный мне земной срок уже на исходе, и этому желанию не дано сбыться. – Его речь постепенно становилась все более и более четкой, чувствовалось, что он вкладывает в слова свои последние силы. Одышка мешала говорить, но он упорно продолжал: – Но... мой господин... вы, вы сами не верите собственному предназначению. Не понимаете, что не случайно родились именно в это переломное время. Пристально всматриваясь в вас, читая у вас в душе, я не нахожу там честолюбия, достаточного для правителя всего народа. – Здесь Хамбэй на мгновение прервался. – До сих пор такая скромность шла вам на пользу и всем была по вкусу. Возможно, неучтиво напоминать вам об этом, но когда вы были в услужении у князя Нобунаги, вы вкладывали всю душу в эту службу, а когда стали самураем, то превыше всего поставили самурайский долг. Однако вы никогда не

предавались несбыточным мечтам и не примеряли свои способности и силы к должности, вами еще не полученной. Этого я больше всего и опасаясь. В соответствии с вашим образом мыслей вы, получив задание покорить западные провинции, непременно их покорите и будете вполне удовлетворены. Но не упустите из виду главное, позабыв о собственном высоком предназначении.

В хижине было так тихо, что казалось, будто Хамбэй остался в полном одиночестве. Хидэёси, застыв, слушал умирающего друга.

– Но... способность распоряжаться судьбами всего мира нуждается в развитии, потому что это воистину дар Небес. Соперничающие князья сражаются друг с другом за власть, похваляясь тем, что никому другому, кроме одного из них, не удастся вывести мир из хаоса и избавить людей от вечных несчастий. Но вот погиб обладавший столькими замечательными способностями Кэнсин, вот отошел в мир иной Сингэн из Каи. Великий Мотонари, владевший всеми западными провинциями, прощаясь с этим миром, завещал своим наследникам не переоценивать собственные силы и возможности, а два клана, Асаи и Асакура, сами добровольно вступили на гибельную тропу. Кто же решит этот великий вопрос раз и навсегда? У кого найдется воля, способная создать культуру новой эры, причем такую культуру, которую воспримет весь народ? Таких людей можно пересчитать по пальцам одной руки.

Хидэёси внезапно поднял голову, и сияние, исходящее из глаз Хамбэя, казалось, омыло его лицо. Хамбэй был при смерти, да и сам Хидэёси не знал, разумеется, сколько времени ему отпущено в этом мире. На какое-то мгновение их взгляды встретились и слились перед лицом самой Вечности.

– Я знаю, что в глубине души вы испытываете смущение, слыша такие речи, потому что состоите на службе у князя Нобунаги, и хорошо понимаю ваши чувства. Но Провидение ясно указало, какую именно – и сколь трудную – задачу надлежит решить Нобунаге. Ни вы, ни князь Иэясу по природе своей не способны переломить сегодняшнее состояние дел, у вас не хватило бы уверенности в себе, чтобы смело шагнуть навстречу превратностям судьбы. Вряд ли кто-либо, кроме князя Нобунаги, смог бы решительно вести страну в нынешней смуте. Но все это вовсе не означает, будто Нобунага сумеет обновить ее, добиться мира. Захватив западные провинции, атаковав Кюсю и умиротворив Сикоку, вы не добьетесь порядка в стране, четыре сословия не прекратят взаимные распри, свет новой культуры не возгорится, не будет заложен краеугольный камень процветания для грядущих поколений.

Хамбэй давно и глубоко размышлял над этими вопросами, черпая мудрость из классической философии Древнего Китая, сравнивая перемены, происходящие в современном ему мире, с прежними историческими событиями.

На протяжении долгих лет, проведенных на службе у Хидэёси, он набрасывал мысленные контуры грядущего развития для всей Японии, до поры до времени сохраняя свои выводы в тайне. Уж не избранник ли Хидэёси Небес, спрашивал он себя. Но с какой же стати? Коротая с ним день и ночь, Хамбэй не раз наблюдал за его стычками с супругой, за неприхотливыми радостями, не раз слышал от него вздор, а сравнивая своего господина с вождями других кланов, вроде бы не замечал за ним ни малейшего превосходства. И все же Хамбэй не раскаивался в том, что состоит на службе у этого человека и принес ему в жертву половину собственной жизни – наоборот, он был счастлив тому, что Небо послало ему такого князя, и считал, что только в служении ему и обретает смысл его собственная жизнь.

«Если этот князь выполнит ту роль, которая, как я надеюсь, уготована ему самой природой, и достигнет в будущем высочайших вершин, – думал Хамбэй, – моя жизнь тоже не пропадет понапрасну. Мои собственные представления об Истине и Добре воплотятся в его грядущих деяниях и станут законом для всего мира. И тогда люди скажут, что я хоть и жил недолго, но

успел оправдать свое предназначение!!»

– Вот и все, – продолжил он, – мне нечего больше сказать. Пожалуйста, мой господин, поберегите себя хорошенько. Прошу, верьте в собственную незаменимость и действуйте с удвоенным рвением после того, как меня не станет.

Едва Хамбэй закончил свою речь, как грудь его опала, тонкие руки бессильно повисли. Он пошатнулся и ничком упал на пол. Струйка крови побежала по циновке, стекаясь в лужицу, напоминавшую цветок распускающегося пиона.

Хидэёси метнулся к больному и поднял его голову; кровь залила уже грудь и живот Хамбэя.
– Хамбэй! Хамбэй! Зачем ты покидаешь меня? Зачем уходишь? Что мне отныне делать без тебя? Как сражаться? – И Хидэёси горестно зарыдал, не заботясь о том, как воспримут его порыв окружающие.

Смертельно бледное лицо Хамбэя обмякло, его голова покоилась на коленях у Хидэёси.

– Да, друг мой, отныне тебе ни о чем уже не придется беспокоиться, – горестно произнес князь.

Рожденные на рассвете умирают до заката, рожденные вечером – до рассвета. Это вполне соответствует буддийскому пониманию непостоянства всего сущего, поэтому многие были удивлены тем, что смерть Хамбэя повергла Хидэёси в пучину отчаяния. В конце концов, он был воином и находился на поле сражения, где каждое мгновение ведется счет павшим, где люди уходят в мир иной так же легко, как осенний ветер срывает с ветвей листья. Но горе Хидэёси было столь велико, что окружающие чувствовали себя оглушенными и подавленными. Немалое время прошло, прежде чем он пришел в себя, как ребенок после горячки, медленно и бережно поднял невесомое тело Хамбэя со своих коленей и, двигаясь, точно слепой, опустил его на белое покрывало, застилавшее ложе, продолжая нашептывать усопшему другу какие-то слова, словно тот мог его услышать.

– Даже если бы тебе был отпущен двойной или тройной срок обычной человеческой жизни, ты не успел бы исполнить и половины задуманного, настолько высоки, непомерно высоки, были твои замыслы и надежды. Ты не хотел умирать. Да и любой другой на твоём месте тоже не захотел бы этого. Верно, Хамбэй? Но ты, столько дел не успевший довести до конца, с каким огорчением, с каким разочарованием от них отказываешься!

Как сильно любил сейчас Хидэёси умершего! Вновь и вновь принимался он горестно стенать над бездыханным телом Хамбэя. Он не складывал молитвенно рук и не взывал к Небесам, но беспрестанно обращался к телу со все новыми и новыми речами.

Только что прибыл Камбэй, узнавший от сына, что Хамбэй при смерти.

– Я опоздал? – взволнованно спросил он у первого же встречного, идя по лагерю со стремительностью, удивительной для хромого.

В хижине он нашел Хидэёси, с покрасневшими глазами сидящего у ложа, с остывшим, бездыханным телом Хамбэя. Камбэй, глухо застонав, опустился на корточки, точно ему разом отказались служить и душа, и тело. Окаменев от горя, сидели Хидэёси и Камбэй, глядя на мертвого друга.

Сгустилась мгла, но они не зажгли огня. Белые покрывала, на которых возлежал мертвец, казались снежным полем на горном склоне.

– Камбэй, какая потеря! – нарушил в конце концов молчание Хидэёси, и голос его звучал так, словно вырывалось из его души само горе. – Я знал, что это скоро случится, и все равно...

Камбэй по-прежнему молчал, не в силах ответить, и казался сейчас оглушенным. Наконец он совладал с собой и заговорил:

– Не могу поверить. Он прекрасно себя чувствовал всего полгода назад. И вдруг – такой исход... – После долгой паузы он продолжил: – Однако хватит! Нельзя же вечно сидеть здесь и

плакать! Эй, кто-нибудь, принесите лампу! Нужно обмыть тело и прибрать в помещении. Нам предстоит похоронить Хамбэя с подобающими воину почестями.

Пока Камбэй отдавал слугам распоряжения, Хидэёси ушел. Когда люди принялись убирать покойного при мерцающем свете ламп, кто-то нашел под подушкой у Хамбэя письмо, написанное двумя днями ранее и адресованное Камбэю.

На следующее утро Хамбэя похоронили на горе Хираи. Осенний вечер печально колыхал траурные флаги.

Камбэй показал предсмертное письмо Хамбэя Хидэёси. Ни жалоб, ни сетований на судьбу! Речь в нем шла только о великом предназначении Хидэёси и о соображениях по поводу предстоящих боевых операций.

«И даже если тело мое умрет и превратится в скелет, схороненный в глубине земли, стоит только моему господину вспомнить обо мне и о моих рассуждениях, как душа моя воспрянет перед господином и станет служить ему даже из могилы».

И теперь, узнав о заветных чаяниях своего вассала, Хидэёси вновь не смог удержаться от слез.

Камбэй осмелился дать ему совет:

– Мой господин, вам пора сдерживать столь бурные проявления горя. Пожалуйста, дочитайте письмо до конца и вдумайтесь в смысл того, что там сказано. Князь Хамбэй составил план взятия крепости Мики.

Камбэй всегда относился к Хидэёси с глубочайшей преданностью, но сейчас в его голосе послышались нотки нетерпения: слишком уж откровенно проявлял Хидэёси свои чувства, истинному полководцу вести себя так не подобает.

В письме Хамбэя говорилось, что крепость Мики падет в течение ближайших ста дней. Он настойчиво предостерегал не решать исход осады мощным штурмом, ибо это повлечет за собой напрасные потери, и предлагал следующее:

«В крепости Мики нет воина, во всех отношениях более безупречного, чем военачальник Гото Мотокуни. На мой взгляд, он не из тех вояк, что не задумываются над судьбами страны и бездумно бросаются в гущу боя. Перед началом нынешней кампании мы с ним несколько раз встречались и беседовали в крепости Гимэдзи, так что нас можно, пожалуй, назвать приятелями. Я написал ему письмо, в котором попросил объяснить сложившееся положение вещей его князю Бэссё Нагахару. Если князь Нагахару правильно воспримет соображения Гото, то непременно догадается сдать крепость и попросить у нас мира. Но для того чтобы этот замысел сработал, необходимо, учитывая человеческую природу, дождаться подходящего часа. Лучшим временем для этого будет, как мне представляется, поздняя осень, когда опавшие листья устилают землю, луна одиноко бродит по небу, темному и холодному, а сердца воинов щемит тоска по отцам, матерям, сестрам, братьям, женам и детям, и они, вопреки своему долгу, начинают душою рваться домой. Защитники крепости уже ослаблены недоеданием. Поняв, что близится зима, а вместе с нею и смерть, они со всей остротой ощутят обреченность и безнадежность собственного положения. Пойти на приступ в такую пору – означало бы дать им превосходную возможность сразиться и умереть геройской смертью, прихватив с собою в последний путь через горные вершины множество противников. Но если вы воздержитесь от атаки и, выждав еще чуть-чуть, давая им возможность все тщательно обдумать, направите соответствующие послания князю Нагахару и его вассалам, тогда, я убежден, они сдадутся еще до окончания этого года».

Камбэй заметил, что Хидэёси усомнился в замысле Хамбэя, и поспешил высказать свою точку зрения.

– Дело в том, что Хамбэй перед смертью несколько раз упоминал этот замысел в разговорах со мной, но тогда подходящее время для его выполнения еще не настало. Если будет угодно моему господину, я готов отправиться в крепость Мики и встретиться с Гото.

– Нет, погоди-ка. – Хидэёси покачал головой. – Мы ведь прошлой весной прибегли к точно такому же плану – попробовали подступиться к одному из крепостных командиров – и не получили никакого ответа. А позже выяснилось, что, когда наш посланец предложил Бэссё Нагахару сдаться, его командиры и воины так рассвирепели, что разорвали несчастного на куски. А Хамбэй предлагает в своем предсмертном письме поступить точно так же. Если нас постигнет неудача, то мы лишь продемонстрируем противнику свою слабость.

– Не согласен. Мне кажется, Хамбэй не зря подчеркнул, насколько важно начать действовать в нужную минуту, с учетом человеческой природы. И мне представляется, что сейчас как раз и настало такое время.

– Ты так думаешь?

– Я в этом совершенно уверен.

Тут мужчины, прервав разговор, прислушались к звукам, доносившимся из-за полога шатра. В хор хорошо знакомых им голосов командиров и военачальников неожиданно влился женский голос. Это прибыла сестра Хамбэя Ою. Прознав о том, что брат ее опять тяжело заболел, она немедленно выехала из Киото в сопровождении всего лишь нескольких слуг. Одержимая желанием еще раз повидаться с братом перед его кончиной, Ою поспешила на гору Хираи, но дорога оказалась трудной, и она, увы, прибыла слишком поздно.

Как показалось Хидэёси, женщина, почтительно склонившаяся сейчас перед ним, разительно переменилась. Как только он заговорил с нею, Камбэй и оруженосцы поспешили удалиться из шатра, оставив их наедине. Вначале Ою плакала, не в силах поднять на Хидэёси глаз. Хотя она истосковалась по нему за время долгой разлуки, но сейчас, оказавшись рядом, не смела подойти к своему господину.

– Ты уже знаешь о смерти Хамбэя?

– Да, – кивнула она.

– Тебе придется смириться с этим, ничего не поделаешь.

Тело Ою сотрясали рыдания.

– Прекрати плакать, – сказал Хидэёси в растерянности, не зная, что предпринять. Хотя сейчас в шатре никого, кроме них двоих, не было, но слуги стояли за пологом, и его смущала мысль о том, что их могут слышать.

– Давай сходим к Хамбэю на могилу, – предложил Хидэёси и повел Ою прочь от лагеря.

По горной тропе они поднялись на вершину небольшого холма.

Ледяной осенний ветер гудел в ветвях одинокой сосны, под которой виднелась горка свеженасыпанной земли. Сверху, отмечая место могилы, лежал один-единственный большой камень. Когда-то под этой сосной расстлали тростниковую циновку, и они втроем, Камбэй, Хамбэй и Хидэёси, любуясь луной, коротали здесь время за дружеской беседой.

Ою прошла по склону и сорвала несколько поздних цветков, чтобы украсить ими могилу. Затем она подошла к холмику и постояла возле него, уже не плача. Здесь, в горах, травы и деревья, тронутые тленом поздней осени, преподавали наглядный урок того, что смерть, как и жизнь, есть всеобщий закон вселенной. Осень сменяется зимой, зима – весной: в природе нет места ни жалобам, ни слезам.

– Мой господин, у меня к вам просьба... – Ою повернулась к Хидэёси. – И я хочу

обратиться с нею здесь, на могиле моего брата.

– Слушаю тебя.

– Наверное, вы и сами догадываетесь...

– Догадываюсь, – подтвердил он.

– Соболаговолите разрешить мне удалиться. Мой брат, я уверена, обрадуется, пусть он и в земле.

– Умирая, Хамбэй сказал, что его дух будет служить мне и из глубины могилы. Так могу ли я не удовлетворить просьбу той, о ком он безмерно заботился, пока был жив? Поступай, как тебе подсказывает сердце.

– Благодарю вас. Я всего лишь выполняю его предсмертную волю.

– И куда ты отправишься?

– В храм, что в одном отдаленном селении, – ответила Ою и вновь заплакала.

Ою получила на память прядь волос покойного брата и всю его одежду. Женщине не подобало надолго оставаться в военном лагере, и уже на следующий день Ою приготовилась к долгому путешествию.

– Я пришла попрощаться. Пожалуйста, очень прошу вас, берегите себя, – сказала она Хидэёси.

– Задержись в лагере еще на пару деньков, – попросил князь.

Последующие несколько дней Ою провела в стоящей особняком ото всех других хижине, молясь о душе усопшего брата. Время шло, а она не получила от Хидэёси ни единой весточки. В горах уже властвовала зима, и холодные дожди вперемешку со снегом сбивали с деревьев последнюю листву. И вот, в первую ночь, когда на чистом небе засияла луна, в хижину к Ою пришел княжеский оруженосец.

– Его светлости угодно повидаться с тобой. Он просил, чтобы ты сегодня же вечером закончила все приготовления к отъезду, а сейчас поднялась на холм к могиле князя Хамбэя.

Собираться в дорогу Ою было недолго, и она направилась к могиле брата в сопровождении Куматаро и двух слуг. Деревья стояли уже совсем голые, трава почернела. В лунном свете земля под ногами казалась белой, как будто ее сковало льдом.

Один из полудюжины оруженосцев, сопровождавших Хидэёси, оповестил его о прибытии Ою.

– Благодарю тебя, Ою, за то, что ты пришла, – учтиво начал Хидэёси. – С того дня, как мы с тобой виделись в последний раз, у меня было так много дел, что не нашлось минутки навестить тебя. В последние дни стоят холода, и тебе, наверное, было очень одиноко.

– Я решила провести остаток своих дней в удаленном селении, так что одиночество меня не страшит.

– Надеюсь, ты будешь молиться за душу Хамбэя. И знай: где бы ты ни поселилась, нам с тобой, я уверен, уготована новая встреча. – Он повернулся к могиле Хамбэя под сосной. – Ою, я здесь для тебя кое-что приготовил. Сомневаюсь, что когда-нибудь впредь мне удастся послушать твою прелестную игру на кото. Давным-давно ты была вместе с Хамбэем, помнишь, когда мы вели осаду крепости Тётэйкэн в Мино. Ты играла на кото, услаждая слух наших воинов, вражеских же воинов твоя игра лишала сил, и они в конце концов поспешили сдаться. Если ты поиграешь сейчас, то, мне кажется, это будет достойным даром душе Хамбэя и навсегда останется драгоценным воспоминанием для меня. А кроме того, если ветер донесет твою игру до стен вражеской крепости, музыка тронет сердца ее защитников, они вспомнят о своей человеческой природе, поймут, что их смерть окажется бессмысленной, и, возможно, сдадутся. Это будет великая победа, которой порадовался бы и сам Хамбэй.

И он подвел ее к сосне, где на тростниковой циновке лежало кото.

После трехлетней осады воины западных провинций, привыкшие посматривать на остальных жителей страны свысока, считая тех людьми суетными и безнравственными, превратились в жалкие тени.

– Мне все равно, погибнуть сегодня или завтра, но не хотелось бы умереть от голода! – в сердцах воскликнул один из защитников крепости.

Они впали сейчас в такое отчаяние, что героическая смерть в бою осталась для них единственной надеждой. Им приходилось глотать лошадиные кости, есть мышей-полевок, древесную кору и корни, а предстоящей зимой они намеревались варить похлебку из тростниковых татами и питаться глиной со стен. Они поддерживали друг друга взглядами запавших глаз, исполненные решимости пережить и эту зиму. И только в ходе немногочисленных стычек, когда им приходилось отбивать вражеские атаки, эти измученные люди забывали о голоде и усталости и сражались насмерть.

Но на протяжении уже двух недель вражеские отряды не приближались к стенам крепости, и подобное пренебрежение досаждало ее защитникам куда больше, чем самый отчаянный штурм. С закатом крепость погружалась в непроглядную тьму, столь глубокую, что казалось, будто она проваливается в болотную трясины. Фонарей защитники не зажигали. Весь рыбий жир, все запасы растительного масла шли только в пищу. Почти всех ласточек и даже воробьев, прежде стайками порхавших среди ветвей в крепости, уже изловили и съели. А новые почему-то перестали прилетать сюда, словно зная заранее, что в стенах крепости их ждет горькая участь. Люди убили столько ворон, что им никак не удавалось подманить и поймать оставшихся. Биение сердца учащалось, стоило воинам услышать в темноте звук, похожий на шорох крота. Тут же начинал выделяться желудочный сок, и они с отвращением признавались друг другу:

– Живот болит так, словно его вывернули наизнанку.

Нынешним вечером луна была особенно красива, но защитники крепости, глядя на небо, испытывали лишь досаду из-за того, что ее нельзя сбить на землю и съесть. Опавшие листья усеяли здешние крыши и ворохом лежали возле главных ворот. Кто-то из воинов принялся жадно жевать их.

– Вкусно? – спросили у него.

– Вкусней, чем солома, – отозвался тот, подбирая с земли новую пригоршню листьев. Но вдруг, перегнувшись пополам, он жестоко закашлялся, и его вырвало.

– Военачальник Гото! – выкрикнул кто-то, и воины невольно приосанились.

Гото Мотокуни, старший советник клана Бэссё, неторопливым шагом приблизился к расположившимся во дворе воинам.

– Есть о чем доложить?

– Нет, военачальник.

– Вот как? – Гото показал им стрелу. – Нынешним вечером эту стрелу выпустили в крепость из вражеского лагеря. К ней было привязано письмо, в котором мне предлагается встретиться с одним из военачальников князя Хидэёси Куродой Камбэем. Встретиться здесь и сейчас.

– Так, значит, сегодня прибудет Камбэй! Изменник, предавший своего господина и перешедший на сторону Оды. Он не достоин звания самурая. Пусть только покажется, и мы заставим его умереть мучительной смертью.

– Он посланец князя Хидэёси, да и вообще нам не подобает убивать кого бы то ни было, если этот человек известил нас о своем приходе заранее. Не забывайте: на войне не принято убивать посланцев.

– Кого-либо другого – да, но только не Камбэя. Его мы и живьем съесть готовы.

– Не позволяйте врагу читать в ваших душах. Приветствуйте прибывшего громким смехом.

Гото и его люди напряженно всматривались во тьму. Вдруг им послышалось, будто вдалеке кто-то играет на кото. И в это мгновение на всю крепость Мики снизошла странная тишина. Ночь была чернее индийской туши. Казалось, никто не мог даже вздохнуть, и только сухие листья кружились и плясали в непроницаемом небе.

– Кото? – изумился один из воинов, уставившись в пустоту.

Как зачарованные, внимали они давным-давно позабытым звукам. Людей на сторожевой башне, в домике стражников, да, впрочем, повсюду в большой крепости, одолевали сейчас одни и те же мысли. Под градом пуль и стрел, под нескончаемые боевые кличи, звучащие от заката до рассвета и от рассвета до заката, они, вот уже на протяжении трех лет отрезанные от внешнего мира, стояли здесь насмерть, не покоряясь врагу. Но звук кото внезапно настроил их мысли на совершенно иной лад.

*Мой древний дом,
Иль ждешь меня,
Того, кто сам
Не знает: жив
Он или мертв?*

Это было предсмертное стихотворение Кикиути Такэтоки, преданного императору Годайго военачальника, отправленное им жене из вражеского окружения.

И сейчас защитники крепости Мики бессознательно твердили про себя эти самые строки, примеряя их к собственной участи. Сколько уже тягостных дней и ночей воины находились вдали от дома, от матерей, отцов, жен, детей, братьев и сестер и не получали от них даже коротенькой весточки. И у тех, кому некуда было возвращаться, кого дома никто не ждал, сердца были сделаны не из камня – и песня, мелодию которой сейчас играли на кото, бередила души, слезы невольно наворачивались на глаза.

Военачальник Гото ощущал то же самое, что и его соратники, но, всмотревшись в их лица, поспешил восстановить самообладание и принялся насмехаться над своими воинами:

– Что? Звуки кото доносятся из вражеского лагеря? Какой вздор! Откуда там взяться кото? Но если даже и так – это всего лишь свидетельствует об их малодушии. Должно быть заскучав в столь долгой кампании, они прихватили какую-нибудь девку в ближайшей деревне и развлекаются, как умеют. Для мужчин, преисполненных решимости умереть, подобное поведение непростительно. Души подлинных воинов сделаны из железа и камня – и их ничем не разжалобить!

Его речь вывела воинов из невольного оцепенения.

– Вместо того чтобы забивать голову всякими сентиментальными глупостями, отправляйтесь-ка каждый на свой пост! Крепости, вроде нашей, подобны плотинам, защищающим землю от весеннего наводнения. Плотина длинна и тяжела, но стоит образоваться в ней единственной щели, как вода снесет ее, обратив в прах. Вы должны встать плечом к плечу и не тронуться с места, даже зная, что вам суждено здесь погибнуть. И вот еще что хорошенько запомните: если кто-нибудь покинет свой пост и в результате этого крепость падет, то предки этого предателя заплачут в глубине земли, а потомки его навсегда будут покрыты позором и станут всеобщим посмешищем.

Гото, наверное, воодушевлял бы еще долго своих воинов подобными речами, но тут к нему подбежало несколько воинов, сообщив, что вражеский военачальник, о прибытии которого было

объявлено, уже здесь – у деревянной стены возле входа в крепость.

Камбэя принесли на носилках, ничуть не походивших на привычный паланкин. Легкая конструкция из дерева, бамбука и соломы не имела крыши, а борта ее были невысоки. Камбэй уже научился в ходе сражения успешно пускать в ход длинный меч, не сходя с носилок. Но сейчас он прибыл сюда как вестник мира.

Поверх светло-желтой робы на Камбэе был панцирь со светло-зеленым орнаментом и расшитый серебром белый плащ. К счастью, он был небольшого роста, всего пять сяку, и весил куда меньше среднего, так что его носильщикам приходилось не слишком трудно, а сам он не чувствовал себя скованным в действиях.

За деревянной стеной вскоре послышался топот множества ног: в крепости поднялся переполох в связи с прибытием Камбэя.

– Посланец может пройти! – донеслось наконец из крепости, и деревянные ворота с громким скрипом раскрылись. Во тьме Камбэю показалось, будто здесь столпилось не меньше сотни воинов. Толпа колыхалась, и при каждом движении отблески света рассыпались по наконечникам копий.

– Жаль, что приходится беспокоить вас, – сказал Камбэй начальнику стражи. – Я не могу ходить, и поэтому меня принесли на носилках. Пожалуйста, простите мне эту вынужденную неучтивость.

Принеся извинения, он обратился к своему сыну Сёдзюмару, единственному, кроме носильщиков, кто сопровождал его, и приказал:

– Иди передо мной.

– Да, мой господин.

Обойдя носилки, Сёдзюмару выступил вперед и смело шагнул навстречу вражеским копьям.

Четверо воинов, державших носилки, прошли в ворота следом за Сёдзюмару. Увидев, с какой отвагой и выдержкой держатся тринадцатилетний мальчик и покалеченный военачальник, входя во вражескую крепость, ее разгневанные защитники умили свой пыл и до поры до времени оставили мысли о расправе над предателем, прибывшем в качестве посланца. Осознав, что решимость и дерзость врагов ничуть не уступают их собственным, они поневоле прониклись уважением к мужественным участникам посольства. Как это ни странно, мальчик и калека даже вызвали у них некоторое сочувствие.

Миновав ворота в деревянной стене, Камбэй с сыном очутились у главных крепостных ворот, где с выражением высокомерного безразличия на лице их дожидался военачальник Гото в сопровождении его личной охраны.

«Теперь я понимаю, почему этим людям удастся удерживать крепость, – думал Камбэй, пока его несли к воротам. – Крепость не падет, даже если в ней совсем не останется продовольствия. Эти люди продержатся, какую бы цену им ни пришлось заплатить. Боевой дух защитников ничуть не пошел на убыль». Камбэй еще сильнее ощутил ответственность собственной миссии, понимая, в сколь затруднительное положение попал сейчас Хидзэси, и еще раз мысленно повторил все то, что намеревался сказать военачальнику Гото.

Гото и его люди были изумлены скромностью посольства. К ним прибыл военачальник наступающей армии, но, вместо того чтобы попытаться сломить их дух высокомерием и собственным превосходством, он взял с собой лишь красивого мальчика. Мало того: прежде чем поздороваться с военачальником Гото, Камбэй велел опустить носилки наземь, а сам поднялся с сиденья и стоя, с улыбкой обратился к врагу:

– Гото, меня зовут Курода Камбэй, и я прибыл сюда посланником князя Хидзэси. Мне предписано встретиться со всеми, кто в свою очередь пожелает встретиться со мною.

Камбэй держался предельно просто и производил чрезвычайно благоприятное впечатление. Похоже, он прибыл с самыми добрыми и искренними намерениями, к тому же вел себя в точном соответствии с обычаями, традиционно принятыми при встрече и переговорах между двумя самураями. Беседа Камбэя с Гото, проходившая в одном из покоев темной крепости, длилась около часа. По окончании ее Камбэй поднялся с места и произнес:

– Что ж, я жду вашего ответа.

– Я дам вам ответ после того, как переговорю с князем Нагахару и с военачальниками, – ответил Гото, тоже поднимаясь с места.

На первый взгляд показалось, будто переговоры прошли более успешно, чем рассчитывали Камбэй и Хидэёси, но прошло пять дней, потом семь, потом еще десять, а из крепости по-прежнему не поступало никакого ответа. День за днем прошел двенадцатый месяц, осажденные и осаждающие отпраздновали Новый год – уже третий с тех пор, как началась осада. В лагере у Хидэёси воины худо-бедно получили на праздник рисовые колобки и даже немного сакэ. И все же едва ли они могли забыть о том, что люди в крепости, пусть они и заклятые враги, сейчас падают с ног от голода, едва способные поддержать чуть теплящиеся жизни. С тех пор как в конце одиннадцатого месяца в крепости Мики побывал Камбэй, она окончательно погрузилась во мрак и тишину. Защитникам нечем было даже стрелять в неприятеля – у них кончились пули. Хидэёси тем не менее по-прежнему воздерживался от решительного штурма, то и дело повторяя:

– Теперь уже крепость долго не продержится.

Неминуемая сдача крепости представлялась теперь лишь делом времени, выдержки и терпения. Положение, в которое попал Хидэёси, вряд ли кто-либо назвал трудным или проигрышным. Однако же осада крепости и вся западная кампания не были делом самого Хидэёси. Ему поручили сокрушить всего лишь одно из звеньев цепи, образованной кланами, отказывающимися признать верховенство Нобунаги. А Нобунагу мало-помалу начинало беспокоить слишком вялое развитие событий в западных провинциях. К тому же не знали покоя недруги Хидэёси, твердившие, что он зря тратит отпущенные казной на поход деньги, пытаясь завоевать любовь местных жителей, и не слишком строго придерживается правила, запрещающего употреблять сакэ в действующей армии, страшаясь вызвать недовольство собственных воинов. Эти обвинения, которые Нобунага поначалу пропускал мимо ушей, звучали в Адзути все чаще и громче. Хидэёси не придавал подобной болтовне особого значения, хотя, как и всякий на его месте, не мог оставаться совершенно равнодушным к подобным наветам.

Впрочем, они его всерьез не тревожили.

Единственное, что его действительно волновало, так это изо дня в день крепнущее единение противостоящих Нобунаге сил. Могущественный клан Мори возводил все новые и новые оборонительные линии, поддерживал союз с Хонгандзи, искал союза с живущими далеко на востоке кланами Такэда и Ходзё и даже обратился за помощью к кланам с побережья Японского моря. Насколько мощным стал этот союз, доказывало, скажем, то обстоятельство, что крепость Итами, в которой засел Араки Мурасигэ, не пала даже под натиском основной армии Оды.

И Мурасигэ, и проявляющий несокрушимое упорство клан Бэссё, были сильны вовсе не сами по себе и рассчитывали далеко не только на собственные силы и толщу стен своих крепостей. Их поддерживала уверенность в том, что вот-вот на выручку к ним придут Мори! И Нобунага будет беспощадно разбит!.. Дело обстояло именно так. Главная опасность заключалась не во враге, открыто противостоящем Нобунаге, но во враге тайном, остающемся в тени и ждущем своего часа.

Нобунаге противостояли два древних клана – Мори и Хонгандзи, но схватиться с ними ему препятствовали Араки Мурасигэ в Итами и Бэссэ Нагахару в крепости Мики.

Нынешним вечером Хидэёси велел развести костер и сидел на воздухе. Было холодно, и к его костру подбежало несколько беззаботных юных оруженосцев. Несмотря на зимний холод, они были полураздеты и что-то уж чересчур расшумелись, возбужденные без видимой причины.

– Сакити! Сёдзюмару! Что это с вами? – любопытно спросил Хидэёси, в глубине души завидуя этим беспечным юношам.

– Да так, ничего особенного, – отозвался Сёдзюмару, которого уже произвели в оруженосцы, поспешно одеваясь и приводя в порядок доспехи.

– Мой господин! – вмешался Исида Сакити. – Сёдзюмару стесняется говорить вам, потому что это отвратительно. Но я скажу, чтобы вы не подумали, будто мы хотим что-то от вас утаить.

– Верно. Ну, так что же там такое отвратительное?

– Мы вычесываем друг у друга вшей.

– Вшей?

– Да. Сперва одна заползла мне под воротник, потом Тораноскэ обнаружил другую у себя на рукаве, а Сэнгоку нашел третью. В конце концов мы поняли, что все обовшивели, а вдобавок ко всему, подойдя к огню погреться, увидели, что эти твари ползают по нашим доспехам. Тело у нас так нестерпимо чешется, что мы готовы истребить все вражеское войско.

– Так вот в чем дело! – расхохотался Хидэёси. – Но ведь и вшам такая долгая осада едва ли пришлась по вкусу!

– У нас в лагере дело обстоит не так, как в крепости Мики. Нашим вшам есть, чем питаться, поэтому до тех пор, пока мы не истребим их, они не уймутся.

– Ладно, хватит. А то и мне начинает казаться, будто зудит все тело.

– Да вы ведь, мой господин, не мылись уже дней десять, верно? Готов поручиться, что «вражеское войско» и вас уже одолело!

– Ну теперь и в самом деле хватит, перестань, Сакити!

К вящему удовольствию оруженосцев, Хидэёси поднялся с места и изобразил, будто вши и его одолевают. Юноши рассмеялись и пустились в пляс вокруг главнокомандующего.

Как раз в это мгновение из дозора прибыл один из воинов. Подойдя к беззаботно веселящейся под треск сучьев в костре компании, он спросил:

– Сёдзюмару здесь?

– Да, я здесь, – отозвался мальчик.

Воин оказался одним из соратников его отца.

– Если у тебя нет никакого поручения от князя, то с тобой хотел бы повидаться твой отец.

Сёдзюмару попросил у Хидэёси разрешения удалиться. Тот был удивлен, но с легкостью дал согласие. Сёдзюмару ушел в сопровождении отцовского вассала. Сейчас костры горели в расположении каждого из небольших разрозненных отрядов войска Хидэёси, и в каждом из отрядов царило праздничное настроение. Рисовые колбки и новогоднее сакэ уже, конечно, закончились, так как сегодня был пятнадцатый день первого месяца, но дух веселья еще жил в войске. Отца Сёдзюмару в лагере не оказалось. Несмотря на стужу, он сидел на походном стуле на вершине холма, в стороне от шатров и хижин войска.

На вершине холма всю хозяйничал ветер, обжигая щеки и леденя в жилах кровь. Однако Камбэй сидел неподвижно, уставившись во тьму, и казался деревянным изваянием воина.

– Отец, это я.

Камбэй неторопливо повернул к нему голову. Сёдзюмару подошел и опустился перед отцом на колени.

– Князь позволил тебе покинуть его?

– Да, и я сразу же поспешил сюда.

– Что ж, ладно, присядь отдохни.

– Хорошо, мой господин.

– Погляди-ка на крепость Мики. Ночь сегодня беззвездная, а в крепости – ни единого огня, так что ты, наверное, сначала ничего не сможешь разобрать во тьме. Но когда твои глаза привыкнут к мраку, сможешь различить смутные очертания крепости.

– За этим вы меня и позвали, мой господин?

– Да. – Камбэй пододвинул сыну походный стул. – Последние два-три дня я слежу за крепостью и, как мне кажется, замечаю там какое-то загадочное движение. Полгода мы не видели дыма над тамошними крышами, а сейчас он поднимается, и, возможно, это означает, что они срубили и пустили на дрова окружающую крепость рощу. А если поздно ночью внимательно прислушаться, то можно различить доносящиеся из крепости голоса, хотя и нельзя понять, смех это или плач. Но что бы то ни было, ясно одно: в крепости, начиная с нового года, происходит нечто необычное.

– Вы в этом уверены?

– Ничего определенного пока сказать не могу, но не позволяю себе отнестись к этому беспечно. Не хочу пока и говорить о своих подозрениях, чтобы не вызвать тревогу в лагере и не создать тем самым для врага благоприятную возможность произвести вылазку. Я пока молчу обо всем, но наблюдаю за крепостью уже вторую ночь подряд. Там определенно что-то происходит. Я не столько вижу это, сколько чувствую.

– Трудный у вас пост.

– Да, трудный. Но вместе с тем и легкий. Единственное, что требуется, – не дать себя провести. Я не могу призвать сюда никого из моих воинов, поэтому хочу, чтобы ты меня здесь ненадолго подменил.

– Понимаю.

– Только не спи! Сейчас ты дрожишь от холода, но вскоре к нему привыкнешь, и тогда тебя потянет в сон.

– Я справлюсь.

– И еще одно. Немедленно дай знать, если только увидишь в крепости хоть малейший проблеск огня. А если из крепости станут выходить воины, подай световой сигнал и немедленно отправляйся к его светлости.

– Да, мой господин.

Сёдзюмару, кивнув, взглянул на трубу сигнального огня, лежавшую у его ног. Когда идет война, возможно всякое, но отец еще ни разу не предостерег его, что задание может оказаться слишком трудным или чересчур опасным, никогда не пытался хоть как-то успокоить мальчика. Сёдзюмару, впрочем, был на отца не в обиде, понимая, что тот преподает ему все новые и новые практические уроки истинной воинской науки. За внешней отцовской суровостью, он явственно это ощущал, скрывалась искренняя теплота. Сёдзюмару гордился тем, что у него такой отец.

Камбэй встал и, опираясь на посох, заковылял по направлению к лагерю. Однако в лагерь не вошел, а, обогнув его стороной, отправился дальше под гору. На взволнованный вопрос слуг, куда он направляется, Камбэй коротко бросил:

– К подножию, – и, помогая себе посохом, быстро пошел вниз по горной тропе.

Мори Таэй и Курияма Дзэнскэ, не отходявшие от него ни на шаг, поспешили следом.

– Мой господин! – воскликнул Мори. – Пожалуйста, подождите!

Камбэй остановился и повернулся к ним, опираясь на посох:

– Что такое?

– Вы так быстро пошли, – сказал, задыхаясь от быстрой ходьбы, Мори. – И это с вашей-то

ногой! Мне стало страшно, как бы вы не оступились.

Камбэй рассмеялся:

– Я привык к хромоте, а оступаюсь, только когда вспоминаю о ней. В последнее время я научился довольно прилично передвигаться. Но мне не хочется, чтобы люди это заметили.

– А сражаться, стоя на ногах, вы тоже смогли бы?

– Думаю, на поле боя мне все еще удобнее на носилках. Даже в рукопашной схватке. У меня свободны обе руки. Я могу держать ими меч, вырвать копье у врага или даже насадить противника на его же собственную пику. Единственное, на что я в своем нынешнем состоянии не способен, – это перемещаться в ходе боя. Когда я с носилок наблюдаю за наступлением врага и не имею при этом возможности двинуться ему навстречу, у меня возникает очень странное чувство: мне кажется, будто враг побежит, уstraшенный одним моим криком.

– Да, но ведь здесь опасно. В ущельях лежит снег, и вы легко можете поскользнуться.

– И как раз сейчас перед нами ручей, верно?

– Позвольте перенести вас через него. – И Мори подставил Камбэю спину.

Они успешно миновали ручей и продолжили путь. Слуги Камбэя по-прежнему пребывали в недоумении. Правда, за пару часов до нынешней прогулки они заметили, как какой-то воин пришел из укрепления, расположенного у подножия горы, и вручил Камбэю некий предмет, похожий на письмо. Вскоре после этого им самим пришлось вслед за своим господином спускаться к подножию... Но более они ничего не знали.

Когда они одолели уже добрую половину пути, Курияма не выдержал и спросил:

– Мой господин! Вас пригласил сегодня к себе в гости командир отряда, разместившегося у подножия?

– Ты, значит, думаешь, нас позвали на ужин? – хмыкнул Камбэй. – Сколько, по-твоему, может длиться празднование Нового года? Даже князю Хидэёси уже прискучили чайные церемонии.

– Хорошо, но куда же тогда мы идем?

– К укреплениям на реке Мики.

– К укреплениям на реке Мики? Но там же очень опасно!

– Ясное дело, опасно. Но и врагу там появляться не менее опасно. Поэтому наша встреча там и состоится.

– Так не лучше ли нам было захватить с собой побольше воинов?

– Нет-нет. Да и враги не явятся целой оравой. Думаю, там нас будут ждать только слуга и ребенок.

– Ребенок?

– Именно ребенок.

– Я ничего не понимаю.

– Ну, так иди да помалкивай. После того как крепость падет, я обо всем расскажу, и князю Хидэёси тоже.

– А крепость падет?

– Разве может быть иначе? Она падет в ближайшие два-три дня. Не исключено, что это произойдет уже завтра.

– Завтра!

Оба слуги уставились на Камбэя. Его лицо едва белело во мраке. Мирно струилась вода. На берегу шумел под ветром тростник. Мори и Курияма замедлили шаг, заметив человеческую фигуру на противоположном берегу реки.

– Кто это? – недоуменно переглянулись они.

Им пришлось удивиться еще больше, когда в незнакомце они узнали прославленного

вражеского военачальника, а у единственного слуги, в сопровождении которого тот прибыл, сидел за плечами маленький ребенок. Не было никаких признаков, что странная тройца прибыла сюда с враждебными намерениями. Похоже, они дожидались Камбэя.

– Побудьте-ка здесь, – велел своим людям Камбэй.

Повинуясь его приказу, слуги остались на месте, а военачальник пошел навстречу тройце из крепости.

Вражеский военачальник, увидев Камбэя, тоже сделал пару шагов навстречу. Безошибочно опознав друг друга, они обменялись приветствиями, как добрые друзья. На тайных встречах между представителями враждующих армий, как правило, избегают разговора с глазу на глаз, чтобы не возбудить у своих же сторонников ненужных подозрений, но эти двое откровенно пренебрегали условностями.

– Дитя, которое я бесстыдно навязал вашему попечительству, находится вон там, на спине у моего слуги. Когда крепость падет и я погибну, надеюсь, вам не покажется столь смешным это проявление отцовской любви. Он ведь еще так мал, так наивен!

Комендант крепости Мики Гото Мотокуни и Камбэй сумели понравиться друг другу еще осенью прошлого года, когда Камбэй ездил в осажденную крепость посланцем, чтобы предложить ее защитникам сдаться.

– Вы все-таки принесли малыша, несмотря ни на что? Давайте-ка его сюда, мне хочется с ним познакомиться.

В ответ на учтливое пожелание Камбэя слуга Гото, горестно вздохнув, вышел из-за спины господина, развязал ленты, которыми к его спине был привязан мальчик, и бережно опустил его на землю.

– Сколько ему лет?

– Недавно исполнилось семь.

Слуга, должно быть, заботился о мальчике уже продолжительное время и успел привязаться к нему. Сейчас, ответив Камбэю и поклонившись ему, он смахнул с лица слезы и отступил назад.

– А как его зовут?

На этот раз ответил отец мальчика:

– Его зовут Иваноскэ. Его мать умерла, а отцу вскоре предстоит умереть. Князь Камбэй, я вверяю вам судьбу моего сына.

– Не беспокойтесь. Я ведь тоже отец и прекрасно понимаю ваши чувства. Обещаю вам, что лично займусь его воспитанием. А когда он станет взрослым, непременно возьмет ваше имя – и клан Гото продолжит существование.

– Тогда я могу с легкой душой погибнуть в завтрашнем бою!

Гото опустил на колени и прижал сына к защищенной панцирем груди.

– Послушай и хорошенько запомни то, что скажет тебе сейчас твой отец. Тебе уже семь лет. Мальчики из самурайских семейств никогда не плачут. Церемония твоего совершеннолетия предстоит очень не скоро, ты еще в том возрасте, когда хочется, чтобы тебя любила мать и чтобы о тебе заботился отец. Но нынче весь мир охвачен войнами, и наша разлука неизбежна, так как мой долг – погибнуть вместе со своим князем. Но ты не вправе сетовать, что тебе так уж не повезло в жизни. Тебе повезло хотя бы потому, что до нынешнего вечера ты находился под моей защитой, и ты должен воздать за это благодарность Небесам и земле. Верно? А нынешним вечером ты переходишь под защиту вот к этому человеку. Его зовут Курода Камбэй. Он будет тебе и отцом, и господином, он вырастит тебя, а ты преданно ему служи. Понимаешь?

Произнося свое напутственное слово, отец гладил сына по голове, Иваноскэ молча кивал, и по щекам у него бежали слезы.

Часы крепости Мики были уже сочтены. Несколько тысяч ее защитников поклялись стоять со своим князем до конца и были преисполнены решимостью выполнить свою клятву. Воля самого Гото была тверда, как алмаз, он не испытывал ни малейших колебаний. Но у него был маленький сын, и мысль о том, что это невинное дитя обречено на смерть, казалась ему невыносимой. Иваноскэ был еще слишком мал, чтобы взвалить на плечи тяжелую самурайскую ношу.

Пытаясь спасти сына, Гото решил написать Камбэю, которого – хоть они принадлежали к воюющим армиям – считал достойным человеком. Гото поведал Камбэю свои тревоги и попросил позаботиться о своем сыне.

И вот сейчас, понимая, что прощается с ним навеки, Гото был не в силах удержаться от слез. В конце концов он оторвался от Иваноскэ, поднялся на ноги и решительно подтолкнул мальчика в сторону Камбэя со словами:

– Иваноскэ, ты и сам должен попросить князя Камбэя.

– А вот это вовсе не обязательно, – успокоил Гото Камбэй, беря мальчика за руку.

Он приказал одному из своих слуг отнести Иваноскэ на своей спине в лагерь.

И только сейчас спутники Камбэя поняли, что на уме у их господина. Мори взвалил Иваноскэ на спину и отправился в путь. Вместе с ним ушел и Курияма.

– Что ж, прощайте, – сказал Камбэй.

– Да, прощайте, – отозвался Гото.

Но им было трудно расстаться. Камбэй старался взять себя в руки и поскорее уйти, но все же не мог этого сделать, хотя и осознавал, что так будет милосерднее.

Наконец Гото с улыбкой произнес:

– Князь Камбэй, если завтра мы встретимся с вами на поле боя и дадим взаимной приязни возобладать над долгом истинного вассала, это будет величайшим позором для нас обоих. И если суждено случиться худшему, я со всей непреклонностью сражу вас и отрублю вам голову. Да и вы тоже не вздумайте меня щадить!

Он почти выкрикнул эти слова на прощанье и, резко повернувшись, пошел по направлению к крепости.

Камбэй, спешно вернувшись на гору Хирай, показал Хидэёси сына Гото.

– Обращайся с ним хорошо, – сказал Хидэёси. – Это будет проявлением истинного милосердия. Он ведь славный мальчик, верно?

Хидэёси любил детей, вот и сейчас он ласково поглядел на Иваноскэ и погладил его по голове.

Возможно, Иваноскэ еще не совсем разобрался в происходящем, в конце концов, ему было всего семь лет. Попав в чужой лагерь, окруженный незнакомыми людьми, он молча озирался, тараща глаза. Много лет спустя он станет прославленным воином клана Курода, но сейчас одинокий ребенок походил на горную обезьянку, свалившуюся с дерева.

И вот наконец настал день, семнадцатый день первого месяца восьмого года Тэнсё, когда было объявлено о том, что крепость Мики пала, – Нагахару, его младший брат Томоюки и многие наиболее влиятельные вассалы вспороли себе животы, крепостные ворота распахнулись, и Уно Уэмон вручил Хидэёси послание о капитуляции, гласившее:

«Два года мы оказывали сопротивление и боролись, не щадя живота своего. Единственное, чего я не в силах был бы вынести, – это гибель нескольких тысяч отважных и честных воинов, а также членов моей семьи. Взываю к вашей милости и надеюсь, что вы пощадите моих соратников».

Хидэёси внял этой просьбе и не тронул защитников покоренной крепости.

Хотя ставки Хидэёси и Нобунаги находились на изрядном расстоянии друг от друга, Хидэёси взял себе за правило регулярно извещать Адзути обо всем происходящем у него в войске. Нобунага имел полную картину развития событий на западе и каждый раз получал все новые подтверждения тому, что избранная им стратегия оказалась верной.

Проводив Хидэёси в западные провинции, Нобунага встретил Новый год у себя в Адзути. Наступил десятый год Тэнсё. Дел, судя по всему, и в этом году предстояло не меньше, чем в предыдущем, да и само торжество не обошлось без трагического происшествия, описанного впоследствии в «Исторических хрониках Нобунаги».

«Когда окрестные князья, их вассалы и прочий люд прибыли в Адзути, чтобы поздравить его светлость с Новым годом, возникло такое столпотворение, что одна из стен рухнула, и множество людей было погребено под ее обломками».

– Требуйте у каждого из гостей, прибывающих на празднование Нового года, по сто мон. Не делайте исключения ни для кого, – распорядился Нобунага. – «Налог на приглашение» не так уж высок, ведь уплатившему его будет дарована божественная привилегия получить у меня аудиенцию и принести мне новогодние поздравления.

Этим князь не ограничился. В утешение платившим «налог на приглашение» Нобунага распорядился открыть им доступ в те уголки крепости, которые до сих пор оставались запретными для сторонних посетителей.

Постоялые дворы в Адзути были переполнены. Многие – князья, купцы, ученые, лекари, художники, мастеровые, самураи всех рангов – снимали помещение загодя, с нетерпением дожидаясь того часа, когда смогут увидеть храм Сокэндзи, пройти Внешними воротами и достичь Третьих врат, чтобы оттуда устремиться в княжеские покои и, войдя в Сад белого песка, принести князю свои поздравления.

Новогодние посетители прошли по всей крепости, осматривая комнату за комнатой, постройку за постройкой. Они приходили в восторг, увидев раздвижные двери, расписанные Кано Эйтоку, смотрели, вытаращив глаза, на циновки-татами с каймой из корейской парчи, благоговейно взирали на отполированные стены.

Стражники провожали гостей до входа в конюшню, где посетителей встречал сам Нобунага со своею свитой.

– Не забывайте о лепте! По сто мон с каждого! – кричал Нобунага.

Деньги он принимал собственноручно, а затем пригоршнями швырял их через плечо. У него за спиной быстро выростала гора монет. Воины ссыпали монеты в мешки и передавали чиновникам, а те раздавали их бедным людям в Адзути. Все это Нобунага придумал и проделал для того, чтобы в новогодний праздник в Адзути не осталось ни одного голодного или несчастного.

Когда Нобунага впервые заговорил с чиновниками о сборе этого налога, их встревожило, что князь вздумал заниматься не достойным его величия делом. Но теперь они спешили признать княжескую правоту.

– Это и впрямь замечательная идея, ваша светлость, – в один голос твердили они. – Людям, пришедшим в крепость принести вам свои поздравления, будет о чем рассказывать детям и внукам, а бедные, получив свою долю их богатства, быстро оповестят об этом весь мир. Все говорят, что раздаваемые сейчас монеты – это не просто деньги, ведь их коснулась рука вашей

светлости, и тратить их было бы святотатством. Люди говорят, что отложат эти деньги на черный день. Наверное, не стоит ограничиваться сбором «налога» на этот год и сделать церемонию ежегодной.

К удивлению чиновников, Нобунага отрицательно покачал головой:

– Я не собираюсь повторять этого. Верховной власти не следует приучать бедных к постоянным подачкам.

Прошла половина первого месяца. Едва успев убрать новогодние украшения со стен и дверей своих домов, жители Адзути заподозрили, что назревают важные события. Слишком много кораблей бросили якорь в здешней гавани, и каждый день прибывали все новые и новые.

Все без исключения суда направлялись от южного берега озера к северному. На север устремились и караваны, вьючные и запряженные в телеги лошади везли туда рис.

Как всегда, улицы Адзути были запружены пришлым людом. Князя со свитами сменяли друг друга. Не проходило дня, чтобы по улицам не промчался гонец с известием или же не проехало посольство.

– Ты едешь с нами? – весело рассмеявшись, спросил Нобунага у Накагавы Сэбэя.

– Куда, мой господин?

– На соколиную охоту!

– О, это мое излюбленное занятие! Вы возьмете меня с собой?

– Санскэ, ты тоже поедешь.

В один из дней ранней весны Нобунага еще затемно выехал из Адзути. Его приближенные, предупрежденные заранее, были уже готовы отправиться на охоту, но Накагава Сэбэй, только что приехавший в крепость, получил приглашение в самую последнюю минуту. Санскэ, сын Икэды Сёню, тоже был приглашен только сейчас.

Нобунага любил верховую езду, борьбу сумо, соколиную охоту и чайную церемонию, но все-таки всем прочим развлечениям предпочитал травлю.

Хотя подобные занятия обычно называют прихотями, но Нобунага ничто не делал вполсилы. Когда у него, к примеру, появлялось желание посмотреть на борцов, он устраивал в Адзути грандиозные состязания, на которые приглашал до тысячи пятисот силачей из Оми, Киото, Нанивы и других неближних провинций. В конце концов, князьям, наблюдающим за состязаниями, начинало надоедать это зрелище, раздражало их и неизбежное скопление народа. Нобунага же никогда не уставал, до какого бы позднего часа ни затягивались состязания. Напротив, в конце схваток он выбирал нескольких собственных вассалов посильнее да половчее и предлагал им теперь показать людям собственное борцовское искусство.

Соколиная охота на реке Эти оказалась, однако же, далеко не столь грандиозной и скорее напоминала прогулку. Соколов даже и не успели спустить. После стремительной скачки и недолгого привала Нобунага велел всем вернуться в Адзути.

Когда князь со свитой въехал в Адзути, он тронул поводья и помчал коня к зданию непривычной архитектуры, скрывающемуся за густыми деревьями. Из окна доносилось пение скрипки. Возле входа Нобунага спешил и, сопровождаемый лишь несколькими приближенными, вошел в дом.

Навстречу ему поспешили отцы-иезуиты, однако Нобунага, не обращая на них ни малейшего внимания, устремился в глубь дома.

– Ваша светлость! – в изумлении вскричали отцы.

В свое время Нобунага благословил строительство этой школы при церкви Вознесения, а средства пожертвовали местные князья, обращенные в христианство.

– Я хочу посмотреть, как вы проводите учебные занятия, – заявил Нобунага. – Полагаю, дети уже на месте?

Услышав о намерении Нобунаги, монахи принялись наперебой восторгаться тем, какая великая честь им оказана. Не обращая внимания на их болтовню, Нобунага быстро поднялся по лестнице.

Охваченный благовейным ужасом, один из святых отцов ухитрился-таки опередить его и, вбежав в класс, предупредил учащихся, какой высочайший гость удостоил их визитом.

Звуки скрипки сразу же замерли, пробежал по рядам и смолк взволнованный шепот. Нобунага, поднявшись на кафедру, окинул взглядом все помещение, поневоле удивляясь, какую странную школу здесь устроили. Столы для письма и скамьи были заморской конструкции, и на каждом столе лежала раскрытая книга. Как и ожидал Нобунага, учениками были сыновья местных князей и наиболее влиятельных их вассалов, возрастом от десяти до пятнадцати лет. Все они почтительно поклонились князю.

Нобунага уже давно нашел для себя ответ на вопрос о том, какая школа – христианская или буддистская – дает лучшее образование, поэтому и не выказал сейчас ни восхищения, ни удивления. Взяв учебник с ближайшего стола, он рассеянно пролистал его и сразу же вернул владельцу.

– А кто играл на скрипке? – осведомился он.

Один из святых отцов обратился к ученикам, повторив им заданный князем вопрос.

Нобунага сразу же сообразил: до его внезапного появления в школе никого из монахов в аудитории не было, а ученики играли на музыкальных инструментах, болтали и веселились.

– Это был Джером, – произнес иезуит.

Взоры всех учащихся немедленно устремились туда, где сидел Джером. Поглядев в ту же сторону, Нобунага увидел юношу лет четырнадцати – пятнадцати.

– Это и есть Джером, – сказал иезуит, указав на него. Смущенный всеобщим вниманием, юноша залился краской и потупился.

– Кто этот Джером? Чей он сын? – поинтересовался Нобунага.

Иезуит строго посмотрел на юношу:

– Встань, Джером. Встань и ответь его светлости.

Джером поднялся с места и поклонился Нобунаге:

– Это и впрямь я сейчас играл на скрипке, мой господин.

Джером говорил с достоинством, да и в глазах у него не было угодливости. Истинный отпрыск самурайского семейства, подумал Нобунага, глядя ему прямо в глаза, но юноша выдержал его взгляд.

– А что ты играл? Должно быть, это мелодия, завезенная к нам из страны южных варваров.

– Да, так и есть, ваша светлость, это Псалом Давидов.

Юноша не замешкался с ответом ни на мгновение, словно давно уже ждал, когда ему наконец зададут этот вопрос.

– А кто научил тебя этой мелодии?

– Отец Валиньяни.

– Ах вот как, Валиньяни!

– Вы с ним знакомы, мой господин? – спросил Джером.

– Да, мы встречались, – ответил Нобунага. – Интересно, где он сейчас?

– Он приезжал в Японию на новогодние праздники, но сейчас, наверное, уже покинул Нагасаки и через Макао отправился обратно в Индию. Мой двоюродный брат написал мне, что их корабль должен был отплыть двадцатого.

– Твой двоюродный брат?

– Его зовут Ито Анцио.

– Мне никогда не доводилось слышать имени Анцио. А у него разве нет японского имени?

– Он племянник Ито Ёсимацу, а зовут его Ёсиката.

– Вот как! Значит, он доводится родственником Ито Ёсимацу, владельцу крепости Оби. А сам-то ты кто такой?

– Я сын Ёсимацу.

Нобунага испытал смешанные чувства. Глядя на очаровательного юношу, воспитываемого в традициях христианской культуры, он с трудом представлял себе, что перед ним сын безжалостного и отчаянного Ито Ёсимацу. Властители городов-крепостей по побережью в Кюсю князя Отомо, Омура, Арима и Ито в последнее время выказывали все большую и большую приверженность к европейской культуре.

Все, что ввозилось в страну из Европы – ружья, пушки и порох, телескопы, лекарства и медицинские инструменты, кожа, ткани, краски и многие другие полезные вещи, – Нобунага принимал с благодарностью. Особенно интересовали его новинки из области медицины, астрономии и военного дела. Князь не слишком жаловал христианство и христианскую систему образования, но запретить миссионерам из Европы проповедовать свою веру он не мог, потому что в его стране не появились бы новое оружие, лекарства и всевозможные заморские диковинки.

Нобунага, как никто другой, понимал важность взаимообогащения двух различных культур, а потому и дал согласие на строительство церкви и церковной школы в Адзути. Но сейчас, когда семена, которым он позволил пасть в местную почву, начали давать первые всходы, князь всерьез встревожился о будущем здешних воспитанников. Он осознавал, что вмешаться надо немедленно, иначе будет поздно.

Когда Нобунага вышел из класса, иезуиты проводили его в красивую гостиную, усадили в прекрасное, искусно расписанное и богато инкрустированное кресло, предназначенное исключительно для особо важных гостей. Святые отцы принесли чай и привезенный с родины табак, которым особенно гордились, но князь и пальцем ни к чему не притронулся.

– Сын Ито Ёсимацу только что сказал мне, будто Валиньяни покидает Японию в этом месяце. Он уже убыл?

Один из монахов ответил на это:

– Отец Валиньяни убыл из Японии в составе важной миссии.

– Миссии? Да еще и важной?

Нобунага насторожился. Остров Кюсю пока не признал его главенства, поэтому дружеские и торговые связи князей этого острова с европейцами представлялись ему далеко не безопасными для клана Ода.

– Отец Валиньяни убежден в том, что до тех пор, пока отпрыски влиятельных японских семейств собственными глазами не увидят достижения европейской цивилизации, истинные дипломатические и торговые отношения между двумя мирами вряд ли смогут начаться. Он обратился ко многим европейским королям и к его святейшеству Папе Римскому и убедил их пригласить миссию из Японии. Самому старшему юноше, из тех, что отправились с этой миссией, всего шестнадцать лет.

Нобунаге зачитали список имен участников миссии. Почти все они были сыновьями князей с острова Кюсю.

– Что ж, по крайней мере, в смелости им не откажешь, – заявил он.

«Молодцы, – подумалось ему, – отважились пуститься в такое дальнейшее путешествие, а ведь совсем еще мальчишки». Нобунага пожалел, что не сказал им напутственного слова перед отъездом.

Но с какой стати европейским монархам понадобилось приглашать в Европу сыновей местных князей с дальнего японского острова? Нобунага верил в благие намерения европейцев,

но и скрытые мотивы подобного приглашения не были для него тайной.

– Уезжая из Киото, чтобы возглавить эту миссию, отец Валиньяни выразил свое сожаление... относительно вас, – заметил один из монахов.

– Сожаление?

– Посетовал, что возвращается в Европу, не окрестив вас.

– Вот как? Так, значит, и сказал! – расхохотался Нобунага, встал с кресла и повернулся к оруженосцу, держащему на руке сокола. – Мы чересчур загостились. Пошли отсюда. – И он стал стремительно спускаться по лестнице, шагая через ступеньку. Следом за ним высыпали на улицу и воспитанники школы, чтобы проводить князя и поглазеть, как он уезжает.

Строительство и отделка крепости Нирасаки, которой предстояло стать новой столицей провинции Каи, было уже завершено вплоть до таких мелочей, как кухни и комнаты для прислуги.

Невзирая на то, что было уже двадцать четвертое число двенадцатого месяца и всего несколько дней оставалось до новогодних празднеств, Такэда Кацуёри решил не откладывать переезда из Кофу, города, где жили многие поколения его предков, в новую столицу. Переезд князя произвел такое глубокое впечатление на сельских жителей, что о нем не переставали говорить даже во время новогоднего праздника.

Процессия и в самом деле поражала роскошью. В путь тронулись по меньшей мере несколько сотен паланкинов. В первом восседали сам Куциёри с женой и его тетя со своей дочерью. В середине процессии, которую нельзя было охватить взглядом, ехали вассалы в сопровождении личных оруженосцев, самураи, люди свиты, чиновники. Они мерно покачивались в золотых и серебряных, инкрустированных перламутром седлах, сверкая на солнце золочеными доспехами. Следом за ними маршировали отряды лучников, позади которых взметался лес копий с красными древками. Но всеобщее внимание привлекали прежде всего знамена клана Такэда. Тринадцать золотых иероглифов на ярко-красном полотнище рядом с еще одним знаменем.

Две строки золотых знаков на длинном знамени темно-синего цвета гласили:

*Быстры, как ветер,
Тихи, как лес,
Жарки, как пламя,
Спокойны, как горы.*

Каждый знал, что эти строки вышил золотом Кайсэн, верховный жрец храма Эрин.

– Ах, как жаль, что сама душа этого великолепного знамени покидает сегодня крепость в Цуцудзигасаки и перебирается в новое место! – восклицали жители прежней столицы, глубоко опечаленные этим событием.

Каждый раз воины клана Такэда разворачивали знамя с изречением Сунь-цзы и второе, с тринадцатью китайскими иероглифами. Отправляясь с ними на войну, они непременно возвращались с победой, встречаемые ликующими криками горожан. Так бывало в дни правления Сингэна, и сейчас все тосковали по тем безвозвратно ушедшим дням.

И хотя знамена со стихами Сунь-цзы оставались теми же самыми, люди не могли избавиться от ощущения, будто их подменили.

Но когда жители Каи увидели, как перевозят в новую столицу богатейшие сокровища и несметное количество оружия, когда смогли лицезреть в паланкинах разнаряженную знать клана и его лучших воинов в золотых седлах, а также растянувшийся на несколько лиг обоз

воловых упряжек, у них стало легче на душе, словно возвратилось золотое время Сингэна.

Вскоре после того, как Кацуёри переехал в свою новую столицу, буйным цветом оделись вишни в его саду. И князь вместе со своим дядей Такэдой Сёёкэном отправился прогуляться по саду.

– Он даже не приехал на празднование Нового года, сказавшись больным. А писал ли он в последнее время вам, дядюшка? – спросил Кацуёри, имея в виду своего двоюродного брата Анаяму Байсэцу, коменданта крепости Эdziри. Эта расположенная на границе с Суругой цитадель была для клана Такэда важным стратегическим пунктом в южном направлении. Уже примерно полгода Байсэцу не навещал Кацуёри, отговариваясь болезнью, и князь начал уже ни на шутку беспокоиться.

– Нет, не писал, но мне кажется, что он и в самом деле болен. Байсэцу – монах, да и вообще человек порядочный, не думаю, чтобы он ни с того ни с сего стал притворяться.

Ответ Сёёкэна не успокоил Кацуёри, однако он ничего не сказал, и в молчании они продолжили свою прогулку.

Между жилым домом для самураев с внутренней крепостью пролежала узкая, поросшая деревьями лощина. Здесь мирно щебетали ласточки, проносясь среди густых ветвей, и вдруг одна из них, чем-то потревоженная, резко взмыла в небо.

– Вы здесь, мой господин? У меня плохие новости, – взволнованно произнес подошедший человек.

– Ну-ка, возьми себя в руки. Самурай, говоря о важных делах, должен сохранять самообладание, – упрекнул его Сёёкэн.

Он не столько стремился одернуть молодого самурая, сколько хотел ободрить Кацуёри, заметив, что вопреки своей всегдашней выдержке племянник его внезапно стал блее мела.

– Дело нешуточное, – произнес самурай по имени Гэнсиро, простираясь ниц перед князем. – Кисо Ёсимаса из Фукусимы предал вас!

– Кисо? – В голосе Сёёкэна слышалось изумление, недоверие и отвращение одновременно. Что касается самого Кацуёри, то он, похоже, уже давно ждал чего-нибудь в этом роде.

У Сёёкэна бешено заколотилось сердце, его срывающийся голос свидетельствовал о том, что и выдержка, и доброжелательность ему изменили.

– Письмо, – воскликнул он, – где письмо?

– Передавший мне эту весть гонец на словах предупредил князя Кацуёри, не желая терять ни мгновения, – ответил Гэнсиро. – Письменное послание придет со следующим гонцом.

– Нечего дожидаться письма от Горо! – отрезал Кацуёри. – За последние годы и Ёсимаса, и Байсэцу вели себя крайне подозрительно. Знаю, какие доставляю вам хлопоты, дядюшка, но мне придется вновь просить вас возглавить войско. Я тоже приму участие в этом походе.

Два часа спустя с башни в новой крепости послышался бой большого барабана, и по всему городу промчался трубящий в раковину гонец, возвещая о сборе войска. Стоял чудесный весенний вечер, но жители горной провинции отныне не ведали покоя. Войско выступило на закате. Пять тысяч воинов, подгоняемые заходящим солнцем, двинулись по дороге на Фукусиму. К наступлению темноты еще почти десятитысячная армия выступила из Нирасаки.

– Что ж, прекрасно! Этот жалкий предатель наконец недвусмысленно доказал нам, что он мятежник, и я его покараю! На сей раз мы очистим Фукусиму от всех, чья верность вызывает хоть малейшие сомнения.

Злость и досада владели душой Кацуёри, и он бормотал эти слова самому себе, пока лошадь несла его по горной дороге. Однако лишь немногие из пустившихся вместе с ним в путь соратники разделяли его возмущение бессовестным предательством Кисо.

Слишком уж самоуверенным человеком был Кацуёри. Порвав отношения с кланом Ходзё,

он, похоже, и сам не заметил, что пренебрег поддержкой могущественного рода, не раз приходившего на помощь в трудную минуту.

По предложению своих приближенных, Кацуёри вернул в Адзути сына Нобунаги, которого клан Такэда долгие годы держал в заложниках, но по-прежнему терпеть не мог великого князя Оду, а в особенности – хитроумного Токугаву Иэясу из Хамамацу. Эта ненависть поселилась в его душе после сражения при Нагасино.

Кацуёри был отчаянно смел, но в том положении, в какое попал сейчас князь, силу духа следовало сочетать с терпением, мудростью и осмотрительностью. Безоглядное бахвальство не способно уstrasшить противника, зато вполне может вызвать пренебрежение с его стороны.

И не только Нобунага и Иэясу относились так к Кацуёри. Даже жители его собственной провинции нередко во всеуслышание жалели о днях, когда они жили под властью Сингэна.

При Кацуёри воинская служба, сбор податей и прочие государственные дела вершились по законам Сингэна, но чего-то все же недоставало.

Молодой князь не мог понять, чего именно, а все между тем объяснялось просто: его власть не внушала людям полного доверия, они не чувствовали прежней надежности и безопасности.

Во времена Сингэна знать и простолюдинов объединяла нерушимая заповедь: враг не должен даже на пядь вторгнуться на земли провинции Каи. Народ был рад и горд служить такой цели.

В последнее же время неудачи следовали одна за другой. Роковой чертой, разделившей периоды процветания и упадка, стало сражение под Нагасино. И хуже всего было то, что люди осознали: Кацуёри – не ровня своему отцу.

Даже Кисо Ёсимаса, женатый на дочери Кацуёри, строил против князя козни, и все потому только, что не видел иной возможности сохранить свой клан. Он беспокоился о будущем провинции Каи и через посредников из Мино уже на протяжении двух лет поддерживал тайные сношения с Нобунагой.

И вот сейчас войско Каи несколькими колоннами двигалось на Фукусиму.

В скорой и легкой победе ни воины, ни командиры не сомневались, однако известия, приходившие в ставку Такэды Кацуёри, не только не радовали его, а, напротив, звучали все более и более настораживающе.

– Кисо оказался упрямым.

– Местность холмистая, у врага хорошо укрепленные оборонительные линии, и пройдет немало дней, прежде чем нашим передовым отрядам удастся прорвать их.

Каждый раз, услышав подобное донесение, Кацуёри кусал губы и восклицал:

– Ах, если бы я сам возглавил войско!..

Таков уж был у него характер: при первых же военных трудностях его обуревали гнев и досада, а они, всем известно, плохие советники.

В четвертый день второго месяца Кацуёри получил ужасное известие: Нобунага внезапно объявил полный сбор войска в Адзути и во главе его уже выступил из Оми.

Другой лазутчик принес столь же страшную весть:

– Войско Токугавы Иэясу вышло из Суруги, а Ходзё Удзимасы – из Канто. Покинул свою крепость и Канамори Хида. Все они двинулись в сторону Каи. Говорят также, что Нобунага и Нобутада разбили свое войско на две части и намереваются вторгнуться в Каи с двух сторон. Взобравшись на гору и оглядевшись, я увидел, что повсюду в небо поднимаются столбы дыма.

Кацуёри чувствовал себя так, словно его внезапно вышибли из седла.

– Нобунага! Иэясу! И даже Ходзё Удзимаса! – воскликнул он потрясенно.

Судя по поступающим донесениям, он оказался мышью, запертой в мышеловке.

Настал вечер. В новом донесении значилось, что войско Сёёкэна прошлой ночью покинуло

свои позиции.

– Этого не может быть! – отрезал Кацуёри.

К несчастью, донесение оказалось точным, а вскоре поступили и дополнительные сведения, не оставляющие ни малейших сомнений.

– Еще и Сёёкэн! Но разве он не доводится мне родным дядей? Разве он не старейшина нашего клана? Как же он посмел без моего разрешения оставить поле боя и обратиться в бегство? Да и все остальные тоже... Язык не поворачивается говорить о подобном предательстве и чернейшей неблагодарности!

Получив от своих военачальников совет отдать приказ об отступлении, Кацуёри немедленно ему последовал, потому что и самого бесстрашного человека повергла бы в ужас такая череда несчастий. Какое отчаяние, должно быть, владело им! Хотя двадцатитысячное войско, на которое он рассчитывал, не приняло участия ни в едином сражении, в Нирасаки вернулось всего четыре тысячи воинов.

Меж тем злая судьба не оставляла Кацуёри и в Нирасаки: дурные вести продолжали поступать одна за другой. Худшей из них, похоже, было сообщение о том, что его сородич Анаяма Байсэцу не только сдал врагу свою крепость в Эдзири, но и стал проводником вторгшегося в Каи войска Токугавы Иэясу, возглавив его передовой отряд.

Раздавленный этим известием, Кацуёри терзался вопросом: «В чем же состояла моя ошибка?» И хотя внешне он по-прежнему проявлял завидную стойкость и отдавал разумные распоряжения о возведении все новых и новых оборонительных линий, душа его сейчас требовала иного – медитации, углубленного самопознания, – для этого он и пригласил в крепость Кайсэна, которым ранее откровенно пренебрегал. Увы, слишком поздно князь переменял отношение к мудрому монаху.

– Десять лет назад, когда был жив мой отец, военачальники более всего на свете опасались запятнать свою честь. Что же произошло? – недоуменно вопрошал Кацуёри у монаха.

Кайсэн сидел молча, закрыв глаза. Он был холоден, как остывший пепел, а Кацуёри, напротив, бушевал сейчас, словно лесной пожар.

– Но даже те из них, которые сохраняют мне верность, разбежались, не вступив ни в единую стычку! Разве такое поведение достойно традиций клана Такэда – клана, который не давал ступить на свою землю даже великому Уэсуги Кэнсину? Уж не выродился ли наш народ? Военачальники моего отца или уже умерли, или слишком стары. А те, кто пришел им на смену, совсем другие люди.

Кайсэн по-прежнему безмолвствовал. Монаху было уже за семьдесят, и он знал Сингэна, как никто другой; сейчас из-под седых бровей он внимательно следил за наследником великого военачальника.

– Достопочтенный учитель, возможно, уже слишком поздно, но если ошибки, допущенные мною в управлении провинцией, поддаются исправлению, то, пожалуйста, подскажите, как это сделать. Если я недостаточно строг с войском, скажите, я готов исправиться. Научите меня победоносной стратегии, заклинаю вас! Пожалуйста, не таите от меня ничего. Не забывайте о том, что перед вами сын Сингэна. Объясните мне, в чем я ошибся и что именно надо предпринять. Ладно, давайте я сам начну. Не оскорбил ли я свой народ, подняв после смерти отца сбор за переправу через реки и переход границы. Я сделал это, чтобы пополнить казну и усилить нашу обороноспособность, но, быть может, ошибся?

– Нет, – ответил Кайсэн, качая головой.

Кацуёри волновался все больше и больше.

– Так, может быть, я не по заслугам раздавал награды и назначал наказания?

– Отнюдь. – И старик опять покачал головой.

Кацуёри простерся ниц перед старцем. Он был готов разрыдаться. Только перед Кайсэном гордый и бесстрашный князь мог дать волю своим чувствам.

– Не плачьте, Кацуёри, – тихо произнес Кайсэн. – Вас нельзя назвать недостойным человеком и тем более – недостойным сыном. Вашей единственной ошибкой была недостаточная прозорливость. Мы живем в жестокий век, а вам на долю выпало противостоять князю Нобунаге, который ведет одну войну за другой и, можно сказать, правит всей страной, однако в душе он мечтает об императорском титуле. Не зря же он, пренебрегая всем прочим, воздвиг императорский дворец.

Воздавая в сердце своем хвалу Сингэну, которого он чрезвычайно высоко ценил, Кайсэн никогда не отождествлял способности этого великого человека со способностями его сына Кацуёри, хотя и недостойным правителем его тоже не считал. И все-таки ни умом, ни силой духа новый князь Каи не походил на отца. Старый настоятель монастыря отчетливо осознавал, что великая междуусобица заканчивается, если уже не закончилась. Никакой совет не помог бы Кацуёри разбить войско клана Ода, а другого спасительного выхода не существовало. Слишком древним был клан Такэда, основанный несколько веков назад, слишком высоко и ярко сияла в небе звезда Сингэна, поэтому его сын не имел права припасть к ногам Нобунаги и униженно просить мира.

На прощанье Кайсэн сказал князю:

– Пожалуйста, берегите себя.

– Как? Вы уже возвращаетесь в храм?

Кацуёри с сожалением расставался со старцем, слишком много вопросов хотелось ему задать.

– Возможно, мы с вами, князь, видимся в последний раз.

Кайсэн коснулся пола руками, увитыми четками, и ушел, не произнеся больше ни слова.

Падение клана Такэда

– Эту весну мы проведем в горах Каи! – воскликнул Нобунага. Он ехал верхом во главе своего воинства. – Посмотрим, как цветут вишни, нарвем цветочков, а на обратном пути по берегу полюбуемся горой Фудзи.

На этот раз кампания против Каи, казалось, была просто-таки обречена на успех, и сбор войска прошел без каких бы то ни было хлопот или затруднений. На десятый день второго месяца войско вошло в Синано. На границах провинций Ина, Кисо и Хида Нобунага приказал выставить заградительные отряды. Клану Ходзэ предстояло начать вторжение с востока, а клану Токугава ударить из Суруги.

В отличие от былых сражений на реке Анэ и под Нагасино, сейчас Нобунага осуществлял вторжение с такой беззаботностью, словно отправлялся собирать овощи у себя на огороде. Ведь наряду с вражеским войском в самом сердце подлежащей покорению провинции находились и союзные силы. И Наэги Кюбэй из крепости Наэги, и Кисо Ёсимаса из Фукусимы с нетерпением ждали прихода Нобунаги, с Кацуёри же их больше ничто не связывало. Поэтому войско, выступившее из Гифу и дошедшее до Ивамуры, по пути не столкнулось с каким бы то ни было сопротивлением. Многие крепости клана Такэда были заранее оставлены неприятелем.

«Мы дошли до Ины, но никто и не вздумал защищать ее».

Такое донесение получил Нобунага при въезде в Кисо. Его воины уже подшучивали друг над другом, говоря, что для военной кампании этот поход слишком весел, а для увеселительной прогулки чересчур скучен. Почему же Такэда ведут себя столь безропотно? Ответ на этот вопрос напрашивался сам собою. Клан Такэда оказался не способен предотвратить вторжение в провинцию Каи.

Все, так или иначе связанные с кланом Такэда, были убеждены в его неминуемом поражении. Однако самураи свято чтит свои традиции.

– Мы им покажем, что с нами все-таки следует считаться, – заявил Нисина Нобумори, комендант крепости Такато и младший брат Кацуёри.

Нобутада, сын Нобунаги, войско которого вторглось в здешние края, счел диспозицию предстоящего сражения крайне для себя благоприятной. Написав послание, он призвал сильного лучника и велел пустить в крепость стрелу с письмом, в котором предлагал неприятелю сдаться.

Ответ не заставил себя долго ждать. Послание было выдержано в чрезвычайно корректном тоне.

«Защитники крепости готовы отплатить князю Кацуёри за все содеянное им добро своими жизнями. Среди нас нет ни одного труса. Мы ждем немедленного штурма и сумеем показать вам силу духа и мастерство владения оружием, которыми наш клан славится со времен князя Сингэна».

Казалось, сама тушь пахла решимостью, с которой Нобумори написал эти строки.

Нобунага произвел сына в военачальники, хотя тот еще был весьма молод.

– Что ж, они получают то, что хотят, – сказал Нобутада и отдал приказ о штурме.

Атакующие разделились на два штурмовых отряда, обрушившихся на крепость одновременно, – один, зайдя со стороны гор, ударил в тыл крепости, а другой атаковал главные ворота. Это было поистине сражение, а не какая-то заурядная стычка. Тысячный гарнизон крепости стоял насмерть. Несомненно, доблесть воинов Каи ничуть не пошла на убыль. С начала второго до самого начала третьего месяца стены крепости Такато были не раз омыты

кровью как нападающих, так и защитников. Прорвав первые заграждения, возведенные в пятидесяти кэнах перед крепостным рвом, воины клана Ода завалили ров камнями, деревьями, землей и, перейдя через него, вышли к каменным стенам крепости.

– Идите! Идите сюда! – кричали со стен воины, забрасывая нападающих копьями и камнями, поливая их кипящим маслом.

Карабкавшиеся по стенам атакующие воины Нобутады падали под градом бульжников и палок, но не теряли присутствия духа. Даже упав на землю, если оставались живы и не лишались чувств, тут же поднимались и вновь принимались карабкаться вверх.

Воины из второй линии атакующих подбадривали сражающихся на передовой яростными кличами и при первой же возможности заступали на их место. Собственное поражение представлялось им просто невыносимым. Казалось, ничто не способно устоять перед их яростным напором. Однако и защитники крепости в доблести не уступали, сражаясь с порожденной отчаянием дерзостью. Глядя на тех, кто с высоты стен бросал вызов нападающим, можно было предположить, что крепость полна неистовых воинов Каи, но такое впечатление было ошибочным. В отчаянном героическом сражении участвовали все местные жители. Когда крепость попала в осаду, сюда пришло все население города, и сейчас старики и юнцы, женщины, даже беременные, по мере сил помогали воинам держать оборону. Женщины подносили стрелы, старики готовили пыжи для ружей. Они заботились о раненых и стряпали на всех. Никто не отдавал им никаких приказов, но действовали они согласованно и на судьбу не жаловались.

– Крепость падет, если мы бросим в бой все наше войско, – заявил Кавадзири, один из руководящих штурмом военачальников Нобутады.

– У нас и так уже слишком много убитых и раненых, – ответил Нобутада, обожавший все решать по-своему.

– Мне кажется, решимость защитников крепости зиждется на уверенности в том, что Кацуёри по-прежнему хозяйничает в своей новой столице. Поэтому нам следовало бы на время прекратить осаду крепости и всей мощью обрушиться на Кофу и Нирасаки. Но для этого потребуется полностью изменить стратегию. Значит, нужно попробовать внушить защитникам крепости, что Нирасаки под нашей властью, а Кацуёри мертв. Возможно, удастся обмануть их.

На утро в первый день третьего месяца в крепость было пущено еще одно привязанное к стреле послание. В нем значилось:

«Двадцать восьмого числа второго месяца провинция Каи пала, и князь Кацуёри совершил сэппуку. Другие члены клана или покончили с собой вместе со своим князем, или взяты нами в плен. Поэтому героическая оборона крепости утратила всякий смысл; ваша крепость осталась единственной, продолжающей оказывать сопротивление в уже покоренной провинции. Незамедлительно сдайте крепость и сосредоточьте свои усилия на спасении того, что еще можно спасти.

Князь Ода Нобутада».

Прочитав его, Нобумори расхохотался:

– Обман настолько бесхитростен, что на него не поддастся и малый ребенок. Но это письмо доказывает, что враг уже отчаялся взять крепость штурмом. И столь жалкий обман, похоже, считают верхом военного искусства?

В тот же вечер Нобумори устроил попойку, на которой показал вассалам полученное письмо.

– Любой, кто пожелает, вправе беспрепятственно покинуть крепость еще до рассвета.

Военачальники бурно веселились весь вечер, а ближе к ночи пригласили на празднество своих жен и угостили их сакэ. Все быстро сообразили, что на уме у Нобумори. На следующее утро, как все того и ожидали, Нобумори укрепил сандалию на раненной в схватке левой ноге и, опираясь на большую секиру, прихрамывая, направился к крепостным воротам.

Нобумори приказал защитникам крепости собраться на площади, а сам поднялся на башенку, венчающую ворота, и провел смотр своего воинства – меньше тысячи воинов, если не считать совсем юных, слишком старых и немощных, а также женщин, но с прошлого вечера число его сторонников не уменьшилось ни на одного человека. Склонив голову, он молился сейчас душе своего отца, мысленно говоря Сингэну: «Ну-ка, погляди! Воины Такэды таковы же, как были прежде!..» Наконец он поднял голову и обвел глазами собравшихся на площади. Перед ним стояло все его войско.

Нобумори не был так круглолиц и широк в плечах, как его старший брат. Проведя долгие годы в сельской местности, он не привык ни к изысканной пище, ни к прочим излишествам. Выглядел, однако, молодым соколом, поднятым ввысь над горами и долинами провинции Каи могучим ветром времени. Ему было тридцать три года, и он походил на отца: такие же густые волосы, кустистые брови и широкий рот.

– Вот и отлично! Я боялся, что нынче с утра зарядит дождь, но на небе ни облака. Под таким небом, да еще в день, когда дальние горы кажутся белыми от цветущих вишен, не страшно и умереть. Разумеется, мы не собираемся жертвовать своей честью ради каких-то призрачных выгод. Два дня назад я был ранен и сейчас не могу сражаться рядом с вами. Поэтому буду наблюдать за сражением отсюда, с башенки, и здесь же хладнокровно дождусь врага. И когда он придет за моей головой, тут уж я всласть навоююсь! Так что смело в бой! Откройте ворота – и главные, и задние, – обрушьте на врага и покажите ему, как облетает горная вишня!

Восторженные ответные возгласы не оставляли сомнений в том, что все произойдет именно так, как распорядился молодой князь. Боевой клич пронесся по толпе собравшихся, нарастая до яростного вихря. Глядя на своего предводителя, стоящего в башенке над главными воротами, воины приговаривали друг другу:

– Мы прощаемся с ним. Это наш последний бой.

Вопрос стоял не о том, жить или умереть. Собравшихся на площади охватил единый порыв, единая воля к смерти. Они торжественно раскрыли главные и задние ворота крепости, и тысяча воинов с победными кличами ринулась на врага.

Ни о чем не подозревавшие воины Оды впали в панику. Их передовая линия была молниеносно смята. На какое-то мгновение возникла опасность даже и для ставки Нобутады.

– Назад! Перестраиваемся! – Комендант призывал свое войско вернуться в крепость после успешной вылазки. – Назад! Назад!

Воины отступили. Каждый из них, проходя в главные ворота, на башенке которых по-прежнему восседал Нобумори, показывал ему свои трофеи – отрубленные головы врагов.

– Пойду напьюсь, а потом – опять в атаку, – заявил один из защитников крепости.

Так и пошло. Завернув на минуту-другую под главные ворота отдохнуть и подкрепиться, воины поодиночке и группами предпринимали все новые и новые вылазки. То же самое происходило и у задних ворот. Защитники крепости могли уже похвастаться четырьмястами тридцатью семью вражескими головами. Конечно, и среди них самих были потери. К концу дня число защитников существенно сократилось, а большинство из оставшихся в живых были ранены. Избежать хотя бы легкого ранения не удалось никому. Вокруг крепости с оглушительным треском пылали деревья. Враги наступали со всех сторон. Нобумори немигающим взглядом следил со своей башенки, как один за другим гибнут его воины.

– Мой господин! Мой господин! Где же вы? – воскликнул один из его соратников, бывший с врагом у самых ворот.

– Я здесь, наверху! – крикнул Нобумори, давая знать воину, что он цел и невредим. – Мой последний час близок. Дай-ка я погляжу, кто ты такой.

Нобумори посмотрел вниз. Воин поднял голову и сквозь дым увидел своего военачальника.

– Почти все наши пали, мой господин. Вы уже приготовились совершить сэппуку, не так ли?

– Поднимись сюда, чтобы помочь мне.

– Да, мой господин, иду! – крикнул воин и попытался взобраться по лестнице в башенку, но не дошел и до середины. Повсюду бушевало кровавое пламя. Нобумори высунул голову из другой бойницы. Но внизу уже толпились воины вражеского войска. И тут он увидел человека, в одиночку сражающегося против целого отряда врагов. С великим изумлением он обнаружил, что это женщина. То была жена одного из вассалов, сейчас она отчаянно размахивала секирой.

И хотя Нобумори уже готовился проститься с жизнью, в это мгновение он вспомнил, что героически сопротивляющаяся врагам женщина в мирной жизни была настолько робкой, что не осмеливалась даже заговорить в присутствии мужчин, не говоря уж о том, чтобы сражаться с ними, взяв в руки боевой топор.

Высунувшись из узкой бойницы, он закричал врагам:

– Эй, вы, воины Нобунаги и Нобутады! Слушайте! С вами говорит сама Вечность! Сейчас Нобунага торжествует победу, но всему свой срок. Каждая вишня облетает, дворец каждого правителя рано или поздно сгорает дотла. А сейчас я покажу вам нечто не подвластное ходу времени, нечто, остающееся навеки! Я, Нобумори, пятый сын Сингэна, преподам вам урок!

Когда воины Оды в конце концов взобрались на башенку, они нашли там труп со вспоротым крест-накрест животом. Но головы не было. Мгновение спустя ночное небо озарилось высокими красными столбами огня, перевитыми черными лентами дыма.

В крепости Нирасаки и во всей новой столице царило такое смятение, словно с минуты на минуту ожидался конец света.

– Крепость Такато пала, и все, в том числе и ваш брат, погибли!

На Кацуёри эта весть, принесенная одним из вассалов, казалось, не произвела никакого впечатления. Но, как ни старался он сохранять внешнюю невозмутимость, было ясно, что поражение предрешено.

Пришло следующее донесение:

«Войско Оды Нобутады вторглось в Каи из Сувы. наших людей беспощадно убивают, независимо от того, сражаются они или сдаются. Им отрубают головы и выставляют их на шестах вдоль дороги. Вражеское войско неудержимо накатывает на нас, как приливная волна».

Вскоре сообщили, что родственник Сингэна, слепой жрец Рюхо, захвачен врагом и обезглавлен.

На этот раз Кацуёри поднял голову и с возмущением сказал:

– Люди Оды воистину безжалостны. В чем провинился перед ними слепой жрец? Какое сопротивление мог он им оказать?

Кацуёри пришла пора всерьез задуматься и о собственной смерти. Он постоянно кусал губы, заставляя себя сохранять самообладание. «Если я сейчас поддамся чувствам и выкажу гнев, – думал он, – люди решат, будто я сошел с ума, и даже мои вассалы почувствуют себя опозоренными. Как могла пасть крепость Такато? Я был уверен, что она продержится еще недели две, а то и месяц», – сетовал Кацуёри. Подобные размышления означали, что князю недостает вовсе не стратегического мастерства, а понимания человеческой природы. Подлинное

мужество, позволяющее смириться с неизбежным, не было присуще ему. Но, так или иначе, сейчас ему предстояло встретиться со своей судьбой лицом к лицу.

Из большого зала совета и прилегающих к нему помещений убрали все ширмы; внутреннее пространство цитадели превратилось в одну огромную комнату, в которой сейчас жил весь клан, словно беженцы, пострадавшие от великого стихийного бедствия. Ночи напролет воины, с большими бумажными фонарями в руках, не ведая отдыха и сна, прочесывали окружающее пространство. Гонцов встречали у главных ворот и препровождали прямо к князю, с тем чтобы Кацуёри первым выслушивал все донесения. Все, что с таким тщанием подбирали в прошлом году, – золотая и серебряная утварь с инкрустациями, изысканная мебель, – все это сейчас представляло собой только досадную помеху.

Подбирая полы кимоно, по саду в сопровождении служанки прошла фрейлина княгини Такэды. Она вошла в темный зал и смело принялась прокладывать себе дорогу в толпе. У нее было послание от госпожи. В это время в зале проходил военный совет; военачальники и старшие командиры, молодые и старые, шумно спорили по поводу того, что нужно предпринять в ближайшее время.

В конце концов фрейлина протиснулась к Кацуёри и вручила ему послание:

– Женщины плачут и жалуются, а мы никак не можем их унять. Ваша супруга сказала, что умереть суждено только раз и что, возможно, женщинам стало бы чуть легче, если бы им разрешили находиться вместе с самураями. Соблаговолите дать согласие, тогда она и остальные женщины переберутся сюда немедленно. Так какова будет воля моего господина?

– Прекрасно, – отозвался Кацуёри. – Приведи сюда мою жену. Да и других молодых женщин тоже.

В это мгновение в разговор вмешался его пятнадцатилетний сын Таро Нобукацу, попытавшийся разубедить князя:

– Отец, это не к добру!

Кацуёри повернулся к сыну и скорее удивленно, чем рассерженно, сказал:

– Но почему же?

– Если женщины придут сюда, они будут путаться под ногами и плакать – а это способно вывести из себя даже самых отчаянных самураев.

Таро был еще почти мальчиком, но по всем вопросам имел собственную точку зрения. На военном совете он заявил, что Каи – земля, принадлежащая предкам клана Такэда со времен Синры Сабуро, останется их землей, пока все они до последнего воина не умрут. Бегство из Нирасаки, предложенное одним из военачальников, покроет клан вечным бесчестием.

Военачальник, предложивший бегство, стоял, однако же, на своем:

– Враг подступает к нам со всех четырех сторон. Кофу расположен в низине, и вражеское войско будет стекаться туда, как ручьи в озеро. Так не лучше ли отступить в Агацуму, что в краю Дзёсю? Если мы выйдем на горную гряду Микуни, сразу несколько провинций смогут предоставить нам убежище. А призвав на помощь союзников, можно подумать и об ответных действиях.

Нагасака Тёкан поддержал этот план, да и сам Кацуёри склонялся к тому, чтобы дать на него свое согласие. И сейчас, поглядев на Таро, он перевел взгляд на фрейлину своей жены и сказал ей:

– Мы уезжаем.

Таро, не произнеся ни слова, разочарованно отвернулся: отец пренебрег его мнением. Оставалось только решить – бежать ли в сторону Агацумы или укрепиться на горе Ивадоно. Однако какой маршрут бегства они бы сейчас ни избрали, было ясно, что они сдают без боя свою новую столицу. Сейчас с этой мыслью свыклись уже и сам Кацуёри, и его военачальники.

Стоял третий день третьего месяца. Каждый год Кацуёри с близкими и свитой отмечал в этот день праздник Кукол во внутренней цитадели, но нынешним погожим днем клан спасался бегством из Нирасаки, а вслед стлался, подгоняя беглецов, черный дым. Оглянувшись и окинув взглядом поредевший караван, Кацуёри поневоле изумился:

– А где же остальные?

Оказывается, многие наиболее влиятельные вассалы клана и даже родственники самого Кацуёри отстали и под покровом тьмы бежали каждый в свою крепость в сопровождении собственных приверженцев и слуг.

– Таро! – позвал князь.

– Я здесь, отец.

Юноша подъехал к скакавшему в некотором отдалении ото всех Кацуёри. Весь его нынешний отряд, включая вассалов, рядовых самураев и даже пеших воинов, насчитывал сейчас менее тысячи человек. Дорогу запрудили паланкины жены князя и ее фрейлин, за которыми толпились завесившие свои лица женщины, большинство из которых шли пешком.

– Ах, какой пожар!

– Какое высокое пламя!

Женщины неохотно покинули Нирасаки и, не пройдя даже рю от города, начали на ходу оборачиваться. Клубы черного дыма высоко поднимались в утреннее небо: это горела крепость в новой столице, подоженная еще на рассвете.

– Зачем нам жить? – причитала одна из женщин. – Что это будет за жизнь? Пришел конец Сингэнову клану!

Доводившаяся Кацуёри теткой монахиня, очаровательная юная девушка, одна из внучек Сингэна, жены членов клана и их служанки – все они горько плакали, держась за руки, и громко выкрикивали имена своих детей. Дорога была усеяна золотыми булавками для волос и другими украшениями, но никто даже не заботился о том, чтобы поднять их. Притирания смешивались с потом и грязью, драгоценности покрывались пылью, но никому сейчас не было до этого дела.

– Поторапливайтесь! Что вы расхныкались? Постыдились бы хоть крестьян!

Кацуёри проехал вдоль линии паланкинов и носилок, поторапливая женщин, вместе с ним удаляющихся все дальше и дальше на восток.

Надеясь добраться до крепости, принадлежащей Оямаде Нобусигэ, они прошли мимо своей прежней столицы Кофу, но лишь мысленно попрощались с нею, бросив напоследок взгляд, и продолжили путь в сторону гор. По мере того как они продвигались вперед, один за другим исчезали носильщики паланкинов и поклажи; вскоре их число сократилось вдвое, потом еще вдвое. К тому времени, когда караван достиг гор поблизости от Кацунумы, в отряде осталось не более двухсот человек, причем только двадцать из них, включая Кацуёри и его сына, ехали верхом. С великими муками Кацуёри и его спутники добрались до горной деревушки Комагаи, но тут их ждало горькое разочарование.

– Поищите убежища где-нибудь в другом месте! – заявил человек, на чью помощь они рассчитывали.

Оямада Нобусигэ, пропустив Кацуёри со спутниками, перекрыл тропу на Сасаго. Кацуёри, его сын и весь отряд оказались в совершенно безнадежном положении. Им оставалось только изменить маршрут бегства и направиться к Таго, деревне у подножия горы Тэммоку.

Сводное войско Оды и Токугавы хлынуло в провинцию Каи подобно бушующим волнам. Возглавляемое Анаямой войско Иэясу двинулось от Минобу по направлению к Итикавагути. Ода Нобутада обрушился на верхнюю Суву, сжег храм Мёдзин и множество буддийских храмов. Сжигал он и дома простых жителей провинции, без устали преследуя повсюду уцелевших

вражеских воинов, и денно и ночью маршировал на Нирасаки и Кофу. Близилась трагическая развязка.

Утром одиннадцатого дня третьего месяца один из оруженосцев Кацуёри, который прошлой ночью прокрался в деревню, чтобы разведать вражеские позиции, еще не восстановив дыхания после быстрой ходьбы, отчитывался перед своим князем:

– Передовой отряд клана Ода занял окрестные деревни и, судя по всему, узнал от местных жителей, что вы и ваша семья находитесь здесь, мой господин. Сейчас их войско перекрыло все дороги. Похоже, они хотят взять нас в кольцо.

Группа беглецов состояла сейчас всего из девяносто одного человека: сорок один самурай, если считать с Кацуёри и его сыном, да пятьдесят женщин с княгиней. В последние дни они обитали в местечке под названием Хираясики и даже обнесли свое временное жилище оградой. Услышав о том, что они окружены, Кацуёри и его спутники поняли, что им пришел конец, и начали готовиться к смерти. Только жена Кацуёри вела себя так же невозмутимо, словно по-прежнему обитала во внутренней цитадели крепости. Ее лицо напоминало белый цветок, и она спокойно глядела на всех туманными глазами. Женщины из ее окружения горько плакали, сетуя на злую судьбу.

– Раз уж дошло до такого, то лучше нам было оставаться в новой крепости в Нирасаки. Какое горе! А супруга князя Такэды так безмятежна!

Кацуёри пришел к жене и потребовал, чтобы она попыталась спастись бегством.

– Я только что распорядился подать тебе коня. Даже если нам и удастся здесь продержаться, наши несчастья никогда не кончатся, потому что враг уже у подножия здешних гор. Тебе надо пересечь горы и вернуться в родной клан Ходзё.

Глаза его жены наполнились слезами, но она не тронулась с места. Казалось даже, что ей неприятно слышать от мужа такие слова.

– Цутия! Цутия Уэмон! – закричал Кацуёри, подзывая своего вассала. – Посади мою жену на коня.

Тот направился было к княгине, но она остановила его жестом и сказала:

– Недаром говорится, что истинный самурай не служит двум господам. Точно так же и женщина. Выйдя замуж, она не должна возвращаться под родительский кров. Хотя с вашей стороны великодушно отправить меня в Одавару, но я никуда отсюда не уеду. Я буду с вами до конца. Тогда, возможно, вам не захочется разлучаться со мною и в следующей жизни.

В это мгновение подбежали двое соратников князя и сообщили, что враг уже рядом.

– Они уже вошли в храм у подножия горы.

Жена Кацуёри, обратясь к своим фрейлинам, сурово одернула их:

– Слезами горю не поможешь. Пора заняться последними приготовлениями.

Молодая женщина – а княгине не исполнилось еще и двадцати лет – сохраняла чувство собственного достоинства даже перед лицом неминуемой смерти.

Фрейлины ушли, но вскоре появились с подносом, на котором были чашечка из необожженной глины и кувшинчик сакэ. Они поставили поднос перед Кацуёри и его сыном. Судя по всему, супруга Кацуёри заранее готовилась к этому торжественному часу. Не проронив ни слова, она наполнила чашечку и подала ее мужу. Кацуёри отпил из нее и передал сыну. А затем подал чашечку жене.

– Мой господин, а теперь чашечку для братьев Цутия, – сказала княгиня. – Цутия, давайте простимся, пока мы все еще в этом мире.

Цутия Содзо, личный оруженосец Кацуёри, и его младшие братья были всей душой преданы своему князю. Содзо исполнилось двадцать шесть, второму брату – двадцать один, а третьему – только восемнадцать. Вместе с князем верные его соратники покинули новую

столицу, вместе стояли сейчас на горе Тэммоку.

– Одаренный такой милостью, я ни о чем не жалею. – Осушив чашечку с сакэ, Содзо с улыбкой обернулся к младшим братьям. А затем обратился к Кацуёри и его жене: – Во всех ваших нынешних несчастьях виновны только мы, ваши недостойные вассалы. Среди нас даже нашлись предатели. Но ни вы, князь, ни ваша супруга не должны думать, будто все ваши приверженцы таковы. И сейчас, в последний час, все, кто по крайней мере остался рядом с вами, преданы вам душой и телом. Поверьте же и в человеческий род, и в этот мир, и войдите во врата смерти с достоинством и без сожаления.

Закончив речь, Содзо направился к своей жене, которая была одной из фрейлин супруги Кацуёри.

И вдруг раздался душераздирающий детский крик.

– Содзо? Что ты наделал? – воскликнул Кацуёри.

Содзо на глазах у жены заколол своего четырехлетнего сына. Жена его зарыдала. Не отерев окровавленного меча, Содзо простерся ниц перед князем.

– В доказательство того, что слова мои не пусты, я только что послал собственного сына опередить нас на дороге смерти. Враг все равно не пощадил бы его. Мой господин, я тоже уйду вместе с вами, а погибну ли я первым или последним – это решит мгновение.

*Как жаль, что цветы
Неизбежно увянут
У нас на глазах,
Ни один из них
Не достоин
До конца весны.*

Закрыв лицо рукавом, супруга Кацуёри запела эту песню, перемежая слова слезами и вздохами. Одна из ее фрейлин подхватила:

*Когда они цвели,
Им не было числа,
Но до конца весны
Они увянут все.*

И пока звучала песня, женщины, одна за другой, доставали кинжалы и вонзали их себе в грудь или перерезали горло. Алая кровь омыла их черные волосы. Внезапно в воздухе просвистела стрела, потом другая – и вот уже стрелы полетели в них со всех сторон. Издали послышалась оружейная пальба.

– Вот и они!

– Готовьтесь, мой господин!

Воины окружили князя. Кацуёри посмотрел на пятнадцатилетнего сына: тот был полон решимости.

– Ты готов?

Таро почтительно поклонился отцу.

– Я готов умереть прямо здесь, рядом с вами, – ответил он.

– Что ж, тогда простимся перед боем.

Отец и сын уже готовы были ринуться в бой, но в это время жена Кацуёри окликнула мужа:

– Я хочу умереть прежде вас!

Кацуёри замер, не сводя глаз с жены. Держа в руках малый меч, княгиня Такэда бросила на мужа последний взгляд, а затем закрыла глаза. Ее лицо сияло неземной белизной, как луна, восходящая над гребнем гор. Она прочитала свой любимый стих из сутры лотоса.

– Цутя! – позвал Кацуёри.

– Да, мой господин?

– Помоги ей.

Но княгиня не стала дожидаться и, продолжая читать сутру, вонзила меч себе в рот.

Как только она упала наземь, одна из фрейлин принялась поторапливать немногих еще оставшихся в живых:

– Ее светлость опередила нас. Нам нельзя опаздывать, иначе мы не догоним ее на дороге смерти. – И она перерезала себе горло.

– И нам пора!

С этими словами оставшиеся женщины совершили самоубийство, поникнув, как цветник на зимнем ветру. Убивая себя, они падали набок или ничком, некоторые, обнявшись, одновременно поражали кинжалами друг друга. Этот жуткий ритуал сопровождался плачем младенцев, еще не отлученных от материнской груди.

Содзо в последнее мгновение отвел четырех женщин с детьми к лошадям и чуть ли не силком усадил их в седла.

– Если вы не умрете вместе со всеми, это вовсе не будет предательством. Вам надо выжить, надо вырастить детей и позаботиться о том, чтобы они служили заупокойные службы по нашему клану и его несчастному князю. – С этими словами Содзо резко ударил лошадей древком копья. Лошади понеслись, женский плач и надрывный детский крик удалялись.

Содзо обернулся к братьям:

– Ну что ж, пошли!

К этому времени воины Оды поднялись уже так высоко, что можно было различить их лица. Кацуёри и его сын были окружены врагами. Бросившись к ним на выручку, Содзо увидел, что один из вассалов князя бежит, увы, в противоположном направлении.

– Ах ты, предатель! – воскликнул Содзо и погнался за ним. – Куда это ты собрался?

Содзо ударил беглеца мечом в спину. А затем бросился в гущу вражеского воинства.

– Подайте мне лук! Содзо, подай мне лук!

Кацуёри порвал тетиву уже на двух луках, и сейчас ему понадобился третий. Содзо пробился к своему князю и сейчас по возможности отражал обрушивающиеся на него удары. Расстреляв все стрелы, Кацуёри отшвырнул лук и взялся за боевой топор, сжимая в другой руке длинный меч. В возникшей рукопашной с явно превосходящим противником жить ему оставалось всего несколько мгновений.

– Это конец!

– Князь Кацуёри! Князь Таро! Я погибну перед вами!

Перекликаясь подобным образом, последние воины Такэды умирали один за другим. Из разбитых доспехов на груди у Кацуёри уже сочилась кровь.

– Таро!

В последние мгновения он звал сына, но взор его уже застилала кровавая пелена. Вокруг него были только враги.

– Мой господин! Я все еще с вами! Содзо рядом с вами!

– Содзо, быстрее на помощь!.. Я сделаю сэппуку.

Опираясь на плечо верного вассала, Кацуёри отступил шагов на сто, затем опустился на колени, но, израненный копьями и стрелами, истекающий кровью, он уже не владел собственными руками.

– Простите меня!

Не в силах видеть мучения и бессилие своего господина, Содзо пришел на помощь и отрубил ему голову. Тело Кацуёри рухнуло вперед, а Содзо, подхватив отрубленную голову, высоко поднял ее, плача от горя.

Передав голову Кацуёри своему младшему восемнадцатилетнему брату, Содзо велел ему спастись бегством и сохранить ее. Но, обливаясь слезами, юноша отказался подчиниться: он решил умереть вместе со всеми.

– Глупец! Убирайся отсюда!

Содзо отшвырнул его в сторону, но было уже слишком поздно. Вражеские воины взяли их в железный обруч. Под сыплющимися со всех сторон ударами брата Цутия пали смертью храбрых.

Средний из братьев от начала боя и до самого его конца оставался рядом с Таро. Молодого князя и его последнего вассала убили в то же мгновение, когда чуть в стороне от них пали под ударами старший и младший брата Цутия. Таро в свои юные годы слыл писанным красавцем, в «Летописи времен Нобунаги», автор которой не склонен был проявлять особую жалость, описывая гибель клана Такэда, о нем все же сказано, что он был прекрасен и умер прекрасной смертью.

К часу Змеи все уже было кончено. Клана Такэда больше не существовало.

Войско клана Ода, взявшее Кисо и Ину, собралось в Суве, запрудив улицы этого города. Нобунага избрал своей резиденцией на время всего похода храм Хоё. Двадцать девятого числа у храмовых ворот состоялась раздача наград войску, а на следующий день Нобунага устроил для своих военачальников пир в честь одержанных ими побед.

– Кажется, вы сегодня порядочно перебрали, князь Мицухидэ. Для вас такое – большая редкость, – сказал Такигава Кадзумасу своему соседу по пиршественному столу.

– Да, я пьян, ну и что же?

Мицухидэ и впрямь выглядел совершенно опьяневшим. В таком состоянии его прежде никто не видел. Лицо князя, всегда отличавшееся матовой белизной, сейчас покраснелось до самых корней уже поредевших волос.

– Так давайте выпьем еще по одной! – подбивал он Кадзумасу. – Не часто выдаются такие счастливые дни, как сегодня; хоть мы с вами давно уже не мальчики, их можно пересчитать по пальцам. Посудите сами. После многолетних усилий нам наконец-то удалось одержать грандиозные победы, причем не только во всей Суве, – теперь уже и Каи, и Синано взяты нами или нашими союзниками, повсюду реют наши знамена!

Говорил он, как всегда, не слишком громко, но его слова разносились по всему залу. Их слышал каждый. Постепенно стихла царившая за столом шумная разноголосица и все взгляды устремились на Мицухидэ.

И Нобунага пристально смотрел на лысеющую голову Мицухидэ. Временами чрезмерная зоркость идет нам во вред: глаз подмечает то, чего ему не стоило бы видеть, дабы не получать ненужных потрясений. Нобунага между тем уже на протяжении двух дней следил за Мицухидэ именно с такой чрезмерной зоркостью. Мицухидэ вел себя излишне весело и непринужденно, что было ему совершенно несвойственно. Нобунага догадывался, в чем причина. В день раздачи наград он преднамеренно исключил из списка отмеченных его вниманием и милостью Мицухидэ, а это – унижение и обида для любого воина. Мицухидэ же, казалось, не был ни огорчен, ни пристыжен. Напротив, он держался как ни в чем не бывало, весело беседовал с награжденными военачальниками, и с лица его не сходила счастливая улыбка.

Так почему же Мицухидэ не проявлял своих подлинных чувств? Чем пристальней присматривался к нему Нобунага, тем тяжелей становился его взор. Князь и сам толком не смог

бы сказать, когда и почему так разительно изменилось его отношение к Мицухидэ.

Причина коренилась не в частном случае, поступке или высказывании. В поисках истоков своей нынешней неприязни Нобунага мог бы дойти до той поры, когда он – в порыве признательности – подарил Мицухидэ крепость Сакамото, затем присовокупил к ней крепость Камэяма, устроил свадьбу его дочери и в конце концов одарил Мицухидэ целой провинцией, сбор с которой составлял пятьсот тысяч коку риса. Это было неслыханной щедростью; но как раз с тех пор отношение князя к Мицухидэ и начало понемногу меняться. Мицухидэ же держался так, словно ровным счетом ничего не произошло.

Глядя на лысеющую голову Мицухидэ, на высокий лоб воина и мыслителя, ни разу в жизни не совершившего ни единой ошибки, Нобунага испытывал все возрастающее раздражение. Князь гневался, а вассал вел себя так, словно нарочно старался прогневить его еще сильнее.

Вот и сейчас Мицухидэ непринужденно беседовал с Такигавой Кадзумасу, а взор, неотрывно следящий за ним с почетного места, отнюдь не лучился доброжелательностью.

Мицухидэ краешком глаза заметил – возможно, бессознательно привлеченный резким движением, – что Нобунага внезапно поднялся со своего места:

– Эй, лысый!

Мицухидэ поднялся из-за стола и простерся ниц перед князем. Он почувствовал, как холодные створки веера дважды или трижды легонько стукнули его по затылку.

– Да, мой господин?

Пьяный румянец Мицухидэ внезапно исчез, и лицо его стало серым, как остывший пепел.

– Пошел вон отсюда!

Веер Нобунаги указывал в сторону коридора.

– Не знаю, в чем я провинился, но если мое поведение показалось вам, мой господин, оскорбительным то, пожалуйста, накажите меня прямо здесь.

Это своеобразное извинение Мицухидэ пробормотал, не поднимаясь, и по полу выполз из зала на прилегающую к нему широкую веранду.

Нобунага направился туда же. Озадаченные участники пира мгновенно протрезвели, у многих внезапно пересохло во рту. Услышав глухие удары с деревянной веранды, даже военачальники, до этой минуты старавшиеся не глядеть на жалкую фигуру Мицухидэ, сейчас невольно посмотрели в ту сторону.

Нобунага отшвырнул в сторону веер и схватил Мицухидэ сзади за ворот. Каждый раз, когда несчастный пытался поднять голову, чтобы что-нибудь произнести, князь с силой бил его лбом о дощатый настил.

– Что это ты там сейчас говорил? Вот сейчас, только что? – приговаривал он. – Насчет многолетних усилий и счастливого дня. Насчет того, что войско Оды взяло Каи? Ты ведь говорил все это, верно?

– Да... говорил...

– Идиот! И в чем же заключались твои многолетние усилия? Каковы твои заслуги в ходе кампании в Каи?

– Я...

– Ну-ну?

– Мой господин, хоть я и был пьян, мне все равно не следовало выражаться столь высокомерно.

– Совершенно верно. Уж тебе-то высокомерие совсем ни к чему. Ты думал, я не пойму, к чему ты клонишь? Думал, я пьян, разговариваю с другими и поэтому не слышу, как ты возводишь на меня хулу?

– Святое Небо! Призываю богов в свидетели, я невиновен. Я и так одарен вашей милостью

сверх всякой меры... До встречи с вами у меня ничего не было... кроме обносков и меча...

– Заткнись!

– Пожалуйста, позвольте мне удалиться.

– Да уж конечно! – Нобунага отшвырнул его в сторону. – Ранмару! Воды! – заорал он.

Ранмару наполнил чашу водой и подал ее князю, глаза которого горели яростью. Нобунага бурно дышал, плечи его вздымались.

Мицухидэ меж тем успел отползти от князя на семь-восемь сяку по коридору и сейчас поправлял ворот и приглаживал растрепавшие волосы. Испытав такое унижение, Мицухидэ тем не менее старался вести себя с достоинством, и это не могло не разъярить Нобунагу. Князь снова двинулся к вассалу.

Не удержи Ранмару князя за рукав, снова зазвучали бы удары о дощатый настил.

– Извините, мой господин, но князь Нобутада, князь Нобусуми, князь Нива и все военачальники ждут вас, – позволил себе произнести оруженосец.

Нобунага, словно внезапно очнувшись, вернулся в переполненный гостями зал, но на свое место уже не сел.

– Простите меня. – Он обвел глазами своих гостей. – Кажется, я немного погорячился. Ешьте и пейте в свое удовольствие! – И с этими словами он быстро покинул пиршественный зал, уединившись у себя в покоях.

Ласточки сновали возле амбара. Хотя солнце уже садилось, они все еще носили в клюве добычу своим птенцам.

На белые стены амбара уже упали первые сумеречные тени.

– Какой замечательный сюжет для картины!

В просторной комнате дома, расположенного в глубине большого сада, Сайто Тосимицу, один из могущественных вассалов клана Акэти, принимал гостя – живописца Юсё, приехавшего в Суву издалека. Юсё было лет пятьдесят, и, судя по коренастой фигуре, в нем трудно было угадать художника. Говорил он весьма скупо.

– Я должен извиниться за то, что внезапно посетил вас в суровую военную пору, когда у вас наверняка много обязанностей в связи с боевыми действиями.

Слова Юсё означали, что он намеревается удалиться. Он уже поднялся с места.

– Нет, прошу вас! – Сайто Тосимицу был властным человеком, и ему не стоило большого труда удержать гостя. – Вы прибыли издалека, и было бы неучтиво отпустить вас, прежде чем вы повидаетесь с князем Мицухидэ. Если князь узнает, что вы побывали здесь в его отсутствие, он наверняка рассердится и спросит, почему же я вас не удержал. – И он перевел разговор на другую тему, стараясь развлечь неожиданного гостя.

В последнее время Юсё жил в Киото, но родом он был из Оми – родной провинции Мицухидэ. Более того, художник Юсё одно время получал воинское жалованье от клана Сайто в Мино. А Тосимицу, прежде чем поступить на службу в клан Акэти, тоже служил клану Сайто.

Ставка Нобунаги в храме Хоё не могла вместить всей его многочисленной свиты, поэтому многие военачальники разместились в частных домах по всей Суве. Воины клана Акэти нашли приют в доме крупного торговца ореховым маслом, где и отдыхали после многодневных изнурительных сражений.

Вошел юноша, сын хозяина дома, и обратился к Тосимицу:

– Не угодно ли вам принять фуру, ваша честь? Все самураи и даже пешие воины уже отужинали.

– Нет. Я дождусь возвращения его светлости князя Мицухидэ.

– А ведь князь нынче вечером припозднился, верно?

– Сегодня в ставке дают пир по случаю победы. Мой господин почти не пьет, но сегодня, возможно, позволит себе чашечку-другую под бесчисленные здравицы.

– Так, может быть, все-таки подать вам ужин?

– Нет-нет. Я не буду ужинать, пока его не дождусь. Но это не значит, что надо томить моего гостя. Почему бы вам не проводить его в банную комнату?

– Вы говорите о художнике, который находится здесь уже весь день?

– Совершенно верно. Он там бродит в саду, любуясь цветами, и похоже, немного заскучал. Почему бы вам не пригласить его?

Юноша вышел в сад и зашел за дом. Юсё сидел перед пышно цветущими деревьями, обхватив руками колени, и с отсутствующим видом глядел прямо перед собой. Некоторое время спустя, когда в сад вышел сам Тосимицу, ни художника, ни юноши там уже не было.

Тосимицу понемногу начал беспокоиться. Ему казалось, что Мицухидэ слишком уж задержался на приеме. Он, конечно, знал, что пир может затянуться до поздней ночи, но тем не менее...

От старинной крытой черепицей арки тропинка вела к тянувшейся вдоль озера дороге. Последние лучи солнца еще играли на западном небосклоне над озером Сува. Тосимицу постоял у дороги, дожидаясь своего господина. Вскоре он заметил приближающую группу воинов. Тосимицу озабоченно нахмурил брови. Что-то явно было не так. Даже издали глядя на Мицухидэ, никак нельзя было подумать о том, что он возвращается с праздничного пира. Князь должен был лихо мчаться во главе отряда и быть изрядно навеселе. А он брел пешком, в сторонке ото всех, и вид у него был совершенно потерянный. Слуга вел за ним его лошадь. Да и вся свита двигалась понурившись.

– Я вышел встретить вас, мой господин. Вы, должно быть, устали.

Тосимицу поклонился князю, а тот посмотрел на него с откровенным недоумением:

– Тосимицу? Прости, не заметил тебя. Ты тревожишься из-за моего позднего возвращения? Прости, пожалуйста. Я сегодня выпил лишнего, поэтому решил пройтись по берегу, чтобы проветриться. Сейчас мне уже намного лучше.

Тосимицу понимал, что с его господином стряслась какая-то беда. Он служил Мицухидэ уже много лет, был его близким другом, и не мог не заметить его необычного состояния. Но до тех пор, пока не удастся развеселить или хотя бы приободрить князя, он решил ни о чем не спрашивать и предложил:

– Может быть, выпьете чашку чаю, а потом примете фуру?

На поле сражения Тосимицу умел нагнать страху на любого врага, но о Мицухидэ он заботился, как добрый старый дядюшка. Вот и сейчас, когда они возвратились домой, он помог ему раздеться.

– Фуру? Да, фуру – это, пожалуй, то, что мне сейчас нужно.

И за Тосимицу он прошел в банную комнату, оборудованную в отдельном домике.

Какое-то время Тосимицу молча прислушивался к тому, как плещется в горячей воде его господин.

– Не потеряешь ли вам спину, мой господин? – наконец поинтересовался он.

– Пришли мальчика, – отозвался Мицухидэ. – В твоём возрасте уже не стоит понапрасну тратить силы.

– Да что вы!

Тосимицу прошел в ванную, наполнил горячей водой небольшое ведро и подошел к Мицухидэ сзади. Конечно, он никогда прежде не тер ему спину, но сейчас ему почему-то хотелось во что бы то ни стало показать князю свою преданность.

– Разве подобает военачальнику заниматься таким делом? – осведомился Мицухидэ.

Он был человеком чрезвычайно скромным и с вассалами своими держался учтиво и несколько настороженно. Трудно сказать, было ли это его достоинством или недостатком. Тосимицу считал, что Мицухидэ – человек более церемонный, чем следовало бы.

– Да будет вам, будет! Когда старый вояка идет в бой под вашими славными знаменами, его зовут Сайто Тосимицу из клана Акэти. Но Тосимицу – не член клана Акэти и до самой смерти будет помнить о том, какую честь вы ему оказали, позволив смыть грязь с вашей спины.

Засучив рукава, Тосимицу принялся тереть князю спину. Мицухидэ тем временем безучастно сидел в фуру, низко склонив голову. Он думал о том, как предан ему Тосимицу, и вместе с тем размышлял о своих взаимоотношениях с Нобунагой.

В глубине души Мицухидэ винил во всем случившемся себя самого. Но что же так огорчало его и делало таким несчастным? Разумеется, Нобунага был хорошим господином, но разве мог бы сам Мицухидэ сказать о себе, будто он предан ему в той же мере, в которой ему самому предан этот старый вассал? Какой позор! Ему казалось, будто Тосимицу смывал грязь не со спины его, а с сердца.

Вышедший из фуры Мицухидэ как бы заново родился: переменялись самым разительным образом и внешний вид его, и голос. Ему было сейчас хорошо, хорошо было и Тосимицу.

– Ты совершенно прав: омовение пошло мне на пользу. Думаю, все дело в усталости и в выпитом сакэ.

– Вы чувствуете себя лучше?

– Со мной все в порядке, Тосимицу. Не беспокойся.

– Я и впрямь начал беспокоиться, потому что у вас было такое лицо... Как будто произошло нечто страшное. Ладно, позвольте доложить, что в ваше отсутствие прибыл гость, и он дожидается вашего возвращения.

– Гость? Прямо сюда, в лагерь?

– Юсё путешествует по Каи и захотел непременно повидаться с вами и осведомиться о вашем здоровье.

– А где он?

– Отдыхает у меня в комнате.

– Вот как? Что ж, пойдём навестим его.

– Он очень расстроится, если князь сам придет проведать своего гостя. Это чрезмерная честь. Я приведу его к вам.

– Нет-нет. Наш гость – человек утонченный. Давайте-ка забудем о церемониях.

В зале главного здания Мицухидэ ожидал изысканный ужин, но он предпочел разделить с гостем скромную трапезу в комнате Тосимицу.

Беседа с Юсё привела князя в хорошее настроение. Он живо расспрашивал гостя о различиях между Южной и Северной династиями Сун в Китае, интересовался художественными пристрастиями сёгуна Асикаги Ёсимасы и достижениями школы Тоса, живо обсуждал всевозможные направления в искусстве – от стиля до влияния голландских мастеров на японских художников. Судя по всему, князь был знатоком и ценителем живописи.

– Я частенько подумываю о том, чтобы в старости, удалившись на покой, продолжить занятия науками, начатые мною в юности, и может быть, даже попробовать рисовать. Не соблаговолите ли написать для меня небольшой учебник живописи?

– Разумеется, мой господин.

Юсё считал себя последователем древнекитайского живописца Лян Као. В последние годы он выработал собственную манеру, независимую от традиций Кано и Тоса, и в конце концов стал общепризнанным мастером. Но когда Нобунага попросил его расписать ширмы в Адзути, он отказался, сославшись на болезнь, однако причина была в другом. Прежде он был вассалом

клана Сайто, уничтоженного Нобунагой, поэтому гордость не позволила Юсё украсить новый дворец князя Оды.

Насладившись приятной беседой, Мицухидэ безмятежно проспал всю ночь.

Воины поднялись до зари, накормили лошадей, надели доспехи, приготовили себе завтрак и стали дожидаться пробуждения своего господина. В это утро им предстояло собраться на площади перед храмом Хоё и выйти из Сувы в сторону Кофу. А затем, обойдя озеро по прибрежной дороге, с победой возвратиться в Адзути.

– Вам надо бы поторопиться, мой господин, – обратился Тосимицу к Мицухидэ.

– Ах, Тосимицу, как прекрасно я выспался! – произнес в ответ князь.

– Рад это слышать.

– Передай Юсё мои лучшие пожелания. И дай денег.

– Увы, встав сегодня утром, я обнаружил, что он уже уехал. Он поднялся вместе с воинами – еще до рассвета.

«Вот человек, которому можно позавидовать», – подумал Мицухидэ, любуясь утренним небом.

Сайто Тосимицу развернул свиток:

– А вот что он оставил для вас. Сперва я подумал, будто он просто забыл этот свиток, но потом обнаружил, что тут и тушь еще не просохла, и вспомнил, как вы попросили его составить для вас учебник живописи. Думаю, он работал над ним всю ночь.

– Что? Значит, он даже не ложился?

Мицухидэ развернул свиток. В лучах восходящего солнца бумага казалась ослепительно белой. На ней было изображено дерево, а в углу под рисунком значилось: «Безмятежность – это благородство».

«Безмятежность – это благородство», – мысленно повторил Мицухидэ, разворачивая свиток далее. Он увидел изображение большой репы. Подпись гласила: «Принимать гостей – это радость».

Репа была нарисована индийской тушью с кажущейся легкостью, как будто единым росчерком, но при внимательном рассмотрении начинала источать запах самой земли. Сверху на репе был лист, точно трепещущий от переполнявших его соков жизни. Казалось, его безыскусная красота и нарочитая свобода насмеялись над осторожным и рассудочным Мицухидэ.

Он развернул свиток и дальше – но более там ничего не было, лишь чистая неисписанная бумага.

– Судя по всему, на эти два рисунка у него ушла вся ночь.

На Тосимицу рисунки тоже произвели сильное впечатление. Он долго рассматривал их вместе с Мицухидэ.

Наконец Мицухидэ наслаждался созерцанием рисунков и велел Тосимицу свернуть свиток.

В это время вдалеке, в ставке Нобунаги, запела сигнальная раковина, призывая всех воинов, находящихся в городе, готовиться к выступлению. В разгар кровопролитной войны звук раковины был исполнен угрозы и предвещал все новые и новые неминуемые жертвы. Но в такое утро, как нынешнее, раковина пела кротко и пробуждала в душе едва ли не умиротворение.

Вскоре Мицухидэ уже сидел верхом. Чело его было безмятежно, как горы Каи, – ни облачка, ни малейшей тени.

Книга седьмая.

Десятый год Тэнсё.

1582, весна

Персонажи и места действия

Симидзу Мунэхару – комендант крепости Такамацу

Акэти Мицухару – двоюродный брат Мицухидэ

Акэти Мицутада – двоюродный брат Мицухидэ

Фудзита Дэнго, Аmano Гэнъэмон – ближайшие сподвижники Акэти Мицухидэ

Ёмода Масатака/Манасэ – лекарь из Киото

Сёха – поэт

Ода Нобутада – старший сын Нобунаги

Сотан – купец с Кюсю

Мураи Нагато – наместник Киото

Такамацу – крепость Симидзу Мунэхару

Сакамото – крепость Акэти Мицухару

Тамба – провинция клана Акэти

Камэяма – крепость Акэти Мицухидэ

Храм Хонно – временная резиденция Нобунаги в Киото

Храм Мёкаку – временная резиденция Нобутады в Киото

Крепость в Озере

Двое самураев промчались через ворота крепости Окаяма; из-под копыт лошадей в воздух взметнулись тучи пыли. Никто не обратил внимания на этих всадников. Стражники у главных ворот в испуге вытянулись, тараща глаза, когда они грозно крикнули им на скаку, что привезли из Каи срочный приказ князя Нобунаги.

Хидэёси находился у себя во дворце, когда слуга доложил ему о прибытии гонцов.

– Пусть подождут в Потайной комнате, – распорядился Хидэёси.

Эта комната служила для самых секретных совещаний и переговоров. Едва гонцов проводили туда, как появился и сам Хидэёси. Когда он занял подходящее ему место, один из гонцов достал из складок кимоно письмо, завернутое в несколько слоев вощенной бумаги, и почтительно положил его перед Хидэёси. Тот вскрыл письмо и поднес его к глазам.

– Ах, как давно мне не доводилось видеть ничего, собственноручно написанного его светлостью! – не сдержавшись, воскликнул он.

Прежде чем углубиться в чтение, он почтительно прикоснулся лбом к листку. Иначе и быть не могло – ведь это письмо написал сам князь.

Закончив чтение, Хидэёси спрятал письмо в рукав кимоно и медленно произнес:

– Значит, наши войска одержали в Каи блистательную победу?

– Войско его светлости было воистину неудержимо. К тому времени, как нас послали сюда, князь Нобутада уже вошел в Суву.

– Что ж, иначе и не могло быть. Князь Нобунага, конечно, лично возглавил войско! Пребывает ли он в надлежащем настроении?

– Я слышал от участников кампании, что переход через горы напоминал увеселительную прогулку. Говорили также, что князь Нобунага намерен возвратиться прибрежной дорогой и по пути полюбоваться горой Фудзи.

Гонцы откланялись. Хидэёси сидел молча, уставившись на белых цапель, изображенных на створках ширмы. В глазах птиц были желтые крапинки, придававшие им особую выразительность, в них, казалось, читался вызов.

«Придется поручить дело Камбэю, – подумал Хидэёси. – Больше некому». Он кликнул мальчика и распорядился:

– Курода Камбэй должен быть сейчас в наружной части крепости. Пусть придет сюда. И Хатидзука Хикоэмон тоже.

Мальчик отвесил поклон и поспешил выполнять поручение. Хидэёси достал письмо и перечитал его. Это было не какое-нибудь заурядное послание, а ответ на его давний запрос. Сейчас он мог без особых затруднений сформировать войско в шестьдесят тысяч человек прямо здесь, в Окаяме. Мог... Но до сих пор еще не вторгся во вражескую провинцию Биттю, с завоевания которой давно следовало начать разгром клана Мори. На пути в Биттю имелось одно препятствие, которое ему необходимо было преодолеть – и по возможности бескровно. На границе между двумя провинциями грозно высилась крепость Такамацу – главная в цепочке из семи крепостей, образующих единую оборонительную систему.

Камбэй и Хикоэмон вошли в Потайную комнату, и у Хидэёси сразу же полегчало на душе.

– Только что поступил приказ его светлости, – начал Хидэёси. – К сожалению, он сулит вам обоим новые испытания. Вам предстоит отправиться в крепость Такамацу.

– Могу ли я испросить позволения прочесть приказ его светлости? – осведомился Камбэй.

Камбэй читал приказ с таким почтительным видом, словно внимал речам самого Нобунаги.

Послание было адресовано Симидзу Мунэхару, коменданту крепости Такамацу. Нобунага

обещал в обмен на сдачу крепости пожаловать Мунэхару удел, состоящий из двух провинций – Биттю и Бинго. Он заверял, что принес клятву богам и никогда не откажется от своего обещания.

– Я хочу, чтобы вы вместе с Хикоэмоном отправились в Такамацу как можно скорее, – сказал Хидэёси Камбэю. – Я не думаю, что Мунэхару проявит несговорчивость, особенно после того, как увидит печать Нобунаги.

Хидэёси был настроен оптимистически, но оба его приверженца придерживались иной точки зрения. Неужели Хидэёси и впрямь думает, будто Мунэхару способен предать своих господ – клан Мори – только из-за того, что к нему обращается сам Нобунага? Или же Хидэёси имеет в виду что-то иное?

Чтобы добраться из Окаямы до крепости Такамацу посланцам Хидэёси потребовалось менее одного дня, тем более что ехали они верхом. Они миновали передовую линию собственной обороны и помчались на запад, к горной гряде Киби.

Здесь уже начиналась местность, принадлежащая врагу. Эти места не были похожи на те, что остались у них позади. И поля, и деревни здесь были заброшены и пустынные.

От наружной ограды крепости во дворец послали всадника с известием о прибытии Камбэя и Хикоэмона. Вскоре посланцев препроводили к главным воротам. Такамацу была типичной для равнинной полосы крепостью, возведенной вокруг дворца. По обеим сторонам дороги, ведущей к главным воротам, тянулись рисовые посеы. Земляной вал и каменные стены крепости как будто бы выростали из рисовых полей. Поднимаясь по ступеням внутрь крепости, посланцы Хидэёси могли убедиться в толщине каменной ограды, защищающей крепость.

Несомненно, это была самая неприступная из семи пограничных крепостей. Внутри крепости было просторно и, несмотря на то, что гарнизон насчитывал две тысячи человек, тихо. Поскольку Мунэхару намеревался дать отпор наступающему противнику, в крепость нахлынули три тысячи беженцев. Именно здесь, перед главной своей твердыней, намеревался Мунэхару остановить натиск огромного восточного войска.

Камбэя с Хикоэмоном проводили в просторный зал для приемов.

– Князь Мунэхару сейчас появится, – объявил его оруженосец.

Мунэхару не заставил себя долго ждать и, войдя, скромно заявил:

– Меня зовут Симидзу Мунэхару. Как я понял, вы – посланцы от князя Хидэёси. Добро пожаловать.

Было Мунэхару на вид лет пятьдесят, его одежда отличалась той же безыскусностью, что и манеры. Он вышел к посланцам без какой-либо свиты, в сопровождении одного лишь мальчика лет одиннадцати или двенадцати, опустившегося на колени рядом со своим господином. Не будь этого мальчика и не будь сам Мунэхару препоясан мечом, он вполне мог бы сойти за деревенского старосту.

Камбэй в свою очередь демонстрировал этому почтенному, не отягощающему себя этикетом воину верх учтивости.

– Какое счастье познакомиться с вами. Меня зовут Курода Камбэй.

После того как представился и Хикоэмон, Мунэхару дружелюбно кивнул обоим. Посланцы тоже оттаяли, искренне надеясь, что с этим человеком у них не возникнет особых затруднений.

– Хикоэмон, – сказал Камбэй, – будь так любезен, сообщи господину Мунэхару о послании его светлости.

Хотя начать переговоры по протоколу следовало тому из послов, кто был старше по рангу, Камбэй рассудил, что более пожилой и весьма обходительный Хикоэмон сделает это лучше него.

– Позвольте мне, господин, объяснить вам задачу нашей миссии. Князь Хидэёси повелел говорить с вами начистоту, и я не могу послушаться его приказа. Князю хотелось бы по возможности избежать бесцельного кровопролития. Думаю, вы отдаете себе отчет в том, как развиваются события в западных провинциях. Если говорить о численности войска, то нам не составит труда собрать сто пятьдесят тысяч воинов, тогда как клан Мори может рассчитывать всего на сорок пять, самое большее – пятьдесят тысяч воинов. Кроме того, мы разбили или вывели из игры всех союзников Мори – и клан Уэсуги из Этиго, и клан Такэда из Каи, и монахов-воинов с горы Хиэй и из Хонгандзи, и даже самого сёгуна. Так какой же смысл клану Мори вступать с нами в безнадежную схватку и превращать цветущий запад в выжженную пустыню?

С другой стороны, – продолжал Хикоэмон, – князь Нобунага находится в милости у императора, а также пользуется любовью и уважением всего народа. Страна наконец поднимается из руин междуусобицы и приветствует лучезарное утро мира. Князя Нобунагу глубоко огорчает ваша готовность, поддержанная многими прекрасными людьми, состоящими у вас на службе, сражаться и умирать. Он хочет еще раз попытаться найти выход из этого положения, избежать бессмысленных жертв.

Взяв в руки послание Нобунаги и письмо Хидэёси, заговорил Камбэй:

– Мне не хочется рассуждать о преимуществах и о недостатках того или иного вашего решения. Вместо этого я хочу предъявить нечто, наглядно доказывающее добрые намерения князя Нобунаги, равно как и князя Хидэёси. Оба они умеют ценить истинных воинов. И вот подписанный и скрепленный княжеской печатью указ, в котором вам обещаны провинции Биттю и Бинго.

Мунэхару почтительно поклонился, но послание в руки не взял. Он сказал, обращаясь к Камбэю:

– Ваши оценки для меня чересчур лестны, незаслуженно высока и предложенная награда. Не знаю уж, что и ответить и как велит в таких случаях отвечать этикет. Клан Мори платит мне жалованье всего в семь тысяч коку риса, и сам я всего-навсего деревенский самурай на пороге старости.

Однако Мунэхару не сказал, что принимает предложение. В разговоре возникла заминка. Посланцы томились, не зная, что предпринять. Они попытались уговорить князя. Но на все их доводы Мунэхару очень вежливо повторял:

– Это для меня чересчур большая честь.

Ни красноречие Хикоэмона, ни мудрость Камбэя не смогли переубедить этого человека. Посланцы, однако же, были преисполнены решимости добиться своего. И вот они предприняли последнюю попытку.

– Мы уже сказали вам все, что намеревались и могли сказать, – произнес Камбэй. – Но если у вас есть какие-то дополнительные условия или особые пожелания, которые вам хотелось бы присовокупить к нашему возможному соглашению, мы будем рады выслушать их и незамедлительно дадим знать об этом обоим нашим князьям. Но только, пожалуйста, говорите начистоту.

– Начистоту? – Мунэхару произнес это вполголоса, словно размышляя вслух. Затем в упор посмотрел на посланцев. – Хорошо, хотя я и не уверен, что вам понравится то, что вы сейчас услышите. Я надеюсь, что до конца своих дней не сойду с верного пути. Таково мое главное жизненное правило. Клан Мори ничуть не менее, хотя и не более, предан императору, чем князь Нобунага. Я лишь маленький недостойный человек, но я все же – приверженец клана Мори и, хотя веду здесь праздную жизнь, уже на протяжении многих лет состою на жалованье у Мори. Более того, весь мой род осыпан милостями Мори. А сейчас, в тревожные времена, мне даже

доверили охранять границу. Вот что я скажу вам: даже если бы я польстился на щедрые посулы и, приняв это великодушное предложение князя Нобунаги, стал князем двух провинций, я не был бы так счастлив, как счастлив сейчас. Если бы я предал клан, которому служу, как бы я выглядел в глазах всего мира! И мои родичи, и мои приверженцы назвали бы меня предателем и лицемером, если бы я сам погрел то, чему учил их на протяжении всей своей жизни. – Он горько рассмеялся. – Поэтому передайте князю Хидэёси, что я ценю его доброту и щедрость, но... он должен меня понять.

Сокрушенно покачав головой, Камбэй сказал:

– Увы, я вижу, мне вас не переубедить. Хикоэмон, нам пора.

Хикоэмон также был огорчен постигшей их неудачей, но он с самого начала не надеялся на успех. Как, впрочем, и Камбэй. В глубине души оба они знали, что Мунэхару купить нельзя.

– На дорогах ночью опасно. Почему бы вам не переночевать в крепости? А в путь отправитесь пораньше утром, – предложил Мунэхару.

Это не было простой учтивостью. Посланцы знали, что он человек радушный и добросердечный. Он был врагом, но в достоинствах отказать ему было нельзя.

– Нет. Князь Хидэёси с великим нетерпением ждет вашего ответа.

Посланцы попросили снабдить их факелами и отправились в путь. Во избежание всяких случайностей военного времени Мунэхару велел трем воинам проводить их до самой передовой линии.

Камбэй и Хикоэмон скакали назад без передышки. По возвращении в Окаяму они сразу же отправились к Хидэёси. Их доклад был краток и недвусмыслен:

– Мунэхару отказывается сдать. Его решение твердо и окончательно, дальнейшие переговоры не имеют смысла.

Хидэёси не выказал удивления. Он отпустил посланцев отдыхать, а затем явиться на военный совет. Совет состоялся в тот же день, на нем присутствовали оба посланца и другие военачальники.

Камбэй по карте показал расположение семи вражеских крепостей и подробно охарактеризовал их. Хидэёси отвел глаза от карты и потянулся, как будто внезапно почувствовал сильную усталость. Только что ему доставили весть о победе Нобунаги в Каи. Сопоставляя легкость побед, одерживаемых Нобунагой, с трудностями, на которые повсюду наталкивается он сам, Хидэёси истово надеялся, что отныне и у него дела пойдут лучше. Перед советом он написал Нобунаге поздравительное послание, в котором упомянул, в частности, и о собственных стратегических замыслах в связи с провалом попытки перетянуть на свою сторону Симидзу Мунэхару.

В середине третьего месяца двадцатитысячное войско, до той поры стоявшее в Химэдзи, вступило в Окаяму. Клан Укита предоставил еще десять тысяч воинов. Собрав под своими знаменами тридцатитысячную армию, Хидэёси выступил в поход на провинцию Биттю. Продолав путь всего в один ри, он устроил привал и выслал передовые дозоры. Пройдя еще два ри, опять устроил привал и выслал дозоры. Каждому воину Хидэёси было известно о блистательных и молниеносных победах, одержанных Нобунагой, поэтому многие роптали по поводу медлительности своего военачальника. Некоторые вообще считали, что Такамацу и малые крепости можно взять молниеносной атакой с ходу.

Однако, прибыв на местность и увидев вражеские укрепления, каждый вынужден был признать, что о быстрой победе не может быть и речи.

Хидэёси разбил лагерь на горе Рюо – высоком плато к северу от крепости Такамацу. Отсюда ему открывался вид на внутреннее пространство крепости. Он сразу оценил, какое

значение имеет взаимосвязь между главной и малыми крепостями. А еще отсюда можно было наблюдать за перемещениями полков Мори, заблаговременно узнавать о прибытии вражеских подкреплений.

Хидэёси начал со штурма малых крепостей, которые в скором времени пали одна за другой, так что не взятой осталась только главная – Такамацу. Озабоченный неблагоприятным развитием событий, Мунэхару неоднократно обращался к Мори с просьбами о подкреплении. Гонцы мчались в ставку все чаще и чаще, просьбы о подкреплении становились все настойчивей, но обстановка на полях сражений не позволяла войску Мори предпринять контратаку. Клану Мори требовалось еще несколько недель, чтобы собрать сорокатысячное войско и отправить его на подмогу защитникам крепости. Единственное, что могли вожди клана, – это всячески подбадривать Мунэхару, призывать его стоять насмерть и уверять, что подкрепление вот-вот придет. Но и гонцам с каждым днем становилось все труднее пробираться из крепости и обратно.

Двадцать седьмого числа четвертого месяца Хидэёси начал осаду Такамацу. Но основная часть его войска, насчитывавшая пятнадцать тысяч человек, не покинула гору Рюо. Пять тысяч воинов Хидэёси разместил на возвышенности в Хираяме, а десять тысяч воинов из клана Укита – на горе Хатиман.

Военачальники Хидэёси находились главным образом в тылу войска Укиты. Хидэёси выстроил свои боевые порядки подобно шашкам в начальной позиции при игре в го, с намеренной скромностью оставив собственные силы в тылу у клана Укита, еще совсем недавно бывших союзниками Мори.

Первый же день осады ознаменовался жестокими стычками. Курода Камбэй, вернувшись с передовой, сразу направился к Хидэёси, чтобы доложить ему о кровопролитном развитии событий.

– В утреннем сражении, – сообщил он, – воины клана Укита потеряли убитыми и ранеными свыше пятисот человек, тогда как вражеские потери составляют сто человек. Восемьдесят из них убиты, а двадцать тяжелораненых взяты в плен.

– Этого следовало ожидать, – отозвался Хидэёси. – Эту крепость можно взять только ценой большой крови. Но, насколько мне известно, воины из клана Укита сражались храбро.

Это соответствовало действительности.

В начале пятого месяца наступила солнечная и сухая погода. Воины Укиты, понесшие значительные потери в ходе первых сражений, проложили траншею вдоль крепостной стены. На это у них ушло пять ночей: они работали под покровом тьмы. Как только траншея была закончена, воины клана Укита пошли на приступ.

Защитники крепости, увидев, что воины Укиты уже под стенами и у главных ее ворот, встретили их градом насмешек и оскорблений. Их чувства легко было понять: ведь на стороне Хидэёси сражались сейчас их недавние союзники, изменившие Мори. Дождавшись удобного момента, защитники крепости открыли ворота и бросились в контратаку.

– Смерть предателям!

– Смерть!

Самурай схватился с самураем, пеший воин – с пешим воином, избивая и душа друг друга, победно вздымая на пиках отрубленные головы.

– Отступаем! Отступаем! – в разгар схватки, в клубах пыли и дыма внезапно раздался голос одного из военачальников клана Укита.

Когда его воины начали отступление, защитники крепости окончательно уверились в своей победе. Они начали безоглядное преследование противника с громкими кличами «Добьем их!»,

«Захватим знамена!».

Слишком поздно командир отряда защитников крепости со своей лошади заметил глубокую траншею. Поняв, что это ловушка, он попытался было остановить наступление, но воины были ослеплены близостью победы и рвались вперед, не разбирая дороги и не чуя опасности. И тут из траншеи грянул стройный ружейный залп и пороховой дым взвился в небо. Охотники из клана Мори сразу же превратились в добычу.

– Это западня! Берегитесь! На землю! Всем лечь на землю! – кричал военачальник. – Пускай стреляют! Нападайте на них, пока они будут перезаряжать ружья!

Издав устрашающие вопли, несколько воинов-камикадзэ поднялись во весь рост над вражеской траншеей, чтобы отвлечь на себя огонь, и сразу же пали, изрешеченные пулями. Прикинув, сколько времени понадобится, чтобы перезарядить ружья, другие воины из крепости бросились в траншею. Земля во рву сразу же окрасилась кровью. Бой с переменным успехом продолжался до позднего вечера.

Ночью пошел дождь. Знамена и шатры на горе Рюо промокли насквозь. Хидзэси укрылся в хижине и оттуда наблюдал за покрытым сплошными тучами небом: начинался сезон дождей. Это его не радовало.

Вдруг он огляделся по сторонам и прислушался. Затем окликнул своего ближайшего сподвижника:

– Тораноскэ! Это дождь шумит или кто-то сюда идет? Сходи-ка посмотри.

Тораноскэ пошел, но вскоре вернулся.

– Князь Камбэй только что возвратился с поля боя. На обратном пути один из тех, кто нес его носилки, поскользнулся на крутой тропе – и князь получил серьезную травму. Но смеется он так, словно ничего не произошло.

С какой стати Камбэю вздумалось отправиться на боевые позиции под проливным дождем? Хидзэси еще раз невольно подивился неукротимости духа этого человека.

Тораноскэ прошел в соседнюю комнатку и развел в очаге огонь. С началом дождей не стало спасения от комаров, особенно свирепствовали они в нынешний вечер. От очага в такой хижине легко можно было угореть, но так, по крайней мере, удавалось выкурить насекомых.

– Дымно здесь, – закашлявшись, заметил вошедший Камбэй.

Сильно хромая, без приглашения он вошел в хижину к Хидзэси.

Вскоре двое друзей уже увлеченно беседовали.

– Трудное нам предстоит дело, – внезапно произнес Хидзэси.

Наступило молчание, которое нарушалось лишь летним дождем, барабанившим по крыше хижины.

– Все это – вопрос времени, – начал Камбэй. – Вторая общая атака – это огромный риск. Мы и так потеряли много людей. С другой стороны, если мы не поторопимся и затянем осаду до полного истощения сил противника, это тоже чревато опасностями. Из западных провинций может подоспеть сорокатысячное войско Мори, ударить нам в тыл, и тогда мы окажемся зажатыми между Мори и защитниками Такамацу.

– Вот почему меня так печалит начало сезона дождей. Нет ли у вас, Камбэй, какой-нибудь идеи? Как нам следует действовать?

– За последние два дня я обошел все наши передовые линии, внимательно изучая вражескую крепость. Пригляделся и к рельефу местности. В настоящее время у меня есть только одна идея, но она сопряжена с риском. В этом случае нам пришлось бы поставить на карту все.

– Падение Такамацу должно означать не просто захват еще одной вражеской крепости, – задумчиво сказал Хидзэси. – Если мы овладеем ею, нам откроется путь и к крепости Ёсида. Но если мы споткнемся на Такамацу, это единственное поражение перечеркнет усилия пяти

прежних лет. Нам нужен какой-то четкий план, Камбэй. Я попросил всех удалиться и из соседней комнаты, так что вы можете говорить без опаски. Мне хочется знать, что вы успели придумать.

– Не считите, мой господин, такой ответ неучтивым, но я полагаю, что у вас уже есть некий собственный план.

– Не стану отрицать.

– Могу ли я просить вас ознакомить меня с ним?

– Давайте поступим так: пусть каждый из нас изложит свой план на бумаге, а потом мы их сравним, – предложил Хидэёси.

Он достал бумагу, тушь и кисточки, и полководцы принялись за дело. Не прошло и нескольких минут, как последовал обмен написанным. На листке у Хидэёси значилось одно слово «вода», а на листке у Камбэя – два: «водяная атака».

Громко рассмеявшись, они скомкали листки и спрятали их в рукавах кимоно.

– Человеческая мудрость, судя по всему, безгранична, – сказал Хидэёси.

– Что верно, то верно. Мы оба исходили из того, что крепость Такамацу стоит на равнине, со всех сторон окруженной горами, а по этой равнине бегут восемь рек: Асимори и семь других. Не должно составить труда слегка изменить течение рек и затопить крепость. Конечно, такой план слишком дерзок и большинству вражеских военачальников это просто не придет в голову. Не могу не выразить вам, мой господин, своего восхищения: вы мгновенно постигли самую суть дела. Но что же мешает вам претворить этот план в жизнь?

– С древних времен известно великое множество примеров, когда при штурме крепостей успешно использовался огонь, но почти никогда не использовали воду.

– А мне кажется, я что-то читал по этому поводу в военных летописях поздней династии Хань и периода Трех Царств. А в одной летописи речь шла о событиях в нашей стране в годы царствования императора Тэнти. Когда вторглись китайцы, наши воины возвели плотины и подготовили к затоплению определенную местность. Если бы китайцы пошли в атаку, наши воины подняли бы шлюзы и просто-таки смыли врага в море.

– Да, однако этот план так и не был осуществлен, потому что китайцы отступили. А поскольку дело тогда обстояло именно так, мне предстоит совершить нечто, в нашей истории беспрецедентное. Поэтому мне необходима помощь людей, сведущих в географии, которые скажут мне, сколько на все это потребуется людей, времени и какие будут издержки. Сами понимаете, при таком риске необходимо получить не грубую прикидку, а точные расчеты и безукоризненно выверенный план.

– Совершенно верно. Один из моих приближенных замечательно разбирается в таких вещах, и если вы призовете его сюда прямо сейчас, он, мне кажется, немедленно ответит вам на все вопросы. Собственно говоря, я пришел к сходным с вашим планом выводам именно исходя из познаний этого человека.

– А как его зовут?

– Ёсида Рокуро.

– Хорошо, призовем его прямо сейчас. – И, помедлив, Хидэёси добавил: – У меня тоже есть кое-кто на примете. Этот человек сведущ в строительстве и землеустройстве. Как вы отнесетесь к тому, чтобы позвать и его?

– Отлично. А кто он такой?

– Он не из числа моих приближенных. Это самурай из провинции Биттю. Его зовут Сэмбара Кюэмон. Сейчас он в лагере, и я велел ему самым тщательным образом разведать местность.

Хидэёси хлопнул в ладоши, призывая оруженосца, но все его оруженосцы и личные слуги

были удалены и никто не откликнулся на призыв. Тогда он встал, прошел в соседнюю комнату и громовым голосом, не раз оглашавшим поля сражений, крикнул:

– Эй! Есть тут кто-нибудь?

Как только было окончательно принято решение о водяной атаке, Хидэёси перенес свою ставку с горы Рюо на гору Исии, расположенную прямо над крепостью Такамацу.

На следующий день в сопровождении полудюжины военачальников Хидэёси поскакал в Мондзэн, к западу от крепости Такамацу, на берег реки Асимори, чтобы точно сориентироваться на местности. В ходе поездки он то и дело поглядывал направо, в сторону крепости. Наконец он остановил скакуна, отер лицо рукой и подозвал Кюэмона.

– Каково расстояние от гребня горы Исии до Мондзэна?

– Около ри.

– Дай-ка сюда твою карту.

Взяв у Кюэмона карту, Хидэёси мысленно представил себе будущую плотину, а также последствия поворота рек. Обступающие долину с трех сторон горы образовывали нечто вроде ложа для затопления, простирающегося на западе от Киби до верховьев реки Асимори, на севере – от Рюо до гор, отделяющих здешние места от Окаямы и доходящих на востоке до предгорий Исии и Кавадзугаханы. Крепость Такамацу располагалась как раз посередине, на открытой и ровной местности.

Перед мысленным взором Хидэёси рисовые поля, деревни и луга, раскинувшиеся на равнине, были уже затоплены. Горы с трех сторон стали скалистыми берегами, а крепость Такамацу – единственным рукотворным островом.

Хидэёси вернул карту Кюэмону. Теперь он был убежден в правильности собственного плана.

– Поехали! – крикнул он сопровождающим, а затем, обратившись к Рокуро и Кюэмону, сказал: – Я хочу домчаться отсюда до горы Исии. Там, где останется след моей лошади, и должна быть воздвигнута плотина.

Хидэёси поскакал прямо на восток, от Мондзэна до Харакодзай, а оттуда по дуге на гору Исии. Кюэмон и Рокуро следовали за ним, разбрасывая по дороге истолченный в порошок рис. По этому следу шли мастеровые и метили линию вехами. Здесь предстояло воздвигнуть плотину.

Когда этой воображаемой линии суждено будет превратиться в плотину и в огороженное углубление потекут воды семи рек, вся равнина превратится в огромное озеро в форме полураскрывшегося лотоса. Таким образом будущее сражение в корне меняло свой характер: вместо воинов с врагом будет сражаться вода.

Длина плотины, которую предстояло возвести, составляла примерно один ри. В разрезе она должна иметь вид трапеции с основаниями в тридцать сяку наверху и шестьдесят внизу. Главная проблема заключалась в высоте плотины: ей следовало быть не ниже, чем стены крепости Такамацу.

Собственно говоря, шансы на успех всей затеи были велики только потому, что высота нынешних каменных стен крепости была не более двенадцати сяку. Поэтому плотину решили возвести ровно вдвое выше. Посчитали, что при такой высоте под водой окажутся не только внешние стены крепости, но и она сама – шесть сяку ниже уровня воды.

Не часто к делу подходят с таким тщанием и выверенным расчетом, как было на этот раз. Единственное, что всерьез беспокоило Камбэя, – это люди. На работах предстояло использовать главным образом местных жителей, число которых, однако же, было весьма невелико, потому что с начала осады Мунэхару приютил в крепости свыше пятисот крестьянских семейств, а

другие бежали в горы.

Крестьяне, нашедшие прибежище в крепости, были готовы отдать жизнь за своего благодетеля-князя. Это были простые, добрые люди, служившие Мунэхару уже на протяжении многих лет. В деревнях же остались главным образом смутьяны или предатели, готовые работать на любых господ.

Впрочем, проблема людей была решаема. Хидэёси мог рассчитывать на помощь Укиты Наоиэ, а Камбэй был в состоянии призвать несколько тысяч человек из Окаямы. Так что вопрос заключался не в том, чтобы найти нужное количество людей, а в том, чтобы использовать их самым целесообразным образом.

Работа закипела. Как-то Камбэй приехал на строительство и осведомился у Рокуро, как идут дела.

– К сожалению, мы не укладываемся в сроки, назначенные его светлостью, – грустно ответил тот.

Математический и логический расчет, которым в совершенстве владел этот человек, оказывался бессильным перед главной проблемой: как заставить работать с полным напряжением сил разношерстный люд, участвующий в строительстве. Конечно, работа велась под присмотром: через каждые девяносто кэнов были установлены посты, и стражники строго следили за тем, чтобы никто не отлынивал от дела. Но воины только наблюдали, поэтому рабочие, копошащиеся в грязи, как муравьи, отнюдь не боялись их. А потому и не особенно спешили.

Хидэёси назначил предельно сжатые сроки. Днем и ночью он требовал донесений о ходе строительства. Да и весь ход событий заставлял его торопиться: сорокатысячная армия Мори, разбившись на три войска под предводительством Киккавы, Кобаякавы и Тэрумото, уже приближалась к границам провинции.

Камбэй наблюдал за ходом работ. Порядком уставшие люди уже едва шевелились. Да и немудрено – работа шла без передышки. А на завершение ее им оставалось всего две недели.

Минуло два дня. Три дня. Пять дней.

Камбэй ужасался: при таких темпах не уложиться и в пятьдесят дней, и даже в сто, так что о двух неделях и говорить не приходится!

Рокуро и Кюэмон, не ведая отдыха и сна, следили за ходом строительства. Но все их понукания оставались бесплодными: люди работали уныло и вяло. Вдобавок к этому среди них нашлись особенно злостные лентяи, которые не только сами не усердствовали, но призывали и других следовать их примеру.

Камбэй уже не в силах был безучастно наблюдать за происходящим. Опираясь на посох, он метался по строительному участку. Взобравшись на насыпь в той части плотины, которая уже была завершена, он вперял огненный взор в работающих и, когда замечал, что кто-то лишь создает видимость работы, мчался к лентяю со скоростью, изумительной для калеки, и избивал его посохом, приговаривая при этом:

– Работай! Кончай лениться!

Все находившиеся поблизости принимались трудиться с прилежанием и даже с остервенением, но только пока Камбэй смотрел на них.

– Хромой бес на нас смотрит!

В конце концов Камбэю пришлось доложить Хидэёси:

– Завершить работу в назначенные сроки невозможно. И во избежание ненужной сумятицы мне хочется попросить вас заранее продумать стратегию действий на тот случай, если войска Мори появятся прежде, чем будут завершены наши работы. Клянусь Небом, этих людей трудней заставить работать, чем повести в бой целую армию!

Крайне встревоженный, что вообще-то было ему несвойственно, Хидээси молча начал считать что-то, загибая пальцы. Ежечасно ему докладывали о продвижении огромного войска Мори, и эти донесения были подобны грозovým тучам, неудержимо выплывающим из-за гор и застилающим небо.

– Не тревожьтесь так сильно, Камбэй. Как-никак у нас в запасе еще семь дней.

– Да, но строительство не продвинулось даже на треть. Как же мы сможем завершить его всего за неделю?

– Сможем.

Впервые мнение друга так резко разошлось с мнением Камбэя.

– Сможем, – повторил Хидээси. – Но для этого придется хорошенько потрудиться. На строительстве занято три тысячи рабочих, и этого конечно же недостаточно. Но если каждый из них начнет работать за троих, а то и за пятерых, то три тысячи превратятся самое меньшее в десять. И если самураи, надзирающие за ними, подойдут к делу точно так же, каждый из них будет способен воодушевить на работу десятерых. И тогда мы завершим строительство к назначенному сроку. Камбэй, я решил сам отправиться на стройку.

На следующее утро гонец в желтом халате обежал весь строительный участок, призывая рабочих оставить дела и собраться под знаменем, укрепленным на плотине.

Работавшие в ночную смену и сейчас собиравшиеся отдохнуть и только что заступившие в дневную смену по приказу десятников собрались вместе. Цвет лиц у людей в этой трехтысячной толпе мало чем отличался от цвета самой земли, в которой они копались.

Собравшиеся были охвачены смутным беспокойством, но тем не менее бодрились и даже перекидывались шутками. И вдруг вся толпа встрепенулась. Хидээси подошел к походному стулу, установленному рядом со знаменем. Справа и слева от него в торжественном молчании застыли оруженосцы. Хромой бес Курода Камбэй, которого все на стройке так ненавидели, тоже стоял здесь, опершись о посох. И вот именно он с высоты строящейся плотины обратился к собравшимся:

– Князю Хидээси угодно, чтобы вы высказали ему то, что у вас наболело. Как вам известно, время, отпущенное на строительство плотины, уже более чем наполовину исчерпано, а до завершения работы еще далеко, она продвигается крайне медленно. Князь Хидээси считает, что одна из причин заключается в том, что вы не слишком стараетесь. Он повелел вам собраться здесь, чтобы вы объяснили ему, что мешает вам успешно работать и чего вы на самом деле хотите. – Камбэй на мгновение умолк, обвел взглядом собравшихся, многие из которых перешептывались, и продолжал: – Не упускайте возможность сказать его светлости о своих нуждах. Пусть сюда поднимутся пятеро или шестеро ваших представителей и поведают нам об этом. Если вы их выберете и им доверитесь, то они будут выслушаны, и таким образом ваши просьбы будут услышаны.

После этого от толпы отделился мужчина высокого роста, раздетый до пояса, с сердитым и непримиримым выражением лица. Он решительно взобрался на плотину. Вслед за ним туда же поднялось еще четверо.

– Это и есть все ваши представители? Других не будет? – спросил Камбэй.

Подойдя к походному стулу, на котором восседал Хидээси, люди опустились на колени.

– А вот это не обязательно, – сказал им Камбэй. – Сегодня его светлость хочет выслушать вас и узнать обо всем, что вас беспокоит. Вы говорите сейчас от имени всех, так что, пожалуйста, ничего не таите. Только от вас зависит, успеем ли мы своевременно закончить строительство плотины. Мы хотим услышать обо всех ваших горестях и обидах, мешающих вам трудиться по-настоящему. Давайте начнем с того, кто поднялся сюда первым. Вот ты, справа, говори!

Камбэй сейчас вел себя так, словно сам представлял интересы рабочих.

Однако они молчали. Лишь после повторного настоятельного призыва Камбэя один из пятерки выступил вперед:

– Что ж, ладно. Ловлю вас на слове – и говорить буду начистоту. Только не сердитесь, ладно? Прежде всего... ну хорошо, начну... пожалуйста, выслушайте меня...

– Говори же!

– Хорошо. Вы сказали, что будете платить нам по одной мерке риса и по сто монов за каждый мешок с песком, и, по правде говоря, все мы тут, люди бедные, были просто счастливы получить такую работу. Но потом мы начали призадумываться – и я в том числе, – не возьмете ли вы назад свое слово.

– Но послушайте! – возразил Камбэй. – Способен разве столь знаменитый человек, как князь Хидэёси, отказаться от своего слова? За каждый мешок, принесенный вами, вы получаете дощечку бамбука с печатью, а по окончании работы обмениваете ее на свое жалованье. Не так ли?

– Это так, ваша честь. Но сколько бы мешков мы за день ни принесли, хоть все двадцать, платят нам за один – меру риса и сто монов. А на все остальное нам выдают расписку и обещают расплатиться позже.

– Верно.

– Это-то нас, ваша честь, и тревожит. Обещанного нам было бы более чем достаточно, взять хоть рис, хоть деньги. Но того, что мы получаем на самом деле, нам не хватает, чтобы прокормить жен и детей.

– Но разве даже одна мера риса и сто монов – это не намного лучше того, что вы имели до сих пор?

– Не смейтесь над нами, ваша честь. Мы ведь не лошади и не быки. И если бы мы работали так, как сейчас, круглый год, мы все бы давно померли. За обещанную плату мы согласились работать здесь и стали стараться вовсю. Нам думалось, что, закончив работу, пусть и такую тяжелую, такую, можно сказать, нечеловеческую, мы сможем удовлетворить свои потребности, сможем выпить сакэ, рассчитаться с заимодавцами, купить жене новое кимоно. Но поскольку кормят нас одними обещаниями, у нас нет особой охоты чересчур надрываться.

– И все же мне трудно понять твои доводы. Князь Хидэёси и его военачальники заботливо относятся к мирным жителям и не допускают никакого произвола. Так на что же вы, если вдуматься, вправе жаловаться?

Пятеро рабочих отчужденно рассмеялись. Потом один из них сказал:

– Ваша честь, мы ни на что не жалуемся. Просто платите нам то, что полагается. Мы ведь не можем есть расписки или бамбуковые дощечки. А самое главное, кто же обменивает нам все эти расписки на настоящие деньги?

– Если дело только в этом, то вам не о чем беспокоиться!

– Нет, погодите-ка. Вы утверждаете, что победа будет за вами. И вы, и все военачальники готовы за это положить жизнь. Но... кто сказал, что вы победите? Я бы за вашу победу об заклад биться не стал. Даже один к двум. Эй, люди! Правду я говорю?

Воздев руки, он повернулся лицом к трехтысячной толпе, призывая поддержать его. Толпа ответила громким ревом, люди орали и сокрушенно качали головами, так что казалось, будто толпа разом сдвинулась с места.

– И это ваша единственная жалоба? – уточнил Камбэй.

– Единственная. Во всяком разе с этого нужно начать.

Смельчак, вступивший в диалог с Камбэем, переглядывался с четырьмя другими и со всей трехтысячной толпой и, казалось, не испытывал ни малейшего страха.

– Этого не будет!

Впервые за все утро Камбэй заговорил своим истинным голосом. В то же мгновение он отшвырнул посох, выхватил меч и рассек смутьяна пополам, затем зарубил другого, бросившегося бежать. Сразу же из-за спины у него выскочили Рокуро и Кюэмон и прикончили остальных троих.

Стремительность и неожиданность этой расправы потрясла рабочих. Они вмиг притихли и замерли на месте, как трава на кладбище. Те, кто только что подстрекал остальных, сейчас испуганно молчали. Насмешки и неприкрытую злость как ветром сдуло. Сейчас лица цвета самой земли выражали только страх.

Стоя над пятью трупами, трое самураев обвели толпу победными взглядами. Окровавленные мечи по-прежнему зловеще поблескивали у них в руках.

Наконец Камбэй закричал со всей бушующей у него в груди яростью:

– Вот пятеро ваших представителей. Мы призвали их, выслушали и дали им вполне ясный ответ. Если еще у кого-нибудь есть вопросы – давайте! За ответом дело не станет! – Он умолк, чтобы узнать, не хочет ли кто-нибудь ему возразить, потом заговорил вновь: – Наверняка среди вас есть такие. Ну, давайте же! Кто следующий? Если кто-нибудь хочет еще что-то сказать от имени всех остальных, то сейчас для этого самое время!

Камбэй опять замолчал, давая людям возможность осознать его слова. Среди трех тысяч собравшихся наверняка было немало таких, кто колебался сейчас между страхом и отчаянием. Камбэй стер кровь с меча и вернул его в ножны. Несколько смягчив тон, он обратился к рабочим:

– Вижу, что никому из вас не хочется последовать за этой пятеркой. А это означает, что и цели у вас иные, чем у них. Если это так, то я продолжу свою речь. У кого-нибудь имеются возражения?

Три тысячи человек ответили покорными голосами людей, чудом спасшихся от неминуемой гибели. Ни у кого из них, естественно, не нашлось больше никаких возражений. Никто ни на что не жаловался. Казненная пятерка была слишком доверчива и поплатилась за это. Остальные готовы были теперь повиноваться приказам.

Три тысячи человек, переминаясь с ноги на ногу, переговаривались друг с дружкой, кто – шепотом, кто – во весь голос, так что понять, кто что говорит, было просто невозможно. Но чувства, испытываемые сейчас толпой, были, судя по всему, едины.

– А теперь тихо! – Камбэй властно взмахнул рукой. – Ладно, пусть оно так и будет. Не хочу говорить мудрено, но для вас же самих лучше, если вы будете работать быстро и хорошо, ибо вы находитесь вместе с женами и детьми под властью его светлости. Если начнете жадничать или бездельничать, только отсрочите наступление счастливого будущего, к которому сами же и стремитесь. Экспедиционный корпус, присланный сюда князем Нобунагой, не может потерпеть поражения в битве с войском Мори. Да, под властью Мори находится множество земель и людей, но сам этот клан уже обречен. И дело не в том, что Мори слабы – просто наступают другие времена, грядут великие перемены. Вы понимаете?

– Да, – дружно отозвались рабочие.

– Ну как, будете работать как следует?

– Будем! Будем!

– Ну хорошо! – Камбэй кивнул толпе и повернулся к Хидэеси: – Мой господин, вы слышали, как ответили эти рабочие, так, может быть, вы соблагovolите проявить по отношению к ним вашу знаменитую щедрость?

Сейчас он вновь словно бы взял на себя роль защитника рабочих.

Хидэеси поднялся с места. Он отдал какой-то приказ Камбэю и двум

колени преклонившимся чиновникам. В мгновение ока откуда ни возьмись появилась вереница воинов. На плечах они несли тяжелые мешки.

Обратившись к рабочим, по-прежнему пребывавшим в страхе и отчаянии, Камбэй произнес:

– Строго говоря, вас не в чем упрекнуть. И нам всех вас жаль. Вас подбили на непослушание несколько смутьянов. Так считает князь Хидэёси, и, чтобы в дальнейшем ничто не отвлекало вас от работы, он приказал немедленно выдать вам вознаграждение за труды. Получите его, поблагодарите князя и приступайте к работе, впредь ни о чем не тревожьтесь.

Воины по команде опорожнили принесенные ими мешки, и на земле выросла целая гора монет, высотой едва ли уступающая плотине.

– Быстро забирайте сколько вместит ладонь, но не более одной пригоршни, и отправляйтесь работать!

Камбэй произнес это четко и недвусмысленно, но собравшиеся по-прежнему медлили, не решаясь броситься за деньгами. Они перешептывались и переглядывались, а гора монет оставалась нетронутой.

– Ну что же вы? В выигрыше окажутся самые смелые и самые ловкие! Потом нерадивые пусть сетуют на себя, если им не достанется ничего. У каждого человека есть руки. Тому, у кого большие руки, сегодня, считай, повезло, а тот, у кого маленькие, должен не зевать и покрепче сжимать пальцы. Пошевеливайтесь же! И сразу за работу!

Эти слова развеяли последние сомнения толпы. Радостно улыбаясь и подбадривая людей, Камбэй убедил их, что раздача денег состоится на самом деле. Стоявшие в первых рядах разом ринулись вперед. У денежной горы они на мгновение замерли, не веря собственным глазам, но стоило самому смелому завладеть пригоршней монет, как толпа с восторженным криком, подобным победному кличу, набросилась на деньги.

Началась всеобщая свалка. Никто, однако же, не пытался словчить. Получив каждый свою пригоршню монет, люди менялись даже внешне и спешили поскорее на рабочие места, подальше от грозных дарителей.

Кирки и лопаты застучали теперь по-настоящему: грохот разносился далеко окрест. Люди крошили твердую почву, словно крушили злейшего врага, насыпали ее в корзины, потом пересыпали в мешки и уносили на плечах в сторону плотины. Впервые за все время они, что называется, горели на работе. Даже пот, обильно покрывавший их лица и спины, казалось, только бодрил их и радовал, они задорно перекликались друг с другом.

– Кто это сказал, что нам не построить плотину за пять дней? Эй, люди, помните большое наводнение?

– Что верно, то верно. После большого наводнения мы делали точь-в-точь то же самое.

– Вот и давайте! Давайте, как тогда...

– Деньги-то... Вишь! Может, еще дадут!

– Может, и дадут. Да, тут стоит поднапрячься!

За полдня они успели сделать больше, чем за предыдущие пять дней.

Бич надсмотрщика и посох Камбэя теперь были не нужны. Ночью разводили костры; днем было темно от стоящей столбом пыли; и вот уже работа приблизилась к завершению.

Пока одни заканчивали возведение плотины, другие рыли каналы и строили дамбы на реках, чтобы повернуть их в сторону крепости Такамацу. Здесь трудились двадцать тысяч человек. Самой сложной частью всего задуманного было перекрытие и поворот рек Асимори и Наруя.

Чиновники, ответственные за работы на Асимори, жаловались Хидэёси:

– При нынешних дождях уровень воды в реке поднимается ежедневно. Не представляем,

каким образом нам удастся перегородить Асимори.

Накануне на этом участке побывал Камбэй, взяв с собой Рокуро, и ему сразу стало ясно, что задача и впрямь необычайно трудна. Течение было так сильно, что, даже когда в воду бросали каменные глыбы, поднять которые способны лишь двадцать или тридцать человек, их сразу же сносило.

Когда и Камбэй, возвратясь с реки, не смог предложить ничего вразумительного, Хидэёси решил отправиться туда сам. Застыв над рекой и глядя вниз на стремительное течение, он понял, что его знаний и опыта не хватит на то, чтобы со всем этим совладать, и его охватила растерянность.

Но тут подоспел со своим советом Рокуро:

– Если мы вырубим деревья в верховьях реки и вместе с ветвями и с листвой спустим их вниз по течению, оно наверняка несколько замедлится.

Эту идею решили претворить в действие. На протяжении многих часов сотни рабочих валили деревья и сплавляли их по реке. Увы, и таким способом замедлить течение не удалось.

Следующее предложение Рокуро было таково:

– Мы могли бы нагрузить камнями, скажем, тридцать больших барж и утопить их в реке там, где должна быть плотина.

Однако же поднять против мощного течения большие и тяжело нагруженные баржи также оказалось невозможным делом, так что пришлось изготовить вдоль берега дощатый настил, полить его маслом и с невероятным напряжением, волоком втащить баржи наверх – к тому месту, где их предстояло утопить. В конце концов это было сделано.

Теперь без проблем удалось завершить строительство большой плотины длиной в целый ри, и стремительное течение Асимори в облаках пены и брызг развернулось в сторону крепости Такамацу.

Когда семь из восьми рек были перекрыты, их воды устремились в долину. Только возведение плотины на реке Наруя оказалось слишком сложным делом и не было закончено в установленный Хидэёси срок.

Возведение плотины было начато в седьмой день пятого месяца. Через две недели оно завершилось.

Двадцать первого числа пятого месяца сорокатысячное войско Мори под предводительством Киккавы, Кобаякавы и Тэрумото прибыло на границу – на другой день после того, как окрестности крепости Такамацу превратились в грязное озеро.

Утром двадцать первого Хидэёси со своими военачальниками стоял на горе Исии, где теперь располагалась его ставка, и любовался делом рук своих.

Можно было назвать это зрелище великолепным или ужасным, но так или иначе воды повернутых рек при непрекращающемся ливне превратили крепость Такамацу в небольшой островок, со всех сторон окруженный обширным озером. Внешние каменные стены, лесистый участок, перекидной мост, дома и поля, посевы и дороги – все это теперь находилось глубоко под водой, на дне новоявленного озера. А вода меж тем прибывала и прибывала.

– Где же теперь река Асимори? – спросил Хидэёси.

Камбэй молча указал в сторону видневшихся далеко на западе сосен.

– Видите, вон там, в плотине, имеется широкое отверстие, никак не меньше четырехсот пятидесяти кэнов, в него мы и направили воды Асимори.

Хидэёси окинул взглядом линию дальних гор, тянущихся с запада на юг. На самом юге виднелась гора Хидзаси. Там пролегала граница, за которой были владения клана Мори. С рассветом на горе появились бесчисленные знамена передовых частей войска Мори.

– Они, конечно, наши враги, но сейчас им можно только посочувствовать. Достаточно

представить себе ужас, обуявший Киккаву и Кобаякаву при виде этого озера. Они, должно быть, ногами топали от ярости, – заметил Камбэй.

Как раз в это мгновение в ставку прибыл сын одного из чиновников, руководивших работами на реке Наруя. Простершись ниц перед Хидэёси, он горестно заплакал.

– В чем дело?

– Нынешним утром, – начал юноша, – мой отец объявил, что он виновен в непростительном небрежении своими обязанностями. Он написал вам письмо и совершил сэппуку.

Этому чиновнику было поручено чрезвычайно трудное дело: прорубить в горах туннель длиной в пятьсот кэнов. Срок завершения работы заканчивался сегодня, и, следовательно, он его нарушил. Взяв на себя ответственность за эту неудачу, он покончил с собой.

Хидэёси не без жалости посмотрел на юношу, руки, ноги и волосы которого были в грязи. Он ласково обнял его и отвел в сторону:

– Но тебе самому не следует лишать себя жизни. Молись Небесам за душу отца и постарайся искупить его прегрешения на ратном поле. Договорились? – И Хидэёси потрепал юношу по плечу.

Тот по-прежнему горько плакал. Опять пошел дождь. Тучи летели по небу, набегая одна на другую, и серые струи дождя непрерывно низвергались в грязное озеро.

Вечером, двадцать второго числа пятого месяца, на другой день после прибытия войска Мори на границу, двое мужчин, подобно диковинным рыбам, проплыли во тьме по водам грязного озера, а затем с трудом вскарабкались на плотину. Они протянули вдоль берега длинную веревку, увешанную колокольчиками и трещотками, тщательно скрыв ее в ветках кустарника и карликового бамбука.

Вдоль всей плотины стояли хижины стражников, у каждой ярко горел костер. Стражники заметили пловцов и сумели захватить одного из них, другому удалось бежать.

– Не важно, кто он: лазутчик из крепости или гонец из войска Мори. В любом случае князь Хидэёси непременно захочет допросить его лично.

Старшина дозора выделил охрану, чтобы отвести пленника на гору Исии.

– Кто этот человек? – спросил Хидэёси, выходя из своей хижины.

Слуги держали зажженные фонари по обе стороны от него, и Хидэёси в их неверном свете пристально вглядывался во вражеского воина, опустившегося сейчас перед ним на колени на мокрые от дождя палые листья. Пленник казался гордым человеком и словно не ощущал, что руки у него связаны.

– Этот воин не из крепости. Бьюсь об заклад, что это гонец от клана Мори. При нем ничего не нашли? – спросил Хидэёси у стражника, который доставил пленного.

Тот уже успел обыскать задержанного и нашел у него в одежде бутылку из-под сакэ, в которой оказалось письмо. Теперь он, молча поклонившись, передал это письмо Хидэёси.

– Г-м-м... вроде бы это ответ Мунэхару Киккаве, Кобаякаве и Тэрумото. Ну-ка, поднесите фонарь ближе.

Войско Мори сейчас пребывало в растерянности. Оно спешило на выручку союзнику – и вдруг очутилось на берегу обширного озера, не имея возможности что бы то ни было предпринять. Не знали, как помочь делу и военачальники. Они предложили Мунэхару сдаться на милость Хидэёси, ради спасения нескольких тысяч человек, находящихся в крепости.

Письмо, которое читал сейчас Хидэёси, представляло собой ответ Мунэхару на это предложение.

«Вы глубоко обеспокоены нашей судьбой и ваши слова полны искренним сочувствием. Но

крепость Такамацу превратилась сейчас в ключ ко всем западным провинциям, и ее падение неизбежно будет означать полное крушение клана Мори. Все мы состоим на жалованье у клана Мори и осыпаны его милостями еще со времен князя Мотонари, и среди защитников крепости не найдется ни единого человека, который пожелал бы спасти свою жизнь ценой измены или капитуляции. Мы готовы к длительной осаде и преисполнены решимости, если придется погибнуть вместе с крепостью».

Этим письмом Мунэхару пытался подбодрить военачальников клана Мори. Пленный гонец отвечал на все вопросы Хидээси с неожиданной готовностью. Раз уж письмо Мунэхару попало в руки врагу, решил он, глупо было бы запираяться. Но Хидээси не устроил ему допроса с пристрастием. Ему не хотелось унижать самурая, ибо бесполезное унижение унижает самого унижающего. Хидээси думал сейчас о другом.

– Полагаю, с него достаточно. Развяжите этому воину руки и отпустите его на все четыре стороны.

– Отпустить его? Вы сказали «отпустить»?

– Он одолел это грязное озеро вплавь и наверняка продрог. Накормите его, обогрейте и выдайте ему охранную грамоту, чтобы он мог спокойно добраться до своих.

– Да, мой господин.

Охранник развязал руки пленному. Этот человек, мысленно уже успевший проститься с жизнью, пребывал сейчас в полной растерянности. Он молча отвесил поклон Хидээси и поднялся на ноги.

– Надеюсь, князь Киккава пребывает в добром здравии, – сказал Хидээси. – Передай ему от меня привет.

Гонец еще раз поклонился Хидээси. На этот раз – особенно учтиво и искренне, потому что осознал, как добр и великодушен вражеский полководец.

– Кстати, кажется, у князя Тэрумото есть один монах по имени Экэй. Экэй из Анкокудзи.

– Так точно, мой господин.

– Давненько мы с ним не виделись. Передай самый искренний привет и ему.

Едва гонец Мори удалился, Хидээси обратился к одному из своих вассалов:

– У тебя ли еще то письмо, которое я передал тебе некоторое время назад?

– Конечно, мой господин. Я храню его с особым тщанием.

– В нем содержатся секретные сведения чрезвычайной важности. Немедленно доставь его князю Нобунаге.

– Будет исполнено, мой господин.

– Так-то оно так, но ведь и этот гонец Мори был преисполнен ничуть не меньшей решимости, чем ты сейчас, однако же его схватили, а письмо, раскрывающее намерения Мунэхару и Киккавы, попало в мои руки. Так что будь предельно осторожен.

Хидээси беспокоился не напрасно. В письме, которое он сейчас повелел доставить в Адзути, содержался призыв к Нобунаге немедленно выступить на запад во главе большого войска.

Судьба предоставленной самой себе крепости Такамацу была уже предрешена. Крепость была подобна рыбе, угодившей в сеть. Объединенное войско под командованием Мори Тэрумото, Кобаякавы Такакагэ и Киккавы Мотохару прибыло. Час пробил! Покорить весь запад сейчас можно было одним ударом. Хидээси хотелось продемонстрировать Нобунаге это грандиозное зрелище, и он уповал на то, что личное присутствие и руководство Нобунаги непременно обеспечит молниеносный разгром противника.

Город, выросший вокруг замка Адзути, превратился в цветущий центр новой культуры. Его улицы заполнили оживленные, ярко и празднично разодетые горожане, а над всем городом, расписанная золотом и лазурью, как будто в вечном внешнем цветении, высилась главная сторожевая башня.

Если сравнивать здешнюю жизнь с той, которую вели жители западных провинций, то трудно было обнаружить хотя бы малейшее сходство. В течение всего пятого месяца, пока Хидэёси со своим войском утопал в грязи, готовя решающее наступление на крепость Такамацу, улицы Адзути были красиво изукрашены и во всем городе царил такое веселье, словно здесь одновременно праздновали Новый год и середину лета.

Нобунага ждал прибытия особо важного гостя. «Но кто же это столь важная особа?» – терялись в догадках жители Адзути. И вот на пятнадцатый день пятого месяца важный гость прибыл. Оказалось, что это Токугава Иэясу, князь Микавы.

Всего месяц назад, в ходе своего триумфального возвращения из Каи, Нобунага побывал в Микаве, так что нынешний приезд главы клана Токугава можно было назвать ответным. Но предстоящая встреча была в интересах прежде всего самого Иэясу: наступило время великих перемен, и никто не имел права пренебрегать заботами о завтрашнем дне. Поэтому, хотя Иэясу и не любил наносить торжественные визиты в соседние провинции, на этот раз он счел себя обязанным такой визит предпринять и прибыл в сопровождении пышной и ослепительной свиты.

Гостю были приготовлены лучшие во всем городе дома, за организацию приема лично перед Нобунагой отвечал Акэти Мицухидэ. Кроме того, Нобунага распорядился, чтобы его сын Нобутада, уже готовившийся отбыть в западные провинции, устроил в честь гостя небывалый трехдневный пир.

Многие лица из ближайшего окружения Нобунаги не скрывали удивления по поводу пышного приема Иэясу, который к тому же был на восемь лет моложе него да и княжил в провинции, до сих пор слывшей маленькой и слабой. Другие, однако, не находили в этом ничего странного. Союз между кланами Ода и Токугава существовал уже более двадцати лет, причем без каких бы то ни было распрей, что в эти годы, отмеченные изменами и коварными кознями, выглядело истинным чудом.

Третьи придерживались того мнения, что значение предстоящей встречи выходит далеко за рамки обычного визита вежливости. Они почему-то были уверены, что в ближайшем будущем князь Нобунага намеревается совершить великие дела. Западные провинции всегда считались удобным плацдармом для захвата самого южного острова Японии – Кюсю, а оттуда уже открывался путь в богатые страны на берегах Южных морей. Если Нобунага и впрямь вынашивал столь грандиозные планы, то ему необходимо было оставить наместником всего японского севера человека, на которого он мог бы всецело положиться.

Уже в течение некоторого времени Нобунага замыслил поход на западные провинции с целью установить там собственное правление точь-в-точь так, как он осуществил это в Каи. И сейчас, в пору, когда он деятельно готовился к походу, он вдруг оставил все дела ради торжественной встречи Иэясу.

Самой собой разумеется, что гостю было предоставлено все самое лучшее, что только имелось в Адзути, – лучшие дома, лучшая мебель и утварь, лучшие пища и сакэ. Но главное, чем Нобунага намеревался поразить Иэясу, заключалось в любви к нему простого народа, а также в собственных его сердечности, доверии и личной приязни.

Именно на этом и держался главным образом их многолетний союз. Со своей стороны, Иэясу раз за разом доказывал, что на него всегда можно положиться. Он прекрасно понимал, что его собственные интересы, а также интересы его клана и провинции, были нерасторжимо связаны с планами Нобунаги, и поэтому с готовностью терпел горячность, буйство, а порой даже самодурство союзника. И хотя порой ему случалось испытать глоток из чаши унижений, он неизменно поддерживал Нобунагу и поклялся идти вместе с ним до самого конца.

Если бы сторонний наблюдатель задался вопросом: кто выиграл, а кто проиграл в результате двадцатилетнего союза двух князей, он пришел бы к несколько неожиданному выводу: в явном выигрыше оказались они оба. Без поддержки со стороны Иэясу Нобунаге в молодости не удалось бы достигнуть всего того, к чему он стремился, и, в частности, обосноваться здесь, в Адзути. А без поддержки со стороны Нобунаги и его войска маленькая и слабая провинция Микава уже давно была бы смята и поглощена более сильными соседями.

Вдобавок к узам дружбы и соображениям взаимной выгоды характеры обоих князей хорошо дополняли друг друга. Нобунага обладал таким честолюбием и властолюбием в сочетании с необычайной силой воли, какие скромный человек вроде Иэясу просто не мог себе представить. Иэясу же – и Нобунага признал это первым – были присущи достоинства и добродетели, отсутствовавшие у Нобунаги, – терпение, умеренность, бережливость. И казалось, у Иэясу начисто отсутствовали какие бы то ни было честолюбивые планы, что тоже в иных ситуациях можно было считать достоинством. Конечно, он всегда преследовал интересы своего клана, но не давал союзникам повода для беспокойства и всегда принимал участие в совместных акциях против общего противника, надежно подстраховывая тылы Нобунаги.

Другими словами, Микава представляла собой идеал союзнической провинции, а Иэясу – образец истинного друга. Припоминая опасности и тревоги, через которые они совместно, плечом к плечу, прошли за двадцать лет, Нобунага мысленно называл Иэясу добрым старым другом и воздавал ему хвалу за помощь и содействие.

В ходе торжеств Иэясу сердечно поблагодарил Нобунагу за радушный и щедрый прием. Праздник шел своим чередом, но время от времени Иэясу испытывал какое-то смутное беспокойство, что-то ему казалось не так. Наконец он спросил у Нобунаги:

– А что, разве не князь Мицухидэ устроитель всех этих торжеств? Я не видел его весь сегодняшний день, и на вчерашнем представлении его тоже не было.

– Ах, Мицухидэ... – Нобунага явно был в замешательстве, но тотчас же нашелся и уже вполне обыденным тоном продолжал: – Он воротился к себе в крепость Сакамото. Ему пришлось уехать в такой спешке, что он даже не смог попрощаться с вами.

Нобунага представил дело так, словно в отъезде Мицухидэ не было ничего странного, но Иэясу все же насторожился. По городу циркулировали какие-то странные слухи. Однако четкий и недвусмысленный ответ Нобунаги опровергал их, и Иэясу решил больше не возвращаться к этой теме, хотя тревога не унималась.

Воротясь вечером в отведенный под его резиденцию дворец, Иэясу услышал от своих приближенных весьма странную историю по поводу внезапного отъезда Мицухидэ. И понял, что положение весьма щекотливо и заслуживает того, чтобы вникнуть в его суть. Каждый из приближенных рассказывал эту историю на свой лад, но, сведя полученную им информацию воедино, Иэясу установил примерно следующее.

В день прибытия Иэясу Нобунага нежданно-негаданно нагрянул с проверкой к поварам. В сезон дождей в Адзути жарко и душно. Запах сырой рыбы и солений в кухне был просто нестерпимым. Огромные припасы всевозможной снеди, доставленной из Сакаи и Киото, были навалены повсюду в чудовищном беспорядке. Их осаждали рои мух.

– Какая вонь! – в ярости воскликнул князь. Затем, продолжая осмотр кухонных помещений,

он то и дело выражал свое неудовольствие, как бы ни к кому конкретно не обращаясь. – Откуда все эти отбросы! Вы что, намерены стряпать еду для высокого гостя в столь непотребном месте? Хотите накормить его тухлой рыбой? Немедленно выбросить всю эту мерзость!

Нобунага появился на кухне совершенно неожиданно, и старшие повара немедленно бросились ему в ноги. Это было жалкое зрелище. Мицухидэ, не ведая отдыха и сна, на протяжении нескольких дней все делал для того, чтобы заготовить продукты для приготовления самых изысканных яств, он лично наблюдал за всеми действиями поваров и заготовителей и сейчас, услышав такие речи князя, просто не мог поверить собственным ушам. Он поспешил к Нобунаге, простерся у его ног и смиренно пояснил, что такой резкий запах вовсе не означает, что рыба протухла.

– Не надо отговорок, – прервал его Нобунага. – Я велел все это выбросить. А для вечернего пира раздобыть что-нибудь другое!

И, не желая ничего слышать, Нобунага резко повернулся и пошел прочь.

Мицухидэ какое-то время не мог сдвинуться с места, словно ему внезапно отказали ноги. И тут перед ним внезапно предстал гонец с письменным предписанием немедленно собрать свое войско и отправиться в западные провинции.

Люди из клана Акэти отнесли изысканные кушанья, приготовленные ими для почетного гостя, на задворки и вышвырнули их в ров, как отбросы или какую-нибудь падаль. Слезы застилали им глаза, но они молчали, стараясь не выдавать своих чувств.

Ночью за окном у Мицухидэ расквакались лягушки. Казалось, они насмехались над ним. Он понимал, что лягушки тут ни при чем, виной всему его уязвленная гордость.

Мицухидэ распорядился никого к нему не впускать и сидел сейчас в полном одиночестве посреди огромного пустынного зала. Хотя было уже начало лета, ночной ветерок навевал прохладу. Мицухидэ был смертельно бледен. Каждый раз, когда мигала свеча, ему казалось, что волосы у него на висках встают дыбом. Беспорядок на голове и цвет лица свидетельствовали о том, насколько он подавлен.

Он медленно поднял свою, как выражался Нобунага, лысую голову и выглянул в темный сад. Вдали сквозь ветви деревьев мерцало множество огней. Это была первая ночь трехдневного пира в крепости.

«Повиноваться ли мне немедленно полученному приказу? – без конца вопрошал себя Мицухидэ. – Или будет лучше отправиться в крепость и попрощаться со всеми перед отъездом?» В таких ситуациях Мицухидэ всегда смущала неизбежность выбора. Его безукоризненно ясный ум был сейчас загуманен тревогой, и он никак не мог принять единственно правильного для себя решения.

Случившееся Мицухидэ воспринимал как вселенскую трагедию, перед лицом которой он ощущал себя абсолютно беспомощным. А потому он лишь горестно вздыхал и думал: «Неужели одному человеку в этом мире так трудно понять другого? Как угодить моему своенравному господину? Впрочем, угодить ему крайне трудно».

Если бы он был вправе пренебречь традиционной системой отношений между князем и его приверженцем, он в данном случае осудил бы Нобунагу. Мицухидэ было присуще чувство справедливости, и в душе он возмущался приказом Нобунаги, но ни выказать собственного недовольства, ни нарушить воли своего господина он не мог.

Мицухидэ решил позвать кого-нибудь из двоих приспешников, постоянно находившихся под рукой.

Однако на его зов вместо Цумаки и Дэнго явился один из его личных оруженосцев по имени Ёмода Масатака.

– Ваши слуги сейчас уничтожают съестное, заготовленное нами к сегодняшнему пиру, и готовятся к срочному отъезду, – сказал Масатака.

– Тогда в крепость со мной отправишься ты.

– В крепость? Вы собираетесь отправиться в крепость?

– Мне представляется необходимым перед отъездом засвидетельствовать свое почтение князю Нобунаге. Так что собирайся.

Мицухидэ быстро поднялся с места и сам тоже стал одеваться. Казалось, ему не терпится совершить задуманное из опасения, что решимость может его покинуть.

Масатака медлил и выглядел озабоченным.

– Господин, нынче вечером, когда я спросил, что вы собираетесь делать, я как раз думал о том, что вы отправитесь в крепость попрощаться с князем Нобунагой. Помните, когда вы прочли приказ его светлости, вы сами сказали, что мы уедем, не засвидетельствовав почтения ни князю Нобунаге, ни князю Иэясу. А сейчас все оруженосцы и слуги заняты чисткой кухни и сборами в дорогу. Могут ли я попросить вас немного обождать?

– Нет-нет. Мне не нужны никакие оруженосцы. Хватит тебя одного. Приведи мне коня.

Мицухидэ направился к выходу. В помещениях, через которые он проходил, ему не попался на глаза ни один из его приверженцев. Лишь двое или трое мальчиков поплелись следом. Но во дворе он увидел своих людей, стоявших небольшими группками и явно что-то заинтересованно обсуждавших. Что ж, это было совершенно естественно. Приверженцы клана Акэти были обижены и встревожены тем, что их внезапно отстранили от участия в подготовке пира.

Сокрушенно покачивая головами и вздыхая, они выражали разочарование и досаду, в глазах у них стояли слезы. Их страх перед Нобунагой, а может быть, и ненависть к нему, возникшие в ходе кампании в Каи, сейчас, после утреннего происшествия, вспыхнули с новой силой.

Тогда в Каи, в ставке Суве, Мицухидэ был на глазах у всех жестоко оскорблен и унижен, и его приверженцы, конечно, об этом знали. Так почему же Нобунага продолжает с таким упорством измываться над их князем?

Но сегодняшнее оскорбление было особенно нестерпимым: ведь о нем станет известно всем гостям – и князю Иэясу вместе с его приближенными, и знати из Киото, и военачальникам клана Ода, равным по рангу Мицухидэ. Сегодняшний позор был равнозначен бесчестьем в глазах всего японского народа.

Подобное унижение, да еще прилюдное, не способен вынести ни один самурай от рождения.

– Ваш конь, мой господин, – сказал Масатака.

В это время у ворот спешил какой-то всадник. Он оказался гонцом от Нобунаги.

– Князь Мицухидэ, вы нас уже покидаете? – осведомился он.

– Нет еще. Я думаю заехать в крепость, чтобы засвидетельствовать его светлости и князю Иэясу свое почтение, а уж потом уеду.

– Князь Нобунага как раз опасается, что вам именно так и вздумается поступить. Он послал меня сообщить вам, что при нынешней спешке вам не следует заезжать в крепость.

– Что? Еще одно распоряжение? – осведомился Мицухидэ. Затем немедленно прошел в свои апартаменты, сел и с подобающим вниманием выслушал новое изъяснение княжеской воли, которое зачитал ему гонец.

– «Приказ об отстранении тебя от исполнения прежних обязанностей и немедленном отъезде остается в силе, но относительно твоих действий во главе войска в западных провинциях даю дополнительные указания. Войску Акэти надлежит совершить марш из Тадзимы в Инабу. Можешь вообще вторгнуться в провинцию, находящуюся под властью Мори

Тэрумото. Проявляй осмотрительность, но и не особенно мешкай. Ты должен сразу же вернуться в Тамбу, перегруппировать войско и прикрывать Хидээси с фланга вдоль дороги, ведущей в Саньин. Сам я вскоре выступлю на запад ему на подмогу – буду прикрывать его с тыла. Не трать время впустую и постарайся не упустить эту стратегически выгодную возможность».

Мицухидэ, низко поклонившись, заявил, что выполнит этот приказ надлежащим образом. Затем, возможно почувствовав, что проявил чрезмерную угодливость, он сел и, в упор глядя на гонца, сказал:

– Скажи его светлости... все, что сочтешь нужным.

Мицухидэ проводил гонца до двери и подождал, пока тот тронется в путь. Ветер, продувавший все здание насквозь, усугублял его горестные чувства.

«Еще совсем недавно, какую-нибудь пару лет назад, князь никогда не отпускал меня, предварительно не попрощавшись; он ждал меня к себе даже глубокой ночью. Сколько раз он говорил: „Зайди на чашку чая, а если уезжаешь на рассвете, то постарайся прийти ко мне до зари“. За что же он меня теперь так презирает и ненавидит? Нарочно прислал гонца, чтобы я ненароком не явился к нему попрощаться! Не думай об этом. Вообще ни о чем не думай...» – то и дело одергивал он себя.

Но чем больше старался отвлечься от своих ужасных мыслей, тем глубже погружался в отчаяние. И вновь пускался в мысленный диалог с князем. Слова, звучавшие в этом диалоге, были подобны пузырькам, всплывающим из несвежей воды.

– А зачем здесь эти цветы? Их нужно выбросить тоже!

Мицухидэ подошел к стоявшей в алькове большой вазе с искусно подобранным букетом и вынес ее на веранду. Руки у него тряслись, и вода из вазы расплескалась, оставляя на полу длинную дорожку.

– Все, хватит! Уезжаем отсюда! Все готовы? – крикнул Мицухидэ своим сподвижникам.

Он поднял вазу вверх и со всей силы бросил на широкую каменную ступеньку. Ваза разлетелась вдребезги, вода забрызгала лицо и одежду Мицухидэ. Тогда он воздел свое мокрое лицо к небесам и горько расхохотался, – казалось, напряжение, владевшее им, наконец удалось избыть. Однако никто из присутствующих не засмеялся.

Был поздний вечер, с гор спустился туман, но воздух по-прежнему оставался горячим и душным. Приверженцы Мицухидэ завершили приготовления к отъезду и выстроились рядами у ворот. Лошади ржали, видимо так изъясляя свое нетерпение.

– Дождевые накидки взяли? – спросил один из приверженцев.

– Нынче ночью на небе ни единой звезды, и если пойдет дождь, дорога станет труднопроходимой. Лучше нам запастись факелами, – отозвался другой.

Самураи Мицухидэ с тоской взирали на затянутое тучами небо. В глазах у них затаились гнев, слезы, горечь, досада и разочарование. Вскоре до них донесся голос Мицухидэ – он, уже верхом, в сопровождении нескольких всадников направлялся к ним.

– До Сакамото, можно сказать, рукой подать, – сказал он. – Мы быстро домчимся туда, даже если начнется дождь.

Голос его прозвучал неожиданно бодро, и это изумило приверженцев сильнее, чем все остальное. Ранее в тот же вечер Мицухидэ жаловался на легкое недомогание и даже принял какое-то снадобье, поэтому приближенные тревожились за него. Перед выступлением он поспешил развеять их тревогу, заговорив намеренно бодро и энергично.

По приказу Мицухидэ зажгли факелы. Они загорались один за другим по цепочке, и число их казалось едва ли не бесконечным. И вот, высоко подняв факелы над головами, воины Мицухидэ по одному вышли в ночь вслед за передовым конным отрядом.

Когда они прошли примерно половину ри, и впрямь начался дождь, тяжелые капли зашипели в пламени факелов. Но Мицухидэ не обращал внимания на дождь. Повернувшись в седле и посмотрев в сторону озера, он увидел высокую башню крепости Адзути, которая, казалось, парила в небесах, черная, как тушь. Он подумал о том, что дельфины из чистого золота, венчавшие крышу, в эту дождливую ночь блестят еще ярче, уставившись слепыми глазами во тьму. Огни крепости, отражаясь в озерных водах, казалось, дрожали от холода.

– Мой господин! Мой господин! Смотрите не простудитесь! – тревожно воскликнул Фудзита Дэнго, подъехав поближе к Мицухидэ и заботливо укрывая соломенной накидкой его плечи.

На следующее утро берег озера Бива был все еще подернут туманом, возможно потому, что дождевые облака по-прежнему окутывали небо плотным слоем. Волны, дождь и туман – все это создавало иллюзию призрачного водяного царства.

Дорогу сильно развезло, лошади шли, едва ли не утопая по брюхо в грязи. Молча и угрюмо, презрев и ночной дождь, и превратившуюся в непроходимое месиво дорогу, войско двигалось в сторону Сакамото. Справа был берег озера, слева – гора Хиэй. Порывы ветра вздымали соломенные накидки, защищавшие воинов от дождя, делая их похожими на ежей.

– Ах, поглядите вверх, мой господин. Князь Мицухару уже встречает вас, – сказал Масатака, обращаясь к Мицухидэ.

Крепость Сакамото на берегу озера была теперь прямо перед ними. Мицухидэ легонько кивнул, словно сам уже все заметил. Хотя Сакамото находилась совсем рядом с Адзути, Мицухидэ выглядел ужасно усталым, словно проделал путь в тысячу ри. А здесь, у ворот крепости, комендантом которой был его двоюродный брат Акэти Мицухару, он испытал точно такое же чувство, которое испытывает человек, чудом вырвавшийся из клетки тигра.

Его окружение, однако же, было озабочено отнюдь не столь тонкими материями, а скорее резко усилившимся кашлем своего господина, и не скрывало тревоги по этому поводу.

– При вашей простуде вы находились под дождем всю ночь и, должно быть, сильно устали. Как только войдем в крепость, вам нужно немедленно согреться и лечь в постель.

– Да, наверное.

Мицухидэ всегда проявлял заботу о своих соратниках. Он прислушивался к их советам и умел понимать их тревоги. Когда они доехали до сосновой роци у главных крепостных ворот, Дэнго взял лошадь Мицухидэ под уздцы и помог своему господину спешиться.

На мосту, перекинутом через крепостной ров, в мутной темно-зеленой воде которого плавали белые утки, похожие на водяные лилии, выстроились приближенные Мицухару, который находился здесь же. Один из них немедленно раскрыл зонт и подал его Масатаке, а тот с благоговейным видом водрузил его над головой своего господина.

Едва Мицухидэ сделал несколько шагов по мосту, как Мицухару поспешил навстречу своему столь желанному гостю и почтительно склонился перед ним в радушном приветствии.

– Мы ждем вас с утренней зари, – сказал Мицухару, когда двоюродные братья миновали ворота крепости.

Примерно десять наиболее близких приверженцев Мицухидэ смыли дорожную грязь, сбросили с плеч соломенные накидки и проследовали за господином во дворец.

Воины же Мицухидэ остались снаружи, по другую сторону крепостного рва. Они разгружали и мыли лошадей, ожидая приказа, где им расквартироваться. Лошадиное ржание и человеческие голоса разносились далеко вокруг.

Мицухидэ переоделся с дороги. В гостях у Мицухару он чувствовал себя как дома. Здесь из каждого окна можно было видеть и озеро Бива, и гору Хиэй. Крепость Сакамото находилась в

местности, некогда в высшей степени живописной, хотя сейчас уже никому не пришло бы в голову назвать ее таковой. После того как Нобунага распорядился предать гору Хиэй огню и мечу, здешние храмы и монастыри превратились не то что в руины, а в груды пепла. И только совсем недавно у подножия горы стала возвращаться жизнь, здесь появились новые хижинки прежних здешних жителей.

Неподалеку отсюда находились и развалины крепости на горе Уса – той самой, в которой погиб отец Мори Ранмару. И поле битвы, на котором воины кланов Асаи и Асакура сражались с войском Оды и полегли едва ли не все, тоже было рядом. Стоило вспомнить о всех этих развалинах и местах бывших сражений, и сразу же прекрасные пейзажи оглашались стонами призраков. Мицухидэ молча прислушивался к шуму дождя и предавался воспоминаниям.

Между тем Мицухару сидел в небольшом чайном домике, глядя на огонь в очаге и прислушиваясь к блаженному звуку закипающей в чайнике воды. Чайник был изготовлен знаменитым мастером Ёдзиро. В данный момент Мицухару был поглощен приготовлением чая.

С самого детства Мицухару воспитывался под надзором у Мицухидэ и привык считать его старшим братом. Они всегда делили и превратности воинской судьбы, и радости мирной жизни. И хотя братья, как правило, с годами все больше отдаляются друг от друга, связь этих двоих становилась только теснее.

Однако их характеры отнюдь не были схожи. Поэтому нынешним утром, едва повстречавшись, двоюродные братья быстро разошлись по разным покоям во дворце, спеша заняться тем, к чему у каждого из них лежала душа.

«Что ж, пожалуй, он уже успел переодеться», – подумал Мицухару и поднялся со своего места у очага. Пройдя по отсыревшей веранде, он очутился в коридоре, который вел во внутренние покои, отведенные его двоюродному брату. Он слышал, как переговариваются между собой приверженцы Мицухидэ в соседней комнате, но самого Мицухидэ он нашел в одиночестве. Тот сидел у окна и смотрел на озеро.

– Хотелось бы угостить тебя чаем, – сказал Мицухару.

Мицухидэ оторвал взгляд от окна и взглянул на брата.

– Чаем... – пробормотал он, словно пробуждаясь от глубокого сна.

– Чайник, заказанный мною у мастера Ёдзиро в Киото, уже доставили. Конечно, ему недостает изящества, присущего подобным изделиям мастера Асии, мой чайник весьма примитивный, но в этой его примитивности есть свое очарование, и оно радует глаз. Говорят, что вкус чая из нового чайника нехорош, но, как и следовало ожидать от такого мастера, чай из чайника Ёдзиро ничуть не уступает по своим достоинствам другим. Я собирался угостить тебя им в твой очередной наезд, но, узнав о твоём внезапном прибытии из Адзути, я решил опробовать его прямо сегодня.

– Это очень любезно с твоей стороны, Мицухару, но мне не хочется чаю.

– Но может быть, после фуру?

– Не нужно мне и фуру. Прошу тебя, дай мне немного поспать. Это единственное, в чем я сейчас нуждаюсь.

Мицухару в последнее время много чего довелось услышать от разных лиц, так что душа Мицухидэ вовсе не была для него потемками. И тем не менее он не очень хорошо представлял себе причину внезапного возвращения двоюродного брата в Сакамото. Ни для кого не было тайной, что на Мицухидэ возложили обязанности по подготовке пира, который Нобунага намеревался устроить в честь Иэясу. Но почему Мицухидэ так внезапно покинул Адзути – да еще перед самым началом пира? Иэясу наверняка уже прибыл. И несмотря на это, поручение, данное Мицухидэ, несомненно, передоверили кому-то другому, раз ему самому пришлось немедленно покинуть город.

Мицухару не знал всех подробностей, но много размышлял по поводу доходивших до него слухов, сопоставлял факты. Потом это внезапное прибытие Мицухидэ. Достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы все стало ясно: его двоюродный брат чем-то страшно прогневал Нобунагу. Мицухару очень горевал о постигшей брата неприятности.

Как и опасался Мицухару, несмотря на радушный прием, Мицухидэ по-прежнему был унылым и мрачным. На челе у него лежала суровая тень, что, впрочем, не слишком-то удивило Мицухару. С годами он научился понимать своего двоюродного брата.

– Да, пожалуй, ты прав. Ты провел всю ночь в седле. А нам ведь уже за пятьдесят, и мы не имеем права создавать себе физические перегрузки, с которыми легко справлялись в юности. Что ж, походи поспи. Все уже приготовлено.

Мицухару и не думал перечить брату или подступаться к нему с расспросами. Мицухидэ опустил на ложе под каркасом, обтянутым противомоскитной сеткой, переливавшейся всеми цветами радуги.

Аmano Гэньэмон, Фудзита Дэнго и Ёмода Масатака стояли у входа в комнату Мицухидэ, терпеливо дожидаясь, когда оттуда выйдет Мицухару. Они учтиво поклонились брату своего господина.

– Простите меня, мой господин, – сказал Дэнго. – Нам крайне неловко, но мы все-таки обязаны вам кое-что сообщить. Это не терпит отлагательства.

Дэнго пребывал в явном волнении.

Мицухару словно только и ждал этого:

– Так давайте пойдём в чайный домик! Князь Мицухидэ решил поспать, но не зря же я кипятил чайник!

– В чайном домике нас никто не сможет подслушать. Это прекрасная мысль.

– Я покажу вам дорогу.

– Боюсь, что мы, все трое выходцы из деревни, не очень большие знатоки чайной церемонии. Мы никак не рассчитывали удостоиться такой чести.

– Не надо так говорить. Я, кажется, догадываюсь, что вас тревожит и почему вы ищете уединенное место для нашей беседы.

В чайном домике слабый свет проникал сюда сквозь полупрозрачные бумажные двери. Вода в чайнике уже закипела, издавая приятные звуки. Мицухару неоднократно доказывал на поле брани свое искусство и мужество, но здесь, в чайном домике, он становился совершенно другим человеком.

– Что ж, не будем толковать... о чае. Так что же вас тревожит?

Ободренные словами хозяина, трое соратников Мицухидэ обменялись решительными взглядами. Наконец Дэнго, судя по всему самый смелый из них, сказал:

– Князь Мицухару, это просто неслыханно... Я не в силах даже заговорить об этом. – Он отер рукавом набежавшие слезы.

Двое других не плакали, но и у них были набухшие веки.

– Что-то случилось?

Мицухару сохранял хладнокровие, и это помогло его собеседникам успокоиться. Возможно, они опасались, что Мицухару сочтет их поведение дерзостью, но он отнесся к ним вполне благосклонно. Надо сказать, что Мицухару отметил про себя их набухшие от слез веки. И он решил первым прервать молчание:

– Дело в том, – сказал он, – что меня тоже тревожит этот неожиданный приезд. Не означает ли он, что князь Нобунага почувствовал себя в чем-то уязвленным? С чего это он вдруг отстранил князя Мицухидэ от подготовки пира?

И вновь заговорил Дэнго:

– Князь Мицухидэ – наш господин, но мы не слепы и лишены предрассудков. Если бы он был виноват, тогда другое дело, мы не стали бы зря наговаривать на князя Нобунагу. Мы долго думали, пытаясь найти объяснение такому решению князя Нобунаги. Мы имеем в виду и повод для отстранения от задания, и истинную его причину. Все это выглядит в высшей степени странно.

У Дэнго перехватило дыхание, и он сделал паузу. Ёмода Масатака пришел ему на помощь и продолжил:

– Чтобы внести успокоение в собственные души, мы даже пытались усмотреть в решении князя Нобунаги какие-нибудь политические мотивы, но, как ни старались, не могли ничего понять. Ведь у князя Нобунаги должен иметься какой-то уже созревший заранее план всего происходящего. Так почему же ему понадобилось отстранять человека, которому он поручил подготовку пиршества – и оказывать тем самым великую честь, – внезапно, в последний момент, и перепоручать все это другому? Уж не нарочно ли он хотел показать своему гостю, князю Иэясу, свою неприязнь к нашему господину?

Тут вступил в разговор Гэньэмон:

– Если взглянуть на все, что произошло так, как описали мои товарищи, то, по-моему, всему этому может быть только одна причина, которую, впрочем, трудно назвать причиной. На протяжении последних нескольких лет князь Нобунага с нарастающей враждебностью относится ко всему, что делает или говорит князь Мицухидэ. В конце концов испытываемую им ненависть стало уже невозможно скрывать, а это и привело к нынешним печальным событиям.

Снова наступило молчание. Приверженцы Мицухидэ могли бы поведать о множестве других запомнившихся им случаев и привести доказательства необъяснимой враждебности князя. Например, во время кампании в Каи в своей ставке в Суве Нобунага за какую-то мелкую провинность бил Мицухидэ головой о дощатый пол, обозвал его лысым и в конце концов велел убираться прочь. Тем самым он смертельно унижил Мицухидэ у всех на глазах. Не раз доводилось ему терпеть нечто подобное и в Адзути. Такие унижения нельзя ни забыть, ни простить; все эти факты свидетельствовали о ненависти князя Нобунаги к своему приверженцу Мицухидэ и постоянно служили предметом пересудов не только в клане Ода, но и в соседних кланах. Мицухару доводился Мицухидэ близким родственником, и он, конечно, принимал близко к сердцу все эти слухи, которым, увы, приходилось верить.

Мицухару выслушал приверженцев брата, внешне оставаясь совершенно невозмутимым.

– Что ж, выходит, князя Мицухидэ прогнали без какой бы то ни было причины? Я рад был узнать об этом. И представителям других кланов доводилось впадать у князя Нобунаги то в милость, то в немилость, в зависимости от его настроения.

Все трое внезапно переменились в лице. Губы у Дэнго задрожали, и он придвинулся к Мицухару.

– Что вы имеете в виду, говоря, что рады были узнать об этом?

– Я хочу сказать, что, раз на князе Мицухидэ нет никакой вины, все дело заключается в дурном расположении духа князя Нобунаги, а это значит, что князю Мицухидэ удастся вновь обрести былое доверие к себе, когда князь избавится от нынешней злобы.

Дэнго заговорил, приходя во все большее волнение:

– Не считаете же вы князя Мицухидэ шутком, который обязан подстраиваться под настроение своего господина? Неужели допустимо подобное отношение к князю Акэти Мицухидэ? Вы не считаете, что он был унижен, оскорблен и доведен до состояния, когда начинают думать о самоубийстве?

– Дэнго, у вас вздулись жилы на висках. Пожалуйста, поспокойнее.

– Я не спал уже две ночи. Не мог заснуть. Я не в силах подобно вам сохранять хладнокровие, мой господин. Наш господин, а вместе с ним и мы, его приверженцы, ввергнуты в пучину позора, насмешек, оскорблений и несправедливости.

– Вот почему я и прошу вас успокоиться и хорошенько выспаться.

– Но это же нелепо! – выпалил Дэнго. – Пословица гласит: если самурай запачкался грязью, то смыть ее будет трудно. Сколько раз уже моему господину и его приверженцам доводилось испытывать подобное бесчестье по вине жестокосердого князя Адзути? Да ведь и вчера главное заключалось вовсе не в том, что князя Мицухидэ отстранили и сместили. Без этого пира мы бы прекрасно обошлись! Но последовавший за этим приказ уподобил нас диким зверям, на которых натравили свору псов из Адзути. Может быть, вы слышали о том, что нам приказано собрать войско и немедленно выступить на запад. Нам предписывается вторгнуться в провинцию Санъин, находящуюся под властью клана Мори, чтобы прикрыть князя Хидэёси с фланга. Как же мы сможем идти в бой, испытав подобное унижение? Вот вам еще один пример того, как злоумышляет против нас этот подлый пес в княжеском образе!

– Одумайтесь, Дэнго! Кого это вы именуете подлым псом?

– Князя Нобунагу! Того, кто постоянно именует нашего господина прилюдно лысым. Вспомните о таких людях, как Хаяси Садо или Сакума Нобумори и его сын. На протяжении многих лет они верно служили князю Нобунаге и немало способствовали его нынешней славе. И вот, едва ли не сразу же после того, как их возвели в княжеский ранг и одарили крепостями и землями, Нобунага, придравшись к какой-то ерунде, одного казнил, а другого отправил в изгнание. Безжалостный князь в конце концов каждый раз становится гонителем того, кто ему верно служит.

– Замолчите! Не смейте говорить такое о князе Нобунаге в моем присутствии! И уходите! Немедленно!

Как раз в тот момент, когда Мицухару вспыхнул и велел Дэнго покинуть чайный домик, из сада донесся какой-то слабый звук. Трудно было сказать, были ли это шаги человека или шелест падающей на землю осенней листвы.

В те времена люди уделяли особое внимание тому, чтобы их не подслушали, и вели себя с предельной осторожностью даже там, где появление вражеского лазутчика представлялось маловероятным. Поэтому даже в саду, окружающем чайный домик, несли постоянную стражу самураи. Сейчас один из них вошел в домик и почтительно склонился у порога. Он передал Мицухару какое-то послание и тут же удалился. Отойдя на приличествующее в подобных случаях расстояние, он застыл на месте подобно изваянию.

Мицухару быстро пробежал письмо глазами и крикнул самураю:

– На это письмо требуется ответ, я напишу его позже. Пусть монах подождет.

Страж еще раз почтительно поклонился и удалился на свой пост. Шаги его ног, обутых в соломенные сандалии, были почти не слышны, словно он не шагал, а крался.

Какое-то время Мицухару и трое его гостей пребывали в напряженном молчании. Время от времени с ветки в саду срывалась перезрелая слива и падала с таким звуком, словно по земле ударяли деревянным молоточком. В наступившей тишине этот стук казался особенно резким. И вдруг по раздвижной бумажной двери скользнул яркий солнечный луч.

– Что ж, нам, пожалуй, пора. Да и вас ждут срочные дела, – произнес Масатака, решив под этим благовидным предлогом удалиться вместе со своими спутниками, но Мицухару удержал их.

– Почему бы вам не побыть у меня немного? – с улыбкой сказал он.

– Нет, мы пойдем. Мы не хотим быть навязчивыми.

Трое приверженцев Мицухидэ вышли из чайного домика и плотно прикрыли за собою

дверь. Звук их шагов, затихая, удалился в сторону крытой галереи.

Через несколько минут вышел из чайного домика и сам Мицухару. Проходя по галерее, он заглянул в помещение, в котором размещались самураи. Он взял у них бумагу, тушь и кисточку и сразу же сел писать ответное письмо. Он писал быстро, не останавливаясь. Казалось, что он заранее продумал текст ответа.

– Передай это гонцу настоятеля Ёкавы и отошли его.

Он вручил ответное письмо одному из оруженосцев и, словно бы потеряв ко всей этой истории всякий интерес, осведомился у мальчика:

– А что, князь Мицухидэ еще почивает?

– Я подходил к его комнате, там все было тихо, – ответил мальчик.

Мицухару вздохнул с облегчением, словно впервые за весь этот трудный день услышал нечто приятное.

Дни шли за днями. Мицухидэ оставался в крепости Сакамото, ничего не предпринимая. Получив приказ о выступлении в западные провинции, он должен был как можно скорее вернуться в свою крепость и собрать войско. И Мицухару хотел, но все никак не решался напомнить брату о том, что такая затянувшаяся праздность едва ли способна улучшить отношение к нему со стороны Нобунаги, и без того неблагоприятное. Но Мицухару понимал чувства, владевшие сейчас его двоюродным братом, и не мог лишней раз беречь ему душу. Отчаяние и ненависть, столь яростно выказанные приверженцами, наверняка отвечали и настроениям самого Мицухидэ.

А если это так, размышлял Мицухару, то несколько дней, проведенные в покое и в мире, окажутся лучшей подготовкой к затяжной и трудной кампании. Мицухару испытывал чрезвычайное почтение к уму и здравому смыслу, присущим старшему брату. Любопытствуя, как тот проводит время, Мицухару зашел в комнату к брату и застал Мицухидэ за рисованием. Он перерисовывал что-то из раскрытой книги.

– Ага, так вот чем ты занимаешься!

Мицухару встал за спиной у брата и принялся наблюдать за его работой, откровенно радуясь тому, что Мицухидэ сохраняет самообладание, и тому, что они с братом по-прежнему близки.

– Мицухару? Не смотри. Я не могу рисовать в чьем-либо присутствии.

Мицухидэ отложил кисточку, залившись при этом румянцем, что не так-то часто случается с людьми, которым за пятьдесят. Мало того, он и наброски свои поспешно спрятал.

– Я тебе помешал? – Мицухару расхохотался. – А чья это книга, с которой ты перерисовываешь?

– Это книга Юсё.

– Юсё? Интересно, где его носит в эти дни? Мы тут о нем уже давно ничего не слышали.

– Он нежданно-негаданно разыскал меня в лагере во время похода на Каи. А на следующее утро ушел еще до рассвета.

– Он странный человек.

– Да нет, дело, думаю, не только в его странности. Он человек преданный, и душа у него – прямая и твердая, как бамбук. И пусть он оставил самурайскую службу, я по-прежнему считаю его воином.

– Я слышал, что он был когда-то приверженцем Сайто Тацуоки. Ты хвалишь его за то, что он до сих пор сохраняет верность своему бывшему господину?

– Когда возводили Адзути, он оказался единственным, кто не пожелал принимать участия в работах, хотя князь Нобунага лично пригласил его. Его не прельстили ни власть, ни слава.

Видимо, чувство собственного достоинства не позволило ему расписывать ширмы в доме у врага своего бывшего господина.

В это мгновение в комнату вошел один из прислужников Мицухару, и братья сразу же прервали беседу. Мицухару спросил у прислужника, что должно означать его внезапное появление.

Вид у прислужника был крайне обескураженный. В руке он держал письмо и нечто вроде воззвания, написанного на плотной бумаге. Опасливо поглядывая на Мицухару, он сообщил следующее:

– Еще один гонец от настоятеля Ёкавы прибыл к крепостным воротам и заставил меня передать это письмо моему господину. Я хотел отказаться, но он заявил, что ему приказали доставить это письмо и что без этого он не уйдет. Что мне оставалось делать?

– Как? Опять? – Мицухару щелкнул языком. – Я отправил ответ настоятелю Ёкаве некоторое время назад и обстоятельно объяснил ему, почему я не могу принять его предложение, поэтому и дальнейшие обращения с его стороны окажутся тщетными. А он все продолжает упорствовать. Просто верни ему письмо, и все.

– Слушаюсь, мой господин.

Прислужник поспешно удалился, и вид у него при этом был такой, словно прочь прогнали его самого.

– Это настоятель Ёкава с горы Хиэй? – спросил Мицухидэ.

– Совершенно верно.

– Давным-давно мне было приказано принять участие в сожжении горы Хиэй. Мы истребили тогда не только монахов-воинов, но и истинно святых людей, и детей, и женщин – всех без разбора. Мы убивали их и швыряли тела в бушующее пламя. Мы так жестоко обошлись с этой горой, что там больше никогда не приживутся деревья, не говоря уж о людях. А сейчас, судя по многим данным, кое-кто из монахов, переживших тогдашнюю бойню, вернулся на гору и пытается заново обжечь это некогда священное место.

– Верно. Насколько мне известно, гора все в том же плачевном состоянии, но, несмотря на это, люди высоко просвещенные созывают туда рассеянные ныне по свету остатки верующих и делают все возможное, чтобы возродить там жизнь.

– Пока жив князь Нобунага, это будет не так-то просто.

– И они прекрасно понимают это. Они прилагают великие усилия к тому, чтобы император издал указ, способный обуздать князя Нобунагу, но надежда на это невелика, поэтому они сейчас больше рассчитывают на поддержку простых людей. Они ездят по всем провинциям, собирают пожертвования, стучатся в каждую дверь. И я слышал, что на пепелищах они уже возводят временные храмы и пагоды.

– Выходит, настоятель Ёкава уже не раз обращался к тебе именно в связи с этими намерениями былых обитателей горы?

– Нет. – Мицухару опять посмотрел на брата и безмятежным тоном продолжал: – Я не хотел тебя беспокоить и поэтому предпочел уладить все лично. Но раз уж все это выплыло наружу, наверное, мне стоит ввести тебя в курс дела. Настоятелю Ёкаве стало известно, что ты сейчас гостишь у меня, и он самым настоятельным образом принялся искать встречи с тобой. Хотя бы одной-единственной.

– Настоятель сказал, что хочет повидаться со мной?

– Да! И вдобавок он выразил пожелание, чтобы достопочтенное имя князя Мицухидэ значилось на воззвании о восстановлении горы Хиэй. Я ответил ему, что ни о том, ни о другом не может идти и речи.

– И хотя ты сказал ему об этом, а потом повторил – и повторил не раз и не два, – он

продолжает слать к тебе гонцов? Мицухару, я, конечно, не поставлю своей подписи под воззванием, противоречащим интересам князя Нобунаги, но почему я должен уклоняться от встречи с ним? Во всяком случае, об этом стоило бы подумать.

– Мне кажется, тебе совершенно ни к чему встречаться с ним. Какой смысл тебе – одному из военачальников, участвовавших в сожжении горы, – встречаться с одним из монахов, чудом уцелевших в этом аду?

– В то время мы с ним были врагами, – ответил Мицухидэ. – Но сейчас гора Хиэй утратила свое бывшее значение, и ее тогдашние обитатели смиренно пали ниц перед властелином Адзути и принесли ему клятву верности.

– На словах, разумеется, – возразил Мицухару. – Но разве могут все эти священники и монахи, чьи древние храмы и монастыри были разрушены, и люди, чудом выжившие, но потерявшие родных и близких, усмирить чувства, обуревающие их души на протяжении долгих лет? Число убитых там насчитывает десять тысяч человек, а некоторые из уничтоженных храмов высились на горе еще со времен святого Дэнгё.

Мицухидэ глубоко вздохнул:

– У меня тогда не было никакой возможности послушаться приказа Нобунаги, и таким образом я стал одним из тех, кто безумствовал на горе Хиэй. И я собственноручно убивал и монахов-воинов, и монахов вполне мирных, и людей светского звания, молодых и старых. Моим личным жертвам нет числа. Когда я сегодня вспоминаю об этом, я испытываю такую боль, словно гора Хиэй пылает у меня в груди!

– Но ты ведь всегда говорил, что нам необходимо смотреть на вещи широко, а сейчас ты как будто противоречишь себе. Ты уничтожил одних ради спасения других, и число спасенных оказалось во много раз больше. Если мы сожгли одну зловредную гору, но зато зажгли светоч истинной буддийской веры на пяти других высоких и на сотне малых вершин, – а ведь оно так и есть, – то разве можно назвать нашу вынужденную жестокость убийством? Вернее, тысячами убийств?

– Ну, конечно, ты прав. Но все же стоит мне подумать о горе Хиэй, и я лью слезы жалости. Послушай, Мицухару! На людях я вынужден сдерживаться, но в душе я уверен, что если помолюсь разок за гору Хиэй, то это никому не причинит вреда. Верно? Я хочу завтра же отправиться на гору. Разумеется, инкогнито. И вернусь, как только поговорю с настоятелем.

Той ночью Мицухару тревожно ворочался в постели и не мог уснуть. Почему это Мицухидэ загорелся желанием отправиться на гору Хиэй? Следует ли ему попытаться воспрепятствовать этому или же лучше предоставить Мицухидэ поступать по собственному разумению? Учитывая немилость, в которую сейчас явно впал Мицухидэ, ему следовало бы подальше держаться от горы Хиэй и от всяких хлопот по ее возрождению. Да и встреча с настоятелем не прибавит ему доброжелательства со стороны князя Нобунаги.

Собственные рассуждения казались Мицухару вполне логичными до той поры, пока они касались прошлого. Но эта история с настоятелем Ёкавой... Мицухидэ проявил столь откровенное неудовольствие, узнав о том, что он, Мицухару, решил за брата и отказал настоятелю во встрече с ним. Нет, ему совершенно явно не понравилось то, как Мицухару все это дело обставил!

Чем руководствуется Мицухидэ, почему он решил отправиться на гору Хиэй? Ведь это будет всеми расценено однозначно – как еще одно доказательство злоумышления Мицухидэ против Нобунаги. А в предвидении длительной военной кампании на западе это просто пустая трата времени.

– Надо остановить его. Надо остановить его во что бы то ни стало!

Приняв такое решение, Мицухару наконец-то закрыл глаза. Конечно, ему еще предстояло

выдержать крайне неприятный спор с братом или даже навлечь на себя его гнев, но он решил сделать все возможное, чтобы удержать Мицухидэ от поездки на гору Хиэй. С тем он и заснул.

На следующее утро он встал раньше обычного. Когда он мылся, его слух уловил шум чьих-то шагов, удалявшихся к выходу. Такая поспешность возникает только в связи с чьим-то отъездом.

Мицухару выглянул из банной комнаты и осведомился у оказавшегося поблизости прислужника:

– Кто уезжает?

– Князь Мицухидэ.

– Как!

– Истинно так, мой господин. Он оделся в платье, удобное для путешествия в горы, и взял с собой только Аmano Гэньэмона. До Хёси они намерены добираться верхом. Во всяком случае, князь Мицухидэ сказал нечто в этом роде, обуваясь у входа. Это произошло какую-то минуту назад.

Мицухару никогда не пропускал утренней молитвы в крепостном храме и у семейного алтаря, но сегодня он не совершил ни того, ни другого. Он быстро оделся, препоясался и большим, и малым мечом и поспешил к главному входу. Но Мицухидэ с приверженцем уже ускакали, и остались только слуги, подтвердившие известие об их отъезде. Белые облака клубились над Симэйгатакэ.

– Кажется, сезон дождей близится к концу и здесь.

Утренний туман в сосновой роще за крепостной стеной все еще не рассеялся, и поэтому вся округа выглядела сейчас так, словно она оказалась погруженной на дно озера. Двое всадников мчались во весь опор по лесной просеке. Над головами у них, величественно взмахнув крыльями, пролетела огромная птица.

– Отличная погода, не правда ли, Гэньэмон?

– Если она не переменится, то горы очистятся от тумана.

– Давно уже я не чувствовал себя так хорошо, – сказал Мицухидэ.

– Ради одного этого стоило отправиться в поездку.

– Но мне и впрямь больше всего на свете хочется повидаться с настоятелем Ёкавой. Только ради этого я и поехал. Если бы я пригласил его в крепость Сакамото, это вызвало бы ненужные подозрения. Нам надо повидаться тайком. Тебе придется позаботиться об этом, Гэньэмон.

– Да уж! Вас скорее заметят у подножия горы, а не на ее вершине. Будет крайне неприятно, если среди простого люда пойдет молва о том, что князь Мицухидэ предпринял подобную вылазку. Вам следует прикрыть лицо капюшоном, по крайней мере, пока мы не минуем Хёси.

Мицухидэ надвинул капюшон как можно ниже, так что остался виден лишь один рот.

– Вы одеты, как обычный простолюдин, и седло под вами самое что ни на есть простое. Никому и в голову не придет, что это едет князь Акэти Мицухидэ.

– Ну, если ты и впредь будешь обращаться ко мне с такой учтивостью, люди все равно заподозрят неладное.

– Да, я об этом не подумал, – весело рассмеялся Гэньэмон. – Теперь я буду держаться немного иначе, только не наказывайте меня потом за дерзость.

У подножия горы Хиэй уже два или три года шло кое-какое строительство, и улицы Сакамото мало-помалу начали обретать прежний вид. Когда двое всадников промчались по улицам селения и свернули на тропу, ведущую к храму Энряку, первые лучи солнца коснулись зеркальной глади озера.

– А как мы поступим с лошадьми, когда нам придет пора спешиться? – спросил Гэньэмон.

– Рядом с прежним храмом сейчас воздвигнут новый, временный. Там неподалеку, должны

жить крестьяне. А если их не окажется, то оставим лошадей у мастеровых, занятых на строительстве храма.

Вдогонку за ними, то и дело нахлестывая коня, мчался одинокий всадник.

– Послушайте! Мне кажется, кто-то нагоняет нас сзади! – взволнованно воскликнул Гэньэмон.

Он явно встревожился.

– Если кто-нибудь и пустился за нами в погоню, то это, несомненно, Мицухару. Вчера он всячески пытался отговорить меня от поездки.

– Он человек великодушный и благородный. Такие в наши дни встречаются нечасто. Он слишком уж даже благороден для настоящего самурая.

– Ага, ну конечно же это Мицухару!

– И он наверняка попытается остановить вас, мой господин.

– Да только я все равно не поверну назад, как бы он меня ни уговаривал. А может быть, он имеет в виду что-то совсем другое. Если бы ему хотелось остановить меня, он мог бы взять под уздцы мою лошадь на выезде из его крепости. Да, погляди-ка, он тоже одет как подобает для поездки в гору!

Так оно и было. В последний момент Мицухару опять все передумал. Он решил, что вместо того, чтобы удерживать брата от поездки, лучше ему поехать вместе с ним и проследить, чтобы он не совершил какой-нибудь роковой оплошности.

Поравнявшись с братом, Мицухару радушно улыбнулся ему:

– Слишком уж вы спешите, мой господин. Я никак не ожидал, что ты отправишься в дорогу в столь ранний час.

– Я же не думал, что ты намерен поехать со мной. Если бы ты сказал мне об этом заранее, тебе не пришлось бы мчаться за нами во весь опор.

– Но я был против этой поездки. Мне казалось, что, даже отправившись в путь переодетым, ты все равно возьмешь с собой, самое меньшее, десяток всадников, да и не станешь нестись с такой скоростью.

– Будь это обычная поездка, я бы так именно и поступил, – ответил Мицухидэ. – Но единственной моей целью является желание помолиться за души тех, кто много лет назад принял на этой горе адскую смерть, и совершить хотя бы одну заупокойную молитву. Я ведь не в развлекательную поездку отправился, чтобы прихватить с собой сакэ и изысканные кушанья.

– Должно быть, я вчера невзначай каким-то образом задел тебя, но я ведь от рождения трусоват. И всего лишь опасался того, что ты ненароком допустишь какую-нибудь оплошность, которая впоследствии может быть превратно истолкована в Адзуте. Учитывая то, как ты одет, и то, что ты намереваешься всего лишь помолиться, князь Нобунага не разгневался бы на тебя, даже прознав про эту поездку. Но ведь даже я, проживая рядом с горою, ни разу там не был. Поэтому я и решил побывать там сегодня с тобой за компанию. Что ж, Гэньэмон, скачите вперед!

Пришпорив коня, Мицухару помчался вровень с Мицухидэ, причем не умолкая болтал, как будто опасаясь, что брату уже успела наскучить эта поездка. Он рассказывал ему о растениях и о цветах, попадавших им на пути, о повадках различных птиц, определяя породу каждой по ее полету, и вообще заботился о брате с тщанием заботливой сиделки, ухаживающей за больным.

Мицухидэ не мог не оценить подобного проявления братских чувств, но Мицухару говорил почти исключительно о природе, тогда как мысли самого Мицухидэ были неизменно устремлены к постижению души человеческой, даже во сне, даже когда он занимался живописью. Ведь он жил среди людей, жил в окружении враждующих между собой бесов, жил, сгорая в огне всеобщей ненависти и злобы. И даже умиротворяющий голос кукушки не мог ни

избыть, ни даже умерить чувство глубокой обиды и безысходности, которое он увез с собой из Адзути.

Поднимаясь на гору Хиэй, Мицухидэ не испытывал покоя. Как это пустынное, заброшенное место не похоже на то, что здесь было прежде! Проехав по берегу реки Гонгэн до Восточного храма, они не обнаружили признаков человеческой жизни. Только птицы продолжали петь как ни в чем не бывало. С древних времен гора считалась птичьим заповедником.

– Не вижу ни одного монаха, – сказал Мицухидэ, остановившись у разрушенного храма. Казалось, его изумляла основательность, с которой некогда подошел к осуществлению своего замысла Нобунага. – А может быть, и на всей горе не осталось ни единой живой души? Давайте поищем у главного храма.

Мицухидэ выглядел глубоко разочарованным. Возможно, он надеялся застать здесь свидетельства возродившейся, вопреки всем усилиям Нобунаги, былой мощи монахов-воинов. Но когда они наконец добрались туда, где некогда высился главный храм, то и там не оказалось ничего, кроме руин и пепла. Лишь поблизости от бывшего монастыря было построено несколько жилых хижин. От хижин потянуло благовониями. Гэньэмон отправился туда на разведку. Оказывается, несколько горных отшельников готовили рис в котелке на костре.

– Они говорят, что настоятеля Ёкавы здесь нет, – вернувшись, доложил Гэньэмон.

– Вот как! Но может быть, есть какой-нибудь ученый монах или кто-нибудь из прежних времен?

Гэньэмон вновь побрел к костру, но и на этот раз вернулся с неутешительным известием.

– Говорят, что на горе никого такого и быть не может. Сюда нельзя приходить, не испросив разрешения или в Адзути, или у наместника Киото. Более того, закон запрещает жить здесь кому бы то ни было за исключением строго определенного числа монахов.

– Закон есть закон, – отозвался Мицухидэ. – Но религиозное рвение по природе своей не похоже на людское племя, которое можно истребить раз и навсегда. Скорее всего, здешние старцы приняли нас за воинов из Адзути и поспешили спрятаться. И настоятель со своими приближенными наверняка и сейчас где-то здесь, на горе. Гэньэмон, объясни людям, что им не следует нас бояться, и спроси еще раз о настоятеле.

Гэньэмон уже направился к костру, но тут Мицухару сказал:

– Пойду-ка к ним лучше я. Гэньэмон очень суров на вид, они ни за что ему ничего не расскажут.

Однако, дожидаясь возвращения Мицухару, Мицухидэ вдруг увидел человека, которого никак не ожидал здесь встретить.

Он был одет в зеленую монашескую рясу с капюшоном, белые штаны и соломенные сандалии. Ему было не меньше семидесяти, но губы его были сочны, как у юноши. Седобровый, он казался журавлем, вырядившимся в монашеское одеяние. И сопровождали его двое слуг и какой-то мальчик.

– Князь Мицухидэ! Вот и хорошо, вот и замечательно! Право, не думал, что повстречаю вас здесь. Я слышал, будто вы в Адзути. Так что же привело вас в это заброшенное место?

Говорил он не как старик; голос был звонок, а на губах постоянно играла безмятежная улыбка.

Напротив, в немалое смущение пришел Мицухидэ. Под острым взглядом из-под седых бровей он замешкался с ответом.

– Вы ведь лекарь Манасэ, не правда ли? Я на несколько дней остановился в крепости Сакамото и подумал, что прогулка в горы поможет мне избавиться от уныния, которое навеивает сезон дождей.

– И впрямь нет лучшего лекарства для души и тела, нежели прогулка по холмам и общение с природой. Да ведь по вас с первого взгляда видно, как вы устали. Вы получили на службе отпуск по болезни? – осведомился лекарь, сощуриив глаза до узких щелок.

По неведомой ему самой причине Мицухидэ не мог лукавить в разговоре с человеком, обладающим столь прозорливым взглядом. Манасэ врачевал еще в те времена, когда сёгуном был Ёситэру, отец свергнутого сёгуна Ёсиаки. Манасэ и Мицухидэ давно не виделись, но некогда не раз коротали время в беседах и за чашечкой сакэ в крепости Адзути. Нобунага часто приглашал Манасэ на чайную церемонию, а чуть заболев, немедленно призывал его. Князь Ода доверял великому лекарю куда больше, чем своим приближенным врачевателям.

Манасэ, однако же, не любил общества сильных мира сего, и каждый вызов в Адзути из Киото, где он жил, становился для него, невзирая на отменное здоровье, истинной мукой.

Тем временем вернулся Мицухару, который так и не дошел до костра, потому что Гэньэмон воротил его с полдороги.

– Произошла случайная встреча, и это грозит нам досадными осложнениями, – прошептал ему Гэньэмон.

Но когда Мицухару увидел, что случайным путником оказался лекарь Манасэ, он с радостью включился в беседу. Было совершенно очевидно, что они с лекарем состоят в самых добрых отношениях.

– Какая радость! Лекарь Манасэ! Вы замечательно выглядите! Вы по-прежнему любого молодого за пояс заткнете! Вы прибыли сюда из Киото? Тоже решили побродить по горам?

Манасэ был рад встрече с друзьями и охотно отвечал на вопросы.

– Я поднимаюсь на гору Хиэй каждый год – весной или в начале лета, а потом еще раз – осенью. Я собираю здесь травы. Здесь можно найти целебные травы, о существовании которых люди даже не догадываются.

Беседовал Манасэ главным образом с Мицухару, хотя время от времени бросал острый взгляд на Мицухидэ. Чуть позже, воспользовавшись возникшей паузой, Манасэ обратился к Мицухидэ:

– Я узнал от князя Мицухару, что вам вскоре предстоит трудный поход в западные провинции. Вам следует хорошенько подумать о собственном здоровье. Когда человек достигает пятидесяти, ему нельзя забывать о своих годах, как бы хорошо он себя ни чувствовал. – В голосе Манасэ ощущалась искренняя тревога.

– Вот как? – Мицухидэ улыбнулся и повел разговор так, словно речь зашла о каком-то постороннем предмете. – В последнее время я изредка простужаюсь, но телосложение у меня крепкое, и поэтому больным я себя не ощущаю.

– А я, знаете ли, за это не поручился бы. Когда человек болеет, он должен отчетливо это сознавать и принимать соответствующие меры. А излишняя самонадеянность, которую проявляете вы, может иметь весьма серьезные последствия.

– Так что же, вы думаете, что у меня что-то серьезное?

– Судя по вашему лицу и по голосу, я могу с уверенностью сказать, что в настоящее время со здоровьем у вас не все в порядке. Речь не идет о каком-то серьезном хроническом заболевании. Скорее усталость и напряжение оказали угнетающее воздействие на внутренние органы, что нарушило баланс деятельности организма.

– Если речь идет об усталости, то вы абсолютно правы. За последние несколько лет я участвовал во множестве сражений, служил что было сил своему князю и, естественно, перенапрягался, причем практически постоянно.

– Говорить об этом человеку, столь искушенному в науке врачевания, как вы, все равно что проповедовать буддизм самому Будде, но вам и впрямь нужно позаботиться о своем

здоровье. Пять внутренних органов – печень, сердце, селезенка, легкие и почки – связаны с пятью излучениями, с пятью тонкими силами и с пятью звуками. Скажем, если больна печень, у вас обильно текут слезы; если поражено сердце, вас постоянно одолевают всяческие страхи, будь вы хоть самым храбрым человеком на свете; а если затронута селезенка, вы легко приходите в ярость. При болезни легких вы сплошь и рядом испытываете душевное расстройство и сами не понимаете причины этого. А если нарушилась функция почек, то вы подвержены резким перепадам настроения.

Говоря все это, Манасэ пристально смотрел на Мицухидэ. Мицухидэ в свою очередь был уверен в собственном крепком здоровье и не слишком-то прислушивался к тому, что говорил лекарь. Он пытался за деланной улыбкой скрыть свои подлинные чувства, но мало-помалу начинал испытывать беспокойство. В конце концов у него иссякло терпение и он, видимо, ждал удобного повода, чтобы попрощаться с лекарем.

Манасэ, однако же, раз заговорив, не был склонен останавливаться. И хотя для него были очевидны чувства, испытываемые сейчас Мицухидэ, он продолжал:

– Первым, что бросилось мне в глаза при встрече, был цвет вашего лица. Наверняка вы либо напуганы чем-нибудь, либо расстроены. В глазах у вас ярость, вы пытаетесь скрыть ее, но я вижу, насколько она сильна. Причем это не просто ярость, присущая мужчине, есть в ней и нечто жалостливое, типично женское. Не испытываете ли вы в последнее время по ночам онемения пальцев на руках и на ногах? Не звенит ли у вас в ушах? Не пересыхает ли во рту? Не появляется ли ощущения, будто вы жуете колючки? Ну, рассказывайте, что из вышеперечисленного вы иногда испытываете?

– У меня бывает бессонница, хотя как раз прошлой ночью я превосходно выспался. Что ж, я благодарю вас за внимание и советы и в ходе предстоящей кампании постараюсь соблюдать диету и принимать лекарства.

И, положив тем самым конец разговору, Мицухидэ махнул Мицухару и Гэнъэмону рукой, давая понять, что пора в путь.

Ближе к вечеру Синси Сакудзаэмон, приверженец клана Акэти, выехал из Адзути в Сакамото. С ним было всего несколько спутников. Его господин, князь Мицухидэ, убыл в такой спешке, что Синси пришлось задержаться, чтобы доделать незаконченные дела.

Едва он приехал в Сакамото и скинул дорожное платье, его окружили другие приверженцы князя и принялись нетерпеливо расспрашивать.

– Как развивались события после вашего отъезда?

– Какие слухи ходят сейчас по Адзути относительно его светлости?

Синси ответил, скрежеща зубами:

– С отъезда его светлости прошло всего восемь дней, но для приверженцев клана Акэти, оставшихся в Адзути, эти дни показались годами, проведенными на ложе из гвоздей. Каждый слуга, любой простолюдин из Адзути счел своим долгом явиться к нам с насмешками и с оскорблениями. «Это дом князя Мицухидэ? Ничего удивительного, что тут так воняет тухлой рыбой! Теперь лысому конец – он обесчещен, и ни один луч княжеской милости больше не сверкнет у него на плечи!» – вот что они говорили!

– И никто не осуждал князя Нобунагу за несправедливость и нечестность?

– Ведь наверняка должны были найтись и такие люди! Но что же они говорили?

– В дни после отъезда его светлости в крепости Адзути продолжался пир в честь князя Иэясу, и никому не было дела ни до чего другого. Может быть, самому князю Иэясу показалось странным, что главного распорядителя пира в последнее мгновение сместили. Мне рассказывали, что он спросил у князя Нобунаги о том, почему так внезапно уехал князь

Мицухидэ. Но тот ответил, что просто приказал нашему господину вернуться к себе в провинцию.

Слушая этот рассказ, люди кусали губы от бессильного гнева. Синси поведал им и о том, что большинство ближайших приспешников Нобунаги сочли изгнание Мицухидэ весьма выгодным для себя. Более того, ходили слухи и о том, что Нобунага намерен вообще удалить весь клан Акэти куда-нибудь подальше, с глаз долой. Какими-нибудь практическими шагами эти разговоры пока не подтверждались, но, как известно, дыма без огня не бывает. Ранмару, любимчик Нобунаги и сын Мори Ёсинари, приверженца клана Ода, павшего много лет назад в битве за Сакамото, тешил себя мыслью, что именно поэтому ему отдадут крепость Сакамото. Поговаривали даже и о том, что Нобунага будто бы уже втайне пообещал ему это.

Но и этим дело не ограничивалось. Кое-кто придерживался той точки зрения, что Мицухидэ специально приказали двигаться по дороге на Санъин, чтобы, как только он прибудет туда, назначить его наместником тамошнего края, а крепость Сакамото, находящуюся в непосредственной близости от Адзути, передать Мори Ранмару.

В доказательство Синси зачитал боевой приказ Нобунаги от девятнадцатого числа и в ярости удалился. Да никаких дополнительных объяснений и не требовалось. Приказ привел в бешенство и самого Мицухидэ, и его приверженцев. Этот приказ гласил:

«Приказываю тебе в ближайшее время покинуть свою провинцию и выступить в Биттю для прикрытия Хидэёси с тыла. В дальнейшем руководствоваться указаниями от Хидэёси».

Это письмо, разосланное всем военачальникам и старшим воинам клана Ода, было составлено самим Нобунагой. Прочитанное воинами клана Акэти, оно привело их в неистовство. Клан Акэти принято было считать более высокородным, чем Икэда и Хори, и во всех отношениях равным клану Хасиба и Сибата, вождем которых был Хидэёси. И тем не менее имя Мицухидэ было в этом приказе поставлено вровень с именами вождей кланов Икэда и Хори, а сам он оказался отныне в подчинении у Хидэёси.

Отсутствие уважения к подобающему рангу было для всякого самурая величайшим оскорблением. Позор, испытанный Мицухидэ в истории с пиром, от такого приказа только усиливался. Членов клана Акэти бесчестили вновь и вновь. Близились сумерки, но на деревьях и стенах крепостной стены все еще были видны лучи заходящего солнца. Когда Синси Сакудзаэмон закончил свой рассказ, никто не произнес ни слова, но в глазах у всех стояли слезы. И тут послышались шаги нескольких человек. Решив, что это вернулся их господин, приверженцы дружно высыпали в сад.

Только Синси не торопился вослед за остальными, ожидая, пока его позовут. Но Мицухидэ, вернувшийся с горы Хиэй, не звал к себе Синси, пока не помылся и не поел.

Мицухидэ беседовал с Синси в присутствии одного Мицухару. Синси рассказал то, о чем до этого поведал приверженцам Мицухидэ. Нобунага принял решение. Он провел необходимую подготовку и намеревается выступить из Адзути двадцать девятого. После ночного привала в Киото он затем двинется прямо на запад.

Мицухидэ слушал Синси внимательно, то и дело одобрительно кивая в такт его словам. В его глазах, как всегда, светились ум и прозорливость.

– А велика ли будет его свита? – полюбопытствовал Мицухидэ.

– Несколько вассалов и тридцать – сорок оруженосцев.

– Только и всего?

Мицухару на протяжении всего этого времени не проронил ни слова, а сейчас умолк и Мицухидэ. Они отпустили Синси.

После его ухода двоюродные братья остались вдвоем. Мицухидэ, судя по всему, хотелось излить перед братом душу, но тот не предоставил ему такой возможности. Вместо этого

Мицухару заговорил о верности клану Ода и посоветовал брату поскорее отправиться на запад, дабы не гневить Нобунагу.

Откровенность, всегда присущая Мицухару, была одной из сторон его сильной и любящей натуры, и на протяжении сорока лет Мицухидэ привык полагаться на него, как на самого здравомыслящего и надежного советчика во всем клане. Поэтому Мицухидэ не мог ни злиться на брата, ни разубеждать его, хотя мнения их сейчас явно не совпадали.

Какое-то время они продолжали сидеть молча, потом Мицухидэ внезапно сказал:

– Давай направим к моим приверженцам в Камэяме передовой отряд с приказом как можно быстрее подготовиться к кампании. Ты можешь поспособствовать мне в этом, Мицухару?

Мицухару с радостью закивал.

Той же ночью несколько всадников спешно выехали в крепость Камэяма.

С наступлением четвертой стражи Мицухидэ внезапно проснулся. А спал ли он вообще? Или все это время что-то обдумывал, взвешивал, прикидывал и в конце концов принял совершенно иное решение? Потом натянул повыше одеяло, зарылся лицом в подушку и вновь попытался заснуть.

Что это: туман или дождь? Шум волн на озере или ветер с горы Хиэй? Ветер выл над крышей всю ночь. И хотя внутри дома путь ему был закрыт, пламя свечи у изголовья Мицухидэ металось так отчаянно, словно его сотрясала нечистая сила.

Мицухидэ повернулся с бока на бок. Хотя ночи в это время года короткие, ему казалось, будто утро никогда не наступит. И уже, казалось бы, засыпая, он еще раз сбросил одеяло и сел в постели.

– Есть тут кто-нибудь? – крикнул он в ту сторону, где спали оруженосцы.

Дверная перегородка раздвинулась, и возникший на пороге оруженосец преклонил колена.

– Немедленно позови Матабэя, – распорядился Мицухидэ.

Все воины сейчас спали в отведенных для них помещениях, но, поскольку передовой отряд был накануне вечером отправлен в Камэяму, остальные пребывали в напряжении, не зная, когда именно объявит о своем отъезде их господин. Перед тем как лечь спать, они собрали все свои пожитки и держали под рукой вместе с дорожным платьем.

– Вы звали меня, мой господин?

Ёмода Матабэй не заставил себя долго ждать. Это был молодой человек крепкого сложения. Мицухидэ выделял его среди других. Сейчас он подозвал к себе юношу и прошептал ему на ухо какое-то распоряжение.

Получив тайный приказ, Матабэй пришел в волнение, и это легко можно было прочесть у него на лице.

– Я отправлюсь немедленно! – воскликнул он, всем своим видом демонстрируя благодарность за оказанное ему доверие.

– В тебе сразу же углядят воина Акэти, поэтому отправляйся поскорей – еще до рассвета. Не теряй благоразумия и постарайся не совершить никакой ошибки.

За окном все еще было темно, и, только когда начало светать, Мицухидэ наконец уснул. Против обыкновения он не покидал свои покои чуть ли не до полудня. Многие из его приверженцев полагали, что отъезд в Камэяму состоится именно сегодня, и они с минуты на минуту ждали приказа своего господина. Поэтому позднее его пробуждение повергло их в немалое изумление.

Примерно в полдень из большого зала донесся спокойный голос Мицухидэ:

– Вчера весь день я провел в горах, и нынче ночью впервые за долгое время мне хорошо спалось. Наверное, поэтому сегодня я чувствую себя превосходно. Судя по всему, моя простуда прошла.

Радостные взгляды, которыми обменивались в связи с этим его приверженцы, свидетельствовали о том, что у них на душе полегчало. Вскоре после этого Мицухидэ огласил приказ:

– Нынешним вечером, во второй половине часа Петуха, мы покинем Сакамото, переправимся через реку Сиракава, пройдем севернее Киото и возвратимся в Камэяму. Всем быть в полной боевой готовности.

Более трех тысяч воинов должны были отправиться с ним в Камэяму. Близился вечер. Мицухидэ переоделся в дорожное платье и пошел разыскивать Мицухару.

– Поскольку мне предстоит поход в западные провинции, я не знаю, когда вернусь. Нынешним вечером мне хотелось бы поужинать с тобой и с твоим семейством.

И вот перед отъездом Мицухидэ состоялся семейный ужин.

Старшим за столом был чудаковатый дядюшка Мицухидэ шестидесятишестилетний Тёкансай. Приняв монашество и отличаясь отменным здоровьем, он без устали балагурил. Сейчас он сидел за столом рядом с семилетним сыном Мицухару и добродушно его поддразнивал.

Но с начала до конца трапезы жизнерадостный старик оставался за столом единственным человеком, уста которого озаряла улыбка. Не ведая о подводных рифах, всерьез угрожающих самому существованию клана Акэти, он просто вверил свою оставшуюся жизнь кораблю, несшему его наравне с другими по бурному морю, и был столь же безмятежен, как всегда.

– Здесь так хорошо. Мне кажется, будто я вернулся к себе домой. Старина, передай-ка эту чашечку Мицутаде.

Мицухидэ передал чашечку Тёкансаю, который в свою очередь протянул ее Мицутаде.

Мицутада был комендантом крепости Хатидзё. Он прибыл только сегодня. Мицутада доводился Мицухидэ и Мицухару двоюродным братом и был младше их обоих.

Мицутада отпил из чашечки и передал ее через стол Мицухидэ. Жена Мицухару стала наливать сакэ из графинчика, чашечка в руке Мицухидэ внезапно дрогнула. Не таким он был человеком, чтобы испугаться, заслышав шум чьих-нибудь шагов или что-то в том же роде, но сейчас дело обстояло именно так. У ворот начали бить в барабан, и лицо Мицухидэ сделалось мертвенно бледным.

Тёкансай, повернувшись к нему, сказал:

– Скоро час Петуха, значит, это играют сбор для вашего войска.

Мицухидэ, казалось, впал в еще большее уныние.

– Конечно, – пробормотал он каким-то обреченным тоном и осушил последнюю чашечку.

Через час он уже был в седле. Небо постепенно светлело. Три тысячи воинов с зажженными факелами покинули высящуюся на берегу озера крепость и двинулись в предгорья Симэйгатакэ. Был вечер двадцать шестого числа.

С крепостной башни Мицухару следил за удаляющимися войсками брата. Позже он сформирует полк в Сакамото из собственных приверженцев и соединится с основным войском в Камэяме.

Воины Мицухидэ двигались без передышки, не устраивая привалов. Ровно в полночь с южного склона Симэйгатакэ им открылось зрелище спящего Киото.

Для того чтобы переправиться через реку Сиракава, им предстояло спуститься по склону горы Урию и выйти на дорогу южнее храма Итидзё. До этого они все время шли круто в гору, а теперь начинался спуск.

– Привал!

Мицутада передал по цепочке приказ Мицухидэ.

Мицухидэ и сам спешился и позволил себе немного отдохнуть. Если бы не ночь, отсюда

можно было бы видеть столичные улицы. Но сейчас город был погружен во тьму, и он мог разглядеть только силуэты храмов и пагод да широкую реку.

– А что, Ёмода Матабэй еще не появился?

– Я не видел его с прошлого вечера. Вы его послали с каким-нибудь поручением, мой господин?

– Совершенно верно.

– И куда же?

– Скоро узнаете. Как только он появится, немедленно пришлите его ко мне. Даже на марше.

– Хорошо, мой господин.

Мицухидэ продолжал жадно всматриваться в темные силуэты построек, но то ли стало уже чуть светлее, то ли глаза Мицухидэ привыкли к темноте, но теперь он постепенно начал различать отдельные достопримечательности столицы. Ярче всего на темном фоне выделялся построенный из белого камня дворец Нидзё.

Именно на него и взирал сейчас с волнением Мицухидэ. Во дворце жил сын Нобунаги князь Нобутада. И в нем поселился Токугава Иэясу, несколько дней назад переехавший из Адзути в столицу.

«Впрочем, князь Иэясу мог уже и столицу покинуть», – подумал Мицухидэ.

Наконец он поднялся с места. Вслед за ним вскочили на ноги его военачальники.

– Выступаем! Моего коня!

Приверженцы Мицухидэ в последние дни не поспевали за прихотливостью его настроений, и это приводило их в отчаяние. Порой он был скорее похож на горемычного сироту, а не на вождя самурайского клана.

Спуск во тьме воинам, обеспечивавшим безопасность князя, дался нелегко. Окружая его со всех сторон и ориентируясь исключительно по голосам, они в конце концов достигли столичной окраины.

Когда тысячи человек, конных и пеших, вышли к реке Камо, они на миг застыли в изумлении, глядя на алую воду реки. Все, словно по команде, оглянулись назад: там над гребнями гор у них за спиной уже всходило солнце.

Военачальник, ведающий провиантом, обратился к Мицутаде:

– Будем кормить войско здесь или на привале в Нисидзине?

Мицутада хотел было посоветоваться об этом с Мицухидэ, но как раз в этот момент Ёмода Масатака нагнал князя, и они сейчас, стоя рядом, пристально глядели в сторону реки Сиракава, которая уже осталась позади. Мицутада терпеливо ждал.

– Масатака, это Матабэй? – спросил Мицухидэ.

– Думаю, что так.

Мицухидэ и Масатака глядели на всадника, стремительно нагонявшего войско в утреннем тумане.

– Да, это Матабэй! – И Мицухидэ придержал коня, дожидаясь своего верного служаку, а окружающим его военачальникам приказал: – Переходите реку. Я вас догоню.

Передовые части уже шли вброд через Камо на другой берег, на поверхности реки взыграла белая пена. Один за другим военачальники Акэти переправлялись со своими воинами на другой берег.

Мицутада, решив, что настало удобное время, спросил:

– Где будем завтракать? В Нисидзине?

– Да. Конечно, все уже голодны, но в черте города устраивать привал мы не имеем права. Придется потерпеть до Китано, – ответил Мицухидэ.

Примерно в двадцати кэнах от него прибывший Ёмода Матабэй уже спешился и привязывал лошадь к бревну, торчащему из воды.

– Мицутада и Масатака, отправляйтесь на другой берег и вы! И ждите меня там. Я скоро вас догоню.

После того как Мицутада и Масатака удалились, Мицухидэ в первый раз за все время позвал Матабэя к себе.

– Да, мой господин!

– Что происходит в Адзути?

– Доклад, сделанный вам ранее Аmano Гэнъэмоном, соответствует действительности.

– Я послал тебя вслед за ним, чтобы получить однозначный ответ относительно того, действительно ли князь Нобунага покидает столицу двадцать девятого и кого он с собой берет. Сказать, что прежний доклад соответствует действительности, – суцая отговорка. Ясно и недвусмысленно доложи обо всем, что тебе удалось узнать.

– Твердо известно, что он выступает из Адзути двадцать девятого. Имена военачальников, которые с ним отправятся, мне установить не удалось. Но объявлено, что, кроме них, в свите будут находиться сорок – пятьдесят оруженосцев и личных слуг.

– И где же он остановится, прибыв в Киото?

– В храме Хонно.

– Как это так – в храме Хонно?

– Именно там, мой господин.

– А не во дворце Нидзё?

– Все в один голос говорят, что он остановится в храме Хонно, – уверенно, дабы не навлечь на себя новой вспышки гнева, заявил Матабэй.

Храм Бога огня

В середине глинобитной стены, огораживавшей храмовый комплекс, имелись большие ворота, а вокруг каждого из малых храмов – отдельная изгородь с хорошо укрепленным входом. Сосновая роща, похожая на дзэн-буддийский сад, была тщательно ухожена. Солнечный свет и пение птиц только усиливали разлитое здесь ощущение покоя и мира.

Привязав лошадей к деревьям, Мицухидэ с приверженцами поели, объединив завтрак и обед в одну трапезу. Поначалу планировалось устроить привал на реке Камо, но потом Мицухидэ решил отложить привал до прибытия в Китано.

Воинам раздали дневной запас провианта: сырую бобовую пасту, маринованные сливы, бурый рис. Они ничего не ели с вечера и сейчас жадно набросились на еду.

Трое или четверо монахов из расположенного неподалеку храма Мёсин, узнав во вновь прибывших членов клана Акэти, пригласили их к себе.

Мицухидэ сидел на походном стуле под навесом, наскоро оборудованном его личными слугами. Он уже поел и сейчас диктовал писарю какое-то послание.

– Жрецы храма Мёсин... их можно использовать в качестве гонцов! Кликни-ка их! – приказал он своему юному прислужнику.

Когда жрецы возвратились, Мицухидэ вручил им только что законченное письмо.

– Не будете ли вы так добры немедленно доставить это письмо в дом поэта Сёхи?

Сразу же после этого он поднялся с места и пошел туда, где паслась его лошадь, по пути объясняя монахам:

– К сожалению, мы сейчас очень спешим. Мне придется отказаться от встречи с настоятелем. Передайте ему, пожалуйста, мои сожаления.

После полудня жара усилилась. Дорога на Сагу была на редкость сухой, и конские копыта вздымали в воздух тучи пыли. Мицухидэ ехал молча, с присущей ему тщательностью обдумывая ход дальнейших событий, мысленно взвешивая уязвимость собственных планов, оценивая возможное недовольство соратников и не исключая провала всей затеи. Нынешний замысел Мицухидэ назойливо будоражил мысль, подобно оводу, который неизменно возвращается, сколько ни гони его прочь, подобно наваждению, преследовавшему его и во сне и наяву, изматывая и душу и тело. Он попросту утратил способность мыслить здраво.

За все прожитые им пятьдесят четыре года Мицухидэ еще ни разу не доводилось действовать вот так, на свой страх и риск, как сейчас. И никогда еще он не чувствовал себя настолько уверенным в себе. Казалось бы, все должно быть наоборот, у него было достаточно оснований усомниться в правильности своего решения, но увы... «Я не совершил ни единой, даже самой ничтожной ошибки, – думал Мицухидэ. – Никто не может догадаться о том, что у меня на уме».

Пребывая в Сакамото, он терзался сомнениями: стоит осуществлять свой замысел или нет? Но нынешним утром, услышав повторный доклад, он окончательно уверовал в собственную правоту, хотя в глубине души и был потрясен своей решимостью. Час пробил, само Небо дарует ему эту возможность. Нобунага в сопровождении всего сорока или пятидесяти легковооруженных охранников избирает временной резиденцией храм Хонно в Киото. Бес, уже овладевший душой и разумом Мицухидэ, нашептывал ему, что такую возможность упускать нельзя.

Его решение нельзя было, строго говоря, назвать сознательным волеизъявлением, скорее это была вынужденная реакция на сложившиеся обстоятельства. Люди порой пребывают всю жизнь в убеждении, что действуют всегда в соответствии с собственной волей, хотя жестокая

истина заключается в том, что все их поступки диктуются обстоятельствами. Вот и Мицухидэ сейчас, будучи твердо убежден в том, что ему покровительствует само Небо, в то же время страшился гнева Небес.

Мицухидэ переправился через реку Кацура и тем же вечером прибыл в свою крепость Камэяма. Как раз в эти минуты солнце скрылось за горизонтом. Заранее оповещенные о прибытии своего господина, жители города встретили его праздничным фейерверком. Мицухидэ был мудрым правителем и пользовался любовью подданных.

Количество дней в году, проводимых Мицухидэ в кругу семьи, можно было пересчитать по пальцам одной руки. У него было семь дочерей и двенадцать сыновей. Примерно две трети их уже жили отдельно от родителей или были усыновлены другими семействами, но несколько младших детей, множество внуков и прочих родичей по-прежнему обитали в крепости.

Его жена Тэруко часто вздыхала:

– Когда наконец мне больше уже не придется приглядывать за детьми?

Она брала под свое крыло детей приверженцев, павших на поле боя, и даже незаконнорожденных детей Мицухидэ. Эта благородная и мудрая женщина относилась к материнским обязанностям с великим рвением, и, хотя ей уже исполнилось пятьдесят, она посвящала детям все свое время.

С тех пор как Мицухидэ пришлось покинуть Адзути, он не знал покоя, во всяком случае – равного домашнему, и нынешней ночью он спал спокойно. Да и на следующий день свидание с женой и с детьми воздействовало на него лучше всякого лекарства.

Можно было предположить, что радость от встречи с родными побудит Мицухидэ отказаться от задуманного, но это было не так. Он не колебался. Напротив, сейчас в его душе возник еще один, куда более честолюбивый замысел.

Тэруко стала его женой, когда он еще не состоял ни у кого на службе. Счастливая тем, что есть, она сейчас ни о чем, кроме детей, и не думала. Молча взирая на нее сейчас, Мицухидэ мысленно обращался к ней: «Твой муж отныне станет другим. Скоро все будут смотреть на тебя с благоговением – как на супругу следующего сёгуна». И, окинув взглядом свое многочисленное семейство, он предался тщеславным грезам: «Не жить вам больше в этой захолустной крепости. Я поселю вас во дворце, еще более изысканном, чем тот, что в Адзути. Насколько счастливее тогда станет ваша жизнь!»

Позже в тот день Мицухидэ выехал из крепости в сопровождении всего нескольких ближайших приверженцев. Причем не тех, кто сопровождал его постоянно. Сам Мицухидэ был в обычном, не воинском, обличье. И хотя никто ничего не объявлял, даже стражники у крепостных ворот знали, что их господин намеревается провести ночь в храме Атаго.

Перед выступлением на запад Мицухидэ направился в храм в сопровождении лишь ближайших друзей помолиться и попросить у Небес удачи в ратном деле. Он решил устроить в храме поэтический вечер, а на следующий день вернуться в крепость.

Когда Мицухидэ объявил о том, что едет в храм помолиться и приглашает туда несколько друзей из столицы, никто не догадывался о том, что он на самом деле замыслил.

Двадцать слуг и полдюжины конных охранников были одеты почти по-домашнему – даже на соколиную охоту одеваются иначе, не столь легко. Накануне монахов из храма Итокуин и жрецов из Атаго предупредили о прибытии Мицухидэ, поэтому сейчас там готовились к встрече со своим господином. Едва спешившись, Мицухидэ пожелал видеть монаха по имени Гёю, а когда тот явился, спросил:

– А что, Сёха приедет?

Гёю ответил, что знаменитый поэт уже прибыл и поджидает Мицухидэ.

– Вот как? Он уже здесь? Прекрасно! А других стихотворцев он с собой привез?

– Судя по всему, у господина Сёхи было мало времени на приготовления к этой поездке. Он получил ваше приглашение только вчера вечером и не смог связаться ни с кем из тех, кого ему хотелось пригласить. Он привез с собой собственного сына Синдзэна, а кроме того, ученика по имени Кэннэ и родича по имени Сёсицу.

– Вот как? – Мицухидэ рассмеялся. – Он, наверное, на меня рассердился? Конечно, с моей стороны это было весьма безрассудной просьбой, но, уже столько раз выказав ему свое восхищение отправкой паланкинов и эскортных, я решил, что сейчас будет приятней и в какой-то мере забавней, если и на него падет часть хлопот, связанных с нашей встречей. Вот почему я пригласил его сюда столь внезапно. Но, как и следовало ожидать, Сёха даже не подумал о том, чтобы сказаться больным. И сразу же отправился в горы.

Мицухидэ пошел вверх по крутой и высокой каменной лестнице. Двое монахов возглавляли шествие, а спутники Мицухидэ замыкали его. Каждый раз, когда им казалось, будто они уже вышли на ровную площадку, впереди их ждал очередной подъем. Отсюда, сверху, кипарисы казались еще зеленее, а темно-фиолетовое, уже почти вечернее небо – еще темнее. Чувствовалось скорое наступление тьмы. С каждым шагом вверх становилось все холоднее: на вершине горы воздух значительно прохладней, чем у ее подножия.

– Господин Сёха приносит вам извинения, – сказал Гёю, когда они с Мицухидэ вошли в гостевые покои храма. – Он вышел бы поприветствовать вас, но ему кажется, что вы сначала хотите помолиться, и он собирается выйти к вам уже после этого.

Мицухидэ молча кивнул. Потом, выпив чашку воды, осведомился у своего вожатого:

– Как мне пройти к главному алтарю божества? Мне хотелось бы начать там, а потом, пока не стемнело, посетить храм Атаго.

Жрец повел его по идеально расчищенной тропинке. Они вошли во внешние приделы храма, жрец зажег священные свечи. Мицухидэ низко поклонился и какое-то время стоял, молча творя молитву. Трижды жрец помахал веткой священного дерева над головой Мицухидэ и каждый раз после этого подавал ему глиняную чашу со священным сакэ.

– Мне доводилось слышать, что этот храм посвящен Богу Огня. Так ли это? – осведомился Мицухидэ.

– Точно так, мой господин, – отозвался жрец.

– И еще мне доводилось слышать, что если, помолившись этому богу, ты воздержишься от употребления огня, то твои молитвы будут услышаны.

– Так утверждают с незапамятных времен. – Жрец ответил уклончиво и в свою очередь задал вопрос Мицухидэ: – Интересно, откуда это пошло? – но тут же, сменив тему разговора, стал излагать историю храма.

Рассказ жреца вскоре наскучил Мицухидэ, и он принялся разглядывать священные фонари во внешнем приделе. В конце концов он молча поднялся с места и пошел вниз по лестнице. Уже совсем стемнело, когда он дошел до храма Атаго. Оставив монахов, Мицухидэ в одиночестве прошел в храм, посвященный сёгуну Дзидзо. Здесь он решил попытать счастья, но первый же вытянутый им жребий сулил ему неудачу. Он вытянул второй жребий – и в нем значилась неудача. На мгновение Мицухидэ оцепенел, словно превратившись в камень. Подняв коробку, в которой лежали жребии, он благоговейно поднес ее ко лбу, закрыл глаза и вслепую вытянул третий жребий. На этот раз ему была обещана «Великая удача».

Мицухидэ повернулся и пошел к поджидавшим его снаружи приверженцам. Издали они наблюдали за тем, как их господин тянул жребий, но расценили это как всего лишь пустую забаву. Как-никак Мицухидэ был не только просто умным, но и предельно рассудительным человеком. Трудно было предположить, что он примет важное решение, основываясь на подобном предсказании.

В свежей листве светили яркие фонарики, озаряя гостевые покои храма. Сёхе и другим стихотворцам предстояло нынешней ночью писать, нанося на бумагу слагаемые ими стихи.

Ночное торжество началось пиром, на котором Мицухидэ была отведена роль почетного гостя. Гости веселились, смеялись и выпили такое количество сакэ, что, казалось, за праздной беседой напрочь забыли о поэзии.

– Летние ночи коротки, – провозгласил устроитель пира, которым конечно же был настоятель храма. – Уже поздно, и я боюсь, мы не успеем написать до рассвета ста связанных между собою стихотворений.

В соседней комнате для поэтов уже были разложены нарядные подушки для сидения и приготовлены тушечницы, палочки туши, кисточки и бумага, дабы вдохновить стихотворцев на сочинение изысканных строк.

И Сёха, и Сёсицу были известными поэтами. Сёху высоко почитал сам Нобунага, он водил знакомство с Хидэёси и с самыми знаменитыми мастерами чайной церемонии. С ним дружили и его любили многие.

– Что ж, мой господин, мы ждем. Ваше стихотворение должно быть первым, – сказал Сёха.

Мицухидэ меж тем еще не брался за кисточку. Он сидел неподвижно и, казалось, вглядывался во тьму ночного сада, где шелестели листья.

– Кажется, вы уже что-то сочиняете, – подзадорил его Сёха.

Мицухидэ взялся за кисточку и написал:

*Известно всей стране,
Какое время ныне
У нас в пятом месяце.*

На поэтических вечерах, подобных этому, все участники по очереди добавляют к первому стиху из трех строк свои строки, сходные по смыслу, пока общее число их не достигнет пятидесяти или ста. Нынешний вечер начался стихотворением Мицухидэ. И заключительное двестишесте, связующее всю сотню строк воедино, было также сочинено Мицухидэ:

*Пора для провинций
Покоя и мира.*

После того как монахи погасили фонарики и удалились, Мицухидэ почти сразу же уснул. Едва он коснулся головой подушки, горный ветер за окном разбушевался с такой силой, сотрясая деревья и крышу, словно взъярилось мифическое длинноносое чудовище Тэнгу. И тут Мицухидэ вспомнил, что рассказал ему жрец в храме Бога Огня. И мысленно представил себе, как ярится в черном, крошечном-черном небе чудовище Тэнгу.

Тэнгу глотает огонь и взмывает в небеса. Великий Тэнгу и неисчислимое множество малых Тэнгу превратились в пламя и оседлали черный ветер. Когда пламя упало на землю, храм Бога Огня воспылал неугасимым костром.

Ему хотелось спать. Ему страшно хотелось спать. Но все-таки Мицухидэ повернулся на другой бок и принялся размышлять о том, что будет завтра. Он знал, что завтра Нобунага отправится из Адзути в Киото.

И вот смутная грань между явью и сном начала ступенькаться. И Мицухидэ ощутил себя огненным чудовищем Тэнгу. Тэнгу выспался на небесах и окидывал огненным взглядом всю страну. И то, что он увидел, сулило полный успех. На западе Хидэёси безуспешно пытался

овладеть крепостью Такамацу, сражаясь с войском Мори. Если Мицухидэ удастся заключить союз с Мори, войско Хидэси, изнуренное многолетними походами, будет уничтожено на западе и никогда не сможет вернуться в столицу.

Токугава Иэясу, находящийся сейчас в Осаке, не раз уже доказал свое умение выкручиваться при любых обстоятельствах. Узнав о гибели Нобунаги, он поведет себя в зависимости от того, что именно сумеет предложить ему Мицухидэ. Хосокава Фудзитака, конечно, поначалу разгневется, но он женат на дочери Мицухидэ и дружит с ним уже долгие годы. Значит, и на его помощь тоже можно будет рассчитывать.

У Мицухидэ отчаянно билось сердце. Кровь стучала в висках, горели уши. Ему казалось, будто вернулась молодость. «Тэнгу» перевернулся на другой бок. Мицухидэ застонал.

– Мой господин? – Проснувшийся в соседней комнате Сёха встревоженно окликнул его. – В чем дело, мой господин?

Мицухидэ расслышал его вопрос, но намеренно ничего не ответил. Сёха сразу же вновь уснул.

Короткая ночь вскоре миновала. Рано встав, Мицухидэ попрощался со всеми и отправился в путь, не дожидаясь, пока рассеется утренний туман.

Тридцатого числа Мицухару со своим полком прибыл в Камэяму и присоединился к Мицухидэ. Приверженцы клана Акэти съехались сюда из всей провинции, пополняя и без того уже внушительную армию из Сакамото. Крепостной город был переполнен людьми, лошади и воловьши упряжки мешали передвигаться по улицам, военное снаряжение штабелями лежало на обочинах. Солнце светило ярко, казалось, внезапно настал самый разгар лета. Все пили и ели вволю, пешие воины с трудом протискивались между повозками, над бесчисленными кучами навоза жужжали тучи мух.

– Ты полностью поправился? – спросил Мицухару у Мицухидэ.

– Как видишь, – улыбнулся тот.

Он пребывал сейчас в прекрасном настроении, и на щеках у него играл румянец.

– Когда планируешь выступить?

– Решил еще немного повременить. Выступлю в первый день шестого месяца.

– А как к этому отнесутся в Адзути?

– Я послал туда депешу, но князь Нобунага, мне кажется, уже в Киото.

– Докладывают, что он благополучно прибыл туда вчера вечером. Князь Нобутада остановился в храме Мёкаку, а князь Нобунага – в храме Хонно.

– Да, я слышал. – И Мицухидэ многозначительно замолчал.

Мицухару внезапно поднялся с места:

– Я давным-давно не видел твоих жену и детей. Пойду засвидетельствую им свое почтение.

Мицухидэ проводил его взглядом. Он выглядел так, будто у него перехватило дыхание – ни сглотнуть, ни сплюнуть.

Через две комнаты от него один из его приверженцев Сайто Тосимицу обсуждал с другими военачальниками план предстоящей кампании. Склонившись над картой, они о чем-то заспорили. Тосимицу вышел из комнаты, чтобы поговорить с Мицухидэ.

– Вы собираетесь отправить обоз в Санъин до выступления войска?

– Обоз?.. Да нет... Нам не понадобится высылать его вперед.

Тут в комнату заглянул Тёкансай, дядя Мицухидэ, только что прибывший в Камэяму вместе с Мицухару.

– Ах, вот как! Его тут нет! Куда это запропастился князь Сакамото? Кому-нибудь об этом известно?

Он огляделся по сторонам, недоуменно тараща глаза. Преклонные лета не мешали ему

оставаться жизнерадостным, как дитя, за что над ним исподтишка посмеивались. Даже когда военачальники готовились к трудной кампании, Тёкансай продолжал шутить. Сейчас он повсюду искал Мицухару. Но стоило ему попасть на женскую половину дома, и женщины и дети радостно приветствовали его:

– Господин Балагур! К нам приехал господин Балагур!

– Господин Балагур! Когда ты сюда приехал?

Дети были просто счастливы встрече с ним и тараторили не умолкая.

– Ты останешься ночевать, господин Балагур?

– Господин Балагур, ты не проголодался?

– Возьми меня на руки, господин Балагур!

– Спой нам песенку!

– Спляши!

Они возились с ним, играли, карабкались к нему на колени, висли на нем, даже заглянули ему в уши.

– Господин Балагур! А у тебя в ушах волосинки растут!

– Одна, две...

– Три, четыре волосинки!

Девочки хором считали волосинки, а мальчик забрался Тёкансаю на спину, пытаясь пригнуть его голову к полу.

– Будем играть в лошадку! Будем играть в лошадку!

Тёкансай покорно наклонился, но затем неожиданно отпрянул назад, и малыш повалился на спину. Служанки и слуги хохотали, держась за животы.

Даже когда стемнело, возня и забавы не прекратились. На женской половине дома сейчас царило такое веселье, а в покоях у Мицухидэ – такое напряжение и такая тревога, что первая казалась вешним лугом, а вторые – заснеженным болотом.

– Дядюшка, ты уже стар, – сказал Мицухару, – и поэтому оставайся-ка лучше здесь, с семьей. Нечего тебе делить с нами превратности похода. Я поговорю об этом с нашим господином.

Тёкансай, поглядев на племянника, расхохотался:

– Да уж, наверное, вот так я встречу свой смертный час. А здесь ребятишки все равно не дадут мне покоя.

Уже совсем стемнело, и от него ждали одну из его знаменитых в кругу семьи страшных сказок.

Это был вечер накануне выступления в поход. Мицухару предполагал, что сегодня должен состояться военный совет, но поскольку ничего подобного не замечалось, он удалился в отведенные ему покои и лег спать.

На следующий день Мицухару с нетерпением ждал приказа о выступлении, но его так и не последовало. И вновь настала ночь, и вновь дворец, казалось, просто вымер. Мицухару послал приверженца выяснить, что происходит, но тот, вернувшись, сообщил, что князь Мицухидэ уже поживает. Мицухару насторожился, но ему ничего не оставалось, кроме как отправиться спать самому.

Примерно в полночь Мицухару разбудили негромкие голоса, донесшиеся из помещения стражников, находившегося поблизости от его комнаты. Затем он услышал торопливые шаги, которые замерли у его двери.

– Кто здесь? – настороженно спросил Мицухару.

Стражник шагнул внутрь и, обнаружив бодрствующего Мицухару, на мгновение

замешкался, а затем простерся ниц.

– Князь Мицухидэ ожидает вас в главном зале.

Мицухару встал и поспешно оделся, осведомившись, который час.

– Первая половина часа Крысы, – ответил страж.

Мицухару вышел в кромешно-темный коридор. Увидев у своей двери коленопреклоненного Сайто Тосимицу, явно ожидавшего его, он не мог понять причины внезапной тревоги среди глубокой ночи.

Тосимицу, держа в руке свечу, возглавил шествие. На неблизком пути по извилистому коридору они никого не встретили. Большинство обитателей и гостей крепости, должно быть, спали мирным сном в главной цитадели, но здесь ощущалось какое-то напряженное ожидание. Мицухару показалось, будто большинство мужчин уже собрались в двух или трех просторных комнатах.

– А где его светлость?

– У себя в опочивальне.

Тосимицу осветил свечой дверь, ведущую в анфиладу покоев Мицухидэ, и взглядом предложил Мицухару войти. Он открыл тяжелую дверь, впустил Мицухару и сразу же снова ее закрыл. Лишь в дальнем конце анфилады – в опочивальне Мицухидэ – сейчас горел слабый свет.

Заглянув в опочивальню, Мицухару не увидел там ни слуг, ни оруженосцев. Мицухидэ пребывал в одиночестве. Одетый в летнее кимоно белого цвета, он сидел, опершись о подушку, положив возле себя свой большой меч.

Свет лампы был так слаб, потому что она горела под бледно-зеленой москитной сеткой, защищавшей Мицухидэ от москитов. Когда он спал, сетка была опущена со всех сторон, но сейчас ее полог был откинут и закреплен на бамбуковой палке.

– Входи, Мицухару, – сказал он.

– Что все это значит? – спросил Мицухару, опускаясь на колени перед двоюродным братом.

– Мицухару, ты готов рискнуть ради меня жизнью?

Мицухару молча стоял на коленях, как будто его поразила внезапная немота. Глаза Мицухидэ пылали каким-то странным огнем. Его вопрос был прост и прям – но именно этих слов и страшился Мицухару с самого возвращения брата из Адзуты в Сакамото. И вот Мицухидэ наконец заговорил, и, хотя Мицухару это, строго говоря, не удивило, кровь застыла у него в жилах.

– Или ты, Мицухару, пойдешь против меня?

Но Мицухару по-прежнему молчал. А теперь замолчал и Мицухидэ. Он был сейчас очень бледен – и не по причине слабого освещения: бледность выдавала то, что творилось у него в сердце.

Мицухару интуитивно понимал, что Мицухидэ призвал его, уже имея в виду нечто вполне определенное. В стене, за противомоскитной сеткой, был потайной шкаф, в котором вполне мог поместиться вооруженный воин. Золотые блески на дверце шкафа, казалось, лучились жадной крови прячущегося там убийцы.

Справа от Мицухару находилась большая раздвижная дверь. За ней сейчас царил полная тишина, но там вполне могли оказаться Сайто Тосимицу и еще несколько самураев, готовых наброситься на него по первому слову Мицухидэ. Но бессердечие и вероломство, проявленные Мицухидэ, не разгневали Мицухару: единственным чувством, которое он испытывал сейчас, была жалость к этому человеку. Куда подевалась мудрость, которой он отличался с юных пор? Теперь Мицухару казалось, будто перед ним живой мертвец.

– Мицухару, я не слышу твоего ответа! – Мицухидэ подался всем корпусом вперед, и Мицухару ощутил на себе горячее, как в лихорадке, дыхание двоюродного брата.

– А почему ты хочешь, чтобы я рискнул ради тебя жизнью? – ответил он наконец вопросом на вопрос.

Мицухару прекрасно понимал, что именно замышляет Мицухидэ, и нарочно разыгрывал неведение. Он все еще надеялся тем или иным способом удержать брата от безумной затеи.

Услышав наконец ответ Мицухару, Мицухидэ пришел в еще большее неистовство. Жилки у него на висках вздулись так сильно, что казалось, вот-вот лопнут. Он заговорил зловецким голосом:

– Мицухару, известно ли тебе, что нечто сдает меня с тех пор, как я покинул Адзути?

– Это любому понятно.

– Но если так, то к чему твой недоуменный вопрос? К чему вообще слова? «Да» или «нет» – вот все, чего я от тебя жду.

– Мой господин, почему же вы отказываетесь говорить на эту тему? Ведь от ваших слов зависит не только судьба клана Акэти, но и будущее всей нашей страны.

– Что ты несешь, Мицухару?

– Просто не могу себе представить, что ты, что именно ты решился на такое. – По щекам у Мицухару потекли слезы, он придвинулся поближе к Мицухидэ и положил обе руки на пол в знак вящего почтения. – Никогда я еще не ошибался в человеческой натуре так сильно, как нынешней ночью. Когда мы оба были молоды и вместе занимались науками в доме моего отца... что мы читали, что мы изучали? Есть ли где-нибудь во всех древних книгах, во всех преданиях хоть одно слово о том, что человек имеет право убить своего господина?

– Спокойней, Мицухару, тебя трудно понять.

– Да разве ты хочешь меня понять? Ты тут спрятал убийц, только и ждущих твоего знака. Мой господин... я никогда не сомневался в вашей мудрости. Но сейчас, увы, мне кажется, что вы страшно переменялись.

– Слишком поздно, Мицухару.

– Дай же мне сказать!

– Это бессмысленно.

– Все равно позволь, даже если это бессмысленно.

По щекам у Мицухару катились горькие слезы. Они увлажняли его по-прежнему покоящиеся на полу руки.

Тут послышался какой-то шорох за потайной дверью. Возможно, убийце надоело томиться в праздности и он решил, что пора браться за дело. Но Мицухидэ еще не подал ему знака. Он отвернулся от своего, теперь уже в голос рыдающего, двоюродного брата.

– Ты постиг многие науки, ты куда мудрее и опытнее большинства людей, ты вступил в тот возраст, когда от человека ждут истинной мудрости в словах и в мыслях, – продолжал сквозь рыдания Мицухару. – Я человек невежественный, и мне не найти нужных слов. Но даже такому, как я, понятен смысл слова «верность», даже такой, как я, может размышлять над этим словом, пока оно не станет частицей собственной души. И хотя ты прочитал десять тысяч книг, все это пойдет прахом, если ты забудешь смысл этого слова, одного-единственного слова. Мой господин, вы меня слышите? Мы принадлежим к древнему воинскому роду. Неужели вы запятнаете честь наших предков? А вы подумали о ваших собственных детях и об их потомках? Подумайте о позоре, который вы можете навлечь на бесчисленные поколения!

– Обо всем этом можно толковать без конца, – возразил Мицухидэ. – Но то, что я собираюсь совершить, не обесчестит их, а, напротив, озарит лучами славы. Не пытайся отговаривать меня. Ночь за ночью я мысленно взвешивал все те доводы, которые ты приводишь, обдумывая их вновь и вновь. Оглядываясь назад, на прожитые мною годы, я понимаю, что никогда не подвергся бы подобному унижению, не будь я по праву рождения самураем. Но о

таким возмездии я тогда был бы не вправе и думать.

– Да как раз потому, что ты самурай по рождению, ты не смеешь восстать на своего господина, как бы он тебя ни обидел!

– Нобунага восстал на сёгуна. И всем известно, как ухудшил он свою карму из-за того, что предал огню гору Хиэй. Посмотри, что стало с его старшими соратниками, – с Хаяси, с Сакумой, с Араки. Их трагическая участь не может не волновать меня.

– Мой господин, вы получили во владение целую провинцию. Наш клан не испытывает ни в чем недостатка. Подумайте о милостях, которыми он одарил вас.

В это мгновение Мицухидэ утратил самообладание, и речь его забурлила, как вышедшая из берегов река.

– Велика ли милость – получить столь незначительную провинцию, как эта? Такое я бы осилил и без чужой помощи, даже не обладая особыми дарованиями. Как только он выжмет из меня все, что захочет, я стану для него в Адзуги домашним псом, которого кормят объедками. Или, может, он сочтет меня бесполезной игрушкой? Он ведь даже поставил начальником над мной Хидэёси и отправил меня в Саньин. И если уж это – не смертельное оскорбление для всего клана Акэти, то я просто не знаю, чего нам ждать еще? Я самурай по рождению, во мне течет кровь многих поколений славных воинов. Неужели ты думаешь, что я соглашусь закончить свои дни мальчиком на побегушках у этого самодура? Или, Мицухару, ты не понимаешь, что душа у Нобунаги черна, как ночь?

Мицухару продолжал сидеть все в той же позе на полу, не говоря ни слова. Затем задал вопрос:

– А кого ты успел посвятить в свои намерения?

– Не считая тебя, еще десяток моих самых верных приверженцев. – Переведя дыхание, Мицухидэ огласил брату их имена.

Мицухару закатил глаза и жалобно застонал.

– Что мне сказать после этого?

Мицухидэ быстро бесшумно приблизился к брату и схватил его левой рукой за ворот.

– Значит, все-таки «нет»? – спросил он. Правой рукой он сжимал кинжал, а левой тряс Мицухару за ворот с чудовищной силой. – Или тем не менее «да»?

Голова Мицухару болталась так, словно у него не было шейных позвонков. Все его лицо было залито слезами.

– Сейчас уже слишком поздно выбирать. Но не знаю, мой господин, как бы я ответил вам, если бы вы обратились ко мне первому, еще не оповестив остальных.

– Выходит, ты согласен? Ты будешь со мной заодно?

– Мы с вами, мой господин, два разных человека, но в душе мы одно и то же. Если вы погибнете, то и мне нет места на земле. Конечно, мы с вами – князь и приверженец, но мы одной крови, у нас общие предки. И до сего дня мы прожили вместе целую жизнь, и я конечно же готов разделить вашу судьбу, какую бы ужасной она ни оказалась.

– Не беспокойся, Мицухару. Конечно, вопрос стоит так – все или ничего, но я чувствую, что победа будет за нами. А когда мы победим, тебя ждет не захолустная крепость вроде Сакамото, обещаю тебе. В конце концов, ты станешь вторым человеком после меня во всей империи и будешь управлять множеством провинций!

– Что? Дело ведь не в этом! – С трудом сбросив руку, вцепившуюся ему в ворот, Мицухару высвободился из мертвой хватки Мицухидэ. – Я хочу плакать! Мой господин, позвольте мне плакать!

– О чем ты, глупец?

– Сам ты глупец!

– Нет, ты!

Внезапно закончив перебранку, двоюродные братья обнялись, и крупные слезы покатались по щекам у обоих.

Лето было в самом разгаре, такого жаркого первого дня шестого месяца не случалось уже много лет. В полдень тучи затянули край неба на севере, но все равно солнце жгло неумолимо.

Крепостной город Камэяма опустел. Ни воинов, ни лошадей, ни воловьих упряжек на его улицах больше не было. Воины в железных шлемах выходили из города длинной цепью, неся ружья, знамена и копья. Горожане столпились на обочине, провожая войско. Заметив в воинских рядах тех, кто отличался особенной щедростью в трактирах и лавках, торговцы от всей души желали им удачи. Крик стоял такой, как будто от войска и впрямь ждали небывалых подвигов.

Но ни выступившее в поход войско, ни провожающие его горожане не догадывались о том, что воинам предстоит не кампания в западных провинциях, а стремительный бросок на Киото. За исключением Мицухидэ и десятка его ближайших соратников об этом не знал никто.

Близился час Обезьяны. Под кроваво-красным закатным солнцем то и дело слышались то высокие, то низкие голоса раковин. Воины, уже успевшие кое-где натянуть пологи, чтобы укрыться от жары, сейчас спешно строились в походные колонны. Они разбились на три полка, и над каждым реяло их собственное знамя.

Пышная зелень на ближних горах и вялая, выжженная солнцем трава под ногами тихо шелестели на легком вечернем ветерке, овевавшем долгожданной прохладой тысячи человеческих лиц. Еще раз протрубила раковина – теперь из дальнего леса.

Ослепительная в лучах заходящего солнца когорта военачальников во главе с Мицухидэ выехала из ворот храма бога войны Хатимана. Мицухидэ окинул взглядом свое войско, выстроившееся вдоль дороги подобно живой железной стене. Воины с благоговейным восторгом взирали на князя Акэти, и даже новобранцы были исполнены гордостью: им посчастливилось служить под началом такого знаменитого полководца.

Мицухидэ был в черных латах и шлеме, на плечах – расшитая серебром белая парчовая накидка. Его большой меч и седло представляли собой подлинные произведения искусства. Сегодня он выглядел куда моложе обычного, но, строго говоря, такое можно сказать не только о нем. Любой, надев доспехи, утрачивает приметы своего возраста. Ведь даже шестидесятилетним старикам ни в чем не хочется уступать шестнадцатилетним безусым новобранцам.

А сегодня Мицухидэ молился за грядущую победу куда с большим рвением, чем любой из его воинов. И войско видело, когда он проезжал вдоль рядов, что глаза горят решимостью, а состояние духа, в котором пребывает главнокомандующий, так или иначе передается воинам. Клан Акэти участвовал в походах и в битвах двадцать семь раз. Но сегодня воины испытывали необычное напряжение, они словно чувствовали, что нынешний бой будет необычным. Каждый воин смутно чувствовал, что это будет его последний бой. Этим предчувствием, казалось, был насыщен сам воздух, подобный сизому туману, и оттого складывалось впечатление, что девять полковых знамен с изображением синего колокольчика поникли под тяжестью туч.

Мицухидэ тронул поводья и, повернувшись к ехавшему рядом с ним Сайто Тосимицу, спросил:

– Сколько у нас воинов?

– Десять тысяч. А вместе с людьми из обоза более тринадцати тысяч.

Мицухидэ кивнул, а затем, помолчав, сказал:

– Позови ко мне командующих корпусами.

Когда они явились, Мицухидэ придержал коня, пропуская вперед своего двоюродного брата Мицутаду, чтобы он вместо него обратился к воинам. Справа и слева от Мицутады находились военачальники.

– Прошлой ночью получена депеша от Мори Ранмару, находящегося сейчас в Киото. Я зачитаю ее, чтобы вам было все ясно.

Он развернул лист бумаги и прочитал:

– «По приказу его светлости князя Оды Нобунаги вам надлежит прибыть в столицу, чтобы его светлость смогли произвести смотр войск перед их выступлением на запад». Мы выступаем в час Петуха. В оставшееся до этого время воинам надлежит поесть, накормить лошадей и отдохнуть.

Чудное это было зрелище, когда тринадцать тысяч человек принялись кашеварить в чистом поле. А тем временем снова велели собраться корпусным военачальникам – на сей раз в роще у храма Хатимана. Здесь, в тени деревьев, пели цикады, а воздух казался свежим и прохладным, как вода.

Незадолго до этого из храма доносились молитвенные хлопки ладоней. Судя по всему, Мицухидэ и его военачальники молились богам. Мицухидэ уже сумел убедить себя в том, что им движет не только ненависть и жажда мести по отношению к Нобунаге. Страх перед возможностью окончить свои дни подобно Араки или Сакуме побудил его толковать свой нынешний замысел как акцию вынужденной самообороны; он ощущал себя зверем, загнанным в угол, и, чтобы уцелеть, он должен был ударить первым.

Расстояние от здешнего храма до храма Хонно составляло всего пять ри, а там под весьма ненадежной защитой находился сейчас его заклятый враг. Такая возможность и впрямь выпадает только раз в жизни. Осознавая, что измена так или иначе остается изменой, Мицухидэ был не в силах сосредоточиться на молитве. Но искать каких-то еще оправданий своим действиям ему тоже не требовалось: он помнил все злодеяния Нобунаги за последние двадцать лет. И хотя он верой и правдой служил Нобунаге все эти годы, в душе Мицухидэ тосковал по былому сёгунату, ныне пришедшему в упадок.

Военачальники в полном сборе ждали снаружи. Походный стул, приготовленный для Мицухидэ, пустовал. Оруженосцы Мицухидэ объяснили собравшимся, что он все еще в храме и должен вот-вот появиться. Вскоре из храма вышли все его приближенные, а вслед за ними и сам Мицухидэ в сопровождении Тосимицу, Мицухару, Мицутады и Мицуаки.

– Все ли командующие корпусов в сборе? – осведомился Мицухидэ.

С молниеносной быстротой площадь перед храмом окружили воины. Мицухидэ настороженно огляделся по сторонам, безмолвное предостережение читалось в глазах его военачальников.

– Вам могут показаться излишними предосторожности, которыми я обставил эту встречу, – сказал Мицухидэ. – И главным образом потому, что речь идет о моих ближайших соратниках, которым я целиком и полностью доверяю. Но не спешите осуждать меня за это: эти меры приняты исключительно для того, чтобы объявить вам о великом и долгожданном событии – о событии, которое предопределит судьбу всей страны, а для нашего клана будет означать или небывалое возвышение, или бесславную гибель.

И он поведал им о своих намерениях. Мицухидэ перечислил воинам обиды, которые ему довелось претерпеть от Нобунаги, – унижение в Суве, унижение в Адзути и последнее оскорбление – приказ принять участие в западном походе под началом Хидэёси. Затем он напомнил воинам длинный список имен всех тех, кто долгие годы верой и правдой служили Нобунаге и были впоследствии обречены на самоубийство. Именно Нобунага, по его словам, постоянно попирает справедливость, разрушал культуру, злоумышлял против традиций и вверг в

итоге страну в хаос. Он закончил речь стихами собственного сочинения:

*Пусть человек несведущий
Твердит, что хочет,
А мне безразличны
И власть, и слава.*

Прочитав стихотворение, Мицухидэ невольно почувствовал жалость к самому себе и слезы покатались у него по щекам. Его старшие соратники тоже заплакали. Некоторые даже закусили рукав зубами, другие пали ниц, касаясь земли лбом. И лишь один человек удержался от слез – это был испытанный во многих боях Сайто Тосимицу.

И вот он начал речь, желая пресечь появление слабости и обратить ее в жажду мести:

– Мне кажется, его светлость открыл перед нами свою душу, потому что он уверен в том, что на нас можно положиться. Если оскорблен князь, его приверженцы умирают. Да и разве одного только нашего господина оскорбили и унизили? Моим старым костям отпущено уже совсем немного времени, но если падет князь Нобунага, а мой господин станет правителем всей страны, я умру без малейших сожалений.

Мицухару взял слово следующим:

– Каждый из нас считает себя только частью его светлости и надеется послужить его правой рукой. Поэтому, раз уж он принял такое решение, у нас нет другого выбора. Мы должны быть вместе с ним до последнего часа.

Все остальные военачальники вторили словам своих соплеменников. Глаза у всех пылали огнем, что могло означать только одно: окончательное и бесповоротное «да». Когда Мицухидэ поднялся со своего походного стула, присутствующих охватил неподдельный восторг. Они хором поздравили его – таков был в те времена торжественный ритуал, совершаемый перед уходом на войну.

Ёмода Масатака поднял взгляд на небо и призвал собравшихся душой и мыслями подготовиться к тому, что им предстояло.

– Скоро настанет час Петуха. Расстояние до столицы составляет всего пять ри. Срезая путь, мы сможем прибыть в храм Хонно к рассвету. И если мы управимся в храме Хонно до часа Дракона, а вслед за этим разрушим храм Мёкаку, дело будет закончено уже к завтраку.

Он говорил, обращаясь к Мицухидэ и к Мицухару, полностью уверенный в собственной правоте. Разумеется, его слова не были ни советом, ни рекомендацией. Он попросту давал понять военачальникам, что страна у них уже, считай, в руках и что им следует воодушевиться перед решающей схваткой.

Была вторая половина часа Петуха. В тени гор дорога казалась уже совсем темной. Воины при оружии и в доспехах, построившись рядами, прошли деревню Одзи и поднялись на холм Оиносака. Ночное небо сияло звездами, а лежащая внизу столица казалась его отражением.

Красноватые лучи заходящего солнца падали в пустой ров, опоясывающий храм Хонно. Был первый день шестого месяца. Солнце весь день безжалостно палило над столицей, и сейчас даже в сравнительно глубоком рву лишь кое-где оставались влажные пятна стремительно высыхающей глины.

Крытые черепицей глинобитные стены тянулись более чем на сто кэнгов с запада на восток и на двести – с севера на юг. Ров был шириной в двенадцать сяку и глубже, чем обычно бывают рвы вокруг храмов. Из-за стены снаружи были видны крыши главного храма и примерно десятка построек, и только. А с чуть большего расстояния можно было видеть знаменитую медоносную акацию, росшую в углу ограды. Она была так высока и пышна, что ее прозвали Лесом Хонно, а еще называли Медовой Рощей.

Дерево было знаменито и тем, что росло возле пагоды Восточного храма. Когда лучи послеполуденного солнца касались его макушки, с него взмывало в небо бесчисленное множество ворон. И какими бы изысканными и утонченными манерами ни отличались жители Киото, с тремя вещами им пришлось смириться: с бродячими собаками по ночам, с коровьим навозом на улицах по утрам и с воронами после полудня.

На обнесенных стеной храмовых угодьях оставалось еще много свободного места. Немало трудов предстояло приложить, чтобы завершить восстановление двадцати или около того зданий, уничтоженных пожаром в ходе смуты, не пощадившей и столицу. Если от главных ворот храма пойти в сторону Четвертой улицы, то можно было увидеть в непосредственной близости от храма дворец наместника Киото, за ним – самурайский квартал, а далее – улицы с домами состоятельных граждан. В северной же части города со времен сёгуната сохранились островки трущоб, а одна узкая улочка всем своим видом по-прежнему вполне оправдывала свое старинное название – именовалась она Ужасной.

Детвора высыпала из жалких лачуг на улицу. С сопливыми носами, со ссадинами и сыпью на руках и ногах дети разлетелись по городу, как гигантские насекомые на тощих крыльях.

– Идут миссионеры! – кричали дети.

– Священники из храма Намбан! И у них здоровенная птичья клетка! – ликовали они.

Трое миссионеров, услышав детские возгласы, рассмеялись и замедлили шаг, словно давая друзьям возможность нагнать себя.

Храм Намбан, известный в городе как «Миссионерская церковь», был расположен неподалеку, на Четвертой улице. С утра местные жители слышали пение монахов из храма Хонно, а по вечерам кварталы лачуг оглашались колокольным звоном из церкви. Ворота храма Хонно были весьма внушительны, и тамошние монахи расхаживали по улицам с высокомерным видом; миссионеры же не чинились, и местный люд приветствовал их с большой радостью. Увидев ребенка с шишкой или с болячкой на голове, миссионер останавливался и объяснял мальчику, как помочь горю; если кто-нибудь из жителей округа заболел, священники спешили его навестить. Известно, что никому не следует вступать в спор между мужем и женой, но миссионеры пренебрегали и этим правилом – и сплошь и рядом весьма успешно. Поэтому все считали их людьми добрыми и отзывчивыми.

– Они и впрямь заботятся о народе, – говорили люди. – И как знать, может быть, их и вправду послали боги.

Постепенно уважительное и даже восторженное отношение к миссионерам становилось повсеместным. Они на деле помогали бедным, больным и бездомным. Церковь устроила даже нечто вроде больницы для бедных и приюта для престарелых. И вдобавок ко всему миссионеры

любили детей.

Но, встречаясь на улице с буддийскими монахами, те же самые миссионеры отнюдь не проявляли кротости и долготерпения, присущих им в обращении с детьми. Они обменивались такими взглядами, словно были заклятыми врагами. Поэтому миссионеры предпочитали кружной путь по Ужасной улице, лишь бы не проходить мимо храма Хонно. Но сегодня, как, впрочем, и вчера, им волей-неволей пришлось посетить вражеское логово, потому что его избрал своей временной резиденцией князь Нобунага. А это означало, что по соседству с ними поселился самый могущественный человек во всей Японии.

Неся в золоченой клетке редкую тропическую птицу, а также коробку с изысканными кушаньями, приготовленными привезенным из Европы поваром, трое миссионеров сейчас спешали в храм с подарками для Нобунаги.

– Миссионеры! Эй, вы, миссионеры!

– Что это за птица? Как она называется?

– А что у вас в коробке?

– Пирог, верно? Угостили бы лучше нас!

– Угостите нас!

Дети с Ужасной улицы преградили священникам дорогу. Трех миссионеров это, однако же, ничуть не рассердило. Улыбаясь детям и отвечая им на ломаном японском, священники попытались продолжить путь.

– Это для князя Нобунаги. Не будьте такими сорванцами. Мы угостим вас пирогами, когда вы придете к нам в церковь. И матерей с собой приведите, – сказал один из священников.

Дети понурившись плелись за священниками, другая же ватага, наоборот, возглавляла шествие. В возникшей суматохе один из мальчишек очутился на краю рва и нечаянно свалился туда. Раздался всплеск, словно прыгнула в воду лягушка. Ров был пуст, так что утонуть мальчик никак не мог. Но на дне сохранилась вода, превратившаяся в болото. Мальчик забарахтался, не в силах выбраться наружу. Стены рва были облицованы камнем, так что и взрослый выкарабкался бы оттуда не без труда. Да так порою и бывало: какой-нибудь несчастный пьяница, случалось, падал в ров и, если там оказывалось много дождевой воды, нередко тонул.

Поэтому кто-то сразу же известил родителей мальчика. Зеваки со всей Ужасной улицы сбежались ко рву, сюда же примчались, даже не обувшись, отец и мать сорванца. Какое несчастье! Но к тому моменту, когда подросли родители, мальчик уже был вне опасности. Выглядел он как цветок лотоса, извлеченный из речной тины, и все еще всхлипывал.

И он, и двое миссионеров были в грязи с головы до ног. А третий миссионер, бросившийся в ров спасать мальчика, и вовсе походил сейчас на глиняную скульптуру.

При виде священников в столь необычном виде дети развеселились. Они принялись смеяться, хлопать в ладоши и кричать:

– Миссионер – лягушка!

– Рыжая борода вся в грязи!

Но родители мальчика сердечно поблагодарили священников и вознесли хвалу их богу, хотя вовсе и не были христианами. Они в ноги поклонились священникам, пролили слезы благодарности и сложили руки в молитве. И по всей толпе, собравшейся надо рвом, прошелестел одобрителный шепоток. Людям понравилось, как повели себя священники.

Миссионеры, казалось, ничуть не расстроились из-за того, что зря проделали такой путь, что подарки их негодились и что им приходится возвращаться с полдороги. На их взгляд, между Нобунагой и мальчиком из трущоб не существовало никакой разницы. Более того, они осознавали, что молва об этом происшествии разнесется по городу и сослужит их церкви и вере добрую службу, возможно, будет способствовать обращению в христианство многих новых

адептов.

– Сотан, видел, что произошло?

– Да. На меня это произвело сильное впечатление.

– Эта религия вызывает ужас.

– Вот именно. Заставляет хорошенько задуматься.

Одному из этих миссионеров было лет тридцать, другой выглядел значительно старше. Они были похожи друг на друга и могли оказаться отцом и сыном. Было в них нечто, резко отличавшее их от важных купцов из Сакаи, – их человеческая приязнь и образованность, которые с годами становятся свойством натуры. Тем не менее внешне они ничем не отличались от купцов.

Храм Хонно, стоило в нем обосноваться Нобунаге, перестал казаться просто храмом. С вечера двадцать девятого у главных ворот царило сущее столпотворение: носилки и паланкины и бесчисленное множество пеших посетителей. Аудиенции, которые давал сейчас Нобунага, казалось, были исполнены глубокого смысла для всей страны. Да ведь и то сказать: благосклонный взгляд, милостивая улыбка или хотя бы одно словечко из уст князя – и посетитель возвращался домой ошарашенный, ценя это в сто, в тысячу раз больше, чем все драгоценности, ткани, вина и яства, которые он принес повелителю в дар.

– Давайте-ка на мгновение прервемся. Кажется, прибыла какая-то важная персона.

– Это, должно быть, наместник со своими чиновниками.

Наместник Мураи Нагато и его чиновники остановились у главных ворот, почтительно пропуская паланкин, в котором восседал какой-то высокородный господин. Вскоре вслед за паланкином появилось несколько самураев, держа под уздцы породистых рысаков. И вновь – небольшая процессия носилок и паланкинов. Узнав Нагато, самураи, приведшие коней, почтительно поклонились ему, не выпуская из рук поводьев.

Как только столпотворение немного умерилось, Нагато со своими людьми проследовал в храм. Убедившись в том, что Нагато уже в храме, двое купцов последовали за ним следом.

Естественно, стража у ворот проявляла строжайшую бдительность. Входявшие и выходявшие люди не привыкли к такому блеску оружия и доспехов в мирное время. Сверкали не только пики и секиры, но и глаза стражников. Стоило человеку навлечь на себя хотя бы малейшее подозрение, и его немедленно останавливали.

– Ну-ка, стойте! Куда это вы идете? – обратился один из стражников к двоим купцам.

– Меня зовут Сёсицу. Я из Хакаты, – вежливо объяснил старший, почтительно поклонившись стражникам.

Поклонился им и младший из купцов:

– А меня зовут Сотан. Я тоже из Хакаты.

Стражники посмотрели на них с таким недоумением, словно купцы изъяснились полтабарски, но их начальник, также стоявший у сторожевого поста, улыбнувшись, велел пропустить купцов в храм.

– Пожалуйста, проходите.

Зал Омотэмидо был главным помещением храма, но сейчас подлинный центр переместился во временную резиденцию Нобунаги. В саду за покоями, из которых непрерывно слышался голос князя Оды, журчал ручей, а из домов, расположенных чуть поодаль, с порывами освежающего ветра время от времени доносился звонкий женский смех.

Нобунага разговаривал с гонцом от своего третьего сына, Нобутаки, и с Нивой Нагахидэ.

– Да, Нагахидэ, это помощь моим старым рукам. Передай ему, что у нас все в порядке. Через пару дней я сам отправлюсь в западные провинции, так что скоро мы свидимся с ним.

Войско под командованием Нобутаки и Нивы отплывало в Аву на следующее утро. Гонец прибыл, чтобы сообщить об этом, а также о том, что Токугава Иэясу находится на пути из Осаки в Сакаи.

Нобунага посмотрел в окно и, словно бы впервые обратив внимание на цвет неба, сказал мальчику:

– Смеркается. Закрой ставни с западной стороны. – И сразу же вслед за этим обратился к Нобутаде: – У тебя в покоях тоже жарко?

Нобутада прибыл в столицу чуть раньше отца и расположился неподалеку, в храме Мёкаку. А здесь он пребывал со вчерашнего вечера в предвидении нынешней встречи с отцом, поэтому сейчас чувствовал некоторую усталость. Он уже собирался объявить о том, что уходит, как вдруг Нобунага сказал:

– А почему бы нам вдвоем не попить нынче вечером чаю? Два последних вечера у нас было столько гостей, что сейчас нам просто необходим покой. Я приглашу для тебя, конечно, парочку любопытных особ.

Нобунага намеревался развлечь сына и, конечно, не стал бы слушать никаких возражений.

Если бы Нобутаде было дозволено высказать свое мнение на этот счет, то он сказал бы, что ему всего двадцать пять и к чайной церемонии он относится не столь трепетно, как отец. Особенно же не любил Нобутада мастеров чайной церемонии, предающихся излюбленному искусству даже в дни войны. Ему доставило бы большее удовольствие побыть наедине с отцом, но мастер чайной церемонии непременно окажется третьим лишним. В глубине души он мечтал отправиться на войну как можно быстрее. Он не желал отстать от своего младшего брата, Нобутаки, хотя бы на час.

Судя по всему, Нобунага пригласил и Мураи Нагато, причем не как наместника Киото, а как своего личного друга. Но Нагато строго соблюдал дистанцию во взаимоотношениях между князем и приверженцем, предписанную существующим этикетом, поэтому беседа протекала вяло и скованно. А скованность была одним из тех состояний, которые Нобунага ненавидел всей душой. Днем у него было столько дел, столько посетителей и гонцов, столько происходило событий и столько необходимо было принять решений, так что в неофициальной дружеской обстановке он просто не мог выносить официоза. Вот почему, в частности, ему всегда так нравилось общаться с Хидэёси – человеком совершенно раскованным и непринужденным.

– Нагато! – приветливо воскликнул Нобунага.

– Да, мой господин.

– Разве ты не привел с собой сына?

– Он прибыл со мной, но он малый неотесанный, поэтому мне пришлось оставить его во дворе.

– Подобная предусмотрительность воистину докучлива, – пробормотал Нобунага.

Он ведь нарочно пригласил наместника вместе с сыном, чтобы дать этому зануде понять: речь пойдет не о государственных делах, церемониться не придется. Однако он так и не распорядился, чтобы позвали сына Нагато.

– А интересно, куда это подевались наши гости из Хакаты? – вдруг спохватился Нобунага.

Он встал и пошел в сторону храма, оставив Нобутаду и Нагато наедине друг с другом.

Из комнаты оруженосцев донесся голос Бомару. Его старший брат Ранмару, судя по всему, распекал его за что-то. К этому времени все дети Мори Ёсинари уже давно стали взрослыми. Сейчас многие поговаривали, будто Ранмару надеется получить крепость Сакамото, ныне принадлежащую клану Акэти, но бывшую когда-то во владении у его отца. Обсуждалась такая возможность довольно широко, да и самому Нобунаге такое не раз приходило в голову. Поэтому он в последнее время решил отказаться от своего обычновения держать Ранмару при себе

прислужником, что, разумеется, не могло не вызвать всевозможных пересудов, способных повредить доброму имени будущего владельца крепости Сакамото, да и доброму имени самого Нобунаги.

– Вы собираетесь выйти в сад? – спросил Ранмару у князя.

Нобунага стоял на веранде. Ранмару помчался к нему, чтобы поставить на каменные ступени пару сандалий. Хорошо, конечно, иметь под рукой человека, столь надежного, сметливого и легкого на ногу, подумал Нобунага. Он привык к подобному обхождению за последние десять лет.

– Нет, я не пойду в сад. Жарко было сегодня, верно?

– Да, настоящее пекло.

– А лошади наши здоровы?

– Кажется, слегка приуныли.

Нобунага посмотрел на небо, пытаясь разглядеть в нем вечернюю звезду и, возможно, размышляя об отдаленных западных провинциях. Ранмару следил за стоящим к нему вполоборота князем. Вслед за отцом вышел и Нобутада, он встал у них за спиной, но и по тому, как Ранмару смотрел на своего повелителя, было видно, что он позабыл о том, что младший князь вообще существует на свете. Выглядело это почему-то так, словно Ранмару прощался со своим господином. Если бы душа и ум Ранмару обладали большей способностью к самопознанию, он, несомненно, удивился бы собственному предчувствию, как и тому, что при взгляде на князя у него по коже побежали мурашки. Это происходило почти в то самое время, когда Акэти Мицухидэ прибыл на Оиносаку.

Постепенно двор храма окутала рукотворная тьма: повалил дым из больших кухонных печей. Дрова жгли сейчас не только в кухне, но и в купальнях. И не только в храме Хонно: в этот предвечерний час дым над очагами валил отовсюду в столице и за ее пределами.

Нобунага окатил себя водой в фуру. Единственный белый цветок вьюнка виднелся сквозь решетчатое бамбуковое окно. После того как его причесали и он надел все чистое, Нобунага пошел назад по длинному крытому коридору.

Вскоре явился Ранмару с докладом, что Сотан и Сёсицу из Хакаты ожидают князя в чайном домике.

– Они пришли еще засветло и сами вымели дочиста тропу от чайного домика до входа, и привели в порядок веранду. А потом господин Сёсицу помыл тропу водой и разбросал по ней цветы, а господин Сотан пошел к поварам распорядиться об угощении, которым они намереваются вас угостить.

– Так почему же мне об этом не сообщили раньше?

– Они сказали, что раз уж они выступают в роли хозяев, то нам придется подождать, пока все у них будет готово.

– Кажется, они что-то задумали. А Нобутаде об этом известно? А Нагато?

– Пойду приглашу их.

Когда Ранмару удалился, Нобунага направился было в свои покои, но затем, передумав, быстрым шагом пошел в сторону чайного домика.

Собственно говоря, этот домик первоначально предназначался вовсе не для чайных церемоний. Это была художественная мастерская, часть которой, огороженная ширмами, служила местом для чайной церемонии.

Гостями были Нобунага, Нобутада и Нагато с сыном. Зажженные фонари весьма оживляли импровизированный «чайный домик». После чайной церемонии гости и хозяева перешли в большее помещение и погрузились в беседу, длившуюся далеко за полночь.

Нобунага основательно проголодался, а потому ел все подряд, пил вино, цветом

напоминавшие расплавленные рубины, и время от времени брал с тарелки европейские пирожки, ни на мгновение не прерывая беседу.

– Мне хотелось бы отправиться в южные края, в сопровождении вас и Сотана. Наверняка вы там бывали уже не раз.

– Я все время мечтал побывать там, но мне это так и не удалось, – ответил Сёсицу.

– Сотан, ты отличаешься молодостью и здоровьем. А ты там был?

– Нет еще, мой господин.

– Значит, ни один из вас там еще не был?

– Нет, хотя наши служащие постоянно ездят туда и обратно.

– Что ж, наверное, это и впрямь могло бы повредить вашей торговле. Например, как бы мне ни хотелось, я никогда не могу найти подходящего момента, чтобы покинуть Японию, – тут уж ничего не поделаешь. Но ведь у вас есть суда, есть товары, есть свободное время. Почему же вы до сих пор там не побывали?

– Род наших занятий существенно отличается от государственных дел, которые заботят вашу светлость, но тем не менее и у нас тоже случаются какие-то неотложные дела, и это мешает нам отойти от управления хозяйством на год или даже больше. Тем не менее, как только ваша светлость сочтут для себя возможным на время отложить государственные дела и отправиться в заморское путешествие, мы с Сотаном будем счастливы сопровождать вас и, безусловно, обо всем позаботимся.

– Что ж, давайте так и поступим! Мне ведь уже давно этого хочется! Но, Сёсицу, надеешься ли ты дожить до такого дня?

Мальчик разливал вино, а Нобунага подшучивал над стариком, но того было не так-то просто сбить с толку.

– Этот вопрос можно поставить и несколько по-другому. Можете ли вы поручиться, что сумеете навести безукоризненный порядок в стране, прежде чем я отойду к праотцам? Ведь если вы не поспешите, я и впрямь могу не дожить до этого дня.

– Да нет, ждать осталось совсем недолго, – улыбнувшись, возразил Нобунага, которому явно пришелся по вкусу остроумный ответ Сёсицу.

Сёсицу был способен говорить так непринужденно и умно, как ни один из военачальников Нобунаги. Время от времени в ходе беседы Нобутаду и Нагато даже брала оторопь: позволительно ли купцу высказываться столь свободно перед лицом князя. И вместе с тем их удивляла благосклонность, с какой Нобунага относится к подобным смельчакам простолюдинам. Трудно ведь было предположить, что он ценит мастеров чайной церемонии наравне со своими ближайшими приверженцами.

Нобутаде этот разговор уже давно наскучил. Заинтересовала его только та часть беседы между отцом и купцами, которая касалась заморских краев. Об этом он слышал впервые, и подобные рассказы будили в нем юношеские мечты и полководческое тщеславие.

Независимо от того, насколько глубоки были познания ученых людей того времени о Европе, все они испытывали к ней огромный интерес. Могучая волна заморских новшеств, самым главным из которых было конечно же огнестрельное оружие, поколебала само основание многовековой японской культуры.

Многое из того, что в Японии знали о южных варварах, принесли сюда испанские и португальские миссионеры. Но люди вроде Сёсицу и Сотана начинали свою торговлю еще когда никто о миссионерах и слыхом не слыхивал. Их суда ходили в Корею, они торговали с Китаем и Камбоджей. О богатстве заморских стран им поведали вовсе не миссионеры, а японские пираты, главное логово которых находилось на острове Кюсю неподалеку от Хакаты.

Сотан, продолжая дело отца, открыл свои конторы в Лусоне, в Сиаме и в Камбодже.

Именно он начал ввозить восковые орехи из южного Китая и научился выделывать воск и изготавливать восковые свечи, благодаря чему ночами в Японии стало теперь куда светлее, чем прежде. Освоив заморскую технологию, он научился также выплавлять сталь.

Сёсицу, родственник Сотана, тоже участвовал в торговле с дальними странами. На всем острове Кюсю не было ни одного князя, который не брал бы у него денег взаймы. Ему принадлежало более десяти огромных судов, способных выходить в открытый океан, и сотня судов и джонок поменьше.

Не будет сильным преувеличением сказать, что Нобунага почерпнул едва ли не все свои познания о мире за пределами японских островов из бесед с этими двумя людьми в часы долгих чайных церемоний. Вот и сейчас он был увлечен беседой, хотя и не пренебрегал европейскими пирожками, поедая один за другим. Сёсицу, обратив внимание на то, с каким удовольствием ест пироги Нобунага, заметил:

– Тут использована одна штука, которую называют сахаром, поэтому не злоупотребляйте такой сладкой пищей перед сном.

– А что, сахар ядовит? – поинтересовался Нобунага.

– Ну, не ядовит, но наверняка не идет на пользу здоровью, – ответил Сёсицу. – Пища из варварских стран жирная и сочная, тогда как наша имеет скорее пресноватый вкус. Эти пирожки, конечно, куда слаще нашей вяленой хурмы и рисовых колобков. Стоит привыкнуть к сахару, и наши японские сласти покажутся вам безвкусными.

– А что, на Кюсю этот самый сахар, должно быть, уже ввозят в больших количествах?

– Не в таких уж больших. За меру сахара берут меру золота, на такой торговле не больно-то разживешься. Я подумываю о том, чтобы завести в страну сахарный тростник и попробовать разводить его где-нибудь в теплом месте. Но, как и в случае с табаком, я далеко не уверен, что сахар следует широко распространять в Японии.

– Это на тебя не похоже, – рассмеялся Нобунага. – Не будь чересчур осторожен. Не важно, хорошие это вещи или дурные. Их нужно заполучить и доставить сюда, в любом случае будут способствовать расширению нашего кругозора. Все новшества так или иначе приходят к нам по морю прямо сейчас, и из западных стран, и из южных. Остановить их проникновение на восток невозможно.

– Я приветствую вашу терпимость, мой господин, и осознаю, что она, безусловно, послужит процветанию моего промысла. Но не уверен, что следует заимствовать все подряд.

– Следует, вне всякого сомнения, следует. Привози все новое отовсюду, где только его обнаружишь.

– Если вам так угодно, мой господин.

– Только нельзя сразу же глотать. Надо сначала попробовать, разжевать и выплюнуть, – добавил Нобунага.

– Выплюнуть?

– Хорошенько прожуй, выпитай все хорошие соки, а дрянью выплюнь. Если все воины, земледельцы, ремесленники и купцы Японии усвоят это правило, тогда к нам можно будет ввозить что угодно.

– Нет, это не так! – Сёсицу решительно замахал рукою. Предлагаемое Нобунагой правило в корне не устраивало его, и сейчас он спешил высказать свои возражения главе государства. – Вы, мой господин, будучи вождем всего народа, имеете право именно так подходить к этому вопросу, но до меня уже стали доходить кое-какие тревожные сведения, и я ни в коем случае не могу с вами согласиться. Взять хоть один пример.

– Ну и какой же?

– Распространение ложного вероучения.

– Ты имеешь в виду миссионеров? А что, Сёсицу, буддисты и тебя одолевают своими просьбами?

– Вы относитесь к этому чересчур легковесно. Этот вопрос может иметь пагубные последствия для всей страны.

Сёсицу рассказал о мальчишке, свалившемся в ров несколько часов назад, и о самоотверженности миссионера, которая произвела на зевак такое сильное впечатление.

– Менее чем за десять лет тысячи японцев забыли алтари своих предков и обратились в христианскую веру. И это произошло не только в Омуре, не только в Нагасаки, но и по всему Кюсю, и в отдаленных районах Сикоку и даже в Осаке, в Киото и в Сакаи. Ваша светлость только что изволили заметить, что нам, японцам, следует разжевать и выплюнуть все, что к нам привозят, но в вопросах веры подобный подход недопустим и, наверное, невозможен. Не важно, долго ли ты жуешь чужую веру или нет, но в душу она западает и никуда не девается, даже если всех христиан распять, как они рассказывают, на кресте или отрубить им головы.

Нобунага молчал. Судя по выражению его лица, он понимал, что тема эта слишком сложна, чтобы исчерпать ее в ходе одной беседы. Он сжег гору Хиэй и с невиданной в истории страны жестокостью поставил буддизм на колени. Он истребил монахов огнем и мечом, но знал лучше, чем кто-либо, что это не добавило ему всеобщей любви.

С другой стороны, он позволил миссионерам воздвигнуть церковь, он отдавал должное их делам и даже время от времени приглашал к себе на пиры. Буддийские монахи злобствовались и не раз задавали ему и народу роковой вопрос: кого же, в конце концов, Нобунага считает в своей стране чужаками – христиан или их самих?

Нобунаге не хотелось пускаться в пространные объяснения. Вдобавок ко всему он терпеть не мог, когда ему перечили. И в то же время он не мог не уважать свободного изъявления чувств и настроений своих подданных. Это, несмотря ни на что, ему нравилось.

– Сотан, – обратился он сейчас ко второму гостю. – А что ты скажешь об этом? Ты молод, поэтому наверняка относишься к этому делу иначе, чем Сёсицу.

Сотан, собираясь с мыслями, на мгновение отвел взгляд, но затем ответил со всей определенностью:

– Я согласен с вами, мой господин. Чужую религию нужно прожевать и выплюнуть.

Нобунага самодовольно посмотрел на Сёсицу, как человек, только что обретший единомышленника.

– Не беспокойся. Такие вопросы требуют более широкого подхода. Столетия назад князь Митидзанэ решил соединить китайское и японское мировоззрения. Перенимаем ли мы китайские обычаи или ввозим доселе невиданные вещи с запада, краски осени и цветение вишни весной остаются теми же самыми. А когда идет дождь, вода в пруду становится от этого только чище. Нельзя вместить океан в ров храма Хонно. Не так ли, Сёсицу?

– Да, мой господин, во рву должно быть столько воды, сколько способен вместить ров.

– То же самое относится и к заморской культуре.

– Я старею и кажусь сам себе лягушкой во рву.

– Ты мне больше напоминаешь кита.

– Возможно, – согласился Сёсицу. – Но я похож на кита с кругозором лягушки.

– Эй, принеси-ка воды!

Нобунага разбудил мальчишка, прикорнувшего в углу. Он еще не пресытился разговором. Хотя уже какое-то время они ничего не ели и не пили, очарование беседы не исчезало.

– Отец! – сказал Нобутада, склонившись к Нобунаге. – Уже очень поздно. Мне хочется вас покинуть.

– Побудь еще немного, – произнес Нобунага несколько более требовательно, чем обычно. –

Ты ведь живешь в Нидзё, не так ли? И пускай час нынче поздний, это ведь все равно считай что рядом. Нагато тоже живет рядом с храмом, а наших гостей из Хакаты я сегодня никуда не отпущу.

– Увы, мне придется уйти. – Сёсицу сказал это так, словно собирался покинуть общество немедленно. – У меня завтра утром важная встреча.

– Значит, со мной останется только Сотан?

– Можно сказать, на ночном дежурстве. Нужно же кому-то навести порядок в чайном домике.

– Понятно. Значит, пить со мной сакэ ты не будешь. Вы принесли с собой столько драгоценной чайной утвари, и тебе придется всю ночь ее охранять.

– Не смею возражать, мой господин.

– Нет уж, говори откровенно!

Нобунага рассмеялся. А затем, внезапно обернувшись, посмотрел на висевший на стене свиток:

– Му Чи – превосходный живописец, не правда ли? В наши дни редко увидишь что-нибудь подобное. Я слышал, что Сотану принадлежит картина Му Чи, которая называется «Корабль, возвращающийся из долгого плавания». И вот о чем я подумал: да разве хоть кто-нибудь достоин обладать подобным сокровищем?

Сотан внезапно рассмеялся во весь голос, словно Нобунаги здесь не было.

– Над чем ты смеешься, Сотан?

Сотан оглядел собравшихся:

– Князь Нобунага хочет заполучить принадлежащую мне картину Му Чи и выражает это в весьма туманной форме: достоин ли, мол, кто-нибудь обладать подобным сокровищем? Это похоже на засылку лазутчика во вражеский стан. Вам следовало бы лучше приглядывать хорошенько за этим драгоценным чайным столиком. – И он опять расхохотался.

Он попал в точку. Нобунаге и впрямь хотелось заполучить картину. Но и картина, и упомянутый чайный столик представляли собой фамильные реликвии, а это означало, что в открытую посягнуть на такое не смел и глава государства.

Но сейчас сам владелец картины оказался настолько добр, что завел разговор на эту тему, и Нобунага воспринял это как косвенное обещание преподнести ему желанную вещь. К тому же, обратив разговор в слегка непочтительную шутку, Сотан просто не имел права не подарить Нобунаге картину.

Нобунага поддержал шутку и ответил в том же духе:

– От тебя, Сотан, ничего не скроешь. Доживешь до моих лет, тогда поймешь, что такое настоящая чайная церемония.

Словом, Нобунага подтвердил свое желание.

Тут вступил в разговор и Сёсицу:

– Через пару дней мне предстоит встреча с художником Сою из Сакаи. Мы с ним, пожалуй, поразмыслим над тем, откуда возвращаются эти суда. Лучше всего, разумеется, было бы спросить об этом самого Му Чи.

У Нобунаги улучшилось настроение. И хотя слуги уже не раз заходили в комнату и снимали нагар со свечей, он продолжал сидеть, попивая время от времени воду и не замечая, как бежит время.

Стояла летняя ночь, все двери и окна были раскрыты настежь. Возможно, поэтому свечи мигали и порой угасали в ночном тумане.

Если бы кто-нибудь взялся погадать на воске, он, несомненно, усмотрел бы дурное предзнаменование в том, как мигали и гасли свечи.

В главные ворота храма постучались. Какое-то время спустя доложили о прибытии гонца из западных провинций. Воспользовавшись этим поводом, Нобутада поднялся с места, да и Сёсицу попросил позволения удалиться. Нобунага тоже поднялся с места, чтобы проводить гостей до коридора.

– Спокойной ночи, – еще раз, уже на ходу, обернувшись и посмотрев на отца, произнес Нобутада.

Нагато с сыном стояли рядом с Нобутадой, держа в руках фонари. В храме Хонно было сейчас так темно, словно воздух превратился в черную тушь. Была вторая половина часа Крысы.

Мицухидэ колебался. Пойдешь направо – попадешь в западные провинции. Пойдешь налево – очутишься в деревне Куцукакэ, минуешь ее, переправишься через реку Кацура и окажешься в столице. Он стоял сейчас на вершине холма, на который карабкался всю свою жизнь. Развилка, лежащая перед ним, означала одно из двух: решительный поворот в судьбе или конец всему. Но картина, представшая сейчас его взору, никак не соответствовала мыслям, надеждам и страхам, бушевавшим в мозгу и в сердце у Мицухидэ. В небе мирно мерцали звезды, предвещая, казалось, что новый день принесет миру долгожданные и благодатные перемены.

Приказа устроить привал не было, но лошадь Мицухидэ внезапно остановилась, и он застыл в седле, четким силуэтом вырисовываясь на фоне звездного неба. Подумав, что он решил на мгновение задержаться, военачальники в ослепительных доспехах, окружавшие его, и длинные колонны войска у него за спиной – люди, знамена и кони – тоже замерли во тьме.

– Где-то здесь неподалеку ручей. Мне кажется, я слышу его журчанье.

– Так оно и есть. Вода!

Раздвигая низкорослый придорожный кустарник, кому-то из воинов в конце концов удалось обнаружить жалкий родничок, бивший в расщелине скал. Один за другим потянулись воины, спеша наполнить фляги прозрачной родниковой водой.

– Теперь нам хватит воды до самого Тэндзина.

– А может, нас накормят в Ямадзаки?

– Нет, ночь чересчур коротка. Наверное, когда мы дойдем до храма Кайин, уже рассветет.

– Если пойдем в дневную жару, то лошади быстро устанут, поэтому его светлости, наверное, кажется, что нам надо проделать большую часть пути в ночное время или ранним утром.

– Лучше всего так и поступать, пока мы не достигнем западных провинций.

Пешие воины и даже самураи, за исключением старших военачальников, еще, понятно, ни о чем не догадывались. И судя по тому, как весело они переговаривались, все пребывали в убеждении, будто до сражений еще далеко.

Войско пришло в движение. Военачальники с копьями в руках быстро обходили боевой строй, внимательно вглядываясь в лица своих воинов.

– Налево! Поворачиваем налево!

Войско начало спуск по восточному склону Оиносаки. Ни один воин не повернул направо, на дорогу, ведущую на запад. Они обменивались недоуменными взглядами. Но даже тем, кто заподозрил неладное, приходилось поторапливаться. Находившиеся в хвосте колонны ориентировались на знамя, так, по крайней мере, не ошибешься, в какую сторону поворачивать. Конские копыта гулко стучали по каменным плитам. Время от времени с горы с оглушительным грохотом срывались бульжники. Войско напоминало водопад, дорогу которому не может преградить ничто.

И люди, и лошади обливались потом и тяжело дышали. Одолев небольшой перевал, они

вновь пошли вниз, потом повернули в сторону, где, стремительно бурля, бежала горная река, и оказались прижатыми к отвесному склону горы Мацуо.

– Отдохнуть!

– Подкрепиться!

– Огней не зажигать!

Приказы следовали один за другим. Войско находилось еще только в окрестностях Куцукакэ, маленького горного селения, в котором обитало не больше десятка лесорубов. Тем не менее из ставки шли постоянные призывы соблюдать осторожность, и на дорогу вниз по холму выслали передовые дозоры.

– Куда мы идем?

– А ты-то куда идешь?

– Вниз по ущелью набрать воды.

– Приказано не выходить из строя. Хочешь пить – попроси у соседа в своей шеренге.

Воины развязали мешки с провизией и молча принялись за еду. Многие перешептывались с набитыми ртами. Удивлялись тому, что им велели подкрепиться в столь неподходящее время, на полпути вниз по склону горы. К тому же один раз нынешней ночью они уже ели – перед выступлением из храма Хатимана.

Почему бы им не встать на привал, когда солнце уже взойдет, где-нибудь в Ямадзаки или Хасимото, где нашлась бы и трава для лошадей? Но при всем своем недоумении они продолжали думать, будто идут в западные провинции. Ведь через Биттю пролегает отнюдь не единственная их дорога, ведущая в западные провинции, но и другие. Свернув направо у Куцукакэ, войско могло бы пройти через Охарано и выйти к Ямадзаки и Такацуки.

Но когда войско вновь отправилось в путь, оно пошло вниз по прямой на Цукахару и миновало деревню Кавасима. К часу четвертой стражи большей части войска уже открылась совершенно неожиданная картина: река Кацура под все еще темным небом.

Воины сразу же чрезвычайно встревожились. С реки пахнуло холодным ветром, и войско разом остановилось, объятые смутным страхом.

– Располагайтесь на земле! – последовал приказ.

– Не шуметь! Не разговаривать друг с другом без крайней необходимости!

Прозрачные воды реки отливали блеском, а ветер развеивал девять полковых знамен с эмблемой в виде синего колокольчика.

Мицухидэ призвал к себе Аmano Гэньэмона, полк которого располагался на правом фланге. Аmano вскочил на коня и помчался к своему князю.

Мицухидэ стоял на речной отмели в окружении военачальников. Их испытующие взгляды тут же обратились на Гэньэмона. Здесь находились и седовласый Сайто Тосимицу, и Мицухару, лицо которого было подобно трагической маске. Все прочие военачальники из ставки Мицухидэ сейчас окружали Мицухидэ словно стальным кольцом.

– Гэньэмон, – сказал Мицухидэ, – скоро наступит рассвет. Ты берешь отряд и переправляешься через реку первым. И мечом преграждаешь путь всякому, кто вздумает оповестить нашего врага о грозящей ему опасности. Там могут оказаться купцы или просто путники, направляющиеся в столицу в столь ранний час. Тебе придется обезвредить их всех. Это крайне важно.

– Я понимаю, – отвечал Гэньэмон, готовый приступить к выполнению задания.

– Погоди-ка, – остановил его Мицухидэ. – В порядке дополнительной предосторожности я вышлю отряды для охраны дороги, прилегающей от Ходзу к северной Саге и вдоль дороги Нисидзин от Дзидзоина. Смотри не напади на них по ошибке.

Мицухидэ говорил решительным тоном. Было ясно, что ум его сейчас работает со

стремительной скоростью; вздувшиеся жилы у него на висках, казалось, вот-вот лопнут.

Оставшиеся на берегу с нарастающим беспокойством следили за тем, как воины Гэньэмона форсируют Кацуру. Мицухидэ сел на коня, и военачальники один за другим последовали его примеру.

– Пора отдавать приказ. Смотрите только, чтобы все его поняли правильно.

Одни из военачальников, сидевший на лошади рядом с Мицухидэ, сложил ладони рупором у рта и закричал:

– Расковать коней и выкинуть прочь подковы! – Его голос был отчетливо слышен в первых рядах, а дальше приказ передавали по цепочке. – Всем пешим воинам надеть новые соломенные сандалии. Подтянуть ослабшие шнурки, чтобы мокрые сандалии не терли ноги. Укоротить фитили до одного сяку и связать по пять штук. Все ненужное, включая остатки провизии и личные вещи, все, что затрудняет ходьбу, выкинуть в воду! В руках не должно быть ничего, кроме оружия!

Приказ буквально ошеломил воинов. По рядам воинов прокатилось неясное волнение. Нет, они молчали и не двигались, а только переглядывались между собой, и на их лицах была тревога. Она вспыхивала и переданная по цепочке глазами катилась по рядам дальше с такой быстротой, что по крайней мере внешне это никак не проявилось.

Когда все было готово, а войско уже успело перестроиться, седовласый Сайто Тосимицу заговорил голосом, закаленным в сотнях сражений, как по писаному.

– Возрадуйтесь. Сегодня наш господин, князь Акэти Мицухидэ, станет правителем всей страны. Можете в этом не сомневаться.

Он говорил так громко, что его было слышно даже в задних рядах, где построились пешие воины и столпились сандалиеносцы. Все слушали прерывисто дыша, словно очередной вдох или выдох мог оказаться последним. Но это означало отнюдь не ликование и не одобрение, скорее смертельный страх. Тосимицу, закрыв глаза, заговорил снова, и слова его звучали как заклятие. Возможно, он старался прежде всего убедить в правоте принятого решения себя самого.

– Сегодняшний день навсегда останется самым лучезарным. Особо героических деяний мы ждем от самураев. Даже если кому-то суждено пасть в сегодняшней битве, его семья будет вознаграждена за проявленную вами отвагу.

Тосимицу закончил речь на такой же высокой ноте. Слова, которые ему пришлось произнести, были подсказаны Мицухидэ, сам он, возможно, сказал бы что-нибудь иное.

Началась переправа через реку.

В непроглядной тьме воины, ведя коней на поводу, вступили в воды Кацуры. Вода поднималась выше колен и была ледяной. Но, несмотря на то, что одежда их была сплошь забрызгана водой, порох они сохранили сухим, неся в вытянутых вверх руках. Борясь со стремительным течением реки, они мысленно повторяли слова, произнесенные Тосимицу перед началом переправы.

«Что ж, видать, нам предстоит напасть на князя Иэясу, – размышляли воины. – Ведь в здешних краях, кроме как с Токугавой Иэясу, воевать не с кем. Но что имел в виду Тосимицу, заявив, что с сегодняшнего дня наш господин станет правителем всей страны?»

Воины из клана Акэти были в большинстве своем людьми высоконравственными и справедливыми, поэтому им все еще не приходило в голову, что воевать предстоит против Нобунаги. Присущие клану Акэти благородство, упрямство и справедливость были характерны не только для знатных, но и для простых воинов и даже сандалиеносцев.

– Эй, поглядите-ка, светает!

– Скоро совсем рассветет.

Войско находилось между Нёигадакэ и горной грядой, достигавшей восточную часть

Киото. Облака в небе уже начала розоветь.

Тщательно присмотревшись, отсюда в полутьме уже можно было различить силуэт столицы. Дальше, в сторону Оиносаки и над обширными лугами Тамбы, небо оставалось черным и на нем сияли бессчетные звезды.

– Мертвец!

– А вот еще один!

– Глядите-ка, и здесь тоже!

Передовые отряды уже вышли на восточную окраину Киото. Отсюда до самой пагоды Восточного храма перед ними простиралась росистая пашня, лишь кое-где виднелись крестьянские хижины или небольшие купы деревьев.

Трупы были видны на обочинах дороги и посреди дороги, они были повсюду, куда ни бросали воины изумленный и испуганный взгляд. Судя по всему, это были трупы здешних крестьян. На участке, засаженном баклажанами, лежала, уткнувшись лицом в землю, совсем юная девушка. Сраженная одним ударом меча, она по-прежнему сжимала в руках корзинку, в которую складывала овощи.

Ее явно убили только что: кровь еще струилась из раны и была свежее утренней росы. Несомненно, это было дело рук воинов Аmano Гэнъэмона, высланных вперед. Они обнаружили рано вышедших в поле крестьян и поубивали их. Возможно, им было жаль невинных людей, но приказ есть приказ, и они не имели права подвергать риску успех всего предприятия.

Переводя взгляд с окрашенной кровью земли на заалевшие небеса, Мицухидэ привстал в стременах, поднял руку, сжимавшую кнут, и крикнул:

– Вперед! На храм Хонно! Уничтожить его! Разрушить! Мои враги – в храме Хонно! Вперед! Вперед! Всех, кто отстанет, я зарублю своею рукою!

Настал час битвы, и девять полков под девятью знаменами с изображением голубых колокольчиков перестроились в три колонны по три полка и по три знамени в каждой. Ворвавшись на Седьмую улицу, они сокрушали одни городские ворота за другими, мгновенно заполонив улицы мирно спящей столицы со всех сторон. Войско Акэти прорвалось сквозь ворота на Пятой, Четвертой и Третьей улицах и захватило Киото.

Еще не развеялся густой туман, но над горами уже вовсю полыхал рассвет, и, как обычно, ворота открывали для тех, кто хотел войти или выйти.

Никто не ждал стрелков и копьеносцев, ворвавшихся сюда, тесня и давя друг друга. В возникшей давке воины старались держаться поближе к своему полковому знамени.

– Не толкайтесь! Не кричите! Арьергард пусть пока останется за воротами.

Один из военачальников решил, что терпеть такую сумятицу далее невозможно. Выхватив засов из тяжелой двери, он одним ударом открыл ворота.

– Вперед! Вперед! – заорал он, ведя за собой свое воинство.

Согласно приказу войску следовало наступать молча, без боевых кличей, не поднимая над головами знамени и даже по возможности сдерживая ржание лошадей. Но, едва ворвавшись в столицу, войско Акэти пришло в полное неистовство.

– Вперед! На храм Хонно!

Сквозь невероятный шум было слышно, как одна за другой открываются двери домов. Но, выглянув наружу и увидев, что происходит, горожане в испуге запирали двери и прятались в глубине жилищ.

Среди множества отрядов, устремившихся на штурм храма Хонно, первыми оказались полки под предводительством Акэти Мицухару и Сайто Тосимицу.

– В этих узких переулках, да еще в тумане, нетрудно заблудиться. Если будете излишне спешить, то заблудитесь непременно. Медоносное дерево в роще храма Хонно – вот куда нам

надо! Вроде бамбука, только гигантское! Его видать и в тумане. Вот оно! Вот оно! Медоносное дерево храма Хонно!

Бешено размахивая руками и отчаянно крича, Тосимицу мчался в бой, который казался ему самым главным сражением за всю его долгую жизнь воина и полководца.

Войско под предводительством Акэти Мицутады тоже рвалось в бой. Оно подобно дыму просочилось по переулкам, ведущим к Третьей улице, и, выйдя к храму Мёкаку возле дворца Нидзё, окружило его. Именно так было и задумано: пока главные силы атаквали храм Хонно с целью уничтожить Нобунагу, Мицутаде надлежало расправиться с его сыном Нобутадой.

Впрочем, отсюда было рукой подать до храма Хонно. В утренних сумерках воины двух корпусов Акэти не видели друг друга, но со стороны храма Хонно уже доносился невероятный шум. Трубили в раковину, били в гонги и барабаны. Не будет сильным преувеличением сказать, что эти звуки сотрясали небо и землю и что нечасто на этом свете можно услышать нечто подобное. В этот час в столице одни сходили с ума от страха, другие утешали сходящих с ума близких.

Истошные крики и вопли ужаса оглашали даже обычно тихие кварталы, в которых жила знать. Эти кварталы вплотную примыкали к императорскому дворцу. Казалось, от грохота небо над Киото ходит ходуном.

Впрочем, волнение и страх, охватившие горожан, быстро прошли. Как только знать и простые люди сообразили, что именно происходит в городе, в домах стало тихо, как будто все там вновь улеглись в постель и заснули мирным сном. Никто не высовывал носа на улицу.

Было все еще так темно, что воины не разбирали, кто перед ними, и по дороге к храму Мёкаку второй корпус столкнулся с собственными соратниками, пошедшими кружным путем, приняв их за врагов. И хотя военачальники строго-настрого запретили стрелять без особого на то приказа, началась беспорядочная стрельба, и, естественно, вслепую.

Запах оружейного пороха взбудоражил их еще сильнее. Даже бывалым воинам, попавшим в нынешнюю переделку, не удалось сохранить всегдашнего самообладания.

– Эй! Слышите раковину! Слышите гонг! Это наши штурмуют храм Хонно.

– Они вступили в сражение!

– Атака началась!

Воины даже не заметили, как ноги сами их понесли. Устремившись вперед, они по-прежнему не понимали, чьи голоса слышат. Пока им никто не оказывал сопротивления. Они взмокли от пота и даже не замечали холодного тумана, от которого покрывались гусиной кожей их лица и руки. Их обуревали сейчас чувства, которые можно было выразить только истошным криком.

И потому они стали скандировать боевые кличи намного раньше, чем увидели крытые черепицей стены храма Мёкаку. Неожиданно они слышали ответные кличи, мощные, частые удары гонга и барабанную дробь.

Мицухидэ возглавлял третий корпус. Определенного командного пункта у них не было: где в данный момент находился Мицухидэ, там и находился командный пункт.

На мгновение он задержался в квартале Хорикава. Его обступили члены клана, ему разложили походный стул, но он не присел даже на минуту. Все его существо было устремлено сейчас туда, откуда доносились голоса и боевые кличи, туда, где поднимался пороховой дым и ключьями клубился туман. Он смотрел в небеса – в ту сторону, где высился дворец Нидзё. Время от времени он жмурился – его слепили рассветные лучи, но пока еще не пожары.

Нобунага внезапно проснулся без какой бы то ни было причины. Отменно выспавшись, он пробудился самым естественным образом. Смолodu он привык подниматься на рассвете, как бы

поздно ни лег накануне. Еще не полностью очнувшись ото сна и продолжая лежать, он ощутил нечто странное. На грани между сном и явью за какой-то короткий миг в его сознании с невероятной скоростью промчалась длинная череда мыслей.

Это были разрозненные воспоминания с юношеской поры до нынешней, отблески и отзвуки событий, планы на будущее. И все это молниеносно промелькнуло у него в мозгу.

Такое случалось с ним уже не впервые, но представляло собой скорей не привычку, а некую врожденную способность. Еще ребенком он отличался необузданной фантазией. Но превратности судьбы и в особенности те из них, что были связаны с обстоятельствами его рождения и воспитания, не позволяли ему предаваться грезам. Реальный мир, громоздя на его пути одну преграду на другую, сперва заставил, а потом и приохотил его преодолевать эти преграды.

Уже в юности, подвергаясь испытаниям и вновь и вновь доказывая свою способность выходить из них победителем, Нобунага остро осознал, что одних естественно возникающих на его пути препятствий ему мало. Высшим счастьем для него стал постоянный поиск новых трудностей, погружение в них и победа над ними. Его самоуверенность, не раз и не два нашедшая подтверждение во все новых успехах и постоянно взыскующая все более сложных испытаний, превратила его в незаурядного человека. А после возведения Адзути он просто исключил слово «невозможно» из своего обихода. Его представления о мире и о том, что он сам призван совершить в этом мире, отныне не ограничивались никакими рамками. Не в последнюю очередь это произошло потому, что, стремясь к достижению своих целей, он никогда не руководствовался соображениями общепринятого здравого смысла. Можно сказать, его главный способ действий заключался в том, чтобы делать невозможное сперва возможным, а потом и сбывшимся.

Вот и нынешним утром, пребывая на грани сна и бодрствования, он ощутил все еще бродивший в его жилах хмель предыдущей ночи, а перед его мысленным взором замелькали фантастические картины: огромные корабли и целые караваны судов, посылаемые им на южные острова, к побережью Кореи и даже в великий Китай. И он на капитанском мостике в компании Сотана и Сёсицу. «Еще кое-кого надо взять с собой в плавание, – подумал он, – Хидзёси». И ему казалось, что день, когда все это произойдет, уже близок.

На его взгляд, завоевание западных провинций и острова Кюсю было слишком жалким достижением для того, чтобы оправдать им всю собственную жизнь.

– Светает, – пробормотал Нобунага, поднялся и вышел из опочивальни.

Тяжелая дверь кедрового дерева, ведущая из опочивальни в коридор, изготовлена была искусно – так, что каждый раз, когда ее открывали или закрывали, раздавался звук, подобный человеческому голосу. Услышав этот звук, оруженосцы и мальчики, находящиеся в дальних покоях, сразу же спешили к своему господину. Мерцающий свет укрепленных на колоннах веранды бумажных фонариков отбрасывал маслянистые блики на полированные деревянные поверхности.

Поняв, что князь уже поднялся, мальчики помчались к фуру, устроенному рядом с кухней. По дороге их внимание привлек какой-то шум, донесшийся из северного коридора, словно там кто-то резко распахнул окно.

Подумав, что это, возможно, Нобунага, они остановились и взгляделись в слабо освещенный коридор. Их взору предстала женщина в широком кимоно и длинной цветастой накидке с длинными черными волосами, доходившими почти до пояса.

Когда отворили ставни, утреннее небо цвета колокольчиков засияло в окнах, как будто вырезанное из бумаги. Легкий ветер развеивал волосы женщины и доносил до мальчиков слабый аромат алоэ.

– Ну, давай же сюда!

Мальчики услышали звук льющейся воды и бросились в сторону кухни. Монахи еще не вышли из своих опочивален, поэтому окна и большие главные ворота оставались по-прежнему закрытыми. В большой кухне с земляным полом и в прилегающем к ней помещении с деревянным настилом все еще жужжали москиты и было темно, но уже ощущалось жаркое дыхание наступающего летнего утра.

Именно эту пору дня почему-то терпеть не мог Нобунага. К тому времени, как мальчики сообразили, что он поднялся, и прибежали услужить ему, он уже успел прополоскать рот и мыл сейчас руки. Подойдя к большой бадье, в которую из бамбуковой трубки лилась вода, он взял черпак, набрал в него воды и побрызгал себе на лицо, намочив и голову.

– Ах, вы намочили себе рукава, мой господин!

– Позвольте я сменю воду.

Мальчики не на шутку страшились княжеского гнева. Один из них осторожно засучил левый рукав Нобунаги, другой наполнил черпак водою. Еще один, встав на колени, держал наготове свежее полотенце. Как раз в эти мгновения люди, несшие стражу в особых помещениях, вышли во двор и сразу же обратили внимание на необычайный шум, доносящийся из-за внешней стены храма. И тут же послышался топот множества ног на подступах к внутреннему двору.

Нобунага, все еще не отерев лица и волос, приказал Бомару посмотреть, что там происходит, а сам принялся растирать лицо полотенцем.

Кто-то из мальчиков сказал:

– Может быть, там идет бой?

Нобунага никак не отозвался на это замечание. На мгновение его глаза застыли, как вода в бездне, и в них вспыхнули какие-то искры, словно князь всматривался во что-то – но не вовне, а внутри себя самого.

Однако это длилось всего лишь миг. Шум быстро распространялся повсюду. И здесь, в покоях для гостей, и на всей территории храма, где находилось около десяти всевозможных строений, земля ходила ходуном, как при землетрясении, сотрясаемая к тому же каким-то грозным, исполинским гневом.

В такие мгновения даже самый сильный и отважный человек испытывает смятение. Нобунага смертельно побледнел, и это не ускользнуло от внимания обступивших его мальчиков. Все они на секунду-другую словно онемели, но вот уже кто-то мчался к ним со всех ног, взывая к Нобунаге:

– Мой господин! Мой господин!

И мальчики отозвались хором:

– Господин Ранмару! Господин Ранмару! Сюда! Мы здесь!

Нобунага и сам кликнул своего любимца:

– Ранмару? Где тебя носит?

– Ах, вы здесь, мой господин. – Преклоняя колена, Ранмару едва не упал наземь.

Едва взглянув на него, Нобунага понял, что речь идет не о какой-нибудь случайной стычке между самураями и не о драке конюхов.

– Что происходит, Ранмару? Что означает весь этот шум? – встревоженно осведомился князь.

– Мятеж клана Акэти! – выпалил Ранмару. – Повсюду полно воинов, и у них знамена с гербами Акэти.

– Что? Акэти?!

Нобунага буквально опешил от изумления. Весь его вид свидетельствовал о том, что он

никак не ожидал подобного поворота событий, в страшном сне ему такое привидиться не могло. Однако он быстро взял себя в руки и произнес с обычным своим самообладанием:

– Акэти... Что ж, это было неизбежно.

Нобунага повернулся и быстро пошел в свои покои. Ранмару последовал было за ним, но, сделав несколько шагов, обернулся и приказал дрожащим от ужаса мальчикам:

– Быстро принимайтесь за дело! Я уже приказал Бомару распорядиться, чтобы заперли все ворота и двери. Перегородите коридоры и не подпускайте врага близко к его светлости!

Но не успел он закончить свою речь, как в кухонное помещение в двери и окна градом посыпались пули и стрелы. Множество стрел вонзилось в дубовую дверь, их сверкающие стальные наконечники наглядно свидетельствовали о том, что снаружи идет битва.

Храм Хонно оказался со всех сторон окружен воинами Акэти. Их боевые кличи доносились с юга от Роккаку, с севера от Нисикикодзи, с запада от Тоина и с востока от Абуракодзи. До храмовых построек врагу было рукой подать, но дорогу преграждал глубокий ров.

Лев копьев, знамен, мушкетов и секир высился у стен храма.

Одни ловко перепрыгивали через ров, другие оказывались по пояс в зловонной воде рва и, облаченные в тяжелые доспехи, неуклюже барахтались там. Даже если им удавалось выбраться и позвать на подмогу, соратникам было сейчас не до них.

Войско Акэти, наступавшее со стороны Нисикикодзи, сокрушило тамошние жилые кварталы. Женщины с младенцами, старики и дети с плачем выбирались из-под развалин, словно раки-отшельники, покидающие сброшенную скорлупу. Разрушив дома, воины использовали двери и доски, чтобы навести переправу через ров.

И вот уже воины Акэти полезли на стены. Стрелки вели оттуда прицельный огонь.

К этому времени в зданиях храма стало поразительно тихо. Все двери главного помещения были заперты, и не было ясно, есть ли там враг или нет. Огонь и дым начали подниматься в небо со стороны Ужасной улицы. Пожар распространялся с удивительной быстротой, пожирая одну лачугу за другой. Жившие здесь бедняки высыпали наружу, начала ужасная паника, многих в толпе затаптывали насмерть. С криками и стенаниями местные жители устремились к пересохшему руслу реки Камо или в центр города. Никто и подумать сейчас не мог о спасении своего жалкого скарба.

С высоты главных ворот на противоположной стороне храма можно было видеть, как воины, ворвавшиеся через задние ворота, поджигают кухонные постройки. Но и тем, кто штурмовал главные ворота, не хотелось пасовать перед соратниками. Рядовые воины в бешенстве кричали на военачальников, в нерешительности остановившихся у перекидного моста.

– Берем его!

– Прорываемся!

– Что нам время тянуть!

Один из военачальников обратился к стоящему за воротами стражу:

– Мы войско Акэти, направляемся в западные провинции. Пришли сюда во всеоружии, чтобы засвидетельствовать свое почтение князю Оде Нобунаге.

Это была смехотворная попытка обмануть защитников храма, и она не привела ни к чему, кроме очередной затяжки. Страж, разумеется, насторожился. Он ни за что не открыл бы ворот, не получив на то разрешение Нобунаги.

Он велел воинам Акэти ждать. Последовавшее за этим молчание означало, что срочное донесение оправлено в главное здание и что оттуда вскоре пришлют дополнительные силы для защиты ворот.

Воинам меж тем надоело томиться перед такой бесхитростной преградой, как крепостной

ров, и они начали подступать к нему все ближе и ближе.

– Атакуем! Атакуем! Чего мы ждем?

– Идем на приступ!

В стремлении первыми вскарабкаться на стену самураи оттолкнули колеблющихся, а кое-кого и сбили с ног.

Часть воинов, конечно, попадала в ров, но победные кличи издавали сейчас и те, кто штурмовал стены, и те, кто барахтался в грязи. А тут задние ряды нажали на передние еще сильнее. Еще больше воинов оказалось во рву. Сейчас ров в непосредственной близости к воротам кишмя кишел облепленными грязью воинами.

Молодой самурай, шагая по плечам товарищей, форсировал ров и оказался на крепостной стене. Другие поспешили воспользоваться его примером.

– На приступ!

Оглушительно крича и отчаянно орудуя древками копий, воины переправились через ров и начали один за другим карабкаться на стену. А жалкое месиво воинов, очутившихся во рву, казалось скоплением головастика, пытающихся выбраться из пруда на берег. Воины, штурмовавшие храм, безжалостно попирали спины, плечи и головы своих оказавшихся во рву соратников. Один за другим те, захлебнувшись, тонули в грязи, принося новые жертвы на алтарь общей победы. Но благодаря их бесславной гибели гордые голоса вскоре донеслись со стен храма Хонно.

– Я первый!

Но штурм развивался так стремительно, что определить, кто первым оказался на стене, а кто вторым, было на самом деле невозможно.

Самураи Оды тем временем похватили попавшееся под руку оружие и делали все возможное, чтобы остановить этот сокрушительный поток. Но их усилия напоминали попытку удержать руками прорванную плотину. Сметая на своем пути жалкие преграды в виде мечей и копий, воины передовых отрядов Акэти быстро продвигались к намеченной цели. Они шагали прямо по залитым кровью телам и врагов и соратников.

Как бы в подтверждение своих слов о желании засвидетельствовать почтение Нобунаге, они неудержимо рвались к главному зданию храма и к гостевым покоям. С широкой веранды главного здания и с балюстрады гостевых покоев на них обрушился шквал тысяч стрел. Расстояние было самым удобным для стрельбы из лука, и все же многие стрелы миновали атакующих, бессильно зарываясь остриями в землю, другие отскакивали от стен или улетали за пределы храма.

Кое-кто из самураев Оды, не успев облачиться в дневные одежды, полуобнаженными и даже безоружными вступали в отчаянную схватку с вооруженным до зубов врагом. Воины, несшие ночную охрану, а затем, с рассветом, легшие спать, сейчас выскочили из караульных помещений, стыдясь своего опоздания и пытаясь хоть ненадолго сдержать натиск Акэти, но вооружены они были только яростью и отвагой отчаяния.

Атакующие войска Акэти остановить было невозможно, они проникли уже внутрь помещений. Нобунага у себя в покоях, скрежеща зубами, надел панцирь поверх белого шелкового кимоно и завязал тесемки.

– Лук! Подайте мне лук! – закричал он.

Дважды или трижды пришлось ему повторять свое приказание, прежде чем кто-то из самураев не выполнил приказ. Выхватив лук у коленопреклоненного воина, Нобунага рванулся к дверям, крича на ходу:

– Спасайте женщин! Пусть уходят! Главное – спасти их от бесчестья!

Отовсюду слышался стук распахиваемых дверей, треск раздираемых в клочья ширм. От

истощных воплей женщин содрогалась крыша. В поисках спасения они металась из комнаты в комнату, бежали по коридорам, прыгали через перила. Их яркие одежды – розовые, голубые, белые, пурпурные – были подобны ярким вспышкам света на фоне серого неба. Пули и стрелы впивались в оконные ставни, в колонны, в перила. Нобунага уже вышел на веранду и, примостившись в углу, пускал в неприятеля стрелу за стрелой. Стены вокруг него были утыканы стрелами, и предназначались они именно ему.

Видя, с каким бесстрашием сражается их повелитель, даже перепуганные до смерти женщины не пожелали покинуть его. Им ничего не оставалось, как только, стоя рядом, рыдать.

«Пятьдесят лет под Небом» – так звучала строка из пьесы, которую очень любил Нобунага, потому что в юности она как бы воплощала в себе его мироощущение. Пятьдесят лет – столько ему сейчас и было. Собственная смерть не страшила его, и ему не казалось, будто вместе с ним погибнет весь мир. И сейчас близость гибели не лишала его ни самообладания, ни храбрости.

Наоборот, бушевавшая у него в душе ярость заставляла его сражаться с особым неистовством. Так просто смириться с судьбой и умереть он считал себя не вправе. Великое дело, которому он посвятил всю свою жизнь, не было завершено и наполовину. Слишком горько потерпеть поражение на полпути к цели. Слишком многого будет жаль, если придется умереть нынешним утром. Поэтому он выпускал одну стрелу за другой, слушал голос натянутой тетивы, и ему казалось, что с каждой выпущенной стрелой гнев его убывает. В конце концов тетива истерлась, и лук готов был сломаться.

– Стрелы! У меня кончились стрелы! Несите еще!

Поскольку этот приказ был исполнен не сразу, Нобунага начал собирать с пола стрелы, выпущенные в него, намереваясь поражать врага его собственным оружием. В это мгновение женщина с алой лентой в волосах, изящно подобрав рукав кимоно, протянула ему охапку стрел. Нобунага с изумлением и с восхищением взглянул на нее:

– Ано? Того, что ты уже сделала, более чем достаточно. А сейчас попробуй выбраться отсюда, беги!

Он резко мотнул подбородком, отсылая ее прочь, но Ано не ушла и по-прежнему подавала своему господину одну стрелу за другой.

Нобунага стрелял из лука скорее благородно и изящно, чем искусно, скорее вдохновенно, чем расчетливо. В радующем его слух пении стрел ему слышалось: эти стрелы чересчур хороши для тех извергов, которым они предназначены, их острия – незаслуженные ими щедрые дары от человека, призванного управлять всей страной. Но и те стрелы, которые принесла Ано, вскоре иссякли.

Тут и там в саду лежали бездыханные тела врагов, сраженных меткими стрелами князя. Но, пренебрегая опасностью, несколько воинов Акэти вплотную приблизились к балюстраде, где находился Нобунага, и начали карабкаться вверх.

– Мы видим тебя, князь Нобунага! Теперь тебе не уйти! Умри, как подобает мужчине!

Врагов сейчас было больше, чем ворон на медоносном дереве по утрам и по вечерам. Оруженосцы, ближайšie прислужники и даже мальчишки, преграждая врагу дорогу, прикрывали Нобунагу собою, все входы и выходы были заблокированы изнутри. Казалось, мечи самураев сверкали смертельным отчаянием. Все были готовы умереть, но не подпустить врага к Нобунаге. Среди этих, немногих уже, приверженцев князя были и братья Мори. Тела приверженцев и врагов Нобунаги лежали вперемешку, нередко – сцепившись друг с другом в смертельных объятиях.

Храмовая стража у внешних ворот сейчас передвинулась к главному зданию и вела там кровавый бой, препятствуя проникновению противника во внутренний двор. Но поскольку воины Акэти, судя по всему, уже проникли в главное здание, стража, которая сейчас

насчитывала не больше двух десятков человек, образовала ударный отряд и попыталась прорваться туда же.

Таким образом, воины Акэти, запершиеся в коридоре, были атакованы с обеих сторон. Здесь их изрубили едва ли не на части. Когда стражники увидели, что Нобунага по-прежнему в безопасности, они возликовали, крича:

– Теперь самое время! Самое время! Надо отходить как можно быстрее.

– Глупцы! – Нобунага, сплюнув в сердцах, отшвырнул от себя сломанный лук, да и стрел у него все равно больше не было. – У нас нет времени на отход! Подайте мне копьё!

Растолкав воинов, он выхватил у одного из приверженцев оружие и, размахивая им, как лев, рванулся по коридору. Увидев, что вражеский воин уже уцепился руками за перила, намереваясь взобраться на балюстраду, Нобунага пригвоздил его копьем, как букашку.

И в это мгновение один из воинов Акэти, затаившийся под китайской пихтой, выстрелил в Нобунагу из маленького лука. Стрела впилась князю в плечо. Пошатнувшись, он привалился спиной к оконному ставню.

Тут еще одна стычка разгорелась у западной стены. Отряд приверженцев Оды и пеших воинов под командованием Мураи Нагато и его сына пробился к западной стене храма Хонно. Ударив по отряду Акэти с тыла, приверженцы Нобунаги предприняли попытку ворваться в храм через главные ворота.

Прошлой ночью Нагато с сыном засиделись допоздна с Нобунагой и Нобутадой и, воротясь домой, легли спать только в час третьей стражи. Вот почему, как можно предположить, Нагато этой ночью спал так крепко, что позволил застигнуть себя врасплох. А ведь в его обязанности входило принять необходимые меры в связи с появлением войска Акэти на окраине столицы. Он должен был, как минимум, немедленно известить обитателей и гостей храма Хонно о появлении вражеского войска.

Его ошибка была страшной и непоправимой. Но вина лежала не только на Нагато. Все жители столицы и ее гости должны были разделить с ним ответственность за то, что Нобунага оказался в ловушке.

– На улице какой-то переполох.

Таковыми словами разбудили сегодня Нагато. Поначалу он ничего не понял.

– Какие-нибудь уличные беспорядки. Пойди узнай, – сказал он приверженцу.

И только не спеша поднявшись с постели и одеваясь, Нагато услышал крик дозорного:

– Пожар в Нисикикодзи!

Нагато прищелкнул языком:

– Наверное, опять что-нибудь стряслось на Ужасной улице.

Мирное течение жизни в последнее время настолько расслабило Нагато, что он попросту забыл о том, что в стране, не затихая, идет междуусобная война.

– Что? Войско Акэти? – Но растеряться он позволил себе всего на мгновение. – Ах ты, дьявол!

И он выскочил во двор едва ли не в чем мать родила.

Увидев на улице множество вооруженных воинов, конных и пеших, мечи и наконечники копий которых грозно сверкали в лучах восходящего солнца, он поспешил в дом, чтобы облачиться в доспехи и препоясаться мечом.

Собрав тридцать – сорок воинов, он помчался на выручку Нобунаге. Вся дорога до храма Хонно была заполонена армией Акэти. Стычка отряда Нагато с вражескими воинами произошла у западной стены храма Хонно и переросла в яростное побоище. Рассеяв небольшой тыловой дозор, воины Нагато прорвались к главным воротам и чуть было не проникли в храм, однако воины Акэти пресекли дерзкую попытку: Нагато и его сын, оба тяжело раненные, были

вынуждены отступить с остатками отряда, потерявшего в схватке половину воинов.

– Попробуем прорваться к храму Мёкаку! Пойдем на помощь князю Нобутаде!

Кромешно-черный дым подобно грозовым тучам поднимался над крышей храма Хонно. Кто поджег храм: воины Акэти, приверженцы Нобунаги или сам князь Ода? Положение было таким запутанным, что вряд ли кто-нибудь мог бы ответить на этот вопрос.

Дым окутывал храм со всех сторон, его клубы вырвались одновременно из кухни и из спальных покоев.

Двое самураев и один из мальчиков неистово сражались с врагом в помещении кухни. Судя по всему, монахи, приставленные к кухне, встали сегодня очень рано, – хотя ни одного из них сейчас не было видно, – потому что под большим котлами уже были сложены наколотые дрова.

Мальчику, стоявшему в дверях кухни, удалось сразить по меньшей мере двух воинов Акэти. Когда у него все-таки отняли копье, он, изловчившись, отскочил в глубину кухни и принялся метать оттуда во врагов все, что ему попадалось под руку.

Мастер чайной церемонии и его спутник, также оказавшиеся здесь, отважно бились с врагом плечом к плечу с мальчиком. При всей ненависти воинов Акэти к своим врагам они вынуждены были признать, что эти три фактически безоружных человека стойко противостояли нескольким самураям при оружии и в доспехах.

– Что это вы тут возитесь?

Воин, судя по всему, военачальник невысокого ранга, ворвался в кухню, выхватил из огня пылающую головню и стал тыкать ею в лицо трем приверженцам Оды. Еще одну головню он швырнул в ларь с припасами, а третьей запустил в потолок.

– Внутрь!

– Он должен быть здесь!

Они искали Нобунагу, но, не найдя его, ворвались в кухню и стали ногами в соломенных сандалиях расшвыривать горячие поленья по полу. Огонь мгновенно охватил ширмы, пополз вверх по деревянным опорам, подобно красному плюшу. Когда пламя достигло тела мастера чайной церемонии и мальчика, оба они были уже бездыханны.

Нечто невероятное творилось на конюшне. Там находилось около десятка лошадей: они дико ржали и били копытами в стенки стойла. Две из них в конце концов сорвались с привязи и вырвались наружу. Они на полном скаку мчались прямо на воинов Акэти, а лошади, остававшиеся в конюшне, чувствуя, как к ним подбирается пламя, ржали все громче и громче. Самураи, приставленные к конюшне, забыв о лошадях, поспешили на помощь Нобунаге. Именно здесь решили они принять последний бой и пали один за другим.

Даже конюхи, которым ничто не мешало устраниваться от боя, разделили участь с самураями и тоже погибли. Всю жизнь довольствуясь нищенским пайком, эти люди с готовностью приняли смерть, доказав тем самым, что ничем не уступают высокородным господам.

Один из воинов Акэти, размахивая копьем с окровавленным наконечником, носился из комнаты в комнату, пока в дыму не отыскал своего боевого товарища.

– Это ты, Миноура?

– Я!

– Ты уже кого-нибудь уложил?

– Нет еще!

Каждый из них, как и все прочие воины Акэти, были движимы мечтой, что именно ему посчастливится первым добраться до Нобунаги. Вскоре они расстались, затерявшись в густом дыму.

Сейчас пламя, казалось, достигало уже крыши, и во внутренних приделах стояли грохот и треск. Кожаные и металлические части доспехов раскалились так, что к ним нельзя было

прикоснуться. Мгновенно помещение покинули все, кроме воинов Акэти, но и те, спасаясь от огня, спешили поскорее вырваться наружу.

Из тех, кто по-прежнему оставался в здании и еще был жив, одни задыхались в дыму, другие были усыпаны пеплом. Двери и раздвижные стенки уже были вышиблены, горели золотая парча и дерево драгоценных пород; с трудом разгоревшись, они теперь ярко пылали. Но внутри маленьких боковых помещений было темно, хоть глаз коли. Даже проходы, ведущие в коридор, нельзя было различить в сплошном дыму.

Ранмару устало прислонился к двери из кедрового дерева, ведущей в комнату, которую он охранял, и осмотрелся по сторонам. Сжимая в руке копьё с окровавленным наконечником, он ждал врага. Услышав шаги по коридору, вскинул копьё на изготовку.

Сейчас он весь обратился в слух. Но прислушивался он не только к поступи приближающегося врага. Ему хотелось услышать что-нибудь из комнаты, которую он охранял. Человек в белом, только что проскользнувший туда, был Воплощение Справедливости, князь Ода Нобунага. Он сражался до последнего, сражался до тех пор, пока пламя не охватило храм, а все его соратники не были перебиты один за другим. Он сражался плечом к плечу с рядовыми пешими воинами, словно сам был одним из них. И все же он решил покончить жизнь самоубийством не только потому, что дорожил славой и не хотел, чтобы его голова стала добычей какого-нибудь ничтожества. Его гибель была так или иначе предрешена, и поэтому ему не было жаль расставаться с жизнью. Единственное, о чем он сожалел, было дело всей его жизни, отныне оставшееся незавершенным.

Храм Мёкаку находился совсем рядом. Да и дворец наместника – тоже. И оставались еще самураи, остановившиеся на постройках в жилых кварталах столицы. И если бы удалось найти хоть какую-нибудь лазейку, ведущую к ним, побег мог бы оказаться возможным, подумал Нобунага. С другой стороны, дьявольский план, которым наверняка руководствовался в своих действиях Мицухидэ, не мог не предусмотреть все до мелочей и уж, конечно, не мог оставить врагу хоть малейшую лазейку для спасения. Что ж, все сходилось к одному: чему быть, того не миновать.

Две эти противоположные мысли владели сейчас умом князя Оды.

Глядя на тела своих павших в бою соратников, он осознавал, что и для него самого настал последний час. Покинув поле брани, он уединился в этой комнате, с Ранмару на страже у дверей, и сказал своему любимцу:

– Когда услышишь мой крик, знай, что я совершил сэппуку. Тогда спрячь мое тело за ширму и подожги ее. А до той поры не подпускай ко мне врага.

Отдавая этот приказ, Нобунага глядел Ранмару в глаза.

Тяжелая деревянная дверь была надежной защитой. На мгновение взор Нобунаги задержался на пока еще не тронутых огнем картинах, висевших на стене. Откуда-то уже начал просачиваться дым, но в распоряжении Нобунаги еще было некоторое время.

«Я прощаюсь с жизнью. И спешить мне некуда», – мысленно сказал он себе.

Ему казалось, будто кто-то с ним разговаривает. Едва войдя в эту комнату, Нобунага ощутил жгучую жажду – еще более нестерпимую, чем подступающий со всех сторон горячий воздух. Он едва не потерял сознание, тяжело опустившись на пол посередине комнаты, но тут же взял себя в руки и перебрался в нишу. В конце концов, пространство перед ним изначально предназначалось для его приверженцев. Он представил себе, как, зачерпнув пригоршню холодной воды, делает живительный глоток, и у него перехватило дыхание. Он сосредоточился и мысленно переместил душу в пространство ниже пупка. Затем сел, подобрав под себя ноги, принял подобающую осанку, расправил одежду и постарался представить себе, будто он сидит в окружении приверженцев, как это обычно бывало.

И тут Нобунага почувствовал, как прерывистое дыхание становится спокойным и ровным.

Так что же, значит, умирают вот так?

Он был невероятно, неправдоподобно спокоен. Ему впору было смеяться.

«Выходит, я тоже сплеховал».

Даже мысленно представив лысую голову Мицухидэ, он не смог вызвать в себе злобы. В конце концов, Мицухидэ тоже человек и поступил он так, как подсказало ему сердце, подумал Нобунага. Конечно, роковой ошибкой было его собственное отношение к Мицухидэ, и все же ему стало жаль, что справедливый, по сути, гнев приверженца принял такую безобразную и зловещую форму. «Да ведь и тебе, Мицухидэ, жить, скорей всего, осталось уже недолго», – подумал он.

Левой рукой он стиснул рукоять меча, правой провел по лезвию.

Торопиться ему было некуда.

«Некуда», – мысленно сказал себе Нобунага. Меж тем пламя уже начало пробиваться в комнату. Нобунага закрыл глаза. И тут же на него нахлынули воспоминания. Со скоростью бешено мчащейся лошади перед его мысленным взором пронеслась вся его жизнь – от ранних юношеских лет до сегодняшнего дня. Когда он открыл глаза, золото на картинах приняло алый оттенок. А расписанный пионами потолок уже пожирало пламя. На совершение сэппуку потребовалось всего лишь мгновение. И в последний миг показалось ему, будто нечто величественное, присущее его духу, навсегда простилось с презренной земной оболочкой.

– Ни о чем не жалею! – воскликнул Нобунага.

Услышав его голос, Ранмару ворвался в комнату. Его господин, облаченный в белое шелковое кимоно, уже лежал ничком на полу, зажимая руками рану на животе. Ранмару выломал дверцы находившегося в комнате шкафа и накрыл ими тело Нобунаги, соорудив некое подобие гроба. Притворив за собой дверь, он встал у ниши, где покоилось тело Нобунаги. Малый меч он держал наготове, чтобы в свою очередь совершить сэппуку, но торопиться ему пока было некуда, и он не сводил с Нобунаги глаз, пока всю комнату не объяло пламя.

В первые три дня шестого месяца небо над Киото оставалось чистым и нещадно палило солнце. В гористых западных провинциях погода, однако же, была переменчива: то дождь, то сухо. А до самого конца пятого месяца непрерывно лили дожди. И вот, в первые два-три дня шестого месяца сильные юго-западные ветры развеяли тучи, потом принялись гонять их по кругу с юга на север, и погода соответственно менялась по несколько раз на дню.

Большинство людей, которым надоела непогода, надеялись, что сезон дождей в нынешнем году завершится рано, но воины Хидээси, увязшие в долгой осаде крепости Такамацу, молили Восьмерых Драконов наслать как можно больше дождя, потому что именно дождь представлял собой их главное оружие в ходе осады. Крепость теперь окончательно превратилась в одинокий островок посредине заболоченного озера. То здесь, то там над водой выступали верхушки деревьев (леса и рощи были затоплены водой), напоминая клочки волос на лысой голове у человека.

В крепостном городе над водой остались только крыши домов. Дома сельских жителей, расположенные в низинной части, ушли целиком под воду, а на поверхности этого рукотворного озера плавали самые разные деревянные предметы, по-видимому, обломки мебели и деревянная утварь.

Рябь на поверхности желтой от грязи воды исчезла, а это означало прекращение дождя, но воинам на берегу было ясно, что вода все прибывает и прибывает.

– Глядите-ка на этих бездельников! Неужели нечем заняться? Экие, право, счастливики!

Хидээси, сидя верхом, переговаривался с оруженосцами.

– О чем это вы, ваша светлость?

Оруженосцы с любопытством посмотрели туда, куда указывал Хидэёси. И в самом деле, на деревянном плоту в виде дверцы шкафа, плавающем на поверхности озера, гордо восседали белые цапли. Оруженосцы, большинство из которых были еще юнцами или даже подростками, принялись пересмеиваться. Хидэёси хлестнул коня и поехал в лагерь.

Это было вечером третьего дня шестого месяца. Хидэёси все еще ничего не знал о случившемся в Киото. Со свитой от пятидесяти до ста человек Хидэёси чуть ли не каждый день объезжал расположение войск. Порой он брал с собой и мальчиков. Они носили большой зонт с длинной ручкой, который устанавливался по прибытии в тот или иной полк рядом с полковым знаменем для защиты их господина от дождя или от палящего солнца. «Это наш главнокомандующий», – с гордостью думали воины. В дни, когда Хидэёси не объезжал войска, им как будто чего-то не доставало.

Объезжая боевые порядки, Хидэёси любовался своими воинами, пропотевшими и пропыленными насквозь, находящими высшее удовольствие в едва съедобной пище, никогда не лезущими в карман за словом и вряд ли догадывающимися о том, что такое скука.

Хидэёси с тоской вспоминал о днях, когда и сам был столь же жизнерадостным и бесхитростным юнцом. Главнокомандующим он был назначен пять лет назад. Кровавые сражения и затяжные осады крепостей Кодзуки, Мики и многих других оказались на редкость жестокими. Но еще более жестоким было душевное смятение, которое он, военачальник и главнокомандующий, испытал уже не один раз.

Нобунага был крайне требовательным властителем, и, служа ему, да еще на таком удалении от дворца, было не так-то просто не навлечь на себя его гнев. К тому же военачальники из ближайшего окружения Нобунаги втайне ненавидели Хидэёси в связи с его столь быстрым возвышением. Но, невзирая ни на что, Хидэёси был благодарен своему властелину, и, вознося по утрам молитву в честь богини солнца Аматаэрасу, он благодарил ее за благосклонность к его судьбе.

Никому не придет в голову добровольно искать подобные испытания. Независимо от того, что именно желал или не желал сам Хидэёси, Небо без конца насылало на него невзгоды. Бывали дни, когда он благодарил судьбу за посланные ему в юности испытания, потому что они помогли ему одолевать трудности, возникавшие в дальнейшей жизни. Они научили его преодолевать собственную слабость, а ведь он никогда не отличался чрезмерно крепким здоровьем.

На этот раз он успешно решил задачу водяной атаки на крепость Такамацу и сейчас ждал только прибытия самого Нобунаги. На горе Хидзаси стояло тридцатитысячное войско Мори под командованием Киккавы и Кобаякавы, готовое прийти на помощь защитникам крепости-острова в центре рукотворного озера. В ясные дни врагу были отчетливо видны и зонт над головой у Хидэёси, и полковой штандарт.

Как только Хидэёси вернулся к себе в ставку, по дороге Окаяма примчался гонец. Стража немедленно окружила его. По одной и той же дороге можно было попасть и в лагерь Хидэёси на горе Исии, и, приехав через Хабату, в лагерь Кобаякавы Такакагэ на горе Хидзаси. Естественно, эту дорогу самым тщательным образом охраняли.

Гонец мчался сюда целый день без отдыха и сна. К тому времени, как стража решила наконец отвести его в лагерь, он лишился чувств.

Шел час Свиньи. Хидэёси все еще не ложился. Дождавшись возвращения Хикоэмона, Хидэёси вместе с ним и с Хори Кютаро удалился в шатер главнокомандующего для тайного совещания.

По этому случаю все прочие лица, включая мальчиков, были отосланы из шатра. Присутствовать было позволено только стихотворцу по имени Юко, который в соседней

комнате, отделенной бумажной перегородкой, готовил зеленый чай.

Внезапно послышались приближающиеся к шатру шаги. Охране было дано строжайшее предписание не пропускать никого, поэтому вновь прибывшему пришлось вступить в перебранку со стоящими у входа в шатер стражниками.

Гость оказался настойчив и горяч, но стражники не уступали ему в горячности.

– Юко, что там происходит? – осведомился Хидэёси.

– Не знаю. Стражники о чем-нибудь заспорили.

– Поди-ка посмотри.

– Хорошо.

Выйдя из шатра, Юко, к собственному изумлению, обнаружил, что человеком, которого не пропускали стражники, оказался Асано Нагамаса.

Стражники, однако же, действовали в точном соответствии с приказом: велено никого не пускать, они и не пускали. Асано или не Асано – это их совершенно не интересовало. Асано же объяснял им, что, если его не пропустят, он прорвется силой, чтобы передать депешу, которую он доставил. Оруженосцы отвечали, мол, попытка – не пытка. Пусть они молоды, но им доверили серьезное дело, и они докажут, что не зря.

Юко поспешил утихомирить юных упрямецев, а затем спросил:

– Господин Асано, что случилось?

Асано показал ему запечатанное письмо и сообщил, что в лагерь только что прибыл гонец из Киото. Ему известно, что нынешний совет носит тайный характер, однако и сообщение, судя по всему, не совсем обычное, поэтому он желает вручить его незамедлительно.

– Подождите, пожалуйста.

Юко поспешил в шатер и сразу же вернулся, чтобы проводить Асано к Хидэёси.

Проходя мимо стражников, Асано смерил их высокомерным взглядом. Тем пришлось смущенно потупить и сделать вид, будто они вообще не замечают его присутствия.

Отодвинув чуть в сторону невысокую напольную лампу, Хидэёси посмотрел на вошедшего Асано.

– Извините, что вынужден вам помешать. Мне сказали, мой господин, что это письмо от Хасэгавы Содзина.

Асано протянул ему красную лакированную коробку с посланием.

– Послание от Содзина?

Хидэёси в недоумении взял свиток.

Хасэгава Содзин был личным мастером чайной церемонии при Нобунаге. Хидэёси никогда не водили с ним приятельских отношений, поэтому письмо от мастера чайной церемонии, в срочном порядке отправленное на театр боевых действий, выглядело странно. Более того, согласно сообщению Нагамасы, гонец покинул Киото накануне в полдень и прибыл в лагерь только что, в час Свиньи.

А это означало, что за тридцать шесть часов он проделал путь в семьдесят ри. Даже для гонца это было уж слишком быстро. И означало, что он не ел и не пил по дороге и скакал без отдыха всю ночь.

– Хикоэмон, придвинь-ка сюда лампу.

Хидэёси, нагнувшись, распечатал письмо. Оно было кратким и, судя по всему, написано в спешке. Но при одном взгляде на него волосы у Хидэёси встали дыбом.

Люди, сидевшие за спиной у Хидэёси, не могли, разумеется, заглянуть ему через плечо. Но, увидев, как его затылок побагровел, Кютаро, Асано и Хикоэмон невольно подались вперед.

– Мой господин, что произошло? – спросил Асано.

Этот вопрос вернул Хидэёси к действительности. И, словно усомнившись в том, что

правильно понял смысл письма, он перечел его еще раз. И вот на письмо, относительно содержания которого уже не оставалось никаких сомнений, полились слезы.

– Мой господин, что это значит? – спросил Хикоэмон.

– Это так не похоже на вас, мой господин!

– Неужели такие дурные новости?

Все трое решили, что дурная весть касается матери Хидэёси, по-прежнему остававшейся в Нагахаме.

В ходе затяжных военных кампаний люди редко говорят о своих домашних, но если такое случалось, то Хидэёси неизменно заводил речь о матери, поэтому и сейчас его приверженцы решили, что она или серьезно заболела, или умерла.

Наконец Хидэёси отер слезы и выпрямился. Вид у него был мрачный и лицо выражало неподдельное горе и гнев. Такая реакция не бывает при известии о смерти родителей.

– Нет сил пересказывать вам содержание письма. Прочтите сами.

Хидэёси протянул им письмо, а сам отвернулся, вытирая рукавом слезы.

Письмо подействовало на всех, как удар молнии. Нобунага и Нобутада мертвы. Может ли это быть правдой? Неужели мир настолько загадочен? Кютаро, в частности, виделся с Нобунагой непосредственно перед своим прибытием на гору Исии. Кютаро прибыл сюда по личному приказу Нобунаги, и сейчас он вновь и вновь перечитывал письмо, не в силах уяснить его смысл. И Кютаро, и Хикоэмон тоже пролили слезы – их было бы достаточно, чтобы погасить лампу, мерцавшую в полумраке. Хидэёси сидел с безучастным видом, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Он овладел собой, его губы были сейчас плотно сжаты.

– Эй! Кто-нибудь! – крикнул он стражникам.

Его громогласный крик сотряс шатер, и Асано с Хикоэмоном, люди большого мужества, чуть не подпрыгнули на месте от испуга. Ведь только что Хидэёси был настолько поглощен своим горем, что, казалось, не мог произнести ни слова.

– Да, мой господин! – сказал вошедший в шатер стражник.

Вслед за тем слышались торопливые шаги. Услышав эти шаги и, главное, бодрый голос Хидэёси, Кютаро и Хикоэмон внезапно почувствовали, что горе уходит.

– Да, мой господин!

– Как тебя зовут?

– Исида Сакити, мой господин.

Низкорослый Сакити выскользнул из-за ширмы, отделяющей соседнюю комнату. Выйдя на середину татами, он опустил на колени, прижав ладони к полу.

– Сакити, отправляйся, да поживее, в лагерь к Камбэю. Скажи ему, чтобы он немедленно прибыл сюда. И сам потарапливайся!

Если бы положение позволяло, Хидэёси, конечно, зарыдал бы в голос. С семнадцати лет он служил Нобунаге. Тот то гладил его по головке, то бил, а обязанностью Хидэёси было носить следом за господином его соломенные сандалии. Теперь господина не было в живых. Отношения между Хидэёси и Нобунагой никак нельзя было назвать обыденными. Их сроднила кровь, жизнь и смерть. И вот, совершенно внезапно, господин ушел первым, а Хидэёси пришлось осознать, что отныне он сам является господином своей судьбы.

«Никто не знал меня так, как он, – думал Хидэёси. – В свои последние мгновения, погибая в пламени на развалинах храма Хонно, он, должно быть, мысленно призывал меня и передавал в мои руки дело всей своей жизни. Я не имею права предать дело моего господина, не имею права обмануть доверие, которым он меня облек». И эти его слова не были тщетной жалобой. Он и впрямь верил в то, что Нобунага, умирая, завещал ему завершить начатое им великое дело.

Хидэёси был в состоянии понять, какое великое разочарование испытал, должно быть, его

господин. Слишком хорошо знал он своего князя, чтобы не осознавать, как горестно было тому покидать этот мир, не исполнив и половины своего предназначения. И, задумавшись над тем, что отныне должно стать уже его предназначением, Хидэёси понял, что не имеет права отчаиваться, время не ждет, надо действовать. Сейчас все его мысли были сосредоточены на одном и касались они заклятого врага по имени Акэти Мицухидэ.

Но оставался еще вопрос и о том, что предпринять по отношению к нынешнему противнику – вопрос о крепости Такамацу. И вопрос о тридцатитысячной войске Мори – что надлежало делать с ним? Как ему, увязшему в западных провинциях, быстро и решительно восстановить должное положение в Киото? Как сокрушить Мицухидэ? Один вопрос громоздился на другой, все вместе они были подобны непроходимой горной гряде.

И вот он, кажется, принял решение. Пусть шансы на успех составляли всего один на тысячу – судя по его непреклонному виду, он твердо решил поставить на карту все, уповая на эту одну-единственную возможность.

– Где сейчас гонец? – спросил Хидэёси у Асано, едва оруженосец умчался выполнять его поручение.

– Я приказал ему ждать у главного храма и оставил при нем самурая, – ответил Асано.

– Отведи его на кухню и прикажи накормить. Но держи его взаперти и не позволяй ни с кем разговаривать.

Когда Хикоэмон, кивнув, поднялся с места, Асано также попросил разрешения удалиться.

– Нет, – сказал Хидэёси, – у меня для тебя есть другое дело, так что изволь подождать. Асано, мне хочется, чтобы ты собрал самураев, легких на подъем и чутких на ухо, взял их под свое начало и расставил по дороге, ведущей из Киото в провинции, находящиеся под властью Мори. Я хочу, чтобы по этой дороге и капля воды не просочилась. Бери под арест каждого, кто покажется тебе подозрительным, и даже с виду не подозрительных. Допрашивай и проверяй, тот ли он, за кого себя выдает, да что у него имеется при себе. Все это крайне важно. Так что, пожалуйста, поторапливайся и держи ухо востро.

Асано сразу же отправился исполнять поручение. С Хидэёси остались только Кютаро и Юко.

– Который час, Юко?

– Вторая половина часа Свиньи.

– Сегодня ведь третье число, верно?

– Совершенно верно.

– А завтра четвертое, – пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь, Хидэёси. – А послезавтра пятое.

Он произносил это, полузакрыв глаза и барабанил пальцами по колену, как будто что-то подсчитывал.

– Мне тоже не сидится на месте. Не соблаговолите ли вы дать какое-нибудь поручение и мне? – взмолился Кютаро.

– Нет, мне хочется, чтобы ты побыл тут еще немного, – ответил Хидэёси, сдерживая нетерпение приверженца. – Скоро прибудет Камбэй. Я уверен, что Хикоэмон сумеет позаботиться о гонце, но раз уж у нас есть свободное время, то почему бы не подстраховаться?

Кютаро немедленно встал, вышел из шатра и отправился на кухню. Гонец сидел в клетушке за кухней, с жадностью поглощая все, что ему подавали. Он ничего не ел и не пил уже тридцать шесть часов, и, когда он в конце концов отвалился от стола, живот у него заметно вздулся.

Видя, что гонец насытился, Хикоэмон проводил его в каморку у алтаря, где хранились священные сутры, пожелал ему спокойной ночи и вышел, заперев дверь снаружи. Как раз в это мгновение к Хикоэмону подошел Кютаро и шепнул ему на ухо:

– Его светлость беспокоятся, как бы новости о событиях в Киото не дошли до воинов.

В глазах у Кютаро можно было прочесть желание немедленно убить гонца, но Хикоэмон покачал головой. А когда они отошли на несколько шагов, пояснил:

– Он с голоду так наелся, что наверняка умрет сегодня ночью. Зачем же лишать его жизни.

И, покосившись в сторону комнаты, где остался гонец, Хикоэмон принялся шептать молитву.

Книга восьмая.

Десятый год Тэнсё.

1582, лето

Персонажи и места действия

Хори Кютаро – старший вассал клана Ода

Ода Нобутака – третий сын Нобунаги

Ода Нобуо – второй сын Нобунаги

Нива Нагахидэ – старший вассал клана Ода

Цуцуи Дзюнкэй – старший вассал клана Ода

Мацуда Тародзаэмон – старший вассал клана Акэти

Исида Сакити – вассал Хидэёси

Самбоси – внук и наследник Нобунаги

Такигава Кадзумасу – старший вассал клана Ода

Маэда Гэни – старший вассал клана Ода

Сакума Гэмба – племянник Сибаты Кацуиэ

Сибата Кацутё – приемный сын Кацуиэ

Хидэёси не шевелился. Основание лампы было усыпано пеплом сожженного письма Хасэгавы.

Хромая, вошел Камбэй, Хидэёси встретил его кивком. Камбэй осторожно подогнул искаленную ногу и опустился на циновку. Находясь в плену в крепости Итами, он заболел лишаем, да так и не вылечился. Когда он сидел возле лампы, поредевшие волосы и почти прозрачная кожа придавали всему его облику странный и немного забавный вид.

– Я получил приказ прибыть сюда, мой господин. Что за срочная надобность в столь поздний час?

Хикоэмон переглянулся с Хидэёси.

– Хикоэмон все объяснит вам.

Хидэёси горестно вздохнул и, сложив руки на груди, опустил голову.

– Это будет страшно, Камбэй, – предупредил Хикоэмон.

Камбэй был человек редкого мужества, но, внимая рассказу Хикоэмона, он побледнел. Ничего не промолвив в ответ, он, подобно Хидэёси, горестно вздохнул, сложив руки на груди, и пристально поглядел на главнокомандующего.

Кютаро, сидящий на коленях, выдвинулся вперед и произнес:

– Теперь нам недосуг горевать о прошлом. Ветер перемен дует в мире. Для вас, мой господин, этот ветер – попутный. Настало время поднять паруса и пуститься в плавание.

Камбэй хлопнул себя по колену:

– Отлично сказано! Небо и земля существуют целую вечность, но жизнь идет лишь благодаря смене времен года. Если посмотреть на случившееся широким взглядом, то это событие обещает вам великое будущее.

Соображения, высказанные обоими, заставили Хидэёси довольно улыбнуться, потому что они в точности совпадали с его собственными мыслями. Но он не мог признаться в таких чувствах перед всей страной без риска оказаться неправильно понятым. Для вассала смерть его господина всегда представляет собой величайшее несчастье и прежде всего взывает к отмщению.

– Камбэй и Кютаро, ваши слова воодушевляют меня. Но у нас не остается другого выбора, – с глубокой верой в собственные слова произнес Хидэёси. – Нам надо как можно быстрее и в глубокой тайне заключить мир с кланом Мори.

В ставку Хидэёси прибыл с мирными предложениями клана Мори монах Экэй. Экэй сперва переговорил с Хикоэмоном, уповая на давнюю дружбу, а затем встретился с Камбэем. До сих пор Хидэёси отказывался договориться с Мори, как бы лестно и выгодно ни звучали сделанные ими предложения. И даже нынешним утром очередная встреча Экэя с Хикоэмоном не дала ничего.

Обратясь к Хикоэмону, Хидэёси сказал:

– Ты встречался сегодня с Экэем. Каковы нынче планы Мори?

– Согласившись на их условия, мы могли бы подписать мирный договор немедленно, – ответил Хикоэмон.

– Вот уж нет! – сухо заметил Хидэёси. – На их нынешние условия я ни в коем случае не пойду. А что Экэй предложил вам, Камбэй?

– Пять провинций – Биттю, Бинго, Мимасаку, Инабу и Хоки, – если мы снимем осаду с крепости Такамацу и пощадим Мунэхару и его воинов.

– В высшей степени лестное предложение. Но если не считать Бинго, остальные четыре

провинции, предложенные нам Мори, уже не в их власти. Если мы пойдём на такие условия, это вызовет подозрения в первую очередь у них самих. Стоит клану Мори узнать о том, что произошло в Киото, и они сразу думать забудут о мире. Если нам повезет, они об этом не узнают. Небо отпустило нам несколько часов, нельзя терять ни минуты.

– Третье число ещё не миновало. Если мы предложим начать переговоры завтра, дело можно будет уладить за два-три дня, – заметил Хикоэмон.

– Нет, слишком долго. Необходимо начать немедленно, не дожидаясь рассвета. Хикоэмон, пришли сюда Экэя.

– Послать за ним прямо сейчас?

– Нет, постой. Приглашение в столь поздний час наверняка насторожит его. И следует заранее продумать все, что мы ему скажем.

Выполняя приказ Хидэёси, люди Асано Нагамаса начали задерживать и допрашивать всех путников, проходящих по окрестным дорогам. Около полуночи дозорные остановили слепца, шедшего, опираясь на тяжёлый бамбуковый посох, и спросили, куда он направляется.

Окруженный воинами слепец остановился, по-прежнему опираясь на посох.

– Иду к родственникам в деревню Нивасэ, – произнес он с подобострастием.

– Если ты идёшь в Нивасэ, то почему очутился здесь, в горах, да вдобавок глубокой ночью? – любопытствовал начальник дозора.

– Мне не удалось найти постоянного двора, поэтому я просто шел и шел, – ответил слепец, понурился и явно рассчитывая на всеобщее сочувствие. – Может быть, вы будете так добры объяснить мне, как добраться до деревни, в которой есть постоянный двор.

Начальник дозора внезапно приказал:

– Связать этого хитреца!

Слепец заволновался:

– Это ошибка! Я слепой музыкант из Киото, у меня есть даже грамота! Я живу там много лет. Сейчас моя старая тетушка в Нивасэ при смерти... – И для убедительности он прижал руки к груди.

– Лжешь! – сказал начальник дозора. – Глаза твои хоть и незрячи, да посох твой тебе не нужен!

Он грубо вырвал у слепца бамбуковый посох и разрубил его мечом. Из полости в стволе бамбука выпало свернутое в трубку письмо.

Слепец внезапно прозрел, глаза его сверкнули; метнувшись, он попытался вырваться из кольца воинов и удрасть, но и лисьей хитрости не хватило бы справиться с двадцатью противниками. Воины схватили его, скрутили и взвалили на лошадь, словно куль с рисом.

Пленник разразился грубой бранью, и начальник дозора заткнул ему рот комом дорожной грязи. Хлестнув лошадь, воины поспешили доставить захваченного в лагерь Хидэёси.

Той же ночью другой дозор задержал горного отшельника. В отличие от подобострастного лжеслепца, отшельник держался высокомерно.

– Я послушник из храма Сёго, – торжественно заявил он. – Нам, горным отшельникам, часто приходится бродить целую ночь, ни разу не присев отдохнуть. Я иду не разбирая пути: есть тропа или нет, меня это не заботит. Что вы так недостойно меня пытаете – мол, куда я иду? Человеку, подобному странствующим по небу облакам и текущим по земле рекам, чтобы идти, не обязательно иметь в пути цель.

Отшельник ещё долго распинался в том же духе, а затем попытался сбежать. Один из воинов подставил ему подножку древком копья, и отшельник с воплем грохнулся оземь.

Сорвав с него одежду, воины обнаружили, что отшельник на самом деле – монах-воин из

Хонгандзи с тайным донесением клану Мори о событиях в храме Хонно. Его тоже взвалили на лошадь и отправили в лагерь Хидэёси.

Этой ночью удалось задержать всего двух тайных гонцов, но если бы хоть одному из них удалось проскользнуть через заслоны и выполнить поручение, уже на следующее утро в клане Мори узнали бы о гибели Нобунаги.

Лжеотшельник шел с известием по собственной воле, а лжеслепец оказался самураем из клана Акэти, и у него было послание Мицухидэ к Мори Тэрумото. Он вышел из Киото утром второго числа. В тот же день Мицухидэ отправил к Мори другого гонца по озеру в лодке из Осаки, но непогода задержала его в пути, и он прибыл на место слишком поздно.

– Мне казалось, что нам будет лучше встретиться с утра, – сказал Экэй после того, как поздоровался с Хикоэмоном. – Но в вашем письме сказано, чтобы я прибыл как можно быстрее, поэтому я отправился немедленно.

– Жаль, что пришлось поднимать вас с постели. Завтра с утра было бы и вправду лучше, и я крайне сожалею, что мое неудачно составленное письмо потревожило вас среди ночи, – возразил Хикоэмон.

Камбэй повел Экэя в заброшенное место, которое в народе называли Лягушачьим Носом, а оттуда – в пустой крестьянский дом, где проходили все их предыдущие встречи.

Удобно устроившись напротив Экэя, Хикоэмон прочувствованно произнес:

– Если задуматься, то нас с вами, должно быть, связывает общая карма.

Экэй торжественно кивнул. Оба вспомнили о своей встрече двадцать лет назад в Хатидзуке, когда Хикоэмон был главарем шайки разбойников-ронинов и откликнулся на имя Короку. Гостя у Хикоэмона, Экэй впервые услышал о молодом самурае с выдающимися способностями по имени Киносита Токитиро, которого позднее взял на службу в крепость Киёсу князь Нобунага. В те ранние годы, когда Хидэёси пребывал еще в низком звании, Экэй написал военачальнику Киккаве Мотохару следующее: «Правление Нобунаги продлится еще некоторое время. Когда его не станет, нам придется считаться с человеком по имени Киносита Токитиро».

Предсказание Экэя оказалось точным: двадцать лет назад он распознал выдающиеся способности Хидэёси, десять лет назад предугадал неизбежное падение Нобунаги. Однако нынешней ночью ему не дано было узнать, насколько точно сбудутся его слова.

Экэй не был заурядным монахом. Еще в юности, когда он был простым послушником, великий Мотонари, прежний князь Мори, пригласил его, простого послушника, к себе на службу. Пока Мотонари был жив, «монашек», как он любовно называл Экэя, сопровождал его во всех походах.

После смерти Мотонари Экэй оставил службу и пустился в странствия по стране. Когда он вернулся, его назначили настоятелем храма Анкокудзи; он стал умным и верным советником нового князя Мори Тэрумото.

На протяжении всей войны против Хидэёси Экэй настоятельно советовал начать мирные переговоры. Он хорошо знал способности Хидэёси и не думал, что западные провинции окажутся в состоянии сдержать его натиск. На его точку зрения влияло еще одно обстоятельство: многолетняя дружба с Хикоэмоном.

Экэй и Хикоэмон уже не раз толковали о мире, но каждый раз расходились по одному вопросу – о судьбе Мунэхару. Хикоэмон объяснял Экэю:

– Когда я разговаривал ранее с князем Камбэем, он обратил внимание на то, что князь Хидэёси оказался куда великодушней, чем следовало ожидать. Он предположил, что если Мори сумеют подкрепить свои мирные предложения хоть одним существенно важным пунктом, то Хидэёси наверняка согласится. Князь Камбэй сказал также, что если нам придется снять осаду с

крепости Такамацу и оставить в живых Мунэхару, то это будет выглядеть так, словно мы подписали мир накануне собственного поражения. Князь Хидэёси не может выйти с такими предложениями к его светлости князю Нобунаге. Так что нашим единственным дополнительным условием является голова Мунэхару. Думаю, вам совсем не трудно выполнить это условие.

Сегодняшние доводы Хикоэмона остались теми же самыми, неуловимо переменялась лишь манера его поведения.

– Мои предложения неизменны, – возразил Экэй. – Если клан Мори поступится пятью из десяти принадлежащих ему провинций и не сохранит при этом жизни Мунэхару, то это не будет соответствовать Пути Воина.

– Тем не менее вы передали им наши последние предложения, не так ли?

– В этом не было нужды. Клан Мори никогда не согласится пожертвовать Мунэхару. Клан ставит верность превыше всего, и никто, начиная с самого князя Тэрумото и кончая его последним вассалом, не пойдет на такое предательство, даже если в противном случае им будет грозить потеря всех десяти провинций.

Светало, вдалеке прокричал петух. Начинался четвертый день месяца.

Экэй не соглашался, Хикоэмон настаивал на своем. Они зашли в тупик.

– Что ж, к сказанному добавить нечего, – разочарованно произнес Экэй.

– Всему виной моя неискушенность, – возразил Хикоэмон. – Мне не удалось прийти к соглашению с вами. С вашего разрешения, я бы попросил вас поговорить с князем Камбэем вместо меня.

– Я готов встретиться с кем угодно, лишь бы на пользу делу, – сказал Экэй.

Хикоэмон послал сына за Камбэем; тот вскоре прибыл на своих носилках и, спустившись, подсел к собеседникам.

– Именно я настоял на том, чтобы Хикоэмон попробовал убедить вас еще раз, – сказал Камбэй. – До чего вам удалось договориться? Достигнуто ли взаимное согласие? Вы проговорили полночи.

Слова Камбэя подняли настроение и Экэю, и Хикоэмону. Лицо Экэя зарумянилось в рассветных лучах.

– Да, старались мы вовсю, – рассмеялся он.

Сославшись на то, что ему нужно готовиться к прибытию Нобунаги, Хикоэмон поспешил оставить их вдвоем.

– Князь Нобунага пробудет здесь два-три дня, – сказал Камбэй. – Если ни о чем не договоримся сегодня, потом у нас просто не будет времени на мирные переговоры.

Дипломатическое искусство Камбэя было просто, прямодушно. И высокомерно: если Мори не согласны на наши условия, то не остается ничего, кроме войны.

– Если вы сегодня придете на помощь клану Ода, то вас ожидает великое будущее, – сказал Камбэй.

Перед лицом нового собеседника Экэй утратил былое красноречие. Но вид у него был сейчас куда более непреклонный, чем в беседе с Хикоэмоном.

– Если мы получим твердое обещание, что Мунэхару покончит с собой, я смогу спросить его светлость, как он относится к мысли о мире с присоединением пяти провинций, и я уверен, что он пойдет на такое соглашение. В любом случае не угодно ли вам попросить Киккаву и Кобоякаву вернуться к этому и еще раз взвесить все обстоятельства нынче утром? Мне кажется, в вопросе войны и мира не следует пренебрегать ничем.

Когда Камбэй выразил свои требования подобным образом, Экэй решил, что ему пора действовать. Лагерь Киккавы на горе Ивасаки находился всего на расстоянии ри отсюда. Лагерь

Кобаякавы – на горе Хидзаси, на расстоянии меньше двух ри. И уже через полчаса Экэй двинулся в путь, нахлестывая коня.

Отослав монаха, Камбэй отправился в храм Дзихоин. Он заглянул к Хидэёси и нашел его мирно спящим. Лампа потухла – иссякло масло. Камбэй разбудил Хидэёси, тронув его за плечо.

– Мой господин, уже утро.

– Утро?

Хидэёси поднялся. Он был в полусонном состоянии. Камбэй тут же поведал ему о переговорах с Экэем. Хидэёси нахмурился, но быстро пришел в себя.

Слуги ждали у входа в банную комнату, приготовив ему воду для мытья.

– После трапезы я объеду весь лагерь. Приведите, как всегда, мою лошадь и распорядитесь о свите, – приказал Хидэёси, вытирая лицо полотенцем.

Хидэёси ехал под большим алым зонтом, а перед ним несли знамя. Слегка покачиваясь в седле, он направлялся к лагерю, раскинувшемуся у подножия горы по дороге, усаженной цветущей сакурой.

Хидэёси ежедневно объезжал расположение войск, не придерживаясь определенного часа, однако это редко происходило так рано, как сегодня. Сейчас он пребывал в превосходном настроении и то и дело перебрасывался со свитой шутками. Дела шли отлично. Не было никаких намеков на то, что сведения о несчастье, происшедшем в Киото, стали известны его войнам. Окончательно убедившись в этом, Хидэёси вернулся в ставку. На обратном пути он ехал куда медленней.

Камбэй поджидал его у входа в храм. Едва взглянув на него, Хидэёси понял, что миссия Экэя закончилась провалом. Монах примчался из лагеря Мори всего за несколько минут до возвращения Хидэёси, но ответ, привезенный им, не сулил ничего хорошего.

«Если мы позволим Мунэхару умереть, то тем самым сойдем с Пути Воина. Мы не согласны на мирные условия, включающие гибель Мунэхару».

– Все равно, приведите сюда Экэя, – распорядился Хидэёси.

Он не выглядел обескураженным: напротив, начиная с этой минуты, он уверовал в успех предприятия.

Он пригласил монаха в залитую солнечным светом комнату и предложил ему расположиться поудобнее. Поговорив немного о минувших днях и о новостях от общих знакомых, дошедших из столицы, Хидэёси перешел к делу:

– Похоже, мирные переговоры зашли в тупик из-за разногласий сторон относительно судьбы Мунэхару. Не могли бы вы тайно отправиться к самому Мунэхару, изложить ему все обстоятельства и уладить этот вопрос без вмешательства третьих лиц? Клан Мори ни за что не заставит верного вассала совершить сэппуку, но, если вы объясните Мунэхару, в какие безысходные обстоятельства попала ваша сторона, он будет счастлив уйти из жизни, чтобы спасти клан. Добровольно покончив с собой, он тем самым сохранит жизнь остальным защитникам крепости и предотвратит полное крушение клана Мори.

Сказав это, Хидэёси резко поднялся с места и удалился.

В крепости Такамацу на чашу весов был брошены жизни более чем пятисот воинов и других людей, пришедших сюда в поисках спасения.

Военачальникам Хидэёси удалось спустить с гор три больших корабля, вооруженных пушками, и они начали обстрел крепости. Одна из башен уже была полуразрушена; ежедневные обстрелы влекли за собой новые и новые жертвы. Вдобавок никак не заканчивался сезон дождей, люди заболели от вечной сырости и постоянного недоедания.

Сорвав с домов двери, защитники крепости соорудили множество челнов и плотов, чтобы

атаковать боевые корабли Хидэёси. Но два или три из них были сразу же потоплены, и защитникам крепости пришлось спасаться вплавь. Теперь они набирались сил для второй вылазки.

Когда прибыло войско Мори и подняло свои знамена на окрестных горах, людям, засевшим в крепости, показалось, будто они спасены. Но скоро им пришлось осознать всю безысходность положения. Расстояние между ними и ожидаемыми спасителями и обусловленная этим сложность операции не позволяли надеяться на успех. Но, утратив надежду на спасение, они не лишились воли к борьбе: наоборот, они преисполнились желанием умереть достойно.

Когда в крепость был доставлен секретный приказ, в котором клан Мори разрешал Мунэхару сдаться, чтобы спасти жизнь защитникам крепости, военачальник ответил гневным посланием:

«Мы не знаем, что такое сдача, и не желаем знать. Во времена, подобные нынешним, нам не остается ничего, кроме смерти».

Наутро четвертого дня шестого месяца стражи на крепостной стене заметили лодку, отплывшую по направлению к Такамацу от вражеского берега. Лодкой правил самурай, а единственным сидком ее был монах.

Экэй прибыл, чтобы предложить Мунэхару покончить с собой. Мунэхару молча выслушал доводы, приведенные монахом. Когда Экэй, на протяжении своей речи взмокший от напряжения, наконец закончил, Мунэхару впервые за все время заговорил:

– Сегодня для меня воистину счастливый день. Едва взглянув вам в глаза, я понял, что вы будете говорить начистоту.

Он не сказал, согласен ли покончить с собой или нет. Его душа уже парила в пределах, в которых нет места согласию или несогласию.

– Некоторое время назад князя Киккава и Кобаякава проявили обо мне, недостойном, заботу и даже предложили мне сдаться врагу. Но сдаваться лишь затем, чтобы спасти собственную жизнь, я не пожелал и ответил отказом. Теперь же, если я могу верить вашим словам, клану Мори будет обеспечена полная безопасность, а людям, находящимся в крепости, сохранят жизнь. Если дело обстоит именно так, не вижу причин отказывать. Напротив, предстоящее доставляет мне великую радость. Великую радость! – с воодушевлением повторил он.

Экэй трепетал. Он и не думал, что все окажется так просто и что Мунэхару встретит смерть с радостью. В то же время Экэй чувствовал себя пристыженным. В отличие от военачальника, он был монахом. Как знать, найдется ли у него столько достоинства и мужества, когда придет последний час?

– Значит, вы согласны?

– Согласен.

– Может быть, вам нужно обсудить это со своей семьей?

– Я объявлю им о своем решении позже. Убежден, что члены моего семейства возрадуются вместе со мною.

– Да... вот еще что... Трудно говорить об этом, но время не ждет, ибо князь Нобунага прибывает со дня на день.

– Мне безразлично, произойдет ли это скоро или не очень скоро. К какому сроку надо поспеть?

– Сегодня. Князь Хидэёси назвал последним сроком час Лошади. Остается пять часов.

– Что же, за такое время, – ответил Мунэхару, – я успею подготовиться к смерти как должно.

Экэй сперва доложил князю Хидэёси о согласии Мунэхару покончить с собой, а затем помчался в лагерь Мори на горе Ивасаки.

И Киккава, и Кобаякава встревожились, узнав о его неожиданном возвращении.

– Означает ли это, что мирные переговоры прерваны? – осведомился Кобаякава.

– Нет, – ответил Экэй. – Напротив, наметился успех.

– Значит, Хидэёси принял наши условия?

Кобаякава не мог скрыть удивления. Но Экэй покачал головой:

– Человек, преисполненный решимости добиться мира во что бы то ни стало, решил для достижения этой цели пожертвовать собственной жизнью.

– О ком вы говорите?

– О Мунэхару. Он заявил, что будет счастлив воздать князю Тэрумото за все милости, которыми был осыпан на протяжении жизни.

– Экэй, вы обратились к нему по требованию Хидэёси?

– Я не смог бы добраться до крепости без позволения князя.

– Выходит, вы объяснили Мунэхару создавшееся положение, и он добровольно решил покончить с собой?

– Именно так. Он лишит себя жизни в час Лошади, взойдя на челн, на глазах у воинов обеих армий. Тем самым мирный договор будет скреплен, жизни защитников крепости – спасены, и безопасности клана Мори впредь ничто не будет угрожать.

Потрясенный Кобаякава задал вопрос:

– Каковы же истинные намерения Хидэёси?

– Услышав о великодушном решении Мунэхару, князь Хидэёси был глубоко тронут. Он заявил, что было бы бессердечно не вознаградить столь беспримерную преданность долгу. Исходя из этого, он, вопреки вашему первоначальному предложению о передаче ему пяти провинций, согласен удовольствоваться тремя, возвратив две другие в знак своего восхищения подвигом Мунэхару. Если с вашей стороны не будет никаких возражений, князь пришлет подписанный договор сразу после того, как Мунэхару покончит с собой у него на глазах.

Вскоре после отбытия Экэя Мунэхару объявил защитникам крепости о своем решении. Один за другим самураи крепости Такамацу предстали перед своим военачальником, прося разрешить им разделить его участь. Мунэхару спорил, возражал, осыпал их упреками, но они оставались непреклонны. Он не знал, что и делать, но в конце концов решительно отказал им всем.

Он велел оруженосцам приготовить лодку. Горе наполнило стены крепости. Когда Мунэхару решительно отверг просьбу своих вассалов последовать за ним и у него выдалась свободная минутка, поговорить с ним пришел его старший брат Гэссё.

– Я слышал все, что ты говорил. Тебе нет смысла умирать. Позволь мне умереть вместо тебя.

– Брат мой, ты монах, а я как-никак воин. Я благодарен тебе за это предложение, но не могу его принять.

– Я старший сын, и мне надлежало заботиться о сохранении семейной чести. Вместо этого я предпочел уйти в святое служение, предоставив тебе заниматься тем, что по праву оставалось за мной. Поэтому сегодня, когда ты решил совершить сэппуку, у меня нет причин продолжать земное существование.

– Что бы ты ни утверждал, – ответил ему Мунэхару, – я не позволю ни тебе, ни кому бы то ни было другому умереть вместо меня.

Мунэхару отверг предложение Гэссё, однако позволил старшему брату сопровождать себя в последнее плавание. У Мунэхару было легко на душе. Призвав оруженосцев, он распорядился

приготовить ему голубое церемониальное кимоно, в котором решил встретить последний час.

– Принесите мне тушь и кисточку, – распорядился он, решив оставить письмо жене и сыну.

Час Лошади приближался. Защитники крепости давно ценили каждую каплю питьевой воды на вес золота, ведь от запасов воды зависела их жизнь, но сегодня Мунэхару распорядился подать себе целое ведро, чтобы смыть с тела грязь и пот сорокадневной осады.

Часы внезапного затишья между боями выдались на диво тихими. Солнце стояло в зените. Ветра не было, и только вода в искусственном озере, окружившем крепость, была того же болотно-грязного цвета, что и всегда.

Мутные мелкие волны, сверкая на солнце, бились о стены крепости, время от времени вдали кричала какая-то птица.

На противоположном берегу, на месте, именуемом Лягушачьим Носом, подняли маленькое красное знамя, извещая, что урочный час настал. Мунэхару резко поднялся с места. У присутствующих невольно на глаза навернулись слезы. Мунэхару, словно ничего не слыша и не видя, быстро прошел по направлению к крепостной стене.

Весло вычерчивало на поверхности воды произвольный рисунок. В лодке отправлялось пятеро: Мунэхару, его брат Гэссё и трое вассалов. Прочие обитатели крепости, включая женщин и детей, взобрались на крыши и на крепостную стену. В голос никто не плакал, но люди или молились, сложив руки на груди, или отирали беззвучные слезы.

Лодка мирно покачивалась на поверхности озера. Обернувшись, Гэссё увидел, что они отплыли на порядочное расстояние от крепости и что лодка находится посередине между Такамацу и Лягушачьим Носом.

– Довольно, остановись, – сказал гребцу Мунэхару.

Тот молча поднял весло из воды. Ждать оставалось недолго.

Одновременно с тем, как лодка отплыла от стен крепости, в путь от Лягушачьего Носа отправилась другая. На ней должен был прибыть Хорио Москэ, которого Хидэёси назначил секундантом предстоящего самоубийства. На носу этой лодки реял маленький красный флаг, днище ее было выстлано красным ковром.

Лодка, на которой отправился в последний путь Мунэхару, остановившись, медленно покачивалась на волне, а навстречу ей плыла лодка Москэ с красным флагом на носу. Озеро застыло. Окрестные горы застыли. Тишину нарушал лишь звук весла приближающейся лодки Москэ.

Мунэхару повернулся в сторону горы Ивасаки, на которой располагалась ставка Мори, и отдал низкий поклон. В душе он благодарил клан за долгие годы щедрого покровительства. При взгляде на знамена Мори глаза Мунэхару наполнились слезами.

– Здесь ли находится комендант осажденной крепости Симидзу Мунэхару? – задал обычный вопрос Москэ.

– Да, здесь, – с достоинством ответил военачальник. – Меня зовут Симидзу Мунэхару. Я прибыл сюда совершить сэппуку во исполнение условий мирного договора.

– Мне надо сказать кое-что, так что прошу вас повременить, – произнес Москэ. – Подплывите, пожалуйста, поближе.

Последние слова были сказаны самураю в лодке Мунэхару, взявшему на себя роль гребца.

Борта лодок легко стукнулись друг о друга.

Москэ торжественно произнес:

– У меня послание его светлости князя Хидэёси. Здесь содержится дополнительное условие, без которого мир невозможен. Долгая осада была для вас суровым испытанием, и его светлости угодно, чтобы вы приняли предложение, которым он выражает вам самую искреннюю признательность. Некоторая задержка с означенным сроком не должна вас тревожить.

Пожалуйста, не омрачайте торжественного часа ненужной спешкой.

С борта лодки Москэ на другую был передан кувшин отборного сакэ, вслед за ним – блюдо с изысканными яствами.

Лицо Мунэхару посветлело от радости.

– Как неожиданно! Что ж, если угодно князю Хидэёси, я буду рад отведать и того и другого. – Мунэхару отпил сакэ и передал чашку приверженцам. – Кажется, я немного захмелел. Должно быть, потому, что давно не пил такого превосходного сакэ. Простите мою неуклюжесть, Хорио, но мне хотелось бы совершить обрядовый танец. – Оборотясь к своим вассалам, он добавил: – Барабана нет. Спойте, отбивая такт ладошами.

Мунэхару встал во весь рост и раскрыл белый веер. Вассалы принялись отбивать ритм ладонями, Мунэхару начал танец. Маленькая лодка закачалась на поверхности воды, вызывая частую рябь. Москэ, не в силах смотреть на танцующего, отвернулся и склонил голову.

Едва пение смолкло, Мунэхару замер и произнес:

– Москэ, теперь смотрите не отрываясь.

Москэ увидел, как Мунэхару, опустившись на колени, вспарывает себе живот мечом. Днище лодки окрасилось кровью.

– Брат, я уйду вместе с тобой! – вскричал Гэссё и тоже совершил сэппуку.

После того как вассалы Мунэхару передали Москэ корзину с отрубленной головой военачальника и возвратились в крепость, они тоже лишили себя жизни.

Воротясь в храм Дзихоин, Москэ доложил Хидэёси о самоубийстве Мунэхару и предъявил князю его голову.

– Как жаль! – сказал Хидэёси. – Мунэхару был образцовым самураем.

Приближенные еще никогда не видели главнокомандующего настолько опечаленным. Но вскоре после возвращения Москэ Хидэёси призвал к себе монаха Экэя. Когда тот прибыл, Хидэёси вручил ему грамоту:

– Единственное, что осталось, это обмен посланиями. Взгляните, что я написал, и я сразу вышлю гонца за письменными предложениями Мори.

Экэй просмотрел грамоту, затем почтительно вернул ее Хидэёси. Хидэёси распорядился подать кисточку и подписал послание. Надрезав палец, он скрепил подпись собственной кровью. Теперь мирный договор с его стороны был подписан.

Несколько часов спустя в лагере Мори началась настоящая суматоха. Как вихрь, разнеслась по расположению войска весть о гибели Нобунаги. В ставке у Тэрумото многие, с самого начала выступавшие против заключения мирного договора, теперь принялись вслух выразить возмущение, настаивая на том, чтобы немедленно напасть на Хидэёси.

– Нас обманули!

– Этот ублюдок обвел нас вокруг пальца!

– Мирный договор следует немедленно расторгнуть!

Кобаякава, однако же, объявил со всей решительностью:

– Никто нас не обманывал. Мы сами начали переговоры о мире. Хидэёси здесь ни при чем. И конечно, у него не было никакой возможности заранее предвидеть, какое несчастье случится в Киото.

Но его брат Киккава, представлявший сторонников войны, обратился к князю Тэрумото со следующими словами:

– Смерть Нобунаги означает распад единого до этого часа клана Ода. Отныне они не в силах противостоят нам. Хидэёси – первый, чье имя приходит в голову, когда задумываешься о возможном наследнике Нобунаги. Сейчас для нас будет удобно и просто напасть на него, помня о слабости его тылов. Если мы решимся, то захватим власть над всей империей.

– Нет-нет, я не согласен, – возразил Кобаякава. – Хидээси единственный человек, способный восстановить мир и порядок. Вдобавок есть старое самурайское правило: «Не нападай на врага, когда он горюет». Даже если мы разорвем договор и нападём, он, если, конечно, выживет, непременно воротится и сумеет отомстить.

– И все же нельзя упускать такую возможность, – продолжал упорствовать Киккава.

В качестве последнего довода Кобаякава привел слова, которыми, умирая, напутствовал наследника и приверженцев их великий предшественник: «Клан должен оставаться в нынешних границах. Сколько бы силы или богатства мы ни скопили, не следует ни в коем случае выходить за пределы западных провинций».

Пришла пора князю Мори объявить о своем решении.

– Я согласен с моим дядюшкой Кобаякавой. Мы не нарушим мирного договора и не превратим Хидээси еще раз в нашего смертельного врага.

Тайный военный совет закончился вечером четвертого числа. Когда Киккава и Кобаякава вернулись к себе в лагерь, их дожидалась группа лазутчиков. Их командир указал рукой во тьму, заявив:

– Клан Укита начал отводить свое войско.

Услышав об этом, Киккава щелкнул языком. Благоприятная возможность миновала. Кобаякава прочитал мысли старшего брата:

– Ты все еще сожалеешь о принятом князем решении?

– Разумеется, сожалею.

– Допустим, мы поступили бы так, как предлагал ты, – отозвался Кобаякава. – Неужели ты и впрямь рассчитывал стать властителем всей страны? – После этих слов в разговоре возникла долгая пауза. – Судя по твоему молчанию, я догадываюсь, что ты осознаешь: такое тебе не по плечу. Если власть в стране берет тот, кто не обладает для этого достаточными способностями, наступит хаос и разорение. В этом случае погиб бы весь клан Мори, но этим, поверь, дело бы не кончилось.

– Можешь больше ничего не говорить. Я все понимаю, – отвернувшись от брата, произнес Киккава.

Грустно глядя на усеянное крупными звездами ночное небо над родными западными провинциями, он пытался сдержать слезы, катившиеся по щекам.

Кровавые поминки

Необходимость немедленно отвести войско Оды была главной причиной, по которой Хидэёси решил на подписание мирного договора; клан Укита, его союзник, начал отвод войска в ту же ночь. Но из главного лагеря, в котором находился сам Хидэёси, не было пока отведено ни единого воина. Наутро пятого числа Хидэёси еще ничего не предпринял. Хотя мыслью он рвался в столицу, ничто внешне не говорило в пользу того, что войско Оды готово сняться с позиций.

– Хикоэмон, насколько понизился уровень воды в искусственном озере?

– Примерно на два локтя.

– Проследи, чтобы это не происходило чересчур быстро.

Хидэёси вышел в прилегающий к храму сад. Хотя плотину уже начали разрушать и вода постепенно убывала, крепость Такамацу все еще стояла посередине грязного озера гигантских размеров. Хидэёси прошлым вечером отправил одного из своих вассалов в крепость, чтобы принять сдачу противника, а сейчас защитники Такамацу переправлялись на плотках на берег.

Когда настал вечер, Хидэёси заслал лазутчика в лагерь Мори. Затем, обсудив положение дел с Камбэем и другими военачальниками, велел начать спешные приготовления к отходу.

– И пусть сразу уничтожат плотину, – приказал он Камбэю.

Сейчас плотина была прорвана в десяти местах. Вода стала убывать почти сразу. На поверхности образовались бесчисленные водовороты, и она хлынула в проломы плотины с ревом, который напоминал сильный морской прибой.

Кто кого обгонит: идущая на убыль вода или нахлестывающий коня на восток Хидэёси? Небольшая возвышенность, на которой была воздвигнута крепость Такамацу, превратилась в сухую площадку, тогда как низины представляли собой сейчас болото, вкривь и вкось иссеченное речными потоками. Это означало, что даже если Мори решатся на преследование, у них уйдет два-три дня на то, чтобы пересечь труднопроходимую местность.

Седьмого числа Хидэёси прибыл к переправе через реку Фукуока и обнаружил половодье. Воины с трудом вели лошадей вброд, связав попарно навьюченную на них поклажу, а сами переправлялись, образовав живую цепь, в которой держали друг друга за руки или за древки копий. Таким образом, идущие впереди подстраховывали идущих сзади и наоборот.

Хидэёси перешел реку первым и, установив походный стул на дальнем берегу, уселся, наблюдая за переправой.

– Спокойствие и сдержанность! – кричал он своим воинам.

Казалось, ни дождь, ни ветер ему не мешают.

– Стоит утонуть одному, и враг заговорит, что мы потеряли на переправе пять сотен. Каждый потерянный узел с поклажей умножат на сто. Так что берегите и жизнь, и оружие, и поклажу.

Арьергард догнал основное войско; оба берега реки были заполнены воинами Оды, переправлявшимися одной живой колонной. Командующий арьергардом предстал перед Хидэёси с докладом о положении дел в крепости Такамацу. Отход войска завершился, а от Мори по-прежнему не было ни слуху ни духу. Услышав об этом, Хидэёси несколько повеселел. Он выглядел сейчас так, словно впервые за долгое время почувствовал себя в относительной безопасности – теперь он мог сосредоточить силы на одном направлении.

Войско вернулось в Химэдзи наутро восьмого числа. Промокшие до костей и с головы до ног забрызганные грязью, воины прошли двадцать ри за одни сутки.

– Первое, что мне нужно, – сказал Хидэёси, – хорошо вымыться.

Комендант крепости простерся ниц перед князем. Принеся свои поздравления в связи с благополучным возвращением, он доложил, что прибыли два гонца, причем один из них примчался из Нагахамы со срочными вестями.

– Разберусь с ними после омовения. Приготовьте мне фуру. Я до нитки промок под дождем.

Хидээси по плечи погрузился в горячую воду. Утреннее солнце светило в окно, лучи, пробиваясь сквозь решетчатые ставни, играли на лице Хидээси, насквозь пронизывали поднимающиеся над чаном струйки пара. Кожа Хидээси стала темно-бурого цвета, а на лбу выступили крупные капли пота. Тысячи крошечных радуг играли в облаках пара.

Хидээси привстал, шумно расплескав воду.

– Эй, кто-нибудь! Потрите мне спину!

На его зов немедленно явились двое мальчиков, дожидавшихся за дверьми. С истовым рвением они принялись растирать спину Хидээси от шеи до поясницы.

Вдруг Хидээси расхохотался:

– Не может быть!

Наклонившись, он обнаружил, что грязь с его тела по виду напоминает птичий помет.

Откуда бралось у этого весельчака торжественное достоинство, с которым он вел себя на поле брани? Его обнаженное тело было тощим и невзрачным. За пять лет изнурительной войны в западных провинциях ему здорово досталось, но и без того он был для сорокашестилетнего мужчины слишком худ. Даже сейчас давало о себе знать нищее детство в родной Накамуре. Его тело напоминало узловатую ель на краю скалы или карликовое сливовое дерево, растущее под дождем и снегом.

Однако было бы несправедливо сравнивать его возраст и здоровье с годами и силой тела обычных людей. Хидээси был переполнен жизненной волей. В минуту гнева или восторга он ухитрялся выглядеть юношей.

Вытеревшись досуха и расслабившись, он кликнул мальчика и отдал приказ:

– Немедленно передай военачальникам. По первому звуку раковины войско принимается за еду, по второму – обедают вспомогательные части, по третьему – общий сбор на площади перед крепостью.

Хидээси призвал к себе Хикоэмона, а также казначея с помощниками.

– Сколько у нас сейчас в казне? – спросил Хидээси.

– Примерно семьсот пятьдесят мер серебра и более восьмидесяти слитков золота, – ответил казначей.

Хидээси приказал Хикоэмону:

– Раздать воинам, каждому – в соответствии с заслугами.

Затем он спросил, сколько риса осталось в амбарах, и, услышав ответ, добавил:

– Нас никто не собирается брать в осаду, так что припасы нам ни к чему. Выплатить каждому самураю положенное жалованье в пересчете на рис в пятикратном размере.

После фуры он проследовал туда, где дожидался гонец из Нагахамы. В Нагахаме у него оставались жена и мать, и он постоянно волновался за них.

Едва увидев коленопреклоненного гонца, Хидээси спросил:

– Что с ними? Что-нибудь случилось?

– Ваши достопочтенные матушка и супруга пребывают в отменном здравии.

– Так в чем дело? Кто-нибудь напал на крепость Нагахамы?

– Я был послан из Нагахамы четвертого числа утром. Крепость атаковали небольшие силы противника.

– Клан Акэти?

– Нет, разбойники из клана Асаи, но они в союзе с Акэти. И согласно слухам к Нагахаме

приближается большое войско Акэти.

– Что собираются предпринять жители Нагахамы?

– Там слишком мало воинов, чтобы выдержать осаду. Поэтому при острой необходимости решено перевезти вашу семью в убежище в горах.

Гонец положил перед Хидэеси письмо от Нэнэ. В отсутствие князя княгиня несла ответственность за ход дел в провинции. И хотя это письмо было явно написано в спешке и тревоге, почерк Нэнэ оставался безукоризненно изящным.

Однако из самого его содержания следовало, что письмо может оказаться предсмертным:

«Если дело дойдет до худшего, то уверяю вас, мой господин, что супруга не обесчестит вашего имени. И мои желания, и надежды вашей матушки заключаются только в том, что вы сумеете преодолеть стоящие перед вами в эти тяжелые времена трудности».

Первый звук раковины разнесся по крепости и городу.

Хидэеси отдал последние распоряжения приверженцам:

– Победа и поражение находятся в руках судьбы, но если мне суждено погибнуть в борьбе против Мицухидэ, подожгите крепость и проследите, чтобы ничего от нее не осталось. Нам надлежит вести себя мужественно, во всем беря пример с того, кто героически пал в храме Хонно.

Подали второй сигнал, и за еду принялись вспомогательные отряды. Когда солнце начало клониться к западу, Хидэеси вынес свой походный стул из крепости и велел трубить в третий раз. Ночь опускалась на поля, на сосны вдоль прибрежной дороги. С вечера до полуночи земля дрожала: это выступило в поход из крепости Химэдзи десятитысячное войско.

Настала заря, и одна за другой из тумана выступили придорожные сосны. На востоке безупречно алое утреннее солнце поднялось над дальним берегом озера Харима, рассеивая облака, словно призывая людей к борьбе.

– Взгляните! – воскликнул Хидэеси. – В наши паруса дует попутный ветер. Наши знамена и стяги выгнулись на восток. Понятно, что человеку не дано знать о грядущей судьбе. Мы не знаем, доживем ли до завтрашнего рассвета, но само Небо призывает нас идти вперед. Что ж, давайте грянем дружный боевой клич и дадим Небесам понять, что мы вняли их призыву!

За десять дней, прошедших после гибели Нобунаги, общее положение дел в стране претерпело драматические изменения. В Киото после разгрома храма Хонно было неспокойно. Двое старейших сподвижников Нобунаги, Сибата Кацуиэ и Такигава Кадзумасу, находились далеко; Токугава Иэясу вернулся к себе в провинцию; отношение к происшедшему Хосокавы Фудзитаки и Цуцуи Дзюнкэя оставалось неясным; Нива Нагахидэ находился в Осаке.

Слух о том, что войско под командованием Хидэеси прибыло в Амагасаки поблизости от Киото, разлетелся со скоростью ветра утром одиннадцатого дня. Многие не могли в это поверить. Ходили и другие слухи: что князь Иэясу выступил на запад, что старший из оставшихся в живых сыновей Нобунаги Нобуо задумал решительное наступление, что войско Акэти сражается с теми-то или с теми-то. Больше всего доверия вызывал слух, что войско Хидэеси накрепко связано в своих действиях армией Мори поблизости от крепости Такамацу. Только те, кто хорошо знал Хидэеси, отказывались в это поверить.

Искусство, проявленное Хидэеси в ходе предшествующей пятилетней войны в западных провинциях, заставило почти всех остальных военачальников клана Ода оценить его способности по достоинству. Среди них называли Ниву Нагахидэ, Накагаву Сэбэя, Такаюму Укона и Икэду Сёню. За годы беспорочной службы Хидэеси их общему, ныне покойному,

повелителю они убедились, что Хидээси был искренне предан Нобунаге. Услышав, что Хидээси заключил мир с кланом Мори и на предельной скорости движется по направлению к столице, они не могли скрыть своего удовлетворения тем, что он продолжает оправдывать их ожидания. И как только Хидээси выступил на восток, они принялись отправлять ему срочные послания, призывая поторопиться и сообщая о последних перемещениях войска Акэти.

Когда Хидээси прибыл в Амагасаки, Накагава Сэбэй и Такаяма Укон, временно оставив свои войска, явились к нему в лагерь.

Самурай, стоящий на страже у ворот, не слишком обрадовался появлению двух военачальников и не спешил доложить.

– Его светлость теперь почивают, – сказал он.

Сэбэй и Укон удивились и обиделись. Оба прекрасно знали себе цену в качестве возможных союзников. Человек, на сторону которого встали бы эти двое, мог смело сказать, что стал вдвое сильнее. Кроме того, крепости, комендантами которых они были, представляли собой опорные точки на подступах к Киото. Разумеется, обладание двумя ключевыми крепостями, расположенными посередине захваченной врагом местности, обеспечило бы Хидээси важнейшие боевые преимущества.

Поэтому, прибыв в лагерь к Хидээси, военачальники не сомневались, что он поспешит лично встретить их. А теперь Сэбэю и Укону только и оставалось ждать у моря погоды. От нечего делать они стали следить за тем, кто прибывает в лагерь и кто убывает, а таких, включая гонцов, было великое множество, и сновали они по всем направлениям. Накагава Сэбэй узнал одного из самураев.

– Разве этот самурай не приверженец Хосокавы? – пробормотал он.

Было общеизвестно, что Мицухидэ и Хосокаву Фудзитаку связывала не только многолетняя дружба, но и семейные узы.

Откуда здесь было взяться гонцу от Хосокавы, что ему тут делать? Такой вопрос мысленно задал себе Сэбэй. Этот вопрос касался не только двух военачальников, по-дружески прибывших к Хидээси, он затрагивал интересы всей страны.

– Стражник утверждает, будто князь Хидээси спит. По-моему, он бодрствует. И ведет себя крайне неучтиво, – посетовал Укон.

Они уже собирались было удалиться, когда один из мальчиков, находившихся в услужении у Хидээси, запыхавшись, примчался к ним с объявлением, что их ждут в храме, который служил временным пристанищем Хидээси. Когда их ввели в покои, Хидээси там не было, но, похоже, он давно пробудился. Из покоев настоятеля до них донеслись взрывы громкого смеха. Это разительным образом отличалось от того приема, на который рассчитывали военачальники. Они спешили сюда, чтобы присоединиться к Хидээси и совместными силами нанести удар изменнику Мицухидэ. А вместо этого... Укон был оскорблен, Сэбэй – мрачен.

Плохое настроение военачальников усугублялось изнурительной летней духотой. Время дождей должно было по всем срокам идти к концу, однако воздух по-прежнему оставался влажным. Облака клубились, словно хотели своим непостоянством отразить разброд, который переживала страна. Время от времени солнце палило так сильно, что у людей случалась лихорадка.

– Жарко, Сэбэй, – пожаловался Укон.

– Да, Укон, жарко и душно.

Естественно, оба были в боевых доспехах. И хотя к этому времени доспехи научились делать не столь тяжелыми и даже начали подгонять их по телу, было件нятно, что человек в кожаном панцире истекал потом в такую жару.

Сэбэй, раскрыв веер, принялся обмахиваться. Затем, чтобы показать, что они ничуть не

уступают знатностью Хидэёси, оба военачальника проследовали к местам, отведенным для самых важных гостей.

В этот миг вместе с дыханием ветерка до них донеслись приветственные возгласы. Появился Хидэёси и, едва усевшись на место, извинился за опоздание.

– Мне искренне жаль, что я проявил подобную неучтивость. Едва встав, я проследовал в главный храм, и пока мне брили голову, – он похлопал себя по обритой наголо голове, – прибыл гонец от Хосокавы Фудзитаки со срочным посланием. Так что мне пришлось принять его первым и тем заставить ждать вас.

Он уселся в своей обычной непринужденной манере, не придавая значения титулам собеседников. Сэбэй и Укон, забыв в свою очередь о ритуале обычного приветствия, уставились на гладко выбритую голову Хидэёси, отражавшую зелень деревьев из сада за окном.

– Надо освежиться, – пошутил Хидэёси. – Выбритой голове жара не страшна.

Когда Сэбэй с Уконом поняли, что Хидэёси сбрил волосы в знак траура по их господину, они мгновенно забыли о своем недовольстве его задержкой и устыдились мелочной мнительности.

Единственно, что смущало их, – при взгляде на Хидэёси хотелось расхохотаться. И хотя уже давно никто не называл его в лицо Обезьяной, бывшая кличка и нынешний внешний вид совпадали самым потешным образом.

– Ваша стремительность изумила нас, – начал Сэбэй. – Вы, должно быть, с тех пор, как покинули Такамацу, ни разу не отдохали. Мы рады найти вас в отменном здравии.

Произнося это, он с трудом удерживался от смеха.

– Знаете, – искренне ответил Хидэёси, – я чрезвычайно благодарен вам обоим за сообщения. Благодаря им я узнал все о передвижениях войска Акэти. И, самое главное, понял, что вы мои союзники.

Ни Сэбэй, ни Укон не были чересчур падки на лесть. Чуть ли не пропустив мимо ушей последнее замечание Хидэёси, они наперебой принялись давать ему советы и указания.

– Когда вы выступите в Осаку? Там уже находятся князь Нобутака и князь Нива.

– У меня сейчас нет времени отправляться в Осаку, мой враг не там. Но я нынешним утром отписал князьям в Осаку.

– Князь Нобутака – третий сын князя Нобунаги. Разве вам не следует прежде всего повидаться с ним?

– Я не прошу его приехать сюда. Я попросил его принять участие в предстоящем сражении, которое станет поминальной службой по князю Нобунаге. Он там вместе с Нивой, поэтому я не считаю необходимым строго придерживаться правил вежливости. Завтра он наверняка прибудет к нам в лагерь.

– Чего вы ждете от Икэды Сёню?

– Мы рассчитываем и на него. Мы еще не виделись, но он прислал письмо с заверениями в том, что поддержит меня.

Хидэёси не сомневался в надежности своих союзников. Даже Хосокава Фудзитака отверг предложение о союзе, сделанное ему Мицухидэ. Вместо этого он прислал к Хидэёси гонца и передал с ним, что не поддержит мятежников. Хидэёси, торжествуя, объявил посетившим его военачальникам, что подобная верность представляет собой не только всеобщий мировой закон, но и главное нравственное правило самурайского сословия.

В конце концов, обсудив с Хидэёси целый ряд подробностей, Сэбэй и Укон передали ему заложников, которых привезли с собой в доказательство того, что пойдут с ним до конца.

Хидэёси, засмеявшись, отказался принять заложников.

– В этом нет нужды. Я вас обоих прекрасно знаю. отошлите своих сыновей к себе в

крепости.

В тот же день к Хидэёси присоединился Икэда Сёню, знавший его еще с юных дней в крепости Киёсу. Перед утренним выступлением в поход Сёню тоже обрил себе голову.

– Как? И вы обрились? – удивился Хидэёси, увидев друга.

– Случайно с вами сделали одно и то же.

– Потому что относимся к происшедшему одинаково.

Ни Хидэёси, ни Сёню не понадобилось больше ни слова. Сёню во главе четырехтысячного отряда присоединился к войску Хидэёси. Хидэёси поначалу выступил с десяти тысячным войском, но затем в него влились две тысячи воинов, которых привел Укон, две тысячи пятьсот воинов Сэбэй, тысяча воинов Хатии и, наконец, четырехтысячный отряд Сёню; теперь в войске насчитывалось больше двадцати тысяч человек.

На первом военном совете Укон и Сэбэй неожиданно заспорили, причем ни один не хотел уступать.

– Незыблемое правило самурайской чести, известное с давних времен, гласит: передовой отряд возглавляет владелец крепости, ближе всего расположенной к неприятелю, – заявил Укон. – Вот почему мои воины не могут идти в хвосте отряда под командованием Сэбэй.

Сэбэй отказался принять доводы:

– Расстояние между полем боя и расположением крепости не должно иметь никакого отношения к порядку следования войска. Здесь все решают численность того или иного полка и достоинства его командира.

– Не хотите ли вы сказать, что я недостойн возглавить передовой отряд?

– Про вас я ничего не скажу. Скажу только о себе. Я твердо убежден, что должен возглавить передовой отряд, и не собираюсь никому уступать это право. Нечего и говорить! Я, Накагава Сэбэй, должен быть впереди.

Сэбэй взывал к Хидэёси, справедливо считая его главнокомандующим. Но на справедливое – разумеется, в свою пользу – решение Хидэёси уповал и Укон. Хидэёси рассудил с приличествующей его положению мудростью. Не поднимаясь с походного стула, он сказал:

– Вы оба правы. Мы будем наступать двумя колоннами: одну из них возглавит Сэбэй, другую – Укон. Надеюсь, ваши деяния окажутся под стать высоким словам, которые вы произнесли.

В ходе совета заслушали донесения лазутчиков.

– Князь Мицухидэ покинул Хорагаминэ и сосредоточил свои силы вокруг Ямадзаки и Энмёдзи. Сперва казалось, будто он намерен отступить к крепости Сакамото, но сегодняшним утром он начал перестраивать порядки в наступательном плане, а один из его полков двинулся по направлению к крепости Сёрюдзи.

Выслушав это донесение, военачальники удивились и насторожились. Расстояние между Ямадзаки и их лагерем Амагасаки было меньше, чем проблеск молнии. Они чувствовали вражеское дыхание у себя за спиной.

Сэбэй и Укон, которым было поручено командование передовыми отрядами, поднялись со своих мест и хором спросили:

– Не пойти ли нам на Ямадзаки немедленно?

Хидэёси, которого, казалось, совершенно не затронуло общее волнение, ответил:

– Думаю, лучше подождать еще один день, чтобы к нам успел присоединиться князь Нобутака. Понятно, что наше положение ухудшается с каждой минутой промедления, но тем не менее мне хотелось бы, чтобы один из сыновей усопшего князя принял участие в битве. Иначе князь Нобутака будет жалеть об упущенной возможности до конца дней, ему будет стыдно глядеть в глаза людям, а этого ни в коем случае нельзя допустить.

– Что, если враг сумеет за это время занять выгодные позиции?

– Что ж, мы будем ждать князя Нобутаку, но ждать его слишком долго не надо. Мы выступим в сторону Ямадзаки завтра, независимо от того, прибудет он или нет. Когда войско окажется в Ямадзаки, он опять получит возможность присоединиться к нам. А передовым отрядам и впрямь лучше выступить немедленно.

Сэбэй и Укон немедленно покинули зал совета. Приказ на выступление гласил: первым идет отряд Такаямы, вторым – Накагавы, третьим – Икэды.

Едва выступив из Тонды, двухтысячный отряд Такаямы устремился вперед с такой скоростью, как будто воины завидели неприятеля. Глядя, как летит пыль из-под копыт лошадей, воины второго отряда во главе с Сэбэем поневоле подумали, не прибыло ли уже в Ямадзаки войско Акэти.

– Что-то уж слишком быстро они мчатся, – подозрительно переговаривались во втором отряде.

Едва войдя в деревню в окрестностях Ямадзаки, воины Укона установили заставы на всех дорогах, ведущих в город, и принялись останавливать и поворачивать назад даже случайных путников.

Отряд Накагавы, подошедший позже и, естественно, наткнувшись на заставы, оцепенел. Его военачальники быстро поняли причину спешки, проявленной Уконом: он ни в коем случае не желал оказаться вторым в бою. Сэбэй не стал занимать эту же позицию и сразу выступил к холму Тэннодзан.

Хидэёси меж тем дожидался в Тонде. Здесь стояло его войско. На следующий день ему наконец сообщили, что Нобутака и Нива достигли берега реки Ёдо.

Услышав об этом, Хидэёси подпрыгнул от радости – да так, что едва не сломал походный стул.

– Коня! Немедленно коня!

Взобравшись в седло, он обратился к столпившимся у ворот:

– Я еду встречать князя Нобутаку! – и, хлестнув коня, помчался к реке Ёдо.

Река была широка и в конце сезона дождей разлилась. На берегу стояли воины Нобутаки, разделенные на два отряда, в которых было соответственно три и четыре тысячи человек.

– Где князь Нобутака? – спросил Хидэёси, спешившись перед строем утомленных воинов.

Никто не понял, что перед ними главнокомандующий.

– Я Хидэёси! – пришлось пояснить ему.

Пораженные воины застыли.

Хидэёси не стал дожидаться официального приветствия. Раздвигая людей, он устремился на поляну, где под деревом было установлено знамя Нобутаки.

Окруженный вассалами, Нобутака восседал на походном стуле и, щурясь, смотрели на ослепительный блеск воды. Повернувшись, он увидел бегущего к нему с радостным криком Хидэёси. Молодого князя охватило чувство признательности. Перед ним был вассал, верой и правдой прослуживший его отцу много лет и сейчас предпринимающий нечто, явно выходящее за пределы привычного распределения прав и обязанностей между господином и подданным. Глаза Нобутаки вспыхнули светом радости, с какой обычно встречают близкого и дорогого родственника.

– Хидэёси! – воскликнул молодой князь.

Не дожидаясь, пока Нобутака протянет ему руку, Хидэёси решительно шагнул вперед и крепко стиснул в своей ладони руку князя.

– Князь Нобутака! – вот и все, что он произнес.

Других слов им не понадобилось, они все прочли друг у друга во взоре. Слезы полились по

их щекам. Этими слезами Нобутака показывал приверженцу, какую боль причинила ему смерть отца. А Хидэёси понимал, что творится в душе у молодого человека. В конце концов он отпустил руку, которую долго и крепко пожимал, и опустился перед Нобутакой на колени.

– Как хорошо, что вы прибыли! Сейчас нет времени на долгие разговоры, да мне и нечего больше сказать. Я благодарен вам за то, что вы прибыли, и твердо убежден, что душа вашего отца, находящаяся на Небе, одобряет этот поступок. Наконец-то я могу засвидетельствовать вам свои чувства как приверженец князю и выполнить свой долг. Я счастлив впервые с тех пор, как покинул крепость Такамацу.

Позже в тот же день Хидэёси пригласил Нобутаку отправиться вместе с ним в его лагерь в Тонде, и они выехали в сторону Ямадзаки.

Они прибыли в Ямадзаки в час Обезьяны, и десятитысячное войско второй линии воссоединилось с тремя передовыми отрядами, насчитывавшими восемь тысяч пятьсот человек. Теперь повсюду в горах и селениях можно было увидеть воинов и коней.

– Мы только что получили донесение, согласно которому отряд Накагавы у подножия гор к востоку от холма Тэннодзан атакован войском Акэти.

Настало время нанести удар. Хидэёси отдал приказ на выступление.

Наутро девятого, когда Хидэёси покинул Химэдзи, Мицухидэ вернулся в Киото. Со смерти Нобунаги не прошло и семи дней.

Второго числа, в час Барана, когда развалины храма Хонно еще дымились, Мицухидэ оставил Киото, чтобы напасть на Адзути. Но с первого же шага его подстерегали неприятности. Войску предстояло переправиться через реку около Сэты. Утром Мицухидэ отправил в крепость Сэта письмо с требованием сдаться, но комендант крепости умертвил гонца, а затем сжег крепость и мост.

Таким образом, войску Ахэти не удалось переправиться через реку. Мицухидэ воспринял это как личное оскорбление. Пылающий мост, казалось, смеялся над ним. Замышляешь одно, а на деле выходит другое.

Вынужденный вернуться в крепость Сакамото, Мицухидэ впустую потратил два или три дня, дожидаясь восстановления моста. К тому времени, когда ему наконец удалось ворваться в Адзути, город опустел, в крепости не осталось ни души, в городе – товаров; лавочники даже убрали вывески. Семья Нобунаги спаслась бегством, но в спешке ей пришлось оставить золотой и серебряный запас Нобунаги, а также его собрание произведений искусства.

После того как войско Акэти заняло крепость, Мицухидэ увидел эти сокровища, но он им отнюдь не обрадовался, а, напротив, ощутил себя мелким грабителем.

«Не этого я искал, – подумал он. – Какой позор, если люди решат, будто я восстал ради того, чтобы завладеть сокровищами».

Он раздал все золото и серебро, найденные в крепости, своим воинам. Простым воинам досталось по несколько сот золотых, тогда как военачальники получили от трех до пяти тысяч каждый.

«К чему я стремлюсь?» – вновь и вновь задавался вопросом Мицухидэ. «Властвовать всей страной», – приходил к нему гордый ответ, но проскальзывала в этих словах зловещая пустота. Мицухидэ сознавал, что не случайно был лишен таких честолюбивых намерений: для достижения этой цели у него отсутствовали и возможности, и способности. Главная цель, которую он преследовал – убить Нобунагу, – была достигнута. Пожар в храме Хонно утолил гнев Мицухидэ, и его нынешние желания были столь зыбки и неопределенны, что граничили с пустыми грезами.

Согласно одному из преданий тех времен, Мицухидэ, едва удостоверившись в гибели Нобунаги, попытался сразу покончить с собой – его силой удержали от этого приверженцы.

Едва тело Нобунаги превратилось в пепел, ненависть к нему, сковавшая льдом сердце Мицухидэ, стала таять, как снег. Однако десятитысячное войско, вождем которого он теперь был, не разделяло нерешительности предводителя. Напротив, воины надеялись, что истинные свершения и подлинная награда за них – впереди.

– С нынешнего дня князь Мицухидэ стал властелином всей страны, – утверждали люди клана Акэти с решимостью, которой так не доставало теперь самому вождю.

Мицухидэ, на которого они так горячо уповали, стал жалкой тенью самого себя. Изменился его внешний вид, изменились манеры, даже прославленный ум Мицухидэ начал давать осечки.

Мицухидэ оставался в Адзути с пятого по восьмое. За это время его воины взяли крепость Хидэёси в Нагахаме и крепость Нивы Нагахидэ в Саваяме. Полностью захватив таким образом провинцию Оми, Мицухидэ вновь сосредоточил войско в одном месте и выступил на столицу.

Как раз в это время ему сообщили, что клан Хосокава отказывается поддержать его. А ведь он был убежден, что Хосокава Тадаоки, приходившийся ему зятем, присоединится к его войску, как только узнает о свержении Нобунаги. Но клан Хосокава ответил Мицухидэ гневным отказом. До сих пор Мицухидэ тревожился только о том, чьей поддержкой ему удастся заручиться, над тем же, кто станет его самым страшным врагом, он не задумывался вовсе.

И только сейчас, вспомнив о существовании Хидэёси, Мицухидэ ощутил, что ему нанесли сильнейший удар прямо в сердце. Он и раньше отнюдь не недооценивал выдающиеся способности Хидэёси, равно как и силы войска, сосредоточенного в западных провинциях. Напротив, он осознавал, что Хидэёси представляет собой постоянную угрозу. Но Мицухидэ не тревожился по этому поводу, полагая, будто Хидэёси скован в своих действиях войском Мори и не сможет своевременно вернуться туда, где произойдут главные события. Он надеялся, что один из гонцов, отправленных в стан Мори, сумеет выполнить поручение, и ожидал быстрого ответа от Мори, а ответ этот мог быть только одним: они сразу же напали бы на Хидэёси и уничтожили его войско. Но от Мори не приходило никаких вестей. Накагава Сэбэй, Икэда Сёню и Такаяма Укон также не откликнулись на предложения Мицухидэ. Увы, каждый день он получал все новые подтверждения тому, что на него ополчилось само Небо...

Для Мицухидэ крепость Сакамото имела особенное значение. Она напоминала ему об оскорблении, нанесенном Нобунагой, о постыдной горечи ухода из Адзути, о часах и днях сомнений в стенах крепости. Теперь сомнения остались позади, не было времени и для раскаяния. Так или иначе, он утратил власть над собой. Он променял былой ум, осмотрительность и изобретательность на пустой титул правителя страны.

В ночь на девятое Мицухидэ не имел еще ни малейшего понятия о том, где находится Хидэёси, но его настораживала внезапная перемена в поведении местных князей. На следующее утро он покинул лагерь в Симо Тоба и поднялся на перевал Хорагаминэ в Ямасиро, где намеревался соединиться с войском под командованием Цуцуи Дзюнкэя.

– Не видно ли Цуцуи Дзюнкэя? – то и дело спрашивал Мицухидэ вассалов на протяжении всего дня.

Цуцуи был верным союзником Мицухидэ задолго до того, как последний сжег храм Хонно, поэтому до сих пор Мицухидэ еще ни разу не усомнился в его преданности. Но вот стемнело, а войско Дзюнкэя так и не появилось. Мало того, и трое военачальников клана Ода, которых он рассчитывал привлечь на свою сторону, – Накагава Сэбэй, Такаяма Укон и Икэда Сёню, – так и не ответили на его отчаянные призывы, хотя все трое числились у него в подчинении.

Мицухидэ не зря тревожился. Он обратился к верному Сайто Тосимицу:

– Как ты думаешь, Тосимицу, в чем дело?

Мицухидэ хотелось надеяться, что причина молчания и отсутствия союзников заключается в том, что что-то случилось с его гонцами, или в том, что Дзюнкэй и остальные просто

замешкались. Но Сайто Тосимицу уже осознал, что именно произошло.

– Нет, мой господин, – ответил старик, – дело не просто в задержке. Мне кажется, князь Цуцуи и не собирается приезжать. Иначе он давно успел бы добраться сюда из Кориямы.

– На это должна быть причина, – возразил Мицухидэ.

Он призвал к себе Фудзиту Дэнго, быстро начертил письмо и отправил с гонцом в Корияму.

– Возьми лучших лошадей. Если хорошенько поторопишься, сумеешь вернуться к рассвету.

– Если князь Цуцуи примет меня, я успею, – ответил Дэнго.

– Как он может тебя не принять? Разбуди его хоть ночью и потребуй немедленного ответа.

– Хорошо, мой господин.

Дэнго сразу выехал в Корияму. Но еще до его возвращения в лагерь прибыли лазутчики с докладом, что войско Хидэёси повернуло на восток и что его передовые отряды находятся в соседней провинции Хёго.

– Не может быть! Это какая-то ошибка! – взорвался Мицухидэ, услышав новость.

Он и впрямь не мог поверить в то, что Хидэёси удалось заключить мир с Мори. Даже если так, столь быстро привести сюда такое большое войско он все равно не мог.

– Не думаю, мой господин, что донесение – ложное, – возразил Тосимицу, еще раз взяв на себя роль прорицателя несчастья. – В любом случае нам необходимо разработать план обороны.

Видя, что Мицухидэ пребывает в нерешительности, Тосимицу поспешил сделать предложение:

– Если бы вы оставили меня здесь дожидаться Цуцуи, то вам самому следовало бы поспешить, чтобы помешать Хидэёси войти в столицу.

– На прибытие Цуцуи немного надежды, верно?

Мицухидэ наконец смирился с подлинным положением дел.

– Думаю, мой господин, что особо надеяться не стоит.

– Что ты предложишь, чтобы остановить Хидэёси?

– Мы вынуждены исходить из того, что Укон, Сэбэй и Сёню перешли на его сторону. Если к нему присоединится Цуцуи, у нас не хватит сил первыми напасть на Хидэёси. Однако, по моим прикидкам, Хидэёси потребуются еще дней пять-шесть, чтобы сосредоточить здесь все войско. Если нам за это время удастся усилить людьми оборону крепостей Ёдо и Сёрюдзи, выстроить укрепления по дороге с юга на север в Киото и поднять всех воинов в провинции Оми, мы сумеем на какое-то время остановить его наступление.

– Что? Приложить столько усилий только для того, чтобы на время остановить наступление?

– Затем нам надо будет разработать общий план борьбы во всех направлениях, а не только оборону здешних мест. Сейчас мы попали в исключительно трудное положение. Вам надо уехать немедленно.

Тосимицу остался дожидаться возвращения Дэнго из Кориямы.

Тот вернулся с лицом, темным от гнева.

– Беда, – сказал он Тосимицу. – Этот ублюдок Дзюнкэй тоже предал нас. Он привел какие-то отговорки, объясняя, почему не едет сюда, но на обратном пути мне удалось установить, что он поддерживает связь с Хидэёси. Подумать только: на это пошел человек, которого все в клане Акэти считали своим!

Дэнго продолжал возмущаться, но морщинистое лицо Тосимицу оставалось бесстрастным.

Мицухидэ уехал в полдень, так никого и не дождавшись. Он вернулся в Симо Тобу примерно в тот же час, когда Хидэёси забылся недолгим сном в Амагасаки. Одинаковая жара стояла в этот день в буддистском храме в Амагасаки и в лагере в Симо Тобе. Едва вернувшись к себе в ставку, Мицухидэ созвал военачальников и провел военный совет. Он все еще не

понимал, что Хидээси уже находится в Амагасаки и до него при желании можно просто докричаться. И хотя передовые части войска Хидээси уже прибыли, Мицухидэ по-прежнему уповал на то, что сам Хидээси сможет появиться здесь только через несколько дней. Было бы неверно приписать эту ошибку нынешней слабости ума или духа Мицухидэ. Просто, при всем своем исключительном уме, он привычно мыслит понятиями здравого смысла. Более того, данное рассуждение превосходно вписывалось в общую картину происходящего.

Военный совет провели без ненужных препирательств, и Акэти Сигэтомо решил покинуть собрание первым. Он сразу же помчался в Ёдо и начал срочные работы по дополнительному усилению обороны крепости. Узкая горная дорога, ведущая в столицу, наверняка привлечет к себе внимание врага и подвергнется нападению. Крепость Ёдо находилась по правую руку от нее, крепость Сёрюдзи – по левую.

Мицухидэ отдал приказ отрядам, стоящим по берегу реки Ёдо: «Отойти в Сёрюдзи и занять оборону. Быть готовыми к вражескому нападению».

Мицухидэ тщательно готовился к предстоящему сражению, но, размышляя о численности вражеского войска, не мог не брать в расчет слабости собственного. Конечно, под началом у него было немало воинов как из столицы, так и из здешних мест, причем число их за последний день значительно возросло. Однако все это были деревенские самураи или просто-напросто ронины, то есть обыкновенные разбойники, стремящиеся отхватить куш пожирнее. Ни у кого из них не было ни настоящей подготовки, ни умения распоряжаться.

– Сколько у нас воинов? – спрашивал Мицухидэ своих людей.

Отряды, находящиеся в Адзути, Сакамото, Сёрюдзи, Хорагаминэ и Ёдо, насчитывали в общей сложности шестнадцать тысяч человек.

– Если бы к нам присоединились Хосокава и Цуцуи, – вздохнул Мицухидэ, – никакая сила не заставила бы меня оставить столицу.

Хотя план предстоящих действий был уже разработан, исходное неравенство сил продолжало беспокоить Мицухидэ. Князь Акэти, склонный все точно рассчитывать заранее, сохранял определенную надежду на успех, хотя и испытывал неотвязный, все нарастающий страх. Грань между победой и поражением была тонкой и зыбкой. Мало-помалу Мицухидэ начинал тонуть в волнах, которые сам же поднял.

Мицухидэ стоял на вершине холма вне основного лагеря и смотрел на мчащиеся по небу облака.

– Похоже, будет дождь, – пробормотал он, хотя ветерок, подхвативший его слова, дождя не обещал. Для полководца, намеревающегося вступить в решительное сражение, погода имеет большое значение. Мицухидэ некоторое время понаблюдал за облаками и за направлением ветра.

Затем он взглянул на реку Ёдо. Маленькие огоньки, трепещущие на ветру, были установлены на борту его собственных сторожевых лодок. Река казалась белой, гряда гор за нею – кромешно-черной.

Широкое небо нависало над рекой и ее дальним устьем в Амагасаки. Мицухидэ пристально вглядывался в ту сторону, глаза его словно светились. «На что способен Хидээси?» – спрашивал он себя. Затем сердито позвал вассала, что позволял себе редко:

– Сакудза! Сакудза! Где ты там?

Мицухидэ повернулся и широким шагом пошел по направлению к лагерю. Сильный ветер сотрясал ряды шатров так, что они казались морскими волнами.

– Да, мой господин! Я, Ёдзиро, здесь! – воскликнул приверженец, бросившись ему навстречу.

– Ёдзиро! Подать сигнал! Мы немедленно выступаем!

Пока войско снималось с лагеря, Мицухидэ разослал срочные депеши своим полковым военачальникам, включая Мицухару в крепости Сакамото, и известил их о принятом решении. Он не собирался отступать или вести оборонительные сражения. Он решил обрушиться на Хидэёси всей мощью своего войска.

Шел час второй стражи. На небе не было ни звезды. Первым спустился по холму ударный отряд, которому предстояло вести бой на обоих – высоком и низком – берегах реки Кацура. За ними спустились с холма резервные войска, основные полки и арьергард. Внезапно начался сильный дождь. Застав войско на полпути, он в считанные мгновения промочил всех насквозь.

Усилился холодный северо-западный ветер. Пешие воины глухо ворчали, глядя на темную поверхность реки.

– С гор Тамбы дует ветер и несет дождь.

Приди они сюда днем, им было бы видно далеко вокруг. Поблизости находилась Оиносака, а ведь они пересекли ее, выступив из опорной крепости клана Акэти Камэяма, всего десять дней назад. Воинам казалось, будто с тех пор прошло много лет.

– Не падать в воду! Держать порох сухим! – распорядились командиры.

Течение реки Кацура было сильнее обычного из-за дождя.

Копьеносцы переправились через реку, держась за древки копий идущих впереди; за ними пошли стрелки, поднимая над головой ружья и боеприпасы. Мицухидэ с конной свитой промчался на другой берег, поднимая тучи брызг. Откуда-то спереди до них доносился гул ружейной пальбы, в небо поднимались искры от горящих крестьянских хижин. Но как только стрельба смолкла, исчезло и пламя и все вокруг погрузилось во тьму.

Прибыл с донесением гонец:

– Наши воины отбили вражескую вылазку. Отступая, враг поджег несколько деревень.

Не обратив внимания на это донесение, Мицухидэ продвинулся через Куга Наватэ, прошел мимо крепости Сёрюдзи, удерживаемой его войском, и намеренно встал лагерем в Онбодзуке, в пятистах или шестистах кэнах юго-западнее крепости. Дождь, давно досаждавший войску, прекратился, на небе, только что черном, как тушь, зажглись звезды.

Враг тоже затаился, думал Мицухидэ, стоя на равнине и глядя во тьму по направлению к Ямадзаки. Глубокое волнение и страх охватывали его, когда он вспоминал, что войско Хидэёси стоит отсюда на расстоянии половины ри. Превратив Онбодзуку в опорный пункт для всего своего войска и используя крепость Сёрюдзи как второй – тыловой – оплот, он развернул боевые порядки веером от реки Ёдо на юго-запад до реки Энмёдзи. К тому времени, когда все передовые части выдвинулись на боевые позиции, почти рассвело и из полумрака начала проступать река Ёдо.

Вдруг со стороны холма Тэннодзан послышалась частая ружейная пальба. Солнце еще не поднялось, на небе стояли тучи, по земле стлался туман. Наступало тринадцатое число шестого месяца. Было еще так рано, что с дороги на Ямадзаки не доносилось ржание ни единой лошади.

Из лагеря Мицухидэ в Онбодзуке можно было увидеть Тэннодзан на расстоянии примерно половины ри к юго-западу. Слева от холма Тэннодзан шла дорога на Ямадзаки и текла полноводная река Ёдо.

Тэннодзан был крутым холмом, однако высота его не превышала трехсот сяку. Накануне, когда главное войско Хидэёси пришло в Тонду, его командиры увидели вдалеке гору. Кто-то спросил у местного проводника:

– Что это за гора?

– У восточного подножия? Ямадзаки.

– Враг в Сёрюдзи. Где эта крепость по отношению к холму Тэннодзан?

Каждый из полков сопровождал проводник из местных жителей. Те, кто разобрался в военном деле, понимали: верх возьмет сторона, которая сумеет захватить высоты.

Военачальникам было ясно: первый, кто сумеет водрузить знамя на вершине холма Тэннодзан, стяжает больше славы, чем тот, кто первым добудет вражескую голову в бою на равнине. Каждый из них поклялся себе, что этим человеком окажется именно он. Вечером двенадцатого многие поделились с Хидэёси своими мыслями по поводу предстоящего сражения, ожидая приказа взять приступом гору.

– Завтра разгорится решающая битва, – сказал Хидэёси. – Ёдо, Ямадзаки и Тэннодзан – места главных боев. Докажите, что вас не зря называют воинами. Не состязайтесь друг с другом, не думайте только о собственной славе. Не забывайте, что князь Нобунага и бог войны Хатиман будут наблюдать за вами с Небес.

Едва получив разрешение Хидэёси на выступление, стрелки устремились в сторону Тэннодзана в великом воодушевлении, смешав строй во мраке ночи. Боевое значение холма Тэннодзан, показавшегося столь привлекательным военачальникам Хидэёси, не укрылось и от взора Мицухидэ. Он принял решение сделать стремительный пеший переход, переправиться через Кацуру и как можно скорее пройти через Онбодзуку, чтобы занять Тэннодзан.

Мицухидэ знал местность ничуть не хуже, чем Накагава Сэбэй и Такаяма Укон. Но хотя они намеревались действовать сходно и в одном месте, мысли Мицухидэ простирались дальше соображений противников.

После того как Мицухидэ переправился через реку Кацура и совершил бросок через Куга Наватэ, он приказал командиру одного из полков отделиться от основного войска и повести своих воинов другой дорогой, сказав ему:

– Взойдите по северному склону холма Тэннодзан и займите вершину. В случае вражеской атаки держитесь до последнего и ни в коем случае не сдавайте этот холм.

Следует отметить, что Мицухидэ был истинным полководцем. Его решения и следующие за ними действия были всегда своевременны, он никогда не упускал возможности нанести удар. Тем не менее на этот раз воины Хидэёси, успев выйти к южному склону холма возле Хиросэ, уже устремились на его вершину.

Стояла кромешная тьма, а местность для большинства воинов была незнакомой.

– Вот тропа. Она, кажется, идет вверх.

– Нет, по ней не пройдешь.

– Да нет же, можно идти!

– Это тупик. Тропа ведет на край пропасти.

Кружа у подножия холма, воины долго не могли отыскать тропу, ведущую на вершину.

Она оказалась крутой; по-прежнему было темно. Считая, что здесь только свои, воины шли, не придерживаясь строя, и не слишком держались своих командиров. Толкаясь и оступаясь, они шли к вершине. И вдруг, когда до нее осталось рукой подать, их встретил частый ружейный огонь.

Это вступили в бой стрелки Акэти, которыми командовал Мацуда Тародзаэмон. Впоследствии выяснилось, что он разделил свой корпус, насчитывающий семьсот человек, на два. Воины Хорио Москэ, Накагавы Сэбэя, Такаямы Укона и Икэды Сёню, опережая друг друга, стремились подняться на вершину холма. Внизу оставались только воины Хори Кютаро, которые взяли под наблюдение развилку дорог чуть к северу от подножия. Они быстро окружили подножие холма, чтобы отрезать противнику путь к отступлению.

Как и следовало ожидать, попавшись на эту хитрость, воины Кютаро встретились лицом к лицу с отрядом под командованием самого Мацуды Тародзаэмона. Завязалось сражение, еще более кровопролитное, чем на вершине. Оно сразу переросло в рукопашную. Воины Акэти и

Оды бились среди растущих на склоне сосен и усеявших его валунов. Огнестрельное оружие мешало, в ход пошли копья, длинные мечи и секиры.

Некоторые, схватившись с врагом, падали с обрыва. Тем, кто, не удержавшись на ногах, падал, прокалывали спину копьем. Участвовали в бою с обеих сторон и лучники – пение стрел сопровождало шум рукопашной и грохот ружейного огня. Но громче всего звучали боевые кличи пятисот или шестисот воинов, сошедшихся в схватке. Казалось, кричат не люди, а вселившиеся в них злые духи.

Одна сторона теснила другую, затем откатывалась назад. Меж тем наступило утро. Впервые за долгое время небо расчистилось, его синеву подчеркивали белые облака. Погожее утро заставило приумолкнуть цикад. Вместо их пения в горах стоял грохот битвы и звучали неистовые боевые кличи. Вскоре склон холма покрылся окровавленными телами, местами – по три-четыре вповалку. Вид трупов возбуждал сражающихся. Переступая через тела павших соратников, воины словно пересекали границу жизни и смерти. Одинаковые чувства владели сейчас воинами Хори и Акэти.

Положение на вершине холма оставалось неопределенным, меняясь каждую минуту. И вдруг, в разгар сражения, боевые кличи воинов Мацуды внезапно сменились воплями, похожими на детский плач. Надежда на успех обернулась горьким отчаянием.

– В чем дело?

– Почему отступаем? Ни шагу назад!

Не понимая, отчего их соратники внезапно обратились в бегство, многие из воинов Мацуды не могли удержаться от гневных возгласов. Но и их самих уже словно обвалом несло к подножию холма. Командир отряда Мацуда Тародзаэмон был сражен пулей на глазах у воинов. Оруженосцы унесли его с поля боя на плечах.

– Вперед! Перебьем их всех!

Большая часть воинов Хори устремилась вдогонку за беглецами, и Кютаро что было сил закричал:

– Прекратить преследование!

Но в такие мгновения даже самый строгий приказ не исполняется. Как и следовало ожидать, первый полк Мацуды катился сейчас со склона холма, напоминая грязный речной поток. Подкрепления не подошли, военачальника застрелили; им оставалось только спастись бегством.

Воины Хори значительно уступали численностью собранным на холме отрядам Акэти. Теперь они были без боя смяты врагом, лавиной катившимся с вершины холма. Та часть воинства Хори, которая пустилась в погоню, попала в клещи, и, как опасался Кютаро, началась ужасная резня.

В это время отряды Хорио, Накагавы, Такаямы и Икэды сообща захватили вершину холма.

– Победа за нами!

– Тэннодзан наш!

Раздались первые победные кличи. Хидээси дожидался прибытия Нобутаки на реку Ёдо и поэтому еще не явился на передовую. Лишь позже, примерно в час Барана, то есть далеко за полдень, он присоединил к своему войску отряд под командованием Нобутаки и Нивы Нагахадэ и отправился в ставку. Палящее солнце успело высушить воспоминания о ночном дожде, люди и лошади обливались потом, яркие доспехи и плащи посерели от пыли. В этих тусклых тонах единственным ярким пятном оставалось княжеское знамя Хидээси с изображением золотых тыкв.

Пока со стороны холма Тэннодзан по-прежнему доносилась стрельба, деревня казалась вымершей. Но когда воины Акэти ушли, а на смену им на улицы хлынуло воинство Хидээси, у

каждого порога внезапно появились кувшины с водой, дыни и чайники с горячим чаем. Даже женщины вышли наружу пожелать успеха войску Хидэёси.

– Всех ли вы уничтожили?

Хидэёси, не слезая с коня, смотрел на знамена своего войска, уже водружаемые на вершину ближнего холма.

– Всех до единого, – отозвался Хикоэмон.

Он получал донесения от командиров, принимающих участие в сражении частей, держал в уме общую картину и то и дело докладывал о ней Хидэёси. Вот и сейчас он сказал:

– Отряд Мацуды в разгар схватки потерял командира. Часть воинов Мацуды бежали, спустившись по северному склону холма, тогда как другие присоединились к вражескому полку, стоящему в Томооке.

– Почему такой искушенный полководец, как Мицухидэ, с легкостью сдал нам важную высоту?

– Должно быть, он не думал, что мы успеем прибыть так скоро. Ошибся в расчетах.

– Что известно об его основном войске?

– Оно расставлено так: от реки Ёдо до Симоуэно, крепость Сёрюдзи – запасной оплот, река Энмэдзи – передовой рубеж.

В это мгновение боевые кличи и шум пальбы донеслись со стороны, где текла река Энмэдзи. Наступал час Обезьяны.

Река Энмэдзи, протекавшая к востоку от деревни Ямадзаки, впадала в реку Ёдо. На месте слияния рек земля была заболочена и поросла тростником. В обычные дни отсюда доносилось несмолкающее птичье пение, но сегодня никаких птиц не было.

В утренние часы противостоящие друг другу полки – левое крыло войска Мицухидэ и правое крыло войска Хидэёси – вышли с двух сторон на противоположные берега реки. Тростник трепетал на ветру. Густые заросли скрывали противника, и воинам с обоих берегов были видны только самые верхушки вражеских знамен. Однако на северном берегу пятитысячное войско под командованием Сайто Тосимицу, Абэ Садааки и Акэти Сигэтомо готовилось начать наступление. А на южном берегу восемь тысяч пятьсот воинов под командованием Такаямы Укона, Накагавы Сэбэя и Икэды Сёню выстроились в несколько линий. Обливаясь потом на жару, в сырой низине, они тоже ждали часа, чтобы нанести удар.

Они ждали прибытия Хидэёси. Отдать приказ о наступлении должен был главнокомандующий.

– Куда подевалось главное войско?

Они кляли соратников за опоздание, но им оставалось только скрежетать зубами.

Акэти Мицухидэ, остававшийся в ставке в Онбодзуке, давно узнал о гибели Мацуды Тародзаэмона на холме Тэннодзан и о полной потере этой высоты. Он проклинал себя за ошибку в расчетах времени прибытия противника. Он прекрасно понимал, как велика разница – сражаться, удерживая за собой Тэннодзан, или, наоборот, вести решающую схватку, отдав ключевую высоту противнику.

Но хотя и печалила Мицухидэ потеря холма Тэннодзан, это была только четвертая по значению из владевших его душой горестей. Прежде всего его возмущало предательство Цуцуи Дзюнкэя. Затем его тяготил собственный ошибочный приказ укрепить крепость Ёдо, основанный на неверном определении скорости, с которой сможет подойти войско Хидэёси. И наконец, ему была отвратительна собственная нерешительность. Он все еще не в силах был определить, вести ли наступательное сражение или оборонительное. И даже прибыв в Онбодзуку, он еще не пришел к ясному решению.

Битва началась чуть не по чистой случайности. Оба войска провели все утро в зарослях

тростника, мучаясь от духоты и терзаемые комарами. Они угрюмо поглядывали в сторону, где, судя по верхушкам знамен, должен был находиться неприятель, и дожидались приказа своих военачальников. Вдруг лошадь под дорогим седлом рванулась со стороны войска Оды к воде, должно быть, чтобы напиться.

Четверо или пятеро воинов – видимо, приспешники хозяина лошади – бросилось за ней вдогонку. С другого берега на них обрушился град пуль. Частые и дружные залпы следовали один за другим.

В ответ войско Хидэси открыло огонь по северному берегу, чтобы выволить своих воинов, затаившихся в прибрежном тростнике. Никому больше не хотелось дожидаться приказа.

– Вперед!

После перестрелки приказ войску Оды на общее наступление уже не мог не последовать. Воины Акэти не заставили себя долго ждать и тоже начали переправу.

На месте слияния Энмэджи и Ёдо река была довольно широка, но чуть выше по течению Энмэджи представляла собой обыкновенный ручей.

После нескольких дней непрерывных дождей течение было сильным. Пока стрелки Акэти, поднявшись из зарослей на северном берегу, палили по воинам Хидэси, сосредоточившимся на южном, тяжело вооруженные копьеносцы – отборные отряды Акэти – перешли реку и начали подниматься на противоположный берег.

– Выслать вперед копьеносцев! – закричал один из командиров отряда Такаямы, от нетерпения подпрыгивая на месте.

Поскольку река в этом месте была узкой, возможности для ведения ружейного огня оказались ограничены. Пока стрелки, произведя залп, перестраивались, – то есть вторая цепь заступала на место первой, а та отходила, чтобы перезарядить ружья, – враг мог ворваться в их ряды.

– Стрелки, в сторону! Пропустить атакующих!

Отряд копьеносцев Накагавы построился, изготавившись к схватке. Многие из воинов били копьями с берега в воду.

Метили они во врага, хотя проще было держать копья наперевес и сбрасывать обратно в воду тех, кто поднимался на берег. А в воде шла ожесточенная рукопашная: здесь бились копьями, и мечами, и древками сломанных копий. Воины разили друг друга и падали замертво в воду.

Крик – поединок – падение в стремительную воду – туча брызг. Грязная вода пенилась вокруг живых и павших. Кровь и желчь поднимались на поверхность воды, их смывало течение.

К этому времени на смену передовому отряду под командованием Накагавы Сэбэя пришли свежие части Такаямы Укона. Слаженно, как юноши, несущие священный паланкин на храмовый праздник, издав единый клич, они плечом к плечу вступили в бой.

Быстро пробравшись сквозь заросли тростника, они неожиданно обрушились на врага. День уже клонился к концу. Алые закатные облака бросали прозрачные тени на черные фигуры воинов, метавшиеся в смертельной схватке.

Неистовое сражение длилось еще целый час. Ярость, с какой бились воины под командованием Сайто, поразила даже противника. Когда их, казалось, уже окончательно смяли, они поднялись еще раз, исполненные прежней решимости. Раз за разом отражали они все новые атаки, намертво встав на зыбкой болотной почве. И не только они: чуть ли не все отряды Акэти сражались с неистовством отчаяния, их грозные крики передавали горечь, объявляющую командира гибнущей армии, князя Акэти Мицухидэ.

– Отступаем, иначе нас окружат! Все назад! Все назад!

Отчаянный крик разлетелся со скоростью ветра, и в двух других отрядах Акэти вскоре

узнали плачевные вести.

Сердцевинной построения войска Акэти был мощный засадный отряд в пять тысяч воинов, оттянутый к Онбодзуке и находящийся под личным командованием Мицухидэ. Справа этот отряд был прикрыт четырехтысячным отрядом, включая две тысячи воинов под началом Фудзиты Дэнго.

Дэнго приказал ударить в большой барабан, и его воины выстроились в боевые порядки под знаменем, готовясь встретить наступление противника. Летучие отряды лучников обрушили на врага смертоносный град стрел, им ответили мощным ружейным залпом.

По приказу Дэнго лучники отпрянули в сторону, на их место заступили стрелки. Они произвели залп. Не дожидаясь, пока рассеется пороховой дым, копьеносцы в латах возникли перед воинами Оды и принялись прокладывать себе дорогу сквозь их ряды железными копьями. Дэнго с отборными силами уничтожил полк Хатии.

Вставшие на смену полку Хатии воины князя Нобутаки атаковали воинство Акэти. Но Дэнго разбил и обратил в бегство и воинов Нобутаки. Какое-то время казалось, будто никто не может противостоять воинам Дэнго.

Забил барабан, возглашая наступление отряда Фудзиты. Казалось, эти звуки выражают гордость клана, не имеющего равных в бою. Воины Фудзиты напали на конную свиту Нобутаки и заставили вражеских самураев, для спасения молодого князя, обратиться в беспорядочное бегство.

Как раз в эти минуты с фланга на отряд Фудзиты обрушились пятьсот вражеских воинов, вопя так, словно их была тьма-тьмущая.

Тучи в небе еще алели, но на землю уже пали густые сумерки. Дэнго осознал, что зашел в наступлении чересчур далеко, и поспешил изменить приказ.

– Разворачивайтесь вправо! – закричал он. – Скорее разворачивайтесь! Вправо, как можно дальше вправо!

Он намеревался построить свое войско кольцом и отступить на воссоединение с основными силами, а там уж стоять насмерть.

Все бы так и было, но слева на его воинов обрушился отряд Хори Кютаро. Дэнго почудилось, что воины выросли из-под земли, – настолько стремительно и внезапно они появились.

Отступать стало некуда. Дэнго понял это сразу, и времени на новое перестроение у него не оставалось. Воины Хори косили его людей со скоростью ветра и начали брать отряд в клещи.

Знамя Нобутаки развевалось все ближе к тому месту, где сражался Дэнго.

В это мгновение пятьсот всадников во главе со старшим и средним сыновьями Дэнго выехали вперед и бесстрашно врезались в гущу неприятеля. Меж тем стемнело. Ветер носил по полю боевые кличи живых и предсмертные вопли павших, уносил в небеса запах крови.

Отряд под командованием Нобутаки слыл самым мощным соединением в войске Хидэёси. Сейчас он был вдобавок усилен трехтысячным отрядом под началом Нивы Нагахидэ. И сколько бы силы и мужества ни нашлось у Дэнго с его воинами, прорвать такую вражескую линию они не могли.

Дэнго получил шесть ранений. Продолжая рубиться на мечах и одновременно укрощать обезумевшего в грохоте битвы коня, он начал терять сознание. Откуда-то сзади, из мрака, его окликнули.

Думая, что это обращается к нему его сын, Дэнго поднял голову от конской гривы и попробовал обернуться. В то же мгновение что-то ударило его в лоб, прямо над правым глазом. Ему показалось, будто звезда, сорвавшись с небес, вонзилась ему в чело.

– Оставайся в седле! Не спешивайся! Тебя лишь задело стрелой! Держись!

- Кто ты? Кто меня держит?
- Это я, Тодзо.
- Ах, это ты, брат. Что с Исэ Ёсабуро?
- Убит.
- А что с Сувой?
- Тоже убит.
- А Дэмбэй?

– Бьется, со всех сторон окруженный врагами. Теперь позволь помочь тебе. Обопрись о переднюю луку.

И, не заботясь более о судьбе Дэмбэя, Тодзо взял поводья коня, на котором почти без чувств сидел его брат, и на полной скорости помчался прочь от бушующего со всех сторон хаоса.

Одиноким ветер продувал насквозь сосны, растущие вокруг лагеря Мицухидэ в Онбодзуке. Шатер, колыхаясь под ветром, казался живым существом. Полог беспрестанно трепетал, нашептывая горестную и призрачную песню.

– Ёдзи! Ёдзи! – окликнул Мицухидэ.

– Да, мой господин!

– Это был гонец?

– Да, мой господин.

– Почему он не доложил прямо мне?

– Его донесение нуждается в дополнительных подтверждениях.

– С каких пор вы взялись решать, что надо докладывать, а что нет?

Мицухидэ и впрямь почувствовал возмущение и досаду.

– Прошу прощения, мой господин.

– Наберись смелости! Или тебя пугают дурные предзнаменования?

– Нет, мой господин. Я готов умереть.

– Вот как?

Мицухидэ внезапно осознал, что говорит с чрезмерным раздражением, и сбавил тон. И подумал при этом, что упрек относительно дурных предзнаменований касается его самого ничуть не меньше, чем Ёдзи. Ветер выл еще заунывней, чем днем. Поля и огороды находились на другом склоне холма. К востоку лежала Куга Наватэ, к северу высились горы, на западе текла река Энмэдзи. Но во тьме были видны только мерцающие в небе над полем сражения звезды.

Недавно был час Обезьяны, а теперь уже шла вторая половина часа Петуха. В час Обезьяны знамена войска Акэти заполняли все поле. Куда они подевались? Должно быть, войско разбито. Мицухидэ зачитывали список павших, пока он был в состоянии выслушивать этот бесконечный перечень дорогих имен.

Все заняло не более трех часов. Вне всякого сомнения, Ёдзиро только что получил еще одно удручающее донесение с поля боя, и ему не хватило смелости доложить Мицухидэ. Выслушав упрек князя, Ёдзиро вновь спустился по склону холма. Оглядевшись по сторонам, он прислонился к стволу сосны и уставился на звезды.

Подъехал всадник. Он сдержал коня, увидев Ёдзиро.

– Друг или враг? – спросил приверженец Мицухидэ, взяв наперевес копье, на которое он перед этим опирался, как на посох.

– Друг, – отозвался прибывший, слезая с лошади.

С первого взгляда на неуверенные движения незнакомца Ёдзиро понял, что тот тяжело ранен. Он подошел, предложил ему помощь – и только тут узнал его.

– Гёбу! – воскликнул он. – Держись! Попробуй опереться на меня.

– Это ты, Ёдзиро? А где князь Мицухидэ?

– На вершине холма.

– Он все еще здесь? Ему тут опасно оставаться. Надо немедленно уехать отсюда.

Гёбу поднялся на холм, подошел к Мицухидэ и простерся ниц перед ним, едва не лишившись чувств.

– Войско разбито. Остались только мертвые и умирающие. Столько людей пало смертью храбрых, что мне не перечесть их имен.

Подняв глаза, он увидел смертельно бледное лицо Мицухидэ. Казалось, оно плывет по небу между соснами, как луна. Мицухидэ не промолвил ни слова, как будто и не слышал того, что

ему сказали.

Гёбу продолжил рассказ:

– На время нам удалось надавить на центр вражеских позиций, но тут стемнело, путь к отступлению оказался перекрыт, и мы нигде не могли отыскать Дэнго. Полк Сандзаэмона попал в окружение, и там завязалась особенно жестокая схватка. Сандзаэмону удалось прорваться, выведя с собой всего двести воинов. Его последним напутствием было: «Немедленно отправляйся в Онбодзуку и скажи его светлости, что необходимо как можно скорее отступить в крепость Сёрюдзи, а там решить – держать ли оборону или, пока не настало утро, отступить в глубину провинции Оми. До тех пор я его прикрою. После того как мы узнаем, что его светлость в безопасности, мы помчимся в лагерь Хидэёси и найдем смерть в бою».

Мицухидэ по-прежнему безмолвствовал. Когда Гёбу закончил доклад, он тяжело вздохнул, глядя на умирающего вестника печали. Тот испустил последний вздох.

Мицухидэ посмотрел на него, а затем с отсутствующим видом обратился к Ёдзиро:

– Его тяжело ранили?

– Да, мой господин, – ответил Ёдзиро, смахивая слезу.

– Кажется, он умер.

– Да, мой господин.

– Ёдзиро, – Мицухидэ внезапно заговорил совершенно другим тоном, – что же все-таки говорилось в предыдущем донесении?

– Не стану ничего скрывать, мой господин. На поле боя появилось войско Цуцуи Дзюнкэя и ударило на нас слева. Сайто Тосимицу и его воинам не удалось справиться с этим натиском, и они погибли.

– Не может быть!

– Я понимал, что вы едва ли поверите, даже если я открою истину. Я надеялся оттянуть это известие до тех пор, когда оно уже не могло бы подлить в чашу событий новой горечи.

– Да, таков мир земной, – согласился Мицухидэ. – Впрочем, какая разница!

Мицухидэ рассмеялся. По крайней мере, это походило на смех. Затем, резко махнув рукой в глубь лагеря, велел подать лошадь.

Большую часть войска Мицухидэ отправил на поле боя, но и сейчас в лагере, вместе с ним и со старшими соратниками клана, оставалось не менее двух тысяч воинов. Возглавив это воинство, Мицухидэ решил пробиться на выручку остаткам отряда Сандзаэмона и принять последний бой. Взобравшись на коня, он отдал приказ на выступление громовым голосом, раскаты которого разнеслись по всей Онбодзуке. А затем, не дожидаясь, пока поднимется и соберется войско, развернулся и помчался вниз по склону холма, сопровождаемый только несколькими всадниками.

Кто-то, опередив его, уже выбежал из лагеря, спустился по склону и сейчас встал посреди дороги, загородив ее широко раскинутыми руками.

– Кто ты? – воскликнул Мицухидэ, резко осадив коня. От неожиданности животное поднялось на дыбы.

Узнав своего старшего соратника Хиду Татэваки в человеке, остановившем его и схватившем поводья коня, Мицухидэ разгневался:

– Татэваки, почему ты останавливаешь меня?

– Ёдзиро! Сандзюро! Почему вы не остановите его? – обрушился Хида Татэваки на приверженцев Мицухидэ. – Немедленно спешьте! – Затем, почтительно поклонившись Мицухидэ, добавил: – Человек, которого я сейчас вижу перед собой, – не тот князь Мицухидэ, которому я служу. Поражение в одной битве не означает проигрыша войны. На вас, мой господин, не похоже очертя голову бросаться на верную смерть только из-за того, что вы

проиграли одно-единственное сражение. Враг будет смеяться над нами, потому что мы потеряли самообладание. Хотя ваше войско и разбито, но у вас есть семья в Сакамото и несколько сподвижников в разных провинциях – они ждут вашего знака. Положение дел вовсе не безысходно. И прежде всего вам надлежит отступить в крепость Сёрюдзи.

– О чем ты говоришь, Татэваки? – Мицухидэ потряс головой так же резко, как тряс гривой его конь. – Или ты надеешься, что павшие восстанут и, преисполнившись прежним мужеством, пойдут за меня в сражение? Я не могу бросить своих воинов, не могу отдать их на заклятие врагу, а сам исчезнуть. Я намерен нанести сокрушительный удар Хидэёси и покарать Цуцуи Дзюнкэя за предательство. Я не ищу бесславной смерти. Я хочу показать им, каков на самом деле Мицухидэ. Изволь дать мне проехать!

– Но почему у мудрого князя такие бешеные глаза? Сегодня нашему войску нанесен сокрушительный удар. По меньшей мере три тысячи воинов убито, а множество других ранено. Военачальники почти все убиты, новобранцы дрогнули в бою. Сколько, по-вашему, осталось воинов в лагере?

– Пропусти меня! Я сделаю то, что мне угодно! Изволь немедленно пропустить меня!

– Ваши бессмысленные слова доказывают, что вы и впрямь ищете смерти, и не более того, – и я сделаю все, что в моих силах, лишь бы воспрепятствовать вам в этом намерении. Затеянное имело бы определенный смысл, будь у вас под рукой три-четыре тысячи несокрушимых воинов, но мне кажется, в бой вслед за вами устремятся четыреста или, самое большее, пятьсот человек. Все остальные потихоньку ускользнули из лагеря еще с вечера и разбежались кто куда.

Пока Татэваки объяснял это своему господину, глаза ему застилали слезы.

– Неужели человеческий ум так хрупок? И стоит уму ослабеть, как самый мудрый из нас становится настоящим безумцем! – Такэваки не отрываясь глядел на Мицухидэ и в ужасе осознавал, как переменился его повелитель. Проливая горькие слезы, он поневоле вспоминал, какой остротой ума и дальновидностью отличался совсем недавно князь Акэти.

Остальные военачальники столпились вокруг Мицухидэ. Двое из них уже побывали в сегодняшнем бою, однако, тревожась за своего господина, поспешили воротиться в лагерь. Один из них сказал:

– Пока мы здесь топчемся на месте, враг с каждой минутой подходит все ближе – скоро он сможет покончить с нами прямо здесь. Следует поторопиться и как можно скорее добраться до Сёрюдзи.

Татэваки не стал дожидаться, пока примет окончательное решение его господин. Он затрубил в раковину и приказал остаткам войска отступить на север. Ёдзиро и еще один приверженец, спешившись, повели под уздцы коня Мицухидэ, чуть ли не силой вынуждая князя отступить. Военачальники и воины, еще остававшиеся на склоне холма, поспешили последовать за ними. Как утверждал Татэваки, их оказалось не больше пятисот.

Миякэ Тобэй был комендантом крепости Сёрюдзи. Здесь настроение у всех тоже было унылым, разговоры шли только о неизбежном поражении: крепости суждено скоро пасть. В слабом свете мигающих фонарей защитники крепости думали о том, как бы уцелеть самим. В ходе военного совета им не удалось прийти к разумному решению. Даже Мицухидэ осознал, что окончательное поражение неотвратимо.

Дозоры, выставленные за пределами крепости, неоднократно доносили о приближении вражеского войска. Сама крепость была недостаточно мощна, чтобы устоять перед прямой атакой войск Хидэёси. Никуда не годилась и крепость Ёдо, об укреплении которой Мицухидэ распорядился несколько дней назад. Более всего это напоминало попытку возведения плотины после того, как вода начала выходить из берегов.

Единственным утешением Мицухидэ оставалось число военачальников и пеших воинов, не

только сохранивших верность своему господину, но и доказавших ее в ходе яростного неравного сражения. Здесь имело место любопытное противоречие: воины клана Акэти – того самого клана, который поднял мятеж против повелителя всей страны, – свято хранили узы, связующие вассала с господином. Конечно, Мицухидэ обладал многими достоинствами, и его приверженцы показывали себя по отношению к нему истинными самураями.

По этой причине число убитых и раненых сравнительно с числом принявших участие в битве было необычайно велико, хотя само сражение длилось всего три часа. Как было подсчитано позднее, потери составили три тысячи человек в войске Акэти и три тысячи триста – в войске Оды. О раненых и говорить нечего. Исходя из этого, можно судить о мужестве воинов Акэти, ничуть не уступавших в этом своему господину. Учитывая относительную малочисленность войска Мицухидэ – соотношение сил составляло один к двум – и невыгодные условия, в которых ему пришлось принять бой, его поражение не должно вызвать осуждения или насмешки.

На тринадцатый день шестого месяца луна была скрыта полупрозрачными облаками. Мчались всадники: один или двое впереди, остальные – несколько поотстав. Тринадцать всадников с севера, от реки Ёдо, в сторону Фусими.

Когда они наконец въехали в густую тень гор, Мицухидэ, обернувшись на скаку, спросил у Татэваки:

– Где мы?

– Это долина Окамэ, мой господин.

Пятна лунного света падали сквозь ветви деревьев на Татэваки и на тех, кто ехал следом.

– Ты намерен переправиться к северу от Момоямы, а затем выйти через Огурусу на дорогу к храму Кансю? – спросил Мицухидэ.

– Совершенно верно. Если, поехав по этой дороге, мы сумеем добраться до Ямасины и Оцу до рассвета, нам не о чем будет тревожиться.

Синси Сакудзаэмон, проехавший чуть вперед, внезапно сдержал коня и знаком предложил Мицухидэ остановиться. Мицухидэ со спутниками послушались. Не осмеливаясь даже перешептываться, они молча следили, как отправились на разведку Акэти Сигэтомо и Муракоси Сандзюро. Двое проехавших вперед всадников остановились на берегу и знаками предложили остальным не спешить. Какое-то время они провели у реки, настороженно вслушиваясь в тишину.

Вражеская засада?

В конце концов они облегченно вздохнули. По сигналу лазутчиков отряд опять двинулся вперед. Луна и облака висели посередине ночного неба. Как бы тихо и скрытно ни стремились они ехать, на склоне лошади начали наступать на камни и полусгнившие бревна, и даже этого небольшого шума оказалось достаточно, чтобы переполошить спящих птиц. Каждый раз, когда это происходило, Мицухидэ и его спутники придерживали коней.

После страшного поражения войско Мицухидэ удалилось в крепость Сёрюдзи и позволило себе передохнуть там. Позже они принялись обсуждать остающиеся возможности, но в конце концов сошлись на том, что следует искать спасения в Сакамото. Все вассалы Мицухидэ уговаривали его набраться терпения. И вот, поручив Миякэ Тобэю заботу о крепости, Мицухидэ пустился в бегство.

Отряд, выступивший с ним из Сёрюдзи, насчитывал четыреста или пятьсот человек. Но к тому времени, когда они прибыли в деревню Фусими, большая часть воинов успела разбежаться. С Мицухидэ остались лишь самые испытанные приверженцы – всего тринадцать.

– Будь нас больше, врагу было бы легче нас обнаружить. Да и в любом случае всякий, кто

не готов отдать жизнь за князя, оказался бы ненужной обузой. Князь Мицухару находится в Сакамото, и у него там три тысячи воинов. Единственное, что нам нужно, – добраться туда живыми и невредимыми. Молю богов, чтобы они пришли на помощь нашему бедному господину.

Так утешали себя и друг друга приверженцы Мицухидэ.

Хотя местность была холмистой, крутые подъемы и спуски по дороге не попадались. Луна сияла, почва, размытая дождями, была вязкой, а на дороге стояли лужи.

Вдобавок ко всему Мицухидэ и его люди испытывали страшную усталость. Они уже находились неподалеку от Ямасины, а стоило им попасть в Оцу, и они оказались бы в безопасности. Этим они и подбадривали друг друга в пути, хотя для измотанных людей остававшиеся несколько ри казались целой сотней.

– Мы въезжаем в деревню.

– Это, должно быть, Огурусу. Ведем себя тихо!

Там и здесь попадались горные хижины, крытые черепицей. Отряду Мицухидэ хотелось по возможности держаться подальше от человеческого жилья, но дорога вилась как раз вдоль домов. К счастью, все спали. Дома стояли в густых зарослях бамбука, сияла луна; жители мирно спали, не ведая о тревогах мира.

Прищурившись, чтобы лучше видеть во тьме, Акэти Сигэтомо и Муракоси Сандзюро первыми въехали в деревню и миновали ее без происшествий. Остановившись у тропинки, ведущей в бамбуковую рощу, они решили дожидаться остальных.

Фигуры двух всадников и отблеск лунного света на остриях их копий были четко видны из рощи, до которой оставалось пятьдесят кэнов.

Вдруг из темноты донесся шорох, кто-то наступил на ветку, послышался крик дикого зверя.

Татэваки, ехавший перед Мицухидэ, невольно оглянулся. Тьма покрывала утопавшие в зарослях бамбука хижины. В двадцати кэнах позади четко вырисовывался неподвижный силуэт Мицухидэ.

– Мой господин, – позвал Татэваки.

Ответа не последовало. Побег молодого бамбука трепетали, хотя вокруг не было ни ветерка.

Татэваки хотел вернуться, когда Мицухидэ внезапно сорвался с места и, не произнеся ни слова, промчался мимо. Он привалился к шее коня. Татэваки счел это странным, однако молча поехал за Мицухидэ. Так же поступили и остальные всадники.

Они без всяких приключений проехали по дороге еще триста кэнов. Здесь их дожидались двое лазутчиков – и вот вновь все тринадцать помчались вперед. Мицухидэ ехал шестым.

Внезапно лошадь Муракоси встала на дыбы. В то же мгновение над головой у него взметнулся меч.

Единым махом Муракоси отрубил заостренный конец бамбукового копья. Руки, державшие копье, исчезли в зарослях, но все спутники Мицухидэ заметили, что случилось.

– Кто это? Разбойники?

– Должно быть. Едем осторожней. Они, наверное, скрываются в зарослях.

– Муракоси, с тобой все в порядке?

– Неужели вы думаете, что мне страшно бамбуковое копье какого-то лесного воришки?

– Не отвлекайтесь! Смотрите в оба! Лишние разговоры могут обернуться новыми неприятностями.

– А что с его светлостью?

Все, как по команде, оглянулись.

– Смотрите! Смотрите!

Внезапно они побледнели. В ста шагах перед ними Мицухидэ упал с коня. Хуже того, он корчился на земле и стонал так, словно подняться ему больше не было суждено.

– Мой господин!

– Мой господин!

Сигэтомо и Татэваки, спешившись, бросились к Мицухидэ и попытались вновь посадить его в седло. Но у Мицухидэ уже не было сил. Он молча покачал головой.

– Что с вами, ваша светлость?

Спутники Мицухидэ, забыв обо всем на свете, столпились вокруг него во тьме. Стенания князя и горькие вздохи его вассалов разносились по воздуху. В это мгновение из-за облаков вышла луна.

Из зарослей донеслись шаги и крики разбойников.

– Сообщники того разбойника заходят к нам в тыл. Такие шакалы всегда готовы наброситься на любого, кто поскользнется. Сандзюро и Ёдзиро, позаботьтесь о них!

По приказу Сигэтомо воины разбились на две группы. Сверкнули наконечники копий и лезвия мечей.

– Ах ты, собака!

Кто-то с треском заворочался в зарослях бамбука. Казалось, там пролился дождь листьев или промчалась стая обезьян. Молчание ночи было нарушено окончательно.

– Сигэтомо... Сигэтомо... – прошептал Мицухидэ.

– Я здесь, мой господин.

– Ах... Сигэтомо... – повторил Мицухидэ.

Он принялся вслепую шарить руками, словно ища, за что ухватиться или на что опереться.

Кровь текла у него из раны на груди, взор туманился, говорить было трудно.

– Я перевяжу вашу рану и дам снадобья, потерпите немного.

Мицухидэ покачал головой, давая понять, что ему ничем не поможешь. Его руки продолжали что-то искать.

– Что вам угодно, мой господин?

– Кисточку.

Сигэтомо принес князю кисточку, тушь и бумагу. Мицухидэ дрожащей рукой взял кисточку и уставился на чистый лист. Сигэтомо понял, что он собирается сочинить предсмертное стихотворение. Шемящая боль пронзила грудь верного вассала. Он не мог вынести того, что его князь вынужден заниматься столь важным делом в таких презренных обстоятельствах, и, преисполненный уверенности в высоком предназначении своего господина, поспешил сказать:

– Не беритесь за кисточку сейчас, мой господин. До Оцу рукой подать, а если мы сумеем добраться туда, нас встретит князь Мицухару. Позвольте перевязать вашу рану.

Пока Сигэтомо, положив лист бумаги наземь, рылся в сумке, Мицухидэ собрался с силами и повел в воздухе правой рукой. Опершись на левую, он сел, вновь правой взял кисточку, судорожно стиснул ее и начал писать:

Нет, не двое ворот, называемые Верность и Предательство...

Но рука его дрожала так сильно, что написать вторую строчку он не мог. Мицухидэ передал кисточку Сигэтомо:

– Напиши за меня остальное.

Опершись на колени Сигэтомо, Мицухидэ поднял голову и молча залюбовался луной в ясном небе. Когда его лицо залила смертельная белизна, по сравнению с которой померкла даже

луна, он произнес заключительные строки голосом, на диво четким и спокойным:

*Великий Путь пронизывает глубину сердца.
Очнувшись от пятидесятипятого сна,
Я возвращаюсь.*

Сигэтомо, отложив кисточку в сторону, горестно заплакал. В это мгновение Мицухидэ извлек из ножен малый меч и перерезал себе горло. Сакудзаэмон и Татэваки, бросившись назад, с ужасом убедились в непоправимости происшедшего. Оба они покончили с собой над телом князя. Еще четверо, а вот уже и шестеро, а вот уже и восемь вассалов обступили тело Мицухидэ и один за другим лишили себя жизни. В мгновение ока алый цветок бездыханного тела князя Акэти со всех сторон расцвел алыми лепестками.

Ёдзиро в это время рыскал в бамбуковых зарослях, преследуя разбойников. Опасаясь, что его уже убили, Муракоси окликнул друга:

– Ёдзиро, вернись! Ёдзиро!

Но взывал он тщетно – Ёдзиро так и не вышел из чащи. На теле у самого Муракоси было множество ран. Когда он кое-как, ухватившись за ствол бамбука, поднялся на ноги, ему попался на глаза человек.

– Это вы, господин Сигэтомо?

– Сандзюро?

– Как его светлость?

– Князь Акэти лишил себя жизни.

– Не может быть! – Сандзюро не мог совладать со своими чувствами. – Где он?

– Здесь, Сандзюро.

Сигэтомо показал Сандзюро голову Мицухидэ, которую он отсек, завернул в плащ и прикрепил к седлу, и скорбно опустил взор.

Сандзюро бросился к лошади Сигэтомо. Увидев голову Мицухидэ, он издал протяжный, горестный крик. Справившись с собой, он спросил:

– Каковы были его последние слова?

– Он прочитал стихи о вратах верности и о вратах предательства.

– В самом деле?

– Хотя он и поднял мятеж против Нобунаги, о его поступке нельзя судить ни как о верности, ни как о предательстве. Оба они с Нобунагой были самураями, служили одному императору. Очнувшись в конце концов от пятидесятипятого сна, он осознал, что ему не удалось выскользнуть из пут мира с его тщеславием и позором. Произнеся это, он лишил себя жизни.

– Я понял еще вот что. – Рассуждая о погибшем князе, Муракоси всхлипывал и утирал кулаком слезы. – Он не пожелал прислушаться к советам господина Тосимицу и вступил в решительный бой во главе малочисленного войска в невыгодной позиции под Ямадзаки, потому что исповедовал Путь Воина. На его взгляд, бегство из-под Ямадзаки означало бесславный отказ от власти над Киото. И когда я понял, что у него на душе, не мог удержаться от слез.

– Да, хотя он и потерпел поражение, с Пути Воина не сошел – и погиб, вне всякого сомнения, одержимый высокой идеей. Свое последнее стихотворение он посвятил Небесам... Но если мы здесь замешкаемся, разбойники вернутся и вновь нападут на нас.

– Что верно, то верно.

– Я был не в состоянии управиться со всем, с чем было нужно, сам. Я взял голову нашего господина, но тело его оставил без погребения. Не похороните ли вы его, чтобы над ним не

надругались враги?

– А что насчет остальных?

– Все они покончили с собой над телом князя.

– Выполнив ваши распоряжения, я тоже найду укромное место и лишу себя жизни.

– Я передам голову князя Акэти князю Мицутаде в храме Тёнин. После этого также покончу с собой. Поэтому давайте простимся.

– Прощайте же.

– Прощайте.

Двое самураев пошли в разные стороны по узкой тропе в бамбуковых зарослях, освещенной тут и там пятнами лунного света.

Крепость Сёрюдзи пала той же ночью, как раз в те часы, когда Мицухидэ прощался с жизнью в Огурусу. Накагава Сэбэй, Такаяма Укон, Икэда Сёню и Хори Кютаро перевели сюда свою ставку. Разведя перед крепостными воротами большой костер, они вынесли походные стулья и стали дожидаться прибытия Нобутаки и Хидэёси. Нобутака прибыл первым.

Взятие крепости Сёрюдзи представляло собой достославное деяние. Развернув знамена, военачальники и все воины почтительно встретили Нобутаку. Спешившись и пройдя вдоль строя, молодой князь не скрывал удовлетворения одержанной победой. Он был особенно любезен с военачальниками, обратившись к ним со словами глубочайшей признательности.

Взяв Сэбэя за руку, он произнес с самыми искренними чувствами:

– Лишь благодаря вашей верности и отваге клан Акэти удалось сокрушить в ходе однодневного сражения. Душа моего отца ликует на Небесах, и я никогда не забуду, чем я вам обязан.

То же самое он повторил и в разговоре с Такоймой Уконом и Икэдой Сёню. Хидэёси, прибывший несколько позже, никого не удостоил похвалы. Напротив, проследовав мимо военачальников в своем паланкине, он поглядел на них весьма надменно.

Сэбэй среди самых лихих рубак выделялся грубостью и вспыльчивым нравом, и высокомерие Хидэёси оскорбило его. Он намеренно громко прочистил глотку, чтобы привлечь к себе внимание главнокомандующего. Хидэёси мельком взглянул на него из паланкина и сухо произнес:

– Неплохо потрудился, Сэбэй.

Сэбэй в ярости топнул ногой:

– Даже князь Нобутака не погнушался спешиться, чтобы выказать свое уважение, а этот выскочка проследовал мимо нас в паланкине. Может, Обезьяна вообразил себя властителем всей страны?

Сэбэй произнес это, не понизив голоса, и все услышали его насмешку, но сделать большее он был не в силах.

Икэда Сёню, Такаяма Укон и некоторые другие ни званием, ни славой не уступали Хидэёси, но с некоторого времени он стал держаться с ними как с подчиненными. Да и они в свою очередь волей-неволей признали за ним доселе не уточняемое главенство. Ощущение было для любого из них далеко не самым приятным, однако никто не роптал.

Прибыв во внутреннюю цитадель полуразрушенной крепости, Хидэёси не дал себе ни минуты отдыха. Окинув развалины беглым взглядом, он велел разбить шатер в саду, выставил походный стул рядом с тем, на котором восседал Нобутака, распорядился немедленно призвать военачальников и принялся раздавать поручения и приказы:

– Кютаро, веди войско на деревню Ямасина и далее в сторону Авадачуги. Твоя задача – как можно скорей выйти к Оцу и перекрыть дорогу между Адзути и Сакамото.

Затем Хидэёси обратился к Сэбэю и Укону:

– Вам следует не мешкая выступить на дорогу, ведущую в Тамбу. Не мешкая – то есть немедленно. Мы знаем, что множество вражеских воинов бежали в Тамбу. Нельзя допустить, чтобы они успели попасть в крепость Камэяма и подготовили ее к обороне. Если мы не поторопимся, это приведет к еще большей потере времени, а если удастся дойти до Камэямы сегодня к полудню, крепость не сможет оказать серьезного сопротивления.

Других военачальников он с той же поспешностью послал в Тобу и в Ситидзэ, еще кого-то отправил в окрестности Ёсиды и Сиракавы. Приказы он раздавал со всей решительностью, не спрашивая совета и не слушая возражений, так что Нобутаке оставалось помалкивать, сидя рядом. Все без исключения нашли подобное поведение Хидэёси непомерно высокомерным.

И все же они, в том числе и Сэбэй, успевший высказать возмущение, беспрекословно повиновались распоряжениям Хидэёси. Они разошлись по полкам, раздали воинам впервые за долгое время продовольствие, выдали даже понемногу сакэ и вновь отправились в путь навстречу предстоящим сражениям.

Хидэёси считал: самое время заставить всех покориться его воле. Во исполнение этого он решил дожидаться, пока каждый из военачальников не одержит хотя бы по одной победе. Но, понимая, что ему придется иметь дело с людьми исключительного мужества и непомерной гордыни, он не рисковал обращаться к ним как к нижестоящим.

Каждая армия нуждается в вожде. Оказавшись после гибели Нобунаги главнокомандующим, Нобутака лишь совсем недавно присоединился к войску, а главное, на взгляд испытанных полководцев, у него отсутствовали не только опыт, но и необходимая истинному вождю решимость. Так что ношу вождя было некому принять, кроме самого Хидэёси.

И хотя никого не прельщала неизбежность признать Хидэёси общим вождем, любой понимал, что его собственные расчеты стать главнокомандующим неосновательны и что другие никогда не согласятся признать за ним первенство. К тому же именно Хидэёси задумал всю нынешнюю кампанию, вдохнул в нее сокровенный смысл кровавой заупокойной службы по князю Оде, только ему удалось собрать их вместе и добиться согласованных действий. Если бы они сейчас восстали против него, то пали бы жертвой собственного тщеславия, и это не стало бы тайной для всей армии.

Хидэёси не предоставил военачальникам времени на отдых, велел каждому немедленно выступить навстречу новым сражениям. Когда они поднялись, получив приказ, чтобы скрепя сердце выполнить его, Хидэёси остался сидеть на месте и проводил каждого только легким движением подбородка.

Хидэёси избрал своей ставкой храм Мии. В ночь на четырнадцатое разразилась страшная гроза. Дымящиеся развалины крепости Сакамото стыли под ливнем, и всю ночь напролет длинные ослепительно белые молнии секли черную, как тушь, поверхность озера и долину Симэйгатакэ.

С рассветом небо очистилось и вновь наступила летняя жара. Из ставки в храме Мии было видно, как с восточного берега озера в направлении Адзути поднимается густой желтый дым.

– Адзути горит!

Потревоженные возгласами часовых, военачальники вышли на галерею. Хидэёси и другим, кто смотрел в ту же сторону, пришлось прикрывать глаза, приставив ладони козырьком.

Гонец доложил:

– Князь Нобуо, стоявший со своим войском лагерем под Цутиямой в Оми, и князь Гамо совместными силами атаковали Адзути нынешним утром. Они подожгли и город, и крепость, а

ветер с озера разнес огонь на все окрестности. Но вражеских воинов в Адзути уже не оставалось, поэтому боевых действий сегодня не было.

Хидэёси сразу понял, что разыгралось там, вдали.

– Не было смысла жечь город, – заметил он. – Князь Нобуо и князь Гамо действовали сгоряча.

Но вскоре он успокоился, не выказывая этого перед другими. Город и его богатства и запасы, город, которому Нобунага посвятил полжизни и отдал едва ли не все силы, погиб, но Хидэёси был втайне убежден, что вскоре сумеет собственными силами создать нечто более выдающееся, чем сгоревшая крепость.

В это мгновение несколько воинов из дозора прошли в глубину храма от главных ворот, ведя к Хидэёси задержанного ими путника.

– Этого человека зовут Тёбэй, он крестьянин из Огурусу. Он утверждает, будто нашел голову князя Мицухидэ.

Согласно обычаю, осмотр отрубленной головы вражеского воина требовал сложных церемониальных действий. Хидэёси для начала распорядился, чтобы его походный стул выставили у входа в главное здание храма. Затем опустился на него и вместе с другими в молчании осмотрел отрубленную голову Мицухидэ.

Затем голову выставили на всеобщее обозрение на уцелевшей части крыши сожженного храма Хонно. Всего две недели назад войско Акэти под знаменем с изображением золотого колокольчика с победными кличами пошло в решительное сражение.

Жители столицы толпились у развалин храма с утра до ночи. Даже те, кто считал Мицухидэ изменником, сейчас в глубине души молились за него, другие в открытую устилали цветами землю под разлагающейся головой.

Стиль командования, присущий Хидэёси, был прост и ясен. Ему хватало трех заповедей: трудись прилежно, не допускай бесчинств, нарушителей наказывай.

Хидэёси еще не отслужил большую заупокойную службу по Нобунаге, которую давно задумал. Для проведения ее было недостаточно грубой военной силы и руководства лишь одного Хидэёси. Пламя, вспыхнувшее в столице, удалось погасить, но искры от него разлетелись по всем провинциям.

Нобунага был мертв, Мицухидэ был мертв, но существовала опасность развала страны на три области влияния до того, как князь Ода начал труд всей своей жизни. Нельзя было исключать и возможности того, что враждующие кланы и воинственные местные князьки, предавшись распряму и грабежу, вновь ввергнут страну в состояние хаоса, в котором она пребывала в последние годы изжившего себя сёгуната.

Из храма Мии Хидэёси распорядился, чтобы войско поднялось на боевые корабли – со всем имуществом от коней до золоченых раздвижных ширм. Это произошло восемнадцатого числа. Флот должен был доставить войско в Адзути. Еще один отряд отправился на восток по извилистой прибрежной дороге. Попутный ветер надувал паруса и гнал корабли по озеру, в том же направлении шла сухопутная армия.

Но Адзути, увы, превратился в клочок выжженной земли, и это унылое зрелище нагнало тоску на прибывших воинов. Ничего не осталось даже от прославленных сине-золотых стен. Ворота, украшавшие некогда внешний городской вал, и увенчанный высокими башенками храм Сокэн сгорели до основания. В городе было еще хуже. Здесь не осталось ровным счетом ничего, нечем было поживиться даже бездомным собакам, и священники христианской церкви бродили как безумные.

Нобуо должен был находиться здесь, но сейчас он удалился подавлять восстание в Исэ и в Иге. Стало ясно, что Нобуо не отдавал приказа сжечь Адзути. Хотя в роли поджигателей и

выступили его воины, произошло это по недоразумению или от распущенных врагом ложных слухов.

Хидэёси и Нобутака прибыли вместе и в глубокой печали взирали на развалины. Когда они осознали, что Нобуо не виноват в поджоге, их гнев пошел на убыль. Князя задержались в Адзути на два дня. Флот вновь отправился в путь, на этот раз – на север. Хидэёси со всем войском решил отправиться в свою крепость Нагахамы.

Крепости Нагахамы ничто не угрожало. Поблизости не было вражеских войск, тогда как союзнические уже подросли. Когда золоченое знамя главнокомандующего внесли в город, местные жители возликовали. Они высыпали на улицы, по которым из гавани в крепость проезжал Хидэёси. Женщины, дети и старики простирались ниц в уличной пыли, приветствуя князя. Кое-кто плакал в голос, другие не смели оторвать лица от земли. Некоторые веселились и махали руками в знак приветствия, некоторые и вовсе, забыв о приличиях, пустились в безудержный пляс. Хидэёси намеренно проехал по городу верхом, а не в паланкине, чтобы подогреть ликование толпы.

В душе, однако, Хидэёси испытывал волнение и тревогу – и они возрастали по мере приближения к крепости. Он сгорал от нетерпения повидаться с матерью и женой, гадая, благополучны ли они в такие беспокойные времена.

Прибыв во внутреннюю цитадель и заняв свое место, он тут же принялся одним за другим расспрашивать прибывавших и убывавших соратников, где находится и как себя чувствует его семья.

– Мы ищем их повсюду, но пока нам не удалось выяснить ничего определенного, – отвечали ему.

– Неужели здесь не найдется никого, кто мог бы точно указать мне их местопребывание? – вновь и вновь повторял Хидэёси.

– Думаю, такие люди есть, но мы никак не можем их найти, – ответил ему один из военачальников. – Дело в том, что уход вашей семьи из крепости и место назначения решено было сохранить в тайне.

– Понятно. Значит, так оно и есть. Знай о том простолюдины, слухи через них дошли бы до врага, и ничто не спасло бы мою семью от вражеских происков.

Тут Хидэёси пришлось прервать расспросы и побеседовать с одним из своих людей на совсем иную тему. Наутро того же дня вражеское войско, сосредоточенное в крепости Саваяма, покинуло ее, отступив в сторону Вакасы. Соратник доложил, что крепость перешла под начало к прежнему хозяину Ниве Нагахидэ.

Вдруг неизвестно откуда в крепость возвратились Исида Сакити и еще четверо или пятеро оруженосцев из личной княжеской свиты. Они не успели предстать перед Хидэёси, но их веселые голоса и смех донеслись из коридора и помещений, где жили оруженосцы, и Хидэёси обратился к вассалам:

– Не Сакити ли вернулся? Почему он медлит прийти ко мне?

И он послал кого-то поторопить оруженосца.

Исида Сакити был уроженцем Нагахамы и лучше, чем кто другой, знал здешние места. Ему пришло на ум, что было бы неплохо воспользоваться этим преимуществом. С полудня он рыскал по округе, ища место, где могли скрываться жена и мать его господина.

Прибыв к Хидэёси, Сакити почтительно опустился перед князем на колени. Согласно его донесению, жена, мать и домочадцы Хидэёси нашли убежище в горах на расстоянии менее десяти ри от Нагахамы. По его сведениям, им пришлось крайне нелегко.

– Приготовимся к немедленному отъезду. Если мы отправимся в путь прямо сейчас, нам удастся прибыть туда завтра к вечеру, – сказал Хидэёси, поднимаясь.

Он едва владел собой, настолько сильным было сжигавшее его нетерпение.

– Останься вместо меня, – приказал он Кютаро. – Хикоэмон находится в Оцу, а князь Нобутака по-прежнему в Адзути.

Выйдя за ворота крепости, Хидээси обнаружил, что его ждут, выстроившись, шестьсот или семьсот воинов. Им пришлось без перерыва биться в сражениях под Ямадзаки и Сакамото, и у них не было времени на отдых даже в Адзути. Они прибыли сюда нынешним утром, на лицах лежала дорожная пыль и усталость. Брать их с собой было бы бесчеловечно.

– Мне достаточно свиты из пятидесяти всадников, – распорядился Хидээси.

Пятьдесят всадников, держа в руках горящие факелы, отправились в путь. Всем остальным было дозволено остаться и отдохнуть.

– Это опасно, – вмешался Кютаро. – Пятьдесят всадников – слишком малочисленная охрана. Вам придется проехать поблизости от горы Ибуки, а там могут по-прежнему кружить вражеские отряды.

Кютаро и Сёню пустились в многословные рассуждения о том, как необходима осторожность, но Хидээси не находил повода для тревоги. Ответив людям, что беспокоиться не о чем, он приказал факельщикам выдвинуться вперед. Выступив из крепостных ворот, они отправились на северо-восток по дороге, с обеих сторон обрамленной деревьями.

На протяжении ночи, окончившейся в час четвертой стражи, Хидээси со спутниками не спеша проделали путь в пять ри.

В полночь они прибыли в храм Сандзюин. Хидээси полагал, что его появление окажется для монахов неожиданностью, однако к удивлению обнаружил, что внутренняя цитадель празднично освещена, земля полита водой и дворы выметены дочиста.

– Должно быть, кто-то опередил нас и известил монахов о моем прибытии.

– Это сделал я, – откликнулся Сакити.

– Ты? Как?

– Я подумал, что вам, мой господин, захочется передохнуть именно здесь, поэтому послал сюда юного гонца с наказом, чтобы монахи приготовили поздний ужин на пятьдесят человек.

Сакити воспитывался в этом храме. Когда ему исполнилось двенадцать, Хидээси определил его на службу в крепость Нагаханама. Это произошло восемь лет назад, и сейчас Сакити превратился в двадцатилетнего самурая. Он отличался острым и живым умом, заметно превосходя в этом отношении своих сверстников, да и не только их.

На заре очертания горы Ибуки медленно проступили на фоне розового и бледно-голубого неба, но по-прежнему ничего не было слышно, кроме пения мелких птиц. Дорога покрылась росой, под деревьями, в глубокой тени, было еще темно.

Хидээси выглядел счастливым. Он сознавал, что с каждым шагом приближается к матери и жене, и не замечал ни крутого подъема дороги, ни собственной усталости. По мере того как он подъезжал к Ниситани, а солнечный свет над вершиной горы Ибуки разгорался все ярче, ему казалось, будто он приближается к материнской груди.

Они долго шли вверх по течению реки Адзуса, а истоков ее все не было видно. Напротив, река внезапно стала шире, и путники вышли в такую широкую долину, что забыли о том, что находятся в горной местности.

– Вот гора Канакусо, – произнес монах, вызвавшийся в проводники, указывая на крутую и высокую вершину, выросшую на пути.

С этими словами он отер пот со лба. Солнце стояло в зените, и даже здесь, в горах, начинала ощущаться летняя жара.

Возглавив шествие, монах пошел вперед по узкой тропе. Через некоторое время она стала настолько узкой, что Хидээси со спутниками пришлось спешиться. Вдруг воины, окружавшие

Хидэёси, остановились и замерли.

– Кажется, где-то здесь враг, – тревожно перешептывались они.

Хидэёси со своим малочисленным отрядом только что обошел крутую вершину по круговой тропе. В некотором удалении, на горном склоне, они увидели неизвестных воинов. Для этих воинов встреча с отрядом Хидэёси также оказалась неожиданной. Сперва они сбились в кучу, затем один из них, командир, отдал приказ – и они беспорядочно рассеялись по склону.

– Похоже, это остатки вражеского войска, – сказал кто-то из спутников Хидэёси. – Мне рассказывали, что они успели добраться до горы Ибуки.

С такой возможностью следовало считаться, и стрелки немедленно изготовились к бою. Был отдан общий приказ готовиться к схватке, однако двое монахов-проводников принялись убеждать Хидэёси, что ему не о чем беспокоиться.

– Здесь нет врагов. Это передовой дозор, высланный из нашего храма. Не стреляйте!

Повернувшись в сторону мнимого противника, монахи громким криком и жестами принялись объяснять, что никакой стычки произойти не должно.

Поняв, в чем дело, воины один за другим посыпались с горы, как камни с рушащегося утеса. Вскоре, сжимая в руке маленькое знамя, появился и командир. Хидэёси узнал в нем одного из собственных приверженцев из Нагахамы.

Храм Дайкити представлял собой всего лишь скромный горный приют. Во время дождя крыша протекала насквозь. Когда дул ветер, сотрясались стены и опоры. Нэнэ со свекровью, о которой она беспрестанно заботилась, жили в главном храме, если здесь уместно подобное выражение, тогда как слуг приютили у себя в хижинах монахи. Несколько приверженцев из Нагахамы, прибывших чуть позже, поставили шалаши или нашли приют в близлежащей деревне. В столь тяжких условиях большому семейству, насчитывающему свыше двухсот человек, пришлось провести около двух недель.

К тому времени, как в крепости Нагахамы узнали о гибели Нобунаги, головной отряд войска Акэти успел подойти к ней вплотную. Времени на размышления у обитателей крепости не было. Нэнэ, правда, успела в последнюю минуту написать письмо мужу и отправить его в далекую западную провинцию. Взяв с собой свекровь, она пустилась в бегство. Крепость и все добро пришлось оставить на разграбление врагу. Нэнэ удалось нагрузить лишь одну вьючную лошадь – поклажу составляла одежда свекрови, а также подарки, полученные Хидэёси от Нобунаги.

Попав в такое положение, Нэнэ ощутила всю тяжесть ответственности, выпадающей порой на женскую долю. В отсутствие Хидэёси ей приходилось распорядиться за него в крепости, заботиться о его престарелой матери и вести большое и разнообразное хозяйство. Больше всего на свете ей хотелось дожидаться мужней похвалы за проявленные старания. Но, увы, Хидэёси был далеко, в одном сражении за другим. Так они до сих пор и жили – он в боях, она в полной безопасности на правах хозяйки крепости, но отныне их роли как бы сравнялись. Ей казалось, что теперь между ними нет никакого различия.

Затруднительное положение, сложившееся столь внезапно, еще не давало повода для отчаяния, но Нэнэ волновала мысль, как спасти свекровь. В остальном она не сомневалась: даже если крепость придется отдать на разграбление неприятелю, Хидэёси наверняка сумеет быстро отвоевать ее. Но, будучи его женой, она не имела права подвергать чрезмерной опасности мать мужа, иначе сама более не посмела бы предстать перед ним.

– Пожалуйста, уделяйте все внимание моей свекрови. Обо мне заботиться нечего. И хотя вам придется оставить врагу все свое добро, не думайте о таких убытках.

Так говорила Нэнэ своим слугам, подбадривая их во время отчаянного бегства на восток.

К западу от Нагахамы лежало озеро Бива, на севере властвовали враждебные кланы, а положение на дороге в Мино и в ее окрестностях оставалось неясным. Выбора у Нэнэ не было: искать спасения следовало на горе Ибуки.

Пока клан одерживает одну победу за другой, супруга вождя ведет счастливую и беззаботную жизнь. Но стоит ее мужу и повелителю потерпеть поражение или ей самой в связи с превратностями войны пуститься в бегство из крепости – и ее горе не поддается описанию, не идет ни в какое сравнение с теми тяготами, какие доводится испытывать крестьянину, ремесленнику или купцу.

Начиная с того злосчастного дня, когда им пришлось бежать, члены семейства Хидэёси голодали, ночевали в чистом поле, всеми правдами и неправдами избегали случайной встречи с вражескими дозорами. Ночами их донимала роса, днем каменистая, раскалившаяся на солнце дорога, по которой они брели босиком.

Во всех этих тяготах и лишениях несчастных беглецов согревала лишь одна мысль: если враг нас захватит, мы сумеем вести себя достойно. Они не говорили об этом друг с другом, но в душе каждый дал такой обет, здесь царило полное единодушие. Если женская нежность и хрупкость помешает им оказать сопротивление, то решимость, живущая в сердцах, поможет избежать позора и сделать единственно верный выбор. Да и как иначе: в противном случае они бы навсегда навлекли на себя всеобщее презрение.

Они набрали на деревню, которая показалась им хорошим убежищем. Во избежание внезапной вражеской атаки вокруг деревни были выставлены посты. Лето было в самом разгаре, отсутствие постельных принадлежностей их не тревожило, да и кое-какое пропитание можно было найти без труда. Отныне главной тяготой для беженок стала оторванность от мира. Живя в одиночестве, они ничего не могли узнать о том, как в их отсутствие развиваются события.

«Гонец должен скоро вернуться», – подумала Нэнэ и обратила взор на запад, куда устремились ее мысли. В ночь накануне бегства из Нагахамы она торопливо написала послание мужу, отправила его с гонцом, а тот так до сих пор и не возвратился. Возможно, он попал в руки Акэти или, доставив письмо, не смог на обратном пути узнать, где они прячутся. День и ночь она думала, что случилось с письмом, отправленным Хидэёси.

Совсем недавно ей рассказали, что под Ямадзаки произошло сражение. Узнав об этом, Нэнэ чрезвычайно разволновалась, кровь бросилась ей в лицо.

– Это мой сын. Это на него похоже, – сказала мать Хидэёси.

Ее волосы совсем поседели. Целыми днями она сидела в главном зале храма, пока ее не уводили спать. Едва поднявшись с утра, снова усаживалась там же. Ходила она с большим трудом, а когда сидела, то беспрестанно молила Небеса ниспослать сыну полную победу. В какой бы хаос ни пришли дела в этом мире, у матери Хидэёси не было ни малейших сомнений, что ее сын, ее мальчик, которого она произвела на свет, ни при каких обстоятельствах не свернет с Правого Пути. И даже сейчас, перешептываясь с Нэнэ, она по всегдашней привычке называла Хидэёси «мой парень».

– Да будет ему ниспослана победа хотя бы ценой жизни, тлеющей в моем немощем теле, – такова была ее единственная беспрестанная молитва.

Время от времени она тяжело вздыхала и воздевала очи к статуе богини Каннон.

– Матушка, у меня такое чувство, что мы скоро услышим хорошие новости, – сказала ей Нэнэ однажды утром.

– Я и сама так думаю, вот только не понимаю почему, – отозвалась старая госпожа.

– Я ощутила это сегодня утром, всматриваясь в лицо богини Каннон, – сказала Нэнэ. – С каждым днем она улыбается нам все радостнее и радостнее.

Этот разговор состоялся за несколько часов до прибытия Хидэёси.

Солнце уже садилось, и на деревню вокруг храма упала густая тень, а его стены пока окутывали полупрозрачные сумерки. Нэнэ, используя огниво и трут, зажигала фонарики во тьме внутреннего святилища, свекровь сидела, молясь перед статуей богини Каннон.

И вдруг они услышали с дороги перед храмом тяжкую поступь воинов. Мать Хидэёси в изумлении посмотрела в ту сторону, откуда доносился шум, а Нэнэ выбежала на веранду.

– Его светлость прибыли!

Крики домочадцев разносились по всей округе. Каждый день кто-нибудь из них спускался по течению реки на два ри, чтобы стоять на страже. Сейчас они возбужденно толпились у главных ворот. Заметив, что Нэнэ вышла на веранду, они принялись издали выкрикивать ей счастливую новость, словно не имея времени подойти поближе.

– Матушка! – вскричала Нэнэ.

– Нэнэ!

Свекровь и невестка, плача от радости, обнялись. Они не заметили, как их счастливые голоса слились воедино. Высвободившись из объятий, старая госпожа благодарно простерлась перед статуей богини Каннон. Нэнэ опустилась на колени возле свекрови и низко поклонилась богине.

– Мой парень уже давно не видел тебя. Ты выглядишь усталой. Пойди причешись и приведи себя в порядок.

– Хорошо, матушка.

Нэнэ устремилась к себе в комнату. Она причесалась, освежила лицо водой и немного подкрасилась.

Все домочадцы и самураи вышли к главным воротам и выстроились по возрасту и по рангу, чтобы должным образом встретить Хидэёси. Местные жители, стар и млад, с любопытством выглядывали из-за деревьев. Глаза у них были широко раскрыты, все с нетерпением ждали того, что должно было произойти. Через какое-то время появились двое воинов, возвестивших о том, что князь со свитой вот-вот прибывает. Закончив доклад, они присоединились к выстроившимся в ряд челядинцам. Нетерпение стало мучительным. Каждый стремился первым увидеть, как вдалеке покажется Хидэёси. Среди всеобщего волнения Нэнэ стояла с отстраненным видом.

Прибыла первая группа всадников, воздух наполнился запахом пота и дорожной пыли, перемешанным с ароматом яств, вынесенных крестьянами на дорогу для прибывших. У главных ворот возникла сумятица: люди толпились, приветствуя всадников, лошади беспокойно ржали. Надо всем витало ощущение сбывшейся надежды.

Одним из всадников был Хидэёси. Он промчался по деревне верхом, но у ворот храма спешил. Передав поводья оруженосцу, он бросил взгляд на небольшую стайку детей, стоящих в конце длинной шеренги встречающих.

– В горах, должно быть, полно славных местечек для детских игр, – сказал он, а затем, подойдя к детям, принялся трепать их по плечам и гладить по голове.

Это были сыновья и дочери его вассалов, рядом с ними стояли их матери, бабки и деды. Поднимаясь по каменным ступеням к вратам храма, Хидэёси успел ласково улыбнуться каждому.

– Вот и прекрасно, вот и прекрасно. Я вижу, что все в целости и сохранности, все невредимы. Это замечательно.

Поздоровавшись с домочадцами, стоящими по правую руку от него, Хидэёси повернулся налево, где в молчании застыли самураи, и, несколько повысив голос, произнес:

– Я вернулся. Я знаю, как трудно вам пришлось без меня. Я знаю, как вы старались.

Шеренга воинов согнулась в низком поклоне.

У входа в храм Хидэёси поджидали старшие соратники, а также кровные родственники

разного возраста – от мала до велика. Хидэёси молча оглядывался по сторонам, широко улыбаясь и показывая, что он пребывает в добром здравии. Свою супругу Нэнэ он удостоил лишь беглым взглядом и, не произнеся ни слова, проследовал мимо.

Она как тень двинулась следом за ним. Согласно заранее придуманному ею ритуалу встречи, каждый из встречающих кивком или поклоном приветствовал князя, а затем удалялся к себе.

В главном зале храма с высокими потолками была зажжена на низком столике единственная лампада. Рядом с нею восседала старая женщина с волосами серебряно-белыми, как нить шелковичного червя. На ней было тяжелое красно-коричневое кимоно.

Голос сына она слышала еще с веранды. А сейчас его ввела супруга. Бесшумно поднявшись с места, старая госпожа проследовала к входу в зал. Хидэёси на мгновение остановился у порога, чтобы стряхнуть с одежды дорожную пыль. Голову его, наголо выбритую в Амагасаки, по-прежнему накрывал капюшон.

Нэнэ тихо выскользнула из-за плеча у мужа и мягким голосом возвестила:

– Ваша матушка поднялась, чтобы встретить вас.

Хидэёси сразу же подошел к матери и простерся ниц перед нею:

– Матушка, я причинил вам столько страданий. Простите меня, если можете.

Вот и все, что ему удалось из себя выдавить.

Старая госпожа, стоя на коленях, немного отстранилась, а затем повторила приветствие, в свою очередь простершись ниц перед сыном. Положенный в таких случаях церемониал требовал, чтобы вождю клана воздали должное в час победоносного возвращения; речь шла не просто о встрече матери и сына, но о соблюдении традиций самурайского сословия. Но едва лишь Хидэёси увидел мать и осознал, что она находится в полной безопасности, он больше не мог испытывать ничего, кроме естественных чувств, подсказанных голосом крови. Не произнеся ни слова, он подошел к матери и хотел было обнять ее. Она скромно уклонилась от объятий.

– Вы вернулись живым и невредимым. Прежде чем вы зададите мне вопрос о том, как я тут жила и какие лишения претерпевала, поведайте, пожалуйста, о том, как погиб князь Нобунага. И расскажите, как вы уничтожили заклятого врага по имени Мицухидэ.

Хидэёси невольно поднял голову. Мать продолжила свою речь:

– Вам, наверное, покажется странным, что ваша мать изо дня в день беспокоилась не о том, жив или мертв ее сын. Она беспокоилась, сумеете ли вы повести себя, как великий полководец Хидэёси, верный приверженец его светлости князя Нобунаги. При всей здешней отрешенности от мира мне довелось слышать, как вы, после смерти вашего господина, сражались под Амагасаки и Ямадзаки. Начиная с тех пор, мы о вас ничего не слышали.

– Я непростительно замешкался и не дал вам знать о происшедшем.

Мать Хидэёси говорила сдержанно и внешне не проявляла признаков любви, но сын, внимая ее словам, трепетал от счастья, как будто все его жилы внезапно наполнила свежая кровь. Не встретив привычных проявлений материнской любви, он ощущал глубокую привязанность к себе в этих речах, выражавших недоумение и тревогу, и понимал, что такое отношение заставляет его самого с особой ответственностью отнестись к своему будущему.

Он подробно поведал матери обо всем, что произошло с тех пор, как погиб Нобунага. Не утаил и своих больших замыслов. Он говорил о сложных и запутанных вещах подчеркнуто просто, чтобы престарелая мать могла понять все до мелочей.

Сейчас мать Хидэёси впервые позволила себе уронить слезу, а затем от души воздала хвалу сыну.

– Вы замечательно проявили себя, уничтожив клан Акэти за несколько дней. Душа князя Нобунаги должна испытывать глубочайшее удовлетворение, а сам князь наверняка доволен тем,

что на протяжении стольких лет относился к вам с таким вниманием и заботой. Честно говоря, я намеревалась не позволить вам провести здесь и одной ночи, если бы вы прибыли, не убедившись в существовании отсеченной головы Мицухидэ.

– Мне это понятно. Я бы не смог смотреть вам в глаза, не управившись с этим, поэтому мне не оставалось ничего другого, кроме как сражаться до полной победы над врагом. А это произошло всего два или три дня назад.

– Нам удалось дождаться вас в безопасности, и вы прибыли сюда живым и невредимым. Это означает, что боги и Будда благословляют вас и ваши намерения. Впрочем, ладно... Нэнэ, подойди сюда. Нам надлежит воздать совместную хвалу Небесам.

Произнеся это, старая госпожа повернулась к статуе богини Каннон. До этого времени Нэнэ, не вымолвив ни слова, скромно сидела в сторонке от мужа и свекрови. Но когда мать Хидэёси объявила, что участие невестки необходимо, Нэнэ сразу поднялась с места и вошла в главное святилище.

Только после того, как Нэнэ зажгла лампаду перед статуей Будды, она вернулась и позволила себе сесть рядом с мужем. Вместе с Хидэёси и с его матерью она поклонилась в ту сторону, откуда лился слабый свет. Хидэёси поднял голову и посмотрел на изваяние Будды, вслед за этим все трое снова отвесили низкий поклон. В святилище заранее была установлена поминальная табличка с именем Нобунаги.

Когда они закончили молиться, мать Хидэёси вздохнула так, словно с плеч у всех упала огромная тяжесть.

– Нэнэ, – тихо сказала она. – Этот парень любит понежиться в фуру. Надеюсь, оно готово?

– Конечно. Я подумала, что фуру принесет ему большее облегчение, чем что-либо другое, поэтому заранее велела нагреть воды.

– Да, хорошо, если ему удастся смыть с тела пот и дорожную грязь. Пока он моется, я схожу на кухню и распоряджусь, чтобы приготовили какое-нибудь из его любимых кушаний.

Старая госпожа поднялась с места и вышла, оставив супругов наедине.

– Нэнэ?

– Да?

– Мне кажется, тебе в последнее время пришлось трудно. Вдобавок ко всему, что тебе удалось совершить, ты позаботилась, чтобы моя мать чувствовала себя в полной безопасности. Хотя это был мой долг.

– Жена воина должна быть готова к испытаниям вроде минувших, поэтому мне пришлось вовсе не так тяжело, как может показаться.

– Вот как? Значит, ты теперь понимаешь, что нет ничего более отрадного, нежели оглянуться по сторонам и осознать, что твои неприятности позади.

– Увидев, как мой муж возвращается живым и невредимым, я поняла то, о чем вы сейчас сказали.

На следующий день они возвратились в Нагахаму. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь белый туман. Тянувшаяся вдоль реки Адзуса тропа становилась все уже, и воинам пришлось спешиться и повести за собой коней, взяв их под уздцы.

На полпути им повстречался командир из ставки в Нагахаме, подробно доложивший, как развиваются дальнейшие военные действия.

– Ваше письмо о наказании клана Акэти было разслано представителям дружественных кланов, и, возможно, благодаря быстроте, с которой это было проделано, войско князя Иэясу уже возвратилось в Хамамацу из Наруми. С другой стороны, войско князя Кацуиэ, дошедшее до самой границы с Оми, замедлило свое наступление.

Хидэёси молча улыбнулся, а затем пробормотал, словно обращаясь к самому себе:

– Князь Иэясу на этот раз несколько обескуражен. Разумеется, главное не в этом, но наше обращение к Иэясу подорвало чрезмерную самоуверенность воинов Мицухидэ. Как же, должно быть, взбешены воины клана Токугава, вынужденные возвращаться домой, не приняв участия хотя бы в одном сражении!

Двадцать первого числа, на следующий день после того, как мать Хидэёси в безопасности вернулась в Нагахаму, Хидэёси выступил в сторону Мино.

В Мино начался ропот, но как только Хидэёси со своим войском прибыл сюда, провинция беспрекословно покорила. Подарив Нобутакэ крепость Инабаяма, Хидэёси показал, что сохраняет верность клану, во главе которого стоял его бывший господин. Затем он принялся дожидаться открытия решающего совета в Киёсу, которое было намечено на двадцать седьмое число того же месяца.

Сибате Кацуиэ было пятьдесят два года. Как военачальник, он успел принять участие в бесчисленных битвах, как человек – хлебнул на жизненной дороге немало лиха. Он происходил из знатного рода и достиг высокого положения, был поставлен во главе могущественного войска, отличался отменным здоровьем и редкой телесной силой. Никто не сомневался, что Сибата – баловень судьбы. Что же касается его самого, то он мнил себя ее избранником. На четвертый день шестого месяца он разбил лагерь под Уодзаки в Эттю. Стоило ему услышать о том, какая трагедия разыгралась в храме Хонно, и он мысленно обратился к себе с такими словами: «То, что мне предстоит сделать, преисполнено великой важности, поэтому я не должен допустить ни малейшей промашки».

Исходя из этого, он решил никуда не торопиться. Он был человеком осторожным и расчетливым. Но душой он конечно же устремился в Киото со скоростью ветра.

На тот день он был первым по старшинству из соратников клана Ода и наместником северных провинций. Приобретая за долгие годы мудрость и мощь, он решил рискнуть всем достигнутым в ходе одного отчаянного рывка к великой цели. Бросив на произвол судьбы дела северных провинций, он выступил по направлению к столице. Конечно, стремительность, проявляемая осмотрительным человеком, такова, что ему понадобилось несколько дней на то, чтобы покинуть Эттю, а еще несколько дней он провел в собственной крепости Китаносё в провинции Этидзэн. И все же ему не казалось, будто он медлит. Когда столь прославленный полководец, как Сибата Кацуиэ, решает предпринять нечто чрезвычайно важное, все должно происходить по установленным им правилам, а это, наряду с прочим, означает и неторопливое достоинство, и точный выбор подходящего часа.

Хотя Сибата считал, будто его войско идет на столицу стремительно, на деле оно выдвинулось на границу Этидзэна и Оми только пятнадцатого числа. И лишь в полдень шестнадцатого к основным силам подтянулись тылы и все войско встало на короткий отдых у горного перевала. Сверху вниз глядели воины Сибаты на проплывающие в полуденном небе летние облака.

Прошло двенадцать дней с тех пор, как Сибата услышал о гибели Нобунаги. Хидэёси, ведший долгую войну с кланом Мори в западных провинциях, узнал об этом за день до него, но уже четвертого главнокомандующий западной армией ухитрился заключить мир с Мори, пятого – выступил, седьмого – прибыл в Химэдзи, девятого – пошел на Амагасаки, тринадцатого – разбил Мицухидэ в сражении под Ямадзаки, а к тому времени, когда Сибата Кацуиэ вышел на границу с Оми, Хидэёси успел выбить из столицы остававшиеся там вражеские отряды.

Нельзя забывать, что дорога из Этидзэна в столицу длиннее и труднее, чем та, что ведет из Такамацу. Тем не менее Хидэёси, чтобы своевременно попасть в Киото, пришлось приложить больше усилий, чем Кацуиэ. На первый взгляд все обстоятельства были в пользу главнокомандующего северной армией. Ему было проще выйти из войны и провести в надлежащем порядке отход войска, чем Хидэёси. Так почему он умудрился прийти последним? Потому, что не пожелал жертвовать всегдашними правилами во имя того, чтобы опередить соперника.

Умудренный опытом бесчисленных битв, проникшийся особой самоуверенностью благодаря их победоносному исходу, Сибата Кацуиэ подходил к любому решению исходя из не раз доказавшего свою правильность распорядка, что в данном случае сослужило ему дурную службу. Подобное поведение, идущее на пользу военачальнику в обычных войнах, мало соответствовало тому, как нужно себя вести на переломе истории, и наряду с прочим

доказывало, что Сибата Кацуиэ не способен подняться на уровень государственного мышления, в корне отличного от обычая ведения малых войн.

В горном селении Янагасэ скопилось много конных и пеших воинов. Дорога на запад отсюда вела в столицу. Дорога на восток – с переправой через озеро Ёго – к крепости Нагахамма. Кацуиэ временно разместил свою ставку в окрестностях маленького горного храма.

При своем здоровье Кацуиэ был чрезвычайно чувствителен к перемене погоды. В этот день он особенно страдал от восхождения на гору по сильной жаре. Когда наконец его походный стул поставили в густой тени дерева, он распорядился обнести его со всех сторон шатром и, прежде чем усесться, снял доспехи. Затем обратился к своему приемному сыну Кацутоси:

– Оботри мне спину.

Двое мальчиков принялись обмахивать Кацуиэ огромными веерами. Когда пот высох, все тело военачальника начало чесаться.

– Кацутоси, три сильнее! Еще сильнее! – потребовал он.

Кацутоси было всего пятнадцать лет. Его забота о приемном отце в разгар похода могла со стороны показаться весьма трогательной.

По телу Кацуиэ пошла какая-то сыпь. Он был не единственный, кому довелось этим летом заболеть чем-то неприятным. У многих воинов, вынужденных подолгу ходить в железных или кожаных доспехах, развилось заболевание, которое можно было бы назвать «походной сыпью», но у Кацуиэ оно протекало особенно тяжело.

Он уверял себя, что нынешняя слабость является прямым следствием трехлетнего пребывания в северных провинциях. Тем самым он пытался скрыть от себя горькую истину: чем старше он становился, тем сильнее было подвержено недугам его некогда могучее тело. Кацутоси, как ему было велено, тер спину Кацуиэ все сильнее и сильнее – и вот на коже выступили густые капли крови.

Прибыло двое гонцов. Один из них был приверженцем Хидэеси, другой – приверженцем Нобутаки. У каждого было письмо от своего господина, и Кацуиэ получил письма одновременно.

Хидэеси и Нобутака, избравшие общим местопребыванием храм Мии в Оцу, написали Кацуиэ каждый от себя. Письма были датированы четырнадцатым числом. Письмо Хидэеси гласило:

«Сегодня мне довелось лицезреть отсеченную голову мятежного Акэти Мицухидэ. Итак, заупокойная служба по нашему отошедшему в мир иной князю закончилась надлежащим образом. Нам хочется поскорее оповестить об этом приверженцев клана Ода, находящихся в северных провинциях, и предоставить им подробный отчет о происшедшем. Едва ли стоит упоминать, каким невыразимым горем для нас была гибель его светлости князя Оды Нобунаги. Поэтому голова мятежного военачальника была выставлена на всеобщее обозрение, а воины восставшего клана – перебиты до последнего. Все это произошло в течение одиннадцати дней после гибели его светлости. Мы не похваляемся одержанной победой, но выражаем уверенность, что душа нашего господина в ином мире порадуетя тому, чего нам удалось добиться».

В письме Хидэеси речь шла и о том, что окончательный исход разыгравшейся трагедии представляет собой повод для всеобщего ликования, однако Кацуиэ был последним, кому хотелось ликовать от таких известий. Напротив, он еще не кончил читать письмо, а на лице у него появилось выражение несогласия. Хотя в ответном послании он, разумеется, написал, что счастлив победе, одержанной Хидэеси. И в свою очередь подчеркнул, что его войско успело

дойти до Янагасэ.

Сильно расстроившись тем, что он узнал из писем и от гонцов, Кацуиэ растерялся, не зная, каким должен быть следующий шаг. Когда гонцы отправились обратно, Кацуиэ призвал к себе нескольких быстроногих юношей и послал их из Оцу в Киото, чтобы разузнать, как на самом деле обстоят дела в столице и ее окрестностях. Он решил сейчас оставаться на месте и ничего не предпринимать до тех пор, пока не получит полную картину происходящего.

«Есть ли какая-нибудь возможность усомниться в истинности полученных посланий?» – таким вопросом задался Кацуиэ.

Он был потрясен даже в большей степени, чем когда ему довелось узнать о гибели Нобунаги.

Если кому-то и впрямь удалось сокрушить войско Мицухидэ в ходе «заупокойной службы по его светлости», опередив Кацуиэ, такими полководцами могли оказаться разве что Нобутака, или Нива Нагахидэ, или кто-нибудь из старших соратников клана Ода, живущих в столице, причем им наверняка пришлось действовать в союзе с Токугавой Иэясу, который все это время провел в Сакаи. Но в этом случае война затянулась бы надолго и не закончилась бы за один день. В клане Ода не было человека более высокопоставленного, чем Сибата Кацуиэ, и он осознавал, что, поспей он на место своевременно, все глядели бы на него снизу вверх и без всяких споров признали главнокомандующим в смертельной схватке с кланом Акэти. Так оно и вышло бы естественным образом.

Кацуиэ никогда не относился к Хидэёси с пренебрежением, которого тот на первый взгляд заслуживал. Напротив, он хорошо знал Хидэёси и высоко оценивал его способности. Тем не менее для него оставалось загадкой, каким образом Хидэёси удалось возвратиться из западных провинций с такой быстротой.

На следующий день Кацуиэ распорядился обнести свой лагерь временными укреплениями. Он выставил заставы на дорогах, всех путников, идущих из столицы, его воины останавливали и тщательно допрашивали.

Каждую крупницу новостей, которую удавалось получить, немедленно передавали в ставку по цепочке. Исходя из полученных сведений, не оставалось сомнений в том, что клан Акэти уничтожен, а крепость Сакамото пала. Более того, по рассказам некоторых путников, на протяжении двух дней они видели пламя и черный дым над Адзути и его окрестностями, а кое-кто рассказывал, что князь Хидэёси послал часть своего войска в Нагахаму.

На следующий день на душе у Кацуиэ было так же тревожно, как и накануне. Он все еще не понимал, каким должен быть следующий шаг. Кроме того, он испытывал чувство стыда. Издалека, из северных провинций, привел он свое войско, и мысль о том, что Хидэёси ухитрился опередить его, была невыносима.

Что ему надлежало делать? Естественная обязанность первого из старших соратников клана Ода состояла в том, чтобы напасть на Акэти и уничтожить их, но эту миссию успел выполнить Хидэёси. Так что же в сложившихся обстоятельствах могло стать главным и срочным делом для Сибаты? Что следовало совершить с учетом того, что Хидэёси только что доказал свое полное превосходство?

Мысль о Хидэёси не давала Кацуиэ покоя, становилась все неотвязней. Начав с легкой неприязни не без привкуса зависти, он постепенно проникся к удачливому сопернику настоящей ненавистью. Призвав приближенных, он провел совет, затянувшийся глубоко за полночь. Речь на совете шла только о том, что волновало обескураженного полководца. На следующее утро гонцы и тайные посланцы понеслись из ставки во все стороны. Проникнутое особо дружескими чувствами личное послание Сибаты Кацуиэ было адресовано Такигаве Кадзумасу.

Хотя с гонцом, прибывшим от Нобутаки, сыну Нобунаги уже было отослано ответное письмо, Кацуиэ написал и отправил ему еще одно. Передать письмо должен был старший соратник самого Сибаты, вместе с которым в путь отправились двое умных и высокопоставленных людей. Тем подчеркивалась исключительная важность миссии.

Что касается остальных высокородных представителей клана, то им было разослано свыше двадцати писем. Двое писцов потратили полдня, чтобы переписать их с образцов, надиктованных Кацуиэ. Суть разосланных писем заключалась в том, что их получателям надлежит собраться в Киёсу в первый день седьмого месяца с тем, чтобы обсудить важные дела: кто именно будет провозглашен наследником и правопреемником Нобунаги и каким образом следует разделить земли поверженного клана Акэти.

Созывая всех на совет, Кацуиэ тем в какой-то мере подтверждал свое бывшее положение первого из старших соратников клана. И впрямь, едва ли кто-нибудь посмел помыслить, что такие важные вопросы можно решить без его участия и не под его руководством. Решив, что созыв совета может оказаться ключом к заветной двери, Кацуиэ оставил нынешнюю ставку и отправился в крепость Киёсу в провинции Овари.

По дороге из рассказов путников, из донесений собственных лазутчиков он узнал, что многие из оставшихся в живых приверженцев клана Ода по своей воле устремились к Киёсу, еще не успев получить от него соответствующего послания. Там уже обосновался Самбоси, внук Нобунаги, сын его старшего – также павшего от рук восставших – сына Нобутады, и благодаря этому многие считали естественным то, что центром клана Ода будет отныне Киёсу. Осторожный Кацуиэ заподозрил, что последние события представляют собой новый хитроумный ход Хидэёси, имеющий целью лишить его, Кацуиэ, права быть председательствующим на предстоящем совете. Это было похоже на Хидэёси.

Изо дня в день в крепости Киёсу разыгрывалось роскошное действо – прибытие к крепостным воротам все новых и новых разодетых всадников.

Отчий край Нобунаги, провинция, управляя которой он начал дело своей жизни, его первая крепость – именно здесь и должен был состояться совет, на котором предстояло обсудить и уладить дела клана.

Постороннему наблюдателю могло показаться, будто оставшиеся в живых вассалы клана Ода собираются только затем, чтобы выказать уважение юному Самбоси. Никто и не заикался о том, что прибыл сюда по призыву Сибаты Кацуиэ или по приглашению Хидэёси.

Но каждый прекрасно знал, что скоро в крепости начнется совет. Ни для кого не было тайной, о чем пойдет речь на совете. Местные жители не знали только одного: дня и часа начала совета. Никто из вассалов не спешил после приема у Самбоси уехать восвояси. Каждый прибыл с изрядной свитой, состоящей из вооруженных воинов, и разместил их в крепостном городе.

От наплыва гостей, резко увеличившего население небольшого городка, и по причине летней жары в Киёсу стало шумно, на улицах и в домах царил беспорядок. Лошади мчались по улицам, чуть ли не сталкиваясь; слуги и челядинцы разных господ постоянно дрались; то там, то здесь вспыхивали небольшие пожары – скучать никому не приходилось.

К концу месяца прибыли оба оставшихся в живых сына Нобунаги, Нобутака и Нобуо, а также все его бывшие военачальники, включая Сибату Кацуиэ и Хидэёси.

Только от Такигавы Кадзумасу не было ни слуху ни духу. Его неявка стала предметом острых и насмешливых разговоров простонародья:

– Такигава с благодарностью принимал все должности, которые предлагал ему князь Нобунага, пока был жив. Он был даже назначен наместником всей восточной Японии. Почему он не торопится принять участие в решении столь важного вопроса? Это с его стороны

постыдно.

Другие говорили с еще большей откровенностью и злобой:

– Такигава – мастер строить козни, его верность клану не бесспорна. Вот почему он никуда не торопится.

Так говорили едва ли не в каждом постоянном дворе.

Но не только о Такигаве судили и рядили горожане и гости города. Многие осуждали также Кацуиэ за его опоздание к сражению с Мицухидэ. Причем так говорили представители многих кланов, съехавшиеся сейчас в Киёсу. Разумеется, приверженцы Хидэёси быстро донесли до него эти речи.

– Вот как? Значит, об этом поговаривают? Конечно, поскольку речь идет об осуждении Кацуиэ, никто не заподозрит его самого в том, что он намеренно пускает молву, и все же, на мой взгляд, это выглядит попыткой с его стороны посеять рознь меж нами до открытия совета, попыткой обозначить неизбежное противостояние. Ладно, пусть и дальше пускается на маленькие хитрости. Такигава все равно на его стороне, так что не будем мешать.

Перед открытием совета каждый из предполагаемых участников волей-неволей задумывался о собственном будущем и пытался предугадать замыслы соперников. То там, то здесь заключались (или подразумевались) временные союзы, обострялись и сглаживались былые противоречия, распускались ложные слухи, покупались и втридорога продавались голоса, вносились раздоры в стан противников, предпринималось многое другое в том же роде.

Особое подозрение у Хидэёси и его сторонников вызывали тесные взаимоотношения между Сибатой Кацуиэ и Нобутакой. Первый был наиболее высокопоставленным членом клана, второй – одним из оставшихся в живых сыновей Нобунаги. Их взаимная приязнь выходила далеко за рамки служебных отношений, и это ни для кого не было тайной.

Согласно общему мнению, Кацуиэ намеревался лишить законных прав старшего из оставшихся в живых сыновей Нобунаги – Нобутаку. Но никто не сомневался, что Нобуо от своих законных прав не откажется. Таким образом, двое братьев противостояли друг другу.

Всем было ясно, что преемником Нобунаги провозгласят или Нобутаку, или Нобуо, младших братьев Нобутады, который пал в сражении во дворце Нидзё одновременно с отцом. Вопрос о том, на чью сторону в споре двоих братьев встать, тревожил многих.

Нобуо и Нобутака. Оба родились в первом месяце первого года Эйроку, обоим было по двадцать четыре года. На первый взгляд может показаться странным, что двоих братьев, рождённых в один и тот же год и месяц, называют старшим и младшим; дело заключалось в том, что они были сводными, их произвели на свет разные матери. Хотя Нобуо считали старшим братом, а Нобутаку – младшим, на деле второй был на двадцать дней старше первого. Было бы естественно считать Нобутаку старшим, а Нобуо – младшим, однако мать Нобутаки была родом из маленького захудалого клана, и по этой причине его объявили третьим сыном Нобунаги, тогда как Нобуо торжественно провозгласили вторым.

Двое молодых людей, двое ровесников, которых все называли братьями, не ощущали себя одной плотью и кровью, подлинная близость между ними отсутствовала. Нобуо был человеком вялым и нерешительным. Единственным сильным чувством, которое он питал, была постоянная неприязнь к Нобутাকে, которого он, уступая ему во всех отношениях, презрительно именовал «младшим братом».

Если отвлечься от личных интересов и расчетов участников предстоящего совета, то, сравнив двоих братьев, нельзя было не признать, что на роль наследника и правопреемника Нобунаги более подходил Нобутака. На поле боя он зарекомендовал себя более искусным военачальником, чем Нобуо, в его речах и поступках сквозило подобающее истинному вождю властолюбие, а главное – начисто отсутствовал присущий брату порок – нерешительность.

Можно было посчитать естественным то, что Нобутака внезапно начал вести себя дерзко и высокомерно, а прибыв в лагерь Хидэёси под Ямадзаки, внешним видом и словами принялся показывать, что считает себя главой клана. Он был преисполнен решимости взять на себя всю полноту ответственности за судьбу клана Ода. Бесспорным – хотя и косвенным – доказательством этого стало то, что после сражения под Ямадзаки он вступил в открытое противостояние с Хидэёси.

Что касается Нобуо, пришедшего в смятение во время мятежа клана Акэти и позволившего своему войску сжечь Адзути, то в разговоре о нем Нобутака не стеснялся в выборе выражений:

– Если вслед за преступлением должно назначаться наказание, то первый, кого следует подвергнуть такой каре, – мой братец. Единственное его оправдание в том, что он полный дурак.

Хотя такие слова Нобутака позволял себе только в тесном кругу, напряжение в Киёсу нарастало час за часом. Было ясно, что кто-нибудь непременно передаст эту насмешку Нобуо. Возникло положение, в котором подвергались серьезному испытанию самые глубинные человеческие чувства и родственные узы.

Открытие совета, первоначально назначенное на двадцать седьмое, изо дня в день откладывали: всем хотелось дожидаться прибытия Такигавы Кадзумасу, а тот все медлил и медлил. Но вот первого числа седьмого месяца до сведения участников предстоящего совета, съехавшихся в Киёсу, было доведено следующее:

«Завтра, во второй половине часа Дракона, всем надлежит прибыть в крепость, чтобы в ходе совета определить, кто станет отныне правителем страны. Председателем совета будет Сибата Кацуиэ».

Нобутака предоставил Кацуиэ почетное право председательствовать на совете, тогда как Кацуиэ пообещал Нобутате употребить свое влияние, чтобы обеспечить его победу, и оба заранее принялись похвалиться тем, что совет пройдет под их диктовку. Более того, едва совет открылся, как многие из присутствующих недвусмысленно выказали им поддержку.

В крепости Киёсу в этот день раскрыли все двери и окна, потому что солнце продолжало нещадно палить, и духота в закрытом помещении, где собралось столько народу, была невыносимой. Но двери и окна распахнули не только для того, чтобы создать сквознячок. Тем была достигнута еще одна цель: оказались затруднены приватные переговоры между собравшимися, все были у всех на виду. Стража в этот день состояла целиком из приверженцев Сибаты Кацуиэ.

В час Змеи важные господа заняли места в главном зале.

Расселись они таким образом: Кацуиэ и Такигава сидели справа лицом к Хидэёси и Ниве, сидящим слева. За ними сидели приверженцы менее высокого ранга – такие, как Сёню, Хосокава, Цуцуи, Гамо и Хатия. Впереди всех на почетных местах восседали Нобутака и Нобуо. Чуть в сторонке от них сидел Хасэгава Тамба, держа на коленях маленького мальчика.

Это, разумеется, был Самбоси.

Подле них скромно расположился Маэда Гэни – приверженец Нобутады, которому тот передал свою последнюю волю незадолго до гибели в битве во дворце Нидзё. Скромность Маэды во многом объяснялась тем, что он считал для себя постыдным остаться единственным уцелевшим участником роковой схватки.

Самбоси было всего два годика, он ерзал на коленях у наставника. Глядя на такое количество собравшихся господ, он то и дело норовил заплакать, сучил ручками, потом вдруг ухватил Тамбу за подбородок и встал у него на коленях.

Гэни пришел на помощь растерявшемуся Тамбе и попытался развлечь малыша, но тот, перегнувшись через плечо Тамбы, внезапно ухватил Гэни за ухо. Гэни не посмел отпрянуть, и

только присутствующая тут нянюшка, протянув малышу сложенного из бумаги журавля, отвлекла его и вызволила ухо княжеского приверженца.

Собравшиеся стали свидетелями забавного происшествия. Все пристально посмотрели на невинное дитя, которое обстоятельства заставили томиться в душном зале. Одни посмотрели на него с улыбкой, другие – с трудом сдерживая слезы. Только Кацуиэ, не позволяя себе ни на что отвлечься, мрачно и пристально смотрел прямо перед собой. Казалось, он сейчас призовет прекратить безобразие.

Как председательствующему и как общепризнанному оратору, ему предстояло, открывая совет, произнести вступительную речь. После происшествия с малышом внимание было отвлечено, и произносить торжественные слова означало бы выставить себя на посмешище. Осознавая это, Кацуиэ находил сложившееся положение невыносимым – так велико было его тщеславие.

В конце концов ему все же пришлось начать. Но произнес он только одно имя:

– Князь Хидэёси.

Хидэёси посмотрел на него в упор.

Кацуиэ выдавил улыбку.

– Как нам поступить? – поинтересовался он у соперника, словно переговоры были в разгаре. – Князь Самбоси еще слишком мал. Ему скучно сидеть здесь.

– Верно, – как эхо, откликнулся Хидэёси.

Кацуиэ решил, будто Хидэёси начинает проявлять стоворчивость, потому он поспешил придать смыслу и тону своих слов подчеркнуто враждебный оттенок. Неприязнь к Хидэёси и сознание собственной значимости помогли ему собраться с силами, и отныне он не скрывал враждебных чувств, которые испытывал.

– Послушайте, князь Хидэёси. Разве не вы сами настояли на присутствии князя Самбоси? Я, честно говоря, не могу понять, зачем вам это понадобилось, однако же...

– Вы правы. Именно это я считаю вопросом неперменной важности.

– Важности?

Кацуиэ разгладил морщинки на кимоно. Стояло дополуденное время, в зале было не слишком душно, но Кацуиэ в тяжелом одеянии мучила чесотка. От этой низменной причины проистекали несдержанность и раздражительность, проступившие в его голосе и выражении лица.

После бессмысленного похода на Янагасэ Кацуиэ переменял бывшее отношение к Хидэёси. До тех пор он считал того себе не ровней и не придавал значения тому, что их с Хидэёси взаимоотношения не были излишне тесными. Но битва при Ямадзаки стала поворотным моментом в судьбе Хидэёси. Его имя теперь упоминали на каждом шагу и по многу раз на дню; оно было окружено возрастающим уважением в связи с тем, что ему удалось совершить после смерти Нобунаги. Безучастно следить за подобным развитием событий Кацуиэ был не в силах. Его горькое похмелье было особенно тяжело из-за того, что именно Хидэёси, а не ему, удалось справиться «заупокойную службу по Нобунаге».

Кацуиэ чувствовал себя глубоко несчастным из-за того, что Хидэёси отныне получил право быть с ним на равной ноге. Ведь он, Кацуиэ, состоял на службе у клана Ода куда дольше – и вот славные деяния этого выскочки внезапно перечеркнули это различие. Да какое там равенство! Сибата Кацуиэ чувствовал, что многие относятся к нему как к низестоящему по сравнению с этим человеком, разодетым в пышное кимоно, как будто тот не был в прежние годы простым деревенским оборвышем и не прошел на службе у клана Ода весь путь, начиная с комнатного слуги. Грудь Кацуиэ напряглась, как тетива могучего лука, готовая выпустить стрелу, напоенную ядом надежд и обид.

– Не знаю, на что рассчитываете вы, князь Хидэёси, участвуя в сегодняшнем совете, но остальные присутствующие здесь пребывают в твердом убеждении, что знатные представители клана Ода впервые собрались, чтобы обсудить воистину важные и неотложные дела. Так с какой стати должен томиться на совете двухлетний малыш?

Смысл и тон сказанного были рассчитаны на непосредственный отклик Хидэёси и на поддержку со стороны других участников совета. Когда ни того ни другого не последовало, Кацуиэ не осталось ничего, кроме как продолжать в том же духе:

– У нас нет времени на бесплодные препирательства. Почему нам не попросить юного князя покинуть совет, прежде чем мы приступим к обсуждению первоочередных вопросов? Вы не возражаете, князь Хидэёси?

Хидэёси, хоть и торжественно разодетый, держался с обычной непринужденностью. В обществе высокородных господ сразу бросалось в глаза его неблагородное происхождение.

Что касается его нынешнего положения, то при жизни Нобунаги он был удостоен многих титулов и наград и доказал свою силу как в ходе войны в западных провинциях, так и в войне против Мицухидэ.

Встретившись с Хидэёси лицом к лицу, люди поневоле задумывались, стоит ли связывать с ним свою судьбу и рисковать ради него своей жизнью в такие тревожные времена.

Есть люди, с первого взгляда производящие ошеломляющее впечатление. Такигава Кадзумасу, например, обладал таким ростом, статью и выправкой, что, едва взглянув на него, человек чувствовал: перед ним высокопоставленный военачальник. Нива Нагахидэ выглядел простым, но исполненным собственного достоинства, и слегка поредевшие волосы не портили его решительной, волевой внешности. Гамо Удзисато, самый молодой из собравшихся, своим видом внушал мысль о древней родословной, благородстве и непревзойденных моральных качествах. Разве только Икэда Сёню был еще невзрачней, чем Хидэёси, но и у него сиял в глазах особенный свет. И наконец, Хосокава Фудзитака, выглядевший стройным и изящным, едва ли не женственным, – о его подвигах и не раз доказанной беспримерной храбрости ходили легенды.

Среди таких людей Хидэёси, внешность которого была вполне заурядной, выглядел достаточно жалко. Люди, собравшиеся в этот день в крепости Киёсу, были цветом нации, не было только Маэды Инутиё и Сассы Наримасы, северян, а также Токугавы Иэясу, по понятной причине – сейчас решалось внутреннее дело клана Ода. И Хидэёси, вопреки своей внешности, находился среди них.

Понимая весомость заслуг и благородство происхождения собравшихся, сам Хидэёси старался держаться с подчеркнутой скромностью. Высокомерие, которое он напустил на себя после победы при Ямадзаки, бесследно исчезло. С начала совета он не позволил себе ни одной шутки. Даже выслушав желчную отповедь Кацуиэ, не возразил в том же тоне. Напротив, проявленная им выдержка заслуживала похвалы. Но сейчас, после нового вызова, брошенного Кацуиэ, он не мог молчать.

– Ваши слова не лишены смысла. И хотя у князя Самбоси есть все причины присутствовать на совете, это может оказаться для него чересчур обременительным, тем более что наше заседание может затянуться. Так что, князь, если таково ваше желание, немедленно распорядимся увести его.

Ответив столь сдержанно, Хидэёси кивком попросил опекунов удалиться.

Хасэгава Тамба, кивнув в ответ, спустил Самбоси с коленей и передал его на руки няни. Но самому Самбоси здесь уже понравилось, и он отчаянно воспротивился заботливым няниным рукам. Когда она кое-как совладала с ним и собралась унести, он принялся сучить ручками и ножками и горько плакать. А затем швырнул своего бумажного журавля в ту сторону, где восседали пришедшие на совет важные господа.

Слезы навернулись на глаза у всех.

Настал полдень. Чувствовалось, что напряжение в зале нарастает с каждой минутой.

Кацуиэ начал вступительную речь:

– Трагическая гибель князя Нобунаги – для нас неизбежное горе, однако сейчас нам надлежит выбрать достойного преемника его титула и, главное, его дела. Тем самым мы сумеем послужить нашему господину и после его кончины точь-в-точь так, как мы служили ему при жизни. Таков Путь Воина.

Кацуиэ начал одного за другим опрашивать присутствующих, осведомляясь об их мнении. Однако все расспросы и настояния оказались тщетными: никто не пожелал высказаться первым. Это было понятно: если бы кто-нибудь в нетерпении первым выкликнул имя желаемого наследника, а общий выбор позднее назвал бы другого, то жизнь выскочки оказалась бы под серьезной угрозой.

Поскольку никто не хотел высказываться первым, то все сидели в глубоком молчании. Кацуиэ, прекрасно понимая причину, тоже запасся терпением. Должно быть, он заранее предвидел такое развитие событий. В конце концов выждав, пока всеобщее молчание не стало гнетущим, он заговорил строго и торжественно:

– Если никому из вас не угодно высказать личное мнение первым, то это по праву первого из старших советников клана со всем смирением сделаю я.

В это мгновение всем бросилось в глаза волнение восседающего на почетном месте Нобутаки. Кацуиэ посмотрел на Хидэёси, который в свою очередь уставился на Нобутаку, лишь время от времени отводя взор, чтобы посмотреть на Такигаву.

Игра взглядов мгновенно распространилась по залу, разбегаясь невидимыми волнами. Крепость Киёсу наполнилась безмолвным напряжением, существовавшим независимо от людей.

И вот Кацуиэ назвал имя:

– На мой взгляд, князь Нобутака находится в надлежащем возрасте и обладает как происхождением, так и способностями, подобающими нашему грядущему повелителю. Я отдаю голос князю Нобутакэ.

Это было недвусмысленное заявление, почти настоятельное требование. Кацуиэ полагал, что сила сегодня на его стороне.

Но тут ему возразили. Это был Хидэёси.

– Нет, это несправедливо. Если говорить о наследовании, то надлежащая последовательность иная: князю Нобунаге наследует его старший сын Нобутада, а князю Нобутаде – его сын князь Самбоси. Таковы законы провинции и традиции нашего клана.

Лицо Кацуиэ потемнело от гнева.

– Погодите, князь Хидэёси...

– Нет, – перебил Хидэёси. – Вы наверняка хотите напомнить, что князь Самбоси еще дитя. Но если весь клан – начиная с вас, мой господин, и включая остальных – позаботится о нем и заступится за него в случае необходимости, то в этом не будет ничего несообразного. Наш выбор не должен быть predetermined возрастом претендента. Что касается моего личного мнения, то я отдаю голос законному наследнику – князю Самбоси.

Опешивший Кацуиэ извлек из складок кимоно платок и отер пот с шеи и лба. Сказанное Хидэёси и впрямь соответствовало обычаям клана. Чтобы возразить, требовалось нечто большее, чем просто дух противоречия.

Еще одним человеком, с великим вниманием и настороженностью наблюдающим за происходящим, был Нобуо. Как главный соперник Нобутаки, он был провозглашен старшим из двоих братьев, потому что его мать происходила из очень знатного рода. Не могло быть ни малейших сомнений, что он в свою очередь питает надежду стать князем клана Ода.

Когда ему стало ясно, что надежды не сбудутся и что о нем как о возможном наследнике никто всерьез не задумывается, сразу дала о себе знать присущая ему слабохарактерность, и он принялся оглядываться по сторонам, давая понять, что ему здесь смертельно надоело.

Нобутака в свою очередь пристально смотрел на Хидэёси.

Кацуиэ, не решаясь выразить ни согласие, ни несогласие, лишь что-то бормотал себе под нос. Никто не выражал вслух ни одобрения, ни протеста.

Кацуиэ в открытую объявил о собственных мыслях по поводу престолонаследия, и Хидэёси ответил с такой же прямоотой. А поскольку оба высокопоставленных мужа высказались откровенно и взгляды их оказались противоположны, поддержать одного из них и тем самым противопоставить себя другому означало бы принять чрезвычайно ответственное решение. Поэтому уста присутствующих были словно опечатаны сургучом молчания.

– Что касается вопроса о наследовании... На первый взгляд это верно. Во всяком случае, это было бы верно применительно к более спокойным временам. Но нам не следует забывать, что дело, которому отдал свою жизнь князь Нобунага, не доведено и до половины, и нам предстоит столкнуться с немалыми трудностями, число которых только умножится в силу того, что его больше нет с нами.

Произнеся это, Кацуиэ вновь призвал присутствующих высказать личную точку зрения – и вновь они промолчали. Он увещевал их опять и опять, перейдя едва ли не на крик, и после каждого его призыва Такигава кивал, но картина оставалась прежней. Никто не мог догадаться, что думают остальные.

Наконец Хидэёси взял слово:

– Если бы супруга покойного князя Нобутады не успела разрешиться от бремени и если бы мы ждали появления младенца на свет, чтобы выяснить, мальчик родится или девочка, тогда совет вроде нынешнего был бы уместным. Но у нас есть законный и достойный наследник, так в чем причина дальнейших споров? Мне кажется, следует незамедлительно присягнуть князю Самбоси.

Упорствуя в своем мнении, он даже не потрудился посмотреть на остальных, чтобы по лицам понять, как они отнеслись к его словам. Острие его речи было нацелено в самое сердце Кацуиэ.

И хотя немедленного голосования не последовало, судя по многим признакам, людей тронули слова Хидэёси, и в глубине души многие из них, если не все, успели с ним согласиться. Перед открытием совета военачальникам представился случай посмотреть на беззащитного сироту, а у каждого из них были дети и сильные родительские чувства. Они были самураями, то есть представителями сословия, весь уклад жизни и строй чувствований которого означал: сегодня ты жив, а что будет завтра, известно только Небу. И каждый из них, глядя на осиротевшего Самбоси, не мог не испытывать к нему жалость и сочувствие.

Эти естественные чувства Хидэёси сумел подкрепить сильными, благородными и здравыми доводами. Он воззвал к традиции, не пощадив при этом чувств князя Нобуо. В то же время со стороны Нобуо куда более естественным представлялось заступиться за малолетнего племянника, нежели согласиться с притязаниями брата.

Кацуиэ мучительно размышлял, пытаясь найти довод, способный переубедить военачальников. Конечно, он не рассчитывал, что Хидэёси безропотно согласится с предложенным им самим решением, но все равно недооценил изобретательность и красноречие главнокомандующего западной армии в поддержку Самбоси. Да и то, что множество соратников с легкостью поддалось на уговоры Хидэёси, оказалось для него неприятной неожиданностью.

– Хорошо, пусть так, только не надо спешить. Ваши слова исполнены здравого смысла и

благожелательности, и все же есть большая разница – окажемся ли мы вынуждены опекать малолетнего князя и заботиться о нем или же будем в состоянии опереться на мудрость и полководческие способности молодого мужчины в расцвете сил. Не будем забывать, что на оставшихся в живых вассалах клана лежит бремя двойной ответственности – за поддержание прежнего высоконравственного управления страной и за выполнение великих планов на будущее. Не будем забывать и о далеко не дружественных нам могущественных кланах Мори и Уэсуги. Что произойдет в мире, если мы присягнем малолетнему князю? Дело, которому отдал жизнь наш господин, надолго, если не навсегда, прервется, а остановившись на полдороге, мы вынуждены будем поступиться многим из того, чем владеем сейчас. Стоит нам избрать чисто оборонительную позицию, как враг обрушится на нас с четырех сторон сразу, поскольку ему покажется, что для этого наступило подходящее время. И страна будет опять ввергнута в хаос. Нет, ваша мысль представляется очень опасной. Что скажут остальные?

Он пристально огляделся по сторонам в поисках возможных союзников, но не нашел поддержки ни в ком. Более того, его ищущий взгляд внезапно встретился с другим.

– Кацуиэ!

Голос, произнесший это, грянул для Кацуиэ громом с ясного неба. Ему показалось, будто его на полном скаку вышибли из седла.

– Да, Нагахидэ, я слушаю, – быстро откликнулся Кацуиэ, и в этом коротком ответе невольно прозвучала ненависть.

– Уже на протяжении долгого времени я выслушиваю ваши рассудительные речения, но ничего не могу с собой поделаться: меня убеждают доводы Хидэёси. Я совершенно согласен со всем, что он сказал.

Нива Нагахидэ был следующим по старшинству соратником после самого Кацуиэ. После того как Нива нарушил молчание и встал на сторону Хидэёси, и Кацуиэ, и все присутствующие пришли в величайшее волнение.

– Что вы говорите, Нива?

Нива знал Кацуиэ на протяжении многих лет и успел превосходно изучить его. Поэтому он заговорил миролюбиво:

– Только не сердитесь, Кацуиэ, – и, обратив на Кацуиэ исполненный кротости взгляд, продолжил: – Независимо от прочих доводов разве не Хидэёси оказался тем, кто больше остальных сумел послужить нашему усопшему князю? А когда Нобунага погиб, разве кто-нибудь другой, а не Хидэёси, вернулся в столицу и отомстил за его смерть предателю Мицухидэ?

На лице Кацуиэ была написана горечь. Однако он вовсе не был сломлен: и тело, и душа его противились неизбежному поражению.

Нива Нагахидэ продолжил свою речь:

– В это время вы принимали участие в северной войне. Пусть ваше войско и было не готово, но если бы вы хорошенько прищипорили коней и примчались в столицу, как только услышали о гибели князя, то сокрушили бы Акэти одним ударом. Вы по положению значительно выше Хидэёси. Но вы из-за нерасторопности опоздали на поле боя, что достойно величайшего сожаления.

Того же взгляда придерживались едва ли не все присутствующие. Нива высказал то, что было у остальных на уме. Нерасторопность, проявленная в решающие дни, была самым уязвимым местом в положении Кацуиэ. Опоздание и неучастие в схватке с Мицухидэ оправдать было нечем. После того как Нива выразил общее мнение по этому вопросу, он поддержал предложение Хидэёси, назвав его справедливым и разумным.

Когда Нива закончил речь, настроения в зале переменялись, но не в лучшую сторону.

Как бы затем, чтобы помочь Кацуиэ выпутаться из неловкого положения, в которое он попал, Такигава шепнул что-то на ухо соседу; после этого зал наполнили приглушенные голоса и со всех сторон послышались глубокие вздохи.

Решение давалось приверженцам непросто. Оно могло оказаться судьбоносным для клана. Хотя голоса звучали беспорядочным ропотом, в них слышалась общая тревога, связанная с возможным исходом обозначившегося противостояния между Кацуиэ и Хидэёси.

Посреди нарастающего напряжения в зале появился мастер чайной церемонии. Приблизившись к Кацуиэ, он тихо напомнил ему, что час уже не ранний. Кивнув, Кацуиэ распорядился подать себе что-нибудь освежиться. Слуга подал ему намоченное белое полотенце, Кацуиэ жадно схватил его и вытер вспотевшую шею.

В это время Хидэёси схватился левой рукой за бок. Сморщившись, он повернулся к Кацуиэ и выговорил:

– Прошу прощения, князь Кацуиэ, но у меня приступ желудочной боли.

Он быстро поднялся с места и удалился из зала совета.

– Очень болит! – громко посетовал он, приведя окружающих в большое смущение.

Он улегся, выглядя очень больным, но расположил подушку так, чтобы подставить лицо живительному ветерку, долетающему из сада, отвернулся от остальных, ослабил пропотевший воротник.

Лекарь и слуги переполошились. Один за другим начали заходить и приверженцы Хидэёси, встревоженные внезапным недугом своего господина.

Но Хидэёси не удостаивал их и взглядом, отмахивался, как от назойливых мух.

– Такое со мной бывает. Оставьте меня в покое, и все скоро пройдет.

Слуги подали ему приятно пахнущий целебный отвар, Хидэёси осушил чашу одним глотком. Затем опять лег и ненадолго уснул, поэтому приверженцы и слуги перешли в соседнюю комнату.

Находясь на удалении от зала, в котором продолжался совет, Хидэёси, с тех пор как ушел оттуда, ничего не знал о дальнейшем развитии событий. Правда, он вышел, когда слуги возвестили полдень и участники совета могли воспользоваться его уходом для полуденной трапезы.

Прошло около двух часов. Нещадно пекло полуденное солнце седьмого месяца. В крепости было так тихо, словно ничего не происходило.

Нива, войдя к больному, осведомился:

– Как вы себя чувствуете, Хидэёси? Что у вас с животом? По-прежнему болит?

Хидэёси повернулся и лег, опершись на локоть. Вид опечаленного и встревоженного лица Нивы быстро привел его в чувство. Хидэёси сел:

– Нижайше прошу прощения.

– Кацуиэ просил призвать вас в зал.

– Как проходит совет?

– В ваше отсутствие его продолжение бессмысленно. Кацуиэ объявил перерыв до вашего возвращения.

– Я сказал все, что намеревался.

– После того как все на час разошлись по покоям, настроение переменилось. Даже Кацуиэ, кажется, кое о чем призадумался.

– Что ж, пойдём.

Хидэёси поднялся. Нива улыбнулся, но Хидэёси, не ответив, с серьезным видом направился в зал.

Кацуиэ встретил его пристальным взглядом. То, что никаких слов при этом не было

произнесено, немало порадовало присутствующих. Настроение в зале совета переменялось еще раз. Кацуиэ недвусмысленно заявил, что снимает свое предложение и поддерживает Хидэёси. Тут и все остальные быстро согласились признать Самбоси наследником Нобунаги.

Как только Кацуиэ дал согласие на кандидатуру Самбоси, уныние и тревогу, царившие в зале, словно ветром сдуло, повеяло миром и спокойствием.

– Каждый из нас дал согласие на то, чтобы признать князя Самбоси главой клана Ода, и у меня нет по этому поводу возражений, – повторил Кацуиэ.

Поняв, что его точку зрения никто не поддерживает, Кацуиэ смирился с поражением, хотя испытывал сильнейшую досаду.

Оставалось еще кое-что – и отчаяние Кацуиэ не было безнадежным.

Дело в том, что на совете предстояло обсудить еще один вопрос: судьбу бывших владений клана Акэти, а точнее, их раздел между оставшимися в живых приверженцами клана Ода.

Поскольку этот вопрос кровно затрагивал интересы присутствующих, было ясно, что спор по нему возникнет еще более жаркий, чем по вопросу о наследовании.

Все понимали, что разгорится яростная схватка.

– Этот вопрос следует обсудить только в кругу старших соратников клана, – сказал Хидэёси.

Одержав первую победу над Кацуиэ, Хидэёси поспешил развить достигнутый успех. Его предложение отрезвило самых отчаянных говорунов, уже рванувшихся в бой.

– Что скажут по этому поводу старшие соратники?

Нива, Такигава и другие поспешили, щадя самолюбие поверженного в предыдущем споре Кацуиэ, отвести ему в предстоящем обсуждении основную роль.

Однако ни на мгновение нельзя было упускать из виду и Хидэёси, присутствие которого подразумевало его непременно участие в обсуждении. Не выслушав его мнения, решать было нечего.

– Подайте мне тушь и кисточку, – распорядился Хидэёси.

Он набросал несколько слов, изложив свою точку зрения, и переслал записку Кацуиэ.

Получив и прочитав ее, Кацуиэ не сумел скрыть неудовольствия. Некоторое время он молча размышлял над написанным. В записке значился и пункт, отвечавший его надеждам; тушь, которой это было написано, еще не просохла. По первоначальному замыслу к Хидэёси отходила крепость Сакамото, но он отказался от нее, испросив взамен провинцию Тамба.

Что касается Кацуиэ, то в отношении его Хидэёси проявил щедрость и великодушие, как бы уравнивая его заслуги с собственными. Конечно, значительную часть владений Акэти он предложил передать Нобуо и Нобутаке. Остальное отходило военачальникам, хорошо проявившим себя в сражении при Ямадзаки, каждому – соответственно личным заслугам.

– Завтра будет новый день, – начал Кацуиэ. – Мы долго совещались, причем в такую жару, что все устали. Про себя скажу – устал смертельно. Не продолжить ли нам завтра?

Кацуиэ давал понять, что не готов без длительных размышлений принять новые предложения Хидэёси. Ни у кого не возникло возражений. Солнце палило нещадно, жара становилась все невыносимее. На том и порешили, перенести продолжение совета на следующий день.

На другой день Кацуиэ выступал на совете хорошо подготовленным. Он предложил старшим соратникам своего рода сделку. Не зря ночь он провел, совещаясь с собственными приверженцами. Они изрядно поломали голову, но кое-что сумели придумать. Не сидел сложа руки и Хидэёси: у него были готовы дополнительные предложения и поправки к сделанным накануне.

И вновь между двумя военачальниками вспыхнул спор по отдельным вопросам раздела

владений Акэти. Их противостояние усилилось. Но другие, как и накануне, были готовы поддерживать Хидэёси. Что бы ни предлагал и как бы ни обосновывал свои предложения Кацуиэ, после споров все сходились на том, что было заранее предложено Хидэёси.

В полдень объявили перерыв; в час Быка пришли к окончательному решению и оповестили всех, кто не принимал участие в переговорах, старших соратников клана.

Речь шла не только о былых владениях клана Акэти, но и о личном уделе усопшего Нобунаги.

Первым в списке удостоенных новых владений шел князь Нобуо. Ему целиком отходила провинция Овари. Вторым был князь Нобутака, ему отходила провинция Мино. Овари была родной провинцией клана Ода, а Мино стала второй родиной Нобунаги.

В соглашении появились и дополнительные пункты. Согласно одному из них Икэда Сёню получал Осаку, Амагасаки и Хёго, что соответствовало ста двадцати тысячам коку риса. Согласно другому Нива Нагахидэ получал всю Вакасу и два округа в Оми. Хидэёси, как он и просил, получил провинцию Тамба.

Единственным, чего в конце концов оказался удостоен Кацуиэ, была находившаяся прежде в личном владении Хидэёси крепость Нагаханама. Она представляла собой важный пункт на пути из Этидзэна, родной провинции Кацуиэ, в Киото. Кацуиэ очень хотелось взять эти места под свою руку, и он настаивал на передаче ему еще нескольких округов, но Хидэёси не допустил этого. Да и Нагаханаму он отдал Кацуиэ лишь при условии, что комендантом крепости станет Кацутё, приемный сын Кацуиэ.

Ночью, накануне окончательного решения, приверженцы клана Сибата собрались у своего вождя, всячески стараясь убедить его ни в коем случае не соглашаться на столь унижительные условия. Они даже подбивали его прервать переговоры и уехать из Киёсу. Назавтра, придя в зал совета, Кацуиэ и впрямь был обуреваем подобным чувствами. Однако, взглянув в глаза собравшимся, он понял, что общее настроение направлено против него и что никто не собирается уступать его требованиям.

– Безропотно покоряться подобному обращению нельзя, но, с другой стороны, и упорствовать в одиночку не стоит. Большинство согласится со всеми предложениями Хидэёси, поэтому если я в свою очередь не поддержу их, то это принесет лишь новые неприятности.

Хотелось ему того или нет, он вынужден был смириться с мнением большинства участников совета.

«Мне бы только отобрать у Хидэёси Нагаханаму», – думал он, присматриваясь мысленно к этой важной крепости. В конце концов он решил отложить все тайные намерения на потом и принял предложенные условия.

В отличие от озабоченного Кацуиэ, Хидэёси выглядел безразличным. Начиная с успешной войны в западных провинциях и вплоть до победы при Ямадзаки, Хидэёси на взгляд большинства стал признанным вождем клана как в политическом, так и в военном отношении, и сейчас от него, естественно, ждали, что он потребует главную долю добычи. Однако вопреки ожиданиям он удовольствовался скромной наградой, а именно провинцией Тамба. Хидэёси передал Кацуиэ свою крепость Нагаханама и отказался от притязаний на крепость Сакамото (молва заранее отдавала ее ему) в пользу Нивы.

А крепость Сакамото представляла собой ключ к Киото. Не отказался ли Хидэёси от Сакамото совершенно сознательно – с тем, чтобы подчеркнуть, что он и в мыслях не держит стать правителем всей страны? Или, возможно, он решил не разменивать свои замыслы на мелкие притязания – особенно с учетом того, что после его отказа крепость попала в надежные руки? Никто не взялся бы сказать, что именно у него на уме.

Полночное предупреждение

В ходе совета было решено, что личным уделом наследника Нобунаги, малолетнего князя Самбоси, станет часть провинции Оми, соответствующая тремстам тысячам коку риса. Опекунами малолетнего князя назначили Хасэгаву Тамбу и Маэду Гэни, но оба они стали отныне подотчетны Хидээси. Поскольку Адзути лежала в руинах, до ее восстановления местопребыванием Самбоси решено было избрать крепость Гифу.

Дядьям малолетнего Самбоси, Нобуо и Нобутаке, поручили печься о его жизни и здоровье. Наряду с этим были на совете решены и военно-политические вопросы. Кацуиэ, Хидээси, Ниве и Сёню было предложено учредить представительство клана Ода в Киото.

После решения двух труднейших вопросов дела на совете пошли быстрее. В заключение военачальники торжественно присягнули малолетнему князю перед алтарем Нобунаги.

Был третий день седьмого месяца. Накануне объявили о ежегодных поминовениях усопшего князя, приуроченных ко дню его гибели. Первую годовщину решили отметить немедленно, и обряд мог бы состояться второго числа, на второй день совета, если бы не медлительность, с которой в ходе совета сдавал свои позиции Сибата Кацуиэ. Поэтому обряд решили перенести на третье число.

Совершив омовение и переодевшись в траурные наряды, военачальники собрались в крепостном храме и стали дожидаться начала церемонии.

Вовсю жужжали москиты; в небе сиял молодой месяц. Присутствующие один за другим перешли из внешней цитадели во внутреннюю. Алыми и белыми лотосами были расписаны ширмы в крепостном храме. Войдя, люди опускались наземь.

Только Хидээси не было видно. Люди в недоумении переглядывались. Но, поглядев в сторону, где возвышался алтарь, среди разных предметов – поминальных табличек, золотых ширм, жертвенных цветов и курильниц – военачальники увидели Хидээси: он сидел перед алтарем, усадив на колени малолетнего Самбоси.

Каждый поневоле задавался вопросом, что Хидээси там делает. Поразмыслив, вспоминали, что решением большинства на недавнем совете Хидээси был назначен наставником князя и призван надзирать за его опекунами. Так что в его теперешнем поведении не было ничего вызывающего.

Поскольку и в этом отношении Хидээси оставался неуязвим, Кацуиэ гневался еще сильнее. – Пожалуйста, проследуйте к алтарю в надлежащем порядке, – сухо и с неудовольствием обратился он к Нобуо и Нобутаке.

Голос его был тих, однако возмущения не скрывал.

– Прости, пожалуйста, – сказал Нобуо Нобутаке, первым поднявшись с места.

Теперь настал черед гневаться Нобутаке. Он считал, что, если окажется за спиной у Нобуо, это обречет его впредь на подчиненное положение.

Нобуо посмотрел на поминальную табличку покойного отца, закрыл глаза и, сложив руки, принялся молиться. Потом он воскурил благовония, прочитал еще одну молитву перед алтарем и отошел.

Увидев, что Нобуо собирается возвратиться на свое место среди других, Хидээси кашлянул, как бы для того, чтобы привлечь к себе внимание малыша. Однако на самом деле он молча давал понять Нобуо: «Твой новый князь – здесь!»

Жест Хидээси ошеломил Нобуо. Стоя на коленях, он повернулся в ту сторону, где, держа малыша на руках, сидел Хидээси. По натуре Нобуо был трусоват, а сейчас так перепугался, что его стало жаль.

Глядя снизу вверх на Самбоси, Нобуо верноподданно поклонился ему. Он был излишне почтителен.

Отпустил его одобрительным кивком вовсе не малолетний князь, а сам Хидэёси. Самбоси был избалованным и резвым мальчиком, но на коленях у Хидэёси почему-то сидел тихо, как мышь.

Пришел черед Нобутаке помолиться наедине с душою собственного отца. Но будучи свидетелем того, как обошелся с Нобуо Хидэёси, и не желая в свою очередь становиться посмешищем, он сразу же почтительно поклонился Самбоси. А затем вернулся на свое место.

Следующим к алтарю подошел Сибата Кацуиэ. Когда его крупная фигура опустилась на колени, почти полностью скрыв алтарь из виду, алые и белые лотосы, которыми были расписаны ширмы, и мерцающие лампы осенили его багровым ореолом, похожим на пламя гнева. Возможно молясь, он поведал Нобунаге о том, как прошел совет, и попросил у него заступничества – и перед малолетним князем, и за него. Воскурив благовония, Кацуиэ провел в молитве долгое время. Торжественно сложив руки на груди, он молился молча. Затем, отойдя от алтаря на семь шагов, поднялся во весь рост и повернулся к Самбоси.

Поскольку Нобуо с Нобутакой уже выразили свою верность малолетнему князю, Кацуиэ не мог уклониться от соответствующего жеста. Поняв, что это неизбежно, Кацуиэ смирил гордыню и поклонился Самбоси.

Хидэёси сидел с таким видом, словно подбадривал Кацуиэ. Кацуиэ дернул головой, сидящей на короткой толстой шее, и поспешил вернуться на место. Чувствовалось, что он с трудом удерживается, чтобы презрительно не сплюнуть наземь.

Нива, Такигава, Сёню, Хатия, Хосокава, Гамо, Цуцуи и другие отдали последний долг усопшему князю. Затем перешли в пиршественный зал, особо предназначенный для подобных случаев, и по приглашению вдовы Нобутады приступили к трапезе. Стол был накрыт на сорок с лишним гостей. По кругу передавали чаши, лампы мигали на прохладном ночном ветру. Поскольку минута отдохновения выдалась впервые после двух тревожных и напряженных дней, все собравшиеся сразу захмелели.

Подобные пиры, приуроченные к заупокойной службе, случались нечасто, и люди на них старались не слишком-то напиваться. Тем не менее сакэ сегодня ударило в голову многим; военачальники, беседуя друг с другом, переходили с места на место, смех и оживленные разговоры слышались отовсюду.

Особо много народу толпилось возле того места, где восседал Хидэёси, да и пили здесь больше, чем вокруг. Там-то внезапно и появился еще один самурай.

– Как насчет чашечки сакэ? – С таким вопросом обратился к Хидэёси Сакума Гэмба.

О беспримерном мужестве Гэмбы, проявленном в ходе северной войны, слагали легенды. О Гэмбе ходила молва, будто ни одному противнику не удалось встретиться с ним на поле боя дважды. Кацуиэ ценил и по-человечески горячо любил отважного воина. Он с умилением называл его «своим» Гэмбой или же «дорогим племянником» и рассказывал всем о подвигах Гэмбы.

У Кацуиэ было множество племянников, но когда он произносил слово «племянник», становилось ясно, что речь идет только о Гэмбе.

Будучи двадцати восьми лет от роду, Гэмба успел стать одним из вождей клана Сибата, комендантом крепости Ояма, получил в личный удел целую провинцию и мало чем уступал выдающимся военачальникам, собравшимся за одним столом.

– Хидэёси, – сказал Кацуиэ, – угостите и моего племянника.

Хидэёси поднял взгляд и сделал вид, будто он только что заметил прибытие Гэмбы.

– Племянника? – Хидэёси пристально посмотрел на молодого воина. – Ах, вот вы о ком!

Племянник имел вид самый угрожающий, и низкорослый хрупкий Хидэеси внешне терялся в присутствии этого легендарного героя.

У Кацуиэ все лицо было изъедено оспой, племянника она пощадила. Светлокожий, но крепкий, он обладал взглядом тигра и гибкой статью барса.

Хидэеси передал ему чашечку сакэ со словами:

– Князю Кацуиэ нравится держать таких достойных молодых людей у себя на службе.

Но Гэмба покачал головой:

– Если пить, так из той, большой.

Он указал на большую чашу, в которой оставалось немного сакэ.

Хидэеси тут же осушил ее и распорядился:

– Эй, кто-нибудь! Налейте молодому самураю.

Горлышко позолоченного графинчика коснулось ободка чаши. Емкость опустела раньше, чем чаша наполнилась до краев. Принесли еще один графинчик – только тогда чашку удалось наполнить доверху.

Молодой красавец сузил глаза, поднес чашу ко рту и осушил единым духом.

– Вот так! Попробуйте вы.

– У меня нет таких способностей, – хотел отшутиться Хидэеси.

Гэмбу его ответ не удовлетворил:

– Почему вы не хотите пить?

– Я мало пью.

– Да ведь это суцая малость!

– Я пью, но не столько сразу.

Гэмба оглушительно расхохотался. Затем сказал – так громко, что его слышали все пирующие:

– Выходит, все, что нам рассказывали – суцая правда. Князь Хидэеси скромн и умеет оправдываться. Когда-то давным-давно, больше двадцати лет назад, он подметал скотный двор и носил за князем Нобунагой сандалии. Хорошо, что он навсегда сохранил память о тех днях. – И Гэмба рассмеялся собственной дерзости.

Все присутствующие в зале онемели от ужаса. Болтовня смолкла, все принялись посматривать то на Хидэеси, по-прежнему восседающего за столом напротив Гэмбы, то на Кацуиэ.

Гостям стало не до застольных бесед и не до выпивки, все сразу протрезвели. Хидэеси, усмехаясь, смотрел на Гэмбу. Взглядом сорокапятилетнего мужчины он пристально всматривался в двадцативосьмилетнего молодого человека, хотя различие между ними состояло не только в возрасте. Путь, пройденный Хидэеси за первые двадцать восемь лет жизни, разительно отличался от того, который прошел к тому же возрасту Гэмба. Отличался испытаниями, выпавшими на долю старшего, и извлеченной из них мудростью. На его взгляд, Гэмба был даже не молодым человеком, а маленьким мальчиком, которому не довелось еще узнать истинных превратностей судьбы. Поэтому, только поэтому он и вел себя так вызывающе и безрассудно – и на пиру, и на поле брани. И поэтому, должно быть, он пренебрегал очевидной опасностью не только в бою, но и оказавшись в куда более зловещем положении – среди самых выдающихся и могущественных людей страны.

– Послушай, Хидэеси! Есть еще кое-что, от чего меня воротит. Да послушай! Ты что, оглох?

Гэмба орал на Хидэеси, утратив малейшие понятия о приличии. Было заметно, что дело не только в том, что Гэмба опьянел, – в душе у него застряла какая-то заноза. Хидэеси решил дать ему возможность объяснить непростительную выходку опьянением и посмотрел на молодого

человека с сочувствием.

– Однако, вы нетрезвы, – сказал он.

– Что? – Гэмба отчаянно затряс головой и встал, расправив плечи. – Дело не в том, что я пьян! Послушай, Хидэёси! Разве пару часов назад, в храме, когда князь Нобуо, и князь Нобутака, и другие высокородные господа пришли отдать последний долг душе его светлости князя Нобунаги, разве ты тогда не уселся на почетное место, взяв на колени князя Самбоси? Разве ты не заставил их, одного за другим, тебе поклониться?

– Ну-ну, – рассмеявшись, ответил Хидэёси.

– Над чем ты смеешься? Что смешного я сказал? А, Хидэёси? У меня нет сомнений, что ты, со своим изощренным умом, нарочно взял малолетнего князя себе на колени, чтобы заставить князей, воинов и всю правящую верхушку клана Ода кланяться такой незначительной особе, как ты. Да, именно так оно и было! И если бы я там тоже очутился, я бы с великим наслаждением отрубил твою жалкую голову прямо в алтаре. Князь Кацуиэ и другие высокородные господа, сидящие здесь, чересчур великодушны, но сам я не таков, и поэтому...

Кацуиэ, сидевший неподалеку от Хидэёси, осушил свою чашу и взволнованно огляделся по сторонам.

– Гэмба, с какой стати ты позволяешь себе разговаривать в таком тоне? Послушайте, князь Хидэёси, мой племянник не имеет в виду ничего дурного. Не обращайтесь на него внимания.

Произнеся это, Кацуиэ деланно рассмеялся.

Хидэёси, однако же, не мог ни дать волю гневу, ни позволить себе посмеяться над происшедшим. В таком положении ему только и оставалось выдать некое подобие улыбки. Правда, его внешность, сама по себе забавная, не раз выручала его в подобных передрыгах.

– Князь Кацуиэ, не извольте волноваться. Все в порядке, в полном порядке.

Хидэёси произнес это несколько запинаясь. Он явно хотел сойти за пьяного.

– Не притворяйся, Обезьяна! Слышишь меня, Обезьяна? – Нынче ночью Гэмба вел себя еще более дерзко, чем всегда. – Слышишь меня, Обезьяна? – повторил он еще раз.

Все давно вышло за рамки приличий, однако не так-то просто избавиться от презрительного прозвища, которое носишь свыше двадцати лет. Стоило посмотреть на Хидэёси, и слово «обезьяна» само просилось на язык. Давным-давно он был деревенским неслухом и недотепой, над которым смеялись в крепости Киёсу, переводя его с одной низкой должности на другую. И Гэмба говорил как раз об этом.

– Тогда, двадцать лет назад, мой дядя нес однажды ночную стражу. Заскучав, он кликнул Обезьяну и угостил сакэ, потом устал и прилег. И велел Обезьяне растереть себе бедра. Что же вы думаете? Обезьяна с великой охотой выполнил просьбу.

Присутствующие в зале давным-давно протрезвели. Лица у всех побелели как мел, во рту пересохло. Происходящее мало напоминало обычное застольное бесчинство. Многие невольно подумали, что, должно быть, неподалеку от зала, в котором они пируют, в тени деревьев и во мраке подземелий воины клана Сибата уже стоят наготове, вооружась мечами, копьями и луками. Что другое мог бы означать беспримерный вызов, брошенный в лицо Хидэёси? Тревога и волнение охватили гостей. Казалось, ночной ветер налил запах смерти, даже фонарики в пиршественном зале замигали, как в час заупокойной службы. Стоял разгар лета, однако по спине у только что беззаботно пировавших людей пробежал холодок.

Хидэёси дождался мгновения, когда Гэмба закончит свой издевательский рассказ, а затем оглушительно расхохотался:

– Интересно, господин племянник, откуда вы об этом узнали? Во всяком случае, вы напомнили мне кое о чем приятном. Тогда, двадцать лет назад, старую обезьяну считали умельцем растирания и расслабления тела, и весь клан Ода упрашивал меня оказать подобную

услугу. Так что вовсе не одного только князя Кацуиэ мне довелось ублажать. Меня в благодарность угощали сладостями – и какие это были сладости! Незабываемый вкус! Я с тех пор ничего такого не отвеждал! – И Хидэёси опять рассмеялся.

– Ты слышал, дядюшка? – Гэмба широко развел руками. – Угости же Хидэёси чем-нибудь вкусным. И если ты попросишь его растереть тебе бедра, он с удовольствием исполнит просьбу.

– Не забывайся, племянник. Послушайте, князь Хидэёси, с его стороны это всего лишь шутка.

– Пустяки. Кстати говоря, я до сих пор при случае могу помочь растиранием. Во всяком случае, уж одного человека я и в самом деле так излечиваю.

– Кого же? Кто этот счастливчик? – с кривой усмешкой осведомился Гэмба.

– Моя матушка. В нынешнем году ей исполнилось семьдесят, помогать ей доставляет мне величайшее удовольствие. Но поскольку я много времени провожу в походах, удовольствие это выпадает на мою долю, к сожалению, нечасто. А я, пожалуй, позволю себе удалиться, но это не означает, что вам надо последовать моему примеру. Пируйте сколько душе угодно.

Хидэёси первым покинул пиршественный зал. Пока он шел по коридору, никто не попытался остановить его. Напротив, другие нашли его решение оставить пир мудрым и были счастливы избавиться от ощущения смертельной опасности, которое только что испытали.

Из бокового помещения вышли двое молодых оруженосцев Хидэёси и последовали за своим господином. Даже находясь постоянно у себя в комнате, они не могли не заметить, какое напряжение царило в крепости в последние два дня. Но Хидэёси прибыл на совет без свиты, поэтому, когда двое оруженосцев поняли, что господину больше ничто не грозит, они испытали облегчение. Затем вышли во двор и велели слугам подать лошадей, когда кто-то окликнул их господина.

– Князь Хидэёси! Князь Хидэёси!

Невидимый человек искал его, дожидаясь во тьме у дороги. Лунный серп висел в ночном небе.

– Я здесь.

Хидэёси уже сидел верхом. Услышав в темноте скрип седла, Такигава Кадзумасу подбежал вплотную.

– В чем дело?

Вид у Хидэёси был сейчас неожиданно высокомерным, словно князь разговаривал с подданным.

Такигава сказал:

– Вас сегодня вечером тяжело оскорбили. Все дело в количестве выпитого сакэ. Племянник князя Кацуиэ еще так молод. Надеюсь, вы сумеете простить его. – Помолчав, он добавил: – Я хочу напомнить кое о чем, что, возможно, вы ненароком запомнили. Четвертого числа – то есть завтра – должна состояться церемония провозглашения князя Самбоси главой клана, и вам надлежит в ней участвовать. После вашего внезапного ухода князь Кацуиэ очень обеспокоился тем, что вы могли упустить это из виду.

– Вот как? Что ж...

– Пожалуйста, приезжайте непременно.

– Я понял.

– И еще раз относительно происшедшего на пиру. Прошу вас, забудьте обо всем. Я объяснил князю Кацуиэ, что вы предельно великодушны и наверняка не станете мстить молодому человеку за безрассудную пьяную выходку.

Хидэёси тронул коня.

– Поехали! – крикнул он оруженосцам и рванул с места так, что едва не сшиб Такигаву с

ног.

Хидэёси остановился в западной части крепостного города. Своим временным пристанищем он избрал маленький буддийский храм и примыкающий к нему дом, который принадлежал зажиточному семейству. Спутники Хидэёси разместились в помещениях храма, а он снял для себя целый этаж.

Хозяева дома с удовольствием приняли бы и спутников Хидэёси, но его свита насчитывала семьсот или восемьсот человек, что само по себе было немного, так как клан Сибата разместил в Киёсу, по слухам, около десяти тысяч своих воинов.

Едва вернувшись к себе, Хидэёси пожаловался, что в комнатах дымно. Распорядившись открыть все окна, он отшвырнул роскошный церемониальный наряд, разделся и потребовал приготовить фуру.

Понимая, что господин в дурном расположении духа, усталые оруженосцы принялись осторожно лить горячую воду ему на плечи. Хидэёси, погрузившись в фуру, сперва зевнул, а затем, широко раскинув руки и ноги, с удовлетворением хмыкнул.

– Похоже, я ослаб и размяк, – заметил он, а затем позволил себе пожаловаться на усталость, возникшую после двух напряженных дней. – Москитную сетку поставили?

– Да, господин, – ответили оруженосцы, подавая Хидэёси ночное кимоно.

– Отлично, отлично. Вам тоже следует нынче лечь пораньше. И стражникам передайте то же самое.

Хидэёси задернул сетку.

Дверь заперли, окна, однако же, оставили распахнутыми, чтобы наслаждаться ночным ветерком. В окно лился лунный свет. Хидэёси почувствовал, что его одолевает дремота.

– Мой господин! – окликнули его снаружи.

– Это ты, Москэ?

– Да, мой господин. Прибыл настоятель Арима. Он говорит, что ему хотелось бы побеседовать с вами наедине.

– Арима? А в чем дело?

– Я сказал ему, что вы легли, однако он настаивает.

Какое-то время из-под москитной сетки не доносилось ни звука. Наконец Хидэёси принял решение:

– Впусти его. Но попроси прощения за то, что я приму его не поднимаясь с постели. Объясни ему, что в крепости я себя неважно почувствовал и уже принял лекарство.

Москэ спустился на первый этаж. Послышались шаги на лестнице, и вот на деревянном полу перед нишей, где лежал Хидэёси, опустился на колени гость.

– Ваши слуги объяснили, что вы уже спите, однако я решился...

– Что случилось, святой отец?

– У меня для вас важное и срочное известие, поэтому я позволил себе прийти сюда глубокой ночью.

– За два дня только что закончившегося совета я так устал телесно и духовно, что поторопился лечь. Но в чем дело? Почему такая важность и срочность?

Настоятель начал издали:

– Вы намереваетесь принять участие в завтрашней церемонии в честь князя Самбоси, не правда ли?

– Да. Если принятое снадобье мне поможет. Возможно, это все от жары и духоты. А если я там не появлюсь, это многих обидит.

– Я думаю, ваш внезапный недуг – доброе предзнаменование.

– Что вы этим хотите сказать?

– Два часа назад вы ушли с поминального пира, не дождавшись завершения. Прошло некоторое время – и на пиру остались только приверженцы клана Сибата и их союзники. Они там что-то втайне обсудили. Сперва я не понимал, что происходит, но Маэда Гэни тоже был очень встревожен, и мы с ним тайком подслушали, о чем они толкуют.

Внезапно замолчав, настоятель поднес лицо к самой москитной сетке, словно затем, чтобы убедиться, что Хидэёси его слышит.

Бледно-голубой жук полз по краю сетки. Хидэёси лежал на спине, уставившись в потолок.

– Я слушаю.

– В точности установить, что они затевают, нам не удалось. Но ясно одно: они намерены лишить вас жизни. Назавтра, когда вы придете в крепость, они собираются завести вас в боковое помещение, зачитать список ваших злодеяний и заставить вас совершить сэппуку. Если вы откажетесь лишить себя жизни, они хладнокровно убьют вас. Более того, они намерены расставить своих воинов по всей крепости и даже взять под наблюдение город.

– Огорчительные вести...

– Собственно говоря, Гэни рвался сюда сам, чтобы лично сообщить вам об этом, но мы сочли, что его исчезновение из крепости может насторожить заговорщиков, поэтому вместо него прибыл я. Если вы сейчас и впрямь чувствуете себя больным, это, возможно, истинный дар Небес. Подумайте, не стоит ли вам под таким предлогом уклониться от участия в завтрашней церемонии.

– Непременно подумаю.

– Надеюсь, вы найдете способ уклониться от участия. Во что бы то ни стало!

– Церемония посвящена возведению малолетнего князя в сан главы клана, и всеобщее присутствие обязательно. Благодарю вас, святой отец, за проявленную доброту. Благодарю от всей души.

Монах удалился. Прислушиваясь к звуку его шагов, Хидэёси стиснул руки. Он молился.

Хидэёси была не знакома бессонница. Казалось бы, способность мгновенно, в первую подходящую минуту, погрузиться в глубокий сон не представляет собой ничего особенного, однако на деле развить ее в себе крайне трудно.

Хидэёси это удалось – он освоил таинственное, почти мистическое искусство в такой степени, что руководствовался им как серьезнейшим жизненным правилом всегда и повсюду – как для того, чтобы сбросить напряжение изнурительных походов, так и в целях сохранения здоровья.

Отрешиться от всего. Для Хидэёси это простое правило стало важнейшим.

Умение отрешиться от всего может на первый взгляд показаться не слишком важным, но именно оно лежало в основе умения князя мгновенно погружаться в глубокий сон. Нетерпение, разочарование, озабоченность, сомнения, нерешительность – узлы этих чувств он умел вмиг разрывать, смежив веки. Когда он спал, его отдыхающее сознание оставалось чистым, как нетронутый лист бумаги. Вдобавок ему было присуще умение просыпаться столь же стремительно и, едва проснувшись, быть собранным и зорким.

Отрешение помогало не только отдохнуть от удачных битв и успешных свершений. За долгие годы он наделал великое множество ошибок. Но Хидэёси никогда не сокрушался о поражениях и проигранных войнах. В такие времена он вспоминал слово: отрешение.

Серьезность и основательность в подходе к любому вопросу, о которой как о важной добродетели толкуют люди, сочетание целеустремленности и предусмотрительности или просто одержимость поставленной целью, которые также были ему присущи, не казались Хидэёси особыми достоинствами или требующими упражнения и развития навыками – они представляли собой неотъемлемую часть его души. Отрешенность и связанный с нею глубокий

сон давали ему возможность, пусть и ненадолго, сбросить ежедневное бремя и тем позволить душе вздохнуть. Сталкиваясь лицом к лицу с вопросами жизни и смерти, он вспоминал неизменное: отрешиться от всего.

Вот и сейчас он позволил себе забыться совсем ненадолго. Проспал ли он хоть бы один час?

Хидэёси встал с ложа и спустился по лестнице в отхожее место. Стражник, опустившись на колени на дощатом полу веранды, осветил ему бумажным фонариком. Когда Хидэёси вышел оттуда, другой стражник поспешил к нему с кувшином воды и полил господину на руки.

Вытерев руки, Хидэёси поглядел в небо, определил по положению луны, который час, и, обратившись к обоим оруженосцам, задал вопрос:

– Гомбэй здесь?

Когда тот появился, Хидэёси направился наверх, знаком приказав Гомбэю следовать за собой.

– Ступай в храм и объяви людям, что мы уезжаем. Путь по улицам и построение в дороге содержатся в предписании, выданном нынче ночью после возвращения из крепости Асано Яхэю, так что дальнейшие распоряжения ты получишь от него.

– Да, мой господин.

– погоди. Я кое о чем забыл. Прикажи Кумохати подняться ко мне.

Удаляющиеся в сторону храма шаги Гомбэя слышались под деревьями в саду. После его ухода Хидэёси быстро облачился в боевые доспехи и вышел во двор.

Временное пристанище Хидэёси находилось на перекрестке дорог Исэ и Мино. На этот перекресток, обогнув сарай, он сейчас и отправился.

В это мгновение его догнал Кумохати, только что узнавший, что его вызвал князь.

– Я здесь, мой господин!

Кумохати опустился перед Хидэёси на колени.

Кумохати был испытанным воином. В свои семьдесят пять лет он ничем не уступал тем, кто годился ему в сыновья и внуки. Вот и сейчас Хидэёси бросилось в глаза, что Кумохати прибыл к нему в полном боевом облачении.

– Ты несколько поторопился. Нынешний случай не требует доспехов. Я хочу попросить тебя кое о чем. Тебе предстоит заняться этим с утра, а для этого ты останешься в городе.

– С утра? Вы хотите сказать, в крепости?

– Верно. Ты меня понял правильно. Что ж, ничего удивительного. После стольких лет беспорочной службы... Я хочу, чтобы ты доставил в крепость сообщение, что ночью я внезапно заболел и был вынужден незамедлительно вернуться в Нагахаму. Скажи также, что я испытываю глубочайшее сожаление и разочарование из-за того, что не смогу принять участия в завтрашней церемонии, но искренне надеюсь, что и без меня все пройдет хорошо. Как мне кажется, Кацуиэ и Такигава не сразу смирятся с таким сообщением, поэтому я прошу тебя побыть там некоторое время, прикинувшись тугоухим и непонятливым. Что бы ты там ни услышал, не вздумай откликаться на это. Выслушав все, что нужно, удались с таким видом, как будто ничего не произошло.

– Я понял, мой господин.

Старый самурай, сжимая в руке копьё, согнулся пополам в глубоком поклоне. Затем, словно внезапно обессилев под ношей чересчур тяжких для дряхлого старца доспехов, поклонился еще раз и заковылял прочь.

Едва ли не все воины Хидэёси, стоявшие на постое в храме, уже выстроились у ворот вдоль дороги. Каждый отряд со своим знаменем был разбит на группы. Командиры, держа под уздцы лошадей, стояли во главе своих групп. Огниво и трут вспыхивали то здесь, то там, но факелы не зажигали.

Тусклый полумесяц висел в небе. Стоя в глубокой тени деревьев, семьсот воинов переминались с ноги на ногу, и эти звуки были похожи на шум слабого прибора.

– Эй! Яхэй! – окликнул Хидэёси, проходя вдоль строя.

В тени деревьев ему было непросто узнать своих воинов. Да и им могло показаться, будто коротышка, постукивающий бамбуковым посохом по земле, проходя вдоль строя во главе шести или семи человек, является десятником из обоза или кем-то вроде того. Но когда они поняли, что это сам Хидэёси, то спешно отступили на шаг и отвели лошадей, чтобы нечаянно не помешать ему.

– Мой господин, я здесь!

Асано Яхэй стоял на нижней ступени храма, раздавая распоряжения командирам. Услышав, что его позвал Хидэёси, он быстро закончил и побежал навстречу своему господину.

– Ты готов? – В голосе Хидэёси сквозило нетерпение. Он даже не дал вассалу возможности опуститься на колени. – Если все готово, то выступаем.

– Да, мой господин, все готово.

Отсалютовав знамени главнокомандующего, установленному у ворот, Яхэй поспешил в строй, сел на коня и отдал приказ к выступлению.

Хидэёси выехал в сопровождении оруженосцев и еще примерно тридцати всадников. В такой час подобало бы протрубить в раковину, но обстоятельства не позволяли сделать это, равно как и зажечь факелы. Хидэёси вручил Яхэю золотой командирский веер, а тот махнул им – один раз, второй, третий. Это был сигнал к выступлению насчитывающего всего семьсот человек войска.

Войско проследовало мимо Хидэёси, развернулось и двинулось по дороге. Во главе отрядов шли самые испытанные приверженцы Хидэёси. То, что во всем войске их сейчас оказалось совсем немного, объяснялось просто: большинство из тех, кто уже много лет шел вместе с Хидэёси по дороге войны и жизни, находились сейчас в крепостях Нагахамы и Химэдзи и на других важных позициях.

В полночь войско Хидэёси покинуло Киёсу и, выйдя на дорогу Мино, отправилось в Нагахаму. Со стороны казалось, что это – свита, сопровождающая князя.

Сам Хидэёси в сопровождении всего тридцати или сорока всадников выехал в другом направлении, сознательно избрав такой путь, на котором он никому не попадет на глаза. Так, окольной дорогой, вернулся он в Нагахаму на следующий день к рассвету.

– Рыбка сорвалась с крючка, Гэмба, – вздохнул Кацуиэ.

– Нет. Наш замысел безупречен, и сорваться ничего не должно.

– Бывают ли, Гэмба, безупречные замыслы? Что-то мы наверняка упустили из виду, иначе ему не удалось бы ускользнуть с такой легкостью.

– Я не готов воспринимать это именно так. На мой взгляд, если собираешься ударить, то бей не раздумывая! Если бы мы напали на дом, где остановился этот ублюдок, мы бы сейчас любовались его отрубленной головой. Но ты, дядюшка, только о том и думал, как бы сохранить все это в тайне. Ты не послушался меня – и все усилия пошли прахом.

– Ты еще так непозволительно молод! В плане, предложенном тобой, имелись изъяны, я предложил план более совершенный. Наилучшим способом решить дело было бы дожидаться часа, когда Хидэёси прибудет в крепость, а уж здесь вынудить его совершить сэппуку. Ничего лучшего мы не сумели бы придумать. Но согласно донесениям, поступившим нынешней ночью, Хидэёси внезапно снялся с места. Услышав об этом, я поначалу расстроился, но потом призадумался хорошенько – и возликовал. То, что этот мерзавец удрал из Киёсу сегодня ночью, для нас воистину дар Небес. Раз он уехал, не соизволив никого известить об этом, я получил

возможность объявить о его злодеяниях. И далее я приказал тебе устроить засаду и уничтожить его, чтобы он наконец получил по заслугам.

– Все это, дядюшка, было ошибкой с твоей стороны. Твой расчет оказался ошибочным с самого начала.

– Ошибочным? Почему же?

– Твоей первой ошибкой была надежда на то, что Обезьяна сам явится на сегодняшнюю церемонию и без борьбы отдастся нам в руки. Хотя ты отдал мне правильный приказ устроить засаду, твоей второй ошибкой было то, что ты не позаботился перекрыть окольные дороги.

– Глупец! Я предоставил тебе всю полноту власти и подчинил остальных только потому, что был твердо уверен: ты ни за что не сделаешь непростительной промашки. После этого ты имеешь наглость утверждать, будто отсутствие засады на окольных путях и нечаянное спасение Хидэёси – это, видите ли, моя ошибка! А может быть, прямое следствие твоей неопытности?

– Согласен, дядюшка, на этот раз виноват действительно я, но что касается дальнейших действий, изволь отказаться от чрезмерно запутанных построений. Тот, кто строит слишком сложные планы, рано или поздно поскользнется на ровном месте.

– О чем ты говоришь? Ты обвиняешь меня в излишней предусмотрительности?

– Это, дядюшка, твоя извечная ошибка.

– Глупец! Несносный глупец!

– Это не я один говорю, все толкуют. «Люди не могут доверять князю Кацуиэ, потому что никто никогда не знает, что именно он на самом деле замыслил». Вот как о тебе говорят!

Кацуиэ обиженно замолчал, сдвинув густые черные брови.

На протяжении многих лет взаимоотношения дяди и племянника выходили далеко за рамки привычной связи господина и приверженца. Но чрезмерно теплые чувства, которые они друг к другу питали, не могли с годами не привести к нежелательным последствиям: в словах и поступках Гэмбы больше не чувствовалось подобающего уважения и почтительности. Вот и сегодня Кацуиэ испытывал по этой причине горькую обиду.

Вообще ему было не по себе. Кацуиэ не спал всю ночь. Отдав Гэмбе приказ уничтожить обратившегося в бегство Хидэёси, он тщетно прождал желанной вести, которая могла бы в одно мгновение развеять снедающую его тоску.

Гэмба по возвращении не смог ничем обрадовать своего высокого покровителя.

– Мимо нас проследовали только приверженцы Хидэёси. Его самого среди них не было. Мне показалось, что напасть на них будет неумно, поэтому я решил вернуться, ничего не предприняв.

Это донесение вместе с ощущением усталости после бессонной ночи повергло Кацуиэ едва ли не в отчаяние.

Когда Гэмба позволил себе обрушиться на него с упреками, он вовсе перестал что бы то ни было понимать.

От такого настроения следовало избавиться. Сегодня предстояла церемония провозглашения малолетнего Самбоси главой клана. После завтрака Кацуиэ ненадолго прилег, потом ополоснулся в фуру и вновь облачился в тяжелые и роскошные церемониальные одежды.

Кацуиэ был не из тех, кто, придя в отчаяние, позволяет догадываться об этом посторонним. Небо с утра заволочли тяжелые тучи, духота стояла даже большая, чем вчера, но вид Кацуиэ, отправляющегося в крепость на церемонию, был куда торжественней, чем у других; капли пота у него на лице сверкали, как драгоценные камни.

Воины, прошлой ночью прятавшиеся в траве и в кустах, облачившись в боевые доспехи и шлемы, чтобы напасть на Хидэёси на дороге и лишить его жизни, щеголяли сейчас в церемониальных кимоно и в головных уборах придворного образца. Луки были зачехлены, мечи

и секиры спрятаны в ножны. Воинственные самураи клана Сибата выглядели мирно и празднично.

В крепость один за другим потянулись не только приверженцы клана Сибата. Здесь были и Нива, и Такигава, и остальные. Из числа собравшихся в крепости накануне отсутствовали только приверженцы Хидэёси.

Такигава Кадзумасу поведал Кацуиэ, что в крепости его с самого утра дожидается Кумохати, в качестве посланца от Хидэёси.

– Он говорит, что Хидэёси не сможет присутствовать на сегодняшней церемонии ввиду нездоровья и передает свои извинения князю Самбоси. Он упомянул также, что надеется получить прием у вас. Пожалуй, он ждет слишком долго.

Кацуиэ мрачно кивнул. Хотя его сердило то, что Хидэёси делает вид, будто ни о каких злоумышлениях против себя и не догадывался, ему самому надлежало изображать, что ничего не произошло, а это означало необходимость повидаться с Кумохати. Встретившись с престарелым воином, Кацуиэ обрушил на него целый град вопросов. Что за недуг нежданно-негаданно свалил Хидэёси? Если он решил так внезапно вернуться домой нынешней ночью, то почему заранее не оповестил об этом Кацуиэ? Ведь если бы он, Кацуиэ, был извещен об отъезде, то сам прибыл бы на место и проследил, чтобы все прошло как следует. Но Кумохати, судя по всему, оказался глух, как тетерев, и не понимал и половины из того, о чем расспрашивал Кацуиэ.

Сколько бы вопросов ни задавал Кацуиэ, старик ничего не понимал и твердил все время одно и то же. Поняв, что попусту теряет время, Кацуиэ не мог скрыть возмущения тем, что Хидэёси по какой-то одному ему известной причине прислал в качестве гонца выжившего из ума старика. Однако сколько бы он ни попрекал эту старую развалину, Кумохати все было как с гуся вода. Утратив самообладание, Кацуиэ решил добиться ответа хотя бы на один-единственный вопрос.

– Старик, сколько тебе лет?

– Да, конечно... В общем, верно.

– Я спрашиваю, сколько тебе лет. В каком ты возрасте?

– В точности так, как вы сказали.

– Что?

Кацуиэ показалось, будто над ним издеваются. Раскрасневшись от гнева, он притиснул губы вплотную к старческому уху и заорал таким голосом, что чуть не полопались зеркала:

– Сколько тебе лет?

В ответ Кумохати важно кивнул и объявил с поразительным спокойствием:

– А, вот оно что. Вы спрашиваете, сколько мне лет. Мне стыдно признаться, что, дожив до преклонного возраста, я не сумел совершить ничего выдающегося, но в этом году мне исполнилось семьдесят пять.

Кацуиэ остолбенел.

«Каким глупцом надо быть, чтобы гневаться на такого старика, да еще в день, когда предстоит принять столько ответственных решений и, возможно, так и не удастся отдохнуть», – с горечью подумал он. Наряду со вспышкой презрения к самому себе Кацуиэ испытал и ярость по отношению к Хидэёси и мысленно поклялся себе: недолго им остается жить под одним небом.

– Ступай восвояси. С меня достаточно.

Брезгливо поведя подбородком, он отослал старика прочь, но задницу Кумохати, казалось, приклеили к полу рисовой пастой.

– Что? Каков ваш ответ? – осведомился он, не спуская глаз с Кацуиэ.

– Нет никакого ответа! Нет и не будет! Передай Хидэёси, что мы встретимся с ним там, где Небо велит нам встретиться, – вот и все!

Бросив напоследок эти злые слова, Кацуиэ отвернулся от старика и пошел прочь по узкому коридору во внутреннюю цитадель. Кумохати заковылял следом. Опершись одной рукой о бедро, он простер другую в ту сторону, куда скрылся Кацуиэ. Затем, что-то бормоча себе под нос, едва ли не на ощупь отправился к крепостным воротам.

В этот день была проведена церемония провозглашения малолетнего Самбоси главой клана Ода, а устроенный пир превзошел своей пышностью тот, который задали накануне. Главной темой разговоров на пиру стало вызывающее, оскорбительное поведение Хидэёси. Сказаться больным и уклониться от участия в столь важном событии было чем-то выходящим из ряда вон. Многие в разговоре склонялись к мысли, что измена и предательство Хидэёси могут считаться доказанными.

Кацуиэ прекрасно понимал, что подобные наветы возникают не сами по себе, а в итоге тайных усилий, предпринятых вассалами и сторонниками Такигавы Кадзумасу и Сакумы Гэмбы, но внимал им с великой радостью, надеясь, что преимущество с каждым часом все очевидней переходит на его сторону.

После совета, заупокойной службы по Нобунаге и церемонии в честь Самбоси на Киёсу обрушились сильные ежедневные дожди.

Некоторые из важных господ на другой день после празднества разъехались в свои провинции. Других удерживали в Киёсу разлившиеся воды реки Кисо. Вынужденно застрявшие в Киёсу ожидали улучшения погоды, уповая на него едва ли не каждый день, но пока им оставалось только бездейственно томиться в снятых в городе домах.

Кацуиэ не терял времени даром.

Даже на посторонний взгляд было заметно, какие тесные связи складываются в эти дни между Кацуиэ и Нобутакой. Уместно напомнить, что Оити, жена Кацуиэ, была младшей сестрой Нобунаге и, следовательно, доводилась Нобутаке теткой. Более того, именно Нобутака уговорил вдовствующую Оити вновь выйти замуж – на этот раз за Кацуиэ. С тех пор Кацуиэ с Нобутакой сблизилась по-настоящему. Их отношения выходили далеко за рамки обычного свойства.

Такигава Кадзумасу тоже присутствовал на встречах Кацуиэ с Нобутакой, что в свою очередь было исполнено определенного смысла.

На десятый день месяца Такигава разослал задержавшимся в городе князьям и военачальникам приглашение на утреннюю чайную церемонию.

Текст приглашения гласил:

«Непогода закончится уже скоро, и тогда каждый сможет поехать домой. Однако самурайское присловье гласит: никогда не знаешь дня и часа следующей встречи. В память о нашем незабвенном князе мне хочется угостить вас чаем на утренней росе. Мне понятно, как не терпится вам разъехаться по домам, но все же я буду рад вас видеть у себя в гостях».

В письме было сказано только это, и оно не казалось необычным или таинственным. Однако в то утро жители Киёсу затаив дыхание следили, как приезжают к Такигаве и покидают его дом важные господа.

Что здесь происходило? Тайный военный совет?.. На утреннюю чайную церемонию собрались такие люди, как Хатия, Цуцуи, Канамори и Кавадзири, тогда как Нобутака и Кацуиэ были на ней почетными гостями. Но о том, была ли это обыкновенная чайная церемония или под ее предлогом создали тайный военный совет, – судить со всей уверенностью не смог бы

никто, кроме хозяина и его гостей.

Позже в тот же день, после обеда, военачальники наконец-то разъехались. В ночь на четырнадцатое объявил о своем отбытии в Этидзэн и сам Кацуиэ. Пятнадцатого он покинул Киёсу.

Стоило ему переправиться через реку Кисо и попасть в Мино, как до него донеслись тревожные слухи, что войско Хидэёси перекрыло перевалы в горах между Таруи и Фувой, не давая ему возможности добраться в свою провинцию.

Кацуиэ недавно принял наконец твердое решение пойти войной на Хидэёси, но положение внезапно полностью переменялось, и дорога домой оказалась для него столь же опасной, как переход озера по тонкому льду. Для того чтобы вернуться в Этидзэн, Кацуиэ необходимо было миновать Нагахаму, а его враг наверняка успел возвратиться туда. Даст ли ему Хидэёси беспрепятственно миновать Нагахаму или пожелает вступить с ним в схватку?

Когда Кацуиэ выезжал из Киёсу, его люди советовали избрать кружной, но более безопасный путь, проехав через провинцию Исэ, князем которой был Такигава Кадзумасу. Если бы он прислушался к совету, вся страна решила бы, что он испытывает страх перед Хидэёси, – а подобную потерю лица ему было не вынести. Но стоило ему очутиться в Мино, как прежний вопрос встал вновь, набирая остроту по мере того, как отряд Кацуиэ продвигался вперед.

Донесения о передвижении войск в горной области вынудили Кацуиэ остановиться и перестроить своих людей в боевые порядки. Идти дальше он не мог, пока эти донесения не будут подтверждены или опровергнуты.

Согласно другим, больше похожим на слухи вестям воинов Хидэёси видели в окрестностях Фувы. Волосы на голове у Кацуиэ и у его людей встали дыбом. Пытаясь представить себе численность и возможную тактику противостоящего им войска, они мрачнели, мысли их становились чернее тучи.

Войско внезапно остановилось на берегу реки Иби. Кацуиэ с приближенными провел короткий военный совет в деревенском храме, надежно упрятанном в лесной чаще. Пробиваться с боем или отступить? Вопрос сейчас стоял так. Одним из возможных решений было бы временное отступление с тем, чтобы удержать Киёсу и заполучить в свои руки малолетнего Самбоси. А затем можно было объявить о злодеяниях Хидэёси, объединить других соратников и вновь выступить в поход, но с новыми силами. С другой стороны, войско Кацуиэ и само по себе было велико, а ему как самураю доставило бы огромное удовольствие пробиться сквозь вражеские заслоны, одержав над Хидэёси молниеносную победу.

Взвешивая обе возможности, приверженцы Кацуиэ пришли к выводу, что первое решение означает затяжную войну, тогда как второе, независимо от исхода сражения, повлечет за собой быстрое разрешение опасной напряженности. Хотя в этом случае нельзя было исключать того, что вместо мгновенной победы над Хидэёси и его войском они сами потерпят сокрушительное поражение.

Не следовало упускать из виду, что горная местность к северу от Сэкигахары была словно предназначена для того, чтобы устраивать засады. Вдобавок войско, которое Хидэёси наверняка удалось собрать в Нагахаме, уже не представляло собой, как недавно, жалкого отряда в несколько сотен человек. Союзниками или вассалами Хидэёси были владельцы небольших крепостей, рассеянных в южной части Оми, по Фуве и Ёро, могущественные провинциальные семьи и бесчисленные сельские самураи. Клан Сибата в этих краях ни на кого опереться не мог.

– Противостояние Хидэёси в здешних местах кажется мне не слишком удачным замыслом. Стремительно вернувшись домой из Киёсу, он наверняка рассчитывал получить именно такое преимущество. Думаю, не следует рисковать, вступая с ним в бой здесь, на навязанных им условиях, – сказал Кацуиэ, вторя уже высказавшим свои суждения.

Гэмба в ответ на это презрительно рассмеялся:

– Если ты хочешь выставить себя на посмешище как человек, испугавшийся жалкого Хидэёси, то лучшего решения не найти.

На любом военном совете предложения избрать оборонительную тактику звучат менее убедительно, чем призывы к наступлению. Слова Гэмбы оказали сильное воздействие на участников совета. Его беспримерная отвага, высокое положение в клане и добрые чувства, которые питал к нему Кацуиэ, – все это необходимо было принять во внимание.

– Пуститься в бегство, едва завидев врага, не обменявшись с ним ни единым выстрелом, – такое наверняка погубит доброе имя клана Сибата, – заявил один из военачальников.

– Другое дело, если бы мы приняли такое решение заранее, еще не выступив из Киёсу.

– Князь Гэмба прав. Когда люди прослышат, что мы забрались в такую даль, а потом, испугавшись неприятеля, повернули обратно, мы станем посмешищем на долгие века.

– Как насчет того, чтобы отступить, обороняясь в движении?

– В конце концов, воины – это только воины, а командир у них и вовсе – Обезьяна.

Все, кто моложе, один за другим выступали в поддержку Гэмбы.

Единственным, кто до сих пор не огласил своего мнения, оставался Мэндзю Сёскэ.

– А ты, Сёскэ, что скажешь?

Кацуиэ редко интересовался мнением Сёскэ. К тому же в последнее время тот был у него в немилости и редко осмеливался заговорить первым. Сейчас он без особых размышлений ответил:

– Полагаю, что Гэмба прав.

Среди молодых воинов с горячей кровью, рвущихся в бой, Сёскэ слыл человеком хладнокровным и даже, несмотря на молодость, трусоватым. Теперь он прямо поддержал дерзкий план Гэмбы.

– Если даже Сёскэ настроен решительно, то нам надо последовать предложению Гэмбы и пробовать пробиться вперед, не страшась возможных засад. Едва переправившись через реку, мы вышлем вперед лазутчиков и станем продвигаться без спешки. Предосторожность и предусмотрительность не помешают. Пусть первыми выступят пешие воины, а следом за ними копьеносцы. Что касается стрелков, им надлежит идти во главе замыкающего отряда. Когда противник в засаде, от ружейного огня мало проку. А если лазутчики обнаружат присутствие врага и сумеют подать сигнал, следует немедленно ударить в барабан, не выказывая перед лицом врага и тени робости. Полковым командирам следует ждать моих приказов.

Определив, в какую сторону идти, войско переправилось через реку Иби безо всяких затруднений. И двинулось далее, на Акасаку. По-прежнему о враге ничего не было слышно.

Лазутчики и передовые дозоры ушли далеко вперед и уже находились в окрестностях деревни Таруи. И здесь они не заметили ничего подозрительного.

На дороге показался одинокий путник. Воинам дозора, насторожившимся при его появлении, удалось захватить его и допросить. Под угрозой пыток и казни у незнакомца быстро развязался язык; от услышанного пришли в замешательство сами мучители.

– Если вы спрашиваете меня, видел ли я на дороге людей князя Хидэёси, то отвечаю: да, видел. Сегодня рано утром в окрестностях Фувы, а потом еще раз, проходя через деревню Таруи.

– Сколько там было воинов?

– Точно сказать не могу, наверняка – несколько сотен.

– Несколько сотен?

Лазутчики переглянулись. Отпустив путника, они поспешили с донесением к Кацуиэ.

Полученные новости были неожиданны. Вражеский отряд оказался настолько малочисленным, что Кацуиэ и его люди почуяли подвох. Так или иначе, был отдан приказ

продолжать движение вперед, и войско тронулось. Как раз в это мгновение доложили, что к ним скачет посланец от Хидэёси. Когда гонец прибыл, Кацуиэ со своими вассалами с изумлением увидели перед собой не тяжеловооруженного воина, а юношу, почти мальчика, в шелковом плаще и ярком цветастом кимоно. Даже поводья его лошади были украшены какими-то искусственными цветочками.

– Меня зовут Ики Ханситиро, – заявил юноша. – Я младший оруженосец господина Хидэацу. Я прибыл, чтобы предложить князю Кацуиэ услуги в качестве проводника.

С такими словами Ханситиро проехал мимо лазутчиков, немало удивившихся его появлению. Лишь пропустив юношу, командир лазутчиков спохватился, окликнул его, затем погнался за ним в такой растерянности, что чуть не свалился с лошади.

Кацуиэ и его приближенные недоверчиво и подозрительно уставились на юношу. Они были настроены на решительную схватку, а сейчас их воля к борьбе таяла на глазах. Конечно, копья и стволы ружей сверкали на солнце по-прежнему грозно. Посреди этого великолепия изящно одетый юноша с достоинством спешил и почтительно поклонился.

– Оруженосец господина Хидэацу? Понятия не имею, кто он такой и что бы это могло значить, однако приведите его сюда. Я с ним потолкую, – сказал Кацуиэ.

Кацуиэ стоял под деревом на обочине, нетерпеливо пританцовывая на траве. Затем он распорядился принести походный стул. Из всех сил стараясь скрыть волнение, владеющее им и его приближенными, он предложил юноше сесть.

– У тебя ко мне послание?

– Вы, должно быть, устали, возвращаясь домой по такой жаре, – ответил Ханситиро, показывая тем, как хорошо он воспитан.

Как ни странно, он говорил словами, которыми приветствуют путника в мирное время. Достав письмо из корзины, перекинутой на алой ленте через плечо, юноша продолжил:

– Князь Хидэёси посылает вам приветствие. – И он передал письмо Кацуиэ.

Кацуиэ, по-прежнему настороженный, взял письмо, но не стал сразу распечатывать. Щурясь на ярком солнце, он уставился на Ханситиро:

– Так ты утверждаешь, будто ты оруженосец господина Хидэацу?

– Да, мой господин.

– А что, господин Хидэацу в добром здравии?

– Да, мой господин.

– Должно быть, он уже совсем взрослый.

– В этом году ему исполняется семнадцать лет, мой господин.

– Как быстро летит время! Давненько я его не видел.

– Сегодня отец велел ему доехать до деревни Таруи, чтобы приветствовать вас.

– Неужели?

Кацуиэ был изрядно озадачен. Он грузно откинулся на сиденье, и камешек, оказавшийся под одной из ножек, раскололся на кусочки под тяжестью его тела. Хидэацу был сыном Нобунаги, усыновленным Хидэёси.

– Приветствовать – кого? – на всякий случай переспросил Кацуиэ.

– Вас, ваша светлость, кого же еще!

Прикрыв лицо веером, Ханситиро позволил себе рассмеяться. Он был еще совсем подростком, поэтому оказался не в силах совладать со своими чувствами.

– Меня? Он приехал сюда приветствовать меня? – Кацуиэ все еще не мог поверить.

– Сперва прочитайте письмо, мой господин, – учтиво посоветовал Ханситиро.

Кацуиэ пребывал в таком смятении, что успел начисто забыть о письме, которое по-прежнему держал в руке. Пока он, рассеянно кивая, вчитывался в строчки, на его лице

отражалось множество сменяющих друг друга чувств. Автором письма был вовсе не Хидэкацу. Судя по почерку, его собственноручно начертил Хидэёси. Тон был весьма дружествен и чистосердечен.

«Дорога из северного Оми в Этидзэн, несомненно, хорошо вам знакома, потому что вам не раз доводилось проезжать по ней в обе стороны. Тем не менее я посылаю своего приемного сына Хидэкацу, чтобы он проводил вас. Кое-кто, не имея на то оснований, поговаривает, будто Нагахана представляет собой превосходное укрепленное место, чтобы воспрепятствовать вашему возвращению. Однако не будем придавать значения вздорной молве. Чтобы окончательно опровергнуть и развеять ее, я посылаю вам в проводники своего приемного сына, и вы можете оставить его в заложниках до тех пор, пока не почувствуете себя в полной безопасности. Мне хотелось бы самому встретить вас в Нагахане и дать пир в вашу честь, но после возвращения из Киёсу я так и не сумел полностью выздороветь...»

Слова гонца и содержание письма поневоле вызвали у Кацуиэ раскаяние. Он не мог не сравнивать собственную подозрительность с великодушием, проявленным Хидэёси. До сих пор он страшился всевозможных хитростей и козней со стороны Обезьяны, а сейчас почувствовал сильнейшее облегчение. Давным-давно за ним закрепилась слава непревзойденного полководца, а что касается его умения плести интриги, то оно было общепризнанно; стоило Кацуиэ что-либо затеять, как люди говорили: он опять взялся за свое. Сейчас он даже не потрудился скрыть подлинные чувства за обычной маской. Он умел признавать свои ошибки – именно за это его в последние годы жизни ценил Нобунага – наряду с отвагой, преданностью и умением мыслить масштабно. Все шло на пользу великому делу клана Ода. Поэтому Нобунага облек Кацуиэ высоким доверием, назначив его главнокомандующим в северной войне, одарил большим уделом, подчинил множество самураев и целиком и полностью доверял. Сейчас, когда князя Оды не стало, Кацуиэ тосковал по нему, знавшему и понимавшему его лучше, чем кто другой, и полагал, что на свете не осталось никого, кому можно было служить, на кого можно было опереться в своих сомнениях.

Внезапно тронутый полученным от Хидэёси письмом, он в мгновение ока переменял отношение к бывшему заклятому сопернику на противоположное. Внезапно он осознал, что их взаимная враждебность исходит от его собственной подозрительности и недоверчивости.

За минуту Кацуиэ полностью переменялся:

– Теперь, когда нашего Нобунаги не стало, Хидэёси является тем человеком, которому мы можем во всем довериться.

Тем же вечером он самым дружественным образом коротал время с Хидэкацу. На следующий день в сопровождении высокородного юноши он проследовал через Фузу и вошел в Нагахану. По-прежнему он был полон новым чувством преданности по отношению к Хидэёси.

Но уже прибыв в Нагахану и вместе со своими старшими соратниками проводив Хидэкацу до крепостных ворот, он испытал еще одно сильное потрясение, обнаружив, что самого Хидэёси давным-давно нет в Нагахане. Он уехал в Киото и занимался там какими-то важными государственными делами!

– Хидэёси снова обвел меня вокруг пальца! – в ярости вскричал Кацуиэ.

Прежняя подозрительность овладела им, и он спешно выступил вместе с войском в родной Этидзэн.

Наступил конец седьмого месяца. Во исполнение собственного обещания Хидэёси передал крепость, город и край Нагахана Кацуиэ, который в свою очередь отдал их своему приемному

сыну Кацутё.

Кацуиэ все еще не мог понять, почему на большом совете Хидэёси настоял на передаче крепости именно Кацутё. И никто из участников тогдашнего совета, не говоря о простом народе, не насторожился, узнав об этом условии, и не задумался, что бы оно могло значить.

У Кацуиэ был еще один приемный сын, Кацутоси, в этом году ему исполнялось пятнадцать лет. Приверженцы клана Сибата, небезразличные к собственному будущему, постоянно жаловались на то, что если отношения между Кацуиэ и Кацутё со временем не улучшатся, то это угрожает существованию клана.

– Кацутё такой нерешительный, – жаловался Кацуиэ. – Он ничего не в силах предпринять с должной ясностью и недвусмысленностью. Он даже не рад тому, что я признал его своим сыном. А Кацутоси, напротив, относится ко мне с истинной любовью и считает родным отцом.

Но хоть и любил Кацуиэ своего приемного сына Кацутоси куда сильнее, чем Кацутё, к Гэмбе он был привязан еще больше. Чувство к Гэмбе превышало не только родственную, но и родительскую любовь; сам Кацуиэ и не думал скрывать свою приязнь. С большой симпатией относился он и к младшим братьям Гэмбы – Ясумасе и Кацумасе – и назначил обоих комендантами стратегически важных крепостей, хотя им еще не исполнилось тридцати.

Так хорошо относились друг к другу глава клана и его приверженцы и родичи, что только Кацутё выпадал из этого круга, явно недолюбливая приемного отца и братьев Сакума.

Однажды, во время празднования Нового года, произошел такой случай. Родичи и соратники пришли поздравить Кацуиэ. Полагая, что первая здравица будет произнесена в его честь, Кацутё вышел в первый ряд и почтительно опустил на колени.

– Нет, Кацутё, я хочу выпить не за тебя, я хочу выпить за Гэмбу, – сказал Кацуиэ.

Весть о столь явно выраженной немилости быстро разнеслась по городу, услышали об этом и лазутчики из других провинций. И понятно, подобные сведения не мог пропустить мимо ушей Хидэёси.

Прежде чем передать Кацутё Нагахаму, Хидэёси необходимо было подыскать для своей семьи новое местопребывание.

– Немного погодя мы переедем в Химэдзи, – сказал Хидэёси. – Там мягкие зимы, а во Внутреннем море ловится прекрасная рыба.

В скором времени жена, мать и все семейство Хидэёси перебрались в его крепость в Хариме. Однако сам он не спешил присоединиться к ним.

Сейчас ему нельзя было попусту тратить время. Он полностью обновил крепость Такарадэра в окрестностях Киото. У Хидэёси имелись причины на то, чтобы не посылать сюда жену и мать: во время недавнего мятежа эта крепость представляла собой один из оплотов восставшего Мицухидэ. Отдав распоряжения о восстановлении крепости, Хидэёси на несколько дней удалился в столицу. Вернувшись, он тщательно проверил ход восстановительных работ. Но в Киото он занимался куда более важными делами: теперь ему предстояло управлять всей страной.

Отныне Хидэёси возложил на себя ответственность за безопасность императорского дворца, управление столицей и надзор над великим множеством провинций. Согласно окончательному решению большого совета в Киёсу, управление столицей и всей страной было в равной мере распределено между четверью соправителями – Кацуиэ, Нивой, Сёню и Хидэёси. Никто не думал, что он решится заняться всем в одиночку. Но Кацуиэ находился сейчас у себя в далеком Этидзэне, увязнув в таинственных переговорах с Нобутакой и другими могущественными людьми из провинций Гифу и Исэ. Нива, хотя и обосновавшийся поблизости, в Сакамото, заранее безропотно сдал дела на усмотрение Хидэёси. Сёню великодушно объявил, что, хотя ему дарован титул соправителя, государственные дела и в особенности

взаимоотношения с самурайским сословием представляют для него, при его скромных способностях, крайне сложное дело, в которое он не намерен ввязываться.

Как раз применительно к этим вопросам с особенным блеском расцветали способности самого Хидэёси. Умение управлять было присуще ему в большей мере, чем любое другое. Хидэёси и сам сознавал, что полководческий дар – не самая сильная его сторона. Но он понимал также, что человек, исповедующий самые благородные взгляды, но потерпевший поражение на поле брани, не имеет шансов стать образцовым правителем. Поэтому он умел и отчаянно рисковать в ходе боя, и, начав войну, со всем ожесточением бороться до тех пор, пока она не заканчивалась победой.

В награду за заслуги на поле брани Императорский дом назначил Хидэёси полководцем императорской гвардии. Хидэёси отклонил титул, выразив уверенность в том, что его недостойн; Императорский дом настаивал – и Хидэёси пришлось согласиться, правда, на несколько менее высокий и почетный титул.

Но сколько же на свете людей, готовых, следя за возвышением избранника судьбы и самих Небес, обрушить на него попреки и хулу! Сколько завистников отказывается признать за таким человеком малейшие заслуги! Сколько тайных пересудов о том, кто всегда действует и рассуждает с предельным чистосердечием!

Это правило действительно всегда и повсюду. Стоит человеку возвыситься, и его принимают со всех сторон обливать ядовитыми потоками клеветы и брани.

– Хидэёси высокомерен и исключительно властолюбив. Даже его подчиненные держатся весьма надменно и берут власть повсюду, где им ее удастся взять.

– Никто не вспоминает о князе Кацуиэ, словно его вообще нет на свете.

– Как оглядишься по сторонам и задумаешься, голова идет кругом. Они ведут себя так, словно князь Хидэёси провозглашен преемником князя Нобунаги.

Высказывались и иные, зачастую куда более злобные, обвинения против Хидэёси. Как обычно бывает в таких случаях, личности хулителей оставались неизвестны.

Доходили до самого Хидэёси такие разговоры или нет, он был к этому безразличен. Да и времени у него не было прислушиваться к сплетням. В начале шестого месяца погиб Нобунага, в середине шестого месяца произошло решающее сражение при Ямадзаки, в начале седьмого месяца состоялся большой совет в Киёсу, в конце того же месяца Хидэёси покинул Нагахаму и перевез семью в Химэдзи, а в начале восьмого месяца он начал восстановительные работы в крепости Такарадэра. Сейчас ему то и дело приходилось ездить из Киото в Ямадзаки и обратно. Находясь в столице, он с утра отправлялся с приветствиями в императорский дворец, в полдень совершал поездку по городу, вечером занимался государственными делами, отвечал на письма и принимал гостей, в полночь просматривал почту, поступившую из отдаленных провинций, а на утренней заре принимал решения по жалобам и докладным своих подчиненных. Каждый день, едва поднявшись из-за обеденного стола, он уже мчался куда-нибудь, вовсю нахлестывая лошадь.

Часто, выезжая из дому, он заранее намечал посетить несколько мест в ходе одной поездки и то и дело ездил в северную часть Киото. Именно здесь он начал огромные строительные работы. На местности, принадлежащей храму Дайтоку, он затеял возведение еще одного храма под названием Сокэнин.

– Строительство должно быть завершено седьмого числа десятого месяца. Уборку необходимо закончить восьмого, а все приготовления к церемонии открытия – девятого. Чтобы к десятому числу оставалось только веселиться.

Так он со всей определенностью приказал Хикоэмону и его шурина Хидэнаге. Независимо от того, какие неожиданности могли произойти в ходе строительства, Хидэёси требовал, чтобы

намеченный им план неукоснительно выполнялся.

Заупокойная служба была совершена в залитом светом фонарей храме, длина которого составляла сто восемьдесят четыре кэна. Переливались красочные драпировки, как звезды горели тысячи бумажных фонариков, аромат благовоний распространялся, поднимаясь вверх, посреди трепещущих знамен, собираясь в облака над головами бесчисленных скорбящих.

Только о священнослужителях следует сказать, что там присутствовали ученые мужи пяти главных дзэн-буддийских храмов и монахи восьми сект. Современники, вспоминая о церемонии, писали, что собственными глазами видели пятьсот монахов и три тысячи послушников из монастырей.

После церемонии, в ходе которой читали сутры и разбрасывали цветы у статуи Будды, появились настоятели буддийских монастырей. Настоятель Сокэн прочел заключительную молитву.

На мгновение все безмолвно застыли. Затем вновь послышалась торжественная музыка, наземь посыпались листья и цветы лотоса, и участники церемонии, один за другим, окурили благовониями алтарь.

Среди скорбящих, однако, не было половины ближайших вассалов клана Ода, которым полагалось присутствовать. Не привезли малолетнего Самбоси, не появились Нобутака, Кацуиэ и Такигава.

Пожалуй, самой глубокой тайной оставались истинные намерения Токугавы Иэясу. После трагедии в храме Хонно он держался предельно обособленно. И никто не мог сказать, каковы его мысли и в каком свете видны текущие события его холодным глазам.

Книга девятая.

Десятый год Тэнсё.

1582, зима

Персонажи и места действия

Фува Хикодзо – старший советник Сибаты

Канамори Горохати – старший советник Сибаты

Сасса Наримаса – старший вассал клана Оди и союзник Сибаты Кацуиэ

Сакума Ясумаса – брат Гэмбы

Мэндзю Сёскэ – оруженосец Сибаты Кацуиэ

Ямадзи Сёгэн – вассал Сибаты Кацутё

Маэда Тосинага – сын Инутиё

Энидзэт – владения клана Сибата

Футю – замок Маэды Тосинаги

Днем и ночью заметало снегом зимний Этидзэн; на земле не оставалось места, на котором можно было бы отдохнуть душе. Но в крепостных стенах Китаносё в этом году было теплее, чем всегда. Такая обстановка сложилась благодаря присутствию госпожи Оити с тремя дочерьми. И хотя сама госпожа редко показывалась на людях, дочерям не сиделось у себя в покоях. Старшей из них по имени Тятя было пятнадцать, средней – одиннадцать, младшей – всего девять. Этим девочкам даже такая малость, как листопад, была поводом для веселья, и их звонкий смех то и дело разносился по длинным коридорам внутренней крепости.

Их голоса часто привлекали Кацуиэ на женскую половину дома. Здесь, посреди веселья, он надеялся хотя бы на время позабыть о многочисленных заботах, но стоило ему появиться, как беззаботные личики девочек темнели: они никогда не смеялись и не улыбались в его присутствии. Даже госпожа Оити вела себя с ним тихо и грустно, оставаясь прекрасной, но безучастной.

– Прошу пожаловать, мой господин, – говорила она в таких случаях, приглашая его усесться у маленькой серебряной жаровни.

После многих лет брака они продолжали обращаться друг к другу со сдержанностью, более подходящей поведению подданного в присутствии высокородной госпожи княжеского семейства.

– Вы, моя госпожа, должно быть, чувствуете одиночество тем сильнее, чем больше снега за окнами и чем круче ударяют морозы. А вы ведь здесь в первый раз, – сочувственно произнес Кацуиэ.

– Ничуть я не тоскую, мой господин, – возразила Оити. Тем не менее им обоим было ясно, как жаждет она возвратиться в теплые края. – Когда снега Этидзэна начинают таять? – Задав этот вопрос, она невольно выдала свое нетерпение.

– Мы с вами не в Гифу и не в Киёсу. У нас может и подсолнух зацвести, и покрыться белым цветом вишня, а горы остаются покрыты подтаявшим снегом.

– А до тех пор?

– Каждый день – одно и то же.

– Вы хотите сказать, что снега здесь никогда не тают?

– Сугробы глубиной в тысячу сяку! – резко ответил Кацуиэ.

На вопрос о том, скоро ли растает снег в Этидзэне, Кацуиэ в душе горько обиделся и ожесточился. Выходит, даже в кругу собственной семьи ему не дано провести ни минуты покоя.

Кацуиэ вернулся к себе с такой же стремительностью, с какою только что отправлялся на женскую половину. В сопровождении нескольких оруженосцев он быстрым шагом прошел по крытому коридору, с обеих сторон продуваемому зимним ветром. Стоило ему удалиться, как три девочки вышли на веранду и принялись петь песни – не здешние песни, а напевы их родной провинции Овари.

Кацуиэ не обернулся и не посмотрел в их сторону. Прежде чем войти в главную цитадель, он распорядился:

– Немедленно позовите Годзаэмона и Гохэя.

Оба были видными приверженцами клана Сибата и принадлежали к числу старейших. На них Кацуиэ рассчитывал как на самых надежных.

– Ты уже послал гонца к Маэде Инутиё? – спросил Кацуиэ у Годзаэмона.

– Да, мой господин. Он недавно отбыл. Что-нибудь еще, мой господин?

Кацуиэ, не произнеся ни слова, кивнул. Казалось, он погружен в какие-то размышления.

Прошлым вечером провели совет клана, на котором обсуждалась занимавшая всех личность – Хидэёси. Решение, принятое на совете, было далеко не мирным. Они разработали план, осуществлением которого намеревались заниматься всю зиму. Такигаве Кадзумасу предстояло поднять восстание в провинции Исэ, Нобутаке надлежало убедить Гамо Удзисато присоединиться к заговору и потребовать помощи и содействия у Нивы Нагахидэ, сам Кацуиэ намеревался написать Токугаве Иэясу, чтобы выяснить истинные намерения последнего, и уже направил гонца к престарелому, но не прекратившему плести вечные козни сёгуну Ёсиаки. Кроме того, существовала надежда, что в урочный час в спину Хидэёси ударит так до конца и не смирившийся клан Мори.

Таков был общий план, слабым местом в нем оставалось загадочное поведение Токугавы Иэясу. И если не на помощь, то на сочувствие заскучавшего в изгнании сёгуна вполне можно было надеяться, вопрос готовности Мори к совместной борьбе оставался неясным. Дело было не только в этом: Гамо Удзисато, которого предстояло вовлечь в заговор Нобутаке, уже заключил союз с Хидэёси, тогда как Нива вел себя уклончиво, подчеркивая, что не примет участия в междоусобной войне приверженцев усопшего князя и вступит в дело, только если возникнет угроза жизни и власти истинного вождя клана, малолетнего князя Самбоси.

Хидэёси устроил в Киото великолепную заупокойную службу по усопшему князю, привлекая внимание всей страны. Растущие слава и влияние Хидэёси заставляли Кацуиэ поторапливаться с окончательным решением, что именно и как скоро надлежит предпринять ему самому. Но горы Этидзэна, словно в насмешку над ним и его хитроумными расчетами, принесли в этом году такой обильный снег, что задуманные великие походы грозили обернуться ничем: его войско просто не могло сдвинуться с места.

В ходе совета было получено послание от Кадзумасу, в котором тот сообщал Кацуиэ, что, на его взгляд, лучше было бы дожидаться прихода весны, а затем осуществить все намерения в ходе одной войны. До тех пор, писал Кадзумасу, Кацуиэ следовало бы не нарушать условного мира с Хидэёси. Кацуиэ взвесил соображения Кадзумасу и нашел их вполне разумными.

– Если вам угодно добавить что-нибудь в письме господину Инутиё, я могу послать к нему другого гонца, – повторил Годзаэмон, видя, что князь пребывает в задумчивости и нерешительности.

Кацуиэ не стал скрывать от ближайших сторонников одолевающих его сомнений.

– На совете я согласился отправить двух надежных людей вместе с Инутиё к Хидэёси, чтобы договориться о мире, но сейчас я не вполне уверен, что поступил правильно.

– Что вы имеете в виду, мой господин?

– Я не уверен в Инутиё.

– Вы сомневаетесь в его умении вести переговоры?

– В способностях его я ничуть не сомневаюсь. Но они с Хидэёси дружили еще в те времена, когда сам Хидэёси был всего лишь пешим воином.

– Не вижу повода для сомнений, – отозвался Годзаэмон.

– Не видишь?

– Ни в малейшей степени. И провинция Ното, в которой княжит Инутиё, и провинция Футю, в которой княжит его сын, со всех сторон окружены вашими землями и крепостями или землями и крепостями ваших приверженцев. Поэтому он не только не сможет рассчитывать на скорую помощь от Хидэёси, но наверняка не захочет оставлять жену и детей у нас в заложниках.

Гохэй придерживался такой же точки зрения.

– У вас, мой господин, никогда не было разногласий с господином Инутиё, и он верой и правдой служил вам на протяжении всей северной войны. Много лет назад, будучи молодым

самураем в Киёсу, господин Инутиё слыл человеком дерзким и невоздержанным. С тех пор он переменялся. В наши дни его имя слывет образцом честности и порядочности, люди привыкли во всем полагаться на него. Поэтому вам не стоит в нем сомневаться. Напротив, я уверен, что лучшего человека на эту роль не найти.

Кацуиэ дал уговорить себя. Теперь он готов был смеяться, отнеся одолевавшие его сомнения на счет своей всегдашней мнительности. Но если его план даст осечку и все пойдет прахом, то нынешний хитроумный расчет немедленно обернется против самого Кацуиэ. Более того, его беспокоило то обстоятельство, что войско оказалось заперто в горах до прихода весны. Даже в случае крайней необходимости ему не удастся своевременно прийти на помощь Нобутаке в Гифу и Такигаве в Исэ. Поэтому успешный исход предстоящих переговоров был непременным условием исполнения всего задуманного.

Через пару дней Инутиё прибыл в Китаносё. В этом году ему исполнялось сорок четыре года – он был на год моложе Хидэёси. Годы, проведенные в боях, закалили его. Даже потеряв один глаз, он все равно выглядел человеком, исполненным самообладания и выдержки.

Кацуиэ встретил его самым радушным образом. Инутиё с признательностью улыбался в ответ на все новые признаки дружелюбия. Госпожа Оити тоже вышла к нему с приветствием, но Инутиё любезно попросил ее удалиться, сказав:

– Вам не следовало бы находиться в таком холодном помещении, да еще в обществе дурно воспитанных и грубых самураев.

Вынужденная уйти, госпожа Оити вернулась к себе в покои. Кацуиэ расценил такое поведение Инутиё как признак неприязни к своей жене. Однако Инутиё и вправду беспокоился о здоровье и хорошем настроении госпожи Оити, она напоминала ему о ее покойном брате Нобунаге, которого Маэда горячо любил.

– Вы начинаете оправдывать свою былую славу. Я слышал, вас трудно было превзойти в этом деле, – заметил Кацуиэ.

– Вы имеете в виду выпивку?

– Я имею в виду вашу стойкость против хмеля.

Инутиё от всей души рассмеялся. Его единственный зрячий глаз блестел в свете свечей. Он оставался тем же веселым и приветливым человеком, с которым в юности дружил Хидэёси.

– А вот Хидэёси пить так и не научился, – сказал Кацуиэ.

– Что верно, то верно. У него сразу же лицо багровеет.

– Мне доводилось слышать, что в дни молодости вы с ним часто и подолгу сиживали перед кувшином сакэ.

– Да, когда дело доходило до веселой попойки, Обезьяну было не унять. Правда, он не столько пил, сколько веселился и проказничал. А я, если случалось перепить, падал на пол и засыпал.

– Вы с ним, наверное, и сейчас дружите?

– Не совсем. Трудно дружить в зрелом возрасте с тем, с кем было столько выпито в юности.

– Вот как?

– Да ведь и вы сами, князь Кацуиэ, наверняка припоминаете дни и ночи безудержного пьянства, страшного обжорства и лихих песен. Событьиельники сидели, обняв друг дружку за плечи, и выбалтывали такие вещи, которых и родному брату ни за что не поведаешь. В такое время вам кажется, будто человек, сидящий рядом и пьющий наравне с вами, – ваш самый близкий друг. Потом наступает настоящая жизнь, вы возвращаетесь в подлинный мир, тут и выясняется, что у каждого есть жена и дети, о которых нужно заботиться, и князь, которому надлежит хранить верность. И когда задумаешься о прошлом и вспомнишь времена, когда жил с другом в воинском доме, то поймешь, что все заметно успело перемениться. И то, как ты

смотришь на мир, и то, как ты смотришь на других обитателей мира, – все меняется. Это означает одно: ты стал взрослым. Твой друг уже не тот, каким был раньше, и ты сам уже не тот. Истинных друзей, любящих, верных и преданных, мы обретаем только в зрелом возрасте, к середине жизни.

– Что ж, выходит, у меня сложилось ошибочное впечатление.

– Что вы хотите сказать?

– Мне казалось, что вы с Хидэёси по-прежнему поддерживаете тесную дружбу, и мне хотелось попросить вас об одной услуге.

– Если вы намерены воевать против Хидэёси, – сказал Инутиё, – я и пальцем не пошевелю, чтобы помочь вам. Но если вы стремитесь к миру с ним, я был бы счастлив послужить в этом деле надежным посредником. Или речь идет о чем-то третьем?

Инутиё попал в цель. Не добавив ничего к сказанному, он улыбнулся и поднял свою чашечку в здравице.

Каким образом удалось ему догадаться или разузнать о том, что было задумано? При всей своей скрытности Кацуиэ не удалось утаить от гостя смущение и растерянность. Впрочем, поразмышляв над происшедшим, он осознал, что сам невольно выдал собственные намерения, сначала расспрашивая Инутиё о Хидэёси и их нынешних взаимоотношениях.

Живя вдалеке от столицы, Инутиё вовсе не был медведем, сидящим в берлоге и ни о чем на свете не догадывающимся. Наверняка он знал обо всем, происходящем в Киото, и ясно видел подлинную причину разногласий между Кацуиэ и Хидэёси. Более того, получив срочное приглашение прибыть, он немедленно приехал к Кацуиэ, невзирая на сильнейший снегопад.

Со всей тщательностью подходя к намеченному делу, Кацуиэ должен был пересмотреть сложившееся у него отношение к Инутиё затем, чтобы вернее управлять им впоследствии. Инутиё оказался человеком, власть и влияние которого возрастали с годами. Подобно Сассе Наримасе, он по приказу Нобунаги принимал участие в войнах под началом Кацуиэ. На протяжении пятилетней северной войны Кацуиэ относился к нему не хуже, чем к собственным сторонникам, а Инутиё в свою очередь выполнял все его приказы. Но теперь, когда Нобунаги не стало, Кацуиэ не был уверен, что их прежние взаимоотношения останутся неизменными. Размышляя над этим, он пришел к неожиданному выводу: его собственное влияние зависело от доверия, питаемого к нему Нобунагой. А когда Нобунага погиб, сам Кацуиэ оказался лишь одним из военачальников – и не более того.

– У меня нет ни малейшего желания воевать с Хидэёси, – посмеиваясь, сказал Кацуиэ. – Боюсь, молва представляет все несколько по-иному.

По мере того как человек достигает зрелого возраста, он приобретает умение скрывать смехом свои подлинные чувства и намерения.

– Мне кажется странным, – продолжил Кацуиэ, – отправлять посольство к Хидэёси, с которым мы вовсе не находимся в состоянии войны, но я получил множество писем от князя Нобутаки и от Такигавы, в которых мне настоятельно советуют такое посольство направить. Со дня гибели князя Нобунаги прошло менее полугода, а вокруг уже столько разговоров о том, что его оставшиеся в живых приверженцы затеяли междуусобную смуту. Это сущий позор! И, кроме того, мне кажется, нам не следовало бы предоставлять кланам Уэсуги, Ходзэ и Мори благоприятную возможность, которой они только и дожидаются.

– Я понимаю ваши чувства, мой господин, – отозвался Инутиё.

Кацуиэ никогда не умел толком объяснять свои поступки, и Инутиё готов был удовлетвориться услышанным, не вдаваясь в подробности. Того, что ему поведали, было достаточно. На следующий день он покинул Китаносё. Вместе с ним в путь отправились Фува Хикодзо и Канамори Горохати. Оба были испытанными и доверенными приверженцами клана

Сибата, и их обязанность заключалась не только в том, чтобы принимать участие в мирных переговорах, но и в том, чтобы по мере надобности присматривать за Инутиё.

Двадцать седьмого числа десятого месяца все трое прибыли в Нагахаму, чтобы взять с собой в дальнейший путь и Кацутоё. К несчастью, молодой комендант крепости прихворнул. Посланцы настоятельно посоветовали ему остаться дома, однако Кацутоё все-таки решил отправиться в дорогу вместе с ними. Вчетвером они переправились из Нагахамы в Оцу на лодке. Проведя ночь в столице, посланцы на следующий день прибыли в крепость Такарадэра.

Эту крепость возвели на том месте, где прошлым летом потерпел сокрушительное поражение Мицухидэ. Вместо заброшенной деревушки с пришедшей в упадок почтовой станцией появился и начал разрастаться процветающий крепостной город. Переправившись через реку Ёдо, посланцы увидели, что вся крепость стоит в строительных лесах. Дорога пестрела глубокими следами воловьих и лошадиных копыт; все вокруг говорило о напоре и размахе строительства, предпринятого Хидэёси.

Даже Инутиё поневоле призадумался, каковы же истинные намерения Хидэёси. Кацуиэ, Такигава, князь Нобутака обвиняли Хидэёси в том, что он пренебрегает правами и интересами малолетнего князя Самбоси, стремясь достичь одному ему ведомых целей. В Киото он возвел мощную цитадель своего могущества, а в окрестностях столицы принялся строить одну крепость за другой. Причем все эти укрепления не имели ничего общего с замыслом воспрепятствовать вражескому вторжению с запада или севера. Но если так, то с кем готовился Хидэёси воевать в самом сердце страны?

Что говорил сам Хидэёси в ответ на эти обвинения и подозрения? У него тоже находилось на что пожаловаться: вопреки решению большого совета в Киёсу, малолетнего князя Самбоси еще не перевезли в Адзути, а на устроенной им заупокойной службе по Нобунаге отказались или не смогли присутствовать и Нобутака, и Кацуиэ.

Хидэёси принял посланцев в частично восстановленной главной цитадели крепости. Перед началом переговоров подали чай и яства. Хидэёси с Инутиё виделись впервые после того, как погиб Нобунага.

– Инутиё, сколько тебе лет? – спросил Хидэёси.

– Скоро сорок пять.

– Мы с тобой становимся стариками.

– О чем ты толкуешь? В любом случае я моложе тебя.

– Да... это верно. Ты мне как младший брат – всего на год моложе. Но, судя по внешнему виду, ты выглядишь более зрелым мужем.

– Да нет, это ты выглядишь старше своих лет.

Хидэёси несколько насупился:

– Я всегда выглядел стариком, даже в юности. Но, честно говоря, сколько бы лет мне ни стукнуло, я все равно не могу почувствовать себя взрослым. Меня это даже начинает тревожить.

– Кто-то сказал, что человек, достигнув сорока лет, больше не меняется.

– Это выдумка!

– Тебе так кажется?

– Благородный человек не меняется – если приводить пословицу точно. А человек низкого происхождения только начинает меняться, достигнув сорока. Разве это не относится к тебе самому, Инутиё?

– Ты все еще любишь дурачиться, твоя светлость Обезьяна. Не правда ли, господа?

Инутиё улыбнулся своим спутникам, от внимания которых не ускользнуло, что он с Хидэёси настолько на дружеской ноге, что позволяет себе называть его в лицо Обезьяной, пусть и с добавлением шуточного титула.

– В каком-то смысле я не могу согласиться ни с вашим мнением, мой господин, ни с точкой зрения господина Инутиё, – сказал Канамори, оказавшийся в этой компании по возрасту самым старшим.

– Как это прикажете понимать? – поинтересовался Хидэёси, получавший явное удовольствие от непринужденной беседы.

– Что касается такой смиренной и дряхлой развалины, как моя скромная особа, то я могу сказать, что не изменился с пятнадцатилетнего возраста.

– Не слишком ли это рано?

– Это как раз тот возраст, в котором самурай принимает участие в своем первом сражении.

– Вот тут вы попали в точку. Человек не меняется с пятнадцати лет, еще меньше меняется с девятнадцати или с двадцати, но, достигнув сорокалетнего возраста, постепенно начинает меняться. А что происходит с ним, когда он входит в почтенную пору старости?

– Лет в пятьдесят или в шестьдесят начинаешь во всем на свете сомневаться.

– А в семьдесят или в восемьдесят?

– Начинаешь мало-помалу забывать причину недавних сомнений.

Все дружно расхохотались.

Казалось, беззаботному времяпрепровождению суждено было затянуться до вечера, однако Кацутё плохо себя чувствовал, причем ему становилось все хуже и хуже. Разговор затронул более серьезную тему, и собравшиеся по предложению Кацутё перешли в соседнее помещение. Позвали лекаря. Он сразу заставил Кацутё принять снадобье. Пришлось позаботиться обогреть комнату, в которой должны были начаться переговоры.

Как только все расселись по местам, Инутиё начал:

– Думаю, вы уже получили письмо от князя Нобутаки, который готов вместе с князем Кацуиэ заключить мир.

Хидэёси кивнул, выказывая готовность выслушать все, что ему скажут дальше. Инутиё напомнил об общем долге приверженцев усопшего Нобунаги, затем без обиняков согласился, что именно Хидэёси оказался человеком, которому удалось исполнить долг по-настоящему. Но после завершения борьбы против Мицухидэ он, Хидэёси, пришел к противоречиям с другими старшими соратниками клана, полагающими теперь, будто он пренебрегает службой князю Самбоси и занимается исключительно тем, что обещает выгоду лично ему. И даже если подобная оценка неверна, ему, Инутиё, жаль, что действия Хидэёси могут быть истолкованы подобным образом.

Он предложил Хидэёси взглянуть на происходящее с точки зрения Нобутаки и Кацуиэ. Один из них испытывает горчайшее разочарование, тогда как другой попал в затруднительное положение. Кацуиэ, которого называли Сокрушителем Стен и Злым Духом, ныне безнадежно отстал, не сумев угнаться за Хидэёси. И разве не довелось ему испытать нового унижения в ходе большого совета в Киёсу?

– Не пора ли покончить с этими распрями? – воскликнул Инутиё, завершая речь. – Для человека вроде меня в этом нет ничего серьезного, но семья усопшего князя Нобунаги по-прежнему охвачена недобрыми страстями. Разве не кажется вам недостойным, что оставшиеся в живых приверженцы клана, пребывая под общим кровом, видят столь различные сны?

По мере того как Инутиё приводил свои доводы, выражение лица Хидэёси менялось. Ничего удивительного: по сути дела, гость перекладывал на хозяина вину за возникшие раздоры. Инутиё волей-неволей приходилось считаться с тем, что Хидэёси может разгневаться.

Вопреки ожиданиям Хидэёси, выслушав упреки, кивнул.

– Вы правы, – сказал он со вздохом. – Строго говоря, на мне нет никакой вины, и, вздумай я оправдываться, у меня нашелся бы целый ворох возражений. Но когда я смотрю на сложившееся

положение вещей вашими глазами, приходится признать, что я зашел чересчур далеко. В этом смысле, Инутиё, я совершил ошибку и готов передоверить вам ее исправление.

Переговоры завершились не начавшись. Хидэёси говорил с такой откровенностью, что посланцы Кацуиэ несколько растерялись. Но только не Инутиё, который слишком хорошо знал своего бывшего друга.

– Я весьма благодарен вам. Стоило проделать дальний путь хотя бы для того, чтобы услышать такие слова, – произнес он с глубоким удовлетворением.

Фува и Канамори отнюдь не спешили выразить столь же бурную радость. Понимая причину их замешательства, Инутиё решился на еще один шаг:

– Князь Хидэёси, если у вас в свою очередь есть причины для недовольства поведением князя Кацуиэ, я надеюсь, вы поведаете о них с тою же откровенностью. Мне кажется, заключаемый мир будет не слишком прочен, если подобные обиды останутся невысказанными. Что касается меня, то я приложу все усилия, чтобы устранить возможные разногласия.

– В этом нет нужды, – засмеявшись, откликнулся Хидэёси. – Или я похож на человека, который молча проглатывает обиду, чтобы позднее втайне отплатить за нее? Все, что мне угодно было сказать, я успел высказать князю Нобутаке и князю Кацуиэ. Я отправил им подробные письма, в которых излагаю свои недоумения.

– Да, ваше письмо показали нам, перед тем как мы выехали из Китаносё. Князь Кацуиэ находит, что высказанное вами вполне справедливо, и не видит смысла в возвращении к этим вопросам в ходе переговоров о мире.

– Как мне представляется, князь Нобутака решил начать мирные переговоры именно после прочтения моего письма. Инутиё, я приложил все силы, чтобы лишний раз не задеть чем-нибудь князя Кацуиэ до вашего прибытия.

– Что ж, вы понимаете, что опытный государственный муж стремится сохранить достоинство в любом положении. На вашем месте я бы постарался не дразнить быка Сибату, чтобы лишний раз не испытывать на себе остроту его рогов.

– Трудно предпринять хоть что-нибудь, чтобы не навлечь на себя его гнева. А что касается, как вы выражаетесь, рогов, то они всегда – со времен юности – были нацелены на меня. Я всегда опасался их больше, чем приступов гнева со стороны князя Нобунаги.

– Вы слышали, господа? – Инутиё рассмеялся. – Вы хорошо слышали?

Оба его спутника в свою очередь расхохотались. Подобные речи Хидэёси едва ли можно было расценить так, будто он дурно говорит об их князе у того за спиной. Скорее приходилось признать, что Хидэёси выразил ощущение, сходное с тем, которое испытывали они сами.

Человеческий разум – вещь деликатная. Начиная с этого мгновения, Канамори и Фува почувствовали себя с Хидэёси куда лучше и стали относиться к Инутиё без прежнего предубеждения.

– Мне кажется, это воистину судьбоносная встреча, – сказал Канамори.

– Трудно было рассчитывать на более счастливый исход, – добавил Фува. – Я должен поблагодарить вас за проявленное великодушие. Благодаря ему мы выполнили возложенную на нас задачу и сохранили свою честь.

Тем не менее на следующий день Канамори вновь одолели сомнения. Он сказал Фуве:

– Если мы вернемся в Этидзэн с докладом, что князь Хидэёси не взял на себя никаких письменных обязательств, то насколько действенным окажется достигнутое соглашение?

Перед отъездом посланцы еще раз прибыли в крепость, чтобы засвидетельствовать Хидэёси свое уважение.

У ворот они увидели слуг и лошадей и решили, что Хидэёси принимает гостей. Однако на деле к отбытию готовился сам Хидэёси. Как раз в то мгновение, когда прибыли посланцы, он

вышел из главной цитадели.

– Я рад, что вы приехали, – сказал он. – Прошу пожаловать в крепость. – Вернувшись с полдороги, Хидэёси провел посланцев в гостевые покои. – Славно мы с вами вчера повеселились. Благодаря этому я сегодня даже проспал.

Он и вправду выглядел так, словно только что поднялся с постели и нехотя умылся. Но если взглянуть пристальней, то каждый из посланцев выглядел сегодня иначе по сравнению со вчерашним – они словно полностью переродились.

– Вы проявляете слишком большое гостеприимство, откладывая из-за нас важные дела, но мы вынуждены были прийти, потому что сегодня мы уезжаем на родину, – сказал Канамори.

Хидэёси кивнул:

– Вот как? Что ж, передайте по возвращении мое почтение князю Кацуиэ.

– Я уверен, что князь Кацуиэ будет удовлетворен удачным исходом мирных переговоров.

– Мое сердце переполняет радость только из-за того, что я прибыл сюда в качества посланца. Отныне все, кто надеялся, что между нашими кланами вспыхнет война, испытают жесточайшее разочарование.

– Не соблаговолите ли вы, ваша светлость, обмакнуть кисточку в тушь и скрепить договор подписью? Хотя бы для того, чтобы положить конец пересудам? – произнес Канамори.

Вот в чем было дело! Вот что имело подлинное значение для посланцев, вот чем объяснялся их приход нынче утром! Разговоры о мире прошли хорошо, но остались разговорами. А переговоры полагалось скрепить подписанным документом. Даже если бы они доложили князю Кацуиэ, как замечательно побеседовали с Хидэёси, он не придавал бы этим словам, не подкрепленным письменным свидетельством, никакого значения.

– Что ж, прекрасно. – Лицо Хидэёси лучилось радостью и согласием. – Я дам вам грамоту и буду ждать такую же от князя Кацуиэ. Но подобный обмен грамотами между мной и князем Кацуиэ – и только между нами – не имеет силы, если договор не подпишут и другие испытанные воины клана. С Нивой и Икэдой переговорю я сам, причем немедленно. Вы согласны с таким ходом переговоров, не так ли? – И, произнеся это, Хидэёси пристально посмотрел на Инутиё.

– Замечательно, – отозвался тот без колебаний.

Он разгадал замысел Хидэёси – он прекрасно все понимал и знал наперед еще перед выездом из Китаносё. Недаром сам Инутиё в душе считал себя изрядным пройдохой.

Хидэёси поднялся:

– Я только что собирался выехать из крепости. Я провожу вас до города.

И они покинули цитадель вместе.

– Князь Кацутаё сегодня отсутствует, – заметил Хидэёси. – Он уже уехал?

– Он по-прежнему неважно себя чувствует, – ответил Фува. – Мы оставили его в доме, где остановились.

Все взобрались на лошадей, пустились в путь и доехали до городского перекрестка.

– Куда ты сегодня отправляешься, Хидэёси? – спросил Инутиё.

– В Киото, как всегда.

– Что ж, тогда расстанемся. Нам еще нужно вернуться домой и завершить приготовления к отбытию.

– Хотелось бы повидаться с князем Кацутаё и посмотреть, не стало ли ему лучше, – сказал на прощанье Хидэёси.

Инутиё, Канамори и Фува вернулись в Китаносё десятого числа и сразу доложили обо всем Кацуиэ. Тот пришел в восторг, узнав, что его замысел заключить видимый мир с Хидэёси был

претворен в жизнь с легкостью большей, чем он рассчитывал.

Вскоре после этого Кацуиэ созвал самых надежных приверженцев на совет. И сказал им:

– Мир будет сохранен всю зиму. А едва сойдет снег, мы сокрушим заклятого врага одним ударом.

Осуществив первую часть своего замысла, то есть заключив мнимый мир с Хидэёси, Кацуиэ направил еще одно посольство – на этот раз к Токугаве Иэясу. Это произошло в конце одиннадцатого месяца.

Последние полгода – начиная с шестого месяца – Иэясу намеренно держался в стороне от событий. После трагедии в храме Хонно внимание народа было привлечено к внезапно образовавшейся в общественной жизни пустоте и к вопросу, что эту пустоту заполнит. В такое тревожное время, когда никто и подумать не мог ни о чем, кроме борьбы за власть, Токугава Иэясу избрал особый, независимый путь.

В день, когда погиб Нобунага, Иэясу объезжал с досмотром провинцию Сакаи и чудом ускользнул от неминуемой смерти, вернувшись к себе. Тут же распорядившись собрать войско, он дошел во главе его до Наруми. Но мотивы этих действий резко отличались от тех, которыми руководствовался Кацуиэ, выступая из Этидзэна и перейдя через Янагасэ.

Когда Иэясу сообщили, что Хидэёси дошел до Ямадзаки, он произнес:

– Отныне мы находимся в полной безопасности, – и вместе с войском возвратился в Хамамацу.

Иэясу никогда не считал себя в полном смысле слова ровней с главными из оставшихся в живых приверженцев Нобунаги. Он был всего лишь союзником Оды, тогда как Кацуиэ и Хидэёси – прославленными военачальниками клана. Он не видел необходимости ввязываться в междоусобную войну старших соратников клана, зачем вступать в бой над еще не остывшим прахом. Теперь ему предстояло решить куда более важный лично для него вопрос. На протяжении долгого времени он с нарастающим нетерпением ждал возможности расширить свои владения за счет Каи и Синано, двух провинций, граничащих с его собственной. При жизни Нобунаги это представлялось невозможным, и едва ли когда-нибудь в будущем могли сложиться более благоприятные, чем сейчас, условия для захвата.

Человеком, по собственной глупости отпершим ему ворота и облегчившим достижение чаемой цели, оказался Ходзэ Удзинао, правитель Сагами. Ходзэ был одним из многих, кто надеялся извлечь выгоду из трагедии в храме Хонно. Думая, что его час пробил, Ходзэ во главе огромного пятидесятитысячного войска вторгся в провинцию Каи, ранее принадлежавшую клану Такэда. Это было ничем не прикрытое вторжение, как будто Удзинао просто провел кисточкой линию на карте, захватив все, что можно.

Это вторжение дало Иэясу повод собрать собственное войско. Правда, оно насчитывало всего восемь тысяч человек. Трехтысячное войско Иэясу молниеносно сокрушило десятитысячные войска Ходзэ еще до соединения с основными силами Токугавы. Война длилась десять дней. В конце концов Ходзэ осталось лишь вступить в решительный бой или – на что надеялся Иэясу и что в итоге произошло – запросить мира.

– Провинция Дзёсю передается клану Ходзэ, тогда как провинции Каи и Синано отходят клану Токугава.

К такому соглашению они в конце концов пришли; именно на него рассчитывал с самого начала Иэясу.

В одеждах и на конях, покрытых снегом северных провинций, посланцы Сибаты Кацуиэ прибыли в Каи на одиннадцатый день двенадцатого месяца. Первым делом им предложили отдохнуть в гостевых покоях в Кофу. Посольство было многочисленным, возглавляли его два

старших советника клана Сибата – Сюкуя Ситидзаэмон и Асами Досэй.

На протяжении двух дней их развлекали. В остальном было похоже, что посланцев не хотят принимать.

Исикава Кадзумаса извинился перед ними за князя, объяснив, что тот занят важными военными делами.

Холодность приема насторожила и огорчила посланцев. В ответ на щедрые дары от клана Сибата приверженцы Токугавы вручили им всего лишь список, в котором было перечислено принятое в дар, и даже не выразили признательности. Однако на третий день Иэясу принял посланцев.

Дело было в разгар суровой зимы. Тем не менее Иэясу принял посланцев в просторном помещении, в котором не было и намека на источник тепла. Смолоду он привык с легкостью переносить куда более суровые испытания, чем стужа. Щеки его были свежи и румяны. Длинные мочки ушей придавали его фигуре вес, словно кольца на железном чайнике. Глядя на него, всякий задавался вопросом: может ли этот человек и впрямь быть прославленным военачальником, причем еще не достигшим сорокалетнего возраста?

Если бы среди посланцев оказался Канамори, он понял бы, что слова «человек не меняется после сорока» целиком и полностью подходят здешнему князю.

– Благодарю вас за то, что вы проделали столь утомительное путешествие. Благодарю также за щедрые дары. Надеюсь, князь Кацуиэ пребывает в добром здравии?

Иэясу говорил с подчеркнутым достоинством. Его голос подавлял, даже оставаясь негромким. Вассалы Токугавы, втайне посмеиваясь, глядели на посланцев, выглядящих так, словно они прибыли вручить господину дань, собранную вассальным кланом. В таком положении им было трудно перейти к тому, ради чего они сюда прибыли, то есть передать послание своего господина. Но ничего другого им не оставалось делать.

– Князь Кацуиэ приносит вам свои поздравления в связи с завоеванием провинций Каи и Синано. Дары он прислал именно по такому торжественному поводу.

– Князь Кацуиэ прислал вас передать мне свои поздравления? И это при том, что мы с ним давно не поддерживаем связи? О Небо, какая учтивость!

Посланцам пришлось отправиться в обратный путь с пустыми руками. Иэясу не вручил им для передачи Кацуиэ ответного послания. Посланцам предстояла нелегкая задача поведать Кацуиэ, что Иэясу не нашел для него ни одного доброго слова, не говоря уж о крайне холодном приеме, с которым столкнулись они сами.

Особенно неприятным было то, что Иэясу не соизволил набросать хотя бы несколько слов в ответ на теплое дружеское послание Кацуиэ. Поездка не только обернулась полным провалом, но и Кацуиэ ухитрился выставить себя перед Иэясу в жалком виде, а это не отвечало его интересам.

Посланцы обменивались тревожными мыслями. С языка у них не сходило имя заклятого врага Хидэёси, как и давнего недруга Уэсуги. А если вдобавок к этому возникнет опасность раздора между кланами Сибата и Токугава... Им оставалось только молиться, чтобы этого не произошло.

Но стремительность, с которой совершаются перемены, всегда превосходит воображаемые страхи подобных, ограниченных нравами своего времени, умов. Как раз когда посланцы возвратились в Китаносё, договор, заключенный месяц назад, оказался нарушен, и войско Хидэёси начало выдвижение в северную часть провинции Оми. В то же время Иэясу по загадочной причине внезапно вернулся в Хамамацу.

Прошло дней десять с тех пор, как Инутиё уехал в Китаносё. Кацутоё, приемный сын Кацуиэ, вынужденный из-за болезни остаться в крепости Такарадэра, наконец-то поправился и

поехал попроситься с Хидэёси.

– Я никогда не забуду вашу доброту, – сказал он Хидэёси.

Хидэёси поехал проводить Кацутё до самого Киото и приложил немало стараний к тому, чтобы возвращение молодого коменданта в крепость Нагахамэ прошло без осложнений.

Кацутё по положению был одним из самых высокопоставленных членов клана Сибата, но нелюбовь к нему отчима была общеизвестна, и другие вожди клана посматривали на него сверху вниз. Доброта и великодушие, с которыми отнесся к нему Хидэёси, заставили его самого переменить отношение к заклятому врагу Кацуиэ.

Примерно две недели после отъезда Инутиё, а затем и Кацутё Хидэёси почти не занимался строительством крепости и государственными делами в Киото. Он начал действовать в невидимой для постороннего взгляда области.

В начале двенадцатого месяца Хикоэмон, которого перед тем посылали в Киёсу, вернулся в крепость Хидэёси. Сразу после этого Хидэёси оставил былую праздность и нерешительность, которые он проявлял на протяжении времени, прошедшего после большого совета в Киёсу, и сделал первый ход, ознаменовавший его возвращение к жизни.

Хикоэмон ездил в Киёсу, чтобы убедить Нобуо, что тайные происки его брата Нобутаки становятся все более угрожающими и что ныне нет оснований сомневаться в том, что Кацуиэ готовится к большой войне. Нобутака не перевез малолетнего князя Самбоси в Адзуги, нарушив тем один из пунктов достигнутого в Киёсу соглашения; напротив, он поместил главу клана в собственную крепость в Гифу. Это означало насильственное похищение законного вождя клана.

В письме, отправленном Хидэёси с Хикоэмоном, значилось, что во избежание дальнейших осложнений необходимо нанести удар Кацуиэ – истинному зачинщику заговора и источнику всех бед. Причем сделать это необходимо немедленно, пока войско клана Сибата остается запертым в снегах Этидзэна.

Дележ наследства Нобунаги с самого начала разочаровал Нобуо. Кроме того, он откровенно недолюбливал Кацуиэ. Строя планы на будущее, он не питал надежд и на возможный союз с Хидэёси, но сейчас, выбирая меньшее из двух зол, был склонен предпочесть его Кацуиэ. Поэтому у него не могло найтись серьезных причин, чтобы отвергнуть предложение Хидэёси.

– Князь Нобуо пришел в восторг, прочитав ваше послание, – доложил Хикоэмон. – Он сказал, что если вы лично, мой господин, возглавите поход на Гифу, то он примет в нем участие. Правда, он не отправил вам ответного послания, но на словах выразил полную поддержку.

– Он пришел в восторг? Что ж, я прекрасно его понимаю. Можно сказать, собственными глазами вижу, как он обрадовался.

Хидэёси действительно представил себе эту жалкую сцену. Нобуо был законным отпрыском высокопоставленного рода, но вместе с тем – человеком столь слабовольным, что в те времена у него было немного шансов выжить.

Происшедшее представлялось удачным поворотом событий. Пока Нобунага был жив, Хидэёси держался в тени и не спешил довести до всеобщего сведения обуревающие его великие замыслы, но после гибели князя Оды – и в особенности после сражения при Ямадзаки – он со всей отчетливостью осознал, что ему судьбой предоставляется превосходная возможность стать властелином всей страны. Отныне он не видел необходимости скрывать собственное властолюбие и гордыню.

С ним произошла еще одна разительная перемена. Обычно человека, стремящегося захватить власть над страной, люди склонны считать самозванцем, но в те дни многие мало-помалу начали усматривать в Хидэёси законного наследника Нобунаги.

Совершенно неожиданно у ворот храма Сёкоку появилось небольшое войско. Пришли эти

воины с разных сторон – с запада, с юга и с севера, – собравшись в конце концов под знаменем с золотой бахромой. В самом сердце Киото образовался ударный отряд, с которым пришлось бы считаться всякому.

Это было седьмого числа. Шел двенадцатый месяц. Утреннее солнце сияло, а зимний ветер был обжигающе сух.

Горожане не понимали, что происходит. Большая заупокойная церемония, проведенная в десятом месяце, отличалась необычайным великолепием и роскошью. Людям легко было вообразить, будто после таких празднеств настанут спокойные времена. Им и в голову не приходило, что в ближайшее время может разразиться новая война, и вид у них был недоуменный.

– Войско возглавляет сам князь Хидэёси. Здесь воины Цуцуи и войско Нивы.

Зеваки, собравшиеся на обочине, гадали не столько о том, откуда взялось войско, сколько о том, куда оно выступает в поход. Сверкающие оружием и доспехами воины стремительно проследовали по кварталу Кэагэ и соединились с силами, размещенными в Ябасэ. Корабли, на которых переправлялись воины, рассекали пенистые волны в тесном строю, устремляясь на северо-восток, тогда как часть войска, отправившаяся в поход берегом, на три дня задержалась в Адзути и прибыла в крепость Саваяма только десятого.

Тринадцатого из Тамбы прибыл Хосокава Фудзитака вместе со своим сыном Тадаоки. По прибытии он немедленно попросил приема у Хидэёси.

– Я рад, что вы прибыли! – сердечно воскликнул Хидэёси. – Представляю, как вам пришлось натерпеться из-за обильного снегопада.

Если принять во внимание положение, в котором очутились Хосокава и его сын, то следовало признать, что последние полгода они ходили по тонкому льду. Мицухидэ с Фудзитакой тесно подружились задолго до того, как оба поступили на службу к Нобунаге. Тадаоки был женат на дочери Мицухидэ. Кроме того, множество семейных и дружеских уз связывали вассалов обоих кланов. По этим причинам у Мицухидэ не было сомнений в том, что Фудзитака с сыном поддержат поднятое им восстание.

Но Фудзитака отказался присоединиться к мятежникам. Если бы он позволил своим дружеским чувствам взять верх над голосом разума, то его клан был бы наверняка уничтожен и разделил судьбу клана Акэти. Конечно, чувствовал он себя при этом так, словно безуспешно пытался поставить одно куриное яйцо на другое. Действовать достойно и ответственно и вместе с тем суметь избежать смертельной опасности – было для него мучительным испытанием. Конечно, ему удалось сохранить жизнь жене Тадаоки, но его неучастие в разразившейся резне породило недовольство среди приверженцев клана.

Теперь Хидэёси обратился к нему сам, признав его поведение в войне против Мицухидэ не нарушающим рамок верноподданнического долга. Он оказал гостю самый радушный прием. Впервые за полгода встретившись с Фудзитакой, Хидэёси заметил, что волосы его за это время стали цвета зимнего снега. «Какой этот человек все-таки молодец», – подумал Хидэёси. И в то же время осознал, что ему самому, если он хочет оставаться в центре событий и не совершать ошибок, придется пожертвовать и смолью волос, и белизной кожи. Но он ничего не мог с собой поделать: стоило ему посмотреть на Фудзитаку, и становилось жаль несчастного воина.

– Стоило барабанному бою из крепости прозвучать над озером, как вы уже тут и готовы к наступлению. Надеюсь, вы окажете честь включить моего сына в ударный передовой отряд, – начал Фудзитака.

– Вы имеете в виду – при осаде Нагахамы? – откликнулся Хидэёси. Сперва он показался собеседнику рассеянным, но затем быстро собрался с мыслями. – Мы обрушимся на них и с озера, и с суши. Вы, должно быть, догадываетесь, что истинная добыча ждет нас не у стен

крепости, а во внутренней цитадели. Я уверен, что приверженцы Кацуиэ придут сюда нынешним вечером.

Мысленно взвесив сказанное Хидэёси, Фудзитака не смог не повторить про себя старинную поговорку: «Тот, кто дает своим людям как следует выспаться, вправе требовать от них самоотверженной службы».

Да и сын Фудзитаки, посмотрев на Хидэёси, кое о чем вспомнил. Когда клан Хосокава вышел на перепутье судьбы и его приверженцам пришлось сделать мучительный выбор, Фудзитака, побуждая их принять решение, сказал:

– В нашем поколении есть два воистину выдающихся человека. Один из них – князь Токугава Иэясу, а другой, вне сомнения, князь Хидэёси.

Вспоминая об этих словах, молодой человек задумался, соответствуют ли они действительности. Неужели представшего сейчас перед ним человека его прославленный отец назвал воистину выдающимся? Неужели он и впрямь один из двух самых непобедимых полководцев времени?

Когда отец с сыном вернулись домой, Тадаоки поделился с Фудзитакой своими сомнениями.

– Ты ничего не понял, – пробормотал Фудзитака. – Ты еще слишком молод и недостаточно опытен. – Увидев на лице сына разочарованное выражение и поняв, что происходит в его душе, пояснил: – Чем ближе подступаешь к величавой горе, тем менее высокой она кажется. Начав восходить на нее, и вовсе перестаешь понимать, какой она высоты. Когда начнешь расспрашивать других, то вскоре убедишься, что никто из них не видел и не знает ее, хотя каждый, побывав в одном ущелье или на одной вершине, воображает, будто исходил ее вдоль и поперек. Это как раз и означает: нельзя выносить суждение о целом, ознакомившись лишь с незначительной частью.

Несмотря на полученный урок, Тадаоки по-прежнему сомневался в выдающихся способностях Хидэёси. Однако он понимал, что отец – человек более искушенный, чем он сам, и поэтому волей-неволей должен был принять на веру его слова.

Ко всеобщему удивлению, через два дня после их прибытия крепость Нагахана сдалась Хидэёси без единого выстрела. Все было так, как предсказывал Хидэёси в разговоре с Фудзитакой и его сыном: «Крепость будет захвачена изнутри».

Посланцами к Хидэёси прибыли трое старших советников Сибаты Кацутаё. Они вручили грамоту, в которой Кацутаё и его приверженцы приносили клятву на верность Хидэёси.

– Вот достойное поведение, – с удовлетворением произнес Хидэёси.

Согласно его распоряжению, за крепостью были оставлены все земли, закрепленные за нею раньше, а Кацутаё, как и прежде, был назначен ее комендантом.

Когда Хидэёси в ходе большого совета решил пожертвовать этой крепостью, многие удивлялись тому, с какой легкостью он отказался от столь важной твердыни. Но и обратно он заполучил ее с той же легкостью. Выглядело это так, будто человек переложил вещь из левой руки в правую.

Даже если бы Кацутаё вздумалось просить подкреплений из Этидзэна, те все равно не смогли бы подойти из-за обильных снегов. Вдобавок Кацуиэ не упустил бы возможности еще раз жестоко распечь приемного сына, как он всегда поступал раньше. Когда Кацутаё, прибыв на переговоры к Хидэёси, неожиданно захворал, гнев, обуявший Кацуиэ, не остался тайной ни для кого из приверженцев клана.

– Воспользоваться гостеприимством Хидэёси, сразу же захворать, а затем вернуться домой, пробыв несколько дней в гостях, – каким же болваном надо быть, чтобы повести себя подобным образом!

Грубые слова Кацуиэ были немедленно переданы Кацутёю.

Теперь окруженная войсками Хидэёси крепость Нагахамма оказалась обречена, и Кацутёю попал в безвыходное положение.

Его старшие советники, догадываясь об истинных намерениях Кацутёю, предложили:

– Пусть те, у кого остались семьи в Этидзэне, возвращаются туда. А те, кому захочется остаться здесь вместе с князем Кацутёю и присоединиться к войску князя Хидэёси, пусть остаются. Ваша светлость, вне всякого сомнения, понимает, как трудно для нас не сойти с Пути Воина, покинув клан Сибата и предав тем самым князя Кацуиэ. Те, кто так к этому относится, вправе покинуть крепость без колебаний.

Какое-то время в крепости было тревожно. Самураи сидели понуришь головы и не высказывались ни за, ни против задуманной сдачи Нагахаммы. Этим вечером одну за другой поднимали прощальные чашечки: вассалы расставались со своим господином. Но все же менее чем один человек из каждых десяти пожелал возвратиться в Этидзэн.

Таким образом Кацутёю пресек все узы, связующие его с приемным отцом, и заключил союз с Хидэёси. Начиная с этого дня, он превратился в подчиненного Хидэёси, хотя такие взаимоотношения между ними существовали лишь для вида. Задолго до этого сердце Кацутёю забилось птичкой, пойманной в клетку обаяния Хидэёси.

Так или иначе, крепость Нагахамма была возвращена. Для Хидэёси, однако, это был лишь промежуточный шаг на пути к главной цели – крепости Гифу, в которой засел Нобутака.

Переход через Фуву слыл крайне трудным в зимних условиях. Особенно тяжело было пройти по равнине Сэкигахара.

Этот переход занял у войска Хидэёси десять дней – с восемнадцатого по двадцать восьмое число двенадцатого месяца. Войско поделили на два отряда, которые в свою очередь были разбиты на более мелкие подразделения: стрелки, копьеносцы, конница, пешие воины и обоз. Увязая в снегу и грязи, войско медленно продвигалось вперед. Только на то, чтобы войти в Мино, тридцатитысячному войску Хидэёси понадобилось больше двух дней.

Лагерь разместили в Огаки. Отсюда Хидэёси, совершая одну вылазку за другой, взял приступом все незначительные крепости. Об этом немедленно донесли Нобутакэ, который провел несколько дней в глубоком замешательстве. Он не понимал, какое поведение ему избрать; менее всего он умел вести оборонительный бой.

Нобутака был весьма честолюбивым полководцем, но нынешние обстоятельства не позволяли ему развернуться. До сих пор он состоял в союзе с такими людьми, как Кацуиэ и Такигава, а они разрабатывали тщательные планы возможного нападения на Хидэёси. Мысль же о том, что тот сам пойдет на него войной, до сих пор не приходила Нобутакэ в голову.

Вне себя от страха Нобутака в конце концов решил поручить выбор решения мудрости своих старших соратников. Но при нынешнем повороте событий никакая мудрость уже не могла помочь.

Старшие соратники оказались в силах предложить только одно: покориться Хидэёси, как перед тем покорился Кацутёю. Мать Нобутакэ отправили в лагерь Хидэёси заложницей. Вместе с нею в скорбный путь пустились и матери старших соратников клана.

Нива попросил Хидэёси пощадить Нобутакэ. Как и следовало ожидать, Хидэёси проявил милосердие. Пообещав мир, он с улыбкой осведомился у старших соратников Нобутакэ:

– Пришел ли князь Нобутака в себя? Если да, то славно.

Заложниц немедленно отослали в Адзути. Одновременно малолетнего князя Самбоси, которого до сих пор удерживали в Гифу, передали на попечение Хидэёси и тоже послали в Адзути.

После этого опекуном малолетнего князя назначили князя Нобуо. Убедившись, что

Самбоси отныне в безопасности, Хидэёси с победой вернулся в крепость Такарадэра. После его прибытия на протяжении двух дней шли новогодние торжества. Так начался одиннадцатый год Тэнсё. С утра солнце залило лучами заснеженные вершины и ветви деревьев, поднявшиеся вокруг восстановленной крепости.

Аромат новогодних рисовых колобков разносился по округе, полдня во внутренней цитадели гремел праздничный барабан. В полдень было торжественно объявлено:

– Князь Хидэёси направляется в Химэдзи!

Хидэёси прибыл в Химэдзи примерно в полночь на Новый год. Он проехал в глубь крепости, озаренной праздничными огнями. Однако долгожданная встреча не так обрадовала самого Хидэёси, как жителей города, ставших свидетелями великолепного зрелища: все вассалы Хидэёси вместе с семьями вышли к главным воротам крепости встречать своего господина.

Спешившись, он передал поводья слуге и огляделся по сторонам. Прошлым летом, в шестом месяце, перед броском на Ямадзаки, увенчавшимся великой победой, он стоял здесь же, у этих ворот, собираясь отомстить за Нобунагу, но не зная, удастся ли ему вернуться живым.

Тогда он отдал приверженцам простой приказ:

– Если вам станет достоверно известно, что я погиб, немедленно убейте всех членов моей семьи и сожгите крепость дотла!

И вот он вернулся в крепость Химэдзи; случилось это ровно в полночь на Новый год. Стоило ему на мгновение заколебаться, вспомнив о жене и матери, оставшихся в Нагахаме, и он не смог бы сражаться с ожесточением человека, готового пасть в решительном бою. Тогда он потеснился бы на западе, уступая силе и напору клана Мори, и бессильно наблюдал бы за тем, как на востоке нарастает могущество клана Акэти.

Когда в деле замешана и личная судьба государственного мужа, и исторические судьбы всей страны, граница между поражением и победой всегда проходит по линии, отделяющей жизнь от смерти: или ты выживаешь в море смерти, или в море жизни находишь смерть.

Однако Хидэёси вернулся вовсе не затем, чтобы отдохнуть. Едва вступив во внутреннюю цитадель и не успев снять дорожного платья, он встретился с комендантом крепости и его помощниками. Хидэёси со вниманием выслушал подробный отчет о событиях, происходящих на западе, и о положении дел в его многочисленных уделах и поместьях.

Это было во второй половине часа Крысы – то есть в полночь. Не замечая собственной усталости, вассалы Хидэёси были, однако, встревожены тем, что перенапряжение может сказаться на здоровье их господина.

– С вечера вас дожидаются ваша достопочтенная матушка и княгиня Нэнэ. Почему бы вам не пройти к ним и не показать, что вы превосходно себя чувствуете?

Это произнес Миёси, доводившийся Хидэёси зятем.

Пройдя на женскую половину, Хидэёси увидел, что мать, жена, племянницы и невестки уже поджидают его. Хотя они нынче ночью не ложились, Хидэёси был оказан достойный прием: женщины, одна за другой, опускались перед ним на колени и простирались в земном поклоне.

Блестя глазами, с улыбкой на устах, Хидэёси в свою очередь приветствовал их, подошел к матери и сказал:

– На Новый год у меня выдалось немного свободного времени, и я прибыл, чтобы провести его с вами.

Выказывая почтение матушке, Хидэёси как никогда походил на тот образ, который она создала, называя его «мой парень».

Лицо матери под большим капюшоном белого шелка лучилось радостью.

– Дорога, которую вы избрали, усыпана терниями, – сказала она. – Прошедший год выдался особенно трудным. Но вы с честью выдержали все испытания.

– Нынешняя зима самая холодная из всех, что я припоминаю, – откликнулся Хидэёси, – но вы, матушка, замечательно выглядите.

– Говорят, старость подкрадывается незаметно, а мне ведь за семьдесят. Я прожила долгую жизнь – более долгую, чем могла рассчитывать. Никогда не думала, что проживу так долго.

– Нет-нет. Вам нужно дожить до ста лет. Вы сами видите, что ваш сын по-прежнему мальчишка.

– В этом году вам исполнится сорок шесть, – смеясь, возразила мать. – Какой же вы в сорок шесть лет мальчишка?

– Но, матушка, вы сами называете меня парнем и мальчишкой? Вы меня вообще иначе не называете!

– Это по привычке.

– Надеюсь, вам не придется отвыкать. Честно говоря, хоть я и становлюсь пожилым человеком, но в умственном отношении продолжаю расти. Более того, матушка, не будь вас, я не знал бы, для чего это делаю, и тогда остановился бы в росте.

Миёси, подошедший сзади, увидел, что Хидэёси все еще беседует с матерью, и удивленно заметил:

– Мой господин, вы даже не успели переодеться с дороги!

– Это ты, Миёси? Располагайся с нами.

– Охотно, мой господин, но не приготовить ли вам сначала фуру?

– Ты прав. Проводи меня в банную комнату, Нэнэ!

Хидэёси разбудило пение петуха. Большую часть ночи он провел в беседах и забылся сном только под утро. На заре он облачился в церемониальное кимоно, надел шляпу и пошел совершить молитву в крепостной храм. Затем, поев рисового пирога и похлебки у Нэнэ, вернулся в главную цитадель. Черета людей на второй день Нового года, потянувшихся в крепость, чтобы принести князю поздравления, казалась бесконечной.

Хидэёси приветствовал каждого посетителя чашечкой сакэ. Выразив наилучшие пожелания и выслушав то же от гостя, Хидэёси приглашал его внутрь и принимал следующего. Вскоре главная и западная цитадели были полны народу: люди читали стихи, напевали мелодии из представлений театра Но. Даже после полудня поток посетителей не пошел на убыль.

До пятого числа Хидэёси занимался делами, накопившимися в Химэдзи, а затем собрал вассалов и объявил, что на следующий день выезжает в Киото. Начались поспешные приготовления к отъезду. Людям князя казалось, что Хидэёси намеревается пробыть в Химэдзи до середины месяца: еще в полдень он вроде бы и не помышлял уезжать.

Лишь много позже вассалы осознали причину столь поспешного отъезда: Хидэёси никогда не упускал благоприятной случайности.

Сэки Моринобу был комендантом крепости Камэяма в провинции Исэ. Будучи по положению вассалом Нобутаки, он в последнее время заметно сблизился с Хидэёси. Во время новогодних празднеств Сэки тайно побывал в Химэдзи с поздравлениями.

Как раз когда он был у Хидэёси, прибыл гонец из Исэ. Крепость Сэки была захвачена главным сподвижником Нобутаки – Такигавой Кадзумасу.

Хидэёси без промедления выехал из Химэдзи и в тот же вечер прибыл в крепость Такарадэра, седьмого – в Киото, восьмого приехал в Адзути, а девятого был принят малолетним князем Самбоси.

– Я только что испросил у князя Самбоси разрешения на действия против Такигавы

Кадзумасу, – сообщил Хидэёси коменданту Сэки и другим важным лицам, дожидавшимся в зале, – словно кинул мяч в гущу игроков. – За всем этим скрывается Кацуиэ. Нам предстоит захватить провинцию Исэ, прежде чем войско Кацуиэ туда успеет.

Находясь в Адзути, Хидэёси составил и разослал в собственные владения и земли дружественных князей и военачальников письмо-призыв, звавшее самураев собираться в Адзути. Оставалось лишь пожалеть того, против кого это письмо было направлено. Сидя в Китаносё, подле прекрасной госпожи Оити, окруженный глубокими снегами, Кацуиэ тщетно дожидался, когда природа окажет ему благосклонность.

Если бы весеннее солнце растопило снега! Но неприступные стены, какими казались снежные заносы, начали рушиться до прихода весны.

Кацуиэ был потрясен: на него сыпался один удар за другим. Сдалась крепость Гифу, вспыхнуло восстание в Нагахаме, на милость врагу сдался Нобутака. И вот Хидэёси пошел походом на Исэ. Кацуиэ понимал, что выступать ему сейчас нельзя, но оставаться на месте не годилось. Снега по границам его провинции были столь же глубоки, как на горных перевалах Сычуаня. По таким снегам не могли пройти ни войско, ни обоз.

Опасаться прямого нападения со стороны Хидэёси Кацуиэ не следовало. Сам он мог выступить на другой день после того, как растает снег, – но кто решился бы с уверенностью предсказать, когда это произойдет? Снега стали щитом, прикрывающим неприятеля.

«Кадзумасу тоже испытанный полководец», – думал Кацуиэ. Однако захват малозначительных крепостей в Камэяме и Минэ был безрассудным и несвоевременным делом, рассеявшим силы Такигавы. Кацуиэ был в бешенстве от глупости Кадзумасу.

Хотя на его собственных планах лежала печать медлительности, Кадзумасу он осуждал за поспешность.

Даже если бы Кадзумасу смирился с планом, начертанным Кацуиэ, и дождался таяния снегов, Хидэёси, прекрасно понимавший, что у врага на уме, едва ли позволил бы ему безмятежно дожидаться прихода весны. Хидэёси просто-напросто перехитрил Кацуиэ. С самого начала он осознал, что Кацуиэ лицемерит, начиная переговоры о мире.

Кацуиэ не собирался сидеть сложа руки. Дважды он посылал гонцов – сперва к бывшему сёгуну Ёсиаки, прося его побудить Мори на атаку с запада, потом – к Токугаве Иэясу.

Восемнадцатого числа первого месяца Иэясу с неизвестными целями тайно встретился со старшим из оставшихся в живых сыновей Нобунаги – князем Нобуо. Иэясу до сих пор не принимал ничью сторону. Что же эта встреча должна была означать? Почему человек, столь щедро наделенный умом и опытом, пожелал внезапно встретиться с тем, у кого не было ни того ни другого?

Видя, что князь Нобуо мечется как пушинка под могучими ветрами времени, Иэясу пригласил его в свой удел. Здесь нерешительного и безвольного гостя ожидали развлечения и таинственные беседы. Иэясу обращался с Нобуо как взрослый с ребенком. О том, к каким решениям эти двое пришли, так никто и не узнал. Нобуо, вернувшись в Киёсу, заметно повеселел. Он выглядел самоуверенным и самодовольным, хотя кое-какие косвенные признаки говорили, что совесть у него не вполне чиста: он явно избегал встреч наедине и откровенных разговоров с Хидэёси.

Где был сам Хидэёси восемнадцатого числа того же месяца? Чем он занимался? В сопровождении нескольких надежных людей он проехал по северному берегу озера Бива и посетил труднопроходимую горную местность на границе Оми и Этидзэна.

Разъезжая по горным селениям, взбираясь на холмы, еще покрытые снегом, Хидэёси указывал по сторонам бамбуковым посохом и отдавал распоряжения:

– Это гора Тэндзин? Здесь необходимо возвести укрепления. А еще вон там, справа.

На седьмой день второго месяца Хидэёси, находясь в Киото, отправил письмо вождям клана Уэсуги. В письме содержалось предложение военного союза.

Причину было несложно понять. Клану Сибата и Уэсуги на протяжении многих лет вели кровавую междуусобную войну, то отбирая друг у друга, то вновь теряя земли. Кацуиэ был сейчас не против забыть былую вражду, чтобы сосредоточить усилия на противостоянии с Хидэёси. Но, зная о его тщеславии и упрямстве, трудно было думать, что подобный ход приведет к успеху.

Через два дня после отправки письма вождям клана Уэсуги Хидэёси приказал войску выступить на Исэ. Он разделил войско на три корпуса – каждому был предписан особый путь.

Войско выступило в поход с развернутыми знаменами, под грохот барабанов. Неистовые боевые кличи потрясли окрестные горы. Все три корпуса преодолели главную горную гряду, разделяющую провинции Оми и Исэ, и перестроили свои порядки на местности возле Куваны и Нагасимы. Именно здесь следовало искать Такигаву Кадзумасу.

– Сперва надо поглядеть, что сделает Хидэёси, – откликнулся Кадзумасу, узнав о приближении вражеского войска.

Он был целиком и полностью уверен в собственных силах.

Следовало точно рассчитать время начала действий, но Кадзумасу ошибся. Он преждевременно ввязался в схватку. Союз, заключенный между ним, Кацуиэ и Нобутакой, до времени оставался тайной даже для собственных приверженцев, но сейчас все выплыло наружу из-за того, что Кадзумасу не устоял перед искушением кинуться в бой при первой же возможности. Конечно, он известил союзников в Гифу и Этидзэне, а сам, оставив двухтысячный корпус в крепости Нагасима, переехал в крепость Кувана.

Эта крепость имела естественные оборонительные рубежи: озеро с одной стороны и гряда холмов вокруг крепостного города – с другой, поэтому ее легче было удерживать, чем Нагасиму. Но и при таких условиях Кадзумасу не собирался отсиживаться на жалком клочке земли. Войско Хидэёси насчитывало сейчас шестьдесят тысяч человек, однако ему предстояло рассредоточить силы, чтобы взять Гифу, Нагасиму, Кувану и другие менее важные крепости. Поэтому, даже если князю удастся бросить против Кадзумасу основное войско, оно не будет слишком мощным и несокрушимым.

С одной стороны, войско Хидэёси было грозной силой. С другой, думал Кадзумасу, нельзя забывать, что воинам Хидэёси придется пройти не по перевалам, а по вершинам гор на границе между провинциями Овари и Каи. Значит, обоз не успеет за войском или их совместное наступление будет затягиваться.

Рассуждая так, Кадзумасу надеялся, что победа над Хидэёси будет ему вполне по силам. Заманить князя в глубь местности, обрушиться беспощадно, выждав удобный час, вернуть в союзники Нобутаку, воссоединиться с войском в Гифу, затем уничтожить Нагахаму – так выглядел его замысел.

Однако вопреки ожиданиям Кадзумасу Хидэёси решил не отвлекаться на захват мелких крепостей и неудержимо двинулся в сторону основной вражеской твердыни. Правда, в это время к Хидэёси поступили срочные депеши из Нагахамы, Саваямы и Адзути. Небо было не безоблачным, в мире царил ненастье, расположение звезд менялось ежечасно.

В первом донесении значилось:

«Передовые отряды из Этидзэна прошли Янагасэ. Вскоре они смогут вторгнуться в северную часть Оми».

Следующий гонец доставил похожее донесение:

«Кацуиэ потерял терпение. Не дожидаясь, пока растают снега, он послал двадцать или тридцать тысяч наемных рабочих на расчистку перевалов».

Лишь из третьего донесения стало ясно, что положение дел изменилось не в лучшую сторону.

«Войско клана Сибата выступило из Китаносё второго числа третьего месяца. Пятого передовой отряд прошел Янагасэ и вступил в Оми. Седьмого вражеский полк подступил к нашим укреплениям на горе Тэндзин; другие части Сибаты сожгли деревни Имаи, Ёго, Сакагути. Главное войско противника – примерно двадцать тысяч человек – продолжает движение в южном направлении. Его ведут Сибата Кацуиэ и Маэда Инутиё».

– Немедленно трубить сбор, – распорядился Хидэёси. – Мы выступаем в северную часть Оми.

Оставив руководить войском в провинции Исэ двоих – Удзисато и князя Нобуо, Хидэёси двинулся на Оми. Шестнадцатого он прибыл в Нагахаму, семнадцатого его воины шли по прибрежной дороге вдоль озера, прямо в северную часть Оми. Хидэёси ехал верхом. Весенний ветер овеивал его лицо, над головой трепетало княжеское знамя с золотой бахромой.

На границе Оми, в горной области Янагасэ, повсюду еще лежал глубокий снег. Ветер, дувший с гор в сторону озера, был достаточно суров, и воины начали мерзнуть. На закате войско перестроилось в боевые порядки. Враг был так близко, что воины, казалось, чуяли его запах, но по-прежнему не видели не только вражеских воинов, но даже дыма разведенных костров.

Военачальники быстро растолковали подчиненным, откуда следует ожидать опасности.

– Отряды Сибаты расположены у подножия горы Тэндзин и в окрестностях Цубакидзаки. Кроме того, крупные силы противника стоят возле Киномото, Имаи и Сакагути. Будьте начеку и, даже заснув, готовьтесь, что вас в любое мгновение могут разбудить.

Весь лагерь к утру заволокло туманом – выглядело все вокруг мирно. Трудно было представить, что поблизости – да и вообще где-то – полыхает война.

Издали послышался беспорядочный ружейный огонь. Палили явно воины Хидэёси. Враг не ответил ни единым выстрелом. Может быть, он заснул?

На заре отряд стрелков, высланный разведать вражеские оборонительные линии, вернулся в лагерь. Хидэёси призвал старшину отряда и внимательно выслушал его доклад.

– Не попадались ли тебе воины из полка Сассы Наримасы? – осведомился Хидэёси.

Хидэёси должен был знать это совершенно точно. Старшина стрелков и оба его помощника одинаково ответили:

– Знамен Сассы Наримасы не видно.

Хидэёси кивнул: это было похоже на правду. Даже если Кацуиэ решился на столь отчаянный поход, он никогда не пошел бы на это безрассудно, очертя голову, забыв, что с тыла на него в любое мгновение может обрушиться войско клана Уэсуги. Во избежание промаха он, должно быть, и оставил в Этидзэне войско Сассы Наримасы.

Прозвучал приказ к трапезе. В поход взяли рисовые колбки с бобовой пастой, завернутые в дубовые листья. Хидэёси торопливо поедая нехитрую пищу, то и дело отвлекаясь на разговоры с оруженосцами. Он не доел и половины, как остальные успели управиться с едой.

– Вы что, глотаете не жуя? – изумился Хидэёси.

– Нет, мой господин, наоборот: это вы едите медленно, – отозвался один из оруженосцев. – Мы привыкли делать так: быстро поедим, быстро и нужду справим.

– Хорошо, – сказал Хидэёси, – быстро справить нужду, в особенности большую, очень полезно. Но что касается еды, вам бы всем следовало взять пример с Сакити.

Оруженосцы посмотрели на Сакити. Тот, как и Хидэёси, не успел доесть и половины. Принимая пищу, он прожевывал ее тщательно, как беззубая старушка.

– Дело в том, – продолжал Хидэёси, – что умение быстро насыщаться хорошо только перед атакой. А когда сидишь в осажденной крепости и запасы ограничены, лучше растянуть каждый кусочек подольше. Тут-то начинаешь понимать, что привычка есть медленно улучшает не только здоровье, но и душевное самочувствие. Когда забредешь высоко в горы и запас еды опять-таки скуден, а продержаться предстоит долго, волей-неволей примешься что-нибудь жевать, корни или листья, лишь бы наполнить желудок. А раз умение есть медленно идет на пользу, то надо обретать эту привычку заранее, не дожидаясь, пока обстоятельства вынудят поступать так... – И вдруг, прервав поток слов, Хидэёси поднялся с походного стула и взмахом руки предложил оруженосцам последовать своему примеру. – Пойдемте. Поднимемся на гору Фуморо.

Гора Фуморо – одна из вершин гряды, поднимающейся над северным берегом двух озер: малого – Ёго и большого – Бива. От деревни Фуморо, расположенной у подножия, до вершины горы ее высота составляет примерно восемьсот пятьдесят кэннов, но путь по тропе тянется на целых два ри. Если путнику вздумается взобраться по крутому склону горы, то он должен заранее смириться с тем, что потратит на это полдня.

– Князь покидает нас!

– Почему он так спешит?

Воины из охраны Хидэёси забеспокоились, увидев удаляющегося главнокомандующего и его спутников, и бросились вдогонку. Они заметили, что Хидэёси, возглавляющий шествие, идет с беззаботным видом, помахивая бамбуковым посохом, словно, позабыв обо всем на свете, он отправился на прогулку или на охоту.

– Вам угодно подняться на гору, мой господин?

Хидэёси указал посохом место примерно на полпути от вершины:

– Именно так. Вон туда.

Проделав треть пути вверх по склону, Хидэёси и его люди вышли на небольшую ровную площадку. Хидэёси остановился и осмотрелся; ветер овеивал его вспотевший лоб. Отсюда, с высоты птичьего полета, было видно все плоскогорье Янагасэ и низовья озера Ёго. Дорога, ведущая в северные провинции, петляя по горам и соединяя между собой несколько селений, казалась тонкой ниткой.

– Где гора Накао?

– Вон там.

Хидэёси посмотрел в указанном направлении. На горе Накао была расположена ставка врага; на склоне трепетало на ветру множество знамен. Можно было разглядеть каждый вражеский полк. Смотрящему попристальней было видно, что на вершинах соседних гор и холмов, в отдалении и вблизи, вдоль горной дороги – всюду возвышались боевые стяги и знамена северного войска. Словно не искусный полководец, а само Небо избрало эту горную местность, чтобы с наибольшей выгодой расположить многочисленные отряды. Ни единого изъяна, ни одного слабого места, полная ясность искусного полководческого замысла: заманить войско Хидэёси в пасть дракона и заглотать целиком.

Явно пораженный, Хидэёси молча глядел на вражеские войска. Затем перевел взгляд на ставку Кацуиэ на горе Накао и долго всматривался.

Напрягая зрение, он увидел кучку людей, кажущихся отсюда муравьями; они сооружали что-то на южном склоне Накао вблизи от ставки. И не в одном месте, и не в двух – повсюду, где

тропа шла в гору, противник торопливо строил укрепления.

– Похоже, Кацуиэ готовится к долгой войне.

Хидэёси нашел объяснение происходящему: враг укреплял южную границу своего лагеря. Все его боевые порядки, напоминающие раскрытый веер, были продуманы с великой тщательностью. Расположение войск рассчитывалось для наступления неторопливого, как медленно накатывающая волна. Ничто не свидетельствовало, что враг готовится к внезапной атаке – или же к ее отражению.

Хидэёси видел замысел противника так ясно, как будто читал с листа. Кацуиэ намеревался задержать его у подножия горы, связав войско Хидэёси затяжным сражением, чтобы дать время союзникам из Исэ и Мино подготовиться к совместному наступлению в лоб и с тыла.

– Возвращаемся, – произнес Хидэёси и тронулся с места. – Можно ли спуститься с горы не по той тропе, по которой мы пришли?

– Да, мой господин! – с гордостью воскликнул один из юных оруженосцев.

В конце пути они вышли к ставке своих союзников, расположенной между горой Тэндзин и Икэнохарой. По знаменам они определили: здесь стоит полк Хосокавы Тадаоки.

– Я хочу пить, – бросил Хидэёси после того, как назвал свое имя страже.

Тадаоки и его ближайшие сподвижники решили, будто Хидэёси нагрязнул к ним с осмотром войска.

– Да нет же, – пояснил Хидэёси. – Просто я возвращаюсь с горы Фуморо. Но раз уж я здесь...

Выпив воды, Хидэёси отдал Тадаоки приказ:

– Немедленно сняться с места и отправиться домой. Там сесть на боевые корабли, стоящие в Миядзу, провинция Тангэ, и атаковать вражеское побережье.

Мысль пустить в ход флот посетила Хидэёси, когда он поднимался на гору. Этот план на первый взгляд никак не был связан с происходящим, но умение заглянуть вперед было, пожалуй, характерно для княжеского мышления. Глядя на одно, он думал о другом, а решал третье.

Посвятив примерно полдня осмотру расположения, Хидэёси принял почти окончательное решение относительно предстоящего боя. Той же ночью он призвал к себе в шатер военачальников и объяснил, что именно хочет предпринять: поскольку враг готовится к длительной войне и возводит укрепления, то и сам Хидэёси решил заняться тем же.

Сразу же начались работы. Хидэёси не скупился на затраты с тем, чтобы придать боевой дух своим воинам. Решение Хидэёси начать возведение укреплений перед лицом врага, на неопределенное время отложив сражение, можно назвать и отважным, и безрассудным. Такой поступок легко мог обернуться поражением. Но он решил употребить вынужденное перемирие на установление связи с жителями провинции.

Стиль полководческого искусства, некогда присущий Нобунаге, отличался неукротимым напором. Люди говорили, что там, где наступает Нобунага, деревья высыхают, а трава вянет. Хидэёси был склонен к иному. Там, где он наступал, где разбивал лагерь, он первым делом стремился привлечь на свою сторону местных жителей. Любовь к нему коренного населения покоряемой провинции представлялась Хидэёси необходимым условием не для завершения войны, а для начала ее.

Поддержание строжайшей военной дисциплины жизненно важно для любого войска, но даже в дни кровопролитных сражений там, где князь ставил свой походный стул, все начинало меняться в лучшую сторону. Кто-то даже сочинил стихи: «Где пребывает Хидэёси, там веет вешний ветер».

Цепь укреплений охватывала два важных направления. Первая линия шла из Китаямы в

Наканого вдоль дороги, ведущей в северные провинции, мимо гор Хигасино, Данги и Синмэй, вторая – вдоль гор Ивасаки и Оками, по Сидзугатакэ, вдоль горы Тагами, и кончалась у Киномото. Такие огромные работы требовали участия десятков тысяч местных жителей.

Хидэёси нанял рабочих в провинции Нагахана. Он всегда стремился нанимать людей для работ в местностях, особенно пострадавших от войны. Здешние горы были полны беженцев. Глины было сколько угодно, дороги находились под надзором его войска, укрепления возводились здесь и там, и легко можно было представить себе, что две цепи укреплений удастся воздвигнуть за сутки. Однако на деле все оказалось не так просто. Каждый из воздвигаемых опорных пунктов необходимо было снабдить сторожевой башней, жилыми бараками, рвом и хоть каким-то подобием крепостных стен. Их обносили деревянными изгородями, а ближайшие подступы, по которым и пойдет в атаку враг, заваливали камнями и валунами.

Единые изгородь и ров соединяли гору Хигасино и гору Данги – именно здесь предстояло разгореться главному сражению. Длинный и глубокий ров, потребовавший невероятных усилий, был, однако, вырыт всего за двадцать дней. Землю копали и носили не только местные жители, но даже их жены и дети.

Воины клана Сибата устраивали ночные вылазки, засады, делали все, что могли, лишь бы замедлить строительные работы, но, осознав, что застигнуть противника врасплох не удастся, они поубавили свое рвение и затихли.

Это настораживало. Почему враг ничего не пытается сделать? Хидэёси прекрасно понимал, в чем дело. Он ни на миг не забывал, что ему противостоит многоопытный воин, а не какой-нибудь новичок. Точно то же должен был чувствовать и Кацуиэ. Но бездействие его проистекало и из других причин.

Кацуиэ закончил укреплять свой лагерь. Однако он чувствовал, что еще не пробил час призывать на помощь союзников, и оставлял такую возможность про запас.

Союзниками были самураи Нобутаки, сосредоточенные в Гифу. Как только у Нобутаки появится возможность пойти в наступление, вслед за ним из крепости Кувана ударит Такигава Кадзумасу. И только тогда сам Кацуиэ сможет перейти от выжидания к наступлению.

Кацуиэ знал, что лишь такое развитие событий способно обеспечить ему сравнительно легкую победу. На это он рассчитывал с самого начала, и расчет был основан на сопоставлении возможностей провинций, находящихся под властью Хидэёси и под его властью.

К этому времени – с оглядкой на внезапную мощь и славу Хидэёси, достигнутые им в победоносном сражении под Ямадзаки, – Хидэёси мог рассчитывать на провинции Харима, Тадзима, Сэтцу, Тангэ, Ямато и некоторые другие, что в общей сложности сулило ему, к началу решающего сражения, шестьдесят семь тысяч боеспособных воинов. Если же ему удалось бы добавить к ним силы провинций Овари, Исэ, Ига и Бидзэн, то под началом у него оказалось бы примерно стотысячное войско.

Кацуиэ мог собрать силы провинций Этидзэн, Ното, Ояма, Оно, Мацуто и Тояма. Это означало самое большее сорокапятитысячную армию. И все же, если бы ему удалось заручиться помощью подвластного Нобутакэ Мино, а также Исэ, и призвать под свои знамена провинциальных самураев Кадзумасу, сводное войско Кацуиэ стало бы насчитывать шестьдесят две тысячи человек. С такими силами можно было потягаться с врагом.

Человек был одет странствующим монахом, но его выдавала походка воина. Он шел вверх по горной дороге Сюфукудзи.

– Куда идешь? – окликнул его часовой из отряда Сибаты.

– К своим, – ответил монах, раскрыв лицо.

Стражники дали знать о его прибытии тем, кто находился в глубине лагеря. У ворот появилось еще несколько воинов. Монах, обратившись к возглавлявшему их командиру, сказал несколько слов. После короткого замешательства он почел за честь лично подвести человеку, одетому в монашеское платье, коня и передать поводья.

На горе Юкиити был расположен лагерь Сакумы Гэмбы и его младшего брата Ясумасы. В монашеском платье прибыл Мидзуно Синроку, вассал Ясумасы. Он выполнил тайное поручение и теперь, прибыв в ставку, опустился на колени перед своим господином.

– Как все прошло? Какие новости – хорошие или дурные? – в нетерпении спросил Ясумаса.

– Все в порядке, – отозвался Синроку.

– Где тебе удалось увидеться с ним? Все прошло гладко?

– Враг выставил повсюду сильные дозоры, но мне удалось повидаться с князем Сёгэном.

– Каковы его намерения?

– Он изложил их в послании к вам.

Синроку снял плетеную шляпу и дернул завязку. Привязанное внутри письмо упало ему на колени. Синроку разгладил смявшуюся бумагу и вручил своему господину.

Некоторое время Ясумаса молча изучал написанное.

– Да, это почерк Сёгэна. Но письмо направлено не мне, а моему брату. Идем со мной. Необходимо повидаться с братом и известить обо всем ставку на горе Накао.

Князь и его вассал прошли через укрепления и начали подниматься на гору Юкиити. По мере того как они приближались к вершине, людей становилось все больше, лошадей – тоже, а укрепления шли все более тесными и переплетенными рядами. Наконец перед ними показалась ставка, напоминающая настоящую крепость. По вершине холма было разбито великое множество шатров.

– Передайте брату, что я пришел, – бросил Ясумаса стражникам.

К нему подбежал один из приверженцев Гэмбы:

– К сожалению, мой господин, князя Гэмбы сейчас нет.

– Он отправился на гору Накао?

– Нет. Он там.

Посмотрев в указанном направлении, Ясумаса увидел брата. Гэмба в окружении нескольких самураев и юных оруженосцев сидел на траве за шатром. Трудно было понять, чем он занят.

Лишь подойдя ближе, Ясумаса увидел, что Гэмба велел одному из оруженосцев держать зеркало, другому – таз с водой, и брился под открытым небом, словно ничто в мире его не беспокоило.

Стоял двенадцатый день четвертого месяца.

Настало лето, и в крепостных городах на равнине воцарилась жара. Но в горах еще стояла весна в самом цвету.

Ясумаса подошел к брату и опустился на колени.

– Ну что, братец?

Гэмба искоса посмотрел на него, тут же вновь уставился в зеркало и принялся скоблить

подбородок до полной гладкости. Лишь отложив бритву в сторону и смыв с лица остатки щетины, он соизволил уделить внимание дожидаящемуся брату.

– В чем дело, Ясумаса?

– Не велишь ли ты своим спутникам отойти в сторонку?

– Может, нам лучше вернуться в шатер?

– Нет. Здесь самое подходящее место для тайной беседы.

– Ты находишь? Что ж, ладно.

Обернувшись к самураям и оруженосцам, Гэмба приказал им отойти.

Прихватив с собой зеркало и таз, люди отошли. Вслед за ними удалились и самураи. Два брата Сакума остались наедине на вершине горы. Присутствовал и третий собеседник – Мидзуно Синроку, прибывший с Ясумасой.

Согласно правилам обхождения Синроку находился на расстоянии от братьев и лежал, простершись ниц.

Гэмба заметил его присутствие:

– Синроку вернулся?

– Вернулся и доложил, что все прошло отлично. Его усилия даром не пропали.

– Убежден, что это было нелегко. Что ответил Сёгэн?

– Вот письмо от него.

Едва взяв письмо, Гэмба тут же распечатал его. Глаза его блеснули радостью, на губах заиграла улыбка. Какая таинственная удача его так развеселила? Плечи Гэмбы подрагивали от удовольствия.

– Синроку, подойди ближе. Ты слишком далеко.

– Да, мой господин.

– Согласно письму Сёгэна, главные подробности переданы тебе на словах. Перескажи все, что сказал Сёгэн.

– Князь Сёгэн поведал, что у него и у князя Оганэ были разногласия с их господином, князем Кацутё, еще до того, как тот перешел на сторону противника и сдал Нагахаму. Хидэёси знал об их разногласиях, и поэтому, хотя помянутых князей назначили комендантами крепостей, соответственно на горе Данги и на горе Синмэй, надзор за ними поручили испытанному вассалу Хидэёси, некоему Кимуре Хаято. Сейчас они не в силах сделать хоть что-нибудь.

– Но и Сёгэн и Оганэ собираются ускользнуть из-под надзора и прибыть к нам!

– Они замышляют убить Кимуру Хаято завтра на рассвете, а затем перейти со своими сторонниками на нашу сторону.

– Если этому суждено случиться завтра на рассвете, то и нам нельзя терять времени. Пошлем им подкрепление. Займись этим, – приказал Гэмба Ясумасе.

Затем он вновь приступил с расспросами к Синроку:

– Судя по одним сообщениям, Хидэёси находится у себя в ставке, тогда как согласно другим он пребывает в Нагахаме. Удалось ли тебе выяснить, где он?

Синроку вынужден был сознаться, что ему это неизвестно.

Людам клана Сибата важно было знать, где сейчас Хидэёси – на передовой или в Нагахаме.

Не зная, где Хидэёси, Сибата не могли ни на что решиться. Кацуиэ был не склонен решать исход войны, рискуя всеми силами в одном наступлении. Уже долго он ждал часа, когда к нему сможет присоединиться войско Нобутаки в Гифу. Тогда можно будет начать наступление войском Такигавы Кадзумасу, два войска – из Мино и Исэ – ударят Хидэёси в тыл. Лишь затем двадцатитысячное главное войско под началом самого Кацуиэ ударит Хидэёси в лоб и загонит его в западню около Нагахамы.

Кацуиэ уже получил письмо от Нобутаки со словами одобрения и согласия. Если Хидэёси находится в Нагахаме, то он быстро проведает о задуманном и позаботится не упустить из-под надзора ни Гифу, ни Янагасэ. Если же Хидэёси на передовой, то войску Кацуиэ следует быть в полной боевой готовности, потому что восстание Нобутаки может начаться в любую минуту.

Прежде чем решиться на поступок, клану Сибата требовалось узнать нынешнее местонахождение Хидэёси и соответствующим образом поддержать Нобутаку.

– Значит, ясности по-прежнему нет, – хмуро произнес Гэмба. Вынужденное ожидание, затянувшееся более чем на месяц, явно томило его. – Что ж, по крайней мере, мы переманили на свою сторону Сёгэна, и это прекрасно. Необходимо немедленно сообщить об этом князю Кацуиэ. Завтра будем ждать известий от Сёгэна.

Ясумаса и Синроку ушли первыми. Они отправились в собственный лагерь. Гэмба велел оруженосцу привести любимого коня. В сопровождении десятка всадников он отбыл в ставку на горе Накао.

Только что наведенная дорога между горой Юкиити и ставкой на горе Накао была четыре кэна в ширину и тянулась на два ри по гребню гор. Вдоль дороги зеленели вешние побеги. Гэмба, нахлестывая коня, созерцал их и поневоле впадал в мечтательное настроение.

Ставка на горе Накао была окружена частоколом в несколько рядов. Проезжая через ворота, Гэмба всякий раз называл свое имя и, не удостоив стражников взглядом, мчался дальше.

Когда он направился проехать в ворота главной цитадели, начальник тамошней стражи внезапно и дерзко остановил его:

– Стойте! Куда вы?

Гэмба, придержав коня, уставился на смельчака:

– Это ты, Мэндзю? Я приехал повидаться с дядюшкой. Он у себя или в ставке?

Мэндзю, нахмурившись, сердито сказал Гэмбе:

– Соблаговолите спешиться.

– Что такое?

– Эти ворота расположены поблизости от ставки князя Кацуиэ. Не важно, кто вы такой, не важно, насколько вы спешите, но въезжать сюда верхом строжайше воспрещено.

– Ты, Мэндзю, имеешь наглость говорить мне такое? Мне!

Гэмба был взбешен, однако воинский закон требовал и от него неукоснительного послушания. Он спешился и, бросив грозный взгляд на Мэндзю, прорычал:

– Где мой дядя?

– Он проводит военный совет.

– Кто участвует?

– Военачальники Хайго, Оса, Хара, Асами и князь Кацутоси.

– Раз так, я немедленно присоединюсь к ним.

– Сперва я обязан доложить о вашем прибытии.

– В этом нет нужды!

Гэмба чуть ли не силой прорвался внутрь. Мэндзю с досадой смотрел ему вслед. Вызов, который он только что, рискнув собственным добрым именем, бросил княжескому племяннику и любимцу, был навеян не только требованиями закона. Он давно хотел любым способом дать понять Гэмбе, что его поведение недопустимо.

Заносчивость Гэмбы объяснялась просто – привязанностью, которую испытывал к нему Кацуиэ. Когда Мэндзю наблюдал, какую слепую доверчивость питает господин Китаносё к собственному племяннику, как он ему все прощает, то волей-неволей начинал беспокоиться о будущем. По меньшей мере нельзя было позволять Гэмбе именовать князя и главнокомандующего дядюшкой.

Гэмбе было безразлично, что думает о нем Мэндзю. Он прошел прямо в ставку и, не удостоив никого из собравшихся взглядом и приветствием, шепнул дяде на ухо:

– Когда закончишь, я хотел бы кое-что обсудить с глазу на глаз.

Кацуиэ скомкал и наскоро завершил совет. Когда военачальники один за другим ушли, он откинулся на походном стуле и доверительно переговорил с племянником. Разговор начался с того, что Гэмба, посмеиваясь, вручил Кацуиэ письмо Сёгэна, словно заранее знал, что доставит господину Китаносё огромное удовольствие.

Кацуиэ и впрямь обрадовался полученному известию. Заговор, который он задумал и поручил осуществить Гэмбе, начал давать плоды. Сильнее, чем что-либо другое, радовало Кацуиэ то, что события развиваются так, как он задумал. Слывя умельцем плести козни, он любил, когда они достигали цели, и поэтому, прочитав письмо Сёгэна, так обрадовался, что ощутил легкое головокружение.

Целью заговора было нанесение врагу удара из глубины его собственного лагеря. Как полагал Кацуиэ, наличие в войске Хидэёси таких людей, как Сёгэн и Оганэ, создавало почву для новых происков.

Что касается самого Сёгэна, то он был уверен в окончательной победе клана Сибата, и уверенность его была непоколебима. Позже и ему суждено было раскаяться и испытать угрызения совести. Но решающее письмо было уже отослано, и не стало более причин колебаться и выжидать. Добром или худом могло все обернуться, но на следующее утро Сёгэн намеревался совершить предательство и с нетерпением ждал часа, когда к нему в крепость войдет войско клана Сибата.

Двенадцатое число, полночь. Горят костры. Единственный звук, разносящийся в тумане над горным лагерем, – скрип сосен.

– Открыть ворота! – произносит кто-то негромким голосом и принимается стучать по деревянным створкам.

Маленькое укрепление Мотояма служило ранее ставкой Сёгэну, но по распоряжению Хидэёси его заменил здесь Кимура Хаято.

– Кто там? – вопрошает страж, уставившись во тьму.

В тумане еле видна одинокая мужская фигура за частоколом.

– Позовите военачальника Осаки, – говорит незнакомец.

– Сперва ответь, кто ты и откуда пришел.

Мгновение незнакомец молчит. Дождь перемешивается с туманом, небо над головами чернее индийской туши.

– Назвать имя не имею права. Мне надо поговорить с Осаки Уэмоном, здесь, у частокола. Передай ему это.

– Ты друг или враг?

– Друг! Или ты думаешь, что врагу удалось бы пробраться в глубь наших земель так легко? Разве вы, стражи, не начеку? Будь я вражеским заговорщиком, стал бы я стучаться у ворот?

Объяснения незнакомца успокоили часового, и он отправился к Осаки.

– Кто там? – спросил тот, подойдя к воротам.

– Вы военачальник Осаки?

– Да, это я. Что вам угодно?

– Меня зовут Номура Сёдзиро, я приверженец князя Кацутаё и состою на службе у господина Сёгэна.

– Что за дело привело вас сюда глубокой ночью?

– Мне немедленно надо повидаться с господином Хаято. Понимаю, это звучит

подозрительно, но у меня чрезвычайно важное тайное сообщение, которое ему необходимо узнать немедленно.

– Вы не можете передать его на словах, чтобы я сам доложил господину Хаято?

– Нет, нужно переговорить с ним с глазу на глаз. В знак моих добрых намерений вручаю вам это.

Номура обнажил меч и передал его через частокол Осаки.

Осаки понял, что Номура говорит правду, и, отперев ворота, проводил гостя в покои Хаято. Укрепление было на военном положении, и безопасность тщательно сохранялась днем и ночью.

Дом, куда отвели Номуру, назывался главной цитаделью, хотя был всего лишь хижиной. Да и покои Хаято являли собой маленькую выгородку.

Хаято вошел и сел на пол.

– Что вы хотите мне передать? – поинтересовался он, глядя Номуре в глаза.

Из-за слабого освещения лицо Хаято казалось очень бледным.

– Я знаю, что вы приглашены на чайную церемонию к господину Сёгэну на гору Синмэй. Церемония должна состояться завтра утром.

Номура испытующе поглядел на Хаято. Голос его в ночной тишине слегка дрожал. И у Хаято, и у Осаки возникло неприятное ощущение.

– Так оно и есть, – сказал Хаято.

– Вы, мой господин, уже дали согласие прибыть?

– Да. Поскольку господин Сёгэн взял на себя хлопоты прислать гонца, то я в свою очередь отправил к нему гонца с известием, что прибуду.

– Когда вы послали гонца, мой господин?

– Примерно в поддень.

– Значит, это ловушка, как я и подозревал!

– Что за ловушка?

– Ни в коем случае не отправляйтесь завтра с утра на чайную церемонию. Это заговор. Сёгэн решил убить вас. Он принял тайного гонца от клана Сибата и переправил с ним письменное послание. Смотрите не ошибитесь! Он замыслил сперва убить вас, а потом поднять восстание.

– Как вам удалось об этом узнать?

– Позавчера Сёгэн призвал к себе трех буддийских монахов из соседнего храма Сюфуку и провел заупокойную службу по своим предкам. Одного из этих якобы монахов мне довелось встречать раньше. Этот лжемонах переодетый самураем клана Сибата. Я удивился и насторожился. По окончании службы лжемонах пожаловался на боли в желудке и остался в лагере, тогда как двое других ушли. Он ушел только на следующее утро, заявив, что возвращается в храм Сюфуку, но я на всякий случай велел своим доверенным людям проследить, куда он направится. Как я и думал, он не вернулся в храм Сюфуку, вместо этого прямехонько пошел в лагерь Сакумы Гэмбы.

Хаято кивнул, давая понять, что дальнейшие объяснения не нужны.

– Благодарю за своевременное предупреждение. Князь Хидэеси не доверяет ни Сёгэну, ни Оганэ. Он велел мне тщательно следить за ними. Теперь их предательство раскрыто. Как ты думаешь, Осаки, что необходимо сделать?

Осаки придвинулся ближе и изложил свои мысли. То же сделал и Номура – так, совместными усилиями, был выработан план. Осаки послал гонцов в Нагахаму.

Тем временем Хаято написал послание и вручил его Осаки. Это была записка Сёгэну, извещавшая, что ввиду болезни Хаято не сможет присутствовать на завтрашней церемонии.

Когда занялась заря, Осаки с запиской отправился к Сёгэну на гору Синмэй.

Распространенным обычаем того времени было проведение чайных церемоний в расположении войска. Разумеется, церемония в таких условиях проводилась в упрощенном виде – вместо чайного домика воздвигался шатер, устланный соломенными циновками, в котором непременно ставилась ваза с дикими цветами. Значение таких церемоний заключалось в том, чтобы развить в участниках силу духа для преодоления походной усталости.

С утрам Сёгэн тщательно подмел увлажненный земляной пол и развел огонь в очаге. Вскоре прибыли Оганэ и Киносита. Оба они были приверженцами Сибаты Кацутаё. Сёгэн вовлек их в заговор, и они дали торжественную клятву действовать с ним заодно.

– Кажется, Хаято запаздывает, – заметил Оганэ.

Прокричал петух, хозяин и гости начали тревожиться. Сёгэн, на правах устроителя церемонии, старался внешне сохранять полное хладнокровие.

– Скоро прибудет, – уверял он гостей.

Разумеется, Хаято они так и не дождались. Вместо него появился оруженосец с той самой запиской, которую Хаято вручил Осаки.

Трое заговорщиков переглянулись.

– Где гонец? – осведомился Сёгэн.

– Убыл, вручив письмо, – ответил оруженосец.

Заговорщики пали духом. Какими бы смелыми людьми они ни были, трудно оказалось сохранять хладнокровие, зная, что предательство выплыло наружу.

– Как он мог догадаться? – подумал вслух Оганэ.

Их негромкие переговоры походили на жалобные причитания. Теперь, когда заговор был разоблачен, они, конечно, и думать забыли о чайной церемонии. Теперь на уме было одно: немедленное бегство. Оганэ и Киносите не сиделось на месте. Казалось, каждое лишнее мгновение, проведенное здесь, грозит неминуемой гибелью.

– Теперь мы ничего не можем поделать.

Горестное восклицание вырвалось из уст Сёгэна. Обоим гостям почудилось, будто им пронзили грудь мечом. Сёгэн осуждающе посмотрел на них, словно призывал соучастников не терять головы, пусть они и попали в переделку.

– Вам следует как можно скорее собрать своих приверженцев и отправиться в Икэнохару. Ждите там под большой елью. Я собираюсь написать письмо в Нагахаму, сразу же после этого соединюсь с вами.

– В Нагахаму? Что за письмо?

– Мои мать, жена и дети остаются в крепости. Я сам успею спастись бегством, но семью оставят заложниками, если я не потороплюсь.

– Кажется, вы опоздали. Или вы думаете, что время еще есть?

– Что мне остается делать? Оставить их на растерзание врагу? Оганэ, передайте тушь и бумагу.

Сёгэн взял кисточку и принялся быстро писать. В это мгновение появился один из его приверженцев и доложил, что Номура Сёдзиро исчез.

Сёгэн в гневе отшвырнул кисточку:

– Значит, это он. Я был последнее время холоден с этим недоумком, и он решил вот так со мной поквитаться. Что ж, ему придется дорого заплатить за предательство!

Он поднял глаза, взгляд у него был такой, словно он проклинал кого-то невидимого; рука Сёгэна задрожала.

– Иппэита! – окликнул он.

Мгновенно появился слуга.

– Садись на коня и мчись в Нагахаму. Найди мою семью и посади их в лодку. Не пытайся

спасать имущество: главное – люди. Переправь их через озеро в лагерь князя Кацуиэ. Я на тебя рассчитываю. Отправляйся немедленно, не теряй ни минуты.

Закончив наставление, Сёгэн стал облачаться в боевые доспехи. Взяв длинное копье, он выбежал из дома.

Оганэ и Киносита, собрав своих людей, направились в условленное место встречи.

Примерно в то же время, когда рассеялся утренний туман, Хаято выслал в путь своих воинов. Едва отряды Оганэ и Киноситы вышли к подножию горы, их встретила засада самураев Осаки. Началась схватка. Немногие, кому удалось остаться в живых, бросились в бегство, пытаясь добраться до высокой ели в Икэнохаре, где им предстояла встреча с людьми Сёгэна. Но самураи Хаято, обойдя гору Данги с севера, перерезали путь к отступлению. Воины Оганэ и Киноситы попали в окружение и почти все погибли.

Сёгэн находился в это время у них за спиной, в двух-трех шагах от места, где шла резня. Сопровождаемый своими людьми, он устремился к месту сбора заговорщиков. В черных кожаных доспехах, в увенчанном оленьими рогами шлеме он мчался на коне, сжимая длинное копье. Он выглядел воином, способным в одиночку пробиться в гущу врагов, не зря он слыл самым отважным из самураев Кацутё. Но, предав своего господина, он сошел с Пути Воина, и топот подков его лошади звучал столь же неуверенно, как удары его вероломного сердца.

Внезапно его со всех сторон окружили люди Хаято.

– Изменника взять живым!

Врагов было множество, но и Сёгэн сражался так, словно утратил страх смерти. Отчаянно действуя оружием, он сумел отбиться от нападавших и умчался прочь. Нахлестывая коня, он проскакал во весь опор примерно два ри и присоединился к войску Ясумасы, где уже давно ждали его прибытия. Если бы ему удалось убить Хаято, то по его сигналу были бы атакованы и взяты приступом две крепости около Мотоямы. Но теперь первоначальный замысел пошел прахом, да и самому Сёгэну чудом удалось избежать неминуемой гибели.

Узнав от своего брата Ясумасы, какой поворот приняли события, Гэмба с отвращением сплюнул:

– Вот как? Ты хочешь сказать, что Хаято обо всем узнал и сумел ударить первым? Значит, Сёгэн оказался простаком. Вели всем троим немедленно явиться ко мне.

До сих пор Гэмба льстил Сёгэну, пытаясь подбить его на предательство. Когда замысел сорвался, обманув ожидания, он заговорил о Сёгэне как о ничтожестве и источнике всех бед.

Сёгэн и двое его спутников рассчитывали на то, что их хорошо примут в лагере у Гэмбы, однако его поведение вызвало у них явное разочарование. Сёгэн, в оправдание за провал, попросил разрешить ему встретиться с князем Кацуиэ, чтобы передать крайне важные и сугубо секретные сведения.

– Хоть что-то удалось, а?

Настроение Гэмбы немного улучшилось, но с Оганэ и Киноситой он вел себя все так же грубо.

– Вы двое останетесь здесь. Сёгэна я возьму с собой в княжескую ставку.

Они сразу выехали на гору Накао.

Кацуиэ в подробностях доложили обо всем происшедшем нынешним утром и обо всех возникших в итоге осложнениях.

Когда вскоре Гэмба привез Сёгэна в княжескую ставку на горе Накао, Кацуиэ встретил их с высокомерным видом, восседая на походном стуле. Кацуиэ всегда держался высокомерно, независимо от хода событий. Сёгэна он принял без промедления.

– На этот раз ты промахнулся, Сёгэн, – сказал Кацуиэ.

На лице Кацуиэ отражались переживания. Было известно, что вожди клана Сибата – и дядя,

и племянник – отличались целеустремленностью, самолюбием и способностью просчитывать замыслы на много ходов вперед. Сейчас они с непроницаемым видом ждали, чем порадует их Сёгэн.

– Вина лежит на мне, – начал Сёгэн, понимая, что без объяснений не обойтись.

Он горько раскаивался в собственном вероломстве, но дороги назад не было. Будучи дважды опозорен – предательством и его неудачей, – он, в душе гневаясь на себя, склонил голову перед высокомерным и самонадеянным князем.

Оставалось лишь просить у Кацуиэ прощения и пощады. Однако он надеялся на иное: еще была возможность вернуть милость Кацуиэ, и она связывалась с тайной нынешнего местонахождения Хидэёси. Кацуиэ и Гэмбу это весьма волновало, и они стали жадно вслушиваться, стоило Сёгэну завести разговор.

– Где сейчас Хидэёси?

– Местонахождение князя скрывают даже от его собственных подданных, – пояснил Сёгэн. – Его видели на строительных работах по возведению укреплений, но в лагере он уже изрядно долго отсутствует. Скорее всего, он в Нагахаме и занят подготовкой к отражению нападения со стороны Гифу, хотя не упускает из виду и то, что творится здесь. Он, похоже, намеренно ведет себя так, чтобы в нужном случае поспеть всюду.

Кацуиэ, мрачно кивнув, обменялся взглядом с Гэмбой.

– Наверное, так и есть. Он в Нагахаме.

– Какими доказательствами ты располагаешь?

– Сейчас у меня нет доказательств, – ответил Сёгэн, – но если вы дадите мне несколько дней, я сумею разузнать все в подробностях. В Нагахаме есть несколько человек, на которых я могу положиться, и я уверен, что они, узнав о моем переходе на вашу сторону, мой господин, сумеют выскользнуть из города и разыскать меня в вашем лагере. К тому же скоро поступят донесения от посланных мною лазутчиков. Кроме того, я готов предложить вам свой план. Пустив его в ход, вы сможете разгромить Хидэёси.

Он произнес это так, что у собеседников не осталось сомнений: он сам верит в собственные слова.

– Ты отвечаешь за свои слова, Сёгэн. Помни это – отвечаешь. Теперь выслушаем то, что ты хочешь поведать.

Утром девятнадцатого числа того же месяца Гэмба с Сёгэном еще раз прибыли в ставку Кацуиэ. На этот раз Сёгэн привез нечто и в самом деле ценное. Гэмба уже слышал его рассказ, но когда полученные Сёгэном сведения достигли слуха Кацуиэ, глаза у него расширились и по всему телу прошел озноб.

Сёгэн говорил вдохновенно:

– Последние несколько дней Хидэёси провел в Нагахаме. Два дня назад, семнадцатого, он внезапно покинул крепость и во главе двадцатитысячного войска выступил на Огаки, где встал лагерем. Без слов понятно: если ему удастся одним ударом разбить князя Нобутаку в Гифу, то он избавит себя от опасности получить удар в спину. Значит, мы вправе предположить, что он решил собрать свое войско воедино, двинуться в указанном направлении и попытаться решить дело в одном сражении. Мне передали: перед тем, как покинуть Нагахаму, – продолжил Сёгэн, – Хидэёси распорядился убить всех заложников, взятых из семейства князя Нобутаки; можете себе представить, с какой решимостью этот ублюдок обрушится на Гифу. Более того: вчера передовые отряды его войска сожгли несколько деревень в окрестностях Гифу и начали приготовления к осаде.

«Настал день, который мы ждали», – подумал Кацуиэ и с трудом удержался, чтобы не облизать губы, как хищник при виде добычи.

Гэмба испытывал такой же подъем духа. Он рвался в бой нетерпеливее дядюшки. Им выпадала возможность победить – трудно было ожидать другого случая. Важно было не упустить его.

Мелкая удача в ходе военных действий улыбается то здесь, то там десятки тысяч раз, улыбается то тебе, то противнику; удачи и неудачи чередуются, как волны, но истинная удача, от которой зависит возвышение или падение человека и целого рода ценой единственного решительного натиска, – такая удача приходит только раз в жизни. Сейчас Кацуиэ улыбалась именно такая удача. Ему оставалось только воспользоваться ею – или не сумеет воспользоваться. У Кацуиэ кружилась голова, стоило задуматься над тем, какие возможности перед ним открываются. Щеки молодого Гэмбы залил багрянец радости.

– Сёгэн, – овладев собой, начал Кацуиэ, – если у тебя и впрямь есть некий замысел, то сейчас самое время посвятить нас в него.

– Согласно моему скромному мнению, нам необходимо начать действовать, одновременно атаковав две вражеские крепости – на горе Ивасаки и на горе Оива. Необходимо действовать согласованно с князем Нобутакой, хоть он и у себя в Гифу, и с той же стремительностью, с которой приступил к делу Хидэёси. Вашим союзникам следует обрушиться на малые крепости, находящиеся под властью Хидэёси, и уничтожить их.

– В точности то же самое я намерен предпринять, однако на словах это проще, чем на деле. Не так ли, Сёгэн? У врага тоже есть войско и он тоже возводит повсюду укрепления, не правда ли?

– Когда окинешь мысленным взором боевые порядки Хидэёси из его собственного лагеря, то видно, что они слишком растянуты, – возразил Сёгэн. – Подумайте над этим. Две вражеские крепости – на горе Ивасаки и на горе Оива – далеко отстоят от ваших позиций, но они имеют первостепенное значение. Не следует забывать, что крепости эти возведены на скорую руку и не обладают хорошо продуманной сетью укреплений. К тому же коменданты обеих крепостей и воины твердо уверены, что на них не нападут. Поэтому их приготовления к осаде и приступу небрежны и медлительны. Внезапная молниеносная атака непременно принесет успех. Более того, с падением этих опорных крепостей все остальные сами свалются в наши руки.

Кацуиэ и Гэмба горячо одобрили план, предложенный Сёгэном.

– Сёгэн сумел взглянуть на вражеские боевые позиции изнутри, – сказал Кацуиэ. – Это лучший план уничтожения Хидэёси и его войска.

Кацуиэ впервые удостоил Сёгэна подобной похвалы. Последние несколько дней он был хмур и задумчив, но сейчас его настроение внезапно улучшилось.

– Поглядите сюда, – сказал он, разворачивая карту.

Крепости Данги, Синмэй, Ивасаки и Оива находились на восточном берегу озера Ёго. Имелось также множество крепостей на пространстве между южной оконечностью Сидзугатакэ и горой Тагами, цепочка лагерей вдоль дороги, ведущей в северные провинции, и еще несколько важных опорных точек. На карте все это было изображено отчетливо, равно как и местность – со всеми озерами, горами, полями и долинами.

Невозможное стало возможным. «Да, Хидэёси крупно не повезло в том, что перед решительным сражением у врага нашлась столь подробная тайная карта», – усмехнулся Кацуиэ.

Казалось, карта радовала Кацуиэ больше всего. Тщательно изучив ее еще раз, он вновь похвалил Сёгэна:

– Сёгэн, это воистину чудесный подарок.

Гэмба тоже склонился над картой, внимательно изучая ее, но затем, подняв глаза, уверенно произнес:

– Дядюшка, что касается плана, предложенного Сёгэном, – прорваться глубоко во

вражеский тыл и взять крепости на горе Ивасаки и на горе Оива... Позволь мне заняться этим! Я убежден: никто другой не сможет проделать этот бросок так стремительно и решительно, как я!

– Не торопись! Дай мне подумать.

Кацуиэ закрыл глаза и задумался, словно опасаясь рвения племянника. Но ему было не устоять под напором отчаянного и честолюбивого Гэмбы.

– Есть ли у тебя запасной план? Так, на всякий случай... Да нет, ты ни о чем другом не способен думать.

– Зачем это?

– Небо, ниспосылая удачную возможность, не любит, когда люди не торопятся ею воспользоваться. Мы стоим над картой и разговариваем, а удача отдаляется с каждым мгновением.

– Без глупостей, Гэмба!

– Чем дольше ты размышляешь, тем больше времени мы теряем. Неужели ты не в силах принять окончательное решение, когда перед нами замаячила небывалая победа? Увы, я начинаю подозревать, что ты, прославленный Злой Дух Сибата, постарел.

– Ты говоришь глупости, потому что молод. Когда дело доходит до боя, смелости у тебя хоть отбавляй, но высоким искусством военной мысли ты еще не владеешь.

– Неужели?

Гэмба побагровел, но Кацуиэ не позволил втянуть себя в ссору. Пройдя множество войн, он умел хранить самообладание везде и всюду.

– Задумайся, Гэмба. Нет ничего опаснее, чем поход по вражеским тылам. Зачем так рисковать ради двух малых крепостей? Не лучше ли все заранее рассчитать, чтобы впоследствии не раскаиваться?

В ответ Гэмба презрительно расхохотался, но смеялся он не над нерешительностью дядюшки, а, как всякий молодой самонадеянный упрямец, над осторожностью и оглядкой старших.

Кацуиэ ничуть не обиделся на племянника. Он любил Гэмбу каков он есть – грубого, несдержанного, насмешливого и непочтительного.

Гэмба привык, что Кацуиэ во всем ему потакает. Он научился читать в душе дядюшки и, конечно, умел управлять его чувствами. Вот и сейчас он принял, не отставая, наседать:

– Пусть я молод, но опасности похода по тылам противника вижу очень хорошо. Поверь, мне нужна не слава непобедимого воина – я хочу победы нашего общего дела. И не буду кривить душой, дядюшка: опасности меня тоже привлекают, иначе какой же я воин?

Кацуиэ все еще не был готов принять решение, навязываемое Гэмбой. Он погрузился в размышления. Гэмба на время оставил его в покое и обратился к Сёгэну:

– Дай взглянуть на карту!

Не вставая, он развернул свиток и молча взгляделся, поглаживая щеку.

Прошел час.

Кацуиэ сомневался, стоит ли отправлять в поход по тылам врага самого Гэмбу – именно потому, что тот просил его об этом с такой настойчивостью, но теперь, наблюдая, как тщательно племянник изучает карту, он почувствовал, что вполне может положиться на него.

– Ладно, – решившись наконец, обратился к Гэмбе Кацуиэ. – Пусть будет по-твоему. Только смотри – не допусти ошибки. Приказываю тебе нынче ночью ударить в тыл врагу.

Гэмба поднял глаза на Кацуиэ и сразу вскочил. Полученный приказ безмерно обрадовал его. Он поклонился дяде с небывалым почтением. Любуясь племянником и разделяя его радость, Кацуиэ ни на мгновение не забывал, что затея может при первой оплошности обернуться гибелью исполнителя.

– Еще раз повторяю: как только возьмешь и уничтожишь крепости на горах Ивасаки и Оива, немедленно возвращайся. Лети домой, как на крыльях.

– Да, дядюшка.

– Едва ли нужно напоминать тебе, что подготовить безопасный и надежный отход – непереносимое условие успеха боевых действий. Особенно когда совершаешь поход по вражеским тылам. Не оставить пути для отступления – то же, что бросить недостроенной запруды на горной реке: очень скоро все твои труды будут смыты и унесены прочь. Стремительно продвинувшись вперед, так же стремительно отступай при опасности окружения.

– Я буду помнить твои советы, дядя.

Добившись желаемого, Гэмба начал проявлять небывалую уступчивость. Кацуиэ поспешил собрать своих военачальников. Вечером необходимые приказы были переданы во все лагеря; перед каждым полком была поставлена боевая задача.

Заканчивался девятнадцатый день четвертого месяца. Во второй половине часа Крысы, под покровом тьмы и в полной тайне, из лагеря выступило восемнадцатитысячное войско. Передовой отряд, которому предстоял поход по вражеским тылам, был разбит на два корпуса, по четыре тысячи человек в каждом. Воины спустились с гор в сторону Сиоцудани, одолели перевал Таруми и отправились на восток по западному берегу озера Ёго.

Двигаясь столь же скрытно, двенадцатитысячный ударный отряд основного войска Кацуиэ избрал другой путь. Продвигаясь по дороге, ведущей в северные провинции, он начал забирать к юго-востоку. Эти действия были предприняты для того, чтобы оказать поддержку походу отряда во главе с Сакумой Гэмбой и в то же время воспрепятствовать любым передвижениям войск между вражескими крепостями.

Тогда же трехтысячный корпус под началом Сибаты Кацумасы пошел на юго-восток по склону горы Ииура. Спустившись с нее, он затаился в засаде, убрав знамена и вооружение, пристально следя за перемещениями вражеских войск по направлению к Сидзугатакэ.

Маэде Инутиё было поручено взять под наблюдение боевой рубеж между Сиоцу, горой Данги и горой Синмэй.

Сибата Кацуиэ выступил из ставки на горе Накао во главе семитысячного войска и продвинулся до Кицунэдзаки по дороге, ведущей в северные провинции. Тем самым он пытался сбить с толку и вызвать на сражение пятитысячное войско Хидэмасы, расположившееся на горе Хигасино. Войско Кацуиэ гордо прошествовало мимо этой горы, высоко подняв знамена.

Ночное небо на востоке заалело, наступило утро. Ночь двадцатого числа четвертого месяца по лунному календарю была короткой, вот-вот должно было наступить летнее солнцестояние.

Как раз в эти часы предводители передового отряда, ступив на белый песок берегов озера Ёго, собрали растянувшееся в движении войско воедино. Вслед за четырехтысячным первым корпусом прибыл второй. Таково было войско, которому предстоял поход по вражеским тылам. Во главе его шел Сакума Гэмба.

Туман еще не рассеялся.

Вдруг небо над озером расцветилось радугой. Приближался рассвет, но на берегу еще была такая тьма, что люди не видели ни друг друга, ни своих лошадей. Тьма скрывала вьющуюся в высокой траве тропу.

Полотнища знамен колыхались в клубах тумана – казалось, войско движется по морскому дну. Холодный туман застилал глаза и теснил дыхание, но вооруженные воины шли твердо и уверенно, зная, что им предстоит великое дело.

С берега доносились шум, смех и веселые оживленные голоса. Лазутчики отряда ползком подкрались туда, чтобы выяснить, кому вздумалось резвиться в густом тумане. Оказалось, двое самураев и десяток конюхов из крепости на горе Ивасаки, войдя в озеро, купают лошадей.

Лазутчики решили не дожидаться подхода основных сил, взмахами рук позвали подмогу и с воплями «Брать живьем!» кинулись на незадачливых купальщиков.

Застигнутые врасплох, самураи и конюхи бросились бежать, поднимая тучи брызг и крича:

– Враги! Враги!

Пятерым или шестерым удалось скрыться, остальных люди Гэмбы схватили.

– Отлично! Начало положено, открываем охоту!

Воины клана Сибата поволокли пленников к своему военачальнику. Им оказался Фува Хикодзо. Он допросил пленных, не слезая с коня.

Послали гонца к Сакуме Гэмбе, извещая о случившемся и спрашивая, как поступить с захваченными в плен. Ответ последовал незамедлительно:

– Не тратить зря время. Всех убить и немедленно продолжить движение на гору Оива.

Фува Хикодзо спешил, обнажил меч и собственноручно обезглавил одного из пленников. Затем, обратившись к своим воинам, воскликнул:

– Чего вы ждете! Убейте этих людей, принесите их головы в жертву богу войны! И вперед – на приступ горы Оива!

Самураи едва не передрались между собой: каждый стремился первым заполучить голову конюха. Обрушив на пленных десятки мечей, они изрубили всех и во весь голос призвали на помощь бога войны. Громкие крики прокатились по всему войску.

В редящем тумане железными волнами катилось войско, самураи неслись к боевой славе. Забеспокоились лошади, на полном скаку обгоняя и отталкивая друг друга. Полки копьеносцев двинулись наперегонки, наконечники копий сверкали в лучах утреннего солнца.

Уже доносилась ружейная пальба, лязгали мечи, со стуком сшибались копья, дикие звуки неслись оттуда, где поднимался внешний частокол крепости Оива.

Как глубок освежающий сон короткой летней ночью! Склоны горы Оива, отрядом на которой командовал Накагава Сэбэй, и гора Ивасаки, где комендантом крепости был Такаяма Укон, – самое сердце укреплений, воздвигнутых Хидзэси, – были окутаны туманом и так спокойны, словно никто не догадывался о приближении вражеского воинства.

Крепость на горе Оива была простым полевым укреплением. Накагава Сэбэй мирно спал в хижине, окруженной со всех сторон изгородью.

Еще не полностью очнувшись, он поднял голову и пробормотал:

– Что происходит?

На грани яви и сна, еще не поняв, что к чему, он поспешно встал и облачился в доспехи, лежавшие у изголовья.

Едва он успел одеться, как в дверь громко и бесцеремонно постучали.

Стучавшие были нетерпеливы – чуть подождяв, они высадили дверь и ввалились в хижину.

– Войско Сибаты атакует нас!

– Успокойтесь! – одернул их Сэбэй.

Спасшиеся от смерти, похоже, едва владели собой, и по их сбивчивым словам Сэбэй не понял, где прорвался противник и кто идет во главе войска.

– Даже самый безрассудный враг не осмелился бы прорваться так глубоко в наши тылы: выходит, эти люди – настоящие смертники. С ними нелегко будет справиться. Не знаю, кто у них предводитель, но догадываюсь: из всех воинов клана Сибата на такое способен только Сакума Гэмба.

Сэбэй быстро схватил суть дела, но от этого ему не стало легче. Напротив, он задрожал мелкой дрожью. «Нечего сказать, сильный противник мне достался!» – подумал он. Но наряду со страхом в нем вспыхнуло и чувство гордости – оно заставило его распрямиться.

Схватив длинное копьё, он крикнул:

– Вперед! В бой!

Издали доносился беспорядочный ружейный огонь: стреляли у подножия горы. Затем пальба послышалась совсем рядом, из рощи на юго-западном склоне горы.

– Враг вышел на склон и занял лесные просеки!

Туман был по-прежнему густ, вражеских знамен не видно, и это нагоняло на воинов Сэбэя еще больший страх.

Сэбэй снова выкрикнул призыв к бою. Эхо разнесло его крик по дальним склонам.

Полк Накагавы Сэбэя в тысячу человек, удерживавший оборону на горе, был разбужен внезапной атакой чуть ли не с неба свалившегося врага, застигнут врасплох. Им до сих пор было известно, что главные силы клана Сибата – на порядочном расстоянии отсюда, это и сбило их с толку. Находясь в глубине боевых порядков целой армии, никак не ждешь внезапного вражеского налета. Но прежде чем они успели сообразить, что происходит, враг обрушился на них со всех сторон, как горный камнепад.

Сэбэй топал ногами, проклиная своих воинов за легкомыслие. Один за другим его разыскивали командиры, идя то на звук голоса, то на боевое знамя. Сюда же небольшими группами подходили и воины. Скоро вокруг Сэбэя собралось самое настоящее, пусть и малочисленное, войско.

– Кто ведет противника? Гэмба?

– Да, мой господин, – ответил один из приверженцев.

– Сколько у него воинов?

– Чуть менее десяти тысяч.

– Он движется одной цепью или двумя?

– Похоже, там два корпуса. Гэмба наступает из Ниватонохамы, а Фува Хикодзо – со стороны горы Онодзи.

Даже собрав всех защитников крепости, Сэбэй не мог рассчитывать больше чем на тысячу воинов. А у врага было около десяти тысяч.

Укрепления, особенно ворота у подножия горы, никуда не годились. Взять их для Гэмбы – вопрос времени, причем недолгого.

– Встретить врага у ограды!

Сэбэй отправил к подножию горы самого верного помощника во главе отряда из трехсот воинов. Затем обратился к остальным:

– Все за мной! С тех пор, как клан Накагава выступил из Ибараки в провинции Сэтцу, он ни разу не терпел поражения в честном бою! Не отдавайте врагу ни пяди земли, стойте насмерть!

Подняв над головой боевое знамя, Накагава Сэбэй хлестнул коня и на полном скаку помчался к подножию горы, где шла схватка.

Наутро в тот же день шесть или семь боевых кораблей пустились в путь на север по озеру Бива, скользя по воде, как стая водоплавающих птиц. На одном из них под балдахинном трепетало на ветру знамя с изображением ириса на золотом фоне.

Нива Нагахидэ стоял на мостике корабля. Внезапно он увидел, как в горах на северном берегу озера в небо поднимается черный дым, и, забеспокоившись, начал спрашивать приверженцев:

– Откуда этот дым? Это Оива или Сидзугатакэ?

– Видимо, Сидзугатакэ, – ответил один из военачальников его штаба.

Глядя с озера, невозможно было понять истинное расположение горных вершин, поэтому пламя и дым, поднимающиеся над горой Оива, выплывали, казалось, из горных ущелий Сидзугатакэ.

– Точно не скажу.

Нахмурившись, Нива пристально всмотрелся в горную даль.

Его предчувствие оказалось удивительно точным. На рассвете того же дня – это было двадцатое число – он получил письмо от своего сына Набэмару. Там говорилось:

«На протяжении ночи наблюдалась непонятная суега в ставке Кацуиэ и в лагере Гэмбы».

Поэтому он и предположил, что речь идет не о простом лесном пожаре в горах, а о вражеском нападении. Хидэёси увяз в войне против Гифу. Если враг окажется достаточно сообразительным, он поймет, что сейчас самое время ударить в глубину расположения войска Хидэёси.

Нива заподозрил недоброе, едва получив донесение от сына. Погрузив все свое войско, насчитывающее тысячу воинов, на боевые корабли, он решил переправиться через озеро в окрестностях Кудзуо.

Как он и опасался, со стороны Сидзугатакэ в небо пополз дым. Когда отряд высадился в Кудзуо, все услышали ружейную пальбу.

– Кажется, враг овладел крепостями на Мотояме. Сидзугатакэ теперь тоже под угрозой, и я сомневаюсь, сумеет ли выстоять крепость на горе Ивасаки.

Нива решил посоветоваться с двумя своими военачальниками.

– Положение незавидное, – сказал один из них. – Враг направил сюда большое войско. Даже если мы вмешаемся в случае необходимости, наших сил может оказаться недостаточно. Лучше всего немедленно возвратиться в Сакамото и начать готовить крепость к обороне.

– Вздор! – недовольно отмахнулся Нива. – Немедленно высаживаем войско на берег. Затем ты забираешь корабли, идешь в Кайцу и возвращаешься, взяв на борт треть сил под началом Нагамару.

– Хватит ли у вас на это времени?

– Когда начинаются военные действия, время течет по-другому, не так, как в мирные дни. Наше присутствие здесь удивит неприятеля и окажет поддержку воинам клана. Врагу тоже понадобится время, чтобы выяснить, что нас мало, а это наверняка замедлит его продвижение. Так что высаживай войско на берег и спеши в Кайцу.

Войско высадилось в Одзаки, и суда немедленно пустились в обратный путь. Нива придержал коня в одной из здешних деревень, чтобы расспросить местных жителей о происходящем.

Крестьяне поведали, что битва началась на рассвете и оказалась совершенно неожиданной. Почти одновременно они увидели пламя на горе Оива и слышали громopodobные боевые кличи. Затем всадники из отряда Сакумы промчались вдоль деревни по направлению на Ёго. Ходят слухи, что защитники крепости во главе с Накагавой Сэбэем приняли бой и были поголовно уничтожены.

Когда крестьянам задали вопрос, известно ли им что-нибудь о появлении людей Куваямы в окрестностях Сидзугатакэ, они ответили, что несколько минут назад князь Куваяма Сигэхару со своим войском выступил из крепости в Сидзугатакэ и помчался по горной дороге по направлению к Киномото.

Услышав это, Нива был потрясен. Он прибыл с войском, готовый, рискуя жизнью, поддержать союзников, а войско Накагавы уже уничтожено до последнего человека, и войско

Сигэхару, бросив позиции, пустилось в бегство. Какое постыдное поведение! О чем они думают? Ниве стало даже чуть жаль трусливого Сигэхару.

– И все это произошло, вы говорите, только что? – переспросил он крестьян.

– Они успели отъехать отсюда не больше чем на половину ри, – ответил один.

– Иноскэ! – крикнул Нива. – Догони корпус Куваямы и переговоры с князем Сигэхару.

Скажи ему, что я прибыл и что мы с ним вместе сумеем защитить Сидзугатакэ. Скажи, чтобы он возвращался немедленно!

– Слушаю и повинуюсь.

Иноскэ хлестнул коня и помчался по направлению к Киномото.

Куваяма Сигэхару на протяжении дня дважды, трижды пытался убедить Накагаву Сэбэя отступить, но не оказал ему помощи и сам пал духом под неудержимым натиском войска Сакумы. Как только он услышал, что все воины Накагавы погибли, то оставил последние колебания и, стремясь прорваться в лагерь могущественных союзников, бросил Сидзугатакэ – без единого выстрела, без единого взмаха меча. Думая только о себе и о спасении, он ударился в бегство.

Сигэхару намеревался соединиться с союзниками в Киномото и дождаться там дальнейших распоряжений Хидэнаги. По дороге его догнал человек клана Нива с докладом о неожиданном подкреплении. Обретя былую смелость, Сигэхару развернул и остановил войско и повел его назад, в Сидзугатакэ.

Тем временем Нива сумел воодушевить местных жителей. Поднявшись на вершину Сидзугатакэ, он соединился с Куваямой Сигэхару и его войском.

Первым делом Нива написал и отправил письмо Хидэёси в Мино, извещая, что события приняли опасный поворот.

Войско Сакумы на горе Оива разгрузило обоз. Сакума, убежденный в своей победе, устроил двухчасовой привал, начиная с часа Лошади. Долгое и яростное сражение, а главное, изнурительный ночной бросок утомили воинов – после этого им было необходимо отдохнуть. Утолив голод и жажду, они вновь воспрянули духом; зазвучали вольные разговоры, исчезла усталость, следы вражеской крови на одежде и оружии пьянили и возбуждали вышедших из боя людей.

От отряда к отряду в выкриках военачальников полетел приказ главной ставки:

– Спать! Всем немного поспать! Неизвестно, что ждет нас ночью.

По небу плыли летние облака, из-за деревьев доносилось пение первых цикад. Ветер, веявший с гор от одного озера к другому, приносил приятную свежесть, и воинов, насытившихся и утомленных, начало клонить ко сну. Обхватив руками ружья и копья, они опустились наземь.

В тени деревьев сон сморил и лошадей. Даже военачальники, прислонившись к стволам или присев на пни, забылись недолгим сном.

Было тихо. Такая тишина наступает только после яростного сражения. Лагерь врагов, безмятежно спавших до рассвета, был сожжен дотла, все его обитатели превратились в мертвецов, трупы их лежали в густой траве. Стоял ясный день, однако казалось, будто в воздухе витает дыхание смерти. В полной тишине несли службу лишь часовые, остальных охватило забытье.

В тени навеса безмятежно и сладко храпел предводитель дерзкого воинства – Сакума Гэмба. Неожиданно поблизости послышался топот нескольких коней. Воины при оружии и в доспехах бросились к временной ставке. Приближенные, спавшие в шатре около Гэмбы, сразу проснулись и выглянули наружу.

– Кто там? – крикнул один из них.

– Мацумура Томодзюро, Кобаяси Дзусё и лазутчики.

– Войдите.

Лазутчиков в шатер пригласил сам Гэмба. Внезапно проснувшись, он в недоумении озирался, хлопая красными от недосыпа глазами. Похоже, перед тем, как ненадолго заснуть, он успел крепко хлебнуть сакэ. Большая красная чашка из-под коварного напитка валялась опрокинутой возле его походного стула.

Мацумура опустил на колени у входа в шатер и доложил, что ему с товарищами удалось разузнать.

– На горе Ивасаки не осталось ни одного вражеского воина. Мы остерегались, что они, убрав знамена, затаятся и устроят засаду, поэтому все тщательно оглядели. Но их предводитель Такаяма Укон со всеми воинами ушел на гору Тагами.

Гэмба радостно хлопнул в ладоши.

– Бежали, как зайцы! – Рассмеявшись, он победоносно глянул на подчиненных. – Он говорит, что Укон бежал! Должно быть, легкие у него ноги! Славно! Славно!

Он вновь расхохотался. Его крупное тело колыхалось от безудержного хохота. Не совсем протрезвев после выпитой перед сном победной чашки, он продолжал смеяться и никак не мог умолкнуть.

Как раз в это время вернулся гонец, ездивший в ставку Кацуиэ с докладом о достигнутых успехах. Он привез новые распоряжения Кацуиэ.

– Замечены ли передвижения вражеского войска в окрестностях Кицунэдзаки? – осведомился Гэмба.

– Все как обычно. Князь Кацуиэ пребывает в превосходном расположении духа.

– Могу себе представить, как он радуется.

– Да, он чрезвычайно доволен.

Гэмба продолжал расспрашивать вестника, не давая тому времени даже смахнуть дорожную пыль с лица.

– Когда я подробно пересказал ему события нынешнего утра, он сказал: «Вот как? Что ж, это похоже на моего племянника».

– Что насчет головы Сэбэя?

– Он тщательно осмотрел ее и сказал, что убежден: это Сэбэй. Окинув взглядом присутствующих, он добавил, что это послужит добрым предзнаменованием к начатой войне, и его настроение стало еще лучше, чем прежде.

Гэмба и сам был настроен превосходно. Услыхав, как обрадовался его успехам Кацуиэ, он возликовал и захотел немедленно поразить дядюшку еще большими подвигами.

– Подозреваю, властителю Китаносё еще неизвестно, что мне в руки упала и крепость на горе Ивасаки, – рассмеялся он. – Слишком малыми успехами он довольствуется, чересчур бурно радуется мелким удачам.

– О падении Ивасаки ему доложили в последние минуты перед моим отбытием.

– Выходит, не нужно отправлять ему еще одно донесение?

– Если только о крепости на горе Ивасаки, то не стоит.

– К завтрашнему утру я захвачу и Сидзугатакэ!

– Князь говорил и об этом...

– Что?

– Князь Кацуиэ предостерегает, чтобы вы, в опьянении одержанной победой, не начали считать врага чересчур слабым. Просчет может обернуться серьезной бедой.

– Вздор! – рассмеялся Гэмба. – От одной победы я не опьянею. Я снова одержу верх!

– Князь Кацуиэ напоминает также, что вам еще перед отбытием из Китаносё было

строжайше предписано обеспечить безопасный отход, как только вы глубоко вторгнетесь во вражеские тылы, и не задерживаться в расположении противника слишком долго. Сегодня он вновь указал напомнить вам о необходимости скорейшего возвращения.

– Он приказывает вернуться немедленно?

– Его наказ дословно гласит: возвратиться поскорее и пойти на соединение с силами союзников.

– Какое малодушие! – заметил Гэмба, криво усмехнувшись. – Но – да будет так!

Прибыли еще несколько лазутчиков с последними донесениями. Трехтысячное войско под командованием Нивы воссоединилось с корпусом Куваямы, совместными усилиями начата подготовка к обороне Сидзугатакэ.

Эта новость только подлила масла в огонь: Гэмба так и рвался в бой. Известие, что враг стал сильнее, настоящего полководца только воодушевляет.

– Занятно складываются дела...

Отодвинув полог шатра, Гэмба вышел на воздух. Любуясь свежей и сочной зеленью гор, он видел на расстоянии двух ри к югу Сидзугатакэ. Чуть ниже по горному склону от того места, где он стоял, вверх по тропе взбирался какой-то военачальник в сопровождении оруженосцев. Начальник стражи у первой линии укреплений оставил свой пост и услужливо показывал дорогу.

Щелкнув языком, Гэмба сказал:

– Должно быть, это Досэй.

Поскольку Досэй был правой рукой дядюшки, Гэмба догадался о причине его прибытия прежде, чем тот заговорил.

– Вот и вы!

Досэй отер пот со лба. Гэмба молча смотрел на него, даже не подумав пригласить к себе в шатер.

– Досэй, как вы здесь очутились? – произнес он в конце концов крайне сухо.

Досэй огляделся, словно собираясь с мыслями, но Гэмба, не дав ему начать, заговорил первым:

– Здесь мы заночуем, а утром снимемся. Я уже доложил об этом дядюшке.

Всем своим видом Гэмба показывал, что не желает слушать ни объяснений, ни увещаний.

– Мне это известно.

Досэй, как опытный придворный, начал разговор с поздравлений по случаю одержанной победы. Он расписал сражение на горе Оива самыми яркими красками, но Гэмбе было сейчас не до праздных бесед. Он потребовал, чтобы Досэй перешел к делу.

– Дядюшка послал вас, потому что по-прежнему беспокоится, не правда ли?

– Как вы сами только что изволили заметить, он чрезвычайно обеспокоен вашим решением задержаться здесь на ночь. Ему хотелось бы, чтобы вы оставили местность, принадлежащую врагу, самое позднее нынешним вечером. Он ждет вас у себя в ставке.

– Не волнуйтесь, Досэй. Я команду отборным войском – и оно продвигается, сметая на своем пути все и вся. В обороне оно стоит как живая несокрушимая стена. Никто никогда не называл нас трусами.

– Князь Кацуиэ сначала во всем положился на вас, и вам это прекрасно известно. Но военный план князя не допускает ни малейших задержек и промедлений, особенно во время похода по тылам противника.

– Погодите, Досэй! Вы хотите сказать, что я не владею искусством воевать? И говорите это не только от собственного имени, но и от дядюшкиного?

Встревоженный тоном Гэмбы, Досэй вынужден был промолчать. Но он понимал:

возложенная на него обязанность посредника чревата немилостью и унижением.

– Если таков ваш ответ, мой господин, то я дословно передам его князю Кацуиэ.

Досэй поспешил уйти. А Гэмба, вернувшись в шатер, принялся раздавать срочные распоряжения. Разместив один отряд на горе Ивасаки, он выслал несколько отрядов и вспомогательных частей в Минэгаминэ и окрестности Каннондзаки, то есть в местность, лежащую между Сидзугатакэ и горой Оива.

Вскоре ему доложили о появлении еще одного важного гостя.

– Князь Дзээмон только что прибыл из главного лагеря в Кицунэ.

Князь Дзээмон прибыл не для пустых разговоров и не для устной передачи опасений князя Кацуиэ. Он привез письменный боевой приказ, главным содержанием которого было очередное требование немедленного отступления. Гэмба выслушал приказ, сумев на сей раз обойтись без вспышки гнева, однако его решение осталось неизменным: он собирался поступить так, как считал нужным.

– Дядюшка возложил на меня ответственность за глубокое вторжение во вражеские тылы. Послушаться его сейчас означало бы разрушить столь удачно свершающийся замысел. Надеюсь, он позволит мне сохранить жезл полководца хотя бы еще ненадолго.

Таким образом Гэмба не только не прислушался к советам, которые дали ему высокопоставленные посланцы, но и откровенно пренебрег прямым приказом главнокомандующего. Самолюбие и тщеславие послужили ему щитом. В противостоянии с ним и с его упрямством даже у Дзээмона – нарочно выбранного Кацуиэ для этой цели – не было надежды на успех.

– Больше я ничего сделать не могу, – сказал Дзээмон, мысленно прокляв всю затею. Ему, правда, не удалось удержаться от гневного восклицания. – Даже не смею подумать, как отнесется к этому князь Кацуиэ, но я передам ему в точности сказанное вами.

И, не пускаясь в дальнейшие пререкания, он поспешно уехал. Обратно он мчался с такой же скоростью, как и сюда, когда стремился вразумить Гэмбу.

Убыл третий посланец, затем прибыл четвертый. Солнце начало клониться к западу. Четвертым посланцем оказался Ота Кураноскэ, старый самурай, многолетний соратник и личный друг Кацуиэ. Он говорил дольше всех, не столько о приказе к отступлению, сколько о взаимоотношениях между племянником и дядей, прилагая усилия к тому, чтобы перебороть упрямство Гэмбы.

– Ладно. Мне понятна ваша решимость, но князь Кацуиэ относится к вам лучше, чем к любому другому члену рода, поэтому он так за вас беспокоится. После того как вам удалось разрушить значительный участок вражеских укреплений, появилась возможность перестроить свои порядки так, чтобы победы одна за другой начали падать нам в руки, а вражеское войско слабело и теряло прежний дух изо дня в день. Такова истинная дальновидность – благодаря ей нам удастся захватить власть над всей страной. Послушайте, князь Гэмба, сейчас самое время остановиться.

– Солнце садится, и на дороге становится все опасней. Старик, тебе пора возвращаться.

– Значит, вы по-прежнему не согласны?

– О чем ты?

– Объявите ваше решение.

– Я объявил о своем решении сразу.

Усталый и разочарованный, Ота удалился ни с чем.

Прибыл пятый посланец.

Гэмба становился все несговорчивее. Он зашел так далеко, что ему ни за что не хотелось поворачивать назад. Пятого посланца он было вовсе отказался принять, но не смог это сделать –

приехавший далеко превосходил значимостью и влиянием тех четверых, что напрасно побывали у Гэмбы до него.

– Мне известно, что вы отвергли советы всех посланцев князя. Сейчас сюда намеревается прибыть сам князь Кацуиэ. Лишь с великим трудом нам удалось убедить его остаться в ставке; вместо него поехать сюда было поручено мне. Я прошу вас хорошенько продумать сложившееся положение, а затем незамедлительно покинуть гору Оива и как можно скорее отправиться в обратный путь.

Он произносил свою речь, простершись ниц перед входом в шатер.

Гэмба, однако же, решил все по-своему. Даже если Хидэёси успели оповестить о происшедшем и он выступил сюда из Огаки, расстояние, которое ему предстоит преодолеть, составляет тринадцать ри, поэтому опасаться его появления следует не раньше глубокой ночи. Так рассудил Гэмба. Да и непросто будет Хидэёси отказаться от неотложных дел в Гифу. Значит, угроза сражения с ним может стать явью не раньше, чем завтра к вечеру или даже через день.

– Мой племянник ничего не желает слушать. Кого бы я к нему ни присылал, все тщетно, – вздохнул Кацуиэ. – Придется поехать туда самому, чтобы заставить его вернуться еще до наступления ночи.

В ставке в Кицунэ в этот день узнали о счастливом исходе предпринятой Гэмбой вылазки, и во всем лагере царило веселье. Но приказа о немедленном отступлении Гэмба не выполнил. То, с какой насмешливостью, чтобы не сказать – издевкой, Гэмба отсылал одного высокопоставленного ходатая за другим, можно было расценить не только как нарушение приличий, но и как мятеж.

– Мой племянник! Он меня погубит! – вырвалось у Кацуиэ, которому с великим трудом удавалось хранить самообладание.

Как только разговоры о разногласиях между дядей и племянником достигли слуха полевых командиров, боевой дух войска сразу пошел на убыль. А когда Кацуиэ позволил себе вслух осудить непослушание Гэмбы, от бывшего веселья не осталось и следа.

– Еще один посланец выехал из ставки.

– Еще один?

– Когда же это кончится?

Наблюдая за непрерывными поездками посланцев Кацуиэ туда и обратно, воины затревожились.

На протяжении второй половины дня Кацуиэ мрачно думал о том, что ему вряд ли удастся умереть своей смертью. К тому времени, как он дождался возвращения пятого посланца, Кацуиэ извелся так, что едва мог сидеть. Ставку разместили в храме Кицунэдзака. По его длинным коридорам и расхаживал сейчас Кацуиэ, в нетерпении поглядывая в сторону ворот храма.

– Ситидза еще не вернулся? – Уже в который раз он обращался к своим приближенным с этим вопросом. – Вечереет. Почему он не возвращается?

Начало темнеть. Кацуиэ окончательно встревожился. Заходящее солнце спряталось за главную башню храма.

– Князь Ядоя вернулся! – провозгласил страж у ворот.

– Что происходит? – беспокойно осведомился Кацуиэ.

Посланец поведал обо всем: о том, что Гэмба сперва отказался принять его, хотя ему и удалось настоять на встрече, о том, что он подробно изложил точку зрения князя, но не был услышан. Гэмба на все доводы возразил, что даже если Хидэёси немедленно выступит в сторону горы Оива из Огаки, ему понадобится целый день, если не два, чтобы поспеть туда. А когда он наконец прибудет, войско Хидэёси окажется настолько измотанным долгой и трудной дорогой,

что отборным отрядам Гэмбы не составит труда разгромить его. По этой причине он решил оставаться на горе Оива, и ничто на свете не способно заставить его переменить решение.

Кацуиэ побагровел от гнева.

– Безумец! – воскликнул он, задохнувшись гневом и схватившись за горло, словно вскипевшая кровь душила его. А затем, все еще дрожа в неостывшей ярости, пробормотал: – Поведение Гэмбы непозволительно. Ясо! Ясо! – что было силы крикнул Кацуиэ, обращаясь к одному из самураев, ожидающих в соседней комнате.

– Вы призываете Ёсиду Ясо? – отозвался вместо него Мэндзю Сёскэ.

– Да, да! – заорал Кацуиэ, вымещая свой гнев на Сёскэ. – Немедленно приведи его! Скажи, чтобы все бросил и шел сюда сразу!

По коридорам храма пронесся шум торопливых шагов. Ёсида Ясо получил приказ Кацуиэ и сразу же, нахлестывая коня, помчался на гору Оива.

Долгий день подошел к концу, в саду под деревьями развели костры. Их пламя походило на то, которое бушевало сейчас в душе у Кацуиэ.

Поездка на расстояние в два ри не отнимает много времени, особенно если мчишься на добром коне, и Ёсида Ясо вернулся в мгновение ока.

– Я объяснил, что вы обращаетесь к нему в последний раз, и тщательно расспросил, продумал ли он возможные последствия, но князь Гэмба по-прежнему стоит на своем.

Значит, шестой человек вернулся с пустыми руками. У Кацуиэ больше не оставалось сил гневаться. Не будь он военачальником, ввязавшимся в тяжелую войну, он бы впал в тоску и уныние. Но вместо этого он ушел в себя, замкнулся и мысленно проклял свою слепую любовь к племяннику. Отныне с этим покончено навсегда.

– Я сам во всем виноват, – единственное, что он позволил себе произнести вслух.

На поле сражения, где главную роль играет подчинение приказам, Гэмба решил воспользоваться особым расположением Кацуиэ, чтобы захватить всю власть в свои руки. Это он, а вовсе не Кацуиэ, принял судьбоносное решение, способное предопределить расцвет или гибель клана, и настоял на своем, не проявив по отношению к своему благодетелю и князю ни малейшего уважения.

Но кто, как не сам Кацуиэ, приучил молодого человека к тому, что ему сходят с рук все высокомерные и самонадеянные выходки? И разве его сегодняшнее послушание не было рассчитано на ту же слепую любовь Кацуиэ? Слепую любовь, обернувшуюся для Кацуиэ пренебрежением к приемному сыну Кацутё, что в свою очередь побудило того на измену и обусловило потерю крепости Нагаханама. А теперь ему суждено упустить небывалую возможность – возвысить и усилить род Сибата.

Задумавшись, Кацуиэ впал в глубокое отчаяние. Пенять ему, кроме как на себя, было не на кого.

Ясо сообщил еще кое-что: слова, с которыми обратился к нему Гэмба. Если верить его рассказу, Гэмба позволил себе насмешку над дядей и говорил о нем, не сдерживая смеха.

– Когда-то давным-давно, стоило помянуть князя Кацуиэ, все называли его Злым Духом Сибата и говорили, что он полководец неслыханного хитроумия и дьявольской дальновидности. Мне доводилось такое слышать. Но, увы, нынче он стар, а главное, изношен: устарело его искусство ведения войны, устарели взгляды и приемы. Сегодня так воевать нельзя. Подумайте только о нашем походе по вражеским тылам! С самого начала дядюшка не был расположен к этому замыслу. А ему следовало поручить все мне, устраниться и подождать денек-другой, чтобы увидеть, как будут развиваться дела.

Отчаяние и гнев Кацуиэ были беспредельны. Невыносимо было смотреть на него, объятых этими чувствами. Как никто, он сознавал, сколь выдающимся полководцем стал теперь

Хидэёси. Если он и позволял себе иногда посмеиваться над Хидэёси в присутствии Гэмбы и других военачальников, то лишь затем, чтобы их не обуял страх перед столь опасным противником. В глубине души Кацуиэ высоко ценил Хидэёси и считал его достойным противником – особенно после того, как тому удалось покинуть западные провинции и выиграть сражение под Ямадзаки, а затем столь же искусно настоять на своем в ходе большого совета в Киёсу. И вот теперь ему, Кацуиэ, противостоял могущественный враг. Напротив, в самом начале войны выяснилось, что преданнейший сторонник Кацуиэ – не более чем самодовольный и самонадеянный глупец.

– Поведение Гэмбы переходит всякие границы. Никогда прежде мне не доводилось терпеть поражения в битве или показывать спину неприятелю. Сейчас это, увы, неизбежно.

Настала ночь, и гнев Кацуиэ сменился горьким разочарованием.

Посланцев он больше не отправлял.

Военная хитрость Гэмбы

В тот же день – двадцатого числа – Хидэнага в час Лошади отправил первое донесение Хидэёси в ставку под Огаки:

«Нынешним утром войско Сакумы, числом в восемь тысяч человек, пройдя по горным тропам, проникло глубоко в тыл нашего расположения».

От Киномото до Огаки тринадцать ри пути, но гонцу удалось преодолеть это расстояние с поразительной для всадника быстротой.

Хидэёси только что вернулся с берега реки Року, где наблюдал за уровнем поднимающейся воды. Последние несколько дней в Мино шли сильные дожди, и вода в реках Гото и Року, разделяющих Огаки и Гифу, поднялась очень высоко.

Первоначальный план предполагал атаку всеми силами на крепость Гифу девятнадцатого числа, но сильные дожди и высокая вода в реке Року заставили Хидэёси отказаться от этого намерения. Более того, и сегодня начинать наступление было нельзя. Два дня Хидэёси с войском томился без дела, но начинать наступление по-прежнему был не в силах.

Гонец настиг Хидэёси, когда тот подъезжал к лагерю, и главнокомандующий прочел послание, оставаясь в седле. Поблагодарив гонца, он отправился в лагерь. Внешне Хидэёси не позволил себе проявить какие-либо чувства.

– Не приготовишь ли мне чай, Юко? – воскликнул он.

К тому времени, как Хидэёси покончил с чаепитием, прибыл второй гонец. В донесении значилось:

«Двенадцатитысячное главное войско под началом князя Кацуиэ заняло боевые позиции. Оно движется из Кицунэдзаки по направлению к горе Хигасино».

Хидэёси прошел в шатер, созвал своих людей и сообщил:

– Только что прибыло срочное донесение.

Сохраняя полное хладнокровие, он прочел письмо вслух. Военачальники, выслушав донесение, принялись тревожно переглядываться. Третье донесение поступило от Хори Кютаро – в нем подробным образом было рассказано об отважном сражении и героической гибели Накагавы Сэбэя и его людей, об утрате крепости на горе Ивасаки после отступления Такаямы Укона. Слушая, как погиб в бою Накагава Сэбэй, Хидэёси на мгновение закрыл глаза. На лицах воинов появилось выражение растерянности и досады, они принялись возбужденно задавать вопросы. И все они не спускали глаз с Хидэёси, словно надеясь прочесть на его лице ответ, как им выпутаться из затруднительного положения, в котором они оказались.

– Смерть Сэбэя – большая утрата для нас, – сказал Хидэёси. – Но умер он не зря. – Его голос зазвучал громче прежнего. – Оставайтесь отважными и бесстрашными, тем вы заплатите дань отважной и бесстрашной душе Сэбэя. Каждым новым знаменем Небо все яснее дает понять, что великая победа будет за нами. Кацуиэ сидел, запершись в горной крепости, уединясь от мира и не зная, что предпринять. Теперь он вышел из добровольного заточения и рискнул развернуть свое воинство в боевые порядки. Это доказывает, что его везение отныне

иссякло. Нам необходимо полностью разгромить этого негодяя до того, как ему удастся стать лагерем. Настало время огласить наши подлинные замыслы и во имя интересов народа провести решающее и беспощадное сражение. Время пришло, и в решающей схватке надо принять участие всем! Никто не имеет права уклониться от битвы!

Так Хидэёси удалось превратить тревожные и скорбные новости в повод для всеобщего воодушевления.

– Победа будет за нами! – провозгласил он.

Затем, не теряя ни мгновения, Хидэёси принялся раздавать распоряжения. Каждый из военачальников, получив приказ, сразу выходил из шатра и немедленно отправлялся в расположение своих полков.

Эти люди, только что ощутившие на лице дыхание смертельной опасности, сейчас томилась от нетерпения, ожидая, когда Хидэёси назовет их имена и даст им ясную боевую задачу.

Почти все предводители отрядов разошлись по своим частям. С Хидэёси оставались только помощники и оруженосцы. Но Хидэёси еще не дал приказа ни двум уроженцам здешних мест – Удзииэ Хироюки и Инабе Иттэцу, – ни Хорио Москэ, который подчинялся непосредственно ему.

Охваченный нетерпением, Удзииэ выступил вперед и сам заговорил с Хидэёси:

– Мой господин, соблаговолите ответить: не следует ли мне готовить войско к выступлению совместно с вашим?

– Нет. Я хочу, чтобы вы остались в Огаки. Надо не спускать глаз с Гифу. Это я поручаю вам. – Затем, обернувшись к Москэ, он добавил: – Тебя я тоже попрошу остаться.

Отдав последние распоряжения, Хидэёси вышел из шатра, окликнул оруженосца и спросил:

– Где гонцы, которым я велел быть наготове? Они здесь?

– Да, мой господин! Они ждут вашего приказа.

Оруженосец убежал и сразу вернулся, за ним появились пятьдесят гонцов.

Хидэёси обратился к ним:

– Настал день, равного которому не было и не будет. Великая удача для вас в том, что сегодняшнее задание будет поручено именно вам.

В продолжение речи он принялся раздавать приказы каждому из явившихся.

– Двадцать из вас отправятся на дорогу между Таруи и Нагахамой и велят жителям тамошних деревень с наступлением тьмы зажечь факелы вдоль всей дороги. Необходимо также проследить, чтобы на дорогах не было ничего, препятствующего продвижению, – тележек, бревен и прочего хлама. Мосты надо проверить и укрепить. Детей не выпускать из дому.

Двадцать гонцов, стоявшие по правую руку, одновременно кивнули. Оставшимся тридцати Хидэёси отдал следующее распоряжение:

– А вы все как можно быстрее спешите в Нагахаму. Передайте воинам крепости, что необходима полная боевая готовность. Объявите старейшинам городков и деревень, чтобы они приготовили продовольствие и сложили его вдоль дорог, по которым мы пойдем.

Пятьдесят гонцов умчались прочь.

Хидэёси дал дополнительные указания толпившимся возле него людям, а затем взгромоздился на своего черного коня.

Как раз в это мгновение к нему подбежал Удзииэ:

– Мой господин! Погодите!

Припав к луке седла Хидэёси, самурай беззвучно заплакал.

Если бы Хидэёси оставил Удзииэ одного здесь, в Гифу, то не исключалось, что он сговорится с Нобутакой и поднимет восстание вместе с ним, – такая возможность тревожила

Хидэёси. Во избежание помыслов об измене он приказал Хорио Москэ остаться и надзирать за Удзииэ.

Удзииэ был раздавлен двумя обстоятельствами: тем, что ему открыто не доверяли, и тем, что из-за него Хорио Москэ не мог принять участия в главной битве, которая суждена была выпасть этому отважному воину.

Охваченный подобными чувствами, Удзииэ припал к седлу, в котором восседал Хидэёси.

– Если мне нельзя отправиться в поход вместе с вами, я прошу вас позволить Москэ принять участие в этом походе. Для того чтобы доказать, как это для меня важно, я готов совершить сэппуку прямо сейчас, у вас на глазах! – И он взялся за рукоять малого меча.

– Не вешайте голову, Удзииэ! – воскликнул Хидэёси, прикасаясь плетью к его руке, сжимающей малый меч. – Если Москэ так хочется отправиться вместе со мною, пусть едет. Но только после того, как выступит основное войско. И не следует оставлять вас здесь одного. Вы тоже поедете с нами.

Обезумев от радости, Удзииэ бросился в сторону ставки, крича на бегу:

– Москэ! Москэ! Нам разрешено выступить вместе со всеми! Благодарите князя Хидэёси!

Москэ и Удзииэ простерлись ниц, но перед ними уже никого не было. Издали слышался свист плети, которой Хидэёси нахлестывал своего коня.

Хидэёси тронулся с места так внезапно, что оруженосцам пришлось попотеть, чтобы нагнать его.

Пешие воины и те, кто наспех взобрался на коней, устремились вслед за своим предводителем, не соблюдая порядка и строя.

Был час Барана. Не прошло и двух часов с тех пор, как к Хидэёси с тревожным донесением прибыл первый гонец. За это время Хидэёси удалось превратить неизбежное, казалось бы, поражение в северном Оми в основу грядущей великой победы. На ходу он вооружил свое войско, измыслив совершенно новый и невиданный доселе план. Он отдал распоряжения гонцам и разослал их по всей тянущейся на тринадцать ри дороге на Киномото – по той самой дороге, на которой ему было суждено одержать окончательную победу или погибнуть.

Он искал решительной схватки и стремился к ней всеми своими помыслами.

Словно заразившиеся неистовым рвением князя, пятнадцать тысяч воинов под началом главнокомандующего бесстрашно устремились вперед. Пятитысячный корпус был оставлен на месте.

Хидэёси с передовыми частями вступил в Нагахаму вскоре после полудня, в час Обезьяны. Войско шло отряд за отрядом – к тому времени, когда головной отряд входил в Нагахаму, замыкающий только покидал Огаки.

Хидэёси и думать не хотел об обороне. Едва прибыв в Нагахаму, он сразу начал подготовку к наступательным действиям, стремясь в этом опередить врага. Он даже не сошел с коня – подкрепившись рисовыми колобками и выпив воды, сразу же выехал из Нагахамы и устремился на Сонэ и Хаями. В Киномото он появился в час Собаки.

Весь путь в тринадцать ри был проделан всего за пять часов, ибо войско двигалось, не останавливаясь ни на мгновение.

Пятнадцатитысячное войско под началом Хидэнаги находилось сейчас в крепости на горе Тагами. Киномото представлял собой почтовую станцию на дороге, вьющейся по восточному склону гор. На вершине горы сосредоточились значительные силы, а неподалеку от селения Дзидзо воины воздвигли наблюдательную башню.

– Где мы? Как называется это место? – спросил Хидэёси, резким рывком поводьев останавливая бешено мчащегося коня и не без труда удерживая его на месте.

– Дзидзо.

– Выходит, мы почти добрались до лагеря в Киномото.

На вопросы Хидэёси отвечали окружавшие его приверженцы – сам он так и не потрудился спешиться.

– Дайте мне воды, – распорядился он.

Взяв флягу, он осушил ее одним глотком, затем первый раз за поездку позволил себе сесть прямо и потянуться, разминая уставшее тело. Затем, спешившись, быстрым шагом пошел к подножию наблюдательной башни. Дойдя до нее, закинул голову и посмотрел вверх. У наблюдательной башни не было ни крыши, ни лестницы. Взбираясь на нее, воины просто карабкались по выступающим концам бревен.

Похоже, Хидэёси внезапно вспомнил дни молодости, когда был всего лишь обыкновенным пешим воином. Прикрепив веер к поясу рядом с мячом, он начал карабкаться на вершину башни. Оруженосцы бросились помогать ему: прыгая на плечи друг другу, они образовали для главнокомандующего нечто вроде живой лестницы.

– Это опасно, мой господин!

– Не лучше ли подождать, пока подадут лестницу?

Так остерегали его толпящиеся внизу, но Хидэёси взобрался уже на высоту примерно двадцати сяку от земли.

Сильные бури, бушевавшие на равнинах Мино и Овари, миновали. Небо было чистым, на нем сверкали бесчисленные звезды, а озера Бива и Ёго казались двумя зеркалами, невидимой рукою опущенными на землю.

Когда Хидэёси, порядочно уставший от стремительной скачки, поднялся на башню и его фигура ясно обрисовалась на фоне темного ночного неба, он испытал не утомление, а блаженство. Чем опаснее становилось положение, чем с более суровыми испытаниями ему приходилось сталкиваться, тем большее счастье он ощущал. Это было счастье противостояния достойным противникам, счастье умения превзойти, перехитрить и победить их. Ощущение именно такого счастья не покидало Хидэёси с времен юности. Он сам не раз говорил: наивысшее счастье в том, чтобы находиться на гребне, по одну сторону которого лежит поражение, а по другую – победа.

Сейчас, озирая с вершины башни громады Сидзугатакэ и горы Оива, он выглядел человеком, нисколько не сомневающимся в неизбежности собственной победы.

Однако при этом Хидэёси был куда предусмотрительней и осторожней большинства людей. Сейчас он, по своему обыкновению, закрыл глаза и предался размышлениям, удалившись в мир, где не было и не могло быть ни врагов, ни союзников. Вырвавшись из круга земной жизни, он ощутил себя сердцем вселенной и всмотрелся в его глубину, чтобы прочесть там волю Небес.

– Дело почти свершилось, – пробормотал он наконец, широко улыбнувшись. – Этот Сакума Гэмба по сравнению со мною – желторотый птенец. Интересно, на что он надеется?

Спустившись с башни, он двинулся вверх на гору Тагами и, дойдя до середины, был встречен приветствовавшим его Хидэнагой. Отдав Хидэнаге необходимые распоряжения, Хидэёси сразу вновь выступил в путь, спустился с горы Тагами, миновал Куроду, пересек Каннондзаку, проследовал по правому берегу озера Ёго и прибыл на гору Тяусу, где впервые с тех пор, как выступил из Огаки, позволил себе немного отдохнуть.

С ним было двухтысячное войско. Шелковый плащ персикового цвета, который он носил поверх доспехов, покрылся пылью и пропитался потом. В грязном плаще, усталый, Хидэёси уверенными взмахами веера давал все новые распоряжения перед предстоящей битвой.

Стояла ночь, между второй половиной часа Свиньи и первой половиной часа Крысы.

Хатигаминэ находится в восточной части Сидзугатакэ. В течение вечера Гэмба перебросил сюда один полк. Его план атаковать Сидзугатакэ завтра на рассвете был увязан с действиями головного отряда в Ииурадзаке и в Симидзудани на северо-западе. Головной отряд должен был отрезать вражескую крепость от остального мира.

Небо было усеяно крупными звездами. Но горы с их рощами и утесами были черны, как тушь, а дорога, вьющаяся между ними, представляла собой всего лишь узкую просеку, расчищенную лесорубами.

Один из стражей удивленно присвистнул.

– В чем дело? – спросил другой.

– Подойди и сам посмотри! – крикнул третий, находящийся на расстоянии от первых двух.

По низким горным зарослям далеко разнеслись человеческие голоса, и вот уже фигуры стражников одна за другой показались над обрывом.

– В небе какое-то странное свечение, – сказал один из них, указывая рукой на юго-восток.

– Где именно?

– Вон там, на юге, справа от высокого кипариса.

– Что это, по-твоему, может быть?

Все трое рассмеялись.

– Должно быть, крестьяне в окрестностях Оцу или Куроды жгут что-нибудь.

– В деревнях не должно остаться никаких крестьян. Они спрятались в горах.

– Может, это враг жжет костры в окрестностях Киномото?

– Не думаю. Будь небо в тучах, тогда все было бы понятно. Но в ясную и звездную ночь свечение неба удивительно. Нам мешают деревья, не давая рассмотреть, что происходит, но если мы взберемся на тот утес, то все разглядим.

– Погоди! Это же опасно!

– Если поскользнешься, то свалишься в пропасть.

Двое стражей попытались остановить смельчака, но он, цепляясь за виноградные лозы, полез вверх по неприступному склону. Казалось, не человек, а обезьяна взбирается на отвесный утес.

– Нет! Не может быть! Это просто чудовищно! – внезапно крикнул он, взобравшись на самый верх.

Те, что оставались у подножия, изумились, услышав испуганные возгласы.

– В чем дело? Что ты увидел?

Человек на верху утеса молчал. Казалось, у него внезапно закружилась голова. Один за другим стражи полезли наверх следом за ним, чтобы выяснить, что происходит. Когда они поднялись на вершину, их бросило в дрожь. С вершины утеса можно было увидеть не только озера Ёго и Бива, но и дорогу, ведущую в северные провинции, которая вилась, огибая оба озера. Даже подножие горы Ибуки было отсюда видно.

Стояла ночь, так что отчетливо увидеть что-нибудь было трудно, но перед перепуганными стражами предстала сплошная лава огней, подобная пламенеющей реке, протянувшейся от далекой Нагахамы до самого Киномото и даже чуть ли не до подножия горы, на которой они находились. Повсюду, куда ни кинь взгляд, были огни, причем они сливались друг с другом в сплошное море, то там, то здесь расползавшееся лучезарными пятнами.

– Что это?

Стражи чуть было не лишились чувств, но постепенно начали один за другим приходить в себя.

– Пойдемте отсюда! Быстрее!

Чуть ли не бегом, кувыркаясь и падая, они скатились с утеса и сразу бросились с

донесением в ставку.

Предвкушая великие победы, ожидающие его завтра, Гэмба улегся спать пораньше. Его воины уже давно безмятежно спали.

Примерно в час Свиньи Гэмба внезапно проснулся и сел на своей циновке.

– Цусима! – позвал он.

Осаки Цусима спал неподалеку от княжеского шатра. К тому времени, как он проснулся, Гэмба уже стоял над ним, сжимая в руке поданное оруженосцем копьё.

– Мне только что послышалось конское ржание. Ступай проверь!

– Слушаюсь!

Стоило Цусиме выйти из шатра, как он увидел, что навстречу ему мчится, вопя во всю глотку, какой-то человек.

– Поднимайтесь! Поднимайтесь! – кричал он.

Гэмба раздраженно спросил:

– В чем дело? О чем ты хочешь доложить?

Но тот был в таком волнении, что не смог ничего вразумительно объяснить.

– Вдоль дороги между Мино и Киномото зажжено множество факелов и разведено великое множество костров – и огни не стоят на месте, они движутся сюда с необыкновенной быстротой. Князь Кацумаса полагает, что это вражеское наступление.

– Что такое? Пламя на дороге в Мино?

Гэмба по-прежнему ничего не мог понять. Вид у него был озадаченный. Но вслед за этим сообщением из Симидзудани пришло сходное послание от Хары Фусатики, полк которого стоял в Хатигаминэ.

Воины начали просыпаться в темноте, и просыпались они, чтобы ужаснуться. Дурные новости распространяются быстро.

Каким невероятным это ни казалось, однако обстояло именно так: Хидэси внезапно возвратился из Мино. Гэмба все еще не мог поверить в это, он был упрям и продолжал упорствовать в опровергнутых жизнью заблуждениях.

– Цусима! Мне необходимо достоверное доказательство случившегося!

Отдав приказ, он потребовал свой походный стул и уселся, спокойствием пытаясь внушить окружающим веру в себя и в свои силы. Конечно, полностью сохранить хладнокровие ему не удалось, и, судя по лицам приверженцев, они об этом догадывались.

Осаки не заставил себя долго ждать. Он промчался до Симидзудани, затем – до Хатигаминэ, доехал даже до горы Тяусу в Каннондзаке, чтобы узнать истинные обстоятельства. А они были таковы.

– Нам не только видны отсюда факелы и костры. Если хорошенько прислушаться, можно услышать конское ржание и стук подков. Дело нешуточное. Нужно готовиться к окружению врага, и как можно скорее.

– Где сам Хидэси?

– Говорят, он ведет войско.

Гэмба был так потрясен услышанным, что едва не лишился дара речи. Прикусив губу, он молча огляделся по сторонам, лицо его смертельно побледнело.

Через некоторое время он произнес:

– Мы отступаем. Больше ничего не остается, не правда ли? На подходе замечено огромное войско, а мы отрезаны от своих, и сил у нас недостаточно.

Накануне ночью Гэмба упрямо отказывался слушать посланцев Кацуиэ, призывавших к немедленному отступлению. Сейчас он сам приказал охваченному смятением войску сняться с лагеря и принялся настойчиво поторапливать людей.

– Гонец из Хатигаминэ все еще здесь? – осведомился Гэмба, сев на коня.

Услышав, что гонец еще в лагере, он немедленно призвал его к себе:

– Не теряя ни мгновения, возвращайся и расскажи Хикодзиро о том, что наше войско начинает общее отступление: мы уходили из Симидзудани, Ииурадзаки, Каванами и Моямы. Полк Хикодзиро должен отойти последним и прикрыть отход основного войска.

Отдав распоряжение, Гэмба вместе со свитой помчался по грязной и черной как уголь горной тропе.

Основное войско Сакумы начало отступление во второй половине часа Свиньи. Когда они выступили в поход, луны на небе не было. Примерно полчаса они не зажигали факелов, чтобы не выдать себя врагу. Пришлось едва ли не на ощупь брести по горной тропе, ловя далекий звездный свет и время от времени чиркая огнивом.

По времени события совпали примерно так: Гэмба начал отступление как раз в тот час, когда Хидэёси, выйдя из Куроды, взобрался на гору Тяусу и позволил себе недолгий отдых.

Именно здесь Хидэёси встретился с Нивой Нагахидэ, спешно прибывшим из Сидзугатакэ, чтобы получить прием у главнокомандующего. Нагахидэ был почетным гостем, и Хидэёси сумел принять его надлежащим образом.

– Не знаю, с чего начать, – сказал Хидэёси. – С сегодняшнего утра вы вели себя доблестно.

Произнеся это, он подвинулся на сиденье, чтобы разделить его с Нагахидэ. Затем Хидэёси расспросил Ниву о расположении вражеского войска и о местности. Время от времени из шатра, где они беседовали, раздавался веселый смех, а ветер с вершины разносил его по всей горе.

Пока военачальники говорили, в лагерь, устроенный на горе Хидэёси, один за другим прибывали отряды его войска. Каждый насчитывал от двухсот до трехсот человек.

– Войско Гэмбы начало отступление в сторону Симидзудани, замыкающий отряд находится в окрестностях Хатигаминэ, – доложил лазутчик.

Услышав об этом, Хидэёси приказал Нагахидэ распространить по всем союзническим крепостям следующие сведения и основанный на них указ:

«В час Быка я начну внезапную атаку на войско Сакумы. Соберите местных жителей и прикажите им орать что есть мочи с вершины гор на рассвете. Как только начнет светать, вы услышите ружейный огонь. Это будет означать, что мы взяли за врага и больше не собираемся ослаблять железную хватку. Если ружейная пальба начнется до рассвета, то знайте: это стреляет враг. Знак к общему наступлению мы подадим, протрубив в раковину. Нельзя упускать такую благоприятную возможность».

Как только Нагахидэ, получив приказ, убыл, Хидэёси велел убрать походный стул.

– Говорят, Гэмба пустился в бегство, – сказал он. – Идите по той же тропе и преследуйте его, гоните, преследуйте со всею яростью.

Окружившим его приверженцам Хидэёси велел передать этот приказ всему войску.

– Напоминаю: ружейного огня не открывайте, пока не начнет светать.

Находились они сейчас не на равнинной дороге, а на самой настоящей горной тропе со всеми ее опасностями и труднопроходимыми участками. Войско бросилось вдогонку за врагом, но продвигалось оно не так стремительно, как хотелось бы.

По дороге всадникам не раз приходилось спешиваться, проводя коней по заболоченным низинам или вокруг отвесных скал, где никакой тропы не было.

После полуночи ярко засияла луна, облегчая бегство войску Сакумы. Но и преследователям

Хидэёси лунный свет стал сообщником.

Два войска находились сейчас на расстоянии не более трех часов пешего пути друг от друга. Хидэёси начал преследование Гэмбы во главе многочисленного отряда, боевой дух его людей был высок. Еще до начала сражения можно было точно предсказать, чьей победой оно закончится.

Солнце стояло высоко в небе. Приближался час Дракона. Утром произошло сражение на берегу озера Ёго, и воины клана Сибата вновь бежали. Теперь они понемногу собирали свои силы в кулак на пространстве между Моямой и перевалом Соккай.

Здесь разбили свой лагерь Маэда Инутиё с сыном; их знамена мирно развевались на ветру. Сидя на походном стуле, Инутиё с обычным бесстрашием прислушивался к ружейной пальбе и следил за искрами и сполохами пламени, разлетающимися над Сидзугатакэ, горой Оива и Симидзудани. Сражение началось еще на заре.

Маэду Инутиё назначили руководить одним из крыльев войска Кацуиэ, что было нелегко: долг повиновения и чувства по отношению к Кацуиэ раздирали душу Инутиё надвое. Стоит ему допустить малейшую ошибку – и за нее придется заплатить потерей провинции и гибелью семьи. Это он превосходно понимал. Стоит ему поднять мятеж против Кацуиэ – и его сразу уничтожат. Но если он предаст многолетнюю дружбу, связывающую его с Хидэёси, тем самым предаст и опозорит себя в собственных глазах.

Кацуиэ...

Хидэёси...

Сравнивая этих двоих, Инутиё не знал, кого предпочесть. Когда он уезжал из крепости в Футю, отправляясь на поле брани, жена с тревогой спросила его, что он теперь хочет предпринять.

– Если ты не выступишь против князя Хидэёси, то сойдешь с Пути Воина, – сказала она.

– Тебе так кажется?

– Да. Но и князь Кацуиэ не такой человек, которому можно служить верой и правдой.

– Не говори глупостей! Неужели ты думаешь, будто я способен сойти с Пути Воина и нарушить клятву?

– Так на чью же сторону ты собираешься встать?

– Я препоручу это воле Неба. Не знаю, что мне остается делать. Человеческая мудрость имеет свои пределы, и теперь я вижу их ясно, как никогда.

Обескровленное, измотанное, охрипшее от крика воинство Сакумы спасалось бегством, пытаясь прорваться в лагерь Маэды.

– Не теряйте голову! Не пятняйте себя бесчестьем!

Гэмба, мчавшийся туда же, что и остальные, окруженный группой всадников, то и дело перегибаясь в окровавленном седле, обрушивался на бегущих воинов с упреком и проклятиями.

– Куда вы? Как вам не стыдно! Сражение только началось!

Браня воинов, Гэмба пытался подбодрить и себя. Усевшись ненадолго на придорожный камень, он тяжело задыхался, его плечи заходили ходуном. Пытаясь остановить беспорядочное бегство воинов, он, совсем еще молодой полководец, вел себя достойно и мужественно. Неудача замысла не сломила Гэмбу – лишь пламенеющая сухость и горечь во рту сжигали его невидимым огнем.

Ему донесли, что в бою погиб его младший брат. С недоверием выслушивал он сообщения, что его подчиненные один за другим находят гибель в бесславной схватке.

– Где остальные мои братья?

Подданный, к которому он обратился с этим вопросом, махнул рукой назад:

– Двое ваших братьев там, мой господин.

Сощуриив налившиеся кровью глаза, Гэмба различил на расстоянии две фигуры. Ясумаса лежал, распростершись, на земле и бездумно смотрел в синее небо. Младший из братьев спал, склонив голову на плечо, из раны в боку у него струилась кровь.

Гэмба любил братьев, и ему принесло облегчение то, что двое пока живы. Но наряду с этим от одного взгляда на братьев он пришел в неистовую ярость.

– Вставай, Ясумаса! – заорал он. – А ты чего разлегся, Ситироэмон! Вам еще рано валиться наземь! Позор!

Чтобы показать собственную решимость, Гэмба поднялся, что, однако, далось ему не без труда: он тоже был ранен, хотя в пылу сражения и не заметил этого.

– Где лагерь князя Инутиё? Ага, на вершине холма!

Он побрел на вершину холма, хромая на одну ногу, но сразу обернулся, почувствовав, что двое младших братьев решили последовать за ним.

– Куда вы собрались? Вам нечего там делать! Оставайтесь здесь и собирайте воинов, чтобы принять бой. Хидэёси зря времени терять не будет!

Гэмба сидел в шатре, дожидаясь появления Инутиё. Тот не заставил себя долго ждать.

– Жаль, что так вышло, – искренне произнес он.

– Не о чем жалеть! – Гэмбе удалось изобразить горькую улыбку. – Мне просто не хватает ума для победы – я обречен на поражение.

Этот кроткий ответ был столь неожиданным, что Инутиё, не веря собственным ушам, посмотрел на Гэмбу: тот возлагал вину за поражение целиком на себя, и даже не упрекнул Инутиё, что тот не прислал войска на помощь.

– Поддержите ли вы нас свежими силами, когда Хидэёси пойдет в новую атаку?

– Разумеется. Кого вам придать – копьеносцев или стрелков?

– Я хотел бы, чтобы ваши стрелки устроили засаду за передовой линией. Открыв огонь, они внесут сумятицу в ряды противника, и тогда мы сомнем врага в лобовом столкновении, с копьями и мечами. Но прошу вас не мешкать! Очень прошу!

Никогда прежде Гэмба не обратился бы с просьбой к Инутиё. Но сейчас ему стало жаль поверженного воина. Инутиё сознавал, что подобострастие Гэмбы вызвано жестоким разгромом. А может, Гэмба уже догадывался и о подлинных намерениях Инутиё.

– Враг приближается, – сказал Гэмба, не позволив себе минуты покоя. – Пробормотав эти слова, он поднялся. – Ладно, – бросил он. – Еще увидимся.

Откинув полог шатра, он вышел наружу, но затем обернулся к шедшему следом Инутиё:

– Как знать! Возможно, нам не суждено больше свидеться на этом свете, но я не склонен погибнуть бесславно.

Инутиё проводил Гэмбу обратно до княжеского шатра. Гэмба простился с ним и пошел вниз по склону быстрыми шагами. То, что открылось его взору у подножия холма, разительно отличалось от только что виденного.

Войско Сакумы в день выступления насчитывало восемь тысяч воинов, но теперь в нем не оставалось и трети полного состава. Все остальные были убиты, тяжело ранены или бежали. Оставшиеся являли собой охваченное паникой сборище растерянных людей. Беспорядочный гомон и выкрики говорили о настроениях безнадежности.

Было ясно, что младшим братьям Гэмбы не удастся овладеть этой обезумевшей толпой. Большинство военачальников пали на поле боя. В разрозненных частях не было предводителей. Воины не знали, кому подчиняться. Меж тем войско Хидэёси было уже рядом и неотвратимо приближалось. Даже если бы братьям Сакума удалось удержать людей от бегства с поля боя, то

надежд на достойное сопротивление со стороны сломленных духом воинов не оставалось.

Меж тем стрелки войска Маэды, оставаясь невидимыми и неслышными посреди всеобщего неистовства, вышли на позиции неподалеку от собственного лагеря и сели в засаду. Увидев это, Гэмба приободрился и так яростно загремел голосом, отдавая приказы, что его люди сразу пришли в себя.

Осознание того, что свежие силы войска Маэды явились к ним на подмогу, воодушевило воинов Гэмбы, равно как и его самого и немногих оставшихся в строю командиров.

– Не отступать ни на шаг, пока мы не поднимем на острие копья голову князя Обезьяны! Не позволять воинам Маэды смеяться над нашей трусостью! Не позорьте себя!

Гэмба кружил среди своих воинов, подбадривая и подстегивая всех без разбору. Как и следовало ожидать, воинам, зашедшим вместе с ним в такую даль и до сих пор живым, было не чуждо чувство чести. Воины с головы до ног, их доспехи и оружие были покрыты запекшейся на палящем солнце кровью и грязью, разгоряченные тела заливал пот.

На лице у каждого читалось, что он умирает от жажды и готов отдать все на свете за глоток живительной влаги. Но даже на то, чтобы напиться, у них не было времени. Тучи дорожной пыли вставали вдали, кони ржали и били копытами, враг приближался.

И вдруг Хидэёси, шедший из Сидзугатакэ во главе войска, сметающего все на своем пути, внезапно остановился, немного не дойдя до Моямы.

– Здесь стоит войско под началом Маэды Инутиё и его сына Тосинаги, – объявил он.

Сказав это, он внезапно приказал остановиться всему войску. Затем перестроил боевые порядки, указав особо, чтобы каждый знал свое место в строю.

К этому времени два войска находились друг от друга на расстоянии ружейного выстрела. Гэмба беспрестанно приказывал стрелкам Маэды занять позицию, препятствующую продвижению противника, но пыль, скрывавшая войско Хидэёси, мешала прицельной стрельбе.

Простившись с Гэмбой, Инутиё взобрался на вершину горы, чтобы оттуда следить за ходом битвы. Но его намерения оставались загадкой даже для сопровождающих его военачальников. Двое самураев вели за ним коня, что говорило о готовности в любую минуту помчаться в гущу сражения.

Пришла пора принять окончательное решение и встать на чью-то сторону. В глубине души воины Инутиё именно на это и надеялись. Но едва вдев ноги в стремя, Инутиё принялся перешептываться с гонцом, только что прибывшим с письмом из лагеря Тосинаги. Инутиё сидел верхом, но, похоже, ехать не спешил.

От подножия горы донесся шум. Посмотрев туда, Инутиё и все, кто стоял рядом, увидели, что испуганная лошадь воина из войска Маэды, порвав поводья, с диким ржанием носится по лагерю.

В этом не было бы ничего страшного, но сейчас подобный пустяк мог оказаться чреватым серьезными последствиями и привести ко всеобщей сумятице.

Инутиё посмотрел на сопровождающих его самураев и подал им глазами знак.

– Всем следовать за мной! – скомандовал он своим вассалам и, натянув поводья, пустил коня вскачь.

В то же мгновение по равнине полыхнула ружейная пальба. Должно быть, палили стрелки Маэды. «Воины Хидэёси непременно ответят тем же», – подумал Инутиё, мчась вниз по склону и закрывая глаза, ибо со всех сторон его окружали клубы пыли и порохового дыма.

– Пошел! Пошел! – беспрерывно торопил он коня.

Гонги и большие боевые барабаны били в одном из лагерей, расположенных на Мояме, привнося новый шум в общее смятение. Судя по некоторым признакам, неудержимое воинство Хидэёси уже прорвалось, невзирая на потери, сквозь оборонительную линию стрелков и

проникло в глубину расположения войск Сакумы и Маэды. С той же легкостью, с какой им удалось разбить основные вражеские силы, они продвигались и теперь, сметая все, что попадалось на пути.

Наблюдая за немилосердной сечей, Инутиё мчался объездным путем в расположение войска под началом своего сына Тосинаги. Прибыв туда и соединив оба войска, он объявил о немедленном отступлении.

Кое-кто из военачальников при этом насторожился и разгневался, но сам Инутиё не совершил ничего, что не продумал и не решил заранее. В глубине души он больше всего ценил собственную независимость, и высшим его стремлением в междуусобной распре было желание не ввязываться. Однако его провинция располагалась так, что со стороны Кацуиэ было естественно обратиться к нему за помощью, а сам Инутиё не имел возможности ему отказать. И теперь, в силу былой привязанности к Хидэёси, он решился на отступление.

Но наступающие войска Хидэёси безжалостно вгрызались в расположение войска Маэды, и многие пали под этим натиском.

Все же Инутиё и его сыну удалось вывести из лагеря почти все свое войско, отделившись незначительными потерями; дойдя до Сиоцу, они двинулись кружным путем через Хикиду и Имадзё и возвратились в крепость Футю. В ходе ожесточенного сражения, затянувшегося на два дня, лагерь, в котором после долгих мытарств обосновалось войско Маэды, казался мирным безмолвным лесом, одиноко высаящимся посреди бушующей бури.

Что же изменилось в лагере Кацуиэ с прошлой ночи?

Кацуиэ отправил к Гэмбе шестерых посланцев. Все они вернулись, получив бесповоротный отказ. Кацуиэ понял, что больше ничего предпринять он не в силах, и отправился спать в глубоком отчаянии. Заснуть ему так и не удалось: ночь напролет он оплакивал горькие всходы, семена которых сам же и посеял, – сделав Гэмбу своим любимцем и питая к нему слепую привязанность. Он совершил величайшую ошибку, позволив родственным чувствам возобладать над освященными традицией отношениями между князем и его подданными.

Теперь Кацуиэ во всем разобрался. Именно Гэмба был виноват в том, что в Нагахаме взбунтовался Кацутё, приемный сын Кацуиэ. И ему доводилось слышать, с какой грубостью и высокомерием вел себя Гэмба по отношению к Маэде Инутиё на поле битвы под Ното.

Видя эти недостатки племянника, Кацуиэ продолжал исключительно высоко ценить блестящие стороны его натуры.

– Оказалось, именно его достоинства могут оказаться для нас погибельными, – бормотал Кацуиэ, без сна ворочаясь в постели.

Тут замигали оставленные на ночь лампы, и из коридора донеслись торопливые шаги нескольких самураев. Мэндзю Сёскэ в соседней комнате и другие ночевавшие рядом сразу проснулись.

Услышав шаги и голоса, начальник ночного караула выбежал в коридор:

– Что происходит?

Тот из самураев, который взялся держать ответ, был явно не в себе и говорил так быстро, что слова сливались.

– В небе над Киномото полыхает зарево пожаров. Наши лазутчики только что вернулись с горы Хигасино...

– Говори короче! Только суть! – грубо прервал Мэндзю.

– Хидэёси прибыл из Огаки. Его войско подняло большой переполох в окрестностях Киномото, – выпалил самурай на одном дыхании.

– Хидэёси?

Взволнованные воины помчались в покои Кацуиэ, чтобы оповестить его о происходящем, но он и сам услышал обо всем и выскочил в коридор.

– Вы слышали, о чем они толкуют, мой господин?

– Слышал, – ответил Кацуиэ. Его лицо посерело еще больше, чем накануне вечером. – Хидэёси просто повторил прием, опробованный им в западных провинциях.

Как и следовало ожидать, Кацуиэ удалось сохранить хладнокровие, и он попытался успокоить своих ближайших сподвижников. Но куда ему было бежать от собственных мыслей? Он предостерегал Гэмбу, и, судя по тому, как он сейчас держался, едва ли не радовался своему предвидению. Вместе с тем он был отважным полководцем, которого некогда прозвали Злой Дух Сибата или Сибата, Разрывающий Оковы. Тем, кто внимал ему, стало жаль постаревшего воина.

– Я не могу больше полагаться на Гэмбу. Начиная с этой минуты, я беру командование на себя и обещаю, что предстоит славная сеча. Не робейте и оставьте всякие колебания. Мы должны радоваться тому, что Хидэёси наконец-то пришел к нам.

Окинув величавым взором своих людей, Кацуиэ уселся и принялся раздавать приказы. Вел он себя так, словно к нему вернулась молодость. До сих пор он рассматривал возможное появление Хидэёси как событие маловероятное, но едва эта туманная возможность стала явью и начала открыто грозить, все воинство пришло в смятение. Немало нашлось людей, покинувших свой пост, сказавшись больными, другие принялись нарушать приказы, а многие, охваченные паникой, просто бежали из войска. Хвастаться было нечем: из семитысячного войска у Кацуиэ оставалось не более трех тысяч человек.

И с этим-то войском он выступил из Этидзэна, будучи твердо уверен, что сумеет разгромить Хидэёси! Его воинам не пристало впадать в панику или бросаться в бегство при первой же угрозе со стороны Хидэёси.

Что довело их до срыва – воинов семитысячного войска? Лишь одно: отсутствие истинной воли в главнокомандующем. Конечно, поход Хидэёси свершился с невиданной и непредсказуемой быстротой, и это было особенно страшно. Поползли слухи, начались панические разговоры – отсюда и эта постыдная трусость.

Задумавшись над тем, в какое жалкое состояние пришло его войско, Кацуиэ впал не только в отчаяние, но и в бешенство. Скрежеща зубами, он разве что не плевал в лицо растерявшимся командирам. Люди ходили, сидели, стояли – и никак не могли успокоиться. Ему приходилось повторять свои приказы по два-три раза, и не было уверенности, что они будут исполнены или хотя бы услышаны.

– Что вы все бормочете? – вопрошал Кацуиэ, пытаясь привести людей в чувство. – Успокойтесь! Те, кто бросает посты или распространяет ложные слухи, только приумножают наши бедствия. Всякий, уличенный в молодушии, будет казнен, – добавил он, запугивая окончательно.

Горстка его приверженцев во второй раз рассыпалась по лагерю, объявляя командирам подлежащие неукоснительному исполнению приказы. Даже после этого далеко вокруг разносился срывающийся на крик голос Кацуиэ:

– Не страшитесь! Не теряйте голову!

Но попытки образумить людей только подливали масла в неразбериху.

Уже почти рассвело.

Боевые кличи и звуки ружейных выстрелов разносились над водами. Сражение перекинулось от подножия Сидзугатакэ на западный берег озера Ёго.

– Судя по тому, как идут дела, Хидэёси вот-вот сюда пожалует.

– Самое позднее – в полдень.

– С какой стати ему так медлить?

Трусость одних множила трусость других, и в конце концов паникой оказалось охвачено все войско.

– У него там, наверное, десять тысяч воинов.

– Да какое там десять! Все двадцать!

– Не говорите глупостей! Чтобы добиться таких успехов, необходимо тридцатитысячное войско!

Воины, охваченные страхом, торопливо делились новыми опасениями. По лагерю пополз слух, повергший воинов Сибаты вовсе в безысходное отчаяние.

– Маэда Инутиё перешел на сторону Хидзёси!

Теперь военачальники клана уже полностью утратили власть над войском. Кацуиэ взгромоздился на коня. Проехав по окрестностям Кицунэдзаки, он лично пробовал воодушевить воинов отдельных отрядов. Он решил, что должен делать это сам, не доверяя военачальникам и не отсиживаясь в ставке.

– Любой, кто без приказа вздумает покинуть лагерь, будет убит на месте! – кричал он. – Всех трусов ловить и пристреливать! Всех, кто распространяет ложные слухи, убивать без пощады!

Но развал войска зашел так далеко, что усилия Кацуиэ поднять боевой дух воинов пропадали втуне. Примерно половина семитысячного войска разбежалась, да и оставшиеся с трудом удерживались, чтобы не спрятаться или не удрать. Вдобавок воины утратили веру в главнокомандующего. А лишившись былого безоговорочного доверия, Злой Дух Сибата оказывался бессильным, и угрозы его оставались пустым звуком.

Прискакав назад в ставку, он увидел вражеское войско, готовое к атаке.

«Вот и мне пришел конец...» – подумал он. Окидывая взором смятое и смятенное войско, Кацуиэ осознал всю безвыходность положения, в котором очутился. Но неукротимый дух не оставлял его, повелевал мчаться навстречу неминуемой гибели. Когда рассвело, во всем лагере осталась только горстка людей, и лишь немногие из них были конными.

– Мой господин, сюда! Сюда, на мгновение! – Двое самураев возникли справа и слева от Кацуиэ, словно решив с двух сторон поддержать его крупное тело. – Вы так торопитесь? Это на вас не похоже!

Силой заставив Кацуиэ пройти сквозь бушующее скопище людей и лошадей, они вывели его из главных ворот храма и тут же обрушились с криками на других:

– Приведите коня! Торопитесь! Где конь нашего господина?

Кацуиэ и сам ни на мгновение не умолкал:

– Я не отступлю! Я – князь Кацуиэ! Я не убегая с поля сражения!

В его яростных речах было больше отчаяния, чем гнева. Еще раз, уставившись на воинов свиты, поддерживавших его с двух сторон, он заорал на них:

– Что вы делаете? Почему вы не даете мне пойти в атаку? Что вы меня держите – сдерживайте лучше вражеский натиск!

Ему привели коня. Какой-то воин принес полководческое знамя с золотым гербом и встал рядом.

– Нам не сдерживать вражеского напора, мой господин. Если вы погибнете, все пойдет прахом. Почему бы вам не возвратиться в Китаносё, чтобы, собравшись с мыслями, придумать путь к спасению?

Кацуиэ тряс головой и не переставая выкрикивал приказы, но окружившие князя вассалы силой усадили его в седло. Медлить было нельзя. И вдруг командир оруженосцев Мэндзю Сёскэ, до сих пор ничем не отличившийся на поле брани, бросился вперед и простерся ниц

перед сидящим на лошади Кацуиэ.

– Прошу вас, мой господин! Позвольте мне поднять полководческое знамя!

Такая просьба означала одно: взявший знамя намеревался заступить на место главнокомандующего.

Сёскэ не произнес больше ни слова, так и остался на коленях, не сводя взгляда с Кацуиэ. По его внешнему виду нельзя было понять, что он стремится к смерти, к подвигам или славе; он выглядел точь-в-точь как всегда, как услужливый командир оруженосцев.

– Что это значит? Зачем тебе знамя?

Сидя верхом, Кацуиэ с изумлением глядел на Сёскэ. Да и окружающие были немало удивлены и тоже не сводили глаз с отважного юноши. Сёскэ не был любимчиком князя, напротив, мало к кому Кацуиэ относился столь холодно и пренебрежительно.

Кацуиэ, питавший против Сёскэ некое предубеждение, признавал, что нелюбовь должна оказаться взаимной. И вдруг не кто иной, как презираемый Сёскэ, изъявил желание повести войско в бой!

Дыхание близкого и неизбежного поражения веяло над лагерем. Для Кацуиэ было невыносимо наблюдать, в каком смятении находятся его воины. А сколько трусов, побросав оружие, убежали куда глаза глядят! Ко многим из них Кацуиэ на протяжении долгих лет хорошо относился, одаривая и осыпая милостями. Подумав об этом и поглядев на молодого оруженосца, Кацуиэ не смог удержаться от слез.

О чем бы Кацуиэ сейчас ни думал, он легонько коснулся ногами в стремях боков своей лошади и, чтобы скрыть от постороннего взора свое смятение, бросил:

– О чем ты толкуешь, Сёскэ? Кому надлежит сегодня погибнуть – тебе или мне? Отойди в сторону! Прочь с дороги!

Сёскэ вывернулся из-под копыт лошади, но успел перехватить поводья.

– Тогда позвольте сопроводить вас!

Внезапно оруженосца окружили те, кто берег полководческий штандарт, и личные приверженцы Кацуиэ. Он оказался в середине большой группы всадников.

Передовой отряд войска Хидзёси уже прорвался через Кицунэдзаку и, не обращая внимания на сопротивление разрозненных частей и укреплений войска Сибаты, рванулся вдогонку за развевающимся вдали знаменем.

– Это Кацуиэ! Нельзя дать ему уйти!

Множество быстроногих копьеносцев устремились туда, где маячило знамя Кацуиэ.

– Здесь мы простимся, князь!

С этими словами военачальники, сопровождавшие Кацуиэ в бегстве, внезапно покинули его, развернули коней и бросились в самую гущу вражеских копьеносцев. Бой был неравен – скоро они, бездыханные, пали один за другим.

Мэндзю Сёскэ был с ними в этой короткой стычке, но сейчас он снова развернул коня и помчался за Кацуиэ, настигая его.

– Знамя... пожалуйста... передайте его мне!

Они только что миновали Янагасэ.

Кацуиэ на мгновение сдержал коня и принял из рук у одного из спутников полководческое знамя. С ним было связано много воспоминаний – оно следовало за ним из боя в бой, овевая славой, как и его собственное прозвище Злой Дух Сибата.

– Вот оно, Сёскэ. Держи. И не оставляй моих самураев. – С этими словами он передал знамя Сёскэ.

Сёскэ, перегнувшись на скаку, ухватился за древко.

Он был вне себя от радости. Раз-другой торжественно взмахнув знаменем, он крикнул вслед удаляющемуся Кацуиэ:

– Прощайте, мой господин!

Кацуиэ, услышав эти слова, обернулся, но лошадь несла его прочь в сторону гор Янагасэ. Сейчас его сопровождали только десять всадников.

Знамя оказалось в руках Сёскэ, как он и просил, но в тот самый долгожданный миг Кацуиэ покинул его, бросив на прощанье:

– Не оставляй моих самураев!

Это прозвучало не просьбой, а приказом, и приказ гласил: Сёскэ и всем, кто окажется с ним рядом, суждено умереть.

Примерно тридцать человек тут же собрались под знаменем. Больше никто не выказал верности князю готовностью умереть за него на поле брани.

«Нет, остались все же достойные люди в клане Сибата», – подумал Сёскэ, с радостью всматриваясь в лица окруживших его людей.

– Вперед! Покажем им, что за счастье умереть в бою!

Передав знамя одному из самураев, Сёскэ выехал в первый ряд. Они мчались от горного селения Янагасэ в сторону северного гребня горы Тотиноки. Оставшись в числе не более сорока человек, воины проявили решимость и жажду сражаться – не в пример тому, что творилось утром под Кицунэдзакэй.

– Кацуиэ умчался в горы!

– Похоже, он простился с жизнью и ищет случая умереть.

Как и следовало ожидать, летучие отряды, посланные Хидзэси вдогонку за Кацуиэ, стремились опередить друг друга.

– Нам нужна голова Кацуиэ!

Каждый норовил обскать соперников и первым взобраться на гору Тотиноки. Подняв златотканое боевое знамя на вершине, воины Сибаты как замороженные следили за приближением врага: тот появлялся отовсюду, и там, где была тропа, и там, где ее не было. Число вражеских воинов с каждым мгновением возрастало.

– Еще есть время пустить по кругу прощальную чашу с водой, – сказал Сёскэ.

В немногие отпущенные им мгновения Сёскэ с товарищами набрали немного воды, сочащейся из расселин на вершине, и, сохраняя полное спокойствие, принялись готовиться к смерти. Сёскэ внезапно обратился к своим братьям Модзаэмону и Сёбэю.

– Братья, вам следует бежать и воротиться в нашу деревню. Если в нынешней битве суждено будет пасть нам троим, то не останется никого, кто сумел бы сохранить наше имя и позаботиться о матушке. Модзаэмон, ты старший из нас, именно тебе следует сохранить имя рода. Отправляйся домой, прошу тебя!

– Если младшие братья падут от руки врага, – возразил Модзаэмон, – то как сможет старший взглянуть в глаза матери и сказать ей: «Смотри, я вернулся». Нет, я останусь. Уходи ты, Сёбэй.

– Это невозможно! Это чудовищно!

– Почему?

– Если меня отправят домой и я предстану перед матушкой живым и невредимым, а здесь все погибнут, она едва ли этому обрадуется. И наш покойный отец сейчас взирает на нас из другого мира. Нет, если кто и вернется сегодня в Этидзэн, то только не я.

– Значит, мы умрем вместе!

Души братьев слились воедино перед лицом смерти, и все трое, не дрогнув, встали под знаменем.

Сёскэ больше не заговаривал с братьями о возвращении одного из них домой.

Они выпили прощальную чашу чистой родниковой воды и, почувствовав, что жажда миновала, разом повернулись туда, где вдали должен был находиться материнский дом.

Можно представить, о чем они в этот миг молились. Враг приближался со всех сторон, слышны были сейчас не только голоса воинов Хидэёси, но сами разговоры долетели до слуха.

– Береги знамя, Сёбэй, – нарочно громко произнес Сёскэ.

Он выдавал себя за Кацуиэ и не мог допустить, чтобы враг опознал его слишком рано.

Пять или шесть ружейных пуль просвистели у него над головой. Поняв, что час пробил, тридцать самураев клана Сибата воззвали к богу войны Хатиману и обрушились на врага.

Разбившись на три небольших отряда, они бросились в контратаку на наступающего противника. Воинам Хидэёси, тяжело дышавшим после трудного подъема по крутому склону, было непросто отразить нападение отчаянных смельчаков, бегом обрушившихся на них сверху. На головы воинов Хидэёси посыпались удары длинных мечей, копья вонзались им в грудь, горный склон сразу оказался усеян множеством трупов.

– Не торопитесь умирать! – воззвал Сёскэ и отступил за частокол временного укрепления.

Приказ есть приказ: за Сёскэ последовал его брат, не выпускавший из рук боевое знамя, за ним все остальные.

– Не зря говорится: пять пальцев по отдельности не так сильны, как единый кулак. Если наши немногочисленные воины будут сражаться порознь, они легко падут добычей врага. Наступаем мы или отступаем, всем держаться вместе, под знаменем!

Собрав все силы воедино, воины Сибаты снова выскочили из-за частокола и обрушились на врага, разя направо и налево мечами и копьями. Совершив стремительную вылазку, они столь же быстро отступили обратно за частокол.

Так они ввязывались в короткие стычки на истребление раз шесть-семь.

Потери наступающих насчитывали уже свыше двухсот человек. Время шло к полудню, солнце стояло высоко в небе, невыносимо пекло. Свежепролившаяся кровь быстро застывала на доспехах и шлемах, становясь похожей на черный лак.

Под боевым знаменем оставалось не больше десяти самураев. Их горящие глаза уже едва различали друг друга; все они были ранены в бою.

Стрела впиалась Сёскэ в плечо. Поглядев, как заструилась по рукаву свежая кровь, он сам извлек стрелу из раны. Затем повернулся в ту сторону, откуда стреляли. За частоколом были видны верхушки множества шлемов – вражеские воины стремительно приближались. В зарослях бамбука раздался шум, словно мчалось стадо диких свиней.

В оставшиеся считанные мгновения Сёскэ обратился к соратникам:

– Мы отдали битве все силы, нам не в чем себя упрекнуть. Каждый сразил изрядное количество врагов и заслужил доброе имя. Позвольте мне умереть первому, заступив на место князя. Но не позволяйте боевому знамени коснуться земли – держите его высоко и передавайте друг другу!

И вот, навстречу пробирающемуся по зарослям бамбука врагу, окровавленные, идущие на смерть самураи еще раз взметнули свое знамя. Но и те, кто пришел за их головами, были отчаянными смельчаками. Они шли плечом к плечу, не дрогнув, с копьями наперевес, и показывали людям Сёскэ, что пришли убить их. А сам Сёскэ, повернувшись лицом к врагу, громко возопил, чтобы нагнать страху:

– Эй вы, мужланы, жалкие, низкородные людишки! Неужто вы осмелитесь думать о том, чтобы пронзить копьями тело князя Сибаты Кацуиэ?

Сёскэ выглядел демоном, никто не осмеливался противостоять ему. Нескольких самых отчаянных сразили копьями, их мертвые тела рухнули к его ногам.

Потрясенные бесстрашием Сёскэ и решимостью его соратников до смерти не выпустить из рук боевое знамя, даже самые отважные из воинов Хидэёси расступились и открыли героям спасительную тропу к подножию горы.

– Вот я! С горы спускается сам Кацуиэ! Если Хидэёси где-нибудь поблизости, пусть посмеет встретиться со мною – на коне, один на один! Выходи, Обезьяна! Хватит прятаться! – кричал Сёскэ, спускаясь по крутой тропе.

Только что он нанес смертельную рану какому-то самураю в тяжелых доспехах. Его старшего брата Модзаэмона убили; младший – Сёбэй – сражался на длинных мечях с вражеским воином – и они одновременно зарубили друг друга насмерть. Тело Сёбэя рухнуло к подножию огромного валуна.

Рядом с ним оказалось и знамя. Прежде золотое, оно было сплошь залито кровью.

И вот бесчисленное множество врагов подступило к Сёскэ с двух сторон по тропе – сверху и снизу. Каждый из них, потрясая копьем, стремился захватить знамя и отрубить голову тому, кого они принимали за князя Кацуиэ.

Каждый не столько сражался, сколько в неукротимом рвении мешал другим. В этой суматошной схватке, один против всех, смертью героя пал Мэндзю Сёскэ.

Красивый двадцатипятилетний самурай, он не был в чести у таких людей, как Кацуиэ и Гэмба, был сдержан, задумчив, изящен, любил науки. Но сейчас его чистое и прекрасное лицо оставалось скрытым под забралом.

– Я убил Сибату Кацуиэ! – торжествующе закричал один из вражеских воинов.

– Вражеское знамя захвачено нашими руками! – возликовал другой.

Похвальба победителей неслась со всех сторон, шум стоял такой, что, казалось, содрогается сама гора.

Но люди Хидэёси еще не подозревали, что отрубленная ими голова принадлежит вовсе не Сибате Кацуиэ, а всего лишь Мэндзю Сёскэ, командиру оруженосцев.

– Мы убили Кацуиэ!

– Я держал в руках голову властителя Китаносё!

Хвастливые крики сотрясали воздух:

– Знамя! Вражеское знамя! И голова! Голова самого Кацуиэ!

Кацуиэ чудом удалось избежать смерти, но все его войско оказалось уничтожено. До нынешнего утра золотое знамя клана Сибата развевалось в окрестностях Янагасэ; теперь там в гордом одиночестве реяло знамя Хидэеси. Оно ослепительно сверкало под яркими солнечными лучами, наводя трепет на всех, кому довелось его видеть, и словно утверждало необратимость происшедшего. А то, что произошло, нельзя было не назвать триумфом мудрости и силы.

Многочисленные знамена и стяги войска Хидэеси, реющие вдоль всех дорог и высящиеся в чистом поле, свидетельствовали о величии одержанной им победы. Их было такое множество, и они так тесно соседствовали, что издали казались сплошной золотой лентой.

Войско принялось за трапезу. Боевые действия начались на рассвете и затянулись на восемь с лишним часов. Едва лишь воины утолили голод, войско получило приказ немедленно выступить в поход. Теперь путь лежал на север.

Дойдя до перевала Тотиноки, воины увидели перед собой на западе Цуругу. До простиравшихся на севере гор провинции Этидзэн было рукой подать.

Солнце уже клонилось к западу, небо и землю заливал ослепительный и многокрасочный свет, способный затмить великолепие самой яркой радуги. Лицо Хидэеси, обгоревшее под солнцем, было багрово-красного цвета. Хотя, взглянув на полководца, трудно было догадаться, что он не спал несколько ночей подряд. Казалось, он просто забыл, что человеку иногда нужно поспать. Неудержимо и безостановочно продвигаясь вперед, он так и не распорядился о привале. В это время года стоят самые короткие ночи. Еще засветло основное войско встало на ночлег в Имадзэ, уже в провинции Этидзэн. Но передовой отряд пошел дальше – ему было предписано продвинуться до Вакимото, что означало еще два ри пути, тогда как тылы остановились на ночлег в Итадори, примерно на том же расстоянии позади основного войска. Таким образом, вся армия Хидэеси рассредоточила свои порядки на расстояние в четыре ри.

Этой ночью Хидэеси позволил себе глубоко и безмятежно заснуть. Настолько глубоко, что ему не мешал крик многочисленных в здешних горах кукушек.

«Назавтра мы захватим крепость Футю, – уже засыпая, подумал Хидэеси. – Но как отнесется к нашему прибытию Инутиё?»

И чем, интересно, все это время он занимался? В полдень накануне он со своим войском был примерно в тех же местах, где разыгралось решающее сражение, но, не дождавшись захода солнца, увел войско в крепость Футю, принадлежащую его сыну.

– Благодарение богам, ты жив и в безопасности, – сказала жена Инутиё, выйдя встретить мужа.

– Позаботься о раненых. Мною ты сможешь заняться позже.

Инутиё даже не снял доспехов и не скинул с ног сандалий. В глубокой задумчивости он неподвижно застыл у крепостных ворот. Его оруженосцы тоже были здесь. Выстроившись в ряд за спиной господина, они ждали его решения.

И вот в крепость одно за другим внесли укрытые знаменами тела воинов Маэды, павших в сегодняшнем сражении. Затем настал черед раненых: их или вносили на носилках, или они входили сами, тяжело опираясь о плечи соратников.

Клан Маэда потерял тридцать с лишним человек, что, конечно, не шло ни в какое сравнение с потерями кланов Сибата и Сакума. В храме зазвонил колокол, солнце все больше клонилось к западу, дым и запахи стряпни донеслись с кухни и разошлись по всей крепости. Воинам было приказано ужинать. Однако им не разрешили расходиться по крепости и окрестностям: каждая часть держалась возле своего командира, как будто войско по-прежнему

находилось на поле боя.

Страж от главных ворот возвестил:

– К крепостным воротам прибыл властитель Китаносё!

– Что? Кацуиэ? – в изумлении пробормотал Инутиё.

Такой поворот событий оказался для него совершенно неожиданным. Ему была невыносима мысль принять этого человека, уже превратившегося в беглеца и изгнанника. Какое-то время Инутиё размышлял, не зная, что предпринять, а затем сказал:

– Что ж, выйду приветствую его.

Инутиё вместе с сыном вышел из внутренней цитадели. Пройдя последней лестницей, он оказался в темном коридоре, ведущем к главным воротам. Вдогонку за Инутиё устремился один из его личных слуг, человек по имени Мураи Нагаёри.

– Мой господин, – прошептал Мураи.

Инутиё испытующе посмотрел на него.

Мураи торопливо зашептал ему на ухо:

– Прибытие сюда князя Кацуиэ – ни с чем не сравнимый счастливый случай. Если вы убьете его и пошлете его голову князю Хидзёси, ваша бывшая дружба будет восстановлена безо всяких затруднений.

Инутиё внезапно ударил Мураи в грудь.

– Замолчи, – грозно прорычал он.

Мураи отшатнулся, стукнувшись спиной о дощатую стену, и едва не рухнул наземь. Смертельно побледнев, он сохранил достаточное присутствие ума, чтобы не подняться немедленно на ноги, но и не присесть на пол.

Пристально глядя на него, Инутиё заговорил с гневом и презрением:

– Прошептать князю на ухо безнравственное, подлое и трусливое слово, нечто такое, о чем стыдно думать, – это бесчестный поступок. Ты считаешь себя самураем, но Путь Воина тебе не знаком. Каким негодяем надо быть, чтобы отрубить голову человеку, униженным просителем стучащемуся в твои ворота, и только за тем, чтобы обеспечить будущее своему клану! Убить Кацуиэ, с которым я плечом к плечу сражался много лет!

Оставив трепещущего Мураи, Инутиё стремительно направился к главным воротам, чтобы встретить Кацуиэ. Князь вместо оружия сжимал в руке обломок копья, но сам, похоже, ранен не был – только лишь утомлен и безмерно одинок.

Поводья его лошади перехватил Тосинага, первым выбежавший навстречу гостю. Восемь самураев, прибывшие вместе с Кацуиэ, остались за воротами. Так что прибыл он сюда один...

– Весьма признателен. – Обратившись с вежливыми словами к Тосинаге, Кацуиэ спешил.

Поглядев Инутиё прямо в глаза, он произнес во весь голос, не скрывая презрения к самому себе: – Нас победили! Нас просто разбили!

Ко всеобщему удивлению, Кацуиэ был в хорошем расположении духа. Возможно, он просто держался с подобающим спокойствием, но был далеко не так горестен и унижен, как это представлял себе Инутиё. Так или иначе, общаясь с побежденным, Инутиё стремился выказать куда большую сердечность, нежели это было ему свойственно. Тосинага понимал чувства, владеющие отцом, и стремился вести себя так же. Он помог беглецу снять с ног залитые кровью сандалии.

– Кажется, будто я вернулся домой.

Сердечность к попавшему в беду человеку успокаивает его и заставляет забыть подозрительность, смягчает бушующий в душе гнев. Сердечность – единственное, что позволяет ему надеяться, будто он не погиб окончательно и бесповоротно.

Оттаяв, Кацуиэ принялся поздравлять отца и сына со своевременным бегством с поля

сражения.

– Вина за страшное поражение падает только на меня. Поневоле я навлек неприятности и на вас, но, надеюсь, вы меня простите. – Извинений от него никто не ждал. – Я вернусь в Китаносё и сумею исправить собственные ошибки, чтобы впоследствии не пришлось ни о чем сожалеть. Надеюсь, у вас найдется для меня миска рису и чашка чаю.

Злой Дух Сибата превратился в Будду Сибата. Даже Инутиё не удалось удержаться от слез.

– Принесите рису и чаю, – распорядился он. – Да поживее! И сакэ тоже.

Самым трудным для него было придумать и произнести хотя бы какие-то слова, способные утешить несчастного беглеца. Он понимал: что-нибудь сказать все равно придется.

– Говорят, вся жизнь воина состоит из побед и поражений. Если вы сумеете принять случившееся несчастье, не забывая о предопределении, то вынуждены будете признать, что гордость одержанной победой есть первый шаг на пути к неизбежному поражению, а горечь поражения – первый шаг навстречу предстоящей победе. Вечный круговорот возвышений и падений, который и есть человеческая судьба, не должен служить источником преходящих радостей и печалей.

– Именно поэтому я не оплакиваю ни сегодняшнего поражения, ни переменчивости воинского счастья, – отозвался Кацуиэ. – Мне жаль только своего доброго имени. Но, Инутиё, отдых отвлекает от мрачных мыслей. В конце концов, все и впрямь предопределено заранее.

Для Кацуиэ, каким он слыл – да и был – раньше, подобные рассуждения звучали неслыханно. Он и впрямь, похоже, не испытывал ни отчаяния, ни стыда.

Когда принесли сакэ, Кацуиэ с удовольствием выпил и, предполагая, что эта чашка для него – прощальная, угостил отца и сына Маэда. Он удовольствием отведал все бесхитростные кушанья, которые предложил Инутиё.

– Никогда еще еда не казалась мне такой вкусной, как нынче. И поверьте, я не забуду вашей доброты.

С этими словами Кацуиэ решил удалиться.

Инутиё, отправившийся проводить его до ворот, сразу обратил внимание на то, что лошадь Кацуиэ выдохлась. Призвав оруженосца, он распорядился привести своего серого в яблоках рысака и предложил его Кацуиэ.

– Оставьте волнения, – сказал Инутиё. – Мы сумеем продержаться до тех пор, пока вы не окажетесь у себя в Китаносё.

Кацуиэ собрался отъехать, но затем, словно внезапно вспомнив что-то, развернулся на месте и обратился к гостеприимному хозяину:

– Инутиё, вы с Хидэёси дружите давным-давно, еще с времен вашей юности. Раз уж война приняла такой оборот, я освобождаю вас от вашего долга приверженца по отношению ко мне.

Таковы были последние слова, сказанные им Инутиё. Когда он произносил их, сидя верхом, на его лице и в голосе не было ни малейшего признака криводушия. Столкнувшись с такой душевной щедростью, Инутиё низко поклонился Кацуиэ. Очертания всадника и коня в проеме крепостных ворот казались кромешно-черными под кровавыми лучами заходящего солнца. Жалкое воинство, насчитывающее восемь всадников и десять пеших воинов, выступило в сторону Китаносё.

Несколько всадников на всем скаку въехали в крепость Футю. Новости, доставленные ими, скоро стали известны всем, кто находился в стенах внутренней цитадели.

– Враг встал лагерем в Вакимото. Но там только передовой отряд. Сам князь Хидэёси остановился в Имадзё, так что нынешней ночью едва ли следует ожидать атаки.

Хидэёси безмятежно проспал всю ночь – вернее, полночи – в Имадзё, на следующий день

на рассвете покинул лагерь основного войска и помчался в Вакимото.

Кютаро вышел приветствовать князя. Тут же по его приказу был поднят полководческое знамя, чтобы возвестить всем, что в распоряжение передового отряда прибыл главнокомандующий.

– Что произошло этой ночью в крепости Футю? – осведомился Хидэёси.

– Там не сидели сложа руки.

– Укрепляют оборону крепости? Что, клан Маэда хочет воевать?

Не получив ответа на вопрос и поняв, что придется отвечать самому, Хидэёси посмотрел в сторону Футю. И вдруг, обернувшись к Кютаро, приказал поднять войско.

– Вы собираетесь принять командование на себя? – спросил Кютаро.

– Разумеется.

Хидэёси кивнул с таким безмятежным видом, словно перед ним открывалась широкая и ровная дорога. Кютаро поспешил передать его слова другим военачальникам и распорядился трубить в раковину, провозглашая сбор. Вскоре войско было построено в походном порядке.

Путь до Футю отнял менее двух часов. Войско вел Кютаро, тогда как Хидэёси скакал где-то в середине боевых порядков. Вскоре они увидели крепостные стены Футю. Среди обитателей и защитников крепости при виде подошедшего противника началось сметение. Со смотровой площадки на крыше внутренней цитадели до войска Хидэёси и расшитого золотом полководческого знамени было, казалось, рукой подать.

Войско еще не получало приказа останавливаться. А поскольку сам Хидэёси находился в середине колонны, то ни у кого не было сомнений, что предстоит немедленно начать осаду.

Подойдя к главным воротам крепости Футю, войско Хидэёси, подобное неудержимо накатывающейся речной волне, перестроилось журавлиным клином. На время все пришло в движение, на месте оставалось только знамя.

В этот миг стены крепости заволокло пороховым дымом ружейного залпа.

– Отойди, Кютаро! – распорядился Хидэёси. – Подальше от стен! Огня не открывать, к бою не изготавливаться! Удалитесь на безопасное расстояние и держитесь походным порядком!

Кютаро отступил, стрелки в крепости прекратили огонь. Но боевой дух обеих сторон был так высок, что схватка могла начаться в любое мгновение.

– Эй, кто-нибудь! Поднять боевое знамя и выйти на двадцать кэнов передо мной! – распорядился Хидэёси. – Сопровождающие не понадобятся, в крепость отправлюсь я один.

До тех пор он не открывал своих намерений, а эти слова произнес неожиданно для всех, оставаясь в седле. Не обращая внимания на тревогу, охватившую его сподвижников, Хидэёси тронул поводья и помчался к крепостным воротам.

– Погодите, мой господин! Я поеду впереди!

Один из самураев, как и было приказано, подхватил знамя и бросился вперед, сумев на несколько шагов опередить Хидэёси. Но не успел он пройти и десятка кэнов, как из крепости раздалась пальба, причем метили не столько в самого самураю, сколько в знамя.

– Прекратить огонь! Прекратить огонь!

Выкрикивая во весь голос эти слова, Хидэёси стремительно мчался навстречу пулям, как стрела, выпущенная из лука.

– Это я, Хидэёси! Вы что, меня не узнали?

Доехав до ворот, он выхватил из-за пояса золотой полководческий жезл и взмахнул им перед защитниками крепости.

– Здесь Хидэёси! Прекратить огонь!

Крепость пришла в полное замешательство. Двое стрелков, отпрянув от бойницы, расположенной у ворот, раскрыли створки.

– Князь Хидэёси?

Происходящее казалось настолько невероятным, что оба воина были слегка не в себе, как сонные. Хидэёси узнал обоих. Он спешил и пошел им навстречу.

– Воротился ли князь Инутиё? – осведомился он, затем добавил: – Пребывают ли он и его сын в добром здравии?

– Да, мой господин, – отозвался один из воинов. – Оба вернулись домой целыми и невредимыми.

– Прекрасно! Я чрезвычайно рад узнать это. Займитесь моим конем!

Передав поводья воинам, Хидэёси прошел в ворота столь же непринужденно, как если бы он возвращался к себе домой, окруженный собственными челядинцами.

Защитников крепости – а людей там было много – потрясло мужественное поведение князя; у многих из них закружилась голова. Навстречу Хидэёси поспешили Инутиё и его сын. Приблизившись на расстояние, приличное для беседы, Хидэёси заговорил с Инутиё тоном старого друга после долгой разлуки.

– Добро пожаловать!

– Инутиё! Что это ты затеял?

– Да ничего особенного, – смеясь, ответил Инутиё. – Входи, располагайся, будь гостем!

Инутиё вместе с сыном возглавил шествие и повел Хидэёси во внутреннюю цитадель. Намеренно пройдя мимо парадного входа, они отворили калитку, ведущую в сад, и проводили дорогого гостя прямо во внутренние покои, по дороге предлагая полюбоваться красными ирисами и белыми азаниями.

Именно так и надлежало встретить близкого друга семьи, и Инутиё вел себя по отношению к Хидэёси точь-в-точь как в те времена, когда они жили в соседних домах, разделенных лишь забором.

И вот Инутиё пригласил Хидэёси войти в дом.

Однако Хидэёси огляделся по сторонам, явно не собираясь скидывать с ног соломенные сандалии.

– Что это за домик – кухня? – осведомился он. Когда Инутиё ответил утвердительно, Хидэёси направился туда. – Хочу повидаться с твоей женой. Она там?

Инутиё оторопел. Он хотел ответить, что, если Хидэёси угодно повидаться с его женой, он немедленно призовет ее сюда, но времени на это у него не оставалось. И он спешно попросил Тосинагу проводить гостя на кухню.

Послав сына вдогонку за Хидэёси, Инутиё помчался по коридору, чтобы успеть предупредить жену.

Больше всех изумились повара, стряпухи и посудомойки. Перед ними предстал откуда ни возьмись низкорослый самурай явно высокого чина, одетый в персикового цвета плащ поверх боевых доспехов. Держался он с такой непринужденностью, словно был членом хозяйского семейства.

– Эй! Где тут госпожа Маэда? Объясните мне, где она, – воззвал он к кухонной челяди.

Никто не мог понять, кто он таков и откуда взялся. Люди уставились на Хидэёси, словно не веря глазам своим, но, заметив золотой жезл и отделанный драгоценными камнями меч гостя, поспешили преклонить колени и головы перед важным посетителем. Наверняка он был высоким вельможей, но никто в доме Маэды прежде его не видел.

– Госпожа Маэда, где же вы? Это я, Хидэёси! Выйдите, не прячьтесь!

Жена Инутиё присматривала за поварами, когда ей сообщили о неожиданном посещении. Она вышла к Хидэёси в переднике и с высоко подобранными рукавами. Увидев князя, она на мгновение застыла.

– Должно быть, мне это снится, – пробормотала она, придя в себя.

– Давненько мы не виделись, моя госпожа. Я рад застать вас в таком же добром здравии, как и всегда.

Стоило Хидэёси шагнуть ей навстречу, как госпожа Маэда встрепенулась, быстро развязала шнурки на высоко подобранных рукавах и простерлась ниц перед гостем на дощатом полу.

Хидэёси запросто уселся на пол рядом с нею.

– Первое, о чем я хочу поведать, моя госпожа, будет вот что: ваша дочь и женщины в Химэдзи успели хорошо подружиться. Пожалуйста, не извольте тревожиться по этому поводу. И хотя во время недавних сражений вашему супругу пришлось пережить несколько мучительных минут, он каждый раз принимал правильное решение относительно того, наступать ему или отступать, и можно сказать, что клан Маэда вышел из войны непобежденным.

Госпожа Маэда, стоя на коленях и прикасаясь лбом к полу, сложила перед собой руки.

Вошел отправившийся на поиски жены Инутиё. Он увидел Хидэёси.

– Здесь неподобающее место, чтобы принять тебя по достоинству. Прежде всего прошу: сними сандалии и встань с земляного пола.

Муж и жена приложили все усилия убедить Хидэёси перейти с земляного пола на деревянный, но он их не послушал, продолжал вести себя и беседовать с прежней непринужденностью.

– Я спешу в Китаносё, и прохладиться тут у вас просто нет времени. Не слишком ли я злоупотреблю вашей добротой, если попрошу миску риса?

– Нет ничего проще! Но почему бы вам не передохнуть здесь?

Хидэёси и не подумал снять сандалии и расслабиться.

– В другой раз. Сегодня мне следует поспешить.

И мужу, и жене были прекрасно известны как достоинства Хидэёси, так и его недостатки. В их дружбе не было наигрыша и притворства. Жена Инутиё вновь засучила рукава и вернулась к хлопотам по кухне.

Здесь готовили на всех обитателей крепости. Великое множество посудомоек, стряпух, поваров и даже чиновников принимали участие в приготовлении пищи или же надзирали за этим делом. Но и сама госпожа Маэда была большой мастерицей готовить; нынешняя спешка не могла служить ей помехой.

Весь нынешний день и день накануне она провела, заботясь о раненых и следя, чтобы их хорошо кормили. Но и в дни меньших тревог и событий она всегда сама приходила на кухню и лично стряпала для мужа. Сейчас клан Маэда правил целой провинцией. В дни нищеты молодости в Киёсу, когда их сосед Токитиро жил не богаче и не бедней, чем они, женщины двух семейств часто навевывались друг к другу, чтобы одолжить меру риса, щепотку соли или немного масла для вечерней лампы. В те дни о достатке, в котором жили их соседи, можно было догадаться по свету, горевшему вечером в окнах.

«Эта женщина ничуть не меньше заботится о своем муже, чем Нэнэ обо мне», – подумал Хидэёси. За недолгое время, что выдалось ему на размышления, жена Инутиё успела приготовить два или три блюда и, взяв в руки поднос, сама подавала еду к столу.

Крепость Футю была расположена на западе страны в холмистой местности. В саду окруженная несколькими соснами, высилась небольшая беседка. Слуги расстелили полотно на лужайке возле беседки и уставили его подносами с яствами и кувшинчиками с сакэ.

– Могу ли я предложить вам что-нибудь поизысканнее, чем миска риса? Несмотря на всю спешку? – осведомилась жена Инутиё.

– Нет-нет. Пусть лучше ваш супруг и сын разделят со мной эту трапезу.

Инутиё сел напротив Хидэёси, а Тосинага взялся разлить сакэ. Хозяева и гость могли бы пройти в беседку, но предпочли остаться снаружи. В ветвях сосен шумел ветер, но они его не замечали.

Хидэёси выпил всего одну чашечку сакэ, но зато поспешно съел две миски риса, приготовленного женой Инутиё.

– Вот я и сыт. Боюсь показаться бесцеремонным, но не дадите ли вы мне чаю?

Догадываясь, что такая просьба рано или поздно последует, в беседке все приготовили заранее. Жена Инутиё торопливо зашла туда и, вернувшись, подала Хидэёси чайник и чашку.

– Отлично, моя госпожа, – произнес Хидэёси, отпив из чашки, и посмотрел на жену Инутиё так, словно собирался попросить совета. – Конечно, я доставил вам много хлопот, но сейчас вдобавок ко всему мне хотелось бы отнять у вас на некоторое время вашего муженька.

Жена Инутиё рассмеялась от души:

– Отнять моего муженька? Давненько, друг мой, не слышала я от вас этих слов!

Теперь уж рассмеялись и Хидэёси с Инутиё, а первый добавил:

– Послушай ее, Инутиё! Женщина если уж на что осерчает, то запомнит обиду навсегда. Она конечно же сразу вспомнила, как я уводил тебя на совместные попойки. – Передавая чайник, Хидэёси вновь рассмеялся. – Но сегодня нам предстоит иное дельце, чем раньше, и если моей госпоже не будет угодно отказать мне в этом намерении, то, я убежден, и супруг ее противиться тоже не станет. Мне и в самом деле хочется, чтобы он поехал со мной в Китаносё. А ваш сын прекрасно сумеет позаботиться о своей матушке.

Поняв, что под общий смех и разговоры важное дело улажено, Хидэёси быстро разъяснил присутствующим подробности своего замысла.

– Мне бы хотелось, чтобы ваш сын остался здесь, а Инутиё поехал со мной. Когда дело доходит до сражения, ему не сыщется равных. В тот счастливый день, когда мы завершим войну и вернемся, я буду счастлив погостить у вас несколько дней. Мы отправляемся в путь завтра на рассвете. Теперь позвольте попрощаться.

Все семейство проводило его до входа в кухню. По дороге жена Инутиё сказала:

– Князь Хидэёси, вы распорядились, чтобы Тосинага остался и присмотрел за матерью. Но я не чувствую себя старой, беспомощной и одинокой. В крепости полным-полно самураев, и никому не вздумается напасть на нас.

Инутиё был согласен с женой. Быстрым шагом идя к выходу, Хидэёси и семейство Маэда наскоро обговорили час завтрашнего выступления и прочие необходимые подробности.

– Значит, в следующий раз вы непременно у нас погостите. Я буду ждать, – сказала жена Инутиё, прощаясь с Хидэёси.

Ее муж и сын проводили Хидэёси до главных крепостных ворот.

Хидэёси простился с семейством Маэда и вернулся к себе в лагерь. Как раз в это время сюда привели пленников – двух высокопоставленных людей клана Сибата. Одним из них оказался Сакума Гэмба. Другим – Кацутоси, приемный сын Кацуиэ. Обоих поймали в горах, когда они пытались добраться до Китаносё. Гэмба был изранен. В летнюю жару самая тяжкая из его ран воспалилась и грозила заражением крови. В случае крайней надобности и в полевых условиях самураи обрабатывают такие раны китайской полынью, и Гэмба, остановившись в горной хижине, добыл у крестьян полынь и приложил ее к открытой ране.

Пока Гэмба занимался самоисцелением, крестьяне успели тайно посоветоваться и решили, что за выдачу таких важных людей, как Гэмба и Кацутоси, Хидэёси наверняка щедро вознаградит их. В ту же ночь они окружили хижину, в которой спали беглецы, связали их, как свиней, и поволокли в лагерь Хидэёси.

Услышав об этом, Хидэёси не слишком обрадовался. Вопреки надеждам горцев на награду,

он велел жестоко наказывать их.

На следующий день Хидэёси в сопровождении Инутиё и его сына помчался, погоняя коня, в сторону крепости Кацуиэ в Китаносё. Вместе с ними выступило и войско. К полудню столица Этидзэна заполнилась вражескими воинами.

Тем временем вожди кланов Токуяма и Фува сообразили, куда дует ветер, и многие приверженцы этих кланов прибыли просить пощады в лагерь Хидэёси.

Хидэёси разбил лагерь на горе Асиба, распорядившись обложить крепость Китаносё настолько плотной осадой, чтобы через нее и муха не пролетела. Как только крепость попала в осаду, корпусу под началом Кютаро было приказано разрушить один из участков во внешней деревянной стене. Затем близко к каменной стене подвели пленных Гэмбу и Кацутоси.

Ударили в боевой барабан, причем так громко, чтобы барабанный бой непременно донесся до слуха Кацуиэ, укрывшегося в стенах крепости.

– Если тебе хочется попрощаться с приемным сыном и с племянником, то выйди наружу и скажи все, что желаешь, прямо сейчас!

Это обращение повторяли дважды или трижды, но из крепости не доносилось ни звука. Кацуиэ не пожелал попрощаться с родственниками, осознавая, что это будет для него невыносимой мукой. И все прекрасно понимали, что цель Хидэёси – сломить боевой дух защитников крепости.

На протяжении ночи в лагере Хидэёси появлялись все новые перебежчики из числа защитников крепости, и сейчас в ее стенах оставалось не более трех тысяч человек, включая тех, кто был не в состоянии держать оружие.

Гэмба и Кацутоси попались живыми, и Кацуиэ, размышляя о подобном бесчестье, осознавал, что и ему пришел конец. Непрестанно били вражеские барабаны. С приходом тьмы деревянная стена оказалась полностью разрушена, все подступы к крепости кишели людьми. Хидэёси, подобравшимися к внутренним стенам уже на расстояние в каких-то сорок – тридцать кэнгов.

Тем не менее во внутренней цитадели царило относительное спокойствие. Смолкли ближе к вечеру вражеские барабаны. Наступил вечер, настала ночь. Из крепости и в крепость сновали военачальники – что могло бы это означать, как не переговоры о мире? Возможно, речь шла о том, чтобы оставить жизнь князю Кацуиэ, хотя обсуждалась и сдача на милость победителя. Защитники крепости терялись в догадках и не могли отличить истину от слухов и сплетен.

Когда настала тьма, внутреннюю цитадель, погружившуюся в чернильную тьму, празднично осветили изнутри. Осветили также северный бастион и западную цитадель. Яркие огни были зажжены даже на башнях, где самые смелые из воинов несли ночную стражу, с нетерпением ожидая начала битвы.

В стане атакующих недоумевали: что происходит в крепости? Но эта загадка скоро разрешилась. Воинам Хидэёси стал слышен барабанный бой и нежное пение флейты. Доносились голоса, с протяжным северным выговором выпевающие слова старинных народных песен.

– Люди в стенах крепости понимают, что пошла их последняя ночь, они решили устроить прощальный пир. Прискорбно!

Воины Хидэёси поневоле жалели несчастных обитателей крепости. Ведь и внутри ее, и снаружи находились приверженцы одного и того же клана Ода. Среди воинов Хидэёси не было ни единого, кто не знал о былых заслугах Кацуиэ. Тоскливое неблагополучие охватило почти всех.

В крепости Китаносё давали прощальный пир. Собралось свыше восьмидесяти человек – все члены семьи и старшие соратники клана. В середине восседала жена Кацуиэ с дочерьми, а за

стенами ждал своего часа неумолимый враг.

– В таком тесном кругу мы не собирались и на празднование Нового года! – заметил кто-то из гостей, и вся семья отозвалась на эту шутку веселым смехом. – На рассвете начнется первый день нашего пребывания в ином мире. Так что нынче, еще в этом мире, надо отпраздновать канун Нового года!

Было зажжено столько ламп и так много слышалось веселых смеющихся голосов, словно этот пир был таким же, как все остальные. И только присутствие вооруженных и облачившихся в доспехи воинов бросало мрачную тень на всеобщее веселье.

Особенный блеск и очарование вечеру придавали изысканные наряды и тщательно набеленные и нарумяненные личики госпожи Оити и трех ее дочерей. Младшей из трех сестричек было всего десять лет, и, глядя, как радостно это дитя вкушает от обильных яств, прислушивается к шумным беседам, дразнит старших сестер, – глядя на это, даже испытанные воины, ничуть не страшась неизбежной кончины, торопились отвести взгляд.

Кацуиэ изрядно выпил. Каждый раз, когда он произносил здравицу в честь кого-нибудь из присутствующих, с уст его срывалось слово, говорящее о бесконечном одиночестве:

– Если бы Гэмба был сейчас с нами!

А когда кто-нибудь заводил в присутствии Кацуиэ речь о неудаче, которую потерпел Гэмба, властитель Китаносё прерывал его сразу же:

– Не надо упрекать Гэмбу! Вина за происшедшее полностью падает на меня. Когда я слышу, как обвиняют Гэмбу, мне становится не по себе.

Кацуиэ позаботился, чтобы сакэ за пиршественным столом не иссякало. Часть его он переслал стражам на башнях, сопроводив угощение запиской: «Проститесь с этим миром как должно. Пришло время вспомнить любимые стихи».

С башен доносилось пение стражников, а пиршественный зал переполняли веселые голоса. Барабаны били прямо напротив почетного места, на котором восседал Кацуиэ, серебряные веера танцовщиков очерчивали изящные узоры в воздухе.

– Давным-давно князь Нобунага сам охотно исполнял танцы и пытался заставить меня делать то же, но мне было неловко, потому что я вовсе не умею танцевать, – заметил Кацуиэ. – Какая жалость! Знать бы заранее, что мне предстоит нынешняя ночь, и я постарался бы разучить хотя бы один танец!

В глубине души он еще тосковал по безвременно погибшему князю Оде. Но было во всем этом и нечто иное. Несмотря на то что Кацуиэ попал в безвыходное положение – из-за единственного воина со сморщенным лицом старой обезьяны, – он втайне надеялся умереть достойной смертью.

Сейчас ему было пятьдесят три года. Достигнув к этому возрасту высокого звания, он, при других условиях, был бы вправе рассчитывать на блистательное будущее. Теперь он рассчитывал лишь на блистательную гибель на Пути Воина.

Всем пирующим не по одному разу подали чашку сакэ. Все пили помногу, и крепостные подвалы изрядно опустели. Люди пели под барабанный бой, плясали с серебряными веерами, обменивались громогласными приветствиями и шутками. Но ничто из происходящего не могло развеять царящую в зале гнетущую печаль.

Время от времени наступало ледяное молчание. Мерцающий свет горящих ламп озарял пирующих смертельной бледностью, причиной которой было отнюдь не выпитое сакэ. Наступила полночь, а пир все длился. Дочери госпожи Оити, усталые и заскучавшие, прильнули к матери и погрузились в дремоту. Младшая положила голову на колени матери и безмятежно уснула. Притрагиваясь к волосам дочери, госпожа Оити не могла удержаться от слез. Заснула и вторая дочь – та, что постарше. Лишь старшая – Тятя, – похоже, понимала, какие чувства

переживает мать, и знала, что означает нынешнее пиршество. И все же ей удавалось сохранять хладнокровие.

Все три девочки были красивы и лицом походили на мать, но Тяте куда в большей степени, чем сестрам, были присущи тонкие черты старинного рода Ода. И любому, кто смотрел сейчас на нее, становилось грустно от мысли, как она хороша, молода и что ее в ближайшем времени ожидает.

– Она так невинна, – внезапно произнес Кацуиэ, взглянув на безмятежное личико младшей дочери госпожи Оити. И он заговорил с женою о судьбе девочек. – Ваше происхождение, моя госпожа, известно: вы доводите сестрой покойному князю Нобунаге. В браке со мной вы состоите менее года. Лучше всего вам будет взять дочерей и вместе с ними покинуть крепость еще до рассвета. Я прикажу Томинаге проводить вас в лагерь Хидэёси.

Оити залилась слезами.

– Нет! – воскликнула она. – Когда женщина выходит замуж за самурая, ей надлежит смириться с велением судьбы. Это жестокосердно – приказывать мне покинуть крепость! Немыслимо, чтобы я, как нищенка, стучалась в ворота Хидэёси и умоляла его сохранить мне жизнь!

Заслонив глаза рукавом, она из-под него взглянула на Кацуиэ. Но супруг не унимался:

– Нет-нет! Меня восхищает ваше желание разделить мою судьбу – и это при том, что наш союз оказался таким недолгим. Но у вас три дочери от князя Асаи. Более того, Хидэёси наверняка проявит милосердие к сестре князя Нобунаги и ее дочерям. Так что вам следует покинуть крепость – и сделать это как можно скорее. Прошу вас, извольте заняться приготовлениями к отбытию.

Призвав одного из приверженцев, Кацуиэ приказал ему заняться этим и велел госпоже Оити с дочерьми немедленно покинуть пиршественный зал. Но она только покачала головой и наотрез отказалась подчиниться.

– Что ж, если вы настроены так решительно, то вас не переубедить. Но, может быть, вы позволите хоть этим невинным созданиям покинуть крепость, как распорядился мой господин?

Лишь на это госпожа Оити соизволила согласиться. Она разбудила младшую дочь, мирно спавшую у нее на коленях, и объявила девочкам, что их отсылают из крепости.

Тятя прильнула к матери:

– Никуда я отсюда не поеду! Никуда не поеду! Я хочу остаться с вами, матушка!

С уговорами обратились к ней мать и Кацуиэ, но им не удалось остановить поток слез. Наконец ее увели и заставили покинуть крепость против воли. Но и когда девочек уводили, издали по всей внутренней цитадели разносился их плач. Настал час четвертой стражи, и безрадостное пиршество подошло к концу. Самураи натуго перетянули тесемки на доспехах, взяли оружие и разошлись по местам, где каждому предстояло встретить свой смертный час.

Кацуиэ, его жена и несколько ближайших приверженцев удалились во внутренние покои главной цитадели.

Госпожа Оити распорядилась, чтобы ей принесли столик, бумагу, тушь и кисть, и начала сочинять предсмертное стихотворение. Написал стихотворение и Кацуиэ.

Одна и та же ночь стояла повсюду, но люди проводили ее по-разному. Близящийся рассвет сулил победителю одно, побежденным – другое.

– Позаботьтесь, чтобы мы на заре захватили крепостные стены, – распорядился Хидэёси, после чего спокойно отправился спать.

Относительная тишина царила и в городе. Лишь в двух-трех местах вспыхнули пожары. Причиной поджога, скорее всего, были не действия воинов Хидэёси, а беспорядки и волнения среди горожан. Пожары решили не тушить, ибо в их свете было удобнее вести ночной бой.

С вечера до полуночи в ставке Хидэёси появлялись и исчезали многие военачальники. Пошли разговоры, что Кацуиэ выторговывает для себя условия почетной сдачи, хотя многие утверждали, что она будет безоговорочной. Тем не менее и после полуночи намерения осаждающих не изменились.

По начавшейся суете в расположении отрядов можно было догадаться, что приближается рассвет. Вскоре протрубили в раковину. Разрывая клочья ночного тумана, зазвучала барабанная дробь. Ее гул разнесся по лагерю.

Штурм, как и было решено заранее, начался в час Тигра с мощного ружейного залпа.

Послышалась ответная стрельба, но затем совершенно неожиданно выстрелы и боевые кличи с обеих сторон смолкли.

В это время сквозь туман промчался одинокий всадник. Он спешил из лагеря Кютаро туда, где водрузил свое знамя Хидэёси. За ним следовали самурай из враждебного клана и три девочки.

– Прекратить огонь! Остановить бой! – кричал на скаку всадник.

Девочки были племянницами Нобунаги. Не понимая, что происходит, воины провожали недоуменными взглядами плывущие в тумане их изысканные кимоно. Старшая из сестер держала за руку среднюю, а та сжимала ручонку младшей. Так они и шли, семеня по каменной дороге. Согласно тогдашним обычаям, беженцам надлежало обходиться без обуви, и девочки поступили именно так: они шли в одних только плотных шелковых носках.

Младшая внезапно остановилась и объявила, что ей хочется вернуться в крепость. Самурай, которому было поручено проводить их, успокоил ее, посадив себе на плечи.

– Куда мы идем? – с дрожью в голосе спросила младшая.

– В гости к хорошему человеку, – ответил Синроку.

– Нет! Я не хочу! – заплакав, закричала девочка.

Старшие сестры постарались успокоить ее.

– Мама позже тоже туда придет. Ведь верно, Синроку?

– Да, конечно.

Переговариваясь, они незаметно дошли до небольшой сосновой рощи, на опушке которой разбил свой лагерь Хидэёси.

Он вышел из шатра и встал под сосной, наблюдая, как они приближаются. Затем пошел навстречу девочкам.

– Как все они похожи на своего дядю! – воскликнул он, взглянув на них пристальней.

Сестры были похожи не только на Нобунагу, но и на свою мать Оити. Очарованный девочками, Хидэёси сказал им что-то умиротворяющее. С рукава сливового цвета кимоно, в которое была одета Тятя, изящно свисала кисть. Узорчатые рукава кимоно средней из сестер украшал красный платок. С не меньшим изяществом была одета и младшая. У каждой в руках был узелок, издававший аромат алоэ, и золотой колокольчик.

– Сколько вам лет? – поинтересовался Хидэёси.

Ни одна из девочек не пожелала ответить. Их алые губы побелели. Казалось, все три сестры немедля расплачутся, стоит к ним прикоснуться.

Хидэёси весело рассмеялся, а потом с широкой улыбкой обратился к девочкам:

– Вам нечего бояться, дорогие княжны. Теперь вы сможете играть со мною! – и потянул себя за нос.

Средняя сестра рассмеялась, возможно, потому, что этот человек напомнил ей обезьяну.

Но вдруг звук стрельбы и боевые кличи сотрясли воздух сильнее, чем прежде.

Выстрелы доносились из крепости и ближайших окрестностей. Начало светать.

Маленькие княжны, увидев черный дым, поднимающийся над крепостными стенами,

испугались и заплакали.

Хидэёси поручил их заботам слуги, затем громогласно потребовал коня и помчался туда, где разгоралось сражение.

Атакующим было непросто подступиться к крепости: ее окружали два рва, наполненные водой реки Кудзурю.

Когда удалось преодолеть первый ров, защитники крепости подожгли перекидной мост, ведущий к главным воротам. Пламя перебросилось на сторожевую вышку у ворот и на помещения, в которых жили готовящиеся сейчас встретить свой смертный час воины. Их сопротивление было отчаянным, хотя и безуспешным.

Воины Хидэёси со всех сторон хлынули во внутреннюю цитадель.

Кацуиэ со старшими соратниками отступил в башню, решив принять последний бой там. Башня была девятиэтажным сооружением с железными дверями и каменными колоннами.

За два часа сражения в башне и вокруг нее нападающие понесли большие потери, чем за все утро. Двор и башня были объаты пламенем. Хидэёси отдал приказ временно отступить – может быть, потому, что видел, как медленно развивается наступление. Так или иначе, он приказал отступить всем действующим в бою отрядам.

Воспользовавшись затишьем, он отобрал несколько сотен несгибаемых воинов. Никому из них не было разрешено взять в бой ружья, только мечи и копья.

– Пора завершить дело! Пробейтесь в башню! – приказал Хидэёси.

Отборный отряд копьеносцев налетел на башню и закружился вокруг нее, как осиный рой. Вскоре воинам удалось ворваться внутрь.

Угольно-черный дым вырвался из бойниц третьего этажа, потом – четвертого, потом – пятого.

– Отлично! – вскричал Хидэёси, когда языки пламени вырвались из-под крыши.

Эта вспышка пламени известила мир о гибели Кацуиэ. Кацуиэ и восемьдесят его ближайших сторонников сдерживали натиск врага на третьем и четвертом этажах башни, отчаянно сражаясь до конца, поскальзываясь в лужах разлившейся по полу крови. Но вот к князю воззвали трое членов его семьи:

– Готовьтесь, мой господин! Пора!

Взбежав на пятый этаж, Кацуиэ увидел там госпожу Оити. Сначала она покончила с собой, следом совершил сэппуку Сибата Кацуиэ.

Был час Обезьяны. Башня пылала всю ночь. Великолепные здания, высившиеся на берегу реки Кудзурю еще со времен Нобунаги, горели, как погребальный костер былых мечтаний. В клубах дыма вознеслось к небу несчитанное множество живых душ. Среди пепла и золы не осталось ничего, что могло бы напомнить о Кацуиэ.

Позднее говорили, что он заранее распорядился набить башню соломой, дабы она сгорела до основания. И по этой причине воинам Хидэёси не удалось заполучить голову Кацуиэ как доказательство его гибели. Какое-то время поговаривали, будто Кацуиэ удалось бежать, но Хидэёси относился к подобным слухам с подчеркнутым равнодушием. А на следующий день после битвы он выступил в Кагу.

Крепость Ояма в Каге до последнего времени служила местопребыванием Сакумы Гэмбы. Когда стало известно о разрушении Китаносё, здешние жители почуяли, куда дует ветер, и поспешили сдаться на милость Хидэёси. Крепость Ояма пала без боя. Но чем больше побед одерживали воины князя, тем строже напоминал он им о тяжелом положении, сложившемся в стране, и призывал не утрачивать порядка и сдержанности. Его целью было нагнать страху на упрямец из клана Сибата и их союзников раз и навсегда.

Сасса Наримаса из крепости Тояма был одним из этих упрямцев. Яростным приверженец клана Сибата, он представлял для Хидэёси и его замыслов нешуточную опасность. По происхождению Сасса Наримаса был неизмеримо выше Хидэёси. В ходе северной войны он был первым человеком после Кацуиэ, а в войне против Хидэёси ему предложили держаться в стороне – с тем, чтобы предотвратить возможное вторжение клана Уэсуги и заняться решением внутренних дел на севере провинции.

«Сасса здесь». Таков был девиз воина, со сторожевой башни своей крепости строго и неустанно следившего за порядком в северных провинциях. И хотя Кацуиэ погиб, а в Китаносё ворвался враг, оставалась возможность того, что Сасса, с его жестокостью и непримиримой ненавистью к Хидэёси, решит занять опустевшее место Кацуиэ и продолжить его дело, что привело бы к затяжке военных действий. Он и вправду всерьез подумывал об этом, рассчитывая объединить свое свежее войско с остатками сил клана Сибата.

Хидэёси сознательно избегал столкновения с этим противником. Сама по себе численность войска Хидэёси внушала уверенность в его отличной боеспособности, и он тянул с началом нового похода, предоставляя Наримасе возможность одуматься. Пока что он предложил союз клану Уэсуги. И вот Уэсуги Кагэкацу, глава клана, прислал к Хидэёси посла с поздравлениями по поводу одержанной победы и с согласием на предложенный договор о союзе.

Взвесив создавшееся положение, при котором ему пришлось бы сражаться с войском Хидэёси и кланом Уэсуги одновременно, Сасса Наримаса счел дальнейшее сопротивление бессмысленным. Поэтому он отказался от боевых действий и заявил, что покоряется Хидэёси. Затем он выдал свою дочь замуж за Тосимасу, второго сына Инутиё, и с легкой душой удалился в собственную провинцию. Так вся местность к северу от Китаносё оказалась замирена без единого выстрела.

Обеспечив мир и порядок на севере, войско под командованием Хидэёси победоносно возвратилось в крепость Нагаханама в День Мальчиков, то есть на пятый день пятого месяца.

В Нагахаме Хидэёси донесли о том, как развиваются события в Гифу. После взятия Китаносё Гифу превратился в главный очаг направленной против Хидэёси враждебной деятельности, но после сокрушительного поражения, нанесенного клану Сибата, боевой дух Нобутаки и его воинов пошел на убыль. Вдобавок к этому множество бывших сторонников Нобутаки предали своего господина и с изъятием верноподданнических чувств прибыли к Хидэёси. Дело дошло до того, что с Нобутакой остались лишь двадцать семь верных людей.

Поскольку Нобутака во всем полагался на силу и могущество клана Сибата, для него поражение клана стало равносильно собственному. Он оказался деревом с оборванными корнями. Все самураи, кроме самых преданных, оставили его. Нобуо, собрав войско, осадил крепость брата и прислал письмо, в котором повелевал Нобутাকে ехать в родную провинцию Овари.

Нобутака покинул крепость Гифу и переправился на челне через озеро, высадившись на берег в Уцуми, в провинции Овари. Один из людей Нобуо прибыл к нему с требованием покончить жизнь самоубийством. Почувствовав, что пришел его последний час, Нобутака хладнокровно написал предсмертную записку и совершил сэппуку. Так виновником гибели Нобутаки оказался его сводный брат. Разумеется, происшедшее было тайно вдохновлено самим Хидэёси. Едва ли надо говорить о том, насколько не хотелось Хидэёси идти войной на Нобутаку, доводившегося родным сыном Нобунаге, оттого он и решил прибегнуть к помощи Нобуо.

Ясно как день было то, что Нобуо и Нобутака оказались обыкновенными посредственностями. Если бы они испытывали подлинно братскую любовь друг к другу или хоть один из них отличался храбростью и умом, способным приноровиться к новым временам,

участь обоих не оказалась бы столь незавидной. Конечно, по сравнению с Нобуо, добродушным глупцом, Нобутака имел целый набор достоинств. Но в настоящие вожди он тоже не годился.

Седьмого числа Хидэёси выехал из Адзути, одиннадцатого остановился в крепости Сакамото. Ему донесли, что в провинции Исэ сложил оружие Такигава Кадзумасу. Хидэёси пожаловал ему удел в провинции Оми, соответствующий пяти тысячам коку риса. У него и в мыслях не было карать Кадзумасу за былые грехи.

Книга десятая.

Одиннадцатый год Тэнсё.

1583

Персонажи и места действия

Гамо Удзисато – старший вассал клана Ода
Накагава Канэмон – комендант крепости Инуяма
Икэда Юкискэ – сын Сёню
Бито Дзинэмон – вассал Хидэёси
Мори Нагаёси – зять Икэды Сёню
Сакаи Тадацугу – старший вассал Токугавы
Хонда Хэйхатио – старший вассал Токугавы
Ии Хёбу – старший советник Токугавы
Миёси Хидэцугу – племянник Хидэёси
Ода Нобутэру – дядя Нобуо

Исэ – владение Оды Нобунаги
Нагасима – главная резиденция Оды Нобуо
Огаки – дворец Икэды Сёню
Гора Комаки – укрепленные позиции, удерживаемые Иэясу
Гакудэн – главный лагерь Хидэёси
Окадзаки – дворец Токугавы Иэясу
Осака – новый дворец Хидэёси

Всего лишь за один быстро промелькнувший год власть и влияние Хидэёси возросли так стремительно, что он и сам дивился этому. Он уничтожил кланы Акэти и Сибата, заставил склониться военачальников Такигаву и Сассу, сам Нива выказал ему особое доверие, а Маэда Инутиё доказал свою верность былой дружбе.

Ныне под властью Хидэёси оказались почти все провинции, прежде покоренные Нобунагой. Разительная перемена обнаружилась и в отношениях с князьями тех провинций, которые сумели сохранить независимость или хотя бы ее видимость. Клан Мори, что много лет противился замыслу Нобунаги подчинить всю страну, заключил с Хидэёси договор о союзе и прислал заложников.

Оставался один могущественный князь, намерения которого были по-прежнему загадочны, – Токугава Иэясу. Между ним и Хидэёси никаких отношений долгое время не было. Они затаились, как соперники над игральной доской в ожидании сильного хода противника.

В конце концов молчание закончилось. Действовать начал Иэясу: двадцать первого числа пятого месяца, вскоре после возвращения Хидэёси в Киото, к нему в крепость Такарадэра прибыл один из военачальников Иэясу, старший по возрасту и званию – Исикава Кадзумаса.

– Я прибыл с поздравлениями от его светлости князя Иэясу. Вы одержали великую победу и тем восстановили в стране мир и покой.

Произнеся эти высокопарные слова, Кадзумаса вручил Хидэёси драгоценный подарок – старинную шкатулку-хацухана для хранения чая.

Хидэёси успел стать ценителем чайной церемонии, изысканный подарок его обрадовал. Не меньше была радость и от того, что Иэясу первым обратился к нему с учтивыми поздравлениями.

Кадзумаса хотел в тот же день отправиться назад, в Хамамацу, но Хидэёси отговорил его.

– Вам некуда спешить, – сказал он. – Погостите у меня два-три дня. Я дам знать князю, что вы задержались здесь по моей просьбе. Назавтра нам предстоит небольшое семейное торжество.

Небольшим семейным торжеством Хидэёси назвал пир по случаю получения нового высокого титула. Император преподнес ему титул за заслуги на поле сраженья и в мирных делах. Кроме того, Хидэёси собирался объявить о начале строительства в Осаке новой крепости.

Пиршество длилось три дня. Все эти дни бесчисленной чередой в замок прибывали гости, а в узких улицах города не было проходу от паланкинов придворных, их слуг и лошадей.

Кадзумасе пришлось признать: мантия Нобунаги отныне на плечах Хидэёси. До приезда сюда он был твердо убежден, что славу и влияние Нобунаги унаследует Токугава Иэясу. Часы, проведенные в гостях у Хидэёси, заставили его передумать. Мысленно сравнивая владения Хидэёси и Иэясу, сравнивая численность и мощь военных сил, Кадзумаса с грустью осознавал, что княжество Токугавы – всего лишь небольшой провинциальный удел в восточной Японии.

Через несколько дней Кадзумаса объявил, что собирается отбыть. Хидэёси проводил его до ворот Киото. Когда они двигались верхами по дороге, Хидэёси обернулся в седле и предложил Кадзумасе, скакавшему чуть позади, поравняться с собою. Человек другого клана, Кадзумаса мог рассчитывать на знаки милости – но чтобы скакать рядом с самим князем...

Хидэёси приветливо заметил:

– Все равно мы едем вместе, так не лучше ли ехать рядом? Дорога в Киото скучновата, добрая беседа скрасит путь.

Кадзумаса на мгновение замешкался, затем хлестнул коня и поравнялся с Хидэёси.

– Утомительно ездить туда и обратно в Киото, – сказал Хидэёси. – В этом году я переберусь

в Осаку, хочу быть поближе к столице. – И он поведал Кадзумасе свои намерения насчет возведения новой крепости.

– Осака, что ни говори, – самое подходящее место, – заметил Кадзумаса. – Ходят слухи, будто князь Нобунага уже давно ее заметил.

– Да, это так. Но монахи-воины из Хонгандзи засели там в своих лесных укреплениях, так что князю пришлось остановиться в Адзути.

Они уже въехали в Киото, и, когда Кадзумаса уже хотел попрощаться, Хидэёси вновь удержал его:

– В такую жару не стоит путешествовать берегом. Не лучше ли вам отплыть на лодке из Оцу? Пока ее будут готовить, отобедаем у Маэды Гэни.

Маэда Гэни был человек, которого Хидэёси недавно назначил наместником Киото. Не дав Кадзумасе уклониться от приглашения, Хидэёси повез его в дом наместника. Двор был тщательно подметен, словно хозяева заранее знали о прибытии дорогого гостя, и Гэни встретил Кадзумасу чрезвычайно учтиво.

Хидэёси непрестанно следил, чтобы гостю не стало скучно, и в продолжение всей трапезы развлекал его разговорами о строительстве крепости.

Гэни принес большой лист бумаги и разложил его на полу. План крепости показывали гостю из другой провинции, отчего Гэни и Кадзумаса пребывали в замешательстве, – их смущала доверчивость Хидэёси, оправдать которую могло только то, что он забыл и о принадлежности Кадзумасы другому клану, и о собственных непростых отношениях с этим кланом.

– Мне пришлось слышать, что вы большой знаток строительства крепостей, – сказал Хидэёси Кадзумасе. – Если вы пожелаете сделать замечания или возражения, буду рад их услышать.

Кадзумаса и вправду был искушен в возведении крепостей. Обычно планы построек держали в строжайшем секрете, и никому не пришло бы в голову показывать их выходцу из другого клана, но сейчас Кадзумаса не стал разгадывать истинные намерения Хидэёси и тщательно вник в чертежи.

Кадзумаса знал, что Хидэёси не скупится на затраты, и все же его поразил размах замысла. Когда Осака была поселением монахов-воинов из Хонгандзи, площадь их главной крепости составляла всего тысячу цубо. Согласно планам Хидэёси, на месте главной крепости предстояло возвести внутреннюю цитадель. План постройки был привязан к местности, учитывал расположение рек, гор, озерного берега, возможности нападения и обороны на каждом участке – ничто не оставалось без внимания. Вокруг всех укрепленных рубежей предполагалось насыпать три земляных вала. Окружность внешней стены составляла более шести ри. Самой высокой в крепости должна была стать пятиэтажная башня с бойницами на каждой площадке. Крыши внутренних построек покрывались позолотой.

Изумленный и восхищенный Кадзумаса молча любовался великолепными чертежами. То, что он увидел, являло собой лишь часть задуманного. Окружающий крепость ров заполнялся водой из реки Ёдо. Из богатого торгового города Сакаи, неподалеку от Осаки, начинались многочисленные торговые пути в Китай, Корею и Юго-Восточную Азию. Высящиеся совсем рядом горные цепи Ямато и Кавати были естественными преградами для врага. Дороги Саньин и Саньё прямиком вели из Осаки – морем и посуху – на Сикоку и Кюсю, то есть служили ключом едва ли не ко всей стране. Как место для возведения главной крепости страны и будущая столица, Осака была предпочтительнее, чем воздвигнутый Нобунагой город Адзути. Кадзумаса не смог обнаружить ни малейшего изъяна в предложенном ему суду замысле.

– Ну, что скажете? – осведомился Хидэёси.

– Просто превосходно. Великий замысел! – не кривя душой, выразил Кадзумаса то единственное, что мог сказать.

– Как по-вашему, оправдает ли себя новая крепость?

– В день окончания работ возникнет самый большой укрепленный город во всей Японии, – сказал Кадзумаса.

– Этого я и хочу.

– Когда вы приступите к постройке?

– Думаю переехать в Осаку до нового года.

Не веря собственным ушам, Кадзумаса уставился на собеседника:

– Еще в нынешнем году? Возможно ли такое?

– Вполне возможно.

– Но прежде чем будет положен последний камень, пройдет не меньше десяти лет!

– Через десять лет наш мир будет иным, а я состарюсь. – Хидэёси расхохотался. – На внутреннее убранство и отделку, включая украшения, я положил три года.

– Немыслимо заставить ремесленников и рабочих трудиться столь быстро. Да и запасы камня и извести вам понадобятся огромные.

– Их доставят из двадцати восьми провинций.

– Сколько же рабочих вам понадобится?

– Точно не знаю. Около ста тысяч. Мои чиновники утверждают: чтобы открыть внешний и внутренний рвы, шестьдесят тысяч человек должны непрерывно работать три месяца.

Кадзумаса умолк. Он был подавлен величием замысла Хидэёси по сравнению со скромными крепостями Окадзаки и Хамамацу в его, Кадзумасы, родной провинции. Но поблизости от Осаки нет каменоломен. Удастся ли Хидэёси доставить в Осаку такое количество камня, в том числе большие глыбы? Где в трудные времена полагает он найти огромные деньги, без которых постройку не начать? Уж не представляют ли собой планы Хидэёси всего лишь пустую похвальбу?

В эту минуту Хидэёси вспомнил о чем-то очень важном. Вызвав писца, он принялся диктовать какое-то послание. Словно бы позабыв о присутствии Кадзумасы, он просмотрел написанное, кивком одобрил и сразу начал диктовать другой текст. Даже если бы Кадзумасе было безразлично, что содержится в письме Хидэёси, ему не удалось бы, сидя рядом, пропустить услышанное мимо ушей. А Хидэёси, похоже, составлял важное послание вождям клана Мори.

Кадзумаса растерялся. Не зная, как поступить, он обратился к Хидэёси:

– Я вижу, у вашей светлости государственные заботы. Позволено ли будет мне удалиться?

– Нет-нет, не надо, оставайтесь. Я сейчас закончу.

Хидэёси продолжал. Он получил послание от одного из людей клана Мори. Его поздравляли с победой, одержанной над кланом Сибата. И теперь, подробно описывая битву при Янагасэ, он требовал у автора послания, чтобы тот ясно и кратко изложил ему собственные мысли о будущем всего клана. Письмо было личное и весьма важное.

Кадзумаса молча сидел рядом, глядя в окно на бамбуковые заросли, а Хидэёси, не таясь, диктовал:

– «Если бы я дал Кацуиэ хоть короткую передышку, одолеть его потом было бы куда труднее. На волоске висела судьба всей Японии, потому на сей раз я решил не считаться с потерями. Во второй половине часа Тигра я обрушился на крепость Кацуиэ и к часу Лошади овладел ею».

Когда он произнес слова «судьба всей Японии», глаза его сверкали, как в минуту победы. Затем письмо приняло неожиданный оборот, дабы заставить вождей клана Мори вдуматься в

смысл написанного.

– «Я был бы неблагодарен к своим воинам, если бы вновь созвал их в поход, но при необходимости я так и поступлю. Я сам приду в ваш край и добьюсь, чтобы взаимные уговоры исполнялись. Я настаиваю: ведите себя с приличествующей скромностью и не вынуждайте меня действовать силой».

Кадзумаса, украдкой глянув на Хидэёси, поневоле восхитился его отвагой. Хидэёси диктовал резкое и самоуверенное послание, а держался при этом так, словно сидел с давним другом по-домашнему, за легкой беседой и чашечкой сакэ. Что это – гордыня или простота?

– «Клан Ходзё на востоке, клан Уэсуги на севере дали мне право вести дела по своему усмотрению. Если и вы позволите мне поступать так же, то руки мои будут развязаны, и Япония обретет наилучшее правление с незапамятных времен. Прошу вас обдумать и принять близко к сердцу все, что здесь изложено. Если вам есть что возразить, известите меня до начала седьмого месяца. Буду крайне признателен, если означенное послание вы подробно доведете князю Тэрумото».

Глаза Кадзумасы следили, как ветер играет за окном молодыми побегам бамбука, а уши пылали, внимая словам Хидэёси. И сердце его трепетало, как бамбуковая листва на ветру. Похоже, для Хидэёси даже такой крупный замысел, как возведение крепости в Осаке, был побочной задачей для размышлений в свободное время. Обращаясь к вождям могущественного клана Мори, он назначил им точный срок ожидания их согласия – начало седьмого месяца – под угрозой военного похода.

Кадзумаса был потрясен, восхищен – и смертельно устал от всего.

Вошедший слуга доложил, что лодка, в которой должен был отправиться Кадзумаса, готова к отплытию. Хидэёси отстегнул от пояса меч и преподнес его Кадзумасе:

– Оружие старинное, но его лезвие пока безупречно. Прошу, примите этот меч в знак моей глубочайшей приязни.

Кадзумаса, приняв меч, благоговейно приложился к нему лицом.

По выходе из дворца их дожидались личные оруженосцы Хидэёси, чтобы почетной стражей проводить Кадзумасу до гавани в Оцу.

Сложности, как нераспутанные узлы, во множестве поджидали Хидэёси в самом Киото и за его пределами.

После сражения под Янагасэ кровопролитие закончилось. Но даже после того, как сдался Такигава, осталось несколько мятежников, не желавших сложить оружие. Остатки войска провинции Исэ укрепились в Нагасиме и Кобэ. Подавить их сопротивление должен был Ода Нобуо.

Услышав, что Хидэёси вернулся из Этидзэна, Нобуо оставил расположение своего войска и в тот же день встретился с новым вождем клана.

– Когда провинция Исэ прекратит борьбу, вы можете принять во владение крепость Нагасима, – сказал Хидэёси.

После этих слов не слишком-то удачливый князь Нобуо покинул Киото в превосходном настроении.

Смеркалось, зажигали лампы. Ушли придворные, удостоившиеся приема у Хидэёси, разошлись и другие гости. Хидэёси, совершив омовение, сел ужинать с Хидэацу и Маэдой Гэни. За ужином слуга доложил, что в столицу вернулся Хикоэмон.

Ветер шумел в оконных ставнях, неподалеку слышался веселый смех молодых женщин. Хикоэмон не стал спешить во внутренние покои, сперва прополоскал рот и пригладил волосы. Он примчался из Удзи верхом и был весь в дорожной пыли.

Задание Хикоэмона состояло в том, чтобы встретиться с Сакумой Гэмбой, содержащимся под стражей в Удзи. Дело с виду было простое, но Хидэёси знал, что это не так, потому и поручил его Хикоэмону.

Гэмбу бросили в темницу, но не умертвили – держали в Удзи. Хидэёси распорядился, чтобы пленника не пытали и не унижали. Он знал, что Гэмба – человек беспримерной отваги, а вырвавшись на свободу, он превратится в разъяренного тигра. Хидэёси следил, чтобы Гэмбу неусыпно стерегли.

Хотя Гэмба был пленным вражеским военачальником, Хидэёси искренне сочувствовал ему. Он ценил незаурядные способности Гэмбы так же высоко, как обожавший своего племянника Кацуиэ, и полагал, что казнить такого смельчака было бы постыдно. Вскоре после возвращения в Киото Хидэёси отправил к пленнику надежного человека для переговоров о возможном будущем.

– Кацуиэ больше нет в живых, – начал посланец. – Вам подобает подчиниться князю Хидэёси, как естественному преемнику Кацуиэ. Если вы так поступите, вам возвратят и свободу, и власть в провинции, и начальство над крепостью.

Гэмба презрительно расхохотался:

– Кацуиэ – это Кацуиэ, и какой-то там Хидэёси – не чета ему. Кацуиэ покончил с собой. Я тоже не собираюсь задерживаться в этом мире. И ни за что не стану служить Хидэёси, пусть даже он посулит мне власть надо всею страной.

После первой неудачи к Гэмбе отправился Хикоэмон. Он не слишком надеялся, что ему удастся переубедить Гэмбу, и не ошибся.

– Ну, как все прошло? – спросил Хидэёси.

Он сидел возле серебряной курильницы, клубы пахучего дыма из которой отпугивали комаров.

– Его ничто не прельстило, – отозвался Хикоэмон. – Он просил только об одном: чтобы я отрубил ему голову.

– Что ж, если таков ответ, то и впрямь не надо больше настаивать.

Хидэёси убедился, что не сможет привлечь Гэмбу на свою сторону, и испытал облегчение, морщины у него на лице разгладились.

– Мне понятны ваши надежды, мой господин. Боюсь, что не сумел оправдать их.

– Ты ни в чем не виноват, – ободрил его Хидэёси. – Даже в темнице Гэмба не хочет склониться передо мной, чтобы спасти себе жизнь. У него подлинно самурайское чувство чести. Искренне жаль терять столь мужественного и целеустремленного человека. Поддайся он на твои уговоры, прибудь сюда, чтобы изъявить свою преданность – я перестал бы его уважать только за это. Ты сам самурай, – добавил Хидэёси, – и в душе понимаешь его правоту, поэтому тебе не удалось его переубедить, вот в чем дело.

– Простите меня.

– Мне жаль, что я обременил тебя подобным поручением. Не говорил ли Гэмба еще что-нибудь?

– Я спросил его, почему он не погиб на поле сражения, а вместо этого пустился в бегство и в конце концов попал в плен к каким-то крестьянам. Спросил, почему он томится в темнице и ждет казни, вместо того чтобы покончить с собой.

– И что он ответил?

– Он спросил, считаю ли я, что смерть на поле боя и сэппуку – единственно достойные выходы для самурая. Сам же он сказал, что убежден в обратном: воин должен сделать все возможное и невозможное, чтобы выжить.

– Это все?

– Бежав с поля битвы под Янагасэ, он еще не знал, жив Кацуиэ или мертв, и попытался прорваться в Китаносё, чтобы оттуда объединенными силами напасть снова. На пути бегства он окончательно пал духом и остановился у крестьянской хижины, чтобы попросить китайской полыни.

– Грустно... очень грустно.

– Весьма хладнокровно он объявил, что опозорен, попав в плен живым, и если удастся перехитрить стражей и убежать, то непременно придет сюда и попытается умертвить вас. Тем он надеется смыть с себя заслуженный гнев духа Кацуиэ и испросить прощения за страшную ошибку, допущенную в походе на Сидзугатакэ.

– О, какой позор! – Глаза Хидэёси увлажнились сочувствием. – Втуне растратить способности такого человека и обречь его на верную смерть! Эта вина падет на Кацуиэ. Что ж, да будет так. Позволим Гэмбе умереть достойно. Позаботься об этом, Хикоэмон.

– Понял, мой господин. Значит, завтра?

– Чем раньше, тем лучше.

– И где же?

– В Удзи.

– Следует ли казнить его на площади?

Хидэёси на мгновение задумался:

– Думаю, выбор сделает сам Гэмба. А он наверняка захочет принять смерть в поле, прошеествовав перед тем по городу.

На другой день Хидэёси вручил Хикоэмону, готовившемуся выехать в Удзи, два шелковых кимоно.

– Наверное, платье Гэмбы превратилось в лохмотья. Пусть перед смертью переоденется в чистое.

В тот же день Хикоэмон отбыл в Удзи, чтобы повидаться с Гэмбой, которого держали в одиночном заключении.

– Князь Хидэёси повелел, чтобы вас провели по Киото, а затем обезглавили в поле под Удзи, как вы сами того хотели.

Ни один мускул не дрогнул в лице Гэмбы.

– Передайте князю мою признательность, – учтиво отозвался он.

– Князь Хидэёси прислал вам эти одежды.

Взглянув на два шелковых кимоно, Гэмба отказался:

– Поблагодарите князя Хидэёси за доброту. Не думаю, что эта одежда мне к лицу. Верните ее, пожалуйста, своему господину.

– Вы недовольны?

– Эти наряды годились бы пешему воину. Когда меня, родного племянника князя Кацуиэ, столица увидит в таком платье, это навлечет на покойного лишний позор. Моя одежда изношена, но она пропитана духом битвы, и пусть меня проведут по городу в ней. Если князь Хидэёси дозволит мне переодеться, пусть подберет что-нибудь достойное.

– Я передам эту просьбу. Что именно вы хотели бы?

– Красный свободный плащ с широкими рукавами. Под него – алое шелковое кимоно, расшитое серебром. – Гэмба и в этот роковой час говорил, не тая своих чувств и мыслей. – Все знают, что меня схватили крестьяне, связали и выдали врагу. Я опозорен тем, что взят живым. До последнего мига надеялся я исхитриться и убить князя Хидэёси и не смог этого совершить. Когда меня проведут по столице, это привлечет внимание. Стыдно мне выступать в невзрачном кимоно вроде того, что привезли вы. Я буду удовлетворен, если появлюсь перед толпой в роскошных нарядах, какие носил на поле брани, когда за плечами у меня реяло знамя

полководца. И я хочу, чтобы меня связали еще раз, на глазах у всех, перед тем, как я взойду в повозку – в доказательство, что я не гневаюсь.

Присущая Гэмбе прямота была одной из самых привлекательных его черт. Когда Хикоэмон доложил Хидээси о просьбе узника, князь немедленно приказал исполнить ее.

Настал день казни Гэмбы. Пленный помылся, тщательно пригладил волосы, облачился в алое кимоно и – поверх него – в свободный красный плащ с широкими рукавами. Протянув вперед руки, он дал себя связать, затем вошел в повозку. Всего тридцать лет должно было исполниться ему в этом году, и он был так крепок телом и духом, что все невольно жалели этого могучего и красивого человека.

Повозка проехала по улицам Киото и вернулась в Удзи. Там уже дожидалась расстеленная на земле звериная шкура.

– Вы можете сами исполнить обряд сэппуку, – сказал палач.

Гэмбе протянули малый меч. В ответ он лишь презрительно рассмеялся.

– Я не приму никаких одолжений.

Его обезглавили со связанными руками.

Шел к концу шестой месяц года.

– Должно быть, строительство крепости в Осаке продвинулось далеко, – сказал Хидээси. – Нужно взглянуть, как идут дела.

Прибыв в Осаку, он осмотрел работы и выслушал объяснения начальника строительства. Болото в Наниве засыпали. Оба рва вырыли на указанные длину, глубину и ширину. Вокруг стройки повсюду открылись первые купеческие лавки. В заливе Сакаи и устье реки Ясудзи виделись сотни челнов, доверху груженных тяжелыми камнями, их паруса едва возвышались над водой. Хидээси остановился там, где предстояло воздвигнуть главную цитадель. Оглядевшись по сторонам, он увидел десятки тысяч мастеровых и умельцев самых разных дел. Люди работали посменно, днем и ночью, так что работы ни на миг не прекращались.

Рабочих на строительство истребовали у каждого клана. Если какой-нибудь князь не доставлял указанное число людей, его жестоко карали, не считаясь с достоинством. Распоряжение работами установилось по строгому старшинству: начальник участка, сотники и десятники. У начальников и надсмотрщиков был четко очерченный круг обязанностей и полномочий. Уличенным в безделье сразу отрубали голову. Если провиниться случилось надсмотрщику из самураев, то он, не дожидаясь казни, совершал сэппуку.

Истинным виновником переживаний Хидээси оставался Иэясу. Всю свою жизнь Хидээси был убежден, что Иэясу самый замечательный человек своего времени, не считая, конечно, князя Нобунаги. Хидээси понимал: неожиданно возвысившись, он вызвал подозрения у Иэясу, а потому столкновение неизбежно.

Когда наступил восьмой месяц, он приказал Цуде Нобукацу преподнести Иэясу знаменитый меч, выкованный самим Фудо Куниюки.

– Передай князю Иэясу, что присланная им драгоценная шкатулка доставила мне неизъяснимое наслаждение и что это – ответный дар.

Цуда выехал в Хамамацу в первые дни месяца и возвратился около десятого числа.

– Гостеприимство клана Токугава было настолько щедрым, что я не нахожу слов описать его. Это в высшей степени трогательно, – доложил Нобукацу.

– В добром ли здравии пребывает князь Иэясу?

– Насколько можно судить, в превосходном.

– Достоин ли ведут себя его приверженцы?

– В Хамамацу царит порядок, какого не встретишь в других крепостях. Все приверженцы

клана выступают как члены одной семьи.

– Доводилось слышать, что Иэясу взял на службу большое число новых людей.

– Большинство их раньше принадлежало к клану Такэда.

Беседуя с Нобукацу, Хидэёси внезапно подумал о разнице в возрасте между собой и Иэясу. Увы, Хидэёси был много старше. Ему сейчас сорок шесть лет, тогда как Иэясу всего сорок один. Разница в пять лет. Сейчас молодой Иэясу заботил Хидэёси куда больше, чем до того старший по возрасту Кацуиэ.

Но все эти тревоги и волнения он таил под спудом. Внешне ничто не говорило, что, едва разделившись с кланом Сибата, он замыслил новую войну. Да и отношения между Иэясу и Хидэёси казались безупречными. В десятом месяце Хидэёси подал императору прошение с тем, чтобы тот даровал Иэясу новый, еще более высокий титул.

Малолетнему князю Самбоси исполнилось четыре года. Князья из провинций съехались в Адзути отпраздновать Новый год, выказать почтение главе клана и помолиться за его здоровье.

– Вы ли это, уважаемый Сёню?

– Господин Гамо, как приятно вас видеть!

Два военачальника случайно встретились у входа в главный зал внутренней цитадели. Один из них был Икэда Сёню, переведенный в крепость Огаки из Осаки, чтобы освободить место для Хидэёси. Другой был Гамо Удзисато.

– Вы выглядите прекрасно, – сказал Гамо. – Не знаю, что и пожелать.

– Увы, здоровье с годами сдает, да ведь от дел никуда не скроешься. Несколько ночей в Огаки я не смыкал глаз.

– Я знаю, что на вас, уважаемый Сёню, возложено новое важное бремя – надзирать за строительством крепости в Осаке.

– Такое дело вполне по плечу людям вроде Мацуды или Исиды. Нам, военачальникам, следовало бы заняться чем-нибудь иным.

– Позвольте с вами не согласиться. Князь Хидэёси не дает людям поручений, не отвечающих их способностям. Если он назначил вас надзирать за тамошними чиновниками, значит, так и надо.

– Вот уж не думал, что вы сочтете меня пригодным к исполнению таких обязанностей, – смеясь, возразил Сёню. – Кстати, собираетесь ли вы принести новогодние поздравления малолетнему князю?

– Я только что оттуда.

– Я тоже успел там побывать. Раз уж представился случай для беседы, я хотел бы кое-что с вами обсудить.

– По правде говоря, я сам, увидев вас, вспомнил, что у меня есть к вам одна просьба.

– Должно быть, мы думаем об одном и том же. Где нам уединиться?

Сёню указал на одну из боковых комнат у входа в главный зал.

Войдя в пустую комнату, они уселись. В комнате не было жаровни с углями, но зимнее солнце, светившее сквозь дощатые ставни, немного пригревало.

– Вам известно, о чем толкуют люди? – начал Сёню.

– Да. Говорят, убили князя Нобуо. Судя по всему, это правда.

Сёню нахмурился и тяжело вздохнул.

– Мы предполагали, что в этом году начнутся новые беспорядки. Сколь серьезны они будут, зависит от того, кто с кем вступит в спор. Последние вести беспокойны. Вы моложе меня, дорогой Гамо, и, полагаю, способны судить более здраво. Не думали ли вы над тем, как предотвратить грозящую смуту?

Сёню был взволнован.

Гамо предпочел ответить вопросом на вопрос:

– Знать бы, откуда исходят слухи?

– Понятия не имею. Но дыма без огня не бывает.

– Может быть, мы с вами не все знаем?

– Не думаю. Просто события совершаются, а правду о них мы узнаем не сразу. Начнем с того, что князь Нобуо прибыл в крепость Такарадэра в одиннадцатом месяце прошлого года, чтобы повидаться с князем Хидэёси. Говорят, Хидэёси почел своим долгом воздать Нобуо по заслугам за усмирение провинции Исэ и принял его столь радушно, что Нобуо задержался в гостях на четыре дня.

– Вот как?

– Соратники Нобуо полагали, что он отбудет уже на следующее утро, но на второй день от князя не пришло никаких известий. То же самое повторилось и на третий день, и на четвертый. Тогда они заподозрили, что случилось худшее. Даже слуги, не впущенные в крепость, потеряли покой и заволновались.

– Вот оно как! – рассмеялся Гамо. – Стоит попробовать докопаться до корней, как сразу выяснится, что это пустые рассказы, верно?

Но Сёню, с лица которого не сходила тревога, торопливо продолжил:

– О случившемся заговорили все вокруг. Между Исэ, Нагасимой, Осакой и столицей разошлись самые зловещие слухи. Говорили, что известие о гибели Нобуо – подлинное или ложное – исходило не от его людей, а от слуг князя Хидэёси. Обитатели крепости Такарадэра это решительно опровергают. По их мнению, слухи порождены подозрительностью и злобой приверженцев князя Нобуо. Пока обе стороны изобличали друг друга во лжи, слухи об убийстве князя Нобуо разлетелись, словно подхваченные ветром.

– И им поверили?

– Трудно понять, что в голове у простолюдинов. Узрев гибель князя Нобутаки сразу после падения клана Сибата, родственники и сторонники Нобуо лишились сна в ожидании, чей черед следующий.

И тут Гамо, не таясь, поведал о собственных страхах. Он придвинулся к Сёню поближе и зашептал:

– Кто бы что ни говорил, князя Хидэёси и князя Нобуо многое связывает, многое и разделяет.

Сёню согласно кивнул.

– Поглядите на события после гибели князя Нобунаги, – сказал Гамо. – Большинство убеждено, что, по восстановлении мира, князю Хидэёси следует вернуть бразды правления законному наследнику усопшего князя. Независимо от наших личных пристрастий все видят, что князь Самбоси еще слишком мал, а значит, наследником должен быть объявлен Нобуо. Если Хидэёси не покорится князю Нобуо, он навлечет на себя обвинения в измене присяге, в пренебрежении к тем великим милостям, которыми его осыпал клан Ода.

– По правде говоря, я слушаю – и не верю. Хоть Нобуо и не скрывает своих намерений, он должен понимать: ход событий обратен тому, что он сам желал бы видеть.

– Вы думаете, он тешится несбыточными надеждами?

– Кто знает? Нельзя понять, что творится в голове тщеславного глупца.

– Наверняка эти слухи дошли до Осаки и там приумножились.

– То-то и страшно, – вздохнул Сёню.

Состоя на службе у Хидэёси, Сёню и Гамо были связаны с ним нерасторжимыми узами. Но верность господину не делала их слепыми и не избавляла от опасений.

Не следовало забывать, что Гамо был в прошлом обласкан Нобунагой и, в частности, был женат на младшей из его дочерей. У Сёню и Нобунаги была когда-то одна кормилица. Будучи молочными братьями, они были расположены друг к другу ближе, чем это принято между князем и подданным. На большом совете в Киёсу оба военачальника выступали как члены семейства. И в силу одного этого они не могли относиться равнодушно ко всему, что затрагивало интересы клана Ода. Помимо малолетнего Самбоси, единственным прямым потомком Нобунаги по мужской линии оставался ныне князь Нобуо.

Гамо и Сёню не пребывали бы в таком затруднении, сумей они обнаружить в характере Нобуо хоть что-нибудь достойное. Было ясно, что этот человек – всего лишь посредственность. И перед большим советом в Киёсу, и после него никто не сомневался, что Нобуо не способен перехватить власть, ускользнувшую из рук Нобунаги.

К несчастью, никто не отважился сказать Нобуо правду о нем самом. Добродушный молодой князь, привыкший опираться на ум и силу своих соратников, привыкший слышать лесть и похвалы каждому своему слову, ставший покорной игрушкой в руках корыстолюбцев, упустил свой звездный час, не заметив этого.

Нобуо тайно встретился с Иэясу в прошлом году. Еще одна встреча произошла после битвы под Янагасэ. Не кто иной, как он, Нобуо, вынудил брата покончить самоубийством по требованию Хидэёси. В награду за победы, одержанные в Исэ, он получил в удел провинции Исэ, Ига и Овари и, полагая, что его время настало, нетерпеливо дожидался, когда Хидэёси передаст ему власть над страной.

– Мы не вправе безучастно следить за ходом событий со стороны. Не задумывались ли вы над этим, уважаемый Сёню?

– Напротив, я рассчитывал услышать ваше мнение. Вы, я уверен, немало о том размышляли, почтенный Гамо.

– Лучше всего было бы свести князя Нобуо с князем Хидэёси, дабы они поговорили друг с другом начистоту.

– Превосходная мысль. Но князь Хидэёси стал так неприступен, что потребует придумать для встречи какой-нибудь повод.

– Непременно.

Сам Нобуо сегодня забывал то, что было вчера. Он чувствовал себя обделенным – и только. Вдобавок он не был способен признавать собственные ошибки. Прошлой осенью он перебрался в крепость Нагасима в только что пожалованной ему провинции Исэ и получил новый придворный титул. Стоило ему показаться на улице, как его встречали поклонами. Когда он возвращался домой, навстречу несло пение флейт и звуки струнных инструментов. Любое его желание тотчас исполнялось, а лет ему было меж тем всего двадцать шесть. Беда Нобуо состояла в том, что он, избалованный жизнью и ни в чем не знавший отказа, никогда не был вполне доволен.

– В Исэ – одиночество и скука, – любил повторять он. – Но почему все-таки Хидэёси решил возвести столь непомерно большую крепость именно в Осаке? Намерен ли он поселиться там или хочет передать крепость законному наследнику?

Такие речи, казалось, звучали из уст самого Нобунаги. Увы, Нобуо унаследовал от отца благородную внешность и манеры – и ничего более.

– Хидэёси просто-напросто зазнался. Он забыл, что служил моему отцу. Сейчас он переманивает на свою сторону былых приверженцев отца и торопится с возведением гигантской крепости. Что до меня, то со мною он обращается так, будто я незаконнорожденный. Он вообще перестал со мною о чем-либо советоваться.

Заметный разлад между двумя князьями начался в одиннадцатом месяце прошлого года. С

тех пор они не разговаривали друг с другом. Слухи о том, что Хидэёси строит расчеты на будущее, в которых для Нобуо нет места, вызвали у наследника Нобунаги новые подозрения.

Тогда же Нобуо позволил себе несколько неосторожных высказываний в кругу своих сторонников, и слова его быстро стали общим достоянием. Сокровенные мысли Нобуо оказались известны Хидэёси и вызвали у князя сильное неудовольствие. Дошло до того, что Нобуо и Хидэёси не сочли нужным поздравить друг друга с наступлением Нового года.

В один из дней новогодних празднеств, когда Нобуо забавлялся игрою в мяч с оруженосцами, ему доложили о посетителе. Им оказался Гамо. Он был на два года старше Нобуо, сестра которого доводилась Гамо женой.

– Гамо? Он пожаловал вовремя, – сказал Нобуо, ловко отбив мяч в сторону сада. – Он хорошо играет. Пусть придет сюда немедленно.

Самурай, посланный за Гамо, тотчас вернулся и доложил:

– Военачальник утверждает, что очень спешит. Он будет дожидаться вас в покоях для гостей.

– Но я хотел сыграть с ним в мяч!

– Он просил передать, что не силен в этой забаве.

– Экий протак! – И Нобуо хохотнул, продемонстрировав при этом тщательно вычерненные по древнему обычаю зубы.

Через несколько дней после приезда Гамо князь Нобуо получил от него и от Сёню письмо. Он пребывал в превосходном настроении и, призвав к себе старших советников, поделился полученными новостями.

– Завтра мы выезжаем в Оцу. В письме сказано, что Хидэёси будет ждать меня в храме Ондзё.

– Не слишком ли это опасно, мой господин? – спросил один из четырех советников.

Нобуо улыбнулся, нарочито выставляя напоказ вычерненные зубы.

– Должно быть, Хидэёси тревожат растущие слухи, что мы с ним не в ладах. Уверен, что повод для встречи – в этом. Он проявил открытое непочтение к законному наследнику.

– Готовы ли вы повидаться с ним?

В ответе Нобуо сквозило явное самодовольство:

– Все получилось само собой. Недавно у меня был Гамо и рассказал о слухах насчет разногласий между мною и Хидэёси. Гамо уверил меня, что Хидэёси по-прежнему не питает ко мне недобрых чувств, и попросил меня отправиться в храм Ондзё на встречу Нового года и повидаться там с Хидэёси. Сам я считаю, что гневаться на Хидэёси не стоит, и дал согласие поехать. Военачальники Сёню и Гамо уверили меня в полной безопасности.

Склонность Нобуо верить слову как сказанному, так и писанному объяснялась его происхождением и воспитанием. Старшие по возрасту советники князя подобной доверчивостью не отличались и не считали нужным это скрывать.

Вместе они склонились над письмом Гамо.

– Ошибки быть не может, – заметил один из них. – Это его рука.

– Решено, – сказал другой. – Поскольку Сёню и Гамо, улаживая дело, взяли хлопоты на себя, нам не следует противиться.

Договорились, что четверо старших отбудут вместе с Нобуо в Оцу.

На следующий день Нобуо отправился в путь. Едва он прибыл в храм Ондзё, как у него попросил свидания сам Гамо. Чуть позже к ним присоединился и Сёню.

– Князь Хидэёси здесь со вчерашнего дня, – сказал Сёню. – Он ожидает вас.

Собраться решили у Хидэёси, который временно поместился в главном здании храма. Но

Нобуо, почтительно спрошенный, когда ему угодно встретиться с Хидэёси, недовольно буркнул:

– Я утомлен дорогой, а потому сегодня и завтра намерен отдыхать.

– Как угодно князю. Мы постараемся устроить встречу послезавтра.

И военачальники удалились, спеша оповестить Хидэёси.

Никто не хотел празднично тратить время, но, поскольку Нобуо объявил о желании отдохнуть, следующий день и вправду пропал.

Едва прибыв в Оцу, Нобуо оскорбился на то, что Хидэёси со своей свитой занял главное здание, тогда как ему самому пришлось довольствоваться меньшим. Намеренно оттянув встречу на послезавтра, Нобуо хотел показать силу духа, но, поступив так, обнаружил, что ожидание невыносимо, и разразился жалобами:

– Советники... Куда они все запропались?

Целый день Нобуо провел, рассматривая драгоценные книги стихов, что с незапамятных времен хранились в храме, и ему смертельно наскучила многословная болтовня престарелых монахов. Когда настал вечер, к нему в покои явилось четверо старших советников.

– Вы хорошо отдохнули, мой господин? – осведомился один из них.

«Глупцы!» – Нобуо не на шутку разгневался. Он хотел сказать им, что проскучал весь день, что ему это надоело, но вместо того произнес:

– Благодарю. А вы? Хорошо ли устроились на новом месте? Нет ли жалоб?

– Мы не имеем времени для приискания удобств, мой господин.

– Что такое?

– Один за другим сюда прибывали посланцы кланов.

– Вот как! Множество гостей? Почему не доложили мне?

– Вам угодно было отдыхать весь день, потому мы не осмелились докучать, мой господин.

То механически вычерчивая пальцем круги на колене, то похлопывая по нему ладонью, Нобуо с безразличным видом взирал на своих советников.

– Превосходно! Однако вам надлежит отужинать со мною. О том, чтобы подали сакэ, я распоряжусь.

Советники в недоумении переглянулись.

– Надеюсь, вы примете мое приглашение? – спросил Нобуо.

Один из советников растерянно молвил:

– Видите ли, мой господин, только что нас пригласил к себе князь Хидэёси – прислал гонца. И мы как раз пришли просить у вас разрешения.

– Странно! Хидэёси вас пригласил! Что бы это значило? Очередная чайная церемония? – От гнева Нобуо потемнел лицом.

– Едва ли, мой господин. Хидэёси не стал бы запросто приглашать чужаков вроде нас, тем более – на чайную церемонию, не пригласив прежде нашего господина. Здесь достаточно родовых вельмож, более, чем мы, достойных приглашения. Хидэёси сказал, что хочет обсудить с нами некое важное дело.

– Вовсе нелепо, – пожав плечами, заметил Нобуо. – Что ж, если он пригласил вас, значит, речь пойдет о восстановлении меня в правах наследника главы клана. Да, именно так. Хидэёси недостойн править страной при живом законном наследнике. Народ его не поддержит.

Зал в главном здании храма был пуст, но светильники там уже горели, ожидая наступления ночной тьмы. Стали съезжаться гости. Была середина первого месяца, стоял лютей холод. Кто-то из вновь прибывших громко откашлялся. По многолюдной свите соратники Нобуо догадались, что перед ними сам Хидэёси. Проходя по залу, он властно отдавал распоряжения.

– Сожалею, что заставил ждать, – сказал он, приблизившись к гостям, и, поднося руку к

лицу, вновь разразился кашлем.

Взглянув, старшие советники поняли, что князь в полном одиночестве. Даже мальчика-слуги при нем не было.

Сами люди Нобуо чувствовали себя не вполне здоровыми. Пока они приветствовали Хидэёси, он продолжал кашлять.

– Какая жалость, мой господин, вы простужены, – учтиво произнес один из них.

– Да, и ничего не поделаешь, – ответил Хидэёси добродушным тоном.

Так было положено начало странной беседе. Ни еды, ни сакэ гостям не предложили; к пустым словопрениям Хидэёси тоже не был склонен.

– Не заботит ли вас то, как последнее время ведет себя князь Нобуо? – прямо спросил он.

Люди Нобуо насторожились. Сказанное Хидэёси звучало упреком лично им, поскольку они были ответственны за поведение своего господина.

– Разумеется, вы делаете все, что в ваших силах, я это хорошо понимаю, – поспешил добавить Хидэёси. – Все вы достойные люди, но, полагаю, с князем Нобуо справиться не можете. Мне это ясно. Я сам всячески старался помочь ему, но, увы, каждый раз выходило наоборот, вдобавок враждебность Нобуо к моим усилиям все более возрастала.

Последние слова он произнес так сурово, что собеседникам стало не по себе. А Хидэёси продолжал, не скрывая раздражения против Нобуо:

– Вот что я решил. Искренне жаль, что вы провели столько лет на службе у недостойного человека. Есть два выхода из положения: или вы уговорите князя Нобуо покончить с собой, или он примет монашество. В награду вам будут пожалованы земли в провинциях Исэ и Ига.

Было холодно, но люди Нобуо коченели вовсе не от стоявшей в зале стужи. За безмолвными стенами крепости им виделись бесчисленные копья и мечи воинов князя. Глаза Хидэёси сузились, зрачки стали похожи на крошечные черные жемчужины. Взглядом он требовал от четырех советников прямого ответа.

Хидэёси не хотел ни давать им время на размышление, ни отпускать их, не заручившись согласием. Попав в отчаянное положение, люди Нобуо пали духом и растерялись. Выхода не было – им пришлось согласиться с требованием Хидэёси и подписать навязанное соглашение.

– Мои соратники пьют сакэ в Ивовых покоях, – сказал Хидэёси. – Ступайте к ним, угощайтесь. Подобаает и мне быть там, но придется лечь пораньше из-за простуды.

Взяв подписанную бумагу, Хидэёси удалился в свои покои.

Этой ночью Нобуо не спалось. За вечерней трапезой он сидел со своими людьми и слугами, с монахами и даже с монахинями-девственницами из соседнего храма. В застолье он был весел и разговорчив, но, оставшись в одиночестве, принялся то и дело спрашивать оруженосцев и караульных самураев:

– Который час? Вернулись ли уже старшие советники из главного здания?

Вскоре один из них возвратился.

– Почему ты один, Сабуробэй? – подозрительно спросил Нобуо.

Выражение лица Сабуробэя не сулило ничего хорошего, этого не мог не заметить даже такой туповатый человек, как Нобуо. Старик простерся ниц перед князем, не осмеливаясь поднять глаза. Нобуо слышал, что Сабуробэй всхлипывает.

– В чем дело, Сабуробэй? Что-нибудь скверное произошло во время вашего разговора с Хидэёси?

– Мой господин, в моем сердце печаль и тяжесть после встречи с Хидэёси.

– Что такое? Неужели он пригласил вас, чтобы избранить?

– Если бы так, мой господин, то я не говорил бы о печали. Произошло неожиданное. Нас заставили подписать соглашение, вернее – обязательство. Вам не избежать того же, мой

господин. – Он пересказал Нобуо решения, предложенные Хидэёси, и добавил: – Было несомненно: если мы откажемся, он повелит убить нас на месте, вот почему пришлось поставить свои имена. Позже, сидя за угощением с людьми князя, я улучил минуту и поспешил сюда. Когда обнаружат, что я исчез, поднимется страшный переполох. Но и вы не в безопасности, мой господин. Прошу вас, скорее удалитесь прочь.

У Нобуо побелели губы. Безжизненный взгляд говорил, что он не расслышал или не пожелал услышать и половины сказанного. Но его сердце билось, как колокол, и он не мог сохранять спокойствие.

– Но как же... где остальные?

– Я вернулся один и по своей воле. Об остальных ничего не знаю.

– Они тоже подписали эту бумагу?

– Да.

– И как ни в чем не бывало бражничают с приверженцами Хидэёси? Как я ошибался! Эти люди хуже зверей!

Бранясь, Нобуо поднялся с места, принял из рук оруженосца большой меч и быстрыми шагами вышел из комнаты. Сабуробэй бросился следом, заклиная князя сказать, куда он идет. Нобуо повернулся и, понизив голос, бросил:

– Коня!

– Мгновение, мой господин! – воскликнул Сабуробэй.

Разгадав планы князя, он поспешил на конюшню.

У Нобуо был отменный рысак по кличке Молот. Едва вскочив в седло, Нобуо пришпорил коня и помчался прочь в кромешную тьму. До самого утра никто не догадался, что он уехал. Встречу Нобуо с Хидэёси отменили под предлогом, будто Нобуо внезапно заболел. Хидэёси невозмутимо вернулся в Осаку – он словно заранее ожидал именно такого поворота событий.

Нобуо, воротившись в Нагасиму, заперся в крепости, сказался больным и не показывался на глаза даже ближайшим подданным. И не только в мнимой болезни было дело, но в действительном недомогании. Во внутренние покои допускали только лекаря. Как раз в это время за крепостной стеной начала цвести слива, но в саду больше не звучала музыка, и казался он тихим, безжизненным и заброшенным.

По городу и по обеим провинциям, Исэ и Ига, разошлись тревожные слухи, число их множилось день ото дня. Бегство Нобуо из храма Ондзё вызвало у людей подозрения и скверные предчувствия.

Советники Нобуо разом, словно сговорившись, разъехались по домам и не показывались в Нагасиме. Благодаря этому слухи только усилились, во всей провинции воцарилось беспокойство.

Правда с трудом выходит наружу, однако всем было ясно, что между Хидэёси и Нобуо вновь начались разногласия. Разумеется, причиной всех тревог было двусмысленное положение Нобуо, и у него нашлось, на кого опереться. Нобуо оставался человеком старых взглядов и верил в действенность заговоров и козней. Он поддерживал добрые отношения с союзниками, однако любил намекать, что у него есть некие таинственные друзья, на которых он сможет рассчитывать в трудный час. Когда таковых не находилось, он терял голову.

Сейчас он вспомнил о великом игроке, давно уже пребывающем далеко от игровой доски под названием «борьба за власть». Это был «спящий дракон» из Хамамацу – князь Токугава Иэясу.

Для того чтобы заключить союз, согласия одной стороны недостаточно. Сама мысль использовать Иэясу как слепое орудие в борьбе против Хидэёси свидетельствовала, как плохо

разбирался Нобуо в людях. Человек ограниченный, он оказался не способен читать в чужом сердце. Так охотник, устремившийся за оленем, не замечает гор.

Вовлекая Иэясу в заговор, Нобуо пытался тем самым воспрепятствовать дальнейшему возвышению Хидэёси. Однажды вечером, в начале второго месяца, Нобуо отправил гонца к Иэясу. Они составили странный военный союз, оба участника которого только и ждали удобного часа, дабы нанести предательский удар Хидэёси.

На шестой день третьего месяца в крепости внезапно появились трое советников, не бывавших здесь после памятной ночи в храме Ондзё. Нобуо пригласил их к своему столу. Со времени несостоявшейся встречи с Хидэёси Нобуо считал их предателями, злоумышляющими против него, и от одного вида их он пришел в ярость.

Тем не менее он любезно угощал гостей, а после того, как они насытились, внезапно сказал:

– Кстати, Нагато... Мне хотелось бы, чтобы ты осмотрел новое ружье, только что присланное оружейником из Сакаи.

Они прошли в соседний покой, и Нагато принялся осматривать мушкет. В это мгновение один из приверженцев Нобуо, крикнув: «Именем моего господина!» – схватил Нагато сзади.

– О низость! – выдохнул Нагато, пытаясь выхватить из ножен меч.

Более могучий противник поверг его наземь, и Нагато бессильно заворочался на полу.

Нобуо вскочил с места и заметался по комнате, оглушительно крича:

– Отпусти его! Отпусти!

Однако схватка продолжалась.

Обнажив меч и занеся его высоко над головой, Нобуо вскричал вновь:

– Отпусти его! Если не отпустишь, я не смогу его убить! Приказываю: отпусти!

Самурай держал Нагато за горло и, улучив мгновение, отшвырнул его от себя, затем, не дожидаясь удара Нобуо, пронзил Нагато малым мечом.

У входа стояли на коленях еще несколько приближенных Нобуо. Они доложили, что два других советника также умерщвлены. Нобуо, услышав это, одобрительно кивнул, но не смог удержаться от горького вздоха. Несмотря на тяжесть проступка, убийство людей, верой и правдой прослуживших ему долгие годы, было жестокой карой. Да, необузданный нрав достался ему по наследству от Нобунаги. Но вспышки ярости покойного князя Оды оправдывались страстностью натуры и всегда были исполнены значения. Жестокость и коварство Нобунаги люди считали мало привлекательным, но оправданным ответом на вызов времени. Действия же князя Нобуо не объяснялись ничем, кроме непомерного тщеславия.

Тройное убийство в крепости Нагасима вызвало беспорядки, начавшиеся той же ночью. Происшедшее намеревались некоторое время держать в тайне, но уже на следующее утро воины Нобуо получили приказ взять приступом крепости, принадлежавшие казненным.

Народ догадывался не зря: предстоят новые смуты. Искры волнений затлеели еще год назад, и вот сейчас вспыхнуло пламя, способное охватить всю страну. Тяжелые предчувствия обернулись страшной явью.

Икэда Сёню отличался тремя качествами: малым ростом, отвагой и умением исполнять танец с копьем. Ему было сейчас сорок восемь лет, почти столько же, сколько Хидэёси.

У Хидэёси не было сыновей, у Сёню – три сына, и он мог гордиться ими. Все трое уже вошли в возраст воина. Старшему Юкискэ было двадцать пять лет, и он исполнял обязанности коменданта крепости Гифу; средний, двадцатилетний Тэрумаса, был комендантом крепости Икэдзири; младший, которому было всего четырнадцать, жил в доме отца.

Сёню познакомился с Хидэёси еще в те времена, когда последнего звали Токитиро. Теперь между ровесниками зияла глубокая пропасть, хотя Сёню тоже немалого добился. После гибели Нобунаги он наряду с Кацуиэ, Нивой и Хидэёси вошел в четверку правителей Киото, и хотя эта должность была временной, она ему льстила. К тому же в провинции Мино Сёню с сыновьями владел тремя крепостями, тогда как в четвертой – крепости Канэяма – начальником войска был его зять Нагаёси.

Жизнь Сёню складывалась благополучно, волноваться было не о чем. Хидэёси всегда вел себя предупредительно по отношению к старому другу и не обходил его вниманием. Он даже одну из дочерей Сёню выдал замуж за своего племянника Хидэцугу.

И в мирные времена Хидэёси на всякий случай крепил дружбу с Сёню, а в наступившем году – когда решающее сражение стало неотвратимым – видел в Сёню своего главного союзника. Он послал гонца в Огаки с предложением усыновить зятя Сёню и передать под его управление провинции Овари, Мино и Микава.

Дважды Хидэёси отправлял Сёню собственноручные послания. То, что они оставались без ответа, вовсе не означало, будто Сёню сердится или завидует. Он как никто другой понимал, что, служа Хидэёси, может рассчитывать на более щедрую награду, чем на любой другой службе. И он понимал также, что властолюбие, столь открыто проявляемое Хидэёси, обещает хорошее будущее и ему самому.

Сёню не спешил с ответом на щедрое предложение только по соображениям нравственного порядка: он не был уверен, что грозящая война между западным и восточным войском будет справедливой. Токугава обвинял Хидэёси в предательстве, утверждая, будто Хидэёси уничтожил одного из сыновей покойного князя Оды, а теперь готовится поразить законного наследника, Нобуо.

«Если я заключу союз с Хидэёси, – думал Сёню, – то сойду с Пути Воина, если помогу Нобуо, то не сойду с Пути Воина, но мое будущее окажется печальным».

И еще одна забота одолевала Сёню. Он был некогда очень близок к Нобунаге, а потому, после гибели князя, не мог решительно порвать с Нобуо. Хуже того, его старший сын был взят заложником в провинцию Исэ – и Сёню не смог бы взять сторону Хидэёси, не пожертвовав сыном. Каждое очередное письмо Хидэёси повергало Сёню в смятение. Соратники давали противоречивые советы: одни подчеркивали важность устоев чести и предостерегали против их нарушения, тогда как другие говорили, что нынешнее положение, если им умело воспользоваться, принесет большую выгоду всему клану. На что решиться? И сейчас, когда раздоры становятся все нетерпимее, старшего сына Сёню неожиданно вернули домой из Нагасимы. Нобуо рассчитывал таким поступком вызвать у Сёню признательность, которая окажется сильнее страха за жизнь заложника, и тем самым предупредить измену. Такое показное великодушие могло очаровать кого угодно, только не Сёню, человека пронизательного. Он разгадал и истинный смысл этого поступка, и скрывающийся за ним расчет и счел это детской хитростью пополам с княжеской спесью.

– Я принял решение. Во сне мне явился Будда и повелел присоединиться к западному войску, – объявил он своим приверженцам.

В тот же день он послал Хидэёси письмо, в котором дал согласие на союз.

Насчет появления Будды во сне Сёню слухавил, но решение его укрепилось в беседе со старшим сыном, и это воодушевило военачальников.

Юкискэ поведал отцу, что коменданту крепости Инуяма Накагаве Канэмону было предписано вернуться в Инуяму вскоре после того, как его, Юкискэ, отпустили из Нагасимы.

До сего дня Сёню колебался во мнении, на чьей стороне окажутся воины крепости Инуяма. Теперь, когда он сообщил Хидэёси о своей поддержке, крепость Инуяма превратилась во вражескую твердыню прямо под боком. Мало того, крепость находилась в ключевом месте, прикрывалась естественными рубежами, и было очевидно, что Иэясу и Нобуо рассчитывают превратить крепость в форпост оборонительных рубежей своих провинций. Это означало, что самому Сёню теперь в любую минуту грозило нападение войска со стороны провинции Исэ, и он решил поскорее вернуться в собственную крепость.

– Призовите предводителя Голубых Цапелъ, – распорядился Сёню.

В долине за крепостью стояло несколько десятков хижин, в которых обитали люди, нанятые на службу кланом. Их называли отрядом Голубых Цапелъ. Оруженосец Сёню привел невысокого кряжистого мужчину лет двадцати пяти. Это был Сандзо, предводитель Голубых Цапелъ. Услышав переданный оруженосцем приказ, он вошел в крепость через задние ворота и очутился во внутреннем саду.

Сёню, стоя под деревом, движением подбородка повелел Сандзо приблизиться. Затем, когда тот простерся ниц, Сёню отдал ему распоряжения.

Отряд Голубых Цапелъ получил свое название за то, что носил небесного цвета одежду. Как только отряд получал задание, чаще всего тайное, он устремлялся в путь, как голубые цапли – в полет.

Три дня спустя Сандзо вернулся из отлучки. Он быстро прошел в крепость и, как и в прошлый раз, почтительно приветствовал Сёню во внутреннем саду. Сёню принял из рук Сандзо завернутый в вощеную бумагу меч и внимательно осмотрел его. Меч был обагрён свежей кровью.

– Вижу. – Сёню согласно кивнул; затем, выражая одобрение, добавил: – Ты славно потрудился. – И он вручил Сандзо несколько золотых монет.

Не было сомнений, что доставленный меч принадлежал Накагаве Канэмону из крепости Инуяма. Навершие рукоятки меча было сделано из лакированного дерева и являло собой родовой герб Канэмона.

– Благодарю вас за щедрость, мой господин, – сказал Сандзо, намереваясь уйти, но Сёню остановил его.

Еще раз призвав оруженосца, он распорядился принести и выдать Сандзо столько денег, что иначе как на лошади их было бы не увезти. Оруженосец и казначей вдвоем с превеликим трудом принесли монеты во множестве красных кошель и разложили их на земле перед изумленным предводителем Голубых Цапелъ.

– Хочу, Сандзо, поручить тебе еще кое-что.

– Да, мой господин.

– Обо всем я поведал лишь трем доверенным людям. Хочу, чтобы ты переоделся погонщиком, погрузил на лошадь деньги и поехал по дороге вслед за этими людьми.

– Куда?

– Не спрашивай.

– Хорошо, мой господин.

– Если все пройдет как задумано, я возведу тебя в самураи.

– Благодарю, мой господин.

Сандзо был человек отважный и бесстрашный, но такое количество денег повергло его в большой трепет, чем вид крови. Он вновь простерся ниц перед военачальником и несколько раз коснулся земли лбом. Поднявшись, он увидел подошедшую тройку доверенных лиц: один из них был старый деревенский самурай, двое других – крепкие молодые люди. Последние двое уже выучили кошель на спину лошади.

Сёню и его сын Юкискэ пили утренний чай в чайном домике. Внешне казалось, что это обычная радостная встреча отца с сыном после долгой разлуки, на самом деле они обсуждали чрезвычайно важное и тайное предприятие.

– Я сейчас направляюсь в Гифу, – заявил Юкискэ в конце разговора.

Выйдя из чайного домика, он приказал подать коня. Сначала он собирался немедленно вернуться в свою крепость, но возвращение пришлось отложить на два-три дня.

– Смотри не оплошай, – понизив голос, предостерег его Сёню.

Юкискэ самоуверенно кивнул отцу, дабы тот в нем не сомневался, а в глазах Сёню этот гордый и властный молодой мужчина оставался несмышленным младенцем.

Но уже на следующий вечер – а это произошло тринадцатого числа – всем в крепости Огаки стало известно, что задумал Сёню и зачем он отправил сына в Гифу.

Приказ о сборе войска поступил внезапно, застигнув врасплох всех, включая ближайших соратников Сёню.

В зале для воинов несколько молодых самураев, возбужденных вестью о походе, торопливо приводили в порядок оружие и облачались в доспехи, когда к ним внезапно вошел старший. Зашнуровывая кожаные перчатки, он обратил к воинам бледное от волнения лицо и сказал:

– До рассвета нам предстоит взять крепость Инуяма.

И лишь в покоях главного военачальника, самого Сёню, жизнь протекала размеренно и тихо.

Расположившись со средним сыном Тэрумасой, он спокойно потягивал сакэ. Восседая на походных стульях, они были готовы немедленно выступить.

О выступлении войска в поход возвещают, трубя в раковину. Бьют барабаны, развеваются на ветру знамена, войско торжественной поступью проходит по улицам крепости. Но сей раз всадники малыми разъездами, по два-три человека, покидали город скрытно. Пешие воины шли без обычной горделивости, знамена были свернуты, а огнестрельное оружие укрыто от посторонних взоров. Сквозь вечерний туман весенней поры горожане недоуменно поглядывали на выход воинов, но никто не мог подумать, что войско отправляется на войну.

Отойдя всего на три ри от Огаки, войско заняло боевые порядки. Сёню обратился к воинам:

– Завершим битву к рассвету, дабы поутру вернуться к своим очагам. Идите в бой налегке.

Город Инуяма и того же названия крепость были прямо перед ними на другом берегу реки. Река – один из верхних притоков реки Кисо – с шумом билась о камни, там и здесь зияла воронками и водоворотами, но все вокруг – небо, луна, горы – было словно окутано дремотой. На другом берегу мерцали только редкие ночные огни в домах.

– Всем спешиться.

Сёню первым сошел с коня и уселся на походный стул, заботливо поставленный на берегу.

– Прибыл господин Юкискэ. Выше по течению – его воины, – доложил один из советников, указывая рукой вверх по реке.

Сёню, приподнявшись, глянул туда.

– Лазутчиков ко мне! – громко приказал он.

Один из лазутчиков бросился к нему с донесением. Затем отряд числом около полутысячи присоединился к шестистам воинам под началом Икэды Сёню. Их серебристые тени замерцали в тумане, как рыба чешуя.

Вслед за воинами Юкискэ прибыл и Сандзо. Боевое охранение тыла окружило его копьями и тут же доставило к Сёню.

Сёню не стал слушать пространную речь Сандзо – ограничился кратким сообщением о происходящем.

Вот уже множество плоскодонок, спущенных с берега, заскользило по речной глади. Десятки легковооруженных воинов один за другим начали высаживаться на противоположный берег. Гребцы сразу же возвращались, чтобы перевезти новых.

Очень скоро на берегу не осталось никого, кроме Сандзо. И вот из-под стен крепости донеслись, взрывая ночную тишину, боевые клики воинов. Там и тут полыхало пламя, взвивались искры, заалело ночное небо над местом битвы.

Дальновидный и хитроумный замысел Сёню исполнился безошибочно. Крепость Инуяма пала за час, ее защитники были застигнуты врасплох неожиданным нападением и пособничеством изнутри. Не будь предателей, едва ли удалось бы так легко взять превосходную, самой природой прикрытую от нападений крепость. Но стремительный успех Сёню объяснялся и другой причиной: он сам когда-то был комендантом этой крепости – горожане, старосты близлежащих деревень и простые крестьяне хорошо помнили своего бывшего господина. Хотя предатели и были заранее подкуплены лазутчиками, посланными Сёню перед нападением, успех был обеспечен не хитростью и подкупом, а именем и властью военачальника.

Человек знатного, но пришедшего в упадок рода душою всегда темен и неустойчив. Хитрец, распутник, корыстолюбец, умеющий обратить себе на пользу беды своего времени, но не способный ни держать данное слово, ни нести честную и беспорочную службу, быстро уходит в небытие. Вместе с ним гибнут или впадают в полное ничтожество люди, которые чувствительны к веяниям времени, но не имеют ни сил, ни способностей переломить его ход и преодолеть упадок.

Остаются лишь два вида людей. Это, во-первых, посредственности, знающие, что нигде не могут пристроиться, и потому упорно цепляющиеся за то единственное, чем они обладают. И во-вторых, истинно верные своему князю приверженцы, остающиеся с ним до конца, в богатстве и в бедности, в счастье и в горе, в жизни и в смерти.

Что означает – быть истинным самураем? Служить своему господину верой и правдой? Конечно. Но выступать при этом открыто или же сознательно оставаться в тени? Правильный выбор не так-то прост, ибо и хвастуны, и скромники преследуют одну цель: добиться, чтобы князь оценил их заслуги – и в меру, и выше.

Иэясу, не упускавший случая выдвинуться и выделиться, был, однако же, не чета ребячливому Нобуо, который до самого конца не понял, в каком мире живет. Нобуо для Иэясу был чем-то вроде последнего камешка на игровой доске, который можно двигать или держать про запас.

– Теперь вы зашли чересчур далеко, князь Нобуо, – сказал Иэясу. – Если угодно, у меня найдется лишняя миска риса. Я воспитывался в великой скромности, ваше роскошное жилье и излишества в еде меня утомляют.

Наступил вечер тринадцатого числа. В тот день после полудня Иэясу прибыл в Киёсу. Нобуо пригласил его в храм, где они, уединившись, провели несколько часов в тайных

переговорах. В гостевых покоях крепости тем же вечером был дан пышный пир.

После трагедии в храме Хонно Иэясу обдуманно держался в стороне от гущи событий. Теперь он решил рискнуть могуществом, коего достиг клан Токугава во многом благодаря его собственным стараниям, и лично прибыл в Киёсу. Нобуо взирал на него снизу вверх, как на своего избавителя, прилагая все силы, чтобы развлечь дорогого гостя, и потчевал его всевозможными изысканными яствами.

На взгляд Иэясу, приниженное гостеприимство Нобуо лишь доказывало незрелость ума юного князя, и он искренне жалел этого человека. Как-то давным-давно Ода Нобунага торжественно возвратился из провинции Каи, куда ездил якобы за тем, чтобы полюбоваться горой Фудзи, и Иэясу устроил к приезду князя роскошные семидневные торжества. Вспоминая то время, Иэясу не мог не видеть невыразимого убожества усилий Нобуо.

Положение и вправду было жалким. Иэясу осознавал это. Он знал также: главный закон естества – в том, что все изменчиво. И теперь, в разгар пира, проникнувшись жалостью и сочувствием к хозяину дома, Иэясу не питал никаких сомнений насчет своего замысла – использовать изнеженного и недалекого князька как слепое орудие в своих руках. Довод был ясен: что, кроме великих несчастий, может принести миру глуповатый наследник славного рода, лишенный и наследства, и уважения подданных?

Хидэёси относился к Нобуо точно так же, как Иэясу. Но если Хидэёси считал малоумного князя препятствием на своем пути и намеревался так или иначе устранить его, то Иэясу размышлял, как бы использовать его в своих интересах. Столь противоположные точки зрения вели Хидэёси и Иэясу к одной цели. И не столь важно, кому из них в конце концов удалось бы одержать верх: судьба Нобуо была предрешена, потому что несчастный не мог забыть, что именно он – законный наследник Нобунаги.

– Что вы говорите, князь Иэясу? – удивился Нобуо. – Веселье едва началось. Спать в такую чудесную весеннюю ночь – значит лишать себя подлинного наслаждения.

Нобуо изо всех сил пытался развлечь Иэясу, но тот и впрямь намерен был заняться делами.

– Увольте, князь Нобуо. Ваша светлость наверняка выпили лишнего. Цвет вашего лица это доказывает. Благоволите отставить чашу на край стола.

Нобуо просто не замечал, сколь откровенно томится на пиру его знатный гость. Вот и сейчас, увидев, как затуманился взгляд Иэясу, он понял это как приступ сонливости. Нобуо шепнул что-то прислужнику, в дальнем конце зала убрали ширмы, перед хозяином и гостями предстали танцовщицы и музыканты. Иэясу все это мало занимало, однако он терпеливо высидел все представление, изредка делая вид, будто ему интересно, похихатывал и хлопал в ладоши, но искренне был доволен, лишь когда выступление закончилось.

В наступившей тишине люди Иэясу попытались напомнить князю, что ему пора отправляться спать, но тут появился актер, нагруженный музыкальными инструментами.

– В честь нашего высокочтимого гостя выступит мастер театра Кабуки, слава которого гремит по всей столице.

Этот человек и вправду отличался необыкновенными способностями. Он исполнил песню, открывающую представление театра Кабуки. Затем другой артист спел отрывок из хоровой песни и псалом из христианской мессы, посещать которую в последнее время стало модно среди знати западных провинций. Актер играл на музыкальном инструменте, похожем на европейскую лютню, и был одет в платье, странно, но приятно для глаз сочетавшее черты японской и европейской одежды.

Пирующие были поражены и восхищены. Искусство, любимое простонародьем, пришлось по вкусу и князьям, и высокородным самураям.

– Князь Иэясу передает вам, князь Нобуо, что его одолевает сон. – Приверженец по имени

Окудаира сказал это Нобуо, всецело поглощенному игрой актеров.

Нобуо сразу же поднялся, чтобы попрощаться с Иэясу, и сам проводил его до отведенных князю Токугаве гостевых покоев. Представление Кабуки было меж тем в разгаре, из пиршественного зала доносились звуки лютни, флейты и барабанов.

На следующее утро Нобуо поднялся в непривычно ранний для него час и сразу же направился в покои Иэясу, которого застал бодрствующим. Иэясу, одевшись и умывшись, обсуждал со своими людьми дела.

– Не угодно ли князю Иэясу позавтракать? – поинтересовался Нобуо.

Получив ответ, что князь уже завтракал, Нобуо смутился.

В это время самурай, несший стражу в саду, и воин на сторожевой вышке громко закричали, завидев что-то происходящее вдали. И Нобуо, и Иэясу насторожились. Миг спустя перед ними предстал с донесением самурай:

– В небо на северо-западе поднимается черный дым. Сперва мы решили, что это лесной пожар, но дым внезапно изменил направление, а затем в разных местах в небо поползли новые столбы.

Нобуо не знал, что и думать. Если бы речь шла о юго-западе, он мог вспомнить о боевых действиях в провинции Исэ или неподалеку от нее, но появление дыма на северо-западе было совершенно загадочным. Растерянность отразилась у него на лице.

Иэясу, которому два дня назад донесли о гибели Накагавы, сказал:

– Разве не там находится крепость Инуяма? – и не дожидаясь ответа, обратился к своему подручному: – Окудаира, пойдй разузнай, в чем дело.

Окудаира помчался по коридору, торопясь на сторожевую башню. За ним туда же устремились и люди Нобуо.

Когда они спустились с башни и поспешили обратно, по тревожному стуку их шагов можно было догадаться, что случилось несчастье.

– Может быть, это Инуяма, а может, Хагуро или Гакудэн, но в любом случае горит где-то там, – доложил Окудаира.

В крепости начался переполох, все забурило, как кипящий котел. Снаружи, из-под крепостной стены, раздался боевой сигнал, но большинство самураев, в спешке разбирающих оружие, даже не заметили, что Иэясу покинул крепость.

Когда Иэясу прямо доложили, что горит крепость Инуяма, он воскликнул: «Мы ее потеряли!» – и устремился из дому с несвойственной ему поспешностью.

Нахлестывая коня, он поскакал на северо-запад, откуда поднимался дым. Его окружали вассалы, не желавшие отстать от князя. От Киёсу до Комаки и от Комаки до Гакудэна было совсем недалеко. Всего одно ри разделяло Гакудэн и Хагуро, и еще одно ри оставалось оттуда до Инуямы. К тому времени, как они прибыли в Комаки, им стало известно обо всем происшедшем. Крепость Инуяма пала на рассвете. Иэясу гнал коня и пристально смотрел вперед – туда, где в нескольких местах между Хагуро и Инуямой в небо уходили зловещие столбы дыма.

– Я опоздал, – угрюмо бормотал он. – Не следовало мне так ошибаться.

Иэясу казалось, будто расплывающаяся в воздухе черная туча приобретает очертания фигуры Икэды Сёню. Когда ему стало известно, что Нобуо добровольно вернул Сёню сына, он подумал, что такое великодушие до добра не доведет. Тем не менее он не ожидал от Сёню вероломства столь скорого и коварного.

«Как же я забыл, что за хитрый старый лис этот Сёню», – думал Иэясу. Не стоило терзать душу мыслями об утрате такого важного оплота, как крепость Инуяма. Ее близость к Киёсу много значила в возможной войне против Хидзёси. Владеющий этой крепостью держал в руках

верховья реки Кисо, границу между Мино и Овари и первостепенного значения развилку дорог на Унуму. Одна такая крепость стоила сотни других – и вот она досталась врагу.

– Мы возвращаемся, – распорядился Иэясу. – Пожар означает, что Сёню с сыном, закончив дело, отступили в Гифу.

Иэясу резко повернул коня обратно – на его только что пылавшем яростью и горечью лице появилась обычная ясность. Близость приверженцев утешала и ободряла его. Он не сомневался, что сумеет с лихвой возместить нынешнюю потерю. Пока люди князя говорили, каким вероломным негодяем оказался Сёню, и порывались немедля дать ему хороший урок в бою, сам Иэясу, казалось, не слышал этих речей. В молчании, зловеще улыбаясь, он возвращался в Киёсу.

На обратном пути они столкнулись с Нобуо, который выехал из Киёсу значительно позже во главе всего своего войска. Нобуо в недоумении уставился на Иэясу, не в силах понять, почему тот решил вернуться.

– Ложная тревога? В Инуяме все в порядке? – спросил он.

Прежде чем Иэясу успел ответить простодушному Нобуо, его люди разразились хохотом. Поэтому, объясняя Нобуо истинное положение дел, Иэясу старался говорить как можно учтивей. Однако Нобуо, выслушав рассказ, был совершенно подавлен. Иэясу, поехав рядом с Нобуо, принялся утешать его.

– Не стоит сокрушаться. Мы потерпели поражение здесь. Хидэёси потерпит другое – куда более тяжкое – в другом месте. Взгляните туда. – И он указал на холм в окрестностях Комаки.

Давным-давно Хидэёси выступил с предложением Нобунаге перебраться из Киёсу в Комаки. Комаки являл собою всего лишь округлый холм высотой в двести восемьдесят сяку, но он возвышался над долиной и был на редкость удачной опорой для броска в любом направлении. В предстоящей войне в долине Овари – Мино Комаки, надлежаще укрепленный, мог сдержать натиск западного войска и давал равно прекрасные возможности для нападения и обороны.

Сейчас у Иэясу не было времени растолковывать тонкости этому простаку. Он отвернулся от Нобуо и, обратившись к своим людям, приказал:

– Начинайте возводить укрепления на холме Комаки. Приступайте немедленно.

Отдав распоряжение, он вновь подъехал к Нобуо и на всем обратном пути в Киёсу развлекал и утешал его непринужденной беседой.

В те дни всем казалось, будто Хидэёси в крепости Осака, тогда как на самом деле он пребывал в крепости Сакамото, куда приехал на тринадцатый день третьего месяца – тот самый день, когда Иэясу встретился с Нобуо в Киёсу. Подобная скрытность была ему, впрочем, несвойственна.

Иэясу перешел от слов к делу, во исполнение своего замысла перебравшись из Хамамацу в Окадзаки, а затем в Киёсу. Хидэёси, привыкший удивлять стремительностью своих действий, на сей раз никуда не спешил. Во всяком случае, так могло показаться со стороны.

– Эй, кто-нибудь, ко мне! Где оруженосцы? – Голос самого князя звучал, как всегда, властно.

Мальчики, беззаботно резвившиеся у себя в покоях, быстро припрятали игру сугороку, которой забавлялись всякую свободную минуту. Один из них, тринадцатилетний Набэмару, со всех ног пустился в княжеские покои. Хидэёси в нетерпении хлопал в ладоши, но никто не являлся.

Он вышел на открытую площадку. Сквозь крепостные ворота было видно, как мчится из города в крепость Сакиги. Когда за спиной Хидэёси послышались торопливые шаги, он, не оборачиваясь, призвал Сакити к себе.

Войдя, Сакити опустился на колени.

Выслушав донесение о ходе дел в крепости Осака, Хидэёси спросил:

– А как Тятя? Все ли хорошо у нее и ее сестер?

На мгновение Сакити замешкался с ответом, делая вид, будто ничего не знает. Ответить сразу означало вызвать у Хидэёси подозрения («Этот проныра Сакити все разнюхал») и поставить его в неловкое положение. Стоило Хидэёси задать вопрос о Тяте, как высокомерное выражение исчезло с его лица, краска залила щеки, всем своим видом он выказал нетерпеливое ожидание. Заметив это, Сакити внутренне улыбнулся, но виду не подал.

После падения Китаносё Хидэёси стал заботиться о трех дочерях Оити как о своих родных. При возведении крепости Осака он предусмотрел для них отдельные, небольшие, чрезвычайно красивые покои. Время от времени он навещался к сестрам и играл с ними – словно они были тремя редкими птичками в золотой клетке.

– Чему ты улыбаешься? – сурово спросил Хидэёси, догадавшись о мыслях Сакити.

Но ему самому вдруг стало весело. Это не укрылось от взгляда Сакити.

– Простите, мой господин. Я был озабочен другими поручениями и покинул Осаку, не повидав сестер.

– Вот как? Что ж, ладно. – Хидэёси резко переменял беседу. – О чем болтают сейчас на берегах реки Ёдо и в Киото? Что ты узнал, пока ездил по стране?

Выслушивая прибывавших издалека гонцов, Хидэёси всякий раз задавал этот вопрос.

– Всюду, где я бывал, только и говорят о грядущей войне.

Из расспросов о настроениях в Киото и в Осаке Хидэёси узнал, что никто не верит, будто предстоящая война вспыхнет между ним и сыном Нобунаги. Люди были убеждены, что соперниками окажутся Хидэёси и Иэясу. После гибели Нобунаги многим казалось, будто Хидэёси удалось навязать всем князьям прочный мир, но вновь страна оказалась рассечена пополам, и сердца жителей трепетали в ожидании новой большой войны, которая наверняка не обойдет стороной ни одну из провинций.

Сакити ушел. Сразу после его ухода явились двое помощников Нивы Нагахидэ. Это были военачальники Канамори Кинго и Хатия Ёритака. Хидэёси прилагал большие усилия заполучить в союзники Ниву. Он осознавал, какую серьезную опасность составит переход Нивы в стан врага. Дело не ограничилось бы потерей многочисленного и сильного войска. Переход Нивы на сторону врага показал бы народу, что правда на стороне Нобуо и Иэясу. Среди старших соратников покойного Нобунаги Нива был вторым по старшинству, уступая в этом отношении только Кацуиэ, и слыл человеком не только могущественным, но и чрезвычайно надежным и справедливым.

Было понятно: Нобуо и Иэясу готовы пообещать Ниве все, что угодно, лишь бы перетянуть его на свою сторону. Могло быть и так: разгадав замысел Хидэёси, Нива прислал к нему Канамори и Хатию как залог грядущей помощи с севера. Хидэёси это пришлось по душе, но окончательно успокаиваться было рано.

Вечером один за другим прибыли трое гонцов с докладом положении дел в провинции Исэ. Хидэёси прочитал письма и расспросил гонцов, затем надиктовал ответы, которые предстояло доставить, добавил кое-что на словах и отправился ужинать.

В углу комнаты стояла большая ширма. На двух ее створках золотой краской была начертана карта страны. Хидэёси, бросив взгляд на карту, осведомился у приближенных:

– Какие новости из Этидзэна? Что слышно о гонце, которого я направил в клан Уэсуги?

Пока люди князя бормотали невнятные извинения, ссылаясь на далекое расстояние, Хидэёси подсчитывал что-то на пальцах. Он послал гонцов к Кисо и к Сатакэ. Всю страну, изображенную на карте у него перед глазами, окутывала густая сеть его хитроумных замыслов и

намерений. В глубине души Хидэёси считал войну не единственным, а всего лишь последним средством достижения своих целей. Но к искусству переговоров он относился как к искусству управления боем – признавал, но не любил. Вовсе не от слабости своих воинских сил прибегал он к хитрым словам и речам. Наоборот, сила оружия и готовность нанести удар только подкрепляли силу словесных убеждений князя. Но в противостоянии с Иэясу дипломатическое искусство было бессильно. Никому ничего не сказав, Хидэёси задолго до того, как вражда сделалась непримиримой, отправил князю, восседавшему в Хамамацу, следующее послание:

«О моих добрых чувствах по отношению к Вам можно судить по тому, что в прошлом году я обратился к императору с просьбой одарить Вас новым титулом. Так из-за чего же нам воевать? В стране сложилось общее мнение о князе Нобуо как о слабоумном. И сколько бы Вы ни размахивали знаменем долга, сколько бы ни братались с уцелевшими представителями семейства Ода, мир не признает Ваши усилия, и войну, если Вы ее развяжете, не назовет справедливой. В конце концов, война между Вами и мною бессмысленна. Вы разумный человек, князь Иэясу, и если нам удастся договориться, я готов присоединить к Вашему уделу провинции Овари и Мино».

Для того чтобы договориться, необходимо желание обеих сторон, а ответ, полученный Хидэёси на это послание, был, увы, отрицательным. После, уже прервав все отношения с Нобуо, Хидэёси вновь писал Иэясу и делал еще более щедрые предложения, пытаясь склонить врага к миру; но добивался прямо противоположного: разгневанный Иэясу отсылал прочь его посланцев, едва достаивая их короткой беседы.

– Князь Иэясу доводит до вашего сведения, что поведение князя Хидэёси повергает его в недоумение.

Хидэёси, выдавив улыбку, возразил:

– Князь Иэясу не понимает, как уважительно я к нему отношусь.

У Хидэёси в Сакамото оказалось столько дел, что он работал без отдыха. Крепость Сакамото превратилась в его ставку, из которой должно было начаться вторжение в провинцию Исэ и в южную Овари, в оплот подготовки к схватке, ведущейся по всей стране от севера до западных провинций. Замышлять и осуществлять тайные намерения, находясь в Сакамото, было удобней, чем из Осаки. Да и гонцы, сновавшие туда-сюда, не привлекали особого внимания.

На первый взгляд князья попросту поделили между собой власть в землях: Иэясу правил на востоке и на северо-востоке, Хидэёси – в столице и на западе. Но даже во вновь возведенной в Осаке крепости, которую Хидэёси считал своей главной опорой, имелось бесчисленное множество тайных сторонников клана Токугава. Несомненно было, что многие лица, близкие к императорскому двору, только и ждали часа, когда Хидэёси оступится, чтобы перейти на сторону Иэясу.

В самурайских семействах сплошь и рядом оказывалось так, что отцы состояли на службе у князей в Осаке и в Киото, тогда как дети служили военачальникам восточного войска. Братья оказывались по разную сторону. Страна переживала смутное время, чреватое смертельными стычками между кровными родственниками.

Хидэёси знал, какие несчастья влечет за собой война. В состоянии вечной войны мир пребывал с тех пор, когда он влачил нищее детство в материнской хижине в Накамуре. Все годы скитаний Хидэёси бродил по провинциям, пожираемым пламенем войны. Когда у власти встал

Нобунага, народные страдания даже усугубились, но среди бедствий забрезжила надежда на успокоение и мир. Люди верили, что Нобунаге удастся прекратить войны раз и навсегда. Но князь Ода был убит, не успев осуществить задуманное и наполовину.

Хидэёси поклялся покончить с потрясениями и опустошениями, вызванными гибелью Нобунаги. Не давая себе отдыха и сна, он добился многого и был теперь всего на шаг от желанной цели. Сейчас ему предстояло сделать последний, а потому вдвойне трудный шаг. Можно сказать, на пути длиною в тысячу ри Хидэёси успел пройти девятьсот, и последние ри были самыми трудными. Со временем он начал догадываться, что столкновение с Иэясу стало неминуемым, а значит, предстоит или убрать князя с дороги, или просто уничтожить. Выбор невелик – но именно так поступают, когда сталкиваются с препятствиями. Уже решившись на последний шаг, Хидэёси обнаружил: он много труднее, чем виделось заранее.

За те десять дней, что Хидэёси оставался в Сакамото, Иэясу привел свое войско в Киёсу. Было ясно: Иэясу намеревается разворошить осиное гнездо войны в провинциях Ига, Исэ и Кисю, пойти в поход на запад, захватить Киото, а затем одним ударом сокрушить Осаку. Наступление его войска казалось неотвратимым, как приближение тайфуна.

Сам Иэясу не рассчитывал на то, что его путь окажется легким. В походе на Осаку ему предстояло ввязаться в серьезное сражение. Хидэёси только того и ждал. Но где должно было разыгаться сражение? Единственным полем, пригодным для решающей схватки двух сильных войск востока и запада, была широкая равнина Ноби, с одной стороны ограниченная рекой Кисо.

Дальновидный полководец всегда сумеет воспользоваться преимуществами местности. Он возведет укрепления на холмах. Первым подумал и заранее позаботился об этом Иэясу, тогда как Хидэёси, выражаясь языком нашего века, несколько позадержался вначале. Вечером тринадцатого числа третьего месяца он по-прежнему оставался в Сакамото.

Но первое впечатление о его неторопливости и неуклюжести тут оказалось бы ошибочным. Хидэёси знал: Иэясу нельзя сравнить ни с Мицухидэ, ни с Кацуиэ. Промедление понадобилось ему, чтобы завершить приготовления к походу. Он должен был дожидаться окончательного согласия Нивы Нагахидэ, ему необходимо было удостовериться, что клан Мори ничего не способен предпринять в западных провинциях, ему следовало добить остатки монахов-воинов на Сикоку и в Кюсю, наконец, ему надо было притушить недовольство военачальников из ближних провинций Мино и Овари.

Гонцы прибывали и убывали один за другим. Хидэёси приходилось принимать их даже во время обеда. Вот и сейчас: едва он закончил трапезу и выбросил палочки, как прибыло очередное донесение. Хидэёси сразу же вскрыл печать.

Пришло то, чего он с таким нетерпением дожидался: отчет Бито Дзинэмона, которого он – уже повторно – посылал к Икэде Сёню в крепость Огаки. Что за новости в письме – хорошие или дурные? От гонцов, разосланных по другим крепостям, вовсе не поступало вестей. Хидэёси развернул бумагу с волнением, как будто в ней заключалось прорицание оракула, и прочитал письмо.

– Прекрасно!

Это было единственное, что он сказал.

Позже, той же ночью, уже задремав, он вдруг сел в постели, как будто о чем-то внезапно вспомнив, и кликнул самурая из ночной стражи.

– Гонец, прибывший от Бито... Вернется ли он завтра утром?

– Нет. Он недолго пробыл здесь и, немного поспав, выехал в Мино – не захотел дожидаться рассвета.

Сидя на постели, Хидэёси приказал подать тушь, кисточку и бумагу и написал письмо

«Благодаря твоим стараниям Икэда Сёню и его сын заключили со мной союз. Ничто другое не могло бы порадовать меня так сильно. Но следует упомянуть вот еще о чем: как только Нобуо и Иэясу станет известно, что Сёню встал на мою сторону, они наверняка прибегнут к любым угрозам. На это нельзя поддаваться. Спешить тоже не следует. Икэда Сёню и Мори Нагаёси всегда были смелыми и гордыми воинами, умеющими отвечать презрением на любые угрозы».

Едва закончив письмо, Хидэёси отправил его в Огаки.

Два дня спустя, вечером пятнадцатого, из Огаки прибыло еще одно послание.

Пала крепость Инуяма. Икэда Сёню и его сын сделали свой выбор, покорив главную опору противника на реке Кисо и вручив ее в дар Хидэёси как свидетельство нерушимого союза. Это была добрая весть.

Хидэёси не скрывал своей радости и тревоги.

На следующий день Хидэёси приехал в Осаку. Сразу по приезде князя произошли неприятные события, показавшиеся дурным предзнаменованием. После победы в крепости Инуяма зять Сёню по имени Нагаёси решил обратить общий военный успех в личную пользу и обрушился неожиданной атакой на оборонительную линию клана Токугава на холме Комаки. Враг, отбив атаку, перешел в нападение в окрестностях Хагуро, и, по слухам, в этой схватке погибли сам Нагаёси и множество его воинов.

– Этот человек погиб из-за переизбытка боевого духа. Подобная глупость непростительна.

Так высказался Хидэёси, но жало его обвинения было нацелено в глубь собственного сердца.

Девятнадцатого числа, когда Хидэёси был готов выступить из Осаки, его подстерегла еще одна дурная весть, доставленная из Кисю. Взбунтовался Хатакэяма Садамаса. Он шел на Осаку морем и по суше. За восстанием наверняка стояли Нобуо и Иэясу. Остатки монахов-воинов из Хонгандзи только и ждали благоприятной возможности, чтобы нанести удар. Хидэёси пришлось отложить выступление и принять необходимые меры по обороне Осаки.

Стояла ранняя весна. Наступило двадцать первое число третьего месяца. Было утро. В тростниковых зарослях, окружающих Осаку, завели свою песню кузнечики. Облетала вишня, и ее лепестки кружились над улицей, которой двигалась длинная процессия воинов, пеших и конных. Казалось, будто сама Природа напутствует их. Городские зеваки, высыпавшие на улицы поглазеть на войско, сплошной стеной толпились по обочинам.

Войско, которое повел в этот день в поход Хидэёси, насчитывало свыше тридцати тысяч человек. И воины и простолюдины пытались разглядеть среди всадников Хидэёси, но он был так мал ростом и неприметен среди окружавших его блестящих вельмож, что остался незамеченным.

Хидэёси, оглядывая толпу и ряды воинов, улыбался своим мыслям. «Осака еще увидит счастливые времена, – думал он. – Она уже начинает преуспевать, а это – превосходный залог на будущее. Люди одеты нарядно, ничто не говорит, что городу грозит упадок. Не прямое ли это следствие веры горожан в несокрушимость воздвигнутой крепости? Мы одержим победу. На этот раз мы в силах одержать победу». Так видел будущее Хидэёси.

Вечером войско встало на привал в Хиракате. На другой день с утра тридцать тысяч воинов

продолжили путь на восток по извилистой дороге вдоль реки Ёдо.

Когда они прибыли в Фусими, около четырехсот человек вышли встретить их к речной переправе.

– Чьи это знамена? – спросил Хидэёси.

Военачальники настороженно прищурились. Никто не мог понять, что за знамя перед ними – широкое, с черными китайскими иероглифами на красном поле. У незнакомцев были также пять расшитых золотом стягов и штандарт главнокомандующего. На нем на фоне золотого веера был изображен огромный круг в окружении восьми кругов меньшего размера. Под сенью знамен выступали тридцать конных самураев, двадцать лучников, тридцать копьеносцев, тридцать стрелков и отряд пеших воинов. Они стояли в боевых порядках, их одежды шелестели на ветру с реки.

– Пойди и узнай, кто это, – приказал Хидэёси одному из вассалов.

Тот не заставил себя долго ждать и вернулся с докладом.

– Это Исида Сакити.

Хидэёси хлопнул по седлу.

– Сакити? Ну да, кто же, кроме него! – обрадованно воскликнул он, словно вспомнив о чем-то, что успел начисто забыть.

Подъехав к Хидэёси, Исида Сакити приветствовал князя:

– Я обещал вам и сумел сдержать слово. Это небольшое войско нанято мной на деньги, вырученные от продажи пустующей земли в здешних местах.

– Рад видеть тебя, Сакити. Пусть твои люди замкнут наше шествие.

Пешие и конные воины дороги – чтобы нанять их, требовались деньги, равные стоимости более чем десяти тысяч коку риса. Изобретательность, проявленная Сакити, понравилась Хидэёси.

В этот день большая часть войска миновала Киото и повернула на дорогу Оми. Для Хидэёси каждое дерево, каждый лист, каждый побег травы были полны воспоминаний о днях юности.

– Вот и гора Бодай, – пробормотал Хидэёси.

Подняв взор на гору, он вспомнил ее владения, Такэнаку Хамбэя, отшельника с горы Курихара. Думая о минувших днях, Хидэёси искренне радовался, что умел в юности ценить каждую минуту и никогда не сидел без дела. Именно усилия молодых лет и битвы минувших времен сделали его тем, кем он сейчас стал. Он чувствовал, что темный мир вокруг и бушующие мутные воды времени благоволят ему.

Хамбэй, считавший Хидэёси своим господином, на деле был ему верным другом, и главнокомандующий до сих пор не мог забыть об этом. Даже после того, как Хамбэя не стало, Хидэёси, попав в очередное затруднение, горестно вздыхал: «Ах, был бы со мной Хамбэй!» Но он позволил этому достойному человеку умереть, так и не воздав ему по-настоящему за добро. На глаза Хидэёси нахлынули слезы печали, и очертания горы Бодай расплылись, как в тумане.

Он вспомнил о сестре Хамбэя по имени Ою...

И как раз в это мгновение в тени сосны, растущей на обочине, Хидэёси заметил белую головную повязку буддийской монахини. Взгляд женщины встретился со взглядом Хидэёси. Он тронул поводья, хотел что-то сказать, но женщина под деревьями исчезла.

Вечером в лагере к столу Хидэёси доставили поднос с рисовыми колобками. Человек, принесший кушанье, поведал, что передала его монахиня, не пожелавшая назвать своего имени.

– Славная еда! – воскликнул Хидэёси и отведал колобки, хотя успел поужинать.

Пока он ел, на глазах у него были слезы.

Позже один из смысленых и наблюдательных оруженосцев сообщил военачальникам, что

главнокомандующий пребывает в странном расположении духа. Те насторожились, никто не мог объяснить, что происходит. Они испугались, не расстроен ли князь, но стоило голове Хидээси коснуться подушки – и воины сдержанно заулыбались, слушая, как храпит их повелитель. Хидээси безмятежно проспал четыре часа. Утром он поднялся до рассвета и куда-то убыл. Как раз в тот день в Гифу прибыли первый и второй полки. Хидээси встретился с Сёню и с его сыном, и вскоре в крепости и окрестностях встало лагерем большое войско.

Факелы и костры горели в ночи над рекой Нагара. А вдалеке было видно, как всю ночь напролет движутся в том же направлении третий и четвертый полки.

– Мы давно не виделись!

Хидээси и Сёню заговорили друг с другом одновременно, едва встретившись.

– Я искренне рад, что в трудный час ко мне пришли на помощь вы и ваш сын. У меня нет слов, чтобы поблагодарить вас за подчинение крепости Инуяма. Не стану скрывать: я был потрясен стремительностью ваших действий и находчивостью, которую вы проявили.

Хидээси долго воздавал хвалу победам Сёню, но словом не обмолвился, что зять последнего уже после взятия Инуямы потерпел сокрушительное поражение.

Хотя Хидээси и умолчал о провале Нагаэси, Сёню испытывал глубочайший стыд. Его изумило, что после поражения под Инуямой враг успел быстро оправиться и предстал в бою против Нагаэси во всей мощи. Бито Дзинэмон вручил ему письмо Хидээси, в котором последний предостерегал против прямых столкновений с войском Иэясу, но было слишком поздно.

Поэтому Сёню решил теперь обсудить случившееся:

– Не знаю, что можно сказать в оправдание того разгрома, которому по собственной глупости подвергся мой зять.

– Не придавайте большого веса случившейся неудаче, – улыбаясь, возразил Хидээси. – Совсем не похоже на вас, дорогой Сёню.

Возложить ли вину за поражение на Сёню или оставить дело без последствий? Так размышлял Хидээси, проснувшись на следующее утро. Рядом с печальными промахами последнего времени захват крепости Инуяма радовал – он перед началом решающего сражения должен был повлиять на весь ход войны. Поэтому Хидээси вновь и вновь повторял обращенные к Сёню похвалы достославному деянию, и делал это не только для того, чтобы утешить соратника.

Двадцать пятого числа Хидээси отдыхал, а к его войску подходили все новые отряды. Теперь под знаменами Хидээси находилось свыше восьмидесяти тысяч человек.

На следующее утро он выехал из Гифу, в полдень прибыл в Унуму и сразу распорядился навести через реку Кисо челночную переправу. Затем воинам дали как следует отоспаться. Утром двадцать седьмого войско выступило на Инуяму. Хидээси вошел в крепость ровно в полдень.

– Подайте мне хорошего коня, – распорядился он и сразу после обеда выехал из крепостных ворот в сопровождении нескольких легковооруженных всадников.

– Куда вы, мой господин? – осведомился один из военачальников, поспешивший вдогонку.

– Небольшая прогулка малым числом людей, – загадочно ответил Хидээси. – Окажись нас много, враг непременно увидит.

Проехав через деревню Хагуро, в которой, по слухам, был убит Нагаэси, они поднялись по склону горы Ниномия. С вершины Хидээси мог рассмотреть вражеский лагерь на холме Комаки.

Объединенное войско князей Нобуо и Иэясу насчитывало, по слухам, шестьдесят одну тысячу человек. Щурясь, Хидээси пристально всмотрелся в даль. Полуденное солнце ослепительно сверкало. Заслонив рукою глаза, Хидээси разглядывал склоны холма Комаки,

которые кишели вражескими воинами.

В этот день Иэясу оставался в Киёсу. Он побывал на холме Комаки, отдал необходимые распоряжения и поспешил вернуться назад. Он был похож на великого мастера игры в го, тщательно обдумывающего любой, пусть незначительный, ход.

Вечером двадцать шестого Иэясу получил верное донесение: Хидэёси – в Гифу. Иэясу, Сакакибара, Хонда и другие восседали в зале. Им только что доложили, что строительство укреплений на холме Комаки завершено.

– Значит, Хидэёси решил наступать? – пробормотал Иэясу.

Переглянувшись со сторонниками, он позволил себе улыбнуться, под глазами появились морщинки, как у черепахи. Все происходило в точности так, как он предвидел.

Хидэёси всегда стремглав бросался в бой, и его нынешняя неторопливость беспокоила Иэясу. Остановится ли Хидэёси в провинции Исэ или двинется на восток и окажется на равнине Ноби? Пока Хидэёси оставался в Гифу, у него были развязаны руки: он мог двигаться в любом направлении. Иэясу нетерпеливо дожидался следующего донесения. Получив его, узнал, что Хидэёси навел челночную переправу через реку Кисо и прибыл в крепость Инуяма.

Иэясу получил это известие ранним утром двадцать седьмого числа, и по выражению его лица стало ясно, что решающий час настал. За ночь были завершены приготовления к битве. Двадцать восьмого войско Иэясу под оглушительный барабанный бой и с развевающимися знаменами встало в боевые порядки на холме Комаки.

Нобуо тем временем успел вернуться в Нагасиму, но, узнав, как складываются дела, сразу помчался на холм Комаки и присоединился к Иэясу.

– Мне рассказывали, что у Хидэёси тут восьмидесятитысячное войско, а всего он может выставить сто пятьдесят тысяч воинов, – горестно вздохнул Нобуо, забыв о том, что война ведется из-за него.

Глаза его бегали, выдавая смятение души.

Проезжая через крепостные ворота, Икэда Сёню сощурился: глаза ел дым, поднимающийся от походных котлов.

Самураи Икэды привыкли догадываться, в каком настроении пребывает их вождь, по выражению его лица. Сейчас они понимали: старого воина угнетает мысль о разгроме, которому подвергся Нагаёси. Допустив ошибку в расчетах, покойный зять Сёню нанес своим союзникам жестокий удар в спину в самом начале войны, не дождавшись часа, когда Хидэёси, главнокомандующий, придет в места боевых действий.

Икэда Сёню всегда был уверен, что никто не вправе упрекнуть его, ибо он никогда не совершал ошибок, и нынешнее бесчестье оказалось для сорокавосьмилетнего воина и полководца неожиданным.

– Подойди сюда, Юкискэ. И ты, тоже, Тэрумаса. Прошу всех приблизиться.

Восседа в главном зале крепости, Сёню призвал сыновей и старших соратников.

– Хочу услышать ваше мнение, причем искреннее. Но сначала взгляните, – сказал он, извлекая из складок кимоно карту.

Внимательно рассмотрев передаваемую из рук в руки карту, люди поняли, что именно волнует Сёню.

По карте красной тушью была проведена линия, начинающаяся у крепости Инуяма и доходящая, пересекая горы и реки, до Окадзаки в провинции Микава. Никто не произнес ни слова – все ждали, чтобы первым заговорил сам Сёню.

– Если мы забудем о холме Комаки, о крепости Киёсу и стремительным броском выйдем на главную крепость клана Токугава в Окадзаки, то и такой испытанный полководец, как Иэясу,

растеряется, не зная, что предпринять. Единственное, что нужно обеспечить, состоит в том, чтобы начало нашего броска не заметил враг с холма Комаки.

Никто не спешил высказать первым собственное мнение. План был необычным, можно сказать, беспримерным. Одна-единственная ошибка – и будут погублены не только они сами, но и все их союзники.

– Собираюсь поделиться этим замыслом с князем Хидэёси. Если он сработает, то и Нобуо, и Иэясу останутся безоружными и им придется сдаться в плен.

Сёню хотелось совершить выдающееся деяние, чтобы искупить позор, вызванный поражением его покойного зятя. Хотелось торжественно поглядеть в глаза тем, кто сейчас шептался о нем чуть ли не презрительно. И хотя приверженцы прекрасно понимали истинную цель Сёню, никто не торопился подвергать сомнению дерзкий замысел полководца. Им не хватало духу произнести: «Рискованная затея! Хитроумные замыслы редко приносят успех. Все это чересчур опасно».

Так замысел Сёню получил единодушную поддержку. Военачальники один за другим принялись упрашивать его вручить им командование передовым отрядом. Каждый говорил, что хочет первым глубоко вторгнуться в расположение противника и нанести Иэясу смертельный удар в самом сердце его провинции.

Сходный замысел попытался провести в жизнь под Сидзугатакэ Гэмба, племянник Сибаты Кацуиз, но безуспешно. И тем не менее Сёню собирался отстаивать план перед самим Хидэёси. Он объявил приверженцам:

– Завтра с утра мы едем в ставку в Гакудэн.

Всю ночь он почти не спал, обдумывая и уточняя свой замысел. На заре к нему прибыл гонец из Гакудэна.

– Сегодня князь Хидэёси пожелал осмотреть войска, и ему угодно прибыть в крепость Инуяма к полудню.

Выехав из Гакудэна, овеваемый мягким ветерком первых дней четвертого месяца, Хидэёси внимательно осмотрел вражеский лагерь на холме Комаки и укрепления в его окрестностях, а затем в сопровождении десятка оруженосцев и военачальников поскакал в Инуяму.

Каждый раз, встречаясь с Сёню, Хидэёси держался с ним как со старым другом. Повод к тому имелся: Сёню, Хидэёси и Инутиё не раз затевали совместные попойки, когда все трое были молодыми самураями на службе в Киёсу.

– Как здоровье Нагаёси? – осведомился он у Сёню.

Слух, будто Нагаёси пал в бою, не подтвердился. Оказалось, он тяжело ранен.

– Его горячность принесла нам несчастье, но поправляется он после своих ран удивительно быстро. Он только и говорит о том, как бы поскорее вернуться в строй и искупить свою вину.

Хидэёси, обратившись к одному из приверженцев, задал вопрос:

– Итимацу, мы сегодня осматривали вражеские укрепления на холме Комаки. Какое из них, по-твоему, самое неприступное?

Он любил беседовать с молодыми воинами, поучая их и вместе с тем давая им возможность высказываться без условностей и лишней почтительности.

Когда затевалась такая беседа, люди в толпе молодых приверженцев Хидэёси стремились не пропустить мимо ушей ни единого его слова. Да и сами в разговоре не терялись. Молодые люди говорили все горячее, поневоле начинал горячиться и Хидэёси. Дух беседы был таков, что, глядя со стороны, можно было принять ее за товарищеский спор равных, но никак не за совещание князя с подчиненными. Но когда Хидэёси принимал решение, он сразу же менял выражение лица – и все почтительно умолкали.

Сёню, восседая рядом с Хидэёси, решил переключить его внимание на себя:

– Мне тоже хотелось бы обсудить с вами один чрезвычайно важный вопрос.

Хидээси откинулся назад, готовясь внимательно выслушать полководца, кивнул, а затем велел оставить их вдвоем.

В зале остались только Сёню и Хидээси. Отсюда было далеко видно во все стороны, поэтому выставить стражу не пришлось.

– О чем пойдет речь, Сёню?

– Сегодня вы совершили осмотр войск и, полагаю, составили себе мнение. Не представляются ли вам приготовления, проведенные князем Иэясу на холме Комаки, совершенно безупречными?

– Да, они хороши, ничего не скажешь. Не думаю, что кто-нибудь, кроме самого Иэясу, сумел бы управиться так быстро и умело.

– Я тоже несколько раз объезжал вокруг все оборонительные рубежи противника. Не знаю, каким образом нам удастся прорвать их, – заметил Сёню.

– Иэясу устроил так, что нам не остается другого, кроме как встать лицом к лицу, – ответил Хидээси.

– Иэясу понимает, что на сей раз имеет дело с достойным противником, – продолжил свою речь Сёню, – потому он и действует с таким рвением и предусмотрительностью. И нам, и нашим союзникам понятно, что мы впервые встречаемся в решительном бою с прославленным войском Токугавы. Иного решения нет, будем стоять лицом к лицу.

– Да, происходящее необычно. В последние дни даже ружейной пальбы не слышно. И это – война! Битва, в которой ни одна из сторон не хочет сражаться по-настоящему.

– Если князь позволит, я хотел бы кое-что показать...

Сёню опустил на колени, разложил на полу карту и тщательно обосновал свой замысел.

Хидээси слушал с явным удовольствием и несколько раз в ходе рассказа кивал, но, судя по выражению лица, не собирался одобрять предложенное без серьезных оговорок.

– Если я получу ваше разрешение, то силами своего клана обрушусь на Окадзаки. Лишь только мы вторгнемся в родную провинцию клана Токугава и атакуем Окадзаки, когда Иэясу станет известно, что копыта наших коней топчут его родину, то мощь укреплений, воздвигнутых на холме Комаки, и его собственное полководческое искусство, пусть и выдающееся, потеряют всякое значение. Он оставит поле боя, не дожидаясь нашего нападения.

– Я над этим поразмыслю, – сказал Хидээси, избегая утвердительного ответа. – Вы тоже все это еще раз хорошенько продумайте, хотя бы нынешней ночью. Попытайтесь забыть, что данный замысел принадлежит вам, попробуйте оценить его со стороны. Эта смелая и отважная затея смертельно опасна для того, кто возьмется ее воплотить.

Замысел Сёню был нов и сумел удивить даже самого Хидээси, но ум последнего был устроен иначе, чем у Сёню.

Ведя войну, Хидээси старался не прибегать к хитроумным замыслам и неожиданным нападениям. Полководческому искусству он предпочитал дипломатическое, быстрым и легким победам – постепенное и неторопливое овладение положением. Даже если для этого надо было запастись терпением.

– Так что не будем спешить, – сказал Хидээси. А затем смягчил смысл сказанного: – Я приму решение за ночь. Прибудьте ко мне в ставку завтра утром.

Приверженцы Хидээси, ожидавшие князя снаружи, обступили его. Когда они подошли к выходу из главной крепости, им попался на глаза странно одетый самурай, лежавший на земле неподалеку от того места, где были привязаны их кони. На голове и одной руке у самурая были повязки. Поверх доспехов на нем был белый плащ, расшитый золотом.

– Кто это?

Самурай с трудом поднял голову:

– Мне стыдно назвать имя, но меня, мой господин, зовут Нагаёси.

– Вот как? Нагаёси! Я слышал, что тебе велено оставаться в постели. Как твои раны?

– Я решил во что бы то ни стало подняться.

– Не утруждай себя так. Как только вернутся силы, ты сможешь смыть бесчестье, но торопиться сейчас некуда.

Услышав слово «бесчестье», Нагаёси заплакал.

Он достал из складок плаща письмо, благоговейно вручил его Хидэёси и вновь простерся ниц:

– Для меня будет великой честью, если вы, мой господин, это прочтете.

Хидэёси кивнул. Ему было жаль несчастного.

Совершив намеченную на день поездку на поле предстоящего сражения, Хидэёси к вечеру вернулся в Гакудэн. Его ставка, в отличие от неприятельской на холме Комаки, находилась не на возвышенном месте, но Хидэёси удалось наилучшим образом использовать окрестные леса, поля и реки, так что расположение его войска, занимающее площадь в два квадратных ри, оказалось окружено рвами и частоколами.

Для пущей предосторожности деревенский храм намеренно украсили так, что постороннему могло бы показаться, будто именно здесь стал на постой Хидэёси.

Для Иэясу местопребывание Хидэёси оставалось загадкой. Тот с равным успехом мог находиться как в Гакудэне, так и в Инуяме. Часовые на передней линии были столь бдительны, что и струйка воды не могла бы просочиться сквозь их посты. Разведка с обеих сторон оказалась предельно затруднена.

– Мне не удалось как следует помыться с тех пор, как я выехал из Осаки. Сегодня я постараюсь наверстать упущенное! – воскликнул Хидэёси.

Ему устроили фуру под открытым небом. Для этого слугам пришлось выкопать в земле глубокую яму и выстлать ее дно и стены большими листами вощенной бумаги. Заполнив яму водой, они накалили на костре кусок железа и опустили его в яму, чтобы согреть воду. Затем прикрыли деревянными плашками края ямы и отгородили ее ширмами.

– Славная вода!

Забравшись в бесхитростную купальню, Хидэёси нежился в горячей воде и поглядывал на вечерние звезды. «Нет большей роскоши, чем эта», – думал он, смывая с тела пот и грязь.

В прошлом году он начал расчистку местности вокруг Осаки, задумав возвести там величественную крепость. Сам он получал куда большее удовольствие от простых радостей и удобств, тогда как золоченые стены и убранные драгоценными камнями башни крепости оставляли его в душе безразличным. Внезапно он почувствовал острую тоску по родительскому дому в Накамуре. Когда он был маленьким, мать во время купания терла ему спину...

Давно Хидэёси не испытывал подобного умиротворения; с таким ощущением он вернулся к себе в покои.

– Вы уже здесь! – воскликнул он, увидев, что военачальники, заранее приглашенные на вечерний совет, собрались и ждут. – Взгляните на это!

Достав из складок плаща карту и письмо, он передал их собравшимся. Письмо было прошением от Нагаёси, написанным собственной кровью. Карта была взята у Сёню.

– Ну, что скажете о замысле? – спросил Хидэёси. – Прощу высказываться откровенно.

Некоторое время все провели в молчании. Казалось, каждый из присутствующих погрузился в размышления.

Наконец один из военачальников воскликнул:

– Думаю, это великолепный план!

Взгляды присутствующих разделились поровну. Одни одобряли Сёню, другие порицали, неизменно восклицая при этом:

– Хитроумный замысел всегда рискован!

Разговор зашел в тупик.

Хидэёси слушал, улыбался и не вмешивался. Тема была настолько важной, что единодушного решения не предвиделось.

– Полагаем предоставить окончательное решение вам, князь. Нет сомнений, что оно окажется мудрым.

Настала ночь, люди разошлись по своим шатрам.

Истина заключалась в том, что на обратном пути из Инуямы Хидэёси принял окончательное решение. И созвал совет вовсе не потому, что не смел сделать это единолично. Наоборот, потому он их и созвал, что все заранее решил. Речь шла только о внутреннем оправдании: со всей остротой стоял вопрос, что есть истинный вождь. У военачальников после совета создалось впечатление, будто Хидэёси не решится воспользоваться планом Сёню.

В глубине души Хидэёси рвался в бой. Если бы он не принял предложения Сёню, слава последнего и его зятя Нагаёси оказалась бы навсегда подорвана. Более того, существовала опасность, что отказ от плана вызовет их гнев, который нельзя будет утишить и смягчить.

Положение воюющих сторон таило в себе ростки смертельной опасности для всех. Вдобавок Хидэёси вынужден был считаться с возможностью того, что в случае нового поражения Сёню Иэясу попытается перетянуть его на свою сторону.

«Икэда Сёню теперь мой подчиненный. И если он воображает себя жертвой молвы, то его горячность более чем оправдана», – думал Хидэёси.

Выхода не было, требовался шаг, способный вызвать перемены.

– Да будет так! – воскликнул Хидэёси. – Не стану ждать завтрашнего приезда Сёню, пошлю к нему гонца сейчас.

Получив срочное послание Хидэёси, Сёню стрелой понесся в ставку главнокомандующего. Был час четвертой стражи, ночь стояла непроглядно-черная.

– Я принял решение, Сёню.

– Я рад, мой господин! Позвольте ли вы мне возглавить войско, которое нанесет внезапный удар по Окадзаки?

До зари двое полководцев успели обговорить задуманное во всех подробностях. Сёню позавтракал с Хидэёси, а затем вернулся в Инуяму.

На следующий день казалось, будто на поле боя полная тишина. На самом деле происходили скрытые перемещения каких-то отрядов.

В небо, застланное облачной пеленой, в послеполуденные часы поднимались дымки от ружейных выстрелов. Стреляли обе стороны. Стрельба доносилась из окрестностей Онаватэ. А на дороге Удацу пыль заполнила воздух – там две или три тысячи воинов западного войска пошли на вражеские укрепления.

– Началось!

Глядя в ту сторону, где клубилась пыль и звучали выстрелы, военачальники испытывали жгучее волнение. Они присутствовали при переломе судеб страны. Кто бы ни вышел победителем в начавшейся схватке, он становился властелином страны и вершителем времен.

Иэясу знал, что Хидэёси никого не боялся, но никого и не уважал так, как покойного Нобунагу. Теперь, после гибели князя Оды, страх и уважение у Хидэёси начал вызывать превратившийся в противника Иэясу. Утром в лагере на холме Комаки не дрогнуло ни одно знамя. Все выглядело так, словно войску был отдан приказ не отвечать на вылазки противника, преследующие одну цель – проверить решимость и боевой дух восточного войска.

Настал вечер. Полк западного войска, завершив вылазку и возвращаясь в лагерь, обнаружил на дороге россыпь вражеских подметных писем. Одно из них доставили Хидэёси.

Ознакомившись с письмом, Хидэёси пришел в ярость. Текст гласил:

«Хидэёси вынудил покончить с собой князя Нобутаку, сына своего покойного господина, которому сам Хидэёси был стольким обязан. Сейчас Хидэёси поднял восстание против князя Нобуо. Он постоянно мутит воду в самурайском сословии, навлекая на головы простых людей новые несчастья. Именно он – единственный поджигатель нынешней войны. Затеяна она лишь затем, чтобы насытить его непомерное тщеславие».

Дальше говорилось, будто Иэясу повел в поход свое войско, чтобы положить конец вопиющей несправедливости и что его войско идет Путем Воина.

Хидэёси пришел в бешенство, что случилось с ним редко. Краска гнева залила его лицо.

– Кто сочинитель этого клочка лжи? – гневно воскликнул он.

– Исикава Кадзумаса, – ответил приверженец.

– Писца ко мне! – оглянувшись через плечо, закричал Хидэёси. – Пусть повсюду разошлют грамоты с одинаковым содержанием! Содержание таково: воин, доставивший голову Исикавы Кадзумасы, получит вознаграждение, равное цене десяти тысяч коку риса!

Но и отдав такой приказ, Хидэёси продолжал бушевать. Он призвал оказавшихся поблизости военачальников и распорядился:

– Недостойный Кадзумаса позволил себе слишком многое! Возьмите запасные полки и выставьте их на передовую прямо перед расположением войска Кадзумасы. Нападите на него ночью. Сражайтесь всю ночь до рассвета, продолжайте натиск днем и вечером, бейтесь непрерывно, не оставляя Кадзумасе и мгновения, чтобы перевести дух!

Ужин он распорядился подать себе прямо в шатер. Что бы ни случилось, Хидэёси никогда не забывал поесть. Покуда он сидел за трапезой, гонцы без усталости сновали на всем пространстве между Гакудэном и Инуямой.

Наконец прибыл последний вестовой с донесением от Сёню. Что-то бормоча под нос, Хидэёси допил суп со дна чашки. Этим вечером ружейная стрельба доносилась издали. Выстрелы звучали в продолжение всей ночи и не прекратились с рассветом. Все думали, что идет огневая подготовка к общему наступлению западного войска под командованием Хидэёси.

Однако первый удар, нанесенный накануне, был со стороны Хидэёси не более чем уловкой: подлинный смысл происходящего состоял в подготовке к внезапному нападению войска Сёню на Окадзаки. Подготовка скрытно велась в крепости Инуяма.

Прежде всего нужно было отвлечь внимание Иэясу, пока войско Сёню, идя кружными и тыловыми дорогами, внезапно не выйдет к ключевой крепости клана Токугава.

Войско Сёню состояло из четырех соединений.

Первое, под командованием самого Сёню, насчитывало шесть тысяч воинов.

Второе включало три тысячи воинов, вел его Мори Нагаёси.

Третье – три тысячи человек во главе с Хори Кютаро.

Четвертое – восемь тысяч человек под началом Миёси Хидэцугу.

В передовых частях Сёню и Нагаёси сосредоточились отборные силы – воины, преисполненные решимости победить или умереть.

Настал шестой день четвертого месяца. Дождавшись наступления полной тьмы, двадцатитысячное войско Икэды Сёню вышло из крепости Инуяма в полной тайне и

скрытности. Знамена были приспущены, копыта коней обмотаны ветошью. Проскакав всю ночь под покровом тьмы, всадники встретили рассвет в Моногуруидзаке.

Здесь воины подкрепились едой и устроили короткий привал, затем двинулись дальше и разбили лагерь в деревне Камидзэ, откуда направили вспомогательный отряд в крепость Отэмэ.

Несколько ранее предводитель отряда Голубых Цапель Сандзо поехал по поручению Сёню к Морикаве Гонэмону, коменданту крепости, который пообещал отречься от Иэясу. Чтобы окончательно удостовериться в том, что он сдержит слово, Сандзо послали к нему еще раз.

Сёню находился в глубоком вражеском тылу. Войско шло вперед, с каждым шагом приближаясь к опорной крепости клана Токугава. Самого Иэясу там не было, равно как и его сил, – все они находились на передовой, занимая порядки на холме Комаки. По этому опустевшему гнезду, по кокону, из которого вылупился весь род Токугава, и намеревался Сёню нанести смертельный удар.

Комендант крепости Отэмэ, союзник клана Токугава, поддался на уговоры Сёню и выразил верноподданнические чувства к Хидэёси в обмен на удел, дающий доход в пятьдесят тысяч коку риса.

Крепостные ворота широко распахнулись. Сам Гонэмон вышел встречать вражеских военачальников. Он пригласил их внутрь. Не только в годы былого сёгуната люди самурайского сословия впадали в бесчестье и вырождение. В княжение Иэясу и князю и приверженцу доводилось питаться холодным рисом и отваром из овощей, сражаться с врагом, собирать хворост и трудиться в поле, – их объединяла во всех делах общая цель: во что бы то ни стало выжить. В конце концов им удалось преодолеть трудности и достичь такого могущества, что они оказались способны помериться силами с самим Хидэёси. И все же среди них находились бесчестные самураи вроде Морикавы Гонэмона.

– Все прекрасно, Гонэмон! – воскликнул Сёню. Его лицо сияло радостью. – Я счастлив, что вы выполнили свое обещание и вышли встретить нас. Если и дальше все пойдет как задумано, я сам напомню князю Хидэёси об уделе на пятьдесят тысяч коку риса.

– В этом нет нужды. Нынешней ночью я получил грамоту с пожалованием от самого князя. Услышав это от Гонэмона, Сёню еще раз удивился памятьвости и обязательности Хидэёси.

Войско, разбившись на три колонны, продолжило поход по долине Нагакутэ. Они приблизились к еще одной крепости. Это была крепость Ивасаки, силы которой насчитывали всего двести тридцать человек.

– Оставим ее! Нет славы в том, чтобы взять слабую крепость! Не будем отвлекаться от главной цели.

Проезжая поблизости от Ивасаки, Сёню и Нагаёси вели себя так, словно не замечали ее. Но беспрепятственно миновать крепость им не удалось. Со стен раздался ружейный залп, причем одна из пуль поразила в круп коня, на котором скакал Сёню. Конь встал на дыбы, сам Сёню едва не вывалился из седла.

– Какая наглость! – Щелкнув в воздухе плетью, Сёню резко приказал: – А ну, сметите с лица земли эту ограду!

Так войско впервые начало боевые действия. Воля к победе, долго и так тщательно сдерживаемая, выплеснулась наружу. Двое военачальников со своими полками, в тысячу человек каждый, напали на крепость. И куда более мощная твердыня не устояла бы под таким напором, а гарнизон этой крепости был малочислен.

В мгновение ока нападающие преодолели ров и двинулись на стены. Полетели горящие стрелы, и в небо, где сияло дневное солнце, повалил густой черный дым. Почти сразу был убит комендант крепости, участвовавший в бою. Все защитники погибли, лишь одному удалось

спасти бегством и, добравшись до Комаки, доложить князю Иэясу о беде. Пока воины Сёню брали крепость, войско под началом Нагаёси успело уйти далеко вперед и остановилось на привал для отдыха и еды.

Подкрепляясь едою, воины в недоумении смотрели в ту сторону, откуда в небо валил черный дым, и гадали, что это могло значить. Скоро к ним подоспел гонец, известивший о взятии крепости Ивасаки. При этом известии люди довольно усмехнулись. Кони паслись на зеленой траве.

Получив сообщение о взятии Ивасаки, третий отряд встал на короткий привал в Канахагиваре, давая отдых воинам и коням. Увидев, что остановились все три передовых отряда, встал и четвертый, который замыкал движение войска.

В горах стояло безвременье: весна уже прошла, лето еще не настало. Лазурь небес была ослепительно ясной, превосходя синевой море. Вскоре после того, как отряды остановились, усталые кони начали дремать. С ячменных лугов и из леса доносилось пение соловьев и жаворонков.

За два дня до этого, вечером шестого дня четвертого месяца, двое местных крестьян из деревни Синоки крадучись пробирались по полям, перебегая от укрытия к укрытию, чтобы не попасться на глаза передовым дозорам западного войска.

– Пропустите нас к князю Иэясу! Спешная и важная новость! – закричали они, едва добравшись до ставки на холме Комаки.

Ии Хёбу проводил их в шатер Иэясу. За несколько минут до того Иэясу разговаривал с Нобуо, а после его ухода достал из-за пазухи рукопись Конфуция и принялся молча читать, не обращая внимания на дальнюю ружейную стрельбу.

Иэясу был на пять лет моложе Хидэёси, в этом году ему исполнилось сорок два. Лучший возраст для военачальника. Вид у Иэясу был столь кротким и добродушным, тело таким рыхлым, а кожа такую нежной, что посторонний мог усомниться в том, что перед ним человек, испытывавший столь много, полководец, которому приходилось бросать в бой войско одним взглядом.

– Кто там? Наомаса? Войди.

Отложив в сторону Конфуция, Иэясу повернулся к вошедшим.

Двое крестьян рассказали, что нынешним вечером отряды войск Хидэёси покинули Инуяму и устремились на Микаву.

– Ты хорошо потрудился, – сказал Иэясу. – И будешь достойно вознагражден!

То же он повторил другому крестьянину.

Сейчас его чело подернулось тревогой. Если враг решил взять Окадзаки, то тут ничего не поделаешь. Самому Иэясу не пришло в голову, что враг способен оставить поле боя у холма Комаки, чтобы обрушиться на его родную провинцию Микава.

– Позовите Сакаи, Хонду и Исикаву. Велите, чтобы пришли немедленно, – хладнокровно распорядился Иэясу.

Он велел троим военачальникам взять на себя командование войском на холме Комаки, пока его здесь не будет. Возглавив ударный отряд отборных воинов, он намеревался броситься вдогонку за войском Сёню.

Как раз в это время в ставку Нобуо прибыл с докладом деревенский самурай. Когда Нобуо доставил этого человека к Иэясу, князь созвал на совет всех военачальников.

– Вот и вы, князь Нобуо! Что ж, погоня за Сёню наверняка выльется в крупную стычку, а без вас не стоит и ввязываться в бой, ибо это потеряет смысл.

Иэясу поделил войско преследования, насчитывающее пятнадцать тысяч девятьсот человек, на два отряда. Первым из них бросился вдогонку за врагом четырехтысячный отряд Мидзуно

Гадасигэ.

В ночь на восьмое больший из двух отрядов покинул холм Комаки. Его возглавляли Иэясу и Нобуо. Войско переправилось через реку Сэнаи. Вражеские войска во главе с Нагаёси и Кютаро находились в деревне Камидзё на расстоянии всего в два ри от преследователей.

Когда призрачным бледным светом залило орошенные рисовые поля и мелкие ручьи, стало ясно, что скоро начнет светать. На всем вокруг еще лежали резкие черные тени, а небо было застлано темными тучами, жавшимися к земле.

– Вот они!

– Всем лечь! Лечь наземь!

Фигуры воинов из отряда преследования замелькали, торопливо прячась от взора противника, среди побегов риса, в густом кустарнике, под сенью деревьев, во впадинах почвы. Напрягая слух, воины могли слышать грозную поступь западного войска, идущего сплошной черной массой по единственной здешней дороге, исчезающей среди деревьев дальнего леса.

И вновь, разбившись надвое, преследователи устремились за противником, оставаясь для него невидимыми и неслышными. Они шли по пятам за четвертым отрядом западного войска под началом Миёси Хидэцугу.

Так складывалась судьба отрядов утром девятого числа четвертого месяца. Человек, которому Хидэёси поручил столь важное дело и который доводился ему племянником – Хидэцугу, – до самого рассвета не догадывался, что за ним гонятся.

И хотя во главе передового отряда Хидэёси поставил рассудительного и упрямого Хори Кютаро, именно Хидэцугу он назначил главнокомандующим. Однако Хидэцугу было всего шестнадцать лет, поэтому Хидэёси приставил к нему двух многоопытных военачальников, поручив присматривать за столь юным полководцем.

Войско еще не оправилось от изнурительного перехода, меж тем как солнце, запыхав в небе, возвестило начало дня. Зная, что люди успели проголодаться, Хидэцугу объявил о привале. Получив походные порции съестного, воины и военачальники опустились на землю, чтобы подкрепиться и отдохнуть.

Здешние места назывались чащами Хакусана, так как на вершине небольшого холма стоял храм Хакусан. Походный стул Хидэцугу водрузили на самую вершину.

– Не осталось ли у тебя воды? – осведомился юноша у одного из военачальников. – У меня пересохло в горле, а фляжка уже пуста.

Взяв фляжку, он выпил все до капли.

– Не следует слишком много пить в походе, – остерег его военачальник. – Наберитесь терпения, мой господин.

Но Хидэцугу не удостоил его взглядом. Многоопытные военачальники, приставленные Хидэёси присматривать за юношей, изрядно злили его. Ему было шестнадцать лет, его назначили главнокомандующим, и он рвался в бой.

– Кто это сюда бежит?

– Это Хотоми.

– Что ему нужно?

Прищурившись, Хидэцугу всмотрелся в даль. Хотоми, командир полка копьеносцев, прибежав, опустился на колени. Он так спешил, что запыхался и еле переводил дух.

– Князь Хидэцугу, дело спешное!

– Что такое?

– Пожалуйста, поднимитесь чуть выше на холм. А теперь смотрите. – Хотоми показал на встающую вдали тучу пыли. – Еще далеко от нас, но они идут! Идут сюда, спускаются с гор на равнину.

– Не буря ли это? Хотя нет... Спереди гуще всего, а сзади – растянута в линию. Это наверняка войско, что же еще?

– Вам решать, мой господин.

– Это враг?

– Трудно допустить иное.

– Постой! Дай убедиться, что это действительно враг.

Хидэцугу по-прежнему держался спокойно. Должно быть, он еще не мог поверить, что перед ним вражеское войско.

Но стоило его приверженцам подняться на вершину холма, и они разом воскликнули:

– Проклятье!

– Я так и думал, что враг пустится за нами в погоню. К бою!

Не дожидаясь распоряжений растерявшегося Хидэцугу, его люди торопливо изготовились отразить нападение. Они мчались так яростно, что комья земли и клочья травы летели из-под копыт лошадей. Земля тряслась, кони ржали, воины громко и возбужденно перекликались. За считанные мгновения, встав в боевые порядки, воины Токугавы обрушили на противника град стрел и пуль, не давая ему сопротивляться.

– Огонь!

– Лучники, залп!

– Смерть врагам!

Уловив смятение, охватившее вражеский стан, всадники и копьеносцы Токугавы кинулись в схватку.

– Защищайте князя! Тесните врага!

Невразумительно и истошно кричали вассалы, столпившиеся вокруг Хидэцугу. Им хотелось лишь ускользнуть от смерти.

Меж тем отовсюду – из-за деревьев и кустов, с дороги и по бездорожью – на них обрушивались все новые полчища вражеских воинов. Воины западного войска дрогнули, кучка людей вокруг юного князя оказалась окруженной со всех сторон, и возможности спастись для них уже не было.

Хидэцугу, дважды или трижды легко раненный, отважно сражался, отбиваясь от противника копьем.

– Вы здесь, мой господин?

– Торопитесь! Отступайте! Бегите!

Чуть ли не браня своего безрассудно храброго князя, люди Хидэцугу отчаянно отбивались и гибли один за другим. Киносита Кагэю заметил, что в пылу сражения Хидэцугу остался без коня и сражается в пешем строю.

– Князь! Вот конь! Не жалейте его! Мчитесь отсюда не оглядываясь!

Отдав Хидэцугу своего коня, Кагэю воткнул древко знамени в землю и начал прокладывать себе дорогу мечом в гуще противника. Вскоре он был убит. Хидэцугу закинул руку на загривок коня, но прежде чем успел взобраться в седло, животное было сражено пулей.

– Коня мне!

В беспорядочной свалке боя Хидэцугу вдруг увидел поблизости нескольких конных воинов своего отряда. Один из них круто развернулся в его сторону и сверху вниз посмотрел на юного князя:

– Что случилось, мой повелитель?

– Отдай мне коня!

– В дождливый день никто не отдаст другому свой зонтик, верно? Нет, мой господин, я не отдам своего коня. Даже по вашему приказу – не отдам!

– Почему?

– Потому что вы хотите бежать, а я – сражаться до конца!

Грубо отказав князю, самурай устремился в гущу схватки. Укрепленный у него на спине бамбуковый шест с боевым знаком упруго рассекал воздух.

– Мерзавец! – выругался Хидэцугу, провожая его взглядом.

Он прочел в глазах всадника, что для него жизнь юного князя ничтожней, чем бамбук на обочине. Глядя вслед наглецу, Хидэцугу заметил, что тот и впрямь ринулся в схватку. В это время несколько воинов из разрозненных частей кто с копьем, кто с длинным мечом, кто с мушкетом увидели Хидэцугу и закричали, чтобы он немедленно остановился.

– Туда нельзя, мой господин! В той стороне вы попадете в руки врагов!

Поравнявшись с юным князем, воины окружили его и совместными усилиями попробовали пробиться к спасительному берегу реки Канарэ.

По дороге им удалось поймать ничейного коня, и Хидэцугу сел в седло. Удалившись от места сражения, они хотели передохнуть в местечке Хосоган, но вновь подверглись нападению, с трудом отбились, вышли из боя и пустились в бегство в сторону Инабы.

Так был разбит четвертый отряд. Третий отряд под командой Хори Кютаро насчитывал свыше трех тысяч воинов. Войска шли на расстоянии в полтора ри друг от друга, и через вестовых между ними поддерживалась постоянная связь, поэтому, стоило четвертому отряду встать на привал, точно так же поступал и третий, и так далее. То же самое происходило и в обратном направлении.

Кютаро внезапно поднес руку к уху и прислушался.

– Похоже, я слышу стрельбу.

В это мгновение к нему в лагерь на взмыленном коне ворвался один из приверженцев Хидэцугу.

– Нас разгромили. Войско разбито силами Токугавы. Неизвестно, в безопасности ли князь Хидэцугу. Немедленно развернитесь и поспешите к нам на помощь! – взмолился он.

Кютаро был изумлен, но, сохранив самообладание, мгновенно собрался с мыслями:

– Ты гонец князя?

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Если ты не гонец, то почему ты здесь? Бежал с поля боя?

– Нет! Я прибыл, чтобы оповестить вас. Не знаю, трусость это или нет, но дело неотложное. Надо немедленно сообщить о происшедшем Нагаёси и Сёню. Я еду к ним.

Сказав это, он хлестнул коня и исчез, устремившись в расположение второго отряда.

– Если вместо гонца новости доставил самурай, значит, замыкающий отряд и вправду разбит.

Пытаясь совладать с собой, Кютаро несколько мгновений сидел неподвижно. Потом крикнул:

– Все сюда! – Поняв, что произошло, его люди обступили военачальника. Лица у всех были смертельно бледны. – На нас собирается напасть войско Токугавы. Не тратьте пуль на выстрелы издали. Дождитесь, подпустите противника на шестьдесят сяку, потом открывайте огонь. – Распорядившись насчет совместных действий в бою, Кютаро коротко добавил: – За голову каждого врага я выплачу по сто коку.

Кютаро не зря пытался воодушевить воинов неслыханной наградой. Воины Токугавы, только что сокрушившие корпус Хидэцугу, яростно рвались в бой, не считаясь с потерями. Их боевой дух был так высок, что страшил даже собственных военачальников.

Кони заходились в пене, лица людей пылали решимостью, доспехи были покрыты кровью и пылью. Воины Токугавы подходили все ближе. Все пристальней, все напряженней следил за их

приближением Кютаро. Вот он отдал приказ:

– Огонь!

Грянул мощный залп, в небо взвилась туча порохового дыма. Поскольку в те времена у ружей были кремневые замки, на перезарядку даже у искусных стрелков уходило время в пять или шесть вздохов. Поэтому стрельба велась двумя шеренгами: пока в первой перезаряжали, вторая стреляла. Так удавалось обрушивать на противника почти непрерывный огонь. Ряды нападающих дрогнули перед огневой мощью западного войска. Множество убитых упало на землю, пороховой дым заволок все вокруг.

– Они стреляют!

– Стойте! Назад!

Военачальники Токугавы приказали отступить, но им не удалось укротить разъяренное воинство.

Кютаро понял, что миг настал, и отдал приказ – перейти в наступление. И боевой дух, и численность войск говорили, что победа клонится на сторону западного войска, хотя в пылу сражения мало кто об этом думал. Воины, только что одержавшие блистательную победу над отрядом Хидэцугу, теперь один за другим рушились наземь, повторяя судьбу разгромленного противника.

Отряд копьеносцев Хори Кютаро славился во всем войске Хидэёси как отборная часть. Трупы вражеских воинов, пронзенных знаменитыми копьями, лежали повсюду, и о них спотыкались кони, на которых пытались спастись бегством предводители отрядов. И все же людям Токугавы удалось бежать, на полном скаку отбиваясь длинными мечами от неумолимых копий воинов Кютаро.

Сокрушительный удар

Долину Нагакутэ застилала низкая пелена порохового дыма. Пахло кровью и трупами. Когда взошло солнце, долина заиграла всеми цветами радуги.

В здешних местах воцарился мир, однако воины, разгоряченные битвой, устремились в Ядзако. Они застлали землю, словно тучи небо перед вечерним дождем. Бегство влечет за собой преследование, преследование приводит к новым разрушениям и истреблению.

Преследуя войско Токугавы, Кютаро владел собой и был осторожен.

– Не стоит ожидать подхода тыловых войск. Идите круглым путем через Инокоиси и преследуйте их по двум главным дорогам.

Один из полков оторвался от главного войска и пошел по круглой дороге. Шестьсот всадников бросились вдогонку за отступающим противником. Число убитых и тяжелораненых, брошенных отступающими на обочине, перевалило за пять сотен, но и ряды преследователей заметно таяли.

Хотя основное войско ушло далеко вперед, двое воинов, оставшихся в живых среди бесчисленного множества трупов, вступили в отчаянный поединок, сперва на копьях, а затем, отбросив это громоздкое и неуклюжее оружие, обнажили мечи. Они сходились, расходились, падали наземь, поднимались на ноги. Они вели свое – отдельное ото всех – нескончаемое сражение. В конце концов одному из них удалось отсечь противнику голову. С ликующим, почти безумным кличем победитель кинулся догонять соратников, скрылся в испарениях, исходящих от мертвых тел и крови, и, сраженный шальной пулей, погиб, так и не успев догнать свой полк.

Кютаро кричал на воинов громовым голосом:

– Не увлекайтесь погоней! Гэндза! Момоэмон! Остановите войско! Прикажите прекратить преследование!

Несколько приверженцев помчались в первые ряды преследователей, чтобы остановить их. Это им, хотя и не без труда, удалось.

– Назад!

– Всем собраться у знамени!

Хори Кютаро спешил и, свернув с дороги, поднялся на невысокий утес. Отсюда было далеко видно во все стороны. Он пристально всмотрелся в даль.

– Он не заставил себя долго ждать, – пробормотал Кютаро.

Судя по выражению его лица, опьянение победой уже миновало. Обернувшись к приближенным, он предложил им посмотреть в ту же сторону.

На западе, на небольшой возвышенности у подножия горы Фудзиганэ, что-то ослепительно сверкало под яркими лучами утреннего солнца.

Что же это такое? Уж не знамя ли князя Иэясу с изображением золотого веера? Кютаро заговорил громко, но в голосе его прозвучала невыразимая горечь:

– Прискорбно говорить об этом, но у нас нет ни малейшей возможности справиться с таким войском. Оно слишком многочисленно. Наше дело закончено.

Развернув войско, Кютаро начал быстрое отступление. В это время к нему прибыли четверо вестовых из первого и второго корпусов. Примчавшись со стороны Нагакутэ, они бросились на поиски командующего.

– Вам приказано идти на соединение с передовыми частями. Приказ отдан самим Сёню.

Кютаро сухо отказался выполнять приказ:

– Это невозможно. Мы отступаем.

Вестовые не могли поверить собственным ушам.

– Сражение только начинается! Разверните войско и выполните приказ! Немедленно! – потребовали они, повышая голос.

Теперь повысил голос и сам Кютаро:

– Если я сказал, что отступаю, значит, я отступаю! Нам надо убедиться, что князь Хидэцугу жив и невредим. Кроме того, более половины моих воинов ранены – бросившись в сражение со свежими силами противника, мы будем мгновенно разгромлены. Я не таков, чтобы вступать в сражение, заранее зная, что буду повержен. Можете передать это Сёню! Да и Нагаёси тоже!

Сказав это, он помчался прочь.

Корпус Хори Кютаро столкнулся с Хидэцугу и остатками его корпуса в окрестностях Инабы. Затем, запалив деревенские хижины вдоль дороги, они выиграли время, сумели оторваться от преследующих полков Токугавы и в конце концов еще до заката возвратились в ставку Хидэёси в Гакудэне.

Посланцы командующих первым и вторым корпусами, увидев такое неподчинение приказу, пришли в ярость.

– Позор! Какая трусость! Удрать в ставку, бросив на произвол судьбы попавших в отчаянное положение союзников!

– Он сошел с ума!

– Сегодня Кютаро показал, каков он на самом деле. Если нам суждено вернуться живыми, мы будем презирать его до конца дней!

Взбешенные самураи, нахлестывая коней, помчались в свои почти полностью окруженные противником корпуса.

И впрямь, два корпуса под командованием Сёню и Нагаёси представляли собой легкую добычу для Иэясу. Что же касается самого Иэясу и его грозного противника Хидэёси, то они отличались друг от друга не только способностями, но и человеческими качествами. Решающее сражение между ними походило на поединок двух прославленных мастеров борьбы сумо: каждый из них прекрасно изучил другого и читал его мысли. Хидэёси и Иэясу давно поняли, что события в стране рано или поздно примут именно такой оборот, и каждый из них, будучи осторожным и предусмотрительным, понимал: враг не таков, чтобы повергнуть его благодаря дешевой хитрости или показному приему – жаль отважных и самоотверженных воинов, которые полагаются лишь на свою ярость. Такие воины рвутся в бой как одержимые, не считаясь ни с собственными силами, ни с замыслами и возможностями противника.

Водрузив походный стул на горе Рокубо, Сёню осмотрел более двухсот вражеских голов, доставленных из крепости Ивасаки.

Было утро, первая половина часа Дракона. Сёню не имел ни малейшего представления, что за несчастье разразилось у него в тылу. Любуясь дымящимися развалинами вражеской крепости, он предавался естественной радости, которая с легкостью опьяняет любого воина.

После того как отрубленные головы вражеских воинов были осмотрены и отличившимся воинам воздано по заслугам, Сёню приказал отдыхать и готовить пищу. Насыщаясь скудными походными запасами, воины время от времени посматривали на северо-запад. И вдруг нечто в той стороне привлекло внимание самого Сёню.

– Послушай, Тангэ, что это там в небе? – спросил он.

Военачальники, окружающие командующего, поглядели на северо-запад.

– Не враг ли это двинулся на нас? – неуверенно предположил один из них.

Тем не менее отдых продолжался. Но тут они услышали перепуганные крики, доносившиеся от подножия холма, на котором восседали.

Пока они недоумевали насчет происходящего, к ним примчался вестовой от Нагаёси.

– Нас застигли врасплох! Враг напал сзади! – выкрикнул самурай, едва успев простереться ниц перед командующим.

Военачальники содрогнулись, словно им под доспехи внезапно ворвался ледяной ветер.

– Что ты хочешь сказать? Что значит – напал сзади? – спросил Сёню.

– Вражеское войско атаковало с тыла князя Хидэцугу.

– Только с тыла?

– Они внезапно напали и в лоб, и с тыла.

Сёню резко поднялся. Прибыл второй гонец от Нагаёси.

– Нельзя терять времени! Прикрытие князя Хидэцугу полностью уничтожено.

На холме начался переполох, послышались отрывистые команды и топот множества ног, разом устремившихся к подножию.

На затененном склоне горы Фудзиганэ боевое знамя с золотым веером ослепительно сверкало над головами воинов Токугавы. В символическом веере было нечто колдовское, и от вида его в дрожь поневоле бросало каждого воина западного войска, находящегося на равнине.

Чрезвычайно велико различие в состоянии духа наступающей армии и отступающей. Нагаёси, возвышаясь в седле и яростными криками подбадривая воинов, выглядел как приговоренный к смерти. На нем были черные кожаные доспехи, прошитые синей нитью, и плащ из златотканой белой парчи. Оленьи рога украшали шлем, который он носил откинутым на плечи. Его голова была в белых повязках от недавних ран.

Второй корпус встал на привал в Оусигахаре. Едва узнав о погоне, предпринятой войском Токугавы, Нагаёси стал воодушевлять воинов, кидая яростные взгляды на знамя с золотым веером.

– Этот человек – достойный противник, – произнес Нагаёси. – Сегодняшней победой я не только смою пятно позора за неудачу под Хагуро. Сегодняшней победой я избавлю от бесчестья своего тестя, опозоренного моим поражением.

Нагаёси надеялся в схватке вернуть себе доброе имя. Он был красивым мужчиной и – в доспехах смертника – слишком видным для того, чтобы погибнуть.

– Извещены ли войска в тылу?

Только что возвратившийся вестовой поравнялся с военачальником, сдержал коня и начал докладывать.

Нагаёси слушал доклад, держа поводья и глядя перед собой.

– Что происходит на горе Рокубо? – поинтересовался он.

– Войско приведено в боевой порядок. Они выступают следом за нами.

– Что ж, хорошо! Передай Кютаро, командующему третьим корпусом, что первый и второй корпуса, объединив усилия, продвигаются навстречу Иэясу на гору Фудзиганэ. Ему следует выдвинуться в том же направлении, чтобы прийти на помощь.

Стоило вестовому умчаться прочь, как мимо расположения второго корпуса проскакали гонцы из первого. У них был точь-в-точь такой же приказ для военачальника Кютаро, отданный Сёню.

Но Кютаро отказался выполнить приказ, и гонцы в ярости помчались обратно. К тому времени, как Нагаёси получил их донесения, его войско уже прошло заболоченной низиной между гор и начало подъем на вершину Гифугадакэ в поисках удобного расположения. Знамя Иэясу с золотым веером развевалось у них перед глазами.

Здесьняя местность была неровной. В отдалении вилась скрытая от взора горами тропа, ведшая на широкую равнину Хигаси Касугаи через несколько долин поменьше. Далеко на юге виднелась дорога на Микаву, от которой отходило ответвление на Окадзаки.

Половину кругозора загораживали горы – не настоящие крутые громады, но гряда пологих

холмов. Весна была на исходе, и ветки деревьев покрылись красноватыми почками.

Вестовые то прибывали, то убывали, но Сёню и Нагаёси понимали теперь друг друга без слов. Шеститысячное войско Сёню разделилось на два отряда. Примерно четыре тысячи воинов устремились на север и затем, выйдя на возвышенность, развернулись лицом на юго-восток. Войсковое знамя и другие стяги показывали участникам предстоящей схватки, что этот отряд возглавили двое сыновей Сёню – старший, Юкискэ, и средний, Тэрумаса.

Так выглядел правый край сражения. А на левом заняли позиции на Гифугадакэ три тысячи воинов под командованием Нагаёси. Еще две тысячи воинов составили запасный полк. Выстроив его журавлиным клином, Сёню водрузил знамя в середину своего боевого порядка.

– Посмотрим, что предпримет Иэясу, – сказал он себе.

Солнце в небе напоминало, что пошла вторая половина часа Дракона. Быстро летело время или еле-еле тянулось? В такие дни, как этот, время изменяет привычный ход. У всех пересохло в горле, однако о питье никто не помышлял.

Необычайная тишина отозвалась в сердцах глухой дрожью. Пролетая над долиной, дико вскрикнула одинокая птица. Все остальные вознеслись в дышащие покоем горы, оставив людей сражаться друг с другом в долине.

Иэясу был сутуловат. После сорока он заметно располнел и, даже облачившись в доспехи, выглядел неловким. Шея почти отсутствовала, что еще более подчеркивалось тяжелым, богато украшенным шлемом. Обе руки – правая, сжимающая полководческий жезл, и левая – покоились на коленях. Он сидел на самом краешке сиденья, широко расставив ноги и склонившись вперед, что лишало его спокойного достоинства.

Увы, именно так он держался всегда – даже в присутствии гостей или на прогулке в паланкине. Иэясу был не из тех, кто расхаживает гордо выпятив грудь. Его соратники не раз намекали, что неплохо бы ему поучиться владеть телом и освоить принятые позы. Иэясу в ответ неопределенно кивал. Но однажды вечером, разговорившись с подданными, он поведал о своем прошлом:

– Я вырос в бедности. С шестилетнего возраста я был отдан заложником в чужой клан, и все, кого мне доводилось видеть вокруг, имели куда больше прав, чем я. Поэтому я в детстве привык держаться скованно даже в обществе своих сверстников. Еще одна причина моей дурной осанки в том, что, постигая науки в храме Риндзаи, я читал книги, так низко склонившись над ними, что со стороны мог сойти за горбуна. Меня все время преследовала навязчивая мысль: когда-нибудь меня освободят или отпустят из клана Имагава, в котором я был заложником, и тогда мое тело вновь будет принадлежать только мне. А играть, как другие дети, я не умел.

Казалось, Иэясу никогда не сможет забыть то время, которое он провел в заложниках у клана Имагава. С годами в его свите не осталось ни одного приверженца, которому не доводилось бы неоднократно выслушивать рассказы Иэясу о жизни в заложниках.

– Но, – продолжал он свой рассказ, – по тому, что рассказывал мне Сэссай, жрецы и монахи судят о человеке в большей мере по его плечам, нежели по лицу. Сэссай утверждал, что, посмотрев на чьи-нибудь плечи, можно определить, испытал этот человек просветление или нет. Слушая, я присматривался к плечам самого настоятеля, а они были круглыми, рыхлыми и покатыми. Если человек возмечтал вместить в свою грудь всю вселенную, ему не подобает выпячивать ее. Исходя из узанного, я стал считать свою осанку не такой уж скверной.

Избрав ставкой гору Фудзиганэ, Иэясу восседал на походном стуле, хладнокровно осматриваясь по сторонам.

– Что вон там – не Гифугадакэ ли? Тогда это, должно быть, войска Нагаёси. Я уверен, что Сёню ни заставит себя долго ждать. Вот-вот покажется из-за той горки или вот из-за этой. Ну-

ка, лазутчики, быстро узнайте, что там происходит.

Лазутчики ушли, затем вернулись и доложили Иэясу, что им удалось разузнать. Сведения о расположении вражеских войск и отдельных отрядов были обрывочными. Выслушав донесения, Иэясу изложил свой план предстоящего сражения.

Наступал час Змеи. Уже почти два часа прошло с тех пор, как на холмах появились первые вражеские знамена.

Иэясу не терял самообладания:

– Сиродза, Хадзюро, подите-ка сюда.

Не меняя позы, Иэясу оглядывался по сторонам, вид у него был умиротворенный.

– Да, мой господин?

Оба самурая предстали перед ним. Их железные доспехи громыхали на ходу.

Иэясу предложил им высказать, что они думают насчет разницы между тем, что обозначено на карте, и что в действительности предстало перед глазами.

– Поразмыслив, я заключил, что отряд Сёню под Кобэхадзамой должен состоять из самых испытанных воинов. В зависимости от того, какой путь они выберут, наши позиции здесь, на Фудзиганэ, могут оказаться выгодными или крайне невыгодными.

Один из самураев, указав в сторону горных вершин на юго-востоке, ответил:

– Если вы задумали решающее сражение и готовы бросить войско врукопашную, то, мне кажется, наши знамена лучше перенести туда, к подножию.

– Верно! Туда – и поскорее!

С подобной стремительностью принимал Иэясу важные решения. Сразу после получения приказа войско перешло на новые позиции. От подножия до ровного склона, на котором находился враг, было рукой подать.

Краткий переход по низине Карасухадзама разделял два войска. Воинам были видны лица врагов, ветер доносил даже голоса.

Иэясу еще раз утвердил позицию каждого из полков, а сам переместился туда, откуда удобнее было наблюдать за предстоящей битвой.

– Передовым отрядом у нас сегодня командует Ии, – сказал Иэясу. – Алые Плащи – впереди!

– Выглядят они хорошо. Кто знает, как будут драться.

Ии Хёбу было двадцать три года. Все знали, как высоко ценил молодого воина Иэясу. До сегодняшнего дня Ии неизменно находился рядом с князем среди высших военачальников. Но Иэясу считал, что этого молодому самураю при его выдающихся способностях мало. Сегодня он поручил Ии возглавить отряд в три тысячи воинов, причем на самом опасном участке. Такое доверие давало Ии возможность или стяжать великую славу, или навсегда покрыть себя позором.

– Сегодня ничто не помешает тебе доказать свою отвагу, – сказал ему Иэясу.

Однако Ии был так молод, что Иэясу из предосторожности придал ему в помощники двух опытных военачальников.

– Слушай советы этих мудрых людей, – добавил он.

Братья Юкискэ и Тэрумаса осматривали позиции Алых Плащей, стоя на плато Танодзири в южной части равнины.

– А ну, покажите этим одетым в красное парням, что такое настоящая битва, – приказал Юкискэ.

Во исполнение приказа братья бросили в бой из засады двести или триста отборных воинов и повели в лобовую атаку ударный отряд в тысячу воинов. Бой начался с перестрелки. Стоило

воинам братьев Икэда произвести первый залп из мушкетов, как предгорья прямо напротив них дрогнули от мощного ответного залпа, пороховой дым взвился к небу. Когда дым рассеялся, Алые Плащи под командованием Ии бросились на равнину. Навстречу им рванулись всадники в черных доспехах и пешие воины. Расстояние между цепями быстро сокращалось, и два отряда копьеносцев сошлись в яростной рукопашной.

Истинный героизм на поле боя в те времена встречался чаще всего, если сходились друг с другом копьеносцы. Более того, именно действия копьеносцев предопределяли исход боя.

В схватке воинам под командой Ии удалось сразить несколько сотен врагов. Но и Алые Плащи вышли из боя не без потерь: немало приверженцев Ии осталось лежать бездыханными на поле брани.

В то же время Икэда Сёню еще раз продумывал общий план сражения. Он увидел, что корпус под командованием его сыновей ввязался в рукопашную с Алыми Плащами и что сражение с каждой минутой становится ожесточеннее.

– Покажите доблесть! – обернувшись, командовал Сёню.

Двести воинов, полные решимости победить или умереть, давно томились в засаде, держа копья наперевес и дожидаясь, когда их бросят в атаку. Едва услышав приказ, они в едином порыве устремились на Нагакутэ. Сёню было свойственно избирать непривычный для противника способ ведения боя даже в таком сложном положении, как нынешнее. Его воины в наступлении окружили Нагакутэ и вражеских воинов, оставшихся там после того, как слева Токугава прорвался далеко вперед. Замысел Сёню заключался в том, чтобы поразить вражеские порядки в самое сердце – туда, где менее всего ожидали нападения и готовились отразить его. Его целью было убить или взять в плен вражеского главнокомандующего – князя Токугаву Иэясу.

Однако замысел не увенчался успехом. Замеченные воинами Токугавы, прежде чем им удалось добраться до места, отборные отряды Сёню наткнулись на сильный мушкетный огонь и были остановлены в заболоченной местности, откуда трудно было и отступить, и двинуться вперед. Обреченные оставаться на месте, они несли под ружейным огнем невероятные и неизбежные потери.

Нагаёси, наблюдая с вершины Гифугадакэ за событиями на поле сражения, прицелкнул языком.

– Их бросили в бой слишком рано, – посетовал он. – Откуда такое нетерпение у моего тестя? Это совсем на него не похоже.

В нынешней битве младший из двух военачальников раз за разом оказывался осторожней и дальновидней, чем старший. Строго говоря, Нагаёси был в этот день готов умереть. Не отвлекаясь на другое, он неотрывно следил за человеком под знаменем с золотым веером, что реяло на холме прямо перед ним.

«Если бы мне только удалось убить Иэясу», – думал он. Иэясу в свою очередь пристально следил за Гифугадакэ – пристальней, чем за другим, – понимая, что боевой дух Нагаёси и его воинов чрезвычайно высок. Узнав из донесения лазутчика, что Нагаёси облачился в доспехи смертника, Иэясу предупредил приверженцев, что необходима величайшая осторожность.

– Сегодня Нагаёси в доспехах смертника. Для самурая это равно решимости умереть. Будьте во всеоружии бдительности – сам бог смерти может встать за спиной Нагаёси.

Начало битвы для обеих сторон оказалось тяжелым испытанием. Нагаёси следил за малейшими перемещениями войск противника, чувствуя, что если сражение под Танодзири разгорится во всю мощь, то Иэясу наверняка не останется в стороне. Он бросит в бой подкрепления, а возможно, возглавит их сам. Этим мгновением и воспользуется Нагаёси для смертельного удара.

Но Иэясу было нелегко обвести вокруг пальца.

– Нагаёси – самый яростный из наших противников. Если его не видно и не слышно, значит, он что-то затевает.

Положение дел под Танодзири обмануло надежды Нагаёси. С поразительной быстротой обозначились признаки поражения братьев Икэда. В конце концов Нагаёси решил: больше ждать нельзя. Как раз в это мгновение знамя с золотым веером, остававшееся до сих пор невидимым, взметнулось ввысь у подножия холма, где была ставка Иэясу. Половина его войска устремилась к Танодзири, тогда как вторая половина с устрашающими криками рванулась в сторону Гифугадакэ.

Корпус Нагаёси встретил их упорным сопротивлением. Едва завязалось сражение, низина Карасухадзамы окрасилась кровью.

Непрерывно гремела пальба из мушкетов. Отчаянная схватка кипела в узком ущелье между двумя холмами. Ржание лошадей, лязг длинных мечей и стук копий доносились с обеих сторон теснины. Воины перед началом поединка выкрикивали свои имена, и их грозные голоса сотрясали землю и небо.

Вскоре на всем пространстве, где шло сражение, не осталось ни одного не вступившего в бой отряда, ни одного военачальника или воина, который не бился бы не на жизнь, а на смерть. Едва казалось, что победа клонится на одну сторону, как начала одолевать другая. Попавшие в безнадежное положение отряды в едином порыве наवरстывали упущенное и брали верх над врагом. Никто не знал, чьей будет победа, – долгое время битва шла вслепую.

Убитые падали наземь, тогда как другие победно провозглашали над ними свои имена. Немногих покинувших поле битвы раненых одни проклинали трусами, другие хвалили за отвагу. Видевший сражение со стороны понял бы, что каждый воин, устремляясь навстречу вечности, огнем и мечом кует собственную судьбу, не похожую на другую.

Стыд не давал Нагаёси помыслить о том, чтобы живым и невредимым выйти из пламени сражения и возвратиться в повседневный мир. Вот почему он облачился в доспехи смертника.

– Я сражусь с Иэясу! – поклялся он себе.

Когда в битве боевые порядки расстроились, Нагаёси призвал сорок или пятьдесят самураев и с ними попытался прорваться к знамени с золотым веером.

– Назад!

Так встретил его один из самураев Токугавы.

– Это Нагаёси! Хватайте его!

– Он в белой повязке! Он мчится на всем скаку!

Живая волна тяжеловооруженных воинов нахлынула на Нагаёси, пытаясь остановить его, но была отброшена, смята, затоптана конскими копытами, захлебнулась собственной кровью.

За нею – другая.

Но вот пуля, выпущенная из мушкета – а во всадника в белой повязке палили из сотни мушкетов, – попала ему между глаз.

Белая повязка, окутывающая голову Нагаёси, от крови стала ярко-алой. Вывалившись из седла, падая на спину, он успел окинуть последним взглядом синее небо четвертого месяца и горы – и вот двадцатилетний герой рухнул наземь, не выпуская из рук поводьев. Хякудан, любимый конь Нагаёси, взвился на дыбы и издал пронзительно-горестное ржание.

Единым вздохом отозвались самураи Нагаёси на гибель своего военачальника. Бросившись к нему и подняв тело себе на плечи, они отступили на вершину Гифугадакэ. Воины Токугавы устремились вдогонку, стремясь раздобыть доказательство своего успеха и яростно крича:

– Голову! Добудем его голову!

Воины, лишившиеся предводителя, с трудом удерживались от слез. Но печальное

выражение на их лицах сменилось ожесточением. Развернувшись лицом к противнику, они встретили его частоколом копий. Им удалось уберечь от самураев Токугавы тело Нагаёси. Весть о том, что он пал смертью храбрых, подобно ледяному ветру пронеслась по полю битвы. Победы и поражения, особенно частные, естественным образом сменяют друг друга, но эта потеря означала невосполнимый урон для воинства Сёню.

Выглядело это так, словно муравейник ошпарили кипятком: сотни воинов бросились врассыпную.

– И этих людишек мы называли своими союзниками! – презрительно крикнул Сёню, выбравшись на высокое место. Хотя никому из окружающих было сейчас не до противоборства с врагом, он яростно обрушился на немногих, кто мчался, спасаясь бегством, ему навстречу. – Я здесь! Не покрывайте себя позором! Не смейте отступать! Воины, чему вас учили? Назад! Назад! Назад! Надо сражаться!

Но воины в черных повязках, потеряв голову от страха, бежали и мчались мимо него, не думая останавливаться. О самом Сёню позаботился только невзрачный оруженосец не то шестнадцати, не то пятнадцати лет. Размахивая руками, он пробивался туда, где Сёню стоял, крича на бегущих воинов.

Оруженосец поймал оставшуюся без седока лошадь и подвел ее военачальнику.

– Конь мне больше не понадобится. Подай сюда мой походный стул.

Оруженосец выполнил приказ, и Сёню сел.

– Сорок восемь лет я прожил на свете, а теперь мне пришел конец, – пробормотал он под нос. Глянув на юного оруженосца, Сёню обратился к нему: – Ты ведь сын Сираи Тангэ, верно? Думаю, твои отец и мать ждут тебя не дождутся. Беги отсюда со всех ног! Беги в Инуяму! Смотри, пули свистят все ближе! Беги отсюда! Да побыстрее!

Прогнав рыдающего оруженосца, Сёню остался в полном одиночестве и обрел долгожданный покой. Хладнокровным взглядом он окинул в последний раз этот мир.

Вскоре до него донесся шум, напоминающий схватку хищников, и ветви деревьев прямо над головой затряслись. Похоже, кто-то из его самураев еще был жив и бился с врагом.

Сёню чувствовал ломоту во всем теле. Речь шла не о победе или о поражении. Печаль расставания с миром заставила его вспомнить прошлое, на миг ему почудился на губах вкус материнского молока.

Внезапно густые кусты, растущие напротив того места, где он сидел, зашевелились.

– Кто там? – Взор Сёню потемнел от ярости. – Если враг – выходи!

В голосе его был такой смертельный холод, что приблизившийся к нему самурай Токугавы поневоле попятился.

Сёню крикнул снова:

– Значит, ты враг? Если так, возьми мою голову – то будет великий подвиг. С тобой говорит Икэда Сёню!

Самурай, затаившийся в зарослях, поднял голову и посмотрел на восседающего на походном сиденье Сёню. На мгновение его бросило в дрожь, но, совладав с нею, он поднялся на ноги и заговорил дерзким голосом:

– Что ж, хорошая мне досталась добыча. Меня зовут Нагаи Дэмпатири, я самурай из клана Токугава. Готовься к бою! – И он направил на противника копье.

В ответ следовало ожидать от прославленного военачальника искусного и молниеносного удара мечом, но копье Дэмпатири, не встретив сопротивления, вошло в бок Сёню, как игла в глину. Сам Дэмпатири не устоял на ногах после такого мощного удара.

Сёню рухнул, копье пробило его тело насквозь.

– Возьми мою голову! – вновь закричал он.

Даже сейчас в руке у него не было меча. Он сам накликал свою смерть, сам предложил врагу взять свою голову. Дэмпати́ро от неожиданности растерялся, но когда понял, какие именно чувства владеют поверженным вражеским военачальником и почему он решил умереть именно так, то был настолько потрясен, что едва не разрыдался.

– О! – только и сумел выдохнуть он.

Но Дэмпати́ро был сейчас настолько вне себя от радости, что ему досталась столь драгоценная добыча, что просто позабыл о дальнейшем.

И тут у него за спиной послышался шум: это поспешали его соратники, каждому из них хотелось взойти на вершину холма первым.

– Меня зовут Андо Хикобэй! Готовься к бою!

– Меня зовут Уэмура Дэнэмон!

– Меня зовут Хатия Ситибэй! Я самурай из клана Токугава!

Каждый из них называл свое имя, чтобы предъявить права на голову Сёню.

Чьим же мечом она была отрублена? Чьи окровавленные руки ухватили ее за косицу и подняли в воздух?

– Я взял голову Икэды Сёню! – закричал Нагаи Дэмпати́ро.

– Нет, я! – воскликнул Андо Хикобэй.

– Голова Сёню принадлежит мне! – заорал Уэмура Дэнэмон.

Лилась кровь, гремели голоса. Схлестнулись три самурайских гордости, три тщеславия. Четверо, пятеро воинов – толпа соперников все прибывала, и вот уже толпой двинулись они прочь, неся на высоко поднятом острие копья отрубленную голову военачальника.

– Икэда Сёню убит!

Клич волной прокатился по полю боя от подножия до низин, заставив воинов Токугавы издать вопль радости.

А воинам из клана Икэда, которым удалось спастись бегством, было сейчас не до возгласов. В одно мгновение они лишились Неба и земли и превратились в сухие листья, уносимые ветром неизвестно куда. Да и где на всей земле было им сейчас искать спасения?

– Не упускайте их! Не оставляйте в живых никого!

– Гонитесь за ними! Перебейте всех!

Победители, охваченные неутолимой жаждой крови, убивали воинов Икэды повсюду, где те попадались им на глаза.

Для тех, кто заранее был готов погибнуть в бою, лишиться другого жизни было так же просто, как оборвать лепестки на срезанном цветке. Сёню убили, Нагаёси пал на поле брани, и воины Токугавы добивали немногих оставшихся в живых под Танодзири самураев Икэды.

Один за другим появлялись в ставке со своей добычей военачальники и бросали ее к подножию знамени с золотым веером.

Иэясу выглядел озабоченным: возвращались немногие.

Этот великий полководец редко выдавал свои чувства. На этот раз его тревожило, что воины Токугавы увлеклись преследованием отступающего врага и оторвались от основных сил. Многие не вернулись даже после призывного сигнала. Должно быть, их опьянила одержанная победа.

Иэясу несколько раз повторил:

– Дело не в том, чтобы громоздить одну победу на другую. Нехорошо стремиться к победе после того, как она одержана.

Он не произносил имени Хидэёси, но, вне всякого сомнения, догадывался, что этот прирожденный стратег уже ткнул пальцем в карту, показывая, как именно следует отомстить за великое поражение, понесенное его войском.

– Длительное преследование всегда опасно. Отправился ли уже Сиродза?

– Да. Получив ваши указания, он немедленно выехал, – ответил Ии.

Услышав об этом, Иэясу отдал еще один приказ:

– Ты тоже ступай, Ии. Останови всех, кто продолжает преследование, и прикажи им немедленно повернуть назад.

Когда преследующие убегающего противника воины Токугавы дошли до реки Яда, они обнаружили там копьеносцев под началом Найто Сиродзаэмона, выстроившихся в ряд вдоль берега с копьями наперевес.

– Стойте!

– Остановитесь!

– Князь приказал прекратить преследование!

Только этими словами и нацеленными в грудь копьями собственных союзников преследователи были остановлены.

По дороге без усталости мчался Ии, обрушивая на головы воинов угрозы и проклятия.

– Наш князь сказал: те, кто опьянен победой и продолжает преследование вопреки приказу, будут по возвращении преданы суду. Назад! Все назад! Немедленно возвращайтесь!

В конце концов воины Токугавы постепенно пришли в себя и вернулись.

Была вторая половина часа Лошади, солнце стояло в зените. Кучевые облака свидетельствовали, что близится лето, шел четвертый месяц. Кровь, грязь и пот покрывали пылавшие лица воинов.

В час Барана Иэясу покинул ставку на склоне Фудзиганэ, переправился через реку Канарэ и осмотрел отрубленные головы врагов у подножия горы Гондодзи.

Битва затянулась на полдня. Все поле было усеяно мертвыми телами. Победители вели подсчет потерь. Западное войско потеряло свыше двух тысяч пятисот человек, тогда как потери Иэясу и Нобуо составляли пятьсот девяносто человек убитыми и несколько сотен тяжелораненых.

– Великую победу мы одержали, и все же нам не следует чересчур упиваться ею, – заметил один из военачальников. – В конце концов, клан Икэда – всего лишь один из корпусов в армии Хидэёси, а нам для победы над ним пришлось снять с холма Комаки и бросить в бой все свое войско. Вместе с тем, поведи мы себя иначе или потерпи поражение, это оказалось бы для нас воистину роковым. Полагаю, лучшее решение теперь для нас – как можно скорей отступить в крепость Обата.

Однако другой военачальник, ссылаясь на потери противника, поспешил возразить:

– Это неверно. Как только почувствуешь вкус победы, надо стремиться в бой и впредь. Таков основной закон войны. Понятно, что, услышав о сокрушительном поражении, Хидэёси разгневется. Наверняка он соберет свои силы в один кулак и устремит его в эту сторону. Не лучше ли нам дождаться его здесь, проведя все необходимые приготовления, чтобы наверняка завладеть головой князя Обезьяны?

Прервав спор, Иэясу повторил:

– Не следует громоздить одну победу на другую. Воины устали. Хидэёси наверняка взбивает дорожную пыль, поспешая сюда, но нам нет надобности ввязываться в новый бой сегодня. Еще слишком рано. Отдохнем и наберемся сил в крепости Обата.

Безотлагательно приняв решение, Иэясу со своим войском прошел южнее чащ Хакусана и еще до заката добрался до крепости Обата.

Введя в крепость войско и заперев ворота, Иэясу впервые за день позволил себе порадоваться одержанной победе. Мысленно воспроизводя ход событий в затянувшемся на полдня сражении, он осознал, что и он сам, и его воины действовали безупречно. Радость

командира или рядового воина заключается в том, чтобы первым отрубить голову противнику или вырвать первое копье из вражеских рук, но тайное удовлетворение к полководцу приходит тогда, когда он осознает, что его дальновидные расчеты оказались правильными, а хитроумные замыслы – осуществленными.

Для этого надо быть истинным мастером военного дела. А истинный мастер безошибочно узнает другого мастера. Поэтому Иэясу непрестанно думал, что же попытается предпринять Хидэёси. Размышляя над этим, князь Токугава внезапно ощутил смертельную усталость и позволил себе ненадолго забыться сном в главной крепости Обата, давая отдых душе и телу.

После того как Сёню вместе с сыном простились с Хидэёси утром девятого числа, он призвал к себе Хосокаву Тадаоки в ставку в Гакудэне и поручил ему, равно как еще нескольким военачальникам, немедленно атаковать холм Комаки. Когда войско отправилось в бой, Хидэёси поднялся на наблюдательную вышку, чтобы следить оттуда за развитием событий. Рядом с ним находился и тоже вглядывался в даль Масуда Дзинэмон.

– Горячность Тадаоки может увести его слишком глубоко в расположение противника.

Увидев, что войско под командованием Хосокавы вплотную подошло к неприятельским укреплениям, Дзинэмон поделился с князем своими опасениями и посмотрел ему в лицо.

– Все будет в порядке. Тадаоки молод и горяч, зато Такаяма Укон человек в высшей степени рассудительный. Если они вместе, то непременно справятся.

Хидэёси думал сейчас о чем-то ином. Как дела у Сёню? Он с нетерпением дожидался добрых вестей от Сёню и не сомневался, что за ними дело не станет.

Примерно в полдень из Нагакутэ примчались несколько всадников. Со скорбью они поведали о трагическом повороте событий: войско Хидэцугу наголову разбито, причем неизвестно, жив или мертв сам юный полководец.

– Не может быть! Хидэцугу? – Хидэёси был неприятно удивлен. Он был не из тех, кто остается невозмутим, услышав об ужасном. – Какая непростительная ошибка!

Эти слова прозвучали упреком не столько Хидэцугу и Сёню, сколько самому себе. И вместе с тем в них невольно слышалась хвала проницательности и уму Иэясу.

– Дзинэмон, – велел Хидэёси, – труби общий сбор.

Хидэёси разослал гонцов в желтых повязках со срочными приказами в части своего войска. Через час двадцать тысяч воинов выступили из Гакудэна в сторону Нагакутэ.

Этот стремительный бросок не укрылся от взоров тех, кто находился в ставке Токугавы на холме Комаки. Иэясу с основным войском ушел, и здешние позиции удерживал малочисленный отряд.

– Похоже, войском командует сам Хидэёси!

Когда Сакаи Тадацугу, один из военачальников, оставленных Иэясу на холме Комаки, услышал о происходящем, он, хлопнув в ладони, произнес:

– Вот тот самый перелом событий, которого мы так долго ждали! Пока Хидэёси отсутствует, мы можем сжечь его ставку в Гакудэне и крепость в Куросэ. Сейчас самое время нанести удар! Все за мной! Предстоит великая битва!

Но Исикава Кадзумаса, другой из доверенных людей Иэясу, возразил:

– Почему вы так спешите, Тадацугу? Полководческое искусство Хидэёси ниспослано ему Небесами. И вы полагаете, что такой военачальник способен оставить вместо себя какого-нибудь никудышного вояку? Это немыслимо! Как бы он ни спешил, так он не поступит!

– Человеку свойственно допускать ошибки, не сообразные его уму и способностям, когда он действует в спешке. Хидэёси созвал полный сбор и отбыл так стремительно, что можно предположить, что его повергла в смятение весть об ужасном разгроме в Нагакутэ. Нам не

следует упускать подвернувшуюся возможность подпалить князю Обезьяне кончик хвоста!

– Слишком беспечный взгляд! – Исикава Кадзумаса рассмеялся и тем еще больше разозлил Тадацугу. – На приемы Хидэёси скорей похоже другое: он наверняка оставил здесь значительное войско, чтобы воспользоваться возможностью, которая возникнет, если мы покинем наши укрепления. Столь малочисленному войску, как наше, смешно высовывать нос наружу.

Раздраженный спором Хонда Хэйхатино гневно поднялся с места:

– Что за речи я слышу? Такие споры подобны пустому сотрясению воздуха. Я не могу сидеть без дела. Прошу прощения – покидаю почтенное собрание.

Хонда был немногословен, но обладал недюжинной силой воли. Тадацугу и Кадзумаса, настаивая на своей точке зрения, увязли в бесконечных прекословиях. И растерянно проводили глазами гневного Хэйхатино.

– Хонда, – спросили они одновременно, – куда вы?

Хонда, повернувшись к ним, произнес главное правило своей жизни:

– Я стал приверженцем нашего господина еще в детстве. В том положении, которое сложилось, мне не остается ничего, кроме как встать с ним рядом.

– Подождите! – Кадзумаса решил, что Хонда потерял самообладание, и поднял руку, стремясь успокоить его. – Князем было приказано удерживать позиции на холме Комаки в его отсутствие. Но он не приказывал вести себя как заблагорассудится. Пожалуйста, успокойтесь.

Попытался успокоить рассерженного воина и Тадацугу:

– Хонда, какой прок будет от того, что вы в одиночестве удалитесь? Смею вас заверить, никакого! Оборона на холме Комаки куда важнее.

Губы Хонды искривила тонкая усмешка, словно ему стало жаль своих простодушных соратников, но заговорил он все же учтиво, потому что собеседники были старше его по возрасту и выше по положению.

– Я не зову с собой остальных. Каждый волен поступать как ему угодно. Но Хидэёси ведет в бой против князя Иэясу свежее войско, и что касается меня, я не в силах оставаться в стороне. Подумайте об этом! Войско нашего господина измотано после ночного и утреннего боев, и если двадцатитысячное войско во главе с Хидэёси воссоединится с остальными силами врага в одновременной атаке в лоб и в спину, если все это произойдет, неужто вам кажется, что наш господин справится с таким натиском? Я смотрю на вещи так: пусть даже мой бросок на Нагакутэ его не выручит и ему суждено погибнуть в бою, – что ж, тогда я намерен умереть вместе с ним. А вас это вовсе не касается.

Этими словами он положил конец пререканиям. Хонда собрал небольшой отряд всего в три сотни воинов и спешно выступил на Нагакутэ. Вдохновленный его мужеством и боевым духом, Кадзумаса также вывел свои две сотни и присоединился к отряду, покидающему холм Комаки.

Менее шестисот человек было в этом отряде, но боевой дух Хонды вел их с тех пор, как они ушли с холма Комаки. Да и много ли сил было у противника – какие-то жалкие двадцать тысяч! И что за полководец князь по кличке Обезьяна?

Пешие воины были легко вооружены, знамена свернуты, коней яростно настегивали. Пыль, взметаемая крошечным воинством, казалась могучим ураганом, устремившимся на восток.

Выйдя на южный берег реки Юсэндзи, они обнаружили, что войско Хидэёси, полк за полком, идет по северному берегу.

– Вот они!

– Знамя с золотыми тыквами!

– Хидэёси едет, окруженный соратниками.

Хонда и его люди мчались по берегу, не сводя глаз с другого, громко переговариваясь и

указывая на того или иного вражеского военачальника пальцем. Все они пребывали в величайшем волнении.

Два войска разделяло столь незначительное расстояние, что если бы людям Хонды вздумалось перейти на крик, то враг мог бы ответить им с другого берега. Видны были лица вражеских воинов, слышна поступь двадцати тысяч воинов и стук бесчисленных подков: шум перелетал через реку и отзывался дрожью в сердце каждого, кто следил за маршем западного войска.

– Кадзумаса! – через плечо окликнул Хонда.

– Да?

– Все ли вы видите на противоположном берегу?

– Да, все. Это огромное войско. Оно так растянулось на марше, что кажется длиннее, чем сама река.

– Узнаю Хидэёси, – рассмеялся Хонда. – Это его ухватки: собрать огромное войско, а затем заставить подчиняться себе так, словно это не полки, а собственные руки и ноги. Конечно, он враг, но нельзя не отдать ему должное.

– Я уже порядочно наблюдаю за ними. Не кажется ли вам, что сам Хидэёси находится поблизости от знамени с золотыми тыквами?

– Нет. Я уверен, что он затерялся в гуще всадников. Не станет он ехать под знаменем, зная, что в любое мгновение его может сразить пуля.

– Враг идет все так же стремительно, но видно, как военачальник подозрительно посматривает на наш берег.

– Нам надлежит сделать вот что. Мы должны задержать Хидэёси на прибрежной дороге во что бы то ни стало, пусть на несколько мгновений.

– Вы считаете, мы должны нападать?

– Нет. У врага двадцать тысяч воинов, у нас всего пятьсот. Если мы бросимся через реку, они уничтожат нас одним ружейным залпом и вся вода покраснеет от нашей крови. Я преисполнен решимости умереть, но не желаю умирать бессмысленно.

– Вот оно что! Значит, вы хотите дать возможность войску нашего господина в Нагакутэ подготовиться к предстоящей битве с Хидэёси?

– Именно так. – Кивнув, Хонда шлепнул рукой по седлу. – Чтобы выиграть время в пользу союзников в Нагакутэ, нам предстоит вцепиться в ноги Хидэёси и замедлить, хотя бы ненадолго, его наступление. Ценой собственной жизни. Вы понимаете, Тадацугу, о чем речь: ценой собственной жизни.

– Да. Я понял.

– Разделите ваших стрелков на три отряда. Не останавливаясь, они смогут в три залпа обстреливать врага на том берегу.

Кадзумаса и Хонда поскакали в одну сторону.

Западное войско быстро продвигалось по другому берегу – стремительней, чем текла река. Воинам Хонды приходилось поспевать за ними, а значит, действовать вдвое быстрее, потому что на ходу они должны были стрелять и перестраивать боевые порядки.

Из-за близости воды грохот ружейной пальбы был громче обычного, пороховой дым окутал поверхность реки белой завесой. Пока одна цепь стрелков делала шаг вперед и давала залп, другая перезаряжала оружие. Затем вторая цепь заступала на место первой и давала новый залп.

Воины Хидэёси несли потери, и это было видно с другого берега. Сперва они не сбавляли шага, но затем их маршевые порядки дрогнули.

– Какими безумцами надо быть, чтобы атаковать нас столь малыми силами?

Хидэёси был потрясен. На его лице появилось удивленное выражение. Он придержал коня.

Военачальники, скакавшие рядом с ним, и все, кто оказался поблизости, поднесли руки козырьком ко лбу, вглядываясь в противоположный берег, но никто не смог назвать князю имя безумца.

– Чтобы решиться напасть на нас такой ничтожной горсткой воинов, надо обладать истинной отвагой. Кто-нибудь узнаёт этого военачальника?

Хидэёси несколько раз задавал этот вопрос.

Вот кто-то спереди закричал:

– Я знаю его!

Это произнес Инаба Иттэцу, комендант крепости Сонэ в провинции Мино. Достигнув весьма почтенного возраста, он тем не менее считал себя обязанным принять участие в боях на стороне Хидэёси и служил главнокомандующему западного войска проводником с самого начала войны.

– Это ты, Иттэцу? Значит, ты узнал вражеского вождя на другом берегу?

– Судя по рогам на шлеме и белой нити, которой прошиты его доспехи, я готов поклясться, что это правая рука Иэясу – Хонда Хэйхатино. Я знал его еще в битве при Анэ, много лет назад.

Услышав это, Хидэёси расчувствовался:

– Какой смельчак! С отрядом в пятьсот человек напасть на двадцатитысячное войско! Если это Хонда, то он должен быть тверд, как скала. И как замечательно, что он, жертвуя жизнью, хочет помочь своему князю избежать разгрома и, может быть, даже спастись, – пробормотал он. И добавил: – Мне жаль этого человека. Я запрещаю стрелять в него из ружей и луков, независимо от того, с какой яростью он будет нападать. Если между нами существует хоть какая-нибудь небесная связь, я однажды увижу его среди своих приверженцев. Такой человек заслуживает восхищения. Не стреляйте, пусть ведет себя, как вздумается.

На протяжении речи три цепи стрелков на противоположном берегу продолжали вести непрерывный огонь по воинам западного войска. Несколько пуль просвистело совсем рядом с Хидэёси. Как раз в эту минуту всадник в шлеме с оленьими рогами – Хонда – подъехал к берегу, спешил и ополоснул морду коня речной водой.

Отделенный от него узкой полоской реки, Хидэёси смотрел на отважного врага, а тот в свою очередь пристально вглядывался в группу вражеских военачальников, одним из которых был Хидэёси. Военачальники в это мгновение осадили своих коней.

Стрелки Хидэёси начали ответный огонь, но главнокомандующий еще раз остерег свое войско:

– Не стрелять! Не обращать внимания! Просто идти вперед! Как можно быстрее идти вперед! – Крикнув это, он прищпорил коня.

Когда Хонда понял, что задумал противник, он закричал:

– Не давайте им продвигаться!

Сам Хонда помчался вперед еще быстрее. Несколько опередив противника, он еще раз обрушил на него мощный ружейный огонь, но Хидэёси, не принимая вызова, продолжил движение и вскоре занял позиции на холме, возвышающемся над долиной Нагакутэ.

Прибыв туда, куда он намеревался прибыть, Хидэёси отдал приказ трем подчиненным возглавить три легких конных полка и помчаться на перехват.

– Сделайте все, чтобы не пропустить войско Токугавы в крепость Обата.

На холме он поместил свою ставку, тогда как двадцатитысячное войско расположилось в долине под лучами вечернего солнца. Воины не собирались греться на солнышке, они спешили отомстить Иэясу за все, что случилось ранее.

Хидэёси назначил трех предводителей разведывательных дозоров, и отряды тайно

отправились к крепости Обата. Затем Хидэёси наметил боевую задачу всему войску. Но прежде чем военачальники взялись за исполнение приказа, в лагерь поступил срочный доклад.

– Иэясу покинул поле боя!

– Не может быть! – единодушно воскликнули все.

Хидэёси не проронил ни слова. Тем временем один за другим вернулись начальники трех конных полков, посланных на перехват вражеского войска.

– Иэясу вместе с войсками отошел в крепость Обата. Нам удалось настигнуть несколько разрозненных отрядов, опоздавших с отступлением, и уничтожить их, но основные силы противника опередили нас более чем на час, – доложили они.

Из трехсот воинов Токугавы, которых удалось уничтожить в ходе преследования, не было ни одного крупного военачальника.

– Мы опоздали!

Если бы Хидэёси вздумал скрывать свой гнев, его выдало бы побагровевшее лицо.

Донесения лазутчиков подтвердили услышанное: в крепости Обата заперты ворота, стоит тишина – верный признак, что Иэясу там хладнокровно торжествует сегодняшнюю победу, предоставив себе и своему войску отдых.

Как бы ни был разгневан Хидэёси, он не удержался, чтобы мысленно поздравить Иэясу с блистательной удачей.

– Иэясу! Он летит как на крыльях. Не расслабляется после одержанной победы, не ликует, а отступает в крепость и запирает ворота. Такую птичку не поймаете ни приманкой, ни силками. Но вы увидите, не пройдет и двух лет, как я научу Иэясу вести себя достойно и низко кланяться в моем присутствии.

На землю опустились сумерки. Ночной штурм крепости был бы, как решили после споров, не слишком удачен. Более того, войско пришло из Гакудэна одним броском и нуждалось в отдыхе, поэтому от боевых действий в ночное время решено было воздержаться. Только что поставленную задачу отменили. Воинам велели отдыхать. И вскоре дымки полевых кухонь поднялись в вечернее небо.

Скоро возвратились и разведчики, посланные Иэясу из крепости, чтобы выяснить, как развиваются события. Сам Иэясу уже лег, но, когда ему донесли об их возвращении, он приказал войску немедленно вернуться на боевые позиции на холме Комаки. Его сторонники со всей горячностью убеждали князя, что необходимо сделать ночную вылазку в лагерь Хидэёси. В ответ на уговоры князь Токугава только посмеивался. Он выехал к холму Комаки, намеренно избрав кружной путь.

Не имея другой возможности, Хидэёси развернул войско назад и вернулся в укрепленный лагерь в Гакудэне. Он не мог не признать, что поражение под Нагакутэ означало для него серьезный удар, хотя и было обусловлено чрезмерным рвением, проявленным Сёню. Нельзя было отрицать и того, что на этот раз сам Хидэёси замешкался с выступлением.

Произошло это не потому, что Хидэёси пришлось впервые в жизни встретиться с Иэясу на поле брани. Он знал Иэясу и успел изучить его задолго до того, как между ними разгорелась война. Скорее Хидэёси проявлял осмотрительность потому, что теперь столкнулись в решающей схватке два признанных мастера, два бесспорных претендента на первенство.

– Не обращайтесь внимания на маленькие крепости, которые попадутся на пути. Не надо тратить на них время. – Такой наказ Хидэёси дал заранее – и все-таки Сёню позволил войску крепости Ивасаки навязать себе бой и тем потерял решающие часы.

Исход предстоящей схватки зависел от полководческого дара, присущего обоим князьям. Когда Хидэёси узнал о поражении при Нагакутэ, он понял, что вопреки всему создалась благоприятная возможность. Гибель Сёню и Нагаёси будет наживкой, на которую удастся изловить Иэясу.

Но враг налетал, как пламя, и улетал, как ветер. После того, как он исчезал, все вокруг погружалось в молчание лесов. Когда Иэясу вернулся на холм Комаки, Хидэёси понял, что упустил испугнутого из норы кролика, однако он поспешил уверить себя, что несчастье невелико – не больше чем порезанный палец. Конечно, частное поражение не могло повлиять на боеспособность его войска. Единственное, с чем приходилось считаться, – был переход боевого духа и изобретательности на сторону Иэясу.

После ожесточенной битвы при Нагакутэ, затянувшейся на полдня, оба полководца были начеку и пристально следили за передвижениями вражеского войска. Каждый из них только и ждал часа, когда ему предоставится благоприятная возможность. Ни тот ни другой и на мгновение не задумывались о скоропалительной неподготовленной атаке. С обеих сторон не раз пускалась в ход разведка противника боем и дерзкие вылазки.

Когда на одиннадцатый день четвертого месяца Хидэёси велел своему насчитывающему шестьдесят две тысячи человек войску выступить на гору Комацудзи, в лагере на холме Комаки за происходящим следили с озабоченной, но вполне беззлобной усмешкой.

После этого, двадцать второго числа того же месяца, со стороны Иэясу была предпринята вылазка. Войско в восемнадцать тысяч человек, разбившись на шестнадцать полков, выступило из лагеря и двинулось на восток.

Под барабанный бой и громкие боевые кличи всего войска передовые части под предводительством Сакаи Тадацугу и Ии Хёбу бросили боевой вызов, словно говоря: «Хидэёси, выходи! Хватит прятаться!»

Палисад, окруженный рвом, защищали Хори Кютаро и Гамо Удзисато. Глядя на то, как нагло ведет себя враг, Кютаро скрежетал зубами.

После битвы при Нагакутэ из вражеского лагеря начали расходиться слухи, что войско Хидэёси боится вступить в бой с воинами клана Токугава. Хидэёси отдал однозначный приказ, запрещающий любые стычки с врагом, кроме тех, на которые получено его личное приказание или согласие, поэтому его приверженцам не оставалось ничего, кроме как посылать в ставку одного гонца за другим.

Когда прибыл очередной гонец, Хидэёси играл в го.

– Большое войско Токугавы угрожает нашим позициям у двойного рва! – доложил гонец.

Хидэёси, на мгновение оторвав взор от игральной доски и посмотрев на гонца, любопытствовал:

– Сам Иэясу с ними?

– Князя Иэясу там нет, – ответил гонец.

Хидэёси взял черную шашку, передвинул ее на другое место и сказал, не поднимая глаз от доски:

– Доложите мне, когда появится сам Иэясу. Пока он не станет во главе своего войска, вопрос о том, ввязываться в бой или нет, я оставляю на усмотрение Кютаро и Удзисато.

Как раз в это время на холме Комаки встретили уже второго гонца с одним и тем же призывом к Иэясу.

«Самое время для того, чтобы войско возглавили лично вы. Если вы решитесь, мы, вне всякого сомнения, сумеем нанести смертельный удар по главным силам войскам Хидэёси».

Иэясу ответил на это:

– Разве сам Хидэёси сделал свой ход? Если он не сдвинулся с места на горе Комацудзи, то и мне не имеет смысла выступать.

В конце концов Иэясу остался на холме Комаки.

За это время Хидэёси уделил особое внимание тому, чтобы наградить отличившихся в сражении под Нагакутэ и наказать провинившихся. С особенным тщанием отнесся он к вопросу об увеличении жалованья и о наградах лучшим из воинов, однако не сказал ни единого слова своему племяннику Хидэцугу, хотя тот, после того, как спасся бегством с поля боя, откровенно побаивался гнева главнокомандующего и явно тушевался в его присутствии. По возвращении в лагерь он немногословно доложил о своем прибытии и попытался объяснить причины понесенного поражения. Но Хидэёси, не обращая внимания и даже не глядя в его сторону, подчеркнуто говорил только с другими присутствующими за столом.

– Я сам виноват в гибели Сёню, я послал его на верную смерть, – сказал Хидэёси. – С юных дней мы все с ним делили – и нищету, и сакэ, и женщин. Никогда не прощу себе его смерти и никогда о нем не забуду.

Каждый раз, когда в его присутствии речь заходила о Сёню и его судьбе, на глаза Хидэёси набегали слезы.

Однажды, никого не оповестив о своих планах, Хидэёси распорядился начать возведение укреплений в окрестностях Оуры. Через два дня, в последний день четвертого месяца, он поведал о своем замысле подробнее:

– Завтра я хочу начать главное сражение в моей жизни. Посмотрим, кому суждено будет пасть в этом бою, – Хидэёси или Иэясу. Хорошенько выпитесь, подготовьтесь к бою и, главное, не дайте противнику застигнуть себя врасплох.

На следующий день – первого числа пятого месяца – должна была состояться решающая битва. Войско Хидэёси готовилось к ней с прошлого вечера. И вот перед ними предстал полководец. Его слова повергли присутствующих в полное недоумение.

– Мы возвращаемся в Осаку! Уходим всем войском! – Не успели люди прийти в себя, как последовали дальнейшие распоряжения. – Корпуса под командованием Куроды Камбэя и Акаси Ёсиро должны вступить во взаимодействие с войском у двойного рва. Командовать замыкающими отрядами будут Хосокава Тадаоки и Гамо Удзисато.

Шестидесятитысячное войско выступило в поход. Двигаясь на запад, оно своим отступлением в точности вторило ходу солнца по небу. Хори Кютаро был оставлен в Гакудэне, а Като Мицуюсу – в крепости Инуяма. За исключением этих двух полков все войско переправилось через реку Кисо и вошло в провинцию Оура.

Внезапное отступление по приказу главнокомандующего заставило военачальников гадать

о подлинных причинах такого решения. Хидээси, отдав приказ, держался непринужденным образом. Дело заключалось в том, что отступление столь многочисленного войска осуществить еще труднее, чем наступление. Самая трудная задача выпадала воинам замыкающих отрядов и командовать этим войском поручали самым смелым и опытным.

Когда наутро в ставке Иэясу увидели, что войско Хидээси внезапно выступило на запад, всех охватили сомнения, и приверженцы поспешили с докладом к князю.

На словах у них не оставалось сомнений насчет того, что происходит.

– Все ясно. Мы сломали волю врага к сопротивлению.

– Если мы воспользуемся возможностью и начнем преследование, то наверняка удастся сокрушить западное войско, перебив их до последнего человека, и победа будет за нами. Великая победа!

Каждый из военачальников восторженно говорил о немедленной атаке на отступающего противника и просил разрешить ему возглавить это начинание, но Иэясу, в отличие от них, ничуть не выглядел обрадованным. И он строго воспретил преследовать противника.

Он понимал, что такой полководец, как Хидээси, не отвел бы большого и сильного войска, не имейся у него на то серьезная причина. Он осознавал также, что, хотя у него хватало людей для успешного ведения оборонительных действий, противостоять Хидээси в решающем сражении на открытой местности его войско было не в силах.

– Искусство войны – не азартная игра. Имеем ли мы право рискнуть, поставить свою жизнь на кон в ходе одной-единственной схватки, не имея представления о том, как она может закончиться? Срывать плод следует тогда, когда сама судьба благословляет вас протянуть к нему руку.

Иэясу терпеть не мог рисковать. К тому же он превосходно знал собственную натуру. В этом отношении полной противоположностью Иэясу был князь Нобуо. Нобуо постоянно пребывал в заблуждении, будто его собственные способности и слава в стране ничем не уступают славе и способностям его отца, князя Нобунаги. Поэтому ему не сиделось на месте, хотя остальные внешне безропотно приняли решение Иэясу об отказе от преследования.

– Говорят, воину надлежит брать то, что само идет в руки. Как можем мы празднично сидеть здесь, наблюдая, как уплывает от нас возможность, дарованная Небесами? Пожалуйста, позвольте мне возглавить войско преследования, – произнес Нобуо с немалой настойчивостью.

Иэясу сумел несколькими словами осадить его, но в Нобуо на этот раз словно злой дух вселился. В споре с Иэясу он вел себя, как разобиженный ребенок, не желающий слушать старшего.

– Что ж, тут ничего не поделаешь.

Иэясу разрешил ему возглавить преследование, прекрасно понимая: ни к чему хорошему это не приведет. Нобуо немедленно собрал свое личное войско и погнался за войском Хидээси.

После отбытия Нобуо Иэясу послал вслед за ним еще один отряд во главе с Хондой. Как и предвидел Иэясу, стоило войску Нобуо нагнать отряд противника, как тот развернулся, перестроился и, преодолев первоначальную сумятицу, быстро разгромил воинов Нобуо. Неразумный князь оказался повинен в гибели большого числа своих приверженцев.

Сам Нобуо мог бы стать легкой – и желанной – добычей для Хидээси, не подоспей к нему на помощь отряд Хонды. Отступив на холм Комаки, Нобуо не рискнул показаться Иэясу на глаза. Но Хонда в подробностях рассказал главнокомандующему обо всем, что произошло. Иэясу ничем не выдал собственных чувств, ограничившись кивком и бесстрастным высказыванием: «Этого следовало ожидать».

Отступление Хидээси менее всего походило на беспорядочное бегство. Проезжая по дороге,

он обратился к соратникам со следующими словами:

– Не взять ли нам что-нибудь на память?

Крепость Каганой высилась на левом берегу реки Кисо к северо-востоку от крепости Киёсу. Двое из приверженцев Нобуо засели в ней, готовясь в случае крайней надобности развернуть отсюда одно из крыльев войска.

– Взять эту крепость, – приказал Хидэёси столь же равнодушно, как, махнув рукой, показал бы на сочный персик на ветке.

Войско переправилось через реку Кисо и заняло позиции в окрестностях храма Сэйтоку. Возглавив запасное войско, Хидэёси начал атаку утром четвертого числа. Время от времени он садился на коня и мчался на холм в окрестностях Тонды, чтобы оттуда следить за ходом сражения.

На следующий день в бою пал комендант крепости. Сама крепость продержалась еще два дня и пала только вечером шестого числа.

В тот же день Хидэёси возвел укрепления в местности Таки и дошел до Огаки тринадцатого числа. В крепости Огаки он встретился с уцелевшими членами семьи Сёню и утешил жену и мать павшего в бою друга.

– Представляю, как вам сейчас одиноко. Не забывайте, какое лучезарное будущее открывается перед вашими детьми. Вам следует прожить остаток дней в покое и радости, любуясь ростом молодых деревьев и вешним цветением в саду.

Хидэёси призвал к себе сыновей Сёню и сказал, что надеется на их мужество и силу. Этим вечером он словно превратился в одного из членов семейства и посвятил долгие часы воспоминаниям.

– Я коротышка, Сёню тоже был коротышкой. А когда коротышке хочется распотешить других, он, особенно если крепко выпьет, пляшет перед ними танец с копьем. Не думаю, чтобы он когда-нибудь плясал перед женою и сыновьями, но если плясал, то делал это примерно так.

И он самым потешным образом изобразил пляшущего Сёню, заставив опечаленных родственников рассмеяться против их собственной воли. Хидэёси остался в крепости на несколько дней, но в конце концов, двадцать первого числа, выступил на Осаку по дороге Оми.

Осака превратилась в большой город, разительно отличаясь от некогда крошечного порта на реке Нанива. Когда Хидэёси во главе войска прибыл сюда, люди высыпали на улицы и заполонили окрестности. Ликование не затихало до поздней ночи.

Внешние работы по возведению крепости Осака были уже завершены. Когда наступила ночь, здесь разыгралась сцена словно бы из другого мира. В бесчисленных окнах зажгли яркие лампы. Пятиэтажная башня главной цитадели, равно как и башни второй и третьей цитаделей, украшала собою небо и заливала светом окрестности во все четыре стороны, на востоке – реку Ямато, на севере – реку Ёдо, на западе – реку Ёкобори, а на юге – глубокий, но пока не заполненный водою ров.

Хидэёси покинул ставку в Гакудэне, потому что переменял первоначальный план, решив пойти по пути «начни все сначала»... Как отнесся Иэясу к такой перемене? Он следил за отступлением западного войска, не пошевелив и пальцем. Хотя он и узнал об ожесточенном сражении в крепости Каганой, подкреплений туда не прислал.

– Что происходит? – раздавались недоумевающие и негодующие голоса приверженцев Нобуо.

Сам Нобуо роптать уже не смел. Однажды послушавшись Иэясу, он напал на войска Хидэёси, потерпел поражение и вернулся в лагерь только благодаря тому, что на выручку пришел Хонда. Нобуо понял отныне, что у него нет права на какие бы то ни было возражения.

Так или иначе, разногласия ослабляли восточное войско. Не следовало забывать, что вся

война вспыхнула по воле не столько Иэясу, сколько Нобуо. Он напоминал Иэясу о союзническом долге, и властитель Микавы начал войну, чтобы помочь ему. Иэясу оставался в этой войне всего лишь союзником ее зачинщика – тем трудней ему было управлять поведением последнего. В конце концов Иэясу заявил:

– Раз уж Хидээси прибыл в Осаку, раньше или позже он выступит походом на провинцию Исэ. Тревожные признаки таких намерений уже налицо. Мне кажется, вам нужно как можно скорее вернуться в вашу собственную крепость Нагасима.

Сочтя это предложение удобным поводом, Нобуо поспешил вернуться в провинцию Исэ. Иэясу еще какое-то время оставался на холме Комаки, но в конце концов покинул эту позицию и отправился в Киёсу, оставив вместо себя Сакаи Тадацугу. Жители Киёсу высыпали на улицы, чтобы приветствовать князя, вернувшегося с победой, но оказалось их куда меньше, чем жителей Осаки, которые приветствовали Хидээси.

И мирные жители, и самураи считали сражение при Нагакутэ великой победой клана Токугава, но Иэясу предостерег приверженцев и подданных против чрезмерной гордыни и разослал своим войскам назидание:

«С военной точки зрения битва при Нагакутэ закончилась нашей победой, но что касается земель и стоящих на них крепостей, преимущество в итоге получил Хидээси. Поэтому не позволяйте радости лишить вас разума: повода для нее нет».

За время противостояния на холме Комаки сторонникам Хидээси удалось захватить в провинции Исэ, где вообще не велось боевых действий, крепости Минэ, Камбэ, Кокуфу и Хамада, а также взять и разрушить крепость Нанокати. Прежде чем кто-нибудь успел догадаться об этом, большая часть провинции Исэ перешла под власть Хидээси.

Хидээси провел в крепости Осака около месяца, занимаясь делами ее управления, составляя и проводя в жизнь планы по переустройству окрестностей новой столицы и вкушая радости личной жизни. Он вел себя так, словно противостояние на холме Комаки и связанные с ним события его совершенно не касались.

В седьмом месяце он ненадолго съездил в провинцию Мино. Затем, примерно в середине восьмого месяца, неожиданно сказал:

– Скучно возиться со всем этим так долго. Поздней осенью необходимо покончить с этой историей раз и навсегда.

И вновь он объявил о выступлении на войну огромного войска. За два дня до начала похода в глубине главной крепости загремел барабан и запела флейта – это давали представление актеры театра Но. Время от времени слышались взрывы смеха.

Пригласив в крепость актеров театра Но, Хидээси позвал на представление мать, жену и всех родственников. Ему хотелось повеселиться как следует.

Среди гостей были и три княжны, которых воспитывали в уединении. Тяте в этом году исполнилось семнадцать лет, средней сестре – тринадцать, младшей – вот-вот должно было исполниться одиннадцать.

Всего год назад, в день, когда пала крепость Китаносё, девочки с ужасом взирали на то, как она горит – и вместе с нею в дыму погибают их приемный отец Сибата Кацуиэ и их родная мать. Их перевезли сперва в лагерь, потом – сюда, и повсюду их окружали только незнакомые люди. Какое-то время глаза у них не просыхали от слез, улыбка ни разу не вспыхивала на прежде веселых и беззаботных личиках. Но три княжны в конце концов привыкли жить среди обитателей крепости и, освоившись с простым обращением, присущим Хидээси, полюбили его и начали называть «нашим забавным дядюшкой».

В этот вечер после нескольких сцен, разыгранных актерами, «забавный дядюшка» прошел в закрытое помещение, переоделся там и сам вышел на подмости.

– Поглядите, это дядюшка! – воскликнула одна из сестер.

– Да! Как забавно он выглядит!

Не обращая внимания на остальных, две младшие княжны расхохотались, указывая на него пальцами, и захлопали в ладоши. Как и следовало ожидать, Тятя, старшая из сестер, поспешила одернуть их:

– Не надо указывать пальцами. Сидите спокойно и следите за представлением.

Она решила показать сестрам пример, но Хидэёси вытворял такие смешные штуки, что в конце концов ей пришлось, прикрыв лицо рукавом, рассмеяться. Тут ей никакого удержу не было.

– Что такое? Кто засмеется, того накажут! А ты как раз рассмеялась!

Младшие сестры принялись потешаться над старшей, а та смеялась все пуще и пуще.

Время от времени не могла удержаться от смешка и мать Хидэёси, наблюдая за потешной пляской сына, и только Нэнэ, привыкшая к шуткам и проказам мужа в тесном семейном кругу, не выказывала никаких признаков веселости.

У Нэнэ было на уме другое: она решила хорошенько разглядеть наложниц мужа, восседавших здесь и там в сопровождении собственных служанок.

Живя в Нагахаме, Хидэёси позволял себе держать только двух наложниц; когда же они переехали в Осаку, Нэнэ сразу донесли, что и во второй крепости, и в третьей появилось по наложнице.

Трудно поверить, но после победного возвращения из похода на север Хидэёси привез в крепость трех осиротевших дочерей Асаи Нагамасы и, как любящий отец, воспитывал их.

Это обижало женщин, прислуживавших Нэнэ, которая как-никак доводилась Хидэёси законной супругой, и обижало в особенности потому, что старшая из сестер, Тятя, превосходила красотой свою покойную мать.

– Княжне Тяте уже семнадцать лет. Почему его светлость смотрит на нее такими глазами, словно любит изысканным цветком в вазе?

Замечания вроде этого только подливали масла в огонь, но Нэнэ отвечала на все деланным смехом.

– Тут ничего не поделаешь. Это как царапина на жемчужине – у каждого человека есть свой изъян. Таков мой Хидэёси – он охоч до женщин.

Когда-то в былые годы она сама давала волю ревности, как поступила бы на ее месте любая другая, и даже написала из Нагахамы жалобу Нобунаге на неподобающее поведение мужа, и князь Ода направил ей ответное послание:

«Ты родилась женщиной, и тебе посчастливилось встретиться с выдающимся человеком. Я понимаю, что у такого человека могут быть недостатки, но куда большими и многочисленными достоинствами он обладает. Когда, взойдя на большую гору до середины, ты смотришь вверх, тебе не дано постичь ее подлинную высоту. Поэтому успокойся и живи с этим человеком на тех условиях, которые его устраивают. Живи и радуйся. Я не хочу сказать, что ревность – вредное чувство. Напротив, иногда ревность привносит в супружескую жизнь более глубокие чувства».

Слова княжеского укора выпали на ее долю, а не на долю неверного мужа. Получив урок, Нэнэ решила впредь сохранять хладнокровие при любых обстоятельствах и научилась смотреть сквозь пальцы на любовные связи мужа. Однако в последнее время у нее вновь появились

опасения: ей стало казаться, будто Хидэёси позволяет себе слишком много.

В любом случае следовало считаться с тем, что ему исполнилось сорок семь лет, а мужчина в этом возрасте испытывает особенную жажду жизни. Поэтому, наряду с огромным количеством внешних дел, вроде противостояния на холме Комаки, он занимался и внутренними – причем такими сокровенными, как обустройство собственной спальни и забота о ее обитательницах. Так он и жил изо дня в день, будучи не в силах ничем насытиться, жил полноценной жизнью мужчины в расцвете сил – да так, что посторонний наблюдатель поневоле удивлялся, каким образом Хидэёси удается отделить главное от второстепенного, величественный жест – от интимного, подчеркнуто прилюдные действия – от тех, которые надлежало совершать под покровом тайны.

– Смотреть на пляску забавно, но когда я сам выхожу на подмости, мне вовсе не весело. Если честно, это трудное дело.

Хидэёси направился к матери и жене. Только что он под шумное одобрение присутствующих сошел со сцены и, казалось, был опьянен вдохновением и восторгом танца.

– Нэнэ, – сказал он, – давай проведем нынешний вечер у тебя в комнате. Не приготовишь ли ты угощение?

По окончании представления зажгли яркие лампы и гости принялись расходиться.

Хидэёси появился в покоях Нэнэ. Его сопровождало множество актеров и музыкантов. Мать удалилась к себе, так что супруги остались вдвоем.

Нэнэ всегда хорошо относилась к гостям и их слугам, да и к собственным слугам тоже. После нынешнего веселого представления она была особенно любезна с ними, благодарила всех, потчевала сакэ, пропускала мимо ушей некоторые – порой весьма дерзкие – шутки.

Поскольку Нэнэ полностью посвятила себя гостям, Хидэёси, предоставленный самому себе, сидел в полном одиночестве и наконец немного заскучал.

– Нэнэ, пожалуй, я бы тоже выпил чашечку, – сказал он.

– Ты уверен, что это пойдет тебе на пользу?

– Ты полагаешь, будто я капли в рот не возьму? Для чего же тогда, по-твоему, я пришел к тебе в покои?

– Но твоя матушка сказала: «Послезавтра этот парень вновь отправляется на холм Комаки». Она наказала прижечь тебе моксой голени и бедра перед выступлением в поход.

– Что? Она велела сделать прижигание моксой?

– Она считает, что в начале осени бывает довольно жарко. Если ты в разгар сражения попьешь тамошней нечистой воды, то непременно заболеешь. Так что давай я исполню повеление матушки, а после этого угощу сакэ.

– Это просто смешно. Мне это ни к чему!

– Хочешь или нет, придется подчиниться. Так наказала твоя матушка.

– Да хотя бы из-за этого я немедленно уйду! Во время сегодняшнего представления ты одна не смеялась. Я следил с подмостков: все смеялись, а ты – нет.

– Да, уж такой у меня характер. Даже если бы ты приказал мне вести себя как эти маленькие красотки, я бы все равно не смогла.

Судя по всему, Нэнэ рассердилась. На глаза ей навернулись слезы. Она вспомнила о днях, когда ей было столько лет, сколько теперь Тяте, а Хидэёси было двадцать пять. Он увивался за нею, и звали его тогда Токитиро.

Хидэёси с удивлением посмотрел на жену:

– Почему ты плачешь?

– Не знаю.

Нэнэ отвернулась, но Хидэёси все равно исхитрился заглянуть ей в глаза.

– Не хочешь ли сказать, что почувствуешь себя покинутой, когда я снова поеду на войну?
– Ты бы посчитал, сколько дней провел дома за все время с тех пор, как мы поженились.
– Ничего не поделаешь. Пока в стране не настанут мир и покой, мне придется воевать. Хотя я этого терпеть не могу, – возразил Хидэёси. – Если бы не произошло внезапного несчастья с князем Нобунагой, меня бы назначили комендантом какой-нибудь отдаленной крепости, и я проторчал бы там всю оставшуюся жизнь – зато рядом с тобой, как тебе и хочется.

– Ты вечно говоришь всякие гадости. А я умею читать в мужском сердце, поверь мне!
– Да и я неплохо разбираюсь в женщинах.
– Ты вечно надо мной смеешься. Я ведь не ревную тебя, как поступила бы на моем месте любая другая.

– Так каждая жена о себе рассуждает.
– Ты можешь хоть раз выслушать меня, не сводя все к шуткам?
– Изволь. Я выслушаю тебя со всей серьезностью.
– Я давным-давно смирилась с тем, как протекает моя жизнь. Так что не стоит напоминать тебе, что в твое отсутствие я ведаю всеми делами в крепости.

– Ты доблестная женщина и добродетельная супруга! Поэтому-то давным-давно некий молодой болван по имени Токитиро и приметил тебя.

– Не заходи в своих шутках чересчур далеко! Об этом говорила со мной твоя матушка.
– И что она сказала?

– Сказала, что я слишком безропотно отношусь к твоим частым уходам и редким возвращениям. Сказала, что мне время от времени нужно говорить с тобой о чувствах, нужно тебя воспитывать.

– А для начала – делать прижигания? – расхохотался Хидэёси.
– Она тревожится, а тебе это безразлично. Ты стал настолько самоуверен, что пренебрегаешь даже сыновним долгом.

– В чем это выражается?
– Разве не ты поднял шум в комнате госпожи Сандзё прямо здесь, наверху, позапрошлой ночью? И оставался у нее до зари?

Придворные и актеры, потягивая сакэ в соседнем помещении, делали вид, будто не прислушиваются к случайной – впрочем, увы, далеко не редкой – ссоре между супругами. Как раз в это мгновение Хидэёси повысил голос:

– Эй, люди! Поглядите, какую замечательную сценку мы с женой для вас разыгрываем!
Один из актеров откликнулся:

– Воистину так. Это напоминает игру в мяч между двумя слепцами.
– И пес бы не сумел укунить больше, – рассмеялся Хидэёси.
– Давайте! Интересно, за кем останется победа.
– А ты, флейтист? Тебе тоже нравится представление?
– Да, я слежу за вами затаив дыхание. Как будто речь идет о моей собственной жизни и смерти. Кто прав, кто виноват? Удар! Еще удар! И вновь удар! И вновь ответный!

Внезапно Хидэёси сорвал с Нэнэ верхнее кимоно и принялся победно размахивать им, как добычей.

На следующий день матери и жене Хидэёси не удалось увидеть его даже мельком, хотя все члены семьи собрались в одной крепости. Весь день Хидэёси провел в делах, раздавая распоряжения приверженцам и военачальникам.

Двадцать шестого числа восьмого месяца Иэясу получил срочное донесение о наступлении, начатом Хидэёси. Иэясу поспешил из Киёсу в Ивакуру, взяв с собой Нобуо. Он спешно

развернул боевые порядки, способные противостоять войску Хидэёси. Иэясу вновь решил прибегнуть к оборонительной стратегии, строго-настрого запретив своим людям поддаваться на вражеские вылазки, а тем более затевать собственные.

– Этот человек не знает слова «достаточно».

Хидэёси осознал, сколь трудно вести войну против человека, наделенного таким терпением и выдержкой, как Иэясу, но ему самому было не занимать подобных качеств. Он знал: если хочешь съесть устрицу, не имеет смысла разбивать раковину. Лучше поддержать край раковины на огне, и она откроется без труда. В нынешних действиях он руководствовался только здравым смыслом. Отправка в качестве посла мира Нивы Нагахидэ была равнозначна поднесению раковины к огню.

Нива был старейшим из приверженцев клана Ода, его любили и уважали повсюду. Теперь, после гибели Сибаты Кацуиэ и утраты былой известности Такигавы Кадзумасу, Хидэёси стремился во что бы то ни стало склонить на свою сторону этого честного и добросердечного человека, рассчитывая двинуть его в игру, как запасную фигуру, перед началом нового противостояния на холме Комаки.

В северной войне Нива бился на стороне Инутиё, но двое приближенных к нему военачальников – Канамори Кинго и Хатия Ёритака – выступали на стороне Хидэёси. Прежде чем слухи об этом разошлись по стране, двое бывших врагов предприняли несколько поездок между лагерями Хидэёси и своей родной провинцией Этидзэн.

Даже сами посланцы не знали содержания писем, которые они доставляли, но в конце концов Нива тайно побывал в Киёсу и повидался с Иэясу.

Переговоры прошли в обстановке глубочайшей секретности. Со стороны Хидэёси единственными людьми, посвященными в дело, были Нива и двое его соратников. По предложению Хидэёси на роль посредника был избран Исикава Кадзумаса.

Из лагеря Токугавы просочился слух о начале тайных мирных переговоров. Этот слух привел в замешательство воинов клана, занявших боевые позиции на холме Комаки.

Подобные слухи всегда сопровождаются язвительными добавлениями тех, кто их распускает. На этот раз в центре внимания оказалось имя, и без того вызывавшее раздражение и подозрительность у членов клана, – имя Исикавы Кадзумасы.

– Утверждают, будто посредником на переговорах избран Кадзумаса. Что ни говори, а у него с Хидэёси были совместные темные связи.

Кое-кто осмеливался завести речь об этом с самим Иэясу, но он резко отвергал любые подозрения по поводу Кадзумасы и всецело доверял ему.

Но раз такие разговоры начались и вспыхнули подозрения, то неизбежно на убыль пошел боевой дух, присущий клану.

Иэясу, разумеется, ничего не имел против переговоров о мире, но, увидев, в какой разброд пришло войско, он внезапно прервал все беседы с посланцем Нивы.

– Я не ищу мира с Хидэёси, – сказал он. – Какие бы условия он ни предлагал, я ему все равно не верю. Нам предстоит решающее сражение, и я отсеку голову Хидэёси, дав понять стране, на чьей стороне власть и право.

Когда об отказе от мирных переговоров стало известно самураям клана Токугава, они приободрились, и все слухи насчет Кадзумасы как ветром сдуло.

– Хидэёси начинает наступление!

Восстановив боевой дух, воины Иэясу прониклись куда большей решимостью и отвагой, чем прежде.

Хидэёси пришлось испытать горькую чашу унижения, хотя срыв переговоров был ему, в сущности, выгоден. И на этот раз он не начал решительных боевых действий, предпочтя вместо

этого занять важные опорные крепости. К середине девятого месяца он снова отвел войско с боевых позиций и вернулся в крепость Огаки.

Сколько раз довелось жителям Осаки наблюдать, как Хидэеси выступает во главе войска, а затем, так и не дав боя, возвращается, бесцельно перемещаясь между своей крепостью и провинцией Мино?

Настало двадцатое число десятого месяца – стояла поздняя осень. Войско Хидэеси, обычно шедшее через Осаку, Ёдо и Киото, на этот раз внезапно свернуло у Сакамото, прошло через Когу в провинции Ига и направилось в Исэ, сойдя таким образом с дороги Мино и выбрав ту, что вела в Овари.

Одно срочное донесение за другим прибывало из второстепенных крепостей, принадлежащих Нобуо, и от его лазутчиков в провинции Исэ. Выглядело это так, словно разом в десятке мест прорвало запруды и мутные воды могучей реки затопили долину.

– Хидэеси наступает на нас главным войском!

– Да, это не разрозненные отряды под началом одного человека, которые мы здесь видели прежде!

Двадцать третьего числа войско Хидэеси встало лагерем в Ханэцу и воздвигло укрепления в окрестностях Навабу.

Поскольку Хидэеси подошел вплотную к главной крепости, Нобуо утратил хладнокровие. Около месяца многие приметы предрекали, что вот-вот грянет буря. Добавляло масла в огонь и то, что миссия Исикавы Кадзумасы, коей должно было быть глубочайшей тайной для рядовых сторонников клана Токугава, загадочным образом выплыла наружу (никто так и не узнал, как это случилось) и широко обсуждалась в войске.

Согласно последним слухам, в руководстве клана Токугава не стало прежнего единства. Ряд приближенных Иэясу ненавидел Исикаву Кадзумасу и ждал часа, чтобы погубить его.

Поговаривали и о том, что ведутся переговоры с Хидэеси, что Иэясу стремится заключить мир поскорее, пока противнику не стало известно о разногласиях в правящей верхушке клана. Внезапный отказ от переговоров объясняли тем, что условия, выдвинутые Хидэеси, оказались слишком жесткими.

Нобуо был этим в величайшей степени обеспокоен. И впрямь: какая судьба ожидала его, если бы Хидэеси с Иэясу сумели договориться?

– Если войско Хидэеси внезапно изменит путь и пойдет по дороге Исэ, вам, мой господин, придется смириться с тем, что между Хидэеси и Иэясу существует тайное соглашение, по которому вы и весь клан принесены в жертву.

И вот, во исполнение самых страшных ночных кошмаров Нобуо, войско Хидэеси пожаловало к нему в провинцию. Самому Нобуо не оставалось ничего, кроме как известить о случившемся Иэясу и попросить помощи.

В отсутствие Иэясу его замещал в крепости Киёсу сам Сакаи Тадацугу. Получив срочное послание от Нобуо, Тадацугу немедленно послал гонца к Иэясу. А князь Токугава в тот же день, собрав войско, выступил в сторону Киёсу и отправил свежие части под командованием Тадацугу в Кувану.

Кувана являла собой уязвимое место провинции Нагасима. Нобуо привел сюда своих воинов, готовясь к противостоянию с Хидэеси, который избрал ставкой деревню Навабу.

Навабу стоит на берегу реки Матия, на расстоянии примерно в один ри к юго-западу от Куваны. Здесь близко друг от друга располагались устья рек Кисо и Иби, так что лучшего места, чтобы угрожать ставке Нобуо, было просто не найти.

Стояла поздняя осень. В густых тростниках, растущих в здешних местах, прятались несколько сот тысяч воинов, и дым разведенных ими костров висел в небе над реками густой

пеленой и днем и ночью. Приказ о начале сражения все еще не был отдан. Праздные воины кое-где даже рыбачили. Стоило легковооруженному Хидэёси затеять осмотр войск и внезапно выехать на берег, переполошившиеся воины бросали удочки и разбегались куда глаза глядят. Замечая их, Хидэёси только улыбался.

Не будь нынешние обстоятельства настолько судьбоносны, он и сам с удовольствием порыбачил бы и походил по сырой земле босиком. В душе он во многих отношениях оставался ребенком, и подобное зрелище наводило его на радостные воспоминания о детстве.

За рекой лежала родная провинция Овари. Под осенним солнцем запах родимых мест волновал и тревожил.

Томида Томонобу и Цуда Нобукацу вернулись из важной поездки и с нетерпением дожидались приема у главнокомандующего.

Спешившись у въезда в деревню, Хидэёси пошел им навстречу непривычно быстрым шагом. Он лично отвел обоих в охраняемую укромную хижину под деревьями.

– Что ответил князь Нобуо? – спросил он.

Говорил он понизив голос. В глазах вспыхивали выдающие волнение искорки.

Первым начал Цуда:

– Князь Нобуо говорит, что ему понятны ваши чувства и что он дает свое согласие на встречу.

– Он согласен?

– Мало сказать – согласился. Чрезвычайно обрадовался.

– Вот как? – Хидэёси набрал полные легкие воздуха и шумно выдохнул. – Вот как?

Намерения Хидэёси в ходе нынешнего наступления по дороге Исэ с самого начала были весьма рискованны. Он надеялся разрешить вопрос дипломатически, но был готов, при необходимости, нанести удар по Куване, Нагасиме и Киёсу. После у него появилась бы возможность атаковать вражеские позиции на холме Комаки с тыла.

Цуда состоял в родстве с кланом Ода и доводился троюродным братом самому Нобуо, которому он и объяснил все преимущества и недостатки сложившегося положения вещей и от которого ему в конце концов удалось добиться ответа.

– Я не таков, чтобы воевать из любви к войне, – заявил Нобуо. – Если Хидэёси впрямь такого высокого мнения обо мне и предлагает мирные переговоры, я не стану уклоняться от встречи.

С начала противостояния на холме Комаки Хидэёси понял, что справиться с Иэясу будет трудно. Поэтому он решил поиграть на струнах человеческой души и найти взаимопонимание с ближайшими приверженцами из стана грозного врага.

В ближнем кругу клана Токугава подозрения по поводу Исикавы Кадзумасы были вызваны тайным влиянием Хидэёси. Так что, когда в игру вошел Нива Нагахидэ, приверженцы Нобуо, поддерживавшие связь с Кадзумасой, были клеймены как миротворцы. Нобуо сам толком не знал, что на уме у Иэясу, и беспокоился по этому поводу, а в клане Токугава настороженно следили за поведением войска Нобуо. Весь этот разброд был вызван тайными действиями из далекой Осаки.

Во всех своих действиях Хидэёси неизменно руководствовался одним и тем же соображением, согласно которому любые жертвы, на которые приходится идти ради достижения мира, предпочтительней жертв, более многочисленных, которыми непременно обернется война. Более того, перебрав и использовав все возможности – прямое противостояние Иэясу на холме Комаки, хитроумное ведение боевых действий и даже опасный поход, – Хидэёси понял, что война против Иэясу не сулит ничего хорошего, и решил попытаться уладить спорный вопрос по-иному.

Во исполнение замысла на следующий день ему предстояла встреча с Нобуо.

Хидээси поднялся ранним утром и, поглядев на небо, пробормотал:

– Что ж, небо благоприпятствует...

Накануне небо внушало Хидээси изрядные опасения – по нему быстро летели темные осенние тучи, и Хидээси боялся, что, сославшись на ненастную погоду, Нобуо захочет перенести встречу или изменить ее место, и тогда обо всем станет известно в клане Токугава. Ложась спать, Хидээси был озабочен возможностью того, что события примут неблагоприятный оборот, но наутро тучи ушли, небо сияло синевой, в это время года непривычной. Хидээси счел это добрым предзнаменованием и, пожелав себе удачи, сел на коня и выехал в Навабу.

В его свиту сейчас входили лишь несколько старших соратников клана, оруженосцы и двое прежних посланцев – Томита и Цуда. Правда, за рекой Матия Хидээси принял дополнительные меры предосторожности, приказав небольшому отряду воинов укрыться в прибрежном тростнике и в соседних деревнях. Проезжая мимо постов, выставленных накануне с вечера, Хидээси, словно не замечая их, непринужденно беседовал со спутниками. Прибыв на берег реки Яда на западной окраине Куваны, он спешил.

– Следует ли нам именно здесь дожидаться появления князя Нобуо? – спросил он и, усевшись, принялся любоваться окрестностями.

Не заставив себя долго ждать, появился Нобуо в сопровождении нескольких конных приверженцев. Нобуо, должно быть, еще на скаку заметил ожидающих его на берегу людей и, не сводя глаз с Хидээси, принялся совещаться со своими сопровождающими. Он остановился и спешил на изрядном расстоянии от того места, где сидел Хидээси, и явно был насторожен.

Воины молодого князя выстроились в две колонны. Сам Нобуо двинулся в сторону Хидээси, идя между ними. Блеск его доспехов призван был свидетельствовать о мужестве и могуществе.

Хидээси! Не его ли Нобуо до вчерашнего дня именовал выродком, извергом и погубителем страны? Не его ли считал заклятым врагом, бесчисленным преступлениям которого счет вели и сам Нобуо, и князь Иэясу? Даже дав согласие на встречу с Хидээси на заранее оговоренных условиях, Нобуо чувствовал себя неуверенно. Откуда ему было знать, что у Хидээси на уме?

Увидев, что Нобуо с достоинством застыл на некотором расстоянии от него, Хидээси поднялся с походного стула и, никем не сопровождаемый, поспешил навстречу сыну Нобунаги.

– Князь Нобуо!

Хидээси изумленно всплеснул руками, словно встреча с Нобуо оказалась для него неожиданной.

Нобуо чуть было не попятился, а грозные воины с копьями и мечами, окружающие его с обеих сторон, застыли от изумления.

Но не только этому предстояло им удивиться. Хидээси опустил на колени у ног Нобуо, затем простерся ниц, едва не коснувшись теменем его соломенных сандалий.

Затем, взяв потрясенного Нобуо за руку, он произнес:

– Мой господин, за весь год не было и дня, на протяжении которого я бы не мечтал о встрече с вами. Не могу выразить, как я рад тому, что вы пребываете в добром здравии. Какой злой дух вселился в нас, мой господин, заставив пойти войной друг на друга? С нынешнего дня я, как и прежде, считаю вас своим господином.

– Хидээси, пожалуйста, поднимитесь. Ваше раскаяние лишает меня дара речи. Но вина лежит на нас обоих. Первым делом извольте встать.

Нобуо протянул Хидээси руку, и тот с благодарностью принял ее.

Встреча противников на одиннадцатый день одиннадцатого месяца прошла гладко, мирные переговоры завершились полным успехом. Нечего и говорить о том, что более достойно со

стороны Нобуо было бы заблаговременно известить Иэясу о переговорах и, уж во всяком случае, не подписывать мирного договора, не согласовав этот шаг с вождем клана Токугава. Но молодой князь упивался внезапно предоставившейся ему возможностью избежать безнадежной войны, и мир был подписан безо всяких оговорок.

Простая истина заключалась в том, что Хидэёси удалось перетянуть на свою сторону грозного с виду простака, которого до тех пор с успехом использовал в политической и военной игре Иэясу. Нобуо и на этот раз одурачили.

Можно только догадываться о том, к каким ухищрениям и соблазнительным речам прибег Хидэёси, чтобы завоевать расположение Нобуо. Не следует забывать, что за долгие годы служения отцу Нобуо, князю Нобунаге, Хидэёси редко навлекал на себя его гнев, и нет ничего удивительного в том, что он сумел ублажить простоватого сына. Хотя условия заключенного мира никак нельзя было назвать ни легкими, ни заманчивыми.

Хидэёси удочеряет дочь Нобуо.

Четыре округа, захваченные Хидэёси в северной части провинции Исэ, возвращаются под власть Нобуо.

Нобуо присылает Хидэёси в заложники женщин и детей своего клана.

Три округа в провинции Ига, семь округов в южной части провинции Исэ, крепость Инуяма в провинции Овари и крепость Кавада передаются Хидэёси.

Все оборонительные сооружения, воздвигнутые обеими сторонами в провинциях Исэ и Овари, подлежат немедленному уничтожению.

Нобуо скрепил договор своей печатью. Хидэёси вручил ему по этому случаю дары – двадцать слитков золота и драгоценный меч работы Фудо Куниюки, а также тридцать пять мешков риса в качестве трофеев от провинции Исэ.

Хидэёси склонился перед Нобуо и выказал ему свое почтение, осыпав его дарами в подтверждение доброй воли. Нобуо, растерявшись, только улыбался с польщенным видом. Разумеется, Нобуо и подумать не мог, во что выльется для него выбранное им при встрече с Хидэёси поведение. В такие времена, как тогдашнее, когда человека ждали в ходе резкой смены событий то возвышение, то падение, последний из оставшихся в живых сыновей Нобунаги вел себя непростительно и выглядел глупцом. Конечно, его не в чем было бы упрекнуть, оставайся он на обочине и держась в тени. Но он устремился в самую середину, где свет всего ярче, он стал игрушкой в чужих руках, стал причиной войны и в конечном счете заставил множество воинов погибнуть под его знаменами.

Человеком, которого более других поразили последние события, оказался Иэясу, перебравшийся из Окадзаки в Киёсу, чтобы начать боевые действия против Хидэёси. Известие о происшедшем он получил наутро двенадцатого числа.

К нему в крепость внезапно примчался Сакаи Тадацугу, проехавший, нахлестывая коня, за ночь расстояние от самой Куваны.

Такое поведение Тадацугу нельзя было назвать обычным. Как правило, командиры передовых частей не покидают их и не являются в ставку, не известив заранее о своем приезде. Более того, Тадацугу был шестидесятилетним стариком. Почему человек преклонного возраста пустился в опасный путь в сопровождении лишь нескольких приверженцев?

Дело было утром. Иэясу, поднявшись, сразу же направился в зал приемов. Войдя, он спросил:

– В чем дело, Тадацугу?

– Князь Нобуо вчера встретился с Хидэёси. Идут разговоры о том, что они заключили мир, не посоветовавшись с вами, мой господин.

Тадацугу, увидев, как напряглось лицо Иэясу, почувствовал, что у него самого задрожали губы. Ему было трудно скрыть чувства, хотелось кричать, объявив всему свету, что Нобуо – круглый дурак. То же самое подумал о злосчастном сыне Нобунаги и Иэясу. Следовало ли ему разгневаться или расхохотаться? Он ничем не выдал подлинных чувств, какие бы бури ни бушевали у него в душе.

Иэясу показалось, словно у него закружилась голова или его оглушили. Внешне это не проявилось никак. Двое полководцев посидели какое-то время молча. Наконец Иэясу несколько раз подряд моргнул, затем потер мочку уха и похлопал себя по щеке. Он был озадачен. Его полное тело слегка покачивалось из стороны в сторону, левая рука упала на колено.

– Тадацугу, ты не мог ошибиться? – спросил он в конце концов.

– Я бы не поспешил к вам, не имея на то серьезных оснований. Позже придут донесения, в которых все расписано до мелочей.

– Сам князь Нобуо об этом не заикается?

– Согласно нашим сведениям, он покинул Нагасиму, переехал через Кувану и остановился в Ядагаваре. Я подумал, что это всего лишь поездка для осмотра укреплений и боевых позиций. Когда он вернулся в крепость, мы ни сном ни духом не ведали, каковы его истинные намерения.

В прибывших в тот же день донесениях сообщения о мире подтверждались, но от Нобуо по-прежнему не поступало ни слова. И все же правда о происшедшем скоро стала известна всем самураям из клана Токугава. Повсюду, где они встречались, речь сразу же заходила об этом, раздавались негодующие голоса и недоуменные возгласы. Мало кто мог поверить в измену со стороны Нобуо. Собравшись в Киёсу, они обвиняли Нобуо в вероломстве и размышляли, как сохранить достоинство клана в глазах народа после того, как над ними жестоко посмеялись.

– Если это правда, то ему не жить, князь он или кто, – заявил разъяренный Хонда.

– Сперва нам следует извлечь князя Нобуо из Нагасимы и самым тщательным образом расследовать злодеяние, – согласился Ии. Глаза его бешено сверкали. – А после сойтись в решительной схватке с войском Хидэёси!

– Согласен!

– Разве не из-за самого князя Нобуо началась война?

– Мы настояли на выполнении союзнического долга и поднялись на битву только потому, что князь Нобуо прибыл сюда, клянча помощи у князя Иэясу и утверждая, будто наследники Нобунаги гибнут один за другим от козней Хидэёси. Знамя справедливости – воплощение правосудия – на нашей стороне, а главный жалобщик и обиженный переметнулся на другую! Глупость этого человека неопишима.

– Нынешнее положение таит серьезную угрозу достоинству его светлости князя Иэясу. Что касается нас самих, то мы превратились во всеобщее посмешище. Не следует забывать и об оскорблении, нанесенном душам наших соратников, павших на холме Комаки и под Нагакутэ.

– Их гибель стала бессмысленной и горькой, но не нам предаваться мучительным и запоздалым терзаниям. Однако что же предпримет наш господин?

– Утро он провел у себя в покоях. Созвал к себе старших советников клана, но, похоже, за день переговоров они так и не пришли к окончательному решению.

– Может быть, нам стоит довести наше мнение до их сведения?

– Прекрасная мысль! Но кого послать на совет?

Воины переглянулись.

– Как насчет вас, Ии? И вам, Хонда, лучше пойти вместе с ним.

Двое военачальников уже намеревались покинуть собравшихся и испросить приема у князя, когда прибыл гонец, доставивший неожиданное известие.

– Вести от князя Нобуо!

– Гонцы из Нагасимы!

Услыхав о новостях, воины почувствовали новый прилив ярости.

Когда гонцов ввели в большой зал, где восседали воины, стало ясно, что их надо, не выслушивая, направить прямо к Иэясу. Подбадривая друг друга тем, что теперь им станет известна воля князя, воины решили дожидаться итогов встречи.

Посланцами Нобуо были его дядя, Ода Нобутэру, а также Икома Хатиэмон. Как можно было догадаться, эти двое ждали встречи с Иэясу с немалым страхом, не говоря о том, что им предстояло попытаться объяснить поведение князя Нобуо. Дожидаясь Иэясу в зале, они трепетали и выказывали признаки величайшего смятения.

Иэясу не заставил себя долго ждать. Он предстал перед послами в сопровождении юного оруженосца, в кимоно, без доспехов, и пребывал в превосходном настроении.

Усевшись на подушки, он заявил:

– Мне известно, что князь Нобуо заключил мир с Хидэёси!

Двое посланцев простерлись ниц перед князем, не смея поднять голову. Это был их единственный ответ.

Набравшись духу, Нобутэру сказал:

– Внезапные переговоры о мире с князем Хидэёси стали неожиданностью и прискорбным событием для вашего клана, и мы можем лишь самым почтительным образом отнестись к столь легко предсказуемому строю ваших нынешних чувств, но истина в том, что его светлость, глубоко вникнув в создавшееся положение вещей...

– Все ясно, – перебил Иэясу. – Я не нуждаюсь в пространных объяснениях.

– Подробности полностью изложены в письме, так что, если вы сообразовали прочесть...

– Я займусь этим позже.

– Единственное, что тревожит сейчас нашего господина, – то, что вы, возможно, станете гневаться, узнав о мире, – сказал Хатиэмон.

– Ладно. Ему не о чем беспокоиться. С самого начала эти враждебные действия ничуть не содействовали моим истинным намерениям и планам.

– Мы понимаем это.

– Раз так, то, осмелюсь надеяться, князь Нобуо неизменно пребывает в добром здравии.

– Его светлость с великой радостью узнает о вашем заботливом отношении к нему.

– В соседних покоях для вас приготовлено угощение. То, что эта война завершилась так быстро, – величайшая радость для всех. Хорошенько подкрепитесь перед отбытием.

Сказав это, Иэясу удалился во внутренние покои. Послов из Нагасимы щедро угостили, но они лишь притронулись к еде и поспешили отбыть восвояси.

Услышав об этом, приверженцы Иэясу впали в ярость.

– Должно быть, его светлость задумал нечто более глубокое. Иначе с чего бы ему было принять с таким спокойствием чудовищный союз между Нобуо и Хидэёси?

В это время Ии и Хонда явились в зал совета, чтобы передать старшим советникам клана мнение младших.

– Писца ко мне! – позвал Иэясу.

После встречи с посланцами Нобуо он вернулся в личные покои и некоторое время просидел молча. Затем опять вернулся к делам.

Писец принес с собой прибор и дождался дальнейших распоряжений.

– Мне угодно отправить поздравительные послания князю Нобуо и князю Хидэёси.

Диктуя письма, Иэясу выглядел задумчивым и часто закрывал глаза. Прежде чем произнести чеканные фразы, которым предстояло попасть в текст, ему надо было совладать с мыслями, которые напоминали потоки расплавленного железа.

Когда оба письма были закончены, Иэясу распорядился призвать Исикаву Кадзумасу.

Писец положил оба завершенных послания перед Иэясу, почтительно поклонился и удалился. В дверях он столкнулся со слугой, который, войдя, зажег две лампы.

Солнце уже закатилось. Взглянув на зажженные лампы, Иэясу вскользь подумал, что нынешний день выдался коротким. И еще подумал, не по этой ли причине – вопреки всем трудам – он испытывает тяжкое ощущение пустоты в сердце.

Словно издалека до него донесся шум раздвигаемых ширм.

Кадзумаса, одетый, как и князь, в простое платье, почтительно склонился в дверном проеме. Почти никто из приверженцев клана до сих пор не снял боевые доспехи. Тем не менее Кадзумаса переоделся в кимоно перед тем, как войти к Иэясу.

– Это ты, Кадзумаса! Не стой там, подойди поближе!

Иэясу был, пожалуй, единственным в крепости, кто внешне не переменялся после ставших известными событий. Однако, когда Кадзумаса приблизился к князю, ему бросилось в глаза, насколько беззащитным тот кажется.

– Кадзумаса, хочу отправить тебя завтра посланцем в ставку князя Хидэёси и в лагерь князя Нобуо в Куване.

– Повинуюсь, мой господин.

– Поздравительные письма я уже приготовил.

– Поздравления по случаю заключения мирного договора?

– Совершенно верно.

– Мне кажется, мой господин, я догадываюсь, что у вас на уме. Вы не хотите показывать разочарования, но рассчитываете, что, столкнувшись с подобным великодушием, князь Нобуо почувствует себя неловко.

– О чем ты говоришь, Кадзумаса? Я был бы последним трусом, если бы рассчитывал поставить князя Нобуо в неловкое положение, а заявление о продолжении боевых действий во исполнение союзнического долга выглядело бы в нынешних условиях несколько странно. Истинный это мир или мнимый – в обоих случаях у меня нет причины высказывать малейшее недовольство. Тебе следует объяснить князьям, что я искренне рад тому повороту, который приняли события, что все это соответствует моим желаниям, что я ликую вместе со всем народом.

Кадзумаса кое-что понимал в характере князя и догадался о подлинном смысле полученных указаний. Самому Кадзумасе предстояло справиться с еще одной – относящейся только к нему – напастью. Остальные приверженцы клана относились к Кадзумасе с предубеждением, утверждая, будто между ним и Хидэёси существует тайная связь. Год назад, после победы, одержанной Хидэёси под Янагасэ, именно Кадзумасу направили к нему посланцем от Иэясу.

В те дни Хидэёси был в превосходном настроении. Он пригласил многих князей на чайную церемонию в еще не завершенную крепость Осака.

С тех пор всегда, когда представлялся случай общения с людьми из клана Токугава, Хидэёси в первую очередь ждал новостей от Кадзумасы и неизменно осведомлялся о его добром здравии у людей, поддерживавших дружеские связи с кланом Токугава.

Поэтому самураи Токугавы считали Кадзумасу любимчиком Хидэёси. В ходе противостояния на холме Комаки и позднее, когда мирные переговоры предпринял Нива, настороженные взоры приверженцев Иэясу были устремлены в сторону Кадзумасы независимо от того, какой оборот принимали события.

Как и следовало ожидать, Иэясу не придавал этим слухам и пересудам никакого значения.

– Что такое? Почему такой шум?

Взбудораженные голоса из главного зала доносились через несколько помещений туда, где

сидели Иэясу с Кадзумасой. Похоже, разъяренные внезапным заключением мира войны гневались по другому поводу – потому, что Кадзумаса был призван к Иэясу раньше них. Подобное отношение казалось им удивительным.

Ии и Хонда, избранные представлять от имени всех, и кое-кто из их соратников со всех сторон приступили к Тадацугу.

– Разве вам не было поручено вести передовой отряд? Разве не должны были вы оставаться в крепости Кувана? Разве не совершили вы непростительную ошибку, не узнав заблаговременно, что князь Нобуо и Хидэёси должны встретиться в Ядагаваре? Как насчет того, что гонцы врага, не встретив никаких препятствий, прибыли прямо в крепость Кувана? И с какой стати вы, узнав о заключении незаконного мирного договора, поспешили сюда явиться?

Оскорбления так и сыпались на Тадацугу. Люди будто забыли, что в этой истории им противостоял Хидэёси – человек, который никогда ничего не делает несвоевременно. Для Тадацугу одно это было достаточным оправданием собственной промашки. Но, столкнувшись со всеобщим возмущением и гневом, старый военачальник не мог не признать весомости предъявляемых упреков и, понуриив голову, просил прощения.

Ни Хонда, ни Ии не собирались мучить испытанного воина. Им хотелось таким образом довести до князя недовольство заключением мира и побудить его не присоединяться к договору. Им хотелось сообщить миру, что воины клана Токугава не имеют отношения к позорному миру, подписанному Нобуо.

– Вы поддержите наше мнение перед князем? Вы, наш уважаемый старейшина?

– Нет, я не могу терять лицо, – возразил Тадацугу.

Хонда продолжал настаивать:

– Никто из нас не снял боевых доспехов. Мы готовы вступить в схватку. Повседневные приличия недействительны в условиях военного времени.

– У нас и так нет времени, – добавил Ии. – Мы страшимся, что произойдет непоправимое, прежде чем князь успеет поговорить с нами. Если вы не желаете быть нашим посредником, тут ничем не поможешь. Тогда нам следует искать встречи с князем, обратившись к нему прямо через личных слуг. Нам следует отправиться к нему в личные покои.

– Нет! Сейчас он совещается с господином Кадзумасой. Не подобает отвлекать его от дела.

– Опять Кадзумаса?

То, что Кадзумаса принят князем в такое судьбоносное время, только подлило масла в огонь. Воины встревожились и разгневались еще сильнее. С того времени, когда возникло противостояние на холме Комаки, они были уверены, что Кадзумаса ведет двойную игру. А когда Нива Нагахидэ начал переговоры о мире, первым оказался вовлечен в затею все тот же Кадзумаса. Они подозревали также его участие и влияние во множестве других тайных происков последних лет.

Когда всеобщее негодование вылилось в громогласные восклицания и выкрики, этот шум достиг ушей Иэясу, хоть его покои и находились на порядочном расстоянии от общего зала. К приверженцам помчался что было духу юный оруженосец.

– Вас призывает его светлость! – объявил он.

Охваченные изумлением, воины переглянулись. Упрямое и решительное выражение лиц Ии и Хонды говорило: именно это им сейчас и нужно. Призвав с собой Сакаи Тадацугу и остальных, они устремились в зал приемов.

Покои Иэясу заполнились самураями при оружии и в доспехах.

Присутствующие глаз не сводили с князя. Рядом с ним восседал Кадзумаса. Сакаи Тадацугу сел третьим, следом расположился весь цвет клана Токугава.

Иэясу начал говорить, но, вдруг указав на дальние места для младших соратников,

произнес:

– Мне кажется, вы сидите слишком далеко. Мой голос не громок, так что извольте подойти поближе.

Люди сели плотнее, а те, кто до сих пор сидел в удалении, встали у Иэясу за спиной. Князь начал речь:

– Вчера князь Нобуо заключил мир с Хидэёси. Завтра я намереваюсь разослать грамоту с извещением об этом всему клану, но, насколько я понимаю, вы обо всем знаете и испытываете замешательство. Пожалуйста, простите за вынужденную задержку, я не собираюсь ничего от вас утаивать.

Воины понурились.

– Я совершил ошибку, собрав войско в ответ на просьбу князя Нобуо. Моя вина и в том, что так много славных самураев пали смертью храбрых в сражениях на холме Комаки и при Нагакутэ. Еще раз хочу подчеркнуть: в том, что князь Нобуо втайне ото всех ударил по рукам с Хидэёси, чем навлек на себя ваш справедливый гнев и оскорбил ваше достоинство, виноват не только он, но и я – мне не хватило предусмотрительности и мудрости. Вы доказали свою верность и отвагу, и мне, как вашему князю, не остается ничего другого, кроме как самым низжайшим образом просить прощения за происшедшее. Простите меня, прошу вас.

Все сидели понутив головы. Никто не осмеливался поднять глаза на Иэясу. Дрожь не подобающих воинам рыданий волной прокатывалась по рядам от одного к другому.

– Нам ничего не остается, необходимо смириться с происшедшим. Наберитесь терпения – и мы дождемся более удачных дней.

С тех пор как все расселись по местам, Ии и Хонда не проронили ни слова. Достав платки, оба военачальника утирали слезы.

– Можно принимать случившееся и как благословение, ниспосланное Небесами. Война закончена, завтра я возвращаюсь в Окадзаки, и вам предстоит разъехаться по домам и повидаться с женами и детьми. – Произнося эти слова, сам Иэясу был близок к тому, чтобы прослезиться.

На следующий, тринадцатый день месяца, Иэясу вместе с большей частью войска клана Токугава покинул крепость Киёсу и возвратился в Окадзаки в провинции Микава. Наутро того же дня Исикава Кадзумаса в сопровождении Сакаи Тадуцугу выехал в Кувану. После встречи с Нобуо посланцы проследовали к Хидэёси в Навабу. Передав поздравления со стороны Иэясу, Кадзумаса вручил также письменное послание и сразу же отбыл. После его ухода Хидэёси переглянулся со своими приближенными.

– Вы только поглядите, – сказал он. – Как это похоже на Иэясу! Никто другой не был бы в состоянии выдержать подобный удар с таким достоинством, словно ненароком отхлебнул чересчур горячего чая.

Хидэёси выразился деликатно, потому что на самом деле он заставил Иэясу отхлебнуть расплавленного железа. Мысленно поставив себя на место Иэясу, он поневоле подумал, хватило ли бы у него силы воли и самообладания, чтобы, оказавшись в сходном положении, повести себя так же.

По мере того как шли дни, единственным человеком, которого радовало вновь сложившееся положение, оставался Нобуо. После встречи в Ядагаваре он стал послушной куклой в руках Хидэёси. О чем бы его ни спросили, он отвечал: «Интересно, что на сей счет думает князь Хидэёси?»

Во всех своих, даже самых ничтожных, делах Нобуо зависел от Хидэёси так же, как прежде от Иэясу.

Из-за этого он щепетильно отнесся к выполнению всех условий, предусмотренных в

недавно заключенном договоре, что вполне устраивало Хидэёси. Он отдал земли, отдал заложников, безропотно подписал и выполнил все дополнительные договоренности.

Теперь Хидэёси позволил себе немного расслабиться. Памятуя, что войску до начала следующего года надлежит оставаться в Навабу, он отправил гонцов с соответствующими приказами в Осаку и сделал необходимые распоряжения насчет зимовки в лагере.

Нечего и говорить, что главным источником хлопот и волнений для Хидэёси оставался Иэясу, а вовсе не Нобуо. Поскольку Хидэёси до сих пор не удалось устранить разногласия с Иэясу, он не мог считать, что повелевает и правит во всей стране, а следовательно, его желания оказались исполнены только наполовину. Как-то раз Хидэёси приехал в крепость Кувана и, переговорив с Нобуо о разных делах, решил осведомиться:

– Как вы в настоящее время себя чувствуете?

– Великолепно! Я убежден, это потому, что меня больше не тревожат мрачные мысли. Я восстановил силы, преодолел усталость от войны и чувствую, что совершенно спокоен.

Нобуо весело и непринужденно расхохотался, а Хидэёси в ответ несколько раз кивнул, словно забавляясь с ребенком, усевшимся ему на колени.

– Да, конечно. Я понимаю, как утомила вас эта бессмысленная война. Но, знаете ли, кое-что остается по-прежнему неясным.

– О чем вы, князь Хидэёси?

– Если просто оставить в покое князя Иэясу, от него можно ждать новых неприятностей.

– Вот как? Но ведь он прислал сюда посланца и принес свои поздравления.

– Разумеется. Он ни за что не решился бы воспротивиться вашей воле.

– Безусловно.

– Поэтому вам надлежит первому начать переговоры с ним. В душе князь Токугава Иэясу наверняка был бы рад заключить мир со мной, но если он первым начнет переговоры, то потеряет лицо. А поскольку никаких причин противостоять мне у него не осталось, он наверняка понимает, что попал в затруднительное положение. Так почему бы вам не прийти к нему на помощь?

Среди отпрысков высокопоставленных семейств всегда немало самонадеянных людей, что, возможно, объясняется их мнением, будто остальные живут только ради них. А уж мысль поступить к кому-нибудь на службу им и в голову не приходит. Но когда к нему обратились столь учтиво, как это сделал Хидэёси, даже Нобуо осознал, что в мире есть вещи более значительные, нежели его личная выгода.

Поэтому несколько дней спустя он предложил себя в качестве посредника на переговорах между Хидэёси и Иэясу. Ему следовало поступить так с самого начала, но подобная мысль не приходила ему в голову, пока на нее искусным образом не навел Хидэёси.

– Если он примет наши условия, мы простим ему вооруженное восстание, как обусловленное поддержкой вашей былой позиции.

Хидэёси держался победителем, однако ему хотелось, чтобы условия предлагаемого мира прозвучали из уст Нобуо.

В числе условий были и такие: Хидэёси усыновлял сына Иэясу, Огимару, а сыновья Хонды и Кадзумасы, Сэнтиё и Кацутиё, передавались Хидэёси в качестве заложников.

Никаких вещественных или земельных выгод, кроме уничтожения ранее воздвигнутых укреплений и перераспределения земель, согласованного с Нобуо, Хидэёси не искал.

– В глубине души я не чувствую себя вполне свободным от нелюбви к князю Иэясу, сразу этого не преодолеешь, но мне придется подавить эти чувства из уважения к вам. А раз уж вы взялись за дело, было бы преступно откладывать это надолго. Почему бы вам не отправить гонца в Окадзаки прямо сейчас?

Получив указания, Нобуо в тот же день послал двух старших соратников в Окадзаки.

Предложенные условия нельзя было назвать суровыми или унижительными, но, услышав о них, Иэясу призвал на помощь всю свою выдержку.

Хотя речь шла о том, что Огимару будет усыновлен, на деле его положение было равнозначно судьбе заложника. А отправка в Осаку заложниками сыновей двух старших соратников клана и вовсе была равносильна признанию собственного поражения. Хотя соратники были чрезвычайно взбудоражены, сам Иэясу сохранял хладнокровие: это означало, что спокойствию во всем Окадзаки ничего не грозит.

– Я принимаю предложенные условия, а также прошу вас взять остальное на себя, – сказал Иэясу посланцам.

Им пришлось несколько раз съездить туда и обратно. Затем, двадцать первого числа одиннадцатого месяца, Томита Томонобу и Цуда Нобукацу прибыли в Окадзаки на подписание мирного договора.

Двенадцатого числа двенадцатого месяца сына Иэясу отправили в Осаку. Вместе с ним отбыли сыновья Кадзумасы и Хонды. Самураи клана, провожая их, выстроились вдоль улиц и плакали, не скрывая слез. Вот как закончился их подвиг на холме Комаки – подвиг, который едва не повернул в другую сторону ход истории!

Нобуо прибыл в Окадзаки четырнадцатого, ближе к Новому году, и оставался до двадцать пятого. Иэясу не позволил по отношению к нему ни единого грубого или злого слова. На протяжении десяти дней он развлекал этого добросердечного и недалекого человека, судьба которого была уже для всех, кроме самого Нобуо, ясна, а затем проводил домой.

Одиннадцатый год Тэнсё подходил к концу. Провожая уходящий год, люди думали о нем разное, порой противоположное. Единственное, что они знали наверняка, – в мире произошли серьезные перемены. Прошло всего полтора года с тех пор, как на десятый год Тэнсё погиб Нобунага. Никто заранее не мог поверить, что перемены произойдут столь стремительно.

Неписанный титул вождя всего народа, всеобщую любовь и откровенное стремление к высоким целям, ранее присущие Нобунаге, отныне унаследовал Хидэёси. Кроме прочего, известное вольнодумство и вольнословие, свойственные Хидэёси, отвечали духу времени, способствуя многим значительным и необходимым переменам в управлении страной и в жизни общества.

Наблюдая за тем, как развиваются события, Иэясу не мог не упрекнуть себя в том, что некогда хотел встать поперек дороги свершавшемуся. Участь человека, решившего противостоять победной поступи времени, чаще всего бывает – и он прекрасно осознавал это – весьма незавидной. В основу присущего Иэясу мышления был положен следующий взгляд: следует различать ничтожество отдельно взятого человека и бесконечность времени и не противиться человеку, которому удалось – пусть и на мгновение – оседлать время. В ходе таких размышлений он шаг за шагом приближался к убеждениям, которых давно придерживался Хидэёси.

В любом случае человеком, встретившим Новый год на гребне успеха, оказался Хидэёси. Ему пошел сорок девятый год. Через год, к пятидесяти, он войдет в лучшую мужскую пору.

Нынешние празднества по числу гостей во много раз превзошли прошлогодние. Гости, разодевшись в лучшие наряды, заполняли крепость Осака, они привносили с собой дыхание грядущей весны.

Иэясу, разумеется, не прибыл на торжество. Его примеру последовал ряд провинциальных князей, по-прежнему видевших в нем своего предводителя. Более того, в стране оставались силы, которые и сейчас отрицали первенство Хидэёси и шушукались по углам, занимаясь то ли

военными приготовлениями, то ли пустыми разговорами. Эти люди тоже воздержались от прибытия на праздник в Осаку.

Хидэёси, приветствуя одного гостя за другим, втайне все это подмечал.

В начале второго месяца из провинции Исэ приехал в гости Нобуо. Он намеренно задержался с приездом: если бы он прибыл вместе с провинциальными князьями на празднование Нового года, как приглашал Хидэёси, он уронил бы тем самым княжеское достоинство. Таков был ход его рассуждений.

Не было ничего проще, чем удовлетворить тщеславие Нобуо. Вновь прибегнув к подобострастной учтивости, которую он выказал сыну Нобунаги в ходе встречи в Ядагаваре, Хидэёси приветствовал его от всей души. Сказанное Хидэёси на памятной встрече в Ядагаваре вовсе не было ложью. Так решил Нобуо. А когда в ходе беседы речь зашла об Иэясу, Нобуо принялся осуждать этого, по его словам, чересчур расчетливого человека, надеясь угодить Хидэёси. Но Хидэёси только кивал да помалкивал.

На второй день третьего месяца Нобуо вернулся в провинцию Исэ. Он был вне себя от счастья. Во время пребывания в Осаке его известили, что благодаря ходатайству Хидэёси император удостоил его придворным титулом. После этого Нобуо пять дней провел в Киото, со всех сторон выслушивая поздравления. Ему начало казаться, что солнце восходит только по мановению Хидэёси.

Новогодние торжества, присутствие множества провинциальных князей, а также чуть более поздний приезд в Осаку самого Нобуо не стали тайной для остававшегося у себя в Хамамацу Иэясу. Напротив, князю Токугаве доложили все подробности. Иэясу не оставалось ничего другого, кроме как следить со стороны, как лихо Хидэёси очаровывает Нобуо.

Летом того же года Хидэёси послал флот на юг и конницу на север, намереваясь путем последовательных и одновременных действий окончательно подчинить всю страну. В крепость Осака он вернулся в девятом месяце и сразу же приступил к государственным делам, включавшим отныне как вопрос внутреннего управления страной, так и внешнюю политику всего государства.

Время от времени он, бросая взгляд на горы, задумывался над тем, как высоко удалось взлететь ему самому, и в такие минуты искренне радовался, что первая половина его жизни прошла удачно. В наступающем году ему должно было исполниться пятьдесят – в этом возрасте мужчине подобает осмысливать прожитое и тщательно взвешивать каждый следующий шаг.

Но поскольку он был земным человеком и в куда большей степени, чем большинство людей, испытывал слабость к плотским утехам, ночами он вспоминал былых возлюбленных и ласкал новых, печалась лишь о том, что когда-нибудь этому придет конец.

«Пошла осенняя пора моей жизни. Заканчивается сорок девятый год. Осталось несколько месяцев».

Сравнивая свою жизнь с восхождением на гору, он чувствовал, что смотрит вниз, стоя совсем неподалеку от вершины.

Считается, что достижение вершины – цель восхождения. Но истинною целью – отрадой для живущих – является не вершина, а разнообразные трудности, преодолеваемые по пути. По дороге встречаются доли, скалы, потоки, ущелья и склоны. Тропа неизменно крута, и порой кажется, что дальнейшее восхождение невозможно, что умереть лучше, чем продолжать подъем. Но затем начинаешь воспринимать трудности и испытания, ждущие впереди, с великой радостью, а когда оглядываешься назад и видишь, сколько препятствий удалось преодолеть, ощущаешь истинную радость бытия, заключающуюся в продвижении вперед по дороге жизни.

Как скучна была бы человеческая жизнь без постоянных опасностей и беспрестанных схваток! Как скоро пресытился бы ею человек, иди он медленно и спокойно по ровной и пологой дороге! В конце концов, жизнь человека состоит из вечно сменяющих друг друга, набегающих одно на другое испытаний и сражений, и подлинное счастье посещает нас вовсе не на коротких привалах. Так Хидэёси, выросший в исключительно трудных условиях, размышлял в зрелые годы посередине своего пути.

В десятом месяце четырнадцатого года Тэнсё Хидэёси и Иэясу встретились в крепости Осака и заключили исторический мирный договор. Так и не побежденный на поле брани, Иэясу тем не менее смирился с политическим первенством Хидэёси. Двумя годами ранее Иэясу послал своего сына заложником в Осаку, а сейчас он взял себе в жены сестру Хидэёси. Терпеливый Иэясу решил все же дожидаться своего часа: как знать, может быть, когда-нибудь птица удачи споет свою песню и ему?

Задав великий пир по случаю заключения мира со своим наиболее грозным соперником, Хидэёси затем удалился во внутренние покои цитадели, где вместе со своими испытанными приверженцами осушил не одну чашечку сакэ в знак одержанной победы.

Несколько часов спустя он, шатаясь, поднялся со своего места и пожелал присутствующим спокойной ночи. Медленно и враскачку побрел он по залу – коротышка с обезьяньим лицом – в сопровождении фрейлин, почти затерявшийся среди шуршащих многоцветных шелков их многослойных кимоно. Женский смех разносился по длинным раззолоченным коридорам, пока вели в постель тщедушного человека, который был верховным правителем великой Японии.

За двенадцать оставшихся ему лет Хидэёси сумел укрепить свое владычество над страной, окончательно сломив власть самурайских кланов. Его щедрое покровительство наукам и искусствам, равно как и другим проявлениям красоты, привело к возникновению того феномена, который до сих пор называют японским Возрождением. Император удостоил его высших придворных титулов: сперва – кампаку, потом – тайко. Но властолюбивые помыслы Хидэёси не ограничивались японскими островами – мечты вели его в те края, о которых он грезил еще ребенком, – в страну Мин, которой правили китайские императоры. Но войскам всемогущего тайко не довелось покорить Китай. Человек, никогда не сомневавшийся в том, что он способен обратить себе на пользу любое нанесенное ему поражение, в том, что он может превратить заклятого врага в верного друга, в том, что он заставит безголосую птицу запеть – причем именно ту песню, которую он пожелает, – этот человек в конце концов вынужден был уступить силе более могущественной и властителю более терпеливому. Но он оставил после себя наследство, и по сей день напоминающее о Золотом Веке.